

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

3 (33)

Июль—Август—Сентябрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА—МАГНИТОГОРСК—НОВОСИБИРСК
2011

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, член-корр. РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаиров*, д.п.н. *О. В. Гневэк*,
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.п.н. *З. М. Уметбаев*, д.филол.н. *С. Г. Шулержкова*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board:

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

Международный симпозиум
«Лексикография и фразеография в контексте славистики»
Магнитогорск, 18–20 ноября 2011 г.

Международный комитет славистов
Магнитогорский государственный университет
Санкт-Петербургский государственный университет

Редакционная коллегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» приняла решение опубликовать в данном номере статьи более 170 участников международного симпозиума, учёных из восьми стран мира: Болгарии, Германии, Казахстана, России, Сербии, Украины, Хорватии и Эстонии.

При разработке программы симпозиума организаторы исходили из того, что словари играют огромную роль в установлении культурных, политических и экономических контактов между народами многонациональной России и Европы, в укреплении славянского единства. Симпозиум был призван поддержать новые направления в словарном деле, познакомить научную общественность с результатами деятельности известных научных школ и новых, недавно заявивших о себе оригинальными проектами. Самой многочисленной, естественно, оказалась делегация из России: свои работы в области лексикографии и фразеографии представили филологи из 30 городов Российской Федерации – Астрахани, Балашова, Белгорода, Великого Новгорода, Владимира, Екатеринбурга, Иванова, Казани, Костромы, Краснодара, Кургана, Магнитогорска, Москвы, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Орла, Перми, Пскова, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Северодвинска, Смоленска, Сыктывкара, Тобольска, Тюмени, Челябинска, Череповца, Читы и Шадринска.

Научные статьи, основанные на докладах участников симпозиума, разбиты на десять разделов.

В I разделе «Теоретические проблемы славянской лексикографии и фразеографии» рассматриваются вопросы, связанные с отбором объектов описания в словарях различного типа (см., напр., работу «Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеографии» известного историка языка, автора популярных словарей, проф. Челябинского гос. пед. ун-та Л. А. Глинкиной; статью «Отфраземное словообразование и его отражение в современных словарях» проф. Тобольской соц.-пед. академии им. Д. И. Менделеева Е. Н. Ермаковой); с терминологическим аппаратом науки о словарях (см. статьи «Этимология и энциклопедика как аспекты лексикографии» проф. Тюменского гос. ун-та Н. К. Фролова и «Гипертекстовый тезаурус языка науки» доц. Сыктывкарского гос. ун-та С. Н. Лесникова); с принципами лингвистического описания языковых единиц в словарях и справочниках (см. работы «Многоаспектные лингвистические ис-

следования и лексикографическая практика (диахронный и синхронный аспекты) проф. Псковского гос. пед ун-та Л. Я. Костючук и «Полипарадигмальный подход при лексикографическом описании терминологии» доц. Омского гос. пед. ун-та Л. В. Поповой) и т. д.

Во II раздел вошли работы, посвящённые лингвокультурологическим аспектам лексикографии и фразеологии. Он открывается программной статьёй проф. Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова В. В. Красных «Возможные пути лексикографического описания единиц лингвокультуры». За нею следует эссе слависта из Болгарии проф. С. Георгиевой «Межкультурное взаимопонимание: к проблеме лексикографической обработки фразеологических инноваций». Читателя, несомненно, заинтересует лексикографическое описание концептов евразийской культуры, выполненное группой учёных из Казахстана, словарь устойчивых речевых формул как компонент культуры организации, охарактеризованный проф. Челябинского гос. ун-та Л. А. Шкатовой, и др. работы данного раздела.

Все статьи **III раздела** свидетельствуют об успешном развитии двух относительно новых направлений в отечественной лингвистике – паремиологии и крылатологии. Открывает раздел В. М. Мокиенко, председатель Фразеологической комиссии Международного комитета славистов, проф. Санкт-Петербургского гос. ун-та, задумавший вместе со своими учениками масштабный «Фразеологический словарь русских народных говоров». Историю крылатых единиц *гамбургский счёт* и *Кто опаздывает, того наказывает история* увлекательно излагает известный лексикограф и фразеолог, проф. Эрнст-Моритц-Арндт ун-та (Германия) Х. Вальтер. Проф. Ж. Финк из Хорватии (г. Загреб) на примере крылатого выражения (КВ) *Все мы вышли из гоголевской шинели* раскрывает тайны перехода КВ во фразеологизм. Прочие статьи данного раздела посвящены описанию в лингвистических справочниках авторских КВ, антипословиц, различного типа паремий.

Раздел IV открывается фундаментальной статьёй главы Челябинской фразеологической школы проф. А. М. Чепасовой, которая излагает теоретические основы современной фразеологии. Здесь же можно познакомиться с уникальным проектом аксиологического словаря славянской фразеологии, над которым работает проф. Казанского федерального ун-та Л. К. Байрамова; своим опытом составления фразеологических справочников делятся исследователи из разных городов России.

В V разделе собраны лексикографические и фразеологические исследования, выполненные в историческом, диахроническом и этимологическом аспектах. Читателей, несомненно, поразит охват источников, послуживших материалом для составления различных словарей: старославянские памятники X–XI вв. (проф. Владимирского гос. гуманитарного ун-та М. В. Пименова), древнерусские воинские повести XII–XVII вв. (доц. Магнитогорского гос. ун-та Л. А. Гараева), памятники письменности XVIII в. (доц. Московского гос. пед. ун-та В. М. Шетэля), тексты делопроизводства XVIII в. г. Тобольска (проф. Тобольской соц.-пед. академии им. Д. И. Менделеева М. С. Выхрыстюк) и др. Вряд ли останутся незамеченными история слова *меценат*, изложенная проф. Магнитогорского гос. ун-та Т. Е. Абрамзон, и судьба эротико-поэтических формул в торжественных одах 1741–1742 гг., описанная проф. того же ун-та А. В. Петровым.

VI раздел «Религиозный дискурс. Светские и конфессиональные подходы к созданию словарей и справочников библейской тематики» включает 11 статей, в которых учёные из России и Сербии решают актуальные проблемы взаимодействия светской и богословской науки в сфере лексикографии. Открывает раздел работа известного специалиста в данной области, главного научного сотрудника Ин-та языкознания РАН С. Е. Никитиной «О конфессиональных словарях и материале для их построения». За нею следует статья д-ра филос., д-ра филол. наук С. Л. Слободнюка ««...Возведённая в закон воля» и сакральная правовая реальность: слово и бытие» (Магнитогорский гос. ун-т). Далее помещены статьи, в которых поднимаются вопросы лингвистического описания фразеологизмов из области православной духовности (научные сотрудники Сербской Академии наук Н. Вулович и Р. Баич); православной метафорики как объекта лексикографирования (проф. Магнитогорского гос. ун-та Л. Н. Чурилина); фразеологизмов библейского происхождения как объекта современной фразеографии (проф. Российского ун-та Дружбы Народов К. Н. Дубровина, проф. Курганского гос. ун-та Е. Р. Ратушная); новых источников лексикографических и фразеографических трудов (духовные стихи, слова архимандрита Кирилла (Павлова), храмовые проповеди патриарха Кирилла и др.).

Когнитивным аспектам описания языковых единиц в словарях и справочниках посвящён **VII раздел**. Начинается он статьёй руководителя одной из российских школ когнитивной лингвистики, проф. Белгородского гос. ун-та Н. Ф. Алефиренко «Смысловое содержание идиомы как предмет фразеологической репрезентации». За нею следует статья канд. ист. наук Ю. Г. Кокориной (Российский ун-т Дружбы Народов), содержащая теоретические положения когнитивной терминологии, и статья доц. А. Л. Лось (Московский ин-т электронной техники), где предлагается авторское понимание когнитивного подхода к лексикографическому описанию слов. Прочие работы данного раздела содержат описание либо отдельных концептов («Мир», «Праздность», «Родина», «Россия», «Русь», «Интеллект»), либо совокупности концептов, объединённых каким-либо признаком (культурные концепты, концепты социальной сферы и пр.).

Сравнительно небольшой **раздел VIII** объединяет статьи, в которых обсуждаются проблемы лексикографирования / фразеографирования диалектного материала и языка русской субкультуры. Здесь представлены различные научные школы: Пермская (см. работу проф. Пермского гос. пед. ун-та И. А. Подюкова о промышленной речи Прикамья), Казахская (см. исследование зав. каф. русской филологии Кокшетауского гос. ун-та им. Ш. Уалиханова О. А. Анищенко о словаре регионального молодёжного социолекта), Южноуральская (см. статью доц. Челябинского гос. пед. ун-та О. Р. Семёновой о социальных пометах в диалектном словаре), Казанская (см. описание лексем русского жаргона наркоманов в «Словаре антиценностей» у преп. Казанского архитектурно-строительного ун-та Н. Ф. Хасановой). Думается, читатель обратит внимание на статью доц. Магнитогорского гос. ун-та Н. Р. Халитовой о знаменитом споре А. Солженицына и В. Шаламова по поводу написания в словарях слова *з/к*, *зэк* / *зек*, а также на эссе доц. того же ун-та Д. З. Сулеймановой о жаргоне современных школьников.

IX раздел «Двуязычные и учебные словари в сфере просвещения и образования» открывается статьёй известного специалиста в области истории лексикогра-

фирования, проф. Санкт-Петербургского гос. пед. ун-та В. Д. Черняк «Современная лексикография как инструмент формирования лингвистически компетентной личности». За нею следует новаторская работа проф. Киевского национального ун-та им. Т. Г. Шевченко Л. П. Дядечко «О пропедевтическом словаре лингвистической терминологии». В этом разделе можно познакомиться с очередной работой специалиста в области перевода художественных текстов, проф. Челябинского гос. пед. ун-та А. А. Горбачевского «Термины, определяющие качество поэтического перевода, как материал для специального словаря». Читатель сможет оценить предлагаемые проекты двуязычных словарей, отличающиеся друг от друга принципами интерпретации языкового материала (напр., учёт содержательного ядра многозначного слова – проф. Магнитогорского гос. ун-та С. А. Песина, диахронический аспект – доц. Уральского гос. пед. ун-та М. Л. Алексеева, комплексный объяснительный характер – старший научный сотрудник Отдела учебной лексикографии Гос. ин-та рус. яз. им. А. С. Пушкина Г. Ф. Богачёва и др.), отбором объектов описания (фразеологизмы, паремии, лексемы, интеръективы, библеизмы), а также учебно-методической направленностью (для изучающих русский язык как иностранный, для школьников, для студентов и пр.).

Х раздел свидетельствует о расцвете справочно-энциклопедического направления в современном литературоведении. Начинается он тремя теоретическими работами исследователей Магнитогорского гос. ун-та: «Типологическое и имманентное в характеристике героев Ф. М. Достоевского (к проблеме лексикографического описания)» (проф. А. П. Власкин), «О проекте “Антологии концептов”» (проф. А. А. Торшин, доц. Т. И. Васильева) и «Концепт в тексте и словаре писателя» (доц. С. Л. Андреева). Далее следуют описания художественных концептов русских прозаиков и поэтов: слова-образа «Тишина» в поэзии Е. А. Боратынского (доц. С. В. Рудакова), концепта «Любовь» в творчестве А. П. Чехова (доц. Т. Б. Зайцева), концепта «Детство» в раннем творчестве А. Битова (доц. В. В. Цуркан), концепта «Небо» в творчестве религиозных писателей (доц. Т. А. Таянова), концепта «Творчество» в малой прозе В. Распутина (проф. М. Л. Бедрикова) и др.

Завершается журнал разделом «Критика и библиография», куда вошли рецензии на словари, изданные в 2007–2011 гг. Авторы рецензий – известные учёные-слависты: проф. Санкт-Петербургского гос. ун-та, председатель Фразеологической комиссии Международного комитета славистов В. М. Мокиенко, проф. Челябинского гос. пед. ун-та А. М. Чепасова, проф. Киевского национального ун-та им. Т. Г. Шевченко Л. П. Дядечко, проф. Челябинского гос. пед. ун-та Г. А. Шиганова.

Председатель оргкомитета **С. Г. Шулежкова**,
доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и
истории языка Магнитогорского государственного университета

Подготовку к печати материалов международного симпозиума «Лексикография и фразеология в контексте славистики» осуществили сотрудники Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского гос. ун-та: сост. и гл. ред. проф. С. Г. Шулежкова; чл. редкол.: канд. филол. наук М. А. Коротенко, канд. филол. наук А. Н. Михин, канд. филол. наук Л. Н. Мишина. Техническую помощь оказали науч. сотр. лаборатории В. Ф. Хайдарова и асп. Д. А. Ходиченкова.

ФИЛОЛОГИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

© 2011

Л. А. Глинка

ЧАСТОТНОСТЬ КАК ЗНАЧИМЫЙ РЕГИСТР ЛЕКСИКОГРАФИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

Частотность как лексикографический параметр имеет большую прагматическую и научную значимость в синхронном и диахронном языковом описании. Употребительность слов учитывается при составлении словарей-минимумов, используемых при обучении иностранцев русскому языку. В сфере стилистики она является показателем идиостиля автора. Частотность как регистр исторической лексикографии позволяет судить о динамике русской лексики, формировании узусной нормативности в прошлом и о глубинных истоках современного словарного состава.

Ключевые слова: частотность, лексикография, лингводидактика, стилистика, нормализация.

Развитие вычислительной техники и статистики во второй половине XX в. коснулось и языкознания. Использование количественной (статистической) методики при изучении языковых и речевых объектов разного типа и разного уровня становится многоаспектным прикладным направлением в психолингвистике, социолингвистике, математической лингвистике, лексикографии при изучении текста и его языковых единиц, жанров, вариативности и т. д. «Поверив алгеброй» языковую «гармонию», структурно-вероятностный подход усиливает эффективность лингвистического анализа, делая его достоверным и убедительным. Особенно велика его значимость для исследования обширных массивов текстов при создании с помощью ЭВМ масштабных машинных языковых фондов и картотек. В разных сферах лингвистики количественные данные имеют разное назначение. В одних случаях они определяют точные цифровые критерии отбора материала для анализа по минимальному или максимальному употреблению языковых единиц, в других случаях берётся во внимание неопределённое множество в противоположность единичности. Целевая направленность обработки языкового материала не всегда требует указания на частотность единиц. Поэтому названный критерий необязателен в регистре многих типов словарей, но, получая эксплицитность, он становится определяющим и обычно входит в название лексикографического издания (см. библиографию). В зависимости от материала и его осмысления в целом частотность позволяет достоверно судить о степени нормативности явления, его значимости и выделении среди других однородных фактов, о повторяемости в индивидуальном стиле, об эволюции синонимичных и вариантных единиц

Глинка Лидия Андреевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: boyarskayaov@yandex.ru

и т. д. Напр., для Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской, авторов первого в российской лексикографии «Опыта частотно-стилистического словаря вариантов. Грамматическая правильность русской речи» статистические показатели употребления грамматических вариантов в речи служат свидетельством их конкуренции и формирования кодифицированных литературных норм [Граудина 1976]. Количественное сравнение в цифрах и процентах подробно комментируется. Напр., оппозиция деепричастий *возникнув* — *возникши* (37 / 2 — 94, 60 % 5,40 %) рассматривается с позиций нормативности языка и процесса архаизации вариантов. Источником словаря послужила картотека в 100 000 употреблений, взятых из современной художественной литературы, публицистики, из ответов на вопросник по современной русской морфологии.

Обзор частотных словарей современного русского языка и их типология даны в самом полном учебном пособии по русской лексикографии А. Н. Козырева и В. Д. Черняк (см. [Козырев, Черняк 2004]). Числовые характеристики слов в текстах определённой длины предназначены главным образом для отбора самых распространённых слов языка, которые могли стать основой при изучении и усовершенствовании преподавания иностранного языка или стиля, идиостиля отдельных авторов. Первым в русистике является частотный словарь Э. А. Штейнфельдт по материалам текстов современной литературы, прессы и радиопередач [Штейнфельдт 1968]. Более полный (9 044 единицы) «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной широко охватывает язык художественной литературы, публицистическую и деловую речь [Засорина 1977]. На их основе создавались более узкие частотные словари-минимумы в учебных и методических целях. Таков, напр., учебный словарь для зарубежных школ под редакцией Н. М. Шанского, действительного члена АПН СССР, «4 000 наиболее употребительных слов русского языка» [Шанский 1979].

В 1985 г. коллективом авторов под редакцией В. В. Морковкина был создан сводный словарь обобщающего типа с учётом степени употребительности и тематики лексем и словосочетаний (14 000 единиц). Его назначение — также учебно-методическое. В 1993 г. за рубежом был опубликован Л. Лёнгрен «Частотный словарь русского языка» [Лёнгрен 1993].

Другую направленность имеют частотные словари, в которых собраны редко употребляющиеся слова. Таков уникальный «Толковый словарь “Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Около 3500 единиц”». В словаре использованы: 1) данные словоуказателей к произведениям классической литературы (Н. А. Некрасова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Ф. И. Тютчева); 2) словоуказатели, полученные на ЭВМ в ИЛИ РАН по произведениям Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Всего обследовано более 1 500 000 словоупотреблений из текстов XIX века. Выявлено около 3 200 слов, не вошедших по разным причинам в современные толковые словари, составивших корпус названного словаря. Частично такие лексемы со временем были архаизованы и сегодня при «реанимации» нуждаются в толковании. Таковы, напр., *архивный юноша* («представитель привилегированной группы молодых чиновников из дворянства, служивших в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел»), *богадельня* («благотворительное заведение для содержания и досмотра престарелых, больных нищих»), *камер-фу-*

рьер ('придворный чин XI класса по Табели о рангах, ведавший прислугой и наблюдавший за приготовлением парадных столов') и др.

Наряду с частотными словарями общеупотребительных слов, объектом статистической обработки во второй половине XX в. стали жанрово и стилистически ограниченные источники: детская речь, газетная лексика, научно-учебная литература, язык массовой коммуникации, разговорная речь. Авторы ряда словарей создавали возможность для решения информационно-поисковых задач и автоматизации лексикографической работы.

Типология статистической обработки языка обычно строится с учётом употребительности единиц по нарастающей или по убывающей.

Опора на частотность употребления языковых единиц хотя и не фиксируется, становится отправным параметром для отбора толкуемого материала в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой [БСКСиВ 2008–2009]. Словарь представляет собой одно из самых полных собраний русских крылатых единиц, широко употребляющихся современными носителями русского языка ярких, образных слов и выражений, авторы или источники которых хорошо известны или доказуемы [Шулежкова 2008]. Критерием для авторов была даже минимальная фиксация (до 10 раз) каждой единицы, её употребительность не единожды, известность, распространённость и воспроизводимость. Условно можно назвать этот лексикографический подход «имплицитной» частотностью. Подобным образом в ортологии определяется орфоэпическая кодификационная норма по варианту, принятому кодификаторами за наиболее массовый и употребительный.

Толковые словари языка писателей и поэтов (см. выше о статистическом обследовании произведений русских авторов) позволяют с помощью частотности решать множество частных исследовательских задач, касающихся стилистики текстов, окказионализмов, авторского отношения к иноязычным словам, церковнославянизмам, архаизмам, неологизмам и в целом судить об идиостиле писавших. Не случайно акад. Л. В. Щерба называл подобные словари словарями-справочниками. Замечательный образец такого типа — «Словарь языка А. С. Пушкина».

Частотность как лексикографический параметр в историко-лингвистических словарях — явление исключительное. Первые подступы к частотному обследованию древних текстов находим в статье Л. В. Вяткиной и Г. Н. Лукиной [Вяткина, Лукина 1966]. Первый частотный словарь по старорусским текстам создал А. А. Грузберг. Автор «Частотного словаря русского языка второй половины XVI — начала XVII века» учитывает все стилистические разновидности лексики 27 памятников этого периода, не включает редкие слова с частотой от одного до пяти употреблений. В итоге обработан лексикон в 127 476 слов общей длиной текста 406 150 словоупотреблений [Грузберг 1974].

Особое место занимает десяти томный академический «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.». В русской лексикографии это единственный историко-лингвистический словарь с чётко очерченным хронологическим полем, охватывающим 784 источника XI–XIV вв. в списках до середины XV в. В нём под редакцией Р. И. Аванесова сделан строгий отбор текстов, в который не входят Ветхий и Новый завет в восточнославянском, болгарском и сербском изводах. Тексты представлены территориально — от Галича до Суздаля. В жанрово-стили-

стическом плане — включены государственные грамоты и частные грамотки на берёсте, приписки и зачины, тексты юридической, агиографической, литературно-повествовательной литературы. Числовые характеристики употребительности слов дают возможность установить объективную картину жизни древнерусского языка от ранних источников до общеславянского языка, материнского для русского, украинского и белорусского, до его распада и появления ранних источников старорусского, староукраинского и старобелорусского языков.

Частотность соотносительна со степенью продуктивности лексических единиц, отдалённых от нас столетиями. Она служит показателем активности или пассивности лексем и устойчивых словесных комплексов. Анализ 1 000 слов из I тома «Словаря древнерусского языка» с учётом первой и последней фиксации в сравнении с современным лексиконом по «Толковому словарю современного русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой позволяет сделать обобщения относительно динамики по трём категориям частотности: высокой (от 500 употреблений и выше), средней (от 10 до 500 употреблений), низкой (от 1 до 10 употреблений). Наблюдения приводят к выводам:

— низкочастотные слова, хотя и преобладают количественно, в эволюции языка, обычно архаизируются и постепенно исчезают;

— высокочастотные и среднечастотные единицы входят в активный словарный запас, сохраняя основные значения. Они составляют основу традиционного исторического пласта русской лексики.

Пути эволюции в отдельных случаях касались всего лексико-структурного гнезда. Слова с высокой и средней частотностью употребления составляют основу традиционного, исторического пласта русской лексики:

— *беззаконный* (268), *бесѣда* (217), *бесѣдовати* (360), *благо* (336), *болѣзнь* (506), *болѣти* (324), *Богородица* (1000), *Бог* (более 11 000), *братія* (менее 2000), *братъ* (менее 3 000), *благыи* (менее 1 000), *блаженный* (13 101), *божественный* (2 000), *божи* (5000), *болен* (1 300), *быти* (50 000),

— *врѣмя* (менее 1 000), *воля* (11 611), *вещь* (1 186), *вина* (1 167), *вода* (1 137), *великий* (1 400), *вашь* (1 915).

Низкочастотные слова относятся в основном к высокой лексике. В отдельных случаях их сохранности в языке способствовала церковь, которая увековечила их в своём канонизированном языке: *безбожникъ* (1), *благодравие* (1), *благообразие* (1), *благоухати* (2), *богословие* (64) и др.

Созданные разнотипные частотные словари показали массу достоинств и преимуществ таких изданий. С появлением широкой информации в Интернете и нарастанием «цифрового бума» многократно возрастают возможности прикладного использования частотности при анализе лексических единиц. Достаточно сослаться на рождение нового направления «Компьютерная лингвистика» и на разработки информационно-программных систем Ю. Н. Филипповича и его коллег, которые работают «солидарно» с учёными-«словарниками» ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова и дарят нам новые полезные учебно-научные издания [Астахина 2006]. Мы стоим на пороге перспективных новых лингвистических исследований прикладного и теоретического характера, построенных на достоверном фундаменте современного и диахронического языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Астахина Л. Ю.* Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект / с послесл. Ю. Н. Филипповича. — М.: МГУП, 2006. — 368 с.
- БСКСиВ: *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5 000 ед.: в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой. — Изд. 2-е, исправл. и доп. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
- Вялкина Л. В., Лукина Г. Н.* Материалы к частотному словарю древнерусских текстов // Лексикология и словообразование древнерусского языка. — М.: Наука, 1966. — С. 263–292.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. — М.: Наука, 1976. — 453 с.
- Грузберг А. А.* Частотный словарь русского языка второй половины XVI — начала XVII в. — Пермь: ПГУ, 1974. — 462 с.
- Засорина Л. Н.* Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засорина. — М.: Рус. яз., 1977. — 936 с.
- Козырев В. А., Черняк В. Д.* Русская лексикография: пособие для вузов. — М.: Дрофа, 2004. — 288 с.
- Лённгрен Л.* Частотный словарь современного русского языка. — Uppsala, 1993. — 188 с. [Lönngren, Lennart. The Frequency Dictionary of Modern Russian. Acta Univ. Ups., Studia Slavica Upsaliensia 32. — Uppsala, 1993 — 188 s.].
- Редкие слова в произведениях авторов XIX века: словарь-справочник: около 3 500 ед. / сост. Р. П. Рогожникова, К. А. Логинова, С. А. Пономаренко и др.; отв. ред. Р. П. Рогожникова. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. слов.: Астрель, 2000. — 976 с.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / глав. ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесов. — М.: Рус. яз.: Азбуковник, 1988–2008. — Т. 1–8 (изд. продолжается).
- Штейнфельдт Э. А.* Частотный словарь современного русского литературного языка: 2 500 наиболее употребительных слов / под ред. В. А. Ицковича. — Таллинн: НИИ педагогики СССР, 1968. — 316 с.
- Шанский:* 4 000 наиболее употребительных слов русского языка / Н. М. Шанский, З. П. Даунене, Н. З. Бакеева, М. П. Гайдарова, Н. Б. Карашева, Л. В. Судавичене; под ред. действ. члена АПН СССР Н. М. Шанского. — М.: Рус. яз., 1979. — 712 с.

FREQUENCY AS AN IMPORTANT CHARACTERISTIC OF LEXICOGRAPHY AND PHRASEOGRAPHY

L. A. Glinkina

Frequency as a lexicographic parameter is of great pragmatic and academic significance both for synchronic and diachronic language description. Word frequency is taken into account in dictionaries of basic vocabulary for foreigners learning Russian. In stylistics frequency is used as a marker for the author's idiom. Frequency as a parameter of historical lexicography gives an insight into the development of the Russian vocabulary, the process of usage standard formation in the past and the sources underlying modern Russian vocabulary.

Key words: frequency, lexicography, educational linguistics, stylistics, standardization.

Н. К. Фролов

ЭТИМОЛОГИКА И ЭНЦИКЛОПЕДИКА КАК АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Термины *энциклопедика* и *этимология*, будучи исторически автономными отраслями лексикографии, во все времена взаимообогащали друг друга, отражая достижения человеческого разума.

Ключевые слова: описание, объяснение, толкование, семантизация.

Термины *энциклопедика* и *этимология*, будучи исторически автономными в лексикографии, использовались этимологами и энциклопедистами с незапамятных времён то в достаточно близком их семантическом обрамлении, то в сопоставительном контексте, то в абсолютно специфическом их функционировании. Прародители энциклопедического образа мышления шумеры и ассирийцы, вавилоняне и хетты, самаритяне и финикийцы вооружили крито-микенцев и древнегреческих мудрецов, этрусков и латинян навыками познания, методами и способами оценки событий и вклада выдающихся личностей в изучение космоса, природы, общества, человека.

Энциклопедические, по современным представлениям, справочники, наставления, календари появились во время сравнительно значительных интеллектуальных накоплений, которые обусловили зарождение энциклопедики. Термин «энциклопедика» предложили на рубеже старой и новой эры греческие философы; его семантическое содержание расширяли и углубляли историки и филологи, связывая это слово с комплексным изучением всего окружающего человека реального природного пространства и включая в разного рода лексикографические штудии. Достаточно прочно это слово закрепилось в языке науки после публикации в 1620 г. книги немецкого философа Й. Альштета «Энциклопедия по курсу философии» и «Энциклопедии, или всеобщего словаря искусств и наук» англичанина Э. Чаибера. В практике лексикографирования понятие «энциклопедия», не совсем корректно сменившее понятие «энциклопедика», упрочили авторы 28-томного «Словаря, или Энциклопедии наук, искусств и ремёсел», французские мыслители Д'Аламбер, Монтескьё, Вольтер, Руссо, Гольбах, Тюрго и другие во главе с Дени Дидро.

Приблизительно в том же хронологическом ключе, двадцать три века назад, греческие философы-языковеды, известные под именем стоиков, выдвинули идею вскрыть истинную сущность слова *этимон*, что и положило начало новой отрасли языкознания — *этимологии*, науки об исконных значениях слов. Она впоследствии стала пользоваться особым интересом языковедов всех времён и всех народов, объединив вокруг себя специфическую концептосферу терминов: **этимология** (греч. 'истинное значение слова'), **этимон** (греч. *etymon* 'истина'), **этимолог** 'специалист в сфере этимологии', **этимологизировать** 'толковать про-

Фролов Николай Константинович — доктор филологических и энциклопедических наук, профессор кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета, академик РАЕН, АРЭ. E-mail: Lingvo08@mail.ru

исхождение слова', включая дериваты типа *этимологизация*, *лжеэтимология*, *ложная (народная, словообразовательная, семиотическая и т. п.)*.

Этимология, как отрасль языковедческой науки, предметом и объектом которой является историко-лингвистический поиск и интерпретация исходного смысла «звучания слова», складывалась на протяжении многих столетий. В своё время И. А. Бодуэн де Куртенэ считал этимологию составной частью грамматики, наукой о родстве, происхождении слов и их частей, основывающейся на сравнительной грамматике [Бодуэн де Куртенэ 1963: 88]. Автор «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмер при этимологизации слов русского лексикона ориентировал пользователя на сопоставление данных словарей, версий известных этимологов, отдавая предпочтение одной более или менее аргументированной версии.

Академик О. Н. Трубачев полагал, что этимологический словарь — это знание науки о языке, что нашло своё подтверждение в материалах «Этимологического словаря славянских языков», ставшего первым опытом исторической лексикографии. Посредством реконструкции праславянской лексики, сопоставительного анализа её фонетики, морфетики и семантики, авторский коллектив этого словаря предложил образцовые подходы и приёмы установления исходного звучания и значения корпуса общеславянского лексикона. В настоящее время издано 38 томов этого уникального справочника.

Ставший биографической редкостью двухтомный «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (1910–1914, 1949 гг., переиздан в 1958 г.) в течение многих десятилетий был для отечественных этимологов основным пособием, на которое ссылались не только начинающие этимологи, но и профессионалы. Толкование лексического материала осуществляется в нём на основе реконструкции лексической единицы, обнаружения её этимона в праязыке, доводится до общеиндоевропейского источника, сравнения огласовки слова в современных славянских языках. Для слов заимствованных поиск этимона ограничивается переводом лексемы из языка-источника. Схема этимологизирования языкового знака, предложенная А. Г. Преображенским, модернизируется в двухтомном «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных, который дополняет содержание словарной статьи за счёт указаний производных слова, «новых» его значений и наличия аналогии в славянских языках: *волынка*, -и, ж., — народный музыкальный инструмент, сущ. укр. *волынщик*, новое значение: «умышленная медлительность в работе» [Черных, 1, 2004: 164].

Этимологию по праву называют алгеброй лингвистики, поскольку она требует профессиональных навыков реконструкции звуковой оболочки слова, эволюции его смыслового содержания, учёта и знания родственных и неродственных живых и мёртвых языков, закономерностей их исторического развития. Поиск этимона сопряжён с разными догадками, аргументацией гипотез, наблюдений и выводов специалистов, хотя любая этимологическая версия, за редким исключением, остаётся условной. Этимологизация — это своего рода моделирование происхождения слова, трансформация его звукового и смыслового содержания.

Статус слова в современных академических этимологических словарях определяется родством достаточно устоявшихся схем расшифровки этимона, наличием морфологической парадигмы, сравнительными данными из диалектов и языков. Большое внимание отводится ссылкам на версии известных этимологов, на

предлагаемые схемы реконструкции и поиск праформ, что иногда дополняется догадками автора об эволюции семантики слова. Такая дефиниция сугубо лингвистична, хотя частично опрощена филолого-философской историей слова. Современные этимологические словари и справочники репрезентируют несомненно высокий потенциал и уровень развития когнитивной лингвистики, как и новой истории письменных цивилизаций.

Этимология уже в начале своего зарождения и по мере становления многими гранями соприкасалась с энциклопедикой, более того, эти две автономные когниции дополняли друг друга, взаимопроникая в их информационное пространство. К примеру, древнерусские изборники, кормчие, лексиконы, азбуковники, церковные календари в словарных статьях традиционно сочетали сведения этимологического и энциклопедического характера: «Сион, др.-евр., жидов. “зрелище”, “позорище”; Сион — голый опаленный холм, то есть простая гора, где господь благодать показал» (Новгородская Кормчая 1282 г., «Речь жидовского языка») [Кондратьева 1969: 8–10]. Здесь имя собственное толкуется по принадлежности к языку-источнику и на основе его энциклопедической характеристики.

Этимология и энциклопедика располагают общим набором терминов и терминопонятий, отличающихся близостью их дефинитивных и когнитивных характеристик. Это, напр., такие термины, как: 1) **определение**, то есть *детерминация, обозначение, формулировка* сущности вербального знака, включая родовидовые, описательные, отсылочные определения, которые обрамляются разными пометами; 2) **описание**, то есть *изложение* в устной или письменной формах смыслового содержания слова; 3) **объяснение**, то есть *понимание*, становление закономерностей смысла чего-нибудь; 4) **толкование**, то есть, *освещение, рассуждение* или *трактовка* чего-либо; 5) **интерпретация**, то есть *оригинальное объяснение, вариативное изложение* какой-либо ситуации. Синонимичный ряд этих терминов завершает концепт «**Семантизация**» — процесс обнаружения и описания значения языкового знака, его дефиниции — научного определения терминопонятия.

Несмотря на вековые традиции разработок энциклопедий и энциклопедических справочников, нельзя считать общепринятыми и устоявшимися основополагающие лексикографические жанры энциклопедических изданий, включая их терминование. Каноны когнитивистики несомненно должны быть ориентированы на кодификацию накопленных принципов дифференциации объекта энциклопедических когниций ввиду очевидной нерешённости основных лексикографических понятий: **энциклопедия**, **энциклопедика**, **энциклопедистика** и др. Казалось бы, общепринятый термин «**энциклопедия**» (греч. *enkyklos puideia* ‘обучение по кругу знаний’) — *научное справочное издание по всем или отдельным отраслям знаний в форме словаря* — является дефинитивно однозначным, однако его полисемичность обусловила размытость смысловых границ этого слова: а) **энциклопедия** — это научный или научно-популярный справочник; б) **энциклопедия** — это отрасль лексикографии, в которой моделирование текста отраслевых статей обычно не совпадает; в) каким образом дифференцировать энциклопедические атрибуты типа «*малая-большая, общая (универсальная) — региональная, лингвистическая — филологическая, логическая — философская*» и под.

К сожалению, «энциклопедический бум» последних лет породил дилетантизм в понимании сущности терминов энциклопедии. Термин *энциклопедика*, как

правило, подменяется словом *энциклопедия*, что, видимо, связано с невниманием к морфемике слова. На основе постоянно рифмующихся морфемных финалей очевидно различие между отраслевой сферой знания и когнитивностью его предмета: формант **-ка** обращён к наименованию отраслевой науки: *фонетика, морфемика, ономастика, этимология, энциклопедика*; формант **-ия** имеет отношение к предмету когнитивности, совокупности языковых единиц: *антропонимика* — раздел ономастики, наука об именах личных в широком смысле; *антропонимия* — это совокупность имён для идентификации человеческого индивида; *этимология* — наука, когнитивный смысл которой — обнаружение и интерпретация исходного звучания и смысла вербального знака; *энциклопедика* — научная область интересов энциклопедиста; *энциклопедия* — собрание слов и словосочетаний об обществе, человеке, природе и космосе.

Этимология и энциклопедика по своей сути антропоцентричны, ибо они нацелены на регистрацию мыслительных процессов, их кодификацию в познании человека в языке и языка в человеке. Антропонимическая парадигма имеет в виду прежде всего человека, для которого язык является его основной когнитивной составляющей. Это то, что позволило *homo sapiens* породить науки об этимологизации и энциклопедизации языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. — М.: Просвещение, 1963.
- Васильев А. Д.* Материалы к биографии учёного (*Трубачёв О. Н.*). — Красноярск: ИПК КГПУ, 2003. — 87 с.
- Ганжина И. М.* Словарь современных русских фамилий. — М.: Астрель: АСТ, 2001. — 670 с.
- Кондратьева Т. Н.* Русские словари личных собственных имен. — Казань: Казан. гос. ун-т, 1969. — 62 с.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
- Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. — М.: Госиздат, 1958.
- Рѣчь жидовскаго языка* // Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья. — М.; Л.: АН СССР, 1963. — С. 399–418.
- Трубачев О. Н.* Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала научной публикации (1974–2003) // Мат-лы Междунар. съезда славистов в Любляне / отв. ред. И. Б. Еськова — М.: РАН, Ин-т рус. яз., 2003. — 46 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М.: Наука, 1978.
- Фролов Н. К.* Стратиграфия автохтонной топонимии Нижнего Пообья. — Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 1986. — 176 с.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М.: Рус. яз., 1993.

ETYMOLOGICA AND ENCYCLOPEDIA AS BRANCHES OF LEXICOGRAPHY

N. K. Frolov

Being historically autonomous branches of lexicography encyclopedica and etymologica have always enriched each other reflecting the progress of the human mind.

Key words: description, explanation, interpretation, semantization.

© 2011

И. Лазић-Коњик, М. Гочанин

О НЕКИМ ПРОБЛЕМАМА СРПСКЕ ДЕСКРИПТИВНЕ
ЛЕКСИКОГРАФИЈЕ (НА ПРИМЕРУ ОБРАДЕ ЛЕКСЕМЕ ИДЕНТИТЕТ)

В статье рассматриваются некоторые проблемы сербской дескриптивной лексикографии на примере лексикографической обработки лексемы *идентитет*. Анализ, проведённый на материале Электронного корпуса сербского языка, показывает, что сербские словари не регистрируют семантический потенциал лексемы *идентитет* в целом (напр., терминологическое значение единиц *изгубити идентитет*, *узети нови идентитет*, *штитити идентитет*, *борити се за идентитет* или *визуелни идентитет* в области графического дизайна).

Ключевые слова: сербский язык, лексикография, толковый словарь, семантика, лексема *идентитет*.

Тема овога рада јесте представљање неких актуелних процеса који се одвијају у лексикону српског језика, на примеру лексеме *идентитет*. Ту се, пре свега, мисли на проблематизовање појава семантичког проширивања с једне, и семантичког трошења или обесмишљавања, с друге стране, које српска дескриптивна лексикографија не успева да забележи. Биће речи и о разлозима за такву ситуацију.

Наша анализа наслањаће се на истраживање започето у раду *Идентитет у језику* [Лазић-Коњик, Гочанин 2009] у коме је показано да су друштвено-политичке околности у Србији (особито у последњих десетак — петнаест година) утицале на то да дође до одређених промена у језику на лексичком нивоу (о променама на нивоу лексике у српском језику с различитих аспеката писано је у србистичкој литератури: в. [Српски језик на крају века 1996; Ристић 2006: 13–40]), што се нарочито одразило у тзв. јавном језику и његовом национално-политички-идеолошки обојеном дискурсу. Како је под утицајем пољуљане и угрожене државне, територијалне, националне, етничке, културне, језичке и др. самобитно-

Лазич-Коњик Ивана Видое — доктор филолошких наука, истраживач-сарадник Института српског језика САНУ (г. Београд, Србија). Е-mail: ivana.konjik@gmail.com

Гочанин Миљана Слободан — кандидат филолошких наука, истраживач-сарадник Института српског језика САНУ (г. Београд, Србија). Е-mail: mgocanin021@gmail.com

сти и интегралности идентитет морао непрестано и изнова да се доказује и брани, то је и употреба ове лексеме у језичкој пракси постала не само честа, већ је „доживела“ својеврсно семантичко ширење (од личног, преко националног и етничког до верског, језичког, политичког, културног и др. идентитета) и диференцирање. У дескриптивним речницима српског језика, међутим, то није забележено.

С друге стране, процес семантичког ширења и фреквентност употребе толико су унапредовали да прете да доведу (ако већ нису) до „семантичког трошења“ што је додатно подстакнуто искривљивањем значења, мистификацијом (замагљивањем смисла), те манипулативном употребом и инструментализацијом појма. Да процес није усамљен сведочи употреба још неких лексема у српском језику, о којима је спорадично писано, нпр. лексема *пројекат* [Лазић-Коњик 2006: 253], као и лексема *прича* и *акција*, вероватно још неке. Ни за ове лексеме речници српског језика нису регистровали нове семантичке реализације, премда су неке, са актуелног језичког становишта, постале већ застареле.

Имајући у виду претходна запажања, показаћемо најпре како је лексема *идентитет* семантички представљена у нашим најзначајнијим дескриптивним речницима (РСАНУ, РМС, РСЈ), а затим указати на неке нове семантичке компоненте и позиције у којима се реализује. Дефиницију наводимо према РСАНУ будући да је најобухватнија; у РМС и РСЈ готово да је на исти начин семантички идентификована.

идентитет м (лат. *identitas*, према *idem*) **1. а.** збир обележја који једну личност или предмет уопште издваја и разликује од других. **б.** необ. суштина, бит личности. **2. а.** потпуна једнакост, подударност, истоветност. **б.** мат. једначина која важи за све вредности општих бројева што у њу улазе (обично означена знаком $\equiv$).

Изр. **доказати, потврдити, утврдити, установити нечији идентитет** доказати, потврдити, утврдити и сл. ко је извесна особа одн. да је неко заиста она особа за коју се издаје, о којој је реч.

Примери употребе¹ и наведена значења у Речнику не илуструју семантички потенцијал ове лексеме у целини у српском језику, што ће потврдити анализа различитих исказа говорника српског језика са овом лексемом у Електронском корпусу српског језика (ЕКСЈ), и омогућити да се употпуни семантичка и појмовна слика *идентитета* у српском језику. У језичкој компетенцији просечног говорника српског језика под *идентитетом* се најчешће подразумева значење тзв. *личног идентитета*, јединствене скупине обележја којима се идентификује (представља) једна особа: име, презиме, име оца или мајке, тачан датум и место рођења, пребивалиште, матични (лични) број, отисак прста, регистарски број личне карте или пасоша и сл. (значење **1. а.** у РСАНУ). Примери употребе [ЕКСЈ] међутим показују да се значење појма са личног, појединачног, преноси на колективно као појединачно (на ужу, па ширу заједницу: *племенски идентитет, национални идентитет, етнички идентитет, државни идентитет, српски идентитет, југословенски идентитет, словенски идентитет, балкански идентитет, верски идентитет, религијски идентитет, европски идентитет*), те на све сегменте људског живота и деловања уопште (*културни идентитет, политички идентитет, језички идентитет, социјални идентитет, сексуални идентитет, страначки иденти-*

¹ В. у РСАНУ под *идентитет*. Не наводимо их због ограниченог простора.

тет, позоришни идентитет, визуелни идентитет), што се из наведене лексикографске обраде не може видети. Јасно је да лексикографска обрада подразумева уопштавање те издвајање само дистинктивних семантичких обележје лекеме, и да не могу бити, нити је потребно да буду забележене све наведене реализације, али је свакако потребно да се у дефиницији значења укаже на показано проширење семантичког опсега, те на проширену лексичко-семантичку спојивост лексеме, да се неке конструкције унесу као изрази, будући да су стекле термилошки статус (*визуелни идентитет*), или су добиле у извесном степену другачије, синтагматско значење, нарочито у одређеним сферама употребе (у одређеном стилском регистру) (нпр. *национални идентитет*, који се једним делом преклапа са појмом национализам [Лазич-Коњик, Гочанин 2009] а једним делом са појмовима нације и националности, а било би потребно размотрити и случајеве типа: *изгубити идентитет, узети нови идентитет, променити идентитет, штитити идентитет, борити се за идентитет*). То показују следећи примери употребе: Dobio drugu nagradu za vizuelni identitet za plakat "Dana komedije" (ЕКЈ 17263194); Samardžić konstatuje da u Crnoj Gori postoji jedan nestabilizovan nacionalni identitet (ЕКЈ 18371283); — Kakva je vaša vizija budućnosti? - Moramo da sačuvamo svoj nacionalni identitet i da se ne utopimo u klasično zapadnjačko potrošačko društvo (ЕКЈ 13789808); "Osim što sprovode fizičko nasilje nad nama Egipćanima, pokušavaju da nam ospore nacionalni identitet", istakao je Abazi (ЕКЈ 11977104).

Значење дато под **1. б. суштина, бит личности**, које је квалификовано у РСАНУ као необично,² данас је у нешто измењеном виду постало готово уобичајено *оно што једну особу, предмет или појаву чини управо таквом, суштина, бит*: Tako se Dimitrije i Katarina bore da održe i svoj "ukršteni" identitet i svoju ličnu slobodu (stešnjenju komunističkom ideologijom). Trude se da promene što se promeniti može (ЕКЈ 4509806); Austrija odnosno Nemačka više nam nije samo sused, već tako reći naš drugi identitet (ЕКЈ 1491420); Ne tražimo samo jezičku jednakost i odvojenu administraciju, već i naš sopstveni (nebelgijski) identitet — — i državu (ЕКЈ 6836585).

Из наведених примера (потврда употребе) у РСАНУ не виде се ни различите везе речи-одреднице са осталим речима (пре свега са глаголом као управним делом), што би свакако требало у Речнику показати (*дати идентитет, добити идентитет, изгубити идентитет, променити идентитет, заменити идентитет, узети нови идентитет, изграђивати идентитет, стварати идентитет, чувати идентитет, одржавати идентитет, неговати идентитет, штитити идентитет, борити се за идентитет* и т. д.).

Треба нагласити и то да поред семантичког ширења услед фреквентне употреба ове лексеме (и појма) у последње време (што показује број различитих интересних сфера на које се идентитет односи, као и синтагми у којима се јавља), долази и до различитих видова језичке манипулације, до семантичког искривљавања, неадекватне употребе и све чешће до обесмишљавања самог појма: Pobeđuje se realnim uvidom i preporukom životne situacije koja garantuje nezavisnost, identitet integriteta, zaista nenadoknativ identitet odolevanja svemu nametnutom, lažnom i ništavnom (ЕКЈ 11456391); На predstojeće izbore izlazi sa jasnim programom u čijoj

² Потврђено само једним примером: Девојка ... Тада ћутљива сада је проговорила из душе, из идентитета (Сек. 5, 151).

osnovi je borba za mir, slobodu, suverenitet i nacionalni identitet (ЕКСЈ 11484057). Употребом ове лексеме на тај начин се значење замагљује, чини неодређеним и апстрактним, што има за последицу прагматичко пражњење њеног семантичког садржаја, губљење референтне одређености, те јој се могу приписивати допунска значења у складу са намерама субјекта [Ристић 2006: 34]. Будући да су овакве употребе у савременој језичкој пракси постале честе, питање је да ли их и на који начин треба представити у дескриптивном речнику. Једно је сигурно, нису пожељне у језику јер представљају негативну појаву, па их с нормативне тачке гледишта на тај начин (уколико у речник уђу) у речнику треба вредновати.

Појавили су се и одређени лексички спојеви са именицом *идентитет* који су се, под утицајем страног (енглеског) језика, у потпуности лексикализовали и у извесном степену терминологизовали, нпр. *визуелни идентитет*. Дескриптивни речници српског језика нису забележили ни ову лексикализовану форму у области графичког дизајна, која је без сумње, постала саставни део овог термилошког система.

Предочени недостаци у обради ове, као и неких других лексема у речницима српског језика, последица су већег броја фактора. Као битни чиниоци могу се издвојити: дужина и комплексност израде, те непостојање праксе да се постојећи речници перманентно допуњују новом лексиком и новим значењима већ обрађених лексема, и свакако непостојање одговарајуће подршке институционалног типа. Корпус је по правилу унапред уоквирен и ретко се актуелизује ексерпцијом нових, стилски разноврсних извора. Зато се чини потребним да се, када недовољна институционална подршка не омогућује бржу израду, перманентну допуну и нова издања, покрене у српској лингвистичкој периодици публикација која би била посвећена само лексикографским питањима и у којој би се редовно објављивали прилози у вези са новом лексиком, новим значењима постојеће лексике и променама које се на том плану дешавају.

ЛИТЕРАТУРА

ЕКСЈ: Електронски корпус савременог српског језика [Електронный ресурс]. URL: www.korpus.matf.bg.ac.yu/prezentacija/korpus.html (дата обращения: 15.04.2011).

Лазић-Коњик И. Структура, функција и лексикографска обрада перифрастичних предиката (на примерима из дневне штампе) // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. — XLIX/1, Нови Сад, 2006. — С. 220–304.

Лазић-Коњик И., Гочанин М. Идентитет у језику // *Језик, књижевност, идентитет*, језичка истраживања, зборник радова. — Ниш: Филозофски факултет у Нишу, 2009. — С. 66–72.

Ристић С. Раслојеност лексике српског језика и лексичка норма. — Београд: Ин-т за српски језик САНУ, 2006.

РМС: Речник српскохрватског књижевног и народног језика, књ. I–IV. — Нови Сад (I–III); Загреб: Матица српска (I–III); Матица хрватска, 1967–1976.

РСАНУ: Речник српскохрватског књижевног и народног језика, књ. I–XVIII, Београд: Српска академије наука и уметности — Ин-т за српск(охрватск)и језик, 1959–2010 (изд. продолжается).

РСЈ: Речник српског језика. — Нови Сад: Матица српска, 2007.

Српски језик на крају века / ред. М. Радовановић. — Београд: Ин-т за српски језик САНУ; Службени гласник, 1996.

SERBIAN DESCRIPTIVE LEXICOGRAPHY ISSUES (BY THE EXAMPLE
OF PROCESSING LEXEME *IDENTITY*)

I. Lazich-Konjik, M. Gochanin

The paper discusses some issues of Serbian descriptive lexicography by the example of processing lexeme *identity*. The analyses, based on the material of the Serbian Electronic corpus, shows that dictionaries do not register semantic potential of this lexeme in its entirety (for example, the following language units *изгубити идентитет*, *узети нови идентитет*, *штитити идентитет*, *борити се за идентитет* or *визуелни идентитет* are not presented as terms in the field of graphic design).

Key words: Serbian language, lexicography, explanatory dictionary, semantics, lexeme *identity*.

© 2011

И. Лазич-Коњик, Ј. Милошевић

О ЛЕКСИКОГРАФСКОЈ ОБРАДИ РЕЧИ КОЈЕ СЕ УПОТРЕБЉАВАЈУ
„(САМО) У ИЗРАЗУ“ У РЕЧНИКУ САНУ: СТАЊЕ, ПОТРЕБЕ
И ЗАДАЦИ*

В статье анализируются фразеологически связанные слова, т. е. слова, использующиеся только во фразеологизмах. Показаны их статус в сербской лексикографической практике (в Словаре Сербской Академии наук), примеры употребления в составе словосочетаний и словарные дефиниции. Также указывается необходимость дальнейшего всестороннего исследования таких единиц. Практическая значимость подобного изучения лексики заключается в лексикографическом аспекте, целью которого является полное лексикографическое представление слова.

Ключевые слова: фразеологические связанные слова, лексикографическая практика, словосочетание.

Проблемом лексикографске обраде речи које се јављају, како се каже у Речнику САНУ, „(само) у изразу / изразима“, – критеријумима одбира и уноса, начину њиховог представљања и семантичког дефинисања у речницима, – до сада се у србистичкој теоријској лексикографији и лексиколошкој литератури готово нико није бавио. Може се наћи покоја напомена у радовима, пре свега у вези са лекси-

Лазич-Коњик, Ивана Видое — доктор филолошких наука, истраживач-сарадник Института српског језика САНУ (г.Београд, Србија). Е-mail: ivana.konjik@gmail.com

Милошевић Јованка — мастер (научни сарадник) Института српског језика САНУ (г.Београд, Србија). Е-mail: atlant81@yahoo.com

* Рад је урађен у оквиру пројекта 148005 Лингвистичка истраживања савременог српског књижевног језика и израда Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ, који финансира Министарство за науку и технолошки развој Републике Србије.

кографским представљањем тзв. вишечланих лексема, које само једним својим делом улазе у поменућу групу [Недељков 2002: 245–249; Николић 2002: 50], као и у приручницима општег типа у вези са лексичком спојивошћу [Згуста 1991: 137–152; Гортан-Премк 1997: 49–58; Прћић 1997: 121–123]. Премда проблем на први поглед може изгледати безначајно, број таквих речи у досадашњим, објављеним томовима Речника САНУ није мали, а ни лексички спојеви у којима се такве речи јављају нису једнообразни. Зато ћемо настојати да у овом раду (због ограниченог простора) пре свега скренемо пажњу на речи које се не употребљавају ван сталних спојева, као самосталне лексеме, и на њихову досадашњу лексикографску обраду у најобухватнијем дескриптивном речнику српског језика, Речнику САНУ, да укажемо на потребу њиховог будућег детаљнијег и систематичнијег проучавања, нарочито у вези са стварањем модела лексикографске обраде, као и на задатке који у вези са тим предстоје.

Посматраћемо, дакле, речи које се употребљавају само у неком сталном лексичком споју (синтагми, синтагматском или фразеолошком изразу), а ван тог споја се не употребљавају (или таква њихова употреба није забележена у грађи за Речник САНУ, нити је позната обрађивачу), а које су у Речнику наведене као самосталне одреднице и најчешће објашњене на начин: (само) у изразу/изразима¹, после чега се стављају две тачке, израз, семантичка идентификација и примери употребе. У првих 18 томова Речника (*А – оцарити*) пронашли смо око 950 таквих речи, што чини ~ 0.4 % укупног броја лексема у прегледаним томовима. С обзиром на то да је у до сада објављених 18 томова Речника обрађено преко 220.000 речи јасно је да њихов број није велик у односу на целокупан лексички фонд српског језика, али није ни занемарљив с аспекта лексиколошке и лексикографске анализе.

Као прво поставља се питање оправданости уношења таквих речи у дескриптивни речник будући да се не употребљавају самостално; и даље, ако је уношење оправдано, у којем обиму и на који начин то треба чинити, јер је познато да се у традиционалној дескриптивној лексикографији избегава уношење синтагми као одредница [Упутства чл. 28]. Друго, како их семантички идентификовати, с обзиром на то да им је значење у већој или мањој мери условљено контекстом у којем се јављају. Одговори, без сумње, зависе и од теоријских принципа на којима речник почива, као и од његовог обима, али је јасно да се примери попут *бикарбони*, *-а*, *-о* (сода бикарбона), *врзин*, *-а*, *-о* (врзино коло), *голцијат*, *-а*, *-о* (го голцијат), *дванаестопалачни*, *-а*, *-о* (дванаестопалачно црево), *затезни*, *-а*, *-о* (затезна камата) и многи др. због своје универзалне и фреквентне употребе не могу изоставити ни из речника најмањег обима.

У Речнику САНУ пракса је да се овакве речи редовно уносе као засебне одреднице [Упутства чл. 28.], што одговара обиму и концепцији Речника да се унесу „све“ речи српског језика, и стандардне и народне². И са концепцијског и са теоријског аспекта то је оправдано. Без обзира што се не употребљавају ван неког сталног споја, једини начин да се њихово постојање у језику покаже (а оно је

¹ Пошто се често не може знати је ли „само“ у изразу или је нека празнина у грађи – радије се изостави „само“ [Упутства, чл. 28]; то се чини нарочито од 9. књиге. Када се реч може употребљавати и самостално, даје се објашњење „обично у изразу“ (исп. *најезница*).

² У почетку је однос према народној лексици био рестриктивнији, временом су почеле да се уносе готово све народне речи.

евидентно) јесте да се унесу као одреднице. Друго је питање како их лексикографски обрадити. Упутства о томе (и за састављаче Речника и за кориснике) врло су штура [Упутства чл. 28; Речник САНУ, 1, 1959: XXXV: Напомене о обради текста Речника, тачка 11). Јасно је да се у току рада на првој књизи Речника, у време када су састављана Упутства, није мислило да ће таквих речи бити у већем броју, те да ће им бити потребно посветити посебну пажњу. Вероватно зато нема упута о томе да ли их семантички дефинисати и на који начин. Лексикографска пракса је морала самостално да изналази решења, рекли бисмо прилично уједначена, мада не увек адекватна.

Међу посматраним речима највише има именица (44.21 %); према бројности редом следе придеви (41.76 %), прилози (4.46 %), глаголи (2.87 %), узвици (0.53 %), партикуле (0.11 %). Код једног броја речи није обележено којој врсти припадају (в. *девендел*, *мрћа*²) (6.06 %). Поред стандардне лексике (58.88 %) заступљена је и нестандардна (41.12 %); поред општеупотребне (67.70 %) и специјална лексика (32.30 %), углавном термини ботанички и зоолошки. Примери употребе показују да су то пунозначне, аутосемантичне, по правилу моносемантичне речи, које имају опште семантичко својство изразито ограничене лексичке спојивости.

Покушаћемо да представимо неке од модела лексичких спојева у којима се ове речи употребљавају, од чега ће зависити начин навођења и семантичког идентификовања у Речнику. Грађа је показала следеће. У углавном двочланим синтагмама³, мање-више устаљеним или сасвим обичним, које нису промениле значење: а) придев или именица у придевско-именичкој или именичко-именичкој синтагми: *виноноша* м (чауш виноноша)⁴; *кутњи*, -а, -е (кутњи зуб анат.); *носорог*, -а, -о (носорога буба зоол.); б) придев у придевско-придевској синтагми: *босцат*, -а, -о (бос босцат); *голијат*, -а, -о (го голијат); *живцат*, -а, -о (жив живцат); в) прилог у прилошко-придевској синтагми: *кредитно* прил. (кредитно способан); г) ређи су случајеви конструкција попут *лудеж* (младеж – лудеж). У синтагматским или фразеолошким изразима у којима једна реч или цео израз има умерено или промењено значење (речи различите граматичке врсте): а) у вишечланим лексичким јединицама, биолошким и зоолошким називима: *бантам* м (енгл. bantam, патуљасто пиле) (бантам категорија спорт. и бантам кокошка⁵); *Безглавац* м (Свети Јован Безглавац покр.); *безупка* ж (велика безупка зоол.); *биберац* м (црвени биберац бот.); б) у спојевима који имају неки нарочити смисао, говоре се у нарочитим приликама: *врха* (врха и разврха), алај (*алај билај*), *демирта* (курта и демирта); в) у прилошком изразу: *бендек* м (ни у бендек покр.); *једвини* и *једвити*, -а, -о (на (у, уз) једвине (једвите) јаде); г) у фразеолошком изразу: *бесциљ* м (у бесциљ отићи); *бунац* м (обишао је бунца и буницу). Бројни су примери када је посматрана реч страног порекла, таква да се није одомаћила у српском језику осим у датом фразеолошком изразу: *азад* прид. непром. (перс.) (учинити азад); *аратос* прил. (грч.) (аратос (те, га, ти, му и сл.) било; обично са генитивом; понекад и без глагола).

³ О семантичком опсегу појмова синтагма, синтагматски, прилошки и фразеолошки израз у Речнику САНУ в. Упутства чл. 105.

⁴ За значења свих наведених израза в. у Речнику САНУ код тих речи.

⁵ Која се може квалификовати као зоол.

Могу се, дакле, издвојити два основна модела значајна за семантичку идентификацију у Речнику: (I) када се реч јавља у синтагми, мање-више устаљеној или сасвим обичној, која није променила значење и (II) када се реч јавља у синтагматском или фразеолошком изразу у којем једна реч или цео израз има померено или промењено значење. Начини дефинисања у наведеним случајевима морали би се разликовати, премда то у Речнику САНУ није увек случај. У првом моделу реч има своје значење (значење лексичког споја представља збирно значење саставних делова) те се оно може и треба дефинисати. У другом моделу, значење посматране речи није самостално, већ је условљено значењем израза у којем се јавља, те га зато често није могуће нити потребно дефинисати, па се дефинише значење израза. Погледаћемо и прокоментаришаћемо на примерима какво је стање у Речнику САНУ. (I) а) **бјелорепаш**, -аша м (ијек.) (у атрибутој служби) *који је бела репа*, само у изразу: орао бјелорепаш зоол. в. *бјелореп (а)*. Након граматичке понекад и језичко-стилске идентификације дефинише се значење одредничке речи, после чега се ставља тачка запета и наводи израз који се затим семантички идентификује (описно или упућивањем). Мислимо да ово није сасвим добар начин лексикографског представљања. Будући да су ове лексеме по правилу моносемантичне, те да им се семантички садржај односи на особине или процесе везане само за одређене појмове који морају бити реализовани заједно са лексемом, често у одређеној синтаксичкој функцији [Гортан-Премк 2004: 54–55], информацију о контекстуалној условљености реализације требало би дати испред семантичке дефиниције, затим дефинисати значење лексеме, а значење израза само испоредити, дакле: **бјелорепаш**, -аша м (ијек.) (у атрибутој служби) само у изразу: орао бјелорепаш зоол. *који је бела репа*; исп. бјелореп (а). Посебно би ваљало размотрити питање језичко-стилске квалификације, тј. да ли је оправдано квалификовати саму реч (исп. **барица**² ж зоол. само у изразу: лијепа ~ в. *водома* Alciedo ispida), или треба квалификовати само израз у којем се јавља (исп. **ваздати**, -ам свр. само у изразу: ~ молитву заст. *помолити се*), будући да ситуација у Речнику није уједначена. За расправу ове врсте, међутим, овде немамо простора. б) **варан**, -ана м само у изразима: велики ~, нилски ~ зоол. *врста великог гуштера (...)* *који живи крај Нила*; **депонентни**, -а, -о у изразу: ~ глагол грам. *глагол који има облик пасива а медијално значење (у латинском језику)*. Након граматичке и понекад језичко-стилске идентификације наводи се израз који се по потреби квалификује и семантички дефинише (описно или упућивањем). Дакле, дефинише се израз, а не одредничка реч, што сматрамо мањкавошћу, будући да реч има своје значење (које се реализује уз задани семантички детерминатор), те га треба дефинисати (на начин како је то учињено под а): **депонентни**, -а, -о у изразу: ~ глагол грам. *који има облик пасива а медијално значење (у латинском језику)*; исп. ~ глагол (под глагол изр.). У случају именице *варан* може се схватити да је дефинисано значење именице, а не израза. в) **гребешки**, -а, -о у изразу: ~ гвожђе в. *гвожђе (изр.)*⁶. Након граматичке и језичко-стилске идентификације наводи се израз, који се по потреби квалификује, и затим дефинише (описно или упућивањем). У овакавим случајевима, када реч са синхроног становишта није семантички прозирна, оправдано је дефинисати израз. (II) а) У синтагматском изразу: **дописујући**, -а, -е заст.

⁶ **гребешко гвожђе** заст. *врста челика од кога се праве мачеви*.

у изразу: ~ члан *в. дописни* (*изр.*)⁷, или фразеолошком изразу: **нетраг** м у изразима: *отићи до нетрага*, у нетраг *отићи*, *нестати бестрага*, *пропасти*; *изгубити се*, *нестати*. Након граматичке и језичко-стилске идентификације наводи се израз и по потреби квалификује, затим дефинише (описно или упућивањем). Пошто је значење посматране лексеме условљено значењем изрази у којем се јавља (дошло је до померања или промене основног, на основу творбене структуре предвидивог значења), регуларно је дефинисати значење изрази, не лексеме.

У Речнику САНУ, међутим, постоје и такви примери обраде када се значење лексеме ипак дефинише, иако у језичкој пракси не постоји семантичка позиција у којој би се оно реализовало: **батаљка** ж *мала батина*, *штап*; исп. бат¹ (2а) (само у изразу: *аљку на батаљку в. аљка* (*изр.*))⁸. Будући да речници не бележе потенцијална значења лексема, већ само остварена, треба поставити питање оправданости такве обраде.

Сасвим је сигурно да има још примера који показују недоследности или омашке у лексикографској обради, које су последица комплексности израде сваког великог речника, као и примера које би ваљало посебно размотрити (попут Еустахијев, Гордијев, Медејин и сл.). Зато би било потребно да се у даљим истраживањима на детаљно ексцерпираним корпусу из објављених томова Речника САНУ до сада обрађени примери у потпуности проуче, да се утврде параметри за њихову класификацију, како би мањкавости у обради биле сведене на минимум, а недоследност и неуједначеност у обради уступиле место доследности и систематичности, јер је већ из овог невеликог истраживања јасно да није реч о казационалној појави у језику, већ својеврсном системски организованом типу лексике, заједничких семантичких, синтаксичких и прагматичких својстава.

ЛИТЕРАТУРА

- Гортан-Премк Д. Полисемија. – Београд: Завод за уџбенике, 2004. — 188 с.
- Недељков Љ. Проблем вишечланих лексема у лексикографској пракси // Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе. – Нови Сад – Београд: МС, САНУ, Институт за српски језик, 2002. — С. 243–249.
- Николић М. Тешкоће при утврђивању одреднице у речницима српског језика // Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе, Нови Сад — Београд: МС, САНУ, Институт за српски језик, 2002. — С. 49–56.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика: књ. I–XVIII. — Београд: САНУ – Ин-т за српски језик, 1959–2010.
- Упутства за обраду Речника САНУ, за интерну употребу. – Београд: Ин-т за српски језик (рукопис).
- Prčić T. Semantika i pragmatika reči. — Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 1997. – 149 с.
- Zgusta L. Priručnik leksikografije. Sarajevo: Svjetlost, 1991. — 335 s.

⁷ дописни члан (академије наука, научног друштва и сл.) нижи степен чланства у високим научним установама.

⁸ аљку на батаљку дићи (узети и сл.) 1) скупити своје ствари (кад их нема много), па кренути на пут, отићи; исп. покупити прђе. 2) беспосличити, не старати се ни о чему; скитати.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF WORDS OCCURRING ONLY AS SET PHRASE COMPONENTS (STATUS, USAGE, GOALS)

I. Lazich-Konjik, J. Miloshevich

The paper analyzes unique phraseologically bound words, i.e. words occurring only in set phrases. It displays their status in Serbian lexicographic practice (Dictionary of Serbian Academy), presents their lexical collocation patterns, and their Dictionary definitions. It also points out the necessity of their further comprehensive study. Practical significance of suchlike lexical study lies in its lexicographic aspect, which aims at achieving unified lexicographic presentation of the words under study.

Key words: phraseologically bound words, lexicographic practice, collocation pattern, uniformity.

© 2011

Л. Я. Костючук

МНОГОАСПЕКТНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА (ДИАХРОННЫЙ
И СИНХРОННЫЙ АСПЕКТЫ)

Лексикография как важная отрасль языкознания касается разработки филологических и других вопросов (лингвокультурных, социальных, исторических), связанных с основной языковой единицей — словом. Практические результаты работы лексикографов — это создание словарей. Как представитель Ларинской школы лексикографии, который вместе с коллективом словарников из СПбГУ и ПГПУ создает «Псковский областной словарь с историческими данными», обращаю внимание на значимость многоаспектных лингвистических исследований, без которых подчас невозможно определить статус слова в словаре.

Ключевые слова: многоаспектные лингвистические исследования, лексикография, словарная статья, синхрония, диахрония.

Творческая мысль учёного всегда направлена на обнаружение необходимых явлений прежде всего той сферы, которая связана с номинацией. В любых временных рамках и в любых проявлениях языка можно найти такие наименования, которые вызывают сначала недоумение, если сталкиваешься с неизвестным объектом, действием, признаком, а затем восхищение удивительной находкой народа или индивидуального автора: для называния соответствующего участка действительности выбраны, оказывается, самые точные звуковые, морфемные сочетания, порождающие слова, единственно подходящие для данного названия. Следую-

Костючук Лариса Яковлевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Псковского государственного педагогического университета. E-mail: anh57@yandex.ru

ший шаг у познающего такие находки — это стремление понять, объяснить с учётом традиционного или индивидуального, общерусского или локального (местного), повторяющегося и воспроизводимого (узуального) или окказионального бытия данного лексико-фразеологического явления. Обращение к словарям для проверки адекватности понимания лексемы и установления её планов выражения и содержания — естественный путь для носителя языка, если он хочет и понять услышанное или прочитанное, и включиться в ненарушенную коммуникацию. Для этого участник коммуникации письменной (на базе письменного источника) или устной (на базе звучащей речи при непосредственном общении) сразу после «встречи» с заинтересовавшим его словом или через некоторое время определяет путь к соответствующим словарям.

Напр., в полевых условиях записываем ручкой в тетрадь или на диктофон слово *обáбок* / *обáбки* в ответ на вопросы «Программы для ЛАРНГ» [Программа, 1, 1994] относительно того, как в данном месте называют 1) грибы вообще (общее название), 2) белый гриб как одну из разновидностей грибов. Обычно это слово обозначает 'гриб подберёзовик'. При беглом восприятии ответных контекстов хочется отстраниться от зафиксированного слова. И если собиратель и, главное, проверяющий записанного в поле материала проигнорируют полученную информацию и не перепроверят её вовремя с последующим обращением к справочным словарям [СРНГ 1965–2010; Даль 1956; ЭССЯ 1974–2010], то будет совершена грубая ошибка: будет потеряна значимая единица номинации реалии и исказится семантическая картина данного слова в говорах.

И в начале второго десятилетия XXI в. не теряет своей значимости выступление Б. А. Ларина в 1960 г. о новых словарях, создающихся в учебных заведениях (ЛГУ и ПГПИ). Талантливый организатор словарной работы неустанно подчёркивал взаимосвязь теоретических исследований и практических результатов на базе использования теоретических сведений при создании словарей. Он остановился прежде всего на типологически новых словарях — писательском Горьковском словаре [Сл. Горького 1974–1990] и Псковском областном [ПОС 1967–2009]: они «не примыкают к традиции, а ставят задачу некоторого обогащения лексикографической теории и практики» [Ларин 2003: 650]. Сближает эти словари принцип полноты материала, отражающийся в словнике и в словарных статьях.

Оригинальна теоретическая установка Б. А. Ларина на соотношение дифференциального и полного словаря диалекта: сначала должны быть выяснены «точно установленные по <...> полным словарям несовпадения и в словнике, и в семантике диалектной и общей лексической системы», а «не произвольный набор местных словечек» [Ларин 2003: 653]. Но полнота понимается Б. А. Лариным диалектически, поскольку «полнота безусловная достижима только в отношении текста, имеющего начало и конец, установленный объём» [Там же]. Последнее и позволило уже закончить уникальный авторский словарь по трилогии М. Горького [Сл. Горького 1974–1990].

Живой же язык и диалект «непрерывно меняются и не определимы так чётко в своих границах» [Ларин 2003: 653]. Значит, относительная неполнота полного областного словаря «противопоставляется произвольной выборочности, дифференциальности (не строго научной, а дилетантской)» [Там же]. Поэтому собиратель в пределах зафиксированных записей, под руководством опытного ру-

ководителя, должен выявить «интересные» и необычные семантические сдвиги в значении слова у данного информанта (а может быть, и в говоре вообще). Богатейшая Картотека ПОС ежегодно пополняется новыми контекстами (теперь их не менее двух миллионов в двух вузах — СПбГУ и ПГПУ)

Когда-то в экспедиции на Брянщине обратило на себя внимание слово *снеговой*, услышанное в таком контексте: «*А вдруг да ты снеговым окажешься?!*» — сказала бабушка Трофимовна в повествовании о молодом солдате, прошедшем целую ночь по железнодорожным путям в деревню на встречу с девушкой-учительницей, жившей у Трофимовны (транспорта не было). Восхищаясь его поступком, мудрая женщина как бы предупреждает его от возможного в будущем плохого отношения к возлюбленной. На вопрос собирателя: «А что значит *снеговой*?» — последовал ответ: «*А вот как снег полежал-полежал, да и растаял...*». Так состоялось понимание реализации дискурсной ситуации, и собиратель смог зафиксировать значение ‘непостоянный’ с явной метафоризацией.

50 лет назад Б. А. Ларин продолжал ставить максимальные задачи перед словарниками: он понимал, что в специальном Межкафедральном словарном кабинете будут «подготавливаться теоретические статьи и словари», «в его программу <...> войдут <...> словари и разработка теоретических вопросов лексикологии и лексикографии» [Ларин 2003: 655].

За эти годы не раз совершенствовалась «Инструкция Псковского областного словаря» [Ларин 1961; Ларин 1962; Состав словаря 1967: 6–18; Инструкция 2004: 5–54]. И, действительно, благодаря полноте материала в прошлом (по памятникам псковской письменности XIII–XVIII вв.) и настоящем (по современным псковским говорам) выявлена синонимика диалекта (даны с пометой «*ср.*» не только ко всей лексеме, но по возможности и к каждому из значений и каждому проявлению сдвига в семантике; примеры см. в выпусках ПОС); создан 21 выпуск с детальной проработкой семантики каждого слова. Тщательность разработки структуры словарных статей, такие толкования значений, которые не должны быть просто переводом, отсылкой к общеизвестным значениям слов [Ларин 2003: 651–652]. Много и других советов учёного помнят составители ПОС.

Успех в лексикографической практике, по мнению Б. А. Ларина, может быть только в том случае, если «полноценная продуктивная словарная работа ведётся непрерывно» [Там же: 651]. Талантливый учёный убедил руководство ЛГУ, что «начатые <...> словарные работы представляют научную ценность и должны быть поддержаны» [Там же]. И только при внимании к слову в разных его проявлениях и контекстах можно было обнаружить, напр., у слова *мох* в псковских говорах 11 значений с взаимосвязанными семами: ‘определённое споровое растение’, ‘болото’. Они усматриваются и во внутренней форме фразеологизма *мох и болото* ‘много небылиц, глупостей’, который сопровождается глаголами говорения. Словарная статья под названием «Мох» содержит большое количество однословных и сверхсловных микропонимов, созданных на базе компонента *мох*. Многие значения из современных говоров перекликаются со значениями из памятников письменности [ПОС, 18, 2006: 408–416].

Главные семы сохраняются у слова *мох* и в староверческих говорах на территории Эстонии [Паликова, Ровнова 2008], Польши [G.-Pabisowa, Maryhiakowa 1980], которые сохранились диалектоносителями, выходцами со Псковской

земли в окружении неродных языков. В дифференциальном словаре староверов Эстонии в одном из примеров содержится слово *болота* (ж. р.): «Заросло всё мхом и *болотой*» [Паликова, Ровнова 2008: 91]. Этот диалектизм стоило бы отразить в староверческом словаре. Такая лексема известна и материнским псковским говорам [ПОС, 2, 1973: 89]. В польском староверческом словаре слово *тох*, зафиксированное только с одной косвенной формой *то́хи*, трактуется только переводом ('*mech*', т. е. 'мох'), без вычленения специфики значения у слова [G.-Pabisowa, Maryhiakowa 1980: 155].

Для решения вопроса, сближать ли вариантные фонетические составы лексем как одну лексему или признать за ними статус лексикализованных разных лексем, приходится проводить более или менее углублённый этимологический анализ. Так, у разных коллег оказались словарные статьи на *отдых*, *отдох*, *отдох* с близкими, но не полностью совпадающими значениями. Появилось предложение объединить все эти лексемы как варианты одной. Пришлось обратиться к ЭССЯ. В праславянском языке обнаруживаем имена с **-ā-* и **-o-* основами как бессуффиксальные образования от глаголов:

1) **otъdъxa* / **otъdъxъ* — от глагола **otъdъxati* и **otъdъxnqti* [ЭССЯ, 36, 2010: 229] (в русском языке это слово *отдых*); 2) **otъdъxa* / **otъdъxъ* — от глагола **otъdъxnqti* [ЭССЯ, 36, 2010: 226–227] (в русском языке это слово *отдох*; в корне *dъx-* проявляется сильный редуцированный); 3) **otъdъxa* / **otъdъxъ* — от глагола **otъdъxati* [ЭССЯ, 36, 2010: 320] (в русском языке это слово *отдох*; в прошлом звук **и* произошёл из дифтонга **ou*).

Следовательно, в вариантах одного корня *дох-* / *дых-* / *дох-* проявляются рефлексы древнего количественного различия звуков (**й-краткий* / **й-долгий* / дифтонг **ou*). Это закрепилось в лексикализованных явлениях русского языка, известных говорам: *отдох*, *отдых*, *отдох*. Значит, словарные статьи целесообразно создавать отдельно со своими системами значений для каждого вида корня, но при соотнесённости семантики — через помету «*ср.*».

Мы привели ряд примеров, которые заставили нас, как и многих других лексикографов и лексикологов, работающих в аспекте избранного направления, обращаться к размышлениям 1) а) об отборе лексем для словника, б) о вычленении их как самостоятельных единиц, в) или как однокоренных вариантов, г) или как синонимов в соответствующих значениях в пределах своей семантической структуры; 2) о словообразовательной структуре анализируемого слова; 3) о различиях в грамматической характеристике лексем; 4) о соотношении слова из контекста диалектной лексической системы и общерусского слова; 5) о наличии или отсутствии лексем в памятниках прошлого той же территории для изучения их семантической структуры при выяснении непрерывной исторической линии развития; 6) о свободном и несвободном использовании слова в изучаемой лексико-фразеологической системе а) для характеристики типа фразеологизма или б) для вхождения / невхождения в поле действия собственных имён на фоне апеллятивов и т. д.

Надежда на добросовестную и интересную работу составителей над намеченными в Межкафедральном словарном кабинете словарями позволила Б. А. Ларину ещё в 1960 г. сказать, что «начатые нами работы будут оправданы и принесут плодотворные результаты» [Ларин 2003: 655]. 50-летие Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина свидетельствует о безусловных до-

стижениях в лексикографии [МСК 2010]. Рассуждая о том, что такое лексикография, А. С. Герд интересно подводит к тому, что «это теория и практика представления данных о мире, выраженных в языке в форме, удобной для человека». Но т. к. «лексикография чаще всего имеет дело с определением и описанием слов и словосочетаний», то это «делает её одним из основных социально востребованных обществом направлений языкознания», а не просто относит лексикографию «к документоведению, книговедению, издательскому делу, к информатике» [Герд 2010: 153].

ЛИТЕРАТУРА

Герд А. С. Существует ли общая теория лексикографии как предмет языкознания? // Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина: сб. ст. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2010. — Л. — С. 151–154.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Гос. изд-во нац. и иностр. слов., 1956.

Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я ред.) // Псковский областной словарь с историческими данными. — СПб.: СПбГУ, 2004. — Вып. 15. — С. 5–54.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. — Л.: ЛГУ, 1961. — 23 с.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. — Псков: ПГПИ, 1962. — Вып. 1. — С. 252–271.

Ларин Б. А. О работе над новыми словарями // Ларин Б. А. Филологическое наследие: сб. статей. — СПб.: СПбГУ, 2003. — С. 649–655.

МСК: Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина: сб. ст. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2010. — Л.

Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. — Тарту: О-во культуры и развития староверов Эстонии, 2008. — 160 с.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. — СПб.: ИЛИ РАН, 1994. — Ч. 1–2.

ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. — Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2009. — Вып. 1–21 (изд. продолжается).

Сл. Горького: Словарь автобиографической трилогии М. Горького. — Л.: ЛГУ, 1974–1990. — Вып. 1–6.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. — М.; Л. (СПб.): Наука, 1965–2010. — Вып. 1–43 (изд. продолжается).

Состав словаря // Псковский областной словарь с историческими данными. — Л.: ЛГУ, 1967. — Вып. 1. — С. 6–18.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. — М.: Наука, 1974–2010. — Вып. 1–36 (изд. продолжается).

Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Polska academia nauk, 1980. — 404 s.

MULTI-ASPECT LINGUISTIC STUDIES AND LEXICOGRAPHIC PRACTICE (DIACHRONIC AND SYNCHRONIC ASPECTS)

L. Ya. Kostiuchuk

Lexicography is a key branch of linguistics dealing with philological and other issues (linguocultural, social, historical) of word as the main language unit. Lexicographers' work

results in compiling dictionaries. The author of the article as one of Boris Larin's lexicography school contributes to the *Pskov Regional Dictionary with Historical Data* together with colleague lexicographers from St Petersburg State University and Pskov State Pedagogical University, and highlights multi-aspect linguistic studies without which it is often impossible to define word status in a dictionary.

Key word: multi-aspect linguistic studies, lexicography, dictionary entry, synchrony, diachrony.

© 2011

С. Н. Лесников

ГИПЕРТЕКСТОВЫЙ ТЕЗАУРУС МЕТАЯЗЫКА НАУКИ*

В статье рассматривается создание «Гипертекстового информационно-поискового тезауруса «Метаязык науки»» со структурных, математических, лингвистических позиций, с точки зрения проблемы программного обеспечения, включая лингвистические, математические и экономические разделы. Можно предположить, что словарная статья тезауруса, описывающего метаязык лингвистики, даст детальную информацию о термине (его значение) и его концептуальные связи с другими терминами (лексическими единицами и, при наличии такой возможности, более чёткие и определённые связи с его лексико-семантическими вариантами).

Ключевые слова: метаязык, словарь, энциклопедия, тезаурус, русский язык, глоттология, лингвистика, языковедение, языкознание.

При моделировании информационно-поискового тезауруса (ИПТ) учитывался опыт ведущих языковедов и, главным образом, уже изданные тезаурусы на русском языке: информационно-поисковый, по библиотечному делу и научной информации, по информатике, по автоматизированным системам управления и обработке информации, по геологии; по литературе, литературоведению и фольклористике; по органическим реакциям, по философии, по автомобильному транспорту, по атомной науке и технике, лингвистической терминологии, по языкознанию, по чёрной металлургии, по теоретической и прикладной лингвистике и т. д. Отдельно необходимо выделить идеографические словари.

Лесников Сергей Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры Сыктывкарского государственного университета. E-mail: serg@lsw.ru; gowor@online.ru; lsw@mail.ru; lsw@syktsu.ru

*Издаётся при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по инициативному исследовательскому проекту (грант) N 11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки»» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (науч. рук. — С. В. Лесников).

Учитывались также принципы лингвистического конструирования и приёмы разработки тезауруса на лингвистическом материале, которые в своих работах сформулировали И.В. Азарова, Л.Н. Беляева, Д. Варга, А.А. Витухновской, А.С. Герд, Р.С. Гиляревский, М.П. Данилов, С.В. Жмайло, Ю.Н. Караулов, О.А. Лаврёнова, Э.Я. Лесохина, О.А. Митрофанова, А.И. Михайлов, С.Е. Никитина, А.Ф. Паркер-Роудс и С. Уордли, Р.Г. Пиотровский, В.Д. Сидорченко, А.А. Синопальникова, В.Б. Смиренский, А.В. Соколов, А.А. Ушакова, А.И. Чёрный, В.А. Чижаковский, А.Я. Шайкевич, Е.В. Шингарёва, М.В. Яворская.

Предполагается, что словарная статья гипертекстового информационно-поискового тезауруса метаязыка лингвистики будет давать исчерпывающую информацию о термине (с принятой в данном словаре степенью детализации — смысл термина) и о его понятийных связях с другими терминами — лексическими единицами (ЛЕ), а также, по возможности, точнее и детальнее — с их лексико-семантическими вариантами (ЛСВ).

Кратко изложим основные этапы.

А. Разработка структуры ИПТ. Определение тематического охвата ИПТ. Выбор источников и кластеризация предметной области (прежде всего, лингвистика, математика, экономика). При выборе источников учитываются: а) наиболее точное соответствие лексического материала предметной области; б) технологическая насыщенность и важность источников.

Б. Конструирование программного обеспечения; обеспечение интуитивно-понятного и дружелюбного интерфейса. Программное обеспечение (в частности процедуры разметки, загрузки и параметризации лексической базы данных) разрабатывается и создаётся на следующих языках: PERL (Practical Extraction and Report Language) — практический язык для извлечения данных и составления отчётов; PHP (Preprocessor of Home Pages) — препроцессор гипертекста — язык программирования, созданный для генерации HTML-страниц на веб-сервере и работы с базами данных; SQL (Structured Query Language) — язык структурированных запросов — универсальный компьютерный язык, применяемый для создания, модификации и управления данными в реляционных базах данных; Python — высокоуровневый язык программирования общего назначения с акцентом на производительность разработчика и читаемость кода. Синтаксис ядра Python минималистичен. В то же время стандартная библиотека включает большой объём полезных функций. Python поддерживает несколько парадигм программирования, в том числе структурное, объектно-ориентированное, функциональное, императивное и аспектно-ориентированное. Основные архитектурные черты — динамическая типизация, автоматическое управление памятью, полная интроспекция, механизм обработки исключений, поддержка многопоточных вычислений и удобные высокоуровневые структуры данных. Код в Питоне организовывается в функции и классы, которые могут объединяться в модули (те, которые в свою очередь могут быть объединены в пакеты). ИПТ является не только самостоятельным и самодостаточным компьютерным ресурсом, но и инструментом для поиска, классификации, систематизации и индексации ресурсов. Пользователь ИПТ имеет возможность осуществлять просмотр тезауруса, поиск по ключевым словам и ассоциированным терминам (дескрипторам, классам, темам), навигацию по тезаурусу (поиск искомого понятия в тезаурусе с последующим запросом

ресурсов, соответствующих этому понятию). При поиске ресурсов по ключевым словам ИПТ позволяет расширять результаты поиска, выдавая пользователю не только ресурсы, соответствующие введённым пользователем ключевым словам, но и ресурсы, соответствующие связанным с ними понятиям (семам), или терминам, обозначающим также более узкие понятия относительно исходного термина. Интерфейс ИПТ позволяет показывать атрибуты данного термина, гиперссылки и связи данного термина, место термина в иерархии понятий тезауруса. Перспективным направлением является разработка не однозначных, а мультигипертекстовых ссылок, когда в тезаурусе схемой данных будет разрешена привязка термина более чем к одному понятию, а также в случаях, когда у понятия есть эквиваленты на других языках. Наглядно показать пользователю место термина или понятия в тезаурусе достаточно сложно, поскольку достаточно наглядное отображение полииерархической структуры на одном экране, в отличие от иерархии, довольно сложно как для отображения, так и для восприятия пользователем. В частности, в общем случае затруднительно обходиться без пересекающихся линий, показывающих иерархические, гипертекстовые связи между понятиями, а потому целесообразно на первом этапе показывать только часть понятий и связей, которые, с одной стороны, были бы легко программно реализуемы, отображаемы и адекватно воспринимались пользователем и в то же время достаточно наглядно показывали бы место понятия в общей иерархии тезауруса.

В. Составление Генерального словника (аскрипторы, дескрипторы, лексические единицы, одиночные слова — существительные, прилагательные, глаголы, наречия, именные словосочетания, лексически значимые компоненты сложных слов, сокращения слов и словосочетаний, реляторы тезауруса). Пополнение лексической базы данных. В Генеральный словник включаются вокабулы (заголовки словарных статей) с указанием, в каких словарях можно найти информацию о том или ином слове. Здесь актуализируется информация не столько по электронным версиям (которые загружены в компьютерную словарную базу данных, т. е. такие вокабулы и так найдутся по запросу а) «целиком слово»), а, прежде всего, словники книжных (бумажных) словарей и словники с других словарных порталов. По числовому коду словаря выдаётся библиография к исходному словарю и гиперссылки соответствующих источников. Идея Генерального словника русского языка восходит к научной программе «Машинный фонд русского языка (МФРЯ)» (главный конструктор В. М. Андрющенко). Первым компонентом МФРЯ является Генеральный словник русских словарей, который может быть создан как семейство однородных баз данных на основе Сводного словника, созданного в Словарном секторе Института русского языка АН СССР, и других «словнико-подобных» словарей, таких, как «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка и др. Объектом хранения в этой базе данных является вокабула, т. е. слово, являющееся потенциальным заголовком какой-либо словарной статьи и именем определённого лексического значения; его атрибутами станут номера или идентификаторы значений, а значениями атрибутов — имена и входы баз данных, в которых данное слово или его формы зафиксированы в качестве значений атрибутов каких-л. объектов — словарных статей, текстов, грамматических правил, статистических сводок, научных статей и т. п. Очевидно, что многоаспектный поиск по заданным значениям атрибутов с соответствующими логическими условиями

может давать ответы на такие запросы, как: «Найти перечень словарных статей определённых словарей, для которых имеется информация в терминологической базе данных», «Найти значения вокабулы, стилистически маркированные в словарях», «Найти все глаголы с дефектными парадигмами и сопоставить структуры их словарных статей» и т. п. [Андрющенко 1986: 31]. В 1987–1991 гг. в отделе МФРЯ был сделан вариант генерального словника (небольшой фрагмент от А до П в формате для ЕС ЭВМ нам был доступен).

Г. Выявление семантических полей посредством определения кортежей условной эквивалентности (КУЭ). В КУЭ объединяются лексические единицы, между объёмами понятий которых существуют следующие отношения: а) равнозначность — объёмы понятий совпадают полностью; б) пересечение — объёмы понятий совпадают частично; в) подчинённость — объём одного понятия строго составляет часть другого понятия, но не наоборот; г) внеположенность — объёмы понятий полностью исключают друг друга и при этом не исчерпывают области предметов. В синонимическом ряду выделяется доминанта, т. е. такое слово, которое может заменить любое слово из этого ряда. Доминанту называют дескриптором.

Д. Установление парадигматических (способы выражения: аналитический, графический, лексикографический, табличный), иерархических (транзитивность и антисимметричность), ассоциативных, грамматических (сюда же можно отнести транслитерацию и варианты записи слов), межъязыковых (основа построения машинного переводчика), семантических (антонимы, гиперонимы, гипонимы, синонимы, гендерные синонимы; уменьшительно-ласкательные, усилительные-увеличительные), семантико-грамматических (связи действия, свойства, инструмента, местопребывания. Особенность этих связей в том, что это, главным образом, однокоренные слова, что роднит их с грамматическими связями и они выражают определённые отношения между термами), реляционных, родо-видовых связей. Основными типами связей являются: а) род — вид, б) часть — целое, в) причина — следствие, г) сырьё — продукт, д) административная иерархия, е) процесс — объект, ж) функциональное сходство — процесс — субъект, з) свойство — носитель свойства, и) антонимия.

Е. Создание словарных статей и лексико-систематических (тематические, категориальные, смешанные), пермутационных, иерархических и др. указателей и списков специальных категорий лексических единиц (общие категории — названия дисциплин и отраслей деятельности; предметы, материалы; методы, процессы, операции, явления; свойства, величины, параметры, характеристики; отношения, структуры, модели, законы, правила, абстрактные понятия). Словарная статья может включать в себя частоту использования дескриптора; кодовый номер дескриптора, код дескриптора по систематическому указателю, классификационные индексы, дополнительные семантические и лексикографические пометы, иноязычные эквиваленты.

Ж. Автоматизация процессов построения тезауруса: а) частотный, статистический анализ; б) коррекция статей; в) сортировка словников; г) проверка взаимности и непротиворечивости ссылок; д) составление указателей; е) конвертация в требуемых форматах и кодировках.

З. Ввод в научный оборот и технологическое внедрение.

ЛИТЕРАТУРА

Андрющенко В. М. Концепция и архитектура Машинного фонда русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. — М.: Наука, 1986. — 239 с.

Лесников С. В. Словарь русских словарей: более 3500 источников. — М.: Азбуковник, 2002. — 334 с.

HYPERTEXT THESAURUS OF SCIENCE METALANGUAGE

S. N. Lesnikov

The article presents “Hypertext Information Retrieval Thesaurus of Science Metalanguage” focusing on structural, mathematical, linguistic and software issues, and considering linguistics, mathematics, and economics sections. It can be assumed that the dictionary entry of the thesaurus dealing with linguistics metalanguage will give detailed information about the term adopted in the dictionary granularity (the meaning of the term) and its conceptual links with other terms (lexical units and, if possible, more clear and definite links with their lexical-semantic variants).

Key words: metalanguage, dictionary, encyclopedia, thesaurus, Russian, glottology, linguistics, language study, philology.

© 2011

Е. В. Харченко

СЛАВЯНСКИЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК МОДЕЛЬ ОБРАЗА МИРА

В статье представлен анализ славянского ассоциативного словаря. Обосновывается психолингвистический подход к выявлению образа мира у носителей разных культур. Предлагается анализ нескольких словарных статей.

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание, образ мира, Славянский ассоциативный словарь.

Несмотря на то, что впервые ассоциативный эксперимент был использован для исследования речевого поведения в 1901 г. А. Тумбом и К. Марбе, а первый словарь вербальных ассоциативных норм был опубликован в 1910 г., ассоциативные словари недостаточно используются лингвистами, хотя именно они могут стать незаменимыми источниками информации, особенно в такой области, как межкультурная коммуникация.

Харченко Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры культуры речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

В основе любого ассоциативного словаря лежит эксперимент, который заключается в том, что испытуемому даётся слово-стимул и предлагается реагировать на это слово первым «пришедшим в голову» словом или словосочетанием (подробное описание ассоциативного эксперимента и словарей см.: [Горошко 2001], [Залевская 1999], [Леонтьев 1977]). Н. В. Уфимцева пишет, что получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отражённого в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [Уфимцева 1996]. Ассоциативные структуры открывают доступ к языковому сознанию носителя языка, позволяют выявить ядро и периферию, устойчивые и актуальные характеристики языкового сознания, системность образа мира как целого, а также позволяют определить способ представления грамматики в сознании наивного носителя языка. По мнению авторов Русского ассоциативного словаря (РАС), ассоциативный словарь моделирует вербальную память и языковое сознание «усреднённого» носителя языка и культуры [РАС 2002].

Н. В. Уфимцева убедительно показывает, что при смене языка система образов, закреплённая в конкретной культуре, остаётся неизменной. Сравним реакцию на стимул *вода*. Носители русской культуры на этот стимул дали следующие реакции: *жизнь* (21), *море* (14), *река* (8), *жидкость* (7), *озеро* (4), *мокрая* (4), *чистая* (3), *прозрачная* (3), *пить* (3), *поток* (2), *H₂O* (2), *жажда* (2), *чистота* (2), *вечность* (2). Единичных реакций — 93, нулевых — 0. Русские, владеющие английским языком, на стимул *water* отреагировали следующими словами: *river* (15), *ocean* (14), *life* (11), *sea* (10), *fire* (9), *drink* (8), *blue* (5), *ice* (3), *clear* (3), *air* (2), *cold* (2), *snow* (2), *liquid* (2), *wet* (2), *pool* (2), *glass* (2). Единичных реакций — 80, нулевых — 1. Реакции носителей английской культуры на стимул *water*: *wet* (13), *drink* (8), *tap* (6), *sea* (5), *cold* (3), *hot* (3), *H₂O* (3), *Rain* (3), *river* (3), *thirst* (3), *cool* (2), *desert* (2). Единичных реакций — 43, нулевых — 3. Можно отметить, что реакции носителей русской культуры на разных языках совпадают в большей степени, чем реакции носителей разных культур на одном языке. Это ещё раз подтверждает мысль о национально-культурном своеобразии картины мира у каждой культуры.

Современная психолингвистика представляет собой область научного знания, предметом которой является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности и языком как главной «образующей» образа мира человека [Леонтьев 1971]. Целостно и системно упорядоченный и осознанный образ (или картина) мира — это абстракция, образ мира осознаётся носителями языка лишь частично и фрагментарно. Бессознательные комплексы, формирующие этническую картину мира, не выходят в светлое поле сознания и не имеют внешней формы выражения. По этой причине возможно описание лишь фрагментов образа мира. В последние 20 лет в Московской психолингвистической школе активно изучается языковое сознание, под которым понимается «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26]. Образы сознания становятся доступными наблюдению лишь в своей внешней и превращённой форме. В качестве овнешнителей образов

сознания выступают разнообразные языковые средства (тексты, слова, фразеологизмы, метафоры в широком смысле), большая часть которых имеет культурную специфику. Эти же языковые средства искажают образы сознания в их внешней репрезентации. Этнокультурная специфика образов сознания может выявляться экспериментальными методами, ведущим среди которых является свободный ассоциативный эксперимент.

В предисловии к РАС говорится о том, что его теоретической основой служит обоснованное в психологии представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, временные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений. Иными словами, ассоциативный словарь можно трактовать как модель сознания человека, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями (вербальными и невербальными значениями) о культуре, в результате чего у читателя формируется представление о фрагменте образа мира, если он — носитель этого же языка и культуры.

Славянский ассоциативный словарь (далее САС) построен на 112 взаимно эквивалентных стимулах по результатам массового эксперимента, проведённого в 1998–1999 гг. с носителями белорусского, болгарского, русского и украинского языков [САС 2004]. Всем испытуемым, студентам в возрасте от 18 до 25 лет в количестве не менее 500 (мужчины и женщины примерно в равном количестве) в один и тот же временной период (1998-1999 гг.) предлагался единый список слов-стимулов. Ассоциативный эксперимент проводился методом письменного анкетирования на родном языке испытуемых. Предварительно исходный список слов-стимулов был переведён двуязычными экспертами на белорусский, болгарский и украинский языки. Анкеты генерировались методом случайных чисел для того, чтобы не было двух анкет с одинаковым порядком слов-стимулов. Время на работу ограничивалось 10 минутами. Подробно проведение эксперимента и сам словарь описаны Н. В. Уфимцевой в предисловии к словарю.

Данный словарь состоит из двух частей — Прямой и Обратной словарей — и даёт картину сочетаемости слов в живой речи естественно-говорящих. Н. В. Уфимцева особо отмечает, что САС предоставляет исследователю уникальную возможность проникнуть в мир образов сознания носителей четырёх славянских культур и выявить их реальные сходства и различия. Особая ценность словаря в том, что он позволяет по-новому посмотреть на различия и сходства в образах мира славян и на проблему славянской общности.

Рассмотрим несколько примеров из словаря. Первые два слова (ДЕНЬГИ и РАДОСТЬ) входят в ядро языкового сознания испытуемых всех четырёх выборок. В ядро языкового сознания (А. А. Залевская, Н. В. Уфимцева) входят реакции, которые характеризуются значительно превышающим среднее для всей ассоциативно-вербальной сети числом связей с разными единицами вербальной сети, т. е. те слова, которые выступили в качестве реакций значимое количество раз. Попробуем проанализировать реакции на слово ДЕНЬГИ. Первые частотные реакции совпадают у всех групп испытуемых: это *багацце* 52; *многа* 28 (у белорусов); *много* 60; *богатство* 25 (у болгар); *много* 41; *богатство* 30 (у русских); *великі* 21; *багатство* 19 (у украинцев); для белорусов, русских и украинцев важно место их

нахождения — *кашалёк* 24; *кошелек* 17; *гаманець* 11; они видят в них зло *зло* 13; *зло* 25; *зло* 10. Белорусы, болгары и русские связывают их с долларами — *доллары* 21; *доллари* 13; *доллары* 11, — и золотом — *золата* 12; *злато* 11; *золото* 10. Это перекликается с выводами Н.В. Уфимцевой, которая провела анализ РАС и выявила то, что «в сознании русских **деньги** прежде всего *большие* (41), *бешие-ные* (14), *шальные* (2), *немалые* (2), *огромные* (2). **Деньги** — это *зло* (9), *грязь* (4), *грязные* (4), *дрянь* (3), *мусор* (2); *грязь, но без них никуда*; *мусор, но их не хватает*; *хлам*, с одной стороны, и *золото* (12), *счастье* (5), *жизнь* (2), *власть* и *свобода* (1), *радость* (1), *свобода* (1), с другой. **Деньги** *нужны* (11), *не пахнут* (8)... По данным Обратного словаря наиболее распространённой реальией, с которой в сознании русских связаны **деньги**, — это *кошелёк* (24) и *время* (13) [Уфимцева 1996].

ГРОШЫ белорусы	ПАРИ болгары	ДЕНЬГИ русские	ГРОШ украинцы
багацце 52; многа 28; кашалёк 24 мала, доллары 21 вялікія 15 зло 13; добра, золата 12 няма 9	много 60; необходимость 26; богатство 25; власть 23; доллари 13; малко 12; злато, средство 11; хартія 10; мръсни 9	много 41; богатство 30; большие, зло 25; власть 24; кошелёк 17; мало 13; доллары 11; зелёные, золото, нужны 10;	великі 21; багатство влада, 19; багато 14; гаманець 11; зло 10; брудні зароблені, 8; достаток зелені, папір 7;

Как и деньги, РАДОСТЬ у большинства испытуемых большая: *вялікая* 32; *большая* 19; *велика* 34. Для всех это счастье: *щасце* 75; *щастие* 127; *счастье* 75; *щастя* 26, она связана с весельем, горем и жизнью: *гора* 31; *вяселле, жыццё* 13; *жыцця* 12 (у белорусских испытуемых); *смях* 25; *веселие* 9 (у болгарских испытуемых), *горе* 41; *веселье* 25; *жизни* 18; *смех* 18; *жизнь* 12 (у русских испытуемых); *життя* 21; *смійх* 18; *весело* 7 (у украинских).

РАДАСЦЬ белорусы	РАДОСТ болгары	РАДОСТЬ Русские	РАДІСТЬ украинцы
шчасце 75 вялікая 32 гора 31 свята 18 сустрэча 16 вяселле, жыццё 13 жыцця 12 добра 8 сум 11	щастие 127; тъга 32; смях 25; голяма 21; мъка, усмивка 20 веселие, успех 9; любов 7; с дете, кръб 6	счастье 75; горе 41; веселье 25; большая 19; жизни, смех 18; грусть 16; моя, улыбка 14; жизнь 12;	велика 34; щастя 26; життя 21; смійх 18; безмежна посмішка, 11; задоволення 8; весело зустрічі, 7; світла свято 6

Душа не входит в ядро языкового сознания, но, на наш взгляд, это понятие тесно связано с нравственно-этическими основами культуры. Здесь мы тоже видим много общего в наиболее частотных реакциях. Все группы выделили то, что ДУША чистая и добрая: *чыстая* 36; *добрая* 17; *чиста* 18, *чистота* 8; *добра* 8; *чи-*

стая 32; добрая 19; чиста 54; добра 20; она связана с Богом и человеком: Бог 31; чалавека 21; чалавек 20; човек 16; Бог, человек, человека 20; людини 17; Бог, Людина 11. ДУША может болеть: балиць 30; болит 9; болят 8; она стремится в рай: рай 19; небе, рай 6; рай 9; рай 8. Душе противопоставлено тело: тьяло 20; тело 52; тіло 22.

ДУША белорусы	ДУША болгары	ДУША русские	ДУША украинцы
чыстая 36; Бог 31; балиць 30; цела 27; чалавека 21; чалавек 20; рай 19; сэрца 18; добрая 17; поцемкі 13	сърце 40; дух 27; тяло 20; чиста 18; добра, човек 16; чистота 8; дете, камбана, моя, нежна, чувства 7; живот, небе, рай 6	тело 52; чистая 32; Бог, человек, человека 20; добрая 19; моя, сердце 12; болит, поэта, рай 9; дух, жизнь, нараспашку, открытая 8	чиста 54; тіло 22; добра 20; людини 17; відкрита, вічна 12; Бог, людина 11; шира 9; болить, рай 8; велика 7; в душу, моя, світло 6

И еще одно слово — БОГАТЫЙ — мы выбрали не случайно: именно в реакциях на этот стимул мы увидели отражение изменений, произошедших в последние годы. Если ядерные (наиболее частотные) реакции также показывают общность картины мира носителей исследуемых культур, то менее частотные сигнализируют о новых тенденциях.

Итак, БОГАТЫЙ — это человек: чалавек 89; човек 23; человек 77; чоловік 69, — или дядя: дзядзька 12; дядя 28; дядько 15, дядя 3. Интересен список тех, кто считается богатым: у белорусов — муж, пан, сусед 8; купец 6; вор, дзед, край 4, у болгар — мошеник 3; аз, лицемер, мафиот, миллионер, мъж, приятел 2; у русских — муж 17; мужчина 14; друг 9; бизнесмен 8; купец, родственник, барин, богач, вор, мужик, я 3, у украинцев — сусід 7; пан 5, бізнесмен, господар, дурень, злодій, підприємець 4; банкір, будинок, дід, президент, родич, я 3. Ему противопоставлен бедный: бедны 66; беден 204; бедный 108; бідний 26.

Описаны качества и действия богатого, он тоўсты 8; добра, духоўна, сквапны, шчаслівы 7; вопыт, злы, жадный 5; алчен, душевно 5; глупав, красив, нещастен 4; лош, надут 3, свободен, независим, спокоен 2; щастлив 7; силён 6; доволен 3; жадный 7; толстый, умный 5; злой 4; несчастный, сильный, скупой, счастливый 3; розумний 6; жадібний, нещасний, щасливый 5; скупий 4. У него есть грошы 55, ураджай 16, дом 8, золата, шмат грошай 7, скарб, стол 5, многа грошай 4 (белорусы); злато 7, власт, успех 3, яхта 2 (болгары); деньги 37; дом 10; золото, урожай, язык 5; стол 4; машина, мешок, душой, опыт, ум 3 (русские); гроші 34; врожай, стіл, урожай 10; край 7; душею, Розум 6; достаток, духовно, на розум, Розумом 3 (украинцы).

Можно отметить общие реакции у трёх групп испытуемых (исключение — болгары), обусловленные, на наш взгляд, тесными контактами и общим информационным пространством: новы рускі (7), новы беларус 4; Бураціна 5; новий русский 20; Буратино (5); Буратино 5, новий руський 4. Только у русских испытуемых отсутствует реакция народ: народ 4; народ 3, народ 6.

БАГАТЫ белорусы	БОГАТ болгары	БОГАТЫЙ русские	БАГАТИЙ украинцы
чалавек 89; бедны 66; грошы 55; ураджай 16; дзядзька 12; дом, муж, пан, прагны, сусед, тоўсты 8; добра, духоўна, золата, новы рускі, сквапны, шмат грошай, шчаслівы 7; вопыт, злы, купец 6; Бураціна, жадный, скарб, стол 5; вор, дзед, край, многа грошай, народ, новы беларус 4	беден 204; пари 34; човек 23; щастлив 7; злато, силен 6; алчен, душевно 5; глупав, красив, нещастен 4; власт, доволен, живот, лош, мошеник, надут, народ, успех 3; аз, баровец, безгражен, безпаричен, доволен, желание, задоволен, искам, качество, лицемер, малко, мафиот, миллионер, мъж, не, независим, опасность, осигурен, охотен, приятел, свободен, сигурност, спокоен, сърце, тъп, це, чичко, чичо, щастие, яхта 2	бедный 108; человек 77; деньги 37; дядя 28; новый русский 20; муж 17; мужчина 14; дом 10; друг 9; бизнесмен 8; жадный 7; Буратино, золото, купец, родственник, толстый, умный, урожай, язык 5; злой, стол 4; барин, богач, вор, душой, машина, мешок, мужик, несчастный, опыт, сильный, скупой, счастливый, ум, я 3;	чоловік 69; гроші 34; бідний 26; дядько 15; врожай, стіл, урожай 10; рід 9; дім, край, сусід 7; душею, народ, розум, розумний 6; Буратино, жадібний, нещасний, пан, щасливий 5; бізнесмен, господар, дурень, злодій, новий руський, підприємець, скупий 4; банкір, будинок, дід, достаток, духовно, дядя, на розум, президент, родич, розумом, я 3

В заключение следует ещё раз подчеркнуть: ассоциативные словари могут помочь лингвистам как в выявлении этнокультурной специфики образов мира, так и в поисках общности в картине мира у представленных славянских народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. — Харьков: М.: Изд. группа «РА-Каравелла», 2001. — 320 с.
- Леонтьев А. А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / отв. ред. А. А. Леонтьев. — М.: Наука, 1971. — С. 7–19.
- РАС: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: Астрель: АСТ, 2002.
- Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — М.: Моск. гос. лингв. ун-т; Ин-т языкозн. РАН, 2004. — 792 с.
- Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. — М.: МГУ, 1977. — 192 с.
- Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М.: Ин-т языкозн. РАН, 2000. — С. 24–32.
- Уфимцева Н. В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. — М.: Ин-т языкозн. РАН, 1996. — С. 139–162.

SLAVIC ASSOCIATIVE DICTIONARY AS A MODEL OF THE WORLD IMAGE

Ye. V. Kharchenko

The paper presents the analysis of the Slavic associative dictionary substantiating psycholinguistic approach to revealing the world-image characteristic of different cultures. The analysis of some dictionary entries is advanced.

Key words: psycholinguistics, linguistic consciousness, world-image, the Slavic associative dictionary.

© 2011

Е. В. Каламбет

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА

Статья посвящена описанию специфических черт словарной статьи в словарях культуры. В центре внимания находятся жанровые признаки словарной статьи: элементарный — комплексный характер, монологичность — диалогичность, коммуникативная цель, концепция автора и др. Анализ материала приводит к выводу о трансформации традиционно стандартизированного жанра. Характер этих трансформаций позволяет говорить о коммуникативной стратегии автора словарной статьи. Ключевая задача исследовательского лексикографического дискурса в этом направлении — описание языковой личности автора словаря посредством описания его коммуникативной стратегии.

Ключевые слова: словарная статья, жанр, трансформации.

Словарная статья традиционно относилась к высоко стандартизированным жанрам научной речи. Одна из активно обсуждаемых в лексикографии проблем — проблема унификации словарного определения и, соответственно, структуры статьи. Тем не менее можно, по-видимому, говорить о том, что развитие словарного дела в конце XX — начале XXI в. определяется двумя разнонаправленными стратегиями: стремлением к объективации и к субъективации в создании лексикографических текстов. Предметом нашего обсуждения является вторая стратегия, репрезентирующая сущностные изменения в современном лексикографическом дискурсе. Попытку определить эти изменения находим в предисловии к «Лексикону нон-классики» под редакцией В. В. Бычкова: «Современный Лексикон гуманитарных знаний — это, прежде всего, не энциклопедия давно устоявшихся научных понятий, раз и навсегда осмысленных <...> описанных и сданных в архив культуры <...> Сегодня Лексикон — это принципиально открытая, динамически развивающаяся исследовательская система; может быть, в современной стреми-

Каламбет Елена Васильевна — кандидат филологических наук, МОУДОД ЦДОД «Малая академия» (г. Краснодар). E-mail: kalambet99@mail.ru

тельно меняющейся научно-культурной ситуации — одна из наиболее адекватных ей форм научного исследования» [Лексикон нон-классики 2003: 6].

Такому пониманию назначения и сущности словаря в высшей степени соответствуют лексикографические издания, которые можно объединить названием «словари культуры». К ним относятся, напр., «Константы: Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова, «Энциклопедический словарь культуры XX века» В. Руднева, «Лексикон нон-классики. Художественно-эстетическая культура XX века» под редакцией В. В. Бычкова, «Словарь по семиотике культуры» С. Махлиной.

Первое же знакомство с названными выше текстами убеждает в том, что словарная статья подвергается в них серьёзным жанровым трансформациям. Термин «жанр» используется в том понимании, которое представлено в статье М. Ю. Федосюка «Нерешённые вопросы теории речевых жанров»: «Уточняя М. М. Бахтина, удобнее считать, что речевые жанры — это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, а текстов» [Федосюк 1997: 104]. Несмотря на то, что все три основания определения подвергались у разных исследователей аргументированной критике (см., напр., [Степанов 2005]), применительно к словарной статье их можно считать релевантными.

Для описания жанровых трансформаций словарной статьи воспользуемся моделью речевого жанра, разработанной Т. В. Шмелёвой [Шмелёва 1997]. Жанрообразующих признаков семь: 1) коммуникативная цель (главный признак, дающий основание для различения жанров); 2) концепция автора; 3) концепция адресата; 4) событийное содержание (актанты, их отношения и др.); 5) фактор коммуникативного прошлого; 6) фактор коммуникативного будущего; 7) языковое воплощение. Применительно к нашему объекту исследования важным также является фактор «элементарный — комплексный» (элементарный жанр — не содержащий компонентов, которые могут быть определены как тексты определённых жанров; комплексный жанр — тип текстов, состоящих из компонентов, каждый из которых представляет собой текст определённого жанра [Федосюк 1997: 104]).

Если понятия «элементарный» — «комплексный» применительно к жанру словарной статьи считать не контрадикторными, а контрарными коррелятами, то можно отметить, что словарная статья словаря культуры тяготеет к «комплексности», тогда как традиционная словарная статья словаря терминов, энциклопедического словаря (к которым генетически восходит словарь культуры) тяготеет к «элементарному» полюсу. Таким образом, одна из важнейших особенностей словарной статьи словаря культуры — её насыщенность компонентами, представляющими собой определённые жанры. Так, текст статьи «Словаря русской культуры» включает большое количество разнообразных жанров, из которых на первом месте — научные (научная монография, научная статья, автореферат кандидатской и докторской диссертации, словарная дефиниция, статья учебника, рецензия, научно-философский, философский трактат и др.), на втором — художественные (пословица, мемуары, героический эпос, легенда, лирические произведения, в том числе сонеты, элегии и др.), хотя есть и публицистические (напр., интервью, судебная речь). Подавляющее большинство «включённых» жанров — вторичные, но есть и первичные, напр., письмо [Степанов 2004].

Способы включения в словарную статью компонентов других жанров различны. Простейший — это соположение, когда можно отметить границы между

фрагментами разной жанровой природы. Напр., в «Словаре по семиотике культуры» С. Махлиной: «Вот небольшая выдержка из письма скульптора к Дидро: “... я стою поэтому за статую этого героя, которого представляю себе не великим полководцем и не завоевателем, хотя он и был, конечно, таковым...”» [Махлина 2009: 346–347]. Или в «Энциклопедическом словаре культуры XX в.» В. П. Руднева: «Пример <...> такого типа — объяснение в любви между Константином Левиным и Кити <...> “— Вот, — сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и, т...”» [Руднев 2009 <http>].

Другая форма присутствия иножанрового компонента — своеобразное «перетекание» жанров, жанровая диффузия. Мы можем наблюдать, как научное рассуждение переходит в художественную зарисовку («Но какой образ [образ культуры] возникает из него? А вот какой: образ некоего пространства, отнюдь не пустого и отнюдь не безразличного, а как бы вибрирующего, имеющего температуру, где прохладного, где тёплого, где горячего, где обжигающего, которое мы ощущаем тоже всем своим единым существом; пространства, в котором витают идеи, образы, сцепляющиеся в ряды, в объёмы...») [Степанов 2004: 40–41]. Или приобретает публицистическое звучание: «Культура беззащитна перед прогрессом. Это грустный вывод. Об этом пишутся книги. Вспомним романы Е. Замятина, Д. Оруэлла, Р. Брэдли. Да и современная литература не лишена пессимистических представлений. Так, роман «Кысь» Т. Толстой рисует жизнь после взрыва. Атомного...» [Махлина 2009: 342]. Или принимает облик мемуаров. Т. е. происходит не просто количественное, а качественное преобразование жанровой структуры словарной статьи.

Ещё один важный аспект — монологический / диалогический характер жанра. По М. М. Бахтину, любой текст предполагает некую ответную позицию адресата — реальную или подразумеваемую, «чужое слово» [Бахтин 1996]. И словарная статья толкового или энциклопедического словаря, и научная статья не лишены диалогизма (напр., скрытая полемика с предшественниками, оппонентами). Но каноны этих жанров определяют имплицитную его форму. В словаре культуры диалогизм эксплицируется. Так, обычная коммуникативная стратегия в словаре Ю. С. Степанова «Константы», используемая и в других исследуемых изданиях, — приведение точки зрения реального или воображаемого оппонента, которая затем опровергается. Причём диалогизация текста происходит иногда в буквальном смысле: в Предисловии объяснение содержания и структуры словаря даны в форме диалога с воображаемым оппонентом.

Эти наблюдения позволяют заключить, что словарная статья словаря культуры на разных уровнях своей организации демонстрирует подвижность, движение а) от элементарного — к комплексному, б) от научного к художественному, публицистическому, в) от монологического к диалогическому полюсу.

По Ю. М. Лотману, качественное приращение смысла появляется тогда, когда у творца появляется выбор, альтернатива. Тот факт, что автор словарной статьи в словаре культуры получает возможность выбирать в рамках представленных бинарных оппозиций, позволяет говорить применительно к словарному жанру об определённой коммуникативной стратегии (на уровне автора) и об определённой коммуникативной тактике (на уровне текста статьи). Изучение коммуникативных ходов, характерных для того или иного лексикографа, открывает прямой путь

к изучению языковой личности автора словаря. Это та область в общем комплексе исследований языковой личности автора, которая долгое время оставалась за рамками внимания исследователей. Подобный подход к изучению языковой личности автора оказался плодотворным в литературе (см., напр., [Степанов 2005]), можно предполагать, что не менее результативным окажется он и в лексикографии.

Из семи жанрообразующих признаков, выделенных Т. В. Шмелёвой [Шмелёва 1997], можно назвать те, которые подвергаются в исследуемом типе словаря наибольшей трансформации. Это: а) коммуникативная цель, б) концепция автора, в) языковое воплощение.

Первый критерий положен в основу наиболее распространённых типологий речевых жанров. Единой, общепринятой классификации нет. Тем не менее большинство исследователей выделяют жанры информативные и фатические (к ним примыкают этикетные и оценочные). Императивные жанры либо выделяются в отдельную группу, либо относятся к информативным. Близки к императивным аффективные жанры (коммуникативная цель — убеждение) и дидактические. Императивным и аффективным жанрам противопоставляются экспрессивные (коммуникативная цель — выражение говорящим себя, своих чувств).

Разумеется, словарная статья словаря культуры сохраняет в качестве доминирующей функции (цели) — информирование, именно поэтому мы говорим о трансформации старого жанра, а не о рождении нового. Но и здесь наблюдается движение: от информации — к «информации плюс её оценки говорящим». Словарный жанр включает теперь следующие черты: 1) информативный, 2) аффективный, 3) экспрессивный, в меньшей степени дидактический. Большой «удельный вес» аффективной составляющей подтверждается активным использованием риторических приёмов, в тексте присутствуют лексические и синтаксические маркеры риторического текста (см., напр., [Степанов 2004]: «Дадим слово автору лучшего сочинения по православной догматике В. Н. Лосскому...»; «Предоставим слово создателю крупнейшей современной этнической концепции Льву Николаевичу Гумилёву»).

Автор не вуалирует своего присутствия в тексте. Напротив, он открыто выражает свою позицию, оценку, как положительную, так и отрицательную. Это может быть признание: «Очень хотелось бы дать здесь какую-нибудь “иллюстрацию”, “картинку” или, точнее всего, “образ культуры”, как она обрисована в предшествующем определении» [Степанов 2004: 40]; или жалоба: «Недавно на постановке пьесы “Стеклянный зверинец” Т. Уильямса <...> громкий смех взрывал зал в трагических монологах, мобильные телефоны звонили, и приходилось выслушивать короткие личные разговоры по ходу сценического действия» [Махлина 2009: 336].

Оценивание превалирует над информированием в таких, напр., высказываниях: «Б. т. можно рассматривать как <...> последний великий русский роман, а Галковского можно считать последним великим русским писателем» [Руднев 2009], или: «Есть более важное свойство массового искусства: оно легко для понимания, не требует работы мысли и сердца. Нередко в современном шлягере незатейливая, лёгкая мелодическая попевка сопровождается очень простыми словами, которые до одурения повторяются, вдалбливаясь в сознание так, что вытравить этот сор оттуда достаточно трудно» [Махлина 2009: 338]. Изменение коммуникатив-

ной цели — этого первого (и главного) признака словарной статьи — влечёт за собой трансформацию параметров «концепция автора» и «языковое воплощение». Для первого параметра отметим лишь высокую степень «проявленности» в тексте языковой личности автора и изменение статуса лексикографа (из «всезнающей беспристрастной инстанции» автор словаря превращается в размышляющего учёного-философа). Для второго — насыщение научного в основе своей стиля стилевыми чертами, средствами художественного и публицистического стилей, субъективацию текста (используются лексические, графические, семантические, грамматические средства субъективации).

У отмеченных жанровых преобразований словарной статьи, безусловно, есть культурологическое, эпистемиологическое обоснование. Изменение облика и назначения словаря есть частное проявление тех изменений, которые претерпевает наше общество (не ограничиваем его рамками одного государства). Об этом позволяют судить и процессы в области современной художественной литературы, и наличие подобных словарей в других культурах. Словарь, переставший быть жёсткой, претендующей на объективность и предельно стандартизированной структурой, в этом смысле является зеркалом культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Собр. соч. — М.: Рус. слов., 1996. — Т. 5. Работы 1940–1960 гг. — С. 159–206.
- Лексикон нон-классики. Художественно-эстетическая культура XX в. / под. ред. В. В. Бычкова. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. — 607 с.
- Махлина С.* Словарь по семиотике культуры. — СПб.: Искусство-СПБ, 2009. — 752 с.
- Руднев В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX в. Ключевые понятия и тексты. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Аграф, 2009. — 544 с. // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> (дата обращения: 16.06.2011).
- Степанов А. Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. — М.: Яз. слав. культуры, 2005. — 400 с.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Акад. Проект, 2004. — 990 с.
- Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вopr. языкознания. — 1997. — № 5. — С. 102–120.
- Шмёлева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. — С. 88–99.

DICTIONARY ENTRY: ON GENRE TRANSFORMATION

Ye. V. Kalambet

The article describes specific features characterizing dictionary entries of cultural dictionaries with an emphasis on such genre characteristics as elementary versus complex, monolog versus dialogue, communicative goal, compiler's conception, etc. Material analysis leads to the conclusion that originally standardized genre undergoes transformations that make it possible to speak about lexicographer's communicative goal. Therefore, the key objective

of lexicographic discourse study is to describe linguistic personality of a dictionary compiler through the description of his communicative strategy.

Key words: dictionary entry, genre, transformations.

© 2011

Е. Н. Ермакова

ОТФРАЗЕМНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ

В работе говорится о неразработанности принципов лексикографического описания отфраземных языковых единиц, о неоднородности терминов в данной сфере лингвистики. Здесь же предлагается оригинальная концепция трактовки подобного рода неологизмов и способов их описания в специальных словарях.

Ключевые слова: агглютинация, деривация, компонент, отфраземный, производящий фразеологизм, слова-инновации.

Быстрое и интенсивное развитие современного общества приводит к стремительному обновлению лексического и фразеологического состава русского языка, которое не успевают отразить словари. Появляющиеся в результате развития языка новые слова и фразеологизмы называют различные реалии в той или иной сфере жизни: одни из них именуют новые явления, другие переименовывают уже известные. К числу активных способов пополнения лексического и фразеологического фондов относится образование слов на базе уже имеющихся в языке фразеологических единиц. Исследования последних лет показали, что фразеологизмы русского языка – весьма благодатный источник для пополнения и обновления лексического фонда. Изучение парадигмы «производящий фразеологизм → производная лексема» в дериватологии современного русского языка связано с исследованиями М. А. Алексеенко, Н. Ф. Алефиренко, О. С. Ахмановой, Т. П. Белоусовой, Ю. А. Гвоздарёва, В. В. Истоминой, Т. М. Кондратюк, О. Н. Литвинниковой, В. М. Мокиенко, А. В. Петрова, Р. Н. Попова, Е. В. Сенько, Н. М. Шанского и др. В работах этих исследователей получило дальнейшее развитие положение В. В. Виноградова о том, что «фразеологические единицы — это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и источник рождения новых слов» [Виноградов 1938: 122].

Отфраземная неологизация осуществляется в основном на уровне речи. Инновации появляются как окказионализмы, и только немногие из них впоследствии приобретают статус узусных лексем. Но даже став полноправными единицами

Ермакова Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: ermakova 25@yandex.ru

языка, эти производные лексемы нередко имеют ярко выраженную разговорную окраску и сохраняют эмоциональную выразительность.

Новые единицы рассматриваются лингвистами в различных аспектах, но это явление до сих пор не признано системой и требует комплексного рассмотрения и основательной лексикографической разработки. Узуальные отфразеологические дериваты представлены в толковых словарях современного русского языка, отдельные отфразеологические единицы находят отражение в «Словаре фразеологической переходности» А. В. Жукова [Жуков 2003], окказиональные слова, возникшие на базе фразеологических оборотов, описываются в словаре-справочнике А. М. Мелерovich и В. М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» [Мелерovich, Мокиенко 1997].

Основы построения «Словаря фразеологических дериватов (лексика)» были предложены Т. П. Белоусовой [Белоусова 1997]. Исследовательница совершенно справедливо полагает, что словарь отфразеологических производных должен быть построен по гнездовому принципу. Аналогичную точку зрения отстаивает В. П. Изотов [Изотов 1997: 10]. В 2003 году появился и сам «Словарь отфразеологической лексики современного русского языка» [Алексеев, Белоусова, Литвинникова 2003]. Во всех перечисленных изданиях приводятся лексемы, возникшие на базе фразеологизмов разными путями. В основном, это лексемы, образованные путём вычленения из фразеологизма: *жареные факты* → *жареное*, *белены объелся* → *взбеленился*, *влипнуть в историю* → *влипнуть*, *доить как корову* → *доить*, *закручивать гайки* → *гаечник* и др. Между тем, по нашим данным, более продуктивным является способ, при котором производное слово образуется в результате слияния компонентов фразеологизма.

В лингвистической литературе до сих пор нет единого термина, который бы называл процесс образования новых слов на базе фразеологических единиц, как нет и единого наименования для единиц, которые таким способом образуются. Нередко сам процесс формирования слов из фразеологизмов называют лексикализацией словосочетания (Р. Н. Попов), отфраземным словообразованием (Е. В. Сенько, В. Н. Пугач), отфразеологическим словопроизводством (А. М. Бушуй), семантическим сжатием (Т. Н. Семенова), окказиональной лексической деривацией (М. А. Алексеев), фразеологической деривацией (С. Н. Денисенко, А. В. Петров); для наименования процесса образования слов на базе фразеологизмов используют термин «отфразеологическое словообразование» (М. А. Алексеев, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова). На наш взгляд, наиболее корректным, отражающим специфику образования слов на базе фразеологизмов, является термин *агглютинация* (от лат. *agglutinatio* — ‘приклеивание, склеивание’). В основном авторы лингвистических справочников подчёркивают, что агглютинация нехарактерна для флективных языков, в том числе и для русского. Мы всё же видим в современном русском языке проявление агглютинации: при образовании производного слова на базе фразеологизма компоненты «приклеиваются, склеиваются» и превращаются в морфему в составе новообразования. Внешне этот процесс напоминает способы традиционного словообразования — сложение или сращение. Но это не совсем так. Компоненты фразеологизма только фонетически отражают связь со словом, т. к. в составе фразеологической единицы они преобразовались, но не сохранили того лексического значения, которое было свойственно им, ког-

да они были самостоятельными лексемами; следовательно, они утратили способность самостоятельно называть предметы, действия, признаки, явления и т. д., в отличие от сложных слов, которые образуются при соединении самостоятельных лексем.

Механизм образования производных лексем на базе фразеологизмов с помощью агглютинации заключается в том, что компоненты фразеологической единицы, соотносимые со знаменательными словами, утрачивают отдельность (главный признак лексемы) и превращаются в морфему в составе производного слова. Структура производного слова остаётся прозрачной, границы морфем отчётливо видны, на стыках морфем не возникает, как правило, значительных звуковых изменений, а возникшие изменения носят единичный характер.

В преобладающем большинстве случаев, кроме соединения компонентов, к производной цельнооформленной основе присоединяются однозначные стандартные аффиксы (в основном суффиксы), реже происходит усечение компонента производящего фразеологизма (какой-либо морфемы одного из компонентов или целого компонента, — как правило, бывшего служебного слова); единичны другие морфемные изменения (это второй этап проявления агглютинации).

При изменении статуса единицы (фразеологическая единица → слово) утрачивается раздельнооформленность производящего фразеологизма, но компоненты фразеологизма сохраняются, а значит, сохраняется и основное значение бывшего фразеологизма. Таким образом, производное слово мотивировано не каким-то одним компонентом фразеологизма, а всей совокупностью компонентов фразеологической единицы. «Приклеивающийся» суффикс привносит свою сему, которая добавляется к значению, уже сформировавшемуся на основе семантики производящего фразеологизма. В итоге производящая и производная единицы семантически соотносятся друг с другом.

Анализ материала показал, что в типовой схеме образования отфразеологических слов участвуют разные аффиксы (как материально выраженные, так и нулевые), в некоторых случаях наблюдается импликация, большинство производных слов в своём составе имеет эксплицитный компонент — интерфикс. Напр., достаточно продуктивен в современном русском языке отфразеологический словообразовательный тип: производящий процессуальный фразеологизм (глагол + существительное) → производное существительное (агглютинация существительного и части основы глагола + суффикс): *делать брак* → *бракодел*; *резать головы* → *головорез*; *драть горло* → *горлодёр*; *драть шкуру* → *шкуродёр*; *копать яму* → *ямокопатель*; *продать Христа* → *христопродавец*.

В случае образования производных лексем на базе процессуальных фразеологизмов происходит не просто агглютинация компонентов фразеологизма, к которым затем «приклеивается» аффикс; агглютинация осложняется тем, что в производной основе происходит изменение порядка следования компонентов фразеологизма при переходе их в морфемы (в нашем материале это 99 % случаев).

Производная лексема, образованная на базе фразеологизма, в свою очередь может образовать производные лексемы второй и последующих ступеней, представленные как система слов, лексические значения которых выводятся одно из другого. Производящий фразеологизм и производная лексема(-ы) представляют собой разноуровневое гнездо, состоящее из двух частей: первая часть — исход-

ная — производящий фразеологизм, а вторая часть — производная — лексема или лексемы. Разноуровневое гнездо понимается как совокупность фразеологизма и образованных от него дериватов-лексем, созданных любым способом и упорядоченных отношениями формально-семантической производности на определённом синхронном срезе.

Производные слова, независимо от того, непосредственно они связаны со значением производящего фразеологизма или опосредованно, представляют собой семантически связанную группу, и значение фразеологизма — это то семантическое начало, которое формирует данную лексическую группу по законам словообразовательной производности. Разноуровневое гнездо с вершиной-фразеологизмом выглядит следующим образом:

<i>втирать очки</i>	→ <i>очковтира-тель</i>
	→ <i>очковтиратель-ств-о</i>
<i>ваньку валять</i>	→ <i>ваньковаляй-ств-о</i>
	→ <i>ваньковаля-ни-е</i>

Сравнительный анализ количества зафиксированных отфразеологических лексем, образованных способом агглютинации, в лексикографических источниках разного времени показал, что обогащение языка такими новообразованиями — процесс, который активизируется в последние десятилетия. Так, в словаре конца XIX — начала XX в. М. Михельсона «Русская мысль и речь» [Михельсон 1903], по нашим наблюдениям, зафиксировано чуть более 50 лексем, образованных на базе фразеологизмов; в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И. А. Ширшова [Ширшов 2004] таких единиц 267, количество зафиксированных лексем, образованных именно способом агглютинации в «Словаре отфразеологической лексики современного русского языка» — 437, в нашей картотеке их 813. Но это далеко не окончательные данные, свидетельствующие о новообразованиях на базе фразеологизмов русского языка.

В настоящее время назрела необходимость лексикографического фиксирования слов-инноваций, образованных способом агглютинации, в «Толковом словообразовательном словаре отфразеологической лексики русского языка», который будет совмещать в себе признаки толкового, словообразовательного и фразеологического словарей и системно представлять особый пласт лексики современного русского языка — слова, значения которых сформировались под влиянием фразеологических единиц. В связи с этим необходимо определить фонд фразеологизмов русского языка, служащих базой для образования отфразеологических лексем; проанализировать отфразеологические новообразования, которые позволяют отразить смысловые и структурные связи между производящими фразеологическими единицами и производными лексемами; описать способы возникновения лексем, образованных от фразеологизмов; раскрыть словообразовательный потенциал отфразеологических лексем русского языка; сопроводить необходимыми комментариями описываемые языковые единицы.

В разноуровневом гнезде с вершиной-фразеологизмом словарная статья будет представлена следующим образом:

РАЗЕВАТЬ / РАЗИНУТЬ РОТ — ‘быть крайне рассеянным, невнимательным’ → *рот-о-зей* — ‘рассеянный человек, разиня’. РОТОЗЕЙ → *ротозей-к-а* —

женск. к *ротозей*; *ротозей* → *ротозей-нича-ть* — ‘быть ротозеем, вести себя как ротозей’; *ротозейничать* → *ротозейнича-нь-е* — действие по глаголу *ротозейничать*; *ротозей* → *ротозей-н-ый* — ‘свойственный ротозею’; *ротозей* → *ротозейств-о* — ‘свойство ротозея; крайняя рассеянность, невнимательность’; *ротозей* → *ротозей-ствова-ть* — ‘вести себя как ротозей’.

«Толковый словообразовательный словарь отфразеологической лексики русского языка» может стать полезным пособием справочного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. — М.: Азбуковник, 2003. — 400 с.

Белоусова Т. П. Фразеологическая деривация в современном русском языке: лексические производные: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1992. — 17 с.

Виноградов В. В. Современный русский язык. — М.: Учпедгиз, 1938. — Вып. 2. Грамматическое учение о слове. — 590 с.

Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 603 с.

Изотов В. П. Гипотетическое словообразовательное гнездо: проблемы, поиски, решения // Словообразовательное гнездо и принципы его описания: сб. статей / отв. ред. Н. А. Николина. — М.: [б. и.], 1997. — С. 9–10.

Мелеревич А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. — М.: Рус. слов., 1997. — 864 с.

Михельсон М. Русская мысль и речь: своё и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. — СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1903.

Шишов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. — М.: АСТ, 2004. — 1022 с.

SPECIFIC DERIVATIONAL SPACE IN THE SPHERE OF WORD-FORMATION BASED ON SET EXPRESSIONS AND ITS REFLECTION IN CONTEMPORARY DICTIONARIES

Ye. N. Yermakova

The article deals with the necessity of compiling a special dictionary of derivatives formed by agglutination. It will combine the features of explanatory, word-building and phraseological dictionaries, and systematically represent a special layer of modern Russian vocabulary — words whose meanings are formed on the basis of set phrases.

Key words: agglutination, derivation, component, formed on the basis of set phrases, words-innovations.

ТИПИЧАН ГРАМАТИЧКИ КОНТЕКСТ РЕЧИ И ЊЕГОВА ОБРАДА У ЛЕКСИКОГРАФСКОЈ ПРАКСИ (НА МАТЕРИЈАЛУ ИЗ РЕЧНИКА СРПСКОХРВАТСКОГ КЊИЖЕВНОГ И НАРОДНОГ ЈЕЗИКА САНУ)*

В работе представлено понятие типического грамматического контекста слова как формы актуального грамматического употребления лексем в сербском языке. Лингвистическое описание типического грамматического контекста слова достигается методом идентификаций её контекстуально-грамматического употребления, который является одним из методов обработки лексики в Большом толковом словаре сербско-хорватского литературного и народного языка Сербской Академии наук.

Ключевые слова: толковый словарь, лексикографический метаязык, грамматические категории, семантико-прагматический анализ, контекстуально-грамматическое употребление слова.

1. Увод

1.1. Рад је посвећен питању парадигматичности у лексичко-граматичкој структури српског језика, као и методама обележавања и истицања ове појаве у описном речнику. Заснива се на анализи типичног граматичког контекста речи, који се лексикографски обрађује и представља у 18 објављених томова *Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ*.

1.2. Лексеме или њихова појединачна значења чија се типична граматичка употреба у Речнику САНУ дефинише метајезичким изразима са компонентом **обично** (нпр. *обично у једини/множини; обично безлично; обично у инструменталу; обично у одр. виду* и сл.) ексерпирани су у засебан корпус. На основу овог корпуса, вршени су даљи опис и класификација типичног граматичког контекста у оквирима језичког система.

Циљ истраживања лежи у испитивању веза између граматичке и семантичке структуре лексикона, као и опису метода дефинисања ових веза у описној лексикографији.

2. Дефинисање типичног граматичког контекста речи у Речнику САНУ.

2.1. У типологији лексикографских поступака обраде лексики у универзуму савремених описних речника српског језика, какав је и Речник САНУ, значајно место заузима метод *идентификације контекстуално-граматичке употребљивости* лексеме. Овим методом се, у лексикографској пракси, дефинишу стварне могућности граматичке употребе појединих лексема, које су зависне од елемената њихове семантичке структуре. Другим речима, идентификацијом контекстуално-граматичке употребљивости лексеме у описном речнику се скреће пажња на разлику између речи као хипотетичке јединице граматичког система, која је под-

Ивановић Ненад — магистр филолошких наука, истраживач-сарадник Института српског језика САНУ (г. Београд, Србија). Е-mail: nenad.ivanovic@isj.sanu.ac.rs; nesoni779@gmail.com

*Рад је настао у оквиру пројекта Лингвистичка истраживања савременог српског књижевног језика и израда Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ (бр. 148005) Института за српски језик САНУ, који у целини финансира Министарство науке и технолошког развоја Републике Србије.

ложна свим променама своје граматичке парадигме; и речи као стварне јединице граматичког система, чији је граматички контекст зависан од њених семантичких ограничења.

Тако, нпр., дефиниција придева **музни**, **-а**, **-о** у Речнику САНУ гласи: „(обично у женском роду) *који се музе, који даје млеко (о крави, кози, овци, о говечету или браву уопште)*“. Као што је из примера видљиво, променљивост придева кроз облике сва три рода, која је дата у одредници, сужена је метајезичким изразом „обично у женском роду“, који се користи као идентификатор актуелне граматичке употребе лексеме **музни** у квалификацији именица женског рода. Или: једна од дефиниција глагола **мирисати** у овом речнику гласи: „(обично у негацији) *осећати наклоност, симпатију према некоме, трпети, подносити неког*“ — при чему се метајезичким изразом „обично у негацији“ упућује на фигуративно значење глагола **мирисати** у контексту описивања међуљудских односа, што мотивише и његову типичну негирану употребу (као у примеру: „Одавно ја њу не миришем“).

2.2. Идентификација контекстуално-граматичке употребљивости лексеме у описном речнику представља важан поступак дефинисања речи, којим се сужава контекст њихове језичке употребе, а оне саме прецизније дефинишу. Као што је из наведених примера видљиво, обележавање типичног граматичког контекста одвија се у засебном делу лексикографске дефиниције, и то уз помоћ метајезичких израза у којима обавезни део чини компонента **обично**; док варијабилни део садржи обележје граматичке категорије одреднице (једнина / множина, одређеност / неодређеност, генитив / акузатив / вокатив и сл.).

Због своје неутралне вредности, **обично** је квалификатор граматичког контекста који се најчешће користи у лексикографској пракси, мада се овај контекст у описном речнику може прецизирати и другим изразима: **често**, **ретко**, **само**, **понекад** (нпр. „обично зб.“; „често безл.“; „ретко у неодр. виду“; „понекад у мн.“, и сл.).

2.3. У дефинисању типичног граматичког контекста речи уз помоћ метајезичких израза са компонентом **обично** у Речнику САНУ дају се следећа основна три типа граматичких информација:

2.3.1. **Морфолошки тип информација**, који садржи квалификацију типичних граматичких категорија појединих речи (нпр. *обично у мн.*, *обично безл.*).

2.3.2. **Прагматички тип информација**, који садржи квалификацију типичне употребе речи речи у граматичком контексту (нпр. *обично одрично*, *обично поновљено*).

2.3.3. **Синтаксички тип информација**, који садржи опис типичних конструкција у којима се јавља дата реч (нпр. *обично у изразу*, *обично у обрту*).

2.4. У делу који следи, представимо квалификацију типичног граматичког контекста речи у Речнику САНУ кроз **морфолошки тип информација** које су у њему заступљене.

3. **Морфолошки тип типичног граматичког контекста речи**, који је у великом описном Речнику САНУ везан за употребу метајезичких израза са компонентом **обично**, везује се за лексикографску обраду следећих граматичких класа: **именица**, **придева** и **глагола**.

3.1. Код **именица**, изразом **обично** у речнику се упућује на њихову типичну употребу у семантичким дискурсима која захтевају морфолошке категорије:

- 3.1.1. *Броја*: („обично (у) множини“), и
 3.1.2. *Падежа*: („обично у генитиву / акузативу / вокативу“).
 3.2. Код **придева**, изразом *обично* у речнику се упућује на њихову типичну употребу у семантичким дискурсима који захтевају морфолошке категорије:
 3.2.1. *Рода*: („обично у ж. роду“), и
 3.2.2. *Вида*: („обично одр.“).
 3.3. Код **глагола**, изразом *обично* у речнику се упућује на њихову типичну употребу у семантичким дискурсима који захтевају морфолошке категорије:
 3.3.1. *Гл. времена*: („обично у презенту“, „обично у футуру“).
 3.3.2. *Гл. начина*: („обично у императиву“).
 3.4. У наставку рада ћемо представити лексикографску обраду морфолошког типа типичног граматичког контекста **класе именица** у српском језику. Због ограниченог простора, грађа за сваку анализирану појаву биће сведена на мали број репрезентативних примера.

4. Морфолошки тип типичног граматичког контекста именица и његова обрада у Речнику САНУ

4.1. **Категорија броја**. Судаћи према прикупљеној грађи, до издвајања типичног граматичког контекста везаног за категорију броја у Речнику САНУ долази у следећим случајевима:

4.1.1. При лексикографском представљању **конкретних појмова, који се у природи појављују у пару, већем броју; или означавају процесе односно појаве које се периодично, тј. учестало понављају**. Тако се, на пример, именица **кљова** у Речнику САНУ дефинише на следећи начин: (обично мн.) *јаче развијени, велики, дуги зуб код неких сисара, обично свинут при врху*; именица **жмарац** као: (обично у мн.) *осећај у телу сличан боцању изазван извесним физиолошким поремећајима, температурним променама или повишеном емоцијом, језа, дрхтавица, дрхтај* и сл.

4.1.2. Ређе се јављају случајеви лексикографске обраде појмова који представљају **колективе: групе особа или народе**. Тако се, на пример, именица **Индоевропљанин** дефинише на следећи начин: (обично у мн. Индоевропљани) *припадник породице народа чији су се језици развили из заједничког, индоевропског прајезика, а чине је готово сви народи Европе и југозападне Азије*; а именица **командос** као: (обично у мн.) (енгл. commando) *припадник привремених тактичких формација (првобитно британских јединица) припремљених за герилско ратовање*, и сл.

4.1.3. Овај тип граматичке квалификације јавља се и при лексикографској обради **термина из различитих области науке и струке**, који својом појавом имплицирају појаву множине (нпр. *декстрин, изобара, изотоп* и сл.). **Примери**: **ген** (обично мн. гени) *хипотетични зачетак наслеђа који се према неким теоријама налази у хромозомима полних ћелија*; **капилар** (обично у мн.) *најужи крвни суд, који повезује огранке артерија и вена* и сл.

4.1.4. Коначно, до издвајања типичног граматичког контекста множине у Речнику САНУ долази и при дефинисању **окамењених израза**. Тако се, нпр., именица **анђел-двор** дефинише као: (обично у мн.) *песн. диван, велелепан двор* (уз пример који потврђује њену окамењену употребу у контексту народне поезије: „Гдје су твоји **анђел-двори**, | Гдје живота луч ти гори“), и сл.

Поред целих лексема, метајезичким изразима са компонентом *обично* у Речнику САНУ се квалификују и појединачна множинска значења, која стоје у семантичкој опозицији према основном значењу обрађиваних именица. У овим случајевима, множински облик именице у речнику се локализује у засебну семантичку тачку. Као опис поменутог процеса могу се издвојити следећи случајеви:

4.1.5. **Одвајање мотивисано метафором или метонимијом:** У појединим случајевима лексикографске обраде, запажа се везивање типичног граматичког контекста за засебно значење, које је метафорички или метонимијски одвојено од основног значења. Тако се, на пример, именица **бљувотина** у основном значењу у Речнику САНУ дефинише као: *оно што се избљује, избаци из желуца при повраћању*; а у секундарном као: (обично у мн.) *фиг. оно што изазива осећај или осећање гађења (ружне речи, псовке, увредљиви поступци и др.)* (где је типична употреба множине индукована метафором); док се именица **древност**, у основном значењу дефинисана као: *старо доба, давнина, старина*; у секундарном значењу дефинише као: (обично мн.) *стара културна тековина, старина, стари споменик и сл.* (где је множински контекст значења именице индукован метонимијом).

4.1.6. **Одвајање мотивисано полисемијом:** У овом типу случајева, израз *обично у множини* такође служи као маркер издвајања секундарног, множинског значења именице у засебну тачку. Секундарно значење именице је при том најчешће мотивисано антропонимизацијом основног. Тако се, на пример, именица **маса**, у основном значењу дефинисана као *неодређена целина коју чини велики број лица на окупу, велика група људи, свет, гомила*; у једном од секундарних значења дефинише као: (обично у мн.) *основни, већински део становништва, пук, народ* (уз пример: „Расправља се како ... дјеловати на маса“); док се именица **јамица**, примарно дефинисана као *дем. од јама*, секундарно дефинише као: (обично у мн.) *мало удубљење, рупица на бради, образу или слепоочници (која се опажа обично при осмеху)*, и сл.

4.2. **Категорија падежа.** Судећи према прикупљеној грађи и њеној лексикографској обради, типична граматичка употреба именица у косим падежима мотивисана је одређеним семантичким факторима. Поменути фактори су дефинисани синтаксом падежа у којима се дате именице налазе.

4.2.1. Семантичко окружење које мотивише типичну употребу именица у **генитиву без предлога** одређено је контекстом назива за различите врсте дечијих игара. Тако се, на пример, именица **јарац**, која је у основном значењу у Речнику САНУ дефинисана као: *зоол. мужјак козе Сарег*; у једном од секундарних значења дефинише на следећи начин: (обично у ген. јд.) *врста дечачке игре* (уп. пр.: „Које игре знате? — ... Знам ... **јарца**, или јакања“); док се именица **лончић**, која се у основном значењу дефинише као *дем. од лонац*; у једном од секундарних значења одређује као: (обично у ген.) *покр. дечија игра у којој су главни учесници девојчице, девојке* (уп. пр.: „Млађи се мушкарци играју лопте, девојке **лончића**“), и сл. Поменути тип генитива се у сербокroatистичким граматикама најчешће карактерише као „генитив игре“¹.

¹ «Старији граматичари <...> Даничић и Миклошић уз генитиве осталих врста наводили [су] и тзв. генитив игре, који допуњује именицу игра, глагол играти и њима сличне именице и глаголе» [Стевановић 1974: 209].

4.2.2. Семантичко окружење које мотивише типичну употребу именица у **вокативу** одређено је контекстом емфатичког обраћања, који подразумева персонификацију основног значења именице, чиме се наглашава благонаклон став говорника према саговорнику [Пипер 1997: 33]. Тако се, на пример, именица **војска**, која је у основном значењу у Речнику САНУ дефинисана као: *целокупна војна сила једне државе*; у једном од секундарних значења дефинише као: *људи, народ; човек (обично у вок.)* (уп. пр.: „Стој, **војско**, не дај се! – опоменуо ме је лекар, срдечно и присно“); док се именица **кућа**, са основним значењем: *грађевински објект, зграда за пребивање, становање или какву друштвену потребу*; у једном од секундарних значења дефинише као: *(обично у вок.) назив од миља (обично у обраћању мајке детету, често са атрибутом моја)* (уп. пр. „Мати! викну slabим гласом. – Шта је, **кућо** моја? – притрчи забринута мати“), и сл.

4.2.3. Семантичко окружење које мотивише типичну употребу именица у **падежу са предлогом (акузативу, инструменталу или локативу)** реализује се у зависности од значења падежних синтагми у којима се дате именице налазе. У анализираним примерима издвајају се типични контексти употребе:

а) акузатива са предлогом у, нпр. код именице **невреме**, која се у осн. значењу дефинише као: *рђаве временске прилике, рђаво време (у метеоролошком смислу)*; а у секундарном, апстрактном значењу као: *(обично у ак. с предлогом „у“) неповољно, непогодно, незгодно, неодговарајуће време, недоба*; уп. пр. „Они се у **невреме** растају“;

б) инструментала с предлогом с(а), нпр. код именице **нагласак**, која се у осн. значењу дефинише као: *истицање најчешће једног слога у речи*; а у секундарном значењу као: *(обично у INSTR. с предлогом с(а) уз глаголе говорења) посебно, нарочито истицање, наглашавање чега (онога што се казује)*; уп. пр.: „Објасните људима, да се све ово обави без иједне речи – **са нагласком** је изговарао командир“;

в) локатива са предлогом у, нпр. код именице **љубав**, која се у осн. значењу дефинише као: *осећање велике наклоности, нежности према некоме*; а у секундарном значењу као: *(обично у лок. „у љубави“, као глаголска допуна) добри међусобни односи, пријатељство, слога*; уп. пр.: „Милоје Петровић, и <...> Петар Добрињац <...> нису били у **љубави**“.

5. Закључак

Све што је изложено у раду упућује на следеће закључке:

5.1. Истраживање формализованих лексикографских поступака у обради лексике, какве налазимо у тезаурусним речницима српског језика, показује се важним чиниоцем у анализи и дефинисању граматичке структуре речи.

5.2. У оквиру овог истраживања, уз помоћ метајезичких израза са компонентом **обично** који су присутни у Речнику САНУ могу се оцртати елементи типичног граматичког контекста речи као једног од облика међузависности између семантичке структуре и граматичке парадигме у језику.

5.3. У систему лингвистичких испитивања српског језика, овакав приступ анализираној теми има бројне импликације, почев од граматичких, семантичких и синтаксичких, преко лексиколошких, па све до културолошких, когнитивних и прагматичких.

ЛИТЕРАТУРА

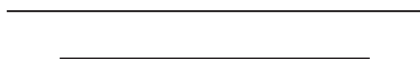
- Гортан-Премк Д.* О граматичкој информацији и семантичкој идентификацији у великом описном речнику // Наш језик. XXIV / 3. — Београд, 1980. — С. 107–114.
- Пунер П.* Оглед српске морфосинтаксе (у поређењу са македонском). — Сеул: Ханкук универзитет за стране студије, 1997. — 284 с.
- Речник САНУ: Речник српскохрватског књижевног и народног језика: књ. I–XVIII. Слова: А — О. — Београд: САНУ; Ин-т за српски језик, 1959–2010.
- Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик II (синтакса). — Београд: Научна књига, 1974. — 340 с.
- Apresjan J.* Systematic Lexicography. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 201 p.
- Wierzbicka A.* The Semantics of Grammar. — Amsterdam: John Benjamins, 1988. — 352 p.

TYPICAL GRAMMATICAL CONTEXT OF A WORD AND ITS TREATMENT
IN LEXICOGRAPHY (BASED ON SERBIAN-CROATIAN DICTIONARY)

N. B. Ivanovich

The article presents a notion of a typical grammatical context of a word as an important form of grammatical usage of words in the Serbian language. Linguistic description of the issue under study is accomplished through identifying its context-based grammatical usage as a method of processing words of a big explanatory dictionary of the Serbian-Croatian language. A number of words whose typical context is defined by metalinguistic expressions with a component 'usually' were singled out from the dictionary. Then there were given morphological, pragmatic, and syntactic types of grammatical information. Examples are given to illustrate lexicographic processing of a typical morphological context of a word in a dictionary entry.

Key words: explanatory dictionary, lexicographic metalanguage, grammatical categories, semantico-pragmatic analysis, context-based grammatical use of words.

© 2011

Ю. А. Ненашева

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
ФОНЕТИЧЕСКОГО АЛФАВИТА (ПРА) ПРИ СОЗДАНИИ
ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ

Произносительные словари становятся всё более востребованными по мере возрастания социального взаимодействия, которое требует эффективности понимания друг друга участниками процесса коммуникации. Проблема произносительного стандарта может, в определенной степени, быть решена использованием международной системы фонетиче-

Ненашева Юлия Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: jnena@rambler.ru

ской транскрипции в произносительных словарях всех языков. Обозначения различий в артикуляции звуков осуществляются при помощи диакритических знаков.

Ключевые слова: произносительные словари, фонетическая система, фонетическая транскрипция, артикуляция.

Технический прогресс и развитие средств передвижения, расширение коммуникативного пространства, осуществляемое с использованием компьютерных сетей, приводит к возрастанию количества коммуникативных актов, осуществляемых носителями разных языков и культур. Возрастающая необходимость взаимопонимания может быть, в значительной степени, осложнена воздействием многих факторов, способных создавать препятствия в процессе общения и снизить эффективность практической деятельности. К таким факторам можно отнести географическую удалённость собеседников, индивидуальные особенности говорящих, так называемый “setting” — особенности артикуляции, обусловленные спецификой родного языка.

Преодоление ошибок, спровоцированных неправильным произношением слов, возможно при помощи произносительных словарей. Произносительные словари выполняют множество функций, из которых наиболее важными следует считать нормообразующую — кодификацию произносительного образца, принимаемого и используемого языковым коллективом в качестве стандарта, и дидактическую — обучение правильному нормативному произношению слов родного или иностранного языка.

Норма представляет собой социальный конструкт, обеспечивающий осуществление эффективного общения и социального взаимодействия в каждой области человеческой деятельности, где существует специализация [Арутюнова 1988: 21–23]. В процессе коммуникации норма — средство, ограничивающее количество языковых вариантов и уменьшающее вероятность неправильной идентификации произнесённого слова. Использование стандартного варианта языка в качестве средства общенационального и интернационального общения определяется только его способностью выполнять данную функцию, оно может быть прекращено при несоответствии возможностей данного варианта языка потребностям практической деятельности [Trudgill 2001], [Вербицкая 1993: 12–13].

THE INTERNATIONAL PHONETIC ALPHABET (revised to 1993, updated 1996)

CONSONANTS (PULMONIC)

	Bilabial	Labiodental	Dental	Alveolar	Postalveolar	Retroflex	Palatal	Velar	Uvular	Pharyngeal	Glottal
Plosive	p b			t d		ʈ ɖ	c ɟ	k ɡ	q ɢ		ʔ
Nasal	m	ɱ		n		ɳ	ɲ	ŋ	ɴ		
Trill	ʙ			r					ʀ		
Tap or Flap				ɾ		ɽ					
Fricative	ɸ β	f v	θ ð	s z	ʃ ʒ	ʂ ʐ	ç ʝ	x ɣ	χ ʁ	ħ ʕ	h ɦ
Lateral fricative				ɬ ɮ							
Approximant		ʋ		ɹ		ɻ	j	ɰ			
Lateral approximant				l		ɭ	ʎ	ʟ			

Where symbols appear in pairs, the one to the right represents a voiced consonant. Shaded areas denote articulations judged impossible.

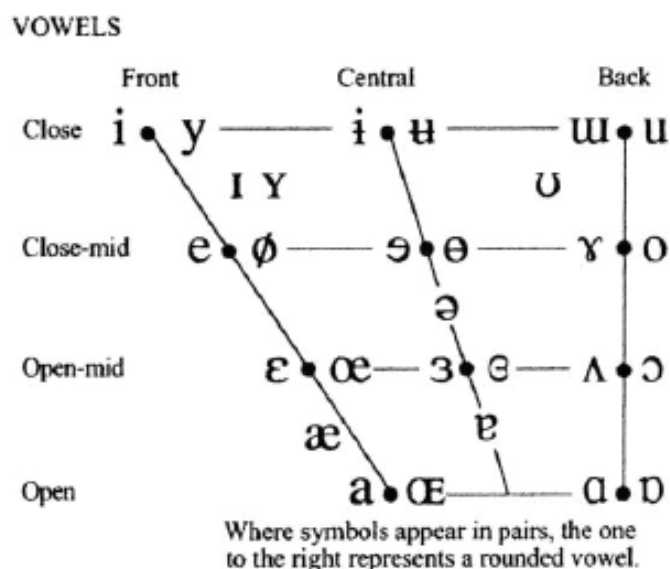

Рис.1 Международный фонетический алфавит

В произносительных словарях норма носит навязываемый характер: кодификация фиксирует знание языковых норм и степень их осознания в обществе. Любой участник процесса коммуникации будет руководствоваться своим знанием норм используемого языка, которое в большой степени определено использованием словарей. Наличие стандартного варианта произношения облегчает взаимное понимание и снимает опасность неправильной идентификации лексической единицы. В группе людей, овладевших языком в результате обучения, будет наблюдаться унификация произношения словарных единиц — «речевая гомогенность» [Крысин 1989: 80]. Таким образом, унификация фонетической транскрипции в словарях любых типов и любых языков позволила бы не только снять произносительные трудности, возникающие при изучении иностранного языка, но и решить вопрос орфоэпической нормы, ограничив количество произносительных вариантов.

Составление произносительных словарей представляет собой гигантский труд. Сложность состоит не только в том, что количество произносительных вариантов слова прямо пропорционально количеству социальных групп в составе языкового общества, но и в том, что до наших дней не определён единый способ обозначения звуков (фонетический алфавит). Серьёзным шагом на пути к унификации словарной транскрипции слов явилось создание Международной фонетической ассоциации (1886 г.). В 1889 г. был опубликован международный фонетический алфавит [Crystal 2008: xxv], [Kemp 2006: 408] (Рис 1.).

Использование IPA в произносительных словарях английского языка стало одной из причин стандартизации языка, что сделало возможным использование его в качестве средства международного общения.

Артикуляция звуков в языках различается, тем не менее, различия в артикуляции гласных и согласных преодолеваются при помощи диакритических знаков (Рис. 2).

Применение стандартных символов для написания фонетической транскрипции слова позволяет снизить степень варьирования артикуляции, а, следовательно, и произношения звуков.

DIACRITICS Diacritics may be placed above a symbol with a descender, e.g. $\underset{\cdot}{\eta}$

◌ Voiceless $\underset{\cdot}{\eta}$ $\underset{\cdot}{\delta}$	◌ Breathy voiced $\underset{\cdot}{\text{b}}$ $\underset{\cdot}{\text{a}}$	◌ Dental $\underset{\cdot}{\text{t}}$ $\underset{\cdot}{\text{d}}$
◌ Voiced $\underset{\cdot}{\text{s}}$ $\underset{\cdot}{\text{z}}$	◌ Creaky voiced $\underset{\cdot}{\text{b}}$ $\underset{\cdot}{\text{a}}$	◌ Apical $\underset{\cdot}{\text{t}}$ $\underset{\cdot}{\text{d}}$
^h Aspirated t^h d^h	◌ Linguolabial $\underset{\cdot}{\text{t}}$ $\underset{\cdot}{\text{d}}$	◌ Laminal $\underset{\cdot}{\text{t}}$ $\underset{\cdot}{\text{d}}$
◌ More rounded $\underset{\cdot}{\text{ɔ}}$	^w Labialized t^w d^w	◌ Nasalized $\tilde{\text{e}}$
◌ Less rounded $\underset{\cdot}{\text{ɔ}}$	^j Palatalized t^j d^j	◌ Nasal release d^n
◌ Advanced $\underset{\cdot}{\text{u}}$	^Y Velarized t^Y d^Y	^l Lateral release d^l
◌ Retracted $\underset{\cdot}{\text{e}}$	^ɣ Pharyngealized $\text{t}^ɣ$ $\text{d}^ɣ$	◌ No audible release $\text{d}^ʔ$
^ː Centralized $\tilde{\text{e}}$	◌ Velarized or pharyngealized $\text{t}^ɣ$	
^ː Mid-centralized $\tilde{\text{e}}$	^ɪ Raised $\underset{\cdot}{\text{e}}$ ($\underset{\cdot}{\text{I}}$ = voiced alveolar fricative)	
^ɪ Syllabic $\underset{\cdot}{\text{I}}$	^ɪ Lowered $\underset{\cdot}{\text{e}}$ ($\underset{\cdot}{\text{ɪ}}$ = voiced bilabial approximant)	
◌ Non-syllabic $\underset{\cdot}{\text{e}}$	◌ Advanced Tongue Root $\underset{\cdot}{\text{e}}$	
◌ Rhoticity $\underset{\cdot}{\text{e}}$	◌ Retracted Tongue Root $\underset{\cdot}{\text{e}}$	

Рис.2 Таблица диакритических знаков

Традиция составления орфоэпических словарей в английском языке (британские произносительные словари — CEPD, LPD) предлагает использование традиционной системы транскрипции, тогда как американские словари [Webster 1994] предлагают собственную систему транскрипции, при которой говорящий опирается на своё знание произношения некоторых опорных слов.

Русская традиция составления орфоэпических словарей не предполагает предоставления транскрипции целого слова, транскрибируется только часть слова, вызывающая трудности в произношении — произносительные пометы [Орфоэпический словарь русского языка 2000: 10, 642–661]. Для фонетической транскрипции используются буквы кириллицы с добавлением твёрдого и мягкого знаков, свидетельствующих о мягкости или твёрдости предыдущего согласного — *сѣтъ* или *сѣтъ*. Представляется, что в дидактических целях — для снятия ряда трудностей в изучении произношения русского языка, было бы целесообразным использование фонетической системы IPA для транскрипции слов при составлении

словарей русского языка. Пример транскрипции приведён на рисунке 3 (Рис. 3.) [Wells 2006: 392].

Рис. 3 Транскрипция предложений на русском языке

Введение унифицированной системы приведёт к большей стандартизации произношения слов в русском языке. Оно позволит убрать трудности, возникающие у носителя русского языка при изучении иностранных языков, добиться единства в способе фонетической записи живой речи.

Применение стандартизированной системы фонетической транскрипции способствует созданию и кодификации единой произносительной нормы русского языка, поскольку принятые символы точно и однозначно описывают артикуляционные особенности произносимых звуков и позволяют отсеять социо-региональные варианты.

Использование унифицированной фонетической системы позволяет решить некоторые проблемы, возникающие при транскрипции русских слов символами кириллицы: применение символа э (schwa) для обозначения безударных гласных позволяет избежать интерференции в случаях, когда безударный гласный является объектом орфографического правила: *под* — [pət] вместо [nam], *удобно* — [u'dobnə] вместо [y'dobna].

В Орфоэпическом словаре русского языка слова *ворона* и *корова* не представлены в транскрипции. Использование кириллицы для транскрипции слова отражает его неправильное написание [*варона*, *карова*], тогда как применение фонетического шрифта позволяет точно обозначить произносимые звуки безотносительно к его нормативному написанию: [vʌɾɐnʌ, kʌɾɔvʌ] или [vʌɾɐnə, kʌɾɔvə], где э — безударный, редуцированный звук [Орфоэпический словарь русского языка 2000: 76, 216].

Слово *известно* имеет произносительную трудность — сочетание согласных, которое отражается символами $з^b в^b$ или $зв^b$ и *сн* [ɪzʲ v⁽ⁱ⁾esnɐ, ɪzʲ v⁽ⁱ⁾esnə] [Орфоэпический словарь русского языка 2000: 178].

В общепотребительных словарях будет достаточно фонемической транскрипции, основной принцип которой заключается в регистрировании смысловоразличительных произносительных особенностей, без дополнительного выделения артикуляционных признаков.

В рамках лингвистических профессиональных словарей необходимо использование фонетической транскрипции, которая позволяет более точно описать произносительные варианты. Использование более подробной транскрипции позволит не только выделить значимые артикуляционные характеристики звуков, но и описать произносительные варианты, обусловленные воздействием регионально-го, социального и иных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
- Вербицкая Л.А.* Давайте говорить правильно. — М.: Высш. шк., 1993. — 143 с.
- Крысин Л.П.* Языковая норма: жёсткость vs. толерантность // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. — М.: Азбуковник, 2003. — С. 57–66.
- Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические нормы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова: под ред. Р.И. Аванесова; РАН. Ин-т рус.яз. — М.: Рус яз., 2000. — 688 с.
- Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics (6th ed.). — Blackwell Publishing Ltd, 2008. — 529 p.
- International Phonetic Association [Электронный ресурс]. URL: <http://www.langsci.ucl.ac.uk/ipa/> (дата обращения: 12.04.2011).
- Jones D.* Cambridge English Pronouncing Dictionary (17th ed.) (ed. by Roach P. et al). — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 599 p.
- Kemp.* A Phonetic Transcription: History // Routledge Encyclopedia of Language and Linguistics (ed. by K. Brown). — London: Routledge, 2006. — P. 396–411.
- Trudgill P.* Sociolinguistic Variation and Change [Электронный ресурс]. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells> (дата обращения: 12.04.2011).
- Webster's New Universal Unabridged Dictionary. — New York: Random House Value Publishing, Inc., 1994. — 1854 p.
- Wells J.C.* Longman Pronunciation Dictionary (3rd ed.). — London: Pearson Education Ltd, 2008. — 922 p.
- Wells J.C.* Phonetic Transcription and Analysis // Routledge Encyclopedia of Language and Linguistics (ed. by K. Brown). — London: Routledge, 2006. — P. 386–396.

INTERNATIONAL PHONETIC ALPHABET (IPA) IN COMPILING PRONOUNCING DICTIONARIES

Yu. A. Nenasheva

Pronouncing dictionaries become more and more important as social interaction requires efficiency and mutual understanding. The problem of standards in pronunciation can, to a certain

degree, be solved by using international phonetic symbols in pronunciation dictionaries in all languages. Differences in articulation of sounds can be overcome by diacritics.

Key words: pronouncing dictionaries, phonetic system, phonetic transcription, articulation.

© 2011

Л. В. Попова

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ

Современные тенденции в лексикографии нуждаются в разработке новых способов описания терминологических единиц в словарной статье для более полного знания о концептах, которые описывают термины. Полипарадигмальный подход помогает сделать это эффективно, объединяя различные парадигмы лингвистики.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, полипарадигмальный подход, лексикография.

Если в своей работе В. М. Лейчик отмечал, что «...начинает складываться когнитивное направление» [Лейчик 2006: 233], то уже на II Международном симпозиуме «Терминология и знание», который состоялся в мае 2010 г., В. Ф. Новодранова выступила с докладом «Десять лет когнитивному терминоведению».

Когнитивное терминоведение может быть охарактеризовано как полипарадигмальное [Мишланова 2003: 98]. Отмечается, что суть когнитивного направления заключается в полипарадигмальном подходе к описанию термина, подразумевающим перекрёстную интерпретацию одного и того же объекта несколькими дополняющими друг друга исследовательскими парадигмами [Сивакова 2004: 13]. Иными словами, при характеристике «процедурной» части когнитивного направления необходимо принимать во внимание его экспланаторность, стремление к объяснению явлений «с разных точек зрения» при обязательном учёте человеческого фактора, что позволяет охарактеризовать когнитивное терминоведение как полипарадигмальное и обуславливает выбор полипарадигмального анализа в качестве его методологической основы» [Мишланова 2003: 99].

Данный подход помогает сформировать более полное и разностороннее представление о термине, поскольку учитывает как прототипическую категоризацию концептов, реализованную в «наивной» языковой картине мира, так и актуализацию термина как знака «интеллектуально зрелого» и ясно очерченного понятия в сфере специальной коммуникации [Лейчик, Шеллов 2004: 26] (цит. по [Сивакова 2004: 13]).

Попова Лариса Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков 2-ой специальности Омского государственного педагогического университета. E-mail: La-09@mail.ru

В лексикографии накоплен богатый опыт составления словарей разных типов. Однако потребности современной жизни требуют охвата максимально полной информации за максимально короткий промежуток времени. Поэтому словарная статья современного словаря, на наш взгляд, должна полно отражать фрагмент действительности, который изначально заложен в термине, тем более, что информационно-понятийный статус термина уже доказан (см. [Володина 2000]). Кроме того, необходимо учитывать точки зрения развития научного словаря, а также точки зрения развития лингвистики и терминоведения, методов лингвистического анализа и лексикографического представления семантики, несмотря на то, что теория терминографии «пока недостаточно теоретически разработана» [Комарова 2007: 131].

Так, напр., новизна «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики» [Попова 2005] заключается в комплексном подходе лексикографического описания терминов одного лингвистического направления — функциональной грамматики. Словарь является одновременно толковым, идеографическим, синонимическим и тематическим. Источниками для подбора словника послужили труды ведущих отечественных и зарубежных языковедов.

Также обращает на себя внимание иной тип словаря — электронный словарь. Пример такого типа словаря разработан в диссертации Н. А. Сиваковой [Сивакова 2004]. Созданный глоссарий представляет собой первый опыт системного описания английской и русской фитонимической лексики в рамках традиционной и когнитивной терминографии [Сивакова 2004: 5]. Для оптимизации передачи информации в зонах словарной статьи разработан определённый набор средств лексикографического описания, учитывающий специфичность лексического массива, авторскую установку глоссария и возможность цифрового носителя, а именно: латинский термин, переводной эквивалент, родовидовое определение, научную дефиницию, дословный перевод иноязычного эквивалента, речевые синонимы, энциклопедическую справку, этимологическую справку, хронологическую справку, фонетическую справку, графическую иллюстрацию и гиперссылку.

Таким образом, можно согласиться с мнением З. И. Комаровой, которая полагает, что полипарадигмальность стала стратегическим направлением в современной лингвистике [Комарова 2010: 14]. Для объединения информации разного уровня и расширения границ описания словарной статьи полипарадигмальный анализ терминологических единиц был бы чрезвычайно полезен.

ЛИТЕРАТУРА

Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). — М.: МГУ, 2000. — 128 с.

Комарова З. И., Плотникова Г. Н. Толковый словарь в общей лексикографии и терминографии // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения: Материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2007 г. — Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2007. — С. 130–132.

Комарова З. И. Проблемы языка науки // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной междунар. науч. конф., Екатеринбург, 5–6 февраля 2010 г. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. — Ч. 1 — С. 7–23.

Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. — М.: КомКнига, 2006. — 256 с.

Лейчик В. М. Российское терминоведение: опыт синтеза «старой» и «новой» парадигмы // Научно-техническая терминология: Научно-технический реферативный сборник. — М.: ВНИИКИ, 2004. — Вып. 1. — С. 45–48.

Мишланова С. Л. Терминоведение XXI века: история, направления, перспективы // Филологические науки. — 2003. — № 2. — С. 94–101.

Попова Л. В. Комплексный словарь терминов функциональной лингвистики. — Омск: Омск. юр. ин-т, 2005. — 186 с.

Сивакова Н. А. Лексикографическое описание английских и русских фитонимов в электронном глоссарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2004. — 28 с.

POLYPARADIGMATIC APPROACH TO LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF TERMINOLOGY

L. V. Popova

Modern tendencies in lexicography deserve further development of new methods for terminology presentation in a dictionary entry to advance a comprehensive idea of concepts underlying terms. Polyparadigmatic approach is highly efficient as it combines different linguistic paradigms.

Key words: cognitive terminology study, polyparadigmatic approach, lexicography.

© 2011

М. В. Савельева

СОЗДАНИЕ ЧАСТНОГО СЛОВАРЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ

В статье проанализирована попытка составления нового словаря процессуальных единиц с императивной семантикой. Базовым принципом создания словаря является включение сведений об императивном субкатегориальном значении рассматриваемых единиц и их функционировании в лексикографическую и фразеографическую практику.

Ключевые слова: процессуальные единицы с императивной семантикой, субкатегориальное значение, язык, речь, лексикография и фразеография.

На базе Лингвистической лаборатории имени проф. В. А. Лебединской Курганского госуниверситета регулярно создаются частные (автономные) фразеологические словари, включающие единицы с общим компонентом или поэтические

Савельева Мария Владимировна — старший преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета. E-mail: t_maria@mail.ru

фразеологизмы, употреблённые в произведениях какого-либо писателя или поэта. Предметом нашего исследования являются процессуальные единицы с императивной семантикой, объединённые на основании наличия в структуре значения общей субкатегориальной семы в самостоятельный семантико-грамматический разряд, насчитывающий 171 единицу (92 лексические и 79 фразеологических). Особенностью словаря процессуальных единиц с императивной семантикой является то, что описанию подвергаются не только фразеологические, но и лексические единицы.

Теоретической базой для нашего исследования послужила классификация процессуальных единиц, предложенная профессором В. А. Лебединской. Все процессуальные единицы русского языка В. А. Лебединская делит на три субкатегории: со значениями деятельности, отношения и состояния [Лебединская, Усачева 1999: 96]. Дальнейшее исследование показало необходимость выделения ещё одной субкатегории со значением императивности. Императивность как субкатегориальное значение определяется нами как процессуальный признак, который характеризует субъекта как отправителя адресованного воздействия с целью побуждения адресата к ответному действию. Для реализации значения императивности необходимы и обязательны следующие составляющие компоненты: субъект волеизъявления, адресованность волеизъявления, заданность ответного действия.

Под процессуальными единицами с императивной семантикой (далее ИПЕ) мы понимаем единицы, в семантической структуре которых наличествует категориальная сема процессуальность, субкатегориальная сема императивность, а также групповые и индивидуальные дифференциальные семы, позволяющие объединить все ИПЕ в шесть групп: приказ, принуждение, разрешение / запрет, просьба, приглашение, совет. Целью настоящего исследования является попытка найти решение проблемы отражения в лексикографии и фразеографии особенностей субкатегориального значения императивности процессуальных единиц и специфики их функционирования в речи.

Для создания полноты представления об объекте лексико- и фразеографирования необходимо внести ряд уточняющих замечаний о специфике его природы. ИПЕ являются синкретичными по своей природе. Они объединяют в себе признаки номинативных (знаменательных) и релятивных (служебных) единиц. Как номинативные единицы они выполняют самостоятельную синтаксическую функцию, обладают полной парадигмой форм, имеют грамматические категории времени, вида, наклонения, лица, числа. Но от знаменательных единиц ИПЕ отличаются тем, что не обозначают активного процесса, а лишь репрезентируют ситуацию побуждения как реальную, ирреальную, возможную, свершившуюся, запланированную и придают высказыванию модальный оттенок. Со служебными единицами ИПЕ также объединяет то, что они устанавливают связи и отношения между номинативными единицами языка, называющими субъекта, адресата и действие. ИПЕ раскрывают отношения субъекта и адресата побуждения к действию, а также отношения между субъектом и адресатом. Таким образом, у ИПЕ процессуальность реализуется лишь как общеграмматическое значение.

Высказывания с ИПЕ имеют сложную синтаксическую структуру, максимально полно отражающую синкретичность природы явлений, которые характеризуются данными единицами. Она включает в себя следующие компоненты: 1) субъект

ект (адресант) побуждения — наименование лица, которое оказывает прямое или косвенное воздействие на другого участника (или других участников) ситуации общения, побуждая того (тех) к действию; 2) акт побуждения (сама процессуальная единица с императивной семантикой) — воздействие на волю и разум адресата сообщения-побуждения; 3) адресат сообщения-побуждения — наименование лица, на которое оказывается воздействие — объект воздействия и одновременно предполагаемый субъект действия, к реализации которого его побуждают; 4) каузируемое действие (выражено объектным инфинитивом), к выполнению (или невыполнению) которого побуждается адресат — цель воздействия [Володина 1991: 43]: *На последнем винном фестивале в Москве симпатичная **девушка** (1) энергично **агитировала** (2) **меня** (3) **попробовать** абсент (4)* (Мельников. «Запретный плод горек»).

В зависимости от роли участников общения в ситуации побуждения и от способов репрезентации синтаксического субъекта в высказывании, ИПЕ могут проявлять свою многозначность. Анализ примеров употребления ИПЕ в речи показал, что более 80% составляют случаи, где в роли субъекта побуждения выступает лицо или группа лиц. Это объясняется тем, что содержание семантики всех процессуальных единиц имеет «антропоцентрическую направленность» [Лебединская, Усачева 1999: 5–6], то есть в структуре их значения представлены семы, отражающие волю, эмоции, желания, потребности и оценки человека. Синтаксический субъект-нелицо вносит в семантическую структуру ИПЕ семы 'непроизвольность' и 'неосознанность'. Субъект-нелицо пассивен, в конструкции с ИПЕ представляет собой ситуацию, полноценное событие, которое является непроизвольной причиной, побудившей активного субъекта к осуществлению определённого действия или приобретению определённого состояния. Употребление ИПЕ при неодушевленном синтаксическом субъекте приводит к тому, что семантика ИПЕ становится более абстрактной и обобщённой, что составляет дополнительную трудность для фиксации значения таких единиц в словаре.

Разрабатываемый нами «Словарь процессуальных единиц с императивной семантикой» должен отразить комплексный подход к исследованию и описанию языковых единиц. Основной целью является систематизация полученных в процессе анализа авторской картотеки сведений о языковых свойствах единиц, составляющих самостоятельный семантико-грамматический класс на основании наличия в структуре значения общей субкатегориальной семы 'императивность'. Словарная статья должна предоставить читателю полную картину функционирования ИПЕ в речи, дать исчерпывающее описание значений и случаев проявления многозначности, показать особенности системных семантических и синтаксических связей исследуемых единиц.

Учитывая характер поставленных задач и специфику объекта лексико-фразеографирования и принимая во внимание полученные нами новые теоретические знания, считаем целесообразным предложить следующую структуру словарной статьи: 1) заголовочная единица (с указанием возможной вариативности); 2) указание на грамматические свойства (видовая характеристика отражена в форме заголовочной единицы или единица сопровождается пометами *одновид.* *СВ* либо *НСВ*, или *двувид.*; характеристика субъектной отнесённости ИПЕ вводится пометами *субъект-лицо* или *субъект-нелицо*; характеристика типичной сочетаемости

с синтаксически выраженным адресатом отражена в форме вопроса, помещённого после заголовочной единицы); 3) семантическая характеристика, указывающая на подсубкатегориальную и групповую принадлежность единицы; 4) толкование значения двумя способами: синонимическим (с указанием источников, где данное толкование зафиксировано) и описательно-понятийным в соответствии с представленной моделью описания субкатегориальной семы 'императивность', а также групповых и индивидуальных, интегральных и дифференциальных сем; 5) указание на стилистические особенности употребления единиц посредством помет *разг.*, *книжн.*, *устар.*; отсутствие помет указывает на стилистическую нейтральность единицы; 6) иллюстративные примеры употребления ИПЕ в речи, подтверждающие правильность выявленных значений и демонстрирующие парадигматические свойства и валентностные возможности описываемых единиц; 7) указание на синонимические и антонимические отношения внутри исследуемого класса единиц, а также указание на наличие конверсивных отношений в подклассе фразеологических единиц с компонентами *дать* / *давать* и *получить* / *получать*.

Уламывать / уломать кого

Субъект-лицо. Некатег. Просьба.

Разг. Уговаривать на что-л., с трудом склонять к чему-л. [БАС, 16, 1964: 529]; *разг.-сниж.* Убеждая, склонить к чему-л., заставить согласиться с кем-, чем-л.; уговорить [БТС 2000: 1384].

Субъект побуждения не ставит себя выше адресата, а прилагает определённые усилия, направленные на преодоление сопротивления со стороны адресата, и старается посредством уговоров и убеждений сделать так, чтобы адресат побуждения выполнил действие, необходимое субъекту: *Он уламывал меня ехать, а я принципиально отказывался, пытался объяснить, что не вижу себя работающим в оркестре (Башмет. «Вокзал мечты»); И уже потом вместе с США, а то и всем миром они будут уламывать несговорчивых израильтян принять американский план (Гриневский. «Восток — дело тонкое»). Нытьём и мольбами он уломал отца купить ему учебники по ботанике и просиживал над ними ночи напролёт (Липскеров. «Сорок лет Чанчжоз»).*

Словарь может выполнять как учебные, так и научно-исследовательские функции, и адресуется как носителям языка, так и изучающим русский язык в качестве иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М. — Л.: АН СССР, 1950–1965. — Т. 16. — 1964. — 1610 с.

БТС: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.

Володина Г. И. Описание простого предложения с позиций семантического синтаксиса // Семантический и прагматический аспекты высказывания: межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск: НГПИ, 1991. — С. 41–47.

Лебединская В. А., Усачева Н. Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. — Курган: Курганск. гос. ун-т, 1999. — 186 с.

FREQUENCY DICTIONARY OF IMPERATIVE PROCESSUAL UNITS

M. V. Savelyeva

This is an attempt to compile a new dictionary of imperative processual language units. The basic principle of the dictionary involves the presentation of imperative subcategorical meaning of the units and their speech functioning in lexicography and phraseography.

Key words: imperative processual language units, subcategorical meaning, language, speech functioning, lexicography and phraseography.

© 2011

Ю. И. Савостьянова

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СИСТЕМЫ НАИМЕНОВАНИЙ ПСИХОГНОСТИЧЕСКИХ НАУК

Статья посвящена основным проблемам лексикографического описания терминологии наук, изучающих психику человека, — психогностических наук, в частности, проблемам упорядочения, стандартизации и фиксации в словарях разных типов микросистемы наименований психогностических наук как базовых единиц макротерминосистемы психогнозии. Рассмотрены такие вопросы, как активное терминообразование в условиях антропоцентрической ориентации, интеграции и дифференциации современного научного знания; эволюция семантики наименований психогностических наук; особенности представления рассматриваемых единиц в специальной справочной литературе.

Ключевые слова: терминология психогностических наук, проблемы лексикографического описания, терминообразование, эволюция семантики, интеграция и дифференциация научного знания.

Стремительное развитие науки и техники диктует необходимость всестороннего описания, изучения, анализа и лексикографического описания новых пластов терминологической лексики. Несмотря на систематическую и целенаправленную работу в области исследования терминологических систем, даже отдельные известные терминологии всё ещё недостаточно изучены лексикологами. В частности, это касается психологической и психиатрической терминологии, которые относятся к числу самых обширных и сложных терминосистем и представляют собой объёмные макротерминосистемы, состоящие из множества отдельных отраслевых микротерминосистем.

В то же время обращение общественного сознания к личностному началу привело к скачку в развитии всех наук, отраслей знания, их разделов и направ-

Савостьянова Юлия Ивановна — кандидат филологических наук, ст. преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков. E-mail: scs@kubannet.ru

лений, имеющих отношение к человеческой психике. Темпы эволюции одной только психологии превзошли самые смелые прогнозы. Непрерывно рождаются инновационные гипотезы и концепции, основанные на последних эмпирических данных. Наука обогащается множеством введенных в оборот терминов, которые необходимо логически правильно и своевременно вводить в терминосистему. Разделы и отрасли отдельных наук приобретают самостоятельность, сохраняя в то же время тенденцию к интеграции, взаимодействию с другими областями знания и обмену понятиями и терминами, граничащему с объединением всех терминологий в единую информационную и терминологическую базу. Вследствие этого возникла потребность в изучении закономерностей возникновения психогностических наук, их развития, взаимодействия, в стандартизации их терминологии и необходимости выделения указанных наук и их терминологий в отдельный объект изучения [Савостьянова 2001; 2006].

Под психогностической терминологией понимается совокупность терминов (понятий и названий) всех психогностических наук (наук, изучающих психику человека или имеющих к её изучению какое-либо отношение).

Полифункциональность языка охватывает широкий спектр сфер человеческой деятельности, что определяет практически безграничное поле комплексных исследований терминологии психогнозии. Их полное лингвистическое описание вряд ли возможно в одной сколь угодно ёмкой работе ввиду постоянно изменяющегося состава наук в рассматриваемом комплексе и количества их терминологических единиц. Кроме того, изучению и систематизации макротерминосистемы психогностических наук и отраслей должны предшествовать научные терминоведческие работы по определению критериев отбора, разностороннему описанию, систематизации, нормализации и гармонизации совокупности наименований, включаемых в рассматриваемый комплекс областей знания (такая совокупность в рамках исследования именуется микротерминосистемой / системой наименований психогностических наук). Однако существует проблемы, которые осложняют проведение подобной работы и которые нуждаются в диагностике и решении. Именно этому посвящена настоящая статья.

Перечислим критерии, по которым были отобраны термины-наименования описываемых наук. 1. Термин обозначает науку, дисциплину, отрасль науки, её раздел, направление или область и соотносён с понятием в рамках определённой науки. 2. Термин отвечает всем требованиям, предъявляемым к такого рода единицам: требованиям к форме, к значению, а также требованиям, обусловленным особенностями употребления. 3. Термин имеет в своей (или одного из компонентов) морфемной структуре терминологический элемент *псих(o)*-. 4. Дефиниция термина содержит слово с терминологическим элементом *псих(o)*-, слова *душа* или оборот *внутренний мир*.

Важно подчеркнуть обязательное соответствие трём критериям из представленных (первому, второму и одному из двух последних — третьему или четвёртому).

Анализ фактического материала показал: наибольшее количество отраслей, разделов, направлений и их наименований продуцирует психология (160 единиц: *зоопсихология, нейропсихология, патопсихология, психоакустика, психобиохимия, психология возрастная, ~ детская, ~ инженерная, ~ искусства, ~ историческая,*

~ компьютеризации, ~ космическая, ~ политическая, ~ социальная, ~ сравнительная, ~ экономическая, ~ этническая, ~ юридическая, психолингвистика, психофармакология и др.) и психиатрия (40 единиц: военная психиатрия, геронтопсихиатрия, динамическая психиатрия, социодинамическая психиатрия, экологическая психиатрия и др.). Из 238 современных наименований отраслей и разделов в психогнозии только 38 принадлежат отраслям других наук. Это доказывает, что психологии с её «составляющими» по праву принадлежит ведущая, доминирующая роль в блоке психогностических наук и закономерности становления психологии напрямую влияют на всю микротерминосистему рассматриваемой сферы.

Необходимо отметить, что наблюдаемое в последние два десятилетия активное и стихийное образование наименований психогностических наук представляет одну из основных проблем в процессе упорядочения и фиксации образованной ими микросистемы. Терминологи и лексикографы не успевают фиксировать непрерывно появляющиеся термины. Кроме того, указанная ситуация отнюдь не способствует созданию стройной классификации понятий и терминов-наименований. Так, в ходе исследования выявлены следующие недостатки представленных в специальной литературе классификаций отраслей и разделов базовых психогностических наук: 1) смешение оснований классификаций, ведущее к нарушению её родовидовой структуры (среди понятий одного уровня встречается такое, которое является родовым к одному или нескольким указанным понятиям); 2) несоблюдение взаимоисключаемости членов деления (следствие предыдущего нарушения); 3) несоразмерность деления; 4) скачок в делении [Войшвилло 1994]. В других психогностических науках проблема классификации отраслей и разделов также существует. Обнаруженные недостатки составляют вторую проблему лексикографического описания микросистемы наименований психогностических наук, которая влечёт за собой и третью — несистемность представления понятийного и терминологического аппарата в имеющейся специальной учебной и справочной литературе. Приведём некоторые доказательства.

Опираясь на требования, предъявляемые в науке о языке и в логике к дефиниции, можно выделить недостатки, обнаруженные в процессе работы над совокупностью наименований психогностических наук. Первой и наиболее распространённой ошибкой в дефинировании терминологических единиц является отсутствие точности и перечня существенных признаков (родового или видового). При систематизации понятийного аппарата изучаемого комплекса указанная проблема решается. Следующий недостаток характеризуется избытком несущественных признаков и отсутствием точности, тогда как определяющая часть должна включать лишь то, что необходимо и достаточно для выделения тех явлений или связей, которые составляют содержание определяемого термина. К отсутствию точности отнесём и неверное выделение родового признака, что, в свою очередь, также связано с нестандартизированной понятийной системой каждой из входящих в психогнозию наук. Наблюдаются и случаи тавтологии, которые сопровождаются отсутствием краткости.

Слабые стороны представления интересующей нас терминологии в конкретных словарях и справочниках, можно продемонстрировать следующими примерами. Часты случаи трактовки терминов через другие термины, дефиниции которых отсутствуют в источнике. В словарной статье к термину *бионика* Большого психо-

логического словаря [БПС 2005] фигурирует термин *психобионика*, обозначающий особое направление в *бионике*. Однако самостоятельной дефиниции и описания *психобионики* в данном источнике не находим. Объясняя содержание термина *бихевиоризм*, авторы этого же словаря останавливаются на термине *необихевиоризм*: «Явный механицизм бихевиоризма <...> вызвал серьезную критику <...> которая повлияла на возникновение необихевиоризма. Представители последнего стали “вставлять” в схему S–R “промежуточные переменные”» [БПС 2005: 60] Тем не менее отдельная словарная статья, раскрывающая содержание данного термина, отсутствует, что весьма неудобно. Данных в описании *необихевиоризма* недостаточно для установления логико-понятийных отношений между понятиями, обозначенными рассматриваемыми терминами.

В теории языка и в логике выделяют некоторые приёмы, сходные с дефинированием и подменяющие его [Войшвилло 1998]. К недостаткам их, однако, не относят. На наш же взгляд, подобные приёмы представляют собой крайне нежелательное явление в терминологии любых наук, в том числе и психогностических. Они, прежде всего, препятствуют установлению системности терминологии в области знания, важность которой неоднократно доказывалась. Один из таких приёмов — характеристика, в которой уточнение значения термина осуществляется не путём формирования наглядного образа, а посредством перечисления наиболее типичных черт (как значимых, так и второстепенных). Характеристика не гарантирует однозначного выделения соответствующего класса объектов. В микротерминосистеме наименований психогностических наук данный приём встречается часто.

Непоследовательность подачи материала и неточная система ссылок также препятствует пониманию предмета и нуждается в исправлении.

Ещё одно препятствие на пути к упорядочению и лексикографированию микротерминосистемы наименований психогностических наук — это наличие полисемии, омонимии и синонимии, выявление и уточнение которых затруднено описанными выше причинами.

Изучение микротерминосистемы наименований психогностических наук позволило выявить случаи актуальной полисемии. Анализ полисемичных наименований психогностических наук и отраслей показал некоторые специфические для рассматриваемой микротерминосистемы модели соотношения значений, семантическая близость которых подтверждается их принадлежностью к одной тематической группе: 1) «наука (дисциплина, область, раздел, направление) и наука (дисциплина, область, раздел, направление)»: *акмеология, антропология*; 2) «совокупность дисциплин (совокупность знаний, подходов, общее наименование) и наука (дисциплина, область, раздел, направление)»: *антропология, психология объективная*; 3) «наука (дисциплина, область, раздел, направление) и метод»: *психоанализ, эвристика*; 4) «теория (подход) и наука (дисциплина, область, раздел, направление)»: *метапсихология, психология клиническая*. Модель «характеристика и отрасль» представлена единственным полисемичным термином *психология правовая*. Однако реальное количество подобных терминов гораздо больше, поскольку в данном случае мы имеем дело с остаточным явлением процесса терминологизации общеупотребительного словосочетания.

В результате компонентного анализа изучаемого материала установлено наличие четырёх терминов, имеющих омонимы (*метапсихология, психология медицинская, психология сравнительная, психология экологическая*). Несмотря на смысловую связь гиперсем всех значений каждого термина, признаем их значения семантически непроеизводными (если у термина несколько значений, то какую-то их часть), не имеющими общую сему специального характера ввиду отсутствия пересечений в описании объекта изучения / исследования / описания. Все термины, которые отнесены нами к омонимам, находятся на периферии омонимии и квалифицируются как омонимы низкой степени омонимичности.

Наблюдения доказывают существование синонимии, вариантности, дублетности и эквивалентности как свойств терминов-наименований психогностических наук. Статистический анализ рассмотренных групп наименований наук показал, что на современном этапе развития психогнозии количественно увеличившиеся дублеты и варианты представлены наибольшим числом лексических единиц (26 и 30 наименований, соответственно, из 90 единиц — общего числа лексем (или ЛСВ) со сходными или тождественными значениями), количество синонимов и эквивалентов несколько меньше (18 и 16 единиц).

Таким образом, на современном этапе развития психогнозии, в условиях антропоцентрической ориентации современного научного знания, а также его интеграции и дифференциации, остро стоят вопросы описания, комплексного изучения, стандартизации, унификации и фиксации терминологии психогностических наук, в частности, системы наименований данных наук. В процессе упорядочения и лексикографирования психогностической терминологии необходимо учитывать существование описанных в статье проблем (неконтролируемое стихийное терминообразование, отсутствие стройной классификации в каждой входящей в психогнозию науке, несистемность подачи материала в источниках, сложность выявления эволюционных процессов в семантике терминов) и искать пути их комплексного решения.

ЛИТЕРАТУРА

- БПС*: Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — СПб: Прайм-Еврознак, 2005. — 672 с.
- Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г.* Логика. — М.: ВЛАДОС, 1998. — 528 с.
- Гринёв С. В.* Введение в терминоведение. — М.: Москов. лицей, 1993. — 309 с.
- Савостьянова Ю. И.* Синергия как принцип лексикографирования терминов наук о психике человека (проект комплексного словаря). — Краснодар, 2001. — Деп. в ИНИОН РАН 28.02.01. — № 56309. / биб. ук. № 7. — 2001. — (20/010000507). — 51 с.
- Савостьянова Ю. И.* Микротерминосистема наименований психогностических наук в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2006. — 231 с.

KEY ISSUES OF LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF PSYCHOGNOSTIC TERMINOLOGY

Yu. I. Savostyanova

The article is concerned with key issues of lexicographic presentation of psychognostic terminology, i.e. that of the sciences studying human psychics. The basic challenge is systematizing, standardizing, and listing microsystem psychognostic terms as basic macrosystem units of psychognostics in dictionaries of different types. It also considers term-coining within the context of anthropocentrism, integration, and differentiation of present-day academic knowledge. It also tackles peculiarities of representing units under study in specialized reference works.

Key words: psychognostic terminology, lexicographic presentation issues, term-coining, semantic evolution, scientific knowledge integration and differentiation of academic knowledge.

© 2011

В. А. Салаяев

АСПЕКТЫ НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
В ОБЩИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА
ПОМЕТЫ «ПРОСТОРЕЧНОЕ»)

Статья посвящена анализу теоретических подходов к рассмотрению просторечия, реализующихся в важнейших словарях русского языка. Автор исследует аспекты нормативно-стилистической и функциональной характеристики просторечной лексики и фразеологии, которые находят своё отражение в выборе и содержании словарной пометы «просторечное». Здесь же выделены дихотомические оси, относительно которых выстраиваются системные отношения при описании просторечия в общих толковых словарях разных эпох.

Ключевые слова: нормативный словарь, словарные пометы, литературное просторечие, внелитературное просторечие, ненормативная лексика, экспрессивно окрашенная лексика, лексика ограниченного употребления.

Общий нормативный толковый словарь является важнейшим инструментом в деле системного описания национального лексикона и повышения культуры речи. Неотъемлемая часть подобного рода словаря — система стилистических помет, которые призваны дать функциональную, стилистическую и нормативную характеристику зафиксированной единице и тем самым обозначить сферу и особенности её использования, её место в системе национального языка.

Салаяев Владимир Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и педагогики Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса (г. Орёл). E-mail: salyaev@nm.ru

Чтобы проанализировать ортологический и таксономический потенциал помет, необходимо установить некоторые константы, выступающие в роли «шкалы координат», относительно которых будут преломляться различные теоретические подходы к нормативно-стилистической характеристике лексики. Такими константами, на наш взгляд, могут быть дихотомические оси, пронизывающие нормативно-стилистическую систему каждого конкретного словаря.

Можно выделить три оси нормативно-стилистических оппозиций, выявление которых базируется на самой структурной организации лексической нормы. Основанием для выделения трёх дихотомических осей можно считать суждение В. В. Виноградова о системной организации лексики, сделанное им в классической статье «Итоги обсуждения вопросов стилистики»: «[Языковые единицы] объединяются в некоторые совокупности, в некоторые устойчивые экспрессивно-стилистические ряды внутри языковой системы в силу однородности экспрессии (1), а также сходного отношения к единой норме общенародного языка (2) и к сложившейся традиции их функционально ограниченного употребления (3)» (рубрикация наша — В. С.) [Виноградов 1955: 67]. По нашему мнению, указанные интеграционные признаки могут выступать и в качестве критериев нормативного, стилистического и функционального разграничения лексики в общем толковом словаре. Таким образом, мы определяем три оси противопоставления, с помощью которых можно дать цельное, структурированное описание лексической единицы: ось нейтральности — экспрессивной окрашенности, ось нормативности — ненормативности и ось общеупотребительности — функциональной ограниченности. Очевидно, что эти оси пересекаются и взаимодействуют, но тем не менее каждая из них определяет особую область характеристики слова.

Указанные дихотомии в той или иной степени представлены и в определениях стилистических помет, с помощью которых осуществляется нормативно-стилистическое и функциональное описание лексики в толковых словарях. Именно такое понимание характеризующей функции помет (через противопоставление) отражается в высказывании известного российского лексикографа Г. Н. Складневской: «Анализ совокупности помет обнаруживает сложный и противоречивый характер стилистической окраски, которая <...> зависит от разных планов оценки и основана на оппозициях нейтрального и ненейтрального, нормативного и ненормативного, экспрессивного и логического» [Складневская 1978: 104–105].

Особенно наглядно системные противопоставления проявляются при анализе лексики, стоящей на грани нормативного употребления. В данном случае имеется в виду городское просторечие, нормативно-стилистический и функциональный статус которого был неустойчив на всём протяжении развития этой формы существования национального языка. Для характеристики этого лексического разряда в общих толковых словарях обычно используется помета *простореч.* (просторечное). Во многих исследованиях отмечается противоречивый характер этой пометы, несистемность её употребления в толковых словарях с начала XX в. и по сей день, что связано как с изменениями в самом просторечии, так и с трансформацией научных представлений о нём. Мы попытаемся, опираясь на выделенные дихотомические оси, рассмотреть содержание этой пометы в четырёх классических словарях русского языка и выделить аспекты нормативно-стилистической характеристики просторечия.

Словарями предлагаются следующие определения пометы *просторечия*.

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова: «(простореч.), т. е. просторечие, означает: свойственно простой, непринуждённой или даже грубоватой устной речи, не связанной нормами литературного языка, и стоит на границе литературного употребления. Между прочим помета имеет характер предостережения от употребления слова в книжном языке, а в тех случаях, когда при посредстве её одни формы противопоставляются другим, она носит запретительный характер...» [Ушаков, 1, 1935: XXVI]).

«Словарь русского языка» (МАС): «*Прост.*, т. е. просторечное слово или значение, указывает на то, что слово (или значение), из-за грубости содержания и резкости выражаемой оценки, стоит на границе литературного языка и употребляется в сниженном стиле, в обиходной, бытовой речи...» [МАС, 1, 1985: 9]).

«Словарь современного русского литературного языка» (БАС): «Являясь в основном толковым и нормативным, настоящий Словарь <...> даёт нормативные указания при словах ограниченного употребления (спец., в простор., устар. и др.) <...> Литературный язык не может быть оторван от живого просторечия; поэтому широко употребительная просторечная лексика включается в Словарь с соответствующими пометами <...> Если слово не имеет общелитературного употребления <...> то оно сопровождается пометами: в просторечии, областное...» [БАС, 1, 1950: 3, 5, 13]).

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова (9-е изд., 1972 г.): «(прост.), т. е. просторечное; означает, что слово свойственно массовой городской разговорной речи (содержащей в себе немало недавних диалектных слов, ставших общенародными, слов жаргонного происхождения, новообразований, возникающих для характеристики разнообразных бытовых отношений, словообразовательных вариантов нейтральной лексики) и используется в литературном языке как стилистическое средство для придания речи шутливой, пренебрежительной, иронического, грубоватого и т. п. оттенка; часто эти слова являются выразительными, экспрессивными синонимами к словам нейтральной лексики...» [Ожегов 1972: 4].

Помета *простореч.* в словаре Д. Н. Ушакова обладает значительной кодификационной императивностью и прежде всего устанавливает противопоставление по оси нормативности. Она носит предостерегающий характер и ограничивает употребление просторечной лексики в кодифицированной речи. Отсутствие ограничения по оси общеупотребительности свидетельствует о том, что маркируемые этой пометой лексические единицы преодолели границы ограниченного употребления и получили повсеместное распространение в обиходной речи. В этом смысле помета *простореч.* отчетливо оппозиционна «арготической» помете, указывающей на ограниченное функционирование единицы. Противопоставление по оси экспрессивности выражено неявно, т. к. категории «непринуждённости» и «грубоватости», действительно характерные для просторечной лексики, в этом словаре ещё не являются принципиальными для нормативного разграничения.

Помета *простореч.* в БАС и МАС, хотя и соотносится с её характеристикой в словаре Д. Н. Ушакова, уже не обладает строгой кодификационной императивностью и не является запретительной. В целом, помета *простореч.* не выстраивает противопоставления по шкале нормативности — для этих целей служит помета *груб. прост.* В БАС «просторечная» помета не противопоставлена «функциональ-

ным» пометам (*спец., обл.*) и в условиях отсутствия системных помет *арго* или *жаргон.* может, пожалуй, осуществлять разграничение по оси общепотребительности. Пометой *простореч.* в МАС чётче обозначена линия противопоставления экспрессивно окрашенных (грубых по содержанию и резких по характеру выражения) и нейтральных элементов — этим он сближается со словарём С. И. Ожегова.

Содержание пометы *простореч.* в словаре С. И. Ожегова (9-е изд., 1972 и последующие) принципиально отличается от её содержания в словаре Д. Н. Ушакова. Противопоставление по оси нормативности не обозначено совсем. Видимо, предполагается, что сам факт включения в этот предельно нормативный словарь краткого типа является свидетельством признания нормативного статуса просторечия. Принципиальное различие между разговорными, в эксплицитной форме признаваемыми литературными, и просторечными элементами состоит в обязательном наличии у последних ярко выраженного экспрессивного значения. Действительно, в определении пометы недвусмысленно заявлено о том, что просторечные единицы используются в литературном языке в качестве особого стилистического средства, являясь экспрессивными синонимами к нейтральным общелитературным словам. Поэтому помета *простореч.* в словаре С. И. Ожегова осуществляет противопоставление, главным образом, по шкале экспрессивности. Вполне естественно, что просторечие, как и в словаре Д. Н. Ушакова, признаётся «общенародным», получившим всеобщее распространение — лексика ограниченной сферы употребления в словарь С. И. Ожегова просто не включалась.

Нетрудно заметить, что между словарями Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова (9-е изд.) наблюдаются наиболее кардинальные расхождения в оценке нормативного статуса просторечия. В обобщённом и упрощённом виде эти различия могут быть обозначены следующим образом: если в словаре Д. Н. Ушакова просторечие — это слова, употребление которых чаще всего не соответствует литературным нормам, то в словаре С. И. Ожегова просторечные элементы рассматриваются как особые стилистические, экспрессивно выразительные средства внутри литературного языка.

Абстрагируясь от времени издания конкретных словарей и сопоставляя указанные определения на синхронной оси, можно заметить, что различия в понимании пометы *простореч.* вполне соответствуют предложенному Ф. П. Филиным разграничению **литературного** просторечия как особого стилистического средства и **внелитературного** просторечия как языкового варианта, характерного для лиц, недостаточно овладевших литературным языком [Филин 1973: 7].

Развивая положение Ф. П. Филина о материальном единстве литературного и внелитературного просторечия, наблюдаемое, кстати, и при анализе просторечной лексики арготического происхождения в словаре Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова, Е. Ф. Петрищева говорит о том, что расхождения в нормативной оценке просторечной лексики могут быть обусловлены различными подходами к её классификации: «В том, что языковые средства, не входящие в состав литературного языка, могут принадлежать к числу его стилистически маркированных средств и входить в его стилистическую систему, нет противоречия, потому что свою характеристику как внелитературных и как стилистически окрашенных средств они получают в результате различных подходов. Первый отражает нор-

мативную точку зрения на языковые средства, второй — стилистическую» [Петрищева 1981: 62; Петрищева 1984: 193]. В таком ракурсе сопоставления словарь Д. Н. Ушакова реализует **нормативный** подход к оценке просторечной лексики, а словарь С. И. Ожегова (9-е изд.) — **стилистический**.

При диахроническом рассмотрении проблемы, вполне оправданном для словарей, представляющих различные этапы развития отечественной лексикографии, расхождения в подходах к классификации просторечной лексики оказываются обусловленными как объективными изменениями самого просторечия и характера его связей с литературным языком, так и развитием научных представлений об этом лексическом разряде.

Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова в своих нормативно-стилистических рекомендациях тяготеет к дореволюционной, консервативной академической традиции, проявляющейся, в частности, в признании ненормативности просторечия. Словарь же С. И. Ожегова при характеристике просторечия уже отражает современные подходы к квалификации лексики и фразеологии, стоящей на грани или за гранью нормативного обращения.

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: АН СССР, 1950–1965.

Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. — 1955. — № 1. — С. 60–67.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1985–1988.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Сов. энцикл., 1972. — 900 с.

Петрищева Е. Ф. Внелитературная лексика как категория стилистическая // Вопросы языкознания. — 1981. — № 3. — С. 60–66.

Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. — М.: Наука, 1984. — 222 с.

Скляревская Г. Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сорокалетова. — Л.: Наука, 1978. — С. 101–111.

Ушаков: Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. — М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. — 1973. — № 2. — С. 3–12.

STYLISTIC NORM CHARACTERISTICS IN GENERAL EXPLANATORY DICTIONARIES (BASED ON THE ANALYSIS OF THE LABEL ‘VERNACULAR’)

V. A. Salyayev

This article analyzes theoretical line of approach to vernacular incorporated in major dictionaries of the Russian language. The author examines stylistic norm and functional characteristics of vernacular vocabulary and phraseology, which are reflected in the choice and content of the dictionary label *vernacular*. The author also sets off dichotomous axes along

which he aligns system relations while describing vernacular in general explanatory dictionaries of different historical periods.

Key words: standard dictionary, dictionary labels, literary vernacular, non-standard vernacular, substandard vocabulary, restricted usage vocabulary.

© 2011

Е. В. Суровцева

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ «ЧАСТОТНОГО ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА»

В статье описываются принципы создания «Частотного грамматико-семантического словаря языка произведений А. П. Чехова (с приложением Электронного корпуса текстов)» и Электронного корпуса текстов А. П. Чехова. Работа над Словарём и Корпусом завершена в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Описываются также основные возможности, предоставляемые программным обеспечением «КИИС “ИСТОК”», разработанным в лаборатории для работы с Корпусом.

Ключевые слова: А. П. Чехов, проза и драматургия А. П. Чехова, Словарь языка произведений А. П. Чехова, Электронный Корпус чеховских произведений, программное обеспечение «КИИС “ИСТОК”».

В настоящий момент в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, которой заведует А. А. Поликарпов, завершена работа над «Частотным грамматико-семантическим словарём языка художественных произведений А. П. Чехова» (авторы О. В. Кукушкина, Е. В. Суровцева, Д. Ю. Рюдигер, Л. В. Лапони́на; под общей редакцией А. А. Поликарпова), посвящённым 150-летию со дня рождения А. П. Чехова. Данный словарь является первым полным словарём языка художественных произведений А. П. Чехова. Он создан на основе анализа 600 текстов, в число которых вошли все законченные прозаические и драматические произведения писателя (17 пьес и 583 прозаических произведения без вариантов и редакций). Тексты исследовались по академическому собранию сочинений писателя [Чехов 1974–1983].

Основой для Словаря послужил созданный в ЛОКЛЛ Электронный корпус художественных произведений А. П. Чехова. Корпус входит в Словарь в качестве электронного приложения и даёт читателю возможность ознакомиться со всеми

Суровцева Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru, chzhong.a@bk.ru

контекстами употреблений словарных единиц и с теми произведениями, в которых используется та или иная единица.

Таким образом, данная работа представляет собой лексикографический продукт нового типа, в котором реализовано сочетание Словаря и Электронного корпуса текстов. Это сочетание представляется нам принципиально важным и перспективным, так как оно создаёт новые возможности для работы со Словарём и для дальнейшего самостоятельного исследования особенностей языка и творчества писателя.

Сначала остановимся на составе словаря и общих принципах группировки единиц.

В Словаре три раздела: Общий словарь; Подсловари; Частотные таблицы.

Общий словарь содержит 34 752 заглавных слова (включая цифры, средства нумерации списков, компоненты фраз на иностранных языках). Число слов с учётом вариантов — 36 289. Общий объём словоупотреблений, которые отражает данный Словарь, — 1 257 115.

Словарь организован в соответствии с грамматико-семантическим, а не частотным или алфавитным принципом. Частотная информация дана здесь как дополнительная. Сначала даются имена собственные вместе с производными от них словами разных частей речи. Как показал анализ, в текстах А. П. Чехова представлены четыре основных денотативных типа имён собственных: 1) имена лиц, 2) клички животных, 3) названия кораблей, 4) топонимы, этнонимы и т. п. Эти типы слов описываются в Словаре отдельно, но в составе общей группы «Имена собственные».

Слова, не являющиеся именами собственными (и их производными), разделяются на группы с учётом частеречной принадлежности. Это разделение имеет некоторые особенности по сравнению с традиционным делением слов на части речи. Во-первых, слова знаменательных частей речи разделены только на три класса: 1) существительные; 2) глагольные слова; 3) неглагольные прилагательные слова. Это позволяет объединить разные в грамматическом отношении, но близкие лексически единицы (напр., глагол *вспыхнуть* и бессвязочный предикатив *вспых*). В идеале, в группу прилагательных слов нужно было бы поместить и существительные-синтаксические дериваты (*вспышка* и т. п.), однако сведение слов в гиперлексемы — особая задача, работа над которой ещё только ведётся. Во-вторых, местоимённая лексика не выделяется в самостоятельный класс и даётся в начале каждого из трёх основных классов, на которые разделены знаменательные части речи, в качестве особой группы. Это позволяет, с одной стороны, сохранить единство слов с местоимённым типом значения, и, с другой стороны, даёт возможность объединить последние с полными единицами сходного денотативного типа. В-третьих, звукоподражания даются как особая группа, а не вместе с междометиями. В одну группу со звукоподражаниями объединены также названия букв, нот и части слов, встречающиеся в текстах произведений.

В разделе «Подсловари» представлены результаты выборки из общего словаря писателя единиц нескольких семантических и функциональных типов. При составлении подсловарей мы пытались отобрать такие признаки, которые являются наиболее специфичными для языка писателя и интересными для лингвистиче-

ских, литературоведческих и когнитивных исследований (см. подсловари «Цветобозначения», «Звукообозначения», «Наименования лиц» и пр.).

В разделе «Частотные таблицы» представлены некоторые результаты количественной обработки информации. Сначала дано количественное соотношение единиц выделяемых в Словаре классов единиц (таблица 1). Затем даётся перечень наиболее регулярных слов произведений А. П. Чехова — отдельно для драм и для прозы. В него включены те лексические единицы, которые употребляются в 100 и более прозаических произведениях; в 8-ми и более пьесах. Среди таких слов есть и единицы с относительно невысоким количеством употреблений, однако число текстов (политекстия), в которых употреблена единица, является, как нам представляется, более важным и информативным показателем, чем частотность. Мы полагаем, что эти слова составляют то, что можно назвать «лексическим ядром» чеховских художественных произведений. В этой же таблице указаны самые регулярные слова драматургических произведений, употреблённые в 8 и более пьесах. В словаре есть таблица «Слова с наибольшим количеством употреблений», которая содержит традиционный для частотных словарей перечень слов с наибольшим числом употреблений (первая тысяча).

В Приложении дано описание Электронного корпуса текстов «Художественные произведения А. П. Чехова», на основе которого сделан Словарь, а также краткое описание возможностей программной оболочки, работающей с корпусом.

Словарная статья Общего словаря содержит следующие данные: 1) заглавное слово; 2) его частеречная характеристика; 3) количественная характеристика; 4) семантический комментарий (не во всех случаях); 5) данные о вариантах. В отдельных случаях приводится контекст употребления с указанием произведения (напр., для слова *затрогивание*). Для фамилий является обязательным указание произведений.

При каждой единице словаря даётся количественная информация двух типов: 1) число употреблений; 2) число текстов, в которых использовано слово (политекстия). Эта информация приводится как для всех текстов в целом, так и для прозы и драматургии в отдельности. Число текстов даётся в скобках. Сначала указывается общее число употреблений и текстов, затем (после разделителя «|д.») — данные о пьесах, затем (после разделителя «|п.») — о прозаических произведениях. Ср.: *красавица* \ {сж} 120(55) | д. 16(6) | п. 104(49) — слово употреблено 120 раз в 55 текстах, из них 16 раз в 6 драматургических, и 104 раза в 49 прозаических произведениях.

При работе с количеством употреблений мы столкнулись с такой трудностью, как огромное дословное совпадение двух произведений: пьес «Иванов» (1887 г.) и «Иванов» (1889 г.). Это совпадение искажает общие данные об употребительности единиц, поэтому было принято следующее решение: в Словаре материал «Иванова» (1887 г.) используется только в том случае, если какое-то употреблённое в этом произведении слово (или вариант) уникальны, т. е. не встречается ни в одном другом произведении. Такие единицы даны в косых скобках и с обязательным указанием произведения («Иванов» 1887). Во всех остальных случаях количество употреблений и политекстия даётся без учёта этой пьесы, т. е. только по «Иванову» (1889). В таких случаях при указании названия произведения год не называется.

Частеречная характеристика, данная в Словаре, в целом соответствует системе грамматических классов «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка. Т. е. в Словаре используются такие «нетрадиционные», но функционально необходимые классы, как предикатив, сравнительная степень, вводное слово, местоимение-существительное. Дополнительно указаны такие типы единиц, как звукоподражания, буквы, ноты, части слов, средства рубрикации, а также компоненты иностранного текста. В последний класс включались слова, использованные не как вкрапления в русский текст, а как входящие во фразу на иностранном языке. Такие слова не приведены к начальной форме и грамматически не охарактеризованы.

При работе с текстами А. П. Чехова ярко проявилась такая особенность его языка, как высокая степень вариативности. Писатель последовательно отражает диалектные, социальные, произносительные, орфографические, словообразовательные и др. варианты слов. Основная часть вариантов, за исключением явных интонационных и индивидуальных, сведена и даётся в единой словарной статье.

В разделе «Подсловари» приведён также особый подсловарь произносительных вариантов, не включённых в основной словарь. Эти варианты отражают, прежде всего, «интонационные» особенности произношения слов, а также отдельные дефекты речи, акцент и пр.

Проблема разграничения омонимии и полисемии решалась нами на денотативном основании.

При описании фамилий реализован следующий принцип: имена реальных лиц и персонажей, имеющих одинаковую фамилию, описывались как «омонимы».

Для самых регулярных единиц (*бог*, *чёрт*¹, *дьявол*, *чай*¹) была проделана дополнительная работа по разделению полнозначных и неполнозначных употреблений. Эти употребления разведены и охарактеризованы в словарных статьях.

В части случаев комментарий является явно избыточным для специалистов и носит культурологический характер. «Избыточность» связана с тем, что словарь ориентирован на широкий круг читателей. Описания значений доступны и в ходе работы с электронным корпусом текстов (см. «Словарь значений»).

Считаем необходимым особо отметить, что в качестве толковательной основы при работе над семантическим комментарием использовался «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 2003). Большая часть описаний значений заимствованы непосредственно из этого словаря.

Теперь коротко охарактеризуем Электронный корпус текстов А. П. Чехова, на основе которого был создан Словарь.

Основные количественные характеристики корпуса таковы:

<i>Тип единиц</i>	<i>Количество</i>
Тексты	600: 17 пьес, 583 прозаических произведения
Словоупотребления	1 271 656: пьесы — 176 307; проза — 1 095 349
Разные словоформы	101 302: пьесы — 23 093; проза — 96 161
Разные лексемы	36 454: пьесы — 11 824; проза — 34 798 (без сведения вариантов)

Помимо стандартных типов (словоформа, начальная форма, название произведения), корпус размечен также другими типами информации: период, в который написано произведение (не существует единой и общепринятой периодиза-

ции творчества А. П. Чехова, поэтому мы использовали при разметке текстов не одну, а три разных периодизации — Р. Б. Ахметшина и И. Е. Гитович; В. Б. Катаева и П. Н. Долженкова; А. П. Чудакова); тип текста (прозаический или драматический); подпись; жанр текста; авторский жанр; речевой жанр; тип повествователя; темы (под темой понимается тип ситуаций, изображаемых в произведении, а также основные проблемы, в нём затрагиваемые. Темы выделялись эмпирически, с опорой на анализ лексического состава произведения); семантические классы слов (класс «гео» — топонимы, этнонимы и их производные; класс «имя» — имена собственные и их производные; класс «лицо» — нарицательные существительные, обозначающие лиц; класс «цвет» — существительные с «цветовым» значением; класс «звук» — существительные со «звуковым» значением; класс «произведения» — названия упоминаемых печатных изданий и произведений); части речи (частеречная информация в основном соответствует классификации, представленной в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка, однако в отдельный класс были выделены звукоподражания); варианты слов; год написания произведения; место написания; подзаголовок и адресат посвящения.

Электронный корпус текстов А. П. Чехова предполагается издать на диске в качестве приложения к «Частотному грамматико-семантическому словарю языка произведений А. П. Чехова». На диске, кроме самого корпуса, находится программное средство, позволяющее работать с ним. В качестве такого средства выступает разработанная в ЛОКЛЛ Корпусная информационно-исследовательская система «Исследование словаря, текстовых особенностей, конкордансов» (КИИ-Са «ИСТОК»), которая представляет собой достаточно универсальный инструмент филологического исследования текстов. Система позволяет: а) просматривать и копировать в файл имеющиеся словари и конкордансы; б) получать новые словари и конкордансы путём комбинирования тех типов информации, которыми размечен корпус; в) работать с каждым произведением в полнотекстовом режиме и получать справочную информацию о нём.

Соединение словаря языка писателя и корпуса текстов, на основании которого сделан словарь, позволяет создать лексикографический продукт нового поколения. Он не только делает доступным для читателя все контексты употребления словарной единицы, но и позволяет вести дальнейшее самостоятельное исследование особенностей языка и творчества писателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. — 944 с.
- Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — М.: Рус. яз., 1977. — 880 с.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — М.: Наука, 1974–1983.

PRINCIPLES UNDERLYING FREQUENCY GRAMMATICAL-SEMANTIC
CONCORDANCE OF A. P. CHEKHOV*Ye. V. Surovtseva*

The article formulates principles underlying “Frequency Grammatical-semantic concordance of A. P. Chehov (supplemented by Electronic text corpus)” and the Electronic text Corpus itself. The concordance and corpus project was accomplished by the Laboratory of general and computer lexicology and lexicography of Philological faculty of Moscow State University. The paper also considers prospects offered by computer program “KIISa ‘ISTOK’” created at the laboratory for the Corpus.

Key words: A. P. Chekhov, A. P. Chekhov’s prose and plays, concordance of A. P. Chekhov, electronic text corpus of A. P. Chehov’s works, computer program “KIISa ‘ISTOK’”.

© 2011

А. Н. Тиханович

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УСИЛИТЕЛЬНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СЛОВАРЯХ РАЗНОГО ТИПА

В статье рассматриваются способы представления усилительных словосочетаний в трёх словарях: «Толково-комбинаторном словаре современного русского языка» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского, «Словаре усилительных словосочетаний русского и английского языков» И. И. Убина, электронном «Словаре русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени» Г. И. Кустовой.

Ключевые слова: усилительные словосочетания, средства усиления, большое разнообразие, специальные словари, способы представления.

Современная русская речь обладает большими лексическими возможностями для передачи значения усиления. Усиление слова — это отражение на лексическом уровне интенсификации в реальной действительности внеязыкового факта, именем которого является данное слово. «Каждое слово, которое может быть усилено, имеет, как правило, не одно, а целый ряд альтернативных средств усиления ...» [Убин 1995: 4]. Так, *дождь* может быть *сильным*, *проливным*, *затяжным*, *обложным*, *как из ведра*, *стеной*, *беспросветным* и даже *зверским*; *кофе* может быть *крепким*, *ароматнейшим* или *термоядерным*, а к слову *пьяный* средств усиления найдётся столько, что их можно было бы изучать отдельно.

Распространённость и разнообразие средств усиления в современном русском языке — вот два основных фактора, определивших создание специальных словарей усилительных словосочетаний. Речь идет о таких словарях, как «Тол-

Тиханович Анжелла Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Череповецкого государственного университета. E-mail: angel-35@mail.ru

ково-комбинаторный словарь современного русского языка» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского [Мельчук, Жолковский 1984], «Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков» И. И. Убина [Убин 1995], электронный «Словарь русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени» Г. И. Кустовой [Кустова <http>].

Чтобы не обременять читателя сложной научной проблемой поиска и обоснования границ между свободной и несвободной сочетаемостью, авторами было принято решение включить в словари наряду с настоящими идиомами (*круглый сирота*) и коллокациями (*плакать навзрыд*) менее идиоматичные (*глубоко огорчён*), а также свободные сочетания со значением высокой степени (*чрезвычайно огорчён*). Все представленные в вышеуказанных словарях сочетания опорных слов со средствами усиления обладают свойственной словосочетаниям бинарностью логической структуры и подчинительным характером отношений между главным и зависимым элементами при усилительном значении последнего.

Остановимся на описании толково-комбинаторного словаря современного русского языка (далее ТКС). К сожалению, этот словарь, предназначенный для филологов, малоизвестен даже в профессиональной среде. Так, в современном издании «Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка» [Козырев, Черняк 2000] среди более чем 700 описываемых словарей ТКС не встречается. Соответствуя своему названию, данный словарь сочетает в себе задачи толкования слов и максимально полного описания их синтаксической и лексической сочетаемости с точки зрения как норм и правил комбинирования, так и практической реализации. Хотя ТКС не является специальным словарем усилительных словосочетаний, в структуре словаря сочетания такого типа представлены достаточно широко, и средством их описания является лексическая функция Magn. Это словарь нового типа, нацеленный в первую очередь на синтез, то есть на производство текста, хотя может использоваться и для его анализа, как обычный толковый словарь.

Словарная статья имеет достаточно сложную структуру, включающую в себя 10 зон:

1. Морфологические сведения о заглавном слове (склонение, спряжение, род, вид, отсутствие тех или иных форм и т. п.).
2. Стилистическая помета (*спец.*, *разг.*, *прост.*, *арх.* и т. п.).
3. Толкование, даваемое с помощью элементарных или промежуточных понятий и переменных (X, Y и т. п.), а также неформальных пояснений и коннотаций.
4. Модель управления в виде таблицы, в каждом столбце которой указан один семантический актант лексемы, а в каждой строке — один способ реализации соответствующего актанта.
5. Ограничения к модели управления, в которых перечислены возможные условия совместного употребления семантических актантов и возможные особенности их соединения с самой лексемой.
6. Примеры возможного и невозможного употребления актантов с лексемой.
7. Лексические функции — основная часть словарной статьи. Здесь перечисляются все обнаруженные средства выражения всех применимых к данной лексеме лексических функций. В системе лексических функций усилительные словосочетания соответствуют лексической функции Magn.

8. Иллюстрации, то есть языковые примеры.
9. Энциклопедическая информация, необходимая для осознанного использования заглавной лексемы.

10. Идиомы, в которых используется заглавная лексема, за исключением идиом, выступающих средством выражения лексических функций, — они указаны в соответствующей зоне [Мельчук, Жолковский 1984: 79–93].

Работа над теорией «Смысл↔Текст», неотъемлемым элементом и практически воплощением которой является ТКС, продолжается до сих пор. Согласно современным взглядам авторов данной теории, зоны словарной статьи должны группироваться для отражения триединой сущности языкового знака — означаемого, означающего и синтактики. Если означаемое и синтактика в перечисленных выше зонах явно просматриваются, то сведения об означающем не выражены эксплицитно, хотя они, безусловно, должны присутствовать в словаре — это информация о произношении (с указанием разбиения на слоги), нестандартные просодические свойства, а также орфографическая запись. Кроме того, к синтактике необходимо относить и «прагматические» сведения, то есть должны приводиться выражения с участием заглавной лексемы, характерные для определённых ситуаций, к примеру, типовые объявления, надписи и т. п. [Иорданская, Мельчук 2007: 28–29].

Словарь содержит всего 282 словарные статьи (на без малого тысяче страниц) и является, по сути, экспериментальным фрагментом будущего полного словаря, а представленная в нём лексика выбиралась авторами не по признаку употребительности и распространённости, а с точки зрения максимального типологического разнообразия с целью репрезентации, по возможности, всех слоёв лексики и всех текстов.

Перейдём к рассмотрению словаря усилительных словосочетаний русского и английского языков (далее СУС). Отличительной особенностью названного словаря является то, что читателю предлагается соответствие не словосочетаний на двух языках, а словарных статей, в каждой из которых приводятся все обнаруженные усилительные сочетания с заглавным словом. Содержание словарных статей эквивалентных заглавных слов на разных языках не полностью идентично, как не полностью идентичны и сами эти языковые системы. Фактически это два узкоспециальных словаря для каждого из языков, однако наличие перекрестных отсылок позволяет использовать их как единый двусторонний, переводной словарь, при этом его толково-комбинаторная специфика делает такой словарь универсальным, одинаково хорошо обеспечивающим как анализ текста, так и его синтез.

Структура словарной статьи данного словаря такова (см.: [Убин 1995: 7–11]): 1. Заглавное слово и его грамматическая характеристика. 2. Толкование (на том же языке, что и заглавное слово). 3. Переводные эквиваленты. 4. Слова-усилители заглавного слова с разнообразными пометами. 5. Контекстные примеры. 6. Семантические связи заглавного слова, то есть ассоциативно связанные с ним слова.

Узкая специфика СУС определяет его качественные и количественные отличия от ТКС. Если ТКС, как уже упоминалось, содержит на без малого тысяче страниц 282 словарные статьи, то СУС на почти вдвое меньшем объёме (566 страниц) вмещает 1481 словарную статью для русского языка и 1638 — для англий-

ского. К указанному количеству заглавных (опорных) слов в СУС приведено 1820 средств усиления для русского языка и 2750 — для английского. В общей сложности опорные слова и средства их усиления образуют около 12 тысяч русских и 18 тысяч английских усилительных словосочетаний. Материалом для словаря послужили различные тексты общим объёмом порядка 14 миллионов слов для русского и 15 миллионов слов для английского языка, а также переводные и одноязычные словари.

К ещё одному отличию между ТКС и СУС можно отнести отсутствие в последнем дополнительных оттенков усилительного значения. В ТКС они выражены либо в виде нижнего индекса у обозначения функции (например, *Magn*_[стремление к цели] (борьба) = упорная, решительная, непримиримая, бескомпромиссная, до последней капли крови), указывающего на семантический компонент из толкования ключевого слова, задействованный в данной реализации лексической функции *Magn*, либо в виде верхнего индекса (например, *Magn*^{temp} (борьба) = продолжительная, длительная, затяжная), выражающего некоторые уточняющие семантические признаки типа длительности или количества.

Что касается электронного ресурса «Словарь русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени», то он представляет собой электронный банк данных и содержит сведения о словах со значением высокой степени и их сочетаемости. Словарь содержит около 750 средств усиления, которые Г. И. Куцова называет степенными словами, и более 10 тысяч сочетаний со значением высокой степени. Степенные слова представлены в словаре двумя видами: наречиями и прилагательными. При этом наречные показатели степени могут выступать в виде отдельных слов (например, *весьма*, *чрезвычайно*, *крайне*), а также в виде наречных выражений, которые приравниваются к наречиям (например, *до зарезу*, *изо всех сил*). Пользователь может получить информацию, касающуюся как отдельных слов, так и списков слов. Для этого на сайте имеются алфавитный список всех сочетаний, алфавитный общий список степенных слов, алфавитный список наречий и наречных выражений со значением высокой степени и алфавитный список прилагательных со значением высокой степени. Каждое полученное на запрос сочетание слов имеет значок Национального корпуса русского языка. При активизации этого значка выдаются примеры употреблений данного сочетания в корпусе. В получаемом из корпуса файле указана статистика — количество употреблений данного сочетания в корпусе.

Здесь следует обратить внимание на то, что полученное в результате запроса общее число контекстов отображает все выданные контексты на заданную единицу поиска, но не все из них содержат сочетания слов, имеющих отношение к усилительным словосочетаниям. Речь идёт о случаях, в которых между заданными для поиска словами установились иные отношения (например, *Но это в песне, а в жизни он робеет ужасно, боится меня, боится её.*; *Сперва валит снег, и ветер порывисто сыплет им во все стороны, не зная отпора и преграды*). Поэтому во избежание ошибочного представления о частотности средств усиления необходимо отбирать все выданные контексты на заданную единицу поиска вручную.

Кроме того, при проведении корпусного исследования следует учитывать позицию средства усиления по отношению к опорному слову, так как средства усиления, расположенные в препозиции и постпозиции к опорному слову, пред-

ставлены в корпусе с разной частотой встречаемости, вплоть до нулевой по одной из позиций [Тиханович 2009: 141–145]. В словаре же Г. И. Кустовой, к сожалению, поиск средства усиления в постпозиции вообще не предусмотрен. Таким образом, пользователь, обращаясь к электронному словарю, получает не все теоретически возможные в русском языке сочетания с данным степенным словом, а те, которые зафиксированы в Национальном корпусе русского языка именно в последовательности «средство усиления — опорное слово».

Все рассмотренные в данной статье словари представляют собой разновидность словарей лексической сочетаемости, являются словарями активного типа и предназначены, в основном, для выбора необходимых слов в усилительных сочетаниях и правильного их соединения в тексте. Указанные словари можно использовать в учебных целях для развития навыков устной речи и ускорения перехода от этапа пассивного к этапу активного владения русским (и английским) языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. — М.: Яз. слав. культур, 2007. — 672 с.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. — 356 с.
- Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. — Вена: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14, 1984. — 485 s.
- Убин И. И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков — М.: ВЦП, 1995. — 568 с.
- Тиханович А. Н. Лексическая функция Magn в современном русском языке: корпусное и экспериментальное изучение: дис. ... канд. филол. наук. — Череповец, 2009. — 194 с.
- Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 15.05.2011).

INTENSIFYING WORD-COMBINATION PRESENTATION IN DICTIONARIES OF DIFFERENT TYPES

A. N. Tikhonovich

The article deals with ways and means of presenting intensifiers in three dictionaries, namely, “The Explanatory Combinatory Dictionary of Modern Russian” by I. Melchuk and A. Zholkovsky, “The Dictionary of Russian and English Lexical Intensifiers” by I. I. Oubine, and the electronic “Dictionary of Russian Idioms: word combinations denoting high degree” by G. Kustova.

Key words: intensifying word combinations, means of intensification, a great variety, specialized dictionaries, ways of presentation.

© 2011

А. С. Трубина, В. Ф. Хайдарова

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ ТОЛКОВО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются возможности и способы использования искусственных нейронных сетей в создании электронного словаря. Авторами моделируется этап классификации тематических групп словаря по алгоритму «Обучение с учителем».

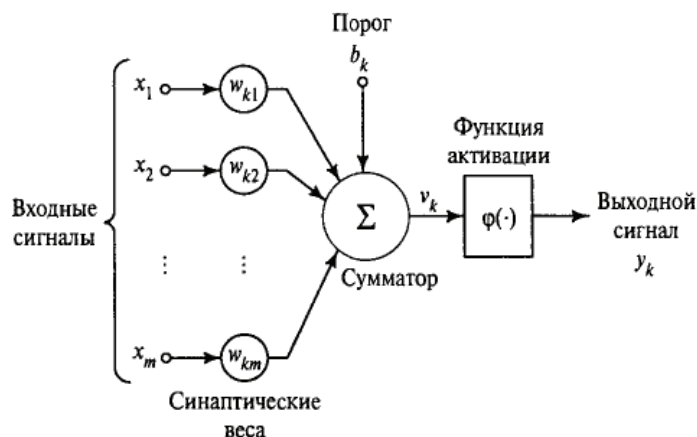
Ключевые слова: лексикография, электронные словари, интернет-язык, нейронные сети.

Главной функцией словарей и справочников и основным отличием их от любого другого печатного материала является предоставляемая читателю возможность на основе минимальных знаний получить максимум нужных сведений. В различных типах словарей эта возможность реализуется множеством способов. В словарях, построенных по алфавитно-гнездовому типу, минимальный объём информации, необходимый для нахождения нужного слова, — это знание о его начальных буквах. В словарях, чей материал расположен гнездовым способом, читателю необходимо знать тематические или словообразовательные связи искомой единицы. Для большей эффективности поиска в условиях недостаточности начальных знаний составители словарей включают отсылки, основанные на синонимических, антонимических, прототипических и других связях. Однако, несмотря на все эти приёмы, поиск необходимых сведений может оказаться затруднительным для человека, который не всегда имеет точное представление о той области знания, к которой относится его поиск. Неудобство подобной ситуации позволяют преодолеть современные электронные технологии.

Электронные словари, справочники и поисковые системы являются более совершенным средством поиска данных. Система гиперссылок позволяет объединить в одном словаре алфавитный, гнездовой, тематический и другие принципы. Однако в этих программных продуктах, как правило, остаётся существенный недостаток традиционных словарей: для получения релевантного результата пользователю необходимо иметь точное представление о внешней форме единицы (или её части), которую нужно найти. Если же в словаре имеется материал, отвечающий задачам поиска, но графически не совпадающий с запросом и если его синонимические и др. связи не указаны составителем словаря, то вероятность его нахождения почти нулевая. Решение подобной проблемы может быть найдено за счёт использования в словарной программе нейронных сетей.

Трубина Алла Сергеевна — программист «Магинфо».

Хайдарова Виолетта Фанисовна — научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного университета. E-mail: mastertime@rambler.ru; bytybai@mail.ru

Искусственная нейронная сеть представляет собой сложную систему, состоящую из аналогов нервных клеток — нейронов и их связей. Входящие в нейрон связи, соединённые с выходами других нейронов, называются синаптическими, а выходная связь данного нейрона, с которой сигнал поступает на синапсы следующих нейронов, называется аксоном. Нейрон получает некоторый набор входных сигналов x_m , каждый из которых характеризуется весовым коэффициентом w_{km} . Текущее состояние нейрона вычисляется следующим образом: Сигнал x_i на входе i нейрона k умножается на соответствующий весовой коэффициент w_{ki} . Функция активации y — это функция, вычисляющая выходной сигнал нейрона. Когда суммарное возбуждение в теле нейрона превышает некоторый порог b_k , нейрон возбуждается, посылая по аксону сигнал другим нейронам. Смоделируем работу такой сети на материале словаря интернет-языка «Слова, из которых соткана Сеть» [Хайдарова 2011].

Указанный словарь включает лексические единицы, которые часто встречаются в Интернете и значение которых, как правило, непонятно обычному пользователю. В него вошли общеупотребительные термины форумов (*модератор, банить, топикстартер*), блог-сервисов (*френдинг, дыбр, коммент*), названия самых популярных веб-ресурсов (*ифырюцкп, сёрч, вики*). Кроме того, словарь включает наименования специфических элементов интернет-культуры: названия фольклорных персонажей (*медвед, кэп, Онотоле*), широко известные единицы функционирующих в сети жаргонов (*кавай, превед, гамать*), «сетевые» историзмы и архаизмы (*фидо, веблог, хомяк*). Словарь, посвящённый Интернету, не был бы полон без описания слов, значение которых понятно большинству, ибо без них немислимо пространство Глобальной сети (*сайт, онлайн, загружать* и т. д.). Поскольку компьютеры и прочая техника являются материальной базой Интернета, в словарь также вошли наиболее известные термины и единицы профессионального сленга, используемые широким кругом посетителей веб-ресурсов (*пинг, серв, огнелис*).

Особенностью словаря является его толково-энциклопедический характер. Лексические единицы сопровождаются не только указаниями на значение, но и, там, где это необходимо, сведениями о происхождении слов и особенностях их использования, а также примерами употребления и иллюстрациями. Словарные

статьи включают **инициальную**, **семантическую**, **этимолого-культурологическую**, **иллюстративную** и **синонимно-антонимическую** зоны. В **инициальной** зоне помещаются также графические и словообразовательные варианты. Такой подход предполагает наличие информации, которая в своих различных аспектах касается не только «своего» понятия, но и смежных, относящихся к другим единицам. Приведём пример словарной статьи.

ПОРТАЛ м. *Сайт* обширной тематики, являющийся многоуровневым объединением различных услуг и сервисов, представляющий собой отправную точку доступа к разнообразным ресурсам.

♦ Архитектурный термин *портал*, будучи перенесён в область интернет-технологий, сохранил основной компонент своего значения ‘главный вход’. **Порталы** выполняют роль отправного пункта для интернет-пользователя, поскольку включают в себя **ссылки** на внешние тематические **сайты** и предоставляют доступ к различным сервисам, таким, как *почта*, *поиск*, *погода*, *новости*, *форумы*, *обсуждения*, *голосования* и т. д. **Порталы** делятся на *тематические*, называемые также *вертикальными* (к таким относится, напр., *museum.ru*) и *универсальные*, т. е. *горизонтальные* (напр., *rambler.ru*). Амбиции создателей некоторых **сайтов** могут приводить к необоснованному называнию обычного тематического **сайта** **порталом**. *Строительный портал Стройбест — все о строительных материалах, работах и оборудовании для строительства* [stroybest.ru]; *Разработка интернет портала позволяет объединить на одной площадке большое количество людей, связанных общими интересами и предпочтениями* [castcom.ru]; *Для наших клиентов мы можем создать интернет магазин или интернет портал любой степени сложности* [spbnews.ru].

Ознакомившись с этой статьёй, можно обнаружить, что этимолого-культурологическая зона, которая начинается после знака ♦, содержит множество отсылок к фактам, описанным в других статьях Словаря (такие единицы выделены полужирным курсивом) и к фактам, допускающим уточнения, к терминам других систем знаний и т. п. (такие единицы выделены курсивом). Наилучшим способом помочь читателю ориентироваться в этом информационном «море» нам видится применение обучаемых нейронных сетей, в электронном издании словаря.

Для создания такого электронного издания используем нейронную сеть в роли классификатора. Классификация необходима для предсказания категориальной зависимой переменной на основе выборки данных. Процесс классификации состоит из двух этапов: построения модели и её использования. Для решения такой задачи используются различные методы: классификация с помощью деревьев решений, методом опорных векторов, с помощью линейной регрессии и др. Мы построим классификатор при помощи нейронной сети. Поставим задачу обучить нейросеть распознавать принадлежность запрашиваемого слова к данной группе понятий. Для решения поставленной задачи поступим следующим образом. На первом этапе создания нейронной сети, для того, чтобы избежать ошибки переобучения, все лексические единицы словаря необходимо разделить на два множества: обучающее и тестовое. Важно, чтобы эти множества не пересекались. На обучающем множестве предполагается проводить обучение нейронной сети, а на тестовом — проверять построенную модель. Далее создаётся группа поня-

тий, предназначенная для обучения нейронной сети решению вопроса «принадлежит ли запрашиваемое слово данной группе понятий?»).

Наилучшим алгоритмом обучения для выполнения задачи классификации нам представляется алгоритм обучения с учителем. Согласно этому алгоритму все слова из обучающего множества по очереди подаются на вход нейронной сети. На выходе слову присваивается значение, отражающее его принадлежность к указанной группе. Если получено подтверждение принадлежности, то к нему добавим маркер «1», если нет, то никакой маркер не применяется. После обучения нейронная сеть будет находить все слова одной тематической группы. Так, при выборе группы *программное обеспечение*, нейронная сеть определит слова *анти-вирус*, *freeware*, *спамилка* и т. п.

На следующем этапе работа нейронной сети проверяется на тестовом множестве. В результате тестирования формируется готовая обученная нейросеть-классификатор. Далее подобным образом создаются другие сети для непересекающихся групп единиц. Качество «входных параметров» будет меньше, поскольку в них не входят все те слова, которые принадлежат к первой группе. Создаём новую группу понятий, напр., *форум*, и после обучения получаем множество слов, помеченных маркером «2», которые относятся к теме организации общения в Интернете. При увеличении количества групп увеличивается скорость поиска нужного слова, а также обнаружения языковых единиц, близких ему по теме, смыслу. Такие сопутствующие результаты поиска могут выводиться на экран в отдельном окне или разделе.

Нейросетевые технологии внедряются для решения различного рода прикладных задач. Важным преимуществом нейросети является её способность к обучению. В процессе обучения сеть способна выявлять сложные зависимости между входными и выходными данными, что позволяет работать, даже если данные частично искажены, либо являются неполными. Нейросети могут решать задачи широкого класса: напр., распознавать рукописные буквы, прогнозировать поведение численных значений, решать задачи классификации, кластеризации и т. п. В данном случае включение нейронной сети в словарную программу позволяет решить проблему нахождения значения слова через близкие по смысловому содержанию единицы. Использование нейронной сети в качестве классификатора позволяет также увеличить скорость поиска слов в базе данных.

ЛИТЕРАТУРА

Короткий С. Нейронные сети: основные положения // ВУТЕ: Россия. — 2000. — № 5. — С. 18–21.

Уоссермен Ф. Нейрокомпьютерная техника: теория и практика / пер. с англ. Ю. А. Зуев, В. А. Точенов. — М.: Мир, 1992. — 178 с.

Хайдарова В. Ф. Слова, из которых соткана Сеть: краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. / под ред. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ, 2011. — 322 с.

Яхьяева Г. Э. Нечёткие множества и нейронные сети. — М.: Изд-во «Интернет-ун-т информ. технологий ИНТУИТ.ру», 2006. — 320 с.

NEURAL NETWORK APPLICATION IN ELECTRONIC EXPLANATORY-
ENCYCLOPEDIA DICTIONARY (BASED ON THE INTERNET LANGUAGE)

A. S. Trubina, V. F. Khaidarova

The article deals with ways and means of using artificial neural networks in compiling electronic dictionary. The authors model thematic group classification phase according to the algorithm of supervised learning.

Key words: lexicography, e-dictionary, Internet language, neural network.

© 2011

Н. В. Шведова

СЛОВАРНОЕ ТОЛКОВАНИЕ МОДЕЛИ «ЧАСТИЦА НЕ + ПРЕДЛОГ
ДО + ИМЯ В РОД. ПАД.»

Статья посвящена переходным явлениям в области лексики и фразеологии, а также способам отражения динамических процессов в словарной форме (на примере фразеологизированной модели «част. НЕ + предлог ДО + имя в Род. пад.»).

Ключевые слова: фразеологизм, категория состояния, словарное толкование, модель, переходные явления.

В современной лингвистике особое внимание уделяется динамическим процессам, охватывающим разные языковые уровни; отсюда разработка способов фиксации таких явлений в словарях различных типов — актуальная проблема языкознания.

Модель «частица **не** + предлог **до** + имя в **Род. пад.**» активно функционирует в современном русском языке, обладает устойчивостью, богатыми эмоционально-экспрессивными, оценочными возможностями: «*Нет, сударыня, настала минута; знайте, что теперь не до смеху и до приёмов женского кокетства. Мы не в будуаре жеманной дамы, а как бы два отвлечённых существа на воздушном шаре, встретившиеся, чтобы высказать правду*» [Достоевский 1999: 398]. Находясь на периферии лексического и фразеологического фонда русского языка, эта модель обладает воспроизводимостью, однако только часть её отличается устойчивостью — частица **не**, предлог **до** и форма родительного падежа имени. Частица **не** в такой структурной модели реализует своё прямое значение и служит для выражения отрицания. Значение предлога **до** синкретично: здесь он актуализирует два своих значения, которые накладываются друг на друга. Одно значение входит в субкатегорию объектности («употребляется при указании на объект»),

Шведова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: kafedra312@yandex.ru

второе — в субкатегорию обстоятельства с групповым значением времени («употребляется при указании на временные отношения»). В свободном употреблении для предлога необходима двусторонняя (правая и левая) синтаксическая связь, в нашем случае отсутствует обязательная для предлога сочетаемость слева. Это приводит к тому, что данная структура выполняет единственно возможную для неё синтаксическую функцию сказуемого в безличном предложении; становится способной управлять дательным падежом со значением семантического субъекта, сочетаться с наречием; при этом грамматические категории наклонения и времени выражаются аналитически. Высокая степень абстрактности непроизводного лексического предлога **до** способствует широкой сочетаемости с именами существительными, принадлежащими разным лексико-грамматическим разрядам, и с личными местоимениями в форме родительного падежа. Такие варьирующие компоненты описываемой модели не содержат в своём значении сему «время», а номинируют объект, на который не хватает времени. Несмотря на то, что в данной модели имена в форме родительного падежа могут варьироваться до бесконечности, её нельзя назвать свободной. Она является своеобразным проявлением аналитизма, несвойственного для русского языка.

Особенности внешней и внутренней формы исследуемой языковой единицы диктуют необходимость отражения её в словарях различных типов (толковых, фразеологических, грамматических и др.). Возможно следующее её толкование:

Не до кого-, чего-либо кому-либо. *Экспресс. Неодобр.* Фразеологизированная структурная модель «частица **не** + предлог **до** + имя в Род. пад.». Имеет аналитическую семантику: предельная занятость человека; отсутствие времени у кого-либо на кого-, что-либо; нежелание из-за отсутствия времени обращать внимание на кого-, что-либо; отсутствие интереса у кого-либо к кому-, чему-либо + прямое значение объекта, выраженного формой родительного падежа имени. Всегда выступает в функции сказуемого в безличном предложении: *Я обернулся, гляжу — так и есть: огонь! Обступает со всех сторон, стеной идёт за нами. Тут уж, знаете, не до ягод* [Некрасов 2001: 17]. На базе исследуемой модели возможно образование фразеологизмов, что свидетельствует о её динамизме. Так, фразеологизм **не до этого (того) кому-либо** имеет значение «у человека совершенно отсутствует свободное время, и он думает только о другом объекте», эта единица с названной моделью в результате количественных изменений становится базой для формирования другого, синонимичного, фразеологизма **до этого (того) ли кому-либо**. Напр.: —...*Степаныч, это свинство, тут такой заказ огромный... — занял Сашка. — Честное слово, до того ли мне сейчас!* [Тренина 2005: 87].

Также эта модель приводит к появлению качественно иной языковой единицы — фразеологизма **не до смеха (смеху) кому-либо**. Напр.: — *Мне, матушка, теперь не до смеху: зачем вы мою дочь при всём городе в ваш скандал замешали, вот зачем я приехала!* [Достоевский 1999: 153]. Исследуемая фразеологическая единица **не до смеха (смеху) кому-либо** приобрела категориальное значение недействительного, непроцессуального, качественного состояния; принадлежит к разряду номинативных фразеологизмов, является полнозначной, самодостаточной, знаменательной. В русском языке названный фразеологизм является многозначным: 1. Не время для шуток, веселья, забав. 2. Кто-либо не расположен веселиться, шутить и т.п.

Исследуемая модель легла в основу ещё одного фразеологизма — **не до шутки (шутки) кому-либо**, синонимичного фразеологической единице **не до смеха (смеху) кому-либо**. Описываемые фразеологизмы **не до шутки (шутки) кому-либо**, **не до смеха (смеху) кому-либо**, как и исходная модель «частица не + предлог до + имя в Род. пад.», являются воспроизводимыми, устойчивыми, однако, в отличие от неё, имеют постоянный компонентный состав, допускающий варьирование, не разрушающее целостного фразеологического значения.

Таким образом, модель «частица **не** + предлог **до** + имя в **Род. пад.**» занимает неоднозначное положение в языке, имеет яркие внешние и внутренние особенности, что в целом говорит о необходимости фиксировать её в словарях различных типов, отграничивая её от фразеологизмов (**не до этого (того) кому-либо**, **не до смеха (смеху) кому-либо**, **не до шутки (шутки) кому-либо**), которые были образованы на базе изученной модели и которые требуют собственных словарных толкований.

ЛИТЕРАТУРА

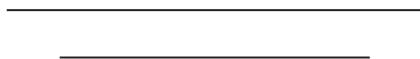
- Достоевский Ф. М.* Бесы. Роман. — М.: Эксмо-ПРЕСС, 1999. — 608 с.
Некрасов А. С. Приключения капитана Врунгеля. — М.: РИО «Самовар 1990», 2001. — 152 с.
Тронина Т. М. Отблеск безумной звезды. — М.: Эксмо-ПРЕСС, 2005. — 384 с.

DICTIONARY INTERPRETATION OF THE PATTERN “PARTICLE HE + PREPOSITION DO + NOUN IN THE GENITIVE CASE”

N. V. Shvedova

The article deals with transitional phenomena in the vocabulary and phraseology, and with the methods of presenting dynamic process in a dictionary form. The illustration of the process is based on the analysis of the phraseological pattern “particle не + preposition до + noun in the genitive case”.

Key words: set expression, category of state, dictionary definition, pattern, transitional phenomena.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ И ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ АББРЕВИАЦИИ

Статья посвящена проблеме лексикографического описания семантических и деривационных процессов в сфере аббревиации современного русского языка. Высказывается идея создания комплексного словаря аббревиатур и отаббревиатурных дериватов.

Ключевые слова: аббревиация, аббревиатуры, семантика аббревиатур, дериваты аббревиатур, комплексный словарь аббревиатур.

В отечественной лексикографии сложилась определенная традиция описания аббревиатур, однако многие лингвисты отмечают, что уровень лексикографической кодифицированности аббревиатур значительно ниже по сравнению с неаббревиатурными словами [Светличная 2009], поэтому глубокое исследование процесса аббревиации и составление соответствующих словарей заслуживает самого пристального внимания лексикографов и является одной из актуальных проблем современной лингвистики [Безрукова, Звоникова 2001; Шаповалова 2001; Сафонова 2007; Шумарин 2010]. Существующие толковые словари и словари сокращений не отражают в полном объеме процессов, происходящих в сфере аббревиации, и достижений лингвистической науки в этой области. Важным для лексикографического описания аббревиатур является семантизация сокращений и отражение их деривационных возможностей.

Толковые словари русского языка включают незначительное количество аббревиатур и лишь в отдельных случаях фиксируют новые оттенки их значения. Словари сокращений, как правило, не содержат сведений о семантических особенностях аббревиатур, занимаясь только их расшифровкой. В то же время речевая практика показывает, что не все аббревиатуры семантически тождественны производящему сочетанию, многие из них расширяют своё значение, приобретая добавочные смыслы, не выраженные компонентами исходного составного наименования. Ср., напр., *МКАД* как Московская кольцевая автомобильная дорога и как некая символическая граница, отделяющая Москву (*Мкадье*, *Внутримкадье*, *Внутримкадск* и т. п.) от остальной части России и даже ближнего зарубежья (*Замкадье*, *Замкадск* и т. п.): *Ранее он (Собянин — С. Ш.) обещал, что столичное метро окончательно выйдет за пределы МКАДа и будет продлено до городов-спутников Москвы* (<http://www.fontanka.ru/2010/10/29/054/>) и *Понятно, что размеры притязаний были разными во ВнутримКАДске и в России, но схема везде одна* (willy-sever.livejournal.com/268626.html); *Если сейчас Москва по сравнению с «замкадьем» напоминает другую планету, то в скором будущем разрыв увеличится до галактических масштабов* (<http://slon.ru/blogs/romanovas/post/486150/>); *Гді ж нам темним хлопцїм из тундры заМКАДской уразумїть вас — москалей шибко головастьх!?* (bmwpost.ru. Форум).

Шумарин Сергей Иванович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: sshumarin@yandex.ru

Отсутствуют в современных лексикографических описаниях и сведения о развитии в семантике аббревиатур добавочных культурологических коннотаций, в то время как слово (в том числе и аббревиатура) является носителем «не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации; оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера» [Бельчиков 1988]. Подобная информация, как правило, содержится в текстах, «в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы эпох, сложившиеся стереотипы мышления, речевого поведения представителей разных слоёв общества, профессий, политических групп и т. п. Обычно это находит своё выражение в так называемых оценках речи, в более развернутом виде — в комментирующих контекстах, в детализированных толкованиях слов» [Там же]. Напр., современные толковые словари фиксируют слово *рабфак*, не являющееся актуальным для наших современников и воспринимающееся ими как историзм. См. дефиницию в «Большом толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова: В СССР в 1919–1940 гг.: рабочий факультет; общеобразовательное учебное заведение для подготовки в высшие учебные заведения рабочей и крестьянской молодёжи, не имевшей среднего образования. Ср. это определение с комментарием А. С. Макаренко во второй части «Педагогической поэмы», написанной в 1934 г.: В то время (20-е гг. XX в. — *С.Ш.*) слово «рабфак» обозначало совсем не то, что сейчас обозначает. Теперь это простое название скромного учебного заведения. Тогда это было знамя освобождения рабочей молодёжи от темноты и невежества. Тогда это было страшно яркое утверждение непривычных человеческих прав на знание, и тогда мы все относились к рабфаку, честное слово, с некоторым даже умилением. Таким образом, в 1920-е гг. это слово было широко распространённым, модным, с отчётливой положительной экспрессией, а в середине 1930-х гг. оно уже воспринималось как обыденное название одного из учреждений системы народного образования и не содержало в себе никакой добавочной эмоционально-экспрессивной коннотации. В современных средствах массовой информации часто встречаются комментарии, отражающие отношение к той или иной реалии, названной аббревиатурой: *Сама аббревиатура ЖКХ уже вызывает насмешку. Даже премьер, и тот не выдержал, сказал, что у нас «полный ЖКХ!»* (Труд. 3.04.2003); *Разве это не преступление, кощунство и издевательство над своим народом, когда пенсионер вынужден всю пенсию отдавать ЖКХ, которое сродни ОПГ? И в народе аббревиатура ОПГ ассоциируется с ЖКХ* (<http://www.arsvest.ru/archive/issue928/right/view20192.html>). Такие коннотативные оттенки значения аббревиатур не представлены ни в одном современном толковом словаре или словаре сокращений, так как цели и задачи этих словарей иные.

Проблемным является также вопрос о разграничении полисемии и омонимии в сфере аббревиации и о лексикографическом представлении этих явлений.

Интерес для исследователей представляют также отаббревиатурные производные, составляющие целые словообразовательные гнёзда, которые включают разное количество дериватов, образованных как от исконно русских, так и от заимствованных аббревиатур: *АТЭС* — *атэсовец, атэсовский*; *нэп* — *нэпач, нэпачиха, нэпман, нэпманша, нэпманиха, нэпманский, по-нэпмански, нэпмановский, нэп-*

ство, нэпствовать и др.; СМС / эсэмэс — СМСка / смска / эсэмэска, СМСкать / смскать / эсэмэска, СМСкаться / смскаться / эсэмэска, эсэмэсочка, эсэмэсковый, эсэмэсать, эсэмэсаться, заэсэмэсаться, отэсэмэсать, отэсэмэсаться, переэсэмэсать, переэсэмэсаться, переэсэмэска и др. [Шумарин 2011]. И хотя появляются работы, в которых речь идёт о составе отдельных гнёзд [Попова 2005], их структуре [Михайлова 2005], о наличии производных у заимствованных аббревиатур [Баранова 2009], до сих пор нет более или менее полного перечня отаббревиатурных дериватов, объединённых в словообразовательные гнезда. Поэтому актуальным представляется объединение разрозненных дериватов, а затем уже их полноценное описание с разных точек зрения.

Таким образом, одной из задач лексикографии является создание «современного словаря сокращений, о чём в настоящее время задумываются не только лингвисты, но и политики, бизнесмены, деятели науки и культуры» [Дубичинский 2009: 323]. Идея нового словаря аббревиатур и отаббревиатурных дериватов может быть реализована в виде комплексного многоаспектного словаря, содержащего информацию об их структурных и семантических особенностях, словообразовательных возможностях, парадигматических и синтагматических отношениях внутри словообразовательных гнёзд, прагматических свойствах и культурологических коннотациях.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. — М.: АСТ-Пресс Кн., 2009. — 320 с.
- Безрукова А. А., Звоникова Н. В. Отаббревиатурные производные в русском языке конца XX в. // Вестник СамГУ. — Самара, 2001. — № 1 (19). — С. 116–122.
- Бельчиков Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. — М.: Наука, 1988. — С. 30–5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/belchikov-88.htm> (дата обращения 25.01.2011).
- Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. — М.: Наука: Флинта, 2009. — 432 с.
- Михайлова И. Д. Специфика словообразовательных цепочек и парадигм отаббревиатурных гнёзд / Учён. зап. Москов. гуманитар. пед. ин-та. — Т. 4. — М., 2006. — С. 381–393.
- Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гузунова Д. В. Неология и неография современного русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 168 с.
- Сафонова Н. Н. Отаббревиатурные образования в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень: ТюмГУ, 2007. — 21 с.
- Светличная Н. О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2009. — 27 с.
- Шаровалова А. П. Использование словарей сокращений современного французского языка / Междунар. педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высш. школе: сб. трудов Второй международ. науч.-практ. конф. (25–26 августа 2001 г.). — Ростов н/Д: Ростов. гос. пед. ун-т, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://rspu.edu.ru/science/conferences/01_08_25/sharovalova.html (дата обращения: 14.11.2010).
- Шумарин С. И. Лексикографическое описание аббревиатур и аббрдериватов (традиция и новые подходы) // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. науч. ст. — отв. ред., сост. А. Г. Лошаков, Л. А. Савелова. — Архангельск, 2010. — С. 392–396.

Шумарин С. И. Формирование отаббревиатурных словообразовательных гнезд в современном русском языке // Филологическая наука в условиях диверсификации образования: матер. междунаро. науч.-практ. конф. (16–17 ноября 2010 г.) / под общ. ред. Е. В. Иванцовой. — Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2011. — С. 132–136.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF SEMANTIC AND DERIVATIONAL PROCESSES IN ABBREVIATION

S. I. Shumarin

The article deals with lexicographic presentation of semantic and word-formation processes in modern Russian abbreviation. The author advances the idea of compiling a comprehensive dictionary of abbreviations and their derivatives.

Key words: shortening, abbreviations, abbreviations meaning, derivatives of abbreviations, comprehensive dictionary of abbreviations.

© 2011

А. Ю. Епимахова

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу процесса заимствований терминов наименований лиц по профессии, который носит осознанный и целенаправленный характер. Автор использует термин «трансплантация» для описания целенаправленного и системного переноса слов из одного языка в другой. Также в статье рассматривается проблема выбора употребления заимствованного термина или его эквивалента в языке-реципиенте.

Ключевые слова: заимствованные термины, наименования лиц по профессии, трансплантация, когнитивно-коммуникативные особенности заимствования терминов.

Поскольку наименования лиц по профессии в современном языке имеют терминологический статус, их заимствование отличается рядом принципиальных особенностей. Во-первых, процесс заимствования наименований лиц по профессии в новых исторических условиях носит не стихийный (как в прежние эпохи), а вполне осознанный и даже целенаправленный характер. Во-вторых, перемещение наименований лиц по профессии представляет собой системный процесс: единицы номинации заимствуются в совокупности с соотносимыми с ними словами — целыми структурами.

Епимахова Алина Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры восточных и романно-германских языков факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета. E-mail: aline_@mail.ru

Словари с явным запаздыванием описывают термины-наименования лиц по профессии. В своё время Ж. Вандриес писал: «Ни одно слово не стоит одиноко в сознании говорящего. Наоборот, мы всегда стремимся группировать слова, открывать новые соединяющие их связи. Слова всегда ассоциируются с каким-либо гнездом слов, через свою семантику или морфему или даже через свои фонемы» [Вандриес 1937: 172]. Это как нельзя лучше характеризует процесс заимствования в профессиональных сферах, поскольку заимствования, как правило, проникают из терминологической системы одного языка в другой, где соответствующая терминологическая система находится на этапе формирования или структурной модификации.

Любая терминосистема, как известно, обладает высоким уровнем структурированности, терминообразования в целом носят регулярный характер. Поэтому вместе с заимствованными терминологическими единицами в принимающий язык приходит и их строгая организация. Каждая микрогруппа наименований стремится к системности в принимающем языке.

Такой осознанный, целенаправленный и при этом системный перенос слов из одного языка в другой может быть обозначен специальным термином — *трансплантация*. Данный термин восходит к сфере биологии, где означает «пересадку части растения на другое место материнского или другого растения» [Ожегов 2008: 996]. Ретерминологизация данного наименования вполне уместна при рассмотрении процесса заимствования наименований лиц по профессии, поскольку актуализирует метафорический смысл «язык — живой организм», а каждая система языка при таком ракурсе рассмотрения закономерно выступает необходимой частью этого организма. «Приживление» части инородного организма происходит в рамках определённой локальной системы языка. При этом важно отметить, что пересаживаемый орган и сам представляет собой некую микросистему (как и в нашем случае).

Большая часть рассматриваемых нами заимствованных наименований лиц по профессии подверглась графемно-фонетической, морфологической, грамматической, словообразовательной и семантической адаптации в русском языке и потому является полностью заимствованной. Последнее замечание весьма важно при анализе «чужезычной» лексики. Как подчёркивал А. А. Реформатский, «усвоение чужого именно и состоит в его подчинении своему <...> усвоение возможно только через освоение, когда чужезычное слово подчиняется действующим в данном языке законам и отвечает существующим и функционирующим в нём моделям» [Реформатский 1987: 43].

Существенной особенностью процесса заимствования наименований лиц по профессии является наличие множества вариантов (фонетических, графических, грамматических и словообразовательных). Большое количество вариантов свидетельствует об активности, с которой новое слово осваивается на чужой почве, о частоте употребления его в речи разными носителями языка.

Нами отмечены следующие фонетические варианты заимствованных наименований лиц по профессии: *мерчендайзер* — *мерчандайзер*, *риэлтор* — *риэлтер*, *супервизор* — *супервайзер*, *рекрутер* — *рекрутёр*.

В текстах нами обнаружено немало случаев различной графической передачи заимствованных наименований: *экзаунт-директор* — *экаунт-директор*, *бренд-*

менеджер — бренд-менеджер, шопер — шоппер, медиабайер — медиа-байер, хэд-хантер — хэд-хантер, btl-менеджер — btl менеджер — BTL менеджер, сейлзмеджер — сейлз-менеджер и др.

С вариантами наименований мы имеем дело и при анализе словообразовательной ассимиляции: *логист — логистик, коуч — коучер*.

В нашей картотеке представлены также структурные варианты:

1) однословное — неоднословное наименование (*криейтор — креативный директор, промоутер — промоуин-специалист*),

2) сложное (бином) — составное наименование (*генетик-терапевт — консультант по генетической терапии, пейдж-оператор — оператор пейджинговой связи, форум-менеджер — инспектор чата, SEO-оптимизатор — оптимизатор сайта*).

И наконец, нами обнаружены ономаσιологические варианты: *таксидермист — чучельник, мультипликатор — аниматор, космонавт — астронавт*. Правда, данные пары образованы своеобразно: первую пару составляет иноязычный и исконный варианты, вторую — устаревшее и новое заимствование, третью — российский и американский варианты обозначения.

Пытаясь ответить на вопрос, при каких условиях исконный термин может быть заменён иноязычным, обратимся к специфике термина как языковой единицы, к его желательным признакам или свойствам. Именно эти свойства должен учитывать автор планируемого словаря.

Как отмечает С. В. Гринёв, к форме термина обычно предъявляются следующие требования:

1) краткость, поскольку громоздкость термина препятствует его широкому употреблению в речи;

2) деривационная способность термина, тесно связанная с предыдущим требованием, т. к. от кратких форм намного легче образуются производные;

3) инвариантность термина — неизменность его формы;

4) мотивированность как желательное свойство, влекущее за собой семантическую прозрачность, которая позволяет составить представление о называемом термином понятии. Наиболее полным выражением мотивированности является систематичность термина — возможность отражения в структуре термина связи называемого понятия с другими в данной системе понятий, места этого понятия в данной понятийной системе [Гринёв 1993: 36].

С точки зрения когниции, термин отражает элементы опыта и оценки специалистов научных областей, а также хранит научные факты и умножает знания. Но, осуществляя когнитивные операции со структурами знания, специалист выполняет одновременно и коммуникативную функцию, передавая знания другим. С точки зрения коммуникации, когнитивная сложность научного знания должна находить адекватные средства выражения, термин должен быть лаконичен и удобен для употребления, он должен соблюдать правила экономии, компактности и должен удовлетворять условиям профессионального общения [Новодранова 2003].

Термин, как знаковая единица, должен рассматриваться по мнению С. В. Гринёва в трёх аспектах: синтаксическом (строение, форма термина), семантическом (содержание, значение термина) и прагматическом (функционирование, особенности применения термина) [Гринёв 1993: 34].

К содержанию термина обычно предъявляются следующие требования:

1) непротиворечивость семантики термина, отсутствие противоречия между лексическим значением термина как слова и значением, получаемым им в данной терминологии;

2) однозначность термина в данной терминологии;

3) полноточность (отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия);

4) отсутствие синонимов — требование, предъявляемое как к упорядоченному термину, так и к терминосистеме [Гринёв 1993: 34–36].

К форме термина, как уже было сказано, предъявляются требования краткости, деривационной способности, соответствия нормам языка, требования инвариантности и мотивированности.

Среди прагматических требований, обусловленных спецификой функционирования термина, можно выделить следующие:

1) внедрённость, которая характеризуется общепринятостью термина специалистами, научной общественностью, или его употребительностью;

2) потребности международного общения специалистов в связи с растущей тенденцией к интернационализации научных исследований, увеличением обмена научной и технической информацией, которые отражаются в росте престижа интернациональности, т. е. одинаковости или близости по форме и совпадении по содержанию терминов, употребляемых в нескольких национальных языках;

3) требование современности термина, реализуемое путём вытеснения из употребления устаревающих терминов, замены их современными;

4) благозвучность термина [Гринёв 1993: 40].

В большинстве случаев предпочтение, отдаваемое в профессиональных сферах коммуникации иноязычной лексике, объясняется, с одной стороны, коммуникативно-прагматическими факторами (отсутствием избыточных ассоциаций, однозначным соответствием между специальным наименованием и обозначаемым им понятием и др.), а с другой — широкими словообразовательными возможностями иноязычного слова в силу его краткости по сравнению с исконным наименованием. Именно эти факторы и должны учитываться при составлении словарей наименований лиц по профессии.

ЛИТЕРАТУРА

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 410 с.

Гринёв С. В. Введение в терминоведение. — М.: Москов. лицей, 1993. — 309 с.

Новодранова В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Языки профессиональной коммуникации: Материалы междунар. науч. конф. — Челябинск: ЧелГУ, 2003. — С. 247–248.

Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1987. — 217 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М.: Оникс, 2008. — 736 с.

COGNITIVE AND COMMUNICATIVE PECULIARITIES OF LOAN JOB TITLES AND THEIR LEXICOGRAPHIC PRESENTATION

A. Yu. Yepimakhova

As job titles acquired terminological status in modern languages, their borrowing is distinguished by a number of essential peculiarities. Terminology borrowing is not sporadic but quite deliberate, well-directed, and systematic. From cognition viewpoint the term reflects experience, scientific facts and knowledge. But during cognitive operations with knowledge structures a specialist simultaneously performs a communicative function thus spreading knowledge. From communication point of view cognitive complexity of academic knowledge must find appropriate means of expression, the term must be short and convenient in usage.

Key words: Loan-terms, names of a person according to professional activity, transplantation, cognitive and communicative peculiarities of the term-borrowing.

© 2011

Т. А. Кузина

МОДАЛЬНОЕ СЛОВО КАК ЭЛЕМЕНТ СЛОВАРЯ И ТЕКСТА

В статье рассматривается проблема соотношения конвенционального значения модальных языковых единиц, закреплённого в словарном описании, с контекстуальным в рамках интерпретации современного публицистического текста.

Ключевые слова: текст, интерпретация, модальное слово, словарь.

Многовековой опыт лексикографической деятельности имеет следствием то, что возможность обращения к лингвистическим словарям и как источнику сведений об исторически сложившейся национальной картине мира, и как к «справочнику», отражающему опыт функционирования языковых единиц, расценивается большинством современных лингвистов как «само собой разумеющееся». Редкое лингвистическое исследование обходится без апелляции к тому или иному словарю. Тем более это справедливо по отношению к работам, связанным с интерпретацией текста. Однако обращение к словарям требует учёта факта непрерывности развития смысловой стороны единиц языка (в нашем случае — слов): в процессе функционирования языковой системы неизбежны трансформации и деформации значений, полной или частичной замены состава сем. В этом случае вполне справедливым нам кажется утверждение В. З. Демьянкова об «отставании» словаря от реальной практики функционирования языковой системы: «Стратегии интерпретаций, результат которых мы наблюдаем в речи и который пока ещё не отражён даже самым полным словарем, регистрируются следующим поколением или вер-

Кузина Татьяна Александровна — аспирант кафедры русского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: ttonica@rambler.ru

сиями словарей <...> Фиксированные словарём значения образуют островки, между которыми располагаются реальные значения слов в тексте» [Демьянков 2001: 313]. Неизбежный «зазор» между словарём и текстом позволяет говорить об интерпретации как деятельности не в меньшей степени креативной, чем продуцирование речи. Творческий характер интерпретации определяется необходимостью самостоятельного поиска путей, соединяющих, если воспользоваться метафорой В. З. Демьянкова, островки «фиксированных словарём значений». Интерпретирующей деятельностью занимается отнюдь не только лингвист, эту задачу ежедневно решает каждый носитель языка, поскольку цель её — понимание текста.

В современном информационно-коммуникативном пространстве мы чаще всего сталкиваемся с необходимостью интерпретации публицистического текста. Именно СМИ способны в достаточной мере адекватно отразить тенденции современного словоупотребления. Эта способность СМИ определяет наше обращение к изучению реализации зафиксированных словарями значений модальных единиц в текстах современной публицистики.

Модальные слова исследуются в отечественной лингвистике преимущественно как категория морфологическая. В. В. Виноградов, первым выделивший группу модальных лексических единиц, связывал их значения со смыслом всего высказывания: «Чем менее полновесно модальное слово, тем больше его лексическое значение растворено в общем значении высказываний» [Виноградов 1972: 571]. Сегментные включения типа *вероятно, может быть, скорее всего* и т. п. могут выступать в предложении в различных синтаксических функциях: вводно-модальных слов, слов-предложений, модальных обстоятельств. В лексикографическом описании это отражается соответствующей маркировкой: *вводн. сл., сказ., нареч.*

К описанию содержательной стороны модальных единиц обращались многие отечественные языковеды: Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов, Ф. И. Панков. В современной лингвистической практике закрепилась трактовка общего значения модальных слов как бинарного, соотносящегося с выражением уверенности / неуверенности говорящего в истинности сообщаемого. Модальные слова, вступая в системные отношения, могут образовывать лексико-семантические, а точнее — функционально-семантические, группы:

1) модальные слова, выражающие логическую оценку высказывания, реальность сообщаемого (*безусловно, бесспорно, действительно, конечно, несомненно, очевидно, разумеется* и др.);

2) модальные слова, выражающие возможность, вероятность сообщаемого, предположение, сомнение в его достоверности (эпистемическая модальность) — *вероятно, видимо, возможно, кажется, наверное, по-видимому, пожалуй* и др. [Розенталь, Теленкова 2001: 205].

В публицистическом тексте модальные слова оказываются единицами многофункциональными. Они могут (1) служить средством авторизации текста: посредством модальных слов объективируется «сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность и на приёмы её словесного выражения» [Виноградов 1972: 32]. При этом (2) модальные слова являются репрезентантами субъективной оценки сообщаемой в тексте информации, они демонстрируют степень осведомлённости автора о связях и отношениях действительности.

Наши наблюдения показывают, что модальные слова встречаются далеко не во всех жанрах современной публицистики и не все авторы прибегают к их использованию в равной мере, что позволяет говорить о существовании определённого рода ограничений и предпочтений.

Достаточно частотным оказывается появление модальной лексики в жанре репортажа, что может объясняться занимаемой автором текста позицией наблюдателя. В тексте, относящемся к жанру аналитического репортажа, обильно представлены языковые маркеры, которые служат средством выражения авторской модальности. Фактом введения компонентов с модальным значением продуцент текста сознательно обнаруживает себя, персонифицируется. Отсутствие модальных усилителей в значительной степени нивелировало бы образ автора.

Обратимся к анализу фрагментов текста-репортажа «Правительство взяло под защиту всё живое» [Колесников 2009].

(1) *<ещё осталось несколько свободных мест>. Одно из них, очевидно, предназначается министру сельского хозяйства, и оно со вчерашнего дня вакантно (Алексея Гордеева, как известно, утвердили губернатором Воронежской области).*

Как следует из характера лексикографического представления лексемы *очевидно*, её значение определяется выполняемой синтаксической функцией: «**Очевидно**. 1. Нареч. к очевидный. 2. безл. в знач. сказ. Ясно, понятно. 3. в знач. вводн. сл. Вероятно, по-видимому; должно быть. **Очевидный**. 1. Такой, который легко обнаружить, заметить; явный, видимый. 2. Бесспорный, несомненный» [МАС, 2, 1982: 731–732]. Если в функции обстоятельства (наречие) и сказуемого лексема актуализирует значение «уверенность в истинности сообщаемого», то в функции вводного слова объективирует эпистемическую модальность (степень достоверности с точки зрения говорящего). В анализируемом контексте лексема *очевидно* выступает в функции вводного слова и актуализирует значение предположения. Синонимический способ толкования значения слова *очевидно*, избранный лексикографом, позволяет посредством включения в систему парадигматических отношений выявить тончайшие оттенки его смысла, и, следовательно, адекватно интерпретировать смысл текста.

(2) *Члены правительства стояли возле своих кресел, и ни один из них не сиделся. Они беседовали, изредка, казалось, с сомнением поглядывая друг на друга: не пора ли?*

Модальное слово со значением проблематичной достоверности позволяет автору охарактеризовать собственные наблюдения, квалифицируя их как исключительно субъективную оценку действительности: «**Казаться**. 2. безл., кому. Представляться воображению, мысли. в знач. вводн. сл. *казалось*» [МАС, 2, 1982: 14]. При этом объективируемая неуверенность автора не более чем игра с читателем: сомнение членов правительства *кажущееся*.

В современных публицистических текстах модальное слово *казалось* нередко употребляется при образном, метафоризированном, комическом описании явлений; ср.:

(3) *Казалось, Владимир Путин с трудом удерживается от того, чтобы переспросить ещё раз — только чтоб снова услышать эту цифру; Доклад, **кажет-***

ся, доставлял удовольствие и докладчику, и докладываемому, и прежде всего потому, что в нем фигурировала цифра \$25 млрд.

Модальное слово, эксплицируя предположительный характер сообщаемой информации («**Казаться**. 3. в знач. вводн сл. *кажется*. Как будто, по-видимому» [МАС, 2, 1982: 14]), одновременно объективирует авторское отношение к описываемой ситуации — ироническую модальность. Модальность знания / незнания, таким образом, уходит на периферию, и словарное значение частично поглощается значением контекстуальным.

(4) *Он, без сомнения, знал её не хуже Игоря Сечина, но желание в очередной раз обратить на неё внимание общественности было, похоже, непреодолимым.*

Значение проблематичной достоверности в приведённом текстовом фрагменте («**Похуже**. 2. в знач. сказ. Разг. Кажется, как будто. в знач. вводн. сл.» [МАС, 3, 1987: 341]) является, скорее, фоновым, маркирующим исключительно субъективный характер знания. Однако контекстуальное взаимодействие с модальным модификатором категорической достоверности *без сомнения* [МАС, 4, 1988: 193] частично погашает семантику неуверенности, придавая ей прямо противоположный характер. Стилистическая маркированность лексемы *похуже* (разг.) сообщает сложному синтаксическому целому ироническую модальность.

Как видим, обращение к словарному толкованию семантики модальных слов является одним из важнейших этапов работы над декодированием заложенной в тексте информации. Однако ограничиться словарными материалами невозможно. Учёт специфики контекстного окружения лексемы предполагает выявление выполняемой ею синтаксической функции и анализ внутритекстовых парадигматических связей.

Совокупность значений модальных компонентов в анализируемом тексте позволяет выявить общий модальный тон повествования и определить его как иронический. Репортажное описание переплетено с достаточно большим количеством сегментных включений в виде авторских отступлений, атрибутирующих переход от собственно репортажа к блокам рассуждения. Вербальными показателями аналитических регистров служат модальные включения в виде вводных слов.

Модальные единицы в исследованных нами текстах-репортажах практически не представлены в функции слова-предложения и обстоятельства. Предполагаем, что это связано с учётом визуально-воздействующей функции вводных элементов, которые требуют обособления в тексте, а значит — выступают в роли средств интонационной, зрительной акцентуации. Графическое выделение, таким образом, способно в значительной степени активизировать внимание читателя на данном участке текста.

Даже весьма небольшое число проанализированных текстовых фрагментов позволяет проследить активное отношение создателя текста к описываемой действительности и его стремление влиять на формирование образа этой действительности в сознании потенциального адресата. Так, модальный комплекс *без сомнения* (фрагмент 4) служит прямой апелляцией к адресату, он связан с желанием предупредить возможные возражения с его стороны.

В репортажном повествовании фактическая основа тесно переплетена с авторскими оценками, мнениями. Их совокупность помогает субъекту речи предстать

перед читателем не только в качестве повествователя, вербально фиксирующего явления и процессы действительности, но и в роли собеседника и толкователя. И именно модальные слова объективируют результаты проделанных автором познавательно-мыслительных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.: Высш. шк. — 1972. — 614 с.

Демьянков В. З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // *Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова* / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. — М.: Яз. слав. культуры, 2001. — С. 309–323.

Колесников А. Правительство взяло под защиту всё живое // *Коммерсант*. — 2009. — № 35. — С. 3.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1981–1988.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Астрель: АСТ, 2001. — 624 с.

MODAL WORDS AS ELEMENTS OF DICTIONARY AND TEXT

T. A. Kuzina

The article discusses correlation between conventional meanings of modal words fixed in dictionaries and their contextual meanings within the framework of contemporary periodicals.

Key words: text, interpretation, modal word, dictionary.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

© 2011

В. В. Красных

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЕДИНИЦ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Культура рассматривается как мироощущение, миропонимание и мироосознание лингвокультурного сообщества, лингвокультура — как культура оязыковлённая, т. е. воплощённая и закреплённая в знаках языка. Следовательно, знаки языка рассматриваются как знаки языка культуры. Лингвокультура, будучи отдельной семиотической системой, обладает своим словарём и грамматикой, которые могут быть предметом лингвокультурологических изысканий. Сегодня представляется возможным говорить о некоторых путях анализа и лексикографического описания различных классов единиц лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультура, знаки языка, знаки языка культуры, семиотическая система, лексикографическое описание.

Представляется целесообразным прежде, чем говорить о возможных принципах лексикографирования чего бы то ни было, определить то, что подлежит описанию. И поскольку лингвокультурология — наука достаточно молодая и понятие лингвокультуры появилось относительно недавно (см., напр., [Красных 2005]), позволим себе представить некоторые основополагающие термины и понятия.

И начать, вероятно, необходимо с самого общего понимания культуры как таковой, которому мы следуем в рамках разрабатываемого подхода. В данном случае **культура** определяется (вслед за В. Н. Телия) как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222], т. е. **миропонимание, мироосознание и мироощущение некоторого лингво-культурного** (применительно к России — национально-лингво-культурного) **сообщества**. По сути, речь идёт о совокупности представлений (в широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, понимают, интерпретируют, оценивают, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Данное видение, формируясь в нас в процессе социализации, формирует нас как личность. Это мировидение остро проявляется и становится заметным для представителя сообщества в том случае, когда оно сталкивается с иным, другим, чужим и — тем более — чуждым. Таким образом, культура — это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что неосознаваемо и в то же время рефлексировуемо, то, что лежит в основе (в данном

Красных Виктория Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: vic-toryvk@gmail.com

случае — культурной) идентификации и самоидентификации личности. Представленное понимание культуры никоим образом не отрицает её материальной составляющей, но лишь фокусирует внимание на том, как тот или иной репрезентант окружающего мира (мира Действительное, по А. Вежбицкой) осмысливается в культуре, какое место в ней занимает, какие функции выполняет и т. д.

Лингвокультура есть воплощённая и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура. Лингвокультура — феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь образами сознания в их вербальных одеждах (и в этом её принципиальное отличие от языковой картины мира, которая может быть определена как сложно организованное семантическое пространство). Таким образом, в фокусе рассмотрения лингвокультурологии находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но образы, овнешняемые в знаках языка. Иначе говоря, в данном случае знаки языка (в лингвистическом понимании этого термина) рассматриваются как тела знаков языка культуры (по В. Н. Телия; см., напр., [Телия 2006]). Итак, лингвокультура — это культура, явленная нам в языке и через язык. Если учесть, что основным каналом межпоколенной трансляции культуры (а именно это составляет главное содержание процесса социализации) и основным (хоть и не единственным) средством человеческого общения является язык, то следует признать, что лингвокультура и есть та среда, в которой человек формируется как личность и живёт, т. е. действует и реализует себя как личность, взаимодействует с другими личностями и т. д. Формируясь на участке пересечения / наложения языка и культуры как самостоятельных семиотических систем, лингвокультура претендует на статус третьей (отдельной, самостоятельной) семиотической системы, обладающей своим словарём и грамматикой, т. е. основными единицами, группирующимися в классы, виды, типы и т. д., обладающими определёнными категориями, структурой, отношениями и подобное. Соответственно, предметом лингвокультурологического описания можно признать именно словарь и грамматику лингвокультуры.

Из широкого спектра единиц лингвокультуры, подлежащих лексикографированию, кратко остановимся лишь на классе «Представления» — самом крупном классе ментефактов, входящих в когнитивную подсистему лингвокультуры, и на базовых метафорах, лежащих в основе метафорического осмысления мира и формирующих, соответственно, метафорическую подсистему лингвокультуры.

По своей природе **представления** суть **результат эмоционально-образного восприятия феноменов действительности в условиях определённой культуры**. Они формируются в процессе социализации, причём основа системы представлений закладывается на самых начальных её этапах. Из предложенной дефиниции представлений следует, что представление как ментефакт:

- 1) обладает эмотивностью, т. е. связано с эмоциями и оценками, и, следовательно, аксиологично по своей природе;
- 2) обладает образностью;
- 3) формируется на основе восприятия.

Представления в гораздо большей степени принадлежат эмоциональной сфере человека, нежели интеллектуальной: они образны, целостны, оценочны, основаны в первую очередь на эмоциях и апеллируют скорее к чувствам, нежели к разуму. Более того, представления могут вступать в определённые противоречия

не только друг с другом (напр., *Павлик Морозов* для одних — пионер-герой, погибший за идею, для других — предатель и отцеубийца), но и со знаниями (напр., я знаю, что *медведь* — хищное и крайне опасное животное, но с удовольствием дарю ребёнку *плюшевого мишку*; или: я знаю, что *волк* — стайное животное, и отсюда *волчья стая* со своими *законами*, но для меня столь же естественным оказывается и *одинокий волк*; или: я знаю, что *кит* — млекопитающее животное, но для меня само собой разумеющимся является *чудо-юдо, рыба-кит*). Представления тесно связаны с духовной сферой культуры, поскольку именно в них часто находят своё воплощение эталоны культуры, а последние отражают систему культурных ценностей (напр., *лиса* — эталонный носитель хитрости, а *Иуда* — эталонный предатель). В силу этого представления всегда культурно маркированы и, как правило, культуроспецифичны. Кроме того, представления всегда двойственны по своей природе: они индивидуальны и коллективны; при этом индивидуальные и коллективные представления могут принципиально различаться и противостоять друг другу.

Среди коллективных представлений выделяются:

а) **прецедентный феномен (ПФ)** — **являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена**; среди ПФ выделяются: прецедентная ситуация (*Хиросима, 37-й год* и др.), прецедентный текст (*«Евгений Онегин»*, *«Белое солнце пустыни»* и др.), прецедентное имя (*Ломоносов, Дон Жуан* и др.) и прецедентное высказывание (*Всё смешалось в доме Облонских* и др.);

б) **дух** — **являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия персонажа низшей мифологии** (*домовой, русалка, леший* и подобное); он един в своей множественности, и в этом, с одной стороны, сближение с ПФ (он един), с другой — со стереотипом (он множествен);

в) **артефакт вторичного мира** — **являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия «волшебного» предмета**, с которым оперируют герои, который они создают или обретают и/или с которым они имеют дело (*скатерть-самобранка, ковёр-самолёт, гиперболоид инженера Гарина* и др.); в артефактивности отличие их от всех остальных видов представлений;

г) **стереотип** — **являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия определённого класса однотипных феноменов**; в этом его принципиальное отличие от ПФ, где источник всегда единичен и уникален; от духа, где источник — целостная совокупность множественных воплощений; и от артефакта, где источник — собственно предмет; среди стереотипов разграничиваются стереотипы поведения (в том числе речевого, напр., этикетные формулы) и стереотипы-представления, которые предстают либо как стереотипный образ (этнический — *немец, француз*, социальный — *бомж*, профессиональный — *учительница*, зооморфный — *лиса* и др.), либо как стереотипная ситуация (*экзамен, очередь* и подобное).

Что касается **базовых метафор**, то они могут быть определены как «исходные», «изначальные», **имеющие архетипическую природу метафоры, базирующиеся на максимально абстрагированных «идеях», лежащих в основе осмысления мира человеком**, которые могут не осознаваться представителями лингвокультуры. Напр., базовая метафора «движения», лежащая в основе разгра-

ничения живого и неживого и — в частности — осмысления любого проявления жизнедеятельности человека и жизни человека вообще как некоторого перемещения в пространстве (*жизненный путь, встать на путь, идти своей дорогой, встретить на своём пути, встать на пути / дороге, уступить дорогу, пути / дороги сошлись / разошлись* и подобное; *ввести в курс дела, вынести на обсуждение, завести в тупик*; сюда же: *мысль пришла в голову, вылетела из головы; слово сорвалось с языка; дела идут*; и обратная ситуация, нарушающая «правильный» ход вещей — *топтаться на месте, не продвинуться ни на шаг / йоту*, что «плохо» и, наконец, *сдвинуть дело с мёртвой (!) точки* и т. д., и т. п.).

Базовые метафоры в силу своей природы задают определённый вектор дальнейшей метафоризации, которая проявляется и закрепляется, в том числе, во фразеологических единицах (см. только что приведённые примеры). Следовательно, лингвокультурологический анализ фразеологического фонда позволяет выявлять базовые метафоры той или иной культуры.

Накопленный опыт лингвокультурологического анализа и описания единиц, отражённый в соответствующей лексикографической практике [БФСРЯ 2006; Русское культурное пространство 2004], позволяет представить **некоторые возможные пути и основные принципы лексикографирования единиц лингвокультуры**.

Итак, для лингвокультурологического анализа и описания оказывается важным, что вполне объяснимо, использование грамматического, этимологического, фольклорного, культурологического, страноведческого, лингвострановедческого и подобного материала. Однако это лишь первый шаг на «входе» в лингвокультуру и на «выходе» на поле культуры (в представленном ранее понимании таковой). Собственно лингвокультурологический анализ начинается с попытки выявить соотносённость той или иной единицы с глубинными слоями, древнейшими формами осмысления мира и представлениями, имеющими архетипическую природу (в понимании В. Н. Телия, т. е. древнейшими надличностно-родовыми представлениями, лежащими в основе окультуривания мира человеком, творения человеком космоса из хаоса). Лингвокультурологический анализ предполагает учёт соотносённости данной единицы с различными кодами культуры. Крайне важным является выявление метафорических оснований анализируемой единицы, а также возможности выполнения ею функции образного основания для последующего метафорического осмысления действительности. Лингвокультурологический анализ необходимо требует также выявления и описания представления (в самом широком смысле; напр., для прецедентного феномена — инварианта восприятия, для стереотипа — стереотипного образа и подобное), стоящего за данной единицей. Обязательным является также представление, описание и анализ возможных контекстов употребления данной единицы, а также определение функций, выполняемых данной единицей в культуре (напр., функции эталона или символа). По возможности лингвокультурологическое описание включает представление аналогов и образных эквивалентов, существующих в других культурах / лингвокультурах.

Таковы общие принципы лингвокультурологического анализа в целях лексикографического описания, разработанные на сегодня и, как говорилось, уже апробированные на практике. Совершенно очевидно, что применительно к единицам

разной природы на основе представленных принципов может вырабатываться отдельный алгоритм описания, отвечающий основной специфике рассматриваемых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2006. — 784 с.

Красных В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. — Вильнюс-Варшава, 2005. — № 7 (12). — С. 10–24.

Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. / под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. — М.: Гнозис, 2004. — Вып. 1. — 318 с.

Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2006. — С. 776–782.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. — С. 222.

POSSIBLE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF LINGUISTIC CULTURE UNITS

V. V. Krasnykh

The paper regards culture as world-conception, world-perception, and world-comprehension of linguocultural community. Linguistic culture is verbalized, i.e. it embodied and fixed in linguistic signs. Hence, linguistic signs are regarded as cultural signs. Linguistic culture, being a separate semiotic system, has its own thesaurus and grammar which could be the subject of linguocultural studies. Nowadays it is possible to speak about different classes of linguocultural units and several ways of their analysis and lexicographic description.

Key words: linguistic culture, linguistic signs, cultural signs, semiotic system, lexicographic description.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЕ: К ПРОБЛЕМЕ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИННОВАЦИЙ

В работе рассматриваются новые устойчивые словосочетания, которые появляются на глазах у говорящих, активно употребляются в речи и не зафиксированы в словарях. Речь идёт не о фразеологизмах, которые родились как следствие мировой глобализации, употребляются в разных странах и почти во всех языках имеют одинаковую языковую модель и значение. Объектом анализа являются устойчивые выражения, которые родились в болгарской среде и являются следствием конкретных (политических, общественных и др.) условий жизни в стране и понятны только людям, живущим в этой стране. Они стали узусными для болгарского языка. Представление их в словарях требует дополнительной информации, а также иллюстративных примеров, которые должны демонстрировать их речевое поведение в разных текстах.

Ключевые слова: инновации, фразеологическая модель, реалия, коннотация, языковая среда.

Реальное общение и взаимопонимание между представителями разных языковых общностей во многом зависит от социокультурных фоновых знаний коммуникантов. Язык не существует вне культуры, вне образа жизни его носителей. Наши наблюдения показывают, что даже носители родного языка, не живущие в своей стране длительное время, не понимают, либо неправильно толкуют некоторые языковые факты. Это происходит, во-первых, оттого, что знакомства со значениями слов и правилами грамматики недостаточно для понимания устойчивых единиц (фразеологизмов, паремий, крылатых выражений и т. п.), и, во-вторых, новые единицы появляются в результате изменения жизненных реалий, внутренней политики конкретной страны, формирования новых понятий и т. д.

В данной работе рассматриваются новые устойчивые образования, которые активно употребляются в речи, но пока ещё не зафиксированы в словарях. Речь пойдёт не о фразеологизмах, родившихся на волне мировой глобализации; они обычно интернациональны и почти во всех языках обладают сходными моделями, имеют одну и ту же внутреннюю форму и аналогичное значение, напр., /рус./ *открыли / закрыли главу / страницу* — /болг./ *отварям / затварям глава* — /англ./ *to open / close a chapter* ('не/рассматривать вопрос, начать / закончить обсуждение важного вопроса'); /рус./ *отмывать деньги* — /болг./ *пера пари* — /англ./ *to launder money* ('придать законный характер деньгам, легализовать незаконно полученные деньги'); /рус./ *лишать иммунитета* — /болг./ *свалят имунитета (на някого)* — /англ./ *to deprive someone of immunity* ('лишать положения / привилегий'); /рус./ *перекрывать кран* — /болг./ *врътвам кранчето (на нещо)* — /англ./ *to close the tap* ('остановить что-л.');

/рус./ *конфликт интересов* — /болг./ *конфликт на интереси* — /англ./ *conflict of interests* и т. п. Подобных единиц мно-

Георгиева Стефка — доктор филологических наук, профессор Пловдивского университета им. Паясия Хилендарского (г. Пловдив, Болгария). E-mail: stefka3@abv.bg

го в сравниваемых языках; обладая высокой активностью в устной и письменной речи, они относятся к разным сферам жизни и быта народов. Однако в данной работе объектом исследования являются устойчивые выражения, которые родились в болгарской среде в конкретных (политических, общественных, бытовых и др.) условиях, а потому понятны только людям, живущим в Болгарии. Эти выражения стали узусными для болгарского национального языка. Представление их в словарях требует дополнительной информации, а также иллюстрирования примерами, которые демонстрируют функционирование данных единиц в разных текстах.

Инновационные образования не являются абсолютно независимыми от языковых реалий, они образуются по существующим в языке моделям. Специфика фразеологизмов состоит в том, что они обычно являются единицами вторичной номинации. Но в нашем случае мы имеем дело с оборотами, которые называют новые реалии и при этом сразу обретают отрицательную коннотацию: *червени бабички, червени боклуци, червени агитки; сини мобифони, сини агитки, синя метла* и т. п. Подобные единицы понятны только тому, кто знаком с явлениями, породившими их (*синьо чудо* — ‘представители новой партии, взявшие власть в свои руки’; *синя метла* — ‘увольнение лиц, которые не являются представителями господствующей партии’). Знание языка в данном случае является вторичным. Средства массовой информации (СМИ), особенно газеты, журналы, радио, телевидение, активно включают в свои тексты эти новообразования, являясь наиболее чуткими их регистраторами.

В Болгарии до 1989 г. страной правила Болгарская коммунистическая партия (БКП). Её символом был красный цвет. В 1989 г. однопартийную систему в стране разрушило появление правой партии — Союза Демократических сил (СДС). Символами новой политической силы стали голубой и синий цвета. В связи с этим в болгарском языке возникла серия новых антонимичных устойчивых словосочетаний с компонентами *червен* (рус.: красный) и *син* (рус.: голубой): *червени боклуци, червен лагер, червен затвор, червен октопод, червен овен (Жан), червена номенклатура, червени мравки, червено радио; син елит, сини яйчица, сини мравки, синьо политбюро, сини редици, син орган, син обектив, синьо радио* и др. [Георгиева 2008: 321–322]. Кроме БКП, в стране появилась и другая партия — Болгарский Земледельческий народный союз (БЗНС), символом которой стал оранжевый цвет. Наряду с БЗНС сформировалось ещё несколько земледельческих партий, символом которых также стал оранжевый цвет: антагонизм между земледельческими и другими партиями не был ярко выражен. Устойчивых словосочетаний с компонентом *оранжев* было создано немного (*оранжеви депутати, оранжеви комсомолци, оранжеви клубове*). Позже БКП была переименована в Болгарскую Социалистическую партию (БСП); и БЗНС («Ал. Стамболийски») присоединилась к ней.

В 2001 г. к власти пришла новая партия — Национальное движение «Симеон Второй» (НДСВ) во главе с бывшим царём Болгарии Симеоном Сакс Кубурготским. Символом НДСВ стал жёлтый цвет, что вызвало к жизни серию устойчивых словосочетаний с компонентом *жълт* (рус.: жёлтый): *заигра жълтата метла, жълти управи, жълти депутати, жълти кабинети, жълт министър* и т. п. Образование новых словосочетаний с цветовыми компонентами — символами определённых партий — пошло на убыль, когда у власти оказалась коалиция из трёх

партий — ДПС («Движение за права и свободу»), НДСВ и БСП. Тогда появились и закрепились устойчивые словосочетания, которые отразили меняющийся стиль управления страной.

В 2009 г. к власти пришла партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), которая и сейчас правит Болгарией, и сверхсловные неологизмы служат средством характеристики стиля управления данной партии, социального поведения самих управляющих, быта и мироощущения народа в изменившихся условиях. В сверхсловных новообразованиях чаще всего наблюдается семантическая трансформация: они имеют яркую образную основу, способствующую тому, что семантика оборота развивается по пути обобщения и метафоризации. Обязательное условие для метафоризации всего словосочетания и возникновения фразеологического значения — это образная основа словосочетания, прозрачная для носителей языка. Напр., фразеологическая единица (ФЕ) *(някой) урежда сметките* ('установление взаимоотношений') построена на метафорическом переносе глагола *урежда* ('Турям нещо в ред', т. е. /рус./ 'наводить порядок'): *Стар закон урежда сметките ни с хазната* (Стандарт 2010).

Социум оценивает, концептуализирует мир и действительность с помощью эмоциональных образов, и многие некогда свободные словосочетания развивают дополнительные значения и превращаются во ФЕ, напр., *(някой) хванат от улицата* ('случайный человек'): *Тук, на този пост, никой не го хващат от улицата и да го довеждат насилу* (Стандарт 2010); *(някой) е с вързана уста* ('кто-л. не имеет права говорить'); *(някой) е с вързани ръце* ('кто-л. не имеет права действовать'); *(някой) е кукла на конци* ('марионетка'): *Ако този човек бъде с вързана уста, с вързани ръце и е кукла на конци, управляван от финансовия министър, то тогава каквито и ценни идеи да има, те няма да се реализират* (Стандарт 2010); *търкам килията / търкам нарове* ('попасть в тюрьму'): *Докато посочения за глава на Октопода Алексей Петров търка килията, името му бе забъркано и в едно от най-мистериозните убийства у нас* (Стандарт 2010); *Асенчо от Сливен отново търка нарове* в затвора. *Крадецът от Сливен, който едва е навъртял 30 години, е успял да натрупа 40 присъди и отново търка нарове* в затвора... (Труд 2010); *железен юмрук* ('жесткий стиль управления'); *кадифена ръкавица* ('действовать мягко'): *Железен юмрук в кадифена ръкавица. Така обикновено физиците описват новия генерален директор на ЦЕРН...* (Телеграф 2010) и др.

В образах новых ФЕ отразился способ видения народа: в сравнениях с потолком (мера ограничений) — *таван на (нещо)* ('ограничения, максимально допустимая цена'): *Лавина дела срещу тавана на цените. Таксиджии обмислят бунтове срещу тавана на цените. По думите им не може в пазарна икономика да се слагат ценови ограничения на услугите* (Стандарт 2010); сравнение с дном (мера нулевого уровня) — *(нещо) се отлепва от дъното* ('что-л. пошло вверх'): *Строителството се отлепи от дъното. Строителната продукция бележи увеличение с 1,6 % през август спрямо предходния месец...* (Стандарт 2010); с играми в шахматы — *(някой е) с три хода напред* ('кто-либо опережает кого-л'): *С три хода сме напред. Дори извън граница не могат да ни смогнат на изобретателността, какво остава за родните власти* (Телеграф 2010).

Колоквиализация языка СМИ ярко проявляется как в образной основе инновационных образований, так и в их коннотации. Социум активно использует язык, его коммуникативные и стилистические возможности в речи [Георгиева, Величкова 2008: 290]. Почти все новообразования отмечены национально-культурными ассоциациями: стискаам палци ('желаем удачи'); (някой) ми дойде на крака — ('кто-л.) по своей инициативе пришёл к кому-л.'): Легендата на Спортинг Ивайло Йорданов *стискаше палци* и за двата отбора в мача срещу Левски на стадион «Жозе Аваладе» и снощи *дойде на крака* при «сините» (Телеграф 2010); (нещо) на корем ('иметь что-л. в неограниченном количестве (обычно о напитках и еде)'): Испанците вземат бира *на корем*. Награждават с 1738 литра пиво «червената фурия» за световната титла (Стандарт 2010).

Активизировалось использование некоторых тюркизмов в качестве компонентов ФЕ: (някой) *намери цаката* (на някого, на нещо) ('кто-л. нашёл способ'): Алисия *намери цаката* на Валери. Забравяш за сина ни, ако не разкараш Никоleta, *закани се фолк дивата...* (Труд 2010).

Отношение говорящего и пишущего реализуется в образе ФЕ: он выражает определённое оценочное отношение к реципиенту, напр., *(продават) под тезгяха* ('торговать тайком'): Европа на нова война с *тютюневия дим*. Цигарите само *под тезгяха*. Цигарите да се свелят от витрините и да се скрият *под щанда* (Стандарт 2010).

Инновационные устойчивые образования очень разнообразны как по тематике, так и по структуре. Они являются одновременно языковыми знаками и культурными реалиями. Их представление в одноязычных и двуязычных словарях — важная и полезная информация, необходимая для взаимопонимания и полноценной межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Георгиева С. Роль новых символов в формировании фразеологического образа // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazologia / red. naukowa W. Mokienko i H. Walter. — Opole: Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej. — S. 320–323.

Георгиева С., Величкова С. Фразеологичните неологизми в българския език и техните съответствия в други славянски езици // Славянска филология. — София: Акад. изд-во «Проф. М. Дринов», 2008. — Т. 24. — С. 286–299.

CROSS-CULTURAL AWARENESS (ON LEXICOGRAPHIC PROCESSING OF PHRASEOLOGICAL INNOVATION)

S.I. Georgiyeva

The paper studies new fixed collocations that are witnessed and actively used by the speakers but not registered by dictionaries. The issue does not concern collocations that as a result of globalization are used in different countries in identical patterns and identical meaning. The paper aims at analyzing collocations that were born in the Bulgarian midst and are a result of specific political, social and other conditions of life in Bulgaria, thus being comprehensible only

to the people who live in Bulgaria. They have become usual for the Bulgarian language. Their dictionary presentation requires additional information and examples to illustrate their speech functioning in various texts.

Key words: innovation, phraseological pattern, realia, connotation, linguistic environment.

© 2011

Л. А. Шкатова

СЛОВАРЬ УСТОЙЧИВЫХ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье предлагается для обсуждения модель словаря устойчивых речевых формул, принятых в организации, который мог бы послужить методическим пособием при обучении и повышении квалификации её сотрудников.

Ключевые слова: язык организации, устойчивые речевые формулы, лексикографирование, учебный словарь стереотипов делового общения.

Обучение персонала организаций деловому общению, проводимое сотрудниками вузовской академической лаборатории межкультурных коммуникаций при Челябинском государственном университете в течение ряда лет, выявило настоятельную потребность в лексикографировании компактных фраз, наиболее корректных и эффективных при взаимодействии с партнёрами и клиентами в повторяющихся ситуациях [Шкатова 2006]. При формировании культуры организации важно иметь в виду правила речевого поведения, которые связаны с установившимися в каждом обществе неписаными законами ситуативного применения языковых единиц. Они выражаются формулой *У нас принято...*, которая подчёркивает единство сотрудников как представителей одного делового сообщества. Корпоративные культуры внутри организации также характеризуются определёнными стереотипами общения специалистов: *Наши продавцы обычно здороваются с покупателями; Наши менеджеры обязательно попросят извинения, если клиенту приходится ждать; Наши учителя обращаются к старшеклассникам на «Вы»* и под.

Профессиональное владение речью в деловом общении предполагает знание и активное использование корректных речевых формул, которые способствуют созданию престижного имиджа как самого человека, так и организации, в которой он состоит. «Культура социальной общности основана на схематизированных и эталонных способах мышления, добытых и представляемых главным образом с помощью символов» [Щепаньский 1969: 43]. Эти символы воплощаются вербально или материально и передаются внутри человеческих групп.

Шкатова Людмила Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета. E-mail: labcsu@yandex.ru

Специалисты по организационному поведению выделяют три слоя культуры организации: 1) базовые идеи, обозначаемые термином «миссия организации», 2) ценности и 3) образцы деятельности и поведения. Третий, нормативный, слой, включает также пунктуально выполняемые различные ритуалы, церемонии и другие традиционные коллективные мероприятия, в которых участвуют сотрудники организации, призванные подкрепить приверженность базовым идеям и ценностям, сформировать чувство общности [Оксинойд 2009: 346].

«Во многих организациях используются специфическая манера речи, своеобразные метафоры, лозунги, так называемый язык организации. Он не столько повышает понимание друг друга членами коллектива, сколько подчёркивает чувство общности, исключительности своей организации», — пишет А. М. Сергеев [Сергеев 2008: 256]. Совершенствование языка организации является одной из задач обучения персонала, в том числе речевому поведению. «Корпорациям двадцать первого века будет трудно выжить, не говоря уже о том, чтобы добиться процветания, если их сотрудники не станут работать лучше. Лучше не обязательно значит усерднее или больше. В первую очередь это значит, что компаниям нужны сотрудники, которые могут брать на себя ответственность за своё поведение», — пишет К. Аргирис в книге «Организационное обучение» из серии «Классика Harvard Business Review» [Организационное обучение 1978: 88]. Культура делового общения вырабатывается в сознательном отношении к собственному речевому опыту и в ходе выявления и усвоения лучших моделей поведения.

В качестве модели используется, как правило, речевое поведение наиболее авторитетных носителей языка, престижных групп деловых людей. Как можно отметить, большую роль в формировании организационной культуры играет руководитель, который часто «задаёт тон» общения. Коммуникативная компетенция сотрудников организации включает владение определённой суммой сведений языкового характера, умение соотносить языковые средства с задачами и условиями общения, способность организовать коммуникацию с учётом норм речевого поведения и её целесообразности.

Ситуации делового общения могут быть стандартными и переменными (переменными). В повторяющихся ситуациях общество вырабатывает стереотипные способы более чётко и лаконично выражать свои мысли. Знание корректных форм речевого общения освобождает человека от создания новых моделей поведения, если у него выработаны привычные реакции, одобряемые в организации.

К сожалению, репертуар формул речевого поведения сотрудников далеко не всегда отвечает требованиям, поэтому обучающаяся культура нацелена на ознакомление с корректными устойчивыми речевыми формулами, представленными в виде учебных словарей фирменного делового этикета. Словарь речевых формул должен быть тематическим и включать, как минимум, следующие разделы: Приветствие; Вступление в контакт; Знакомство; Знаки внимания; Приглашение, договорённости, предложения; Несогласие, отказ, отклонение; Согласие, одобрение, подтверждение; Удивление, сомнение, предложение; Просьба; Благодарность; Извинение; Утешение, ободрение; Прощание.

Внутри каждого из разделов предполагается указание на инвариантную, наиболее принятую и корректную речевую формулу, а далее — на официальные и менее официальные варианты. Напр.:

ПРИВЕТСТВИЕ

Инвариантная форма: ЗДРАВСТВУЙТЕ + указание имени и отчества. Произносится доброжелательным тоном, с улыбкой, с приостановкой на расстоянии примерно двух вытянутых рук. Мужской жест — протягивание руки для пожатия. Протянутую женщиной руку целуют или пожимают по-мужски. Отказ от рукопожатия — знак разрыва взаимоотношений.

Приветствую Вас! Разрешите (позвольте) приветствовать Вас! Рад Вас приветствовать! — Официальная форма, выражающая более высокий статус говорящего по сравнению с собеседником.

Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер! — Менее официальные формы, подчёркивающие установку на доброжелательность.

Вторая часть раздела — креативная, принадлежащая именно данной организационной культуре и содержащая рекомендации по ситуациям употребления. Напр.: *Добро пожаловать! Рады видеть Вас! — неофициальные клише, подчёркивающие личностный характер общения. Произносятся тёплым тоном и сопровождаются жестом приглашения. Фраза используется по отношению к постоянным клиентам и партнёрам.*

Моё почтение! Наше Вам! Кланяюсь! — Старые формы приветствия деловых людей. Применяются преимущественно по отношению к пожилым людям, неоднократно пользующимся услугами организации.

При подготовке и повышении квалификации профессионалов коммуникативный принцип преподавания предполагает не только обучение разным видам речевой деятельности, освоение законов построения и употребления коммуникативных единиц при умении продуцировать свободные высказывания, но и формирование способности репродуцировать устойчивые формулы общения, овладение знаниями национально специфических правил «языка профессионального поведения».

Л. П. Якубинский писал: «Говорение в связи с определёнными шаблонами быта влечёт образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора <...> Совершенно очевидно, что такой тип фразы должен быть определённо противопоставлен другому, где налицо известное комбинирование <...> Не приходится подчёркивать, насколько важно для языкознания, в частности, для учения о фразе, различение отмеченных двух типов фраз» [Якубинский: 175–176]. Стереотипы общения, которые в нашей работе именуются *устойчивыми формулами общения*, отмечены в книге «Русская разговорная речь. Тексты»: «Стереотипы — это типические, устойчиво повторяющиеся конструкции, употребляемые в высокочастотных бытовых ситуациях в городе (магазин, транспорт и т. п.). Стереотипы представляют собой готовые формулы не только с точки зрения их морфолого-синтаксической структуры, но и с точки зрения их лексической наполненности» [Русская разговорная речь 1978: 269–270].

Как средство повышения эффективности речевого поведения и реализации различных коммуникативных установок специалиста в рамках штатной коммуникативно-прагматической ситуации предлагаются различные семантические группы формул профессионального общения. Напр.:

ПЕРЕГОВОРЫ

Общая схема: Предлагаю начать с ...вопроса; Затем перейти к вопросу о... или Предлагаю следующую схему переговоров: первый пункт —..., второй пункт — В конце переговоров рекомендуется совместно оценить коммуникативную деятельность в виде резюме или подтверждения общих договорённостей: Итак, мы договорились о...

Для прояснения ситуации используются стандартные вопросы: Не повторите ли вы ещё раз?; Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду?; Я не понял. Не объясните ли вы это?; Поясните, пожалуйста...

Устранение логических противоречий принимает вид конфронтационной просьбы: специалист, обнаруживший противоречия в высказываниях говорящего, корректно сообщает ему об этом и просит разъяснений: Я не уверен, что понял вас правильно. Вы говорили, что..., а теперь говорите, что... Нет ли здесь противоречия?

Рекомендуются устойчивые конструкции, которые содержат перефразирование высказанного: Таким образом, Вы хотите сказать, что...; Правильно ли я понял, что Вы имеете в виду...; Таким образом, Вы считаете, что...; Я правильно понял, что Вы...?

Устойчивые формулы завершения разговора стереотипны: Итак, можно подвести итог...; Таким образом, мы приходим к выводу, что...; Если подытожить то, что мы сегодня обсуждали, то получится, что...

Наряду с рекомендуемыми формулами профессионального общения словарь должен содержать запреты на некоторые стереотипные выражения, напр.:

НЕ РЕКОМЕНДУЮТСЯ К УПОТРЕБЛЕНИЮ ФРАЗЫ

Нет, я с вами решительно не согласен; Вы не правы, и я вам это докажу; Так дело не пойдет! Я никогда не соглашусь с Вашим мнением; Вы просто сами не понимаете, что Вы говорите; Да вы с ума сошли, если такое говорите; Ну что Вы в этом понимаете; А Вы сами-то с этим мнением согласны? Давайте ближе к делу...; Здесь Вы явно ошибаетесь.

Словари устойчивых речевых формул для сотрудников организаций могли бы сыграть роль методических пособий, в создании которых они сами смогут принять активное участие.

ЛИТЕРАТУРА

- Оксинойд К. Э. Организационное поведение: учеб. — М.: КноРус, 2009. — 471 с.
Организационное обучение / пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 192 с.
Русская разговорная речь. Тексты / под ред. Е. А. Земской, Г. А. Баримовой, Л. А. Канадзе. — М.: Наука, 1978. — 307 с.
Сергеев А. М. Организационное поведение: Тем, кто избрал профессию менеджера: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — 3-е изд., стер. — М.: Академия, 2008. — 228 с.
Шкатова Л. А. Фразеологизированные формулы профессионального общения // Номинативная единица в семантическом, грамматическом и диахроническом аспектах: сб. науч. ст. к 80-летию А. М. Чепасовой. — Челябинск: ЧГПУ, 2006. — С. 283–288.
Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. — М.: Прогресс, 1969. — 240 с.
Якубинский Л. П. О диалогической речи // Рус. речь. — Вып. 1. — Пг., 1923. — С. 69–194.

FIXED SPEECH FORMULA DICTIONARY AS A COMPONENT
OF PROFESSIONAL ORGANIZATION CULTURE*L. A. Shkatova*

The article offers a model of a dictionary of set speech formulae that are current in a professional organization. The glossary can be used as an aid to staff training and in-training.

Key words: organization speech, fixed speech formulae, lexicographic presentation, learner's dictionary of business communication stereotypes.

© 2011

О. И. Коурова

КОНЦЕПЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ

В работе представлена концепция лингвокультурной ценности. Дана история становления термина «ценность». В связи с развитием новой парадигмы в лингвистике и формированием новой дисциплины — лингвокультурологии, предлагается ввести термин «лингвокультурная ценность» в современную науку о языке. Приводятся определение и критерии этого понятия. На примере материала «Словаря традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» доказана принадлежность исследуемой лексико-фразеологической системы к лингвокультурным ценностям. В конце статьи сделан вывод о важности издания словарей как способе сохранения лингвокультурных ценностей. Издание «Словаря традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» есть проявление заботы о сбережении исторического фонда русской романтической лирики.

Ключевые слова: лингвокультурная ценность, традиционно-поэтическая лексика и фразеология, пушкинская эпоха, лексико-фразеологическая система языка.

К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина нами был написан и через два года издан «Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» [Коурова 2001].

Особенностью этого словаря является включение элегической лексики и фразеологии (напр., *богиня красоты, возжечься, воспылать, время золотое, гореть любовью, дневное светило, жар сердца, зефир, младость, питомец муз, сойти на берег Ахерона, странник земной, утро дней*), обладающей коннотацией, связанной с представлениями о «сладостности, нежности, пластичности, музыкальности» [Винокур 1991: 241]. А. Ф. Мерзляков называл эту лексику и фразеологию «украшениями», они более приятны, нежели блестящи, и больше трогательны, нежели высоки» [Мерзляков 1809: 24].

Коурова Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Шадринского государственного педагогического института. E-mail: kvg@shadrinsk.zaural.ru

Важным понятием и соответственно термином современной лингвистики, исследующей проблемы взаимодействия языка и культуры, на наш взгляд, должна стать «лингвокультурная ценность».

Проблема ценностей возникла в эпоху античности. В начале XX в. французским философом П. Лапи был введён термин аксиология (от греч. *axia* — ‘ценность’ и *logos* — ‘учение’) для наименования философской дисциплины, исследующей категорию «ценность». В истории аксиологии в философском понимании ценностей выделяется три периода: предклассический (1806–1890 гг., работы философов Г. Лотце, Ф. Brentano, Ф. Ницше); классический, называемый «аксиологическим бумом» (1890–1930 гг., труды Э. Гартмана, исследования баденской школы — В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Вебера); постклассический (с 1930 гг., работы К. И. Льюиса, Дж. Дьюи, Р. Ингардена, Я. Мукаржовского, Н. О. Лосского, М. М. Бахтина, М. С. Кагана, А. Н. Леонтьева, В. К. Шохина и др.).

Старый постулат о том, что вещь обладает ценностью, если она желаема, связан с современным аксиологическим натурализмом. Но согласно феноменологическому подходу, ценности — не свойства вещей. Есть подход, что носителями этических ценностей могут быть личности, эстетических — произведения искусства. Я. Мукаржовский различал ценности существования, интеллектуальные, этические, социальные, религиозные. Н. О. Лосский отстаивал понимание Бога как высшей «самоценности». М. М. Бахтин в многообразии индивидов видел множество «неповторимо ценных личных миров». Понимание ценности как соответствия объекта представлению о том, каким он должен быть, встречалось уже у Платона и считается классическим.

В настоящее время к понятию «ценность» обращаются не только философы, но и представители др. наук: культурологии, истории, социологии, политики, педагогики и др.

Ценность как междисциплинарное понятие выражает положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом; она определяется их вовлечённостью в сферу человеческой жизни, деятельности, интересов и потребностей, социальных отношений, критериями и способами оценки их значимости, выраженными в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях. «Человек <...> придерживается вполне определённой системы ценностей <...> и твёрдо делит всё <...> на хорошее и плохое: добро и зло, счастье и несчастье, благо и беду, добродетель и порок, успех и провал, везенье и невезенье, выигрыш и проигрыш, приятное и противное» [Арутюнова 1984: 5]. В связи с развитием новой антропоцентрической парадигмы в языкознании и становлением лингвокультурологии термины «ценность», «аксиология» проникают и в область лингвистики. «В последнее время на стыке лингвистики, культурологии и социолингвистики появился ряд фундаментальных работ, посвящённых изучению слов с культурно-специфическим значением, отражающих представления о культурных ценностях народа. Среди таких единиц наиболее известны “ключевые слова” по А. Вежбицкой и “культурные константы” Ю. С. Степанова» [Титкова 2003: 79]. О значимости аксиологической характеристики слова, понятия «ценность» говорят и др. лингвисты, напр., Л. Ю. Мирзоева: «Особый интерес представляет оценочность и языковые средства её выражения, так как аксиологическая информация в сознании языковой личности занимает

одно из наиболее важных мест с её мелиоративной / пейоративной частью шкалы оценок» [Мирзоева 2001: 108]. По мнению А. А. Поляковой, для социума значимыми могут быть либо общечеловеческие «вечные» ценности (*истина, красота, справедливость*), либо конкретно-исторические ценности больших социальных групп (*равенство, демократия, державность*), либо ценности малых референтных групп (*успех, богатство, мастерство, самосовершенствование*). «... к числу всеобъемлющих архетипических образов, функционировавших в сознании русского человека, относились *жизнь, дом, любовь, красота, мудрость, верность, семья, вера, Родина*» [Полякова 2000: 18]. Языковая информация о системе ценностей характеризует особенности восприятия мира.

Исследование языка, в первую очередь, лексико-фразеологических систем, несущих культурно значимую информацию, по нашему глубокому убеждению, требует не только введения в языкознание термина «лингвокультурная ценность», но и его научного обоснования.

Предлагаем следующее определение этого термина. Лингвокультурная ценность — это языковая система, отличающаяся устойчивостью, культурной коннотацией, представляющая общечеловеческие понятия.

В качестве критериев, определяющих ту или иную лексико-фразеологическую систему как лингвокультурную ценность, мы предлагаем следующие признаки: 1) соотнесённость с культурно значимой сферой; 2) наличие культурной коннотации; 3) представление в языковом материале общечеловеческих культурных понятий; 4) устойчивость, реализуемую либо в регулярной воспроизводимости, либо в коллективной культурной памяти, либо в интертекстуальном потенциале.

Каждая историческая эпоха, художественное направление и соответствующая картина мира могут характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей. В их состав мы включаем традиционно-поэтическую лексику и фразеологию.

Аргументами в пользу оценки традиционно-поэтической лексики и фразеологии как лингвокультурной ценности мы считаем следующие факты.

Во-первых, сферой функционирования традиционно-поэтической лексики и фразеологии явилась преимущественно лирика сентиментализма и романтизма пушкинской эпохи — весьма значимый фонд русской культуры. Язык художественной литературы — это, безусловно, эстетическая ценность.

Во-вторых, традиционно-поэтическая лексика и фразеология обладают коннотацией, под которой понимается интерпретация денотативного или образного значения определённой языковой единицы в категориях культуры. Коннотация традиционно-поэтической лексики и фразеологии проявляется в следующих её компонентах: культурном, образном, функционально-стилевом, эмоционально-экспрессивном.

В-третьих, традиционно-поэтическая лексика и фразеология включают наиболее значимые общечеловеческие понятия, которые реализуются в концептах «Жизнь», «Смерть», «Любовь», «Творчество», «Природа».

В-четвёртых, традиционно-поэтическая лексика и фразеология отличаются устойчивостью, так как эта система была регулярно воспроизводима в лирических произведениях конца XVIII — первой трети XIX в. Напр., представление о жизни как о пути и о странствии многократно повторяется поэтами-романтика-

ми: «*И мой **тернистый путь** / Усеян был цветами*» (В. Ф. Раевский); «***В дороге жизни** снаряжая / Своих сынов, безумцев нас, / Снов золотых судьба благая / Даёт известный нам запас*» (Е. А. Баратынский), «***На жизненном пути** ему дарует гений / Неиссякаемый источник наслаждений*» (К. Н. Батюшков).

Кроме того, традиционно-поэтическая лексика и фразеология обладают интертекстуальными возможностями: ведущие поэтические образы этой лексико-фразеологической системы повторяются в лирике других эпох и литературных направлений. Напр., образ жизни как *пути* нередко выступает и в современной поэзии: «*На седьмом десятке лет / **Путь** неверный мой, и тоже / Подскажи мне тропку, боже, / Без сомнений и без бед*» (А. М. Городницкий), «***Путь** ещё не пройден, век не прожит, / тою ли **дорогой** бродишь ты*» (А. Д. Романов). «*Что б судьба ни обещала, / Только **путь** тот от начала / До последнего причала / Дважды не пройти*» (В. Ф. Боков).

Свидетельством культурной памяти о традиционно-поэтической лексике и фразеологии является включение в современные толковые словари соответствующей лексикографической пометы: первоначально — «поэт.» — в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940), затем пометы «трад.-поэт.», впервые — во 2-м издании «Словаря русского языка» в 4-х т. (1981–1984). В большинстве современных толковых словарей указанная помета остаётся.

В наше время, в связи с развитием лингвокультурологии проблема сохранения лингвокультурных ценностей отличается особой актуальностью. Термин «экология», предложенный Э. Геккелем во второй половине XIX в., в настоящее время всё чаще выступает в значении ‘защита’, напр.: «экология природных ресурсов» (в средствах массовой информации), «экология духа» (А. Мень), «экология языка» (Г. В. Степанов), «экология культуры» (Д. С. Лихачёв) и др.

Проблема восстановления культуры той или иной эпохи, безусловно, связана с восстановлением языкового пространства. Исследования языка в диахронии перспективны: «знания о том, что было актуально в прошлом, есть механизм формирования культурных ценностей» [Титкова 2003: 85].

Одним из важных способов сохранения лингвокультурных ценностей является, в чём мы глубоко убеждены, издание словарей. Лингвисты В. Г. Гак, В. Д. Девкин, З. К. Тарланов, Л. Л. Шестакова и др. неоднократно отмечали важность издания поэтических словарей, в частности языка поэзии определённого периода и направления, а также словарей отдельных стилистических пластов.

Расценивая традиционно-поэтическую лексику и фразеологию как уникальную лингвокультурную ценность, руководствуясь стремлением сберечь объёмный элегический фонд русской романтической лирики (около 1400 единиц), на рубеже XX–XXI вв. нами было принято решение о разработке и издании «Словаря традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи».

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики: сб. ст. / под ред. В. П. Григорьева. — М.: Наука, 1984. — С. 5–23.

Винокур Г. О. О языке художественной литературы. — М.: Высш. шк., 1991. — 241 с.

Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / пер. с чеш. / сост. Ю. М. Лотман, О. М. Малевич. — М.: Искусство, 1994. — 606 с.

Коурова О. И. Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи. — Шадринск: Шадринск. Дом печати, 2001. — 296 с.

Мерзляков А. Ф. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам речений прозаических. В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона. — М.: Университет. тип., 1809. — 100 с.

Мирзоева Л. Ю. Аксиологическая и функционально-стилистическая характеристика слова // Текст. Структура и семантика: доклады VIII междунар. конф. — М.: МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2001. — Т. 2. — С. 108.

Полякова А. А. Образование и культура (аксиологический аспект) // Вестник ОГУ. — 2001. — № 1 (4). — С. 18.

Титкова О. И. О перспективах лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона // Филологические науки. — 2003. — № 2. — С. 79–86.

LINGUOCULTURAL VALUE CONCEPTION

O. I. Kourova

The article deals with linguocultural value conception, traces the history of the term “value”, and introduces the term “linguocultural value” into present-day linguistics in the light of the new linguistic paradigm and the new linguistic discipline — linguocultural studies. It presents the definition and criteria of the notion. The material of “The Dictionary of Traditional Poetic Words and Phrases” helps to establish that lexical and phraseological system under study belongs to linguocultural values. The author reaches the conclusion concerning the importance of dictionary publishing as a means of preserving linguocultural values. “The Dictionary of Traditional Poetic Words and Phrases of Pushkin Epoch” is an example of careful preservation of the historical fund of Russian romantic lyrics.

Key words: linguocultural value, traditional poetic words and phrases, Pushkin epoch, lexical and phraseological system.

РАЗЛИЧИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ХАРАКТЕРА ОБЩИХ ЛЕКСЕМ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СЛОВАРЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ

В статье описывается коннотативная асимметрия общего лексического фонда в славянских языках. На примере общих лексем русского и чешского языков рассматривается этнокультурная специфика вторичных номинаций как разновидность дифференциации семантического плана, ставится вопрос о необходимости включения подобных расхождений в словарь межъязыковых омонимов.

Ключевые слова: вторичные номинации, коннотации, этнокультурная специфика.

Лексические системы славянских языков характеризуются наличием значительного количества единиц, отличающихся внешним изоморфизмом и внутренней асимметрией. В зависимости от источника происхождения подобных корреляций их можно отнести к межъязыковым омонимам (случайно совпавшие слова двух языков или параллельные образования, довольно многочисленные в близкородственных языках в силу наличия общего морфемного фонда) и межъязыковым полисемантам (слова, имеющие общий источник происхождения: праславянский язык, неславянский язык, другой славянский язык). Последние можно назвать и «общими» словами в славянских языках, имея в виду под этим термином лексемы двух или нескольких родственных языков, имеющие общее происхождение.

Спектр семантических различий подобных лексем (или «семантическая амплитуда колебания лексемы», по выражению Н. И. Толстого) широк и может характеризоваться родо-видовыми различиями, несовпадением объёмов семантических структур, метафорическими или метонимическими отношениями, несовпадением векторов семантического развития вплоть до образования энантиосемии и дизъюнкции, стилистической дифференциацией и различиями в сфере употребления, разными синтагматическими возможностями. Нередко при совпадении основных значений лексем в двух близкородственных языках они различаются коннотативными наращениями, этнокультурным содержанием, что особенно наглядно проявляется в фактах вторичной номинации, в том числе во фразеологии. Ведь именно фразеологизмы, по мнению В. Н. Телия, «ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия 1996: 233].

В результате этого возникает культурноконнотативная асимметрия языков. Подобного рода дивергенция демонстрирует своеобразие видения окружающего мира разными народами, их различную концептуализацию окружающей действительности, особенности ассоциативных связей и представлений. Вторичные номинации, точнее, их образные основания, зачастую несут на себе печать этнокультурной специфики. Ибо в каждом национальном языке часто оказываются различными «прототипические признаки» — свойства, которыми характеризуют-

Маркова Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета. E-mail: Elena-m-m@mail.ru

ся предметы соответствующего класса, т. е. «одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковыми сознаниями в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном предмете» [Алефиренко 2009: 113], становятся определёнными символами той или иной культуры.

Даже при сравнении близкородственных языков, какими являются сопоставляемые нами русский и чешский языки, при формально-семантическом тождестве, напр., большинства названий животных и растений как наиболее древних наименований, восходящих к праславянскому языку, нередко обнаруживаются различия в ассоциациях, связывающих признаки того или иного объекта мира природы с соответствующими качествами человека. Так, рус. *рябина* в основном значении совпадает с чешским *jeřáb*, однако в русской культуре *рябина* воспринимается как символ одиночества, ср. *одинокая как рябина*, в отличие от чешской культурной традиции, где это значение передаётся другим «древесным» символом: *jako hruška v poli* (букв. «как груша в поле»).

Признаки некоторых животных, растений, предметов послужили основой создания сравнительных фразеологизмов, характеризующих человека, получили эталонное значение для тех или иных качеств субъекта. Компаративные обороты вербализуют факт сравнения как необходимого условия вторичной номинации, выступают в качестве некоего промежуточного звена однословных наименований. Компаративы являются отражением метафорического характера мышления человека и представляют собой существенный пласт единиц вторичной номинации.

Являясь средством выражения универсальных культурных кодов, фраземы с общим лексическим компонентом нередко несут культурологическую информацию, объективируют особенности восприятия окружающего мира тем или иным этносом, транслируют культуру народа. Так, в чешской культуре корова ассоциируется не только с женской полнотой, как и у русских, но и с громким криком, что объективировано во фраземе *řvát jako kráva* «громко кричать, издавать рёв, орать во всё горло». Если верблюд связан в сознании русских с человеком, несущим много тяжёлых сумок: *нагруженный как верблюд*, а также с много выпившим человеком: *напиться как верблюд*, то в чешском языковом сознании этот образ связывается прежде всего с человеком, испытывающим очень сильную жажду: *tá žízeň jako velbloud* (букв. «он хочет пить как верблюд»).

При сходстве прямого и основного переносного значения номинанта *заяц* в славянских языках (чеш. *zajíc*, как и рус. *заяц*, обозначает переносно трусливого, боязливого человека) для русского языка характерно употребление слова *заяц* ещё и в специфическом значении «безбилетный пассажир» в силу его проворства, ловкости и одновременно боязни быть пойманным, а в чешском языке *zajíc* экспрессивно может обозначать неопытного молодого человека, девушку. Если у носителей русского языка зооним *вол* ассоциируются с трудолюбивым, много работающим человеком, то у чехов словом *vlk* образно называют человека глупого, тупого. Не совсем типично для русских и сравнение нелюдимого человека с пауком, что вербализовано в чешском выражении *divný pavouk* «чудак, бирюк» (букв. «странный паук»). Рус. *паук* служит обозначением тощего, сгорбленного человека

с длинными пальцами, а также является символом цепкости, корысти, жадности, что объективировано в компаративах *вцепиться как паук*, *жадный как паук*.

Обидевшийся на что-л. человек сравнивается чехами с голубем: *nařouknout se jako holub* (ср. русские сравнения: *надуться как индюк*, *надуться как мышь на крупу*). С образом голубя сближается у чехов и беспокойный, ёрзающий на месте человек, о котором скажут: *točí se jako holub na báni* (букв. ‘крутится как голубь на куполе’) (у русских в данном случае оказывается актуализированным образ ужа: *вертится как уж на сковороде*). В отличие от пейоративности этого образа в чешской лингвокультуре, в русском языковом сознании голубь воспринимается скорее положительно и ассоциируется прежде всего с образом живущей в мире и согласии пары: *жить как два голубка*, *жить как голубь с голубкой*.

Образ рыбы ассоциируется у чехов со здоровьем, свежестью, бодростью, ловкостью, что вербализовано устойчивыми сравнениями: *zdravý jako ryba* (ср. с рус. *здоровый как бык*), *čilý / čerstvý / mrštný jako ryba* (букв. ‘бодрый, свежий, ловкий как рыба’), в отличие от ассоциативных сближений с рыбой холодных, неэмоциональных, аморфных людей, что свойственно русскому мышлению. Таким образом, культурные коннотации общего слова у разных славянских народов могут характеризоваться противоположной окрашенностью, полярной оценкой и приводить к своеобразной энантиосемии — её культурноконнотативной разновидности.

Много эталонов, при этом не всегда совпадающих в разных славянских языках, и среди номинантов «растительного» кода. Лексема *buk* известна в обоих языках как обозначение дерева, но только в чешском языке *buk* воспринимается как символ здоровья, силы, мощи, что подтверждают устойчивые сравнения с этим образом: *kluk / chlapeц zdravý jako buk* (букв. ‘здоровый как бук’); *roste jako buk* (букв. ‘растет как бук’) (рус. *растёт как на дрожжах / не по дням а по часам*), а также может характеризовать крепкий сон: *spí jako buk*. С пихтой, обозначаемой в чешском языке лексемой *jedle* (рус. *ель*), ассоциируется стройность и высокий рост молодых мужчин: *hoch jako jedle* ‘статный парень’, *urostlý jako jedle* ‘рослый как пихта’. Рус. *ель* не только не имеет этой коннотации, но отличается от чешского коррелята и денотативно: обозначает другое хвойное дерево.

Образ спелой сливы, раздувшейся, иссиня-красной, служит отрицательным когнитивно-оценочным признаком при образной номинации в чешском языке «пьяного в стельку» человека, что выражается фраземой *je namazaný (ožralý) jako slíva*. В русской культурной традиции этот образ описывает нос пьяницы или вообще большой, некрасивый нос: *нос (сизый, фиолетовый) как слива*, *нос сливой*. Вместе с тем в русском языке образ сливы имеет и мелиоративное значение при описании больших, чёрных, блестящих глаз (наряду с образом вишни): *глаза как сливы*.

Отвлекаясь от мира природы, можно также обнаружить много примеров различий культурноконнотативного плана у лексем, общих для двух славянских языков. С древнего периода известен славянским языкам номинант *отрок* (‘мальчик-подросток’), который в русском языке послужил основой для названия возрастного периода — *отрочество*, но сам стал употребляться в определённых стилистических целях с иронической коннотацией, а также в религиозном дискурсе. Встречается оно в Божественной литературе и в выражении *Божественный От-*

рок для обозначения Бога-сына в отроческом возрасте. Являясь общеславянской, лексема *отрок* в одних славянских языках (в украинском, польском, болгарском, словенском) закрепились в значении ‘ребенок, молодой человек’, в других — в значении ‘раб’, напр.: в.-луж. *wotročk* ‘работник, батрак’. Чеш. *otrok* употребляется также в его втором значении: ‘бесправный человек, находящийся во власти другого’, ‘невольник, раб’, — а также в переносном ‘раб своей страсти’ с пейоративной коннотацией.

Лексемы, репрезентирующие артефактный код в явлениях вторичной номинации, также нередко демонстрируют культурную асимметрию. Чеш. *šidlo* (‘шило’) не только денотативно отличается от рус. *шило*, т. к. помимо значения ‘колющий инструмент’ обозначает ещё и стрекозу (на основании метафорического переноса), но и во вторичной номинации стало названием непоседливого, слишком подвижного ребёнка (то же, что рус. *юла*). Чеш. *trouba* различается с его коррелятом в русском языке *труба* тем, что может служить обозначением олуха, болвана, тупицы. Вместе с тем рус. *труба* символизирует безнадёжное дело, что представлено выражением *его дело — труба*, несвойственным чешскому языку.

Общие заимствования чеш. *špunt* и рус. *шпунт* имеют различия не только денотативного плана: в чешском языке это слово значит ‘затычка, пробка’, а в русском — ‘продольный выступ в кромке доски для соединения с пазом соседней доски’. Чешский коррелят *špunt* переносно номинирует маленького ребенка, карапуза (хотя встречается и в русском языке близкое употребление этого слова: в книге детского писателя Н. Носова о Незнайке есть имена малышей *Винтик* и *Шпунтик*).

Необходимо заметить, что факты различий культурноконнотативного плана не лежат на поверхности сравниваемых языков, не отражаются большинством двуязычных словарей, с трудом поддаются выявлению и инвентаризации, т. к. нередко оказываются глубоко скрытыми в сознании того или иного народа и обнаруживаются только в речевой стихии. Языковые явления, отмеченные специфической культурной коннотацией, безусловно, должны быть отражены в словарях, в том числе словарях межъязыковых омонимов, т. к. различия культурологического характера у явлений вторичного семиозиса в славянских языках имеют не только теоретическое, но и практическое значение, при переводе с одного языка на другой, в преподавании инославянского языка и культуры. Включение подобных фактов в словарь межъязыковых омонимов должно сопровождаться соответствующими пометами: «культ.» и «полож.» / «отриц.» (наряду с пометами «денот.», «синтагм.», «стил.», обозначающими денотативную, синтагматическую, стилистическую дифференциацию межъязыковых омонимов), отражающими суть расхождения межъязыковых лексических корреляций, а также иллюстрациями в виде микроконтекста или фраземы.

Анализ фактов вторичной номинации, представленных общими лексемами в двух славянских языках, даёт основание утверждать, что, с одной стороны, они отличаются универсализмом, выражающимся в действии одинаковых моделей, универсальных культурных кодов, в общих ментальных основаниях переноса наименования, с другой — нередко несут на себе печать этнокультурной специфики, ведут к культурноконнотативной асимметрии. Билингвальное сравнение и описание подобных языковых явлений имеет большое лингводидактическое

значение, нацеливая на то, что, занимаясь изучением другого славянского языка, необходимо оценивать его с точки зрения иной лингвокультуры, несмотря на языковое родство и общность значений многих первичных номинаций, чему будет способствовать их лексикографическая репрезентация.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф.* «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 344 с.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. — 228 с.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. — М.: АСТ, 2005. — 928 с.
- Мокиенко В. М.* Словарь сравнений русского языка. — СПб.: Норит 2003. — 608 с.
- Velky česko-rusky slovník (Za ved. L. Kopeckého, J. Filipce a O. Lesky).* — Voznice: Leda, 2005. — 1407 с.
- Česko-německý frazeologický a idiomatický slovník.* — Olomouc: Fin publishing, 1999. — 603 с.
- Klégr A.* Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frázisouznačných, blízkých a příbuzných. — Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2007. — 1189 s.
- Mokienko V., Wurm A.* Česko-ruský frazeologický slovník. — Olomouc: Nakl. Olomouc s.r.o., 2002. — 659 с.
- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost.* — Praha: Akademia, 2003. — 647 с.

ETHNO-CULTURAL DIFFERENCES OF SLAVONIC COMMON LEXEMES AND THEIR REPRESENTATION IN THE DICTIONARY OF INTERLINGUISTIC HOMONYMS

Ye. M. Markova

The article touches upon connotative asymmetry of Slavonic common lexical fund. Using common Russian and Czech lexemes as an example the author considers ethno-cultural specific character of secondary nomination as a variety of semantic plane distinctive features and raises the question as to the necessity of including suchlike variants into a dictionary of interlinguistic homonyms.

Key words: secondary nomination, connotations, ethno-cultural peculiarities.

© 2011

И. Ю. Мироненко

СМЕРТНЫЙ УЗЕЛ: МАТЕРИАЛЫ К ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Статья посвящена характеристике принципов описания в этнолингвистическом словаре такого семиотически значимого для традиционной культуры донских казаков понятия, как «смертный узел». На основе текстов, записанных в этнолингвистических экспедициях, автор не только анализирует актуальные для данного культурного термина признаки, но и выявляет его локальную специфику. В результате определяется структура статьи для культурных терминов подобного рода, включающая семантическую и символическую характеристики понятия, сферу функционирования, вторичное ритуальное функционирование предмета.

Ключевые слова: традиционная культура, этнолингвистический словарь, донское казачество, культурный термин, «смертный узел».

Исследования культуры донского казачества и знания о ней показали необходимость создания этнолингвистического словаря донского казачества. Словарь поможет обобщить и систематизировать культурно-языковое наследие субэтноса. Статьи словаря подробно описывают значимые для традиционной культуры донских казаков понятия с учётом их культурной специфики и локальной вариативности (подробнее о принципах и задачах этнолингвистического словаря донского казачества см. [Власкина, Архипенко, Власкина 2009]). Цель данного исследования — представить материалы для словарной статьи «Смертный узел».

Нами был определён план словарной статьи, включающий семантическую и символическую характеристики понятия; характеристику сферы функционирования, т. е. перечень основных обрядовых ситуаций, в которых употребляется данный предмет, и самих совершаемых с ним действий; описание вторичного ритуального функционирования предмета.

Смертный узел — заранее приготовленная и хранящаяся в узле одежда «на смерть», в которую обряжали покойного перед укладыванием в гроб [Толковый словарь [http](http://)]. Все предметы одежды смертного узла, атрибуты отграничиваются от будничной одежды, становясь отдельной реальией и приобретая знаковые характеристики.

Об этом говорит и этимология лексемы *узел*, восходящей к праславянскому *VQZLŦ [Фасмер, 4, 1987: 154], т. е. то, что завязано, отделено, отграничено. В славянской мифологии *узел* является знаком остановки, закрепления и овладения чем-л., выступает в роли предметного символа, который обладает многозначностью и встречается в различных сферах духовной культуры [Агапкина, Белова 2002: 472–473].

Традиционная картина мира донских казаков представляет собой культурную систему, при которой сохраняются принципы древнего знания об устройстве и судьбах мира. Выражать содержание традиционной картины мира помогают

Мироненко Инна Юрьевна — старший лаборант кафедры отечественной литературы XX века Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: i.miroscha@mail.ru

особые знаки, которые наделены дополнительной культурной семантикой, то есть получают особую «культурную отмеченность» в верованиях и представлениях. Они складываются в иерархически организованную систему культурных кодов, т. е. «вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого к картине мира, к мировоззрению данного социума» [Виноградова, Толстая 1993: 7].

Вещи как часть ритуального пространства характеризуются среди прочего тем, что они способны «объективировать, представлять в осязаемой, видимой форме <...> идеи, которые не имеют физической субстанции» [Виноградова, Толстая 1993: 32].

Одежда — наиболее семиотизированная подсистема предметного кода культуры, наделённая широким кругом значений и функций. Для культурного кода одежды характерна избирательность (не все предметы и детали одежды получают культурное значение) и различная культурная нагруженность разных предметов одежды. Так, знаковые функции одежды обеспечиваются набором её формальных признаков, из которых в отдельных локальных традициях семантической нагруженностью обладают не все. К культурно релевантным признакам относятся: 1) само наличие — отсутствие одежды; 2) состав предметов; 3) материал и его обработка; 4) цвет; 5) покррой; 6) размер; 7) способ ношения; 8) способ изготовления; 9) принадлежность и предназначение одежды; 10) новизна [Толстая, 3, 2004: 523–524].

Данная статья построена на основе текстов, записанных автором в этнолингвистических экспедициях в Ростовскую и Волгоградскую область от коренных жителей старшего поколения; сбор материала проводится по составленной автором программе «Представления об одежде в духовной культуре донских казаков». Также были использованы материалы архива кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ¹.

Основным контекстом символического функционирования вещей является ритуал. Преобразование «вещь — символ» происходит с учётом их внешних характеристик: формы, материала, цвета и др.

В большинстве случаев в состав смертного узла не входила особенная обрядовая одежда, а использовался набор повседневной одежды, наделённый особыми характеристиками, за исключением старообрядческой традиции на Дону. В связи с этим, выделяется два состава смертного узла: 1) собственно православный и 2) старообрядческий.

Состав православного смертного узла: платье, юбка, чулки, тапочки, платок — у женщин, у мужчин — брюки, рубашка или костюм. *«И начали иво там купать. А мне гаварять: «Иди там ф шыфанери или ф сундуках там у ниво есть узил-та, ф чем класть, ну узил на смерть фсем завязывают». И у мене, и у другова — у фсех. Там же фсё кладут: и рубашку, и платье, и юпку, и платок, и крестик — фсё. Иконку, фсё кладёшь ф платок завязываешь. Вот он у мене ф шифанери сколько лет. Вот я там, зафтра памерла, чё класть? Где чё брать?»*

¹ Тексты приводятся в упрощённой орфографической записи, курсивом передается речь информатора, в круглых скобках реплики собирателя. После текстов указывается место записи (область, район, населенный пункт) и место хранения (ПМА — полевые материалы автора; ПМФЭЭЮФУ — полевые материалы фольклорно-этнолингвистической экспедиции ЮФУ).

Узел развизали — там фсё есть. И чулки, и туфли» (полевые материалы автора [далее ПМА], Ростовская обл. [далее РО], Верхнедонской р-н, ст. Казанская).

Одежда наделялась особыми знаковыми характеристиками: 1) **новизна** — основной признак, на основе которого происходит семиотизация обыденной одежды: «*нагатавливали няношыная, чистинькая, новянькая*», «*ну раньшы да и счас новинькая фсё адивали*»; 2) **способ приготовления** — одежда готовится заранее и по всем правилам, соответствующим живому человеку. В случае неправильного (упрощённого) способа изготовления одежды, лишь имитирующего одежду живого человека (отсутствие пуговиц, крючков и т. п.), покойник жалуется, что её нельзя носить: «*Приготовила плате, сарочку уже лет пять приготовила, чулки, тапочки, платок и вот сама себе нидавно думаю. Начнушка мне будит ни гожа. Мала будит. Нада другую шишить*» (ПМА, Волгоградская обл. [далее ВО], Калачевский р-н, ст. Пятиизбянская), «*У нас плимьяница пахаранила бабушку, а у дивревни принята у юпки, у блуски. Гаварить: «Дочичка ну я юпку у руках нашу!» — ни ей шили, а ни пугавачки, ни замка, ни крючочка ничиво — я вот юпку у руках нашу. Эта же нада приснилась*» (полевые материалы фольклорно-этнолингвистической экспедиции ЮФУ [далее ПМФЭЭЮФУ], РО, Азовский р-н, ст. Елизаветинская); 3) **цвет** — одежда может иметь половозрастные различия по цвету: «*стариньким тёмная гатовать, а маладым как пасветлей чё-нибуть стараюца адеть*» (ПМФЭЭЮФУ, РО, Боковский р-н, х. Грачёв).

Состав смертной одежды зависел от возраста и семейного статуса, в связи с этим происходит изменение в обрядовой одежде незамужних девушек: «*В какую одежду одевают умершую молодую девушку? Если девушка маладая не вышла замуж, винец надивають на ней, платя там белая, галубоя, ну как нивесту адивають; Хоть замужняя, хоть низамужняя, у нас такой абычай: если маладая умирайт, например девачка, даже винок адивають нивесты и хватау. А женицини абизательно платочик*» (ПМФЭЭЮФУ, РО, Боковский р-н, х. Грачёв). Это общеславянская черта, отражающая типологическое родство свадебного и похоронного обрядов как обрядов перехода из одного состояния в другое.

В погребально-поминальном обряде «каждый акт имеет целью обеспечить потребности умерших родственников и всех покойников в целом, чтобы тем самым уберечь живых от грозящих им неприятностей со стороны загробного мира» [Толстая 2000: 14]. Уже при похоронах умерший снабжается необходимой одеждой, в которой ему предстоит пребывать на «том» свете. И здесь мы видим, что по представлениям людей мир «этот» тождествен «тому», т. к. человеку надевают новую одежду с той целью, что там ему придется в ней ходить. Иногда умерший снабжается деньгами и другими нужными ему предметами (старика — тростью, курившие — трубкой и табаком, дети — пелёнками и игрушками и т. д.).

Смертный узел старообрядческого населения имеет особый вид: он включает похоронную обрядовую одежду, отличающуюся по покрою, способу изготовления, цвету — саван (специальный вид одежды, который шился руками из белого материала красной ниткой и состоял из двух частей). Это отражает и особые представления этой части населения Дона о смерти, поскольку одежда отличается от повседневной, не различается по половому признаку.

Традиция хоронить в саване устойчиво сохраняется у казаков-некрасовцев, помимо этого, умершего предварительно облачают в традиционную одежду.

Смертный узел казаков-некрасовцев отличается сложностью состава. Можно выделить две группы вещей: 1) одежда для умершего и необходимые атрибуты; 2) вещи, предназначенные для ритуальной раздачи. В первую группу входит одежда, надеваемая непосредственно на тело (чулки, рубаха, завеска, связка, платок уруменский) и саван. Необходимые атрибуты — красный пояс, крест нательный на красной нитке, лестовка, покрывало. Вещи, предназначенные для ритуальной раздачи — в основном платки.

Так, для погребальной одежды староверов становятся значимыми следующие характеристики: **состав одежды** — традиционный костюм и особая по виду обрядовая одежда (саван). Её особый статус подчеркивается монофункциональностью, т. е. использованием только в качестве похоронной; **новизна**; **цвет** — актуализируются два цвета — красный и белый: саван шьется из белого материала, белые носки / гольфы; при изготовлении савана используются красные нитки, подпоясывают красным поясом и на красную нитку надевают нательный крест; **материал и его обработка** — изготовление похоронной одежды руками при помощи особого шва, рубаха шьется из одного цвета ткани (ср. будничная или праздничная рубаха в традиционном костюме казачки-некрасовки), за исключением рукавов.

Различный состав одежды подтверждает наличие двух разновидностей похоронного обряда на Дону, обусловленных различиями в картинах мира, в частности представлениях о загробной жизни: 1) **новизна** становится основным признаком, на основе которого происходит семиотизация обыденной одежды; по этому признаку она противопоставляется бытовой одежде и отражает новый статус умершего; 2) **материал и его обработка** — признак, который ушел на периферию верований и фиксируется лишь в небольшом количестве текстов: изготовление похоронной одежды руками при помощи особого шва противопоставляет её повседневной одежде; 3) **цвет** участвует в разграничении возрастного статуса; 4) **способ приготовления** — похоронная одежда готовится заранее, что также придаёт ей особый семиотический статус.

Таким образом, культурное значение термина *смертный узел* отражает основные характеристики традиционной культуры донского казачества, которая, с одной стороны, наследует архаические черты восточнославянской культуры, а с другой, — будучи переселенческой, полиэтнической, полиэтноконфессиональной и этносословной, формирует ряд отличительных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина Т. А., Белова О. В., Толстая С. М. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. — 2-е, испр. и доп. изд. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 512 с.
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Символический язык вещей. Веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Балканские чтения-II. — М.: Радикс, 1993. — С. 3–36.
- Власкина Т. Ю., Архипенко Н. А., Власкина Н. А. Этнолингвистический словарь Дона: разработка концепции и создание базы данных // ПИФК. Аналитик: тип. МГППК. — 2009. — № 2. — С. 467–470.
- Толстая С. М. Мир живых и мир мертвых: формула существования // Славяноведение. — М.: Наука, 2000. — № 6. — С. 14–20.
- Толстая С. М. Одежда // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого в 5 т. — М.: Междунар. отношения, 2004. — Т. 3 — С. 523–533.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М.: Прогресс, 1987.

Толковый словарь / Российский этнографический музей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/glossary/> (дата обращения: 7.11.2010).

“MORTAL KNOT”: MATERIAL FOR THE ETHNO-LINGUISTIC DICTIONARY OF THE DON COSSACKS

I. Yu. Mironenko

The article characterizes principles underlying ethno-linguistic dictionary presentation of a “mortal knot”, a notion that is semiotically relevant for traditional culture of the Don Cossacks. The author, on the basis of texts recorded in the course of ethno-linguistic expeditions, analyzes both features that are relevant for this cultural term and reveals its local peculiarity. The analysis has resulted in dictionary entry structure for cultural terms of the kind. Dictionary entry should contain semantic and symbolic characteristics of the notion, clues to the sphere of functioning, and to the secondary ritual functioning of the object.

Key words: traditional culture, ethno-linguistic dictionary, the Don Cossacks, cultural term, “mortal knot”.

© 2011

О. П. Бахчиева

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОНЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «УСПЕШНАЯ ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА»

В статье рассматривается понятие «лингвокультурный типаж», описываются некоторые особенности лексикона лингвокультурного типажа «Успешная деловая женщина». Особое внимание уделяется вопросам употребления инвективной и неpolitкорректной лексики.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, успешная деловая женщина, переоценка / недооценка реакции на ситуацию, неpolitкорректный, инвективная лексика.

Динамическая и функциональная антропоцентрическая парадигма закономерно сместила фокус исследовательского внимания в направлении человека, что явилось определяющим фактором в эволюционном развитии теории личности и наполнило новым содержанием само определение личности. Языковая личность выделяется на разных уровнях и может являться представителем культуры, социальной группы, микрогруппы, индивидуальности. Предметом нашего исследования является лингвокультурный типаж как проявление личности в языке

Бахчиева Ольга Петровна — старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета. E-mail: bakhcolga@yandex.ru

и культуре. Личность в нашем исследовании рассматривается на социально-культурном уровне с позиций определённого социального типа, а лингвокультурные типы определяются как обобщённые образы людей, выделяемые и узнаваемые на основании одного или нескольких признаков [Карасик 2005: 57]. Лингвокультурное моделирование любого типажа представляется невозможным без рассмотрения его лексикона. Анализ рассматриваемого явления отсылает к наблюдениям Л. П. Крысина об исключительной противоречивости любого лингвокультурного типажа [Крысин 2001]. Тем не менее, можно говорить о некоторых доминирующих характеристиках лексикона, в частности, лингвокультурного типажа «Успешная деловая женщина» (УДЖ). Рассмотрим некоторые из них.

Одной из облигаторных характеристик УДЖ является её принадлежность к меритократии — общественной группе, получающей признание в обществе благодаря высоким интеллектуальным способностям и собственным усилиям, прилагаемым для достижения целей. Эта принадлежность стала, по словам А. Г. Костецкой, в последние десятилетия единственным условием социального и финансового успеха [Костецкая 2001]. УДЖ позиционируют себя в качестве представителей элиты, особой касты и с готовностью демонстрируют свой социальный статус. Одним из способов добиться этого является специфичный лексикон. Использование некоторых «модных» или, напротив, архаичных слов, выражений, принадлежащих скорее к высокому стилю, сводится к украшательству речи. УДЖ включают в свои высказывания на бытовые темы слова и выражения типа *конфессиональная принадлежность, перманентно, культурологические аспекты, конфигурация, анабиоз, атрофия, квинтэссенция*. УДЖ стремятся проявить свои лингвокреативные способности, придать своей речи некий шарм, что проявляется, в частности, в появлении большого количества неологизмов и окказионализмов: *путинский год, олигатор («олигарх» + «аллигатор»), прачечно-укачивающий комплекс (домохозяйка), ханукальный Нью-Йорк (от праздника Ханука)*.

Однако иногда стремление продемонстрировать черты элитарности, умение витиевато выразить свои мысли отходит на второй план; сложность, изящество речи, многоплановость смысла словесных построений уступают место внешней простоте и даже грубости. В речи УДЖ встречается большое количество эмоциональных слов, среди которых предпочтение отдаётся глагольным сочетаниям с негативной оценочной коннотацией, либо изначально заложенной в их семантике, либо контекстуально-обусловленной. Отчасти это связано с тем, что инвективная лексика и фразеология в современном русском языке значительно активизировались и расширили сферы употребления. В этом случае уместно говорить о всеобщей тенденции детабуизации бранной лексики, процессах раскрепощения жаргонной лексики и фразеологии и их широкой экспансии в различных сферах деятельности. С другой стороны, использование сленга и табуированной лексики даёт возможность продемонстрировать готовность нарушить социальные нормы поведения, некоторую независимость и внутреннюю свободу, отсутствие «запретных» тем. Напр., в книге И. Хакамады «SEX в большой политике» встречаем большое количество инвективных существительных (*быдло, жрачка, сошка, поганец, сволочь, задница, лох, вискаррик*), прилагательных (*халявный, покондовее, обалденный*), наречий (*западло, офигенно*), глаголов (*рассосались, оторвалась, наколотила*).

Одной из «свежих» функций инвективной лексики для УДЖ становится «украшательство» речи, использование её как средства творческого самовыражения. Напр., *подонок-хозяин, торжествующее хабальство, бабская подстава, чак-дристунук, циничная тварь с калькулятором, хренапофизм*.

Употребление УДЖ инвективной лексики отсылает нас к временам доминирования пола, более сильного физически, — мужского. Только его представители имели право вербально подтверждать своё безусловное главенствующее положение с помощью слов, ведущих своё происхождение от древних религиозных культов, которые отправлялись именно мужчинами. Употребляя такие слова, женщина подтверждает своё право принадлежать к «кругу избранных».

Менеджеры среднего звена часто обращаются к словам и словосочетаниям периферийных пластов разговорной речи, граничащих с просторечием и жаргонной речью. В своём большинстве они образуют так называемую грубо-просторечную лексику — «нижний» разряд разговорной речи литературного языка. Это часто названия животных и производные от них: *козёл винторогий, скотина, сукин сын*. Есть слова, принадлежащие к разговорно-обиходной лексике: *коцанный, менты, кабаки, лох, паразит, чёс*. Сюда же входят слова, относящиеся к общеупотребительной и книжной лексике: номинация лиц, занимающихся антиобщественной деятельностью или совершающих проступки, противоречащие общественной морали, которые при переносно-метафорическом употреблении приобретают пейоративную, инвективированную экспрессию, а их негативная оценка усиливается при сочетании с относительным прилагательным: *бюрократический рэкет, шлюхи, шабашиники*. Интересно наблюдать метаморфозы в употреблении инвектив на пути от домохозяйки или среднестатистической служащей до УДЖ. Как правило, роль женщин, не увлечённых карьерным ростом, традиционно ограничивается обязанностями ведения домашнего хозяйства, материнством, заботой о муже, родителях, детях. Поэтому их нормированная инвективная лексика ниже по частотности и сводится к мягким инвективам, эвфемизмам, учитывающим нормы приличия, больше напоминающим детские и подростковые выражения: *застукала* ('застала за чем-то несанкционированным'), *валандаешься* ('возишься, занимаешься чем-то ненужным'), *отбрила* ('высказала нежелание общаться'), *покоцанный* ('не новый, поношенный, ветхий'), *слямзила* ('украла'). По мере карьерного роста в их копилку добавляются более грубые выражения, вплоть до тюремно-лагерной лексики (*коцнуть, мочить*) и грубые, циничные оскорбления (*засунь свой ствол себе в задницу!*).

Подобная лексика в речи УДЖ обладает ярко выраженной временной отнесённостью. Многие современные выражения типа *склеить* ('познакомиться', 'привлечь внимание представителя противоположного пола с целью дальнейшего общения'), *беспонтовый* ('непрестижный, неинтересный, низкого качества' и т. д.) могут быть совершенно непонятны представителям старшего поколения. Большой пласт среди лексики подобного типа составляют слова, обозначающие новые явления, предметы: *бэха* (автомобиль марки BMW), *мерин* (автомобиль марки Мерседес).

Отчётливо выраженная тенденция к недооценке реакции на ситуацию, которая в большей степени характерна для мужчин и женщин старше 30 лет [Костецкая 2001: 28], также может служить основанием для предположения, что УДЖ

стремится выглядеть не только по-взрослому, но и мужественно. Недооценка реакции на ситуацию проявляется, в частности, в использовании лексических единиц, употребление которых способствует намеренному снижению значимости обсуждаемого. Большой материал для наблюдения в этой области представляют высказывания И. Хакамады, подробно описывающей повседневную жизнь политической элиты: *складненький, энергичный, свой парень* (про Рогозина); *Каждый, расставаясь с президентом, уверен, что президент — душка*. Эффект усиливается благодаря использованию неопределённых и указательных местоимений, устаревших и сленговых слов: *какой-нибудь замминистра, какой-нибудь правнук Караулова, пожалуйста, зажимать важную персону в углу и грузить её <...> проблемами, на цирлах*.

На основе вышеуказанной книги можно составить своеобразный словарь уничижительных терминов: *присутственное место* ('кабинет чиновника'), *туризм за государственный счёт* ('загранкомандировки депутатов'), *кастрация* ('телемонтаж интервью политика'), *бюрократический рэкет* ('сертификация при Ельцине'), *маргинал* ('политик, впавший в немилость и сидящий за дальним от президента столиком'), а также не требующие объяснения *номенклатурная плотва, зюганыч* и т. д.

Описания неизменно сопровождаются некоторыми упоминаниями о физиологических деталях, сравнениями и подробностями, исключающими использование эвфемизмов: *потная, с красными ушами, пахло мочой, мочились грузчики, дремала под журчание мочи, пропотела сто раз*.

Недооценка реакции на ситуацию проявляется также в использовании таких слов, как *довольно, немного*: *Она была довольно умненькой, исполнительной, но не слишком инициативной, как все сотрудники средней руки* (Т. Устинова); *Что говорить, все реалити-шоу построены на довольно низменных человеческих желаниях подсмотреть в замочную скважину, подслушать, а потом посплетничать об увиденном* (Л. Ленина).

Переоценка реакции на ситуацию, тем не менее, часто встречается в ситуации ролевой игры «я маленькая незащитная девочка», практикуемой в обществе «настоящего мужчины», в прологе к становлению УДЖ, в эмоциональных, чаще ретроспективных высказываниях. В подобных случаях на фоне нейтральной лексики обращает на себя внимание обилие прилагательных и наречий, передающих высшую степень интенсивности: *потрясающий, великолепный, убийственный, удивительно, чудесно, абсолютно*. В целом, лексика, при помощи которой создаётся переоценка, может распределяться по следующим группам: а) прилагательные, обладающие позитивной интеллектуальной эмоционально-оценочной коннотацией (*вошебный, сказочный, роскошный, чудный*); б) прилагательные, несущие в себе негативный заряд (*ужасный, жуткий, дикий*); в) наречия, служащие усилителями положительного или отрицательного значения (*дико, совершенно, жутко*). Возможно увлечение употреблением превосходной степени прилагательных: *самый ледяной душ и самый чёрный кофе, самый кошмарный*.

Следует отметить, что речь УДЖ исключительно неполиткорректна, и безраздельно властвующая поведенческая и языковая идеология, проникающая в языки и культуры из западных стран, обошла стороной эту группу. Иногда речь идёт об открытом остракизме. В частности, это касается представителей этнических

меньшинств, других национальностей, по отношению к которым УДЖ не проявляют речевой тактичности и используют дискриминирующие выражения: ... *скорее всего загадочный поклонник оказывается, например, страшным и толстым азербайджанцем, ростом с сидячего кота...* (О. Робски, К. Собчак). Двдцатисемилетняя Татьяна Садовникова из романа А. В. и С. В. Литвиновых «Предмет вожделения № 1» лаконично формулирует: *Чурки подкапят*. Некоторые высказывания УДЖ могут служить гимном эстетического расизма: *Ты получишь настоящие навыки европейского светского общения — это когда скучные мужчины в твиде и их похожие на лошадей спутницы в некрасивых платьях и очень дорогих жемчугах часами обсуждают что-то невероятно занимательное, вроде последней демонстрации в защиту охоты на лис или изменения шрифта в заголовке газеты* (О. Робски, К. Собчак); *Тетка с задницей с табуретку, с жирной тройной шеей, безвкусно одетая* (И. Хакамада).

Изучение лексикона успешной деловой женщины представляет собой большой исследовательский интерес и требует дальнейшего рассмотрения для полноценного лингвокультурного моделирования этого типажа.

ЛИТЕРАТУРА

- Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград: Парадигма, 2007. — 520 с.
Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Граборова Э. В. Иная ментальность. — М.: Гнозис, 2005. — 352 с.
Костецкая А. Г. Социолингвистические характеристики речи образованной молодежи Великобритании и США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001. — 19 с.
Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1. — С. 90–106.
Ленина Л. Как сделать карьеру. — М.: Эксмо, 2006. — 208 с.
Литвинов С. В., Литвинова А. В. Предмет вожделения № 1. — М.: Эксмо, 2005. — 316 с.
Робски О., Собчак К. Замуж за миллионера, или брак высшего сорта. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 288 с.
Устинова Т. Олигарх с Большой Медведицы. — М.: Эксмо, 2008. — 139 с.
Хакамада И. SEX в большой политике. — М.: Нов. газета: Кн. клуб 36.6, 2006. — 232 с.

LEXICON CHARACTERIZING LINGUISTIC-CULTURAL TYPE “SUCCESSFUL BUSINESS LADY”

O. P. Bakhcheyeva

The article focuses upon the notion of the linguistic-cultural type and presents some specific features of Russian business ladies' lexicon. Particular emphasis has been placed on the use of abusive and politically incorrect vocabulary.

Key words: linguistic-cultural type, business lady, overestimated/underestimated response to the situation, politically incorrect, invectives.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

На основе сравнительного анализа дефиниций слов *благородство* (*gentleness*) в словарях русского и английского языков автор говорит о том, что в словарных толкованиях необходимо через лингвокультурные сведения отражать дополнительные семы, характеризующие специфичность концептуализации действительности носителями разных языков.

Ключевые слова: словарная дефиниция, сравнительный анализ, лингвокультурные сведения, сема, концептуализация действительности.

Одной из главных задач словаря является фиксация и хранение единиц национального языка. Очевидно, что словарный состав представляет собой наиболее динамичную и проницаемую сферу, которая вместе с лексико-семантической системой постоянно изменяется. Это свойство отмечал И. А. Бодуэн де Куртенэ: «Нет неподвижности в языке. В языке, как и вообще в природе, всё живет, всё движется, всё изменяется» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 348].

Вместе с тем лексико-семантическая система языка наиболее чутко реагирует на изменения, происходящие во внеязыковой действительности. Особенно важными оказываются изменения, происходящие в национальном историко-культурном контексте. Лингвисты отмечают, что все более или менее серьезные словари включают в себя отдельные факты страноведческих знаний, но делается это в основном несистематически, и что целесообразно оговаривать и комментировать хотя бы случаи расхождения соотносимых фактов культуры, но зато полно описывать эти факты (см. [Берков 1975: 418], [Иванищева 2005: 8]).

В силу этого экстралингвистические явления при включении и толковании того или иного слова не могут оставаться без внимания лексикографов. История составления словарей в разных странах опирается на национальные традиции. В данной статье предпринята попытка сопоставления словарных статей семантического поля *благородство* в русских и *gentleness* в английских словарях. В качестве материалов исследования были взяты соответствующие словарные статьи из известных русских словарей В. И. Даля, И. И. Срезневского, Д. Н. Ушакова, а также Большого Оксфордского словаря английского языка. Прежде всего, следует подчеркнуть, что исследованные лексикографические источники не являются в полной мере только толковыми.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863) В. И. Даля, во многих отношениях классическом, решающем различные лексикографические задачи, находим толкование концепта «Благородство» в словарной статье под заголовком *Благовеличие*: «Благородие ср. дворянское происхождение; всякому дворянину, независимо от заслуг или от выслуги его, а равно и всякому обер-офицеру,

Безкоровайная Галина Тиграновна — руководитель учебно-методического объединения второго высшего образования и заочного отделения Московского института иностранных языков, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и перевода Московского государственного университета печати. E-mail: begati1@yandex.ru

присвоен почёт благородия; благородство ср. качество, состояние это, дворянское происхождение; | поступки, поведение, понятие и чувства, приличные сему званию, согласные с истиною, честью и с нравственностью. Ваше благородие чёрт зародил, а нас грешных Господь спосоздал, говорят о приказных. Благородный, происходящий от дворянского рода, дворянин; обер-офицер, чиновник обер-офицерского чина; | согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный, великодушный, жертвующий своими выгодами на пользу других» [Даль [http](http://)].

Таким образом, *благородство* составляет у Даля лишь часть большой словарной статьи *Благовеличие*. Как представляется, этот факт можно объяснить иным, чем у англичан, значением концепта «Благородство» и иным местом этого понятия в языковой картине мира России в XIX в.

Обратимся к анализу других отечественных словарей, не все из которых могут быть однозначно отнесены к толковым. Напр., элементы исторического и толкового словаря могут быть найдены в «Материалах к словарю...» И. И. Срезневского. Интересно, что данная лексема и производные представлены отдельной статьёй. Известный филолог-славист И. И. Срезневский принимал самое деятельное участие и в издании академического «Опыта областного словаря» и «Дополнений» к нему. И. И. Срезневский задумал свой древнерусский словарь ещё в начале 50-х гг. XIX в. С этих пор он поручил своим ученикам составление словарей к отдельным памятникам (словари Чернышевского, Пыпина, Корелкина, Лавровского к летописям Ипатьевской, Новгородской, Лаврентьевской, Псковской). К сожалению, закончить этот труд, не было дано И. И. Срезневскому: его начинают печатать только через 10 лет после смерти, под заглавием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Срезневский сделал предварительные выборки по памятникам XI–XIV в. Концепт «Благородство» представлен у И. И. Срезневского несколькими словами: **благородивъи, благородик, благороднын, благородство**, — которые относятся к различным частям речи. Срезневский приводит немногочисленные контекстуальные примеры, которые, однако, иллюстрируют использование данных лексем в древних текстах.

В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» (1890) Н. Абрамова слово *благородство* вынесено в заголовок, поскольку представляет собой доминанту семантического ряда. Проиллюстрируем данное утверждение:

«Благородный — аристократический, именитый, родовитый, чистокровный, знатный, породистый; порядочный, добропорядочный, доблестный, возвышенный, высокий, достойный, джентльменский, рыцарский, бескорыстный, великодушный, честный. Прот. Низкий, Мещанский. Ср. Бескорыстный, Честный и Дворянин. «Он не изменит данному слову, потому что джентльмен». Салт. Высокие мысли. Чистокровный дворянин. См. аристократический, бескорыстный, знатный, порядочный» [Абрамов [http](http://)].

В словаре Д. Н. Ушакова (1935) находим словарную статью *Благородный*, в которой даны два основных значения слова: отношение к социальному статусу и наличие определённых морально-этических качеств:

«БЛАГОРОДНЫЙ, -ая, -ое; -ден, -дна, -дно. 1. *только полн. формы*. Аристократического или дворянского происхождения (дореволюц.). *Институт благородных девиц*. 2. Способный пренебречь личными интересами, высоконравственный, безукоризненно честный. *Б. поступок. Б. характер. Б. человек. Благородные ме-*

таллы — не окисляющиеся на воздухе (золото, серебро и платина). **Благородное расстояние** (разг.) — довольно далёкое расстояние. *И тихо целить в бледный лоб на благородном расстоянии.* Пушкин» [Ушаков, 1, 1935: 149].

Представлены и другие части речи с корнем *благо*, напр., глагол:

«БЛАГОРОДИТЬ, -рожу, -родишь, *несов.*, *кого-что* (книжн., редко). Облагораживать» [Там же].

Как известно, в советской лексикографической традиции словарь С. И. Ожегова представляет собой первый удачный опыт создания однотомного научного нормативного словаря. В современных изданиях этого труда нашёл отражение словарный состав русского литературного языка наших дней, довольно точно передана система современного словоупотребления:

БЛАГОРОДНЫЙ, -ая, -ое, -ден, -дна. 1. Высоконравственный, самоотверженно честный и открытый. 2. Исключительный по своим качествам, изяществу. 3. Дворянского происхождения, относящийся к дворянам (устар.). 4. Употр. в составе различных терминов для обозначения чем-н. выделяющихся разрядов, пород [Ожегов, Шведова 1999: 50].

БЛАГОРОДСТВО, -а, *ср.* 1. *см.* благородный. 2. Высокая нравственность, самоотверженность и честность. *Проявить б. в чём-н.* 3. Дворянское происхождение (устар.) [Там же].

Основное внимание в этом словаре уделено значению, не связанному со знатым происхождением.

Рассмотрим ещё один лексикографический источник — «Толковый словарь русского языка» (2000) под редакцией Т. Ф. Ефремовой. Это один из самых полных толковых словарей по объёму словника (около 160 000 словарных статей и более 253 000 семантических единиц). Он отражает лексический состав русского языка рубежа XX–XXI вв. Кроме общеупотребительной, в словарь вошла и основная терминологическая лексика, в том числе заимствованная в последние годы:

«БЛАГОРОДСТВО благородство [благородство] *ср.* 1) Отвлеч. сущ. по знач. прил.: благородный (2*3, 4). 2) устар. Знатность, дворянство»;

«БЛАГОРОДИТЬ *несов.* перех. устар. 1) Делать благородным; облагораживать» [Ефремова <http>].

Толкование имени концепта «Благородство» полностью совпадает с толкованием в словаре С. И. Ожегова.

Как видно из приведённых примеров статей, в русских источниках у слова *благородство* отмечается сема связи с происхождением человека, Однако словари не дают развёрнутых толкований, практически не приводят примеров употребления интересующих нас слов в художественных текстах.

Что же касается иных языков, то можно заметить, что концепт «Благородство» является одним из ключевых для стран Европы и Америки.

О развитии одного из ключевых понятий английской культуры писала М. Оссовская: «В 1400 г. <...> «джентльмен» значило то же самое, что «*generosus*» (благороднорожденный) и «*generosifilus*» (сын благороднорожденного), и не связывалось с принадлежностью к определённой группе. Лишь около 1414 г. в судебных реестрах это слово начинает означать определённую социальную категорию — младших сыновей, лишённых наследства в силу обычая единонаследия. Не желая, чтобы их принимали за йоменов или франклинов [свободные землевладельцы

недворянского происхождения], которых они ставили ниже себя, они именовали себя «джентльменами» [Оссовская 1987: 127–128].

В период создания “The Oxford English Dictionary” и “Roget’s Thesaurus” — в XIX в. — концепт «Благородство» актуализируется. Процессы, происходившие в обществе после буржуазной революции во Франции, вызвали изменения в социальной структуре английского общества. В понятие *благородство* стало вкладываться нечто иное: качества джентльмена могут быть воспитаны, а не только унаследованы.

О тенденции включения экстралингвистической информации, особенно в зарубежных лексикографических источниках, писали российские лингвисты, в частности, О. Н. Иванищева, В. В. Морковкин (см. [Иванищева 2005; Морковкин 1986]). В Большом Оксфордском словаре представлены лексико-семантические варианты (ЛСВ) *gentleness / nobleness*: в 14 статьях ЛСВ *noble*, в 47 — *gentle* и в 25 статьях — *lady*. Рамки статьи не позволяют представить все варианты с семами *gentle / noble* концепта «Благородство». Филологический характер данного словаря имплицитно подразумевает полисемантический характер концептов. Кроме дефиниции, в словаре дано так называемое *описание*. Американский лингвист Юджин Найда отмечает, что дефиниция — это минимум информации о предмете, в то время как описание содержит больше, чем просто значение слова [Найда 1983: 66]. Ещё одной отличительной чертой статей в “The Oxford English Dictionary” [OED 1933] является иллюстрирование примерами из различных текстов.

Обратимся к словарной статье: «Gentleness — The state, quality, or fact of being genteel; an instance of the same» ‘состояние, качество или факт знатности, пример того же самого’ (здесь и далее перевод мой — Г. Б.); «Gentle — 1. belonging to or included among the gentry; of rank above the community ‘принадлежащий к джентри, выше по рангу в обществе»; «2. Appropriate to persons of quality. Now chiefly with sarcastic implications» ‘относится к людям достойным. Сейчас используется саркастически»; «3. Having the habits characteristic of superior station; that ranks or claims to rank above the commonalty on the ground of manners or style of living» ‘имеющий привычки, которые ставят его выше обычных людей в манерах и в стиле жизни»; «4. Of persons; gentlemanly or ladylike in appearance; well-dressed (Now vulgar, exc. In depreciatory sense...)» ‘о людях, с манерами джентльмена или леди, хорошо одеты (сейчас вульгарно — в унижающем достоинство стиле)»; «5. Elegant or graceful in shape or appearance (Now only with playful or sarcastic mixture of sense)» ‘элегантный или грациозный по форме и внешности (сейчас только в игривой или саркастической манере»; «6. Comb as genteel; -like -looked, -looking, -shaped adis» ‘в словосочетаниях — похожий на джентльмена — выглядящий как джентльмен и т. п.’. Кроме указания на знатность, в словарных толкованиях с семой *gent* появляются семы, характеризующие человеческие, личные качества: джентльмена возвышают его манеры, одежда, стиль. Именно те характерные для английского общества процессы, о которых говорит М. Оссовская в своей работе, нашли своё отражение в дополнительных оттенках значений *gentleness* и *nobleness*.

Таким образом, анализ некоторых словарей русского и английского языков на примере статьи *Благородство* (*Gentleness*) в полной мере подтверждают следующее утверждение Ю. Д. Апресяна: «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражае-

мые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян 2006: 912].

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: Рус. слов., 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/b/blagor.html> (дата обращения: 05.04.2011).
- Апресян Ю.Д.* Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Яз. слав. культуры, 2006. — 912 с.
- Виноградов В.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ* // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. — М.: АН СССР, 1963. — Т. 1. — С. 6–20.
- Берков В.П.* Словарь и культура народа // Мастерство перевода. — М.: Сов. писатель, 1975. — С. 402–420.
- OED: The Oxford English Dictionary. Volume I–XII. — Oxford: At the Clarendon Press, 1933.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/dal/b/bl.html> (дата обращения: 05.04.2011).
- Ефремова:* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nashislova.ru/efremovoy2/2/?&page=17> (дата обращения: 05.04.2011).
- Иванищева О.Н.* Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2005. — 410 с.
- Морковкин В.В.* О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 102–117.
- Найда Ю.* Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. Вып. II. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962. — С. 45–71.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеолог. выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
- Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. — М.: Прогресс, 1987. — 528 с.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. — Т. 1. — 1469 с.
- Ушаков 1935:* Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: ОГИЗ, 1935. — Т. 1. — 1564 с.

DICTIONARIES AS A SOURCE OF LINGUOCULTURAL INFORMATION

G. T. Bezkorovaynaya

Comparative analysis of definitions of words *Благородство* and *Nobleness* given in English and Russian dictionaries shows that it is necessary to use linguocultural information to reflect additional semes characterizing reality conceptualization that is specific for native speakers of different languages.

Key words: Dictionary definition, comparative analysis, linguocultural information, seme, reality conceptualization.

Г. Т. Жанкидирова, К. С. Складенко, Д. С. Шантаева, А. Т. Шетиева

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Проживание в течение длительного времени на одной территории представителей разных этносов позволяет говорить о диалоге культур. В результате этого диалога возникает новая, синергичная культура, находящая отражение в языке. Вслед за Л. Н. Гумилёвым, мы рассматриваем евразийскую культуру, функционирующую на территории Казахстана. Здесь объединяются черты русской и казахской ментальности, что особенно хорошо можно проследить, наблюдая за фактами языка, вербализующими лингвокультурные концепты. Нами была предпринята попытка создания «Словаря евразийской лингвокультуры Казахстана», в который включены некоторые наиболее яркие евразийские концепты.

Ключевые слова: концепт, евразийская лингвокультура, тюркизмы в русском языке.

Каждая культура представляет собой совокупность языков, «культура — исторически сложившийся пучок семиотических систем (языков), который может складываться в единую иерархию (сверхязык), но может представлять собой и симбиоз самостоятельных систем» [Лотман 2001: 397]. Язык и культура представляют собой такие семиотические системы, знаки которых тесно связаны и взаимообусловлены. Когда культура закрепляется в знаках языка и когда эти знаки становятся «телами знаков языка культуры» (В. Н. Телия), можно говорить уже о третьей семиотической системе, то есть о лингвокультуре. Лингвокультура функционирует в определённой среде, пространстве. Лингвокультурное пространство — это географическое пространство, на котором проживают народы одной или нескольких этнических групп, говорящие на одном языке и имеющие общую культуру. Культура эта может быть древней, архаичной, возникшей вместе с формированием самого этноса, а может быть относительно новой, возникшей вследствие диалога культур народов, проживающих на одной территории.

Л. Н. Гумилёв вводит понятие «суперэтнос» — это этническая система, состоящая из нескольких этносов и противопоставляющая себя всем подобным целостностям. Одна из основных черт суперэтноса — общая ментальность, благодаря которой он предстаёт прежде всего как идейно-религиозная и культурная целостность. Ядром суперэтноса является группа этносов, возникшая в одном регионе в результате пассионарного толчка, объединённая вокруг этнической доминанты. В дальнейшем в орбиту суперэтноса могут входить народы иного генезиса [Гумилёв 1993]. Если отталкиваться от теории Л. Н. Гумилёва, народ, обитающий

Жанкидирова Гүлжан Талгатбековна — магистр иностранной филологии, старший лаборант кафедры русской филологии Казахского национального университета им. аль-Фараби.

Складенко Ксения Сергеевна — магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры Казахского национального университета им. аль-Фараби. E-mail: s_kseniya87@mail.ru

Шантаева Динара Сагимжановна — магистр филологии Казахского национального университета им. аль-Фараби.

Шетиева Асель Тлевлеевна — магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры русской филологии Казахского национального университета им. аль-Фараби.

в центре материка Евразия, вне зависимости от конкретной национальной принадлежности, является частью одного суперэтноса — евразийского. Суперэтнос этот формировался на протяжении столетий; этносы, в него входящие, имеют много общего в результате постоянного соприкосновения, общения. Идея евразийства получила широкое распространение в последние годы. В первую очередь это, конечно, связано с политическими преобразованиями. Но, рассматривая евразийское пространство как геополитическую единицу, нельзя забывать о его культурных составляющих. Народы, проживающие на территории Евразии, продолжают контактировать друг с другом, культуры их продолжают взаимообогащаться. Казахстан — многонациональная страна, и люди, проживающие в ней, за долгие годы успели перенять, сознательно или нет, традиции, привычки, модели поведения, черты ментальности друг друга. Мало того, можно говорить о том, что здесь «формируется совершенно особая форма взаимоотношений между людьми и новая ментальность» [Журавлёва 2007: 146]. Два наиболее широко представленных на территории Республики этноса — казахский и русский, и именно их взаимовлияние ощущается наиболее сильно и представлено наиболее наглядно.

Носителями двух языков и двух культур становятся обычно люди, проживающие в зонах контактов (в этом случае говорят обычно о «билингвизме» и «бикультурии»). В Казахстане наблюдается особая ситуация: при наличии разных языков казахстанцам присуща общая евразийская культура. Она сформировалась на едином социально-культурном пространстве на основе единой национальной идеи. При общении в рамках евразийской культуры коммуниканты имеют общий культурный код, морально-этические нормы, систему ценностей. Знаки евразийской культуры считаются казахстанцами автоматически, так как она не является для них чужой, для понимания которой необходима постоянная работа сознания [Уфимцева 2007: 611].

Наиболее полно культура концентрируется в концептах — «сгустках культуры в сознании человека», как образно охарактеризовал их Ю.С. Степанов. Если придерживаться определения концепта, данного С.Г. Воркачевым, то «концепт — это вербализованный культурный смысл», ведущим признаком которого становится его этнокультурная отмеченность, это особый культурный смысл, закреплённый за именем. Такое понимание концепта позволяет выделить несколько его особенностей, таких, как комплексность бытования, ментальная природа, ограниченность сознанием носителя, многомерность, условность и размытость и, что особо важно для нас, изменчивость, позволяющая в ходе жизни языкового коллектива менять актуальность концептов (интенсивность оценки) [Антология концептов 2007: 10–13]. Именно благодаря последнему признаку концепты одной культуры имеют возможность расширять границы и меняться при взаимодействии с другими культурами, появляются новые концепты, единые на всём пространстве, где различные народы проживают совместно.

Черты евразийской ментальности, характерной для казахстанцев, отражаются в лингвокультурных концептах, функционирующих в сознании жителей страны. Особенностью евразийской концептосферы является насыщенность русскоговорящих жителей Казахстана тюркизмами, репрезентирующими тот или иной концепт. Известно, что для тюркизмов в период вхождения в русский язык характерна «двойная рефлексия» — в них совмещаются видения двух картин — тюркской

и русской [Алефиренко 2002: 13]. Тюркизмы на этапе вхождения в русский язык обозначают новый для русской культуры предмет, позже он включается в круг русской культуры, используется в качестве культурной рамки, т. е. становится для лингвокультуры своим, понятным, а значит, таким, которым можно пользоваться в качестве ориентира. Приобретение заимствованными предметами жизненной ценности в евразийской лингвокультуре, их роль в жизни евразийского народа привели к тому, что обозначающие их слова были освоены и подчинились законам русской языковой системы. Но не только тюркизмы являются знаковыми для евразийской картины мира и лингвокультуры. Концепты, характерные для русской концептосферы, на территории Казахстана также имеют свои особенности. Сохраняя своё основное культурное значение, они меняют коннотации, расширяя или сужая свои границы, в соответствии с окружающими реалиями, под воздействием казахской культуры.

Мы предприняли попытку создания «Словаря евразийской лингвокультуры», в который включены концепты, вербализованные в русском языке Казахстана. Словарь имеет целью описать концепты, выражающие доминанты казахстанской национальной идеи, а также выявить формы и способы взаимодействия языка, культуры, ментальности как составляющих евразийской концептосферы. В словарь мы включили концепты *волк, степь, дом, гостеприимство* и др., в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения. Эти концепты отличаются от единиц, в которых культурные знания воплощаются в денотативном аспекте значения, напр., *джигит, тулпар, дастархан, кумыс* и др. Степень осмысления этнической принадлежности человека отчётливо просматривается при изучении концептов первой группы, которые внешне совпадают с концептами других культур, но различаются культурной семантикой, ролью в формировании взгляда на мир и системы ценностей. В концептах второй группы отражаются разные культуры — дающая (тюркская) и принимающая (русская). Тюркизмы, функционирующие в русском языке Казахстана, являются носителями национально-культурной информации, воплощённой в денотативном аспекте значения; они, будучи безэквивалентными, обычно не переводятся на другие языки. Названные ключевые слова фиксируют, творчески формируют и осмысляют базовые концепты миропредставлений евразийцев. Изучение этих ключевых концептов помогает выявить особенности национального мировосприятия, характера, культуры, истории казахстанского народа.

Словарная статья «Словаря евразийской лингвокультуры Казахстана» имеет следующую структуру: заглавное слово; лексическое значение слов, вербализующих концепт; энциклопедическая, историко-этимологическая справка; фразеологизмы, пословицы; художественные тексты; тексты СМИ (Интернет, газеты, журналы); данные ассоциативного эксперимента. Приведём фрагмент словарной статьи концепта «Юрта».

Словарные толкования (лексическое значение слова)

Юрта — переносное, конусообразной формы жилище у некоторых кочевых народов Азии и Южной Сибири [Ожегов 1984: 812]. *Юрта* — (тюрк. «место жительства, стоянка, жилище») — у народов Центральной и Средней Азии: переносное жилище, состоящее из деревянного каркаса, покрытого войлоком, с крышей конической или куполообразной формы [Крысин 1998: 845].

Энциклопедическая справка

В Казахстане был наиболее распространён так называемый кыпчакский тип юрты, отличающийся сферическим сводом. Внешний вид юрты и внутреннее убранство менялись в зависимости от её функционального назначения. Самыми крупными и наиболее роскошными были парадные юрты (*ақ-үй, ақ-орда, боз-үй*). К числу парадных сооружений относятся юрты для гостей (*қонақ-үй*) и сделанные с особым изяществом и любовью жилища молодожёнов (*отыу-үй*). Парадные юрты в среднем состояли из 18 решеток (*қанат*), а самые большие — из 30. Для сравнения: стены (*кереге*) обычной жилой юрты собирались из 6 решеток. Помимо основных, жилых юрт и парадных сооружений, существовали и другие типы сборно-разборных построек, отличающиеся простотой конструкции и внутреннего убранства, напр., военно-походные юрты. Более просторные из них назывались *аб-лайша*, а самые маленькие, составленные из трёх решёток, коротких купольных реек (*уық*) и миниатюрного верхнего круга (*шаңырақ*) именовались *жолым-үй*. Специальные юрты выделялись также под кухни и склады.

Этимологическая справка

Юрта — слово заимствовано в XVIII в. из тюркских языков, где *юрт* ‘кочевая стоянка’, ‘жилище, дом’, суффиксальное производное от *йору* ‘ходить’. Исконно *юрта* ‘хождение, кочевание’, затем — ‘кочевая стоянка’ и ‘юрта’.

ЮРТА в евразийской лингвокультуре (СМИ, художественные тексты)

Юрта — культура, Казахстан

Юрта — один из самых ярких символов казахской культуры, она символизирует историю, культуру, традиции казахского народа:

Сегодня юрта — символ казахской культуры (Вечерний Алматы, 30.11.2005);

Адвокат Жанар Алишева — горожанка, и никогда не жила в юрте, но для неё эти круглые шатры, драпированные пёстрыми тканями, символизируют стойкость казахской культуры, позволяющую ей выживать («Los Angeles Times», США, 27.08.2004, перевод: ИноСМИ);

Впервые в Америке на территории Национального парка, возле Белого дома, принимает гостей «семикрылая» белая юрта (Вечерний Алматы, 01.11.2007);

В пожелтевшей от солнца степи ютилась одинокая юрта (М. Отыншиев. Видение);

Есть конь у меня, он резв и быстр.

Как ветер, несёт он меня,

И острый клинок, и денег мешок,

И пёстрая юрта есть у меня.

(Ф. Раухвергер. Зулейка).

Юрта — жилище

В силу того, что юрта быстро и легко собирается, в ней удобно жить, она до сих пор используется казахстанцами в быту:

Около 5 тысяч жителей нашли временный приют в палатках, юртах и вагончиках (Караван, 04.04.2008);

«И в юртах мелькают красивые женские лица, Степные красавицы-казашки, вам ли трудиться?»

(И. Серикбай. Глубинка Казахстана).

Юрта — гостеприимство

Юрта — символизирует приверженность казахов традициям, жилище казаха — это всегда дом, двери которого открыты для гостей:

Гостеприимство — отличительная черта казахского народа. А главный атрибут гостеприимства — юрта (Караван, 16.11.2007);

В таких юртах под звуки домбры сегодня люди отмечают тои, юбилеи, празднуют свадьбы (Литер, 14.10.2010).

ЮРТА в сознании казахстанцев (данные ассоциативного эксперимента)

Юрта — дом:	<i>дом, круглая, белая, собирается, жилище, войлок, шанырак, кииз уй, круг.</i>
Юрта — праздник:	<i>праздник, Наурыз, кумыс, дастархан, семья, родственники, бешбармак.</i>
Юрта — Казахстан:	<i>казахи, степь, семья, пыль, Казахстан, кочевники, номады. Восток, история, предки, символ.</i>

ЛИТЕРАТУРА

- Алиференко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. — М.: Academia, 2002. — 394 с.
- Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — 512 с.
- Гумилёв Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы. — М.: Экспресс, 1993. — 542 с.
- Журавлева Е. А., Канарова Ж. Д.* Прецедентные тексты начала XXI века (на материале прессы Казахстана): монограф. / под общ. ред. Е. А. Журавлевой. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 256 с.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Рус. яз., 1998. — 848 с.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. — СПб.: «Искусство — СПб», 2001. — 704 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 20-е изд. стереотип. — М.: Рус. яз., 1984. — 750 с.
- Уфимцева Н. В.* Психоллингвистика и межкультурная коммуникация // Мир русского слова и русское слово в мире. — Sofia: Heron press, 2007. — Т. 4. Язык, сознание, личность. — С. 609–615.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF EURASIAN LINGUOCULTURAL CONCEPTS

G. T. Zhankidirova, K. S. Sklyarenko, D. S. Shantayeva, A. T. Shetiyeveva

Long sharing of the same territory by different ethnic groups suggests a dialogue between cultures, which results in a new synergetic culture that is reflected in a language. Following L. Gumilyov the author considers Eurasian culture in Kazakhstan. It integrates features of Russian and Kazakh mentalities, which come out in verbalized linguocultural concepts. An attempt was made to compile a dictionary of Kazakhstan's Eurasian linguistic culture comprising some most remarkable Eurasian concepts.

Key words: concept, Eurasian linguistic culture, Turkism in Russian.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАДИЕНТ-
КОНЦЕПТА «ДРУЖБА-МИР-ВРАЖДА» (НА МАТЕРИАЛЕ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Статья посвящена изучению лингвокультурных особенностей градиент-концепта «Дружба-мир-вражда» в русском и английском языках в сопоставительном аспекте. В работе представлена лексико-фразеологическая репрезентация градиент-концепта «Дружба-мир-вражда», отражающая отдельные концептуальные признаки изучаемого объекта. Автор делает вывод о том, что результаты исследования могут быть использованы в идеографических словарях.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, концептуальный комплекс, градиент-концепт, лексика, фразеология, дружба, мир, вражда.

Взаимосвязь языка, культуры и сознания человека отчётливо проявляется на лексико-фразеологическом уровне языка, представляя собой «зеркало народной культуры» [Шенделева 1999: 74]. Отличительные особенности конкретной лингвокультуры наиболее ярко проявляются при её непосредственном сопоставлении с другой. В данном исследовании на материале лексики и фразеологии рассматриваются три концепта — «Дружба», «Мир» и «Вражда» — в едином концептуальном комплексе (имеющем форму градуальной оппозиции), получившем наименование градиент-концепт «Дружба-мир-вражда» в русской лингвокультуре и градиент-концепт “Friendship-peace (neighbourliness, tolerance)-enmity / hostility” — в английской [Лунцова 2007: 95].

Концептуальный комплекс представляет собой больший по сравнению с отдельным концептом фрагмент национальной картины мира и требует от исследователя изучения связей внутри комплекса, т. е. изучение соотношений концептов, входящих в его состав, которое становится возможным через посредство изучения отношений между значениями в семантическом пространстве языка [Попова, Стернин 2003: 12; Шенделева 1999: 74]. Таким образом, моделирование исследуемого градиент-концепта осуществлялось на основании изучения семантических связей имён (*дружба, мир и вражда* в русском языке и *friendship, peace, neighbourliness, tolerance, enmity, hostility* в английском), составляющих имя концептуального комплекса, а также его семантического пространства, нашедшего отражение в лексике и фразеологии. Источником материала исследования послужили толковые, синонимические, антонимические, идеографические, фразеологические, идиоматические словари.

Результаты сопоставления структурно-семантических ядер градиент-концепта «Дружба-мир-вражда» и градиент-концепта “Friendship-peace (neighbourliness, tolerance)-enmity/hostility” указывают на принципиальное сходство их структурной организации: а) деление концептуального комплекса на три зоны — положительную, отрицательную и нейтральную; б) тесную связь рядом стоящих

Лунцова Ольга Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: olga-luntsova@yandex.ru

компонентов градиент-концепта (центральный компонент тесно связан с положительной зоной и соприкасается с отрицательной и одновременно отталкивается от неё, обеспечивая при этом переход от одного фланга градиент-концепта к противоположному); в) наличие функционально-семантической триады в каждом компоненте (субъект — предикат — абстрактное имя).

Отличия касаются семантического аспекта, выражающегося в языковом воплощении имени градиент-концепта, обусловленного национально-культурными особенностями каждого языка. В русском языке имя каждого компонента концептуального комплекса представлено одним словом — (+) *дружба*; (0) *мир*; (-) *вражда*, а в английском языке центральный и отрицательный компоненты представлены несколькими словами — (+) *friendship*; (0) *peace, tolerance, neighbourliness*; (-) *enmity, hostility*. Исходя из данного факта, представляется, что в русском языке проявляется принцип генерализации значения в языковом знаке, а в английском — принцип конкретизации (разумеется, в рамках изучаемого градиент-концепта).

Другое важное отличие касается семантического содержания имени субъекта дружеских отношений в русском и английском языках. По данным лексикографических источников, в русском языке было выявлено три значения слова *друг* ('близкий приятель'; 'сторонник чего-либо'; вежливое обращение), в английском — 9 ('близкий приятель'; 'сторонник чего-либо'; вежливое обращение; 'тот, кто не является врагом'; 'союзник (воен.)'; 'человек, оказывающий помощь, поддержку, покровительство'; 'знакомый'; иронично о назойливом человеке; обращение к члену парламента или к адвокату в зале суда; 'член религиозного общества'; 'человек, принадлежащий той же социальной группе, нации и т. д.'). Такое количество значений слова *friend* говорит о размытости и неопределённости стоящего за ним всеобъемлющего понятия. Русское *друг* характеризуется большей уникальностью. То же самое касается и абстрактных имен *дружба* и *friendship*.

Большое значение для английской лингвокультуры имеет прилагательное *friendly* (9 значений). Оно часто носит прескриптивный характер и определяет межличностные, межгрупповые (международные) отношения. В русском языке *дружеский, дружественный* также относятся как к межличностным, так и межгрупповым, в том числе и международным отношениям (*дружеские отношения между одноклассниками, дружественные страны, дружеская встреча двух сторон* и т. д.), но с меньшей степенью экстенсивности, чем в английском. Существительное *friendly* обозначает человека, у которого нет враждебности по отношению к другому человеку (ср. рус. *свой*).

В результате изучения лексико-семантических пространств (ЛСП) градиент-концепта «Дружба-мир-вражда» и градиент-концепта "Friendship-peace (tolerance, neighbourliness) — enmity / hostility" также были выявлены общие и отличительные черты. Напр., в организации ЛСП *дружба* и *friendship* выявлены одинаковые группы — *эмоциональный фон дружеских отношений, формы проявления дружбы*. Основные различия наблюдаются в языковой дифференциации эмоциональной сферы, в большей степени характерной для английского языка. У русского *друг* три основных синонима (*кореш, приятель, товарищ*), а у английского *friend* — 11 основных синонимов (*acquaintance, associate, buddy, chum, companion,*

comrade, confidant(e), crony, intimate, mate, pal), что обусловлено семантическим содержанием самих имён *друг* и *friend*.

Сходными семантическими признаками ЛСП центральных компонентов градиент-концепта в каждом языке — *мир, peace (tolerance, neighbourliness)* — являются следующие: *эмоциональный фон мирных отношений, союз / объединение, восстановление мира, шаг к примирению*. В русском языке определилась группа слов, отражающих признак *равенство как основа мира*, в английском — *толерантность как идеологическая установка*. Эти дополнительные признаки и составляют важные отличия сравниваемых ЛСП в русском и английском языках.

ЛСП *вражда* и *enmity / hostility* организованы по следующим одинаковым основаниям: *эмоциональный фон враждебных отношений, общая характеристика вражды как 'противостояния', формы проявления вражды, на уровне речевого контакта, на уровне физического контакта, военные действия, протест против ущемления прав, легитимная форма выражения скрытой / открытой враждебности (агрессии), вражда против этнической группы, вражда против идеологической группы, вражда полов, прекращение отношений*. Различия двух языков в рамках изучаемого градиент-концепта касаются качественного и количественного наполнения данных групп. Так, в английском языке большую объективацию получили группы *вражда полов* и *расизм*, что обусловлено национально-культурным своеобразием языка. В остальных группах наблюдается значительное сходство изучаемых лингвокультур, что свидетельствует об универсальности концепта «Вражда» как явления, присущем всему человечеству.

В результате исследования лексико-семантического пространства изучаемого градиент-концепта были смоделированы многочисленные градуальные оппозиции, отражающие его отдельные семантические и, соответственно, концептуальные признаки.

Прототипической (или *ядерной*) градуальной оппозицией градиент-концепта «Дружба-мир-вражда» в русском языке мы считаем оппозицию *свой — другой — чужой*, а в английском — *we — neighbour — they*. Все остальные градуальные оппозиции, репрезентирующие какие-либо аспекты градиент-концепта в обоих языках, являются производными. Напр., следующие оппозиции отражают категоризацию эмоциональной тональности межличностных отношений: *друг, брат, кореш — товарищ — приятель — знакомый — 'другой' — недоброжелатель, злопыхатель — недруг, неприятель, враг; friend, intimate, crony, confidant — pal, mate, buddy, chum — acquaintance — neighbour — unfriendly person — enemy*.

На основе прототипических градуальных оппозиций в русском и английском языках можно создать многочисленные оппозиции из слов разных частей речи, а также из фразеологических единиц, которые, вступая в смешанные синонимично-антонимичные группы, проявляют такое свойство фразеологии, как системность [Кунин 1996: 129]. Напр.: *дружба — přátельство — лад, согласие — размолвка — разлад — рознь, вражда; дружеский — приятельский — приветливый — незлобный — терпимый — не приветливый — недружеский — нетерпимый — враждебный; дружить — приятельствовать — ладить — уживаться — не ладить — не уживаться — враждовать; быть на дружеской / короткой ноге, водой не разольёшь, водить хлеб-соль — быть в ладу / ладах — обходить за версту, держаться в стороне — жить как кошка с собакой, на дух не переносить;*

friendship — amity — peaceful relationship — coexistence — enmity, hostility; friendly, amicable — peaceable — unhostile, indifferent — unfriendly, unamicable — inimical, hostile; be on friendly / amicable terms, be on good terms, be in good with, be on the in with — keep clear of, keep one's distance from — keep sb at a distance, keep sb at arm's length, be on bad terms, be in bad with, be at outs, be on the outs.

В английском языке нами была выявлена тонкая дифференциация эмоциональной тональности по следующим семантическим признакам: 'accord — discord', 'liking — disliking', 'close — distant relationship', 'warm — cool feelings'.

В обоих языках одними из важных семантических признаков *дружбы* являются 'помощь', 'поддержка', которые противопоставляются 'зложелательству', 'вредительству' — важным семантическим признакам *вражды*: *друг — покровитель — доброжелатель — знакомый — недоброжелатель, зложелатель — враг; friend — supporter, backer — sympathizer — favourer — well-wisher — friendly(n) — unfriendly person — adversary, antagonist — enemy, foe*. То же самое семантическое противопоставление реализуется и на фразеологическом уровне рассматриваемых языков: *прийти на помощь в трудную минуту, протянуть руку помощи, оказать поддержку, взять под своё крылышко, помочь в беде — пальцем не пошевелить, держаться в стороне — вставлять палки в колеса, подставлять ногу, ставить подножку, выбивать из седла; give help, give assistance, help a lame dog over a stile, give sb a leg up — lend sb a hand, give sb a helping hand — not to turn a hand, not to stir a finger to help — throw a spanner into the works, put a spoke in sb's wheel, take the wind out of sb's sails, queer sb's pitch*.

Другими важными показателями дружеских отношений в обоих языках являются 'радушие', а неприязненных отношений — 'отказ от общения': *оказывать радушный приём, встречать с распростёртыми объятиями — избегать общения, обходить за километр / версту — держать кого-либо на почтительном расстоянии, не подпускать близко — давать от ворот поворот, закрывать двери дома, указывать на дверь; receive sb with open arms, give sb a welcome, be at home to, have the latchstring out, keep a light in the window, put out a welcome mat, keep the door open, keep an open house — keep clear of, keep one's distance from, give a wide berth — keep/hold sb at a distance, keep sb at arm's length, turn one's back upon, not be at home to, shut the door upon*.

Большое значение для градиент-концепта «Дружба-мир-вражда» в изучаемых языках имеют такие семантические признаки, как 'согласие', 'разногласия', реализующиеся в следующих оппозициях: *рука в руку, рука об руку, по дороге, по пути, душа в душу — между двумя стульями, и вашим и нашим, на два фронта — в разрез — в штыки — на ножах; be hand and glove — be on the same wavelength, be at one with sb, see eye to eye — be in agreement — sit on the fence, keep in the middle of the road — (keep / maintain one's silence, keep one's tongue between one's teeth) — be at sixes and sevens — be at odds with sb — be hammer and tongs with sb — be at loggerheads with sb — be by the ears*.

Представленные многочисленные градуальные оппозиции, составленные на материале лексико-фразеологических средств, разумеется, не дают исчерпывающего описания градиент-концепта, а лишь позволяют увидеть некоторые концептуальные признаки изучаемого объекта, обнаруживающие, в данном случае, преимущественно общие черты. Отличительные особенности содержатся в обра-

зах некоторых фразеологических единиц, отражающих национально-культурные коннотации, напр., *водить хлеб-соль, на дух не переносить, давать от ворот поворот, take the wind out of sb's sails, not be at home to, have the latchstring out* и др.

Данное исследование, посвящённое изучению соотношения концептов на лексико-фразеологическом уровне в сопоставительном аспекте, позволяет рассматривать оппозиции *дружба-вражда* и *friendship-enmity* (традиционно считавшиеся дуальными) как градуальные, а также предлагает материал, который может найти отражение в идеографических словарях, представляющих целые концептуальные комплексы на языковом уровне с их национально-культурным своеобразием.

ЛИТЕРАТУРА

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — 2-е изд., перераб. — М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. — 381 с.

Лунцова О. М. Градиент-концепт *дружба-мир-вражда* в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): дис. ... канд. филол. наук. — Магнитогорск, 2007. — 260 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. 2-е изд., испр. — Воронеж: Истоки, 2003. — 60 с.

Шенделева Е. А. Полевая организация образной лексики и фразеологии // Фразеология в контексте культуры. — М.: Яз. рус. культуры, 1999. — С. 74–79.

LINGUO-CULTURAL FEATURES OF GRADIENT-CONCEPT “FRIENDSHIP-PEACE-ENMITY” (based on Lexicographic and Phraseographic Sources)

O. M. Luntsova

The article deals with comparative analysis of linguo-cultural peculiarities of gradient-concept “Friendship-Peace-Enmity” in Russian and English. It considers lexicographic and phraseographic representation of the gradient-concept reflecting individual conceptual features of the object under study. The author comes to the conclusion that the research results can be used in ideographic dictionaries.

Key words: concept, conceptual complex, gradient-concept, vocabulary, phraseology, friendship, peace, enmity.

© 2011

О. С. Исмагилова

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются слова народной этимологии, вошедшие в словарный состав английского и русского языков. Автор анализирует основную тенденцию народно-этимологических преобразований, которая направлена на сближение непонятных элементов языковых единиц с элементами родного языка. В работе отражена мысль о влиянии языковой системы и лингвокультурного опыта говорящего на результат народно-этимологических преобразований. Народная этимология рассматривается как важный функциональный лингвистический процесс.

Ключевые слова: народная этимология, лексикография, заимствования, семантика, языковая система.

В контексте современной лингвистической парадигмы «любой национальный язык — это не только определённая система обозначений, но и результат своеобразного отражения деятельности людей, говорящих на данном языке» [Будагов 2000: 117]. Этимологические словари и лексикографические источники предоставляют сведения о языковой деятельности носителей языка на разных этапах истории данной языковой общности. Изучение словарного состава любого языка с точки зрения семантических преобразований не обходится без обращения к народной этимологии. Вклад народной этимологии в словарный фонд английского и русского языков может показаться несущественным на фоне большого количества других слов, обогативших лексический состав этих языков. Однако слова, прошедшие народно-этимологические изменения, являются уникальным свидетельством того, как народная мысль адаптирует неясную, пустую с содержательной точки зрения форму, наполняя её новым смыслом. Народная этимология — это такой процесс переосмысления и/или трансформации носителем языка незнакомого или малопонятного слова (фразы), в том числе и слов с затемнённой мотивировкой, который позволяет перевести слово в разряд «знакомых» и установить его ошибочную семантику на основе чисто внешнего, случайного совпадения, без учёта реальных фактов его происхождения. Подвергаться переосмыслению могут как заимствования, так и слова родного языка, непонятные говорящим. Напр., такие изменения произошли с заимствованным из французского языка словом *шаромыга*. За русским существительным, выражающим негативную оценку человека, стоит любезное обращение *cher ami* — ‘дорогой друг’. В. В. Виноградов в «Истории слов» разъясняет, что с такими словами голодные французские солдаты после поражения в 1812 г. подходили к русским, прося еды [Виноградов 1999: 741]. Сочетание *cher ami* было фонетически сближено с более естественной для русского языка звуковой комбинацией, а в пределах возникших условий общения адаптированная форма слова приобрела экспрессивную окра-

Исмагилова Ольга Сергеевна — старший преподаватель кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: ismolga@mail.ru

ску и совершенно иное значение в русском языке. В английском языке народная этимология трансформировала слово *headlong* 'опрометчиво, безрассудно, безудержно'. Изначально лексема имела вид *hedling* (*hed* 'голова'). В слове выделялся суффикс *-ling* (имеющий уменьшительное значение), который, став архаичным, стал восприниматься носителями языка как непонятный «странный» элемент. В результате народно-этимологической адаптации слово обрело «современный» вид, и встало в один грамматический класс с наречиями (напр., *sidelong*, *along*). Не исключено, что часть *-long* лишь укрепила семантическую связь с движением, продвижением вперёд.

Отметим, что словарный состав исследуемых языков небогат лексемами народно-этимологического характера — «литературный язык гораздо реже принимает, а тем более сохраняет, подобного рода “слова-ошибки”, чем народная речь» [Успенский 1962: 202]. Анализ «Этимологического словаря русского языка» Г.А. Крылова, показал, что на 3000 слов приходится 23 слова, возникших в результате народной этимологии. По данным интернет-ресурса *Alphadictionary.com* [*Alphadictionary.com*] английский язык принял чуть более 70 слов такого рода. Но за каждым словом скрывается целая картина, образ, сформированный актуальным на момент создания языковым инвентарём, удовлетворяющий представлениям носителя языка и подсказанный экстралингвистическим фоном. Так, характерно переосмысление английского *ring the bell* в *рынду бей* в эпоху Петра Великого, когда бурное развитие флота естественно сопровождалось внедрением иностранных слов. Морская терминология русскими активно заимствовалась из английского и голландского языков. Ситуация употребления подсказала переделку *bell* 'колокол' в *бей*. *A ring* 'звонить' сблизился со словом *рында*. *Рындами* до Петра I именовали царских телохранителей, стоявших у трона. Звание было упразднено в конце XVII в., а само переосмысленное слово продолжило существование в русском языке благодаря народной этимологии. Английская лексема *shamefaced* 'робкий, стыдливый, застенчивый' была преобразована из *shamefast*. Имея в составе *fast* 'твёрдый, неподвижный' (как в современных английских *fasten* 'закреплять, затвердевать', *colorfast* 'невыцветающий') слово буквально означало 'застывший от стыда'. В целом значение слова не слишком изменилось, однако его внутренняя форма была переосмыслена в «выражение стыда на лице», за счёт сближения с *face* 'лицо', что, по мнению носителей языка, более адекватно передавало смысл слова.

До сих пор речь шла о результатах народного этимологизирования, зафиксированных в словарях. Немногочисленность узуальных лексем с лихвой компенсируется огромным количеством примеров народно-этимологической рефлексии над словами регулярной лексики. Это подтверждает высказанную ранее мысль о потребности носителя языка максимально чётко «чувствовать» употребляемое им слово. Напр., абсолютно понятное слово *бульон*, заимствованное от французского *bouillon* 'отвар', связывается со звукоподражательным *булькать*. Лексема *полигон* скорее ассоциируется со словом *поле*, что подкреплено образом обширного пространства. Не исключено, что со временем какие-то наиболее удачные с точки зрения носителей языка интерпретации займут своё место в лексическом фонде языка. Напр., в современном русском языке всё чаще наблюдается использование слова *даветь* вместо *довлеть* 'быть достаточным для кого-либо, удов-

летворять'. При этом исходная форма претерпевает семантические изменения под воздействием *давить*. Приведём несколько примеров употребления: 1. Заголовок статьи «Таможенная политика ЕС больше не будет *давить* над Калининградом» [Новый Калининград]; 2. Взрослые родители пытаются *давить* на взрослых детей, у которых уже есть взрослые дети [Портал Sovsemi.com [http](http://)]. Поиск *давить* в интернете выдаёт свыше 19000 статей такого словоупотребления. В английском языке наблюдается переделка *chute* 'крутой скат, жёлоб', имеющего французское происхождение в омонимичное и более знакомое с точки зрения родного языка *shoot* 'бросок, стремительный поток'. Напр.: «Cardboard is to be placed on the floor under the garbage shoot, not down the shoot or in the trash cans» [The Eggcorn Database [http](http://)]. «New Oxford American Dictionary» (2nd ed.) фиксирует *shoot* в качестве синонима *chute*. Создатель словаря «Folk Etymology, A Dictionary of Verbal Corruptions...» А. Смит Палмер отмечал: «Большое количество слов обязаны своей формой или современным значением влиянию, оказанному на них популярными заблуждениями» [Palmer 1882]. Он сделал попытку зафиксировать случаи некорректной интерпретации слов. В этом словаре, изданном в 1882 г. приводится около 17000 примеров народного этимологизирования, представляющих собой в основном окказиональные, единичные изменения слов. В настоящее время с развитием технологий у рядовых носителей языка появилась прекрасная возможность фиксировать свои наблюдения над языком в виде записей на форумах, регистрирования своих размышлений на различных лингвистических сайтах и т. п.

Функциональная природа народной этимологии обусловлена характером языковой системы. Так, одним из распространённых способов народного этимологизирования является ложное разложение языковой единицы. Приведём примеры слов, основанных на морфологическом переразложении их структуры — т. е. выделении в словах ложных семантем и морфологических элементов. В русском языке такому народно-этимологическому разложению подверглось слово *зонтик* (изначально *zondek*, где *zon* — 'солнце' и *dek* — 'защита'). В заимствовании был ошибочно выделен уменьшительный суффикс *-ик*, а само слово стало уменьшительным от вошедшей в узус формы *зонт*. В речи носителей английского языка *tenure(d)* 'срок пребывания в должности' изменяется в *ten year* 'имеющий десятилетний опыт пребывания в должности' в *ten-year professor*. В не слишком частотной лексеме *tenure(d)* выделяется более знакомая часть *ten*, а остаток слова преобразуется в омонимичную форму *year*. В целом же значение не противоречит исходному варианту в сочетании *ten-year professor*. В подобных толкованиях слов чётко прослеживается опора говорящих на языковой инвентарь. Такого рода размышления над языком мы считаем проявлением языковой рефлексии, а окказионализмы с последующими пояснениями носителей языка принимаются нами за рефлексивы. Существование данного лингвистического факта объясняется тем, что «все носители языка неизбежно рефлектируют по поводу значений тех или иных слов и фразеологизмов и тем самым выступают в позиции толкователя» [Голев]. Понятно, что в этом статусе говорящие опираются на знания о речезыковой действительности, которые являются частью наивной языковой картины мира. Поэтому неизбежно их активное воздействие как на сам язык (прежде всего на семантику слов), так и на мировоззрение в целом. Образования народно-этимологического характера являются ценным источником сведений о природе

функционирования народной этимологии как явления, имеющего лингвистическую значимость. Очевидно, что сбои при интерпретации и семантизация слов в процессе народной этимологии имплицитно и логически определены самой языковой системой. В то же время само явление народного этимологизирования выполняет системосохраняющую функцию. Толкование слов в соответствии с культурно-историческим контекстом, социальными, и не в меньшей степени индивидуальными особенностями носителей языка и перенос этих слов на почву родного языка обеспечивает сохранность и самобытность системы национального языка в целом. Подвергаясь переосмыслению в сознании носителя языка, слово перестаёт быть «незнакомым», обогащается «родными» элементами языка с соответствующим смысловым наполнением, и переходит в разряд «своих» как с точки зрения говорящих, так и в пределах языковой системы в целом. Народное этимологизирование — это не спонтанный процесс случайного обращения с лексическими единицами, а явление, имеющее системный характер и составляющее неотъемлемую часть языкового функционирования. В этом смысле лексикографические источники могут служить своеобразной летописью совместной работы языковой системы и языкового сообщества по сохранению, регулированию и развитию языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Будагов Р. А.* Язык и речь в кругозоре человека — М.: Добросвет, 2000. — 304 с.
- Виноградов В. В.* История слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: ИРЯ РАН, 1999. — 1138 с.
- Голев Н. Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v63.html> (дата обращения: 05.04.2011).
- Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. — СПб.: Виктория плюс, 2009. — 432 с.
- Новый Калининград [Электронный ресурс]. URL: www.newkaliningrad.ru/news/.../k42417.html (дата обращения: 05.04.2011).
- Портал Sovsemi.com [Электронный ресурс]. URL: <http://sovsemi.com> (дата обращения: 05.04.2011).
- Успенский Л. В.* Слово о словах. — Л.: Лениздат, 1962. — 310 с.
- Alphadictionary.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alphadictionary.com/index.shtml> (дата обращения: 06.04.2011).
- Palmer S.* Folk Etymology, A Dictionary of Verbal Corruptions or Words Perverted in Form and Meaning by False Derivation or Mistaken Analogy. — London: George Bell and Sons, 1882. — 683 p.
- The Eggcorn Database [Электронный ресурс]. URL: <http://eggcorns.lascribe.net> (дата обращения: 05.04.2011).

FOLK ETYMOLOGY IN LEXICOGRAPHIC SOURCES
(BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN)*O. S. Ismagilova*

The article deals with folk etymology registered in the English and Russian lexicographic sources. It presents the analysis of the basic tendency in folk etymological alterations whose aim is to adapt strange unnatural elements of linguistic units to native language patterns. The article shows that folk etymology interpretations are much influenced by the language system as well as by the linguo-cultural background of the speaker. Folk etymology is seen as an essential linguistic functional process.

Key words: folk etymology, lexicography, loan-words, meaning, language system.

© 2011

М. А. Карпун

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦЕЛЕБНЫХ РАСТЕНИЯХ В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА (МАТЕРИАЛЫ
К ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ)

В статье предпринимается попытка на материалах, собранных в казачьих станицах и хуторах Дона, показать особенности фрагмента донской региональной картины мира (на примере анализа представлений о растениях с целебными свойствами). Эти данные необходимы для составления этнолингвистического словаря донской традиционной культуры, ставящего целью описание картины мира донских казаков и предполагающего рассмотрение не только лексико-семантической характеристики слова (фитонима), но также круга представлений носителей диалекта о рассматриваемом предмете (растениях).

Ключевые слова: донские казаки, этнолингвистический словарь, целебные растения, традиционная культура, траволечение.

Известно, что целью этнолингвистического словаря является не только фиксация слов как лексических единиц, но и отражение того культурного содержания толкуемых элементов мира, «которое характерно для наивного <...> сознания, проявляющего себя в традиционных верованиях, мифологических представлениях, обрядовом и бытовом поведении, фольклорных текстах и т. п. <...> в совокупности эти статьи должны дать представление о традиционной “картине мира”» [Славянская мифология 2002: 5–6]. Для достижения указанной цели слово (в нашем случае фитоним) рассматривается как лексическая единица, а также как наименование комплекса представлений и знаний, связанных с ним. Это предполагает анализ мотивировочных признаков, фольклорных жанров, календарной

Карпун Мария Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: karpunmarija@rambler.ru

обрядности, ритуалов с участием описываемых реалий (целебных донских растений, их частей) и действий, производимых с ними.

Значение представлений о растениях как составной части картины мира очевидно и не нуждается в обосновании. Ввиду невозможности включить в одну статью все разновидности флоры, остановимся подробнее на представлениях, связанных в донской традиционной культуре казаков с целебными растениями.

С глубокой древности человек использовал для лечения природные материалы. «Наиболее распространёнными и характерными для народной медицины всех восточных славян были растительные средства лечения» [Этнография восточных славян 1987: 491]. Донские казаки также «всегда жили с природою; в старину лекарей было у них очень мало и то в одном только Черкаске, а потому самая необходимость заставляла их собственным опытом дознавать целительную силу растений или перенимать употребление их от Черкаского врача; многократно и в одинаковых случаях с удачею повторенные опыты решали в пользу того или другого растения, и таким образом составились у них собственные правила, которым они следуют с некоторым постоянством» (Сухоруков. Цит. по: [Проценко 1998: 262]). В.Д. Сухоруков писал об изобилии «медицинских растений» на Дону и об их «отменной доброты» лечебных свойствах: «Вообще Донской край изобилует медицинскими растениями, коих большая часть признана отменной доброты», и поэтому «здесьняя аптека может быть снабжаема совершенно достаточно весьма многими произрастениями» [Там же]. Данные обстоятельства и обусловили то, что «жители Донские любят лечить себя сами известными им травами», — отмечал он, подчёркивая, что донские казаки не только имели знания о сроках сбора лекарственных растений («некоторые жители Донские, по предрассудкам, собирают растения в день св. Симона Зилота, другие же по привычке, а может быть и зная силу их, в приличное время»), но и заготавливали их по определённым правилам: «сушат они растения на открытом воздухе, уложивши на доски против солнца, порознь цветы и ягоды, или вешая в пучках; но некоторые из них переменяют на солнце цвет, те сушат в тени» [Там же]. Известны были жителям Дона и способы наилучшего сохранения медицинских (лечебных) свойств растений: «от такого внимания к собиранию и содержанию прозябений травы и цветы имеют изрядную врачебную силу» [Там же].

Наиболее ранние и объёмные своды сведений по использованию средств растительного происхождения в народной медицине Дона содержатся и в трудах С.Ф. Номикосова, где подчёркивается, что информация о свойствах лекарственных растений, употребляемых «простым народом области», передавались «из рода в род, из поколения в поколение, распространяясь путём устных рассказов» [Власкина 2004: 63]. Трудно не согласиться с замечанием исследователя народной медицины на Дону Т.Ю. Власкиной о том, что в трудах донских историков, «несмотря на авторские пояснения, описания народной фитоаптеки обнаруживают определённую близость к русским рукописным травникам XVII–XVIII вв.» [Власкина 2004: 62].

Учёный-этнолингвист Б.Н. Проценко, изучавший культуру донских казаков более четверти века, свидетельствует: искусство траволечения представлено и в современном обиходе донских казаков («пожилые люди знают толк в травах, сами их собирают, сушат и используют по традиционным рецептам») [Процен-

ко 1998: 263]. Это подтверждается и экспедиционными полевыми материалами последних лет: «Ани — *фсе личебнии, фсе травы — фсе личебнии...*» [ПМА: Кафтанова]; «*Гваздику жёлтую (календулу, ноготки аптечные) аттапи — вот — ы ликарства*» [БТСДК 2003: 192]. Приведённые материалы отражают наиболее часто высказываемые мнения информантов об этнофитотерапии как разновидности донской народной медицины. Свидетельством того, что растения применялись донскими жителями в традиционной народной медицине, являются записанные в беседах с ними замечания: «*Раньшы травами большы личились, бабушки старинькии знали, какия травы ат чаво: бывали ат галавы, ат жалутка. Ани эти травы знали*» [ПМДЭ]; «*Бабушка мая заваривала катран*» [БТСДК 2003: 212]; «*Зорьку (шалфей) аттапливають и пьють*» [БТСДК 2003: 192].

Популярность растительных средств лечения у донских жителей нашла отражение и в языке казаков, напр., во фразеологизме *лежать в (на) траве* ('будучи на диете, лечиться травами'): «*Нужна палижать ф траве, папить йие тибе лехчи будить*»; «*Окопа песочная употребляется здешними старушками при содержании больных на диете, что известно на Дону под названием лежать на траве*» [БТСДК 2003: 260]. Ср. также: «*Лежать в траве*» ('быть на диете, лечиться настоями целебных трав') Дон., Миртов (со ссылкой на источник 1822–1832 гг.), 1929 [СРНГ 1978: 16, 330].

Знания донских казаков о медицинских свойствах растений вербально закрепились и в их названиях. Фитоним может включать наименование болезни, при лечении которой используется данное растение, напр., от золотухи — *золотуха жёлтая* 'череда трёхраздельная (*Bidens tripartita*)': «*Залатуха жолтая — эта чиряда, ад залатухи упатрибляють*» [БТСДК 2003: 191]; или *живокосец* 'водяное растение': «*Жывакосиц растёт в ваде <...> Он ат фсяво, асобинна паломанная кость срастаицца хараио ат няво*» [БТСДК 2003: 154]. От сыпей используется *чистяк* 'чистотел (*Chelidonium majus*)': «... декоктом из него обрабатывают сыпь, раны, на которые иногда прикладывают свежий сок или листья» [Проценко 1998: 316]. *Чистяк* 'димница аптекарская (*Fumaria officinalis*)' «применяется против весенних лихорадок с завалами, против сыпи» [Там же]. Эти примеры демонстрируют пересечение семантических полей, когда одним и тем же именем жители Дона могут наделять растения, входящие в разные ботанические семейства, но оказывающие одинаковое действие.

Подбор средств лечения в донской народной медицине часто бывает обусловлен общеизвестным принципом «лечения подобного подобным» (*similia similibus*), когда для лечения определённого недуга растительное лекарственное средство может подбираться «по цвету». Напр., заболевание печени (желтуху) лечат растениями с жёлтыми соцветиями; красными цветами врачуют болезни, имеющие отношение к крови; белые используют «от белей» и для остановки крови. Так, от желтухи, болезней мочевой системы применялась *золотуха жёлтая* 'череда (*Traditum slavum*)': «... в ваннах для детей от желтяницы; также употребляют внутрь при запоре мочи» [Проценко 1998: 269] (желтяница — диалектное донское — наименование заболевания печени [БТСК 2003: 153]); «Кровь — трава, употребляемая при малокровии» [Миртов 1929: 152]. Подобные наименования, известные славянам, вписывают народную медицину казаков в общую систему медицинских знаний славянского мира.

Лечебными свойствами донские казаки иногда могли наделять не только реально существующие растения, но и мифологические, сказочные. Последним приписывалась наибольшая сила воздействия на недуги и более широкий спектр применения, чем реальным. Напр., «*Лев-трава* предохраняет от всех несчастий, лечит от всех болезней, возвращает старикам молодость. *Лев-траву*, по-поверью, можно видеть только в самую тёмную ночь. Вокруг неё на значительном пространстве будет голо, а где и есть трава, то вся она приклоняется к земле. На ней два цветка: один блестит, как золото, а другой — как раскалённый уголь. Брать её нужно с особыми заклинаниями, иначе или сам умрёшь, или кто-нибудь из семьи» (цит. по: [Власкина 2004: 63]); подробнее о мифологических свойствах растений см. [Карпун 2009: 278].

Такое разделение средств лечения на реальные и волшебные объяснимо. Оно отражает представления о возможной причине болезни, являющейся следствием объективных обстоятельств или «насланных», «сделанных». При этом растения, обладающие фантастическими лечебными свойствами, способны избавлять от обоих видов недугов, быть одновременно целебными и магическими, как, напр., «*Царские очи*. Лекарственное растение от сглазу и для одоления врага» [БТСДК 2003: 565]; в то время как действия реально существующих растений направлены чаще на излечение телесных недугов.

Таким образом, лечащие с помощью трав люди, по народным представлениям, должны были обладать не только практическими знаниями, но и магическими способностями, поэтому одно и то же наименование у казаков могло обозначать и лекаря, и колдуна одновременно: *знатник* ‘знахарь, колдун’ [БТСДК 2003: 191]. Именно такие люди могли вылечить, когда медики были бессильны: «*Только старые бапки <...> а бальница ни излечивала младенскую. Када к врачам абрацаюца, гаварят: визити к бапкам. Значит действовала што-та...*» [ПМА: Губина].

На Дону женщин, знающих силу трав и занимающихся траволечением, называют *знатницами* ‘знахарками’ (подчёркивая их осведомлённость в лечении травами): «*Ни знаю, как эти святы завуть, была у нас знатница Волкава, фсе травы знала*» [БТСДК 2003: 191]; или *лякарками*, характеризуя вид деятельности, *бабками* ‘женщинами, оказывающими помощь при беременности и родах и лечащими с помощью трав, констатируя обычно зрелый возраст лечащей’: «*Пайди г бапки, ана палечить травами. Бапка у ние принимала харашо*» [БТСДК 2003: 29]. Сам процесс лечения именуется фразеологизмом, включающим название врачующего: *лечить старухами* (*старухой, бабками, бабкой*); *лечиться у знахарок* (ср. *лечить таблетками*); *Пайди г бапки, нихай палечить старухами* (Веш.); *Раньшы личили старухай — бапка, каторая личила травами разными, нашоπτывала малитвами* (Стч.); *Ат висняфки личили бапкими* (Зад.); *Хадила бапкай личить абрыф жывата* [БТСДК 2003: 263].

По направленности действия целительных свойств растений и наличию сведений об этом в донской традиционной и научной медицине, т. е. по недугам, на которые эти свойства воздействуют, реальные лекарственные растения подразделяются на подгруппы. Современные полевые материалы свидетельствуют о том, что донские жители чаще всего используют определённое растение при лечении не какой-либо одной, а, как правило, нескольких болезней: *Палынь можна ата фсиво пить* [ПМА: Яровая]. Поэтому целесообразно распределять наименования

растений по группам не столько в соответствии с их свойствами, сколько по «собственным правилам» донских жителей, которые они приобретали опытным путём в процессе своей жизнедеятельности, передавая следующему поколению.

1) Донские растения, используемые жителями Дона в качестве общелечебных: «Бузина (*Sambucus nigra*) <...> В простонародии употребляются цветы её почти без разбора во всех болезнях, как снаружи, так и внутри» (Сухоруков. Цит. по: [Проценко 1998: 262]). Общедонское наименование разновидности кактуса алоэ (*Aloe arborescens*) — *доктор* — свидетельствует о широко известном и распространённом применении его лечебных свойств: «*Доктар — ента святок называют, алоя, он такой жырнай, круглай, с калючками. Он на ликарства идёт*» [БТСДК 2003: 135]. Ср. также: *материнка, душица* ‘буквица лекарственная, мята’: «*душыца <...> иё ф чай жы — первая ат фсиво, фсиво, фсиво*» [ПМА: Раздомыхина] и т. д.

2) Донские растения, используемые в народной медицине в качестве многоцелевых (*казьмич* ‘хвойник двухполосковый, кузьмичёва трава (*Ephedra distachia*)’: «*Казьмич растёт на гаристых мистах, адним ствалом, а ат ниво атходють лесинкай листики, как у сасны. Иё пють ат лёхких, ад жылутка, ат лома кастей*» [БТСДК 2003: 204]; *серебряная колючка (калюка)*. ‘верблюжья колючка (*Alhagi gageb*)’: «*Калючка сиребриная — ликарствиная трава: ат малирии, ат ламаты, ад галавной боли*» [БТСДК 2003: 481] и т. д.).

3) Донские растения, используемые в народной медицине как узкоспециальные средства, напр., для лечения головной боли: *чернобыль* ‘полынь’ («*Нам сказали пѣпарить голуу цирнабылам. Два рас пѣпарила ана голуу, ноници палекиыла ана йей*» [Проценко 1998: 268]); *жестильник* ‘крушина (*Frangula Mill.*)’ («*Жастильник — эта жы ликарствиная дерива. Пють для ацищения жалутка*» [БТСДК 2003: 154]); *глистовник* ‘волчегодник (*Solanum dulcamara*)’ («*Глистовник был. Спицыальная трава. Пили, аттапливали, и пили, и эти глисты выхадили*» [ПМА]).

Полевые материалы свидетельствуют о том, что традиция лечения травами на Дону сохраняется в настоящее время, однако народная традиция подвергается редукции под влиянием СМИ. Растения могут использоваться для лечения какой-либо одной или нескольких болезней; одна и та же болезнь может врачеваться с помощью разных трав, что свидетельствует о разработанности народной фитотерапии, знании целебных свойств растений. Народное сознание выделяет травы, обладающие особыми свойствами, придавая им мифологический статус и окружая сказочным ореолом. Наличие отдельного слова для обозначения человека, лечащего именно травами (а не медикаментами), подтверждает важность такого рода деятельности.

Убеждение в том, что все травы являются полезными, восходит, возможно, к древнерусскому представлению [Криничная 2001: 63] о том, что болезнь — это нарушение в организме человека баланса стихий и для возвращения здоровья нужно восстановить равновесие.

Рассмотрение донских названий растений, обладающих лечебными свойствами, показало, что донское траволечение находится в рамках восточнославянской традиции. Своеобразие донского врачевания заключается в локальном наполнении того или иного компонента, в использовании для лечения болезней местных

растений, которым нередко приписываются волшебные, мистические свойства. Материалы данной работы могут быть использованы при подготовке словарных статей «Народная медицина» или «Траволечение» в «Этнолингвистическом словаре донского казачества».

ЛИТЕРАТУРА

БТСДК: Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний. — М.: Рус. слов: Астрель: АСТ, 2003. — 608 с.

Власкина Т. Ю., Архипенко Н. А., Калиничева Н. В. Мифологическая картина мира донских казаков. Народные знания донских казаков // Традиционная культура. — 2004. — № 4. — С. 54–66.

Карпун М. А. Представления о донских растениях, наделяемых мифологическими (ирреальными) свойствами в традиционной культуре донского казачества // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. — С. 278–279.

Криничная Н. А. Народные представления русских о свойствах растений // Этнографическое обозрение. — 2001. — № 4. — С. 48–62.

Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков / Тр. Сев.-Кавказ. ассоц. науч.-исслед. ин-тов. № 58. — Ростов н/Д: Ростов. н/Д тип., 1929. — Вып. 6. — 416 с.

ПМА. Зап. от Кафтановой В. Я., 1941 г. р. в х. Казачий Ерик Азовского р-на Ростовской обл.

ПМА. Зап. от Губиной А. И., 1925 г. р. в х. Кукуевском Верхнедонского р-на Ростовской обл.

ПМА. Зап. от Раздомахиной М. А., 1936 г. р. в х. Кукуевском Верхнедонского р-на Ростовской обл.

ПМА. Зап. от Яровой М. П. в ст. Казанской Верхнедонского р-на Ростовской обл.

ПМДЭ РГУ. Зап. от Колычевой А. П. в х. Тубянском Верхнедонского р-на Ростовской обл.

Проценко Б. Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. — Ростов н/Д: Ин-т массовых коммуникаций, 1998. — 322 с.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 512 с.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. — М.; Л. (СПб.): Наука, 1965–2010. — Вып. 1–42 (изд. продолжается).

Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. — М.: Просвещение, 1987. — 557 с.

MEDICINAL PLANTS KNOWLEDGE IN TRADITIONAL CULTURE OF THE DON COSSACKS (FOR ETHNO-LINGUISTIC DICTIONARY)

M. A. Karpun

This is an attempt to display peculiarities of a fragment of the Don Region world-image by the example of medicinal plants knowledge. The data, obtained during expeditions to Cossack khutors and stanitsas, can be used for compiling ethno-linguistic dictionary of the Don Cossacks,

the aim of which is to describe traditional world-image of the Don Cossacks and to consider both lexical and semantic characteristics of phytonyms, and the dialect speakers' knowledge of the subject of the study (plants).

Key words: the Don Cossacks, ethno-linguistic dictionary, medicinal plants, traditional culture, herbal therapy.

© 2011

Л. Б. Кацюба

ПАРЕМИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

В статье представлен опыт составления лингвокультурологического словаря-справочника русских паремий, который описывает паремиологическое пространство в контексте лингвокультурологии и этнопсихолингвистики. Работа продолжает практику современной фразеологии, которая использует результаты ассоциативных экспериментов и рассматривает устойчивые единицы как факт языкового сознания.

Ключевые слова: паремиография, лингвокультурологический аспект, языковое сознание.

Предпринятое нами составление лингвокультурологического словаря-справочника русских паремий представляет собой попытку описания паремиологического пространства в контексте лингвокультурологии и этнопсихолингвистики. Работы современного паремиографического направления, выполненные на стыке наук антропоцентрического вектора и паремиологии, должны продолжить «алгебраическую практику» проверки паремиологической теории составлением словаря, которая вынуждает исследователя чётко очерчивать границы изучаемого паремиологического объекта, выражая их в корректной терминологии [Мокиенко 2010: 11]. Кроме того, подобная практика составления словарей пословиц, по нашему мнению, углубляет основную цель их изучения — познание «духа народа» и расширяет границы исследования. Согласимся также с мнением С. Е. Никитиной, согласно которому «составление словаря на основе текстов одного жанра позволяет выстроить фрагмент или проекцию общей фольклорной и мифологической картины народного мировидения» [Никитина 1993: 65].

Работая над словарём, мы обратились к опыту описания психолингвистического аспекта русской фразеологии и её представления на основе результатов ассоциативного эксперимента, который известен по «Ассоциативному фразеологическому словарю русского языка». Авторам этого труда, Д. О. Добровольскому

Кацюба Лариса Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета. E-mail: larkatz@yandex.ru

и Ю. Н. Караулову, удалось на основе выборки из «Русского ассоциативного словаря» подготовить специальный выпуск, представляющий часть фразеологического фонда русского языка, активно используемого носителями в живом общении, что подчёркивает социально востребованную аксиологию приведённого материала. Подобный новый экспериментальный взгляд на фразеологию, «взгляд как бы изнутри сознания носителя языка» интересен достоверностью и психологической реалистичностью, поскольку «позволяет получить сведения о реальном модусе существования фразеологизма как факта языкового сознания, о варьирующемся операциональном облике этого модуса» [Добровольский, Караулов 1994: 106].

Сегодня случаи употребления в паремиологических словарях материалов, собранных в ходе полевой работы, не единичны. Такой подачей материала отличаются некоторые лексикографические работы лингвострановедческой и лингвокультурологической направленности [Котова 2000; Кухарева 2007; Панина 2009 и др.]. Думается, что психолингвистические исследования паремий вносят определённый вклад в теоретические разыскания по разработке их социо- и лингвокультурной аксиологии. О соответствии реалиям современной жизни и востребованности паремий говорят социолингвистические исследования, которые подтверждают, что «в реальном речевом узусе пословицы продолжают оставаться весьма актуальными составляющими живого дискурса» [Мокиенко 2010: 11].

В работе над лингвокультурологическим словарём-справочником русских паремий мы попытались совместить разные типы данных, подходы и методики, присоединившись к мнению Е. Ф. Тарасова, который считает, что «так называемые ценности и антиценности: *любовь, родина, прогресс, образование, успех, здоровье, долг, труд, семья, бедность, нужда* и т. п. могут быть описаны при помощи дефиниций в толковых, философских, психологических, социологических словарях, в литературных эссе, в статьях <...> в виде ассоциативных полей из ассоциативных словарей, при помощи семантических полей, графиков, дендрограмм, конструируемых на основе психосемантических экспериментов <...> Эти знаковые объективации смыслов речевых продуктов, создаваемых в процессе общения, должны существовать как дополняющие друг друга...» [Тарасов 2010: 8].

Национальное самосознание, включающее языковое самосознание как доминанту, формируется на основе языка. По мнению Н. В. Уфимцевой, «личность, проходя социализацию и аккультурацию в рамках определённой этнической культуры, формирует свой образ мира, производный от образа мира этой культуры, который для своего формирования, осознания и передачи другим требует, в том числе, и усвоения языка <...> Таким образом, именно в сознании личности и происходит встреча языка и культуры» [Уфимцева 2010: 190]. В сознании современных молодых людей, как показало наше исследование, образы культуры представляют собой вполне сформированное знание о социокультурных категориях, содержание которых совпадает с дефинициями словарных статей ведущих лексикографических источников.

Впервые, наряду с однотематическими корпусами паремий, в словарных статьях описаны ассоциативные поля русских паремий определённых концептосфер, что даёт возможность проникнуть в языковое сознание носителей русского языка; показаны паремии-реакции, которые позволяют сформировать особый корпус

живых, востребованных сегодня паремий, функционирующих в языковой реальности современности.

Необходимо отдельно отметить методологический аспект экспериментальной части словаря. В качестве основной методики нами был выбран метод ассоциативного исследования прецедентных феноменов, к которым, вслед за В. В. Красных, мы относим паремии. Методы ассоциативного эксперимента: свободный, направленный и другие — выступили составляющими в выяснении набора концептов в «специфических аксиологических знаках (аксиознаках)» (по Ю. А. Сорокину), в определении особенностей восприятия паремии как аксиознака, в наполнении концепта паремиологическими представлениями или восстановлении концепта из языкового паремиологического сознания. Испытуемым предлагалось несколько видов заданий-анкет, направленных на достижение поставленных задач.

Материал словаря охватывает русские паремии, включённые в сборники и словари пословиц В. И. Даля, Ю. Г. Круглова, В. П. Аникина, А. Н. Мартыновой, В. П. Жукова, В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова, В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной; дефиниции толковых словарей; лингвокультурологический и/или этнопсихолингвистический комментарий паремиологической концептосферы, а также исследовательский материал, собранный в ходе экспериментальной работы с носителями русского языка.

Структурно словарь-справочник состоит из предисловия, тематических разделов, алфавитного списка паремий, включённых в лингвокультурологические и психолингвистические комментарии и употреблённых в экспериментальной части, библиографического списка.

Дифференциация по темам осуществлялась на основе паремиологического эксперимент-тестирования, в результате которого носителям языка было предложено определить наиболее важные темы, отражённые в пословицах. По окончании экспериментальной работы были получены данные, позволившие составить тематико-идеографическую классификацию русских паремий, которая детерминирована лингвокультурным сознанием (по Н. В. Уфимцевой) современных носителей языка. Вот примеры наиболее продуктивных ответов (количественные показатели здесь и далее фиксируют процентное соотношение частотности ответов с общим количеством испытуемых, число которых превысило 600 человек, что обеспечивает достоверность полученных данных): *Труд (Трудолюбие, Труд / Лень)* — 42 %; *Добро / Зло* — 25 %; *Знание / Учение (Грамотность / Образованность, Наука)* — 23 %; *Моральные ценности* — 20 %; *Дружба (Друзья / Враги)* — 24 %; *Деньги (Богатство / Бедность)* — 19 %; *Родина (Любовь к Родине / Патриотизм)* — 18 %; *Ум / Глупость* — 18 %; *Семья (Дом / Дети)* — 16 %; *Совесть / Честь (Честность)* — 14 %; *Нравственность* — 13 %; *Правда / Ложь* — 11 %; *Жизнь / Смерть* — 11 %; *Любовь / Верность* — 10 %; *Человеческие пороки (Воровство, Пьянство, Алчность / Жадность)* — 9 %; *Бог / Вера (Религия, Судьба)* — 7 %; *Счастье (Радость) / Несчастье (Бедность, Горе)* — 5 %.

Тематические разделы в нашем словаре-справочнике отражают общечеловеческие ценности и антиценности, определённые личностные качества, такие, как совесть, честь, труд, семья, родина, добро и зло, правда и ложь и др., несмотря на социолингвистические данные, которые обрисовали этнокультурные предпочтения, продиктованные социальной дифференциацией языка и мышления. Опи-

сание подобной национально-культурной специфики тематико-идеографической классификации русских паремий может стать продолжением начатой работы.

Темы соотносятся с концептосферами и названы одиночным понятием, напр., «Родина», «Труд», «Семья». Во главе темы также может стоять лексико-семантическая оппозиция, напр., «Ум / Глупость», «Добро / Зло», «Правда / Ложь», основанная на концептуальном единстве и противопоставлении, либо некая лексико-семантическая пропозиция, выраженная несколькими лексемами (чаще всего двумя), составляющими «семиотический ряд» (по Ю.С. Степанову [Степанов 2004: 718]), напр., «Терпение / Надежда», «Бог / Вера», «Счастье / Удача».

В раздел входят структурные части: дефиниция концепта; список паремий концептосферы (здесь пословицы располагаются по алфавиту); лингвокультурологический комментарий паремиологической концептосферы; ассоциативное поле паремий концептосферы, где в пункте 1 названы паремии-стимулы, а в пункте 2 — ассоциации на заданные стимулы, составляющие ассоциативное поле; психолингвистический комментарий паремиологической концептосферы с анализом ассоциативного поля; паремии-реакции анализируемой концептосферы, которые позволили выделить корпус единиц активного речевого запаса, отражённый в современном языковом паремиологическом сознании.

Таким образом, попытка составления лингвокультурологического словаря-справочника «Русские паремии» показала, что, помимо образовательных, словарь нацелен на выполнение исследовательских и общекультурных задач, к которым можно отнести следующие:

- 1) описание национально-культурной специфики русских паремий;
- 2) выявление их когнитивно-дискурсивного потенциала;
- 3) разработку системы концептосфер русских паремий на основе нетрадиционного (экспериментального, социально направленного) пути формирования корпуса паремий, воспринимаемых носителями языка как живые единицы;
- 4) решение актуальной проблемы создания тематико-идеографической классификации паремий, детерминированной лингвокультурным сознанием современных носителей языка.

Думается, что словарное описание паремий в контексте лингвокультурологии и этнопсихолингвистики лежит в русле современной паремиографической традиции и призвано служить идее развития теории о многомерном паремиологическом пространстве и языковом паремиологическом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

- Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. — М.: АСМ: Помовский и партнёры, 1994. — 116 с.
- Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. — СПб.: СПбГУ, 2000. — 358 с.
- Кухарева Е. В. Лингвострановедческий словарь арабских паремий (с лексико-фразеологическими комментариями). — М.: МГИМО-Ун-т, 2007. — 277 с.
- Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. — 2010. — № 3. — С. 6–20.
- Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. — М.: Наука, 1993. — 189 с.

Панина Л. С. Паремии как фразеографический потенциал многонационального региона (опыт словаря пословиц народов, живущих в Оренбургском крае) // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М. Г. Абрамзона. — Вып. 2 (24). — М.; Магнитогорск; Новосибирск: Аналитик: тип. МГПК, 2009. — С. 42–45.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академ. Проект, 2004. — 992 с.

Тарасов Е. Ф. Жизнь языка в культуре и социуме (вместо вступительного слова) // Жизнь языка в культуре и социуме. — М.: Эйдос, 2010. — С. 3–8.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание как перекрёсток языка и культуры // Жизнь языка в культуре и социуме: материалы конф. — М.: Эйдос, 2010. — С. 189–190.

PSYCHOLINGUISTIC AND CULTURAL LINGUISTIC ASPECTS OF PAREMIOGRAPHIC DESCRIPTION

L. B. Katsyuba

The article presents the author's experience in compiling linguocultural reference book, describing paremiological space within the context of cultural linguistics and ethno-psycholinguistics. This is a further study in the sphere of present-day phraseography that is based on results of associative experiments with due regard for set phrases as a fact of linguistic consciousness.

Key words: paremiography, linguistic and cultural aspect, language consciousness.

© 2011

Н. А. Коскина

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ В «ТОБОЛЬСКОМ ТРАВНИКЕ XVIII ВЕКА» В АСПЕКТЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Предметом исследования настоящей статьи явилась медицинская лексика, а точнее — наименования болезней, употребляемые в рукописном памятнике «Травник XVIII века», способы их образования и использования в исторических словарях. В статье сделана попытка выяснить происхождение лексем и способы их словообразования, а также дать им структурно-морфологическую и этимологическую характеристику.

Ключевые слова: памятники письменности, травники, историческая лексикография, исторические словари, названия болезней, лингвокультурология.

Коскина Наргиза Ахметовна — аспирант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: koskina_nargiza@mail.ru

В настоящее время отмечается повышение интереса исследователей к проблемам народной культуры России XVIII в. — эпохи, переломной для русского общества в целом. При изучении памятников письменности большое значение имеет решение вопроса о поиске новых источников как материала для исторических словарей. В этой связи одним из перспективных направлений является исследование рукописных памятников XVIII в., хранящихся в периферийных архивах.

Тобольск в XVIII в. был столицей огромной северо-восточной российской губернии, крупным для того времени торговым, промышленным, культурным, научным и духовным центром. Письменные источники этого периода отражают богатую духовную и культурную жизнь сибирской столицы и, как следствие, показывают становление национального русского языка на российской окраине.

Среди оригинальных рукописных жанров общерусской письменности XVI–XVIII вв. особое место занимают близкие к живому языку так называемые «естественнонаучные» тексты: зелейники, травники, врачебники, вертограды, лечебники, в которых представления о природе неразрывно связаны с повседневными проблемами человека и магическими верованиями. Их основная семантико-тематическая направленность — рецептурное врачевание народными средствами разных заболеваний человека. В целом эти тексты близки по содержанию и изложению материала к своеобразным простонародным энциклопедиям. Они отражают наивные, донаучные, но подчас глубокие обобщения и наблюдения над окружающим миром и удивительный практицизм простого русского человека рассматриваемой эпохи. В российских архивах хранится около 400 памятников этого жанра [Колесов 1987: 523]. В основном они рукописные, не переведены на современный язык и не передаются гражданицей XVIII века или графикой XIX–XX вв. Эти источники до сих пор не только мало изучены, но и практически не введены в научный оборот, не используются при работе над Словарём русского языка XVIII в.

Объектом нашего изучения является опубликованный транслитерированный текст «Тобольского травника XVIII века» [Глинкина 2004], точно передающий содержание рукописного источника, хранящегося в фондах библиотеки редкой книги при Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике (КП 1287). Текст памятника пока далёк от подлинно научной литературы и содержит научно ещё не оформленные знания о болезнях человека и способах их лечения. Основная его задача — передать знания о лечении больных в убедительной и доступной форме. Наибольший интерес для нас представляет медицинская лексика, а точнее — наименования болезней, способы образования этих наименований и отражение в исторических словарях.

Основная семантико-тематическая направленность травника — рецептурное врачевание народными средствами. Текст источника близок по содержанию к своеобразным простонародным энциклопедиям, отражающим фрагменты жизни русского человека в соответствующий период нашей истории. «Травник...» даёт богатый материал для изучения истории ряда лексико-тематических полей и складывания специальной медицинской, ботанической и фармацевтической терминологии.

В ходе исследования нами было собрано 121 наименование различных бо-

лезней человека. Изучаемый материал показывает, что в XVIII в. на Руси велась широкая медицинская практика и было известно достаточно большое количество болезней. В работе мы попытались выяснить происхождение интересующих нас наименований и способы их словообразования, а также охарактеризовать их с точки зрения структурно-морфологической и этимологической.

Современные названия болезней и лекарственных препаратов проникли в русский язык, как известно, из латинского языка. Но в тексте «Тобольского травника XVIII в.» находим лишь несколько слов иноязычного происхождения: *апо-стема* < лат. *apostema* ‘нарыв’ — ‘нарыв, гнойник, шишка, воспаление’; *епеленсия* < лат. *epilepsia* ‘падучая, эпилепсия’ — ‘эпилепсия’; *кансеръ* < лат. *cancer* ‘рак, краб; раковая опухоль’ — ‘рак’; *колера* < греч. *chole* ‘желчь’ + *rheo* ‘течь, истекать’ — ‘холера’; *плеуруг* < греч. *pleura* ‘ребро, бок’ + *itis* окончание в названиях воспалений — ‘плеврит’; *стомахово болѣзнь* < лат. *stomachus* ‘желудок’ — ‘болезнь желудка’; *фестула* < лат. *fistula* ‘нарыв, свирель, труба, трубка’ — ‘подкожная застарелая болячка, нарыв’.

Большая же часть слов-названий болезней имеют русскоязычное происхождение. Это связано, прежде всего, с тем, что активное влияние латинского языка на русский началось лишь в XVII в. с юго-западных районов Руси, а затем, в связи с возросшей ролью образования, проникло и в остальные регионы страны. Исследуемый нами текст «Травника...» неизвестного автора относится к XVIII в., но он был найден (а возможно, и написан!) на северо-востоке страны, в г. Тобольске, куда термины из латыни, несомненно, пришли позднее.

Следует отметить, что не все слова, называющие болезни, нашли отражение в словарях XVIII в. Это обусловлено тем, что наиболее крупные словари, характеризующие язык Петровской эпохи, в том числе «Словарь Академии Российской» и «Словарь русского языка XVIII века», включающие в себя богатейший материал, не всегда отражают региональные материалы.

Так, напр., не находим в словарях наименования таких недугов, как *дрожанная болезнь* ‘лихорадка’, *зубоядь* ‘зубная боль’, *шалной* ‘психически нездоровый’, *трясовица* ‘лихорадка’ и др. Слова *золотникъ* и *зимница* даны в другом значении: *золотникъ* ‘золотникова трава’ [САР, 1, 2001: 127]; *зимница* ‘зимовье’ [САР, 1, 2001: 72].

Рассмотрим включение слова *свербѣжь* (*свароба, сваробъ, сваробь*) в словарь. *Свербѣжь* — зуд, вызывающий расчёсы ... *Свербѣжь* и *короста* *лѣчить* *взять* *ликъ*; *Егда свароба на комъ, взять серы горючей и истереть мелко и смешать с укусомъ да з деревяннымъ масломъ и темъ въ вечеру спать ложась мажься* [СРЯ XI–XVII, 23, 2000: 77, 79].

В «Словаре Академии Российской» *свербеть, свербѣжь, свароба, свербячки* представлены как однородные. СВЕРБИТЬ и *Свербится, свербѣть и сверѣться*. гл. безл. Зудить. *Свербитъ тѣло, голова. Свербѣжь, жа.* по Сл. *Свербъ, ба.* с. м. *Свербота, ты.* с. ж. Зудъ. *Да поразитъ тя Господь красною дивією, и свербомъ, яко немощи тебѣ исцѣлится.* Второз. XXVIII. Стих. 27. *Засвербѣть, засвербѣло, засвербитъ*, гл. безл. Начать *свербѣть*. [САР, 5, 2005: 351].

В образовании таких слов наблюдаем общерусские тенденции. Большое количество слов создано суффиксальным способом, причём есть ряд общих суффиксов: *-ость*: *глухость* ‘глухота’, *жёлтость* ‘желтуха’, *тукость* *тѣлесная* ‘ожи-

рение', *тёмность в очах* 'катаракта', *сухость* 'чахотка, туберкулёз'; **-(е)ниј(е)**: *безгласие* 'безмолвие, молчание', *биение трясовичное* 'приступ судорог, лихорадка', *кипение крови* 'несвёртываемость крови', *прокажение* 'заболевание проказой, чумой'; *слепление* 'слепота', *смущение* 'потеря рассудка'; **-(а)ниј(е)**: *грудное разседание* 'кашель', *лунное страдание* 'лунатизм', *рвание* 'рвота', *рыгание* 'рвота', *тяжкое воздыхание* 'одышка', *чихание* 'чахотка или чиханье'; **-(е)(н)ств(о)**: *безсильство* 'бессилие'; *бешенство* 'бешенство', *горячество* 'жар'; **-от(а)**: *икота* 'икота', *пухота* 'опухоль', *свербота* 'зуд, вызывающий расчёсы'; **-ѣј(е)/-иј(е)**: *великое уныние* 'депрессия', *поветрие* 'смертельная эпидемия, мор'; **-иц**: *бородавица* 'бородавка', *дыховица* 'одышка, удушье, астма', *заушица* 'опухоль, воспаление заушной железы; свинка', *нохтоедица* 'нарыв под ногтем, у самого ногтя', *потница* 'сыпь, выступающая на теле вследствие перегревания', *трясовица* 'лихорадка'; **-ец**: *дѣтинец* (вид детского паралича с признаками эпилепсии); **-ин**: *зимница* (лихорадка), *опухлина* (опухоль), *пежины* (тёмные пятна на коже), *роспилены* (нарывы), *холерина* (холера), *хракотина* (кашель); **-ѣж**: *свербѣж* (зуд, вызывающий расчёсы); **-ик**: *волосатикъ* (слизняк; щетина).

Распространённым способом образования названий болезней является использование вместо однословного термина словосочетания, построенного по модели «прилагательное + существительное *боле(ѣ)знь* / *болячка* / *недугъ* / *немошь*», напр.: *водоточна болѣзнь* 'водянка', *волосатикова болячка* 'подкожная опухоль, язва', *горляно болезнь* 'болезнь горла', *дрожанная болезнь* 'лихорадка', *желтикова болѣзнь* 'желтуха', *зубно немошь* 'зубная болезнь', *епеленсиева болѣзнь* 'эпилепсия', в древнем языке 'обдержание'; *падучий недугъ* 'эпилепсия', *селезенно болезнь* 'заболевание селезёнки', *плючная немошь* 'заболевание лёгких', *печено болезнь* 'заболевание печени', *фестулова болячка* 'свищ, подкожная застарелая болячка'; *четверодневная трясовица* 'четырёхдневная лихорадка'.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в «Тобольском травнике XVIII в.», как и в травниках XVII в., вместо терминов использовались так называемые предтермины, т. е. специальные лексемы, употребляемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину. В качестве предтермина выступали обычно описательные обороты.

Обобщая изложенное, следует сказать, что не все слова, называющие болезни, нашли отражение в словарях XVIII в., большинство исследованных нами слов имели русскоязычное происхождение. Среди них следует выделить слова, образованные суффиксальным способом, а также отметить, что в качестве названий болезней нередко использовались описательные обороты — предтермины.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учеб. пособие — 3-е изд. — М.: Высш. шк., 1982. — 528 с.
- Выхрыстюк М. С. Междусловные семантические отношения внутри тематических групп лексики врачевания тобольского «Лечебника XVII века» // Уральские Бирюковские чтения. Из истории Южного Урала и российских регионов: сб. науч. ст. — Челябинск: ЧГПУ, 2004. — Вып. 2. — С. 314–317.

- Гринёв С.В.* Введение в терминоведение: учеб. пособие. — М.: Москов. лицей, 1993. — 309 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Флинта: Наука, 2004.
- Колесов В.В.* Из лечебников и травников. Подготовка текста, перевод и комментарии // Памятники литературы древней Руси конца XVI – нач. XVII вв. — М.: Худож. лит., 1987. — 492–527 с.
- САР:* Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. — М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2006.
- СРЯ XVIII:* Словарь русского языка XVIII в. — Л.: Наука, 1984–2009. — Вып. 1–17 (изд. продолжается).
- СРЯ XI–XVII:* Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975–2008. — Вып. 1–28 (изд. продолжается).
- Тобольский травник XVIII века / под ред. Л.А. Глинкиной. — Челябинск: ЧГПУ, 2004. — 252 с.
- Травник XVIII века (Тобольский вариант) / науч. ред. Л.А. Глинкина. — Челябинск: ЧГПУ, 2004. — 251 с.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М.: Рус. яз., 1994.

DISEASE NAMES IN “TOBOL MEDICINAL HERB BOOK OF THE 18th C.”
IN THE CONTEXT OF SLAVONIC LINGUISTIC CULTURE
AND LEXICOGRAPHY

N. A. Koskina

The article is concerned with medical vocabulary, or more precisely, with disease names occurring in the manuscript “Medicinal Herb Book of the 18th c.” It also deals with their formation, and their incorporation into historical dictionaries. This is an attempt to identify the origin of the words, their word-building patterns, and to characterize them from structural, morphological, and etymological viewpoints.

Key words: manuscripts, medicinal herb books, historical lexicography, historical dictionaries, disease names, cultural linguistics.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА*

В статье представлены лексикографические источники Забайкальского края, описана специфика лексикографического метаязыка региональных словарей: диалектных, исторического, топонимического, словарей языка забайкальских писателей. Отмечена их научная, культурно-историческая и педагогическая значимость.

Ключевые слова: региональная картина мира, забайкальская лексикография.

Исследовательский интерес к проблеме регионального существования человека и этноса послужил толчком к оформлению региональной лингвистики, которая определила поле своего исследования, реализуясь в нескольких направлениях. Она призвана решать комплекс проблем, характеризующих языковое состояние региона, его лингвоэтническую специфику.

Познанию региональности лингвокультурного пространства, проникновению в социокультурную реальность способствуют и издания лексикографического жанра. Лексикографический метаязык призван отразить лингвокультурную реальность в разных аспектах: историческом, территориальном, ономастическом, фразеологическом. Кроме того, особым источником проявления локального национально-культурного компонента в лексическом фонде языка является и региональная литература, а предметом лексикографии, естественно, художественные произведения региональных писателей.

Забайкальская лексикография представлена диалектными, историческими, топонимическим словарями, а также словарями языка забайкальских писателей. Так, «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова является фундаментальным трудом, в котором сосредоточен большой лексический и иллюстративный материал, собранный автором за 40 лет. Это один из первых крупных словарей русских диалектизмов Сибири (св. 10 тыс. слов). Он содержит большое число конкретных фактов, свидетельствующих о взаимовлиянии русского языка и языков коренных жителей Забайкалья. В нём отражена лексика практически всех групп старожиланого населения: казаков, сибиряков, семейских, карымов. Словарь отражает профессионально-бытовую (приисковых рабочих, охотников, местных рыбаков, земледельцев), этнографическую, характеризующую своеобразие природных условий Забайкалья, культурную (названия обрядов, игр, праздников) лексику. Наиболее ценной, на наш взгляд, является часть словарных материалов, касающаяся хозяйственной и духовно-культурной областей жизни коренного населения Забайкалья. Среди них много таких диалектных слов, которые в наши дни встречаются чрезвычайно редко или исчезли совсем, но их словарная фиксация

Любимова Людмила Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Читинского государственного университета. E-mail: lubimova.kl@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., контракт № 02.740.11.0591.

сация позволяет судить о лексико-семантических особенностях русских говоров старожилов Забайкалья. В настоящее время региональные исследователи работают над созданием проекта этноидеографического словаря русских говоров Забайкалья, выделяя различные логико-понятийные группы, отражающие условия жизни, материальную и духовную культуру забайкальского региона.

В другом диалектном лексикографическом источнике — «Материалах к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области» [Пашенко 1999] — представлена забайкальская диалектная фразеология. Устойчивые сочетания в данном издании подаются отдельными тематическими блоками. Так, в первый блок вошли устойчивые сочетания с общим значением «Характеристика человека» (внешний вид, характер, склонности, отношения и др.). В «Материалах...» отражены устойчивые сочетания различных типов: собственно фразеологизмы (*сесть на игреньку* — 'бездельничать'; *бабушка Кыра* — 'неприветливая ворчунья'), метафорические сочетания (*божья дуга* — 'радуга'; *заваленна новость* — 'сплетня'), терминологические сочетания (*больша дорога* — Млечный путь; *горохова баба* — мифологическое существо, обитающее на гороховом поле; *повесить килу* — вручить шуточный приз отстающему в работе; *сбить жилы (кости) с места* — повредить сустав), предложные сочетания непроницаемой структуры (*на ухнали* — 'дотла'; *под турахом* — 'на подпитии'; *на потыркушках* — 'на побегушках'), пословицы и поговорки (*Бабья грамота* — *кобылья виноходь*; *В ком пашем, в том и пляшем; ни в строи, ни на дрова, ни на гробовую досточку*). Выпускаемые «Материалы...» являются существенным дополнением к ранее опубликованным исследованиям по диалектной лингвокультуре Забайкалья и способствуют осмыслению специфики мировоззрения диалектоносителей.

Лексикографическое поле региона представлено и историческим словарём. Как известно, такого типа словарь можно считать книгой, повествующей о событиях человеческой жизни прошедших времен, о формировании культурных знаков этноса. Исторические словари фиксируют этапы познания объективного мира, регистрируют знания о различных его областях, в целом отражают определённую систему осмысления действительности. Источником регионального «Исторического словаря Восточного Забайкалья» [Любимова, Христосенко 2003] послужили скорописные архивные материалы — документы и акты делопроизводства конца XVII–XVIII вв., отражающие своеобразие жизни забайкальского региона того времени.

Материал словаря весьма информативен. В нём отражена лексика разных тематических групп: административная, социально-экономическая, военная, торговая, топонимическая, патронимическая, метрологическая, предметно-бытовая, лексика земледелия, винокурения, рыбного и пушного промыслов и др. Особо следует отметить тематическое разнообразие локальной лексики. Это названия должностных лиц (*зайсан, тайша, шуленга*), географическая лексика (*аршан, калга*), наименования продуктов питания, блюд, посуды (*арака, затуран*), одежды и обуви (*даха, малахай*), диких и домашних животных (*гунак, даганчик, гуран*), масти животных; лексика, обозначающая обычаи и предметы религиозного культа. В словарь включены слова, которые, по нашим наблюдениям, впервые вводятся в научный оборот (напр., *абалак, азарь, аргак, бузумент, валявка, ган, ганец, галида* и др.). По материалам регионального словаря можно судить и о своеобра-

зии нерчинских говоров забайкальского региона XVII–XVIII вв., и об их роли в становлении русского национального литературного языка. Кроме того, языковой материал регионального исторического словаря позволяет обратиться к осмыслению региональной картины мира определённой эпохи, разных её фрагментов. Материалы данного словаря включены в корпус общероссийского «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (2004).

В начале нового века появляются новые работы лексикографического жанра, систематизирующие региональную топонимику. Так, в «Материалах к региональному топонимическому словарю» [Жамсаранова 2005] даётся лексикографическое описание 400 орографических названий Восточного Забайкалья (названий гор, хребтов, перевалов, возвышений, утёсов и пр.) тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (напр., гг. Дабан, Зундыра, д. Дидули-на, рр. Гукша, Давенда, Ашаглей, Кыра, пос. Гонгота, хребет Жимбира и т. д.). Специфика топонимического издания заключается в его структуре. В основу создания этнорегионального идеографического словаря положена классификация топоидеограмм, выделяемых на основе семантических сфер бытия, которые с особой детализацией характеризуют свойства описываемых объектов. Материал сформирован в лексико-семантические блоки (их 16), внутри каждого из них дано описание топонимических названий разной языковой принадлежности (напр., 1-й блок — «горный хребет, цепь гор», 2-й — «перевал» и т. д.), собранных автором в процессе топонимического исследования региона и выявления микропонимов. Своеобразием данного словаря является также наличие этнолингвистического комментария к географическим названиям Восточного Забайкалья.

По мысли автора данных «Материалов...», региональный топонимический словарь демонстрирует разные аспекты жизнедеятельности региональной личности — не только языковые, но и исторические, этнографические, социо-психологические. Этноидеографическое описание топонима помогло составителю словаря обнаружить специфику менталитета автохтонного населения Забайкальского края.

На основании лингвистического изучения текстов забайкальских писателей созданы словари языка писателей: «Словарь языка забайкальского писателя Е. Е. Куренного» [Шангина 2006] и «Словарь языка забайкальского писателя А. П. Русанова» [Вавилова 2007]. Данные словари отразили особенности идиолекта, идиостиля названных писателей, лексико-фразеологический состав их художественных произведений. Богатый иллюстративный материал словарей языка писателей показывает исторический, географический и культурный фон отдельного региона, отражает понятия, связанные с жизнью забайкальского пространства, — наименования представителей животного и растительного миров, объектов материальной культуры, духовного мира забайкальцев.

Так, в состав словаря языка Е. Е. Куренного включено около 1000 лексем и св. 200 фразеологизмов и пословично-поговорочных выражений. В него вошли как общеупотребительные слова, так и разговорно-просторечные, диалектные лексические единицы, архаизмы, украинские слова, слова аборигенных языков (бурятского, эвенкийского), авторские неологизмы, фразеологизмы и пословично-поговорочные выражения, которые в текстах Е. Е. Куренного имеют особые оттенки значения (напр., *Рождённый ездить — летать не будет; Перед всеми поворачи-*

ваться — голова отлетит; Не кидай слова под ноги; заливать про Ерёмку с Кулёмкой; Житухи нам отпущено с козлячий хвост и др.).

В словаре языка писателя А. П. Русанова представлены лексико-фразеологические особенности романа «Чалдоны» и повести «Золото Желтуги». В его словник вошла разговорно-просторечная, диалектная лексика, специальная лексика старателей (*бутара, шурф, кайло* и др.), регионализмы (*баягошки, курмушка, куржак, разбалакаться*), некоторые забайкальские топонимы (*Усть-Кара, Урюм, Покровка* и др.), устойчивые выражения (*выбиться в люди; ни за понюшку табака; Старательский закон, что дышло: куда поверни, туда и вышло* и т. д.). Как отмечают рецензенты словаря, его концепция предполагала «иллюстрирование каждого зафиксированного слова фрагментом текста произведений, живой речью героя. Это позволяет проникнуть в суть их характера, ярко представить образы людей, среди которых можно встретить корыстных и бесхитростных, добрых и алчных, но все они живут по суровому закону тайги, запечатленному в точном фразеологизме: *Бойся не зверя в тайге, бойся лихого человека*» [Вавилова 2007: 19].

Словарные материалы авторской лексикографии востребованы при реализации регионального компонента филологического образования в школе и вузе.

Следующее лексикографическое издание представляет некоторые наработки в области учебной лексикографии. Это учебный словарь «Старинные русские меры» [Валикова, Любимова, Нагибина 2003], который предназначен для учащихся средних школ. В него вошла устаревшая лексика, характеризующая метрологическую терминологию.

В состав словаря включены термины, обозначающие меры длины, веса, объёма жидкости, сыпучих веществ (меры объёма), денежные единицы. Многие из них характеризуют традиционные старинные меры, которые были тесно связаны с жизнью и производственной деятельностью русского народа. Источниками для словаря, наряду с художественной и публицистической литературой, стали местные (нерчинские) рукописные деловые документы, фиксирующие функционирование метрологической лексики на территории Восточного Забайкалья в XVII–XVIII вв. Как известно, метрологическая терминология является предметом изучения разных областей знаний, поэтому словарные материалы востребованы лингвистами, математиками, историками, этнографами, всеми, кто интересуется историей отечественной культуры, познаёт традиции русской жизни.

Работа над составлением и использованием в учебном процессе отмеченных региональных словарей показала их научную, культурологическую и педагогическую значимость. Полезность подобной работы бесспорна, ибо, как показывает педагогическая действительность, обучаемые зачастую не знают социокультурных особенностей прошедших эпох своей страны, не владеют регионоведческой информацией, которая содержится в семантике языковых единиц и в иллюстративном материале словарной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Вавилова Л. Г. Словарь языка забайкальского писателя А. П. Русанова. — Чита: Читин. гос. ун-т, 2007. — 581 с.

- Жамсаранова Р. Г.* Материалы к региональному топонимическому словарю. — Вып. 1. — Чита: Поиск, 2005. — 48 с.
- Любимова Л. М., Христосенко Г. А.* Исторический словарь Восточного Забайкалья. — Чита: Читин. гос. ун-т, 2003. — 351 с.
- Пащенко В. А.* Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области: в 2 ч. — Чита: Читин. гос. ун-т, 1999.
- Старинные русские меры: учеб. словарь / сост. Е. А. Валикова, Л. М. Любимова, И. Ю. Нагибина. — Чита: ЗабГПУ, 2003. — 120 с.
- Шангина А. В.* Словарь языка забайкальского писателя Е. Е. Куренного. — Чита: Чит. гос. ун-т, 2006. — 368 с.
- Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. — М.: Наука, 1980. — 472 с.

LEXICOGRAPHIC FRAGMENT OF THE REGIONAL WORLD-IMAGE

L. M. Lyubimova

The article presents lexicographic sources of Transbaikalia, metalinguistic lexicographic peculiarities of such regional dictionaries as dialectal, historical, and toponymic. It also discusses dictionaries of Transbaikalia writers' idiolect and notes their academic, cultural, historical and educational significance.

Key words: regional world-image, Transbaikalia Lexicography.

© 2011

Я. В. Моисеева

ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ КИНЕТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СЛОВАРЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

В статье рассматриваются русские кинетические фразеологизмы, отличающиеся совмещённой омонимией значения. Приводится типология данных единиц и ставится проблема характеристики их в словаре лингвокультурологического типа.

Ключевые слова: кинетический фразеологизм, совмещённая омонимия значения, классификация, лингвокультурологический комментарий, код культуры, словарная статья.

В русском языке выделяется группа фразеологизмов, значение которых отличается совмещённой омонимией.

Такие исследователи, как Л. И. Розейзон и И. В. Абрамец, отмечают, что возможны фразеологические единицы (ФЕ), в которых переносное значение (не вы-

Моисеева Яна Викторовна — соискатель кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: yassnaya@yandex.ru

текающее из суммы планов содержания компонентов) может сосуществовать, присутствовать одновременно с его прямым значением (равным сумме планов содержания компонентов). Напр., оборот *пожимать плечами* одновременно называет соответствующий жест и в этой своей функции является свободным сочетанием слов и передаёт значение удивления, недоумения и т. п., не вытекающее из значений компонентов и поэтому являющееся фразеологическим. Таким образом, в обороте *пожимать плечами* совмещается фразеологизм со значением 'удивляться, недоумевать' и т. п. и омонимичное ему свободное словосочетание, называющее жест [Розейзон, Абрамец 1969: 54].

Исследователи рассматривают явление совмещённой омонимии в трёх группах ФЕ русского языка: жесты и мимика (*пожимать плечами*, *махнуть рукой* и т. п.); ритуальные действия (*встречать хлебом и солью* и т. п.); символические действия (*выкинуть белый флаг* и т. п.) [Розейзон, Абрамец, 1969: 54].

Объектом нашего исследования является, с одной стороны, большее количество ФЕ (за счёт включения фразеологизмов-поз, ФЕ-манер движения: *топтаться на (одном, и том же) месте*), с другой стороны, нами не рассматриваются ФЕ, не обозначающие движения, поэтому мы исключаем из сферы анализа такие единицы, как *встречать хлебом-солью*, *выкинуть белый флаг* и под. Интересующие нас единицы мы условно объединили под названием «кинетические» или «фразеологизмы с кинетическим компонентом значения» (ФЕ, обозначающие, напр., позы, тоже предполагают некий кинетический компонент, приведший к статическому состоянию).

Под кинетическими фразеологизмами русского языка понимаются «семантические дериваты» (см. [Козеренко, Крейдлина 1999: 269]) собственно жестов, мимики, поз, манеры движения; обороты, представляющие собой совмещённую омонимию, когда выражение может одновременно употребляться и в прямом, и в переносном смысле, т. е. называть существующий в культуре жест, позу и т. п. и выступать в качестве фразеологизма.

На основе собранного материала можно предложить три классификации кинетических фразеологизмов. На рис. 1 представлена первая классификация. Критерием данной классификации является характер кинетического компонента прототипа ФЕ. На основе этой классификации могут быть выделены три группы: 1) жестовые фразеологизмы (включая мимические): *вешать / повесить голову*; *махнуть рукой на кого, на что*; *разводить / развести руками*; *брать / взять за горло (за глотку) кого*; *бить себя в грудь*; *хвататься / схватиться за голову*; *делать большие (круглые) глаза*; *моргать / моргнуть глазами*; *смотреть (глядеть) сверху вниз на кого*; *закрывать / закрыть глаза на что*; *морищить нос*; 2) ФЕ-позы: *сидеть сложа руки*; *вытягиваться / вытянуться в струнку (струну)*; *держат руки по швам*; *стоять с протянутой рукой*; *стоять фертотом*; *руки в брюки (в карманы, в карманах)*; 3) ФЕ-манера движения: *топтаться на (одном, и том же) месте*, *ходить на цыпочках*.

Рис. 1

Лежащий в их основе жестовых фразеологизмов образ предполагает движения рук или их частей, а у ФЕ-мимических жестов обозначает мелкие мимические движения лица. ФЕ-манера движения характеризует перемещение (или отсутствие такового) в пространстве. Входящие в группу ФЕ-поз единицы отличаются тем, что обозначают статическое состояние как результат движений тела человека (или его частей), завершившихся к моменту речи.

На рис. 2 представлена вторая классификация кинетических фразеологизмов. Объектом этой классификации явились только ФЕ-жесты; критерием классификации послужило отношение прототипических для ФЕ жестов к реальности. В данной классификации выделяются три группы: 1) ФЕ, которые связаны с реальными жестами — *строить (делать) глазки; плевать/плюнуть (наплевать) в глаза (в лицо) кому; поманить пальцем; обеими руками ухватить, схватить за что-либо*; 2) ФЕ, связанные с фиксацией отсутствия ожидаемого (мимического) жеста, — *и (даже) бровью (глазом, ухом, носом) не ведёт (не повёл)*; 3) ФЕ, гипотетически соотносимые с (мимическим) жестом (потенциальные) — *совать нос; пальца (палец) в рот не клади; пальцем не трогать (тронуть); палец (пальцем, пальца) о палец не ударить*.

Рис. 2

На рис. 3 представлена третья классификация. Она также касается только ФЕ-жестов, но основание данной классификации иное: ФЕ рассматриваются с точки зрения их этимологии. В рамках этой классификации выделяются две группы: 1) ритуальные действия: *бить (ударять / ударить) по рукам; засучивать / засучить рукава; как рукой смахнуло (сняло); умывать / умыть руки; показывать / показать кукиши (в кармане)* и 2) фаунонимические жестовые фразеологизмы: *скалить зубы; вилять хвостом; крутить хвостом; хвост вверх (у кого-нибудь); распустить хвост; поджать хвост (опустить и т. д.) хвост; накрутить хвост*

(хвоста) кому-нибудь; *держат за хвост* (кого, что-нибудь); *трепать хвост, хвостом*; *держат хвост пистолетом*; *откинуть копыта*.

Рис. 3

Однако, несмотря на одно основание классификации, ФЕ этих двух групп требуют разного подхода при их комментировании. ФЕ-ритуальные действия требуют историко-культурного комментария, как, напр., ФЕ *обвести вокруг пальца*. Это выражение известно в русском языке с XVIII в. Вероятно, — калька с нем. (букв. ‘смочь обмотать вокруг маленького пальца мизинца’) — ‘ловко обмануть’ (дать себя обмотать вокруг пальца мизинца) — ‘дать себя легко провести, обмануть’ [Михельсон, 1, 1902: 476]. В его основе — образ безвольного человека, которого из-за его податливости и уступчивости можно полностью подчинить — с такой же легкостью, с какой вокруг пальца обматывают («обводят») нитку или травинку [Rohrich, 1, 1991: 447]. Ср. приводимое В. И. Далем *вокруг пальца (около пальца) обмотать* — ‘сделать дело скоро и споро’, а также варианты оборота: *кругом пальца дело обвернуть* ‘легко и быстро сделать что-либо, без труда справиться с чем, кем’; *этого дела кругом пальца не обвернёшь* ‘о нелёгком деле’. Связь с первоначальным образом живо ощущалась писателями прошлого века, ср.: «Смолоду говорят, разбой держал, суда на Волге грабил <...> Такую душу вымолить *не вокруг пальца ниткой обвести*...» П. И. Мельников-Печерский. В лесах. [Михельсон, 1, 1902: 476]. Замена и закрепление за оборотом глагола *обвести* (вместо *обвернуть*, *обернуть*, *обмотать* и т. п.) произошли под влиянием глаголов *обвести*, *провести* и соответствующих выражений (*водить за нос* и т. п.) со значением ‘обмануть’ [Мелерович, Мокиенко 1997: 485].

Фаунонимические же ФЕ нуждаются в раскрытии, прежде всего, зооморфного кода культуры, стереотипного представления человека о поведении и мотивах поведения животного, переносимых на человека, в пояснении зооморфной метафоры. Так, в образе фразеологизма *брать за жабры* отображено представление о рыбе, для которой жабры, являясь жизнеобеспечивающим органом, имеют столь важное значение, как, напр., горло (глотка) для млекопитающего [Телия 2009: 45]. Ср. контексты, в которых словосочетание употребляется только в прямом значении: *Но раз произнеслось, вырвалось слово, значит, так тому и быть, значит, брать за жабры осетрину, и весь разговор!* (В. Астафьев. Царь-рыба); *Как надеть рыбу на кукан: Возьмите рыбу за жабры и проденьте стержень кукана через один глаз и нижнюю челюсть; если сом очень большой, сначала умертвите его* [all-fishing.ru].

В нашем материале встретился переходный случай употребления единицы в заголовке газетной статьи, когда в контексте совмещается значение прототипической единицы и ФЕ: *А каково генералу **взять рыбу за жабры**?* [прасific.ru]. В статье идёт речь о работе рыбной отрасли и о межличностных отношениях работников этой отрасли одновременно. Синкретизму значения способствует наличие компонента *рыба*.

Фразеологизм содержит зооморфную метафору, основанную на символической функции жизненно важного органа (жабр) и уподобляющую человека пойманной рыбе, оказавшейся во власти рыбака. Образ фразеологизма в целом соотносится также с духовным кодом культуры, т. е. с совокупностью нравственных ценностей, установок и представлений, в которой абсолютное подчинение себе другого человека, нарушение чужой свободы и подавление чужой воли предосудительны, поскольку не соответствуют, в частности, установке христианской культуры, согласно которой «на всё воля Божия» и насилие — это всегда зло [Телия 2009: 170]. Фразеологизм вербализует стереотипное представление о насильственном принуждении к какому-либо действию или поступку.

Таким образом, кинетические фразеологизмы (фразеологизмы с кинетическим компонентом значения) представляют собой особую, интересную с точки зрения семантики группу единиц, требующую лингвокультурологического комментария в иностранной аудитории. В то же время разряды входящих в эту группу ФЕ, как показали их классификации с различных точек зрения, неоднородны и требуют разработки разных параметров характеристики.

Единицы каждого из перечисленных разрядов жестовых ФЕ нуждаются в особом способе лексикографического описания. Так, напр., фразеологизмы, соотносимые с реальными жестами, требуют выделения особой зоны словарной статьи, посвящённой физическому описанию жеста, лежащего в основе фразеологизма. ФЕ, обозначающие ритуальные действия, требуют обязательного историко-культурного комментария, раскрывающего суть обряда, магического действия и т. п., послуживших прототипом для формирования переносного значения. При представлении в словаре лингвокультурологического типа фаунонимических ФЕ необходимо раскрывать зооморфный код культуры, делать понятной для адресата словаря зооморфную метафору, лежащую в основе данного разряда кинетических фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

- Козеренко А., Крейдлин Г. И. Тело как объект природы и тело как объект культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: Яз. рус. культуры, 1999. — С. 269–277.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. — М.: Рус. слов., 1997. — 863 с.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь: в 2 т. — СПб.: Акад. наук, 1902.
- Ройзензон Л. И., Абрамец И. Н. Совмещённая омонимия в сфере фразеологии // Вопр. языкознания — №2. — 1969. — С. 54–63.
- Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. — М.: АСТ-Пресс, 2009. — 782 с.

RUSSIAN KINETIC SET PHRASES IN A LINGUOCULTURAL DICTIONARY

Ya. V. Moiseyeva

The article deals with Russian kinetic set phrases with superposition meaning homonymy. It presents typological classification of the units under study and raises an issue of their properties presentation in a linguocultural dictionary.

Key words: kinetic set phrase, superposition meaning homonymy, classification, linguocultural commentary, cultural code, dictionary entry.

© 2011

Н. В. Поцелуева, Т. Н. Федуленкова

НОВЫЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Статья содержит краткий анализ нового издания под названием «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телии. Считаем, что важнейшей инновацией данного фразеологического словаря в истории лексикографии является его культурологический комментарий, показывающий, что фразеологические единицы являются самым ярким культураносным слоем языковых единиц, что даёт возможность читателю приобрести полноценную лингвокультурную компетенцию.

Ключевые слова: фразеологическая единица, культурологический комментарий, образ, инновация.

Опубликованный всего несколько лет назад «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телии (2006) уже, как очевидно, успел стать библиографической редкостью: это новаторское во многих аспектах издание сразу привлекло внимание как лингвистов, так и специалистов по истории, культурологии, социологии, а также писателей, журналистов, преподавателей.

Самой инновационной частью словаря является культурологический комментарий, который впервые в мировой практике вводится в формат словарной статьи. Дело в том, что культурологический комментарий соотносит фразеологическую единицу (ФЕ) со сферой культуры как особой знаковой системой и на основе это-

Поцелуева Наталья Васильевна — аспирант кафедры германской филологии Северного (Арктического) федерального университета, преподаватель кафедры английского языка Павлодарского государственного университета. E-mail: nata_potz@inbox.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Северного (Арктического) федерального университета. E-mail: taniafed@atnet.ru

го соотнесения выявляет и описывает живущие во ФЕ смыслы, культурно релевантные для их значения и употребления. Ценность такого комментария состоит в том, что он восстанавливает вертикальный контекст ФЕ [Федуленкова 1999: 134], делая прозрачной её внутреннюю форму [Поцелуева 2008: 166], оживляя фон окультуренного осознания мира человеком и способствуя тем самым прояснению мотивированности культурных смыслов в значении каждой конкретной ФЕ.

Весьма значимой инновацией словаря является впервые в лексикографии проведённое разграничение трёх зон культурологического комментария: этимологической, страноведческой и собственно культурологической зоны.

Этимологическая зона, по замыслу авторов, нацелена на пояснение слов-компонентов или ФЕ в целом, характеризующихся затемнённой мотивацией, непонятных по своей исходной внутренней форме для носителей современного русского языка (напр., *петь Лазаря, избивание младенцев, цудин поцелуй* и др.).

Страноведческая зона служит для разъяснения значения безэквивалентной лексики, входящей в состав ФЕ (напр., *бабушка надвое сказала, кисейная барышня, разводить турусы на колёсах*), или значения сочетания в целом, содержание которого связано с деталями быта, традициями, событиями, имевшими место в истории России (напр., *спустя рукава, Мамеево побоище, из грязи да в князи, бить баклуши*).

Очевидно, что факт размытости границ между двумя этими зонами вызывает необходимость этимологического разъяснения безэквивалентной лексики, сохранившейся в составе лишь немногих фразеологизмов. Компонент *турусы*, напр., сопровождается в словаре следующим разъяснением: «осадные башни из брёвен, которые перекатывались на низких и толстых деревянных **колёсах**. Такие башни применялись обычно татаро-монголами наряду со стенобитными орудиями и метательными машинами при осаде средневековых городов, окружённых толстыми деревянными или каменными стенами [ср. *turres ambulatoriae* ‘передвижные башни’ у древних римлян, а также франц. *tour* (букв. ‘башня’) — название сделанной в виде башни шахматной фигуры туры (ладьи)]. В русских летописях такие **турусы** упоминаются неоднократно. С **турусов**, подкатываемых под самые городские стены, в осаждённых пускали тучи стрел, метали камни и зажигательные снаряды. На них были и окованные металлом брёвна, которыми прошибали стены. Рассказы о таких передвижных осадных башнях, передаваемые из уст в уста, дополнялись невероятными подробностями и потому воспринимались как выдумки» [БФСРЯ 2006: 699].

Зону собственно культурологического комментария словаря составляет интерпретация (т. е. истолкование фразеологической единицы в пространстве культуры, или её концептосфере), назначение которой — проследить во ФЕ линии отобразённых в них смысловых связей по всем известным формам осознания мира человеком, описанным в работах культурологической направленности.

Собственно культурологический комментарий словаря рассматривает достаточно широкий круг вопросов:

а) соотнесённость образа фразеологической единицы в целом или отдельных её компонентов с древнейшими пластами культуры — архетипическими противопоставлениями; мифологическими представлениями об устройстве мира; кон-

кретными текстами мифов; ритуалами (в том числе — их рефlekсами — обычаями, обрядами, оберегами); с библейскими слоями культуры;

б) соотнесённость образа ФЕ в целом или отдельных её компонентов с фольклорно-литературными источниками;

в) соотнесённость образа ФЕ в целом или отдельных её компонентов с кодами культуры;

г) соотнесённость образа ФЕ в целом или отдельных её компонентов с видами тропов;

д) соотнесённость образа ФЕ в целом или отдельных её компонентов с языком культуры, т. е. указание на ту роль, которую выполняет образ ФЕ в целом или отдельные её компоненты как знаки языка культуры;

е) соотнесённость образа ФЕ с типами текстов (дискурса), где зафиксировано, как типично или продуктивно функционирует ФЕ;

ж) соотнесённость образа ФЕ с образными аналогами (эквивалентами, близкими по смыслу устойчивыми выражениями и т. п. в других языках).

Итак, в разделах культурологического комментария словаря читатель находит описание тех культурно-смысловых слоёв, которые в явном или опосредованном виде выражены в образном основании фразеологических единиц, указание на их роль в этом образном содержании, а также на способность ФЕ выступать в функции знаков языка самой культуры [Fedulenkova 2001: 135]. В этих разделах выделены: а) базовые для изучения культуры архетипические оппозиции, отображающие результаты жизни и опыта человека в мире («свет — «тьма», «небо» — «земля», «правый» — «левый», «свой» — «чужой», «верх» — «низ» и т. п.); б) базовые для культуры мифологические представления о мире, в том числе — отображённые в древнейших ритуалах, сложившиеся на основе анимизма, фетишизма и т. п.

В концептосфере культуры процедуры интерпретации выявляют культурные смыслы, которые либо воплощены во фразеологических единицах, либо достаточно прозрачно просматриваются через их образное основание и создают мотивацию значения ФЕ, осознаваемую для восприятия современного носителя языка, или же эта мотивация осознаётся носителями языка в хранилищах их культурной памяти, скрытой в глубинах подсознания. Эту явную или скрытую мотивацию выявляют те линии связи, которые прослеживаются между образным основанием фразеологизма и его значением.

В словаре, таким образом, определена та роль, которую фразеологизм в целом или отдельный его компонент выполняет в концептосфере культуры как её знак — символ, эталон или стереотип. Кроме того, в словаре по возможности даны образные аналоги ФЕ в других языках (напр.: *переступить границу* — нем. *alle Grenzen überschreiten*, исп. *sobrepasar todos los limites*; *играть первую скрипку* — англ. *to play first fiddle* и др.).

Несомненна актуальность словаря, состоящая в том, что его авторы не только сформулировали, но и мастерски использовали в лексикографической практике идею о том, что именно культурная память образа, мотивирующего значение фразеологической единицы, служит той нишей, в которой культура живёт во ФЕ как языковых знаках, создавая предпосылки для непрерывного взаимодействия в них двух разных знаковых систем — языка и культуры, которые не обнаруживают непосредственной связи между собой.

Создателям словаря удалось искусно заставить работать идею о том, что «благодаря живодействующей ассоциации между образом, лежащим в основе фразеологизма, и языковым его значением, с одной стороны, а с другой — с его «культурной семантикой» <...> фразеологизмы способны выступать в роли материально-идеальной «оболочки» для знаков «языка» культуры» [Телия 2006: 782]. Безусловно, авторы словаря убедительно продемонстрировали небезосновательность сложившегося в языкознании общепринятого мнения о том, что ФЕ являются самым ярким культураносным слоем языковых единиц (см. [Федуленкова 1997: 89]), что именно ФЕ есть соль языка.

В заключение подчеркнём, что «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» — это инновационный словарь-справочник, дающий в лексикографическом формате объёмное представление о взаимодействии языка и культуры. Это нововведение является, на наш взгляд, самым большим достоинством данного словаря, обеспечивающим изданию успешный путь в лингвистике и дидактике.

ЛИТЕРАТУРА

БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2006. — 784 с.

Поцелуева Н.В. Сопоставительное исследование внутренней формы компаративных фразеологических единиц с зоосемическим компонентом (на материале английского, русского и казахского языков) // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте: монография / Т.Н. Федуленкова и др. — Архангельск: Помор. ун-т, 2008. — С. 165–177.

Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КН. — С. 776–782.

Федуленкова Т.Н. Вертикальный контекст как форма существования социокультурной информации // Культурно-языковые контакты: материалы зон. межвуз. конф. — Владивосток: Дальневосточ. гос. ун-т, 1999. — С. 134–145.

Федуленкова Т.Н. Генетический прототип — основа национально-культурной специфики фразеологических единиц // Россия и Запад: диалог культур: материалы 3-й междунар. конф. — М.: МГУ, 1997. — Вып. 4. — С. 81–88.

Fedulenkova T. Phraseology and Intercultural Competence // Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр. — Вып. 4. — Владивосток: Дальневосточ. гос. ун-т, 2001. — С. 135–142.

NEW LEXICOGRAPHIC FORMAT OF CULTURE AND LANGUAGE INTERACTION

N. V. Potselyeva, T. N. Fedulenkova

The paper deals with a brief analysis of the recently published “Big Phraseological Dictionary of the Russian Language” edited by V.N. Teliya. It argues that the most important

dictionary innovation in the history of lexicography concerns its culturological commentary that displays set phrases as the most vivid culture-revealing layer of linguistic units, which enables the reader to acquire ample linguo-cultural competence.

Key words: set phrase, culturological commentary, image, innovation.

© 2011

Е. В. Радченко

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (ЭТЮДЫ К ИДЕОГРАФИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ)

Объектом исследования автора являются предметные фразеологизмы русского языка, специфической особенностью которых признаётся антропоцентрический характер семантики. Значение привлечённых к анализу фразеологических единиц характеризуется высокой степенью отвлечённости, обобщённости, сложностью, широтой. Все они прямо или косвенно связаны с концептом «Человек».

Ключевые слова: антропоцентричность, языковая картина мира, лакунарность, концепт, микроконцепт, предметный, субкатегориальный, фразеологизм.

Фразеологизмы вместе с лексемами участвуют в создании картины мира человека, в отражении в его сознании определённых сторон окружающей действительности. Очевидно, что только обобщая результаты тщательного семантического анализа языковых единиц и граммем, относящихся к выбранному семантическому полю, исследователь может делать правдоподобные выводы о том, как членится языком выбранный кусочек действительности, «какие атрибуты вещей и ситуаций трактуются языком как существенные, какие им игнорируются» [Урысон 2003: 12]. По мнению абсолютного большинства учёных, совокупность концептов как семантических единиц, отражающих культурную специфику мировосприятия носителей языка, образует концептуальную область (концептосферу). Языковая картина мира является составной частью концептуальной картины мира и содержит, помимо знаний о языке, информацию, дополняющую содержание концептуальной картины мира с помощью языковых средств. Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, повторяющихся в значении многозначных слов и выражений [Зализняк 2006: 207].

Анализ нашего материала показал, что главной особенностью фразеологизмов является то, что анализируемые единицы на 100 % антропоцентричны и употребляются в живой звучащей речи народа. С этой особенностью исследуемых

Радченко Елена Вадимовна — доктор филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета. E-mail: rad-ev@mail.ru

единиц связана их направленность на человека. Фразеологизмы обозначают какие-либо духовные качества человека, его действия, состояния, мироощущение, отношение к другим людям, обществу, природе или включают в себе точку зрения говорящего, его отношение к высказыванию. Идеографическое описание фразеологизмов поможет открыть огромный потенциал этих единиц, аккумулирующих богатейший опыт истории, трудовых навыков, любви к Родине и другие нравственные качества русского народа и должно быть построено на концепции системной организации фразеологического материала — структурной, семантической и функциональной характеристике единиц. В его основе, на наш взгляд, должно лежать два принципа: принцип иерархии и принцип пересекаемости семантических классов фразеологизмов.

Принцип иерархии будет осуществляться в структурной организации семантических парадигм. Вершину иерархии предметных фразеологизмов составят три семантические субкатегории — единицы со значением «Лица», «Предмета неживой природы, места, времени», «Отвлечённости». Внутри каждой семантической категории будет выделяться множество семантических групп и подгрупп.

Принцип пересекаемости семантических классов должен учитываться при описании фразеологизмов сложной полипропозитивной семантики. Признавая за подобными единицами возможность включения в состав различных парадигматических группировок, необходимо отказаться от их однозначной и жёстко регламентированной классификации.

Другой особенностью фразеологических единиц является лакуарность. Л. Г. Золотых отмечает, что «многие концепты-константы оказываются практически невербализованными в русской идиоматике или редко вербализуемыми» [Золотых 2006: 301]. В отличие от лексем, фразеологизмы называют лишь отдельные, актуальные для человека и его жизнедеятельности фрагменты мира. Так, фразеологизмы субкатегории «лица», как и имена существительные, образуют систему обозначений лиц. Но, в отличие от лексем, эта система включает в себя ограниченное число признаков, по которым может быть названо лицо. Значение единиц анализируемой субкатегории отличается сложностью и широтой, так как в нём совмещаются номинативные и оценочные семы. В нашем материале практически не встречаются единицы, которые бы только называли лицо или группу лиц. Все фразеологизмы называют лицо, группу лиц и дают им обобщённую социально-интеллектуальную оценку.

Ключевым в анализируемой субкатегории является концепт «Человек». В структуре названного концепта наиболее активно фразеологическим материалом объективируются такие микроконцепты, как «Характеристика внутренних, духовных свойств человека» и «Характеристика социальных свойств человека». Как известно, фразеологические единицы являются специфическими знаками, в семантику которых заложено эмотивно-оценочное отношение говорящего к называемому объекту действительности. В микроконцепте «Характеристика внутренних, духовных свойств человека» выделяются концептуальные аспекты *Положительная характеристика человека* и *Отрицательная характеристика человека*.

В сознании русского человека положительную оценку получили такие качества, как 'отзывчивость' — *живая душа, ангел-спаситель*; 'мастерство' — *золо-*

тые руки, мастер на все руки; 'опытность' — *стреляный воробей, тёртый калач, последний из могикан, матёрый волк*.

Во много раз превосходит в количественном отношении группа единиц, дающих отрицательную оценку внутренним качествам человека. С нашей точки зрения, количественное превосходство единиц, содержащих отрицательную оценку, связано с тем, что в сознании русского человека нравственность, высокие моральные качества лица воспринимаются как норма, а те качества, которые не соответствуют норме, находят резкое осуждение и отрицание. Таким образом, в русском сознании высокий уровень моральных качеств лица устанавливается через отрицание тех характеристик, которые не соответствуют общепринятым нормам и требованиям. Так, не принимаются, осуждаются русским человеком такие качества, как 'недоброжелательность' — *злые языки*; 'коварство' — *подколотная змея, волк в овечьей шкуре, чёрные силы*; 'глупость' — *медный лоб, олух царя небесного*; 'трусость' — *пуганая ворона, заячья душа*; 'хвастовство' — *петух в павлиньих перьях, аника-воин*; 'притворство' — *сирота казанская*; 'нерешительность' — *буриданов осёл*; 'неприспособленность, слабость' — *маменькин сынок, мокрая курица, кисейная барышня, божья коровка, божий одуванчик*; 'бездуховность, бессодержательность' — *мертвые души, мыльный пузырь, пустое место*; 'скупость' — *скупой рыцарь*; 'простодушные' — *сибирский валенок*; 'нелепость' — *шут гороховый*; 'предательство' — *пятая колонна*.

В микроконцепте «Характеристика социальных свойств человека» вербализованы следующие концептуальные аспекты: 'высокое положение человека в обществе' — *птица высокого полета, важная птица, первое лицо, первый человек, власть имущие, власть предержащие, белая кость, голубая кровь, первая скрипка, мировая закулиса, отцы города, отцы народа, хозяева жизни*; 'низкое, зависимое положение в обществе' — *бедный родственник, голь перекатная, мальчик на побегушках, золотая рота, живой товар, пушечное мясо, простой смертный*; 'богатство' — *денежный мешок, новый русский*; 'успех, успешность' — *звезда первой величины*.

Из анализа семантики фразеологизмов первой семантической субкатегории видно, что значение анализируемых предметных единиц отличается высокой степенью отвлечённости, обобщённости, сложности и широты. Единицы субкатегории «лица» не только называют лицо, но и содержат в своём значении положительную или отрицательную оценку его нравственных, социальных качеств.

Фразеологизмы с субкатегориальным значением 'Предмета неживой природы, места, времени' отличаются от имён существительных тем, что они не обозначают предметы по какому-либо частному, конкретному признаку. Самым представленным в нашем материале оказался концепт «Пространство». Фразеологизмы, репрезентирующие названный концепт, содержат в своем значении семы, характеризующие место действия или существования человека. Выделяются следующие характеристики пространства: 'большая территория' — единицы *этот свет, белый свет одна шестая часть суши*; 'удалённость' — *медвежий угол, тридевятое царство, край света, спальный район*; 'переполненность' — *ноев ковчег*; 'выгодность' — *хлебное место, тёплое место*; 'запущенность, загрязнённость' — *авгиевы конюшни*; 'привычность' — *насиженные места*; 'неизученность' — *белое пятно*.

Субкатегория 'Отвлечённости' оказалась самой богатой и представленной в нашем материале. Все единицы анализируемой субкатегории обладают в высшей степени обобщённым значением и относятся к духовной, интеллектуальной, социальной сферам жизни человека. Ключевыми в субкатегории 'Отвлечённости' стали концепты «Деятельность человека» и «Оценка».

Фразеологизмы, репрезентирующие концепт «Деятельность», в отличие от имён существительных, дают представление только о социальной, интеллектуальной, духовной деятельности человека. В анализируемом концепте выделяются следующие микроконцепты: «Социальная деятельность человека», «Интеллектуальная деятельность», «Отношение». Микроконцепт «Социальная деятельность человека» вербализован такими концептуальными аспектами, как 'Социальная борьба', 'Поступок', 'Общественно-политическая деятельность человека'. Самым представленным в количественном отношении оказался концептуальный аспект 'Социальная борьба': *пиррова победа, подводный камень, яблоко раздора, коричневая чума, место под солнцем, позорный столб, дамоклов меч, троянский конь, лобовая атака, поле боя, холодная война, дымовая завеса, охота на ведьм, перекрёстный огонь, бархатная (оранжевая, тюльпановая) революция* и др. Микроконцепт «Интеллектуальная деятельность человека» репрезентируется двумя концептуальными аспектами: 'Результативная интеллектуальная деятельность': *переоценка ценностей, принятие во внимание, раскладывание по полочкам, дальний прицел, последнее слово (в чём), точка зрения, угол зрения* и 'Нерезультативная, ошибочная интеллектуальная деятельность': *открытие Америки, превращение слона в муху, кривое зеркало, тёмный лес, обман зрения*. Микроконцепт «Отношение» представлен такими концептуальными аспектами, как 'Положительное отношение человека к чему-либо': *обкуривание фемиамом (кого), пение дифирамбов (кому)*; 'Отрицательное отношение человека к чему-либо': *предание анафеме (кого)*; 'Воздействие, влияние одного лица на другое': *обращение в свою веру (кого), поднятие духа (кому), промывание мозгов (кому)*.

Концепт «Оценка» находится на втором месте по количеству фразеологизмов. Единицы, репрезентирующие названный концепт, в своём значении содержат обобщённую интеллектуальную оценку явлений, фактов, относящихся к социальной, духовной, интеллектуальной сферам жизни человека. Самым представленным в количественном отношении оказался микроконцепт *Оценка социальной жизни человека*. В нём выделяются следующие концептуальные аспекты. 'Положительная оценка социального явления': *святая святых, чудо света, живая вода, живое слово, новое слово (в чём), магический кристалл, первая ласточка, альфа и омега, начало всех начал, философский камень, краеугольный камень, звёздный час, столбовая дорога, важный шаг, точка опоры* — 'важный этап в развитии чего-либо'. 'Отрицательная оценка социального явления': *второй сорт, вчерашний день, колосс на глиняных ногах, камень преткновения, кость в горле, бельмо в глазу, прокрустово ложе, пустой звук*.

Таким образом, анализ нашего материала показал, что значение фразеологической единицы характеризуется высокой степенью отвлечённости, обобщённости, сложности, широты. Фразеологизмы, в отличие от лексем, не способны называть конкретные предметы или лица, поэтому семантическая структура фра-

зеологизма характеризуется лакунарностью. Все единицы предметного семантико-грамматического класса относятся к интеллектуальной, духовной, социальной сферам жизни человека. Судя по нашему материалу, фразеологизмы на 100 % антропоцентричны и прямо или косвенно связаны с концептом «Человек». Одни единицы называют и качественно характеризуют человека, другие обозначают его интеллектуальную, социальную, духовную деятельность, третьи выражают его точку зрения на то или иное явление.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы её представления. — М: Яз. слав. культуры, 2006. — 672 с.

Золотых Л. Г. Базовые концепты русской идиоматики // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты: Материалы междунар. науч.-практич. конф. — М.: Элпис, 2006. — С. 300–304.

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Яз. слав. культуры, 2003. — 224 с.

NATIONAL PECULIARITY OF PHRASEOLOGICAL WORLD-IMAGE (A SKETCH OF IDEOGRAPHIC DICTIONARY)

Ye. V. Radchenko

The study is concerned with Russian nominative set phrases whose peculiarity consists in their anthropocentric meaning. The units under study are characterized by highly abstract, generalized complex meaning. All of them have explicit or implicit connection to concept “Human being”.

Key words: anthropocentrism, linguistic world-image, lacuna, concept, microconcept, nominative, subcategorical, set phrase.

ПАРЕМИОГРАФИЯ И КРЫЛАТОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ СЛАВИСТИКИ

© 2011

В. М. Мокиенко

ПРОЕКТ «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»

Выход в свет «Словаря русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова и С. А. Мызникова стал знаковым событием в мировой лексикографии. По образцу этого словаря группа петербургских фразеологов (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина и Е. К. Николаева) предполагают создать «Фразеологический словарь русских народных говоров». В нём будет значительно расширен корпус диалектной фразеологии, унифицирована подача материала и детализированы его чисто фразеографические параметры. В статье рассматриваются основные принципы построения словаря.

Ключевые слова: фразеологический словарь, народные говоры, лексикография, фразеография, фразеографические параметры.

Выход в свет «Словаря русских народных говоров» (СРНГ 1965–2010) под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова и (в последнее время) С. А. Мызникова стал знаковым событием не только отечественной, но и мировой лексикографии и диалектологии. Созданный группой знающих, опытных и преданных своему делу специалистов, он надолго определил стратегию и тактику словарного описания народных говоров в нашей стране и за рубежом. Пожалуй, кроме Германии, где диалектография уже в XIX в. привела к созданию региональных лексикографических тезаурусов по многим немецкоязычным регионам, больше нигде в мире не создавался столь внушительный свод диалектной лексики и фразеологии, как в Российской академии послевоенного периода. Работа авторов СРНГ, так же, как и словарные проекты «Псковского областного словаря» под руководством Б. А. Ларина и «Архангельского областного словаря» под руководством О. Г. Гецовой, стала мощным стимулом для диалектографических разработок практически всех регионов России. Именно поэтому в относительно короткий срок — послевоенное пятидесятилетие отечественные диалектологи смогли организовать массовые экспедиции, создать мощные картотеки и издать многотомные словари Архангельской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Смоленской, Орловской, Томской, Иркутской и других областей России. И для большинства этих словарей принципы составления «Словаря русских народных говоров», его структура и словник стали лексикографическим образцом и мерилom словарного качества.

Мокиенко Валерий Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета; главный научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ; профессор Института славистики Университета им. Эрнста Морица Арндта (г. Грайфсвальд, Германия). E-mail: mokienko40@mail.ru

За 46 лет, прошедших с момента издания первого выпуска СРНГ, запас отечественных диалектизмов во многом пополнился и продолжает пополняться. Поскольку издание этого словаря уже перевалило за букву «Т», означающую близость к финишу лексикографического марафона Санкт-Петербургских диалектографов, уже сейчас встаёт перспектива переиздания словаря, точнее — его второго, расширенного и дополненного издания. Обсуждаются уже, как известно, и корректировки некоторых принципов его составления, и пути расширения словника и географии описываемого материала, и такие технические детали, как формат публикуемых выпусков, который может быть более крупным и масштабным.

Для фразеологов СРНГ давно стал необходимым источником и научных разысканий, и лексикографических находок. Диалектная фразеология, во многом опирающаяся на лексикографическую практику различных региональных центров нашей страны, постепенно вырабатывала основы составления и специализированных словарей диалектных устойчивых словосочетаний. Словари сибирской диалектной фразеологии, созданные под руководством проф. А. И. Федорова (СФС, ФСС) во многом опирались на наш академический опыт уже потому, что их редактор был ленинградцем и вышел из группы составителей известного словаря под редакцией А. И. Молоткова. При составлении своего фразеологического словаря псковских говоров (далее СПП) мы с Т. Г. Никитиной исходили как из опыта составления «Псковского областного словаря» (далее ПОС) с его миллионной картотекой, так и из опыта СРНГ. Фразеологические словари других регионов России (см. [Прокошева 1972]; [Кобелева 2004]; [Ставшина 2006] и др.) также исходят из опыта разработки фразеологии ленинградскими / петербургскими лексикографами в СРНГ.

Наступило, как кажется, и время обобщения этого опыта в виде специального сводного словаря русской диалектной фразеологии — «Фразеологического словаря русских народных говоров». Предлагая проект составления такого словаря, следует учитывать несколько обстоятельств.

Во-первых, фразеологический словник СРНГ в процессе постепенного и длительного издания его выпусков с 1965 г. требует значительного расширения. За этот период появилось множество фундаментальных диалектных словарей русского языка, а также масса региональных словарей и словариков и собраний местного фольклора малого жанра, включающих пословицы и поговорки. Этот материал, по предварительным данным, может более чем в два раза обогатить исходный фразеологический словник СРНГ.

Во-вторых, за указанный период теоретические постулаты фразеологии как специальной лингвистической дисциплины были значительно усовершенствованы, были уточнены взгляды на фразеологизм как объект лексикографического описания, детализировано отношение к различным типам фразеологии, усовершенствовалась региональная и стилистическая их квалификация, появились возможности объективного культурологического и историко-этимологического комментирования диалектных фразеологических единиц. Всё это можно и нужно учесть при составлении «Фразеологического словаря русских народных говоров» (ФСРНГ).

В-третьих, дифференциальный принцип отбора словника для СРНГ, оказавшийся продуктивным при описании лексики, вызвал определённые разночтения

именно при обработке фразеологии. Ведь многие фразеологические диалектизмы включают в себя лексические компоненты общенационального языка. Таковы, например, диалектизмы с соматическими компонентами типа *голова, рука, нога* и т. п. Составители СРНГ совершенно оправданно включают их в состав своего словаря, не комментируя исходное слово. Так, 1-е значение вокабулы *Нога* открывается типовой характеристикой «В сочетаниях», а затем под знаками $\diamond$ и $\sim$ даются фразеологизмы: в белых ногах (сесть), в ногах, в ногу... **в кониную (конину ногу), в три ноги плясать, жить на лёгкую ногу** и т. д. [СРНГ, 21, 1986: 261–263]. Легко заметить, что в ряды таких фразеологизмов органично вписываются и такие обороты, которые являются не столько диалектизмами в соответствии с принятым составителями дифференциальным подходом, сколько лишь вариантами общенародных устойчивых словосочетаний. И это, как кажется, правильный подход, ибо он — несмотря на отступление от строго дифференциального принципа — позволяет сделать объём фразеологического словника более полным и отражает динамику фразеологии в живой речи. В проектируемом словаре такого рода вариации фразеологии будут также описываться, тем более что строгого разграничения «чистых» диалектизмов и «вариационных» оборотов провести невозможно.

В-четвёртых, порядок расположения фразеологизмов в СРНГ хотя и логично подчинён избранному для лексики алфавитному принципу, но несколько затрудняет поиск нужного словосочетания в объёмных вокабулах — таких, напр., как *Нога*. Ведь стремление разграничить описываемые фразеологизмы на устойчивые словосочетания полутерминологического типа (*ноги остаются* ‘ноги отнимаются’, *осушить ноги* ‘ударить, отбить ноги’, *стоять на травяных (вощаных) ногах* ‘стоять неустойчиво; падать’ и собственно идиомы (**верблюжья нога** ‘чехол на рукав; нарукавник’, **жить на лёгкую ногу** ‘жить беззаботно’, **под ногу видеть** ‘плохо видеть’)) [СРНГ, 21, 1986: 261–263], как видно даже из приведённых примеров, можно считать относительным. Тем более, что из-за вариативности компонентов фразеологизмов первый их компонент может заменяться, что нарушает строгость алфавитного порядка. Вот почему в предлагаемом в проекте ФСРНГ избран, как увидим ниже, принцип расположения фразеологизмов под первым стержневым словом, обычно существительным.

Наконец, объединяя фразеологический материал в комплексном специализированном словаре, можно унифицировать его подачу, соотнести в рамках единого словарного текста варианты и синонимы, описать в одном ключе его семантику и стилистику, предложить читателю семантические и историко-этимологические комментарии и т. д. Таким образом, целью задуманного «Фразеологического словаря русских народных говоров» является полное **системное описание** фразеологических диалектизмов русского языка.

Разумеется, дифференциальный принцип отбора диалектного материала, положенный в основу СРНГ, и в ФСРНГ будет соблюдаться последовательно, с учётом уже имеющегося в первом словаре опыта включения в корпус различных типов вариантов общенародных фразеологизмов. Так, из блока вокабулы **КОРЫТО** будут исключены разговорные обороты **Оставаться / остаться (очутиться, оказаться, сидеть) у разбитого корыта (при разбитом корыте) и Возвращаться / возвратиться к разбитому корыту**, но будут отражены как диалектизмы, от-

ражающие народную специфику семантики вокабульного слова, так и вариации и ассоциативные реминисценции общенационального выражения, восходящего к сказке А. С. Пушкина:

Остаться на баенном корыте. *Кар.* То же, что *остаться у разбитого корыта* [СРГК, 4, 1997: 256]. < **Баенный** — банный.

Спорынья в корыте! *Яросл.* Приветственное пожелание стирающим бельё [СРНГ, 15, 1979: 37].

Бито корыто. *Пск. Неодобр.* О чём-л. плохом, неудачном [ПОС, 2, 1973: 16]; [ПОС, 7, 1986: 16].

Посадить под корыто (брата, сестру). *Новг., Сиб.* Жениться (выйти замуж) раньше старшего брата (сестры) [СФС 1972: 148]; [СРНГ, 30, 2003: 134]; [Сергеева 2004: 244].

Разбитое корыто. 1. *Пск. Неодобр.* О бедном, разрушенном хозяйстве. [СПП 2001: 47]. 2. *Жарг. мол. Шутл.-ирон.* О больном человеке [Максимов 2002: 199].

Состав ФСРНГ и принципы отбора фразеологизмов будут соответствовать критериям, которыми руководствуются составители СРНГ по отношению к диалектной лексике [СРНГ, 1, 1965: 5–7]. «Какого бы значения и происхождения ни было слово, оно, как правило, будет включаться в Словарь лишь в том случае, если его употребляют не повсеместно, если оно не является словом современного литературного языка», — пишет в своём проекте и в «Введении» к СРНГ Ф. П. Филин. Он делает существенную оговорку, особо, как кажется, актуальную по отношению к отбору фразеологических диалектизмов: «Во всех случаях, когда слово стоит на грани диалектной и общенародной лексики или когда невозможно определить, является ли слово диалектным или оно распространено повсеместно, вопрос решается в пользу помещения слова в Словаре» [СРНГ, 1, 1965: 6]. Именно для фразеологизмов характерно расположение «на грани» диалектного и общенародного, и здесь лучше перейти эту грань в пользу смещения к общенародному, чем исключить выражения, актуальные для областной живой речи. Этот критерий отбора словника и будет руководством к составлению ФСРНГ.

Из других критериев отбора диалектного материала, обусловленных дифференциальным принципом, будет расширен лишь один — относящийся к собственным именам. Ф. П. Филин не включает этот разряд слов в корпус Словаря, отводя им в виде исключения место в качестве дополнительного иллюстративного материала в конце словарных статей или (весьма редко) при особой историко-этимологической ценности отдельных имён [СРНГ, 1, 1965: 7]. Имена собственные в качестве компонента (нередко стержневого) представляют самостоятельную ценность, поэтому они и получают нередко отражение в СРНГ. Эту традицию составители ФСРНГ продолжают, расширяя ряд «ономастических» фразеологизмов, напр.:

МАЛАНЬЯ * Маланья бессчётная. *Перм. Ирон.* О человеке, не умеющем правильно считать (1930) [СРНГ, 17, 1981: 318].

Маланья, голова баранья. *Обл.* Глуповатая, недалёкая женщина, которую легко одурачить, обмануть (1927) [СРНГ, 17, 1981: 318].

Маланья с ящиком. 1. *Иркут.* О том, кто надоедает окружающим каким-л. делом или своими заботами; дурень с писаной торбой (1967) [СРНГ, 17, 1981:

318]. 2. *Сиб. Шутл.-ирон.* О человеке, пришедшем с большим, но малоценным грузом [СФС 1972: 102].

Пахала Маланья задом наперёд. *Кар. Шутл.-ирон.* О том, кто начал делать работу неправильно [СРГК, 5, 2002: 20].

Особенно уместна фиксация имён собственных в таком типе фразеологии (в широком смысле), как народные пословицы. Так, в СРНГ (36) имя *Савва* не фиксируется. В раздел диалектизм-пословиц ФСРНГ оно будет тем не менее включено, ибо пословицы с этим именем по всем параметрам соответствуют принципу дифференциального отбора диалектного материала:

САВВА (САВА)

САВА ♦ *Сава* большая слава [Дмитриев 1972: 46].

САВВА ♦ Был *Савва*, была и слава [Симони 1899: 78], [Аникин 1988: 30].

Каков *Савва*, такова [ему] и слава [Сборник Татищева XVIII в. 1961: 54], [Курганов 1793: 130], [Снегирёв 1848: 163]; [Даль, а, 1984: 180]; [Даль, б, 1984: 159]; [Шаповалова 1959: 317]; [Соболев 1956: 63]; [Спирин 1985: 65]; [Аникин 1988: 129]; [ППЗК 2000: 55]; [СПП 2001: 139].

Каков *Савва (Сава)*, такова по нём и слава [Вейсман 1731: 400]; [Geyr Heinz 1981: 147].

***Савва* встав, Хома сив, а нас укупе усих сим.** *Кубан.* [ППЗК 2000: 76].

***Савва* смешит, а саван страшит** [Симони 1899: 141]; [СРЯ XI–XVII вв., 25, 2000: 190].

***Савва* съел сало, уперся, запёрся, сказал: не видал.** *Орл.* [Даль, а, 1984: 160].

***Савва* съел сало, утёрся, запёрся, сказал: не видал** [Аникин 1988: 279].

Схватился *Савва*, как жена сшила саван [Даль, б, 1984: 123].

Что *Савва*, то и слава [Даль, б, 1984: 159].

САВВЕ ♦ Доброму *Савве* добрая и слава [Снегирёв 1848: 97]; [Даль, б, 1984: 159]; [Жуков 1966: 133]; [Спирин 1985: 65]; [Аникин 1988: 81].

По *Савве* и слава [Даль, б, 1984: 159].

САВВУ ♦ Учестили *Савву* ни в честь, ни в славу! [Даль, 4, 1955: 528].

САВВЫ ♦ От *Саввы* славы, а от Перши чести. *Пск.* [Петр. галер. нач. XVIII в.: 36]; [Шаповалова 1959: 323]; [СПП 2001: 139].

От *Саввы* хочешь славы, а от персти ищешь чести [Симони 1899: 152].

У него сегодня *Саввы*, так завтра Варвары [Даль, а, 1984: 198; Даль, 4, 1955: 170].

СТРУКТУРА СЛОВАРЯ Тезаурусный тип предлагаемого Словаря позволяет принять широкое понимание фразеологии. В его корпус войдут не только идиомы типа пск. **играть в гыганьки** ‘смеяться’ [ПОС, 8, 1990: 101] или сиб. **кумоху (кумоку) трясти** ‘бездельничать, заниматься пустяками’ [СРНГ, 16, 1980: 85–86; СФС 1972: 97], но и устойчивые сравнения (напр., морд. **хлопать зенками как набилками** ‘о чьих-л. беспрестанно моргающих глазах’ [СРГМ, 4, 1986: 52] или смол. **бежать цурком** ‘о сильном, обильном течении воды (напр., из крана)’ [ССГ, 11, 2005: 93] и пословицы — типа выше приведённых с именем *Савва*. Каждый разряд этих языковых единиц получит специальное описание в отдельных томах Словаря. Тем самым объекты описания будут представлены в трёх частях — «Словаре русских диалектных фразеологизмов», «Словаре русских диалектных сравнений» и «Словаре русских диалектных пословиц».

В соответствии с языковой спецификой этих трёх основных видов паремий Словарь композиционно уложен в русло своеобразной лексикографической «трилогии».

Часть I — «Словарь русских диалектных фразеологизмов», в котором будет описана диалектная идиоматика, дана их семантическая и стилистическая характеристика, информация об их территориальном распространении (ареал) и толкование отдельных лексических диалектизмов, входящих в состав оборота. Часть II — «Словарь русских диалектных сравнений», который строится по той же схеме. Часть III — «Словарь русских диалектных пословиц», где материал также расположен в алфавитном порядке стержневого слова с указанием письменного источника или географической характеристики.

Несмотря на известное языковое различие трёх описываемых в словаре типов паремий (фразеологизмы-поговорки, пословицы и устойчивые сравнения), составители пытались представить их в лексикографически однотипной обработке. Структура словарной статьи разрабатывается именно как статья словарная, что отличает данное собрание от многих сборников пословиц и поговорок, где общая тематическая рубрика заменяет и толкование, и стилистическую характеристику, и данные о распространении и частотности употребления, и другие лексикографические параметры. Все такие характеристики по возможности отражаются в словаре псковских пословиц и поговорок.

Предлагаемая структура ФСРНГ уже апробирована нами при составлении нескольких словарей — прежде всего в «Словаре псковских пословиц и поговорок» (далее СПП 2001) и в нашей недавно вышедшей паремиологической «трилогии» — «Большом словаре русских поговорок» [Мокиенко, Никитина, а, 2008], «Большом словаре русских народных сравнений» [Мокиенко, Никитина, б, 2008] и «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010]. Отличие ФСРНГ от этих уже вышедших словарей будет существенным именно по линии отражения собственно диалектного материала. В паремиологической «трилогии» основным корпусом стали разговорные и просторечные единицы, а также в максимально полном объёме — фразеология русского литературного, книжного языка, причём в гораздо более широкой хронологической амплитуде: для пословиц, напр., она охватывала паремии с XII по XXI вв.

Известно, что паремиологические сборники, особенно в России, обычно вслед за В. И. Далем систематизировали материал в тематическом порядке. Думая, какой тип классификации материала использовать в ФСРНГ, составители избрали иной тип — расположение в алфавитном порядке стержневого слова, которым оказывается, как правило, первое существительное — компонент поговорки, сравнения или пословицы. Расположение пословиц, поговорок и сравнений по образному «стержню» как их смысловой доминанты, как кажется, позволяет глубже заглянуть в их потаённый первоначальный смысл. Такое расположение даёт возможность отразить и чисто языковую систему, в которой выкристаллизовывались перлы народной мудрости. Кроме того, именно алфавитно-гнездовой принцип описания обеспечивает лексикографическое единство трёх частей Словаря, сохраняя чисто лингвистическую специфику единиц, описываемых в каждой из них.

Цель этой статьи — дать общую характеристику будущего Словаря. Лишь лимит места не позволяет представить в развёрнутом виде структуру словарных статей ФСРНГ, включающей, разумеется, все классические параметры словаря тезаурусного типа: 1. Алфавитное (по стержневому слову-существительному) расположение материала. 2. Форма описываемых единиц, отражение их вариантов. 3. Толкования (дефиниции). 4. Стилистическая, географическая и хронологическая квалификация материала. 5. Контекстные иллюстрации. 6. Комментарии и объяснения непонятных слов и сочетаний.

Каждую из этих позиций легко можно было бы продемонстрировать репрезентативными примерами. Это будет сделано в другом месте.

Заманчивой задачей дальнейшего лексикографического описания диалектной фразеологии на данном этапе остаётся, как кажется, её более глубокое историко-этимологическое и культурологическое комментирование. Труды таких подвижников исторической фразеологии, как В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, А. М. Бабин, Р. Н. Попов, Л. А. Ивашко, Л. Я. Костючук, С. Г. Шулежкова и многих их последователей уже сейчас позволили раскрыть разные стороны жизни древней и современной России в зеркале фразеологии. Хочется надеяться, что работа над «Фразеологическим словарём русских народных говоров» даст такого рода исследованиям новый импульс. Читателям же, не искушенным в филологических штудиях, само «красное слово» нашей русской речи, быть может, доставит эстетическое наслаждение. Ведь слово это — не просто памятник народной словесности. Это памятник живой и непрерывно обновляющийся, — несмотря на свою вековечность. Монументальный академический «Словарь русских народных говоров», работа над которым входит в свой завершающий этап, может получить в проектируемом «Фразеологическом словаре русских народных говоров» своё специализированное продолжение.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина; предисл. В. П. Аникина; сост. Ф. М. Селиванов, Б. П. Кирдан, В. П. Аникин. — М.: Худ. лит., 1988. — 431 с.

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. — СПб.: Тип. при Имп. Акад. наук, 1731.

Даль В. И. Пословицы русского народа. — М.: Худ. лит., 1957. — 992 с.

Даль, а: Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. — 3-е изд. — М.: Худ. лит., 1984. — Т. 1. — 382 с.

Даль, б: Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. — 3-е изд. — М.: Худ. лит., 1984. — Т. 2. — 399 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. — 3-е изд. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955.

Дмитриев Л. А. Отрывок сборника пословиц XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома / отв. ред. А. М. Панченко. — Л.: Наука, 1972. — С. 28–56.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 535 с.

Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. — Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2004. — 312 с.

- Курганов Н. Г.* Письмовник. Сбор разных русских пословиц. — 5-е изд. — СПб.: Тип. при Имп. Акад. наук, 1793. — 800 с.
- Максимов Б. Б.* Фильтруй базар. Словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска. Ок. 31500 слов и устойчивых словосочетаний / подготовка рукописи к изд. и вступ. статья С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ, 2002. — 506 с.
- Мокиенко В. М.* Образы русской речи. — М.: ЛГУ, 1986. — 278 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы). — СПб.: Норинт, 2003. — 448 с.
- Мокиенко, Никитина 2008, а: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 784 с.
- Мокиенко, Никитина 2008, б: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. — М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2008. — 800 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. Ок. 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
- МФС 1972: Прокошева К. Н.* Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. — Пермь: Перм. пед. ин-т, 1972. — 114 с.
- ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными.* Вып. 1–20. — Л.: СПб.: ЛГУ–СПбГУ, 1967–2009 (изд. продолжается).
- ППЗК 2002: Пословицы, поговорки и загадки Кубани* / сост. Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова / под ред. Л. А. Степанова. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. — 167 с.
- Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. — Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. — 432 с.
- Шаповалова Г. Г.* Псковский рукописный сборник пословиц XVIII в. // Русский фольклор. Материалы и исследования. — Т. IV. — М.; Л.: АН СССР, 1959. — С. 305–330.
- СБГ: Словарь брянских говоров.* Вып. 1–5. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–1988.
- Сборник Татищева XVIII в.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв.: Сборник пословиц В. Н. Татищева* / изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. — М.; Л.: АН СССР, 1961. — 292 с.
- Сергеева Л. Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. — Великий Новгород: НовГУ, 2004. — 307 с.
- Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / собрал и приготавил к печати П. Симони. — СПб.: Отделение рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. — I–XIX. — 216 с. — Вып. I–II.
- Снегирёв И. М.* Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегирёвым, с предисл. и доп. — М.: Университет. тип. — 1848. — 503 с.
- Соболев А. И.* Народные пословицы и поговорки. — М.: Москов. рабочий, 1956. — 155 с.
- Спирин А. С.* Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. — Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т, 1985. — 208 с.
- СПП: Словарь псковских пословиц и поговорок* / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; науч. ред. Л. А. Ивашко. 13 000 единиц. — СПб.: Норинт, 2001. — 176 с.
- СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / глав. ред. А. С. Герд. — СПб.: СПбГУ, 1994–2005. — Вып. 1–6.
- СРГМ: Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР* / под ред. Т. В. Михалёвой. — Саранск: Мордов. гос. ун-т, 1978–2006. — Т. 1–8.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. — Л.–СПб.: Наука, 1965–2010. — Вып. 1–43 (изд. продолжается).

ССГ: Словарь смоленских говоров / отв. ред.: Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. — Смоленск: СГПИ (СГПУ), 1974–2005. — Вып. 1–11.

Сташина Н. А. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. Проект словаря. — Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2007. — 22 с.

СФС: Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Фёдоров. — Новосибирск: Наука, 1972. — 207 с.

ФСРНГ: Фразеологический словарь русских народных говоров / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; науч. ред. В. М. Мокиенко. (Проект).

ФСС: Фразеологический словарь русских говоров Сибири / сост. Л. Г. Панин, Л. В. Петропавловская, А. И. Постнова, А. И. Фёдоров; под ред. А. И. Фёдорова. — Новосибирск: Наука, 1983. — 232 с.

Geyr H. Sprichwörter und sprichwortnahe Bildungen im dreisprachigen Petersburger Lexikon von 1731 / H. Geyr (Symbolae slavicae. Bd. 13). — Frankfurt am Main — Bern: Peter Lang Verlag, 1981. — 234 s.

THE CONCEPT OF “THE DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTAL SET PHRASES”

V. M. Mokiyenko

The publication of the “Dictionary of Russian Dialects” edited by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov and S. A. Myznikov became an important landmark in lexicography all over the world. Using this dictionary as a model a group of St. Petersburg linguists (V. M. Mokiyenko, T. G. Nikitina, Ye. K. Nikolayeva) intend to compile “The Dictionary of Russian Dialectal Set Phrases”. It will contain a considerably enlarged corpus of dialectal set phrases with unified material presentation and detailed phraseological parameters. The paper discusses the main principles of the dictionary structure.

Key words: phraseological dictionary, dialects, lexicography, phraseography, phraseological parameters.

© 2011

Х. Вальтер

О ДВУХ «НЕМЕЦКИХ» ЭПТОНИМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ; КТО ОПАЗДЫВАЕТ, ТОГО НАКАЗЫВАЕТ
ИСТОРИЯ)

На примере двух выражений, известных современным носителям русского и немецкого языков, в статье поднимаются вопросы происхождения языковых единиц, отражающих национальные реалии. Автор доказывает, что оборот *гамбургский счёт* — «законсервированный в русском языке германизм», а широко распространившийся в европейской и русской публицистике афоризм *Кто опаздывает, того наказывает жизнь* — лапидарный перевод на немецкий язык (Х. Эттингера) фразы М. Горбачёва, произнесённой в 1980 г.

Ключевые слова: законсервированный германизм, крылатая единица, лингвокультура, фразеологизм, перевод, словарь, цитата, эквивалент.

Известно, что некоторые фольклористы считают, что новые политические и экономические условия не порождают пословиц. Однако факты такое утверждение опровергают в соответствии со старым афоризмом Томаса Генри Гексли (Хаксли): «Вечная трагедия науки: уродливые факты убивают красивые теории».

В немецкой фразеологии, как и во фразеологии других языков, отражается внеязыковая действительность, т. е. элементы материальной и духовной культуры Германии и контактирующих с нею народов в исторической ретроспективе. Проблема «Язык и культура» давно интересует лингвистов. Уже первые этимологические опыты античных грамматик возникли под влиянием идеи реконструкции «истинного» представления о слове, в стремлении за каждым наименованием увидеть «первородный» образ предмета или явления. История и этимология устойчивых словосочетаний в этом отношении казались необходимыми потому, что соединение слов — это уже некий рассказ, более или менее выкристаллизовавшийся образ.

Именно поэтому многие собиратели немецкого фольклора, этнографы, историки, языковеды вот уже более трёхсот лет пытаются раскрыть происхождение тех или иных пословиц и поговорок, увидеть за ними истоки своей национальной культуры или бытовых представлений, прочесть скрижали забытого прошлого. Отдельные заметки и очерки, разбросанные по страницам немецких журналов и газет, серии паремиологических собраний с элементами историко-этимологических толкований, непревзойдённым Эверестом среди которых высится пятитомник Карла Фридриха Вильгельма Вандера [Wander 1867–1889], и, наконец, фразеологические словари с историко-этимологическими комментариями, самым основательным из которых остаётся пятитомник Лютца Рёриха [Röhrich 2001] — вот «этапы большого пути», определившие динамику немецкой исторической фразеологии.

Вальтер Харри — доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института славистики Университета им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия (Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald; Institut für Slawistik). E-mail: walter@uni-greifswald.de

В наши дни проблема соотношения языка и культуры приобрела особую актуальность в связи с ростом интереса к иностранным языкам и, в частности, с популярностью немецкого языка в России. Опыт обучения показал, сколь важно на занятиях по иностранным языкам формировать представление об экстралингвистическом фоне, на котором происходит общение. Изучение немецкого языка в русской аудитории не может быть самоцелью, оно всегда сопровождается постижением национальных реалий — такова установка и лингвострановедения, и когнитологии. В наши дни, преодолевая конъюнктурную «псевдоактуальность», сторонники этих научных направлений уже не ограничиваются комментариями современных значений и «ассоциативной ауры фразеологизмов»: их интересует история изучаемых языковых единиц.

«Фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи, — писал Б. А. Ларин. — Отражают, как свет утра отражается в капле росы» [Ларин 1977: 156]. Фразеологические «капли росы» могут стать объективным отражением и немецкой реальности, однако, лишь в том случае, если их национальная принадлежность подтверждается достоверным этимологическим анализом. Иногда же, как показано в нашем словаре, то, что выдаётся за сугубо немецкое или специфично русское, оказывается на поверку интернациональным, а то, что причисляется лишь к сфере немецкой жизни, на самом деле первоначально относилось к другой — общеевропейской, включая и славянскую.

Проиллюстрируем это на примере двух выражений, которые наглядно демонстрируют взаимодействие немецкой и русской лингвокультур. Фразеологизм *Hamburger Rechnung* (устар.): ‘Об оценке чего-л. без скидок и уступок, с предельной требовательностью’ (букв. ‘гамбургский счёт’) фиксируется большинством русских фразеологических словарей в форме *гамбургский счёт*. Но немецкий читатель с удивлением заметит, что такого выражения в современном немецком языке нет. И действительно, ни один словарь его не приводит. Но оно, подобно бумерангу, недавно вернулось в Германию в небольшой популярной книжке Ютты Лимбах *Ausgewanderte Wörter* [Limbach 2007: 63]. Фиксируя выражение *die Hamburger Rechnung*, она подчёркивает, что оно пришло из русского языка и означает ‘richtiges, faires Ergebnis’ (‘справедливый, правильный, честный результат’). Русский язык, по мнению автора (бывшего Председателя конституционного суда Германии, а ныне главы Института Гёте), получил это «гордое и достойное выражение» из Ганзейского города Гамбурга. И действительно, появление оборота *гамбургский счёт* в русском языке зафиксировано чрезвычайно точно: употреблено в 1928 г. известным литературоведом В. Б. Шкловским в качестве названия сборника критических статей. Смысл этого названия объяснён в краткой программной статье: «Гамбургский счёт — чрезвычайно важное понятие <...> Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешенных окнах. Здесь устанавливаются истинные классы борцов, — чтобы не исхалтуриться». Выражение *гамбургский счёт* тогда же стало крылатым, первоначально в литературной среде, а затем получило более широкое распространение и стало применяться при оценке тех или иных общественных явлений [Ашукины 1966: 140; Гвоздарёв 1988: 151; Душенко 1997: 406; БМС 2007: 681; БМШ, 1, 2008: 250].

Даже поиск фразеологизма в немецком Интернете не даёт для этого выражения никаких результатов, что свидетельствует о его полном забвении.

Как видим, русский язык стал своеобразным «консервантом» уже устаревшей чисто немецкой ганзейской традиции. Понятие «гамбургский счёт» уже забыто, а русское выражение очень активно продолжает жить как в литературе, так и в публицистике. Между прочим, такого рода законсервированных германизмов в русском языке немало — не только в лексике, но и во фразеологии, напр.: *парикмахер*, *кунсткамера*, *по благу*, *цирлих-манирлих*, *отложить в долгий ящик* и др. И судьбе русского *гамбургского счёта* не стоит удивляться: ведь когда поляки, американцы или китайцы едят гамбургеры, они не вспоминают о северо-немецком городе. Да, собственно, и сами немцы ошибаются, думая, что первые *гамбургеры* изготавливались в немецком городе Гамбурге. В действительности же называется это блюдо так лишь потому, что рецепт приготовления гамбургеров в США завезли гамбургские матросы [Крысин 2005: 177].

Одна из главных целей нашего исследования — поиски эквивалентов в многочисленных источниках самого разного типа: в специальных фразеологических одноязычных и двуязычных словарях, толковых словарях национальных литературных языков, учебных словарях, паремиологических собраниях, в теоретических работах по фразеологии, в сборниках пословиц и поговорок и т. д. Немало эквивалентов получено методом прямого опроса информантов-носителей языка (особенно — при верификации жаргонных оборотов из речи молодёжи). Градация эквивалентов при этом производилась по уже оправдавшей себя методике: в первом ряду эквивалентов ставятся тождественные по структуре и образности идиомы; во втором — достаточно близкие к ним по этим параметрам; далее — идиоматичные и экспрессивные выражения иной образности и структуры, но созвучные немецким по своей стилистике; затем приводятся нейтрально-описательные словосочетания или дефиниции, точно передающие семантику описываемого оборота; наконец (при отсутствии или недостаточности названных выше типов эквивалентов), лексические соответствия, синонимичные фразеологизмам.

Иначе, чем у оборота *гамбургский счёт* складывалась судьба у пословицы *Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben* ‘предупреждение от несвоевременных действий, от слишком медленной реакции на происходящее’ (букв.: ‘Кто опаздывает, того наказывает жизнь’).

Пословица является перефразировкой цитаты М. С. Горбачёва, первого и последнего Президента СССР (род. 1931), сентенцией из немецкого перевода его выступления по поводу 40-летия ГДР в Берлине 6 октября 1989 г. (а не 7 октября, как неверно указывают некоторые источники, напр., престижный Дуденовский словарь [DZR 2007: 836; Duden Bd. 12: 607; Büchmann 2002: 507; Büchmann 2007: 507] и др.). На юбилейном заседании, обращаясь к своему коллеге — генеральному секретарю Социалистической единой партии Германии Эриху Хонеккеру, М. С. Горбачёв произнёс: «Опасности подстерегают только тех, кто не реагирует на требования жизни». — “[es wird] bedrohlich für denjenigen, der nicht auf die Anforderungen des Leben reagiert”. Тем самым М. С. Горбачёв дал понять, что считает реформы в социалистических странах, в том числе в СССР и ГДР, давно назревшими. Восточные немцы восприняли это как сигнал, и фраза в лапидарном вари-

анте «Кто опаздывает, того наказывает жизнь» была воспринята как пословица и актуальный политический лозунг. 9 ноября того же года пала Берлинская стена.

В политической ситуации ГДР того времени блестящий перевод Хельмута Эттингера (*Helmut Ettinger*), служившего переводчиком при Э. Хонеккере, очень быстро распространился в ГДР и с лёгкой руки журналистов оборот, ярко и точно характеризующий политическую и экономическую ситуацию конца 1980-х гг., стал крылатым. Пословичная форма, ритмика и звучность фразы привели к тому, что немцы (и особенно жители ГДР) очень быстро забыли о подлинном источнике фразы и приняли её как «свою собственную», народную пословицу. В 2008 г. она впервые была зарегистрирована как пословица (а не как крылатая фраза) и вошла в собрание Пословицы всего мира [Sprichwörter 2008: 411; Walter 2008: 150ff.].

Пословица может использоваться в сокращённом виде: первая или вторая часть употребляются в зависимости от конкретной ситуации, с указанием на то, что действие, названное в первой части изречения, приводит к отрицательным последствиям и расплате за медлительность. Фраза в большинстве случаев приобретает шуточный характер: *Wer zu spät kommt, den bestraft die Leber* (Кто опаздывает, того наказывает печень — об алкоголизме: *Leber* — ‘печень’); *Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben. Aber auch den, der zu schnell kommt* (Кто опаздывает, того наказывает жизнь; но жизнь наказывает и того, кто спешит — намёк на чрезмерно быстрый мужской оргазм: *kommen* — ‘кончить’); *Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben. Wer zu früh kommt, den bestrafen die Frauen* (... того наказывают женщины [Wer zu spät kommt... [http](http://)]); *Wer zu spät kommt, den bestraft der Chef* (... того наказывает шеф); *Wer zu spät kommt, der zahlt die Zeche* (... тот расплачивается [о финансовых операциях] [[Aktuelle Nachrichten online http](http://)]); *Wer zu spät kommt, den bestraft die Personalabteilung* (... того наказывает отдел кадров) и др.

Любопытно, что фраза М.С. Горбачёва почти неизвестна в русскоязычной среде, и если и цитируется, то лишь как крылатое немецкое выражение, напр.: ... недель позже, 7 октября, ту же дату отмечала другая социалистическая страна — Германская Демократическая Республика. Незадолго до этого Эрих Хоннекер пообещал, что Берлинская стена простоит ещё пятьдесят и сто лет — столько, сколько потребуется. Присутствовавший на торжествах лидер советской перестройки Михаил Горбачёв якобы сказал Хоннекеру: «Кто опаздывает, того наказывает жизнь», — имея в виду реформы [Лукьянов [http](http://)]; Елена Коломийченко: В октябре 1989 г. события в Восточной Европе развиваются стремительно. Михаил Горбачёв на 40-летию ГДР в Берлине: «Кто опаздывает, того наказывает жизнь» — это слова из его речи, обращённые к руководству ГДР [20-летие осенних революций... [http](http://)]. Отсюда и трудности в подборе русских эквивалентов, поскольку данная семантика передаётся другими образами. Поздно пришёл — только кости нашёл; Опоздаешь — воду похлебаешь; Последнему гостю — [глодать] кости; Кто поздно пришёл — тому мосол; Последнему гостю поскрёбыши достаются; На час опоздаешь — годом не наверстаешь; На час отстанешь — в день не догонишь; На час отстанешь — в неделю не догонишь; Кто зевает, тот воду хлебает.

Но «первые ласточки» адаптации пословицы *Кто опаздывает, того наказывает жизнь* уже появились и в современной русской речи: Сергей взялся за руч-

ку и потянул дверь на себя. Она поддавалась туго, а когда, наконец, открылась, мальчик от неожиданности ойкнул. Андрей Петрович стоял у порога, скрестив на груди руки, и укоризненно качал головой. Сергей понялся, споткнулся о чемодан и едва не упал. — **Кто опаздывает, того наказывает жизнь**, — сказал учитель и показал жестом: входи [Чувакин [http](http://)]; Советы деловым людям, как эффективно использовать рабочее время. Можно ли вообще охватить и постичь такое понятие как ВРЕМЯ? Раз уж Вы взяли в руки книгу, чтобы больше узнать об этой теме, — значит, Вы в некоторой степени осознали, что с течением времени уже миновали какие-то периоды Вашей жизни. Время, так же, как и здоровье, является нашим важнейшим богатством и одновременно самой большой проблемой! Есть очень меткое выражение: «Того, **кто опаздывает, наказывает жизнь**» [Зайверт [http](http://)].

Выражение М. С. Горбачёва *Кто опаздывает, того наказывает жизнь* — типичный пример превращения крылатой единицы в пословицу и обогащения «золотого фонда» языковой системы. Примечательно, что во многом это обогащение обязано филигранному искусству переводчика, который превратил фразу русского политика в немецкую пословичную жемчужину. И закономерно, что этому способствовали не только интенсивные контакты наших двух народов, но и лапидарная ёмкость самого выражения. Процессы такого рода изучает проф. С. Г. Шулежкова. И найти хотя бы небольшую лакунку в капитальном «Большом словаре русских крылатых слов» (2008–2009) для меня, немца, казалось почти невозможным. Но новая жизнь новой Европы подсказала и новое выражение, которое мне и захотелось подарить организатору Магнитогорского Международного Симпозиума в надежде, что оно будет включено в следующее издание тезауруса русской эптологии.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — 3-е изд. испр. и доп. — М.: Худож. лит., 1966. — 824 с.

БМС: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарь. каб. им. Б. А. Ларина / под ред. В. М. Мокиенко. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. — 926 с.

БМШ: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. — Т. 1. — 658 с.

Гвоздарёв Ю. А. Рассказы о русской фразеологии. — М.: Просвещение, 1988. — 191 с.

20-летие осенних революций 1989 г. глазами кинодокументалистов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1863281.html> (дата обращения: 27.10.2009).

Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4 300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. — М.: Аграф, 1997. — 632 с.

Зайверт Л. Ваше время — в Ваших руках. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twitgrx.com/file/69071/> 15.03.2011 (дата обращения: 15.03.2011).

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. Св. 25 000 слов и словосочетаний. — 3-е изд., доп. — М.: Эксмо. — 2005. — 944 с.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы. — М.: Просвещение, 1977. — 224 с.

Лукьянов Ф. Триумф эгоизма. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/3268414.shtml> (дата обращения: 01.10.2009).

Чувакин О. А. Вторая премия. [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/c/chuwakin_o_a/text_0001.shtml (дата обращения: 02.10.2008).

Aktuelle Nachrichten online — FAZ.NET [Электронный ресурс]. URL: <http://www.faz.net> (дата обращения: 02.10.2008).

Der neue Büchmann. Geflügelte Worte. Gesammelt und erläutert von Georg Büchmann. Bearb. u. weitergeführt v. E. Urban. Bassermann. — München, 2002. — 695 s.

Der neue Büchmann. Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz. — Ullstein, 2007. — 720 s.

Duden Bd. 12: DUDEN. Zitate und Aussprüche. Herkunft und aktueller Gebrauch. Rund 7.500 Zitate von der Antike bis zur modernen Werbesprache. 2., neu bearb. u. aktualisierte Aufl. Hrsg. v. d. Dudenredaktion. Dudenverlag. — Mannheim. Leipzig u.a., 2002. — 959 s.

DZR 2007: DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen. Hrsg. v. d. Dudenredaktion. 2., überarb. und aktualisierte Aufl. Hrsg. v. d. Dudenredaktion. — Mannheim: Dudenverlag, 2007. — 895 s.

Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 5 Bd. Herder/Spektrum. Bd. 4800. — Freiburg, Basel, Wien: Herder, 2001. — 1910 S.

Sprichwörter aus aller Welt: Hrsg. v. Dr. Thomas Rosky. — Augsburg, 2008. — 560 s.

Walter H. Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. Teil 1. Verlag Dr. Kovač. — Hamburg, 2008. — 334 s.

Walter H.; Mokienko V. Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. — Frankfurt a.M., New York, Oxford u. a., 2001. — 580 S.

Wander Karl Friedrich Wilhelm. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Vol. I–V. F. A. Brockhaus, Leipzig 1867–1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben. Wer zu früh kommt, den bestrafen die Frauen. [Электронный ресурс]. URL: <http://gluehwein.junkies.ws/2006/07/13/wer-zu-spat-kommt-den-bestraft-das-leben-wer-zu-fruh-kommt-den-bestrafen-die-frauen> (дата обращения: 2.10.2008).

TWO 'GERMAN' APTONYMS IN RUSSIAN (ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ; КТО ОПАЗДЫВАЕТ, ТОГО НАКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЯ)

H. Walter

Using two phrases that are well-known to native speakers of Russian and German, the author has raised the issue of the origin of linguistic units reflecting national realia. He proves that Russian phrase *гамбургский счёт* is a preserved Germanism. The aphorism *Кто опаздывает, того наказывает жизнь* (He who is late is punished by history) that is in general use in European and Russian journalese is a shortened translation of M. Gorbachev's phrase of 1980 into German.

Key words: preserved Germanism, winged unit, linguistic culture, set phrase, translation, dictionary, quotation, equivalent.

ИЗ ЧЬЕЙ ШИНЕЛИ ВСЕ МЫ ВЫШЛИ? (ОТ КРЫЛАТОГО СЛОВА ДО ФРАЗЕОЛОГИЗМА)

В статье анализируется употребление и трансформация крылатого выражения *Все мы вышли из гоголевской «Шинели»* в русских и хорватских текстах. Особое внимание уделяется фразеологизации данного выражения, даются хорватские и русские примеры употребления оборотов *izići (ispasti itd.) iz čijeg šinjela (kabanice), izići (ispasti) iz istog šinjela, выйти (вырасти) из чьей шинели, выйти из одной шинели*, образованных на основе данного крылатого выражения. В конце говорится об их словарной фиксации.

Ключевые слова: крылатое слово *Все мы вышли из гоголевской «Шинели»*, трансформация, фразеологизация, русский язык, хорватский язык.

Одно из общеупотребительных крылатых выражений в свой состав включает фамилию писателя и название его произведения: *Все мы вышли из гоголевской «Шинели»*. Более ранние источники сообщают, что его употребил Достоевский в беседе с Э. де Вогом, а тот включил его в свою книгу «Русский роман» (1886) (ср. [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 101; Зыкова, Мокиенко 2005: 317]). Однако в новейшем словаре крылатых слов и выражений авторов Беркова, Мокиенко и Шулежковой указывается, что «выражение принадлежит Тургеневу, употребившему данный оборот в одной из публичных лекций 19 или 20 апреля 1860 г.» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008: 220].

Крылатое выражение употребляется, во-первых, как образное описание влияния Н. В. Гоголя на развитие русской художественной литературы и преемственность этой традиции, а во-вторых — по отношению к преемственности литературной традиции вообще.

Данное выражение часто трансформируется: *13 мая 2004 — Вы как-то сказали, что все современные российские фантасты вышли из «шинели Стругацких» и деловись в том, куда они потом направились* (trud.ru › article/13-05-2004/71617... iz_shineli...)¹.

В трансформированном виде оно относится не только к художественной литературе, но и к другим областям: *Существует журналистская пословица: «Мы все вышли из шинели Ясена Николаевича», — рассказывает декан факультета журналистики МГИМО Ярослав Скворцов* (photer.mylivepage.ru › blog...3331_Ясен... ушел_из...шинели)²; — *При социализме все мы были люмпенами, потом появилась у людей собственность, потом из-за кризиса 17 августа народ её потерял, а сегодня люди снова заботятся о своём здоровье, путешествуют, уделяют много времени воспитанию детей. В этом смысле все мы вышли из дефолта, как из гоголевской шинели...* (Олег Фомин. <http://www.chrab.chel.su/archive/17-08-01/3/A124579.DOC.html>).

Финк Желька — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка философского факультета Загребского университета. E-mail: zfink@ffzg.hr

¹ Подобные примеры употребления приводятся и в словарях крылатых слов и выражений.

² Интересно, что декан факультета определяет выражение как пословицу.

Крылатое выражение *Все мы вышли из гоголевской «Шинели»* встречается и в современном хорватском языке, причём субстантивный компонент *šinjel*³ часто заменяется существительным *kabanica* ('плащ, дождевик')⁴. В полной форме (*Svi smo mi izišli iz Gogoljeva Šinjela (Kabanice)*) оно употребляется лишь в случае, когда пишут о русской художественной литературе и/или о влиянии Гоголя на неё. Гораздо чаще в нём опускается часть компонентов, и оно получает форму глагольного оборота. Автор текста иногда упоминает Гоголя и его произведение, чтобы сопоставить его влияние с влиянием какого-либо другого писателя: 25 svi 2008. *Kao što su ruski realisti izišli iz Gogoljeve kabanice, tako su svi hipiji izašli iz Hessovog vuka* (eydis.fantasy-hr.com/index.php%3Fshow...); *Kad se spomene Buena Vista Social Club — ime koje je posljednjih godina postalo opće mjesto bilo kakvog razgovora o glazbi koji nadilazi nivo splitskih lakoglazbenih festivala — moglo bi se mirne duše parafrazirati Dostojevskog i njegovu čuvenu izjavu kako je cijela ruska književnost izišla iz Gogoljeve Kabanice. E, pa cjelokupni val cubane koji je u posljednje tri godine napravio svijet od Los Angelesa do mongolske stepe izišao je iz kabanice koja se u ovom slučaju zove baš Buena Vista Social Club...* (Slobodna Dalmacija⁵, 25.07. 2000).

Отмечаются примеры, которые относятся к хорватской художественной литературе, к наиболее известным хорватским писателям, оказавшим большое влияние на развитие литературы, и в этом случае вместо фамилии Гоголя упоминаются другие имена⁶. Надо отметить, что иногда меняются и глаголы: *Svi su hrvatski realisti izišli iz Šenoine kabanice, svi su razrađivali njegovu tematiku, ugledali se u njegove likove, situacije i zaplete* (hr.wikipedia.7val.com/wiki/August_%25...); 5 sij 2011. *Još jedna nestandardnost: za nas Quorumaše, pričalo se da smo mjestimično poispadali iz šinjela barda Jože Severa* (www.mvinfo.hr/izdvojeno-kritike-opsir...).

Подобное явление фразеологизации фиксируется и в русском языке: *Современный театр во многом «вышел из шинели»* теоретика и практика сцены Ежи Гротовски (telegrafua.com › 421/culture/8776/); *Вся отечественная хирургия выросла из шинели* — только не гоголевской, а самой обычной офицерской (http://www.oboznik.ru/?p=329).

Данные обороты сохраняют ту же стилистическую окраску и коннотацию, которые содержатся в русском крылатом выражении. Хотя авторы иногда подчеркивают связь с ним, можно говорить о переходе эллиптической формы крылатого выражения во фразеологический фонд двух славянских языков. Образовались обороты *izići (ispasti, proizići itd.) iz čije kabanice (šinjela)* и *vyiti (vyrastiti) iz čjej šineli*. В состав данного глагольного фразеологизма, образовавшегося на основе крылатого выражения, в качестве опорного компонента входят в основном

³ В современном хорватском языке толковыми словарями и частью словарей иностранных слов фиксируется слово *šinjel*, причём оно считается русизмом. Надо отметить, что и в толковых словарях почти всех остальных южнославянских языков регистрируется данная лексема: словенский *šinjel*; сербский *шиньел*; боснийский *šinjel*; македонский *шинел*, *шинела*; болгарский *шинел*, *шинела*, а в словарях боснийского, сербского и болгарского языков — это тоже русизм (в остальных словарях нет этимологической пометы). Значит, русский язык, который слово *шинель* заимствовал из французского языка (франц. *chenille*), является языком-посредником.

⁴ Повесть Н. Гоголя «Шинель» на хорватский язык переводится как „Kabanica“.

⁵ Хорватская ежедневная газета.

⁶ Аугуст Шеноа — хорватский реалист (1838–1881); Иосип Север — хорватский поэт (1938–1989).

глаголы совершенного вида, чаще всего глаголы движения. Фразеологизм передаёт значение оказания влияния кем-либо на кого-либо, кто в результате этого развивается, причём связь между источником влияния и тем, на кого оказывается влияние, вполне очевидна. Также надо добавить, что источник влияния считается идеалом и лучшим представителем чего-либо. Крылатое выражение в оригинальной форме остаётся в рамках художественной литературы, а фразеологический оборот имеет более широкую сферу употребления. Несмотря на то, что его наиболее часто используют по отношению к искусству, оно встречается и в текстах о некоторых других сферах деятельности. Значение такого оборота можно выразить следующим образом: ‘сформировать свой образ мышления и/или поведения под чьим влиянием, развиваться (быть) под чьим влиянием’.

Когда речь идёт о фразеологизме, можно предположить, что в его внутренней структуре субстантивный компонент опредмечивается, что он становится конкретным предметом одежды. Это подтверждается и на орфографическом уровне: во всех случаях употребления оборотов в контексте существительное *шинель* (*kabanica*, *šinja*) пишется со строчной буквы⁷.

В обоих языках оборот часто употребляется в контексте политики и в этом случае иногда получает оттенок иронии и/или негативную коннотацию: *Vidimo to i u Saboru, frakcije boljševika lijevo i desno, ali što ćemo kad su svi ispali iz Maršalovog šinjela, pa se sad sudaraju kao Gremlini...* (intervju.org/intervju.php%3Fid_interv...); *Takvi skupovi <...> su me svojom retorikom podsjećali na skupove srednje kategorije «društveno-političkih radnika», iz čijeg su šinjela proizašli i mnogi tadašnji dužnosnici na obje strane raspravnog stola* (Riznica); *Во многих, если не всех случаях этих вопиющих неравенств можно говорить о том, что они **вышли из** прошлого, **из шинели** «холодной войны», а не глобализации как таковой* (НКРЯ, Никита Покровский. В зеркале глобализации // «Отечественные записки», 2003); *То, что происходит в России начала XXI века, — не более чем вариация на тему ельцинизма. А ельцинизм **вырос из** горбачёвской **шинели*** (rusk.ru › st.php?idar=21003).

Обороты регистрируются также в сербских (в данном случае в эллиптической форме), боснийских и черногорских текстах: *Ma nije jadan Dositej! On je svoje počeiteljstvo časno obavio. Jadni smo mi, i naša deca, i naši unuci što imamo ovakve ministre prosvete iz Koštuničinog šinjela* (http://www.vreme.com/cms/view.php?id=511122); *Mnogi su naši trenutačni politički odličnici izašli iz komunističkog šinjela* (bih-x.info/i-pastiri-su-bili-ovce/); *Zastor je bio yinovski bijeli mantil sa kapuljačom, između čijih peševa su izlazili glumci. I gledaocima su pri ulasku podijeljeni isti bijeli mantili, nalik na ludačke košulje. Odista, u Kotovom tumačenju, 20. vijek kao da je sav izašao „iz Šekspirovog šinjela“* (Kultura i društvo, 05.07. 2008).

В хорватском языке предлог *iz* иногда заменяется предлогом *ispod* (‘из-под’), и таким образом субстантивный компонент во внутренней структуре ещё более опредмечивается, конкретизируется. Но одновременно до определённой степени теряется связь с крылатым выражением: *Tu je i majstor ispod čije kabanice su, rekli bismo, svi izašli — besmrtni Tošo Dabac sa svojim crno-bijelim vizurama voljenog*

⁷ В обоих языках фиксируются и тексты, в которых и в крылатом выражении неправильно написано название повести со строчной буквы. Несколько таких предложений приводится в качестве примера употребления и в данной работе.

Zagreba... (HNK); *Osim toga, rekao je Jelić, «kandidat **dolazi ispod ideološkog šinjela** pod kojim poživaju obmane započete još 3. siječnja prošle godine»* (Riznica).

В толковом словаре хорватского языка В. Анича регистрируется один фразеологизм с компонентом *šinjel: izići (ispasti) iz istog šinjela* (первая фиксация в третьем издании 1998 г.). Автор словаря приводит повесть Гоголя как источник фразеологизма, а затем отмечает два значения. Первое относится к художественной литературе вообще: «быть написанным в узнаваемой литературной традиции», в то время как второе имеет более обобщённое значение: «публично действовать, учитывая сходные принципы; развиваться, усвоив подобные моральные, идеологические, религиозные учения и/или исходные положения». Интересно, что во фразеологизме, зафиксированном в словаре, не приводится вариантный компонент *kabanica*, а его отсутствие подтверждается и примерами употребления: *Knjiga dokazuje da je determinizam ustoličio tri ideologije koje **su izašle iz istoga šinjela**: fašizam, nacizam i komunizam* (HNK); *A da su svi takvi **iz istoga šinjela** skrojenog na Iblerovu trgu **izašli**, postalo je više nego očito nakon što je prošli tjedan usvojena Mila-novićeve lista za Skupštinu Grada...* (Vjesnik⁸, 28.04. 2009).

В Интернете можно найти и варианты с предлогом *ispod*: *1 lis 2010. To su sve ljudi koji **su izišli ispod istog šinjela**...* (www.lupiga.com/vijesti/index.php%3Fid...).

В русских текстах отмечается эквивалент данного оборота: *Конечно, нельзя утверждать, что АН «Дом Сафонова» по способу ведения бизнеса как-то выделялся на фоне других агентств города: все, как говорится, **вышли из одной шинели*** ([gilkonsultant.ru > index.php...](http://gilkonsultant.ru/index.php...)); *На самом деле, моя история типична для большинства российских (советских) женщин. Потому что **мы все «из одной шинели»** — продукт своей страны* ([sozproblema.ru > ob-avtore/Moya_istoriya/...](http://sozproblema.ru/ob-avtore/Moya_istoriya/...)).

Что можно сказать в заключение? В словарях хорватского языка не зафиксирован оборот *izići (ispasti itd.) iz čijeg šinjela (kabanice)*, хотя разными контекстами подтверждается его весьма активное употребление. Однако в словаре В. Анича указывается фразеологизм, образованный на основе крылатого выражения (*izići (ispasti) iz istog šinjela*). Надо ли включить в хорватские словари крылатое выражение в оригинальной форме, несмотря на то, что оно довольно редко встречается? Да, когда речь идёт о словаре крылатых выражений. В таком словаре хорошо было бы привести часть многочисленных трансформаций, относящихся как к хорватской художественной литературе, так и к другим областям. В толковые, а особенно во фразеологические словари надо включить обороты *izići (ispasti itd.) iz čijeg šinjela (kabanice)* и *izići (ispasti) iz istog šinjela*.

В русских словарях крылатых выражений зарегистрирован оборот *Все мы вышли из гоголевской «Шинели»*, причём в некоторых из них фиксируется его оригинальная форма и несколько подтверждённых трансформаций. Во фразеологических словарях русского языка мы не нашли ни одной словарной фиксации двух анализируемых оборотов с компонентом *шинель*. Нам кажется, что хорошо было бы включить активно употребляемый фразеологизм *выйти (вырасти) из чьей шинели*, а также, может быть, и в меньшей степени подтверждённый контекстами оборот *выйти из одной шинели*.

⁸ Хорватская ежедневная газета.

ЛИТЕРАТУРА

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4 000 ед. — М.: Рус. слов.: Астрель: АСТ, 2000. — 624 с.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5 000 ед.: в 2 т. — Т. 1. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. — 658 с.

Зыкова Е. И., Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. — СПб.: Филол. фак-т СПбГУ. — 2005. — 288 с.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка — 2003–2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.04.2011).

Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. — М.: Азбуковник, 2000. — 288 с.

Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. — Zagreb: Novi Liber, 1991. — 887 s. — 1994. — 1263 s. — 1998. — 1439 s.

Anić V. Veliki rječnik hrvatskoga jezika. — Zagreb: Novi Liber, 2003. — 1881 s.

Anić V., Goldstein I. Rječnik stranih riječi. — Zagreb: Novi Liber, 1999. — 1471 s.

HNK: Hrvatski nacionalni korpus — 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://hnk2.ffzg.hr/> (дата обращения: 12.04.2011).

Riznica: Hrvatska jezična riznica Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Korpus hrvatskoga jezika — 2006–2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://riznica.ihjj.hr/> (дата обращения: 12.04.2011).

WHOSE OVERCOAT DO WE COME FROM? (FROM WINGED WORD
TO IDIOM)

Zh. Fink

The paper analyzes usage and transformation of the winged unit *Все мы вышли из гоголевской «Шинели»* (*We all come from Gogol's 'Overcoat'*) in Russian and Croatian texts with particular emphasis on the unit idiomatization. It also gives context examples of Russian and Croatian phrases (*izići (ispasti itd.) iz čijeg šinjela (kabanice), izići (ispasti) iz istog šinjela, вый-ти (вырасти) из чьей шинели, выйти из одной шинели*) that are formed from the winged unit.

Key words: winged word, transformation, idiomatization, Russian, Croatian.

МЕТОД АППЛИКАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРЧНОГО МАТЕРИАЛА

На материале пословиц и поговорок показаны универсальность, исследовательский потенциал и практическая значимость метода аппликации проф. В. П. Жукова. С опорой на этот метод автором предложена семантическая классификация пословично-поговорочного фонда русского языка.

Ключевые слова: метод аппликации, пословица и поговорка, семантическая классификация.

Метод аппликации, разработанный профессором В. П. Жуковым почти полвека тому назад на материале фразеологии [Жуков 1967: 9], был не менее успешно применён им при классификации пословиц и поговорок русского языка. Тогда же названный метод прошёл проверку при подготовке двух принципиально новых словарей — словаря русских пословиц и поговорок [Жуков 1966б] и коллективного фразеологического словаря [ФСРЯ]. Тем самым уже в середине 60-х гг. прошлого века были убедительно продемонстрированы универсальность метода, его широкий исследовательский потенциал и практическое значение.

Метод аппликации, как известно, основан на противопоставлении и одновременном совмещении прямого (буквального) и переносного (образного) содержательных планов той или иной языковой единицы (слова, словосочетания, фразеологизма, пословицы и т. д.). Ср.: и сестра с сестрою говорит — *И звезда с звездою говорит*; обдать кипятком — *обдать презрением*; засидеться в гостях — *засидеться в девках*; намеренно наступать на пятки кому — *наступать на пятки* кому 'преследуя, догонять кого-либо'; купить всем сёстрам по серьгам — *Всем сёстрам по серьгам* '1. Каждому своё. 2. Каждый будет наказан, каждому достанется (и правому и виноватому)'. В ходе наложения и сопоставления буквального и переносного планов, этимологического и актуального значений определяется сама возможность такого соположения, мера семантической неразложимости или, напротив, остаточности составной единицы в целом и отдельных её компонентов, характер образности и мотивировки и мн. др. [Жуков 1978: 12–13]. Именно последовательное применение этого метода позволило В. П. Жукову достаточно чётко и непротиворечиво развести, отграничив их друг от друга, пословицы и поговорки и дополнительно выделить особый класс промежуточных образований — т. н. пословично-поговорочных выражений. «Эти выражения характеризуются тем, что часть слов в их составе сближается или совпадает со словами свободного употребления, а другая часть (нередко реальные или потенциальные фразеологизмы) имеют фигуральное, переносное значение» [Жуков 1966а: 11–12]. Именно наличие смыслообразующих слов-компонентов в структуре пословично-поговорочных выражений определяет их особое, промежуточное положение в паремии-

ологическом пространстве. Критерий выводимости, т. е. способности отдельных компонентов употребляться в прямом, буквальном значении, учитывает в своей паремиологической классификации и Г. Л. Пермяков [Пермяков 1988: 37, 39].

В свою очередь, опять-таки с опорой на аппликационный метод, пословично-поговорочные выражения могут быть подразделены далее на два относительно самостоятельных разряда — пословичные выражения и поговорочные выражения в прямой зависимости от увеличения в их составе количества семантически маркированных слов-компонентов (*В тихом омуте (болоте) черти водятся* ‘**Тихий, скрытный** человек способен на поступки, которых от него, казалось бы, нельзя было ожидать’; *Знает (чуёт) кошка, чьё мясо съела* ‘**Понимает**, что виноват. Говорится о том, кто, чувствуя свою вину и возможность расплаты, своим поведением выдаёт себя’; *Большому кораблю большое и плавание* ‘**Незаурядному** человеку предстоит и **большая** плодотворная деятельность. Говорится как напутствие, пожелание тому, кто заслуженно получает возможность проявить свои **большие** способности’ [Жуков 2000].

Аппликационная методика, усиленная комплексным учётом критериев налагаемости, мотивировки, выводимости и идиоматичности, как показал проведённый нами совместно с К. А. Жуковым анализ «Словаря русских пословиц и поговорок» [Жуковы 2010], работает и при классификации паремиологического материала, что можно обобщить в виде следующей таблицы.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОСЛОВИЧНО-ПОВОРОЧНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

п/п	Примеры пословиц и пословично-поговорочных выражений	Налагаемые	Мотивированные	Выводимые	Мера идиоматичности	Тип паремии
1	<i>В ногах правды нет; В огороде бузина, а в Киеве дядька; В одном кармане смеркается, (а) в другом заря занимается</i>	—	—	—	Сильноидиоматичные	Паремиологические сращения
2	<i>На воре шапка горит; * Не сули журавля в небе, <а> дай синицу в руки</i>	+	—	—		
3	<i>С суконным рылом <да> в калачный ряд; Чёрного кобеля не отмоешь добела; И у стен бывают уши</i>	—	+	—	Среднеидиоматичные	Паремиологические единства
4	<i>Из песни слова не выкинешь; Нашла коса на камень; В семье не без урода</i>	+	+	—		
5	<i>В городе (в Москве) толсто звонят, да тонко едят; Быль молодцу не укор; Наша горница с богом не спорится</i>	—	—	+		Пословично-поговорочные выражения
6	<i>* Лучшие синица в руки, чем журавль в небе</i>	+	—	+		

п/п	Примеры пословиц и поговорочно-выражений	Налагаемые	Мотивированные	Выводимые	Мера идиоматичности	Тип паремии
7	<i>Горбатого (одна) могила исправит; Брань на воротах не виснет; Чужая душа — потёмки</i>	—	+	+	Слабо идиоматичные	Пословично-поговорочные выражения
8	<i>В чужой монастырь со своим уставом не ходят; В Тулу со своим самоваром не ездят; Суженого и конём (на коне) не объедешь</i>	+	+	+		

Первую, достаточно замкнутую группу образуют паремии, лишённые аналогов среди свободных предложений, не мотивированные с точки зрения современного русского языка и не имеющие в своём составе смыслообразующих слов-компонентов (типа *В ногах правды нет*).

Вторая группа также представлена единичными паремиями, отличающимися от единиц первой разновидности только наличием формальной налагаемости (типа *На воре шапка горит*).

В третью группу входят неапплицируемые пословично-поговорочные выражения, не включающие в свой состав смыслообразующих компонентов, но обладающие мотивированной внутренней формой (типа *И у стен бывают уши*).

Четвёртая группа паремий является самой многочисленной. Это налагаемые, мотивированные и невыводимые идиоматичные выражения (типа *Нашла коса на камень*): *Быть бычку на верёвочке; В дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет; Обжёгся на молоке, дует и на воду; Москва от копеечной свечки (свечи) сгорела (загорелась); С лихой (с паршивой) собаки хоть шерсти клок; Яблоко от яблони недалеко падает; У семи нянек дитя без глазу; Сухая ложка рот дерёт* и мн. др.

Пятую группу образуют неналагаемые, немотивированные паремии со смысловым центром (типа *Наша горница с богом не спорится*).

Шестая группа представлена единичными примерами налагаемых немотивированных выражений, отдельные компоненты которых явно «просвечивают» на общем фоне паремиологического содержания (типа *Лучше синица в руки, чем журавль в небо*).

Седьмую группу составляют неналагаемые пословично-поговорочные выражения, мотивировка которых поддерживается наличием одного-двух семантически маркированных компонентов (типа *Горбатого (одна) могила исправит*): *Будь жена хоть коза (коса), лишь бы золотые рога; В чужом глазу сучок видим, а в своём <и> бревна не замечаем; В чужую жену чёрт ложку меду кладёт (положил)* и под.

Восьмая группа, как и четвёртая, достаточно репрезентативна. Её образуют налагаемые, мотивированные и выводимые пословично-поговорочные выражения, входящие в паремиологическое ядро русского языка (типа *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*): *Залетела ворона в высокие (в боярские) хоромы; Без меня меня женили; Баба с возу — кобыле легче; Бодливой корове бог*

рог не даёт; Была бы шея, (а) хомут найдётся; В пустой бочке звону больше; Пустили козла в огород; Тихие воды глубоки и мн. др.

Паремиологические единицы, входящие соответственно в группы с пятой по восьмую, образуют множество пословично-поговорочных выражений. От того, насколько представлены в паремии свойства налагаемости, мотивированности и выводимости, в конечном счёте зависят и идиоматические качества конкретного пословично-поговорочного выражения и его место в общей классификации.

Таким образом, метод аппликации, открытый В. П. Жуковым и надёжно проверенный им и его последователями не только в фундаментальных теоретических штудиях, но и в серии фразеологических и паремиологических словарей и справочников, лишний раз доказал мудрость чеканного афоризма Ф. Ларошфуко: «Нет ничего практичнее хорошей теории» (цит. по: [Кодухов 1993: 4]).

ЛИТЕРАТУРА

Жуков А. В., Жуков К. А. К вопросу о классификации пословично-поговорочного материала // И вновь продолжается бой...: сб. науч. ст., посвящённых юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ, 2010. — С. 91–94.

Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. — М.: Просвещение, 1978. — 158 с.

Жуков В. П. О словаре пословиц и поговорок // В. П. Жуков. Словарь русских пословиц и поговорок. — М.: Рус. яз., 1966. — С. 4–21.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 534 с.

Жуков В. П. Фразеологизм и слово (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1967.

Жуков К. А. Пословично-поговорочные выражения в семантико-типологическом аспекте // Вестник НовГУ. — 2000. — № 21. — С. 61–65.

Кодухов В. И. Психологическое направление в языкознании и преподавании русского языка. — Ишим: Полиграфия, 1993. — 323 с.

Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. — М.: Наука, 1988. — 236 с.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Сов. энцикл., 1967. — 543 с.

APPLICATION METHOD AND CLASSIFICATION OF PROVERBS AND SAYINGS

A. V. Zhukov

Proverbs and sayings are used as material to display the universal character, research potential, and feasibility of application method worked out by Prof. V. P. Zhukov. Employing the method the author advances semantic classification of Russian proverbs and sayings.

Key words: application method, proverb and saying, semantic classification.

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ АНТИПОСЛОВИЦ В «ПРИКОЛЬНОМ СЛОВАРЕ» В. М. МОКИЕНКО, Х. ВАЛЬТЕРА

Рассматривая антипословицы как одну из разновидностей трансформации прецедентных текстов, автор критически анализирует четыре книги известных славистов В. М. Мокиенко и Х. Вальтера, в которых антипословицы подвергаются лексикографическому описанию. Особое внимание в статье уделяется принципам описания антипословиц, обрванных путём объединения частей двух, реже — трёх пословиц и фразеологизмов.

Ключевые слова: антипословица, знаменательное слово, контаминация, лексикографический, паремия, пословица-прототип, трансформации.

Для современной массовой лингвокультуры характерно широкое использование различных приёмов игры со словом, едва ли не самым распространённым из которых в публицистике и в разговорной речи является трансформация прецедентных текстов. Разного рода лексико-семантические и лексико-синтаксические модификации лежат в основе образования «паремий нового типа» (термин Т. Г. Никитиной), к которым относятся, напр., антифразы (трансформации загадок, пословиц, фразеологических единиц (ФЕ)), футбольные речёвки и антипословицы.

В справочнике «Русская речевая культура» антипословица определяется как «шутливая переделка пословицы (поговорки, афоризма), её своеобразный смысловой антипод, использующийся как средство языковой игры: *Не зная броду, не суйся в воду* — *Не зная броду, пропусти вперёд друга...* [РРК 2006: 10–11].

Примеры индивидуально-авторских преобразований паремий, имеющие целью обновление пословичного образа, встречались и раньше, однако, как показывают наблюдения отечественных и зарубежных паремиологов (В. Т. Бондаренко, Х. Вальтера, В. М. Мокиенко, В. Мидера), в наши дни употребление трансформированных пословиц принимает особо заметные масштабы. Действительно, как свидетельствуют материалы ассоциативных экспериментов [Петрова 2007: 18–19], записи устной разговорной речи [Жигарина 2006: 27], антипословицы присутствуют в языковой способности современной языковой личности как живые и активные единицы.

Антипословицы можно отнести к единицам субстандартным, формирующим «простую» городскую речь нового времени. Наряду с принадлежащей к молодёжному, криминальному, профессиональному социолектам лексикой и фразеологией, они обеспечивают неофициальность, непринуждённость, спонтанность общения современного города. В отличие от подлинных пословиц и поговорок, многие антипословицы не обладают свойством воспроизводимости, существуя в виде списков на Интернет-сайтах в разделах «Юмор», «Приколы», «Переделанные поговорки» и подобных.

Лексикографическое описание антипословицы получили уже в четырёх словарях Х. Вальтера, В. М. Мокиенко: «Пословицы русского субстандарта» (2001), «Словарь русских антипословиц» (2002), «Антипословицы русского народа» (2005), «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» (2006), что, безусловно, свидетельствует о читательском интересе к «новым русским паремиям» и востребованности словаря, отражающего особенности живой разговорной речи.

Многообразие трансформаций «классических» пословиц и поговорок можно свести к двум основным типам: 1) изменения в лексическом составе компонентов, выходящих за пределы зоны нормального варьирования (напр., *Баба с возу — вузу легче*, *Горбатого медкомиссия исправит*), и 2) объединение, «скрещивание» двух или трёх паремий (паремий и фразеологизма): *Баба с возу — и волки сыты* (контаминация пословиц *Баба с возу (с воза) — кобыле легче* и *И волки сыты, и овцы целы*).

Объектом нашего внимания является лексикографическое представление антипословиц, образованных путём объединения частей двух, реже — трёх пословиц или пословиц и фразеологизмов, напр.: *Чья бы корова мычала, а паршивая овца борозды не испортит* (контаминация пословиц *Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала*; *Старый конь (старая кобыла) борозды не испортит (не портит)* и поговорки *паршивая овца*) [ПС 2006: 154]. По нашим подсчётам, таких антипословиц примерно в шесть раз меньше, чем антипословиц, возникших вследствие изменений в компонентном составе, типа *Не поминайте лохом* [ПС 2006: 157].

Несмотря на авторское заявление о том, что из «Прикольного словаря», представляющего собой «сгущённую» форму «Словаря русских антипословиц», исключены цитаты, веллеризмы, вульгарные, искусственные переделки пословиц [Вальтер 2006: 3–4], в «Прикольном словаре» представлен разнокачественный материал: наряду с воспроизводимыми антипословицами — потенциальными единицами языка (*Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось*; *И волки сыты, и овцы целы, и пастуху вечная память*), в него включаются индивидуально-авторские трансформации пословиц: афоризмы Н. Фоменко, газетные заголовки (*Графоману графоманово*), явно рассчитанные на чтение, о чём свидетельствуют орфография и пунктуация: *Нет DOOMa без огня*, *Челюсть не воробей, вылетит — не поймаешь!* [ПС 2006: 136, 96, 264].

В «Прикольном словаре» принят лексический способ подачи материала: антипословицы помещаются за первым знаменательным словом пословицы-прототипа, затем приводится текст протопословицы, после которого следуют собственно антипословицы, напр., статья «Шило»: *Шила (шило) в мешке не утаишь. Жуков 1966 <...> А шило в мешке ногам покою не даёт...* (Контаминация пословиц *Шила в мешке не утаишь* и *Дурная голова ногам покою не даёт*); *Пиво в животе не утаишь...* [ПС 2006: 351]. Однако этот принцип подачи материала иногда нарушается. Так, выражение *Роешь другому яму — не забудь постелить солому* приводится в статье «Яма» [Там же: 366], хотя должна быть помещена в статью «Другой». Неясно, почему отсутствует статья «Кто» для антипословицы *Кто раньше встаёт, тот льёт как из ведра*, которая помещается в статье «Бог» [Там же: 23].

Антипословицы, представляющие собой контаминацию, в отличие от антипословиц, возникших вследствие изменений в лексическом составе, теоретически могут помещаться в двух или в трёх статьях, содержащих лексему из любой из

двух или трёх пословиц, подвергшихся контаминации. Так, *Любишь кататься — полезай в кузов* (контаминация пословиц *Любишь кататься — люби и саночки возить* и *Назвался груздем — полезай в кузов*) приводится и в статье «Саночки», и в статье «Груздь» [ПС 2006: 253, 71]. Однако большинство антипословиц, объединивших в своём составе несколько паремий, приводится в «Прикольном словаре» только один раз. Напр., антипословица *Береги честь смолоду — полюбишь и козла* (контаминация пословиц *Береги платье снову, а честь смолоду* и *Любовь зла — полюбишь и козла*) приведена в статье «Платье» [Там же: 205] и отсутствует в статье «Любовь»; антипословица *За двумя зайцами погонишься — не вытащишь и рыбку из пруда* (контаминация пословиц *За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь* и *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*) зафиксирована в статье «Заяц» [Там же: 117] и отсутствует в статьях «Рыбка», «Труд». Таким образом, в «Прикольном словаре» большинство антипословиц, образованных путём контаминации, оказываются «оторванными» от одного из породивших их выражений: *Одна голова хорошо, вылетит — не поймаешь* помещается в статье «Голова» как трансформация пословицы *Одна голова хорошо, а две лучше* [Там же: 63] и не упоминается в статье «Слово» среди антипословиц, образованных на базе *Слово не воробей: вылетит — не поймаешь* [Там же: 264].

Представляется, что целесообразно было бы включать ссылки на антипословицы в каждую из статей, представляющих пословицы, участвующие в контаминации. Во-первых, это позволило бы представить во всей полноте все трансформации той или иной пословицы, а во-вторых, значительно бы облегчило читателю поиск нужного выражения, тем более что в «Прикольном словаре» отсутствует алфавитный указатель антипословиц и указатель стержневых слов.

По нашим наблюдениям, ссылками на выражения, участвующие в контаминации, в основном сопровождаются антипословицы, образованные путём объединения пословиц. Так, в статье «Работа» [Там же: 229] указанием на контаминацию как способ образования выражения сопровождаются следующие антипословицы: *Работа не волк: сколько ни корми, всё в лес смотрит* (контаминация пословиц *Работа не медведь, в лес не уйдёт* и *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит*); *Голод не тётка, в лес не убежит* (контаминация пословиц *Голод не тётка* и *Работа не медведь, в лес не уйдёт*). Однако у целого ряда выражений указание на контаминацию и список пословиц, участвующих в контаминации, отсутствуют: *Взялся за гуж — не объедайся груш*; *Одна голова хорошо — один раз отрежь*; *Одна голова хорошо — кобыле легче*; *Нисколько волка не корми — волка ноги кормят*; *Не всё то дерево, что не тонет* [ПС 2006: 72; 62; 47; 123].

Значительно реже приводятся сведения об источнике антипословиц в тех случаях, когда контаминации подвергаются не части пословиц, а пословица и фразеологизм. Так, не комментируются следующие антипословицы: *Старый друг лучше новых русских двух*, *Работа не волк: есть не просит*, *Тили-тили-тесто — два сапога пара*; *Сколько волку палец в рот ни клади, а он всё равно его откусит*; *Любишь кататься — так (ну и) катись к чёртовой матери*; *Любишь кататься, катись (отсюда) к чёртовой матери*; *Глаза боятся, а руки крюки* [Там же: 93, 229, 298, 48, 252, 59].

На наш взгляд, отсутствие комментариев к подобным выражениям отчасти объясняется тем, что многие устойчивые обороты речи, участвующие в конта-

минации, не зафиксированы фразеологическими словарями, а также тем, что в отношении некоторых выражений, обладающих устойчивостью и воспроизводимостью, процесс фразеологизации не завершился. Среди таких устойчивых словесных комплексов можно назвать, напр., *сообразить на троих* — *Одна голова хорошо, а на троих лучше соображается* [Там же: 62], *третьим будешь* — *За двумя зайцами погонишься — третьим будешь* [Там же: 117]; *новый русский* — *Старый друг лучше новых русских двух* [Там же: 93]. Последний фразеологизм представлен в «Современном фразеологическом словаре» А. В. Жукова, М. Е. Жуковой: «*Новый русский*. Нов. Российский предприниматель, бизнесмен, быстро разбогатевший в период перестройки и особенно в постсоветский период» [СФСРЯ 2009: 245]. Возможно, участие фразеологических неологизмов в образовании антипословиц (и их фиксация в «Прикольном словаре») послужит своеобразным «катализатором» для фразеологизации таких выражений.

Антипословицам так же, как и «классическим» пословицам, поговоркам и фразеологизмам, свойственна вариантность. В Словаре антипословицы, находящиеся в отношениях вариантности, чаще всего представлены в качестве самостоятельных единиц, напр.: *Любишь кататься, катись (отсюда) к чёртовой матери*, *Любишь кататься — так (ну и) катись к чёртовой матери*; *Баба с возу — кобыла в курсе дела*, *Баба с возу — кобыла в курсе*; *Не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня!*, *Не откладывай на завтра то, что можно съесть сегодня!*; *Нечего на зеркало пенять, коли к нему задом стоишь*, *Нечего на зеркало пенять, коли спиной стоишь* [ПС 2006: 252, 14, 115, 120]. Такую практику подачи материала можно считать оправданной, поскольку зафиксированные в Словаре единицы имеют разный источник и обладают разным характером воспроизводимости.

Неуместным, на наш взгляд, выглядит толкование некоторых фразеологизмов, участвующих в контаминации, тем более что в отношении пословиц оно отсутствует: *На безрыбье и рак свистнет* (контаминация пословицы *На безрыбье и рак рыба* и поговорки *когда рак свистнет* «никогда»), *Кто раньше встаёт, тот льёт, как из ведра* (контаминация пословиц *Кто рано встаёт, тому (и) Бог даёт* и поговорки *лёт как из ведра* «о проливном дожде») [Там же: 19, 23].

В заключение хочется сказать, что авторами найдена удачная форма лексикографического представления материала, наглядно демонстрирующая генетическую связь комической пословицы и паремии-прототипа. Некоторая непоследовательность в описании рассматриваемой разновидности антипословиц объясняется сложным и неоднородным характером материала. Ставшее объектом критики некоторых исследователей (см. [Жигарина, Вальтер, Мокиенко 2009]) включение в «Прикольный словарь» индивидуально-авторских модификаций пословиц и поговорок ценно тем, что отражает особенности бытования современного фольклора и позволяет представить процессы, происходящие в живой современной речи.

ЛИТЕРАТУРА

Вальтер Х. К читателю // Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). — СПб.: Нева, 2006. — С. 3–5.

Жигарина Е. Е., Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=78205> (дата обращения: 02.06.2011).

Жигарина Е. Е. Вариативность пословиц в современном бытовании // Живая старина. — 2006. — № 1. — С. 26–29.

Петрова Л. А. Паремииологический минимум в лексиконе языковой личности современных учащихся: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — В. Новгород, 2007. — 20 с.

ПС: Мокиенко В. М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). — СПб.: Нева, 2006. — 384 с.

РРК: Русская речевая культура: учеб. словарь-справочник. — СПб.: САГА; Азбука-классика, 2006. — 224 с.

СФСРЯ: Жуков А. В., Жукова М. Е. Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1 600 фразеол. единиц. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 443 с.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF ANTI-PROVERBS IN THE 'COOL DICTIONARY' BY V.M. MOKIYENKO AND H. WALTER

A. V. Batulina

Considering anti-proverb as a precedent text transformation the author gives critical analysis of four books by well-known Slavists V.M. Mokiienko and H. Walter who subjected anti-proverbs to lexicographic characterization. The author of the article has placed particular emphasis on the principles of presenting anti-proverbs that are made up of the parts of two or more rarely three proverbs and set phrases.

Key words: anti-proverb, notional word, contamination, lexicographic, proverb, prototypical proverb.

© 2011

О. В. Ломакина

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена особенностям лексикографического описания пословиц. Дается краткий обзор существующих словарей пословиц и поговорок. Анализируются принципы построения материала, особенности построения словарных статей как в паремииологических, так и в авторских словарях.

Ключевые слова: паремииология, структура словарной статьи, сводный словарь паремий.

Ломакина Ольга Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Московского института иностранных языков. E-mail: rusoturisto07@mail.ru

В последние годы интерес к паремиологии как отрасли лингвистики заметно возрос, далеко не последнюю роль в этом играет появление многочисленных словарей. Однако не все словарные опыты отличаются добротностью, полезностью, на что указывает М. Е. Жукова [Жукова 2008: 138–146], а также новизной, аутентичностью иллюстративного материала.

Подробную классификацию расположения пословиц в словаре предложил Г. Л. Пермяков в статье «Классификация пословичных изречений» (1988). Известный паремиолог выделяет пять типов классификации: 1) алфавитный — размещение по первому слову в алфавитном порядке, 2) лексический / энциклопедический — по опорным (стержневым) словам, 3) монографический — группировка единиц в хронологическом порядке или с учётом территориальной характеристики, 4) генетический — в соответствии с происхождением паремии, 5) тематический — распределение пословиц с учётом общности их семантики [Пермяков 1988: 11–13]. Нельзя не отметить и точку зрения Л. Б. Савенковой: группировка пословиц возможна в зависимости от цели составителя — просветительской или научной [Савенкова 2002: 41–42].

В отечественной лексикографии описание паремий осуществлялось по следующим направлениям: по тематическому принципу [Даль 1996; Зимин, Спирин 2006; Мокиенко, Никитина 2011], в алфавитном порядке [Аникин 1988, Жуков 1967, Михельсон 1997, Снегирёв 1995], по монографическому типу [Пословицы... 1961], по стержневому принципу [Мокиенко, Никитина 2001; БСРП 2010].

При **тематическом принципе** паремии объединяет семантическая общность, которая «происходит в силу сходства или общности функций обозначаемых словами предметов и процессов в одном и том же или разных языках. Подобные группы слов объединяются по чисто номинативной, а не сигнификативной стороне слова» [Уфимцева 2004: 133]. Таким образом, паремии, составляющие тематическую группу, содержат представления народа о материальной культуре, ценностных ориентирах и расширяют культурологическую информацию о репрезентируемом объекте. Тематический принцип расположения паремий «не лишён серьёзного недостатка — субъективности отнесения пословицы к конкретной теме» [Савенкова 2002: 46].

Сборник «Пословицы русского народа» В. И. Даля (1862) является на сегодня самым полным собранием малых жанров фольклора, включающим не только пословицы и поговорки, но и другие виды народных речений: присловья, загадки, приметы, скороговорки, прибаутки, функционирование которых относится к концу XVIII–XIX в. (ок. 30 тыс. единиц). Собранный паремиологический материал распределяется по 179 разделам, названным одним словом («Царь», «Вселенная», «Грамота»); двумя словами: антонимами («Молодость — Старость», «Радость — Горе», «Хорошо — Худо»), синонимами («Верное — Надёжное», «Учение — Наука»), реже — тремя словами, связанными ассоциативно или парадигматически («Начальство — Приказ — Послушание», «Добро — Милость — Зло»). По точному наблюдению В. М. Мокиенко, «авторитет собрания В. И. Даля способствовал и тому, что доминирующим принципом организации такого материала в большинстве последующих словарей и сборников русских пословиц стал принцип тематический» [Мокиенко 2010: 6]. Впоследствии по тематическому принципу были составлены многие сборники, в последние десятилетия — «Пословицы

и поговорки русского народа» В. И. Зимина и А. С. Спирина (1996), «Народная мудрость» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (2011).

Объяснительный словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зимина и А. С. Спирина, по наблюдению Л. Б. Савенковой, «помогает составить лингвокультурный портрет русского народа, передать его взгляд на многие социально и культурно (в том числе и этнически) значимые вещи, добавить штрихи к наивной картине мира, сложившейся в русском сознании» [Савенкова 2002: 48]. Корпус словаря составляют около 40 000 единиц, вплетённых в канву повествования-объяснения и разделённых на 47 глав в соответствии с антропоцентрическим принципом. В предисловии отмечается: «В пословицах и поговорках нашла отражение вся многогранная жизнь народа, все сферы деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями. Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных проявлениях — во всём своём блеске и во всех своих неприглядностях» [Зимин 1996: 3].

Словарные статьи в сборнике «Народная мудрость» организованы по тематическому принципу. Разделение пословиц на группы составители объясняют в предисловии: «Тематические доминанты являются эффективной реакцией на самые актуальные проблемы нашей жизни, её болевые точки и идеалы» [Мокиенко 2011: 11]. Всего в словаре выделено 24 бинарные оппозиции, «т.е. большинство из них описывается в виде антонимических или взаимно дополняющих пар — обозначений» [Мокиенко 2011: 15]: «Богатство и бедность», «Война и мир», «Добро и зло», — внутри которых выделены подрубрики. Напр., гендерная оппозиция «Мужчина и женщина» включает следующие подрубрики: «Молодость и старость», «Юноша — девушка», «Старик — старуха», «Ум, смекалка», «Характер, поведение, привычки», «Труд», «Социальный статус, положение в семье» [Мокиенко 2011: 298–311]. В тематических группах пословицы располагаются в алфавитном порядке.

Расположение в **алфавитном порядке** предполагает классификацию по первым буквам паремии. «Неоспоримым достоинством алфавитной системы является её простота» [Пермяков 1988: 12]. Однако неоднократно отмечалось [Мокиенко 2001, 2010; Савенкова 2002], что расположение в словаре паремий по алфавиту затрудняет поиск единицы. Прежде всего, это связано с наличием у неё вариантов: такой порядок следования паремий «излишне формализован и заставляет описывать близкие, а иногда и тождественные варианты пословицы и поговорки в разных местах» [Мокиенко 2001: 7]. Алфавитный принцип организации материала лёг в основу словарей, созданных как в XIX в. (И. Снегирёв «Русские народные пословицы и поговорки»), так и в XX в. (словари М. И. Михельсона, «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, сборник «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» В. П. Аникина).

Монографический принцип предполагает группировку паремий по пространственной или хронологической общности их собирания или по составителю. По монографическому типу построен сборник «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв.» (1961).

На наш взгляд, наиболее оправданным является расположение паремиологического материала по **стержневому компоненту**, что облегчает поиск нужной единицы. Терминологические разногласия (параллельно сосуществующие термины

стержневое слово, стержневой компонент, фразеологическое гнездо) подтверждают тезис, высказанный В. М. Мокиенко в предисловии к «Большому словарю русских пословиц» относительно отсутствия в отечественной лексикографии сформировавшейся теории создания словарей, организованных по стержневому принципу, когда среди пословиц и поговорок выбирается первое знаменательное слово (чаще — имя существительное), в котором сконцентрирован основной смысл единицы. Несмотря на существующие европейскую (тезаурус немецкой паремиологии К. Ф. В. Вандера) и отечественную («Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина) лексикографические традиции, стержневой принцип не использовался при подаче материала в сборниках пословиц и поговорок. «Благодаря принципу объединения паремий вокруг каждого из её компонентов исследователь получает интересную картину, позволяющую увидеть, как отдельные фрагменты пословицы становятся постоянными выразителями определённого семантического фрагмента, неким кодом, сближающим разные семантические сферы» [Селивёрстова 2009: 53]. «Большой словарь русских пословиц» — первый в русской лексикографии паремиографический сборник, построенный по стержневому типу. Выбранный стержневой принцип позволяет читателю быстрее найти необходимую пословицу.

Обработка огромного паремиографического массива позволила составителям БСРП с максимальной достоверностью паспортизировать каждую словарную единицу. Так, напр., диалектный материал, до этого лишь содержащийся в словаре «Русские пословицы и поговорки» М. А. Рыбниковой (1961), имел пометы, которые отражали самые крупные единицы диалектного членения (севернорусское — южнорусское). При составлении «Большого словаря русских пословиц» активно использовались материалы диалектных словарей, что нашло отражение и в системе географических (административных) помет, список которых приводится в начале словаря [БСРП 2010: 10–12]. Кроме пространственной (ареальной), в словарной статье представлена хронологическая характеристика. Она «достигается имплицитно — путём точной паспортизации источников, которые расположены в хронологическом порядке» [БСРП 2010: 8]: приводятся ссылки на паремиографию, начиная с XVIII в. и заканчивая началом XXI в. Хронологическая характеристика позволяет узнать, когда пословица была впервые зафиксирована в лексикографических источниках.

Стоит отметить и особенности структуры словарной статьи «Большого словаря русских пословиц», которая включает следующие компоненты: стержневое слово (сначала даётся в начальной, при необходимости — в исходной форме), пословица во всех зафиксированных формах с указанием лексикографического источника (представленного в сокращённом виде), года издания, номера страницы.

В отечественной паремиографической традиции словарная статья нередко содержит историко-этимологический или лингвокультурологический комментарий. Так, напр., некоторые из словарных статей сборников М. И. Михельсона «Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний)» и «Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии» включают этимологический комментарий. Несмотря на простоту некоторых формулировок, «до сих пор ещё подавляющее число историко-этимологических толкований этой области нашего языка

прямо восходит к собранию М. И. Михельсона» [Мокиенко 2004: 10]. Словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зиминой и А. С. Спириной содержит исторический, лексический, этимологический комментарий, с помощью которого составители раскрывают семантику единицы, трактуют непонятные читателю слова. «Большой словарь русских пословиц», по замыслу составителей, «даёт концентрированный материал для историко-этимологических и текстологических исследований нашего пословичного наследия» [Мокиенко 2010а: 8].

Некоторые словарные статьи в «Большом словаре русских пословиц» сопровождаются историко-этимологическим комментарием; ценным является комментарий, содержащий ссылку на первоисточник пословицы: *Добрые молодцы по неволе не ездят* (сказка «Марья Моревна») [БСРП 2010: 547]; *Молодых будить — черепья бить* (из свадебного обряда: «когда разбивают глиняную посуду, а невеста должна убирать черепки») [БСРП 2010: 548], а также указание на автора пословицы: *Как кликнешь, так и откликнется* — В. И. Лукин [БСРП 2010: 410]; *Легковерный скоро в обман пасть может* — А. Д. Кантемир [БСРП 2010: 613]; *Чёрта крести, а чёрт в воду лезет* — М. А. Матинский [БСРП 2010: 991]; *Всё пропьём, но флот не опозорим* — В. Конечный [БСРП 2010: 944] и др.

Поэтапный историко-этимологический анализ фразеологизмов и паремий, разработанный В. М. Мокиенко, позволяет «произвести отсев однозначно сомнительных интерпретаций либо обосновать сомнительность в истинности освящённых традицией “этнографических” толкований» [Мокиенко 2010: 120]. Историко-этимологический анализ включает следующие этапы: 1) фиксацию всех вариантов и их лингвогеографическое описание в пределах одного языка; 2) сопоставление собранного материала с языковыми фактами родственных языков, «позволяющее <...> определить, имеют ли они генетические или типологические истоки»; 3) сопоставление результатов исследования с хронологической регистрацией конкретных единиц в конкретных языках и диалектах; 4) изучение лингвистических фактов на фоне культурологических, этнографических, мифологических для расшифровки фразеологического этимона; 5) сравнение лингвистической интерпретации с экстралингвистической и выявление на основе собранного материала исходного образа — этимона [Мокиенко 2010: 103].

Как известно, наиболее сложным является определение значения пословиц. Е. В. Иванова, говоря о пословичной лексикографии, обращает внимание на то, что проблема «описания значения пословицы является одной из наиболее сложных в паремиологии» [Иванова 2004: 52].

Несмотря на то что в настоящее время паремиологи могут использовать для интерпретации русских пословиц и поговорок около 30 словарей, изданных в период с XIX по XXI в., лишь немногие составители словарей пословиц и поговорок определяли своей задачей включение в состав словарной статьи семантизации. В отечественной паремиографии одним из образцов корректной семантизации пословично-поговорочного материала является «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, хотя составитель предлагает толкование далеко не всех единиц. В «Большом словаре русских пословиц» семантизация пословиц также единична.

Некоторые составители словарей приводят толкование отдельного компонента паремии, незнание которого может привести к неправильному пониманию

единицы. В некоторых случаях В. И. Даль в сборнике «Пословицы русского народа» комментирует отдельный компонент, что помогает понять её смысл. Составители «Большого словаря русских пословиц» приводят значения диалектизмов: в словарной статье, посвящённой пословице *Что (Што) самый лисливый, то самый кусливый* — слова *лисливый* («лисливый — лстыивый, кусливый — кусающийся, имеющий свойство, привычку кусаться»), распространённых в смоленских говорах [БСРП 2010: 486]); имён собственных: при трактовке паремии *По милости боярской сам себе Пожарский* — имени *Дмитрий Михайлович Пожарский* [БСРП 2010: 535], в толковании пословицы *Матигоры — воры: Богородицу украли, в огороде закопали* — названия села *Матигоры* [БСРП 2010: 519].

Как показывает практика работы с паремиологическими словарями, ценность собрания пословиц увеличивается, если словарные статьи содержат семантизацию единицы или хотя бы толкование её отдельных компонентов.

Наряду с паремиологическими собраниями, стоит остановиться на авторской лексикографии (см.: [Ломакина 2010]). Некоторые словари языка писателя отражают особенности употребления паремиологических ресурсов языка. Так, «Словарь языка Василия Шукшина» В. С. Елистратова (2001) «представляет собой первую попытку комплексного лексикографического исследования творчества В. М. Шукшина» [Елистратов 2001: 7], поэтому вполне логичным является включение в словарь не только слов и фразеологизмов, но и паремий. Составитель словаря не разделяет фразеологические единицы и паремии, отмечая их лишь общепринятым знаком. Словарная статья включает как толкование анализируемых единиц, так и их контекстное употребление.

В «Словарь языка басен Крылова» (2006) Р. С. Кимягорова включает пословицы, которые «не толкуются, а только иллюстрируются цитатами» [Кимягорова 2006: 25]. Пословицы приводятся в конце словарной статьи, после всех остальных типов фразеологизмов.

Составитель словаря «Фразеологизмы в творчестве Владимира Высоцкого» Н. С. Уваров (2007) включает пословицы в общем фразеологическом массиве, приводит их семантизацию и контекстуальное использование.

Другим примером авторской лексикографии может послужить «Словарь языка Достоевского» (2008), в предисловии к которому сказано, что язык данного писателя отличается активное использование паремий, которые, наряду со словами и ФЕ, составляют идиоглоссу — «тезаурусообразующую единицу, или единицу когнитивного плана» [Словарь 2008: X]. Так, в словарной статье *Бог* составители приводят 9 паремий в 12 контекстуальных употреблениях, однако не раскрывают значение этих единиц.

Проведённый анализ авторских словарей показывает, что составители не всегда разграничивают пословицы в анализируемом фразеологическом фонде, иногда приводят толкование рассматриваемой единицы, что позволяет читателю адекватнее воспринять текст и дополняет сведения не только об особенностях языка писателя, но и о потенциале русской паремиологии: вариативности, семантике, синтагматике.

При паремиографической обработке пословиц и поговорок одним из сложных является вопрос вариантности анализируемых единиц. Как справедливо отмечает В. И. Беликов, «если вариативность лексической единицы — нечастое исключе-

ние, в паремиологическом фонде это норма» [Беликов 2008: 46]. Очевидно, что для выявления всего многообразия вариантов паремий важна их точная паспортизация, которая даётся в «Большом словаре русских пословиц». Осуществляемая составителями «корректная паспортизация каждой пословицы становится её точным ориентиром в пространстве и времени» [БСРП 2008: 8]. Таким образом, благодаря «Большому словарю русских пословиц» становится возможным разделить синтагматические и парадигматические изменения, а также увидеть всё многообразие существующих вариантов.

Как нам представляется, работа по созданию словарей пословиц и поговорок может получить новый импульс: следующим этапом для лексикографов должно стать составление сводного словаря паремий, используемых русскими писателями, который позволит не только увидеть особенности авторского языка, выявить основные тенденции использования пословиц и поговорок в «кресте реальности» (термин В. Н. Телии), т. е. в синхронии и диахронии, но и уточнить характер употребления той или иной единицы, констатировать время и место появления нового варианта.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. — М.: Учпедгиз, 1957. — 240 с.
- Беликов В. И. Паремии как объект лексикографии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегод. междунаро. конф. «Диалог». Вып. 7 (14). — М.: РГГУ, 2008. — С. 45–49.
- БСРП 2008: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 784 с.
- БСРП 2010: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
- Галиуллин К. Р., Мартынов Д. А. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII — первой половины XVIII века: сборник пословиц Петровской галереи. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. — 188 с.
- Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. — М.: ТЕРРА; «Кн. лавка — РТР», 1996.
- Елистратов В. С. Словарь языка Василия Шукшина. — М.: Азбуковник; Рус. слов., 2001. — 432 с.
- Жигулёв А. М. Русские народные пословицы и поговорки. — М.: Наука, 1969. — 448 с.
- Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М.: Сов. энцикл., 1967. — 535 с.
- Жукова М. Е. О «новой» русской фразеологии // Жуков А. В. Очерки по фразеологической семантике. — Великий Новгород: НовГУ, 2008. — С. 138–146.
- Зимин В. И., Спиринов А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. — М.: Сюита, 1996. — 544 с.
- Иванова Е. В. Проблемы пословичной лексикографии // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): материалы междунаро. науч. симпозиума. — Великий Новгород: НовГУ, 2004. — С. 52–54.
- Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. — М.: Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. — 480 с.
- Кимягарова Р. С. Словарь языка басен Крылова. — М.: Рус. слов., 2006. — 928 с.

Ломакина О. В. Особенности представления паремий в словарях различных типов // II Congreso Internacional «La lengua y literatura rusa en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Granada, 8–10 de septiembre de 2010. Tomo II. — Granada, 2010. — P. 2085–2090.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. — М.: ТЕРРА, 1997.

Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). — М.: ТЕРРА, 1997. — 624 с.

Мокиенко В. М. «Русская мысль и речь» М. И. Михельсона и современная фразеология // Проблемы фразеологической и лексической семантики: Материалы Международ. науч. конф. (Кострома, 18–20 марта 2004 г.). — М., 2004. — С. 7–16.

Мокиенко В. М. Историческая фразеология славянских языков // Теорија дијахронијске лингвистике. — Београд, 2010. — С. 103–129.

Мокиенко В. М. О словаре псковских пословиц и поговорок // Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб.: Норинт, 2001. — С. 5–11.

Мокиенко В. М. Предисловие // *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010а. — С. 4–9.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 416 с.

Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. — М.: Наука, 1988. — 236 с.

Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. / изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. — М.; Л.: АН СССР, 1961. — 289 с.

Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. — М.: Худ. лит., 1988. — 431 с.

Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. — М.: АН СССР, 1961. — 230 с.

Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. — Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т, 2002. — 240 с.

Селивёрстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. — СПб.: Мирс, 2009. — 270 с.

Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. — СПб., 1899. — 216 с.

Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. — М.: Азбуковник, 2008. — 964 с.

Снегирёв И. Русские народные пословицы и поговорки — М.: ТЕРРА, 1995. — 352 с.

Соболев А. И. Народные пословицы и поговорки. — М.: Моск. рабочий, 1955. — 155 с.

Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. — М.: УРСС, 2004. — 286 с.

PARAMETERIZATION OF RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS IN LEXICOGRAPHIC PRACTICE

O. V. Lomakina

The article, dealing with lexicographic presentation of proverbs, provides an overview on available dictionaries of proverbs and sayings, analyzes material layout principles and

peculiarities of dictionary entries both in general paremiological and idiolect dictionaries.

Key words: paremiology, dictionary entry structure, general dictionary of proverbs and sayings.

© 2011

Л. С. Панина

«МОЛВУШКИ» В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ И ИХ МЕСТО В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Термин *молвушки* впервые употребляется в словаре А. С. Спирина, хотя и раньше были попытки определить их как самостоятельный жанр. Молвушки упоминаются в словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова, А. И. Молоткова. Детальное же изучение молвушек начинается с исследований известного фразеолога В. И. Зимины, который определяет их как ответную реплику на реплику собеседника. Молвушки вне речевого контекста чаще всего не содержат никакой идеи. Но у молвушек и пословиц есть общие структурные признаки — и те, и другие употребляются в речи в качестве самостоятельных предложений.

Ключевые слова: молвушки, фразеология, ответная реплика, интонация, пословица.

В речевой практике очень часто можно наблюдать устойчивые словосочетания, которые трудно по различным грамматическим признакам отнести к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и крылатым словам. Это такие слова и выражения, как *вот ещё, была нужда, вот те и клюка, ты ли это, кого я вижу* и др. До сих пор они не имеют точной «прописки» и определения.

Известно, что в своё время академик В. В. Виноградов, делая попытку заниматься ими, называл эти единицы модальными словами.

Жанр молвушек пытался определить и В. И. Даль. Однако он практически выделил только жанр присловий как жанр областных дразнилок, а термина *молвушки* не упоминает в своих трудах. В «Напутном» же к своему словарю В. И. Даль определял ещё один жанр устойчивых словосочетаний, схожих с молвушками своим грамматическим составом, — приговорку, которую он характеризует следующим образом: «Приговорка это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке» [Даль 1984: 20].

В Словаре русского языка С. И. Ожегова также делается попытка определить устойчивое словосочетание, активно функционирующее в речевой практике, — присловье как жанр. «Присловье — это поговорка, вставляемая в речь ради украшения, увеселения, шутики» [Ожегов 1972: 550].

Термин же *молвушки* впервые упоминает А. С. Спирин в своём словаре русских пословиц в 1985 г. [Спирин 1985: 193].

Панина Лидия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: Panina_L@rambler.ru

В 2005 г. В. И. Зимин в сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» упоминает о самостоятельном жанре, таком, как «молвушки», сравнивая их с жанром «присловий» [Зимин, Спирин 2005: 384]. В. И. Зимин утверждает: «...иногда их трудно отличить друг от друга. Роднит между собой эти два жанра то, что и присловья, и молвушки употребляются в качестве ответной реплики на реплику собеседника. В народе такие выражения, по мнению В. И. Зимина, называют «отговорками» [Там же: 389]. Это определяет актуальность обращения к данным устойчивым словосочетаниям русских людей.

Целью нашего изучения является выявление молвушек как самостоятельных языковых комплексов и отграничение их от других устойчивых словосочетаний в русском языке. Также попытаемся в нашем исследовании определить ситуации, в которых могут функционировать те или иные молвушки, одновременно объединив их в соответствующие тематические группы. Всего нами собрано около четырехсот устойчивых словосочетаний, которые мы будем называть *молвушками*.

Как показали результаты наших наблюдений, молвушки в целом примыкают к пословицам. У молвушек и пословиц есть общие структурные признаки — и те, и другие употребляются в речи в качестве самостоятельных предложений. Правда, самостоятельность молвушек относительна. Пословица понятна и вне речевого контекста. Молвушки вне речевого контекста чаще всего никакой идеи не содержат.

Напр., выражения *была нужда, вот ещё, тоже мне, ещё бы, надо же* и т. п. могут восприниматься как фрагменты каких-то фраз и не более. Если употребить их в качестве ответа на реплику собеседника, они приобретают конкретный смысл. Напр., один другому предлагает что-либо очень выгодное и спрашивает: «Хочешь ли ты это получить (сделать и т. п.)?» В ответ он слышит: «*Ещё бы!*». Иными словами: «Ещё бы не захотеть получить благо?» А вот если человеку предложат что-либо обременительное для него, свой отказ от предложения он выражает другими молвушками: «*Вот ещё! Была нужда!*». Молвушки, как нам кажется, определить хоть сколько-нибудь точно не представляется возможным. Их надо понимать в диалоге, в ситуации. Чтобы осмыслить молвушки, надо внимательней прислушиваться к интонации говорящего. Следовательно, интонация делает то или другое выражение молвушкой. Не поняв интонации, трудно понять смысл молвушки. Это должен помнить каждый пишущий и говорящий, чтобы написанное им или сказанное дошло до сознания не только русского человека, но и того, кто только изучает русский язык.

Молвушку трудно осмыслить. Значительно трудней, чем пословицу, поговорку или фразеологизм. *Молвушку* невозможно перевести на другой язык одним словом. Небольшая часть *молвушек* нашла своё отражение во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [Молотков 1978: 78]. Молвушки, как и фразеологические единицы, толкуют в словаре одной фразой, составляющей текст толкования. Нам думается, что для молвушек этого недостаточно, поэтому в толковании их наблюдаются неточности. Напр., в этом словаре приводится толкование выражения (молвушки): *Вот (вон) оно что!* Выражение сильного удивления, изумления [Молотков 1978: 80]. Человек, стремясь определить сущность какого-либо явления или поведения другого человека, много раз задавал себе вопрос: «Что бы это значило?» Упростим этот вопрос: «Что оно значит?» Если человек сам нашёл ответ на этот вопрос, то и восклицает: «*Вот оно что!*».

Если кто-либо другой подсказал ему ответ, он заключает: *«Вон оно что»*. Как видно из примеров, тут нет ни удивления, ни изумления. Просто человек обрадовался, что разгадал сущность явления, не обманулся. Иными словами: *«Вот уж не ожидал от него такой прыти»* и т. п.

Известные молвушки *Вот так клюква!*, *Вот так штука!*, *Вот те (тебе) (и) на!*, *Вот те (тебе) (и) раз!* трактуются (все пять) одинаково: с их помощью выражают удивление, разочарование и т. п. Но молвушки эти при некоторой их формальной схожести далеко не одинаковы по содержанию. Их смысловые оттенки очень часто проясняются при уточнении их этимологии. Некоторые же молвушки не требуют раскрытия этимологии, но в словарях необходимо указывать на ситуацию их употребления. Тут следует оговориться, что молвушка, как и пословица, многозначна или, лучше сказать, многозначительна. Она имеет, как правило, очень широкое значение, уточняемое лишь в ситуации употребления, во многих схожих ситуациях [Зимин Спирин 2005: 398].

Молвушки, по нашему мнению, можно объединить в несколько тематических групп. Напр., радость от встречи с кем-либо или другие эмоции выражают молвушками *Батюшки-светы!*; *Ты ли это?*; *Кого я вижу!*; *Сколько лет, сколько зим!*; *Явилась святая душа на костылях!*; *Явился, не запылелся!*; *Какие люди, и без охраны!*; *Какими судьбами?*; *Каким ветром тебя сюда занесло?*

Если пришёл нежеланный гость, ему говорят: *Думали, свежи, а это всё те же!*; *Ждали его с моря на корабле, а он выскочил с печки на лыжах!*; *Без тебя здесь и пива не сварят!*; *Здрасьте, приперлися* и др.

Если кто-то сделал что-то несурзное или неожиданное, то ему говорили, смеясь: *Здорово, кум Фаддей!*; *Здравствуй, кума, завтра Новый год!*; *Здрасьте, я ваша тётя, мы сродни, давай поцелуемся!*; *Вот это сказанул!*; *Ну и сказанул!*; *Ну и ну!*; *Сказал, как в кувшин дунул!*; *Как в лужу пёрышко пустил. Один думал? Или кто подсказал?*; *Ишь, что ещё выдумал!*; *Видали такого?*; *А я-то думал, что ты умный* и др.

Если умный человек подобное сказал, то его оговаривают: *Это от большого ума-то!*; *Ты один думал!*; *Это не от большого ума, а от доброго сердца!*; *Царница (ты моя) небесная!*; *Вы только поглядите на него, какой умный!*; *Откуда только взялся?* и др.

Говорящий, допустив промах, досадует по поводу случившегося: *Мать честная!*; *Ёлки-палки!*; *Ёлки зелёные!*; *Ёлы-палы!*; *Ё. К. Л. М. Н!*

Со стороны ему говорят: *Пиши — пропало!*; *Плакали твои денежки!*; *Ты ещё тут!*; *Не говори под руку!*; *Тебя только тут и недоставало!*; *Без сопливых обойдёмся!*; *Без сопливых солнце светит!*

Когда дела идут хорошо, радуются, показывая большой палец: *Во!*; *На большой!*; *На большой с присыпкой!*; *На ять!*; *На все сто!*; *Что надо!*

Известно, что перед началом серьёзной работы говорят: *Начнём, благословясь!*; *С богом!*; *В добрый час!* и др.

Если исполнитель работ проявляет активность, ему говорят (часто с оттенком насмешки): *Вот даёт!*; *Ну и даёт!*; *Землю роет копытом!*; *Вот даёт прикурить!*; *Дёт копоти!*; *Как у Гужона, только труба пониже и дым пожиже!*; *Даём стране угля, мелкого, но много!* и др.

Подбадривая кого-либо, говорят: *Так держать!; Жми на всю железку!; Гони на всех порах!*

Если не одобряют чью-либо активность, иронизируют: *Молодец, дурак, старайся!; Страна учтёт твои труды.*

Когда человек берётся за дело с большим рвением и не без риска для себя, он приговаривает: *Была не была!; Куда ни шло!; Будь что будет!; Где наше не пропало!; Пропадай, моя телега, все четыре колеса!; Семь бед — один ответ!; Что будет, то и будет!; Двум смертям не бывать, а одной так и так не миновать!; Помирать, так с музыкой!; Трус в карты не играет!; Риск — благородное дело! и др.*

Если человек берётся за дело, которое явно ему не по силам, ему говорят: *Не носу табак!; Ты ещё мелко плаваешь!; Мелко пашешь. Слаб в коленках!; Кишка тонка!; Мало каши ел!; Нос ещё не дорос!; Сначала нос научись утирать!; Высоко взял — не вытянешь!; Широко шагаешь — штаны порвёшь! и др.*

Если это имеет отношение к молодому человеку, могут добавить: *Ишь ты!; Ишь ты какой прыткий!; Откуда ты явился такой красивый?; Из молодых, да ранний!; Кто я! Ещё материнское молоко на губах не обсохло!; Тоже мне (герой нашёлся)! Вы только посмотрите на него! и др.*

И когда случается с таким беда, его советчик восклицает: *А я что говорил?; Так я и знал!; Как в воду глядел! и др.*

Отказ от невыгодной сделки, какого-либо предложения и т. п. выражают молвушками *Увольте меня от такой радости!; Нет уж, увольте!; Спасибо вашему дядьке!; Поблагодари от моего имени твою бабушку!; Ваш покорный слуга!; Ни за какие коврижки! и др.*

Отказ от грязной и тяжёлой работы выражают молвушками *Мы не так воспитаны!; Образование не позволяет (заниматься грязной работой)!; Не царское это дело! и др.*

В русском языке есть молвушки, употребляемые говорящими в качестве ответа попрошайке: *Фигу тебе!; Фигу с маслом!; Накося, выкуси [показывают комбинацию из трех пальцев]!; Дудки!; Ишь чего захотел!; Многого хочешь!; Сена свежеего не хочешь?; Сейчас, инурки поглажу; Бегу — падаю!; Дураков у нас нет!; Поищи дураков в другой деревне; Всю жизнь мечтал (дать тебе просимое)!; Спешу (бегу) — и падаю!; Растопырь пальцы пошире!; Держи карман шире!; Поцелуй пробой и иди домой!; Бывай здоров!; Будь здоров, Капусткин!; Будь здоров и не кашляй!; Всего хорошего!; Помаши тётке ручкой!; Сделай дяде ручкой! и др.*

Если наглый попрошайка просит что-либо очень вкусное, ему говорят: *Больно жирен будешь!; Облизнись, а то губы испачкал; Хватил горяченького до слёз?; От меня тебе не отломится; Чёрта с два!; Чёрта два-с!; Иди изюм косить!; Отряхни пыль с ушей! и др.*

Как показали наши наблюдения, шумно спорящих тоже подзадоривают молвушками: *Что за шум, а драки нету?; Что горло дерёте, что, у вас кулаков что ли нет? К этому могут еще добавить: Бей его, я его знаю!; Бей своих, чтоб чужие боялись!; Бей чужих, чтоб свои боялись! Последние молвушки больше относятся к дерущимся. По отношению к дерущимся к этому еще добавляют: Так его!; Так ему и надо!; Покажи ему Кузькину мать! и др.*

Нами замечено из речевой практики: если человек принёс радостную весть, ему говорят: *Собственным ушам не верю!; Что ты говоришь?!; Ты ли говоришь, я ли слышу?; Не сон ли это?; Ущипни меня!; Твои бы слова да богу в уши!; Твоими устами мёд бы пить!* и др.

Спорщику, который настаивает на какой-либо глупой информации, говорят: *Возьми его за рубль двадцать!; Ему белое, а он — чёрное!* и др.

Если собеседник соглашается, а потом снова твердит своё, то ему говорят: *Снова-здорово!; Опять двадцать пять!; Опять за рыбу гроши!*

Надоедливому человеку гонят прочь словами: *Брысь под лавку!; Брысь под печку!; Отзынь на три лаптя!; Уйди и не отсвечивай!; Век бы тебя не видеть!; Сделай, чтоб мы тебя искали!*

Требование молчать, не выдавать тайну передают молвушками *Ни гу-гу!; Ни мур-мур!; Ни звука!; Помалкивай в тряпочку* и др. Категорический отказ что-либо сделать характеризуют выражениями *Ни в жизнь!; Ни под каким соусом!; Только через мой труп!* и др.

О чём-то таком, что не совсем соответствует своему назначению, говорят: *Сойдёт и это; С горчичкой сойдёт; Сойдёт за милую душу; Зима не лето, сойдёт и это; Зимой и это над горсточкой съешь!*

Если покупка чем-то напоминает более дорогую, то иронизируют: *И дешево и сердито!*

В ответ на угрозу говорят с иронией: *Гроза да к ночи!; Видали мы таких красивых!; Откуда ты явился такой красивый?; Ноль внимания, кило презрения; Не грози на грязи, сперва вывези!; Я с твоих угроз велик возрос!*

Фразеологическое описание русских молвушек в специальном словаре могло бы раскрыть некоторые грани русского национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1984.
- Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. — 2-е изд. стереотип. — Ростов н/Д.: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2005. — 544 с.
- Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. — 3-е изд. стереотип. — М.: Рус. яз., 1978. — 543 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Сов. энциклопедия, 1972. — 818 с.
- Спирин А. С. Русские пословицы: Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловий, молвушек, приговорок, присказок. — Ростов н/Д.: Ростов. гос. ун-т, 1985. — 208 с.

“MOLVUSHKA” IN RUSSIAN PHRASEOLOGY AND ITS PLACE IN LEXICOGRAPHIC SOURCES

L. S. Panina

A. S. Spirin was the first to use the term ‘molvushka’ in his dictionary though there is earlier evidence of attempts to define them as an independent genre. Molvushka is mentioned in dictionaries of V. I. Dall, S. I. Ozhegov, A. I. Molotkov.

V.I. Zimin, a well known contemporary phraseologist, pioneered closer examination of *molvushka*. He defines it as a reply to the interlocutor's remark. *Molvushka* taken out of conversational context is often meaningless. But *molvushka* and proverbs share a common structural property — both are used as independent sentences.

Key words: *molvushka*, phraseology, reply, intonation, proverb.

© 2011

Н. С. Соловьёва

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АМЕРИКАНЦЕВ И РУССКИХ ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЕЙ АНТИПОСЛОВИЦ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В статье анализируются социолингвистические характеристики английских и русских антипословиц, на основании чего делается вывод о социальной структуре американского и русского обществ. Отмечается отсутствие жесткого деления российского общества на социальные классы, что приводит к противоречивости некоторых базовых суждений в антипословицах.

Ключевые слова: антипословицы, социальная структура, социальная группа, профессиональная группа, нецензурная лексика.

Паремии в их традиционном понимании представляют собой наиболее устойчивый и древний пласт языка, в котором зафиксированы суждения и понятия прошлых веков. Однако устойчивость паремиологического фонда относительна. Появление новых профессиональных или социальных групп или усиление влияния уже существующих [Карасик 2004: 104], постоянный приток эмигрантов, как в США [Mieder 2007: 210], средства массовой коммуникации, процессы глобализации — все эти факторы воздействуют на паремиологический фонд. Неудивительно, что многие пословицы выходят из употребления, их место занимают новые, или возникают пародии на уже всем известные паремии. Такие «перекрученные» паремии, или *антипословицы*, создаваемые ради юмористического эффекта, с течением времени нередко становятся трансляторами мировоззрения носителей языка определённой эпохи. В них отражается целый спектр мыслей и чувств носителей языка — от глубоких философских суждений до непристойностей [Mieder 1999: 3].

Каково же мировоззрение современного человека сквозь призму антипословиц? Для ответа на этот вопрос обратимся к двум словарям: к словарю английских антипословиц «Перекрученная мудрость: современные антипословицы» [Mieder, Litovkina 1999] и к словарю «Антипословицы русского народа» [Вальтер, Мокиенко 2010].

Соловьёва Наталья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: nisanasol@yandex.ru

Сопоставительный анализ русских и английских антипословиц представляется весьма актуальным, поскольку характерной чертой мирового развития является экспансия североамериканской культуры, под воздействие которой попала и современная Россия. В связи с этим целесообразно начать анализ с английских антипословиц.

В английских антипословицах обращает на себя внимание, прежде всего, их социальная однородность, т. е. в них отражены ценности и приоритеты той части американского общества, которая причисляет себя к среднему классу безотносительно к какой-либо профессиональной или этнической принадлежности. Социальная однородность проявляется, во-первых, в общем настроении антипословиц. Все паремии наполнены светлым, ненавязчивым юмором и оптимизмом. Оптимизм присущ американцам, которые стремятся быть позитивно настроенными людьми и ощущать счастье ежедневно. Особенно ярко эта черта проявляется у представителей среднего класса [Виссен 2005: 30–31]. Во-вторых, социальная однородность прослеживается в языковом оформлении антипословиц. В словаре В. Мидера и А. Т. Литовкиной отсутствуют сленг и табуированные выражения, используются правильные грамматические формы. Исключение составляют несколько антипословиц с хорошо известным нецензурным словом, но его замена привела бы к нарушению стилевого оформления паремий: *To masturbate is human, to f...k, divine. A fuck a day and you'll never be gay.*

Чистота речи в США является показателем принадлежности к определённому классу. Американцы, заботящиеся о своём положении в обществе, следят за правильностью речи, т. к. использование нецензурных слов в неадекватной ситуации способно мгновенно и навсегда испортить репутацию человека. Употребление нецензурной лексики и сленга являются в США показателями плохого образования и низкого социального статуса. Кроме того, США — страна очень консервативная и религиозная, поэтому для многих людей употребление сленга и табуированной лексики просто недопустимо [Московцев 2007: 56–57]. Интересно, что ряд антипословиц, представленных в словаре, имеют более грубые варианты. Однако в словаре они не приводятся, т. к. их употребление ограничено определёнными социальными группами и ситуациями, а значит, они уже попадают в разряд недопустимых для добропорядочных американцев.

Строгие пуританские пережитки, все ещё сохраняющиеся в свободном американском обществе, распространяются и на шутки сексуального характера. Конечно, подобные шутки присутствуют в американском юморе, но их не так уж много, и они не столь извращённые, как принято думать [Сафир <http>]. Это проявляется и в антипословицах. Сексуальная тема развивается, главным образом, вокруг безопасного и здорового секса, изменяющих мужей и, в незначительной степени, распутных женщин: *One orgasm in the bush is worth two in the hand. A condom a day keeps the doctor away. "Business before pleasure", as the man said when he kissed his wife before calling on his sweetheart. A fool and her legs are soon parted. A man is judged by the company he keeps, a woman by how late she keeps company.*

О том, что в антипословицах слышен голос среднего класса Америки, свидетельствует и их политкорректность. США — многонациональная страна, и в последние годы стало неприлично шутить над расами, полами, религией, местом

личности в социуме, поэтому в антипословицах нет никаких намёков ни на национальность, ни на личностный статус собеседников.

И, наконец, о социальной однородности антипословиц говорит и то, что в них отражаются приоритеты среднего класса Америки. Наибольшую номинативную плотность в антипословицах занимает тема финансового благополучия, т. к. представители среднего класса США очень озабочены проблемами экономики и денег, особенно в том качестве, в каком они влияют на их личный бюджет: *A penny saved <...> is a penny taxed. A fool and his money are soon parted, but the rest of us wait to be taxed.*

Вообще, к деньгам в США всегда относились с уважением, поэтому в антипословицах деньги, хотя и являются поводом для шутки, тем не менее, остаются вещью необходимой и почитаемой: *Love makes the world go round, but it's the lack of money that keeps it flat. Money won't buy happiness, but it's nice to choose your way to be unhappy. Always remember that money isn't everything — but also remember to make a lot of it before talking such nonsense!*

Таким образом, в английских антипословицах представлено мировоззрение среднего слоя американского общества.

Теперь обратимся к русским антипословицам. Прежде всего, следует отметить, что в словарь Х. Вальтера и В.М. Мокиенко вошло большое количество антипословиц различных профессиональных групп: военных (*В армии даже безобразия должны соответствовать уставу*), врачей (*Хорошо зафиксированный больной в анестезии не нуждается*), программистов (*Семь бед — один RESET*), водителей (*Стукнешь дверью — получишь монтировкой*), маргинальных элементов (*«А вот хрен редьки не слаще», — подумала проститутка, кушая редьку*). Выделить же определённые социальные группы представляется трудной задачей. Скорее всего, социальная аморфность русского общества связана с отсутствием деления на социальные классы в их западном понимании. По данным социологов, под понятие «средний класс» попадает лишь 7 % населения России [Русский бизнес [http](http://)], а поскольку в российском обществе нет жёсткого деления на классы, то и в языковой картине мира, в частности в антипословицах, не наблюдаются какие-либо маркёры социальной принадлежности.

Следующая отличительная черта русских антипословиц — наличие чёрного юмора и употребление нецензурной лексики: *Одна голова хорошо, а с телом лучше. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не топориком о папину голову; Быстро е...тся белки, потому и ведутся мелки.*

Распространение табуированной лексики протекает в России в последние десятилетия особенно бурно. Во многом на этот процесс повлияло то, что к власти пришли люди с уголовным прошлым, обладающие своей специфической речью, почти свободной от моральных запретов [Шевченко 2007: 56]. Активизированию табуированной лексики способствует и то, что сленг и жаргон маргинальных групп проникает в средства массовой коммуникации, в том числе и на телевидение. В целом же, у россиян очень низок уровень осознания важности хорошего владения родным языком [Прохоров 2007: 269]. Иначе говоря, в отличие от США, правильная, грамотная речь не является необходимостью при достижении определённого статуса в обществе, и это зафиксировано в антипословице *Мы матом не ругаемся, мы на нём разговариваем.*

Ещё одна характеристика, отличающая русские паремии от английских, — полное отсутствие политкорректности по отношению к людям других национальностей (*Взялся за член, не говори, что чечен; Чукча не читатель, чукча — писатель*) и огромное количество паремий на сексуальные темы (*Конец — всему телу венец!; Секс без дивчины — признак дурачины*).

Следует, однако, заметить, что в словаре также присутствует немало антипословиц философского содержания (*Окружающая среда — то, во что превращается природа, если её охраняет человек; Мечты сбываются, иллюзии никогда*). Присутствие философских высказываний, очевидно, является следствием склонности русских к обсуждению «общих вопросов» на философские темы [Прохоров 2007: 108].

Отсутствие в России среднего класса с его устоявшимися принципами и идеалами, подкреплёнными стабильной материальной базой, проявляется в противоречивом отношении к некоторым явлениям в жизни общества. Так, напр., деньги всегда считались в русском обществе злом [Сергеева 2008: 253]. В антипословицах, с одной стороны, деньги и богатство по-прежнему считаются злом, без которого трудно, но можно обойтись: *Деньги часто навоз: сегодня нет, а завтра воз*. С другой стороны, деньги осознаются, как необходимый атрибут современной жизни, без которого не мыслится благополучие и успех: *Деньги счастья не приносят, но укрепляют нервную систему; С деньгами мужчина чувствует себя мужчиной, а женщина — человеком*.

При этом в антипословицах нередко утверждается, что деньги нельзя честно заработать, их можно только украсть, а потом необходимо быстро потратить: *Всех денег не заработаешь, часть придётся украсть; Деньги нужно срочно пропить, так как потом их просто не будет*.

В отношении к деньгам проявляется один из главных принципов русского менталитета, отличающий его от американского: второстепенность материального и презрение к накопительству [Сергеева 2008: 152]. Второстепенность материального в русском сознании обуславливает и своеобразие отношения русских к работе, что ярко отражено в антипословицах: *Работа не хрен, 100 лет простоят; Большая работа начинается с большого перекура; Ты, работа, нас не бойся, мы тебя не тронем; Рабочий день сокращает жизнь на 8 часов*.

Таким образом, анализ русских антипословиц показывает, что в русском обществе, в отличие от американского, не представлена точка зрения какой-либо одной социальной группы. В связи с этим некоторые суждения, зафиксированные в паремиях, противоречивы. Однако, несмотря на все экономические и политические изменения, русские люди, в целом, остаются верны своим принципам, по крайней мере, в той сфере жизни, которая касается денег. Конечно, проведённое исследование английских и русских антипословиц не является исчерпывающим и требует более детального и глубокого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 576 с.

Виссен Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. — М.: Р. Валент, 2005. — 192 с.

В США называть себя представителем «среднего класса» больше не престижно // Российский бизнес [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rb.ru/topstory/society/2009/05/14/154422.html> (дата обращения: 06.04.2011).

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.

Московцев Н., Шевченко С. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный путеводитель по американскому сленгу. — СПб.: Питер, 2007. — 480 с.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 328 с.

Сафир А. Американский юмор [Электронный ресурс]. URL: http://world.lib.ru/a/aleks_safir/amhumor.shtml (дата обращения: 06.04.2011).

Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 320 с.

Mieder W., Litovkina A. T. Twisted Wisdom. Modern Anti-proverbs. — Vermont: The University of Vermont Burlington, 1999. — 255 p.

Mieder W. Yankee wisdom: American proverbs and the worldview of New England // Phraseology and Culture in English / edited by Paul Skandera. — Berlin, New York: Mount de Gruyter, 2007. — P. 205–234.

SOCIOLINGUISTIC PORTRAIT OF AMERICANS AND RUSSIANS IN THROUGH ANTI-PROVERBS (COMPARATIVE ANALYSIS)

N. S. Solovyova

The article deals with sociolinguistic features of English and American anti-proverbs as a source of social structure study. It puts forward the idea that there is no strict division in Russian society into social groups, which causes inconsistent perception of basic notions.

Key words: anti-proverbs, social structure, social group, professional group, expletives.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ТРАДИЦИОННЫХ ПАРЕМИЙ И АНТИПОСЛОВИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

В статье рассматривается взаимосвязь между пословицами и антипословицами, получившими широкое распространение в последнее время. Корреляция анализируемых единиц представлена в виде трехчастной структуры значения, включающей логико-семиотическую структуру, тематическое значение и ситуативное значение. Пословицы рассматриваются в качестве инвариантов антипословиц, которые, в свою очередь, являются их лингвокультурными вариантами. Системные отношения между пословицами и антипословицами представлены в виде гипонимии.

Ключевые слова: пословица, антипословица, структура значения, логико-семиотическая структура, тематическое значение, ситуация, инвариант, вариант.

Паремии (пословицы, поговорки и сходные с ними явления), как известно, составляют довольно старый слой устойчивых фраз, сложившихся на протяжении довольно длинного промежутка времени. Изменяющееся социокультурное пространство неизменно влечёт за собой изменения в словаре, проявляющиеся в появлении неологизмов и окказионализмов как в корпусе лексических единиц, так и среди паремий разного рода, так называемых антипословиц, которые получили довольно широкое распространение в последние два или три десятилетия, как в русском, так и в английском языках, свидетельством чему являются словари антипословиц [Mieder, Tóthné Litovkina 1999; Вальтер, Мокиенко 2005;]. Напр., на основе пословицы *Ворон ворону глаз не выклюет* появились следующие образования: *Хьюлетт Паккарду глаз не выклюет*, *Россия-Украина: ворон ворону газ не выключит*. Данные антипословицы, несмотря на значительное расхождение в лексическом составе с исходной единицей, демонстрируют чёткую связь со своим прототипом. Какие же факторы обуславливают неразрывную связь оригинала и новообразования?

Принципиально важным фактором является вероятностное прогнозирование отрезка текста на основе прошлого опыта [Горелов, Седов 1994: 93–96], каковым можно считать стереотипное использование той или иной пословицы. Поэтому, по справедливому утверждению С. С. Кузьмина [Kuzmin 1977: 84], как только мы слышим часть идиомы или пословицы, мы автоматически дополняем её до исходной единицы, т. е. восприятие информации (текста) происходит блоками, которые можно представить в виде вербальных (текстовых) импринтингов [Дядечко 2002: 182–184]. Другими словами, данный психолингвистический фактор обеспечивает коллективную культурную идентичность как форму коллективной лингвокультурной памяти [Сандомирская 1999: 129; Брагина 1999: 134].

Другие факторы связаны с лингвистической стороной пословиц и антипословиц. Основу содержания пословиц составляет логическая конструкция, характер

Швыдкая Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: English@masu.ru

логических связей [Пермяков 1970]. А характер логических связей, в свою очередь, определяется характером отношений между вещами, о которых говорится в том или ином виде клише, т. е. клише представляют собой знаки ситуаций. Отсюда Г. Л. Пермяков делает вывод о том, что логический план клише следует рассматривать как логику-семиотический. Поскольку клише — знаки каких-либо жизненных или логических ситуаций, то сами эти ситуации относятся ко всем клише как инварианты к своим вариантам, т. е. пословицы одной ситуации являются вариантами, а сама ситуация — их инвариантом. В пословице *Ворон ворону глаз не выклюет* реализуется следующая логику-семиотическая модель отношений между объектами в зависимости от их свойств: если вещь *P* обладает свойством *x* и вещь *Q* обладает свойством *x*, то *P* и *Q* совместимы — $/Px\ Qx/ > /PQ/$, т. е. имеет место импликация и конъюнкция, характеризующие совместимость подобных объектов. Каждый логику-семиотический инвариант распадается на логику-тематические группы, охватывающие изречения, близкие по характеру объектов. Напр., тематическая группа *Производитель и блага*: (*сапожник без сапог, портной без рубахи* и т. п.), или тематическое значение *Дружественность — Враждебность* как в случае с анализируемой пословицей о вороне. Тематическое значение пословиц и сходных с ними единиц можно рассматривать в качестве бинарного концепта, складывающегося на основе сопоставления общих понятийных значений, входящих в состав значения лексических компонентов паремии. Так, в пословице о вороне тематическое значение складывается из сопоставления компонентов *ворон* и *ворон* (идентичные объекты) и *не выклюет* (т. е. не проявит враждебности, является дружественным). При анализе текстов паремий, выделяется план содержания, который распадается на форму содержания и субстанцию содержания. Форма содержания представляет собой обобщённую мысль о предметах и явлениях внешнего мира, выраженную как суждение или умозаключение. Форма содержания пословиц является определённой логической конструкцией, которая может быть отнесена к одному из логику-семиотических инвариантов. Субстанция содержания (тематическое значение) складывается из соотношения лексических значений компонентов. Иными словами, значение пословиц выявляется в результате внутренней дистрибуции их элементов на семантическом уровне.

Если представить пословицу в виде известного семантического треугольника, отражающего отношения референции реальности, значения, закреплённого в сознании, и самого имени, т. е. собственно конкретной формы пословицы, то логическая структура ситуации и взаимоотношения между участниками ситуации в обобщённом виде создают значение пословицы. Последнее при речевой реализации, как правило, не ассоциируется с конкретной ситуацией и образами, породившими данную пословицу и закреплёнными в её форме. Возьмём пример с пословицей *One man's meat is another man's poison* ('Что хорошо для одного, обязательно хорошо для другого'): *Even though Jeff likes to swim in ice cold water, his brother Tim hates it. This is understandable, however, because one's man's meat is another man's poison* [Makkai 1995: 286]. Поскольку в тексте идёт речь о том, что одному из братьев нравится плавать в ледяной воде, а другому нет, то используемая пословица подчёркивает обобщающий смысл без указания на конкретную ситуацию, связанную с пищей, лежащей в основе конкретной житейской ситуа-

ции породившей данную пословицу. Значение обобщающего характера, возникающего в результате сопоставления или чаще всего противопоставления значений компонентов пословицы, и ведёт к появлению дополнительной дистрибуции, составляющей её основное значение. Именно поэтому возможна замена компонентов пословицы, ведущая к возникновению антипословиц, поскольку взаимоотношение между ними оказывается ненарушенным. Та же самая пословица при окказиональной замене компонентов приобретает следующий вид: *Comedy is much a matter of personal taste. One man's laugh is another man's groan*. В данном случае употреблены слова *laugh* 'смех' и *groan* 'стон', значение каждого из которых, взятое в отдельности вне контекста пословицы, ни в коей мере не совпадает со значением слов *meat* и *poison*. Но соотношение между значениями компонентов остаётся неизменным, а именно: противопоставление чего-то приятного, полезного и неприятного, вредного. Иначе говоря, появляется дополнительная смысловая дистрибуция компонентов пословицы по сравнению с омонимичным ей переменным предложением. Однако, если сопоставить прототип пословицы и её модификацию, то можно увидеть, что при введении в текст пословицы иных, ситуативно обусловленных знаменательных компонентов, в структуре значения реализуемой единицы появляется третий план значения, характеризующий конкретную ситуацию, что заглушает обобщающий смысл пословицы и делает невозможным её экстраполяцию на другие аналогичные ситуации. Приведённые выше примеры антипословиц *Хьюлетт Паккарду глаз не выключет*, *Россия-Украина: ворон ворону газ не выключит* в полной мере отражают данное положение вещей. В них сохраняется структура логико-семиотического инварианта прототипа и его тематического значения, но появляется привязка к конкретным реалиям современной жизни, что делает данные антипословицы применимыми только к данной конкретной лингвокультурной ситуации. Контаминированные пословицы, также встречающиеся в словарях антипословиц, практически теряют как обобщающее тематическое значение, так и привязку к логико-семиотическому инварианту, т. к. смешение двух разных ситуаций ведёт к буквализации конкретных, часто несовместимых с точки зрения здравого смысла ситуаций. Напр., *Не пеняй на зеркало, пока не перепрыгнешь* (контаминация пословиц *Неча на зеркало пенять, коли рожа крива* и *Не говори «гон», пока не перепрыгнешь*); *Дарёному коню один раз отрежь* (контаминация пословиц *Дарёному коню в зубы не смотрят* и *Семь раз отмерь, один отрежь*); *Чья бы корова мычала, а паршивая овца борозды не испортит* (контаминация пословиц *Старый конь борозды не испортит*, *Чья бы корова мычала, а твоя молчала* и ФЕ *паршивая овца*).

В данном случае исчезает идиоматичность как неотъемлемое свойство пословиц, хотя связь с определённым прототипом прослеживается, что и позволяет восстановить источники контаминации.

Антипословица в качестве новообразования занимает в языковом общении и языковом сознании место пословицы-прототипа, принимая её функцию, но не вытесняя её. Между пословицей-прототипом и антипословицей складываются отношения инварианта и варианта. Напр., английская пословица *A rolling stone gathers no moss* относится к человеку, который, переезжая с места на место или часто меняя работу, никогда не приобретёт прочного положения, в том числе и материального, послужила базой для возникновения следующих антипословиц: *A bache-*

lor is a rolling stone that gathers no boss (букв. 'У холостяка перекасти-поле никогда не будет начальника, т. е. не будет постоянной работы'), *A revolving fan gathers no flies* (букв. 'Вращающийся вентилятор мух не собирает'), *A rolling football gathers no score* (букв. 'Катящийся футбольный мяч голов не забивает'), *A rolling stone gathers no Mrs.* ('У перекасти-поля жены не будет') и т. п. Все эти антипословицы несомненно соотносятся с исходной пословицей как её текстуальные варианты, но варианты, не обладающие взаимозаменяемостью. Для них, скорее всего, характерны отношения гипонимии, а пословица-прототип выступает в роли гиперонима, способного замещать любой из них в определённом контексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: Яз. рус. культуры, 1999. — С. 131–138.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — СПб.: Нева, 2005. — 576 с.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. — М.: Лабиринт, 1997. — 224 с.
- Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность: моногр. — Киев: ИПЦ «Киев. ун-т», 2002. — 294 с.
- Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. — М.: Наука, 1970. — 240 с.
- Сандомирская И. О своём. Фразеология и культурная идентичность // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: Яз. рус. культуры, 1999. — С. 121–130.
- Kuzmin S. S. Translating Russian Idioms. — М.: Higher School, 1977. — 270 p.
- Makkai A., Boatner M. T., Gates G. E. A Dictionary of American Idioms. — Hauppauge; NY: Barron's, 1995. — 460 p.
- Mieder W., Tóthné Litovkina A. Twisted Wisdom. Modern Anti-Proverbs. — Burlington; Vermont: The University of Vermont, 1999. — 254 p.

LINGUISTIC STATUS OF PROVERBS AND ANTI-PROVERBS (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOGRAPHIC SOURCES)

L. I. Shvydkaya

The article deals with the correlation between traditional proverbs and anti-proverbs that have lately become very popular. The correlation is based on the three-plane structure of the units under analysis, namely, logic-semiotic structure of meaning, thematic meaning, and concrete situational meaning elements. Proverbs are considered as invariants of anti-proverbs that present their linguocultural variants. Systematic correlation between them is that of hyponymy.

Key words: proverb, anti-proverb, meaning structure, logic-semiotic structure, thematic meaning, situation, invariant, variant.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ
О ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИИ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ, ОБЯЗАННЫХ
СВОИМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫМ
ФИЛЬМАМ

В статье рассматриваются крылатые слова и выражения, восходящие к советским мультфильмам. Автор выделяет основные принципы лексикографического описания единиц данного класса и называет наиболее талантливых сценаристов, аниматоров, композиторов и художников, чьи мультфильмы завоевали всеобщее признание и обогатили русский язык новыми крылатыми единицами.

Ключевые слова: мультфильмы, крылатые единицы, принципы лексикографического описания.

Телевидение давно уже является неотъемлемой частью нашей жизни. Согласно статистическим данным одну пятую часть своей жизни человек проводит у голубого экрана [Телевизор — ящик Пандоры <http>]. В погоне за рейтингом и зрительской аудиторией современный телеэфир нацелен на все возрастные слои общества, включая детей, которые тратят на просмотр телевизора от 2 до 6 часов в день. Столь раннее приобщение «маленького» человека к просмотру телевизора способствовало тому, что в нашу речь наряду с цитатами из любимых фильмов и репликами известных телеведущих стали проникать крылатые единицы (КЕ), вышедшие из мультфильмов. По нашим наблюдениям, в современном русском языке функционирует около 80 КЕ данного класса, но лишь половина из них зафиксирована словарями и справочниками крылатых единиц. «Маловато будет!», учитывая, что в 2010 году российская мультипликация отметила 100-летний юбилей и что примерно за то же время кинематограф обогатил русский язык 600 КЕ.

Одним из первых исследователей, кто обратил внимание на эти языковые единицы, стала С. Г. Шулежкова. В 3 и 4 выпусках материалов к словарю «Крылатые выражения из области искусства» [Шулежкова 1994] зафиксировано 11 КЕ, восходящих к мультфильмам. В самом же «Словаре крылатые выражения из области искусства» насчитывается уже 18 единиц данного класса [Шулежкова 2003]. Такое же количество мультипликационных КЕ включено в «Словарь крылатых слов (русский кинематограф)» [Елистратов 1999]. Однако ввиду того, что в собрании В. С. Елистратова практически не приводится примеров употребления описываемых им выражений, не всегда можно с достоверностью сказать, что та или иная единица, включенная им в словарь, на самом деле является крылатой. Наибольшее же количество «мультяшных» фраз (27 единиц) зафиксировано в работах Л. П. Дядечко [Дядечко 2001–2003]. Как ни странно, но в словарях, вышедших несколькими годами позже, КЕ, обязанных своим происхождением анимационным фильмам, не прибавилось. Так, в энциклопедию «Крылатые слова» [Серов 2003] включено всего 6 КЕ, в «Словарь современных цитат» [Душенко 2006] — 15 КЕ,

Каменев Константин Владимирович — аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: skybr@mail.ru

в «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008–2009], являющийся на сегодняшний день самым полным собранием КЕ, вошла 21 КЕ из мультфильмов.

Наряду с уже описанными в словарях КЕ нами было выявлено ещё 50 КЕ, восходящих к мультипликационным фильмам и пока ещё не нашедших отражения в собраниях КЕ.

Перед тем как приобрести современный вид, российская мультипликация прошла долгий путь. Своим рождением она обязана не только «энергии пионеров, изобретателей нового вида искусства, но и предпринимателей, бизнесменов. Первыми среди них следует назвать кинофабриканта А. А. Ханжонкова и «мастера на все руки» В. А. Старевича», чьи «дрессированные жуки» имели колоссальный успех и демонстрировались на экранах всего мира. Фильм «Стрекоза и муравей» был продан в количестве 140 копий. Именно благодаря работе В. А. Старевича был изобретён принцип объёмного анимационного кино, а его шедевры, созданные в течение 1911–1913 гг., стали «на десятилетия недостижимым художественным образцом» [Капков 2006: 13]. С приходом советской власти отечественная мультипликация вступила на новый этап развития. «На рубеже 1924–1925 годов начала свою деятельность студия “Культкино”, которая первой в СССР поставила производство мультфильмов на поток, значительно увеличив скорость подготовки анимационных лент. Главную роль в этом процессе сыграли новые плоские куклы-марионетки, избавившие аниматоров от необходимости делать множество рисунков, при этом они были проще в изготовлении и обращении, чем объёмные куклы» [Отечественный мультфильм [http](http://www.kultki.ru/)]. Однако настоящий расцвет советской мультипликации начинается с создания в 1936 г. студии «Союзмультфильм». За более чем 70-летнюю историю на ней было создано около 1500 рисованных и кукольных мультипликационных фильмов, многие из которых стали всемирно признанными шедеврами. В разные годы под крышей «Союзмультфильма» работало много талантливых художников, режиссёров, писателей, композиторов и операторов. Среди них В. Г. Сутеев, написавший более 40 сценариев к мультфильмам, зачинатель графической и объёмной мультипликации Ю. Меркулов, первым предпринявший попытку создать героя мультфильма, который смог бы переходить из серии в серию. Так появился мультфильм «Приключения Братишкина», в котором Меркулов выступил как режиссёр, сценарист и художник одновременно. Нельзя оставить в стороне режиссёра и аниматора В. М. Котёночкина, создавшего «народный» мультсериал о волке и зайце «Ну, погоди!»; А. М. Татарского — автора мультфильмов: «Пластилиновая ворона» (1981), «Падал прошлогодний снег» (1983), «Крылья, ноги и хвосты» (1986); советского режиссёра и художника-мультипликатора Ю. Б. Норштейна, автора мультфильма «Ёжик в тумане» (1975), использовавшего в своём творчестве особую технику многоразовую перекладки изображений, что делает изображение в его мультфильмах близким к трёхмерному.

Мультфильмы киностудии не только остаются классикой для целого поколения, но и завоёвывают первые места в рейтингах лучших мультипликационных фильмов. Согласно опросу, проведённому Исследовательским центром рекрутингового портала SuperJob.ru среди российских женщин, имеющих детей от 2 до 10 лет, подавляющее большинство российских мам (93 %) отдаёт предпочтение

классике советской мультипликации. По их словам, советские мультфильмы «учат правильно относиться к добру и злу, формируют в сознании ребёнка нравственные принципы, соответствующие нашей ментальности», «добрые, учат совершать хорошие поступки» [Каждая сотая ... <http>]. С этим нельзя не согласиться. В наших мультфильмах добро всегда торжествует. Так, слабому и безобидному Зайцу всегда удаётся ускользнуть от козней хитрого Волка, и тому остаётся лишь раздосадовано грозить «*Ну, Заяц, погоди! Ну, погоди!*». Да и сам Волк, созданный С. К. Русаковым и В. М. Котёночкиным, изображён в мультфильме не как страшный и кровожадный убийца, а как обаятельный и симпатичный хулиган, всякий раз оказывающийся в смешном положении. Пакостливые мыши, постоянно досаждающие коту Леопольду, в итоге оказываются побеждёнными, а добродушный и мягкосердечный Леопольд, не держит зла и обиды на маленьких хулиганов и предлагает им: «*Ребята, давайте жить дружно!*» Даже коварная старуха Шапокляк, утверждавшая, что «кто людям помогает, тот тратит время зря. / Хорошими делами прославиться нельзя», в итоге всегда становилась на сторону Крокодила Гены и Чебурашки, помогая им бороться с несправедливостью.

Если посмотреть на даты появления анимационных фильмов, фразы из которых обрели в русском языке статус крылатых, то видно, что подавляющее большинство работ создано советскими мультипликаторами в период с 1960 по 1990 гг. Именно в это время были созданы мультфильмы, ставшие безусловной классикой отечественной мультипликации и внёсшие существенный вклад в обогащение фонда КЕ русского языка. Наибольшее количество КЕ восходит к серии мультфильмов про Винни-Пуха: *А не пора ли нам подкрепиться?; А что, разве ещё что-то осталось?; Входит и выходит; До пятницы я совершенно свободен; И того и другого, и можно без хлеба; Кажется, дождь собирается; Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро; Куда идём мы с Пятачком — большой-большой секрет; Это потому, что кто-то слишком много ест!* На втором месте стоит серия кукольных мультфильмов про Чебурашку и Крокодила Гену (*К сожаленью, день рожденья только раз в году; Катится, катится голубой вагон; Крокодил Гена; Кто людям помогает, тот тратит время зря; Хорошими делами прославиться нельзя; Мы строили-строили и, наконец, построили*), а также трёхсерийный мультипликационный фильм про Простоквашино: *До чего люди бывают до чужого добра жадные; Его надо в поликлинику сдать для опытов; Кабы не было зимы; Средства-то у нас есть! У нас ума не хватает!; С ума поодиночке сходят. Это только гриппом все вместе болеют; Это я, почтальон Печкин.* На третьем месте оказались рисованный мюзикл «Бременские музыканты», обогативший русский язык КЕ *Куда идёт король — большой секрет, большой секрет; Нам любые дороги дороги; Ох, рано встаёт охрана!; Работники ножа и топора; Романтики с большой дороги* и двухсерийная история про Малыша и Карлсона, к которой восходят КЕ *А мы тут, знаете ли, плюшками балуемся!; Мужчина в самом расцвете сил; Он улетел, но обещал вернуться; Пустяки, дело-то житейское!; Спокойствие, только спокойствие!*

Говоря о мультфильмах, нельзя не сказать об их гениальных создателях. Мультфильм, как никакой другой жанр синтетического искусства, является результатом коллективного творчества. В его создании принимают участие режиссёры, сценаристы, художники-постановщики, операторы, аниматоры, драматурги,

композиторы, редакторы, монтажёры, продюсеры, актёры озвучания, мастера-изготовители кукол и декораций, звукооператоры и представители множества других творческих профессий. В рамках данной статьи невозможно назвать фамилии всех создателей анимационных фильмов, чьи шедевры вошли в золотой фонд отечественной мультипликации и отпечатались в памяти нескольких поколений в виде КЕ, поэтому мы отметим лишь наиболее известных и плодотворных. К их числу можно отнести детского писателя Э.Н. Успенского, придумавшего сценарии для 58 мультфильмов; композитора Г.И. Гладкова, написавшего музыку к 39 мультфильмам; поэта Ю.С. Энтина, сочинившего песни более чем к 40 анимированным фильмам; художников-аниматоров М.К. Восканьянц, Э.М. Маслову, Р.Г. Миренкову, А.И. Солина, из-под чьей кисти вышло свыше 100 работ; актёра В.Б. Ливанова, озвучившего на экране около 300 мультяшных персонажей и одушевившего таких всеми любимых героев, как Карлсон, Крокодил Гена, Удав («38 попугаев» и другие мультфильмы этой серии); актрису К.М. Румянову, также известную в первую очередь работой по озвучиванию персонажей более 300 советских мультфильмов. Коллективное авторство — одна из важнейших характеристик КЕ, восходящих к мультфильмам. Поэтому при отражении таких единиц в словарях и справочниках необходимо по возможности включать в состав словарной статьи весь коллектив, работавший над созданием мультфильма. Ведь неизвестно, что в большей мере способствовало завоеванию зрительской симпатии — интересный сюжет, созданный сценаристом, милый и комичный образ, вышедший из-под кисти художника или сотворённый кукольщиком, или же завораживающий, чарующий голос актёра, ожививший мультяшного героя.

Из существующих сегодня словарей КЕ наиболее полно требуемая информация отражена в «Большом словаре крылатых слов русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000], «Словаре крылатых выражений из области искусства» [Шулежкова 2003], «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008–2009]. Авторы этих словарей включили в состав словарных статей не только названия мультфильмов, породивших то или иное высказывание, но и имена режиссёров, сценаристов, художников, актёров, чьими голосами говорят мультяшные персонажи.

Остальные словари и справочные издания, к сожалению, не могут похвастаться полнотой и единообразием словарных статей. Так, в энциклопедии В. Серова в одних словарных статьях приводится исчерпывающая информация об авторе или источнике КЕ, её значении, истории её возникновения, а в других указывается лишь источник выражения. В качестве примера можно сравнить словарные статьи **Поели — можно и поспать. Поспали — можно и поесть.** [Серов 2003: 565] и **У меня есть мысль, и я её думаю** [Серов 2003: 726]. Словарные статьи в работах Л. П. Дядечко тоже не всегда единообразны. В статье **Спокойствие, только спокойствие** указываются название мультфильма из которого вышло выражение, дата его создания, имена сценариста, режиссёра, актёра, озвучившего главного героя, в то время как в статье **Щас спою!** даётся лишь название мультфильма, год его создания и имя актёра, озвучившего роль Волка [Дядечко 2001–2003].

Составители словарей, включающие в свои словники КЕ, порождённые анимацией, должны всегда помнить о том, что мультфильм — синтетический жанр искусства, результат работы людей разных творческих профессий. Поэтому при

написании словарной статьи нельзя ограничиваться указанием кого-то одного, необходимо называть и режиссёра, и автора сценария, и художников, и аниматоров, и актёров, озвучивающих роли.

В. Б. Ливанов считал что «мультфильм – искусство, нацеленное в будущее, именно в нём можно наиболее полно выразить своё отношение к людям, к миру, к самому себе» [Ливанов Василий Борисович [http](http://)]. Очень хочется надеяться, что и у российской анимации есть будущее, и что, несмотря на кризис, который переживают отечественный кинематограф и мультипликация, работы наших аниматоров продолжают обогащать русский язык всё новыми и новыми КЕ.

ЛИТЕРАТУРА

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц. — М.: Рус. слов.: Астрель: АСТ, 2000. — 624 с.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 единиц: в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ: Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

Душенко К. В. Словарь современных цитат: 5 200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Эксмо, 2006. — 832 с.

Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие: в 4 ч. — Киев: Комп'ютерпрес, 2001–2003.

Елистратов В. С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф): ок. 1000 единиц. — М.: Рус. слов., 1999. — 181 с.

Капков С. В. Энциклопедия отечественной мультипликации. — М.: Алгоритм, 2006. — 816 с.

Серов В. Крылатые слова: энцикл. — М.: Локид-Пресс, 2003. — 831 с.

Шулежкова С. Г. Крылатые выражения из песен 2-й половины 1940-х — нач. 1990-х годов: материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». — Челябинск: ЧГПИ: Факел, 1994. — Вып. 3. — 132 с.

Шулежкова С. Г. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». — Челябинск: Факел, 1994. — Вып. 4. — 162 с.

Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1000 крылатых выражений. — М.: Азбуковник: Рус. слов., 2003. — 430 с.

Каждая сотая российская мама не разрешает детям смотреть мультфильмы // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rian.ru/society/20091028/190977473.html> (дата обращения: 13.03.2011).

Ливанов Василий Борисович // Международный объединённый биографический центр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.biograph.ru/bank/livanov_vb.htm (дата обращения: 28.03.2011).

Отечественный мультфильм: от брачных игр жуков к «Смешарикам» // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.ru/culture/20100208/208216177.html> (дата обращения: 13.03.2011).

Российская анимация в буквах и фигурах. [Электронный ресурс]. URL: <http://animator.ru> (дата обращения: 28.03.2011).

Телевизор — ящик Пандоры. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravdu.ru/telek.htm> (дата обращения: 13.03.2011).

PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF WINGED WORDS
ORIGINATING FROM ANIMATED CARTOONS*K. V. Kamenyev*

The article considers winged words and expressions that owe their origin to the USSR animated cartoons. The author highlights main principles of lexicographic presentation of the linguistic units and names the most gifted script writers, animators, musicians, and artists whose cartoons won universal acclaim and enriched the Russian language with new winged words and expressions.

Key words: animated cartoons, winged words and expressions, principles of lexicographic presentation.

© 2011

А. С. Макарова

КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК
ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(НА ПРИМЕРЕ «БОЛЬШОГО СЛОВАРЯ КРЫЛАТЫХ СЛОВ
РУССКОГО ЯЗЫКА» И «СЛОВАРЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ
И СЛОВ, УПОТРЕБЛЯЮЩИХСЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ БЕЗ
ПЕРЕВОДА»)

Среди множества фразеологических словарей особое место занимают словари крылатых слов и выражений. «Большой словарь крылатых слов русского языка» — одно из самых полных собраний современных русских, а также французских, латинских, немецких, английских крылатых единиц. Данный словарь содержит примеры употребления в литературных текстах и в устной речи. Другим словарём, который мы использовали в своей работе, оказался «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А. М. Бабкина, В. В. Шендецова. Рассмотренные словари являются не только справочным пособием, но и упорядоченным сводом обширных материалов по иноязычной и русской лексике и фразеологии и истории усвоения их русским литературным языком нового времени.

Ключевые слова: крылатые единицы, лексикография, этимология, многозначность, стилистическая помета.

Среди множества фразеологических словарей особое место занимают словари крылатых слов и выражений. Создателем первого справочника, посвящённого крылатым словам и выражениям, опубликованного в 1864 г., был немецкий учё-

Макарова Александра Стефановна — член Российской ассоциации преподавателей французского языка (APFR), старший преподаватель кафедры французского языка Московского института иностранных языков. E-mail: aleste_63@mail.ru

ный Г. Бюхман (1822–1884). Ему же мы обязаны появлением термина «крылатое слово». Вслед за словарём Г. Бюхмана появляются аналогичные в других странах, в том числе и в России, такие как «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии» М. И. Михельсона; «Крылатые слова. Справочник цитаты и афоризма» С. Г. Займовского; «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» Н. С. и М. Г. Ашукиных и др. Наиболее полным словарём этого типа следует назвать «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» (БСКСиВ) В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой, второе издание которого увидело свет в 2008–2009 гг. БСКСиВ — одно из самых полных собраний современных русских, а также французских, латинских, немецких, английских крылатых единиц (КЕ). Данный словарь содержит примеры употребления КЕ в литературных текстах и в устной речи. Словарная статья БСКСиВ включает следующие элементы: заголовочное крылатое слово или крылатое выражение; стилистическую характеристику; источник КЕ; значение и употребление КЕ; иллюстративную часть; варианты и отсылки. В словарь вошли КЕ, употребляемые в современном русском языке. В словаре они расположены в алфавитном порядке.

Подобно другим языкам мировой культуры, русский язык располагает запасом иноязычных выражений и слов, которые употребляются без перевода и с соблюдением графики и орфографии языка-источника. В связи с этим неоспоримым фактом другим словарём, который мы использовали в своей работе, оказался «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова, увидевший свет в 1966 г. Он отличается от БСКСиВ, т. к. составлен на базе научной, публицистической, художественной, мемуарной и эпистолярной литературы в хронологических границах от пушкинской поры до нашего времени. Этот словарь не является узкоспециализированным словарём КЕ, хотя они широко в нём представлены. Введённые в данный словарь выражения, слова и цитаты расположены в алфавитном порядке. Словарная статья состоит из следующих элементов: источник заимствования и область употребления — язык; толкование; оправдательные цитаты. В случае необходимости статья завершается справочной частью, где приводятся исторические, этимологические, грамматические сведения, указывается источник происхождения выражения или термина и т. п. Автор и название произведения указывается для цитат, за исключением случаев, когда их не удалось установить. Нельзя не согласиться с составителями данного словаря в том, что «развитие русского литературного языка всегда было тесно связано с основными языками европейской культуры и мировой цивилизации. На основе этой связи происходило пополнение лексического и фразеологического запаса языка, при этом одни из заимствований прочно входили в русский язык, утрачивая свой иноязычный облик, другие же — сохраняли его довольно долго. Наконец, третьи, несмотря на длительное и систематическое функционирование в русском языке, вовсе не порывают со своим иноязычным обликом, что отнюдь не даёт ещё повода признавать их совершенно инородным телом в составе русского языка» [СБШ 1994: 3]. Напр.: *chercher la femme* (ищите женщину), *c'est la vie* (такова жизнь), *noblesse oblige* (положение обязывает) и т. д.

Объектом нашего анализа мы выбрали следующие КЕ французского происхождения, зарегистрированные обоими словарями: *Appétit* *приходит во время*

еды; *Все жанры хороши, кроме скучного; Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать; После нас хоть потоп; ради прекрасных глаз; секрет полишинеля; старый порядок <режим, строй>.*

Итак, один из живых способов обогащения национальных средств языкового выражения — это пополнение русского лексико-фразеологического состава иноязычными словами и выражениями. Однако разница в алфавитах русского и европейских языков нередко является своеобразным барьером, отделяющим слово одного языка от слов другого, она препятствует также включению нетранслитированных слов и выражений в общие толковые словари русского языка и делает необходимым создание для них специального словаря. Опираясь на выбранные лексикографические источники, сравним толкования выбранных КЕ, представим этимологическую справку. Сопоставительный анализ представим в виде таблицы:

1. <i>Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux.</i> (Все жанры хороши, кроме скучного)		
Словарь	Значение	Дополнит. сведения (этимологическая справка, стилистические пометы и др.)
СБШ	—	Выражение принадлежит Вольтеру (1694–1778), «Блудный сын». Предисл. к изд. 1738 г.; в русских текстах обычно цитируется с небольшим отклонением от оригинала: <i>excepté</i> вместо <i>hors le genre</i> [т. 3: 1250].
БСКСиВ	Любые жанры и направления в искусстве имеют право на существование, если они талантливы [т. 1: 217]	Книжн. или публ. шутл.-ирон. Цитируется также по-франц.: <i>Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux</i> . Афоризм Вольтера из предисловия к его комедии в стихах «Блудный сын» (<i>L'Enfant Prodigue</i> , <i>preface</i> — 1738) [т. 1: 217–218].
2. <i>L'appétit vient en mangeant</i> (Аппетит приходит во время еды)		
СБШ	1) Чем больше имеешь, тем хочешь иметь ещё больше. 2) По мере исполнения одного желания возникают новые. 3) Сделав шаг в каком-либо направлении, трудно бывает остановиться [т. 1: 744]	Пословица, встречается в романе Рабле (1494–1553). «Гаргантюа», 1,5.
БСКСиВ	Потребности, заинтересованность в чём-л. обычно растут по мере их удовлетворения [т. 1: 66]	Калька с фр. <i>L'appétit vient en mangeant</i> , которая заимствована из романа Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (ч.1, гл.5–1532). Автором пословицы был епископ Ле Манн Жером де Анже (умер в 1538 г.), употребивший её в сочинении «О причинах» (1515). [т. 1: 65–66]
3. <i>Si dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer</i> (Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать)		
СБШ	—	—
БСКСиВ	О необходимости идеи Бога [т. 1: 345]	Книжн. Ирон. Выражение из «Послания к автору новой книги о трёх лжецах» (1769) Вольтера, где резко критикуется «Книга о трёх лжецах», вышедшая в 1768 г. и «исполненная грубого атеизма». Будучи резким антикле-

БСКСиВ	О необходимости идеи Бога [т. 1: 345]	рикалом, Вольтер в то же время был и убеждённым деистом, считая, что религия должна служить «уздой» для народных масс. Афоризм <i>Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer</i> (Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать) — часть 22-го стиха вольтеровского «Послания». Цитируется также по-франц. [Т. 1: 345]
4. <i>Après nous le déluge</i> (После нас хоть потоп)		
СБШ	Употребляется для характеристики чьего-либо цинически беззаботного отношения к будущему [т. 1: 98].	Фраза приписывается фаворитке французского короля Людовика XV маркизе Помпадур (1721–1764); этими словами она утешала короля после поражения французских войск при Росбахе.
БСКСиВ	Формулировка циничного отношения к жизни, призыв жить одним днём, не задумываясь о последствиях своих действий для других людей [т. 2: 226].	Фраза приписывается фр. королю Людовику XV, но мемуаристы утверждают, что она принадлежит фаворитке короля, маркизе де Помпадур (1721–1764). Этими словами она якобы утешала короля, удручённого поражением фр. войск при Росбахе. Местоимение в выражении может варьироваться [т. 2: 226].
5. <i>Pour les (mes, ses, vos) beaux yeux</i> (Ради прекрасных глаз кого, чьих делать/сделать что)		
СБШ	1. Употр. ирон. в знач.: вполне бескорыстно; ни за что; даром. 2. Из расположения, из любви к кому-либо [т. 3: 1048].	Выражение « <i>pour les (mes, ses, vos) beaux yeux</i> » встречается в комедии Мольера (1622–1673) «Смешные жеманницы», XVI; один из отвергнутых поклонников, застав у жеманниц, переодетых в барские костюмы, своих более счастливых слуг и разоблачая их, говорит: «Впредь им не придётся щеголять в наших нарядах и пускать вам пыль в глаза. Желаете их любить? Воля ваша, любите, но только ради их прекрасных глаз» (перев. Н. Яковлевой).
БСКСиВ	Не по заслугам, а по личному расположению; ни за что, совершенно зря, даром [т. 2: 282]	Шутл., ирон. Выражение из комедии Ж.-Б. Мольера «Жеманницы» (1660), сц. 16. Отвергнутые жеманницами поклонники застают у них своих более счастливых слуг, выдававших себя за маркиза и виконта. Слуги разоблачены, они больше не будут щеголять в чужом платье. И один из поклонников, отвергнутых жеманницами, восклицает: «И если вы полюбите их, то это действительно будет ради их прекрасных глаз». Часто цитируется по-франц.: <i>Pour vos <ses> beaux yeux</i> [т. 2: 282]
6. <i>Secret de polichinelle</i> (Секрет полишинеля)		
СБШ	О таком секрете, который все знают или о котором легко догадываются [т. 3: 1158].	—
БСКСиВ	О таком секрете, который все знают или о котором легко догадываются [т. 2: 333].	Полишинель — фр. Петрушка, комический персонаж кукольного театра; пёстрый, двугорбый, в красном кафтане и колпаке, носатый шут в скоморошьях зрелищах. Часто цитируется по-франц.: <i>Un secret de polichinelle</i> [т. 2: 333].

7. <i>Ancien régime</i> (Старый порядок <режим, строй>)		
СБШ	1. Государственное устройство и бытовой уклад во Франции до революции 1789 г. 2. <i>Перен.</i> О той части общества, которая продолжает упорно держаться устаревшего бытового уклада или отживших взглядов [т. 1: 82].	—
БСКСиВ	Первоначально означало режим, существовавший во Франции до буржуазной революции 1789 г. Часто цитируется по-франц.: <i>L'ancien régime</i> . В рус. лит. языке этим выражением обозначали до сер. 1980-х гг. режим, существовавший в России до Февральской буржуазной революции 1917 г. [т. 2: 401–402].	Публ. Стало крылатым после появления в 1856 г. книги Токвиля (1805–1859) «Старый режим и революция», в другом переводе с фр. — «Старый порядок» [т. 2: 402].

Как видно из таблицы, СБШ не приводит толкования КЕ *Все жанры хороши, кроме скучного*; в словарной статье БСКСиВ и словаря А. М. Бабкина и В. В. Шендеева содержится почти идентичный этимологический комментарий; кроме того, БСКСиВ включает и стилистические пометы. В словарной статье СБШ даётся указание на то, в русских текстах это выражение обычно цитируется с некоторым отклонением от оригинала. При толковании КЕ *Appetite приходит во время еды* БСКСиВ даёт одно значение; А. М. Бабкин и В. В. Шендеев указывают, что эта единица многозначна, однако приведённые ими значения почти дублируют друг друга, поэтому более логичным является выделение единственного значения, как в БСКСиВ. Следует также отметить, что в словарях отличается и этимологический комментарий: в БСКСиВ он более полный. Если БСКСиВ содержит толкование КЕ *Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать*, то в СБШ оно отсутствует, при этом А. М. Бабкин и В. В. Шендеев приводят другой источник происхождения крылатого выражения. По их мнению, оно является заимствованием из произведения «Проповедь» архиепископа Кентерберийского Джона Тиллотсона (1630–1694) [СБШ, 3, 1994: 1172]. В БСКСиВ приведена стилистическая помета — книжное, ироничное. У КЕ *После нас хоть потоп* и *секрет полишинеля* в рассматриваемых словарях приводятся сходные значения, даны одинаковые этимологические пометы. В анализируемых словарях КЕ *ради прекрасных глаз кого* имеет одинаковое толкование. Но в СБШ есть одно существенное замечание, сделанное авторами, видимо, благодаря большому количеству примеров употребления данной КЕ в русском языке. Оно касается детерминатива, который стоит перед словом «глаза» (*yeux*). БСКСиВ приводит только «*vos, ses*», а СБШ — «*les, mes, ses, vos*». Последняя КЕ, рассмотренная нами — *старый порядок <режим, строй>*, — также имеет некоторые разночтения в данных словарях: словарная статья БСКСиВ содержит этимологическую справку и стилистическую помету — публицистическое; СБШ даёт немного другое толкование этого крылатого выражения, одно из которых является переносным.

Рассмотренные словари являются не только справочными пособиями, но и упорядоченными сводами обширных материалов по иноязычной и русской

лексике и фразеологии и истории усвоения их русским литературным языком. Многие КЕ, в XIX в. употреблявшиеся на языке оригинала, сегодня приобрели русское написание и включены в БСКСиВ как единицы русского языка. Но зарегистрированы они в этом качестве гораздо позже, чем были усвоены русским языком, первоначально в своей иноязычной оболочке, что нашло своё отражение в словаре А. М. Бабкина и В. В. Шендецова.

ЛИТЕРАТУРА

БМШ: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4 000 ед. — М.: АСТ: Астрель: Рус. слов., 2000. — 623 с.

БСКСиВ: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 5 000 ед. / под ред. С. Г. Шулежковой: в 2 т. — М.: Greifswald: МаГУ; Ernat-Moritz-Arndt-Uniwersität, 2008–2009.

Новый большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В. Г. Гака. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2005. — 1625 с.

СБШ: Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 3 т. — 2-е изд., испр. — СПб.: КВОТАМ, 1994.

WINGED UNITS OF FRENCH ORIGIN AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHIC ANALYSIS (BY THE EXAMPLE OF THE DICTIONARY OF RUSSIAN WINGED PHRASES AND THE DICTIONARY OF TRANSLITERATED AND TRANSPLANTED FOREIGN WORDS AND PHRASES)

A. S. Makarova

Dictionaries of winged words and phrases rank prominent among phraseological dictionaries. The Dictionary of Russian Winged Phrases is a most comprehensive collection of present-day Russian, French, Latin, German, and English winged phrases. It contains examples from literature and spoken language. Another dictionary is that of foreign words and phrases compiled by Babkina and Shendetsova. These dictionaries are both reference books and well-arranged corpus of voluminous material on Russian and foreign words and phrases and their assimilation and adaptation in the Russian language of modern times.

Key words: winged units, lexicography, etymology, polysemy, usage label.

© 2011

А. И. Яковлев

ПУШКИНСКИЕ КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ
ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ И В РОМАНЕ А. БЕЛОГО
«ПЕТЕРБУРГ»

В статье рассматриваются трансформации крылатых слов, фраз и выражений А. С. Пушкина в романе А. Белого «Петербург», описываются приёмы смысловых и структурных изменений интертекстуальных элементов, демонстрируется важность материала для создания фразеографического издания — словаря крылатых слов и выражений, используемых в произведении.

Ключевые слова: символизм, фразеография, интертекстуальность, крылатые выражения, трансформации.

Крылатые выражения, восходящие к произведениям А. С. Пушкина, прочно закрепились в национальном самосознании народа, вошли в активное употребление носителей языка. Пушкинское творчество находит широкое отражение в современных словарях крылатых слов и выражений [Ашукин, Ашукина 1955; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005; Мокиенко, Сидоренко 2005 и др.].

Поэзия Пушкина является богатым источником творческих преобразований в произведениях русских писателей XIX–XX вв. Пушкинские крылатые выражения подвергаются структурно-семантическим изменениям, помогают авторам генерализировать собственные идеи, эксплицировать концептуальный смысл художественного текста. Роль пушкинского слова в романе А. Белого «Петербург» настолько значительна, что писатель рассматривал крылатое выражение *Адмиралтейская игла* ‘о шпиле над куполом здания Главного Адмиралтейства (архитектор А. Д. Захаров) в Санкт-Петербурге’ [Мокиенко, Сидоренко 2005: 17] в качестве одного из вариантов заглавия романа [Долгополов 1988: 202–204]. Выражение — прямая цитата из пушкинского «Медного всадника» — в прологе самой поэмы употребляется в качестве элемента восторженного монолога рассказчика в окружении стилистических и семантических конфигураций с общим компонентом *свет*: эпитетов (*ясны громады*), оксюморонных структур (*безлунный блеск*), олицетворений (... *не пуская тьму ночную // На золотые небеса, // Одна заря сменить другую // Спешит, дав ночи полчаса*...), придаточных предложений (... *Когда я в комнате моей // Пишу, читаю без лампы*...) [Пушкин 1977: 275]. Ставшие крылатыми выражения *И светла Адмиралтейская игла* ‘о шпиле над зданием Адмиралтейства’ [Мокиенко, Сидоренко 2005: 239] с эпитетом *светла*, а также *Пишу, читаю без лампы* ‘о петербургской белой ночи, когда можно читать без освещения’ [Мокиенко, Сидоренко 2005: 481] позволяют А. Белому создать собственный образ Петербурга, построенный на антитезе: сцена карнавала (четвёртая глава романа) вводится в сюжетную структуру романа через подглавку с названием-олицетворением «*Петербург ушёл в ночь*» [Белый 2008: 136].

Яковлев Артём Игоревич — аспирант кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. E-mail: artiyakovlev@mail.ru

Само Адмиралтейство появляется в романе лишь несколько раз, но каждый случай описания этого здания примечателен, т. к. маркирован либо эпитетами, либо олицетворениями: ... *противоправительственных мальчишек, нёсшихся что есть дух от вокзала к Адмиралтейству и махавших красного цвета журнальчиками* ... [Белый 1990: 93]; ... *едва зримое, пробежало в небо стрелой золотое Адмиралтейство*... [Белый, 1990: 371]; *Адмиралтейство <...> пророзовело; и — скрылося* [Белый 2008: 200]. Внимание читателя здесь привлекает явная двусмысленность эпитета *золотое*: в традиционном, пушкинском понимании он воспринимается как возвышенный (ср. *Струя и брызги золотые; В багрец и золото одетые леса*); в цветописии Белого *золотой* соотносится с доминирующим в романе жёлтым, цветом больной, дурной атмосферы города. Белый трансформирует пушкинское восприятие Петербурга: *красный* цвет журнальчиков, а также окказионализм *пророзовело* в олицетворении Адмиралтейства — не только отсылка к марксизму и социалистам; в «Петербургe», вслед за библейскими текстами и произведениями представителей модернизма, цветопись в оттенках красного является символом террора. Адмиралтейство в человеческом обличи — *скрылося* (архаичная возвратная форма прошедшего времени). У Пушкина же при олицетворении дня (*Одна заря сменить другую // Спешит 'о петербургских белых ночах'* [Мокиенко, Сидоренко 2005: 430]) составное сказуемое в настоящем времени выражает скорее идею бесконечности. Ср. с трансформациями крылатого выражения в публицистике, представленными в «Словаре...»: *Одна «звезда» сменит другую спешит; Один пикет спешит сменить другой; Одна мечта спешит сменить другую* [Мокиенко, Сидоренко 2005: 430].

Адмиралтейская игла заменяется в «Петербургe» Белого построенным по той же модели авторским выражением *Петропавловский шпиг*, одним из лейтмотивов произведения, отражающим как эмоциональные состояния героев, так и авторские амбивалентные оценки. Описания шпиля сопровождаются яркими эпитетами с ограниченной сочетаемостью (часто с отрицательным подтекстом), демонстрирующими ничтожность обитателей в сопоставлении с массивностью городской архитектуры: ... *мучительно острый, немилосердный, холодный Петропавловский шпиг* [Белый 1990: 153].

Помимо этих случаев, прямо связанных с пушкинским крылатым выражением, интертекстуальная перекличка «Медного всадника» и «Петербурга» широко представлена и на внутритекстовом, и на надтекстовом уровнях.

Сразу за прологом романа следует завершающая пятистрочная строфа из пролога к «Медному всаднику» Пушкина. Так, сюжетные и образные структуры пушкинской поэмы и романа А. Белого соотносятся через паратекстуальные элементы [Фатеева 2008: 138–142]. Эпиграф подвергается изменению: А. Белый грамматически разрушает диахронную связь между двумя текстами, используя привычную для русского языка рубежа XIX–XX вв. форму *о ней* вместо архаичной формы предлога *об ней*: *О ней свежо воспоминанье... // О ней, друзья мои, для вас...* Цитату завершает фигура умолчания, привычная для Белого, но отсутствующая у Пушкина: ... *печален будет мой рассказ...* [Белый 2008: 11]. А. Белый старается усилить элемент недосказанности, стремясь добиться нарастания внутритекстового напряжения.

Другой эпитаф — точная цитата из поэмы: *За ним повсюду Всадник Медный // С тяжёлым топотом скакал* [Белый 2008: 225]. Он служит средством предвосхищения сюжета. Выбор крылатой фразы *За ним повсюду Всадник Медный с тяжёлым топотом скакал* ‘о петербургском «зазеркалье» — обитателях «мира иного» в литературных произведениях, действие которых происходит в Петербурге’ [Мокиенко, Сидоренко 2005: 183] с местоимением, заменяющим имя собственное пушкинского Евгения, обезличивает, переносит цитату в новый контекст и более точно передаёт содержание главы, описывающей безумие Дудкина, но вместе с тем соотносит с ним лирического героя поэмы. Кроме того, цитата, включающая в себя выражение Пушкина *Медный Всадник* (‘о памятнике Петру Великому в Санкт-Петербурге’), служит генерализирующим элементом одной из ключевых, кульминационных глав произведения, главным героем которой является сам памятник Петру I. Авторское выражение, вынесенное в паратекстуальное образование, является основой для многочисленных трансформированных выражений Андрея Белого в главе романа: *Медноглавый гигант*, *Медный гость*, *Металлический гость*, представляющих собой перифразы пушкинского названия поэмы «Медный всадник». Наблюдается также и контаминация двух названий: «Медный всадник» и «Каменный гость».

Уникальный случай межтекстовой связи представляет собой контаминация двух крылатых выражений в рамках одного эпитафа, цитаты из «Евгения Онегина»: *Блеснёт завтра луч денницы. // И заиграет яркий день, // А я, быть может, уж гробницы // Сойду в таинственную сень* [Белый 2008: 189] (см. [Мокиенко, Сидоренко 2005: 35]). Оригинальный текст значительно трансформируется: ср. *Блеснёт завтра луч денницы // И заиграет яркий день; // А я, быть может, я гробницы // Сойду в таинственную сень...* [Пушкин 1978: 110]. Используя только небольшой фрагмент письма Ленского, Белый разрушает пафосные пушкинские языковые средства, использует лишь метафору-перифраз, обозначающую смерть поэта. Членение сложносочинённого пушкинского предложения смещает акценты: окончание первого предложения обращает внимание на оборот *луч денницы*, соотносящийся через ядерный компонент с эпитетом Белого *мёртвый луч* — луч фонаря, сопровождающий появление беса Енфраншиш в подглавке «Мёртвый луч падал в окошко». Во втором предложении создается антитеза: олицетворение *Заиграет летний день* противопоставлено гиперболизированной метафоре *Сойду в таинственную сень гробницы*. Эта цитата знаменует появление голоса самого рассказчика: события описываемой ночи уходят, ночи сменяются последующими днями, но в жизни петербургской «многоножки» ничего не изменится; яркий солнечный день не способен повлиять на бессознательное поведение толпы. Любой свет настолько же *мёртв*, насколько мертва и описываемая ночь. Рассказчик сравнивает себя с Евгением из «Медного всадника», заменяя повторяющееся личное местоимение частицей *уж* и намекая на крылатое выражение *Ужо тебе!* ‘о восклицании Евгения’ [Мокиенко, Сидоренко 2005: 674], неоднократно сопровождающее в романе сцены сумасшествия и смерти.

Голос рассказчика появляется и в эпитафе к предпоследней главе произведения, значительно изменённой пушкинской цитате: *Устал я, друг, устал: покоя сердце просит, // Летят за днями дни...* Замена компонента крылатого выражения *Пора, мой друг, пора* ‘о душевном состоянии Пушкина в последний период его

жизни' [Мокиенко, Сидоренко 2005: 503] значительно усиливает степень текстовой модальности, выражая идею, близкую идее эпитафии пятой главы, и, вместе с заменой притяжательного местоимения и опущением восклицания, разрушает интертекстуальную цепочку *Байрон — Пушкин*. Ср. *Adieu, adieu! My native shore...* (см. [The Oxford Dictionary 2003: 403]). Белый практически создаёт собственный окказионализм по пушкинской грамматической модели — дважды повторённому между вокативом сказуемому. Изменение пунктуации (Ср. *Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит — // Летят за днями дни...* [Пушкин 1977а: 258]) разрушает причинно-следственные связи, а эллипсис, следующий за метафорой *Летят за днями дни*, выражает идею Белого о неизменности течения времени.

В эпитафии к восьмой главе, опирающемся на крылатые выражения, восходящие к монологу Пимена из «Бориса Годунова», снова появляется голос рассказчика. Само выражение *Минувшее проходит предо мною* 'о событиях, давно прошедших' [Мокиенко, Сидоренко 2005: 336] не подвергается авторским трансформациям, но мы видим вторжение А. Белого в орфографию и пунктуацию его контекстуального окружения: *Минувшее проходит предо мною... <...> **Не много** лиц мне память сохранила, // **Не много** слов доходит до меня...* [Белый 2008: 349]. Белый усиливает отрицание, заменяя лексему *немного* на числительное с отрицательной частицей (ср. *Немного* лиц мне память сохранила, // *Немного* слов доходят до меня... [Пушкин 1978б: 199]), при этом кардинально меняя смысл претекста и показывая свою ничтожность, беспомощность в выбранном ремесле, в попытке описать события даже одного дня из жизни Петербурга.

Четвёртая глава, в которой «ломается нить повествования» [Белый 2008: 131], предшествующая разоблачению Красного домино — Николая Аполлоновича, вводится в текст эпитафией — крылатым выражением *Не дай мне бог сойти с ума...* [Белый 2008: 131] (см. [Мокиенко, Сидоренко 2005: 379]). Из двух изданий стихотворения, дающих различную орфографию, выбирается то, в котором нарушено классическое русское канонизированное правописание существительного *Бог*. Неоднократно сопровождающая крылатые выражения эллиптическая конструкция здесь снова служит средством удержания читательского напряжения. Далее мы узнаем, что Александр Дудкин действительно сходит с ума, подпоручик Лихутин пытается совершить самоубийство, а Николай Аполлонович находится на грани разоблачения, скандала, и только случайность сохраняет его от греха отцеубийства. Таким образом происходит семантическая трансформация — реализация пушкинского крылатого выражения: оно теряет свою метафорическую составляющую.

Анализ пушкинских цитат в романе А. Белого «Петербург» свидетельствует о том, что интертекстуальные элементы подвергаются оригинальным структурным и смысловым изменениям. Чаще всего А. Белый использует выразительные приёмы перифразы, контаминации, расширения компонентного состава, замены компонентов в пушкинских крылатых выражениях. В тексте романа формируются дополнительные смысловые оттенки, которые помогают писателю выразить идею романа. Пушкинские цитаты и другие интертекстуальные источники могут послужить интересным материалом для создания словаря крылатых слов и выражений, используемых в анализируемом произведении. Такое фразеографическое издание отразит яркие черты идиостиля писателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Аишук Н. С., Аишук М. Г.* Крылатые слова. — М.: Худож. лит., 1955. — 668 с.
- Белый А.* Петербург. — Киев: Дніпро, 1990. — 600 с.
- Белый А.* Петербург. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 448 с.
- Берков В. П.* Большой словарь крылатых слов русского языка / Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. — М.: АСТ: Олимп: Астрель, 2005. — 624 с.
- Долгополов Л. Н.* Андрей Белый и его роман «Петербург». — Л.: Сов. писатель, 1988. — 416 с.
- Мокиенко В. М.* Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. — СПб.: Нева, 2005. — 800 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. — 527 с.
- Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. — М.: КомКнига, 2007. — 280 с.
- The Oxford Dictionary of Quotations* / ed. by E. Knowles. — Oxford: OUP, 2009. — 1155 p.

PUSHKIN'S WINGED WORDS IN PRESENT-DAY PHRASEOGRAPHIC
SOURCES AND IN A. BELY'S NOVEL "PETERSBURG"*A. I. Yakovlev*

The article considers transformations of Pushkin's quotations in A. Bely's novel "Petersburg" and describes ways and means of semantic and structural alterations of intertextual elements. It also displays the material significance for compiling a glossary of winged words and phrases occurring in the novel under study.

Key words: symbolism, phraseography, intertextuality, winged phrases, transformations.

ФРАЗЕОГРАФИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

© 2011

А. М. Чепасова

ФРАЗЕОГРАФИЯ — ЗЕРКАЛО ФРАЗЕОЛОГИИ

Автор утверждает, что по отношению к лингвистическим справочникам, описывающим фразеологизмы, современные исследователи неправомерно используют термин *словарь*. Фразеологические единицы, исследуемые во фразеологии, должны описываться по-особому. Наука, в которой должны быть выработаны принципы описания фразеологизмов (фразеография), должна быть отделена от лексикографии. Опираясь на опыт фразеологов Южного Урала и Западной Сибири, А. М. Чепасова излагает теоретические основы фразеографии.

Ключевые слова: лексикология, лексикография, фразеология, фразеография, фразеологизм, синтаксическая конструкция, принципы.

В названии симпозиума и в перечне основных проблем, предлагаемых для обсуждения, термины *лексикография* и *фразеография* употреблены как однородные члены, соединенные союзом *и*. Однако, если термином *лексикография* обозначается богатейшая, старейшая, глубочайшая по характеристике описываемого материала отрасль русского языкознания, то за термином *фразеография*, осмелюсь утверждать, не стоит никакой общепризнанной теоретической базы, хотя за последние 50–60 лет создано достаточно большое количество фразеографических сборников, справочников, названных словарями. Так что для фразеографии большая честь стоять в одном ряду с лексикографией, большой аванс, хотя реальный уровень исследований русских фразеологических единиц в России и, в частности, на Южном Урале и Западной Сибири, высокий, что разрешает нам говорить о сформулированных здесь и доказавших свою истинность теоретических положениях как о таких, которые непротиворечиво могут применяться и применяются при описании фразеологических единиц, могут быть и являются элементами русской фразеографической теории.

1. Единицей исследования во фразеологии и единицей описания во фразеографии является *синтаксическая конструкция*, только *синтаксическая конструкция*. По этой причине фразеографический труд представляет собой книгу — сборник, справочник, собрание, свод, в котором описываются синтаксические единицы разной структуры, разного объема. Различия в структуре описываемых единиц так велики, что у лингвиста, впервые обратившегося к исследованию фразеологизмов, возникает мысль о беспредельном, неограниченном разнообразии структур,

Чепасова Антонина Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: savelyevacspu@yandex.ru

которые невозможно как-либо систематизировать. Действительно, фразеологизм может иметь структуру словосочетания (*медный лоб, правая рука, точка зрения, угол зрения, водить за нос, оставить с носом, души не чаять*), сочетания слов (*за глаза, под каблуком, не фонтан, не сахар, абы как*), структуру однородных членов предложения (*ну и ну, рано или поздно, семо и овамо*), части сложного предложения (*как ни в чём не бывало, как попало, как в воду глядел(а), как у Христа за пазухой*), структуру простого предложения (*руки опускаются, глаза бы не глядели, ноги подкосились*) и др. Но всё разнообразие структур русских фразеологизмов только кажется неограниченным, на самом деле все они являются формами русской грамматики, её категорий, типов связей и т. д., ни один из русских фразеологизмов не оказывается образованным вопреки законам и правилам грамматики русского языка, о чём пойдёт речь дальше. Для фразеографа квалификация синтаксической структуры фразеологизма должна быть обязательной, какого бы типа фразеографический труд он ни создавал.

2. Каждая синтаксическая конструкция состоит из компонентов словного характера, что до сих пор, до сего дня для многих лингвистов-фразеологов и фразеографов является камнем преткновения при исследовании и при описании фразеологической единицы. Наш многолетний анализ большого фразеологического материала заставил нас прийти к выводу, которым мы успешно пользуемся: компоненты фразеологизма, сохраняя форму слова, подвергаются качественным семантическим и грамматическим изменениям, в результате чего создаётся новая языковая единица, обозначающая новое понятие и обладающая своими собственными грамматическими свойствами и функциями. Учение о компонентном составе продолжает развиваться, и много новой информации получено с тех пор, как исследовал природу компонентов В.Л. Архангельский [Архангельский 1961: 210–213].

3. Главным условием в разной степени полного исследования и описания фразеологического фонда языка является наличие фразеологической картотеки. Как показывает жизнь, фразеологической картотекой, подобной лексической картотеке, находящейся в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и в Москве, Россия пока не располагает. Фразеологи Челябинска, Магнитогорска, Кургана, Омска, Тобольска для исследования разных сторон фразеологизмов и разных их структурных типов создали и продолжают накапливать факты в личных специальных картотеках, насчитывающих по несколько десятков тысяч карточек каждая [Челябинская фразеологическая школа 2002: 35–40; 261 и др.]. В Челябинске на базе имеющегося общего фонда и личных карточек создаётся единый национальный фразеологический фонд.

4. Фразеологический состав русского языка долгое время повергал лингвистов своим обилием и разнообразием в отчаяние; в литературе и в докладах на конференциях и семинарах можно было прочитать и услышать мнение о том, что фразеологизмы русского языка не могут быть подвергнуты какой-либо систематизации, классификации. Опуская историю разработки вопроса о классификациях, осветим решение этой сложнейшей проблемы учёными Челябинской проблемной лаборатории.

Первой глобальной классификацией современного фразеологического фонда, на наш взгляд, является классификация А. М. Бабкина, предпринявшего деление

всей фразеологии на три разряда: номинативную, грамматическую и модальную, причём «модальные словосочетания» он относит к «грамматической идиоматике» [Бабкин 1964]. Фразеологический состав русского языка с применением названной классификации А. М. Бабкин не исследовал.

В 1974 г. я опубликовала классификацию фразеологизмов, основанную на учёте типов категориальных, самых общих значений единиц, соотносительных с типами категориальных значений классов слов. В соответствии с названным принципом все фразеологизмы современного русского языка распадаются на морфологически изменяемые и морфологически неизменяемые. В свою очередь изменяемые делятся на несколько классов — предметные, процессуальные, призначные, количественные; неизменяемые (они есть среди части призначных и количественных); полностью неизменяемыми являются пять классов: качественно-обстоятельственные, фразеологические предлоги, фразеологические союзы, фразеологические частицы и модальные. Единицы каждого разряда и класса характеризуются совокупностью семантических и грамматических свойств.

5. Названная классификация стала и до сих пор является надёжным рабочим инструментом исследования фразеологизмов современного русского и других славянских языков, а также изучения фразеологизмов русского и других славянских языков в диахроническом аспекте.

Так, изменяемые фразеологизмы изучались со стороны структуры их семантики и функционирования в них морфологических категорий.

Неизменяемые фразеологизмы, представляющие собой модели форм косвенных падежей имени, послужили материалом для написания целого ряда кандидатских, докторских диссертаций и монографий. Неизменяемые грамматические единицы стали объектом изучения в кандидатских, докторских диссертациях и монографиях.

6. В своих исследованиях мы решали сложнейшие задачи: по семантическим, грамматическим, структурным и другим признакам единиц попытались выявить фундаментальные свойства фразеологизмов современного русского языка. Считаю, что многое нам удалось. Назову наиболее крупные, на мой взгляд, достижения, сформулированные в приведённых ниже положениях.

- Фразеологизмы семантически организованы в классы, соотносительные с классами слов.

- Фразеологизм не тождествен слову семантически, а только соотносителен с последним.

- Фразеологизмы грамматически организованы, они подчиняются законам национальной грамматики, хотя действие этих законов во фразеологизмах не тождественно их действию в лексическом материале.

- Во фразеологическом материале могут проявляться семантические и грамматические свойства, которые нельзя обнаружить в лексическом материале.

Выведенные закономерности стали основой фразеографических правил.

Опираясь на полученную информацию, мы определяли свойства компонентов единиц разных моделей, количество компонентов в единицах разных моделей. Исследования позволили нам сделать ряд существенных выводов.

- Абсолютное большинство фразеологических единиц имеют двухкомпонентный состав, за ними следуют трехкомпонентные.

- Каждый компонент, будь он грамматически главным или подчинённым, служебным или знаменательным, занимает определённое место в данной единице.

- Каждый фразеологизм имеет свою начальную форму, зависящую от того, к изменяемому или неизменяемому он относится. Продуктивность форм грамматических категорий и частота их употребления определяются особенностями значения данной единицы.

- Изменяемые фразеологизмы строятся по ограниченному числу синтаксических моделей, но наличие у таких единиц большого количества грамматических типов, категорий и их форм создают большую частоту употребления изменяемых единиц в речи.

- Неизменяемые фразеологизмы, напротив, строятся по большому количеству разнообразных моделей, представляющих собой фиксированные формы морфологических категорий или частей синтаксических конструкций, и тем самым увеличивают количественно и качественно фразеологический фонд русского языка.

7. Большие картотеки и опора на знания о выявленных фундаментальных свойствах фразеологизмов являются прочным основанием многочисленных надёжных не только квалификационных работ, но и солидных монографий, в которых исследуются целые классы фразеологизмов (Г. А. Шиганова, А. Д. Соловьева и др.), семантические отношения внутри подсистемы фразеологизмов и между фразеологическим корпусом и лексическим составом языка (Н. А. Павлова и её аспиранты), проблемы фразеобразования и словообразования на базе фразеологизмов (Е. Н. Ермакова), синтаксические связи фразеологизмов с внешним текстом (И. Г. Казачук), проблемы динамики фразеологического состава (Е. В. Радченко) и многие другие.

В настоящее время мы располагаем довольно внушительным количеством работ, в которых фразеологический состав рассматривается как строгая семантико-грамматическая подсистема языка, находящаяся в сложнейших связях и отношениях с лексико-грамматической системой национального языка.

Добытая во фразеологических трудах информация имеет прямой выход во фразеографию.

8. В настоящее время фразеологи, очарованные тем или иным свойством фразеологизма(-ов), не выявленном ими в слове(-ах) или, напротив, обнаружив черты сходства фразеологизма(-ов) со словом(-ами), берутся за написание и издание фразеографического труда, называемого ими не иначе как «фразеологический словарь русского языка», не смущаясь ни термином *словарь*, ни квалификацией своего труда как относящегося ко всему языку, а не к какой-либо его части, теме, разделу и т. п. В статье такого фразеографического труда нет фундаментальных лингвистических характеристик приводимой единицы.

- Не указаны внешние формальные признаки — начальная форма, синтаксическая модель, количество обязательных или варьирующихся компонентов.

- Нет указаний на то, к какому разряду относится эта единица — к номинативной? грамматической? модальной фразеологии?

- К изменяемому или неизменяемому относится эта единица?

- Если она (единица) относится, напр., к номинативной фразеологии, то ка-

кого она семантико-грамматического класса — предметного? процессуального? призначного? количественного? качественно-обстоятельного?

- Если единица обозначает, напр., процесс, то какие типы форм у неё есть — инфинитивные? личные? причастные? деепричастные?

- Какие формы морфологических категорий у такой единицы есть? и какова их продуктивность?

- Какими синтаксическими свойствами обладает описываемая единица? в какие синтаксические связи вступает с другими словами и формами в предложении — высказывании?

- В какие семантические отношения вступает с другими фразеологизмами и/или со словами?

- Какова стилистическая характеристика этой единицы?

- В каких и скольких фразеографических трудах приводится?

Ответы на поставленные, а возможно, и другие вопросы могут быть приведены в статье, посвящённой одной единице, лишь при наличии большого количества её употреблений в речи.

Если названного условия нет, статья остаётся пустой, а единица — не имеющей анализа и почти не представляющей интереса для фразеологии и фразеографии.

9. Основными задачами южноуральских и западносибирских фразеологов являются неуклонное увеличение фразеологического фонда, продолжение многосторонних исследований выявленного и выявляемого фразеологического корпуса как сложнейшей подсистемы языка и фразеографическая деятельность.

Первую задачу мы решаем с того времени, как образовалась проблемная фразеологическая лаборатория. Увеличивается фонд в основном за счёт личных картотек, о чём шла речь в предыдущей части статьи.

Для успешного решения второй задачи у наших фразеологов имеются все необходимые условия: картотеки, наличие убедительных надежных теоретических выводов, полученных в результате исследований особых закономерностей, которым подчиняются фразеологизмы, функционируя в языке, о чём шла речь выше. Названные условия позволяют фразеологам дальше исследовать ещё не открытые стороны единиц русского фразеологического состава. Назову несколько новых работ: [Ратушная 2000], [Игнатьева 2001], [Чепасова 2003, 2006], [Казачук 2006], [Радченко 2007, 2009], [Павлова 2008], [Ермакова 2009].

Изложенное выше понимание свойств фразеологической формы, характеризующейся раздельнооформленностью, привело нас к созданию фразеографических трудов, принципиально отличающихся от многих известных подобных трудов.

Мы создали «Свод фразеологизмов», который построен на учёте всех описанных выше свойств фразеологических единиц. В нём в алфавитном порядке по первому фразеобразующему компоненту располагаются 11 500 единиц современного русского языка без толкований индивидуальных значений. Свод депонирован в ИНИОН СССР в 1987 г. По такому же принципу составлен другой свод, названный «Материалами для словаря славянских фразеологических соответствий». В этом труде свыше 15 000 единиц. Оба свода мы рассматриваем как подступы к полному, глубокому фразеографическому труду, в котором непротиворечиво от-

ражалось бы величайшее богатство русского народа и русского языка, и была бы оставлена в прошлом традиция характеристики фразеологизмов, стереотипно тиражируемой в лексических толковых словарях.

В конце 1980-х гг. мы разработали «Проспект семантико-грамматического словаря», рассчитанный на десяти томное издание. Проспект был одобрен издательством «Русский язык», но разрушительные процессы в обществе, изменения в составе работников редакции заморозили издание словаря. По принципам, разработанным для семантико-грамматического словаря, мной написан небольшой учебный толковый словарь, точнее, учебное пособие по фразеографии «Фразеологизмы в нашей речи» [Чепасова 2000].

Главной задачей фразеографии русского языка является создание единого национального фразеологического свода, подобного толковым лексическим словарям в 17-ти или 20-ти томах. Но чтобы выполнить эту масштабную задачу, необходимо, во-первых, создать картотеку, которая включала бы в себя фразеологический состав, известный русскому народу в период от Пушкина до наших дней, точнее, в рамках XIX–XXI вв. Во-вторых, фразеология должна достичь такого уровня развития, который позволил бы фразеографам выработать строгую, в возможно большей степени непротиворечивую систему описания фразеологических единиц. Понятно, что названный труд не может быть создан одним человеком или за короткий срок.

Я считаю, исходя из описанных выше условий, целесообразным готовить единый национальный фразеологический свод, используя частные (тематические, семантические, семантико-грамматические) своды, сборники, собрания, справочники. Поясню, что имею в виду. Н. А. Павлова много лет изучала проблему омонимии. Располагая огромной картотекой, она написала несколько монографий по омонимии, в том числе [Павлова 2008]; в год смерти опубликовала [Словарь фразеологических омонимов 2010]. Описанию омонимов в этом Словаре предшествует развёрнутое Предисловие [Там же: 7–10], в котором излагаются принципы отбора омонимов, структурные их типы, формальные признаки, семантические и грамматические свойства, стилистические характеристики, семантические отношения с другими фразеологизмами, отдельными словами и формами, однозначность / многозначность и др. На площади в 304 с. все 868 фразеологических омонимов получают высочайшую фразеографическую характеристику. Описанный в Словаре материал полностью войдёт в единый национальный фразеологический свод.

Г. А. Шиганова занимается изучением фразеологических предлогов. Она обладает картотекой почти в 600 единиц в 80 000 употреблений. В монографиях последних лет [Шиганова 2001, 2003] фразеологические предлоги получили глубокую разностороннюю характеристику. В настоящее время Г. А. Шиганова готовит самый полный в России свод фразеологизмов, где найдут отражение все выявленные при исследовании свойства, отношения, семантика, особенности структуры и др. особенности фразеологических предлогов. Замечательной чертой готовящегося труда считаю обилие текстов, извлеченных из различных произведений письменной речи. В единый национальный фразеологический свод войдёт весь этот труд, посвящённый одному из семантико-грамматических классов.

До сих пор речь шла о созданных и создаваемых уральскими и сибирскими учёными фразеографических трудах, которые можно квалифицировать как составную часть единого национального фразеографического свода. Назову еще один труд, вышедший уже вторым изданием в Москве. Имею в виду работу А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» [Мелерович, Мокиенко 1997, 2001], тоже названную словарём. Это труд, в котором фразеологическая единица получила максимально глубокую, разностороннюю характеристику. Работу в 856 страниц предваряет «Введение» [Мелерович, Мокиенко 2001: 3–44], в котором излагаются принципы построения всего труда и фразеологической статьи. Этот труд — точное зеркало того, что узнали авторы о фразеологизме(-ах), имеющем(-их) в своем компонентном составе в основном знаменательную лексему, названную «ключевой». Последняя подаётся как заголовок, под которым помещаются и толкуются все фразеологизмы, которые исследованы авторами. Так, фразеологизмы под заголовком **Душа** занимают 10 стр. [Там же: 216–226], под заголовком **Нога** — 9 стр. [Там же: 442–450], под заголовком **Рука** — 32 стр. [Там же: 590–622]. И так далее. Это первая особенность словаря. Второй особенностью считаю фразеологофразеографический характер толкования единицы, заключающийся в том, что каждая трансформация научно квалифицируется и отмечается определённым значком [Там же: 41–49]. Третья особенность — наличие этимологической справки у каждой (!) единицы. Причём нередки случаи употребления значка «солнечный диск» у нескольких фразеологизмов, находящихся под одной «ключевой» лексемой. См. у единиц под заголовком **Вода** 8 справок, у единиц с заголовками **Голова** и **Нога** — по 7 справок. Большое внимание авторы уделяют толкованию значения как основной, исходной форме фразеологизма, так и его дериватам. В целом фразеологизмы, помещённые под «ключевой» лексемой, получают глубочайшее и разнообразнейшее фразеографическое, а не лексикографическое описание.

По принципу отбора материала работа А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко — частное собрание, оно в едином национальном фразеографическом своде будет золотой частью.

Приводя краткую информацию о трёх фразеографических трудах, в которых отражаются успехи русской фразеологии, я хотела показать, что отечественные фразеологи работают пока автономно, не следуют какой-то одной строго выработанной системе анализа и описания, опираются на большие личные картотеки, в которых можно открыть универсальные свойства, характерные для лексических единиц, и свойства, характерные только для фразеологизмов. Отсутствие единых принципов анализа и описания тормозит развитие и фразеологии, и фразеографии.

Соглашаясь с мнением одного из авторов «Введения» к «Фразеологизмам в русской речи» о том, что «на современном этапе развития фразеологии наблюдается всё возрастающая тенденция синтезирования теории и фразеографической практики» [Там же: 3], не могу согласиться с полным составом словарей, приводимых в примечании, как реализующих названную выше тенденцию к синтезированию теории и фразеологической практики.

Заканчивая доклад, отмечу: в современной фразеологии усилиями отдельных учёных и некоторых их объединений раскрываются и квалифицируются глубин-

ные и внешние формальные свойства фразеологизмов. Благодаря этому фразеология русского языка обрела черты сложной науки, исследующей фразеологическую подсистему национального языка.

Фразеография, которая, строго говоря, может быть только зеркальным отражением фразеологии, пока не существует как стройная система правил описания фразеологических единиц, в ней (фразеографии) есть теоретическая база для описания, отдельные убедительные, глубокие фрагменты (см. выше), которые дают надежду на возможность создания научной строгой, глубокой фразеографии. А пока фразеография не имеет своего общепринятого терминологического аппарата: значительные по количеству описываемых единиц книги называем *словарями*, иногда «большими»; статьи, в которых описываются синтаксическая структура, поведение и формы компонентов, разного типа трансформации неоднословной единицы, называются *словарными*, а не *фразеологическими*, разработку каких-либо сторон фразеологизма называем *лексикографической*, а не *фразеографической*. Фразеография продолжает пользоваться «младенческими лексикографическими пелёнками», хотя уже выросла из них. Однако любая наука начинается с младенчества, будем надеяться, и фразеография освободится «от пелёнок».

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский В. Л. О постоянных и переменных в структуре устойчивой фразы // Филологические науки. — 1961. — №1. — С. 210–213.
- Бабкин А. М. Фразеология и лексикография / Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. — М.; Л.: Наука, 1964. — 76 с.
- Ермакова Е. Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка. — Тюмень: Вектор Бук, 2009. — 416 с.
- Казачук И. Г. Управление объектных процессуальных фразеологизмов: моногр. — Челябинск: ЧГПУ, 2006. — 172 с.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка: моногр. — Кострома: КГУ, 2008. — 484 с.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. слов.: Астрель, 2001. — 856 с.
- Павлова Н. А. Омонимия как проявление развития языка (на материале русских фразеологизмов): моногр. — Омск: Полиграфич. центр КАН, 2008. — 300 с.
- Радченко Е. В. Динамические процессы во фразеологизмах с функционирующими морфологическими категориями: моногр. — Челябинск: ЮУрГУ, 2007. — 148 с.
- Радченко Е. В. Динамические процессы в сфере значения русских фразеологизмов с функционирующими морфологическими категориями: моногр. — Челябинск: ЮУрГУ, 2009. — 231 с.
- Ратушная Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования. — Курган: КГУ, 2000. — 223 с.
- Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 304 с.
- Соловьёва А. Д. Качественно-обстоятельные фразеологизмы русского языка. — Челябинск: ЧГПУ. — 2005. — 459 с.
- Челябинская фразеологическая школа (итоги и осмысление пути): науч.-ист. очерк / науч. ред. А. М. Чепасова. — Челябинск: ЧГПУ, 2002. — 304 с.
- Чепасова А. М. Предметные фразеологизмы русского языка. — Челябинск: ЧГПУ, 2003. — 267 с.

Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. — Челябинск: ЧГПУ, 2006. — 144 с.

Чепасова А. М. Фразеологизмы в нашей речи: учеб. толковый словарь. — Челябинск: ЧГПУ, 2000. — 299 с.

Шиганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: моногр. — Челябинск: ЧГПУ, 2001. — 454 с.

Шиганова Г. А. Релятивные фразеологизмы русского языка. — Челябинск: ЧГПУ, 2003. — 306 с.

PHRASEOLOGY IMPLIES PHRASEOGRAPHY

A. M. Chepasova

The author argues that the term *dictionary* is wrongfully applied by contemporary researchers to linguistic reference books presenting set phrases. Set phrases that are the object of phraseology should be presented in a different way. The field of study (phraseography) dealing with principles of phraseological presentation should break away from lexicography. Drawing on the experience of South Urals and West Siberia scholars A. M. Chepasova advances the fundamentals of phraseography.

Key words: lexicology, lexicography, phraseology, phraseography, set phrase, syntactic structure, principles.

© 2011

С. Г. Шулежкова

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ КОМПАРАТИВЫ КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Опираясь на данные рукописей X–XI вв., автор ставит вопрос о месте компаративов во фразеологической системе древнейшего литературного языка славян и предлагает свою концепцию описания устойчивых сравнительных конструкций во фразеологическом словаре старославянского языка, в основе которой лежит алфавитно-гнездовой принцип.

Ключевые слова: компаративы, сравнительные конструкции, старославянский язык, устойчивые словесные комплексы, фразеология, фразеография.

Устойчивые компаративы, или устойчивые сравнения, занимают особое место в системе любого языка. В монографии М. И. Черемисиной сравнение рассматривается как «некоторая общая схема построения сложного знака, который несёт

Шулежкова Светлана Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: cathphil@masu.ru

в себе компаративную функцию независимо от внешнего окружения» [Черемисина 1976: 4]. С одной стороны, устойчивые компаративы, будучи сверхсловными грамматически организованными образованиями, наряду с другими сравнительными конструкциями, «объединёнными только функциональной общностью», могут рассматриваться под углом зрения «классического синтаксиса» [Там же: 5–6]; с другой, они являются объектами изучения фразеологии (см., напр., [Черемисина 1976: 8; Огольцев 1978; Лебедева 1999]).

При создании фразеографических справочников составители неизменно сталкиваются с трудностями, когда дело касается устойчивых сравнений. Опробованная на привычном фразеологическом материале структура словарной статьи не позволяет исследователям чётко определить компонентный состав сравнения-фразеологизма, адекватно описать его семантику с учётом лексико-семантических вариантов (ЛСВ) ключевого компонента, установить роль слов-«сопроводителей» и их статус. В толковых фразеологических справочниках зачастую не удаётся без дополнительных комментариев (этимологических, культурологических, исторических) охарактеризовать специфические свойства, отражающие этническое, социально-культурное своеобразие устойчивых компаративов. Не случайно в одном из самых популярных фразеологических словарей русского языка [ФСРЯ 1967] на 4 000 с лишним фразеологизмов приходится только около 100 устойчивых сравнений [Огольцев 2001: 6]. В связи с этим вполне закономерным представляется появление во второй половине XX — начале XXI столетия специальных словарей устойчивых сравнений (см. [Лебедева 1996, 1998, 2003; Огольцев 1984, 2001; Fink 2006; Mizin 2010] и др.). Авторы этих словарей обычно противопоставляют устойчивые, или «общенародные», сравнения «индивидуально-творческим», или свободным [Огольцев 2001: 5, 50–53]. Л. А. Лебедева пишет: «Что касается отличий устойчивых сравнений от сравнений индивидуально-авторских, то последние рождаются в устной речи и несут на себе печать индивидуального творчества. Устойчивые же сравнения представляют собой такую фигуру речи, которой пользуются все говорящие на данном языке и которая обычно является результатом многовекового употребления» [Лебедева 1996: 4–5].

Однако границы между устойчивыми компаративами и свободными сравнительными конструкциями размыты. При отсутствии общепризнанных «прозрачных» критериев выделения устойчивых компаративов из огромного массива сравнительных конструкций вполне естественным представляется создание словарей сравнений, в наименованиях которых отсутствует определение компаративов как *устойчивых*. Таковы, напр., «Словарь сравнений русского языка», описывающий 11 000 единиц [Мокиенко 2003] и «Большой словарь русских народных сравнений», «объясняющий», в соответствии с главной установкой составителей, более 45 000 «образных выражений» [Мокиенко, Никитина 2008]. Известный фразеолог, автор «Словаря сравнений русского языка», инициатор и один из составителей «Большого словаря народных сравнений», В. М. Мокиенко настаивает на том, что объекты его описания всё же относятся к устойчивым языковым единицам, несмотря на то, что каждый образ в них, «как правило, неповторим, индивидуален, обособлен». Ведь именно это обстоятельство «рождает ту особую семантическую дифференцированность каждого устойчивого сравнения, которую Б. А. Ларин в своё время характеризовал как “добавочный смысл” фразеологизмов» [Мокиен-

ко 2003: 3; Мокиенко, Никитина 2008: 4]. Эта теоретическая установка позволила авторам включить в «Большой словарь народных сравнений» самые разнородные единицы: 1) образные сравнения, ставшие активно употребительными и кодифицированными литературным языком, напр., *смотреть бирюком*, *голодный как волк*; 2) яркие и меткие выражения регионального масштаба, напр., *яросл. ходить как Акулина*, *вят. смеяться как гагара*; 3) современные просторечные и жаргонные образные сравнения, напр., *как два байта переслать*, *пролететь как фанера над Парижем* [Там же: 7]. Нетрудно заметить, что к общенародным из этого перечня можно причислить лишь единицы 1-й группы. Тезаурусный подход, реализованный авторами, оправдывает включение в Словарь не только диалектных, субстандартных, но и индивидуально-авторских единичных сравнений.

Неоднозначность понимания самой сущности устойчивого сравнения, нерешённость вопроса о его границах, отсутствие единых принципов лингвистической его квалификации предопределили те сложности, с которыми пришлось столкнуться составителям «Фразеологического словаря старославянского языка» [ФССЯ 2011] при описании устойчивых компаративов. Оказалось, во-первых, что границы между свободными и устойчивыми сравнительными оборотами в старославянском языке ещё более зыбки, чем в современном русском языке. И даже тогда, когда устойчивость сверхсловного компаратива доказывается и закреплённой за ним семантикой, не совпадающей с исконными значениями составляющих его компонентов; и постоянством его состава; и воспроизводимостью в качестве готовой языковой единицы; и высокой частотностью употреблений, всегда остаётся проблема границ устойчивого сравнения. Во-вторых, описание устойчивых компаративов в Словаре по параметрам, разработанным для прочих устойчивых словесных комплексов (УСК), не дают желаемого результата. В-третьих, низкая частотность употребления ряда компаративов или регулярная встречаемость их лишь в однотипных контекстах ограничивают возможности полноценного их толкования и грамматической характеристики. В-четвёртых, строгий алфавитный принцип расположения фразеологического материала (по начальной букве первого компонента УСК) оказался неприменимым по отношению к компаративным конструкциям (все они начинаются с однотипных сравнительных союзов, а следующие за союзом ключевые компоненты могут входить в состав разных устойчивых компаративов, для каждого из которых необходимо было формировать самостоятельную словарную статью). Значительный пласт фразеологического фонда языка древнейших славянских рукописей (несколько сот сверхсловных единиц), таким образом, «не вписывался» в структуру Словаря и нуждался в особой обработке. Можно было бы просто исключить их из состава описываемых УСК, но тогда сам фразеологический корпус старославянского языка был бы представлен в урезанном виде и очень многие связи старославянской языковой системы с современным русским языком и с другими славянскими языками оказались бы «за кадром».

В древних славянских памятниках X–XI вв. можно обнаружить корни целого ряда устойчивых сравнений современного русского языка и прочих славянских языков (о некоторых из них, встречающихся в Супрасльской рукописи, см. [Мишина 2011]). По нашим подсчётам, треть устойчивых компаративов, обнаруженных нами в так называемых «классических» старославянских памятниках,

используются, хотя и в трансформированном виде, носителями современного русского литературного языка или его разновидностей.

Ядром старославянского фразеологического пласта компаративов являются сравнения, построенные по модели: сравнительный союз **акты/іако, ꙗко** + ключевое слово (наименование того, с чем/кем осуществляется сравнение) (+ наименование субъекта сравнения, т. е. того, что/кто сравнивается) + общий признак (или похожее состояние, действие и т. д.). Итак, «полные» старославянские устойчивые компаративы трёхчленны: (**акты/іако, ꙗко**) + А (→ В) = С (то/тот, с чем/кем осуществляется сравнение, обозначается лат. буквой А, субъект сравнения — буквой В, а основание сравнения — буквой С): **акты вѣна (сѣдинѣ) чистѣ (чиѣ)**, **акты воскъ съжьжена (плѣть чи)**, **іако снѣгъ (ризѣ) вѣлѣ (чиѣ)**, **іако (и) голѣбѣ (доухѣ) съходитѣ, іако цвѣтъ отъцвѣтетѣ (чловѣкъ)**, **ꙗко орьлѣ обновитѣ сѧ (юность чи)**, **ꙗко соушило съсъхъ сѧ (кости чиѣ)**. Наименование субъекта сравнения В в одних старославянских устойчивых сравнениях может быть обязательным компонентом, в других играть роль его сопроводителя и включаться в ближайшее контекстное окружение или подразумеваться даже при изолированном употреблении устойчивого компаратива, как в приведённых ниже примерах: **акты трѣва оуѡанѣти** (о ком-л.), **акты снѣгъ снѣти** (о чём-л.), **ꙗко дымъ ницезнѣти** (о ком-, чём-л.), **ꙗко отрочѧ съмѣрити сѧ** (о ком-л.), **іако же орьлѣ вѣзлетѣти выспрь** (о ком-л.), **іако змиѧ прѣмѣдрѣ** (кто) и пр.

Древние славянские памятники содержат достаточно много устойчивых сравнений, у которых собственно компаративная часть обладает сверхвысокой валентностью, а семантика основания сравнения (С) уже стала неотъемлемой частью значения собственно «компаративной группы, т. е. цепочки словоформ, вводимых сравнительным союзом» [Черемисина 1976: 22]. Обычно эта «знаменательная часть» сравнения включает сравнительный союз и ключевое слово (наименование того/кого, с чем/кем сравнивается субъект): **акты агньць** ‘безгрешный’, **акты дѣти (дѣтѧ)** ‘безвинные(-ый)’, **ꙗко пьсъ (пси)** ‘злой(-ые), агрессивный(-ые)’ или ‘голодный’, **ꙗко скотъ** ‘бессловесный’, **іако прахъ** ‘ничтожный’, **іако (и) лицемѣри (лицемѣръ)** ‘лживые(-ый), двуличные(-ый), неискренние(ий)’. Высокая валентность у подобных компаративов свидетельствует о том, что основание сравнения, тот признак, который когда-то был индивидуальным у определённого, изолированно наблюдаемого предмета, становится обобщённым: он может быть «приложен» ко многим предметам, в том числе — к предметам иного класса.

В роли ключевого слова у старославянских устойчивых сравнений чаще всего выступают имена существительные (иногда сопровождаемые согласованными прилагательными или причастиями), реже — другие субстантивированные части речи. Это более двух третей анализируемых компаративов. Тематические группы слов, выполняющие ключевую роль в устойчивых компаративах, как и в современном русском языке, свидетельствуют об антропоцентрическом характере большинства сравнений старославянского языка. Это, прежде всего, наименования человека а) по его родственным связям, возрасту, физическим и моральным качествам, по роду занятий, по социальному положению, вероисповеданию: **акты (іако, ꙗко) братѣ, дѣти, отрочѧ, отьць (чадолюбивѣ), сынѣ (ѣдинорожѣ), младѣньць, вѣдѣньи сынѣ, дѣци ѣдиночадаѧ, невѣста, женихъ, чловѣкъ**

бесплодѣни, зѣлодѣи, лицѣмѣрь, неправѣдѣникъ, грѣшѣникъ, грѣшѣница, блжѣдѣница, разбоинѣникъ, татѣ, врачѣ, крѣмѣчѣни, пасторѣхъ, старица, мѣитарѣ, хлапѣ, цѣсарѣ, ѣзѣчѣници и пр.; б) имена ветхозаветных и новозаветных персонажей: акты (ѣко, ѣко) ахаавѣ, даниилѣ, иона (вѣ чрѣвѣ кита), елисаверѣ и мариа, незекѣи, манасѣи, петрѣ, соломонѣ, текла, христосѣ и пр.; в) наименования тела человека и его частей: акты (ѣко, ѣко) тѣло, зеница ока, кожа, остѣны, оустѣ; г) каких-л. качеств или состояний человека: акты (ѣко, ѣко) безоумѣ, безбожѣни, мрѣтѣ, глоухѣ, нѣмѣ, пинѣ и пр.

Как и в современных славянских языках, в старославянских сравнениях представлены наименования животных, птиц, пресмыкающихся, насекомых: акты (ѣко, ѣко) агнѣцѣ (агна), бесловесѣни животѣ, бѣчела, вранѣ, голѣбѣ, змиѣ, лиси, кокошѣ, льви кроводѣви, овѣца, овѣча погыбѣшежѣ, орѣлѣ, пѣтица, пѣсѣ, скоумѣнѣ, тельцѣ (ливанѣскѣи), оуѣнѣцѣ (юнѣцѣ), клѣнѣ; названия явлений природы, космических объектов: акты (ѣко, ѣко) вапа, вода, гора, звѣзда, дѣждѣ, дѣымѣ, лоуѣна, мѣтѣни, огнѣ, облака, поустѣтѣни, рѣка, роса, слѣнѣце, снѣгѣ и пр.; названия деревьев, кустарников, цветов, плодов: акты (ѣко, ѣко) дѣбѣ (дѣбѣи), дѣбѣрова, кѣдри ливанѣсѣни, маслина (плодовѣта), пѣшѣница, трѣва, цвѣтѣ, кринѣ, пинѣи и пр.; продуктов человеческой деятельности, орудий труда, строений: акты (ѣко, ѣко) бритѣва изощрена, воскѣ, зрѣцало, масло, коло, корабѣи, манастирѣ, мѣхѣ, одежда, одѣвало, орѣжѣи, плацѣница, рѣза, свѣтѣильникѣ, стрѣлы, сѣсѣдѣ (глинѣнѣи), соушило, сѣтѣ, тѣтѣва, хлѣбѣ и пр.

При фразеографическом описании старославянских устойчивых компаративов необходимо, прежде всего, учитывать ключевое слово, наименование того (А), с чем сравнивается субъект. Именно оно должно входить в *инициальную*, *вершинную*, *зону* в качестве вокабулы словарной статьи, которую, как это уже доказано ведущими специалистами в области компаративной фразеологии, разумнее всего строить в соответствии с *алфавитно-гнездовым принципом*. За инициальной должна следовать *этимологическая зона*. В неё необходимо помещать сведения о происхождении вокабулы и её значении(-ях), реализуемом(-ых) в славянских текстах X–XI вв. В качестве примера приведём фрагмент одной из статей планируемого «компаративного» раздела «Фразеологического словаря старославянского языка»:

Агнѣцѣ, агна.

Первоисточник: и.-е. *ag^whnos ‘ягнёнок’. Соответствия: др.-греч. *ἀμνός*, лат. *agnus*, *agna* ‘молодая овечка, ягнёнок’ [Шапошников, 1, 2010: 571]. Ст.-сл. 1. Ягнёнок. 2. Ветхозаветная жертва. 3. Наименование Иисуса Христа, который был принесён в жертву за грехи человечества. 4. Чистое, невинное существо, безропотно подчиняющееся судьбе.

Далее в министатьях с обязательными тремя зонами — *подзаголовочной* (где должен быть представлен устойчивый компаратив со своими структурными и лексическими вариантами), *семантической*, *иллюстративной*, а также (при необходимости) *синонимно-антонимической* — описываются все устойчивые сравнения, в состав которых как ключевое входит слово, использованное в роли вокабулы:

Акты (ѣко, ѣкоже, ѣко) агнѣцѣ (агна, агнѣци, агнѣца).

1. Невинный, беззащитный. О ком-л.

По сихъ же ави ѿ инѣхъ ѿтъ і посылѧ ѧ по д'вѣма • прѣдъ лицемъ своимъ • въ в'сѣхъ градъ і мѣсто • ѣможе хотѣаше самъ іти • Глабааше же къ нимъ • жатва же оубо многа • а дѣлатель мало • молитѣ сѧ оубо гноу жатвѣ • да изведетъ дѣлателя на жатвѣхъ своихъ • Ідѣте се азъ посылаю вѣ • ѣко агна по срѣдѣ влъкъ (Лк 10: 1–3) Зогр 103; ѣко агнецъ по срѣдѣ влъкъ Мар 240; и рѣша оубохомъ сѧ г(оспод)и мжкъ • и съвѣсхыштени быхомъ ко бесловеснии животи • и акы агнеци посрѣдоу влъкъ расхыштени быхомъ Супр 108, 7–10; аша бо съмрътънии съдѣтели въсѣхъ • и такоже агна звѣрик • тако х(рист)а в(ого)оубици имѣше • приведоша на дворъ ар'хиревъ Супр 471, 24–27.

2. Покорный, безропотный. О ком-л.

акы овъча на заколеникъ веденъ быстъ • и акы агнець бе зълоби • прѣдъ стригштинимъ ко без гласа тѣ не отвръзетъ оустъ своихъ • отъ беззаконни люди моухъ • веденъ быстъ на съмръть Супр 434, 24–29; и коньчѣе тако овъча на заколенѣхъ приведенъ быстъ • и такоже агна прѣдъ стригштинимъ ко без гласа • не противѧ сѧ • не прѣрекаѧ Супр 481, 7–8.

Синонимы: акы (тако, ѣко) овъча; акы (тако, ѣко) овъни; акы (тако, ѣко) младѣнцы

Антонимы: акы (тако, ѣко) лвъ (лъви)¹; акы (тако, ѣко) влъкъ; акы (тако, ѣко) звѣрь

Акты (яко, ѣко) агнеци овъчин.

Весёлые, беззаботные, игривые. О ком-л., *перен.* о чём-л.

Море видѣ ѿ повѣже; Горы възиграша сѧ ѣко овъни; Чѣто ти естъ море да повѣже; І нердане да възврати сѧ възспѣть; Горы да възиграсте сѧ ѣко овъни; І хлѣми ѣко агнеци овъчин; Отъ лица гнѣ подвижа сѧ землѣ; Отъ лица бѧ іковлѣ (Пс 113: 3–11) Син пс 149; Днѣ самъ неръданъ вонѣетъ мастниж • благоуханънож • Днѣ • горы възиграша • ѣко овъни • іхлѣми ѣко агнеци овъчин Син евр 3б: 7–11; О иномъ лицѣ глѧ • въсѣхъ прѣложеніи являеть • тако же и о сходѣ люди съповѣдая рече • горы възиграша сѧ яко агнеци овъчин Чуд 103г, 17–19.

Далее помещается *историко-культурологическая справка*:

Агнец, ягнёнок без пороков, первенец в стаде, был главным жертвенным животным у иудеев. Ср.: (Исх 29: 38), (Чис 28: 9; 29: 2, 13). В Священном Писании Мессия изображается как агнец, ведомый на заклание (Ис 53: 7). Часто говорится об Иисусе Христе как об агнце в Апокалипсисе (5: 6; 6: 1; 7: 9, 10, 14, 17 и др.), где он иногда именуется «Агнцем закланным» (5: 12). Символическое значение (жертвенности, невинности, беззащитности, покорности) слова *агнец* также связано с библейской легендой об испытании Господом Авраама, который должен был по таинственному повелению повести на заклание своего единственного — невинного и непорочного — сына Исаака (Быт 12: 12).

Завершать статью должна *информация об описываемом устойчивом компаративе, извлечённая из специальных словарей*. Она позволит читателю познако-

миться с историей устойчивого сравнения, с развитием его семантики в русском языке и в других славянских языках:

♦ **OVCA / krotak kao ovca** miroljubiv, dobrodušan <...> slovenski Krotek kot jag-nje (ovčka, ovca), makedonski кроток како јагне <...> ukrajinski сумирний (смир-ний, покірний) як вівця (ягня), guski кроткий как овца (овечка, агнец) [Fink 2006: 254]; **АГНЕЦ как (словно, точно) агнец**. Мн. (книжн., арх.) 1. **Смирный, смирен-ный, кроткий; вести себя смиренно, кротко** <...> **Син.:** смирный, кроткий как голубь, как овца (овечка), как телёнок, как ягнёнок. 2. **Невинный, чистый, непо-рочный** <...> **Син.:** невинный как ангел, как голубь, как младенец [Огольцев 2001: 28]; **АГНЕЦ. Кроток (кроткий, послушен, послушный) как агнец**. Книжн. Об очень кротком, смиренно послушном и ласковом человеке. Ср. Кроткий как ангел (АНГЕЛ); Кроток как голубь (ГОЛУБЬ). [Приведена] как агнец божий на закланье. Устар. Книжн.-поэт. Неодобр. О девушке, насильно выданной замуж [Мокиенко 2003: 13]; **ЯГНЁНОК. Добр как ягнёнок**. Ум.-ласк. Одобр. Об очень добром, незлобивом человеке. (кроткий, смирный, тихий, покорный) **Как ягнёнок**. Ум.-ласк. Об очень кротком, покорном, послушном и мирном человеке. Ср. Безобидный как овечка <...> **Невинен (невинный) Как ягнёнок**. Ум.-ласк. Книжн. Высок. О невинном, непорочном, безгрешном человеке. ◀ Выражение создано на основе евангельского образа, где агнец символизирует Иисуса Христа. (терпели-вый) **Как ягнёнок**. Ум.-ласк. Об очень терпеливом, безропотно переносящем стра-дания человеке. **Ходить (идти) за кем как ягнёнок**. Ум. Ирон. О кротко, покорно и безвольно следуящем за кем-л. человеке <...> **Разбегаться / разбежаться как ягнята**. Ум.-ласк. О быстро и хаотично разбегающихся (от страха, испуга) детях [Мокиенко 2003: 507–508]; ≈ **кроткий, смирный, тихий, покорный** и т. п.: **как агнец**. Мн. Книжн. Одобр. или Ирон. Об очень кротком, послушном человеке <...> [Лебедева 2003: 135]; ≈ **невинный, чистый, непорочный: как агнец**. Мн. Книжн. Часто Ирон. О человеке, безупречном в моральном отношении [Там же: 138]. См. также: [Мокиенко, Никитина 2008: 16].

Описание корпуса устойчивых сравнений старославянского языка по пред-ложенным параметрам показало, что 1) аналогом старославянских сравнений с союзами **акты (ѿко, ꙗко)** являются русские устойчивые компаративы, начина-ющиеся союзом **как**, которые занимают центральное положение в современном функциональном поле сравнений; 2) у старославянских устойчивых компари-тивов прослеживается два основных источника — христианская мифология и до-христианские воззрения древних народов Востока, отражённые в библейских тек-стах; 3) старославянские компаративы, восходящие к христианской мифологии, будучи освоенными русским языком при сохранении старославянской огласовки ключевых слов, сохраняют книжный характер и нередко переходят в разряд уста-релых, в то время как компаративы, восходящие к дохристианским воззрениям древних народов Востока, дополнили разговорные и нейтральные пласты русских устойчивых сравнений.

ЛИТЕРАТУРА

Лебедева Л. А. Словарь устойчивых сравнений русского языка. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. — 161 с.

- Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. — 300 с.
- Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка. Тематический словарь. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1998. — 161 с.
- Мізін К. Англо-український словник компаративної фразеології. — Кременчук: Щербатих О. В., 2010. — 130 с.
- Мишина Л. Н. Устойчивые сравнения старославянского языка (на примере Супрасльской рукописи) и их судьба в современном русском языке // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Междунар. науч. симпоз. К 90-летию со дня рождения В. П. Жукова: в 2 т. / сост., отв. ред. В. И. Макаров. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. — С. 493–497.
- Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. — СПб.: Норинт, 2003. — 608 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с.
- Огольцев В. М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. — Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 1994. — 511 с.
- Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). — М.: Рус. слов.: Астрель: АСТ, 2001. — 800 с.
- Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. — Л.: ЛГУ, 1978. — 160 с.
- Огольцев В. М. Устойчивые сравнения русского языка. — М.: Рус. яз., 1984. — 173 с. (на англ. яз., 550 устойчивых сравнений).
- ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Рус. яз., 1967. — 543 с.
- ФССЯ: Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Науч.-исслед. словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова, чл. редкол.: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 424 с.
- Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. — Новосибирск: Наука. Сибир. отд-ние, 1978. — 271 с.
- Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2010. — Т. 2. — 576 с.
- Fink Arsovski Ž. Hrvatsko-slovenski rječnik poredbenih frazema / autorice i suradnice po jezicima: Ž. Fink Arsovski E. Kržišnik, S. Ribarova, T. Dunkova, N. Kabanova, R. Trostinska, F. Spagińska-Pruszk, D. Sesar, S. Ribarova, M. Dobrikova, M. Kursar; kazala izradila A. Hrnjak. — 1. izd. — Zagreb: Knjigra, 2006. — 440 s.

OLD SLAVONIC FIXED SIMILES AS PHRASEOGRAPHIC OBJECT

S. G. Shulezhkova

Using the data of the 10th — 11th c.c. manuscripts the author raises the question as to the similes place in the phraseological system of the oldest literary Slavonic language and advances her conception of fixed similes presentation in Old Slavonic phraseological dictionary that is based on alphabetic center-embedding principle.

Key words: similes, comparative structures, Old Slavonic, fixed verbal complexes, phraseology, phraseography.

© 2011

Л. К. Байрамова

«АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ»: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ (ПРОЕКТ)

В статье анализируются понятия аксиологемы, слота, аксиологической парадигмы, а также рассматривается проект «Аксиологического словаря славянской фразеологии» (на примере русских, болгарских и украинских идиом).

Ключевые слова: славянская фразеология, слот, аксиологическая парадигма, аксиологема.

Одна из важнейших проблем лингвоаксиологии — создание аксиологического фразеологического словаря, определение содержания и структуры словаря, фиксирующего ценности и антиценности.

Как известно, идея создания аксиологического словаря зародилась в 1985 году в Неборове (Польша). Проект словаря был ответом на потребность в «координации исследований различных областей национальной культуры, которая предполагает систематическое выявление их связей со сферой ценностей» [Бартми́нский 2005: 215–217]. Этот словарь назван «Польским аксиологическим словарем» (ПАС), его реализация задумывалась в форме исторического словаря. Авторы выдвинули гипотезу о существовании в современной польской культуре своеобразного аксиологического «ядра», состоящего из особо значимых 147 ценностей.

Начало разработки аксиологического словаря отечественными исследователями было положено публикацией «Проекта “Славянского аксиологического словаря”». Её авторы считают сверхцелью своей работы создание сопоставительного лингвистического словаря базовых ценностей славянских национальных традиций с учетом «истории», «географии» и «социологии» аксиологических систем на базе анализа представительного корпуса текстов. По мнению авторов Проекта, особо актуальными, возможно — первоочередными, оказались бы «исследования изменений системы ценностей и её отражения в языковой картине мира славянских народов Центральной и Восточной Европы за последнее во многом революционное десятилетие» [Проект [http](http://)].

Научные поиски ответов на вопросы, встающие перед лингвоаксиологией, привели нас к следующим результатам.

1. Ценности и антиценности фиксируются аксиологемами (термин К. А. Жукова). При этом роль аксиологем могут выполнять аксиологически заряженные понятия, отражающие различного рода ценности и антиценности аксиологически заряженные лексемы / фразеологизмы, внутренняя форма слова / фразеологизма, символы как компонент смысла лексемы / фразеологизма; прототип / этимон лексемы / фразеологизма; менторные афоризмы, пословицы и поговорки [Байрамова 2008: 300–301].

2. Основные конвенциональные ценности и антиценности отражаются в де-

Байрамова Луиза Каримовна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: luiziana08@mail.ru

сяти диадах, каждая из которых представляет собою два блока, раскрывающих ценности и антиценности, закодированные в сознании, культуре социумов и нашедших отражение в языковых единицах разных языков.

Это витальные ценности и антиценности (аксиологемы *жизнь* и *смерть*; *здоровье* и *болезнь*); священная ценность и её антиценность (аксиологемы *родина* и *чужбина*); гедонистические ценности и антиценности (аксиологемы *счастье* и *несчастье*); социально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *труд* и *безработица* / *лень* / *отдых*); материально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *богатство* и *бедность*); интеллектуально-познавательные ценности и антиценности (аксиологемы *ум* и *глупость*); нравственно-этические ценности и антиценности (аксиологемы *правда* и *ложь*); эмоционально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *смех* и *плач*); религиозные ценности и антиценности (аксиологемы *рай* и *ад*) [Байрамова 2008: 301].

3. Аксиологемы составляют аксиологическую парадигму, которая представляет собой класс аксиологем (ценностей и антиценностей), противопоставленных друг другу и объединённых по наличию у них аксиологического вектора [Байрамова 2009в: 109]: положительного (для ценностей) и отрицательного (для антиценностей) [Байрамова 2009а: 29–30].

4. Аксиологические фразеологизмы (т. е. фразеологизмы, репрезентирующие ценности или антиценности) фиксируются в «Аксиологическом фразеологическом словаре» / «Фразеологическом словаре ценностей и антиценностей» по указанным выше диадам, отражающим фразеологическую парадигму гиперонимных аксиологем (ценностей и антиценностей). Фразеологическая парадигма имеет слотовую структуру (<англ. slot — ‘щель’): слоты фразеологической парадигмы, являясь гипонимами гиперонимных аксиологем, заполняются соответствующими фразеологизмами. При этом наименование каждого слота выполняет функцию своеобразного общего семантико-дефиниционного знаменателя входящих в слот фразеологизмов, каждый из которых имеет и свою конкретную дефиницию.

Вот как, напр., выглядят аксиологические парадигмы и слоты гедонистической ценности (*счастье*, *удача*) и антиценности (*несчастье*) на уровне фразеологизмов русского, украинского и болгарского языков.

1) Слоты аксиологической парадигмы «Счастье. Удача». укр. «Щастя», болг. «Късмет».

Символ счастья (*алые паруса*; укр. *рушник вишиваний*; болг. *синята птица*).

Родиться счастливым (*родиться в рубашке / сорочке*; укр. *у пічурці родився*; болг. *роден съм / родя се под щастлива звезда / с късмет*).

Счастливец, счастливчик (*баловень судьбы / счастья*; укр. *пестунчик долі*; болг. *галеник на съдбата*).

Чувствовать себя счастливым (*на седьмом небе*; укр. *бути на сьомому небі*; болг. *<съм / намирам се / озова се> на седмото / на деветото небе <от щастие>*).

Место, где есть счастье (*земля обетованная*; укр. *молочна ріка з кисільними берегами*; болг. *обетована земя / страна*).

Поиск счастья (*гоняться за синей птицей*; укр. *шукати щастя / щастя-долі*; болг. *търся си късмета*).

Находиться в положении счастливого / удачливого человека (*счастлив как Бог*; укр. *маєш / маєте щастя*; болг. *късметлия съм*).

Удача. Везение (*Госпожа Удача*; укр. *фортуна усміхнулася*; болг. *работи ми късметът*).

Счастливая жизнь (*не жизнь, а малина*; укр. *як вареник у сметані / у маслі*; болг. *чудо живот*).

Попытать счастья (*пан или пропал*; укр. *або пан, або пропав*; болг. *опитвам си късмета*).

Счастливое исполнение желания (*по щучьему велению*; укр. *схопити жарптицю*; болг. *като по магия / по чудо*).

Счастливый конец / счастливое окончание (*все хорошо, что хорошо кончается*; укр. *кінець діло хвалить*; болг. *и нашата върба ще роди круши*).

2) Слоты аксиологической парадигмы «Несчастье. Неудача».

Предвестник несчастья. Предвещать несчастье (*видеть дурной сон*; укр. *ворон даремно не каркне*; болг. *лоши очи*).

Источник несчастий (*ящик Пандоры*; укр. *скриня Пандори*; болг. *кутията на Пандора*).

Несчастье. Несчастливая судьба. Невезение. Неудача (*везёт как утопленнику; плыл, плыл да на берегу утонул*; укр. *везе як утопленому: плив, плив та на березі й утонув*; болг. *имам лош късмет*).

Родиться несчастливым (*проклинать тот день, когда родился*; укр. *так на віку написано*; болг. *рѣка на съдбата / на провидението*).

Неудачник (*двадцать два несчастья*; укр. *циганське щастя*; болг. *кога станало морето медено, сиромашът си загубил лъжицата*);

Жалкий, несчастный вид человека (*мокрая курица*; укр. *тютя з полив'яним носом*; болг. *обесил уши като пазарски хляб*).

Ненадежное, безвыходное положение (*биться как муха в паутине*; укр. *битись як риба в неводі / в ятері / в саку*; болг. *напред пропаст, назад вълци*).

Опасное положение (*между двух огней*; укр. *між двох огнів*; болг. *между два огъня*).

Несчастливый, неудачный финал (чего-л. / кого-л.) (*звезда закатилась (кого, чья)*; укр. *й амба / гамба*; болг. *свършивам лошо*).

Мучения. Страдания (*муки Танталя*; укр. *муки Тантала*; болг. *Танталови мъки*).

Переживания, душевное состояние несчастного человека (*как в воду опущенный*; укр. *як скупаний в мертвій воді*; болг. *камок му лежи на сърцето*).

Поведение человека в несчастье, горе и их преодоление (*выпить / испить чашу до дна / пить горькую чашу*; укр. *випити гірку до краю*; болг. *кни (късай) пола, та хвърляй*).

Несчастливое время (*черный день*; укр. *чорний день*; болг. *лоши / тежки дни*).

Одиночество (*один как есть*; укр. *сам один як горох при дорозі*; болг. *приблирам се в черупката си*).

В слотовую структуру аксиологического фразеологического словаря включают и слоты аксиологической парадигмы, аксиологемы которой выражают мораль (в данном случае — мораль о счастье, удаче / о несчастье, невезении / о счастье и несчастье одновременно). Такие слоты заполняются пословицами, поговорками, афоризмами.

Слотовая структура аксиологического словаря характеризуется гибкостью: она может быть расширена (это зависит от фразеологического материала языков) и, кроме того, она позволяет заполнять слоты аксиологическими фразеологизмами любого языка, которые в аксиологическом фразеологическом словаре многоаспектно описываются в словарных статьях. При этом, помимо общего семантико-дефиниционного знаменателя, каковым является сам слот, учитываются и следующие параметры: дефиниционный параметр (философские, лингвистические, этические, психологические дефиниции ценностей и антиценностей); историко-этимологический, мифологический и лингвокультурологический параметры; субъективно-объективный, интралингвистический параметры, оценочный параметр (основанный на разделении ценности и оценки [Байрамова 2010: 62] и на философском определении соотношения ценности и оценки: оценка — оборотная сторона ценности); введённый нами эйдо-ментальный код, стилистическая характеристика фразеологизма, синонимы фразеологизма. Указывается и библиографический источник включённого в словарь фразеологизма.

Именно эти параметры дают возможность отнести фразеологизм к определённой ценности / антиценности. На соотнесённость того или иного фразеологизма с ценностью или антиценностью указывает его аксиологический вектор: положительный аксиологический вектор (если фразеологизм соотносится с ценностью) или отрицательный аксиологический вектор (если фразеологизм соотносится с антиценностью), которые в процессе становления значения фразеологизма могут меняться [Байрамова 2009б: 185].

Особое место в словарной статье аксиологического фразеологизма отведено историко-этимологическому и лингвокультурологическому параметрам. Так, символом счастья в русском языке является фразеологизм *алые паруса*, в украинском языке — *рушник вишиваний*. К этим фразеологизмам даётся историко-этимологическая и лингвокультурологическая справка. Приведём примеры.

Алые паруса — символ счастья.

*Выражение стало популярным после публикации повести А. С. Грина «Алые паруса» (1923). Героиня повести А. С. Грина ждёт, когда однажды на судне с алыми парусами за ней приплывёт любимый и увезет её в другой, прекрасный мир [Бирих 1998: 433].

(укр.) *Рушник вишиваний* — символ счастья.

*Это выражение как символ счастья встречается в украинской песне «Рідна мати моя»: «... И в дорогу далеку ти мене на зорі провожала / И *рушник вишиваний* на щастя дала...». О синонимизации слов *рушник* и *щастя* пишет и видный исследователь украинской фразеологии В. Д. Ужченко [Ужченко 1988: 86].

(укр.) *У пічурці родився* — родился счастливым.

*Относительно данного фразеологизма А. Ивченко отмечает, что он неизвестен в других славянских языках и упоминает об одной из версий происхождения укр. оборота *У пічурці родився*: «В. Пропп переконливо доводить, що мотив героя, який народжується з печі, склався на підставі звичаю поховання померлих у домі. З появою в домі очага, пізніше печі саме під ними мислився похований предок. Усі ці уявлення перехреснюються з уявленнями про те, що новороджений з печі — це померлий предок, який повернувся до життя в новій іпостасі» [Ивченко 1996: 130].

В то же время А. Ивченко предлагает свою точку зрения на происхождение этого фразеологизма, с которой трудно не согласиться: «Семантика фразеологізму *у пічурці родився* ‘щасливий, везучий’ свідчить, що таке народження розглядається як надзвичайне, оскільки гарантує щасливу долю протягом подальшого життя. І гарантами талану такої людини будуть духи предків, які завжди з нами, доки горить вогонь у наших оселях» [Ивченко 1996: 130].

Поймать жар-птицу (за хвост) — статья счастливым.

*Жар-птица (*нар.-поэт.*) — чудесная птица. Согласно русской волшебной сказке, каждое её перо «так чудесно и светло, что, ежели принесть его в темную горницу, оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч». Золотая окраска жар-птицы, её золотая клетка связаны с тем, что птица прилетает из другого («тридесятого царства»), откуда происходит всё, что окрашено в золотой цвет [МНМ, 1: 439].

Фразеологизм *поймать жар-птицу (за хвост)* известен в изложении Н. Ершова в сказке «Конёк-горбунок», по сюжету которой Иван-дурак поймал жар-птицу («... *хват* одну из птиц за хвост»), выполняя поручение царя, а в награду за это он стал царским стремянным:

«И на радости такой

Будь же царский стремянной!» — сказал царь Ивану, поймавшему для него жар-птицу.

(укр.) *схопити жар-птицю* — статья счастливым.

*В украинской мифологии жар-птица характеризуется как волшебная огненная птица. Она берёт огонь у бога Солнца, сверкает этим огнём с неба и посылает его в дерево, в камень. Жар-птица живёт в царстве неба в золотом дворце, в золотой клетке, и сама целиком из золота. В глубокою полночь она прилетает в сад и освещает его так ярко, как будто горит тысяча огней. Цена даже одного пера из её хвоста — больше целого царства, а самой птице и вообще цены нет. Она ест золотые молодые яблоки, которые дарят красоту, вечную молодость и бессмертие. Когда поёт жар-птица, из её клюва сыплются жемчужины [Войтович 2002: 172].

В. Д. Ужченко пишет, что жар-птица — символ неуловимого счастья. «Образ жар-птиці підтримувався поклонінням культові вогню, бо вогонь давав їжу, тепло, охороняв від хижаків. Все це разом і могло породити легенди про птицю щастя, птаха «з золотим та срібним пір'ям». *Щастя — жар-птиця, його б тільки схопити пощастило* — здавна говорили наші предки. А коли не щастило, то запитували: «*Куди залетіло його щастя — жар-птиця?*» [Ужченко 1988: 154–155].

«Аксиологический словарь славянской фразеологии» обладает особой потенциальной силой при определении ценностей и антиценностей в славянских социумах, как и любой «Аксиологический фразеологический словарь» при определении ценностей и антиценностей разноразличных социумов.

ЛИТЕРАТУРА

- Байрамова Л. К. Аксиологический вектор фразеологизмов // Русская сопоставительная филология' 2009. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. — С. 27–30.
- Байрамова Л. К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика. — Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2008. — Т. 1. Идиоматика и познание. — С. 298–302.

Байрамова Л. К. О проекте славянского фразеологического словаря: универсально-уникальный, историко-этимологический, аксиологический параметры // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. — № 2. — С. 184–188.

Байрамова Л. К. Родина и смерть в аксиологической парадигме // Филологические науки. — № 3. — 2009. — С. 103–110.

Байрамова Л. К. Ценность и оценка во фразеологии // Фразеология, познание и культура. — Т. 1. Фразеология и познание. — Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2010. — С. 59–63.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польск. А. В. Юдина. — М.: Индрик, 2005. — С. 115–130.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

Войтович В. Українська міфологія. — Київ: Либідь, 2002. — 664 с.

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. — М.: АН СССР, 1954. — 718 с.

Івченко А. Українська народна фразеологія: ареали, етимологія. — Харків: ОКО, 1996. — 160 с.

МНМ: Мифы народов мира. Энциклопедия. — М.: Сов. энцикл., 1987. — Т. 1. — 671 с.

Проект «Славянского аксиологического словаря» [Электронный ресурс]. URL: <http://karija.narod.ru/Axiology/index/htm> (дата обращения: 10.02.2011).

Ужченко В. Д. Народження і життя фразеологізму. — Київ: Радянська шк., 1988. — 279 с.

THE STRUCTURE AND CONTENT OF “THE AXIOLOGICAL DICTIONARY OF SLAVIC PHRASEOLOGY” (DRAFT)

L. K. Bayramova

The article analyzes axiologeme and slot notions, an axiological paradigm, and the issue of drafting “Axiological Dictionary of Slavic Phraseology” (containing Russian, Bulgarian, and Ukrainian idioms).

Key words: slav idioms, slot, axiological paradigm, axiologeme.

СПЕЦИФИКА СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ ПРЕДЛОГОВ (НА ПРИМЕРЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ *ВМЕСТЕ С (КЕМ, ЧЕМ)*,
В СВЯЗИ С (ЧЕМ), *В СООТВЕТСТВИИ С (ЧЕМ)*, *РЯДОМ С (КЕМ, ЧЕМ)*,
С ПОМОЩЬЮ (ЧЕГО)).

В статье рассматривается вопрос специфики словарных статей предлогов в связи с особенностями их значений; сформулированы принципы описания, позволяющие логично, полно представить семантику предложных единиц. На примере наиболее продуктивных фразеологических предлогов с компонентом *с*: *вместе с (кем, чем)*, *в связи с (чем)*, *в соответствии с (чем)*, *рядом с (кем, чем)*, *с помощью (чего)* — определены и иерархически выстроены семы по принципу от общего к частному: субкатегориальная сема; групповая сема; подгрупповая и индивидуальная семы.

Ключевые слова: фразеологические предлоги, семантическая структура, словарная статья, сема.

Вопрос о значении служебных частей речи в современном языкознании остаётся актуальным. По мнению ряда учёных (А. А. Потебни, А. М. Пешковского, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова), служебные части речи, в частности предлоги, не имеют своего лексического значения, т. е. являются незначащими, т. к. не могут употребляться без самостоятельных, знаменательных. Однако в лингвистике существует концепция, предложенная академиком В. В. Виноградовым, который утверждает, что предлоги, не выражая номинации, несут в себе сигнификативное значение, т. е. понятие об отношениях. Последователями этой концепции являются такие учёные, как Р. П. Рогожникова, Д. Э. Розенталь, А. М. Чепасова, Е. П. Черкасова, Н. Ю. Шведова, Г. А. Шиганова. По словам Н. Ю. Шведовой, «предлог — это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются...» [Шведова 1980: 706]. В связи с перегруженностью значениями лексических предлогов в настоящее время идёт активный процесс формирования, развития фразеологических предлогов.

Формирование семантической структуры фразеологических предлогов — длительный процесс, при котором, по словам профессора Г. А. Шигановой, «отдельные семы из лексических значений слов-компонентов актуализируются и, взаимодействуя друг с другом, формируют новую фразеологическую семантику; остальные семы при этом погашаются, деактуализируются» [Шиганова 2001: 46].

В процессе анализа языкового материала нами было обнаружено 63 фразеологических предлога с компонентом *с* (всего — 726 употреблений). Среди них мы выявили наиболее продуктивные предлоги: *вместе с (кем, чем)* — 115 употреблений (приблизительно 16 % от общего числа), *в связи с (чем)* — 86 (около

12 %), *в соответствии с (чем)* — 65 (приблизительно 9 %), *рядом с (кем, чем)* — 67 (9 %), *с помощью (чего)* — 81 (11 %).

Анализ «Фразеологического словаря современного русского литературного языка» (под ред. А. Н. Тихонова и др.); «Большого фразеологического словаря русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (отв. ред. В. Н. Телия); «Фразеологического словаря русского литературного языка» (сост. А. И. Фёдоров); «Русского толкового словаря» В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной; «Большого толкового словаря русского языка» (сост. и гл. редактор С. А. Кузнецов); «Толкового словаря русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова); «Толкового словаря служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой; «Толкового словаря сочетаний, эквивалентных слову» Р. П. Рогожниковой позволил сделать вывод: вопрос о представленности фразеологических предлогов *вместе с (кем, чем)*, *в связи с (чем)*, *в соответствии с (чем)*, *рядом с (кем, чем)*, *с помощью (чего)* как конструкций со своей системой значений остаётся открытым. До настоящего времени не определены единые принципы толкования предлогов, поэтому до сих пор нет системного описания этой части речи. Значение предлога представляет сложную иерархическую систему, в которой семы находятся в определённых отношениях друг с другом. Это зависит от степени обобщённости сем. Самая общая сема — категориальная, отражающая отношения и связи между предметами и явлениями действительности и позволяющая объединить предлоги как особый класс. Более точными, конкретными являются субкатегориальная, групповая, подгрупповая, индивидуальная семы. В отличие от категориального значения, эти семы разнообразны и зависят от значений соединяемых ими полных слов.

По нашему мнению, описание значений предлогов в словарях не должно ограничиваться перечислением; необходимо определить и иерархически выстроить семы по принципу от общего к частному: 1. субкатегориальная сема; 1.1 групповая; 1.1.1 подгрупповая и индивидуальная семы. Напр.:

Вместе с (кем, чем).

1 Употребляется при указании на обстоятельственные отношения.

1.1 При указании на временные отношения.

1.1.1 При указании на действие, выраженное отглагольным существительным, одновременно с которым совершается основное действие: **Вместе с её приходом** (эпохи Водолея — А.А.) *наступает* время обновления. Т. Глоба.

2 Употребляется при указании на объектные отношения.

2.1 При указании на отношения, при которых объектом действия является предмет.

2.1.1 При указании на предмет, который совместно с другим предметом испытывает на себе действие субъекта: **Вместе с самой тушью** изобретатели непрерывно *пытались усовершенствовать* и аппликатор, которым тушь наносится на ресницы. Биография, 2007, № 9; — *Продаю*, — так же горестно ответил он (Пейсахович — А.А.). — *Продаю* машину **вместе с шинами**. Т. Устинова.

В последнем примере наблюдается синкретизм значений основного объектного и дополнительного обстоятельственного образа действия. Значение совместности является в данном случае также характеристикой действия, уточнением, пояснением.

3 Употребляется при указании на объектно-субъектные отношения.

3.1 При указании на отношения, при которых лицо с точки зрения грамматики является объектом, с точки зрения содержания — субъектом.

3.1.1 При указании на лицо, совместно с которым другое лицо выполняет какое-л. действие или испытывает какое-л. состояние: *В США художник (о Дали — А.А.) работал вместе с другим великим кинорежиссёром, Альфредом Хичкоком*. «Художественная галерея».

3.2 При указании на отношения, при которых предмет с точки зрения грамматики является объектом, с точки зрения содержания — субъектом.

3.2.1 При указании на предмет, совместно с которым лицо совершает какое-л. действие: *Марк схватился за высокую пальму и вместе с ней ухнул на пол*. Д. Донцова.

4. Употребляется при указании на субъектные отношения.

4.1 При указании на совместность выполнения действия.

4.1.1 При указании на лицо, совместно с которым другое лицо совершает действие: *Вместе с композитором Крайневым они написали не одну песню о Кузбассе и России* (о поэте Н. В. Чиркове — А.А.). Ветеран, 2008, № 25.

Конструкция *вместе с композитором Крайневым они* в предложении является подлежащим, выраженным неделимым словосочетанием, при глаголе-сказуемом во множественном числе.

Данный фразеологический предлог образован с помощью наречия *вместе* и лексического, непроизводного предлога *с*³, который занимает постпозицию по отношению к знаменательному компоненту, что позволяет оформить творительный падеж.

В связи с (чем) книжн.

1 Употребляется при указании на обстоятельственные отношения.

1.1 При указании на причинные отношения.

1.1.1 При указании на то, что является поводом, основанием действия: *Недавно в связи с протестами христианской общественности в США были прекращены съёмки новой серии популярной киноэпопеи «Тёмные начала» по роману английского писателя Ф. Пулмана*. Аргументы и факты, 2008, № 31.

Фразеологический предлог *в связи с* является трёхкомпонентным. Занимая постпозицию по отношению к другим компонентам, *с* участвует в образовании формы творительного падежа.

В соответствии с (чем) книжн.

1 Употребляется при указании на обстоятельственные отношения.

1.1 При указании на отношения образа действия.

1.1.1 При указании на то, согласно чему лицо совершает действие: *Александр III, отец Николая II, любил всё русское, а всех «членов царской семьи», Великих князей и княгинь, держал в надлежащих рамках, в соответствии с их положением*. Ветеран, 2008, № 27.

1.1.2 При указании на то, согласно чему предмет совершает действие: *Куайн заявляет, что истина в широком смысле должна определяться в соответствии со здравым смыслом как некоторого рода соответствие действительности или отражение мира*... В. Самсонов.

1.1.3 При указании на то, согласно чему возникает определённое состояние: *Однако в соответствии с гипотезой не может быть адекватного перевода, не*

может быть общей теории перевода (и даже общей теории языка), и *отвергаются* все традиционные семантические исследования. В. Самсонов.

Производный фразеологический предлог *в соответствии с* образован от существительного *соответствие* и двух непроеводных, лексических предлогов *в* и *с*. *С* находится в постпозиции по отношению к остальным компонентам фразеологического предлога, в результате чего участвует в оформлении творительного падежа.

Рядом с (кем, чем).

1 Употребляется при указании на обстоятельственные отношения.

1.1 При указании на пространственные отношения.

1.1.1 При указании на лицо, в непосредственной близости от которого находится кто-л., что-л.: *Вождь индейского племени Кри Альфонс Берд был удостоен чести сидеть **рядом с** Елизаветой II во время её визита в Канаду.* Биография, 2006, № 4.

1.1.2 При указании на предмет, близко от которого находится что-л.: *Мужичонка крутил на пальце ключи от машины. Ключи вдруг сорвались, бухнулись в пыль **рядом с** его сумкой.* Т. Устинова.

2 Употребляется при указании на атрибутивные отношения.

2.1 При указании на отношения, при которых характеризуется предмет по его местонахождению.

2.1.1 При указании на предмет, близко от которого что-л. находится: ... *родителям пришлось перевести юношу в обычную среднюю школу-новостройку **рядом с** домом.* Биография, 2006, № 4.

Данный фразеологический предлог состоит из двух компонентов: наречия *рядом* и предлога *с*³, последний из которых занимает постпозицию. Это определяет выбор падежа — творительного.

С помощью (чего).

1 Употребляется при указании на обстоятельственные отношения.

1.1 При указании на образ действия.

1.1.1 При указании на предмет, который помогает осуществлению действия, процесса: *Это инструмент (язык, речь — А.А.), **с помощью которого** человек формирует свои мысли и чувства, настроение и желания, волю и деятельность.* Знамя Октября, 2007, 6 февраля.

2 Употребляется при указании на атрибутивные отношения.

2.1 При указании на отношения, при которых характеризуется действие, процесс, выраженный отглагольным существительным.

2.1.1 При указании на предмет, который помогает осуществлению действия, процесса: *Отражение и познание мира, а также коммуникация **с помощью языка** происходят в процессе практики.* В. Самсонов.

Двухкомпонентный предлог *с помощью* образован от предложно-падежной конструкции *с помощью* (существительного *помощь* в творительном падеже) и лексического предлога *с*³. Данная конструкция, выступая в роли предлога, оформляет родительный падеж, потому что в этом случае на выбор грамматической формы влияет знаменательный компонент.

Таким образом, описание значений предлогов в словарных статьях должно быть построено с учётом специфики семантики, представляющей сложную ие-

рархическую систему, в которой семы находятся в определённых отношениях, что было продемонстрировано при составлении словарных статей фразеологических предлогов *вместе с (чем)*, *в связи с (чем)*, *в соответствии с (чем)*, *рядом с (кем, чем)*, *с помощью (чего)*.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2006. — 784 с.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. — М.: Рус. яз. — 2001. — 863 с.
- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. — 5-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1998. — 832 с.
- Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 416 с.
- Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — Т. I: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. — 953 с.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Астрель: АСТ, 2000.
- Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибир. издат. фирма, 1995.
- Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное изд.: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2004.
- Шиганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: моногр. — Челябинск: ЧГПУ. — 2001. — 161 с.

DICTIONARY ENTRY PECULIARITIES (BASED ON RUSSIAN
PHRASEOLOGICAL PREPOSITIONS *ВМЕСТЕ С (КЕМ, ЧЕМ)*, *В СВЯЗИ
С (ЧЕМ)*, *В СООТВЕТСТВИИ С (ЧЕМ)*, *РЯДОМ С (КЕМ, ЧЕМ)*, *С ПОМОЩЬЮ
(ЧЕГО)*)

A. I. Avdina

The paper deals with peculiarities of dictionary entries on prepositions in the context of their meaning. It also states description principles that make it possible to provide complete and logical presentation of preposition units' semantic structure. The most productive phraseological prepositions containing the component "with" serve as an illustration and a basis for hierarchy deduction principle of some classification that comprises subcategorical semes, group semes, and subgroup and individual semes.

Key words: phraseological prepositions, semantic structure, dictionary entry, seme.

© 2011

В. Э. Будейко

ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ «СЛОВАРЯ ГРАММАТОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ»

Исследование посвящено проблемам составления «Словаря грамматологических фразеологизмов». В статье с соответствующей аргументацией предлагается к обсуждению перечень проблем: теоретическое и практическое обоснование классификации грамматологических фразеологизмов, составление словарной статьи, общая фразеографическая работа, перспективы развития идеи словарей подобного типа.

Ключевые слова: грамматология, письмо, грамматологический фразеологизм, универсальная (всеобщая) классификация грамматологических фразеологизмов.

Данное исследование предполагает определение и изложение ряда начальных проблем и перспектив недостаточно изученной грамматологической темы в русской фразеологии.

Основополагающей проблемой является определение статуса выбранных нами фразеологизмов. Уточним, что, по И. Е. Гельбу (I. J. Gelb), «грамматология» (англ. *grammatology*) — это наука о письме, делающая попытку установить на сравнительно-типологической основе общие принципы, управляющие употреблением и эволюцией письма [Гельб 1982: 236], при этом «письмо» (англ. *writing*) определяется как «система взаимной коммуникации, осуществляемая при помощи условных зримых начертаний (знаков)» [Там же, 238]. Однако, по А. А. Волкову, грамматология (от др.-греч. ἡ γραμματολογία) — это наука, предметом изучения которой оказывается весьма широкое смысловое поле: от «1. черты, линии, рисунка; 2. письменного знака, буквы; 3. знака числа, цифры...» до «17. науки, просвещения; 18. меры веса (грамма)» [Волков 1982: 6]. Конечно, этот полный список значений древнегреческого слова γραμμα γραμμα покрывает большую часть предмета семиотики и делит сферу гуманитарного знания в семиотическом аспекте, так что значение «грамматологии» оказывается далеко за рамками истории письма и соответствует истории филологического европейского знания, как оно было рождено и образовано античностью. Для нашего исследования это является перспективной возможностью представить полную и цельную картину культуры языкового выражения через тематические фразеологизмы всего письма, не членимого современной научной традицией только на лингвистическое, филологическое или грамматическое смысловое поле, ибо такое членение, как показывает история, относительно и преходяще, как и научное знание.

Из оснований предлагаемой нами классификации грамматологические фразеологизмы — тематические фразеологические единицы (ФЕ), связанные с письмом и письменностью, включающей национальные и заимствованные культурные источники (как «а» и «б», от «а» до «ижицы», от «а» до «я», аза

Будейко Валерий Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета. E-mail: btn2@yandex.ru

в глаза, ни аза, от аза до ижицы, с азбуки, с азов, азы да буки, альфа и омега, от альфы до омеги, буква в букву и т. д.) [ФСРЛЯ 2001].

Вторая начальная проблема — классификация данных ФЕ. Нами предполагается создать полную, всеобщую и универсальную (потенциально открытую для дополнения, по принципу потенциальной дополнительности) классификацию указанного типа ФЕ. Так, в классификации родовым понятием станет грамматологическая ФЕ, а видовым — 1) грамматические (алфавитные, графические и орфографические), а также пунктуационные ФЕ; 2) ФЕ из сферы истории искусства, искусствоведческие ФЕ; 3) ФЕ из области гражданской истории, палеографические, текстологические, дипломатические и т. п.; 4) ФЕ литературоведческие; 5) ФЕ, косвенно связанные с письменностью, как, напр.: *на роду писано, как по писаному, прелестные письма, прописать пропорцию и т. п.* Виды соответственно можно разделить на подвиды: напр., область грамматики — алфавитные, графические, орфографические ФЕ и т. п. Попытаемся внести некоторое различие в смыслы определения трёх последних терминов. Исходя из логики этой классификации, существует различие между алфавитом (как совокупностью письменных знаков) и графикой (как образом письменных знаков), орфографией и пунктуацией. Идея эта нашла выражение в данных ФЕ и определяется по возможности ясно, хотя есть пересекающиеся подвиды. Сама образность фразеологизма указывает на заданное различие, напр.: *знать на ять* ('очень хорошо') — это алфавитный и азбучный фразеологизм, но и орфографический, поскольку связан с употреблением ФЕ в значении «хорошего знания правил написания *ятя* в старом письме», впрочем это различие возможно прояснить из определённого контекста. Во ФЕ *дом стоял покоем* просматривается графический образ буквы п.

Очевидно, что в лингвистической науке действует инерция использования термина *алфавит*, хотя ранее, до XVIII в., совокупность славянских письменных знаков именовалась *азбукою*. Здесь нас ожидает возможность проблематичного смысловаразличения терминов, используемых грамматологией неточно, поскольку слово *алфавит* по происхождению и функции должно быть родственным греческому, в котором буквы (*граммы*) имеют значимые имена. Ср. *τό α καὶ τό ω* (*альфа и омега, начало и конец*), *μέ τό νῦ καί μέ τό σίγμα* (*подробно, обстоятельно*), *ὅτῳ πῖ καί φῖ* (*немедленно, тотчас*), *δοκός ταῦ* (*тавровая балка*), *ἁκτίνες χ* (*рентгеновские лучи*) и многие другие ФЕ современного греческого языка [Хориков, Малеев 1993]. Азбука же есть нечто особенное, национально своеобразное, славянское, культурное явление, постоянно и длительно связанное с азбучными (её) тремя первыми именами и «азбучными молитвами» [Степанов 2001: 551–552].

Итак, данная работа основывается на картотеке грамматологических фразеологизмов, объединённых общей грамматологической темой (лексико-тематический принцип) слов-компонентов (элементов), входящих во фразеологизм. Эти ФЕ отражают нечто в виде культурного накопления, итога духовной деятельности, направленной на освоение письма и производство письменности. В нашей классификации используются термины, связанные тематически по ключевым словам-компонентам, входящим во фразеологизм. Грамматологический фразеологизм как родовой термин объединяет видовые понятия, которые делятся в свою очередь на подвиды и т. д. Конечные подвиды (фразеологизмы алфавитные, азбучные и т. д.) входят в это множество на основе общей темы (ключевые слова-ком-

поненты объединяются по общей теме, напр., с буквенными именами), поскольку относятся к словам, обозначающим буквы: *человек с большой буквы* — ‘человек с широкой душой, образец нравственности, добрый и замечательный человек’ [Человек с большой буквы 2010: 8], в отдалённом историей значении очевидна связь: *буки* — *буки* — *буква*.

Сюда как подвидовое понятие можно включить *пунктуационный фразеологизм* (тема пунктуационных знаков, значков, объединяющая ключевые слова-компоненты). У А. П. Чехова, напр., можно встретить фразеологизм *поставить запятую* — ‘препятствовать, противоречить’ («Герой — барыня») и *поставить точку* — ‘закончить, сократить, лаконично выразиться’ («Мои чины и титулы»; «Идеальный экзамен») [ФСРЯ 1967: 452]. Из-за относительной малочисленности этих тематических фразеологизмов на основе картотеки можно анализировать сочетаемость как синтаксическую, так и лексико-семантическую с иными языковыми элементами, составляющими текстовый фон, контекст, варианты и т. д.

Третья проблема — лексико-фразеографическая. В грамматологическом словаре должен быть использован опыт создания системы условных обозначений, практически задействованных в аналогичных фразеографических работах. Преобладающим принципом организации материала должен стать алфавитный (по первому ключевому компоненту, выраженному словом, связанным с грамматологической темой). Предположительно словарная статья будет содержать следующие компоненты: 1) стержневое грамматологическое слово; 2) характеристику грамматической формы данной грамматологической ФЕ; 3) определение значений, которые проявляются в исследуемых источниках; 4) указание на памятник (источник), его географию, время бытования; 5) синонимы; 6) стилистическую характеристику.

Писать **мыслёте**. *Устар. Ирон.* Литературная, азбучная ФЕ XIX в. Мыслёте нескл. от ст.-сл. мыслѣте / мыслите. Будучи пьяным, идти неуверенной, нетвёрдой походкой. — *Он пьян каждый день! Нет того дня, чтоб я не видел, как он пишет мыслёте! Гадко и низко!* (А. П. Чехов. Драма на охоте); *Холм насыпан. / На рассвете / Пир окончен в дождь и грязь. / И причётники мыслёте / Пишут, за руки схватясь* (А. К. Толстой. Медицинские стихотворения).

По возможности надеемся полностью закреплять паспортные данные ФЕ, указывая её пространственные границы, хронологическую характеристику (с учётом порядка: от древности — до современности), варианты и т. п.

Лексикографическая выверка принципов составления словаря грамматологических фразеологизмов представляет собою многокомпонентное исследование, важное для истории русского языка и нашей отечественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Будейко В. Э. Русские азбучные и алфаветные фразеологизмы // И вновь продолжается бой...: сб. науч. ст., посвящённый юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой / гл. ред. В. М. Мокиенко. — Магнитогорск: МаГУ, 2010. — С. 50–53.

Волков А. А. Грамматология. Семиотика письменной речи. — М.: МГУ, 1982. — 176 с.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматологии) / пер. с англ. Л. С. Горбовицкой, И. М. Дунаевской / под ред. И. М. Дьяконова. — М.: Радуга, 1982. — 366 с.

- Иванова В. Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография. — М.: Просвещение, 1976. — 288 с.
- Савельева Л. В.* Истоки и загадки нашей азбуки // Рус. речь. — 1994. — №5. — С. 69.
- Савельева Л. В.* Славянская азбука — Благая весть от Кирилла // Рукопись (машинопись) от 07.02.2009 г.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. — 2-е изд. испр. и доп. — М.: Академ. проект, 2001. — 990 с.
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. — С. 30–65.
- ФСРЯ 2001:* Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Сов. энцикл., 1967. — 543 с.
- Хориков И. П., Малеев М. Г.* Новогреческо-русский словарь. — М.: Культура и традиции, 1993. — 856 с.
- Человек с большой буквы: некролог о Николае Петровиче Шилове // Университетская набережная. 22–28.03.2010. — № 32 (931). — С. 8.
- Gelb I. J.* A study of writing. — London & Chicago: The University of Chicago Press, 1963. — 292 p.

CONTENT ISSUES OF “THE DICTIONARY OF GRAMMATOLOGICAL SET PHRASES”

V. E. Budeyko

The article deals with compiling “The Dictionary of Grammatological Set Phrases”. The following argumentative issues present the subject for discussion: theoretical and practical support of grammatological phrases classification, a dictionary entry makeup, general phraseographic practice, and the prospects for dictionaries of the kind.

Key words: grammatology, writing, grammatological fixed phrase, universal (general) classification of grammatological fixed phrases, dictionary article.

© 2011

А. Г. Жукова, Г. М. Мандрикова

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ
ТАРОНИМИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье ставится вопрос об отражении в лексикографических источниках информации, направленной на предупреждение возможных ошибок в употреблении фразеологических единиц, в частности их смешения (контаминации). Случаи неоправданного смешения фразеологических единиц, часто встречающиеся в речевой практике, рассматриваются авторами в аспекте явлений агнонимии и таронимии. Обсуждаются возможности представления информации о таронимическом взаимодействии фразеологизмов в словарях разных типов, критерии отбора единиц, для описания которых такая информация будет актуальной.

Ключевые слова: фразеологические словари, смешение фразеологических единиц, агнонимия, таронимия, таронимическое взаимодействие фразеологизмов.

Выделение когнитивного, лингвокультурного и аксиологического аспектов фразеографии напрямую связано с антропоцентрическим ракурсом рассмотрения фразеологических единиц (ФЕ). Авторы данной статьи в течение ряда лет занимались изучением фразеологизмов в аспекте агнонимии, которую можно трактовать как зафиксированный тем или иным образом факт неизвестности, непонятности либо недостаточной понятности ФЕ для носителей языка; при этом можно говорить о различной степени агнонимичности фразеологизмов [Жукова, Мандрикова 2002, 2003 и др.]. Фразеологическая агнонимия может приводить к неверной интерпретации ФЕ и/или их неправильному, дефектному употреблению, напр.: *Группа «белых ворон» всегда заворачивает глаз мужчин* (белыми воронами автор газетной заметки называет блондинок). Одним из проявлений фразеологической агнонимии является непреднамеренное смешение, или **таронимическое взаимодействие** фразеологизмов, частным случаем которого является контаминация. Отметим, что «таронимы — это лексические и фразеологические единицы, которые непроизвольно смешиваются при производстве и/или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности». Для того чтобы два слова могли быть квалифицированы как таронимы, необходимо, чтобы факт их ошибочного смешения каким-то образом был зафиксирован [Морковкин, Мандрикова 2010].

Названные явления — агнонимия и таронимия — имеют самое прямое отношение к изучению того, как носитель языка «работает» с лексическими и фразеологическими единицами, как они представлены в его языковом сознании. Показательны в этом смысле различного рода трансформации ФЕ, возникающие в речи, напр.: *Чиновников, беруших взятки, очень много, имя им регион* (сочинение ЕГЭ).

Жукова Арина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: arzhukova2009@mail.ru

Мандрикова Галина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: mandricova@mail.ru

Библеизм *имя им легион* в данном случае является для пишущего частичным агнонимом: значение ФЕ понимается правильно, однако его внутренняя форма для говорящего затемнена. Более знакомое, привычное слово *регион*, обладающее сильным формальным сходством со словом *легион*, может обуславливать возникновение в сознании носителя языка интерпретации вроде 'так много, что можно заселить большую территорию'. Лексемы *легион* — *регион* в силу формальной смежности практически обречены на смешение в языковом сознании и речи, т. е. являются таронимами. Как видим, в основе появления данной трансформации лежит комплекс причин когнитивного и лингвокультурного характера.

Зададимся вопросом, для чего обычному носителю языка, неспециалисту, нужны фразеологические словари? Прежде всего, для получения информации о том, 1) что означает конкретная ФЕ и 2) как правильно её использовать. Существующие фразеологические словари замечательно отвечают на первый запрос, но не всегда могут помочь во втором случае, поскольку ориентированы скорее на профессионального, а не на обычного пользователя. Между тем фразеология в силу специфичности её единиц является зоной «коммуникативного риска», зоной, где почти неизбежны проявления агнонимии и таронимии. Развитие антропоцентрического подхода в изучении и описании языка заставляет задуматься о том, должна ли информация, направленная на предупреждение возможных ошибок, смешений и искажений фразеологизмов быть отражена в лексикографических источниках, и если да, то в каких именно и каким образом?

Существует фразеологический словарь, последовательно фиксирующий трансформации ФЕ — это замечательная книга А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи». Авторы словаря исходят из того, что «в речи постоянно наблюдаются спонтанные преобразования значения и формы ФЕ, обусловленные их функционально-семантическими свойствами как особых экспрессивных единиц языковой номинации» [Мелерович, Мокиенко 2001: 13]. Изучение же семантических и структурных трансформаций ФЕ требует их фиксации и последовательной систематизации в словаре: «лишь при таком подходе отражается реальная жизнь фразеологизма, описываются все его речевые потенции и специфика употребления в конкретном языке» [Там же: 4]. Полностью соглашаясь с данной мыслью, отметим, однако, что представленные в данном словаре трансформации не включают дефектных преобразований. Напр., фиксируется только такая контаминация, в результате которой возникает новая ФЕ — авторская, окказиональная, т. е. преднамеренная, ср., напр.: *Держать камни за пазухой и бросать их в чужой огород* (ирон.): *Очень жаль, что современные ораторы не похожи на Демосфена: у них не камни, а каша во рту. Камни же они обыкновенно держат за пазухой и бросают их в чужой огород* (А. Аверченко) [Там же: 264].

Обратимся к случаям, когда носитель языка по причинам агнонимического и таронимического характера с м е ш и в а е т / с о е д и н я е т две фразеологические единицы, создавая гибрид, оцениваемый как нарушение фразеологической нормы, напр.: *И это должны понимать все, от малого до великого* (телевизионное ток-шоу). В данном случае мы имеем дело именно с контаминацией, поскольку искажению формы ФЕ *от мала до велика* с большей долей вероятности способствовало аналогическое влияние афористического выражения *от великого до*

смешного один шаг. Отметим, что сама грамматическая форма исходной единицы является архаичной, а следовательно, — потенциально готовой к искажению.

Наблюдения над случаями смешения ФЕ в речевой практике [Жукова, Мандрикова 2010] позволяют нам сделать вывод о том, что в массиве активных в речевом общении фразеологизмов можно выделить единицы, обладающие высоким контаминационным потенциалом, или таронимической ценностью. Под таронимической ценностью слова / ФЕ мы, вслед за В.В. Морковкиным, понимаем свойство слова / фразеологизма вступать в таронимические отношения с другими словами / фразеологическими единицами.

Таронимическая ценность ФЕ, по нашему мнению, определяется наличием у смешивающихся (контаминирующихся) фразеологизмов следующих признаков: 1) одноструктурность, 2) общий компонент; 3) синонимичность; 4) непрозрачность внутренней формы одной или обеих ФЕ. По поводу последнего признака скажем, что неясность для носителя языка метафоричности того или иного фразеологизма, затемнённости его внутренней формы является причиной «обращения» к похожей (по формальным или семантическим признакам) ФЕ, «соскальзывания» на неё. Отметим, однако, что последний признак не является обязательным.

Высокая степень регулярности смешения наблюдается в случае наличия первых трёх признаков, напр.: *Это предложение яйца ломаного не стоит* и *На самом деле проблема гроша выеденного не стоит* (из *яйца выеденного не стоит* и *гроша ломаного не стоит*). Данная таронимическая пара обнаруживает одноструктурность, имеет общий компонент, находится в синонимических отношениях ('кто-, что-л. не имеет никакой ценности, никуда и ни для чего не годится'), взаимозаменяемость в любых контекстах и определенную затемнённость внутренней формы ФЕ *гроша ломаного не стоит*. По данным «Историко-этимологического справочника», *ломать* означало не только 'разделять', но и 'гнуть, мять', поэтому ломаной называли гнутую монету [Бирх, Мокиенко, Степанова 1998: 139]. Согнуть современную монету очень трудно, поэтому данный образ для неискущённого, преимущественно молодого носителя языка нуждается в дополнительном пояснении.

Иногда бывает достаточно двух признаков смешения для того, чтобы зафиксировать появление контаминированной ФЕ; чаще всего это совмещение на основе некоего формального сходства и семантической общности. *Я всем этим сыт по уши* (РР) (из *сыт по горло* и *по (самые) уши* в значении 'сверх всякой меры') и *Я на этом деле руку съел* (РР) (из *руку набил* и *собаку съел*) — наблюдаем одноструктурность и синонимичность; *Что сказал, то и надо делать, а не пускать слова по ветру* (сочинение ЕГЭ) (из *бросать слова на ветер* и *развевать по ветру*) — наличие общего компонента *ветер*, обуславливающего частичное семантическое сходство единиц (сема 'пустое, эфемерное, утратившее материальность, а следовательно, силу'); Дунаевский *оставил неизгладимый вклад* в нашу культуру и историю (телепередача «Достояние республики») (из *оставить (какой-л.) след* и *внести (какой-л.) вклад*) — одноструктурность и синонимичность; заполнение же валентности (ср. *оставить глубокий след* и *внести весомый вклад*) происходит за счёт прилагательного *неизгладимый* (незабываемый), имеющего узкую сочетаемость (*неизгладимое впечатление*).

Для ФЕ с разной грамматической структурой, но, напр., с общим компонентом может оказаться значимой затемнённость для носителя языка того образа, который лежит в основе ФЕ. В качестве примера можно привести (отмеченное нами как регулярное) смешение ФЕ *краеугольный камень* и *камень преткновения*, которое может быть как оправданным, обусловленным авторским намерением, т. е. результатом хорошего владения данными единицами (ср. *До сих пор в центре нашего мифоздания **краеугольным камнем преткновения** остаётся миф о великом государственнике — тиране и палаче.* (РИА Новости)), так и ошибочным, результатом агнонимичности одной или обеих единиц для говорящего / пишущего (ср. *Япония пересмотрела своё отношение к декларации 1956 года благодаря усилиям США, благо Вашингтону был выгоден **краеугольный камень в отношениях между двумя странами*** (Советского Союза (России) и Японии. — А.Ж. и Г.М.) (Новый регион); ***Краеугольным камнем данной программы является тот факт, что владеющее линиями электропередач «Мосэнерго» уже успело заявить, что данный проект является слишком дорогим для реализации*** (РБК Daily) (здесь и далее нами использованы примеры из Национального корпуса русского языка). В представленных примерах *краеугольный камень* реализует семантику *камень преткновения*. Смешение здесь может быть связано с новым метафорическим переосмыслением выражения *краеугольный камень*, что подтверждается экспериментальными исследованиями. Так, в нашей картотеке дефектных дефиниций, которые были даны носителями языка этой ФЕ, отмечены следующие: «*камень с острыми краями*», «*камень треугольной формы*», «*камень, о который больно споткнуться*» и «*препятствие на пути*». Как видим, обсуждаемые единицы смешиваются в сознании носителей языка и в речи регулярно. Заметим, что они не только имеют общий компонент, но и характеризуются стилистической однородностью, что служит дополнительным фактором, повышающим таронимическую ценность данных ФЕ.

Итак, информация о таронимической ценности фразеологизмов является важной в ортологическом отношении. В каких словарях она может быть представлена? Во-первых, в словарях трудностей, имеющих собственно ортологическую направленность; во-вторых, в популярных фразеологических словарях, адресованных «широкому кругу» носителей языка, желающих получить актуальную для них информацию об употреблении ФЕ; в-третьих, в специализированном словаре таронимов.

Рекомендации для носителя языка в словаре фразеологизмов должны располагаться в специальной зоне и включать, помимо указаний на возможные отклонения от канонической формы и конвенционального значения ФЕ, указание на потенциальную таронимию, т. е. возможность контаминационного взаимодействия с другой ФЕ при условии их формальной и семантической смежности и наличии случаев зафиксированного образования таронимической пары, напр.:

Краеугольный камень , чего, в чём. Книжн. Основа, важнейшая часть; сущность, главная идея <...>
Не путать / не смешивать! с Камень преткновения , ср. <i>В отношениях между Россией и Украиной одним краеугольным камнем вчера стало меньше (Комсомольская правда)</i> , в.м. <i>В отношениях между Россией и Украиной одним камнем преткновения стало меньше.</i> См. Камень преткновения .

или

Язык не поворачивается . Трудно что-л. высказать (ложь, незаслуженную похвалу, несправедливое обвинение) <...>
Не путать / не смешивать! с синонимом Рука не поднимается , ср. <i>Сидит некто с гитарой (рука не поворачивается назвать его гитаристом), что-то поёт — не слышно в двух шагах</i> (Материалы сайта dvrock.narod.ru) в.м. <i>Сидит некто с гитарой (язык не поворачивается назвать его гитаристом), что-то поёт — не слышно в двух шагах.</i> См. Рука не поднимается

Критерии для фиксации таронимического взаимодействия могут быть разными. Так, напр., во фразеологическом словаре (и в словаре трудностей) предупредительная информация о возможном смешении должна сопровождать описание тех единиц, для которых такое смешение является регулярным (ср. *рука не поднимается* и *язык не поворачивается*) или зафиксированным неоднократно (материалом в этом смысле могут служить, напр., научные работы, учебные пособия по культуре речи, практической стилистике, литературному редактированию, словари ошибок и т. д.), в то время как в словарь таронимов могут попасть те единицы, смешение которых хотя бы единожды было зафиксировано в речи.

В качестве объекта описания в словаре таронимов должны выступать таронимические цепочки разных типов, в том числе и фразеологические таронимы, регулярность смешения которых фиксируется различными источниками, напр.:

Краеугольный камень — Камень преткновения.
Различаются значением: Краеугольный камень , чего, в чём. Книжн. Основа, важнейшая часть; сущность, главная идея, ср.: <i>Система опознавания «свой-чужой» — краеугольный камень системы безопасности любого современного государства</i> (Известия). Камень преткновения . Книжн. Помеха, препятствие, на которое наталкивается, с которым встречается кто-л. при выполнении, осуществлении чего-л., ср.: <i>Ещё один серьёзный камень преткновения между ФХР и клубами суперлиги — введение налога на легионеров</i> (Труд-7).
Не путать! <i>В отношениях между Россией и Украиной одним краеугольным камнем вчера стало меньше</i> (Комсомольская правда) в.м. <i>В отношениях между Россией и Украиной одним камнем преткновения стало меньше.</i>
Не смешивать! <i>Краеугольным камнем преткновения для критики является слишком высокая стоимость новой модели</i> (ТВ, новостная программа).

или

Язык не поворачивается — Рука не поднимается.
Синонимы , ср. Язык не поворачивается . Трудно что-л. высказать (ложь, незаслуженную похвалу, несправедливое обвинение): <i>Язык не поворачивается сказать о ней такое.</i>

Рука не поднимается у кого-л. сделать что-л. О том, кто не может, не решается сделать что-л.: Рука не поднимается выбросить эти вещи — всё-таки память.
Не путать! Ср.: <i>Теперь ни у кого рука не поднимется называть меня по фамилии</i> (героиня программы «Модный приговор») <i>вм. Теперь ни у кого язык не повернётся называть меня по фамилии.</i>
Не смешивать! Язык не поворачивается только с глаголами говорения: <i>говорить, сказать, крикнуть, назвать, задать вопрос, определить, обругать</i> и т. п.): <i>Сидит некто с гитарой (рука не поворачивается назвать его гитаристом), что-то поёт — не слышно в двух шагах</i> (Материалы сайта dvtrock.narod.ru) <i>вм. Сидит некто с гитарой (язык не поворачивается назвать его гитаристом), что-то поёт — не слышно в двух шагах.</i>

Таким образом, случаи неоправданного смешения фразеологических единиц (фразеологической таронимии), часто встречающиеся в речевой практике, могут явиться поводом для предъявления пользователю информации о таронимическом взаимодействии фразеологизмов в словарях разных типов. Вопросы, связанные с критериями отбора таких единиц, их необходимым и достаточным для носителя языка описанием в словарной статье, безусловно, требуют дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
- Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. «Дефектная» интерпретация фразеологизмов, или МОЛЧАТЬ КАК РЫБА ОБ ЛЁД // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Третьих Филол. чтений (28–29 ноября 2002). — Новосибирск: НГПУ, 2002. — Т. 1. — С. 116–120.
- Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. Фразеологическая агнонимия (опыт экспериментального исследования) // Актуальные проблемы русистики: материалы междунар. науч. конф. (Томск, 21–23 октября 2003 г.). — Томск: ТГУ, 2003. — Вып. 2. — Ч. 2. — С. 96–103.
- Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. К вопросу о функционировании фразеологических гибридов // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. тр. — Вып. 11. — Москва — Пятигорск: ПГЛУ, 2010. — С. 60–67.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. — М.: Рус. слов.: Астрель, 2001. — 856 с.
- Морковкин В. В., Мандрикова Г. М. Таронимия: понятие и типологическое разнообразие // Русский язык за рубежом. — 2010. — № 5 (222). — С. 42–48.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF SET EXPRESSIONS TARONYMIC VALUE

A. G. Zhukova, G. M. Mandrikova

The article raises an issue concerning providing lexicographic sources with information aimed at excluding possible misuse and contamination of set phrases. Frequent mixed-up idioms occurring in speech practice are considered in the context of agnomy and taronymy. The paper also discusses the possibilities of providing information about set phrase taronymic interaction in dictionaries of different types and criteria for selecting units whose description requires information of the kind.

Key words: phraseological dictionaries, mixed-up phrases, agnonymy, taronymy, taronymic interaction of set phrases.

© 2011

В. И. Кабыш

СЛОВАРЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНВЕРСИРОВ

В статье даётся определение фразеологических конверсиров и приводится анализ их структурных и семантических типов. Особое внимание уделяется целям и задачам словаря и структуре словарной статьи, отражающей особенности фразеологических конверсиров.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологические конверсивы, структурные типы, семантические типы, словарная статья.

В современной фразеографии является актуальным создание частных автономных словарей фразеологических единиц. Учёные Лингвистической лаборатории им. В. А. Лебединской Курганского гос. ун-та занимаются составлением фразариев, описывающих определённые фразеологические подсистемы. Одним из них стал «Словарь фразеологических конверсиров».

Под фразеологическими конверсивами мы понимаем пару фразеологических единиц, выражающих обратные отношения между субъектом и объектом в обращённых высказываниях, обозначающих одну и ту же ситуацию. Для фразеологической конверсии, так же как и для лексической, необходимо денотативное тождество; разнонаправленность; наличие по крайней мере двух актантов, обладающих способностью обмениваться функциями (ролями), антецедента (предшествующего члена) и консеквента (последующего члена); наличие фразеологических предикатов-конверсиров с обращёнными ролевыми (актантными) структурами. Напр.: *Журналист берёт интервью у звезды — Звезда даёт интервью журналисту*. Фразеологические конверсивы *берёт / даёт* выражают двусторонние субъектно-объектные отношения, представляя одно и то же содержание в разных направлениях. С точки зрения объекта отражения (ситуации) предикаты имеют одинаковую предметную отнесённость (*интервью*). В структурном (синтаксическом) отношении фразеологические единицы характеризуются наличием соотносительных прямой и обратной, ролевых (актантных) структур: субъект исходного высказывания становится объектом обращённого, объект исходного высказывания — субъектом обращённого, а процессуальный фразеологизм, выражающий субъектно-объектные отношения, заменяется в обращённом предложении на свой конверсив: *Обычно газетные работники берут у Гребенщикова интервью и от-*

Кабыш Виктория Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: kafedra312@yandex.ru

ражают, как правило, его мнение (В. Попов. Обретёшь в бою). *Знаете, в марте я давал интервью Рою Стиллману* (С. Довлатов. Иностранка).

По данным нашей картотеки в конверсивные отношения вступает около 1000 процессуальных фразеологизмов. Исследуемая фразеологическая подсистема разнообразна в структурном и семантическом отношении. Она включает в себя следующие структурные типы: 1) разнонаправленные по отношению к актантам единицы (*брать аванс — давать аванс, брать интервью — давать интервью, брать слово — давать слово*); 2) конверсивы «в себе» — фразеологизмы, которые в силу своих специфических свойств (семантической и синтаксической симметричности) могут без всякого изменения (мены на свой конверсив) входить в состав обоих высказываний — исходного и конверсивного (*иметь отношения, иметь сходство, подписать соглашение*); 3) единицы со значением причины и следствия — каузативы (*вызывать страх — испытывать страх, находиться в зависимости — ставить в зависимость, питать любовь — вызывать любовь*) и др.

Исследуемые единицы представлены семантическими типами: 1) «Владение, принадлежность» (*Иван берёт в жёны Марью — Марья берёт в мужья Ивана*); 2) «Приобретение, накопление — утрата, расходование» (*Чиновник берёт взятки с посетителей — Посетители дают взятки чиновнику*); 3) «Информационные процессы» (*Больной берёт установку психотерапевта — Психотерапевт даёт установку больному*); 4) «Разнонаправленные вербально-коммуникативные процессы» (*Зритель берёт автограф у актёра — Актёр даёт автограф зрителю*); 5) «Передача» (*Портной берёт заказ у клиента — Клиент даёт заказ мастеру*) и др.

Процессуальные фразеологизмы, вступающие в конверсивные отношения, не становились предметом специального лингвистического исследования. В отдельных словарях описываются лексические конверсивы, но фразеологический материал привлекается лишь факультативно (см. [Васильев 2000; НОССРЯ 2004]). В связи с этим представляется целесообразным создание частного автономного словаря, описывающего фразеологические конверсивы.

Рассматриваемый словарь призван решить следующие задачи: выявить процессуальные фразеологические единицы, вступающие в конверсивные отношения; дать словарную информацию о них широкому кругу читателей; отразить представленность исследуемых единиц в лексических, фразеологических словарях и сводах; привести стилистическую, историко-временную и эмоционально-экспрессивную характеристику единиц; осуществить толкование фразеологизмов, выявив полисемичность и омонимичность единиц, вариативность и факультативность их компонентов; предпринять грамматическое описание фразеологических единиц; дать семантическую характеристику фразеологизмов; показать особенности функционирования фразеологизмов в речи за счёт примеров их употребления. Словарная статья в данной фразии должна выглядеть следующим образом:

Брать/взять в жёны <i>кого</i> <i>Зафиксирован в СФСРЯ, ССРЯ, ТСУ, БАС, НБАС</i> <i>Субъектно-личный, объектный.</i> <i>Родств. отнош.</i> Вступать / вступить в брак с женщиной. Я ещё подумаю, которую из вас в жёны брать. Небось, ни стирать, ни хлеба замесить не можете. <i>Е. Фёдоров. Ермак.</i> Эта редкая девушка отличалась безмерным спокойствием и молчаливостью, за что Лёва и взял её в жёны. <i>Л. Петрушевская. Рассказы.</i>	Брать/взять в мужа <i>кого</i> <i>Зафиксирован в СФСРЯ</i> <i>Субъектно-личный, объектный.</i> <i>Родств. отнош.</i> Вступать / вступить в брак с мужчиной. Отчего не взяли себе в мужа кого-нибудь другого, а не этого пигмея, погрязшего в долгах и безделье? <i>А. Чехов. Безотцовщина.</i> А не собираетесь ли вы взять этого молодого человека в мужа? <i>Мифы индейцев Южной Америки.</i>
---	---

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка: предикатная лексика / Восточ. ин-т экономики, гуманитар. наук, управления и права. — Уфа: Восточ. ун-т, 2000. — Вып. 1–2.

НОССРЯ: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — М.; Вена: Яз. слав. культуры: Вен. славистич. альманах, 2004. — 1488 с.

DICTIONARY OF PHRASEOLOGICAL CONVERSIVES

V.I. Kabysh

The article defines phraseological conversives and analyzes their structural and semantic types with particular emphasis on aims and purposes of the dictionary, and the structure of a dictionary entry reflecting peculiarities of phraseological conversives.

Key words: fixed phrase, phraseological conversives, structural types, semantic types, dictionary entry.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В статье рассматриваются особенности описания во фразеографии процессуальных фразеологизмов со значением становления (на примере сопоставления словарных статей словаря А. И. Фёдорова и словаря под редакцией В. Н. Телии). Высказывается предположение о целесообразности создания фразеологического словаря нового типа, который объединил бы функции двух словарей: толкового и идеографического.

Ключевые слова: процессуальные фраземы становления, фразеологические, толковые, идеографические словари.

В российской фразеографии известно несколько фразеологических словарей: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [ФСРЯ 1986], «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.» под редакцией А. И. Фёдорова [ФСРЛЯ XVIII–XX 1991], «Фразеологический словарь русского литературного языка», составленный А. И. Фёдоровым [ФСРЛЯ 1997], «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телии [БФСРЯ 2008] и др. Данные словари являются справочными пособиями по идиоматике и фразеологии, в них включены единицы русского языка, представляющие собой переосмысленные сочетания слов, воспроизводимые в речи в строго ограниченном составе и форме.

Основная задача составителей фразеологических словарей — дать точное, подробное толкование включённых в словарь фразеологизмов, учитывая своеобразие фразеологической семантики по сравнению с лексической. В содержании фразеологизмов преобладают экспрессивно-коннотативные семы, что определяет их функцию в речи. По сравнению со словом фразеологическая единица в большей степени оценивает предмет, лицо, действие, качество (как правило, уже названные словами).

Назначение фразеологизма — не только называть предмет, но и давать ему оценку. Эмоциональная сторона фразеологизма как знака — явление производное: она зависит в основном от образного содержания фразеологизма. Большинство фразеологизмов по происхождению — это застывшие народные метафоры, сравнения, метонимии, части пословиц и поговорок.

Экспрессивно-образный, конкретно-детализирующий характер фразеологической семантики обуславливает её непереводимость на язык формализованных понятий. Этот факт осложняет определение значения данных единиц во фразеологических словарях. При толковании фразеологического значения в словарной статье важно стилистически нейтральным словом указать на денотативный его элемент, а затем дать характеристику его сигнификату и коннотату. Для точного

описания экспрессивных качеств фразеологизма А. И. Фёдоров в своём словаре использует достаточно подробную систему стилистических помет: *прост.*, *разг.*, *экспресс.*, *шутл.*, *ирон.* и др. Так, процессуальные фразеологизмы становления сопровождаются следующими пометами:

УХОДИТЬ В НЕБЫТИЕ. УЙТИ В НЕБЫТИЕ. Книжн.

УХОДИТЬ В СТОРОНУ. УЙТИ В СТОРОНУ. Разг. Экспресс.

УХОДИТЬ ИЗ ЖИЗНИ. УЙТИ ИЗ ЖИЗНИ. Книжн. Высок.

Для того чтобы избежать неопределённости в толковании фразеологических оборотов, А. И. Фёдоров устанавливает их синтаксическую функцию, что находит отражение в толковании единиц. Автор считает, что толкование значения фразеологизма в словарной статье должно указывать на принадлежность его к грамматической категории, которая определяет синтаксическую функцию фразеологизма в предложении.

Так, процессуальные фразеологизмы становления толкуются через глаголы или глагольные сочетания, что определяет их синтаксическую роль в качестве сказуемого: *уходить в лучший мир (уйти в лучший мир)* — ‘умирать’. *Сверстники мои уходят в лучший мир...* (Л. Никулин. России верные сыны).

В словаре под редакцией В. Н. Телия, помимо толкования, представления грамматических форм, прямого указания на синтаксическую функцию и некоторые грамматические особенности фразеологической единицы, содержатся ещё и сведения о её валентности; слова-сопроводители, с которыми фразеологизм употребляется в речи; описание характерной ситуации, в которой используется представленная единица; кроме того, в каждой статье помещён культурологический комментарий. Так, процессуальная фразема со значением становления *уходить / уйти в (самого) себя* сопровождается замечаниями о синтаксической роли единицы в качестве сказуемого, фиксированном порядке компонентов, речевом употреблении только в форме единственного числа, соответствии образа фразеологизма архетипическим формам осознания мира (каждый компонент соотносится с определённым деятельностным кодом культуры).

Во всех словарях фразеологизмы расположены в алфавитном порядке. Но если у А. И. Фёдорова и у А. И. Молоткова единица помещается за тем словом, которое определяет структуру оборота, его функционально-стилистический тип, в словаре под редакцией В. Н. Телия алфавитная последовательность определяется побуквенно по каждому слову-компоненту фразеологизма, включая варианты.

Грамматические варианты фразеологизма в словаре А. И. Фёдорова находятся в одной словарной статье. Это касается видовых пар процессуальных фразем становления, которые приводятся в инициальной зоне в форме несовершенного вида: **ВЫХОДИТЬ ИЗ ТЕРПЕНИЯ. ВЫЙТИ ИЗ ТЕРПЕНИЯ.** Видовые пары глагольных фразеологизмов в словаре под редакцией В. Н. Телия даются через косую черту: **УХОДИТЬ / УЙТИ В (САМОГО) СЕБЯ.**

Процессуальные фраземы становления в подавляющем большинстве способны образовывать видовые пары (92 % от общего количества исследуемых единиц): *выходить / выйти в свет, входить / войти в плоть и кровь, приходить / прийти в себя, проходить / пройти путь.* Это свойство глагольных фразеологизмов учитывается в рассматриваемых словарях.

В словаре под редакцией В. Н. Телии языковые единицы описаны более полно, подробно, с учётом их коммуникативной направленности. В количественном же отношении словарь А. И. Фёдорова превосходит словарь под редакцией В. Н. Телия. Так, в словаре А. И. Фёдорова содержится 13 процессуальных фразем становления с глагольным компонентом *сходить / сойти* (*сходить / сойти в могилу, сходить / сойти на нет, сходить / сойти с арены, сходить / сойти со сцены, сходить / сойти с ума* и др.), в то время как в словаре под редакцией В. Н. Телии таких фразеологизмов только два (*сходить / сойти на нет, сходить / сойти с ума*).

В целом фразеологические словари отражают далеко не все процессуальные единицы со значением становления. Напр., в словаре под редакцией В. Н. Телии всего 6 фразеологизмов с глагольным компонентом *выходить / выйти*, в словаре А. И. Фёдорова — 38, тогда как, по нашим наблюдениям, в русском языке функционирует 72 фразеологизма с названным глагольным компонентом. Такое же количество единиц (72), по нашим данным, включает глагольный компонент *входить / войти*. В словаре же А. И. Фёдорова только 31 процессуальная фразема с этим компонентом, в словаре под редакцией В. Н. Телии — всего 1 единица (*входить / войти в плоть и кровь*).

Проблема описания фразеологического состава языка сложнее, чем проблема описания лексики. Особую актуальность приобретают идеографические изыскания, т. к. они дают представление о системных связях в языке, что имеет большое теоретическое значение для познания законов устройства языка и практическое значение для его преподавания.

Поэтому было бы целесообразным составление фразеологических словарей, посвящённых описанию единиц только одного семантико-грамматического класса с учётом тематического расположения фразеологических значений, напр., фразеологического словаря предметных единиц, фразеологического словаря процессуальных единиц, фразеологического словаря призначных единиц и т. д.

Подобные словари на лексическом материале составлены группой учёных Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Большой толковый словарь русских существительных [БТСРС 2008], Большой толковый словарь русских глаголов [БТСРГ 2008]). В них при описании единиц сочетаются принципы идеографических, толковых, объяснительных, учебных, двуязычных словарей и словарей-справочников. Это словари нового типа, совмещающие функции толкового и идеографического словаря.

ЛИТЕРАТУРА

БТСРС: Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2008. — 864 с.

БТСРГ: Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2008. — 574 с.

БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значения. Употребления. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2008. — 784 с.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. — М.: Цитадель, 1997.

ФСРЛЯ XVIII–XX: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: в 2 т. / под ред. А. И. Фёдорова. — Новосибирск: Наука, 1991.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Рус. яз., 1986. — 543 с.

PROCESSUAL PHRASEMES DENOTING DEVELOPMENT AS AN OBJECT OF PHRASEOLOGICAL DICTIONARY DESCRIPTION

L. N. Kornilova

The article, based on comparing entries of A. I. Fedorov's dictionary and the dictionary edited by V. N. Teliya, deals with peculiarities of phraseographic description of processual set phrases denoting development. It is thought appropriate to compile a new type of phrase book that will combine the functions of explanatory and ideographic dictionaries.

Key words: processual set phrases denoting development, phraseological, explanatory, ideographic dictionaries.

© 2011

Н. А. Крюкова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАСШИРЕНИЯ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В предлагаемой статье рассматриваются приёмы представления во фразеологических словарях языкового материала, отражающего не изученные ранее явления расширения и распространения компонентного состава фразеологической единицы с учётом сложившихся в русской фразеологии лексикографических традиций.

Ключевые слова: фразеологическая единица, сочетаемость, расширение компонентного состава, распространение компонентного состава, лексикографическое описание.

Сочетаемость относится к числу постоянных признаков фразеологической единицы (ФЕ): она присуща каждой единице независимо от её происхождения, сферы употребления, историко-временной отнесённости, стилистических и других свойств.

Лексическая и грамматическая сочетаемость ФЕ в существующих фразеологических словарях русского языка не описывается как специальный параметр. Однако прямая связь сочетаемости фразеологизма с формой, значением,

Крюкова Наталья Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Ивановского института Государственной противопожарной службы МЧС России. E-mail: natalya-1979@mail.ru

грамматическими свойствами и т. д. вынуждает составителей фразеологических словарей при представлении ФЕ описывать её сочетаемость при характеристике компонентного состава, толковании значения, указании на грамматические, стилистические и других свойства.

В русской лексикографии были разработаны и применены особые приемы лексикографического описания лексической и грамматической сочетаемости фразеологизмов. Так, для показа грамматической сочетаемости ФЕ используются местоимённые формы, указывающие на лексико-грамматические свойства тех слов, с которыми фразеологизм сочетается, напр.: **Втапывать (втоптать) в грязь кого, что** 'всячески порочить, чернить кого-, что-либо, унижительно отзываться; несправедливо обвинять' [Жуковы 1994: 69]. Особо указываются случаи вариативной сочетаемости: **Ни ногой куда, к кому** 'совсем не ходить, не ездить куда-либо, не бывать у кого-либо или где-либо' [Жуков 1987: 259]. Отдельно описывается и разная сочетаемость ФЕ в разных значениях: **Лить (проливать) кровь**. '1. за кого, за что. Погибать, страдать, защищая кого-либо или что-либо. 2. чью, кого. Предавать смерти, убивать (на войне)' [Жуковы 1994: 184].

Лексикографами практически разграничиваются также случаи типовой и нетиповой сочетаемости фразеологизма: типовая сочетаемость отражается в заголовке словарной статьи при описании ФЕ, нетиповая сочетаемость представлена внутри словарной статьи при соответствующих цитатах. Напр.: **Ахиллесова пята**. Наиболее уязвимое место у кого-либо. *Софья Васильевна вполголоса горестно и доверчиво пожаловалась Павлу: – Вовка — это у нас ахиллесова пята. Учиться не хочет, груб стал* (Л. Обухова. Заноза). **Ахиллесова пята** кого, чья. *У нас не хватает культуры, опять-таки заедает быт — наша ахиллесова пята* (Л. Никулин. Трус) [Молотков 1967: 373].

Лексическая сочетаемость ФЕ также отражается в словарях, причём разграничивается сочетаемость единичная, ограниченная и широкая. Единичная сочетаемость даётся в заголовке словарной статьи при фразеологизме как единственно возможная: **Доводить (довести) до белого каления**. До полного отчаяния, до полной потери самообладания (доводить) [Жуковы 1994: 110]. Ограниченная сочетаемость отражается разными способами. Сочетаемость ФЕ, которые связываются со словами, относящимися к одной тематической группе, подаётся в виде открытого перечня слов: **Как зеницу ока**. Тщательно, бдительно (беречь, хранить и т. п.) [Яранцев 1997: 375]. Для ФЕ с более широкой сочетаемостью составители словарей подбирают какое-либо слово, способное выразить общее значение всего разряда слов, с которыми данная единица может сочетаться: **Через пень колоду**. 1. Плохо, небрежно (делать что-либо) [Молотков 1967: 312]. Для указания ограничений сочетаемости фразеологизма используются также специальные пометы, которые даются после толкования. Пометы представляют ситуацию употребления ФЕ («о ком-либо», «о чём-либо», «о людях», «об одежде», «об обуви» и т. п.).

Таким образом, анализ лексикографической разработки ФЕ русского языка во фразеологических словарях показывает, что эта сторона ФЕ описана в русской фразеологии на весьма высоком уровне. Словари не только ввели в научный обиход объёмный и систематизированный языковой материал, но и зафиксировали всё разнообразие связей и отношений ФЕ со словами окружения. Именно качество собранных фразеологических материалов и глубина их теоретического

осмысления в значительной степени способствовали тому, что русская фразеологическая наука за последние годы продвинулась далеко вперёд, в частности в решении проблемы сочетаемости ФЕ. Вместе с тем были обнаружены новые явления расширения и распространения компонентного состава фразеологизма, которые пока не получили полноценного описания в современных фразеологических словарях. Однако и эти явления могут быть успешно описаны при учёте накопленного в русской фразеографии опыта и сложившихся лексикографических традиций.

Расширение компонентного состава ФЕ — увеличение состава фразеологизма за счёт включения одного или двух новых компонентов. В силу того, что ФЕ может употребляться в речи как с распространителем, так и без него, данный компонент приобретает статус факультативного. По традиции, заложенной во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А. И. Молоткова, факультативные компоненты в словаре указываются в заголовке словарной статьи и заключаются в ломаные скобки. Нам представляется предпочтительным раздельное описание каждой из форм употребления (когда ФЕ используется в полном и неполном составе компонентов), а в заголовок словарной статьи, на наш взгляд, целесообразно выносить ту форму употребления, которая считается наиболее частотной. Обычно таковой является форма без компонента-распространителя. Форма употребления с компонентом-распространителем должна описываться внутри словарной статьи:

ПОСТАВИТЬ КРЕСТ. 1. *на чём.* Окончательно разуверившись в чём-либо, отказаться от чего-либо, перестать думать о чём-либо, надеяться на что-либо. *Как будут рады папа и мама. Они, наверное, совсем поставили крест на её замужестве. И вдруг она придет под руку с мужем* (В. Панова. Спутники).

ПОСТАВИТЬ ЖИРНЫЙ КРЕСТ *на чём.* Жизнь исключенного из КПСС человека, как правило, шла под откос, на карьерном росте и загранкомандировках можно было **поставить жирный крест** (Д. Донцова. Обед у людоеда).

ПОСТАВИТЬ БОЛЬШОЙ КРЕСТ *на чём.* Что же касается людей, спешащих раз и навсегда **поставить** на дирижаблях **большой, жирный крест**, то я глубоко убеждён в их неправоте (Э. Кренкель. Мои позывные RAFM).

2. *на ком, на кого.* Потеряв надежду исправить, убедить, привлечь и т. п. кого-либо или, посчитав кого-либо неспособным на что-либо, непригодным к чему-либо, совсем отказаться от него. *В банке, видимо, на Старобровского поставили крест и не считали нужным даже отвечать на его письма* (Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб).

ПОСТАВИТЬ БОЛЬШОЙ КРЕСТ *на ком, на кого.* — *Не надо меня хоронить. — Как раз хоронить тебя самое время. Мы с тобой прощаемся, поставим на тебе большой крест, и ты уедешь в Долинск, оставив нас в безутешном горе* (М. Глебовский, С. Простокишина. Мафия бессмертна).

Распространение компонентного состава ФЕ — включение в границы фразеологизма (область между первым и последним его компонентами) слов окружения. При распространении компонентного состава лексические единицы, связывающиеся с компонентом ФЕ, сохраняют признаки слова. По этой причине распространитель не может рассматриваться как факультативный ком-

понент. Логично предположить, что такого рода случаи в словаре должны описываться внутри словарной статьи и «привязываться» к отдельным контекстам.

Целый ряд ФЕ в силу специфики их значения употребляются со словами-распространителями во всех случаях использования в речи. Распространитель является необходимым для полноценной реализации фразеологизма в речи: *Он — худой как скелет, пергаментно-жёлтый, с поредевшими усами, — тяжело дыша, смотрел на маму достоевскими глазами, полными муки и благодарности* (В. Катаев. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона). Такое употребление в словаре должно быть отражено особо с указанием на то, что тот или иной компонент ФЕ при употреблении её в речи обязательно имеет слово-распространитель. Для описания такого свойства ФЕ считаем уместным и оправданным воспользоваться тем лексикографическим приёмом, который принят в словарях для указания на обязательные синтаксические связи фразеологизма со словами. Напр.:

ИГРАТЬ какую **РОЛЬ**. Иметь какое-либо значение в чём-либо. *Такова история, а вернее — трагедия одной семьи, в которой роковую **роль сыграло** пристрастие родителей к бутылке. От некогда уважаемых людей отвернулись прежние знакомые. Родители лишились сына* (из газет). *Чёткую, последовательную, принципиальную позицию в этом вопросе, решение которого будет **играть** первостепенную **роль** в дальнейшем развитии португальской демократии, занимает Коммунистическая партия* (из газет).

Другой тип распространения компонентного состава наблюдается в случаях, когда ФЕ может употребляться как со словом-распространителем, так и без него. Ср., напр.: [Туманский:] *Вы, Маша, **держите его в руках**, не давайте ему спуску. И, кстати, заставьте его учиться как следует* (А. Афиногенов. Машенька) и *Шах-Азизов, который создал и **держал в своих крепких руках** детский театр, был против того, чтобы его актёры снимались в кино* (В. Вульф. Программа «Мой серебряный шар»).

При лексикографировании фразеологизмов такого типа в заголовок словарной статьи выносятся формы употребления без слова-распространителя, а формы употребления с распространителем описываются внутри статьи с соответствующими иллюстрациями. Напр.:

СТАРЫЙ ВОЛК. Человек, перенесший всяческие трудности, невзгоды, обладающий большим опытом. *Он понимал, что пронырливый и не разбирающийся в средствах Канунников пойдёт на всё. Он-то, Сергеев, **старый волк**, видал, как такие дела делаются!* (А. Рыбаков. Водители).

СТАРЫЙ какой **ВОЛК**. *А Шухову крепко запомнились слова его первого бригадира Куземина — **старый** был лагерный **волк**, сидел к девятому году уже двенадцать лет* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича); *Но ваш покорный слуга является стреляным воробьём, **старым** газетным **волком**, поэтому что-то в заявлении «марковца» показалось странным, и я соединился с домом Смоляковой* (Д. Донцова. Небо в рублях); *Сергей! Ну, Вы же **старый** гастрольный **волк**! Как Вы могли поверить в этот розыгрыш?!* (В. Пельш. Программа «Розыгрыш»).

Как правило, слова-распространители оказываются достаточно разнообразными, разнородными по своей семантике. Поэтому при лексикографическом описании ФЕ для указания на распространитель достаточно соответствующей

местоимённой формы. Её использование указывает пользователю, что в качестве распространителя может выступать любое слово, подходящее для данного контекста и отвечающее авторским целям. Напр., **оставить** какой **след** 'оказать воздействие, влияние на последующее (какие-либо явления, события, чью-либо деятельность, мысли чувства)': *Настроение духа у едущего было ужасно. Становилось ясным, что посещение дома скорби **оставило** на нём тяжелейший **след*** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Москвичка З. Бибилло считает, что «президент США должен прикладывать все силы для того, чтобы за время своего пребывания у власти **оставить** в истории добрый **след**»* (из газет).

Вместе с тем, в русском языке есть ФЕ, при употреблении которых на слово-распространитель накладываются определённые ограничения. Так, ФЕ **сыграть шутку (штуку)** с кем 'причинить, устроить втихомолку большую неприятность кому-либо; совершить по отношению к кому-либо непорядочный, низкий поступок' может принимать в качестве распространителя только слова с отрицательной коннотацией, что обусловлено особенностями её лексического значения. Ср.: *Это батрацкое прошлое не только не принесло удачи Фомичу, но даже совсем наоборот <...> **сыграло** с ним злую **штуку*** (Б. Можжев. Из жизни Фёдора Кузьмина). При описании таких ФЕ в словаре необходимо специальное указание на круг слов, которые могут выступать в качестве распространителей. Для описания таких случаев можно воспользоваться принятым во фразеологических словарях приёмом указания на ограниченную лексическую сочетаемость фразеологизма:

СЫГРАТЬ какую (скверную, злую, жестокую и т. п.) **ШУТКУ** с кем. Судьба **сыграла** с Ларисой жестокую **штуку** (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу).

СЫГРАТЬ какую (скверную, злую, жестокую и т. п.) **ШТУКУ** с кем. Вдруг *сделалось для него ясно, что он прескверную **штуку сыграл**, сказавши Наденьке такую пошлость* (М. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы); *Судьба вообще очень неблагосклонна ко мне, но всё-таки я не ожидал, что она **сыграет** со мной такую скверную **штуку*** (М. Горький. Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты).

Указанные приемы описания связей ФЕ со словами окружения могут быть использованы в первую очередь во фразеологических словарях общего типа и учебных словарях. Преимущество такого способа лексикографического представления валентности ФЕ мы видим в том, что данный способ не требует от пользователя специальных лингвистических знаний: усвоение содержания словарной статьи в этом случае позволяет любому пользователю достаточно свободно употреблять ФЕ в своей речевой практике.

В словарях, ориентированных на лингвистов, способы и приёмы описания связей ФЕ со словами окружения могут быть усложнены. В таких словарях возможно введение в структуру словарной статьи специального элемента, который давал бы целостное представление о сочетаемости ФЕ со словами окружения. В этом элементе в виде специальной формулы (модели) могут быть отражены синтаксические функции ФЕ и слов окружения, грамматические формы фразеологизма и сочетающихся с ним слов, принадлежность слов-распространителей к определённым тематическим группам и разрядам и т. д. Приведем некоторые примеры возможного представления такой информации в словаре.

ШАРАШКИНА КОНТОРА, имен. Несolidное, не вызывающее доверия учреждение, предприятие, организация и т. п., а также любое несolidно поставленное дело.

Подл. (сущ., мест. со знач. лица или конкретн. предм. в И. п.) + состав. имен. сказ. (гл.-св. + ФЕ в И., Т. п.): Зеленин <...> знал о делах больницы, знал, что опираться надо только на сестёр-комсомолок, а что остальной коллектив — это «шарашкина контора» (В. Аксёнов. Коллеги).

Сказ. (глагол) + доп. (ФЕ в косв. п.): — Права Ленка: боитесь вы Клавки Сомовой <...> И ту записку, чтоб нашу шарашкину контору прикрыли, она писала, потому что поверила, будто нам и вправду экономия нужна... (Б. Васильев. Жила-была Клавочка).

Сказ. (глагол) + обст. (ФЕ в Р. п. с пр. «у», Д. п. с пр. «по», В. п. с пр. «в», П. п. с пр. «в»): В шарашкиной конторе, где я бросил якорь, сидят, пригревшись, маленькие бонзы, которые нуждаются в рабсиле... (В. Тендряков. Покушение на миражи).

Опр. (прил. в И. п.) + подл. (ФЕ в И. п.): — Меня определили работать в «Тодте» — была у немцев такая шарашкина контора по строительству дорог и оборонительных сооружений (М. Шолохов. Судьба человека).

НА ШИРОКУЮ НОГУ, адverb. Богато, роскошно, ни в чём себе не отказывая (жить).

Прост. и состав. глг. сказ. (глагол) + обст. (ФЕ + «распространитель в В. п.»): Вообще живёт она на широкую ногу: наняла дорогую дачу — особняк с большим садом <...> имеет двух горничных, кучера (А. Чехов. Скучная история); Отец Нины жил на широкую ногу и даже держал автомобиль (И. Кремлёв. Большевики); Он был вдов и детей не имел, но жизнь вёл на широкую семейную ногу и платил за квартиру три тысячи в год (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Представление в словаре синтаксических моделей фразеологизмов в виде особого параметра будет способствовать не только практическому, но и лингвистическому освоению ФЕ.

ЛИТЕРАТУРА

Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. П. Жукова. — М.: Рус. яз., 1987. — 440 с.

Жуков В. П., Жуков А. В. Школьный фразеологический словарь русского языка. — М.: Рус. яз., 1994. — 287 с.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Рус. яз., 1967. — 542 с.

Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник. — М.: Рус. яз., 1997. — 847 с.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF INTERNAL AND EXTERNAL
COMPONENT ADDITIONS TO SET PHRASES*N. A. Kryukova*

The article considers ways and means of dictionary presentation of phraseological material containing little-studied internal and external component additions with due regard to Russian lexicographic and phraseographic traditions.

Key words: set phrase, combinability, external component addition, internal component addition, lexicographic presentation.

© 2011

Н. В. Кудрина

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОГРАФИИ

Язык поэзии — это особая структурно-функциональная система языковых знаков. Однако в современной фразеологии недостаточно разработана проблема функционирования поэтических фразеологизмов, которые являются самостоятельными единицами художественной речи. Одним из лучших опытов систематизации поэтической фразеологии является «Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.): более 4500 образных слов и выражений», авторы — Н. Н. Иванова и О. Е. Иванова. В словаре объектом систематизации стали образные средства языка поэзии. Словарь даёт целостное представление о поэтической фразеологии, функционирующей в русской поэзии, и позволяет рассматривать данное явление как неотъемлемую часть фразеологической системы русского языка.

Ключевые слова: язык поэзии, фразеологизм, поэтическая фразеология.

О языке поэзии следует говорить как об особой структурно-функциональной системе языковых знаков. Стихотворение — это «сложно построенный смысл» [Валгина 2004: 181]. Система отбора и использования языковых средств, ритмические, фонические, структурные особенности, образно-семантическая ёмкость стихотворных произведений существенно отличают их от текстов прозаических. В таких текстах реализуется поэтическая функция языка, которую Р. О. Jakobson определил как «направленность на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [Jakobson 1975: 202].

В настоящее время достаточно активно ведутся исследования по изучению особенностей функционирования фразеологии в художественном тексте, в том числе в поэтическом. При этом усилия лингвистов направлены прежде всего на выявление особенностей функционирования узуальных фразеологических еди-

Кудрина Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: morra99@yandex.ru

ниц, способов их трансформации в поэтической речи, особенностей интерпретации в речи отдельных авторов. По нашему мнению, в современной фразеографии недостаточно разработана проблема функционирования поэтической фразеологии, являющейся неотъемлемой частью русской классической поэзии.

Среди исследователей поэтической фразеологии не существует единого мнения относительно сущности и признаков данного явления. Несмотря на то, что впервые термин «поэтическая фразеология» В. В. Виноградов употребил в работе «Стиль Пушкина» ещё в 1941 г. [Виноградов 1999], в научной литературе до сих пор имеет место терминологический разнобой в наименовании единицы поэтической фразеологии: «общепоэтические штампы», «фразеологический штамп поэтической речи», «поэтическая формула», «поэтическая номинация», «поэтический фразеологизм» и др.

Поэтические фразеологизмы являются самостоятельными единицами художественной речи и представляют собой «своеобразную синкретическую “пограничную” гибридную единицу художественной речи, совмещающую в себе свойства метафоры и перифразы, преимущественно используемую в художественном тексте» [Алещенко 1998: 49]. Номинируя объект речи, поэтические фразеологизмы передают его экспрессивно-эмоциональную оценку говорящим. В их основе лежат ассоциативные связи между предметами и явлениями, которые позволяют сблизить отдалённые понятия и отразить субъективное авторское восприятие действительности, что свойственно художественному мышлению [Григорьева 1964: 11–12; Рыньков 1975: 13; Иванова 1992: 23–24].

Поэтические фразеологизмы обладают такими признаками, как номинативность, раздельнооформленность, семантическая целостность, идиоматичность, образность, устойчивость, воспроизводимость, что сближает их с узуальными ФЕ, однако у сравниваемых единиц некоторые из названных признаков имеют разное содержание.

Во-первых, особо следует сказать о семантической целостности поэтических фразеологизмов. Компоненты узуальных ФЕ в большей мере теряют свою индивидуальность, чем компоненты поэтических фразеологизмов [Рыньков 1975: 15]. Поэтические фразеологизмы, как правило, сохраняют внутреннюю форму, потому что их внутренней формой служат коннотативные семы первичного значения. Один из компонентов поэтического фразеологизма обладает фразеологически связанным значением, которое он приобретает только в составе данной единицы, в то время как другие его компоненты могут сохранять своё прямое значение [Рыньков 1975: 16–17; Алещенко 1998: 41]. Тем не менее общее значение единицы не сводится к сумме значений составляющих её компонентов и является идиоматичным.

Во-вторых, поэтические фразеологизмы, в отличие от узуальных ФЕ, обладают лишь *относительной* воспроизводимостью и устойчивостью, т. к. устойчивым и традиционным у них является образ, создаваемый опорным компонентом. Поэтому под устойчивостью у поэтических фразеологизмов следует понимать ограниченность в лексико-семантической сочетаемости опорного компонента [Алещенко 1998: 50].

В-третьих, поэтические фразеологизмы, являясь единицами вторичной номинации, обладают яркой коннотативностью, причём экспрессия поэтического фра-

зеологизма определяется «степенью яркости лежащего в основе фразеологизма образа» [Григорьева 1969: 7].

Поэтические фразеологизмы наделены также определёнными дифференциальными признаками, которые отличают их от узуальных ФЕ.

1. Поэтические фразеологизмы принадлежат к ограниченному количеству тематических групп: они служат обозначением лица, пейзажа, войны, поэтического творчества, жизни и смерти, чувств и состояний человека [Григорьева, Иванова 1969: 21; Иванова 1992: 19–20].

2. Поэтические фразеологизмы могут принадлежать только к трём семантико-грамматическим классам (по классификации А. М. Чепасовой): предметным, процессуальным и качественно-обстоятельственным [Алещенко 1998], т. е. единицы именно этих классов выполняют функцию номинации предметов, процессов и их свойств и при этом несут в себе образ описываемого явления.

3. Поэтические фразеологизмы обычно имеют положительную коннотацию, в отличие от узуальных фразеологических единиц, которым чаще свойственна отрицательная коннотативная окраска.

4. Сфера функционирования поэтических фразеологизмов ограничена художественным текстом, хотя граница между поэтической и традиционной фразеологией открыта. Возможен переход поэтических фразеологизмов в общеязыковые вследствие расширения сферы функционирования последних, стирания образности, иногда десемантизации образного компонента. При этом книжный характер узуальных фразеологизмов, генетически восходящих к поэтической речи, отражается во фразеологических словарях при помощи стилистических помет «книжн.», «высок.», «поэт.», напр., во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» (составитель А. И. Фёдоров) [ФСРЛЯ 2001].

Одним из опытов систематизации поэтической фразеологии является работа О. И. Коуровой «Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» [Коурова 2001]. К сожалению, данное исследование, несмотря на глубину и яркость, не отражает исчерпывающе всю поэтическую фразеологию, функционирующую в русской литературе пушкинской эпохи.

Особое место среди словарей, отражающих особенности поэтической речи, занимает «Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.): более 4500 образных слов и выражений» Н. Н. Ивановой и О. Е. Ивановой [СЯП 2004]. В словаре систематизирован материал, извлечённый из текстов более 250 русских поэтов, что позволяет говорить о полноте охвата образных средств русской лирики. Объектом словарной систематизации, по словам авторов, «стали *образные средства языка поэзии — поэтические номинации*, т. е. сочетания слов и слова, имеющие в поэзии особый эстетический смысл, специфическую семантическую и экспрессивную нагруженность» [СЯП 2004: 7].

Всё многообразие поэтических фразеологизмов, выражающих образные представления об определённом денотате, составляет *поэтическую парадигму*. Так, поэтическая парадигма наименований любви, по данным словаря, включает 76 словесно-ассоциативных рядов образных речевых средств, наименований поэзии, поэтического творчества — 56 рядов и т. д. По мнению Н. Н. Ивановой, образная поэтическая парадигма имеет следующий вид. Слово-символ (напр., обозначение поэзии — *лира*) входит в «словесно-ассоциативный ряд речевых

средств выражения устойчивого словесного образа», или «тематический словесный комплекс» (применительно к поэзии — *арфа, волынка, лира, литагры, свирель, цевница* и др. [СЯП 2004: 396–397]). На основе слова-символа строится «синонимический ряд образных фразеологических средств» (*лира Аполлона, лира божественная, лира вдохновенная* и др. [СЯП 2004: 396]). Синонимические ряды, в свою очередь, включаются в образную парадигму (напр., для обозначения поэзии — *слово Муз, лира божественная, служенье муз* и др. [СЯП 2004: 394–401]). Словесно-ассоциативный ряд имеет ядро, которое составляют «наиболее частотные реализации семантической модели поэтической фразеологии», и периферию, которой принадлежат новые символы, вошедшие в словесно-ассоциативный ряд [Иванова 1992: 20–22].

Слово, лёгшее в основу поэтического образа, может стать наименованием разных реалий, если данный образ в представлении автора соответствует их свойствам. В качестве образной основы поэтических фразеологизмов чаще всего выступают такие слова, которые являются метафорами-символами и обладают диффузным значением (напр., *огонь, пламя, жар, пыл, свет* и др.) [Рыньков 1975: 27]. Способность образного слова вступать в разные парадигматические ряды зависит от степени обобщённости его лексического значения: чем более обобщённым является значение, тем в большем количестве парадигматических рядов слово может выступать как опорный компонент поэтических фразеологизмов [Кузьмина 1977: 25]. Для реализации образа, выраженного поэтическим фразеологизмом, необходим определённый поэтический контекст.

«Словарь языка поэзии» позволяет выявить такие образные средства, которые наиболее часто встречаются в поэтической речи. Напр., среди наименований любви частотными являются поэтические фразеологизмы *страсть нежная, жар любви, огонь любви, звезда любви*, которые функционируют в творчестве таких поэтов, как А. П. Сумароков, А. С. Пушкин, А. А. Фет и многих других. При этом фразеологические словари русского литературного языка не фиксируют данные единицы [ФСРЛЯ 2001; ФСРЯ 2003].

Словарь позволяет проследить, в каком направлении происходит развитие образной основы поэтических фразеологизмов, напр., за счёт включения в состав единиц новых компонентов. Так, при обозначении жизни, земного бытия в русской поэзии широко распространены такие образы, как *ад, круг, сон*, которые в творчестве русских поэтов XIX–XX вв. благодаря разным квалифицирующим компонентам функционируют в составе следующих поэтических фразеологизмов: *земной ад* (Ф. Сологуб); *сон бытия* (Н. Гумилёв), *сон земной* (В. Соловьёв, Ф. Сологуб); *круг жизни* (В. Жуковский, В. Соловьёв и др.); *круг мучительный* (И. Анненский) и др. [СЯП 2004: 164–166].

Словарь фиксирует и окказиональные поэтические фразеологизмы, которые создаются в речи отдельных поэтов на основе существующих в языке поэзии образных моделей. Это приводит к увеличению количества синонимических рядов образных фразеологических средств в рамках какой-либо парадигмы. Напр., на основе образного сочетания *время года* А. А. Ахматова создала единицу *пятое время года* — ‘любовь’ [СЯП 2004: 278]; Ф. И. Тютчевым на основе слова-символа *ковёр* создан поэтический фразеологизм *ковёр поэзии роскошный* — ‘поэзия’ [СЯП 2004: 401] и др.

Таким образом, «Словарь языка поэзии» Н.Н. Ивановой и О.Е. Ивановой даёт целостное представление о поэтической фразеологии, функционирующей в русской поэзии, и позволяет рассматривать данное явление как неотъемлемую часть фразеологической системы русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алещенко Е. И.* Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В.М. Гаршина и Н.С. Лескова): дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1998. — 195 с.
- Валгина Н. С.* Теория текста: учеб. пособие. — М.: Логос, 2004. — 280 с.
- Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. — М.: Наука, 1999. — 704 с.
- Григорьева А. Д.* Поэтическая фразеология конца XVIII — начала XIX века (именные сочетания) / Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. — М.: Наука, 1964. — С. 3–121.
- Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.* Поэтическая фразеология Пушкина. — М.: Наука, 1969. — С. 5–292.
- Иванова Н. Н.* Поэтические номинации в русской лирике. — М.: Наука, 1992. — 134 с.
- Коурова О. И.* Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи. — Шадринск: ШГПИ, 2001. — 196 с.
- Рыньков Л. Н.* Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX века (Послепушкинский период). — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. — 182 с.
- СЯП: Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.): более 4 500 образных слов и выражений / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова.* — М.: [АСТ и др.], 2004. — 666 с.
- ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Фёдоров.* — М.: Астрель: АСТ, 2001. — 720 с.
- ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка: свыше 10 тыс. фразеологизмов / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова.* — М.: Рус. яз.: Медиа, 2003. — 336 с.
- Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика / Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–231.

POETIC PHRASEOLOGY AS PHRASEOGRAPHIC OBJECT

N. V. Kudrina

Poetry is a special structural and functional system of linguistic signs. However, present-day phraseography has not promoted appropriate development of the functions of poetic phrases that are autonomous units of poetic speech. One of the best examples of systematic presentation of poetic phraseology is “The Dictionary of Poetic Diction (imagery stock of Russian poetry of the late 18th — early 20th c.c.)” containing over 4500 words and phrases. The dictionary is compiled by N. N. Ivanova and O. Ye. Ivanova. It gives systematic presentation of poetic imagery and a comprehensive picture of Russian poetic phraseology, and allows to treat the phenomenon as an integral part of Russian phraseological system.

Key words: poetic language, set phrase, phraseology.

ФРАЗЕОГРАФІЧНА ЕКСПЛІКАЦІЯ КОНОТАЦІЇ

В статті аналізуються способи експлікації коннотативності фразеологізмів в лексико- і фразеографічній практиці.

Ключевые слова: фразеологическая коннотация, лексикографическая и фразеологическая практика.

Конотація — мовна універсаль, форми якої залежать від специфіки значеннєвих одиниць тієї чи тієї мови та від правил їх комбінаторики й організації тексту. Подвійна природа даного лінгвофеномена обумовлена діалектичною опозицією його об'єктивного змісту, орієнтованого на когнітивну та кумулятивну функції мови, і суб'єктивної мовленнєвої природи (комунікативно-прагматичний аспект).

Незважаючи на визнання великої ролі конотації в семантичній структурі фразем, до цього часу не окреслені її параметри, а у фразеографічній практиці вона позначається недостатньо. Окремі зауваження з цього приводу знаходимо в роботах В. Білоноженко [Білоноженко 1989: 70–72], В. Говердовського [Говердовский 1982: 211–214], Т. Лиховидової [Лиховидова 1978], Л. Мельник [Мельник 1999: 73–78].

Аналізуючи деякі фразеологічні теорії у дзеркалі лексикографічної практики, В. Мокієнко, зокрема, підкреслює, що спроби описати специфіку семантики фразеологічних одиниць (ФО) призводять до визнання її 'комплікативності' й пошуків 'додаткового смислу', який відрізняє більшість фразеологізмів від маси лексем. В експериментальній фразеографії — особливо у словниках, націлених на кваліфікацію індивідуально-авторських уживань і трансформацій ФО, — експлікування такої семантичної додатковості певною мірою можливе. Досвід же традиційної фразеографії практично не демонструє семантичної специфіки ФО, підтверджуючи думку таких патріархів фразеології та фразеографії, як О. Кунін, про сумірність фразеологізму зі словом. Дефініції ФО не тільки в тлумачних, але й у власне фразеологічних словниках (як показує спеціальний аналіз) майже не відрізняються від дефініцій лексем. Винятком не є навіть дефініції зворотів із яскраво вираженою образністю й високою квотою ідіоматичності [Мокиенко 2000: 10].

Об'єктом наших спостережень обрано фразеографічну розробку конотації на-самперед діалектних фразеологізмів.

Конотацію часом визначають як імпліцитно існуючі в семантичній структурі фраземи суб'єктивні елементи, які виражають ставлення відображаючого суб'єкта до відображуваного фрагмента об'єктивної дійсності [Білоноженко 1989: 70]. Основні вимоги до словникової статті (стислість, відсутність стилістично забарвлених слів, етимологічних показників тощо) залишають за бортом, 'у підтексті' численні конотативи й, таким чином, збіднюють саму статтю, хоч частина

експресії — у нашому випадку фразеологізмів — у словниковій дефініції експлікується насамперед у вигляді показників високого ступеня ознаки, інтенсифікації дії: ‘надзвичайно’, ‘сильно’, ‘дуже’, ‘дуже сильно’, ‘найвищою мірою’, ‘занадто’, ‘зовсім’ та ін. Пор.: *ані гарампаш ‘зовсім нічого не мати’*; *весела як гермечка ‘дуже весела’*; *мати гонору по очі ‘бути занадто пихатим’*; *до ґрунту ‘повністю знищити’*; *впахати са до мышіа́чої діры ‘сильно засоромитися’*; *піти як дуга ‘надмірно пити’* [Вархол 1990: 38, 39, 42, 46, 50, 53].

Експресивні елементи, на які вказує дефініція ФО, можуть уноситися й через добір синонімів, як-от: лемк. *бра́ти як ба́ран на ро́гы* ‘брати багато, нахабно’, *оголі́ти без бры́твы* кого ‘обдерти, оголити, обікрасти’ [Вархол 1990: 19, 23]; сх.-слоб., сх.-степ. *як вб́к на зі́ркі*, з сл. дивітися, глядіти ‘зовсім, аніскільки (не розумітися на чомусь)’; *як з води́*, з сл. вірости ‘дуже, сильно, високо’ [Ужченко 1997: 32, 33].

У вигляді авторських зауважень, уміщених у дужках, функціонально-стилістичних ремарок, які складають разом глосу словникової статті, експлікуються (хоч і непослідовно) емоційно-оцінні та функціонально-стилістичні елементи конотації. Напр., у словнику М. Онишкевича останні представлені ремарками **звич.**: *вилучувати гроше́во* ‘давати гроші замість землі’; **етн.**: *від опира́ ради дати* ‘мати, вжити засоби проти упиря’; **астр.**: *пола́маний віз* ‘Ведмедиця’; **заст.**: *відході́ти під де́рном поле* ‘пройти поле з куском «морогу» на голові на знак присяги, що воно є власністю того, хто йде під «морогом»»; **церк.**: *Дани́л’а стовпника* ‘день св. Данила’ [Онишкевич, 1, 1984: 102–103, 116, 125, 133, 204].

На наш погляд, більш доцільно було б подавати вказівку на схвальне чи не-схвальне ставлення мовців до означуваного в дужках у складі дефініції, як це роблять, напр., автори Словника образних виразів російської мови (1995), оскільки оцінна навантаженість — провідний елемент семантики ФО. Див. також альтернативні способи експлікації конотації у Фразеологічному словнику (1966) Н. Батюк: *молоко на губах не обсохло* ‘про дуже молоду, недосвідчену людину (**зневажливо іронічне**)’, *одним миром мазані* ‘про людей з однаковими поглядами, рисами (**найчастіше з негативним відтінком**)’, *підпускати москаля* ‘брехати, обдурювати (**застаріле**)’, *пісок сипле́ться* з кого ‘про стару, немічну людину (**зневажл.**)’, *у ліс дивитися* ‘бути невдячним; залишатися вірним своїм колишнім переконанням, поглядам (**найчастіше вживається з відтінком осуду**)’ тощо [Батюк 1966: 68, 94, 124, 138, 139, 185].

При укладанні словникової статті мають враховуватися всі типи конотативної інформації, але на практиці переважає відображення уявлень носіїв мови, пов’язаних з експресивною й стилістичною оцінкою ФО в мовленні, і дуже слабо експлікуються інші типи конотації. Найбільше індикаторів семантичної й культурно-національної конотації знаходимо в словнику В. Ужченка. Вони використовуються автором на рівні глоси і являють собою: 1) **посилання на спосіб фразеологізації**: *плесті́ плеті́нку* ‘говорити неправду, обманювати’ (‘тавтологічне посилення семантики й експресії слова **плести**’) [Ужченко 1997: 98]; 2) **етимологічний індикатор**: *зав’язати́ очі́* ‘вийти заміж, одружитися’ («крім прямого значення прототипу, коли після заміжжя молодиця повинна була покривати голову, — пор. вирази *зав’язати голову, голівоньку, косу, коси; хустку*, — за О. Потебнею, слово **зав’язати** має ще й символічне значення: ‘знищи-

ти'. Зав'язати очі — тут первісно насунути низько хустку на очі») [Ужченко 1997: 90]; 3) **етнокультурний індикатор**: *бикі кр́сти*, етн. 'назва весільного обряду' («На другий день весілля гості стараються забрати зі столу молодих “бики” (пляшку шампанського, горілки, дві ложки, гілочки калини), а дружка й дружок повинні їх викупити, тобто виконати завдання тих, хто забрав “бики”, — заспівати, затанцювати тощо»); [Ужченко 1997: 21]; 4) **посилання на сферу первісного вживання**: *куці обійма́ти*, міліц. ('міліцейське') 'сидіти в засідці' [Ужченко 1997: 75]; 5) **індикатор локалізації**: *застовбі́чити місце у Кружілі́на в о́городі*, місц. ('город Кружиліна виходить на кладовище') [Ужченко 1997: 82]; 6) **пояснення значення слова-компонента ФО**: *одцибе́нювати ве́ршу* 'голосно говорити, кричати, повчати інших' («*верша*, зневажл. — рот») [Ужченко 1997: 27]; 7) **вказівка на доцільність уживання**: *на вербі́ знайти́* кого 'народити дитину' ('частіше в розмові з маленькими дітьми') [Ужченко 1997: 27]. Дуже часто між названими індикаторами конотації неможливо провести чітку межу. З одного боку, це пов'язано з дифузністю самого об'єкта експлікації: конотація ФО — переважно імпліцитна й має багато різновидів, а з іншого — відсутністю вироблених критеріїв і параметрів, за якими має здійснюватися її фразеографічний опис.

Функцію уточнення конотації виконує ілюстративна частина діалектних словників, подаючи реалізацію ФО в контексті. При відсутності глоси ілюстративні приклади є єдиною «конотативною опорою» дефініції. Напр., у ФО *на заборі́ розписа́тися* 'жити подружнім життям не зареєструвавшись, на віру' («Зійшлися, на заборі розписалися та й живуть. **Не так, як люди**») [Ужченко 1997: 54] фразовий контекст 'не так як люди' виводить на перший план конотативний компонент значення виразу, робить конотацію прозорою: ситуація оцінена негативно, тому що суперечить загальноприйнятим моральним устоям. Отже, ілюстративна частина може компенсувати недодану в дефініції та глосі конотативну інформацію, а також нюансує вибір ФО в процесі дискурсу. При цьому, як слушно зауважує В. Білоноженко, обсяг ілюстративного матеріалу обернено пропорційний дефініції та глосі: чим вони повніші й точніші, тим менше треба ілюстрацій для повної семантизації значення ФО [Білоноженко 1989: 72]. Оптимальний добір індикаторів конотації й висока якість ілюстративного матеріалу в словниках полегшує для їх читачів декодування найрізноманітніших фразеологічних контекстів і використання їх у власному мовленні.

Таким чином, фразеографічна діяльність пов'язана з інформаційною необхідністю. У словниках фіксуємо різні типи значень, а не просто значення ФО. Залежно від типу словника (тлумачний, перекладний, енциклопедичний тощо) змінюється як галузь знання, що фіксується, так і способи його представлення. Уведення різноманітних емотивних, оцінних, стилістичних характеристик і культурно-національних коментарів за допомогою позначок, ремарок є важливою вимогою для одномовних і перекладних тлумачних фразеологічних словників. У двомовних словниках, крім цього, має акцентуватися увага на розходженнях між конотаціями одиниць-відповідників, повинні подаватися широкі історико-етимологічні довідки (насамперед для ФО, що мають виразну культурно-історичну мотиваційну основу або позначають унікальні предмети, явища й ситуації, які притаманні якомусь одному із соціумів), може висвітлюватися країнознавчий аспект фразем тощо. Виразну культурно-національну спрямованість мають лінгво-

країнознавчі словники, проте вони не відбивають інших видів конотації. Словник українських фразеологізмів, побудований з урахуванням різних їх конотативних характеристик, допоміг би розширити систему позначок і обсяг коментарів тлумачних фразеологічних словників, доповнити важливою для мовців інформацією лінгвокраїнознавчий словник.

Визначення різних індикаторів фразеографічної експлікації конотації здійснене нами з операційною метою. Їх подальша деталізація й систематизація мають полегшити завдання комплексного представлення конотації фразеологізмів у словниках різного типу й допомогти при створенні конотаційного словника української фразеології, який є справою майбутнього й передбачає, на наш погляд, комп'ютерну репрезентацію, оскільки традиційний словник, який охопив би всі конотативні смисли ідіом, уявити важко.

ЛІТЕРАТУРА

- Батюк Н. О. Фразеологічний словник — К.: Рад. шк., 1966. — 235 с.
- Білоноженко В. М. Гнатюк І. С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів — К.: Наук. думка, 1989. — 156 с.
- Вархол Н., Івченко А. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини — Братислава: Словацьке пед. вид-во, 1990. — 259 с.
- Говердовский В. И. О предпосылках создания коннотационного словаря // Теоретические проблемы семантики и её отражения в одноязычных словарях. — Кишинёв: Штиинца, 1982. — С. 211–214.
- Лиховидова Т. В. Фразеографическое толкование коннотативного аспекта значения фразеологических единиц (на материале адвербиальных фразеологизмов современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук — М., 1978. — 27 с.
- Мельник Л. В. Конотація ареальних фразеологізмів та її відбиття в лексико- і фразеографічних працях // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка: Філологічні науки. — Луганськ, 1999. — №5. — С. 73–78.
- Мокиенко В. М. Фразеологические теории в зеркале лексикографической практики // *Frazeografia słowiańska: teoria i praktyka, tradycje, teraźniejszość, przyszłość: Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej Opole, 6–8 września 2000 r. / pod redakcją M. Bałowskiego i W. Chlebdy.* — Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2000. — S. 9–13.
- Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок, в 2 ч. — К.: Наук. думка, 1984.
- Ужченко В. Д. Фразеологічний словник східнословобанських і степових говірок Донбасу. — Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 1997. — 143 с.

PHRASEOGRAPHIC PRESENTATION OF CONNOTATIONS

L. V. Melnik

The article considers methods of analyzing set expressions connotations in lexicographic and phraseographic practice.

Key words: phraseological connotation, lexicographic and phraseographic practice.

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ЦЕННОСТЕЙ И АНТИЦЕННОСТЕЙ

Статья посвящена описанию фразеологизмов во Фразеологическом словаре ценностей и антиценностей. Аксиологическая составляющая фразеологизма раскрывается в словарной статье посредством его этимологизации, интерпретации образного основания и соотносением фразеологизма (или его компонента) с кодами культуры. Представленный метод описания фразеологизмов может быть использован в одноязычных и двуязычных словарях.

Ключевые слова: ценность, антиценность, аксиологическая фразеологическая диада, аксиологема, аксиологический вектор.

Фразеологический словарь ценностей и антиценностей представляет собой словарь нового типа, в котором отражены черты фразеологических, этимологических, культурологических и аксиологических словарей.

В каждом обществе формируется ценностное самосознание, система основополагающих идей, убеждений, представлений и идеалов. Это ценностное самосознание буквально пронизывает всё бытие человека, являясь для него ориентиром поведения, поступков и высказываний, предпочтений, оценки событий, отношения к окружающим. Ценности, идеалы и убеждения находят свое воплощение в языке и складываются в определенную «ценностную картину мира» [Карасик 2002: 167], которая отражается и во фразеологии. «Основные конвенциональные ценности и антиценности кодируются в сознании, в культуре социума и находят отражение в виде фразеологических диад» [Байрамова 2008: 300].

В качестве единиц смысла языка, фиксирующих ценности и антиценности, принимаются аксиологемы — «аксиологически заряженные понятия, отражающие различного рода ценности и антиценности» [Байрамова 2009а: 28].

Каждая фразеологическая диада включает в себя аксиологему, отражающую ценность, и аксиологему, отражающую антиценность, т.е. противоположность данной ценности. Напр., витальные (аксиологемы *Жизнь — Смерть*, *Здоровье — Болезнь*), социально-утилитарные (аксиологемы *Труд — Безработица* / *Лень / Отдых*), материально-утилитарные (аксиологемы *Богатство — Бедность*), гедонистические (аксиологемы *Счастье — Несчастье*), эмоционально-утилитарные (аксиологемы *Смех — Плач*), интеллектуально-познавательные (аксиологемы *Ум — Глупость*), нравственно-этические (аксиологемы *Правда — Ложь*), священные (аксиологемы *Родина — Чужбина*), религиозные (аксиологемы *Рай — Ад*) [Байрамова 2008].

В корпус Фразеологического словаря ценностей и антиценностей включаются фразеологизмы-идиомы, пословицы и афоризмы, отражающие указанные аксиологемы. Фразеологизмы-идиомы «сохраняют в языковой их памяти “вечные”

или исторические реалии, количественно или качественно приметные факты, а также события и явления, социально значимые для народа — носителя языка» [Телия 2006: 8]. Пословицы выражают народную мудрость, морально-нравственные установки и в сжатом виде излагают мнение народа о том или ином явлении. Афоризмы представляют собой субъективное мнение, суждение или оценку какого-либо явления; это видение мира определённой эпохи глазами современника и выражение мироощущения общества (или его части) в частном высказывании. Таким образом, фразеологизмы, пословицы и афоризмы фиксируют культурно значимые смыслы и ценности.

Фразеологизмы каждой из представленных выше аксиологем можно разделить на группы. Так, аксиологему «Труд» представляют следующие семантические группы: 1. 'работать усердно, с вдохновением' (*вкладывать душу* и др.); 2. 'выполнять работу быстро и легко' (*горит в руках, щёлкать как семечки* и др.); 3. 'настойчивость в работе' (*бить в одну и ту же точку, вода и камень точит* и др.); 4. 'работающий, не боящийся работы' (*ломовая лошадь, трудолюбив как пчела* и др.); 5. 'мастер своего дела' (*золотые руки, мастер большой руки* и др.); 6. 'работа хорошего качества, мастерская работа' (*филигранная работа* и др.); 7. 'участвовать в общем труде' (*внести свою лепту, приложить руку* и др.); 8. 'обеспечивать своё существование собственным трудом' (*есть хлеб не даром* и др.); 9. 'профессии' (*белые воротнички, люди в белых халатах* и др.); 10. 'начинать работу' (*войти в строй, забить первый колышек* и др.); 11. 'заканчивать, доделывать работу' (*выйти на финишную прямую, доводить до ума* и др.); 12. 'работать тяжело, напряжённо' (*в поте лица своего, не покладая рук* и др.); 13. 'тяжёлый труд, напряжённая работа' (*египетская работа, титанический труд* и др.); 14. 'иметь много работы, быть всегда занятым' (*хлопот полон рот, крутиться как белка в колесе* и др.); 15. 'бесконечная работа' (*бочка Данаид, сизифов труд* и др.); 16. 'работать без старания, кое-как, медленно' (*работать спустя рукава; шаг вперёд, два шага назад* и др.); 17. 'бесполезная работа' (*мартышкин труд, стрельба из пушек по воробьям* и др.); 18. 'выполнять бесплодную, бесполезную работу' (*в лес дрова возить, носить воду в решете* и др.); 19. 'не быть мастером, не обладать опытом' (*мастер кислых щей* и др.); 20. 'работа плохого качества' (*топорная работа* и др.).

Аксиологему «Безработица / Лень / Отдых» представляют следующие семантические группы: 1. 'безделье' (*сладкое ничегонеделание* и др.); 2. 'бездельничать, отлынивать от работы, заниматься пустяками' (*работать в бригаде Ваньки Шаталова, сидеть сложа руки* и др.); 3. 'не прилагать никаких усилий, ничего не делать' (*пальцем о палец не ударить* и др.); 4. 'бездельник, лентяй, пассивный человек' (*лежачий камень* и др.); 5. 'человек, создающий видимость активной занятости делом' (*деловой бездельник, кипучий лентяй* и др.); 6. 'бросить работу' (*бросить перо, перековать лемех на свайку* и др.); 7. 'отдыхать' (*почить от трудов праведных* и др.); 8. 'присваивать плоды чужого труда' (*жать, где не сеял; чужими руками жар загребать* и др.); 9. 'откладывать работу' (*отложить в долгий ящик* и др.); 10. 'не работать, жить праздно' (*даром хлеб есть* и др.); 11. 'быть безработным' (*служить у графа Ветрова* и др.).

Приведённые примеры репрезентируют ценности и антиценности, противопоставленные друг другу и объединённые «по наличию у них аксиологического

вектора (положительного или отрицательного), который может меняться» [Байрамова 2009б: 108–109].

Итак, Фразеологический словарь ценностей и антиценностей может состоять из аксиологических диад, включающих в себя две семантически противоположные аксиологемы, которые разделены на группы, состоящие из семантически близких фразеологизмов, пословиц и афоризмов.

Раскрыть аксиологическую составляющую фразеологизмов можно посредством их этимологизации, интерпретации их образного основания и соотнесением фразеологизма (или его компонента) с «кодами культуры — теми реалиями, которые человек уже наградил культурным смыслом и которые поэтому служат исходным материалом для культурного же осмысления образа фразеологизма» [Телия 2006: 13]. Таким образом, словарная статья во Фразеологическом словаре ценностей и антиценностей должна отражать этимологию, соотнесенность фразеологизма или его компонента с видами тропов, с кодами культуры, с ценностью или антиценностью.

В качестве иллюстрации интерпретации аксиологической составляющей фразеологизма приведём план словарной статьи Фразеологического словаря ценностей и антиценностей на примере фразеологизма *золотые руки*, входящего в семантическую группу «Мастер своего дела» аксиологемы «Труд».

1. Фразеологизм: **Золотые руки**.
2. Функционально-стилистическая помета: *одобр.*
3. Дефиниция фразеологизма: 'О том, кто умело и искусно всё делает, справляется с любой работой'.
4. Культурологический комментарий: а) этимологическая справка. Первоначальный смысл выражения прозрачен — «руки, которым нет цены, настолько они искусны в каком-л. деле». Затем так стали называть и мастера с умелыми руками.оборот известен всем славянским языкам, но отсутствует в немецком, французском и английском, что говорит о национальном своеобразии образа, лежащего в его основе [Бирх, Мокиенко, Степанова 2007: 418]; б) соотнесённость фразеологизма или его компонента с видами тропов и кодами культуры. Образ фразеологизма строится на сочетании метонимического отождествления части и целого (рук и человека) с метафорой, выражающей ценность рук умелого мастера посредством их сравнения с золотом. Через компонент *рука* образ фразеологизма соотносится с телесным (соматическим) кодом культуры и имеет дополнительное символическое значение «инструмента», используя который человек выполняет свою работу. Через компонент *золотой* фразеологизм соотносится с природно-вещным кодом культуры. Золото символически связывается во фразеологизме с идеей избранности, редкости, ценности мастера; в) соотнесённость фразеологизма или его компонента с ценностью или антиценностью. Фразеологизм выражает одобрительное отношение и уважение к человеку, владеющему мастерством, и, отражая ценность «Труд», маркируется положительным аксиологическим вектором.

Приведём также пример описания фразеологизма *мартышкин труд*, входящего в семантическую группу «Бесполезная работа» аксиологемы «Труд».

1. Фразеологизм: **Мартышкин труд**.
2. Функционально-стилистическая помета: *презр.*

3. Дефиниция фразеологизма: 'бестолковый процесс работы, бесполезные усилия, напрасные старания'.

4. Культурологический комментарий:

а) этимологическая справка. Выражение восходит к басне И. А. Крылова «Обезьяна» (1811), в которой речь идет о мартышке, позавидовавшей пахарю, работа которого вызвала одобрение окружающих. Мартышка, желая показать свое трудовое усердие, начала катать большой чурбан, однако похвал так и не дождалась, так как пользы от её «работы» не было [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 700];

б) соотнесённость фразеологизма или его компонента с видами тропов и кодами культуры. Образ фразеологизма строится на метафоре и соотносится с зооморфным кодом культуры, включающим устойчивое стереотипное представление о мартышке как о подвижном и глупом животном, любящем кривляться и повторять действия за другими;

в) соотнесённость фразеологизма или его компонента с ценностью или антиценностью. Мораль басни «Обезьяна» И. А. Крылова гласит: *Как хочешь ты трудись; / Но приобрести не лстись / Ни благодарности, ни славы, / Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.*

Следуя за моралью басни, фразеологизм выражает презрительное отношение к бесцельным действиям, не приносящим никакой пользы, и, отражая ценность «Труд», маркируется отрицательным аксиологическим вектором.

При составлении Фразеологического словаря ценностей и антиценностей автор опирается на положение о том, что фразеологизмы, пословицы и афоризмы сохраняют в своей языковой памяти исторические реалии, примечательные и знаковые факты и события в жизни народа-носителя языка. Выявление культурных слоёв, зафиксированных во фразеологизмах, пословицах и афоризмах, возможно при их соотнесении с концептами данной культуры.

Итак, новизна словаря состоит в методике отбора ценностей, а также в представлении языкового материала — словарной статье. Данный метод описания фразеологизмов может быть использован не только в одноязычных, но и в двуязычных словарях.

ЛИТЕРАТУРА

Байрамова 2009а: Байрамова Л. К. Аксиологический вектор фразеологизмов // Русская и сопоставительная филология. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. — С. 27–30.

Байрамова Л. К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика: в 2 т. Т. 1. Идиоматика и познание / под ред. Н. Ф. Алефиренко. — Белгород: БелГУ, 2008. — С. 298–302.

Байрамова 2009б: Байрамова Л. К. Родина и смерть в аксиологической парадигме // Филол. науки. — 2009. — № 3. — С. 103–110.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. — М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. — 926 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2006. — 784 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 331 с.

VOCABULARY ENTRY IN A PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF VALUES AND ANTI-VALUES

D. R. Moskalyova

The article deals with set expressions presentation in a phraseological dictionary of values and antivalues. Axiological constituent of a set expression in a vocabulary entry is revealed through its etymology, interpretation of its image, and its correlation with cultural codes. The method of set expressions presentation can be used both in unilingual and bilingual dictionaries.

Key words: value, antivalue, axiological phraseological dyad, axiologeme, axiological vector.

© 2011

М. В. Пименова, К. М. Богрова

ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена основным проблемам описания устойчивых единиц X–XI вв.

Ключевые слова: старославянский язык, устойчивые формулы, история языка.

Общеизвестно, что «исследование, а тем более словарное описание старославянской фразеологии — одна из самых нерешённых проблем русистики и славистики» [Мокиенко 2006: 5], в связи с чем трудно переоценить научную значимость толково-энциклопедического «Фразеологического словаря старославянского языка», изданного в 2011 г. в издательстве «Флинта-Наука» (424 с., 3000 экз.), — первого и пока единственного словаря, ставящего задачу «систематического описания фразеологического состава первого литературного языка славян» [Шулежкова 2011: 6]. «Фразеологический словарь старославянского языка» содержит описание свыше 500 единиц, причём это «только пятая часть фразеологического корпуса старославянского языка, выявленного в памятниках X–XI вв.» [Там же: 8].

Авторы-составители словаря — сотрудники Научно-исследовательской словарной лаборатории и преподавателям кафедры общего языкознания и истории языка МаГУ (С. Г. Шулежкова, М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, И. В. Петрова, В. Ф. Хайдарова, А. А. Осипова, А. Н. Михин, О. В. Франчук, И. С. Клинова.

Пименова Марина Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Владимирского государственного гуманитарного университета. E-mail: pimenova-vgru@yandex.ru

Богрова Ксения Михайловна — ассистент кафедры русского языка Владимирского государственного гуманитарного университета.

Д.З. Сулейманова, О.С. Климова, О.В. Гневэк) — в качестве источников используют древнейшие славянские рукописи X–XI вв., среди которых не только традиционно причисляемые к старославянским (Зографское четвероевангелие, Мариинское четвероевангелие, Ассеманиево евангелие-апракос, Саввина книга, Охридские глаголические листки, листки Ундольского, Боянское евангелие-апракос, Зографский палимпсест, Енинский апостол, Синайская псалтырь, Киевские листки, Синайский евхологий, Клоцов сборник, Супрасльская рукопись и др.), но и «неканонические» памятники (Новгородский кодекс первой четверти XI в. и Остромирово евангелие 1056–1057 гг.) [Там же: 9–15].

Как отмечает редактор словаря проф. С.Г. Шулежкова, объектом описания являются «сверхсловные языковые единицы, обладающие устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры, не исключающей вариантности; воспроизводимостью в качестве готовых единиц языкового общения; постоянным, закреплённым за данным словесным комплексом значением. Эти УСК могут иметь как переносное, идиоматическое значение, так и прямое, вытекающее из реальных значений компонентов» [Там же: 15–16].

«Фразеологический словарь старославянского языка» самим фактом своего существования решает многие проблемы исторической фразеографии, хотя остаются и дискуссионные вопросы, начиная с наименования древних устойчивых словосочетаний, которые обозначаются не только современным термином *фразеологические единицы* (см. название словаря), но и терминологическим определением *устойчивые словесные комплексы — УСК* [Там же: 16], [Ломов 1969: 16]. Исследователи XIX–XX вв. (В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, А.М. Пешковский, А.С. Орлов, В.П. Адрианова-Перетц, О.В. Творогов, Л.Я. Костючук, А.Н. Робинсон, Д.С. Лихачёв, Т.Н. Кандаурова, В.В. Колесов, Ф.Н. Двинягин, Е.М. Верещагин, О.П. Лопутько, Р. Пиккио и др.) предлагали также следующие наименования, подчёркивающие нетождественность древних единиц современным фразеологизмам: *неизменные / заученные / характерные / трафаретные выражения, цельные / застывшие / шаблонные сочетания, словесные / готовые / стойкие литературные формулы, традиционные устойчивые сочетания, устойчивые сочетания на метонимической основе, словесные «сращения», традиционные словосочетания-штампы, формулы-синтагмы, формулы-матрицы, коллокации, устойчивые формулы, «синсемические» комбинации слов, фигуры — figurae* и др. Безусловно, до сих пор не до конца решены вопросы, связанные с дихотомией фразеологической системы (устойчивость — неустойчивость, моделируемость — немоделируемость, имплицитность — эксплицитность, образность — безобразность, диахрония — синхрония [Мокиенко 1980: 5]), а также узким-широким пониманием состава фразеологии, сущностью её объекта, методикой выделения / выявления фразеологических единиц и критериями их отграничения от свободных словосочетаний (особенно по отношению к древним текстам), семантической и структурной классификацией УСК и под. Кроме того, не все учёные считают «освящённый традицией» формально-алфавитный порядок расположения фразеологизмов (УСК) эффективным для исторического словаря, поскольку, как указывает В.М. Мокиенко, данный порядок не даёт «полной возможности показать системные связи ключевых слов (носителей “антропоморфной” информации)» [Мокиенко 2006: 9], а также «разбрасывает» «близкие по

концепту, синтаксической структуре и вариантам вокабулы по удалённым друг от друга фрагментам словаря» [Там же: 9].

В заключение хочется выразить надежду, что работа над заполняющим «ощутимую лауну в системе славянских словарей» [Там же: 12] «Фразеологическим словарём старославянского языка» будет продолжена и научная общественность сможет познакомиться со всем объёмом древнейших славянских УСК (в «Проспекте» данного словаря говорится о 4 000 устойчивых словесных комплексов [Шулежкова 2006: 28]), а в разделе «От редактора» — о 4 500 УСК [Шулежкова 2011: 16]), дающем «комплексное представление о фразеологической системе раннего периода древнейшего книжного языка славян» [Мокиенко 2006: 12].

ЛИТЕРАТУРА

Ломов А. Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самарканд, 1969. — 33 с.

Мокиенко В. М. О словаре старославянской фразеологии // Фразеологический словарь старославянского языка: более 4 000 ед. Проспект / под ред. С. Г. Шулежковой. — М.; Магнитогорск: ЭЛПИС; МаГУ, 2006. — С. 5–13.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. — М.: Высш. шк., 1980. — 207 с.

Шулежкова С. Г. От редактора // Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ: отв. ред. С. Г. Шулежкова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — С. 3–24.

Шулежкова С. Г. Фразеологический словарь старославянского языка: источники, корпус единиц, структура словарной статьи // Фразеологический словарь старославянского языка: более 4 000 ед. Проспект / под ред. С. Г. Шулежковой. — М.: Магнитогорск: ЭЛПИС; МаГУ, 2006. — С. 13–32.

PHRASEOGRAPHIC PRESENTATION OF OLD SLAVONIC

M. V. Pimenova, K. M. Bogrova

The paper deals with the presentation of fixed units of the 10th — 11th centuries.

Key words: Old Slavonic language, fixed formulas, language history.

ФРАЗЕОПРЕДЛОГИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ
(ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье идёт речь о проблемах лексикографического описания фразеологических предлогов современного русского языка. На примере темпоральных фразеопредлогов анализируются словари, отражающие служебные части речи.

Ключевые слова: проблемы лексикографирования, служебные части речи, фразеологические предлоги.

В настоящее время лингвистической наукой накоплено немало знаний по исследованию семантических и грамматических особенностей предлогов (лексических и фразеологических). «Нынешняя эпоха развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха **семантики**, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определённой информации», — так определяет Ю. Д. Апресян значимость семантических исследований [Апресян 1995: 3].

Проблема состоит в том, что бурное развитие и изменения в лексико-фразеологической и грамматической системе современного русского языка не отражены в лексикографических изданиях должным образом во всём своём многообразии.

Попытки описания фразеопредлогов, конечно же, периодически предпринимаются. Так, напр., в «Словаре структурных слов русского языка» В. В. Морковкина мы находим толкование таких темпоральных предлогов, как *во время (чего)*, *вплоть до (чего)*, *в продолжение (чего)*, *в процессе (чего)*, *в течение (чего)*, *вместе с (чем)*, *в счёт (чего)*, *впредь до (чего)*, *в случае (чего)*, *вслед за (чем)*, *в ходе (чего)*, *на протяжении (чего)* и т. д. В словарной статье автор указывает, что это предлог, делает помету о том, с каким падежом предлог употребляется, даёт его толкование, приводит синонимы (если они имеются). Напр., «**на протяжении** — предлог с род. пад. (часто со словами *весь, целый, многие*). Употребляется при указании на временной отрезок, полностью занятый каким-либо действием, или событие, во всё время осуществления которого что-либо происходит. Синонимы — **в течение, в продолжение**» [Морковкин 1997: 206]. Бесспорно, автор постарался отразить в словарной статье всю информацию о предлоге и внёс определённый вклад в исследование фразеологических предлогов, однако представлен ещё не весь реестр служебных единиц. Следует учитывать, что создать такой словарь одному автору крайне сложно, так как в языке происходят постоянные изменения и корпус предлогов пополняется.

Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову, изданный Р. П. Рогожниковой, вносит определённый вклад в описание фразеопредлогов, но главное внимание автор уделяет лексическим предлогам [Рогожникова 2003]. Следует

Суровцева Светлана Ивановна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков, доцент кафедры иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: svetlana_shok@mail.ru

отметить «Словарь фразеологических предлогов современного русского языка», который попытался обобщить накопленный челябинскими исследователями богатый материал по исследованию предлогов. Каждая статья в нём несёт в себе информацию о том, с каким падежом употребляется фразеопредлог, каково его субкатегориальное значение, групповое, подгрупповое и индивидуальное значения; какова его конкретная семантика. Каждая статья снабжена иллюстративным материалом из художественных произведений, газет, журналов. Напр., «в канун — фраз., с род. п. 1. Употребляется при указании на обстоятельственные отношения. 1.1. При указании на временные отношения. 1.1.1. При указании на события, явления, действия, которые совершаются в преддверии значительного, знаменательного события. *Говорить в канун Нового года. Сказать в канун юбилея. Подведение итогов состоится 8 Марта.* Деловой Урал, 2000, январь» [Шиганова 2008: 35]. В словаре чётко прослеживается научно-системный подход к описанию единиц данного класса, представлена иерархичность сем.

Фразеологические предлоги обозначают зависимость имени от другого слова, т. е. выполняют функцию предлога и имеют значение предлога. Напр., *в день (чего), к моменту (чего), на исходе (чего), начиная от (чего), в часы (чего), незадолго до (чего), на закате (чего), со времени (чего), с момента (чего), под занавес (чего), к периоду (чего), в возрасте (чего), к середине (чего), со дня (чего), в глубь (чего), в годы (чего), в дни (чего), в итоге (чего), в канун (чего), в миг (чего), в момент (чего), в период (чего), за время (чего), за годы (чего), на время (чего), на излёте (чего), с конца (чего), до середины (чего), с приходом (чего), с течением (чего) и т. д.* Фразеологизмы данного класса в основной своей массе однозначны, характеризуются определённой, поэтому делают нашу речь понятной и недвусмысленной. По мнению В. В. Виноградова, фразеологические предлоги удваивают и усиливают лексико-грамматическое значение предлога. Напр., *к концу* — «к», *за годы* — «за», *во время* — «в», *к моменту* — «к», *на время* — «на» и т. д. Ср.: *выполнить задание к апрелю* и *выполнить задание к концу апреля, конференция состоялась в 2004 году* и *конференция состоялась в начале 2004 года* и т. д.

На практике любые словари очень помогают в работе над той или иной темой, и многообразие словарей указывает только на то, что исследования постоянно проводятся, и отражаются их результаты в различных справочных изданиях. Тем не менее, бывает трудно, а порой и невозможно найти фразеологические предлоги в лексикографических трудах, такие, напр., как *со дня (чего), на излёте (чего), на пороге (чего), с приходом (чего), с наступлением (чего), с даты (чего), к периоду (чего)* и т. д. Толкование данных единиц делается самим автором на основе значений, которые вытекают из значений компонентов, составляющих фразеопредлог.

Частотность употребления предлогов намного выше по сравнению с другими служебными частями речи, что должно быть отражено в активном словаре, однако полномасштабное описание предлогов в толковых словарях — дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1995. — Т. 1. — 472 с.

Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис / Ускоренный курс. На французском языке. — М.: Высш. шк., 1991. — 299 с.

Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским: учеб. пособие. — изд. 4-е, стер. — М.: КомКнига, 2006. — 264 с.

Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачёва Г. Ф. Словарь структурных слов русского языка. — М.: Лазурь, 1997. — 420 с.

Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. — М.: Рус. яз., 1991. — 107 с.

Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1 500 устойчивых сочетаний русского языка — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 416 с.

Словарь лексических и фразеологических предлогов современного русского языка: 354 ед. / под ред. Г. А. Шигановой. — Челябинск: ЧГПУ, 2008. — 232 с.

Тер-Авакян Г. А. Значение и употребление предлогов во французском языке: пособие по грамматике для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1983. — 240 с.

Чепасова А. М. Фразеология русского языка. — Челябинск: ЧГПУ, 1993. — 215 с.

Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. — Челябинск: ЧГПУ, 1983. — 93 с.

Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. — М.: Наука, 1967. — 280 с.

Шиганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: моногр. — Челябинск: ЧГПУ, 2001. — 454 с.

TEMPORAL PHRASEOLOGICAL PREPOSITIONS (LEXICOGRAPHIC ASPECT)

S. I. Surovtseva

The article deals with lexicographic interpretation of modern Russian phraseological prepositions. Using temporal phraseological prepositions as an example the author analyzes dictionaries presenting formal parts of speech.

Key words: lexicographic issues, formal parts of speech, phraseological prepositions.

ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматриваются проблемы, возникающие в процессе фразеографической разработки грамматических фразеологизмов — предлогов, союзов, частиц и связок. В связи с релятивным, несамостоятельным характером значения обосновывается необходимость отражения в словаре функциональных, коммуникативно-прагматических, конструктивных, текстообразующих и системных семантических свойств служебных фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеографирование грамматических фразеологизмов, релятивное значение.

Грамматические фразеологизмы (предлоги, союзы, частицы, связки) являются необходимой частью языковой системы, но при этом качественно отличаются от единиц с номинативной семантикой, поэтому разработанные в лингвистике способы толкования значений (понятийный, синонимический, отсылочно-деривационный, описательный и др.) не вполне подходят для словарного представления грамматических единиц.

Номинативные единицы языка имеют значение, в котором тесно спаяны лексическое и грамматическое, причём первое преобладает, а второе сопровождает, уточняет, «накладывается» на лексическое. В релятивных значениях служебных слов грамматический компонент является первичным, доминирует над содержательным; сложность и недостаточную разработанность этой проблемы отмечал В. В. Виноградов: «Не может считаться достаточно изученным вопрос о характере соотношений и взаимодействий лексических значений с грамматическими у разнообразных типов предлогов, союзов, частиц и других разрядов служебных слов» [Виноградов 1977: 165]. Дополнительная трудность состоит в том, что фразеологизмы являются раздельнооформленными образованиями и на формирование целостного значения единицы оказывают влияние семы слов, ставших генетическими источниками компонентов грамматических единиц.

Релятивный, несамостоятельный характер грамматических единиц обуславливает необходимость отражения в словаре функциональных, коммуникативно-прагматических, конструктивных, текстообразующих и других свойств, релевантных для конкретного типа грамматических фразеологизмов.

Грамматические фразеологизмы выражают субъективно-объективное отношение говорящего к явлениям и событиям, происходящим в реальной действительности, поэтому возрастают требования, предъявляемые к иллюстративному материалу. Он должен не только подтвердить толкование, указать на особенности включения заголовочной единицы в контекст, но и выявить информационный потенциал грамматического фразеологизма, то содержание, которое говорящий (пишущий) стремится передать адресату сообщения. Значимые для передачи грамма-

Усачёва Наталья Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: NBUsacheva@yandex.ru

тической информации части контекста должны быть выделены другим шрифтом или подчеркнуты. Семантика грамматических единиц проявляется только при функционировании, в большой степени зависит от синтаксического окружения: значение фразеологических предлогов проявляется только в подчинительном словосочетании, предлоги отражают тип отношения зависимого слова от главного; фразеологические союзы показывают зависимость синтаксических единиц на уровне предложения; фразеологические частицы, передавая оттенки субъективно осмысливаемого значения, относятся к слову, словосочетанию, предложению; фразеологические связки выражают отношение субъекта к предикату, модифицируют модальное содержание основной части составного сказуемого.

На наш взгляд, обобщённый характер содержания грамматических фразеологизмов делает необходимым включение в словарь информации о системных семантических связях единицы, как внутренних, так и внешних. Семантические оппозиции позволяют интегрировать служебные единицы языка в однородные подклассы, внутри которых кристаллизуется индивидуальное значение грамматических фразеологизмов, позволяющее передать тончайшие оттенки отношений, дифференцировать функциональную нагрузку данной единицы от подобных ей в том или ином отношении. Семантические соответствия и противопоставления в сфере служебной фразеологии очень важны, так как передаваемая ими информация имеет чрезвычайно абстрактный характер, несопоставимый с семантикой даже самых отвлечённых номинативных слов и фразеологизмов. Сведения о семантических оппозициях, в которые вступают грамматические фразеологизмы, будут необходимы, чтобы решить проблему, поставленную В.М. Мокиенко, который заметил, что существует «...острая нехватка специальных славянских фразеологических словарей, отражающих названные выше системные параметры, — синонимические, антонимические, идеографические, тематические, фразеобразовательные и т. п.» [Мокиенко 2000: 12].

Сложную задачу представляет собой отбор материала. С одной стороны, научная достоверность, запросы компьютерных средств обработки лингвистических фактов и стремление к полноте описания грамматических фразеологизмов диктует охват как можно большего количества единиц. С другой стороны, ориентация на широкого читателя (не только лингвистов, но и преподавателей русского языка, аспирантов, студентов, переводчиков и др.) предполагает ограничения в выборе единиц и параметров описания, важнейшие из которых следующие: частотность использования грамматического фразеологизма в речи, степень важности и актуальности выражаемого единицей смысла, наличие живых системно-семантических отношений с другими единицами, стилистическая характеристика единицы и др.

Актуальность фразеографической разработки грамматических фразеологизмов несомненна, т. к., активно участвуя в построении речи, служебные единицы языка передают важнейшие оттенки смысла, характеризуют устанавливаемые говорящим связи и отношения, т. е. выражают рациональную и эмоциональную оценку говорящим субъектом тех предметов, признаков, процессов, о которых идёт речь. Специфика материала делает необходимым отражение в словаре функциональных, коммуникативно-прагматических, конструктивных, текстообразующих и системных семантических свойств грамматических фразеологических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 162–189.

Мокиенко В. М. Фразеологические теории в зеркале лексикографической практики // Frazeografia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, teraźniejszość, przyszłość. — Opole: Uniwersytet Opolski, 2000. — С. 9–13.

DICTIONARY PRESENTATION OF GRAMMATICAL SET PHRASES

N. B. Usachyova

The article deals with the issues concerning phraseographic processing of grammatical set phrases, such as prepositions, conjunctions, particles, and link verbs. Since the meaning of the units under study is relative and dependent it is necessary to present grammatical set phrases in a dictionary with regard to their functional, communicative, pragmatic, structural, text-forming, and semantic properties.

Key words: phraseographic presentation of grammatical set phrases, relative meaning.

© 2011

М. Л. Хохлина

ИНОКУЛЬТУРНАЯ ФРАЗЕМА КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье поднимается проблема необходимости полного и комплексного фразеологического описания инокультурных фразем. Анализируются данные современных фразеологических словарей и отмечается, что фразеисточники не отражают полной картины функционирования в русском языке таких единиц. Указываются пути пополнения корпуса фразем с инокультурным компонентом.

Ключевые слова: фразема, инокультурный компонент, функционирование, репрезентация.

Современные когнитивно-дискурсивная и лингвокультурологическая парадигмы научных изысканий в области фразеологии существенным образом определяют изменения в тенденциях фразеологического описания. В настоящее время фразеографы уверенно движутся по пути толкования фразем в соотношении языка, познания и культуры. Доказательством тому являются, напр., «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телии [БФСРЯ 2006] и «Фразеоло-

Хохлина Мария Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета. E-mail: hohlina2004@yandex.ru

гический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых [ФСКПРИ 2008].

Взгляд на единицу фразеологической системы как вербализованный культурный знак делает обязательными элементами фразеографического описания, помимо традиционной интерпретации фразеологического значения и примеров контекстного употребления, такие типы информации, как: (А) функционально-коммуникативное своеобразие фраземы, (Б) лингвокультурологическая характеристика, (В) лингвопрагматический потенциал, (Г) когнитивная база (репрезентацией какого концепта данная фразема является, за счёт каких ассоциативных средств сохраняется в активной зоне языкового сознания и т. п.). Подобная многоаспектность позволит потенциальному пользователю словаря получить максимальное представление о месте и роли той или иной фразеологической единицы в этнокультурной языковой картине мира. Каждое языковое образование обладает лингвокультурной ценностью: «всё, что вербализуется знаками естественного языка, поскольку фильтруется речемышлением и отбирается сознанием, оказывается культурно значимым» [Алефиренко 2002: 25].

Инокультурные фраземы, своеобразие которых состоит в отражении восприятия членами данного лингвокультурного сообщества внешнего («чужого») мира в сопоставлении с внутренним («своим»), заслуживают, на наш взгляд, в плане фразеографирования особого внимания.

Однако данные современных фразеологических словарей не отражают полной картины функционирования в русском языке инокультурных фразем, неизвестен удельный вес таких единиц, их парадигматические свойства, коммуникативно-прагматический потенциал и др.

Сопоставив представленный в различных словарях материал, мы обнаружили, что самое большое количество инокультурных фразем зафиксировано во «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова (ФССРЛЯ) — около 150 единиц. Такой объём знаков косвенно-производной номинации формируется в основном за счёт фразеологических единиц с инокультурным топонимическим или этнонимическим компонентом. При этом топонимы и этнонимы выражают знания о реальных, объективных свойствах или атрибутах другого народа или его территории. В большинстве случаев такое реальное знание характеризует особенности материальной культуры и репрезентируется в тематических сферах «Предметы быта» (*китайский фарфор, шведские спички*), «Растения» (*китайский орех, шведская рябина*), «Животные» (*датский дог, монгольская лошадь*), «Пища» (*венская сдоба, французский хлеб*) и др. Так, во ФССРЛЯ представлены следующие единицы с компонентом *финский*: *финский дом* — ‘деревянный стандартный дом, собирающийся из специально приготовленных и подогнанных на заводе деталей’, *финская лошадь* — ‘северная порода лошадей, распространённая в Финляндии’, *финский нож* — ‘короткий нож с толстым клинком, носимый в ножнах’, *финские санки (сани)* — ‘сани, представляющие собой стул, укреплённый на длинных металлических полозьях’ и некоторые др. Названные единицы являются результатом когнитивно-дискурсивной деятельности, осуществляемой этноязыковым сообществом в отношении «чужого» культурного пространства. Тот или иной предмет реального мира, получающий «чужеродную» номинацию, воспринимается представителями этнокультуры как

нехарактерный для неё, особый, отличающийся по ряду признаков. Для определения пути формирования фразеологического значения необходимо погружение в источник смыслового содержания — инокультурный дискурс — и обнаружение тех продуктов когнитии, с которыми соотносится данный языковой знак.

Однако такого рода информация не входит в объём словарной статьи ФССРЛЯ. Отсутствие подобных выражений во фразеологических словарях нового типа объясняется, на наш взгляд, тем, что в вокабуляр таких изданий попадают, прежде всего, дискурсивные идиомы, на примере которых можно проследить генетическую связь мышления и языковой единицы, выявить дискурсивно-событийные стимулы формирования фразеологического значения, установить источник его поддержки языковой памятью. Напр., лингвокультурологической интерпретации в БФСРЯ подвергается фразама *открывать (открыть) Америку (Америку)* — ‘делать открытия, на самом деле давно и всем известные, и громко заявлять об этом’. Указывается генетический дискурс данного выражения — реальное историческое событие, связанное с открытием 28 октября 1492 г. Х. Колумбом Америки. Определяется образное основание единицы — противопоставление «свое пространство — чужое пространство». Компонент *открывать / открыть* соотносится с антропным кодом культуры, компонент *Америка* — с пространственным кодом как имя, обозначающее членение земного пространства. Совокупность компонентов соотносится также с временным кодом как обозначение временного параметра в истории человечества [БФСРЯ 2006: 505]. Фразама является знаково-символическим средством, при помощи которого объективируется когнитивная информация о псевдооткрытии чего-либо общеизвестного, выдаваемого за событие мирового масштаба.

Список языковых образований, которые представляют собой инокультурные феномены как результат интеллектуально-эмоционального отражения «чужой» действительности, может быть расширен. В частности, в полном объёме фраземы с инокультурным компонентом *Америка, американский, американец* представлены следующими единицами: *Америка для американцев* — устар. публ. ‘В дела американских континентов нельзя допускать вмешательства’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 23], *тихий американец* — ирон. ‘О внешне обычном человеке, который выдаёт себя за туриста, предпринимателя и т. п., но работает на секретные службы своей страны’ [ЭСКСВ 2005: 346], *американский дядюшка* — шутол.-ирон. ‘О неожиданной (обычно финансовой) помощи или человеке, её оказывающем’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 215], *американская мечта* — ‘комплекс ценностных ориентиров граждан США, их «американская идея»’ [ЭСКСВ 2005: 48], *поехать в Америку гонять чертей по берегу* — диал. шутол.-ирон. ‘О человеке, эмигрировавшем в Америку’, *американское золото* — ‘сорт латуни, представляющий собой сплав меди с цинком’.

Фразеографической закреплённости не получила единица *американский юмор*, которая, по нашему мнению, как и фразама *английский юмор*, может быть включена в корпус инокультурных знаков косвенно-производной номинации и получить следующую толково-культурологическую характеристику: *американский юмор* — ирон. пренебреж. ‘юмор, не содержащий скрытого смысла, пошлый, натуралистичный, тупой’. Фразама кодирует стереотипное представление носителей русского языка о лингвокультурных особенностях американцев. Сле-

дует отметить, что когнитивное пространство, в котором зародился данный лингвокогнитивный феномен, состоит из ассоциативно-смысловых связей и отношений, возникающих в процессе межкультурной коммуникации, в частности, при просмотре американских комедий типа «Тупой и ещё тупее», «Кое-что о Мэри», «Не грози южному централу...» и др. Напр.: *Где-то я читала, что киносцена, где люди кидаются тортами, в каком-то году была признана самой смешной... Бывает, что действительно смешно, однако такой юмор... ну, туповат. И не забудьте признаться в самых смешных казусах в вашей жизни в стиле американского юмора* (http://gorod.tomsk.ru/radio_1232592509.php). Продукты рефлексии относительно ценностной модели американского поведения интегрируются в смысловую структуру фраземы *американский юмор* — ‘ироничный’, ‘прямой’, ‘высмеивающий глупости’, ‘абсурдный’, ‘низменный’ и др. В когнитивной базе формирования фразеологического значения лежит противопоставление «Своего» и «Чужого». *Американский* воспринимается как «чужой», аксиологически негативно заряженный компонент, предполагающий отрицание такого типа юмора как свойственного лингвокультурному сообществу русских. Употребляясь в разговорном дискурсе, фразема приобретает коммуникативно-прагматические свойства — выражение устойчивого отрицательного эмоционально-оценочного отношения к определённому рода шуткам.

В современной русской речи активно употребляется целый ряд единиц, которые не получили отображения во фразеологических словарях, однако по признакам устойчивости, воспроизводимости и структурно-семантической целостности приобретают характер идиоматических выражений. На наш взгляд, в состав инокультурных фразем могут быть включены единицы типа *американская улыбка, голливудская улыбка, турецкая баня, финское качество, французский поцелуй, еврейский звонок, греческий профиль* и др. Как правило, подобные выражения представляют собой двухсловные атрибутивные конструкции, между компонентами которых устанавливаются разные типы отношений, в основном — это сочетания, где происходит смысловой сдвиг атрибутивного компонента.

Сферой появления в языке новых инокультурных фразем нередко является дискурсивное пространство СМИ. Так, в связи с распространившейся несколько лет назад в Китае эпидемией, активно обсуждаемой на страницах прессы и по телевидению, возникает устойчивое выражение *китайская болезнь* в значении ‘атипичная пневмония’. Напр.: *«Неужели всё же атипичная пневмония добралась до России?!» — гадают медики. 4 мая в Амурскую областную инфекционную больницу был госпитализирован 25-летний молодой человек, состояние которого вызвало у медиков серьёзные подозрения в том, что он заражён «китайской болезнью»* (Московский комсомолец, 06.05.2003). Единица *китайская болезнь* образуется по активно действующей в языке структурно-семантической модели. Сравните: *французская болезнь* (‘сифилис’), *английская болезнь* (‘рахит’), *немецкая болезнь* (‘гипотония’).

Таким образом, инокультурные фраземы, представленные в современных фразеологических словарях единичными фактами, должны получить системное и полное описание, что позволило бы представить цельную картину функционирования знаков косвенно-производной номинации, возникающих в языке в результате процесса отражения знаний о «чужом» культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. — М.: Academia, 2002. — 394 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. — М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. — 926 с.

БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2006. — 784 с.

ФСКПРИ: Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. — М.: ЭЛПИС, 2008. — 472 с.

ФССРЛЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. — М.: Флинта: Наука, 2004.

ЭСКСВ: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. — М.: Локид-Пресс, 2005. — 880 с.

FOREIGN PHRASEME AS AN OBJECT OF PHRASEOGRAPHIC PRESENTATION

M. L. Khokhlina

The article considers the necessity of comprehensive phraseographic presentation of foreign phrasemes. The author, analyzing the data of contemporary phraseological dictionaries, notes that they do not give a complete picture of such units' functions in the Russian language. The article presents the ways of replenishing the corpus of phrasemes containing foreign culture components.

Key words: phraseme, foreign culture component, functioning, representation.

ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ И СПРАВОЧНИКАХ

© 2011

Л. Ю. Астахина

О ДОСТОВЕРНОСТИ ЛЕКСИКИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Статья посвящена вопросам достоверности русской лексики в лексикографических источниках. Источниковедческие и лексикологические разыскания лексикографов-историков, которые при создании словаря не имеют права пропустить ни одной лексемы из имеющихся у них источников, приводят к выявлению массы слов и словосочетаний (их уже более 150), никогда не существовавших в языке. Это обусловлено характером источников, расписанных для исторического словаря, в которых уделялось недостаточное внимание к воспроизведению в печати особенностей древнего языка.

Ключевые слова: источник, достоверность, слово-призрак, псевдогапакс, лингвистическая информационность, лексикография.

Основной базой «Словаря русского языка XI–XVII вв.» является Картотека древнерусского языка (КДРС), существующая официально с 1925 г. Основателем её был акад. А. И. Соболевский, вложивший более 100 тыс. карточек — выписок из различных рукописных и опубликованных памятников письменности [История картотеки 2001]. Сейчас она насчитывает около 2 млн. карточек, но в Словарь, помимо материалов КДРС, включаются и языковые единицы из новых публикаций древних памятников, особенно если они сопровождаются словоуказателями.

По мере продвижения к концу алфавита в Словарь попадает всё большее количество слов, которых никогда не было в русском языке. Они появились в определённых условиях работы с рукописными источниками. В настоящее время накопилось более сотни таких слов-призраков, как их назвала О. С. Ахманова [Ахманова 1966]. Инструкция для составителей запрещает вносить в корпус Словаря испорченные слова, но встаёт вопрос о том, как их представить, чтобы в будущем исследователи не проделывали той работы, которая уже выполнена, и наука доказала, что такие слова (псевдогапаксы) не употреблялись в языке. Псевдогапаксы встречаются в изданиях рукописей, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского [Срезневский 1893–1903], в «Словаре церковнославянского языка» А. Х. Востокова [СЦРЯ 1847], в региональных словарях, в словоуказателях, сопровождающих публикации. В рукописях слов-призраков немного, гораздо больше их обнаруживается в изданиях памятников. Большинство изданий

Астахина Людмила Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. E-mail: lastakhina@yandex.ru

памятников, расписанных для КДРС, осуществлялось историками, которые были заинтересованы в накоплении материала для создания истории России.

О достоверности отражения древнего языка, возможно, впервые задумался К. Ф. Калайдович, который внимательно прочитал первый том «Собрания государственных грамот и договоров» (СГГД), изданный в 1813 г., и нашёл там массу погрешностей в сравнении с рукописями. В своём письме на имя Н. Н. Бантыш-Каменского он не только указал на неверно переданные слова, но и предложил некоторые решения. Все замечания, писал он, «относятся к погрешностям против палеографии, в которой каждое слово, всякая буква, не так поставленная, есть уже преступление. Возможная точность, не допускающая никаких перемен в подлиннике, есть важнейшее оной достоинство» [Калайдович 1814: 8–9]. Он полагал, что «для вернейшего соблюдения сих правил нужно бы отлить и употреблять <...> особые буквы, теперь вышедшие из употребления <...> Без сохранения сих правил к чему послужит такое издание, которым хотят приучить молодых людей к палеографической точности? Оно не даст о ней никакого понятия» [Там же: 11].

Ознакомившись с этим письмом, канцлер Н. П. Румянцев потребовал опубликовать это письмо и «выдавать следующие части со всею буквальною точностию текстов», что и было сделано во II томе СГГД, который вышел в 1819 г. под наблюдением К. Ф. Калайдовича и его помощника П. М. Строева. Однако в III томе директор Архива Коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновский написал: «Недавнее время, к которому относятся сии акты, заставило допустить только ту перемену, что при печатании их не наблюдалась прежняя затруднительная точность в буквах, ныне из употребления вышедших; а при том и ненужные в гражданской азбуке титла исключены» [СГГД, III, 1813: II].

И тогда К. Ф. Калайдович сформулировал правила издания рукописей в своём Доношении А. Ф. Малиновскому 10 января 1821 г. Приводим эти правила по рукописному подлиннику.

«При печатании III части Государственных грамот и договоров Комиссия, обязанная руководствоваться некоторыми особенными правилами, представляет свои мнения, в 5-ти параграфах состоящие, на благоусмотрение Вашего превосходительства. В плане сего издания предполагается следующее:

1) исключить все сокращения равно и буквы, не находящиеся в гражданской азбуке,

2) удерживать в подлинниках (это слово вставлено автором над строкой — Л.А.) слова и речения неприкосновенными касательно старинной грамматической оных перемены,

3) в бумагах же, взятых из Миллеровых портфелей, и других списках допустить (под этим словом зачёркнуто *удержать* — Л.А.) совершенно ныне употребляемые грамматические изменения,

4) собственные имена и нарицательные в подлинниках и списках должны быть сообразно оригиналам,

5) славянские цифры во всём издании оставить неприкосновенными.

Касательно же печатания в подлинниках тех слов и имён собственных, которые в оных имеют двоякий выговор и начертание, как напр., *великого* и *великаго*, *Ермогенъ* и *Гермогенъ* и им подобных, Комиссия испрашивает разрешение Вашего превосходительства» (РНБ, ф. 328 Калайдович, ед. хр. 271, л. 1–1 об.). Как ви-

дим, основное внимание здесь уделялось достоверному отражению исторических фактов, а о достоверности отражения особенностей древнего языка говорилось мало.

Теперь представим, как готовились рукописи к изданию. Здесь поможет выдержка из неопубликованного письма акад. А. И. Соболевского к акад. А. А. Шахматову 1884 г.: «Кажется, что переписчик списывает не особенно точно, т. е. опускает титла и надстрочные буквы пишет в строку. Вследствие этого желательно было бы, чтобы он при продолжении работы (пусть он продолжает и списывает другой №, указанный мною) был бы более точен и сохранял по возможности все особенности оригинала <...> Не имеется ли у Вас в виду ещё другой переписчик?» (СПб. отд-ние Архива РАН, ф. 134, оп. 3, № 1429, л. 1). Из этого письма ясно: А. И. Соболевский посмотрел, что ему даёт переписчик, — человек, приглашённый написать гражданскими буквами древнюю рукопись.

Когда в издании «Переписной книги города Москвы 1665–1676 г.» (М., 1886) встретилась запись «Двор суслени Федора Матвѣева» (с. 133) под 1670 г., возникло подозрение в неточной передаче текста рукописи. Действительно, в рукописи слово *суслени* было слегка подчеркнуто карандашом. О чём это говорит? Переписчик засомневался в правильности чтения этого места рукописи, но, видимо, ему никто не помог разобрать неясное слово. Наше обращение к той же рукописи привело к другому чтению этого места.

Изучив лингвистическую информационность данного рукописного источника (РГАДА, ф. 210, оп. 7а, Дела разных городов, ед. хр. 4, л. 188), можно было прочитать это место иначе: *Двор суконни Федора Матвѣева*. В слове *суконника* слог *-конн-* (с выносным *н*) прочитан как *-слен-*, а слог *-ка* оказался недописанным, поэтому следует читать *суконни<ка>*. Лингвистическая информационность рукописи показала, что писец нигде не употребляет так называемое «лежачее» Е, две же кривоватые вертикальные черты складываются в букву К, а значит, переписчик принял сочетание букв *ко* за *сле*, выносную же букву *н* в верхнем междустрочии можно было легко прочитать.

Что же входит в понятие «лингвистическая информационность», которое помогает разобраться в таких трудных явлениях? В книге С. И. Коткова 1980 г. «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» это понятие не получило достаточной разработки [Котков 1980]. Однако работа над созданием исторического словаря, когда приходилось не раз выяснять (вернее, разгадывать) случаи, подобные описанному, привела к осознанию всей сложности понятия «лингвистическая информационность».

Оказывается, нужно учитывать не только вид почерка (устав, полуустав, скоропись), но принимать во внимание все варианты написания той или иной буквы, учитывать, как в рукописи изображаются выносные буквы, сравнивать написания одной и той же буквы в разных буквосочетаниях, обращать внимание на поправки и глоссы, на пометы, выносимые на поля, и на многое другое.

В Словаре русского языка XI–XVII вв., начиная с 11 выпуска, авторы стали отмечать в Предисловии, какие слова они не включают в Словарь и почему. Вот несколько примеров из последнего, 29-го выпуска, которые мне пришлось проверять самой. Не взято слово *сырьи* из «Писцовых книг Московского государства»: *за сырьи* (sic!) *и за масла* [Писцовые книги, I, 1593: 908]. Примечание издателя

(sic!) после этого слова показывает, что он отметил здесь особенность рукописного текста. Речь идет о монастырских сборах с крестьян: *А монастырских доходов имали в монастырь <...> с живущих с 15 вытей оброку по 20 алт., да за сыры да за масла и за московские дрова с выти по 5 алт.* Цитата нашлась в рукописи РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ед. хр. 541, на л. 143 об. Изучение других подобных записей показало, что эта формула в книге употребляется со словом *сыры*: *за сыры и за масла* (л. 150 об., 153 об., 179 об., 192 и др.), следовательно, в рукописи допущена описка.

В других случаях также обнаруживалось несоответствие опубликованного текста с рукописным, поэтому приведённые ниже слова помещены в Предисловие к очередному, 29-му выпуску:

съисподъ — Шапка сукно тьмо-зелено съисподъ с пухом. Д. холоп., 388. 1627 г. В рукописи: Шапка сукно тмозеленое испод с пухом (РГАДА, ф. 396 оп. 25, стб. 40317, л. 3). В слове *тмозеленое* конечное *е* принято за *с*;

таша — Донские казаки <...> посылаемы были х калмытцкимъ ташам. Дон. д. V, 7. 1655 г. В рукописи — таишам, не замечено выносное *и* (РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1655 г. ед. хр. 1, л. 5);

техлавый — Лѣта 7035-го году посланы на Романовъ для денежного збору изъ Дворца въ Борисоглебскую и въ Рыбную слободу для рыбныхъ ловель и техлавыхъ правей Стефанъ Федоровъ сѣнь Рагазинъ да кнзь Михаила Казловской. ДТП II, 52. XVII в.; слово искажено, нужно читать **тягловых**.

В последнем случае отразилось на письме очень редкое написание: между гласной и сонорной звук *з* «превратился» в *х* как отражение *з* фрикативного, что, видимо, было характерно для говора писца.

Подводя итог, необходимо отметить, что публикации письменных памятников являются особым источником, достоверность отражения лексики в которых вызывает некоторые сомнения. Эти источники занимают место между источниками первичными, естественно сложившимися (рукописями), и вторичными, источниками с заданными свойствами, сформированными исследователями для определённых научных целей. Эту классификацию предложил С. И. Котков в 1964 г. в статье «О предмете лингвистического источниковедения» [Котков 1964: 8]. В публикациях значительную роль играет так называемый субъективный фактор, т. е. проявляется влияние того человека, который соприкасается с рукописью при подготовке её к изданию, разделяет сплошной рукописный текст на слова, интерпретирует неясные места, обдумывает характер справочного аппарата. Следовательно, в число источников по истории русского языка, особенно по истории его лексики, нужно включить как особый вид, обладающий своей спецификой, издания письменных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 607 с.

Дон. д.: Донские дела. Кн. пятая // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией Министерства народного просвещения. — Т. 34. — Пг.: б. и., 1917. — Рукоп. в РГАДА, ф. 111 Донские дела, оп. 1, 1655 г., ед. хр. 1, л. 1–5.

Доношение К. Ф. Калайдовича А. Ф. Малиновскому от 10 января 1821 г. — Рукоп. в РНБ, ф. 328 Калайдович, ед. хр. 271, л. 1–1 об.

ДТП: Дела Тайного приказа. Кн. вторая // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. — СПб.: б. и., 1908. — Т. 22 — 887 с.

Д. холоп.: Яковлев А. Холоство и холопы в Московском государстве XVI в. по архивным документам Холопного и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. — М.; Л.: АН СССР, 1943. — Т. I. — 564 с. — Рукоп. в РГАДА, ф. 396 Оружейная палата, оп. 25, ед. хр. 40317.

История картотеки. Авторский состав // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. — М.: Наука, 2001. — 814 с.

Калайдович, 1814: Письмо действительного члена Общества истории и древностей российских К. Ф. Калайдовича к Н. Н. Бантыш-Каменскому об издании государственных российских грамот и договоров. — М., 1814: 8–9.

Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка. — М.: Наука, 1964. — С. 1–10.

Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М.: Наука, 1980. — 294 с.

Кн. пер. Моск. II: Переписная книга города Москвы 1665–1676 гг. — М., 1886. — 328 с. — Рукоп. в РГАДА, ф. 210 Разрядный приказ, оп. 7. Дела разных городов, ед. хр. 4.

Кн. п. Моск. I: Писцовые книги XVI века. Отд-ние I. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской / под ред. Н. В. Калачова. — 924 с. Писцовые книги Московского государства. Изд. Императ. Рус. Геогр. о-ва. Ч. I. (СПб., 1872). — Рукоп. в РГАДА, ф. 1209 Поместный приказ, оп. 1, ед. хр. 541.

Письмо действительного члена Общества истории и древностей российских К. Ф. Калайдовича Н. Н. Бантыш-Каменскому об издании государственных российских грамот и договоров. — М.: Тип. Селивановского, 1814. — 28 с.

Письмо из Киева А. И. Соболевского А. А. Шахматову 2 октября 1884 г. — Рукоп. в СПб. отд-нии Арх. РАН, ф. 134. Письма А. И. Соболевского, оп. 3 ед. хр. 1439, л. 1.

СЦРЯ: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. — СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1847.

Собрание государственных грамот и договоров. — М.: Тип. Селивановского, 1813–1895. — Т. 1–5.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. — СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1893–1903.

VOCABULARY AUTHENTICITY IN LEXICOGRAPHIC SOURCES

L. Yu. Astakhina

The article deals with authenticity issues concerning Russian words in lexicographic sources. Careful etymological and lexicological search made by lexicographers-historians who have no right to miss a single word from available sources resulted in revealing a number of words and phrases (over 150) that never existed in the language. It stems from the character of historical dictionary sources that disregarded restoration of ancient linguistic peculiarities in print.

Key words: source, authenticity, ghost word, pseudo-hapax, linguistic informativeness, lexicography.

© 2011

Т. Е. Абрамзон

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВА *МЕЦЕНАТ* (МАТЕРИАЛЫ
К ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ «М. В. ЛОМОНОСОВ»)

В статье рассматриваются условия и механизмы заимствования имени собственного «Меценат». Главным проводником этого слова в русскую культуру явился М. В. Ломоносов, который присвоил имя римского покровителя искусств российским государственным деятелям. Слово *меценат*, вобравшее в себя значения «любителя прекрасного», «судьи художественного творчества», «просителя за науки перед высшей властью», стало обуславливать социокультурное поведение определённого слоя русской властной элиты.

Ключевые слова: культура XVIII в., история слова, меценат, М. В. Ломоносов, И. И. Шувалов.

Слово *меценат* было импортировано в русский язык в первой трети XVIII века, составив конкуренцию таким словам, как *покровитель*, *благодетель*, *рачитель*, *защитник*, *заступник* и др. Точкой отсчёта в российской истории слова *меценат* исследователи называют время правления Анны Иоанновны: И. М. Сечихин предварил свой перевод физиогномического трактата «Анфроскопия» (1732) обращением к влиятельному вельможе, назвав его «Мецена благородный», «патрон великодушный» [Николаев 1996: 138–139; Кочеткова 2008: 89]. Не зафиксированное в обширном и обстоятельном Словаре Академии Российской (1789–1794) слово *меценат* достаточно активно функционировало в культурном обиходе века Просвещения, о чём свидетельствуют статьи в лексиконах конца столетия.

В известном, выдержавшем более десятка переизданий «Словаре пиитико-исторических примечаний» (1781) Аполлоса (А. Д. Байбакова) читаем: «*МИЛОСЕРДЫЕ: Дидона, Александр великий, Тит, Меценат к наукам*» [Аполлос 1781: 26]. Данный словарь прояснял русским читателям смысл мифологических и исторических имен и одновременно служил подспорьем начинающим поэтам, осваивавшим античный «поэтический реквизит». Схожее значение указано и во французско-русском словаре, составленном И. Татищевым: «*Mécène, s. m. Меценат, покровитель наук*» [Полный французский и российский лексикон 1798: 107]. Формулировки конца XVIII века почти дословно совпадают с современным определением: «Меценат. Богатый покровитель наук и искусств. Умел он [Ломоносов] за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о чести или о торжестве его любимых идей. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург <...>» [БАС, 10, 2008: 146]. Следует подчеркнуть, что дефинициям XVIII–XX вв. присуща некоторая абстрактность. Неясно, напр., в чём именно заключаются «милосердие» и покровительство мецената российского по сравнению с римским; каковы социокультурные условия, приведшие к заимствованию слова *меценат*, а также каковы механизмы адаптации этого слова в русском языке и наполнения его специфическими смыслами.

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ate71@mail.ru

Русская рецепция имени знаменитого римлянина *Меценат*, уже через сто лет после смерти его обладателя ставшего апеллятивом [Гаспаров 1997: 77], по нашему мнению, связана с разносторонней деятельностью Ломоносова, в свою очередь обусловленной особенностями «вдруг» появившейся новой культуры России. Стремительное развитие наук и светского искусства опережало адаптацию к ним в обществе: вельможи терялись в догадках, как следует реагировать на присланные им литературные произведения; чиновники не знали, как приспособить «Табель о рангах» (1722) к академической службе, не предусмотренной петровским законоположением. Несинхронность этих процессов породила такую черту русской культуры того времени, как переплетение «социального», научного и художественного творчества, слияние нескольких общественных «ролей» (художника, учёного, организатора) в одной фигуре — в полигисторе М. В. Ломоносове. Он не только выдвигает научные гипотезы и доказывает их, но и создаёт условия, социальные и культурные институции, в рамках которых результаты трудов всех академиков были бы востребованы.

Для достижения научных целей и решения административных вопросов он использует различные способы. Так, в попытке решить вопрос о рангах для академических служащих М. В. Ломоносов подавал президенту Академии графу К. Г. Разумовскому официально оформленную «челобитную» от имени «всех профессоров» (12 июля 1748 года) [Ломоносов, 9, 1957: 801]. Об этом же М. В. Ломоносов просит и в письме 1748 года (июля 12 — сентября 3) к тому же адресату: «Ваше сиятельство <...> имеет случай <...> сделать два великие дела, то есть, исходатайствовать нам ранги, умножить в российском народе почтение и охоту к наукам, а себе тем приобрести вечную славу <...> ваше сиятельство долее не попустит, чтобы мы почитались в одних рангах с теми, которые с адъюнктами нашим учением сравниться не могут, каковы Морской академии учинители» [Ломоносов, 9, 1957: 458]. Но двадцатилетний Президент Академии этому делу «попустил»: ходатайство удовлетворено не было, «бескуражие» академических служащих продолжилось. Не помогла и написанная М. В. Ломоносовым двумя годами спустя идиллия «Полидор», где патрон Академии и новый гетман Украины был назван «многоодаренным».

Этот пример демонстрирует не только сложности с государственной легализацией новой для России академической отрасли, но и испробованные М. В. Ломоносовым способы влияния на сильных мира сего: официальный (челобитная); полуофициальный, дружеский (письмо), рассчитанный на милость и личное участие («милостивое предстательство») вельможи; художественный (стихотворный комплимент с новым «поэтическим именем» К. Г. Разумовского).

М. В. Ломоносов, пытаясь вписать академиков в новую систему, которая работала бы органично, без внешних усилий и постоянных прошений, как бы предлагает президенту Академии модель патронно-клиентских отношений. За милость — присвоение академическим занятиям статуса государственной службы и тем самым признание пользы наук для Отечества, обеспечение учёным людям безбедного существования и определённого положения в обществе — М. В. Ломоносов обещает К. Г. Разумовскому «вечную славу». Такой «духовно-материальный обмен» становится впоследствии традиционной схемой в отношениях М. В. Ломоносова (и других деятелей наук и искусств) с его покровителями, при-

чём эта слава на века (или «неподвижное счастье») материализуются «чрез звуки лиры и трубы». Конечно, необходимо было подобрать авторитетное «имя» для этих новых отношений власти и искусства, и Ломоносов позаимствовал необходимый прообраз из авторитетной римской истории.

Практика бескорыстного добровольного покровительства наукам и искусствам была связана там с именем богатого римского патриция Гая Цильния Мецената (Maecenas) (74/64–8 гг. до н. э.), друга императора Августа и покровителя целой группы римских поэтов, среди которых знаменитые Вергилий и Гораций. Известно, что кружок Мецената стал центром литературной жизни в Риме того времени [Fougnies 1947; Andre 1967; Гаспаров 1997: 49–82]. Благородное происхождение, высокое положение при дворе и значительное состояние, богатство позволили Меценату защищать от давления Августа людей неродовитых, но талантливых, а также субсидировать творчество покровительствуемых им поэтов (Вергилию Меценат «оказал помощь против насилий со стороны одного центуриона и хлопотал о возвращении ему отнятого у него имения, о чем поэт рассказывает в своих “Georgica”. Горацию он подарил свое сабинское поместье» [Брокгауз, Эфрон 1890–1907 [http](http://)]).

Из арсенала имён, предоставляемых античной культурой, сложно было бы найти более точное «имя» для главного ломоносовского покровителя — Ивана Ивановича Шувалова, фаворита императрицы Елизаветы, государственного деятеля, обладавшего к тому же «мусическим вкусом». Удивительно, но в письмах М. В. Ломоносова слово «меценат» отсутствует: обращения к влиятельным персонам чаще всего представляют собой либо официальные эпистолярные формулы с титулами адресатов («милостивый государь», «сиятельнейший граф», «ваше превосходительство», «ваше сиятельство»), либо традиционные русские обращения от «низшего» к «высшему», включающие в себя уточнение о науках: так, Шувалов — это «милостивый покровитель», «милостивый государь и отец», «милостивейший защитник и несравненный благодетель», «штиля <...> судья» [Ломоносов, 9, 1957: 473, 495, 505]; граф Воронцов — «истинный о благополучии наук рачитель», «благодетель и отец», «истинный ученых покровитель» [Ломоносов, 9, 1957: 489, 497, 499]. «Меценатом» же Ломоносов величает Шувалова (и других покровителей) лишь в торжественном риторическом дискурсе, используя это имя в качестве максимально свёрнутого знака исторического прецедента, а именно дружеской бескорыстной помощи поэтам со стороны богатого патриция, приближённого к императору.

Прообраз покровительства римского происхождения Ломоносов проецирует на современную ему ситуацию в российском обществе, неоднократно обращаясь к знаменитым словам Марциала «Sint Maecenates, non deerunt, Flacce, Marones» («Были бы Меценаты: не будет, Флакк, недостатка и в Маронах»). Перелицованная на российский манер, эта модель отношений благодетеля и поэта присутствует и в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758) («Как не быть ныне Вергилиям и Горациям? Царствует Августа Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных предстателей, чрез которых ходатайство ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств»); и в «Материалах к Российской грамматике» («Как я радуюсь тем, что имел вас <Шувалова> издавна друга, а ныне еще сверх того благодетеля, не токмо мне, но и всем ученым

общаго Мецената. Как не быть Вергилиям и Горациям, когда имеем Мецената») [Ломоносов, 7, 1952: 592, 659]; и в черновом варианте «Слова благодарственного <...> Императрице Елизавете Петровне <...> 1760 года» («*1. Подвигнется Европа; ученые, возвращаясь в отечество, станут сказывать: мы были во граде Петрове, гроб его видели, мы видели Елисаветы, мы видели чудныя дела Божия и Петровы, мы видели там Августово время, Меценатов. При дворе как любят ученых?»*) [Ломоносов, 8, 1959: 684].

Непосредственное соотнесение римских и российских деятелей имело своей целью со стороны Ломоносова не только комплиментирование высоких персон путём присвоения им знаменитых древних имён, но и выстраивание отношений между представителем науки и властью предержащими. Тип римского патронажа, закреплённый в крылатой фразе Марциала, предусматривал двух участников: богатого и влиятельного деятеля, не жалеющего личных средств для развития искусства, и талантливую бедного художника. М. В. Ломоносов расширяет и дополняет эту историко-культурную модель («император Август — Гай Цильний Меценат — Гораций, Вергилий») третьим персонажем — главным лицом государства: «императрица Елизавета — Шувалов — Ломоносов». Кроме того, устремления Ломоносова не сводятся к достижению личных выгод и привилегий, но направлены на распространение наук и художеств в масштабе всей России, на их узаконивание в государственной системе.

Наибольшей многозначностью слово *Меценат* обладает в поэтических текстах М. В. Ломоносова.

1. *Меценат как посредник между учёным и императрицей Елизаветой.* Финальные стихи (426–440) дидактической поэмы «Письмо о пользе Стекла» (1752) обращены к адресату послания — И. И. Шувалову: «*А Ты, о Меценат, представльством пред Нею / Какой наукам путь стараешься открыть <...> Мои посильные и малые труды / Коля часто перед Ней* (Елизаветой. — Т.А.) *вспоминаешь ты!*» [Ломоносов, 8, 1959: 522]. «О Меценат» (в первом издании «Мой Меценат») — это такая же риторическая фигура, «поэтическое имя» Шувалова, как и «наш Пиндар» применительно к самому М. В. Ломоносову, «русский Расин» — к Сумарокову, «Минерва» — к Елизавете Петровне или Екатерине II. Главной функцией русского мецената М. В. Ломоносов считает его посредническую роль между учёным миром и высшей властью роль «предстателя» перед императрицей Елизаветой.

Действительно, благодаря хлопотам И. И. Шувалова императрица подписала указ о создании бисерной фабрики Ломоносова на выгодных условиях; благодаря протекции М. И. Воронцова, ещё одного мецената Ломоносова, за «Оду на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны 1748 года» поэт получил неслыханное вознаграждение: «две тысячи рублёв». Эта сумма в два с половиной раза превышала годовой оклад Ломоносова и способствовала преодолению его финансовых проблем после заграничной учёбы [Ломоносов, 8, 1959: 946]. Однако нам неизвестны факты личных субсидий ломоносовских проектов со стороны Шувалова или Воронцова: в отличие от римского, меценатство русское заключалось в том, чтобы добиться «милости» императрицы для поэта-учёного.

2. *Меценат как любитель прекрасного.* В двенадцатистрочной, чисто комплиментарной миниатюре «Надпись на маскарад 24 числа октября 1754 года в доме Его Превосходительства действительного камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова» Ломоносов восхищается празднеством, устроенным Шуваловым. В надписи Меценат предстает главным образом как эстет («Я вижу скачуци различны красоты, / Которых, **Меценат**, подвигл к веселью Ты») и как щедрый человек; правда, щедрость его отнесена Ломоносовым к области идеальной («Отраду общию своею умножаешь / И радость внутренню со всеми сообщаешь») [Ломоносов, 8, 1959: 567]. Но и в этом небольшом произведении М. В. Ломоносов не забывает сказать об императрице.

3. *Меценат как обладатель художественного вкуса, судья трудов и помощник в творчестве.* В адресованном И. И. Шувалову вступлении к героической поэме «Пётр Великий» (1760) М. В. Ломоносов разнообразит обращения к своему патрону, в результате чего несколько поэтических имён, синонимичных *Меценату*, дополняют друг друга. Шувалов — «Предстатель Муз», который любит «Российско слово», «споспешник» в сочинении поэмы и «судья» ломоносовского труда («Тобою поощрен, в сей путь пустился я: / Ты будешь онаго **споспешник** и судья») [Ломоносов, 8, 1959: 696]. Как когда-то Гай Цильний Меценат и император Август подвигли Вергилия на сочинение поэмы «Энеида», которая должна была стать мифологической предысторией в генеалогии императора, так и И. И. Шувалов заказывает М. В. Ломоносову поэму о Петре Великом, просит поэта «сделать этот опыт для императрицы» [Ломоносов, 8, 1959: 1125]. Не будет безосновательным предположить, что именование И. И. Шувалова Меценатом определило, пусть отчасти, его реальное социокультурное поведение, став российским прообразом меценатства для следующих поколений.

Таким образом, в середине XVIII в. имя собственное *Меценат*, заимствованное из римской истории, функционирует как художественный комплимент в торжественной риторической словесности М. В. Ломоносова, обретая при этом конкретно-исторические смыслы. М. В. Ломоносов формирует новую для России социокультурную парадигму. В ней он отводит себе место труженика-учёного, а влиятельному, близкому к Её Величеству меценату — роль защитника искусств. Отсутствие социальных механизмов, позволяющих решать каждодневные задачи и претворять в жизнь долговременные проекты, научные оппоненты и личные недоброжелатели — всё это инициировало к жизни такой культурный феномен, как «меценатство по-русски», одним из первых проектеров которого был М. В. Ломоносов.

ЛИТЕРАТУРА

Аполлосъ I. <Байбаков А. Д.> Словарь пиитико-историческихъ примѣчаній. — М.: Университет. тип., у Н. Новикова, 1781. — 51 с.

БАС: Большой академический словарь русского языка: в 20 т. — М.; СПб.: Наука, 2008. — Т. 10. — 573 с.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. с илл. и доп. материалами. — СПб., 1890–1907. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html> (дата обращения: 25.03.2011).

Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // М.Л. Гаспаров. Избр. тр. — М.: Яз. рус. культуры, 1997. — Т. 1. О поэтах. — С. 49–82.

Кочеткова Н.Д. Образ мецената в представлениях русских писателей XVIII в. // А.М. Панченко и русская культура. Исследования и материалы / отв. ред. С.А. Кибальник и А.А. Панченко. — СПб.: Пушкин. Дом, 2008. — С. 87–97.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.; Л.: АН СССР, 1950–1959.

Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — 151 с.

Полной французской и российской лексиконъ, съ послѣдняго изданія Лексикона Французской Академіи на Россійской языкъ переведенный. 2-е изд., испр. и доп. И. Татищевымъ. — СПб.: Императ. тип., у И. Вейтбрехта, 1798. — Т. 2 (L-Z). — 839 с.

Andre J.M. Mécène. Essai de biographie spirituelle. — Besançon: Les Belles Lettres, ALUB (86), 1967. — 170 p.

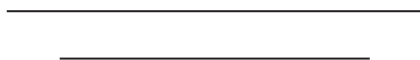
Fougnies A. Mécène. Ministre d'Auguste, Protecteur des Lettres. — 7 série № 83. — Bruxelles: Office de Publicité, Collection Lebègue, 1947. — 68 p.

ETYMOLOGICAL BACKGROUND OF THE WORD *МЕЦЕНАТ* (MAECENAS) (FOR THE ENCYCLOPEDIA DICTONARY “M. LOMONOSOV”)

T. Ye. Abramzon

The article considers conditions and mechanisms for borrowing the proper name of Maecenas. It was M. Lomonosov who introduced the word into Russian culture. He assigned the name of Roman patron of art to Russian statesmen. The word Maecenas, having incorporated the meaning of a lover of the beautiful, of artistic creation judge, of a petitioner for sciences, began to determine socio-cultural behavior of Russian ruling elite stratum.

Key words: 18th c. culture, word etymology, maecenas (patron), M. Lomonosov, I. Shuvalov.

А. В. Петров

«ЭРОТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ» В ТОРЖЕСТВЕННЫХ
ОДАХ 1741–1742 ГГ. (МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ОДИЧЕСКИХ
ТОПОСОВ)

В статье ставится вопрос о возможности создания словарей, аналитически описывающих «общие места» какого-либо поэтического жанра в их историческом развитии. В качестве примера рассматриваются «эротико-политические формулы», выработанные в первый год царствования императрицы Елизаветы Петровны в жанре торжественной оды тремя авторами — Штелином, Юнкером и Ломоносовым.

Ключевые слова: поэтический жанр, торжественная ода, «эротико-политические формулы».

Востребованным ныне научным продуктом совместных усилий лексикографов и литературоведов можно считать такие типы словарей, как *словарь поэтического языка писателя*, *словарь художественных концептов* и *словарь лексики и фразеологии* той или иной поэтической эпохи (напр., пушкинской) либо некоего литературного дискурса (эпистолярного, мемуарного, пропагандистского и пр.) (ср.: [ПИФК: 780–894]). В развитие принципов лексикографирования, заложенных в эти типы словарей, полагаю возможным говорить о создании словаря, описывающего совокупность «общих мест», «формул» и «клише» определённого поэтического жанра и хронологию их появления. Ценность подобного рода словарей очевидна: в сущности, в них предстанет *историческая жизнь жанра*. Думаю, исследователи русской поэзии XVIII — начала XIX в. согласятся со мной в том, что первостепенного лексикографического внимания к себе требуют сейчас жанры *оды* (во всех её подвидах), *переложения псалмов*, *элегий* (также всех её подвидов), *дружеского послания* и *баллады*.

Как материал к «Словарю одических топосов» предложу анализ некоторых «общих мест» и «формул», возникших либо закрепившихся в торжественных одах первого года царствования императрицы Елизаветы Петровны. Сосредоточусь только на тех топосах, в которых восторженные поэты, а именно Я. Я. Штелин, Г. В. Ф. Юнкер и М. В. Ломоносов, единодушно выразили свои «эротико-политические» переживания. Суть последних, имеющих весьма древние культурные и психологические корни, сводится к утверждению, во-первых, особых — «любовных» — отношений между подданными и властителями; во-вторых, некой необыкновенной эротичности монарха, непосредственно влияющей на социум и его благосостояние.

Топос *единства внешней и внутренней красот Елизаветы* и составляющие его формулы предлагает Штелин в оде «Всепоподданнейшее поздравление для восшествия на Всероссийский престол Ея Величества ... Елисаветы Петровны ...»

Петров Алексей Владимирович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: alexpetrov72@mail.ru

(25 ноября — 7 декабря 1741 г.) [Ломоносов 1959: 53–58]¹, переведённой с немецкого Ломоносовым: «Надежда, *Свет России* всей, / В Тебе щедрота Божья зрится, / Хоть *внешней красоте* Твоей / Довольно всяк, кто зрит, дивится. / *Душевных* лик Твоих *доброт* / *Краснее* *внешних* *всех* *красот*, / Где всяки *совершенства* явны, / *Любезны* *всем*, *во* *всем* *преславны*. // *Величество* являлось *всем* / В особе и во всяком деле, / *На* *полном* *благ* *лице* *Твоем* / *И* *велепном* *купно* *теле* <...>». Вместе со «всеми» автор почти беззастенчиво рассматривает «велепное тело» и восторгается красотами монархии, которые невозможно «прикрыть». Впрочем, она к этому и не стремится, щедро даря свою красоту влюблённым подданным: «Изволь хоть где Себя прикрыть, / *Приятство* будет там *с Тобою* / И милость в след Тебя ходить. / Откроют нам Тебя собою. / Тебя смотреть теснится всяк, / *Ты* *всем* *твоей* *щедро* *кажешь* *зрак*; / Хоть имяб Ты Твое таила, / Но *нашаб* *то* *любовь* *открыла*». По-видимому, впервые в отечественной поэзии красота и «доброты» монарха так ярко бросаются всем в глаза; впервые властитель, а точнее властительница, раскрывает свою природу через собственные прекрасные внешние и внутренние качества. Любовь подданных оказывается безошибочным инстинктом, с помощью которого опознаётся настоящий монарх и угадывается его «имя».

С эротико-политическим оттенком описываются чувства россиян к Елизавете ещё до её восшествия на престол: «Надежда долго в тишине / *С желаньем* *на Тебя* *взирала*, / *Любезное* *Твое* *лице*, / Как ясно солнце, почитала <...> / *Отеческой* *земли* *любовь* / Коль долго по Тебе *вздыхала* <...>». В свою очередь Елизавета, «Петрова кровь», захватывая власть, была одушевлена «*любовью к подданным*». Наконец, по воцарении столь давнее взаимное чувство любви требует выхода, а красота — применения: «*Отдай* *красу* *Российску* *трону* / По крови, правам и закону». Вступление Елизаветы на престол было встречено «согласным тоном», виватами и восклицаниями «*верных сердец*», благодарящих за щедроты и за «*дивные доброты*».

Слово «доброты», входящее в несколько эротико-политических формул, является одним из ключевых образов, посредством которого немцы-академики и вслед за ними Ломоносов репрезентируют в одах *единство внешних и внутренних достоинств* Елизаветы. В языке XVIII в. оно обозначало, в частности, 'высокое достоинство души, нравственное совершенство; добродетель' и 'красоту, статность, взрачность', которые в определённом контексте могли трансформироваться в 'любовь' [САР: 701; СРЯ XVIII: 157–158].

Ода Юнкера «Венчанная надежда Российския империи в высокий праздник коронования ... государыни Елисаветы Петровны...» (март — апрель 1742 г.) [Ломоносов 1959: 69–80] менее сосредоточена на «красотах» императрицы, однако примечательные образчики эротического комплиментирования имеются и здесь. Напр.: «Ты будешь так, как Он, *любовь во всей вселенной*, / Князей пример, *покров земли*, Тебе врученной». При переводе этих стихов Ломоносов вместо «утешение твоих подданных» написал «покров земли». Этот образ читатели-современники должны были соотнести с Богородицей и посвящённым ей праздником Покрова Пресвятой Богородицы (1/14 октября). Если так, то «вольный» перевод Ломоносова преследовал гендерные и историософские цели: Пётр-Отец

¹ Далее все цитаты даются по этому изданию без указания страниц. Курсив в цитатах мой. — А.П.

вытеснялся здесь Елизаветой-Матерью, и, следовательно, образ «любовь во всей вселенной» можно истолковать как образ *Вселенской Женственности*. В 3-й строфе Юнкер прямо вводит новую одическую историософему — топос *Императрицы — Матери — Богородицы*: «Велико дело в сем равно душе Твоей: / Как Он отец наш был, Ты Мать России всей». Смена гендерных приоритетов заставляет поэта искать и новые основания власти: «Ты скиптр рукой берешь, коварно злость дрожит, / Хоть тяжко злато в нем, любовь Тебя крепит. / Щастлива будешь тем, земель Императрица, / Печаль прогонишь всю, сердец людских Царица». Кульминацией «сюжета любви» является 5-я строфа, в которой находим следующие формулы: *приятной взор*; в Тебе с величеством сияет к нам *приятство*; *доброт изрядство*; *прекрасной зрак лица* (который вызывает у подданных «почтение»); *таланты, чрез кои мы давно желали в век плениться*.

Заключительные строфы оды (с 31-й по 35-ю) содержат прямые манифестации взаимной — монарха и его подданных — любви. Топика мифополитических иносказаний и любовных признаний реализована в ряде формул: *высокая страсть* (т. е. любовь Елизаветы к народу); *пресладок плод* — *любовь подданных к власти*; *Колика радость нам Тебе врученным быть!* / *Велика сладость коль себя любиму зрить*; *ты всех жен краса*; *монархиня — наш Ангел мира красный*.

Подытоживает свои и своих коллег по Академии поэтические искания в области сопряжения любви и политики Ломоносов в «Оде на прибытие Ея Величества Великия Государыни Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» (26 сентября — 20 декабря 1742 г.) [Ломоносов 1959: 82–102]. В оде развиваются две темы: сначала военная, затем праздничная. Они задают ракурсы изображения императрицы, таких её ликов, как: 1) воинственный, андрогинный и 2) лик миротворицы, красавицы и возлюбленной (строфы с 26-й по 44-ю).

Ломоносов заимствует у Штелина и Юнкера самое идею — воплощение в монархии внешних и внутренних «доброт», развивая её до уровня концепции о благотворном — житнетворящем и жизненесущем — воздействии Женщины на троне (её красоты, милосердия, миролюбия) на социум, природу и даже на Бога. Вот как выстраивается соответствующий мифополитический «сюжет».

Императрица возвращается туда (в Петербург), где всё и все её желают и встречают как невесту. Чувства и умы петербуржцев покорены приятностью и красотой монархини: «Какой *приятной Зефир* веет / И *нову силу в чувства* льет? / Какая *красота яснее*? / Что всех умы к себе *влечет*?» Муза поэта счастлива уже тем, «Что тщится имя воспевать / *Всея земли красы и дива* / И тем *красу* себе *снискать*». Сам «Ветхий деньми» привлечён «добротами» Елизаветы и меняет свой гнев на милость: «Твои *любезныя доброты* / *Влекут к себе Мои щедроты*. / <...> *Души Твоей кротчайшей сила* / Мой гнев на *кротость* *предложила*». После многочисленных картин ужасов войны и мощи россиян автор рисует Елизавету, несущую природе «отраду с тишиной»: «*Любя вселенныя покой*, / Уже простертой вам рукой / *Дарует мирные оливы*, / *Щадить велит луга и нивы*». «*Любя вселенныя покой*» — образ, найденный Ломоносовым при переводе оды Юнкера, где он обозначал (вместе с образом «покров земли») *Божественную Женственность*. Только *Женщина на троне*, проявляющая в не располагающих к тому условиях войны свою женскую сущность, способна любить, дарить мир и щадить.

Любовь и преданность подданных к *такой* монархине доходят до самоотвержения: «Всяк кровь свою пролить готов, / За *многия* твои *доброты* / И к подданным твоим *щедроты*». Все стороны света (кроме запада) охвачены горячими чувствами к Елизавете: «север» «*верой тепл к Тебе*»; степи на юге «*К Тебе любовью возженны*, / Еще усерднее *горят*»; волны «спешат» «от восточных стран», «*веселья полны*». Но больше всех радуются победам и прибытию императрицы водные стихии окрест и в самой северной столице: «В шумящих берегах Балтийских / *Веселья* больше, нежели вод <...> / *Коль радостен жених в убранстве*, / Толь Финский понт в Твоем подданстве. / В проливах, в устьях рек, в губах / *Играя, Нимфы* выют в руках, / Монархиня, венцы лавровы / И *воспевают песни* новы». Мотив свадьбы находит завершение в финале оды (43-я строфа), где Петербург и его жители встречают свою возлюбленную «невесту»-императрицу: «*Целуй, Петрополь*, ту десницу, / Которой *долго* ты *желал*: / Ты паки зришь Императрицу, / Что в *сердце* *завсегда держал*. / Не так поля росы *желают* / И в зной цветы от жажды *тают*, / Не так способных ветров *ждет* / Корабль, что в тихий порт плывет, / Как *сердце наше к Ней пылало*, / Чтоб к нам *лице Ея сияло*». Здесь мы находим древнейший мифологический мотив «священного брака» («иерогамии»), причём в контексте самом необычном. Божеством является, естественно, Императрица-невеста, а вот в роли жениха выступает столица Российской империи (благо имя её — мужского рода) и покорённые некогда Петром I природные (водные) стихии.

В идеологическом плане особенно важна 32-я строфа, где со всей определённой мыслью выражена мысль о жизненнесущем Женском Начале, обновляющем природу и социум: «Так ныне *милость и любовь*, / И *светлый* Дщери *взор* Петровой / *Нас жизнью оживляет новой*».

В итоговых характеристиках Елизаветы два раза повторяются слова *красоты* и *щедроты* и единожды упоминаются *доброты* и *геройство*. Последнее Елизавета (она же: «Петрово семя») унаследовала «по крови».

Из всех последующих ломоносовских од подобное — *мужское* — и в таких же масштабах восхищение императрицей можно найти, пожалуй, только в «благодарственной» оде 1750–1751 гг., но там «веселье» и «восторг» не были столь бескорыстными, поскольку своим источником имели оставшиеся нам неизвестными монаршие милости.

Примечательно, что во всех «ролях», которые приписываются монархине одическими поэтами — будь то возлюбленная, невеста, мать, богиня, — всегда сохраняется её женское — эротическое — обаяние. Без его присутствия, проявления, так сказать, и власть предстаёт ущербной, и поэт не ощущает себя полноценным подданным. Позднейшие оды Ломоносова, а также произведения многочисленных одописцев екатерининского царствования свидетельствуют о том, что идеал женской — царственной — красоты менялся во времени и не в последнюю очередь зависел от возраста императрицы и от настроенности поэта на любовь. Что касается «эротико-политических формул» одической поэзии, то их запас к концу XVIII в. существенно пополнился.

Надо сказать, что и монархи-мужчины вызывали у россиян и у самой управляемой ими страны чувство любви и эротические переживания. Связаны они были по большей части с восторгом и изумлением перед мощью той жизнетворя-

щей силы, которой обладают правители России, способные «оплодотворить» её, даровав народу нескончаемые блага.

Логическим итогом размышлений Ломоносова об эротическом обаянии русских монархов и о тех «пользах», которые могут воспоследствовать для империи от их любви, стала эпиграммическая ода 1745 г., посвящённая браку Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны (см. [Петров 2010а: 86–92]). Её идейно-художественный авторитет и степень насыщенности «эротико-политическими формулами» оказались столь значительны, что определили развитие соответствующей одической топики не менее чем на пятьдесят лет вперёд (см. [Петров 2010б]).

ЛИТЕРАТУРА

- Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. — М.; Л.: АН СССР, 1959. — Т. 8. — 1280 с.
- Петров А. В.* Поэты и История: очерки русской художественной историософии: XVIII век: моногр. — Магнитогорск: МаГУ, 2010. — 268 с.
- Петров А. В.* Эпиграммические оды в русской культуре XVIII века: Eros & Politics inc. // XVIII век: литература как философия, философия как литература. — М.: Экон-Информ, 2010. — С. 178–187.
- ПИФК: Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М. Г. Абрамзона.* — М.; Магнитогорск; Новосибирск: Аналитик: тип. МГПК, 2009. — Вып. 2 (24). — 914 с.
- САР: Словарь Академии Российской.* — СПб.: Тип. при Императ. Акад. наук, 1790. — Ч. II. — 1199 с.
- СРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.* — Л.: Наука, 1991. — Вып. 6. — 256 с.

‘EROTICALLY POLITICAL FORMULAE’ IN SOLEMN ODES OF 1741–1742 (FOR THE DICTIONARY OF ODE’S “LOCI TOPICI”)

A. V. Petrov

The article raises an issue concerning the feasibility of compiling dictionaries that can analytically present historical development of “Loci Topici” of any poetic genre. The issue is illustrated by ‘erotically political formulae’ worked out in the genre of a solemn ode by three authors — Staehlin, Junker and Lomonosov during the first years of Elizabeth Petrovna’s reign.

Key words: poetic genre, solemn ode, ‘erotically political formulae’.

© 2011

Е. И. Кислова

ЛЕКСИКА ОД М. В. ЛОМОНОСОВА В ВОСПРИЯТИИ
СОВРЕМЕННИКОВ (О ЧЁМ НЕ ПИШУТ СЛОВАРИ)*

В статье сделана попытка рассмотреть, каким образом воспринималась лексика произведений М. В. Ломоносова его современниками — представителями «среднеобразованных» мещанских кругов. В качестве материала использована рукописная копия первого тома собрания сочинений 1751 г., выполненная предположительно семинаристами в 1750-х гг. и бытовавшая в провинциальной мещанско-купеческой среде. Изменения, внесённые переписчиками, показывают, какая именно лексика в одах Ломоносова оказывалась непонятной, что вызывало необходимость исправлений и какой характер они имели.

Ключевые слова: XVIII в., М. В. Ломоносов, восприятие поэзии, поэтический словарь, традиция копирования.

Представления об исторических изменениях в лексике русского языка оказываются неполными без учёта языковой рефлексии современников. Однако составители словарей фактически не учитывают этого фактора. Чаще всего информацию о языковой рефлексии носителей языка определенной эпохи можно получить напрямую из отзывов, рецензий и обсуждений. Однако важным представляется также материал, который отразился не в теоретических построениях современников и потомков, а в их непосредственной языковой деятельности. Особенно интересной становится эта задача, если речь идёт о художественных произведениях XVIII в.: именно художественная литература стала в XVIII в. той лабораторией, в которой создавался русский литературный язык. Однако мы крайне мало знаем о том, как воспринималась новая литература, а с нею и новая лексика современниками, не входившими в круги придворной элиты. Ценный материал для реконструкции этой стороны истории литературного языка дают рукописные копии издававшихся печатных произведений. Несмотря на активное развитие книгопечатания, рукописная традиция оставалась крайне значимой на протяжении всего XVIII в. (см. [Мартынов 1975]). Копии выполнялись представителями разных слоёв населения и бытовали в том числе в среде мещан — грамотного городского и сельского населения, поэтому они хорошо отражают восприятие средним читателем языка официальной придворной культуры.

Мы рассмотрим, как воспринимались в этой среде оды М. В. Ломоносова. Материалом исследования послужила рукопись РГАДА (ф. 188, оп. 1. д. 746). Сборник небольшого формата, «в десть», хорошей сохранности, датирован в описи архива концом XVIII в., однако водяные знаки на бумаге датированы по каталогу Клепикова 1751 г. (№ 146, см. [Клепиков 1959: 43]), что позволяет отнести сборник к середине XVIII в. Он предположительно был создан в семинарской среде, о чём

Кислова Екатерина Игоревна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: e.kislova@gmail.com

*Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских учёных (№ гранта МК–1256.2011.6)

свидетельствует запись на латыни на внутренней стороне обложки, содержащая обращение к неназванному покровителю, отсылку к библейскому сюжету гибели фараона и изменённую цитату из «Фиваиды» Стация, а также характер обложки, склеенной из использованных бумажных листов, на которых видны фрагменты записей на латыни и русском. Владельческие записи свидетельствуют о бытовании сборника в среде вологодских мещан начала XIX в. Сборник написан чёткой поздней скорописью двумя писцами, писавшими поочерёдно: иногда смена почерка происходит на середине строфы без смены цвета чернил. Место создания сборника установить пока не удалось.

И сам сборник, и анализ владельческих записей показывает активный интерес к произведениям М. В. Ломоносова в семинарской и мещанско-купеческой среде второй половины XVIII — начала XIX в.

В целом переписчики копируют текст издания 1751 г. очень точно, изменения вносятся последовательно только в орфографию и пунктуацию. Почти не встречаются описки, пропуск фрагмента текста отмечен дважды (в «Оде 5 похвальной» не хватило места в конце страницы, и при переносе половина 8-й строфы была опущена; в двух других случаях пропущенная строка была вписана на полях самим же переписчиком). В одном случае отмечена нарушающая рифму перестановка слов в строке (*Багрова там тряслась земля* вм. *Багрова там земля тряслась*); ещё в одном случае в «Оде 10 похвальной» переписчик переставил местами строки без особого изменения смысла.

Причины, которые приводили к изменению лексики в одах, могут быть различными.

1. Замена по невнимательности происходит обычно в рамках одного смыслового поля и/или сходно звучащих корней. Обычно она не ведёт к искажению смысла, и таких изменений в рукописи немного, напр.: *В сие благоприятно время, / Когда всецелый наш отец / Восставил нам Петрово племя...* — вм. *Когда всецелый наш Творец* («Ода 7 похвальная»); *Чтоб в злобе плоть мою пожрать, / Противны устремились, / Но злой совет хотя начать, / Упадиши, сокрушились* — вм. *Но злой навет хотя начать* («Преложение псалма 26»).

2. Стилистическая замена связана с представлениями переписчиков о стилистических характеристиках определённых лексем и их соответствии жанру оды. Здесь мы наблюдаем две тенденции: с одной стороны, переписчики последовательно изменяют формы, которые, вероятно, кажутся им слишком архаичными: *Возлегиши локтем на Кавкас* вм. *лактём* («Ода 5 похвальная»), *Покрытым орлими крылами* вм. *крилами* (там же). В названии «Оды 6 похвальной» отмечена замена *Сарского села* на *Царское село*, которая отражает преобладание в массовом сознании середины XVIII в. названия, образовавшегося в результате народной этимологии, над историческим, происходящим от финского Saari möjs ‘возвышенное место’ и официально употреблявшимся до 1780-х гг. Подобные замены находятся в рамках производных вариантов одного слова и не затрагивают всей строки.

Вторая тенденция связана с заменой нейтральной лексики на более высокую, книжную — вероятно, более соответствовавшую в представлениях переписчиков жанру оды. В двух случаях такая замена связана с изменением личного местоимения *ей* на указательное *сей*, имеющее более высокие коннотации: *Кто море уло-*

жил брегами / И бездне положил предел, / И **сей** свирепыми волнами / Стремиться дал не велел? — вм. И **ей** свирепыми волнами («Ода, выбранная из Иова»), Когда на трон Она вступила, / Как Вышний подал **сей** венец — вм. Как Вышний подал **Ей** венец («Ода 4 похвальная»).

Такая замена могла затрагивать даже ритм строки или влиять на смысл: *Вознесись превыше молний, Муза, / Как Пиндар, быстрый твой орел...* — вм. *Взлети превыше молний, Муза* («Ода 1 похвальная»); *Весельный шум, гребущих крик / Наносят Готфам страх велик; / Уже надежду **отверзают** / И в мгле свой флот и стыд скрывают* — вм. *Уже надежду **отвергают*** («Ода 1 похвальная»). Во втором случае меняется не только стилистическая характеристика слова, но и субъект действия: надежду *отвергают* готфы, а *отверзают* — их противники, русское воинство.

3. Наиболее интересными представляются замены, возникшие в результате незнания переписчиками того или иного слова и связанные с попыткой адаптировать текст М. В. Ломоносова сообразно своим знаниям.

а) Первую подгруппу составляют здесь топонимы: несмотря на то, что часть их была плохо известна переписчикам, ошибок в них очень мало: *при стенах Вильмандрстраданских* вм. *Вильманstrandских* («Слово похвальное», явная описка), *Мамвританских гор* вм. *Мавританских* («Ода 8 похвальная»). Иностранные топонимы ожидаемо неизвестны переписчикам: судя по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), это первое употребление прилагательного *Мавританский* в русской литературе (второе употребление — в произведении Н. И. Новикова 1783 г. «О торговле вообще»). Существительное *мавр* как название народа более употребительно во второй половине XVIII в. — напр., в оде Н. Н. Поповского «Кто правдой в свете жить радеет» (1752–1760), стихотворении М. Н. Муравьева «Петрония Арбитра гражданская брань» (1773), в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина (1793) и т. д. Можно также предположить влияние хорошо известного переписчикам церковнославянского выражения *Мамврийский дуб* [Дьяченко 1993: 297].

Более любопытным представляется замена русского топонима: *Возри на горы превысоки, / Возри в поля Свои широки, / Где Волга, Днепр, где **Обь течет**; / Богатство, в оных потаенно, / Наукой будет откровенно, / Что щедростью твоей цветет...* («Ода 4 похвальная») — заменено на *Где Волга, Днепр, где **обтечет***. Отметим, что в «Оде 1748 года на восшествие» этот топоним оставлен без изменений — очевидно, из-за невозможности подобного исправления: *В моей послушности крутятся / Там Лена, Обь и Енисей, / Где многие народы тцатся / Драгих мне в дар ловить зверей...* Вероятно, топоним *Обь* был плохо знаком мещанским кругам европейской части России, и даже перечисление его в одном ряду с другими реками не всегда помогало опознанию слова *Обь* как топонима, а не как предлога / приставки *об*. Действительно, судя по данным НКРЯ, топоним *Обь* известен в первой половине XVIII в. только по «Истории Российской» В. Н. Татищева (1739–1750), во второй половине века встречается в исторических и географических сочинениях — «Древней российской истории» М. В. Ломоносова (1754–1758), произведениях А. Н. Радищева, «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, «Новом и полном географическом словаре Российского Государства...» (Москва, 1788–1789).

б) Сложности у переписчиков вызывали также отдельные заимствования, в это время ещё не вошедшие в широкое употребление. Ярким примером преобразования такого рода стали следующие строки: *Янычар твой свирепо слится / Как Тигр на Росский полк скакал, / Но что? Внезапно мертв упал, / В крови своей пронзен залился* («Ода 10 похвальная»). В рукописи эта строка дана в следующем виде: *Я нычар твой свирепо злился*. Необходимо отметить, что зона слитного и раздельного написания является одной из самых нестабильных в орфографии этого периода, особенно это касается правописания наречий (*вслед* — *в след*, *повсюду* — *по всюду*), а также написания частиц *не*, *же*, *бы* и подобных. Раздельное написание на месте слитного появляется в рукописи редко и только в том случае, когда часть слова совпадает с предлогом или местоимением, и в результате возможно двоякое понимание контекста, напр.: *Наместница всевышней власти / Что родом, духом и лицом / Восходишь выше смертных части, / Прехвальна, совершенна всем, / В которой всех даров изрядство, / С величеством цветет приятство!* («Ода 7 похвальная»), т. е. совершенна кому, для чего — *всем*. В рукописи мы находим вариант *Прехвальна, совершенна в сем* — т. е. совершенно в чём? *в сем*.

Слово *янычар* совершенно чётко написано с пробелом после *я*, при этом форма глагола 3 л. ед. ч. *слится*, представленная и в издании 1751 г., и в издании 1768 г., заменена на форму прошедшего времени *злился*, которая может согласовываться с 1 л. ед. ч. местоимения. Таким образом, непонятное *янычар слится* преобразовано в более понятное *я злился*.

Слово *янычар* в вариантах *яничарин*, *яныченин*, *янычененин* знакомо древнерусскому языку [Срезневский, 3, 2003: 1659], однако в форме *янычар* в «Оде на взятие Хотина» 1739 г. оно только входит в язык и, как мы видим, ещё в середине века плохо понятно мещанским кругам. Оно отмечено в «Журнале жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского» (1752), в 1770-х гг. будет активно употребляться в одах Ф. Я. Козельского (1769–1778), В. И. Майкова (1769), М. Н. Муравьёва (1770–1775), И. И. Хемницера (1770), написанных по поводу различных побед над турками; в «Записках» М. П. Загряжского (1770–1811), «Пустомеле» Н. И. Новикова (1770) и др. Вероятно, именно в 1770-е гг. *янычар* приобретёт устойчивые коннотации, сохранившиеся до сих пор.

Изменение синтаксически и лексически сложных для восприятия фрагментов могло приводить к появлению «псевдослов». Напр., любопытному изменению подверглась следующая строфа из «Оды 6 похвальной»: [Нимфа] *Рекла, и влагу рассекая, / Пустилась тщательно к Неве; / Волна во бреги ударяя, / Клубится пеною в траве. / Во храм, сияющий металлом, / Пред трон, украшенный кристаллом / Поспешно простирает ход; / Венцем зеленым увязенной / И в виск вещает облеченной / Владычице Российских вод* [далее следует речь нимфы]. Т. е. нимфа вещает владычице Российских вод, «увязенной» («увенчанной») зелёным венцом и облечённой в виск («тонкую ткань»).

Переписчики передали эту фразу следующим образом: *Венцем зеленым увязенный / И в'вик вещает облеченный / Владычице Российских вод*. Т. е. некий в'вик, «увязенный» зелёным венцом и облечённый чем-то, вещает речь владычице Российских вод. Замена дательного падежа прилагательных на именительный становится допустимой в результате существовавшей в это время вариативности

окончаний *-ый / -ой* в формах м. р. ед. ч., представленной и в тексте самого собрания сочинений М. В. Ломоносова 1751 г.

Любопытной представляется также замена в строке *Из лив густых выходит волк* — вм. *лив* («Ода 10 похвальная»): диалектное слово *лива* (вят. ‘лес по болоту’, арх. ‘наносная трава в море, груды морской травы, порослей’ [Даль, 2, 1994: 275]) было неизвестно переписчикам, поэтому произошла замена на более знакомое церковнославянское *лива* — ‘юг или льющая влага, река’ (см. [Дьяченко 1993: 282]; ср. *И распространится на море, и ливу, и север, и на востоки* (Быт 28: 14)).

Таким образом, можно утверждать, что в целом язык од М. В. Ломоносова был вполне понятен и доступен современникам, в том числе не входившим в высокое светское общество. Сложности вызывало понимание отдельных топонимов, недавних заимствований, диалектных слов. Архаичные церковнославянизмы правились переписчиками на более новые формы; в некоторых случаях происходила замена нейтральной лексики на более высокую. Неизвестные топонимы и диалектизмы адаптируются и по возможности меняются на более понятные аналоги (причём может быть грамматически исправлена вся строфа). Отметим, что больше всего изменений связано с текстом «Оды на взятие Хотина» 1739 г., самого раннего произведения М. В. Ломоносова, включённого в «Собрание сочинений» 1751 г. Вероятно, это связано не только с изменением литературного языка, но в первую очередь — с эволюцией художественных принципов самого М. В. Ломоносова и возможно большей понятностью поздних од широким кругам.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Терра, 1994.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). — М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1993. — 1120 с. — Репр. воспр. изд. 1900 г.

Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв.: справоч. пособие — М.: Изд-во Всесоюз. Кн. палаты, 1959. — 306 с.

Мартынов И. Ф. К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. (проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги) // Рукописная и печатная книга. — М.: Наука, 1975. — С. 193–205.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.01.2011).

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. — М.: Знак, 2003.

THE VOCABULARY OF M. LOMONOSOV'S ODES IN THE EYES OF HIS CONTEMPORARIES (WHAT YOU WON'T FIND IN A DICTIONARY)

Ye. I. Kislova

This is an attempt to discuss views of M. Lomonosov's contemporaries, fairly literate philistines, on the vocabulary of his works. The article is based on the manuscript of the first volume of Lomonosov's collected works copied in 1751 by a seminarist and circulated around

provincial merchant community. Copyists' corrections to the text are indicative of obscure words, causes of obscurity, and the character of these corrections.

Key words: 18th century, M. V. Lomonosov, poems perception, poems vocabulary, copying tradition.

© 2011

И. С. Клинова

ИСТОРИЯ ТЕРМИНА *ЧЁРНЫЕ ЗЕМЛИ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЁ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

В статье рассматривается лексическое значение термина *чёрные земли* в русском языке, особое внимание при этом уделяется компоненту *чёрные*. В работе приводятся неоднозначные трактовки этого термина в работах по истории России и в лексикографических изданиях (словарях, энциклопедиях, справочниках).

Ключевые слова: термин, лексическое значение слова, сема, парадигматические и синтагматические связи слов, словарь.

Прилагательное *чёрный* восходит к индоевропейскому языку и в прямом своём употреблении обозначает 'цвет сажи, угля'. Это слово характеризуется большим семантическим объёмом в русском языке и, помимо прямого значения, обладает многочисленными переносными значениями, что сделало возможным употребление его для обозначения абстрактных понятий социальной и бытовой жизни общества.

Существительное *земля* в древнерусском языке имело одно из значений 'участок земли; отдельное земельное владение' [СРЯ XI–XVII, 5, 1975: 376] и употреблялось как самостоятельно, так и в сочетании с прилагательными, определяющими отношение данной земли к лицу или корпорации. Так, различались земли *боярские, дворцовые, монастырские, поместные* соответственно по принадлежности их боярину, государю, монастырю, помещику. Однако открытым до сих пор остаётся историко-юридический вопрос о том, кому принадлежали в Русском государстве XIV–XVII вв. земли, называемые в источниках *чёрными*.

Со второй половины XIX в. в российской исторической науке борются два противоположных мнения по этому вопросу. Одни учёные (И. И. Смирнов, Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанёв и др.) собственниками *чёрных земель* считают крестьян, свободные крестьянские общины, «не находящиеся в феодальной зависимости, но при верховном государственном территориальном суверенитете великого князя (царя), реализовавшемся в государственных налогах и повинностях» [СИЭ, 15, 1974: 865].

Клинова Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: cathjaz@masu.ru

Другие исследователи данной проблемы (Л. В. Черепнин, А. Д. Горский, Б. А. Рыбаков и др.) рассматривали *чёрные земли* как собственность феодального государства в лице великого князя (государя, царя). Известный российский историк академик Б. А. Рыбаков охарактеризовал обсуждаемый исторический объект следующим образом: «“Чёрные”, государственные земли были разновидностью феодальной земельной собственности и являлись собственностью феодального государства. Жившие на этих землях крестьяне-общинники уплачивали государству феодальную ренту, выполняли различные повинности» [Рыбаков 1983: 130].

Как показывают исследования названных выше историков, краеугольным камнем спора является **характер** верховной собственности великого князя на *чёрные земли* (обычный налог или феодальная рента?), само же верховное право собственности государства в лице великого князя (царя) на эти земли ни одной стороной не отвергается. Весомым представляется замечание академика Н. М. Дружинина, касающееся отношения *чёрных* людей к земле: «И сами крестьяне, несмотря на практику частновладельческих сделок, признавали верховное право собственности государства на освоенные ими земли — они характеризовали существующее положение словами: “Земля — государева, а нашего владения”» [Дружинин, 1, 1949: 29]. В современных энциклопедиях и исторических словарях термин *чёрные земли* получил следующее определение: «Чёрные земли — владения *чёрных* людей в России. Известны в XIV–XVII вв. в сельских районах и в городах. Собственность государства в лице его главы — великого князя (царя)» [КРЭ, 3, 2003: 728; БРЭС 2003: [http](http://); БЭС 2009: [http](http://) и др.].

В решении этой исторической проблемы важное место должно быть уделено и лингвистическим фактам, а именно синтагматическим связям термина *чёрные земли* с другими словами, передающими признак принадлежности, в контексте деловых документов XIV–XVII веков. Такие связи проявляются в сложных словосочетаниях, где при термине *чёрные земли*, а также *чёрные волости* (*волость* — административно-территориальная единица России) следуют определения, выраженные:

1) формами притяжательных местоимений 1 лица (когда повествование ведётся от лица государя, царя): «*наши* государские черные тяглые земли» [Шумаков, 2, 1900: 264];

2) притяжательными прилагательными *государевы, государские, государынины*: «*государевых* черных и всяких земель» [Акты писцового дела, 1, 1913: 209], «*наши* государские черные тяглые земли» [Шумаков, 2, 1900: 264];

3) словосочетаниями *великого князя, великих государей*: «*Тѣ* земли и пустоши *великоз(о) княз(я)* черныи, тяглыи» [Срезневский, III, 2, 1989: 1563]; «*от великоз(о) кн(я)зя* земли *от* черные» [Акты русского государства... 1975: 169], «*в наши великих государей* в черные тяглые земли» [Шумаков, 2, 1900: 211];

4) формами притяжательных местоимений 2 лица (при обращении к государю): «*въ твоихъ* государевыхъ черныхъ волостяхъ деревни» [Акты писцового дела, 2, 1917: 375];

5) личным местоимением 3 лица, выступающим в Р. п. со значением принадлежности: «*ево* государевы черные волости» [Памятники... 1929: 185].

Слова *наши, твои, ваши, его, государевы, государские, государынины*, словосочетания *великого князя* и *великого государя* характеризуют денотат термина

чёрные земли (волости) с точки зрения социально-правового владения и позволяют определить один из семантических компонентов слова *чёрный* как 'государственный, не частновладельческий'. Эти земли принадлежали феодальному государству в лице его главы — великого князя, государя. Земли, представлявшие частную собственность самого великого князя, носили название дворцовых. «Дворцовые земли — земли, принадлежавшие лично Великому князю (царю) и обеспечивавшие продовольствием и сельскохозяйственным сырьём царский дворец и дворцовое хозяйство» [СРИ 2005: 41].

Для определения второго семантического компонента значения слова *чёрный* в терминологическом сочетании *чёрные земли* значимой является позиция, представленная сочетанием рассматриваемого термина со словом *тяглые*: «по писцовым книгамъ и письменнымъ крѣпостямъ быть в **чёрныхъ тяглыхъ земляхъ** и во всякихъ податяхъ и в службахъ с ними по прежнему» [Шумаков, 2, 1900: 212]; «в наши великих государей в **чёрные тяглые земли**» [Шумаков, 2, 1900: 211] и т. п.

'Государственный, не частновладельческий' и 'тягловый, податной' являются семантическими компонентами одного лексического значения слова *чёрные*, т. к. они реализуются одновременно в одном контексте и составляют две одинаково существенные стороны одного понятия.

Зачастую в деловой письменности XIV–XVII вв. терминологическое значение слова *чёрные* открыто репрезентируется, «проговаривается», обозначается соседними словами: «Тѣ земли и пустоши **великоз(о) княз(я) черными, тяглыми**» [Срезневский, III, 2, 1989: 1563]; «в наши **великих государей в чёрные тяглые земли**» [Шумаков, 2, 1900: 211]; «наши **государские чёрные тяглые земли**» [Шумаков, 2, 1900: 264]. Здесь семантика слова *чёрные* складывается из компонентов: 1) великого князя, великих государей, представляющих государство и 2) тяглые. Своеобразие приведённых сложных словосочетаний с опорным компонентом *земли* состоит в том, что прилагательное *чёрные* включает в своё значение те семы, которые обозначены двумя другими компонентами ряда — *великого князя (великих государей)* и *тяглые*. Вследствие повторяемости смыслов в таких конструкциях возникает плеоназм, однако в силу традиции и стремления к более точному именованию юридических признаков объекта (понятие «чёрные», видимо, воспринимается неопределённо) практика такого употребления сохраняется длительное время. Впоследствии устранение семантической избыточности в данных конструкциях было достигнуто путём исключения из них слова *чёрные*, как в следующем примере: «... а **государевы тяглои земли** из Волдоскурского погоста в Черногорский монастырь онъ Ивашко не отдаывалъ...» [Шумаков, 1, 1899: 848].

Таким образом, парадигматические отношения слова *чёрный* в значении 'государственный, не частновладельческий; тягловый, податной' в русском языке XIV–XVII вв. строились на противопоставлениях по двум дифференциальным семантическим признакам: во-первых, по признаку принадлежности владельцу, во-вторых, отношения к несению государственной повинности, тягла. Каждый из этих признаков указывал на соответствующие ряды парадигматических противопоставлений.

По первому признаку слово *чёрные* противопоставлялось словам *дворцовые, патриаршие, митрополичьи, монастырские, поместные, вотчинные, боярские,*

церковные, выступавшим в словосочетаниях той же модели — прилагательное + существительное *земли*. Ср., напр.: «*А тѣ <...> земли изъ старины боярьскіе, а не черныє*» [Срезневский, III, 2, 1989: 1563].

По второму признаку (отношение к несению государственной повинности, тягла) слово *чёрный* противостояло словам *белый* и *нетяглый*, имеющим в языке того времени значение ‘освобождённый от податей’ [СРЯ XI–XVII, 1, 1975: 138]: «*на той же черной тяглою купленной землѣ, а не на бѣлой*» [Дополнения к Актам..., 6, 1857: 349].

Сема ‘государственный, не частновладельческий’ во многих контекстах документов XIV–XVII вв. отходит на второй план, способствуя актуализации другой семы — ‘тягловый, податной’. Последняя часто оказывалась более «прозрачной» в деловых документах, что, видимо, связано с тем, что в конкретных ситуациях более значимой для авторов документов была информация о податных обязанностях пользователей земли, а не характере их владения земельными участками. Ср., напр., «*на той же черной тяглою купленной землѣ, а не на бѣлой*» [Дополнения к Актам..., 6, 1857: 349].

Это обстоятельство послужило поводом для неточного толкования значения слова *чёрный* в исследовательских работах по семантике цветообозначений, а также в некоторых словарях русского языка, где сема ‘тягловый, податной’ приводится как единственная у слова *чёрный* в таких словосочетаниях, как *чёрные земли*, *чёрные волости*, *чёрные люди* и т. п. Так, в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского в статье к слову *чёрный* находим значение ‘тяглый, податной’, к которому прилагается пример из памятника письменности с сочетанием *чёрные земли* [Срезневский, III, 2, 1989: 1563]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля у слова *чёрный* также отмечается значение ‘тягловый, податной, из простолюдины, черни; стар. черносошный’, сема ‘государственный, не частновладельческий’ вновь не замечена, хотя она может быть выведена, напр., из приведённого в словаре определения исторического термина *черносошные крестьяне* — ‘казённые, жившие на свободных землях, не крепостные и не обелённые, а платившие от чёрной сохи подушное, подать’ [Даль, 4, 1995: 596]. В «Словаре современного русского литературного языка» слово *чёрный* в сочетании *чёрные земли* вновь получает определение «тягловый, податной» (с пометой *устаревшее*) [БАС, 17, 1965: 928].

Другой вариант толкования значения слова *чёрный* в историческом термине *чёрные земли* встречается в «Толковом словаре русского языка», изданном под редакцией Д. Н. Ушакова. В словарной статье к слову *чёрный* указывается: «В древней Руси — не частновладельческий, государственный (истор.). *Чёрные земли*. *Чёрные люди* или *чёрные крестьяне* (жившие на государственной земле). *Чёрная соха* (см. *соха* во 2 знач.)» [Ушаков, 4, 1996: 1261]. Такое же толкование значения слова *чёрный* находим в «Новом толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой («не частновладельческий; государственный (на Руси IX–XIII вв.)» [Ефремова, 2, 2000: 986]), в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой («На Руси в XII–XVII вв.: государственный, не частновладельческий. *Чёрные земли*. *Чёрные крестьяне*» [Ожегов, Шведова 1999: 884]). В этой группе словарей у слова *чёрный* оказалась выявленной сема ‘государственный, не частновладельческий’, однако отсутствует указание на другую сему — ‘тягловый, податной’.

На наш взгляд, одинаково важны обе семы, формирующие лексическое значение слова *чёрный* в составном историческом термине *чёрные земли*, и они должны быть обозначены в словарной статье к слову *чёрный*, как это сделано в «Словаре русского языка», изданном под ред. А. П. Евгеньевой: *Чёрный* — «Ист. Государственный, не частновладельческий (в Русском государстве XIV–XVII вв.); тягловый, податной. *Чёрные земли* (ист.) — земельные владения черносошных крестьян и тяглого городского населения в Русском государстве XIV–XVII вв.» [МАС, 4, 1988: 668]. См. здесь же: «*Черносошные крестьяне* — крестьяне в Русском государстве XIV–XVII вв., зависевшие непосредственно от феодального государства, а не от частных владельцев» [МАС, 4, 1988: 667].

Дальнейшая судьба сочетания *чёрные земли* оказалась вновь неразрывно связанной с историей русского землевладения. В результате активной преобразовательной деятельности Петра I в начале XVIII в. выходит из употребления терминологическое сочетание *чёрные земли*. На смену ему приходят термины *казённые земли* [ПСЗ, 16, 1830: 134] и *государственные земли* [ПСЗ, 17, 1830: 453]. В межевых инструкциях 1754 и 1766 гг., а также в манифесте 1765 г. правительство заявило категорически, что земли, на которых сидят черносошные крестьяне, есть собственность государства.

Попутно заметим, что и *лес*, принадлежавший государству и имевший наименование *чёрный*, позднее XVII в. стал именоваться *казённым*. Не следует, однако, смешивать названное значение сочетания *чёрный лес* с другим значением данного оборота — ‘лиственный лес’. Сочетание *чёрный лес* для обозначения леса лиственного гораздо более употребительно в русском языке и зафиксировано многими, если не всеми, толковыми и историческими словарями, в отличие от термина с юридическим значением. Оба значения сочетания *чёрный лес* можно найти лишь в «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук», где они определены следующим образом: а) лес из деревьев, имеющих листья; лиственный. б) *Стар.* Лес казённый, ни в чьём частном владении не состоящий [СЦРЯ, I, 4, 2001: 433].

ЛИТЕРАТУРА

Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / собр. и ред. С. Веселовский. — М.: Университет. тип., 1913. — Т. 1. Акты 1587–1627 гг. — 666 с.; 1917. — Т. 2. Вып. 1. Акты 1627–1649 гг. — 490 с.

Акты русского государства 1505–1526 гг. — М.: Наука, 1975. — 435 с.

Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость в центре феодальной России // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: сб. ст. — Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1972. — С. 88–103.

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: Наука, 1965. — Т. 17 (Х–Я). — 2126 с.

БРЭС: Большой Российский энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. — Большая Рос. Энцикл., 2003. — 1 CD-ROM. — Загл. с этикетки диска.

БЭС: Чёрные земли // Большой энциклопедический словарь, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://big-enc-dic.ru/description/chernye%20zemli/66791> (дата обращения: 25.05.2011).

Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. — М.: МГУ, 1960. — 264 с.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ Канцелярии, 1857. — Т. 6. — 477 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: ТЕРРА, 1995.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. — 635 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. — М.: Рус. яз., 2000.

Копанёв А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI веке. — Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. — 245 с.

КРЭ: Краткая Российская энциклопедия: в 3 т. — М.: Большая Рос. энцикл.: ОНИКС XXI век, 2003.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1985–1988.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.

Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. / под ред. С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева. — М.: Центр. арх. РСФСР, 1929. — Т. 1. — 397 с.

ПСЗ: Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. — СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ Канцелярии, 1830.

Рыбаков: История СССР с древнейших времён до конца XVIII века: учеб. / под. ред. Б.А. Рыбакова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. шк., 1983. — 415 с.

СИЭ: Советская Историческая Энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. — М.: Сов. энцикл., 1974. — Т. 15. — 1006 стлб.

Смирнов И.И. Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. // История СССР. — 1962. — № 2. — С. 138–162.

СРИ: Словарь русских историзмов: учеб. пособие / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, В.П. Проничев и др. — М.: Высш. шк., 2005. — 228 с.

СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975–2008. — Вып. 1–28 (изд. продолжается).

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. — М.: Книга, 1989.

СЦРЯ: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. из 2 кн. — СПб.: СПбГУ, 2001.

Ушаков: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. — М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1960. — 900 с.

Шумаков С.А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 1–2 // Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1899. — Кн. 3. — Отд. 1. — 115 с. (Вып. 1. Обзор бегецких (1300–1767 гг.) и алатырских (1607–1761 гг.) актов); 1900. — Кн. 3. — Отд. 1. — 173 с. (Вып. 2. Тексты и обзор белозерских актов (1395–1758 гг.)).

ETYMOLOGY OF THE RUSSIAN TERM ЧЁРНЫЕ ЗЕМЛИ (BLACK EARTH)
AND ITS LEXICOGRAPHIC PRESENTATION*I. S. Klinkova*

The article considers lexical meaning of the term *чёрные земли* in Russian with particular emphasis on the component *чёрные* (black). The paper gives diverse interpretations of the term found in the works on Russian history and in lexicographic sources (dictionaries, encyclopedias, reference books).

Key words: term, lexical meaning, seme, paradigmatic and syntagmatic relations of words, dictionary.

© 2011

М. С. Выхристюк

ТЕКСТЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА XVIII В. Г. ТОБОЛЬСКА
КАК ИСТОЧНИК ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена проблеме лексикографического изучения текстов делопроизводства г. Тобольска XVIII в. Лексикографирование народно-разговорной речи поможет восстановить утраченные звенья в лексической системе русского национального языка. Такой словарь пополнит комплекс исторических словарей и будет необходим не только историкам языка и диалектологам, он нужен всем лингвистам и филологам, изучающим функционирование слова в языке.

Ключевые слова: говор, диалектная лексикография, языковая норма, исторический словарь диалектной лексики.

В историю русского языка XVIII век вошёл как период формирования русского литературного языка на национальной основе. На исконно-русской территории к этому времени прекращается образование новых диалектных различий, но на территории позднего заселения, к числу которых относится территория за Уралом, начинают складываться говоры вторичного образования.

С точки зрения языкового развития XVIII век был переходным периодом от XVII века с его двуязычием и отсутствием строгих норм к периоду от Петровской эпохи до Пушкина. Этот сложный этап в развитии русского национального языка характеризуется перестройкой всей языковой системы, в процессе которой складывались единые нормы письменно-книжной и устно-разговорной форм литературного языка. Литературный язык постепенно вбирал в себя всё лучшее, что было в национальном языке, а то, что бесследно уходило из литературного язы-

Выхристюк Маргарита Степановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: margaritavv@mail.ru

ка, продолжало жить в диалектах и находило частичное отражение в языке местной деловой письменности. В связи с этим тексты делопроизводства г. Тобольска XVIII в., написанные на периферии, представляют собой бесценный источник для изучения диалектной лексики в лексикографическом аспекте. Между тем тексты сибирского делопроизводства лишь частично попали в число источников переиздаваемого ныне «Словаря русского языка XVIII века», в то же время без исторического словаря диалектной и просторечной лексики невозможно представить всё богатство лексики русского национального языка и выявить те процессы, которые происходили в языке при отборе лексических средств в период нормализации литературного языка.

В русистике последних десятилетий работа по изучению языка региональных памятников деловой письменности XVII–XVIII вв. активизировалась. Исследования новых архивных текстов значительно расширяют возможности лингвистов в решении основных задач, отмеченных выше, они раскрывают системную организацию лексики деловой письменности в целом и отдельных её разновидностей, выявляют связи данной лексики с лексико-фразеологической системой литературно-письменной и обиходно-разговорной речи. Именно этим объясняется стремление учёных привлечь для анализа значительное количество неопубликованных и неисследованных текстов различной жанровой принадлежности, хранящихся в архивах разных регионов нашей страны.

Элементы разговорной речи рассматривались в трудах М. С. Варшаломидзе (1967), Л. А. Глинкиной (1996), Г. П. Князьковой (1974), С. И. Коткова (1980), Л. Ф. Копосова (2000), Б. А. Ларина (1975), О. Г. Пороховой (1988), Ю. С. Сорокина (1982), Г. В. Судакова (1991), Г. А. Якубайлик (1973).

Язык сибирских деловых документов, отражающих фонетические, морфологические и лексические особенности живой разговорной речи, в разных аспектах изучался Н. Л. Цомакион, В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой, О. Д. Любимовой, Н. А. Потсхиноп, Г. М. Чигрик и др. исследователями, но в лексикографическом плане он изучен крайне слабо. Назовём лишь немногие работы: «Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в.» Н. А. Цомакион (1971), «Словарь русских говоров Новосибирской области» под редакцией А. И. Федорова (1979), «Словарь русской народно-разговорной речи Сибири XVII — первой половины XVIII вв.» Л. Т. Панина (1991), «Словарь русского языка XI–XVII вв. (на материале “Среднеобского словаря XVII в.”)» В. В. Палагиной (1994), «Частотный словарь таможенных книг Томска 1624–1627 гг.» В. В. Палагиной (1994), «Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII в.» Л. М. Городиловой (1998), «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в.» под редакцией В. В. Палагиной и Л. А. Захаровой (2002).

Между тем, по справедливому замечанию С. И. Коткова, лексикографическое изучение диалектной лексики в местных деловых документах «в сочетании с показаниями местных говоров исключительно перспективно <...> для разработки исторической диалектологии» [Котков 1980: 20].

Исторический словарь западносибирских старожильческих говоров позволит установить лексический состав диалектов в период формирования говоров «вторичного» образования на территории позднего заселения, поможет дать представление об ареале диалектных слов в прошлом и в настоящее время, а также

установить, какими материнскими говорами те или иные слова могли вноситься в Сибирь. Такой словарь даст возможность выявить сибирскую по происхождению лексику и окажет помощь в решении проблемы диалектной основы старожильческих говоров. Необходимость исторического диалектного словаря диктуется также изучением лексики диалектов в историческом аспекте. Исторический словарь диалектной лексики позволит установить первоначальное значение слова и те изменения, которые происходили в его семантике в дальнейшем, определить, всегда ли слово было диалектным, или оно до определенного момента было общерусским; дожило ли слово до современности, или утратилось, или вошло в лексическую систему литературного языка; в какое время это произошло.

Выбирая деловую письменность г. Тобольска прошлых эпох в качестве лексикографического источника, необходимо учитывать её информативность и содержательность, т. к. «знание предопределяемой содержанием источников лексикографической содержательности последних обеспечивает их оптимальный подбор для исследования в намеченном направлении», а «знание лингвистической информативности источников обеспечивает объективность их показания» [Котков 1980: 46].

Тобольск в XVIII столетии был столицей самой большой губернии в России. Он являлся крупным промышленным, торговым, культурно-просветительным и духовным центром Сибири, первостепенным по значимости городом за Уралом.

С учётом этого положения объектом исследования послужили тексты г. Тобольска XVIII в., созданные в ряде тобольских канцелярий, различные по тематике, коммуникативной характеристике и жанровой принадлежности, написанные от руки или изданные в городской типографии в конце XVIII в., хранящиеся в фондах Государственного архива в г. Тобольске, а именно тексты духовного делопроизводства (Фонды 70, 205, 156), официально-административные скорописные тексты (Фонды 341, 363, 329, 369, 365, 661, 169), документы органов городского и сословного самоуправления (Фонды 365, 661, 169, 373, 205, 355), документы органов суда и прокуратуры (Фонды 363, 361, 501, 588, 368, 371, 366), документы финансово-налоговых и статистических учреждений, в том числе учётно-регистрационная документация г. Тобольска XVII–XVIII вв.: ревизские сказки, метрические книги, книги денежных доходов казённой палаты (Фонды 371, 475), деловые тексты культурно-просветительных и бытовых учреждений (Фонды 5, Ф 35).

Диалектная лексика выделяется на основе сопоставления с лексикой современных старожильческих говоров Сибири, с лексикой говоров европейской части страны, с лексикой имеющихся исторических словарей и словарей литературного языка. Самый многочисленный класс слов — это имена существительные. Выделенные диалектные слова включаются в несколько тематических групп. Основные из них — 1) названия предметов домашнего обихода и имущества — *брашно* ('пища, еда'), *кадь* ('кадка') и др.; 2) хозяйственных построек — *двор* ('пристройка к избе для скота'), *заплот* ('забор из толстых досок, жердей или брёвен'), *крылец* ('крыльцо') и др.; 3) названия лиц по роду занятий, деятельности, месту жительства — *знаемый* ('знакомый'), *робенок* ('ребёнок'), *сосед* ('сосед'), *убойца* ('убийца') и др.; 4) названия частей тела — *афендрон* ('нижняя задняя часть туловища человека'), *длани* ('ладони'), *утроба* ('живот'), *руда* ('кровь'); 5) названия болезней — *апостема* ('нарыв, гнойник'), *зубоядь* ('зубная боль'), *испарь* ('испа-

рина'), *окорм* ('переедание, ожирение') и др.; 6) названия сельскохозяйственного инвентаря — *горбуша* ('короткая коса с заостренным с обеих сторон лезвием'); 7) названия одежды и тканей — *вареги* ('вязаные рукавицы'), *зипун* ('верхняя мужская тёплая одежда'), *опояска* ('пояс'), *чарки* ('кожаная женская легкая обувь без каблуков с завязками на голени'); 8) названия участков земли — *поскотина* ('огороженное место для выпаса скота') и др.; 9) абстрактные понятия — *велиглаголанье* ('многословие'), *велегластство* ('громкоголосье'), *весельство* ('веселье, радость'), *волгость* ('влага влажность'), *колотьё* ('нанесение ран колющим оружием'), *свербёж* ('зуд, вызывающий расчёсы') и др.

Лексикографическое изучение текстов местного делопроизводства XVIII в. позволит накопить материалы для составления свободного исторического словаря диалектов, необходимость и научную значимость которого трудно переоценить, поскольку он дополнит исторические словари и поможет восстановить утраченные звенья в лексической системе национального языка. Такой словарь необходим не только историкам языка и диалектологам, он нужен всем лингвистам и филологам, изучающим функционирование слова в языке и речи; стилистам, изучающим язык художественной литературы, а также фольклористам, историкам и этнографам.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисова Е. Н.* О некоторых проблемах становления и развития словарного состава русского языка XVI–XVIII вв. // *Вопр. языкознания*. — 1978. — № 5. — С. 128–141.
- Волков С. С.* Севернорусские диалектизмы в русских челобитных XVII в. // *Севернорусские говоры: сб. ст.* — Л.: ЛГУ, 1979. — Вып. X. — С. 69–77.
- Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII века. — Л.: Наука, 1974. — 253 с.
- Копосов Л. Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). — М.: МПУ, 2000. — 287 с.
- Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М.: Наука, 1980. — 293 с.
- Майоров А. П.* Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья). — М.: Азбуковник, 2006. — 314 с.

THE 18th CENTURY OFFICE RECORDS OF TOBOLSK AS A SOURCE FOR DIALECT LEXICOGRAPHY

M. S. Vykhrystyuk

The article deals with lexicographic study of the 18th century office records of Tobolsk. Lexicographic presentation of popular language will help to restore lost links of the Russian language lexical system. A dictionary of the kind will enrich the array of historical dictionaries appropriate both for dialectologists and language history specialists, and for all linguists and philologists studying word functions in language.

Key words: dialect, dialect lexicography, language norm, historical dictionary of dialect vocabulary.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНИЗМОВ И РУСИЗМОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)

В статье рассматриваются несоотносительные (непарные) глаголы с приставками *из-* и *вы-* выделительного значения в языке второй половины XVIII века, наличие которых свидетельствует о процессе утраты славянизмов (глаголов с приставкой *из-*) и угасании выделительного значения у глаголов с приставкой *из-*.

Ключевые слова: славянизмы, русизмы, взаимодействие славянизмов и русизмов, непарные глаголы, приставки *из-* и *вы-* выделительного значения.

Взаимодействие славянизмов и русизмов в истории русского литературного языка древнего периода и нового времени является одним из основных процессов, до сих пор привлекающих внимание учёных. Семантическое и стилистическое взаимодействие славянизмов и русизмов, с одной стороны, и устранение наиболее архаических славянизмов, с другой стороны, происходят именно в языке второй половины XVIII в., когда «высокий стиль» активно разрушается. Объективное представление о русском литературном языке второй половины XVIII в. дают многочисленные журналы этого периода, отражающие состояние русского литературного языка, который переживал сложные противоречивые изменения. Одним из проявлений разрушения старых литературных норм и складывания новых стала лексическая избыточность, порождённая столкновением различных языковых источников. Лексическая же избыточность, в частности, возникала благодаря взаимодействию славянизмов и русизмов, что можно проследить, анализируя, напр., словообразовательно ограниченные группы слов — однокорневые глаголы со старославянскими и соответствующими им русскими приставками. В этом плане особый интерес представляют глаголы с приставками *из-* и *вы-* выделительного значения, судьба которых отражена в различных словарях русского языка XVIII–XX вв.

Непарные глаголы с приставкой *из-* выделительного значения в языке второй половины XVIII в. представляют собой немногочисленную группу, при этом, если глаголы *изринуть*, *изрыгнуть*, *исторгнуть*, *источить*, *исхитить* употребляются в выделительном значении, то в глаголах *искоренить* и *истребить* это значение постепенно угасает. Потеря выделительного значения указанными глаголами сопровождается изменением их сочетаемости (дистрибуции). Ср. *Боги да изринуть тебя, о безчестіе нашего вѣка, изъ обладаемого ими свѣта* [Трудолюбивая пчела 1759: 655]; *Тщетно хотѣла, тщетно старалась истребить въ душѣ моей это пріятное воспоминаніе* [Валерія Италіанская повѣсть 1792: 301].

Угасание выделительного значения у глаголов с приставкой *из-* проявляется, с одной стороны, в их постепенной стилистической нейтрализации (во второй по-

ловине XVIII в. этот процесс только начинается, однако в словарях современного русского языка глаголы *искоренить*, *источить*, *истребить* даются без стилистических помет); с другой стороны — в архаизации глаголов (слова *изринуть*, *исторгнуть*, *исхитить* в словарях современного русского языка даются с пометой «книж.», «устар.»). Однако во второй половине XVIII в. все перечисленные глаголы употребляются преимущественно в текстах «высокого» стиля. О постепенном исчезновении из русского языка выделительных глаголов с приставкой *из-* говорит тот факт, что фиксируемые в «Словаре Академии Российской, производным порядком расположенном» [САР-1 1789–1794] и «Словаре церковнославянского и русского языка» [СЦРЯ 2001] глаголы *извѣять* ('очистить посредствомъ вѣянія, вывѣять'), *изтрясти* ('вытрясти что откуда'), *изступитъ* ('ступая исходить'); *изскочить* ('выскочить'), *израсти* ('вырасти, проникнуть из земли'), *изронить* ('то же, что выронить'), *иззвать* ('вызвать'), *изгрести* ('то же, что выгрести') в исследованных текстах не встретились. В словарях современного русского языка (см. [БАС 1950–1965; МАС 1999]), а также в «Словаре языка Пушкина» [Словарь языка Пушкина 1956–1961] данные глаголы не зафиксированы.

Непарные глаголы с приставкой *вы-* выделительного значения представляют собой многочисленную продуктивную группу, не проявляющую тенденции к утрате её членов: непарные глаголы с приставкой *вы-* выделительного значения широко употребляются на всём протяжении второй половины XVIII в. в произведениях художественной литературы (прозаических и поэтических), написанных «невысоким» слогом, и в текстах, относящихся к публицистическому стилю.

По способности сочетаться с конструкцией «из» + сущ. Р. п. были выделены следующие непарные глаголы с приставкой *вы-* выделительного значения: *вывалить*, *выглянуть*, *выгрести*, *выдавить*, *выдвинуть*, *выделить*, *выдернуть*, *выдолбить*, *выжать*, *вызвать*, *выкинуть*, *выкласть*, *выклевать*, *выкрасть*, *вылупить(ся)*, *выманить*, *выместь*, *вытихнуть*, *выплестъ(ся)*, *выплюнуть*, *выпорхнуть*, *выпроводить*, *выпрыгнуть*, *вырасти*, *выронить*, *выскользнуть*, *выскочить*, *выслать*, *выставить(ся)*, *высунуть(ся)*, *вытолкнуть*, *вытрясти*, *вытѣснить*, *вытянуть*, *вычестъ*, *вышибить*, *выщипать*; а также глаголы с приставкой *вы-* выделительного значения, которые соотносятся с однокорневыми глаголами с приставкой *из-*, обладающими значением распространения действия на весь предмет, по всем направлениям [МАС, 1, 1999]: *выбить* (*избить*), *выдрать* (*изодрать*), *выдохнуть* (*издохнуть*), *выкопать* (*ископать*), *выписать* (*исписать*), *вырѣзать* (*изрѣзать*), *вырубить* (*изрубить*), *вырвать* (*изорвать*), *выступить* (*исступить*), *выточить* (*источить*).

Круг непарных глаголов, употреблявшихся в языке второй половины XVIII в. с приставкой *вы-*, далеко не исчерпывается перечисленными глаголами. Так, в «Словаре Академии Российской, производным порядком расположенном» [САР-1 1789–1794] и «Словаре церковнославянского и русского языка» [СЦРЯ 2001] зафиксированы, кроме перечисленных глаголов с приставкой *вы-* выделительного значения, не имеющих парных с приставкой *из-*, глаголы *выкласть*, *выклевать*, *выломать*, *выплюнуть*, *выплести*, *вырубить*, *вытопить*, *выхаркнуть*, *выхватить*. Все эти глаголы сохранили выделительное значение в современном русском языке.

Утрату в языке второй половины XVIII в. глаголов с приставкой *из-* выделительного значения можно проследить на материале глаголов движения. Так, если

во второй половине XVIII в. лексемам *вывести*, *выгнать*, *вылететь*, *выйти* соответствуют глаголы с выделительной приставкой *из-*, а в глаголе *избежать* выделительное значение приставки угасает, то глаголам *вывезти*, *выкатить(ся)*, *вылезти*, *вынести*, *выплыть*, *выползти*, *вытащить*, *вы^лхать* не соответствуют парные глаголы с выделительной приставкой *из-*. Процесс утраты глаголов движения с приставкой *из-* начинается до 2-й половины XVIII в. (*вы^лхать*) и завершается в XIX–XX в. (в современном языке функционирует только одна пара глаголов движения с приставками *из-* и *вы-* выделительного значения: *изгнать* — *выгнать*).

Таким образом,

1) выражение значения «выделительности» в языке второй половины XVIII в. более свойственно глаголам с русской приставкой *вы-*, чем глаголам со старославянской приставкой *из-*. Об этом свидетельствуют: а) наличие ограниченной в количественном отношении группы непарных глаголов с приставкой *из-*, никогда не имевших русских однокорневых эквивалентов с приставкой *вы-*; б) функционирование большой и продуктивной группы непарных глаголов выделительного значения с приставкой *вы-*;

2) процесс устранения наиболее архаического пласта славянской лексики, характерный для языка 2-й половины XVIII в., находит выражение а) в утрате к середине XVIII в. целого ряда выделительных глаголов с приставкой *из-* (*изв^лхать*, *изгрести*, *израсти*, *изступить*, *исхитить*, *изтрясти* и др.), а также некоторых глаголов движения (*извезти*, *изнести*, *исползти*, *из^лхать* и др.); б) в архаизации глаголов *изринуть*, *изторгнуть*, *исхитить*, которые в языке 2-й половины XVIII в. употребляются только в текстах высокого стиля; в) в угасании первичного выделительного значения у глаголов *искоренить*, *истребить* и потере его у глаголов *выв^лдать*, *вызвать*, *выпытать*, *выспросить*, при этом глаголы становятся стилистически нейтральными.

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: АН СССР, 1950–1965.

Валерія Італіанська пов^лсть // Московскій журнал / ежемес. журн. / изд. Н. М. Карамзин. — М.: Университет. тип., 1792. — Ч. 7. Сентябрь. — С. 208–301.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / РАН. Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

САР-1: Словарь Академіи Россійской, производным порядком расположенный: в 6 ч. — СПб.: Тип. при Императ. Акад. наук, 1789–1794.

САР-2: Словарь Академіи Россійской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. — СПб.: Тип. при Императ. Акад. наук, 1806–1822.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / АН СССР. Ин-т языкознания; отв. ред. В. В. Виноградов. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1956–1961.

СЦРЯ: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. из 2 кн. — СПб.: СПбГУ, 2001. — Репр. воспр. изд.: СПб, 1847.

Трудолюбивая пчела / ежемес. журн. / изд. А. П. Сумароков. — СПб.: Тип. при Императ. Акад. наук, 1759. — Ноябрь. — С. 208–301.

SLAVICISMS AND RUSSICISMS INTERACTION THROUGHOUT THE
RUSSIAN LANGUAGE HISTORY (BASED ON HISTORICAL DICTIONARIES)

R. M. Dadabayeva

The article considers non-correlative (odd) verbs with intensifying prefixes *уз-* and *вы-* in the Russian language of the latter half of the 18th century. These verbs bear witness to the loss of Slavisms with prefix *уз-* and the weakening of intensifying meaning of the verbs with prefix *уз-*.

Key words: Slavicism, Russicisms, Slavisms and Russicisms interaction, odd verbs, intensifying prefixes.

© 2011

Е. В. Гаева (Ковалёва)

ОБ ОДНОЙ ИЗ ПОПЫТОК ЗАФИКСИРОВАТЬ ОККАЗИОНАЛЬНУЮ
ЛЕКСИКУ В СЛОВАРЯХ

В «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук» (1891–1929) и в «Словаре русского языка, составленном Комиссией по русскому языку Академии наук СССР» (1929–1937) была предпринята попытка наряду с общеязыковой лексикой выделить окказионализмы. В процессе анализа слов, которые составители посчитали принадлежавшими исключительно Н. С. Лескову, автором было показано, что данные этих словарей несовершенны.

Ключевые слова: окказионализмы Н. С. Лескова; «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» (1891–1929); «Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР» (1929–1937).

В своё время в двух незаконченных академических толковых словарях — в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук» (1891–1929; далее — САН) и в «Словаре русского языка, составленном комиссией по русскому языку Академии наук СССР» (1929–1937; далее — САН-2) — была предпринята попытка наряду с общеязыковой лексикой выделить авторские лексемы. Для этого составители словарей использовали пометы типа «*Встрет. у ...*», «*только у ...*», «*у ...*» или «*Франц. слово, встретившееся у ...*». Посмотрим на материале произведений Н. С. Лескова, насколько можно доверять таким пометам.

В общей сложности в обоих незаконченных академических словарях нами выделено 42 лексические единицы, которые в той иной форме приписываются

Гаева (Ковалёва) Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета. E-mail: antiq@rambler.ru

Н. С. Лескову: *абандона, авантажнетъ, азий, алигория, амишка, игралка, изветрить, каридены, клеветон, компакт, комплектный, компот, кондолеанс, конкрет, консоматёр, консьерж, контр-фискал, комфортативный, конэсёр, коренать, корреспондентный, кофейница, кохловатый, крестильник, крестительство, криминальник, криминация, легкомысленник, легконосица, легконосный, лентий, лжеанатом, лже-шпион, ликтор, малодушник, мамчик, маркобрунство, невестинье, обдержание, обдержать, обинячка, обиходиться.*

Некоторые из указанных слов действительно являются окказиональными, но по поводу целого ряда лексем можно усомниться.

Отдельные лексические единицы из вышеперечисленного списка зафиксированы не только в САН и САН-2, но и в других толковых словарях, что уже не позволяет отнести следующие лексемы к окказиональным: *изветрить* ('выветривать, разрушать ветром или воздухом, погодой') находится в словаре В. И. Даля; *обдержание* ('одержание; иногда взято за иступление, восторг') встречается в «Полном церковнославянском словаре» протоирея Г. Дьяченко; *консьерж* ('привратник') есть в «Карманном словаре иностранных слов» Н. Я. Гавкина, *лентий* ('полотенце, утиральник') можно найти в «Церковнославянском словаре» А. Свирина.

Несколько сложнее, на наш взгляд, обстоит дело с формой *азий*. В САН-2 отмечено, что данная лексема имеет следующее толкование: «то же, что казий: мусульманский судья». Однако благодаря данным «Словаря русского языка XI–XVII веков» можно поставить под сомнение предложенное в САН-2 толкование. Дело в том, что в «Словаре русского языка XI–XVII веков» есть форма *азей* ('мусульманин, совершивший паломничество в Мекку и Медину'). Поскольку в печати XIX в. взаимная мена букв Е/И не была чем-то экстраординарным, логично предположить, что *азий* и *азей* — это разные формы одного слова, а потому значение 'мусульманин, совершивший паломничество в Мекку и Медину' может относиться и к слову *азий*.

Не внушает доверия и отнесение в САН слова *невестинье* к авторской графике: «*Встрет. у Лескова с иным правописанием*», ибо здесь мы также наблюдаем чередование И/Е.

Следующая группа лексем, наряду с пометами «*Встрет. у Леск.*», «*Встретилось у Лескова*», «*У Лескова*», «*Встретилось только у Лескова*», имеет пометы, однозначно свидетельствующие о хождении слов в русской общезыковой среде. Так, у единиц *алигория* ('о любовных связях') и *игралка* ('любительница игры на фортепиано или других музыкальных инструментах') в САН и САН-2 встречается ещё помета «*простор.*»; формы *компот* ('вместо «комплот»'), *кохловатый* («хохловатые? насупленные?») и *криминальник* ('преступник') сопровождаются также пометами «*обл.*»; а глагольная форма *коренать* ('укореняться, пускать корни') имеет дополнительную стилистическую помету, указывающую на время употребления: «*стар.*». Но если слово является просторечным, областным или устаревшим, то оно просто не может быть окказиональным. Получается, что в данном случае словарями при помощи пометы «*Встретилось у ...*» просто фиксируется первый (первый ли?) случай использования слова ограниченной сферы употребления в художественном тексте.

В эту группу можно также включить единицу *легконосный* ('скорый на ногу, легконогий'). Отнесение лексемы *легконосный* к окказионализмам объясняется изменением идеологической ситуации в стране: если в САН мы ещё видим помету «*Встретилось как эпитет прославившейся верой угодницы*», то в САН-2, выпускавшемся в тридцатые годы прошлого века, у данного слова уже присутствует помета «*Встретилось у Лескова*». Думается, что говорить о принадлежности слова *легконосный* только к лесковскому языку тоже не приходится.

Третья группа слов — это простые заимствования: *абандона* (франц. abandonnée — 'беспомощная'), *кондолеанс* (франц. condoléance — 'соболезнование'), *консоматёр* (франц. consommation — 'потребитель'), *конфортативный* (новолат. confortativum — 'возбуждающий половую похоть'), *конэсёр* (франц. connaisseur — 'знаток'), *легкомысленник* (польск. lekkomyślnik — 'легкомысленный человек').

Из этого списка немного выбивается только лексема *каридены* («Захудалый род»), которая является несколько искажённой формой французского слова *quéridon* ('подставка изящной работы, напр., под поднос для закуски'). Хотя причину искажения можно понять — скорее всего, именно так звучит это слово в речи бывшего крепостного, доверенного княгини Патрикея или рассказчицы, горничной княгини Ольги Федотовны, которая не владеет французским языком: ... *Патрикей, сходяв утром в каменную палатку, достал оттуда две большие серебряные передачи, круглое золочёное блюдо с чернью под желе, поднос с кариденами (que-ridons), да пятнадцать мест конфектного сервиза* [Лесков, 6, 1890: 88].

Заимствованные лексемы нельзя считать окказиональными только на том основании, что они отсутствуют в словарях того времени, поскольку отличительная черта XIX века — непрерывный поток иноязычной лексики, которую просто не успевали включать в толковые словари и словари иностранных слов, а вот в художественные произведения писателей, чутко реагирующих на малейшие изменения в языке, подобная лексика попадала (не только в произведения Н. С. Лескова, но и в тексты М. Е. Салтыкова-Щедрина, П. Д. Боборыкина, Б. М. Маркевича и многих других литераторов).

К окказиональной лексике мы традиционно относим слова, встретившиеся единожды в произведении одного автора. В частности, в САН-2 лексема *амишка* ('друг, приятель, любимчик') сопровождается пометой: «*Встрет. у Лескова*». Может быть, действительно это слово впервые употребил Н. С. Лесков (в романе «На ножах», 1870–1871, а затем позднее в рассказе «Инженеры-бессребреники», 1887), но и в романе Б. М. Маркевича «Четверть века назад» (1878) также можно найти эту лексему и в этом же значении: *Из провинциальных амишек; по штату фаворитка и чиновник особых поручений хозяйки дома...* [Маркевич, 4, 1885: 296].

Аналогична история со словом *кофейница* ('прислужница в кофейне'), которое у Н. С. Лескова присутствует в рассказе «Обман» (1883). Авторы САН также отнесли эту лексическую единицу к авторским. Но в повести П. Д. Боборыкина «Поддели!» (1871), которая была опубликована на двенадцать лет раньше лесковского рассказа, также встречается данная лексема: *Самоварницы и кофейницы продолжают их обглядывать с некоторым недоумением* [Боборыкин, 12, 1887: 194].

Фиксация одного и того же слова в произведениях нескольких авторов уже не позволяет утверждать, что *амишка* и *кофейница* — это авторские неологизмы.

Материал произведений Н. С. Лескова помогает также вывести из разряда окказионализмов лексемы *ледащица* и *макферлан*, которые в анализируемых словарях имеют следующие пометы: *ледащица* — «*встретилось только у М. Вовчка*», а *макферлан* — «*встрет. у Буренина*».

Но слово *ледащица* активно употреблялось в белорусском (*ледащица*) и в украинском (*ледащиця*) языках. К тому же данная лексема встречается не «*только у М. Вовчка*», но и в романе Н. С. Лескова «Некуда»:

— *Что ты думаешь об Арапове?* — спросил однажды Розанов Нечая, перебиравшего на своём столе бумаги.

<...> — *А бодай уси воны поиздыхали,* — с нетерпением отозвался Нечай.

— *Нет, серьёзно?*

— *Так соби ледацица, як и уси* [Лесков, 4, 1889: 300].

В САН поясняется, что *ледащица* — это «малосильная, болезненная женщина». В романе же Н. С. Лескова это слово употреблено, скорее, в значении «негодник, негодяй».

По свидетельству САН и САН-2, форма *макферлан* («мужское пальто особого покроя без рукавов, или крылатка») встретила только в произведениях Буренина, т. е. весьма уважаемые словари (и весьма высокого уровня при этом) фактически утверждают, что слово *макферлан* — это практически лексема одного автора. Однако лесковская форма *мэк-ферлан* и форма *макферлан*, которая употребляется в произведениях П. Д. Боборыкина, противоречат данному утверждению: *Бертольди рассчитывалась с извозчиком; возле неё стоял высокий долгогривый человек с смуглым лицом, в гарибальдийской шляпе и широком мэк-ферлане* [Лесков, 4, 1889: 525]; — *Ну, Людмила... кто это знает?* — возразил слабым голосом мужчина в *макферлане* — муж её, конторист из Петербурга [Боборыкин, 2, 1897: 4–5]; *А Марусю всё ещё тянуло туда, к столу, где долгоногий её «простак» чокался с примадонной и двумя бородатыми господами в макферланах* [Боборыкин, 2, 1897: 336]; *Особенно ярко держался у неё в памяти гороховый макферлан с развевавшимися рукавами, весь закапанный и выцветший* [Боборыкин, 3, 1897: 326].

Итак, лексема *макферлан* (*мэк-ферлан*) довольно активно употреблялась в художественных текстах второй половины XIX в., поэтому относить её к авторским нет причин.

Как мы видим, в САН и САН-2 пометы типа «*встретилось у ...*» свидетельствуют не столько об окказиональном употреблении, сколько о том, что картотека, которая лежит в основе этих словарей, несовершенна.

ЛИТЕРАТУРА

Боборыкин П. Д. Собрание романов, повестей и рассказов: в 12 т. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1897.

Боборыкин П. Д. Сочинения: в 12 т. — СПб.; М.: Изд. товарищества М. О. Вольф, 1884–1887.

Гавкин Н. Я. Карманный словарь иностранных слов. 20-е изд. — Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1903. — 745 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Прогресс: Универс, 1994. — Репр. изд. 1903–1909 гг.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. — М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1993. — 1120 с. — Репр. изд. 1900 г.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 10 т. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889–1890.

Маркевич Б. М. Полное собрание сочинений: в 11 т. — СПб.: Тип. (бывшая) А. М. Котомина, 1885.

САН: Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. — СПб.–Пт.–Л.: Тип. Императ. Акад. наук, 1891–1929.

САН-2: Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР / нов., перераб. и доп., изд. — М.; Л.: АН СССР, 1929–1937.

Свирилин А. Церковнославянский словарь для толкового чтения Святого Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха (учебных) и других богослужебных книг. — М.: Паломник, 2000. — 200 с. — Репр. изд. 1916 г.

Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975–2008. — Вып. 1–28 (изд. продолжается).

AN ATTEMPT TO LIST NONCE WORDS IN DICTIONARIES

Ye. V. Gayeva (Kovalyova)

“The Dictionary of the Russian Language” compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences (1891–1929) and “The Dictionary of the Russian Language” compiled by the Russian language commission of the Academy of Sciences of the USSR (1929–1937) made an attempt to present nonce words along with the general vocabulary. The analysis of words that the compilers of these dictionaries attributed exclusively to Nikolai Leskov showed that these dictionaries data are far from perfect.

Key words: N. Leskov’s nonce words, “The Dictionary of the Russian Language” compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences (1891–1929), The Dictionary of the Russian Language” compiled by the Russian language commission of the Academy of Sciences of the USSR (1929–1937).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ, В ДРЕВНЕРУССКИХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ XII–XVII ВВ. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ

В статье исследуются особенности функционирования в древнерусских воинских повестях XII–XVII вв. устойчивых словесных комплексов, обозначающих способ ведения боевых действий, и проводится сопоставление данных авторской картотеки с данными существующих исторических словарей.

Ключевые слова: древнерусские воинские повести, устойчивый словесный комплекс, исторические словари.

В древнерусских воинских повестях XII–XVII вв. большую роль играют устойчивые словесные комплексы (УСК), обозначающие способ ведения боевых действий. Центральное место среди них занимают собственно процессуальные единицы с общим значением ‘воевать определённым способом’, а остальные УСК обозначают различные предметы и явления, связанные с особенностями стратегии и тактики сражения; они находятся на периферии семантического поля «воевать».

Все выявленные нами УСК, обозначающие способ ведения боевых действий, можно разделить на следующие подгруппы с учётом объединяющих их конститuentов сем:

1) ‘воевать в открытом, честном бою, лицом к лицу’ — *битися* каким-л. *бо-емъ*, *упоити стрѣлу отъ кровѣ* чьей-л., *освѣтити злачеными доспѣхами*, *битися крѣпко* / *зълѣ*, *гремѣти мечьми о шеломи* и др. (всего 6 ед.). К этим процессуальным УСК примыкают УСК иной структуры — *мечи* / *сабли притупишася*, *сьемный бой* / *сьемное дѣло*, *на обѣ руцѣ* (сѣчи кого-л.), *единъ за единого* (*умрѣти*) и др. (7 ед.);

2) ‘воевать, совершая жестокие, разбойничьи действия’ — *гладомъ выморити*, *муками мучити*, *пусту землю творити*, *накостъ дѣяти* / *чинити* и др. (6 ед.). К ним примыкают непроцессуальные УСК *огнемъ и мечемъ* и *отъ огня и меча*;

3) ‘воевать путём захвата воинов противника в плен’ — *възяти на щитъ* (= захватить), *възяти въ полонъ*, *прѣдати* кого-л. *въ руцѣ* кому-л., *руками яти*, *побити*, *живыхъ възяти* и др. (8 ед.). К ним примыкают УСК *ити въ руки*, *полоняныя вѣсти*;

4) ‘оказать / получить военную помощь, воевать в союзнничестве с кем-л.’ — *послати помощь*, *помощь сътворити*, *помощи подати*, *просити помощи* (4 ед.). Сюда же относим непроцессуальные единицы *на помощь* (*поидти*, *приидти* и т. п.), *помощию* чьей-л., *Божиею помощию*; предикативный УСК *помощь прииде*;

5) ‘воевать с целью захвата крепости, укрепления; осадить крепость’ — *(по)идти на приступъ*, *за щитомъ възяти*, *подъкопъ (по)вести*, *отъняти дороги*

Гараева Лариса Анваровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: cathjaz@masu.ru

(= осадить) (4 ед.). К этой подгруппе близки предметные УСК *приступные люди*, *проломное мѣсто*, *приступное мѣсто*, *подошвьный бой* (= бойница);

б) ‘защищать город, крепость’ — *вылазку сътворити*, *пойти на вылазку*, *крѣпостми утвържати*, *въ градѣ затворитися*, *сидѣти въ осадѣ* (5 ед.). Сюда же примыкают УСК осадное сидѣние, вылазные люди.

Как видим, в древнерусском литературном языке имелись устойчивые словесные комплексы, описывающие многие стратегические действия и тактические приёмы ведения войны. Среди них метафорические единицы составляют чуть более половины — 28 из 52. Наибольшим количеством метафорических УСК отличаются подгруппы ‘воевать в открытом, честном бою, лицом к лицу’ (9 из 13) и ‘воевать путём захвата воинов противника в плен’ (9 из 10).

В значениях УСК первых двух подгрупп (‘воевать в открытом, честном бою, лицом к лицу’ и ‘воевать, совершая жестокие, разбойничьи действия’), как правило, присутствует оценочная сема: либо положительная (восхищение) — *освѣтити злечеными доспѣхами*, *гремѣти мечьми о шеломы*, — либо отрицательная — *гладомъ выморити*, *муками мучити* и т. п.

Авторы воинских повестей всегда сочувственно относятся к русским воинам, восхищаясь их мужеством и храбростью. Это связано не только с патриотическими чувствами древнерусских писателей, но и с наличием определённых эстетических ценностей. «Красиво оружие воина, красиво всё, что связано с боевым конём <...> Образ воина <...> это также по-своему эстетически канонизированное представление о красоте» [Лихачев 1978: 64–65]. Не случайно во многих воинских повестях XII–XV, особенно XIV–XV вв., активно функционируют УСК, обозначающие поведение русских воинов в бою путём создания красочной метафоры, напр.: *И удариша копя харалужныя о доспѣхи татарские*, *возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ* [Задонщина 1985: 163].

Враги же в древнерусских воинских повестях осуждаются. Писатели отказывают им в храбрости и мужестве. Неприятель всегда совершает вероломные, разбойничьи действия, несовместимые с понятиями воинской доблести. Военные методы врагов обозначаются с помощью УСК *гладомъ выморити*, *муками мучити*, *пусту землю творити*, *силу дѣлати* (= совершать насилие) и т. п.

Важное место в языке древнерусских воинских повестей XII–XVII вв. занимает группа УСК, обозначающих оказание военной помощи. Как установил Ф. П. Сороколетов, слово *помочь* / *помощь* в древнерусском языке XI–XIV вв. имело «терминологическое значение ‘вспомогательное войско’, ‘союзное войско’ (равно современному *подкреплению*)» [Сороколетов 1970: 129].

В наших примерах слово *помощь* реализует своё военное значение в составе УСК *помощь прииде*, *помощи просити* (если данный УСК употребляется по отношению к конкретным князьям, а не к небесным силам), *помощь послати*. Напр.: *Откуда убо ему **помощь** сиа **прииде**, яко противу трех насъ въоружися?* (Олег Рязанский говорит о князе Дмитрии Ивановиче. — Л. Г.) *Глаголаша ему бояре его: «Намъ, княже, повѣдали от Москвы за 15 дний, мы же устыдѣхомся тебѣ сказати: како же в вотчинѣ его есть, близ Москвы, живетъ калугерь, Сергиемъ зовуть, велми прозорливъ. Тѣй паче въоружи его и от своих калугерь далъ ему пособники* [Сказание о Мамаевом побоище 1985: 217].

Если же УСК *просити помощи* употребляется по отношению к небесным силам, то тогда слово *помощь* реализует свое прямое, невоенное значение — ‘покровительство, защита’ [Срезневский, II, 2, 1989: 1164]. Напр.: *А сам князь великий ꙗко с Коломны на Москву ко всемилостивому Спасу, и Пречистой госпоже богородицы, и ко святым чудотворцамъ, прося помощи и заступления православному христианству...* [Повесть о стоянии на Угре 1985: 290].

Таким образом, только при учёте широкого контекста можно определить, военное или невоенное значение имеет УСК *просити помощи*. Это показывает широкое взаимодействие военной терминологии и общенародной лексики и фразеологии в русском языке древних эпох.

Широко используются в воинских повестях XII–XVII вв. УСК *божиею помощию* и *помощию* чьей-л. «Помощь и заступление небесной силы — эпизод, весьма распространенный в боевых описаниях. Это, конечно, находится в связи с характерной для древней Руси идеей, воплотившейся в таких словах Галицко-Волынской летописи: “Яко не отъ помощи челоуѣкомъ побѣда, но отъ Бога”. Ипат. 1249, 532» [Орлов 1902: 37]. Здесь проявляется характерная черта православного мировоззрения древних русичей: с одной стороны, авторы воинских повестей всеми средствами возвеличивают героические подвиги русских воинов. Но, с другой стороны, как бы ни были они храбры и мужественны, без Божьей помощи они не смогли бы одолеть своих врагов. Как бы ни был велик человек, но его возможности ничтожны по сравнению с могуществом Бога.

Таким образом, в древнерусских воинских повестях функционирует большое количество разнообразных УСК, передающих понятие ‘воевать определенным способом’. Причём увеличение количества УСК в составе данной семантической группы произошло к XVI в., и оно было вызвано появлением новых видов оружия: «... до половины XIV столетия артиллерия стреляла против людей; она могла опрокидывать всадников, покрытых латами, но была бессильна против стен и крепостей, так как бросала небольшие пули или карро, — короткие и толстые стрелы, с железным пирамидальным наконечником. К концу XIV столетия в технике огнестрельного оружия достигнут значительный прогресс: начинают делать орудия, бросавшие большие каменные ядра» [История военного искусства 1896: 164]. В этот же период появились первые артиллерийские орудия и на Руси, и с этого времени изменились методы вооружённой борьбы за укрепленный город.

Только в воинских повестях XVI–XVII вв. отражена борьба за овладение крепостью. Здесь появляется много новых УСК, большинство из которых являются строгими военными терминами, не имеющими другого, общеупотребительного значения: *повести подкопы*, *проломное мѣсто*, *приступное мѣсто*, *подошвьный бой* и др. Напр.: *Сии же литовские языки государевым бояромъ и воиводамъ сказаша, что уже тѣ подкопы всѣ повели сентябрю въ 17 день...* [Повесть о приходе... 1985: 334]; *А на выласку и въ прибавку къ приступнымъ мѣстамъ людей особь устроят* [Сказание А. Палицына 1985: 393]).

Таким образом, в древнерусских воинских повестях XII–XVII вв. нами выявлено 52 УСК, значение которых так или иначе связано с характеристикой способа ведения боевых действий. При этом 27 единиц не зафиксированы ни в одном из исторических словарей русского языка.

Из тех УСК, которые лексикографически описаны, лишь 7 единиц имеют в словарях такую же форму, как в древнерусских воинских повестях XII — XVII вв. Остальные отражённые в словарях УСК, передающие значение ‘воевать каким-либо способом’, употребляются в древнерусских воинских повестях в огромном количестве вариантов. Эти варианты можно классифицировать следующим образом:

1) процессуальные УСК, различающиеся глагольными компонентами — *послати помощь, помощь сътворити / помощи подати* (см.: *даяти помощь* [СРЯ XI–XVII, 4, 1977: 179], *(при)вести / добыти языкъ / (въ) языки възяти (поимати)* (см.: *добыти языка* [Там же: 271], *сидѣти / отъсидѣтися въ осадѣ / быти въ осадѣ* (см.: *сѣсти въ осадѣ, сидѣти въ осадѣ* [СРЯ XI–XVII, 13, 1987: 75], *силу дѣлати* (см.: *силѣ творити* [Цейтлин 1994: 692] и др. (всего 10 ед.);

2) процессуальные УСК, различающиеся формой именного компонента (чаще всего другой формой числа или падежа существительного) — *полона възяти* (см.: *взяти въ полонъ* [СРЯ XI–XVII, 2, 1975: 168–169], *имати въ полонъ* [СРЯ XI–XVII, 6, 1979: 225], *взяти полонъ* [СРЯ XI–XVII, 4, 1977: 168], *поимати въ полонъ* [СРЯ XI–XVII, 16, 1990: 132]; *(при)вести / добыти языкъ / (въ) языки възяти (поимати)* (см.: *добыти языка* [СРЯ XI–XVII, 4, 1977: 271]; *помощи подати* (см.: *даяти помощь* [Там же: 179]); *силу дѣлати* (см.: *дѣяти сильно* (= делять насилие?) [Срезневский, I, 1, 1989: 801] (4 ед.);

3) непроцессуальные УСК, различающиеся своими главными компонентами-синонимами — *съемный бой / съемное дѣло* (см.: *съемный бой* [СРЯ XI–XVII, 1, 1975: 275]); *на помощь / на пособъ (призывати, поидти и т. п.)* (см.: *быти на помощь* [СРЯ XI–XIV, 1, 1988: 349]); *помощию чьей-л. / пособиємъ чьим-л.* (см.: *помощьми кого-л.* = через чьё-либо посредство [СРЯ XI–XVII, 17, 1991: 35] (3 ед.);

4) УСК со значением дополнения — в другой падежной форме, чем в словаре: *отъ огня и меча* (см.: *мечъ и огонь ввергнути, мечю и огню предавати, огнемъ и мечемъ убити* [СРЯ XI–XVII, 9, 1982: 138] (1 ед.);

5) УСК с другой формой зависимого компонента — *осадное сидѣние / въ осадѣ сидѣние* (см.: *осадное сидѣние* [СРЯ XI–XVII, 13, 1987: 76] (1 ед.);

6) УСК, различающиеся количеством компонентов — *пусту землю творити* (см.: *пуста сътворити* [Срезневский, II, 2, 1989: 1732]; *муками мучити* (см.: *мучити разными муками* [СРЯ XI–XVII, 9, 1982: 321]; *до смърти битися / побити до смърти* (см.: *битися до смърти, битися до крѣви и до смърти* [СРЯ XI–XVII, 1, 1975: 189] (3 ед.).

Как видим, некоторые УСК со значением ‘воевать определённым способом’ демонстрируют одновременно разные виды варьирования (см., напр., *възяти / (по)брати (въ) полонъ / полона възяти / имати въ полонъ*), и больше всего вариантов имеют процессуальные УСК. При этом многие варианты пока не зафиксированы словарями.

Таким образом, древнерусские воинские повести XII–XVII вв. являются интересным лексикографическим источником и могут дать богатый материал для различного рода лексикографических и фразеологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Задонщина // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Понырко. — Л.: Лениздат, 1985. — С. 159–168.
- История военного искусства с древнейших времен до начала XIX столетия / сост. Н. П. Михневич. — 2-е изд. — СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. — 537 с.
- Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — М.: Худож. лит., 1978. — 359 с.
- Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII веком). — М.: МГУ, 1902. — 52 с.
- Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Понырко. — Л.: Лениздат, 1985. — С. 298–346.
- Повесть о стоянии на Угре // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Понырко. — Л.: Лениздат, 1985. — С. 290–294.
- «Сказание» Авраамия Палицына (гл. 7–53, отрывки — об осаде Троице-Сергиева монастыря) // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Понырко. — Л.: Лениздат, 1985. — С. 392–411.
- Сказание о Мамаевом побоище // Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Понырко. — Л.: Лениздат, 1985. — С. 203–236.
- СДЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. — М.: Рус. яз.: Азбуковник, 1988–2008. — Т. 1–8 (изд. продолжается).
- СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975–2008. — Вып. 1–28 (изд. продолжается).
- Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). — Л.: Наука, 1970. — 284 с.
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. — М.: Книга, 1989. — Репр. изд.
- Цейтлин: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред Р. М. Цейтлин и др. — М.: Рус. яз., 1994. — 842 с.

FUNCTIONS OF FIXED VERBAL COMPLEXES IN OLD RUSSIAN MILITARY STORIES OF THE 12th — 17th C.C. AND THEIR DICTIONARY PRESENTATION

L. A. Garayeva

The article deals with function peculiarities of fixed verbal complexes in Old Russian military stories of the 12th — 17th c.c. It also presents a correlation between the data of the author's file on the subject and the data of the existing historical dictionaries.

Key words: Old Russian military stories, fixed verbal complex, historical dictionaries.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ОСНОВА ТОЛКОВАНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ТЕКСТОВ «ХРЕСТОМАТИИ ПО СТАРОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ»

Автор даёт оценку лексикографическим и фразеографическим комментариям, которыми сопровождаются все тексты опубликованной издательством МаГУ в 2011 г. «Хрестоматии по старославянскому языку». Особого одобрения, с точки зрения автора статьи, заслуживают комментарии из 3-го блока, где приводятся устойчивые словесные комплексы русского языка, генетически связанные с фрагментами старославянского текста, а также два учебных минисловаря, помещённые в конце книги.

Ключевые слова: компетенция, старославянский язык, хрестоматия, тексты, справочная часть, комментарий, устойчивый словесный комплекс.

Лексикографические материалы играют существенную роль в структуре учебных книг по славянским языкам. Хрестоматия по старославянскому языку С. Г. Шулежковой [Шулежкова 2011] предназначена для изучения памятников древнейшей славянской письменности в условиях вузовского профессионального обучения.

Старославянский язык — один из наиболее сложных предметов историко-лингвистического цикла, занимающий важное место в системе высшего филологического образования.

В соответствии с Государственным стандартом высшего профессионального образования РФ по дисциплине «Старославянский язык», у выпускников филологических факультетов должны быть сформированы общекультурные и специальные компетенции: способность к анализу, восприятию информации; способность выделять и анализировать единицы различных уровней языковой системы в единстве их содержания, формы и функций.

В связи с требованиями государственного стандарта образования при чтении старославянских памятников необходимо донести до молодого филолога прежде всего смысл текста, обеспечить адекватный перевод и правильное понимание заложенного в нём человеческого опыта, мудрости древних людей. Основательное прочтение текстов и их верная интерпретация — важные задачи как составителя пособия, так и преподавателей, которые будут использовать хрестоматию в практической работе. Поэтому особое место в подобном учебном пособии занимают словарно-справочные материалы, которые по своей сути являются лексикографической базой толкования текстов. Это большая и информативная часть всего пособия.

В Хрестоматии представлены три типа лексикографических данных: справочная часть после каждого текста, словарь лексем к публикуемым старославянским

Глухих Наталья Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: gluhihnv@yandex.ru

текстам, словарь русских устойчивых выражений, имеющих отношение к содержанию данных текстов.

Справочная часть после текста включает расшифровку сокращённых слов, толкование труднопереводимых слов и конструкций, ссылки на устойчивые выражения, живущие в языке и сегодня. Сложность прочтения сокращённых слов заключается не только в их устарелом облике, но и в том, что существует значительное количество вариантов подобных написаний, напр., *а҃гль* — *а҃н҃гль*. Кроме того, под титлами написаны, как известно, и числа, их расшифровка тоже помогает правильно понять содержание отрывка.

Оригинальная методическая находка составителя хрестоматии, на наш взгляд, — включение в справочную часть непосредственно после текста раздела *Устойчивые словесные комплексы русского языка, генетически связанные с фрагментами притч и легенд*. В современном русском языке хорошо известны выражения *блудный сын*, *умереть от голода*, *броситься на шею кому* и проч., но не каждый помнит их историю в притче о блудном сыне. А говоря *голову даю на отсечение*, мы и не задумываемся уже об исконном смысле этого выражения. Некоторые из приведённых сочетаний стали фразеологизмами, напр., *бросать жребий*, *прийти в себя*, и живут теперь в языке как широко употребительные самостоятельные единицы русской номинативной системы. Но ссылки включают и малоизвестные с точки зрения происхождения сочетания, такие, как *имя им легион*, *птицы небесные*, *отдавать десятину* и др.

Словарь к старославянским текстам не только даёт буквальный перевод отдельных лексем. Особенность Словаря — наличие ряда необходимых дополнений, позволяющих адекватно переводить текст с применением необходимых трансформаций. Словарная статья содержит указание не только на прямое значение слова, но и нужное для интерпретации переносное; там, где это необходимо, приводятся синонимы к инициальному слову. Имеются необходимые грамматические пометы для исключения нежелательного отнесения к омонимичной форме; даются пояснения к формам слов, имеющимся в текстах (видовые пары глаголов, падежные формы имен). В ряде случаев комментируются варианты глагольного управления, для предлогов указаны потенциально возможные падежи употребляющихся с ними имён. Всё это обеспечивает понимание смысла старославянского текста.

Русские устойчивые словесные комплексы, генетически связанные с текстами хрестоматии, толкуются с позиций семантики, стилистики, категориальной принадлежности. При толковании *словесных комплексов* даются подробные ссылки на источники употребления исходных единиц, разъясняется не только буквальный смысл выражения, но и его морально-нравственная составляющая.

Все имеющиеся в этой части конструкции соотносятся с публикуемыми текстами: в старославянских оригиналах это были словосочетания или предложения. Автор комментирует современные словесные комплексы с учётом их первоначального вида. Так, для устойчивых сочетаний слов определено общее категориальное значение, напр., *адовы врата* — предметное, *бить себя в грудь* — процессуальное.

Общая составляющая словарной статьи этой части включает обязательное указание на источник, ссылки на конкретные тексты, на стилистическую принад-

лежность, на отнесённость единицы к пассивному словарному запасу (устаревшее, архаизм). Здесь же помещаются краткие историко-культурные сведения, указания на семантические изменения компонентов словесного комплекса и единицы в целом; излагаются отдельные факты из истории слов, связанных с приобретением сегодня новых оттенков значений (напр., *Да минует меня чаша сия!* — *экспрес.*, *Ей богу!* — *разг.*).

Многие приведённые в Хрестоматии слова и выражения употребляются в повседневной речи, но люди, в том числе и молодёжь, не задумываются об их древних истоках. Поэтому своевременно, необходимо и крайне важно разъяснять забытые культурные реалии, рассказывать молодым об истоках древнейшей мудрости. Отсылки к современным русским устойчивым выражениям усиливают мотивацию читателя к изучению славянской культуры и письменности.

Комментарий слов и выражений в целом — очень полезный компонент хрестоматии, т. к. учитывает уровень развития и образования рецепиента, предупреждает ошибки в чтении и исключает искажение понимания текста. Включение лексикографического компонента в учебное пособие обеспечивает связь времён, позволяет строить обучение древним языкам в соответствии с логикой исторического развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

Шулежкова С.Г. Хрестоматия по старославянскому языку. Тексты, словарь, фоно-приложение: учеб. пособие для студ. филол. фак. высших учеб. заведений. — Магнитогорск: МаГУ, 2011. — 260 с.

LEXICOGRAPHIC MATERIAL AS A BASIS FOR INTERPRETING THE EARLIEST TEXTS OF “THE OLD SLAVONIC READER”

N. V. Glukhikh

The author gives an assessment of lexicographic and phraseographic commentary on all texts presented in “The Old Slavonic Reader” that was published by Magnitogorsk state university in 2011. Of particular value is the commentary of the third section presenting Russian fixed verbal complexes together with fragments of Old Slavonic texts and two learner’s mini dictionaries at the end of the book.

Key words: competence, Old Slavonic, reader, texts, reference section, commentary, fixed verbal complex.

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ СОЦИОЛЕКТА ПРИВАТНОГО ОБЩЕНИЯ РУССКОЙ ДРАМЫ КОНЦА XX ВЕКА

В статье рассматривается специфический социальный диалект частного диалога, в котором функционируют многочисленные устойчивые выражения, кодифицированные в словарях.

Ключевые слова: социолект, частное общение, диалог, устойчивое выражение.

Специфический языковой пласт, определяемый нами как *социальный диалект*, «дискурс номенклатуры в неофициальной речевой ситуации», ведущийся в особом языковом стиле, выявляется в русской драме конца XX в. Коммуникантами в подобной неофициальной конституции становятся субъекты, имеющие прямое или косвенное, часто опосредованное отношение к власти и её проявлениям. Анализируемый пласт интересен наличием значительного количества устойчивых выражений, являющихся принадлежностью как всего языка, так и узкого социолекта, описываемого в данной работе. Однако говорить о чёткой границе между ними неправомерно ввиду значительной активизации социолектных свойств только в соответствующем контексте. Так, В. В. Виноградов отмечает: «К семантической композиции литературного произведения относится принцип или приём насыщения слова и выражений разнообразными **смысловыми излучениями** (выделено нами. — М.Г.), которые в соответствии с ситуацией приобретают функцию неожиданных указателей или путей развития сюжета» [Виноградов 1978: 14]. Напр., следующие сочетания и лексемы могут функционировать как нейтральные в «обычной» речи, но, попадая в данный социоконтекст, окрашиваются в его тона, делаются узнаваемыми: У с в а т о в. <...> *А то был в силе, на руках носили. А теперь замечать приходится..*; У с в а т о в. <...> *Что это говорят, министр ваш вроде бы тоже колебнулся. Слух прошёл: шатается, мол*; П о р т н о в. <...> *Мне он внук, но — как сын. На моих руках вырос. Надо будет — поможем, подтолкнём* <...> П о р т н о в. <...> *Вы просто не в курсе дела всей нашей закулисной механики...* (Г. Бакланов. Я и мы). Другая группа примеров характеризуется большей приближённостью фразем к социомаркированной речи: П о р т н о в. <...> *Ты не говорил, я не слыхал*; П о р т н о в. <...> *Мой сын в данный момент на льдине находится, а радиogramму прислал. Система связи у нас отлажена, действует хорошо*. В и к т о р. *Система связей* <...> П о р т н о в. *Напомни завтра. Созвонюсь с Безручковым. Обсудим этот вопрос*. В и к т о р. *В узком кругу ограниченных лиц?* (Г. Бакланов. Я и мы); К а р и н а. *Всё знает, свой человек и в Союзе писателей, и в Большом доме. Трижды лауреат. Планируется на секретаря по иностранным делам. Много раз выезжал за границу, представлял писателей. Входит в ряд международных организаций. В общем — на подъёме...* (В. Губарев. Дача Сталина). **Окказиональные фразеологизмы** подтверждают незавершённость процессов онтогенеза данного социолекта и характерологическую от-

Голованёва Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета. E-mail: yagrow@inbox.ru

меченность подобных единиц: З я б л и к о в. *Дышу. Но дыхания уже не хватает. Перекрывают кислород*; З я б л и к о в. <...> *Я со всеми своими врагами целуюсь! Пусть думают, что я их люблю. Врагов надо обнимать!* С п р у т о в. *Чтобы задушить!.. А ты их лобызаешь* (С. Михалков. Кавардак); П о р т н о в. <...> *Не сумел задушить, обними* (Г. Бакланов. Я и мы); П о т а н и н. <...> *Работаешь, работаешь, и тебя же мордой об стол* (К. Щербаков. Перемена). **Узуальные фразеологизмы** свидетельствуют о большой истории формирования данного социолекта: С п р у т о в. *Нужно, честно говоря, всю её перелопатить, заново переписать. Довести до кондиции. Не в службу, а в дружбу! Я в долгу не останусь. Ты же меня тоже на днях кое о чём просил*; С п р у т о в а. <...> *Он ведь знает цену своей номенклатурной подписи*; З я б л и к о в. *Такие, как она, шагают по трупам, если им это выгодно*; С п р у т о в а. *Выбросить в мусоропровод ты её не можешь. Это тебе ясно. Ясно и то, что они оба решили тебя прижать в угол* (С. Михалков. Кавардак); П о р т н о в. *Да ты знаешь, что если проводится какая-либо кампания, так надо вообще сидеть, носа не высовывать* (Г. Бакланов. Я и мы); Б о б р о в. <...> *Но — виноват, не виноват — стой, не дыши. Рой землю носом*; Ж и в ц о в а. <...> *Здесь не поглядят по головке* <...> Ж и в ц о в а. *Ну, Балтазаров, бес ты! // «Сниму» <...> Не сняли б головы // С тебя. Да и с меня впридачу* (Л. Зорин. Цитата); Г о р е х в а т о в. *Наломали дров. Если вы дадите повод ещё как-то скомпрометировать себя* <...> Г о р е х в а т о в. *Если будете и здесь нос кверху* <...> *все виноваты, один вы нет...* (Р. Солнцев. Статья); П о т а н и н. <...> *Поэтому я не пошёл. А не потому, что боялся за свою шкуру* (К. Щербаков. Перемена); А н д р е е в. *Боялся — честно скажу. Могли загреметь так, что и костей не соберёшь* (К. Щербаков. Перемена).

Узуальные фразеологизмы в описываемом социолекте многочисленны, их кодифицированность подтверждает наличие истории у исследуемого языкового слоя. Так, в словарях отмечаются следующие единицы: *Не в службу, а в дружбу!* [Даль 2008 <http://>]; *в долгу не оставаться* 'отвечать кому-либо тем же самым, таким же поступком, отношением' [Быстрова 1992: 142]; *знать цену* 'правильно оценивать свои возможности, достоинства' [Быстрова 1992: 91]; *шагать по чьим-л. трупам* 'достигать чего-либо, не пренебрегая никакими средствами, ценой многих жертв, убийств и т. п.' [ФССРЛЯ, 2, 2004: 781]; *прижать (или припереть) в угол* кого 'поставить кого-л. в безвыходное положение в разговоре, в споре' [МАС, 4, 1984: 459]; *носа не высовывать* 'не выходить, не показываться' [БФСРЯ: 463]; *рыть землю носом* 'биться, не щадить усилий, лезть из шкуры вон, делать невозможное; надсаживаться, вкладывать всю душу, прилагать все силы, проявлять усердие' [Словарь синонимов <http://>]; *погладить по головке* 'похвалить'; чаще в выражении — *не поглядят по головке* за что (разг.); 'не отнесутся одобрительно к чему' [Ушаков, 3, 1939: 344]; *не сняли б головы* — снять голову с кого — 1) 'строго наказать'; 2) 'поставить в крайне неловкое или в крайне затруднительное положение; подвести' [МАС, 4, 1984: 168]; *наломать дров* 'наделать ошибок, глупостей при выполнении какого-л. задания, поручения' [ФССРЛЯ, 1, 2004: 630]; *нос кверху держать (носить и т. п.)* 'важничать, зазнаваться' [ФССРЛЯ, 1, 2004: 674]; *бояться за свою шкуру* — *дрожать за свою шкуру* — 'бояться за свою жизнь, благосостояние' [РФС <http://>]; *загреметь под фанфары* 'провалиться, потерпеть неудачу; быть изгнанным, уволенным откуда-л.; быть пойманным, задержанным,

арестованным, застигнутым на месте преступления; угодить, попасть куда-л.; очутиться где-л. (обычно о какой-л. неприятной ситуации)' [Елистратов 2006: 135].

Таким образом, фразеографическое отражение социолекта частного общения в русской драме конца XX века свидетельствует об узуальном характере большей части его устойчивых выражений.

ЛИТЕРАТУРА

БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ-Пресс кн., 2006. — 784 с.

Быстрова Е.А. Краткий фразеологический словарь русского языка / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. — СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. — 271 с.

Виноградов В.В. Проблема автора в художественной литературе. — М.: Наука, 1978. — 320 с.

Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 752 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/dal/36.htm> (дата обращения: 08.01.2011).

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. — М.: АСТ-Пресс кн., 2006. — 672 с.

РФС: Русский фразеологический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://gloss-word.info/index.php/index/6-russkij-frazeologicheskij-slovar.xhtml> (дата обращения: 11.01.2011).

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1981–1984.

Словарь синонимов. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/synonym/> (дата обращения: 08.01.2011).

Ушаков: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

ФССРЛЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова; под ред. проф. А.Н. Тихонова. — М.: Флинта: Наука, 2004.

PHRASEOGRAPHIC PRESENTATION OF PRIVATE COMMUNICATION IN RUSSIAN DRAMA OF THE LATE 19th CENTURY

M. A. Golovanyova

The article considers a specific social dialect of private dialogue abundant with set phrases registered in dictionaries, which testifies to the continuous evolution of the linguistic phenomenon.

Key words: social dialect, private communication, dialogue, set phrase.

СУДЬБА РУССКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)

Статья посвящена проблеме изучения судьбы русского просторечия как стилистической категории и как одной из форм существования общенародного языка. Автор статьи рассматривает просторечие, учитывая факт меняющегося с течением времени его содержания, объёма и функций. Особое внимание уделяется концу XVIII в. и XIX в., а также роли Словаря Академии Российской в формировании и описании стилистической системы языка (сниженного яруса). Далее в статье рассматриваются стилистические смыслы сниженного яруса, которые появились уже в XX в. В целом же можно говорить о движении от очень широкого понимания просторечия к более конкретному и точному.

Ключевые слова: просторечие, простонародные слова, Словарь Академии Российской, стилистические пометы, семантика.

Статья посвящена проблеме изучения судьбы русского просторечия как стилистической категории и как одной из форм существования общенародного языка. Исследуя просторечие, необходимо учитывать факт меняющегося с течением времени содержания, объёма и функций просторечия. На факт «историчности» просторечия, в частности, как стилистической категории обращает внимание и П. А. Семёнов, говоря, что «категория “просторечие” исторически изменчива: её содержание в предпушкинский период не совпадало с содержанием этой категории в ломоносовский период и в пушкинскую эпоху» [Семёнов 2002: 131].

Корни просторечия уходят в XVII в. и ведут к феномену «проста мова», о котором достаточно подробно писал Б. А. Успенский в своих трудах по истории русского литературного языка. Так, он указывал на факт заимствования из юго-западной языковой ситуации самого понятия «простой язык» (или «проста мова») как компонента оппозиции, как «литературный язык, противопоставленный языку церковнославянскому и с ним конкурирующий» [Успенский 1994].

В «Материалах для словаря древнерусского языка» представлены, напр., следующие слова, в семантическую структуру которых входит сема 'простой': **просторѣкъын** ('говорящий без искусства, не красноречивый'), **простъын** ('простой, понятный', 'простой, принадлежащий простому народу', 'мирской, не принадлежащий духовенству') [Срезневский, 2, 1895: 1577, 1582].

Формирование литературного языка нового типа продолжалось и далее, в XVIII в. Шёл процесс сближения литературного языка с живой устной речью; был провозглашён отказ от употребления признаков книжности, от использования «высоких словенских слов» в пользу употребления «простого» языка. В переводной литературе, которая составляла основной фонд книжной продукции первой половины XVIII в., преобладал также «простой» язык. И в этом отношении показателен, напр., приказ Петра I Ф. Поликарпову, переводившему «Географию»:

«... высоких слов словенских класть не надобеть, но посольского приказу употреби слова».

Большой вклад в описание «простого» языка внёс М. В. Ломоносов; однако он оперировал понятием «простонародный». М. В. Ломоносов разработал и поместил в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1785) «теорию трёх штилей», где в пределах «чистой» лексики выделил в том числе и слова «российские *простонародные*» (т. е. русские слова, «которых нет в остатках Славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*»). Их учёный противопоставлял двум другим разрядам: словам «славенским» (отсутствовавшим в русском языке: *отверзаю, Господень* и др.) и словам «славенороссийским» (общим церковнославянскому и русскому языкам: *Богъ, слава*) [Ломоносов [http](#)].

Одним из ключевых этапов в формировании и описании стилистической системы русского языка является составление Словаря Академии Российской [САР 1789–1794]. Попытки стилистической маркировки слов русского языка применительно к системе трёх стилей М. В. Ломоносова, конечно, предпринимались и ранее, но только в Словаре впервые всё это представлено более или менее системно и осознанно.

В Словаре Академии Российской использованы следующие пометы: *умалительное, уменьшительное, уничижительное, в просторечии, простонародное, обветшалое слово*. Но мы не находим ещё ни таких помет, напр., как *областное, диалектное, бранное* и т. д., ни пометы *разговорное*.

«Славенское» было противопоставлено в Словаре словам живого, собственно русского разговорного языка, характерным для простого, а отчасти и среднего слога [САР 1789–1794]. Для маркировки таких лексем были введены пометы *просто* (а также иногда давались при соответствующих словах ремарки, выражающие аналогичное значение — *в обыкновенном или в общем употреблении*), *просторечие* и *простонародное*.

Помета *просто* характеризует слова и формы живого употребления в противопоставлении их устаревшим формам славенского языка или славянизмам высокого слога (напр., «*Есень* <...> *простоже* (sic!) *Осень*»; «*Охра*, *просто же* *Вохра*» [САР, 2, 1790: 1017; 4, 1793: 670]).

Помета *просторечие* была определена в самом Словаре как «употребление слов простым народом»; в предисловии же было указано, что «*просторечные*» — это слова, употребляемые «в разговорах» [САР, 1, 1789: XVI]. На основании всего этого исследователи отмечают, что «уже в самом определении «просторечного» была отражена двойственность, сближающая слой просторечной лексики, с одной стороны — со словами, для которых даётся помета *просто*, а с другой, — с простонародными словами» [История русской лексикографии 2001: 107].

И действительно, просторечная лексика в Словаре оказывается внутренне неоднородной. На это указывается в «Истории русской лексикографии» [История русской лексикографии 2001]. Под понятие просторечной лексики, таким образом, попадают следующие единицы языка:

1) слова, широко распространённые в разговорной речи, которые противопоставляются словам «славенским», высоким на том основании, что они не употреблялись

в произведениях высокого стиля (напр., *свадьба* — как противостоящее слову *брак*; *крыша* — противопоставленное лексеме *кровля*);

2) слова с экспрессией фамильярности, грубости, которые противостоят не только «славенским», но и общим, нейтральным, лишённым экспрессии (*рожа*, *рыло*, *зенки*, *мамон* и др.);

3) слова, связанные с речью простого народа или с диалектной средой — они нередко сливаются с простонародным разрядом лексики (напр., *ономедни*, *очесливый* ‘учтивый’ и пр.).

Кроме того, была и помета *простонародное*, которая давалась при словах, свойственных речи «простого» народа, т. е. речи крестьян и мещан. Тематически сюда также вошли слова и выражения, связанные с крестьянским бытом (напр., *большак* ‘старшина в доме или деревне’, *валенки*, *зипун*, *варенуха*, *сусяник*); диалектные слова (*бахарь*, *ботать*, *бутор*, *дубец*), слова с резкой грубоватой экспрессией (*ахиня*, *верзило*, *глазеть*, *дрязги*, *грабаздать*).

Часто в Словаре Академии Российской можно встретить внутри самой словарной статьи указание на стилистическую принадлежность слова. Так, в самом толковании лексемы даётся указание на то, что данный предмет одежды или обуви «простолюдинами носим», «употребляется простым народом», является «деревенской одеждой», «народной», «простолудинской», «крестьянской», «поселянской» и т. д. Напр., *братина* (‘круглый или кубовастый сосуд, в котором у **крестьян** ставят на стол квас или пиво’), *сарафан* (‘род **простолудинской**, длиною до пят, женской верхней **одежды**, с рукавами и без рукавов, у которой весь перед застёгивается пуговицами. Нарядный же называется *фerez*, по-старинному *охабень*’), *валенки* (‘зимняя **простым народом употребляемая обувь**, сваленная из овечьей шерсти так плотно, как шляпа’), *душегрея* (‘род **простонародной** короткой женской **одежды**, без рукавов, на груди с выемкою’; ‘фуфайка’) и др. И подобные фразы можно наблюдать в толковании слов из сферы игр, музыкальных инструментов и т. п.

Что касается вопроса о составе просторечной лексики, то сюда входили в основном слова с конкретными значениями; а если говорить о частеречной принадлежности слов, то преимущественное положение занимали имена существительные (*картошка*, *лытки*, *клеть*, *вариво*) и глаголы (*горланить*, *вопить*, *балакать*, *жрать*, *трескать*), т. е. среди лексем этих лексико-грамматических категорий велик массив слов с конкретным значением.

Относительно других ограничительных стилистических помет и ремарок, которые характеризуют говорящего с позиции социальной, профессиональной, региональной, то в Словаре лишь рядом с отдельными словами (немногочисленная группа слов) можно встретить следующие указания: «на Волге», «на Урале», «в Сибири» и пр. (напр., *нарты*, *лахтак*, *балаган*, *ерник* ‘мелкий лес’, *свинчатка* ‘род сети’).

Таким образом, из всего вышесказанного можно заключить, что просторечие в конце XVIII и XIX в. было представлено как некое синкретическое явление и семантика его такова:

- а) просторечие выступает как язык устного общения, разговорная форма;
- б) просторечные единицы передают информацию о социальной, региональной, профессиональной принадлежности говорящего;

в) просторечие сообщает об уровне образованности говорящего лица и в то же время свидетельствует о колебаниях фонетической и грамматической нормы русского языка, о неустойчивой его регламентации;

г) просторечные слова и обороты выражают субъективное мнение говорящего, его оценки и эмоции;

д) просторечие выступает как полнокровная система, способная вербализовать действительность в самом широком объёме.

На рубеже XVIII и XIX вв. стилистическая система не достигала ещё уровня чёткой дифференциации. Не было определённых критериев, по которым слова распределялись на просторечные, простонародные или нейтральные; часто таким критерием становилась интуиция составителей Словаря. Профессиональных лексикографов в тот период не было. Так, в работе над Словарём Академии Российской, напр., принимали активное участие С. Я. Румовский (математик, преподававший в Академической гимназии и Академическом университете, составитель ежегодных Астрономических календарей с метеорологическими прогнозами), И. Б. Иноходцев (преподаватель математики, переведший с немецкого языка книгу Л. Эйлера «Универсальная арифметика», или «Алгебра»), А. А. Барсов (специалист по математике и философии), И. И. Лепёхин (специалист по биологии, ботанике, медицине), митрополит Гавриил (Петров) и некоторые другие духовные и светские лица.

В XX в. картина меняется. Более определённым становится понятие о просторечии. Кроме того, в словарях используется достаточно подробная и детальная система стилистических помет.

Вводится понятие *разговорной речи*. Теперь именно разговорная речь, понимаемая как одна из форм существования общенародного языка, призвана выступить в качестве той системы, с помощью которой описывают различные ситуации, возникающие в повседневной жизни. Изменения коснулись, соответственно, и просторечия как функционально-стилистической категории русского языка. Часть слов, которая ещё в XIX в. наделялась пометой *просторечное* / *простонародное*, общей для всего, что осознавалось как стилистически **не** нейтральное, теперь классифицировалась как *разговорная*. Так, слово *башка* в словаре Д. Н. Ушакова сопровождается пометой *разговорное* [Ушаков, 1, 1935: 97], а в Словаре церковнославянского и русского языка оно дано как *просторечное* [СЦРЯ, I, 1, 1847: 25]. Система помет стала более разветвлённой, т. е. область лексики, которая ранее покрывалась пометой *просторечное*, резко сократилась. В толковых словарях Д. Н. Ушакова [Ушаков 1935–1940], С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов 1995] представлены пометы:

— указывающие на стилистическую особенность слова: *разг.*, *простореч.*, *фам.*, *детск.*, *вульг.*, *арго*, *обл.*;

— пометы, оценивающие слово с эмоционально-экспрессивной стороны: *презр.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *укор.*, *шутл.*, *ирон.*, *бран.*;

— помета, обозначающая принадлежность слова не общему, а профессиональному употреблению: *спец.*

Приведём пример того, как одни и те же слова толкуются в разных словарях.

Слово	[САР 1789–1794]	[СЦРЯ 1847]	[Ушаков 1935–1940]	[Ожегов 1995]
<i>Сволочь</i>	Простонар. ‘собрание, скопище, сходбище разных людей низкого состояния’	Без пометы ‘люди низкого, подлого состояния; сброд’	1) Простор. презрит. устар. ‘мелкота, всё незначительное, собравшееся вместе (о людях, животных)’; 2) Разг. бран. презрит. ‘сброд, подлые, негодные люди’; 3) Простореч. бран. ‘дрянной, подлый человек, негодяй (употр. также по отношению к животным)’	1) Простореч. бран. ‘негодяй, мерзавец’; 2) Простореч. бран. ‘сброд, подлые, негодные люди’
<i>Подлец</i>	Без пометы ‘человек низкий; поступками своими презрение заслуживающий’	Без пометы ‘подлый человек’	Разг. бран. ‘низкий, подлый человек’	Без пометы ‘подлый человек, негодяй’
<i>Поганец</i>	Без пометы ‘осквернившийся нечистотою’	Без пометы ‘осквернившийся какою-либо нечистотою; «бусурман, некресть»’	Простореч. презрит. бран. ‘отвратительный и презренный мелкий человек’	Не зафиксир. Только <i>погань</i> (прост.)

Обратимся к «Толковому словарю русского языка» [Ожегов 1995] и приведём определения некоторых из интересующих нас стилистических категорий. При этом следует отметить, что цель подачи этих определений — подтверждение факта их оформления и использования в лексикографической практике XX в.; кроме того, эти определения, с нашей точки зрения, являются отнюдь не бесспорными. Также, рассматривая стилистическую систему XX в. и первого десятилетия XXI в. (сниженный её ярус), нам необходимо отмечать и стилистический смысл *деструктивность*; фиксировать такие явления, как *сленг*, *жаргон*, *арго*.

Просторечие — речь малообразованных носителей языка (преимущественно горожан); черты произношения, слова и выражения, грамматические формы и конструкции, свойственные нелитературному разговорному употреблению.

Разговорный — 1. см. разговор. 2. Свойственный устной речи, обиходным выражениям. Разговорная речь (речь носителей литературного языка при их не-принужденном общении). 3. Имеющий характер диалога.

Жаргон — речь какой-нибудь социальной или иной объединённой общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных.

Арго — условные выражения и слова, применяемые какой-нибудь обособленной социальной или профессиональной группой, её условный язык.

Применительно к XX в. часто говорят о литературном и внелитературном просторечии. Существовали разные точки зрения относительно выделения этих двух типов просторечия. Значимым этапом в изучении просторечия в указанном аспекте стала публикация статьи Ф.П. Филина «О структуре современного рус-

ского литературного языка», в которой он показал принципиальную разницу между элементами типа *выпендриваться, каюк*, с одной стороны, и *прóцент, крайний* 'последний (в очереди)' с другой. Первые единицы, по его мнению, это «языковые средства (слова, обороты, синтаксические конструкции, грамматические формы, особенности произношения), употребляемые всеми образованными людьми для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли (своего рода “низкий стиль” нашего времени)», тогда как вторые — «элементы речи лиц, не вполне овладевших литературным языком или вовсе малограмотных. К внелитературному просторечию относятся языковые явления всех уровней, которые образованный человек не может употребить ни при каких обстоятельствах, разве что только нарочито, подражая малограмотному или передразнивая его» [Филин 1979: 20, 22]. Элементы первого типа Филин называет литературным просторечием, элементы второго — внелитературным просторечием. Однако, на наш взгляд, очень часто учёные подменяют понятия и неоправданно расширенно понимают термин *просторечие* в своих трудах.

Кроме того, некоторые исследователи предлагают различать среди просторечных элементы с отрицательной экспрессией (эта экспрессия направлена на само слово) и элементы с положительной. Первый подвид принято называть *просторечием малограмотных (ихний, здря)*, а второй — *народным просторечием (вчера, давеча)*. В рамках народного возможно выделение *деревенского просторечия*.

В целом на протяжении всего XX в. происходило движение от очень широкого понимания просторечия к более конкретному и точному.

В настоящее время стилистическая система языка продолжает развиваться и видоизменяться, изменяются и подходы к её изучению. Так, напр., сейчас создаётся Новый академический словарь, и в нём снимается помета *просторечное*, которая традиционно была заявлена во всех словарях. Причины, по которым создатели Словаря решили отказаться от этой пометы, достаточно чётко сформулированы в исследовании «История русской лексикографии». Так, «помета “прост.”, функционируя в русской лексикографии два столетия, полностью изменила в это время свой статус по социальной отнесённости и функционально-стилистическим характеристикам» [История русской лексикографии 2001: 592–593].

Однако судьба русского просторечия всё-таки будет решена в реальной практике, а не в теоретических работах по лексикографии и стилистике.

ЛИТЕРАТУРА

История русской лексикографии / Ин-т лингвист. исслед. — СПб.: Наука, 2001. — 616 с.

Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке, 1785. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm> (дата обращения: 14.02.2011).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. — М.: Азъ, 1995. — 928 с.

САР: Словарь Академіи Россійской: в 6 т. — СПб: Изд. при Императ. Акад. наук, 1789–1794.

Семёнов П. А. Язык предпушкинской драматургии / под ред. Т. В. Рождественской. — СПб.: СПбГУ, 2002. — 280 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб: Тип. Императ. Акад. наук, 1895. — Т. 2. — 1803 с.

СЦРЯ: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. — СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1847.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). — М.: Гнозис, 1994. — 239 с.

Ушаков: Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. — М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в литературном языке // Филол. науки. — 1979. — № 2. — С. 20–25.

RUSSIAN POPULAR SPEECH HISTORY (BASED ON HISTORICAL DICTIONARIES)

S. S. Yegorova

The article deals with the study of Russian popular speech as a stylistic category and as a mode of a national language existence. The author of the article considers Russian popular speech with proper account of its changing content, meaning, volume, and functions. Particular emphasis has been placed on the late 18th and 19th centuries, and on the role the Dictionary of Russian Academy played in forming and describing stylistic system of Russian (its substandard level, in particular). Then the author progresses to substandard layer stylistic meanings that appeared in the 20th century. By and large, one can perceive popular speech progress from a broad sense to more concrete and exact.

Key words: russian popular speech, demotic words, the Dictionary of Russian Academy, stylistic marks, semantics.

НАИМЕНОВАНИЯ РАССТОЯНИЙ В «ХОЖДЕНИИ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА И «ХОЖДЕНИИ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА (КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ)

В статье рассматриваются особенности языка двух хождений — игумена Даниила и Афанасия Никитина. Задачей автора является сравнение групп единиц измерения расстояния, встречающихся в хождениях игумена Даниила и Афанасия Никитина.

Ключевые слова: древнерусский язык, хождение, единицы измерения расстояния, игумен Даниил, Афанасий Никитин.

Хождение в древнерусском языке означало путешествие, цель которого — поклонение святыням [Цейтлин 1994: 763; СДЯ XI–XIV, 2, 1989: 270]. Такого рода путешествие к XII в. на Руси превратилось в массовое явление. Странствующие богомольцы описывали свои хождения в одноимённых текстах. Подобные произведения были очень популярны в народе. По словам игумена Даниила, «да кто убо, слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, поскорбѣ бы ся душею и мыслию къ святымъ симъ мѣстомъ, и равну мзду приимуть от бога с тѣми, иже будутъ доходили святыхъ сихъ мѣсть» [«Хождение» игумена Даниила 1980: 24–26]. «Известно более семидесяти древнерусских и старорусских произведений, написанных в жанре хождения, они составляли заметную часть в круге чтения Древней Руси» [Русь Древняя... [http](http://)].

Таким образом, хождение — это жанр древнерусской литературы, представленный произведениями, в которых описываются путешествия в чужие земли к святым местам. Древнейшим из них является «Хождение» игумена Даниила, посетившего Палестину в 1106–1108 гг. Впоследствии география хождений расширяется. Древнерусские странники отправляются в Византию (Добрыня Ядрейкович, 1200–1204 гг.), в Западную Европу, на Флорентийский собор (епископ суздальский Макарий, иеромонах Симеон Суздальский, архимандрит Васисян и тверской посол Фома, 1438–1439 гг.), в Индию (купец Афанасий Никитин, 1466–1472 гг.), в Египет и на Афон (Василий Поздняков, 1558–1561 гг.), в Китай (Николай Спафарий, 1675–1673 гг.) [Литературная энциклопедия... 2001: 1168; ЛЭС 1987: 483; Мощинская 1970: 288].

Несмотря на единство жанра, хождения отличаются друг от друга и содержательно, и в языковом плане. В этом отношении особый интерес представляют хождения игумена Даниила и Афанасия Никитина. Выбор пал именно на эти произведения, т. к. «Хождение» игумена Даниила — первый в своём роде памятник, написанный духовным лицом, ходившим в Палестину в начале XII века, а «Хождение за три моря» купца Афанасия Никитина появилось 300 лет спустя. За три столетия жанр претерпел некоторые изменения, он перестал быть исключительно описанием паломничества: 1) не только Землю обетованную со временем начинают посещать путники; 2) целью хождения может стать и деловой визит («Хожде-

Иванова Елена Валерьевна — аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: llenochkaiv@gmail.com

ние на Флорентийский собор») [Мошинская 1970: 288], и торгово-экономические контакты («Хождение за три моря» Афанасия Никитина). Исследователь русской паломнической литературы Н. И. Прокофьев выделяет следующие три типа странников на Руси: паломник, торговый гость и дипломат, землепроходец [Прокофьев 1970: 30]. Игумен Даниил принадлежит к первому типу, а Афанасий Никитин — ко второму. Они представители противоположных социальных слоёв, но объединяет их странствие в чужие земли. Разными были эпохи, разными — цели визита и страны, в которые совершалось путешествие, следовательно, различными были способы передвижения и единицы, которыми измеряли расстояние древние русичи.

В средневековые путешествия могли тянуться годами, т. к. скоростного транспорта не было, и порой у путника вообще никаких средств передвижения не имелось. Расстояние странниками мыслилось часто как время, затраченное на его преодоление, поэтому возникали переносные значения у слов *день*, *неделя*, *месяц*, которые могли характеризовать протяжённость пути. Чаще всего путь преодолевали пешком (отсюда и название — «Хождение»), хотя возможны были и другие способы передвижения: гужевой транспорт (конь, осёл, верблюд, слон), водный (корабль, лодка, тава — индийское название парусного судна). Странствие игумена Даниила, напр., длилось 2 года (1106–1108 гг.), а хождение Афанасия Никитина — 6 лет. Привычных нам единиц измерения системы С (*метр*, *километр*) в те времена наши предки ещё не использовали, поэтому в рассматриваемых «Хождениях» обнаруживаются особые лексемы для наименования расстояний, отрезков пути: *верста*; *сажень*; *миля*; *ков*; *день*, *неделя*, *месяц* *пути* и «*дострѣлити*» (расстояние пущенной стрелы). Мы обнаружили 12 языковых единиц, обозначающих расстояние или указывающих на него, в «Хождении» игумена Даниила (*сажень*, *верста*, *день*, *дострѣлити*, *вдале*, *близь*, *далече в мори* (sic!), *(не)дошедшее*, *поодаль мало от места*, *около его*, *противу тому острову на брезѣ*) и 6 лексем в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (*миля*; *ков*; *день*, *неделя*, *месяц* *пути*; *дострѣлити*). Их можно объединить в две группы.

1. Точные единицы измерения расстояния (*верста*, *сажень*, *миля*, *ков*).

• **Верста** (мера длины, равная 1,06 км, *вьрѣста* = *вьрста* = *вьрста* = *верьста* [СУС 1997: 32; Черных, 1, 1994: 143]).

Игумен Даниил употребляет слово *верста* 106 раз. В его «Хождении» это основная единица измерения расстояния, при этом 4 раза слово *верста* сопровождается эпитетом *великая*. Это связано не с большим расстоянием, а с более сложным для странника, грозящим всевозможными опасностями отрезком пути: «*А отъ Кюревы до Иерихона 5 верстѣ, а отъ Иерихона до Иордана 6 верст великих, все поравну в пѣсцѣ; путь тяжекъ велми; ту мнози челоѣци задыхаются от зноя и ищезаютъ, от жажи водныя умирають*» [«Хождение» игумена Даниила 1980: 20]. Ср. «*А Кипра до Яфа града верст 400, все по морю ити...*» [Там же: 32].

• **Сажень** (мера длины, равная 3–4 локтям, или 2,13 м [СУС 1997: 184; Черных 1956: 131]). Как единица измерения *сажень* для игумена Даниила стоит на втором месте и упоминается 15 раз: «*А оттолѣ есть далѣе 10 сажень святая темница, идее же всажень бысть Христосъ, и ту просидѣл мало, дондеже приспѣють шюдѣи и поставятъ крестъ, да распнуть и*» [«Хождение» игумена Даниила 1980: 38]; «*А отъ Распятия господня до Снятия есть сажень 5*»

[Там же: 38]. «А оттуда до врьха самого Елеоньскыя горы, иде же есть Възнесе-ние господне, есть **сажень 90**» [Там же: 48]. В тексте Афанасия Никитина слово *сажень* не встретилось ни разу.

- **Миля** (путевая мера длины. Географическая *миля* = 7420 м. Морская *миля* = 1852 м). Встретилась данная лексема лишь однажды в «Хождении за три моря»: «И ту есть море Индѣйское, а парсѣйскимъ языкомъ и Гондустаньскаа доря; и оттуды ити моремъ до Гурмыза **4 мили**» [«Хождение за три моря» 1980: 448].

- **Ков** (мера длины, в среднем около 10 км. (инд.) [Там же: 660]). Эта экзотическая единица встретилась 7 раз в «Хождении за три моря»: «От Чювиля до Чюнера **20 ковов**, а от Чюнера до Бедеря **40 ковов**, а от Бедеря до Кулонгеря **9 ковов**, а отъ Бедеря до Колубергу **9 ковов**» [Там же: 452]; «А от Бедеря **30 ковов**» [Там же: 464] и др.

2. Относительные единицы измерения расстояния. Данная группа представлена бóльшим количеством разнородных лексем, которые можно разбить на три подгруппы:

а) единицы измерения расстояния временем, затраченным на путь. Лексемы *день*, *неделя*, *месяц* в качестве единиц измерения расстояния весьма часто встречаются в текстах древнерусских и старорусских хождений.

- **День**. Игумен Даниил использовал слово **день** для обозначения отрезков пути четырежды: «Есть же Вавилон оттуду вдале **40 дний**» [«Хождение» игумена Даниила 1980: 74]; «И есть Тивириада град **4 дний** вдалее от Иерусалима пѣшему чловеѣку ити, и есть путь страшен вельми и тяжекъ зѣло; в горах каменных ити **3 дни**, а **четвертый день** подлѣ Иорданъ по полю ити къ восходу лицъ олие до верха Иорданова, оттуду же поиде Иордан рѣка» [Там же: 82] и др. Афанасий Никитин в «Хождении за три моря» употребил это слово 25 раз: «А от Гурмыза итти морем до Галат **10 дни**, а от Галаты до Дѣгу **шесть дни**...» [«Хождение за три моря» 1980: 454]; «А изъ Ездил поидохъ къ Спагани **5 дни**, а въ Спагани **6 дни**». «Идохъ же по морю вѣтром **10 дни**, доидох до Вонады, и ту нас срѣтил великыя вѣтры...» [Там же: 476] и др.

- Лексема **неделя** в качестве меры длины встречается дважды на страницах «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. Она относится к морским единицам измерения расстояния: «А ото Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя пошли в **7-ю неделю** по велице дни, а или в тавѣ есмя **6 недель** морем до Чювиля» [Там же: 448].

- Месяц могло длиться перемещение из одного населённого пункта в другой, поэтому слово **месяц** 11 раз упоминается Афанасием Никитиным для обозначения расстояния независимо от того, по морю или по суше передвигается путешественник: «От Шабата же **10 мѣсяць** сухом ийти, а морем **4 мѣсяцы** ауыиков (sic!)» [Там же: 464]; «Шабат же от Бедеря **3 мѣсяцы**, а от Дабыля до Шабата **2 мѣсяца** морем ити, мачим да Чим от Бедеря **4 мѣсяцы** морем ийти, там же дѣлают чими, да все дешево» [Там же: 462].

б) единицы, характеризующие расстояние опосредованно, длиной полёта пущенной стрелы.

Измерение расстояния полётом пущенной стрелы особенно характерно для XII в., но сохранялось и в XV в. Такой вывод можно сделать на основе частот-

ности лексемы *дострѣлити*, употреблённой игуменом Даниилом 12 раз и лишь однажды Афанасием Никитиным. Точность определения расстояния таким способом весьма относительна, т. к. всё зависит от качества орудия и опытности стрелка: «*И ту есть близъ рождество Христово от камени того, яко можетъ дострѣлити добръ стрѣлецъ*» [«Хождение» игумена Даниила 1980: 64]; «... възвышесть есть яко же можетъ 4-жды с нея стрѣлити, а еже горѣ на ню, то ни осьмижды не может на ню вострѣлити» [Там же: 96].

в) единицы, обозначающие неопределённое расстояние, описывающееся путником в зависимости от собственного местонахождения по отношению к цели путешествия.

Последняя группа включает в себя языковые единицы, обозначающие неопределённое расстояние. Данные лексемы встречаются только в «Хождении» игумена Даниила, и наиболее употребительным оказалось слово *близъ* (51 случай): «*Ту бо море Содомское близъ от пути того, исходитъ духъ зноенъ смердящъ, зноити пополяетъ всю землю ту*» [«Хождение» игумена Даниила: 50]; «*И ту есть недошедшие иордана, близъ на пути, монастырь святаго Иоанна предтечи; и есть на горѣ въздѣланъ*» [Там же: 50] и др.

Два раза встретилось слово *вдалее*, по одному употреблению имеют единицы *далече в мори* (sic!), *(не)дошедшие*, *подадь мало от места*, *около его*, *противу тому острову на брезѣ*: «*Ту есть мѣсто в той же пещерѣ у дверей западныхъ близъ, на том мѣсте <...> И ста пред нею, яви вѣсть, подадь мало от мѣста, идѣ же сѣдяще пречистая девица*» [Там же: 100].

Чаще всего лексемы той или иной группы встречаются на страницах только одного из двух произведений. Если же и появляются в другом, то крайне редко. Так, Афанасий Никитин употреблял единицы *миля* и *ков* из первой группы, *день*, *неделя*, *месяцъ пути* — из второй, отдавая явное предпочтение последним. Путешествуя по Индии, русский купец начал пользоваться местной системой мер, поэтому в его «Хождении за три моря» присутствуют иноязычные заимствования. Примером может служить лексема *ков* (инд.), которую он применял для измерения пройденного пути. Полётом пущенной стрелы он мерил расстояние всего однажды. Его предшественник Даниил предпочитал определённые меры (*верста*, *сажень*), хотя на страницах его «Хождения» довольно часто встречаются и относительные (*близъ*, *вдалее*, *дострѣлити* и др.).

Несмотря на схожесть ситуации (путешествие в чужие земли) и задачи (измерение расстояния), игумен Даниил и Афанасий Никитин, оперируя единицами меры длины, ведут себя как представители разных эпох и сословий. В описании своих хождений они используют разные языковые единицы, т. к. каждый из них мыслит о пространстве в соответствии с реалиями своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина / Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. — М.: МПК «Интелвак», 2001. — 1168 стлб.
 ЛЭС: Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, А. П. Николаева. — М.: Сов. энцикл., 1987. — 483 с.
 Моцинская Н. В. Об авторе «Хождения на Флорентийский собор» в 1439–1441 гг. // Учёные записки МГПИ им. В. И. Ленина № 363: Литература Древней Руси и XVIII века /

редкол.: Н. В. Водовозов, Н. И. Прокофьев, В. И. Фёдоров. — М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1970. — С. 288–300.

Прокофьев Н. И. Русские Хождения XII–XV вв. // Учёные записки МГПИ им. В. И. Ленина № 363: Литература Древней Руси и XVIII века / редкол.: Н. В. Водовозов, Н. И. Прокофьев, В. И. Фёдоров. — М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1970. — С. 3–264.

Русь Древняя и Удельная. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avorhist.ru/help/oldlit/chozhd.htm> (дата обращения: 11.03.2011).

СДЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. — М.: Рус. яз., 1989. — Т. II. — 494 с.

СУС: Словарь устаревших слов / сост. Н. Г. Ткаченко [и др.]. — М.: АйРИС-пресс, 1997. — 272 с.

«Хождение» игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси: XII век / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 25–115.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Памятники литературы Древней Руси: XV век / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. — М.: Худож. лит., 1982. — С. 444–447.

Цейтлин: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. — М.: Рус. яз., 1994. — 842 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: в 2 т. — 2-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1994.

Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. — М.: МГУ, 1956. — 370 с.

DISTANCE MEASUREMENT UNITS IN “HOZHDENIYA” (PILGRIMAGE) BY FATHER SUPERIOR DANIIL AND AFANASY NIKITIN (MATERIAL FOR HISTORICAL DICTIONARY)

Ye. V. Ivanova

The article considers linguistic features of two texts describing the pilgrimage of Father Superior Daniel and Afanasy Nikitin and compares distance measurement units used there.

Key words: Old Russian Language, Hozdeniye (pilgrimage), distance measurement units, Father Superior Daniil, Afanasy Nikitin.

ВАРЬИРОВАНИЕ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК
ПРОЯВЛЕНИЕ ДИНАМИЧНОСТИ КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНОСТИ
(ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА,
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА)

Вариантность форм существительного — это динамичность, развитие формальной стороны категории предметности; этот процесс носит длительный постоянный однонаправленный характер, имеющий, однако, тенденцию к затуханию. Варианты, по традиции называемые «родовые», являются падежными вариантами, которые являются остатками прежних родовых различий. Категория предметности (качественной определённости) по своей природе не может подвергаться варьированию. Категория предметности как выражение качественной сущности единиц предметного класса слов всегда имеет единственную форму выражения.

Ключевые слова: варьирование форм существительного, динамичность категории предметности.

В русском языке подавляющее большинство существительных связано с одной формой; существование слова в одной форме — это закономерное явление языка как устойчивой системы. Однако отмечается в языке и явление динамическое — варианты форм существительных нескольких типов, в их числе варианты, которые принято называть родовыми. Описывая варианты, исследователи отмечают, что вариантные формы могут быть противопоставлены друг другу как нормативная и ненормативная, современная и устаревшая, нейтральная и просторечная, выделяют также стилистически не разграниченные формы (*жираф* — *жирафа*, *перифраз* — *перифраза*), называя последние колебаниями в роде [Русская грамматика 1980: 471]. На наш взгляд, формы языковой единицы, различающиеся семантически, стилистически, называемые при этом вариантами, необходимо считать разными словами, т. к. речь идёт о нарушении тождества. Вариантами можно называть, на наш взгляд, только формы типа *клавиш* — *клавиша*, *заусенец* — *заусеница* и т. п., а определение таких единиц как фактов колебания не соответствует характеру этого динамического явления. Существование двух форм существительного и последующая закономерная победа одной формы отражают процесс *развития*, *динамичности* языковой формы, *постоянного длительного направленного* к одной форме *движения*, *однонаправленного движения*, а не процесс колебания, имеющий иной по своей сути характер движения, возвратный, не приводящий к развитию, т. е. к одной форме.

Проблему так называемого «родового» варьирования мы рассматриваем в рамках системы грамматических категорий существительного, изложенной в работах Челябинской фразеологической школы (см. [Чепасова 1980, 2005; Савельева 2007, 2010]). Считая существующую в языкознании концепцию рода

Савельева Ольга Сергеевна — кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственной педагогического университета. E-mail: savelyevacspu@ya.ru

несостоятельной, мы предложили изменить систему категорий существительного и вместо рода главной категорией назвать всеобщую для существительного грамматическую категорию предметности, оставив за родом характеристику по частному признаку, охватывающему некоторые лексические группы из всего класса слов. В предложенной нами системе грамматических категорий (предметность — качество; количество; падеж) характеристика существительного представлена таким образом: количество является специальным средством выражения лингвистического значения количества, падеж — средством выражения синтаксических отношений существительного, предметность мы определяем как категорию качества, качественной определённости. В соответствии с новым пониманием предметности мы представили формальную структуру этой категории: первый тип форм — существительные 1, 2, 3 склонений, обозначающие собственно предметы; второй — субстантивированные прилагательные и причастия; третий тип форм — несклоняемые существительные.

С точки зрения нового понимания системы категорий существительного, роли и значения категории предметности в этой системе, мы исследуем природу вариантов существительных, анализируя факты, отобранные нами методом сплошной выборки из словарей современного русского литературного языка в 17 т. и в 20 т. (изданные тома). Рассматриваемые нами варьирующиеся слова семантически тождественны, две формы существительного даются в одной словарной статье (*анемон–анемона* и т. п.), варианты отличаются, таким образом, лишь флексиями. Следовательно, речь идет о вариантах в системе склонения, т. е. в системе падежа как средстве выражения синтаксических отношений существительного. Исследуемые варианты — варианты падежные, при этом мы подчеркиваем, что падежные варианты — это остатки прежней родовой теории. Это формальные видоизменения тождественных языковых единиц, выраженные флексиями; большинство варьирующихся существительных имеют следующие флексии: Ø — -а: *автокар — автокара, ворс — ворса*; -а — Ø: *арабеска — арабеск*.

Анализ позволяет нам отметить, что все рассматриваемые нами варианты находятся внутри одного, первого, типа форм категории предметности (качества) и не могут быть названы вариантами форм предметности.

Существование вариантов форм слова, называемых нами падежными, характерно для всех восточнославянских языков, что отражено словарями (см. [Белорусско-русский, русско-белорусский словарь 2008; Русско-украинский словарь 1982–1983]): напр., укр. *абака, абак; абрикос, абрикоса* и т. п.; белорус. *нарасць* ж., *нараст* м. — ‘нараст’ и т. п. Показательными и подтверждающими наши выводы, сделанные на материале существительных современного русского языка, являются примеры вариантов существительных белорусского языка типа *кураня / куранё* — ‘цыпленок’, *ичаня / ичанё* — ‘щенок’.

Изучение вариантов современных русских существительных на фоне данных восточнославянских языков, украинского и белорусского, представляется нам более полным с опорой на факты общего для восточных славян древнерусского языка. Варьирование существительных в современных языках, динамическое явление в области формы слов, имеет основу, и наша теория опирается на исторические факты, отражённые в академических словарях, напр. в Словаре древ-

нерусского языка XI–XIV вв. (далее СДЯ XI–XIV), где мы обнаружили ценный и важный для нас материал.

Древнерусский язык (далее ДРЯ) — это этап формирования, развития категории предметности, которая выражает качественную сущность грамматического понятия «предмет», характеризующего класс предметных слов. Данные истории языка, которые мы берём как этап при изучении динамических процессов в современном русском языке, свидетельствуют о том, что в ДРЯ устанавливалась, развивалась система склонения, как считают современные ученые, под влиянием рода.

Считается, что в числе грамматических процессов, характерных для ДРЯ, находится варьирование форм категории рода. По нашему мнению, в ДРЯ падежные флексии помогают различать варианты форм предметности (существительного) на определённом этапе её развития. Примеры вариантов форм существительных ДРЯ свидетельствуют о том, что предметная сущность, облекаемая в слова, не имела строгой системы в употреблении предметных слов, т. е. в их синтаксических отношениях. Эти варианты — свидетельство этапа формирования именно категории падежа. Категория падежа дифференцирует существительные. Иногда в ходе этого процесса появляются варианты. Падежная система формируется на основе категории качества, т. к. невозможно представить количество и отношение без самого качества. Следовательно, в целом мы говорим о динамичности категории предметности, главного средства выражения содержания существительных, постоянном неуклонном развитии категории, проявляющемся в отборе форм существительных.

В ДРЯ, как и в современных восточнославянских языках, имела место вариантность в оформлении существительных в И. п., при этом варианты отличались частотой употребления. В эту группу входят такие, напр., падежные варианты, как *блaзнѣ* — *блaзнѣ* ('ошибка, заблуждение'), *брашѣна* — *брашѣно* ('пища, еда'), *гъртанѣ* — *гъртанѣ* ('горло, гортань') и т. п. Преобладающими вариантами флексий являлись *ѣ-ѣ*, наряду с этими флексиями варьировались *а-ѣ*, *ѣ-ѣ*, *а-ѣ*, *а-ѣ*, *ѣ-ѣ* и др.

Представлена в ДРЯ и вариантность форм в косвенных падежах. Эти примеры свидетельствуют о том, что в форме И. п. уже нет вариантов и пройден важный длительный этап, следы которого остаются в косвенных падежах, в данном случае в Р. п. Из общего числа рядов вариантов (90), отобранных нами методом сплошной выборки из словаря СДЯ XI–XIV (А–Д), в эту группу входит 73 ряда.

Для характеристики динамического процесса в формальной стороне категории предметности мы провели сравнительно-сопоставительный анализ данных из словарей Современного русского литературного языка в 17 т., в 20 т. и СДЯ XI–XIV вв. (поскольку прочие словари расходятся в понимании и в отборе вариантов, мы остановились на указанных словарях).

Изучив материал словарей XX в., мы проанализировали лексический материал на фоне веков и сопоставили данные из СДЯ XI–XIV (А–Д) с данными нашей картотеки существительных, зафиксированных в двух словарях XX в. (А–Д). Перед нами предстал лексический материал на фоне нескольких этапов развития (см. табл.):

Таблица

период	XI–XIV вв.	середина XX в.	конец XX в.
кол-во вариантов	17	13	5

Мы допускаем небольшую погрешность в подсчёте вариантов, однако количественные данные ярко иллюстрируют постоянный однонаправленный непрерывный длительный характер динамики формальной стороны грамматической категории предметности. Результаты нашего исследования подтвердили, что вариантность является фундаментальным свойством языковой системы как проявление её развития, динамичности наряду с таким фундаментальным свойством, как устойчивость. Вариантность как закон характеризуется неуклонностью движения, развития, имеющего при этом тенденцию к уменьшению, к затуханию. Сопоставление подтвердило положение: процесс динамичности форм существительных с тождественным значением имеет одно центральное направление — от двух форм к одной.

Все варианты падежных форм входят в первый тип предметности. Для нас, однако, является важным ответить на вопрос: возможно ли варьирование форм категории предметности? Изучение вариантов в соответствии с формальной структурой предметности (см. выше) показало, что существительные различаются семантически и стилистически. Анализируемые нами существительные расположены в разных словарных статьях, они составляют синонимические ряды, являясь при этом как компонентами одного ряда, так и компонентами разных рядов. На основании таких различий мы распределили ряды форм по группам: 1) существительные, различающиеся семантически, напр.: *бедняк* — *бедный*, *пожарник* — *пожарный* и др.; 2) существительные, различающиеся как семантически, так и стилистически, их большинство, напр.: *кладовая* — *кладовка* (разг.) — *кладовушка* (простореч.), *портной* — *портняжка* (разг., уничиж.) — *портняга* (простореч.); *холодец* (разг.) — *холодное*; 3) существительные, различающиеся только стилистически, напр. *читальная* (уст.) — *читальня*, *читалка* (простореч.), *раздевальная* — *раздевальня* — *раздевалка* (разг.), *ясновидец* (книжн.) — *ясновидящий*.

Итак, анализ рядов существительных по формулируемой нами концепции показал, что составляющие их существительные не тождественны семантически и / или стилистически. Такие примеры нужно квалифицировать как разные слова. Факты, на первый взгляд близкие к вариантам, таковыми не являются. Отмеченные нами различия (словообразовательные, семантические и стилистические) не позволяют считать эти формы вариантами. Категория предметности, качества — категория, которая не подвергается варьированию, а потому всегда имеет единственную форму выражения. Категория качества не может изменить форму, не изменив семантическое и/или стилистическое содержание. К сказанному следует добавить (коротко, т. к. объём статьи не позволяет раскрыть многие аспекты нашего исследования), что исследованные в рамках нашей концепции формы существительных — примеры динамики категории предметности, развития, её словообразовательной силы (формы категории составляют не варианты, а разные / новые слова). Более того, предметность «не терпит» варьирования (меняется качество, соответственно меняется и форма, проявленное значение). Названные

здесь характеристики предметности являются её особенностями на современном этапе развития.

В качестве выводов назовём такие положения. 1. Вариантность форм существительного — это динамичность, развитие формальной стороны категории предметности; этот процесс носит длительный постоянный однонаправленный характер, имеющий, однако, тенденцию к затуханию. 2. Варианты, по традиции называемые «родовыми», — это падежные варианты, которые являются остатками прежних родовых различий. 3. Категория предметности (качественной определённости) по своей природе не может подвергаться варьированию. Категория предметности как выражение качественной сущности единиц предметного класса слов всегда имеет единственную форму выражения. Это свойство категории предметности является также примером её жизнеспособности, динамичности.

ЛИТЕРАТУРА

- Булыко А. Н., Полещук Н. В. Белорусско-русский, русско-белорусский словарь. — 2-е изд. — Минск: Попурри, 2008. — 672 с.
- Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой: в 2 т. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 762 с.
- Русско-украинский словарь: в 3 т. / АН УССР. Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. — Киев: Глав. ред. укр. сов. энцикл., 1982–1983.
- Савельева О. С. Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных: моногр. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Ключ; Челябинск: ЧГПУ, 2010. — 170 с.
- Савельева О. С. Формальная структура категории предметности существительных // Виноградовские чтения–2010: Всерос. науч.-практ. конф. 14–15 окт. 2010 г. — Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2010. — С. 49–52.
- Савельева О. С. Структура категориального значения предметности // Вестник Челябинского гос. ун-та: науч. журнал. Сер. Филология. Искусствоведение. — № 34 (215) 2010. — Вып. 49. — С. 105–109.
- СДЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улукханов. — Т. I–III — М.: Рус. яз., 1988–1990.
- БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: АН СССР, 1948 — 1965. — Т. 1–17.
- Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН. Ин-т рус. яз. / гл. ред. К. С. Горбачевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — Т. 1–4. — М.: Рус. яз., 1991–1993.
- Чепасова А. М. Грамматические категории предметных фразеологизмов: дис. ... д-ра филол. наук. — Челябинск, 1980. — 364 с.
- Чепасова А. М., Казачук И. Г. Существительные в современном русском языке: учеб.-практ. пособ. для студ. филол. спец. — Челябинск: ЧГПУ, 2005. — 286 с.

NOUN FORM VARIATION AS EVIDENCE OF DYNAMIC SUBSTANTIVE
CATEGORY (BASED ON RUSSIAN, EASTERN SLAVONIC, AND OLD
RUSSIAN DICTIONARIES)

O. S. Savelyeva

Noun form variation represents dynamic development of the formal aspect of substantives. It is a one-way, long, and continuous process that tends to attenuation. Variants, traditionally referred to gender, are case variants that are remainders of former gender differences. The very nature of substantive category (qualitative definiteness) does not allow its variation. The category as a qualitative entity of substantives has only one form of expression.

Key words: substantive form variation, substantive dynamic quality.

© 2011

Е. Н. Соколова

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ КАК
ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Одной из актуальных задач русской исторической ономастики является комплексное лексикографическое описание онимов, зафиксированных в письменных памятниках Киевской Руси. Репрезентация антропонимического и топонимического материала в древнерусских текстах XI–XIII вв., сопровождающаяся исторической, энциклопедической и этимологической информацией, позволяет судить о роли номинативных знаков в системе историко-культурных представлений эпохи.

Ключевые слова: древнерусские памятники письменности, антропонимы, топонимы, лексикографическое описание, этимологические комментарии.

Первые попытки толкования и систематизации русских собственных имён следует соотносить с началом их письменной фиксации и лексикографирования в XI–XVII вв. «Фиксация собственных личных имен в старорусских письменных источниках восходит к XI в., то есть к тому времени, когда дьяк Иван, посвятив в 1073 г. князю Святославу свой “Изборник”, попытался объяснить смысл некоторых антропонимических заимствований из греческого языка, напр., имени богини *Изиды*» [Фролов 2006: 101]. О первоначальном составе церковных (календарных) имён можно судить по двум публикациям. «В конце XIX в. И. И. Срезневский опубликовал минеи по историческим документам XI–XIII вв. Вторая публикация — архиепископом Сергием — “Сирского месяцеслова V в.” даёт основания

Соколова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета. E-mail: ensokolova2009@yandex.ru

полагать, что христианские имена проникли на Русь задолго до официального принятия христианства в качестве государственной религии» [Суперанская 2004: 26]. «В «Новгородской кормчей книге» 1282 г. — этом весьма раннем антропонимиконе — в списке “непонятных” слов оказалось 115 христианских личных имён, переведённых на русский язык из Библии: *Иосифъ* — др.-евр. ‘бог приумножит’, *Мариам* / *Мария* — др.-евр. ‘любимая’, *Иаков* / *Яков* — др.-евр. ‘пятка’ и др.» [Фролов 2005: 183]. В XIV–XVI вв. на Руси сложился «особый тип письменных произведений — азбуковник. Это некоторое подобие словаря, где давались толкования “неудобъ познаваемым” словам, расположенным в алфавитном порядке» [Суперанская 2004: 14–15].

Важным этапом в истории лексикографирования русских собственных имён стало появление «Толкования именам по алфавиту», составленного известным переводчиком, писателем и публицистом XVI в. Максимом Греком. По своему жанру и исполнению это сочинение близко к словарю. «Имена в нём стоят не по датам, как в минеях, а по алфавиту и имеют форму именительного падежа. Орфография имён варьирует, опираясь на их русское звучание» [Суперанская 2004: 41–42]. В 1627 г. в Киеве Памвой Берындой был составлен «Лексикон славеноросский», во второй части которого зафиксированы собственные имена различных видов — имена людей, географические, мифологические, исторические имена и пр. Большинство имён переводится на русский язык; при отдельных наименованиях даются подробные объяснения со ссылками на церковные книги.

Азбуковники XVII в. постепенно принимают отчётливо выраженный энциклопедический характер за счёт расширения тематического состава лексем и увеличения объёма объяснительной части. Значительное место в азбуковниках занимали в особенности объяснения имён святых; они обычно переводились на русский язык или толковались аллегорически. Напр.: *Авраамий* — ‘богат’, *Агафия* — ‘благая’, *Бонифаций* — ‘добротворец’ и под.

Необходимость изучения личных имён для истории народа обоснована в предисловии к «Славянскому именослову...» М. Я. Морошкиным. В «Именослов...» включены имена, встречавшиеся не только у русских, но и у других славян.

Существенным вкладом в развитие русской антропонимической науки стало появление «Словаря древнерусских личных собственных имён» Н. М. Тупикова. Уникальный в своём роде словарь содержит огромный корпус личных именований наших соотечественников почти за восемьсот лет русской истории.

Важным событием в истории изучения русских собственных имён явился «Ономастикон» академика С. Б. Веселовского, вышедший в 1974 г. как своеобразное дополнение к словарю Н. М. Тупикова. «Ономастикон» явился результатом многолетнего (1930–1940 гг.) кропотливого исследования значительного комплекса печатных и архивных материалов преимущественно XVI–XVII вв.

Лексическая панорама древнерусского антропонимикона XI–XIII вв. складывалась по мере религиозно-культурных изменений, связанных с принятием христианства. Уже в период Киевской Руси в древнерусском именослове оказались греческие, древнееврейские, латинские, иранские имена. К XI–XIII вв. значительное число календарных имён используется в церковных источниках в русифицированной форме, так как календарные имена, будучи иноязычными, по сравнению

с исконно русской антропонимической лексикой, «подвергались фонетико-морфологической адаптации» [Никонов 1969: 54].

В текстах древнерусских памятников фиксируются многочисленные способы фонетических и морфологических преобразований христианских имён в процессе адаптации к русской звуковой системе: стяжение гласных и упрощение групп согласных — *Даниилъ* (СЗБ) → *Даниль* (МДЗ, ХИД), *Сусанна* (отсутствие ссылки на источник означает, что данная форма отсутствует в тексте) → *Сусана* (ПЯЧДБ); переход СС>С: *Иессей* → *Иесей* (ХИД); переход ЛЛ>Л: *Кирилль* → *Кирилъ* (ХИД); афerezис: *Иоакимъ* (ХИД) → *Акимъ* (ХИД) и др.; синкопа: *Димитрий* (ЖАН, ЖФП) → *Дмитрий* (ЖАН), *Дмитрей* (ПЯЧДБ); стяжение ЕО>Е: *Симеонъ* (ХИД) → *Семень* (НТЕС); усечение имени: *Климентъ* (ПКС, ЖФП) → *Климъ* (ПКС). Фиксируются многочисленные замены гласных и согласных, связанные с особенностями языкового строя древнерусского языка: *Давидъ* (ХИД, МДЗ, СПИ, ССВ, ПЯЧДБ, ЖАС, ЖФП) → *Давыдъ* (ПВМ, ЖАН, СПИ), *Палагия* → *Пелагия* (ХИД), *Исмаиль* → *Измаиль* (ХИД) и др. Встречаются и раритетные изменения: *Захей* → *Затхей* (ХИД), *Ева* → *Евга* (ПЯЧДБ), *Елисавета*, *Елисавета* → *Иелисаветъ*: (ХИД), *Елисаветъ* (ХИД), *Лиа* → *Илия* (ХИД) и др.

Судя по источникам, значительные и разнообразные морфологические модификации христианские личные имена претерпевают в их финальной части. Это касается замены конечного слога *-ий* слогом *-ей* и отпадением конечного слога: *Григорий* (ПКС) → *Григорей* (ПКС) → *Григоръ* (ПКС), *Меркурий* (СМС) → *Меркурей* (СМС), а также добавления конечного слога *-ий* к каноническому имени, не имевшему этой формы: *Варлаамъ* (ЖФП) → *Варлаамий* (ЖФП); замены конечного форманта *-ия* / *-иа* формантом *-ья*: *Илия* (ЖФП, ХИД), *Илиа* (ХИД) → *Илья* (ХИД). В отдельных случаях вариативность связана с набором диалектных оттенков: *Евфимий* → *Еуфимий* (ЖАС) — употребление билабиального /в/. Тексты отражают специфически русскую систему вариантов личного имени, свидетельствуют о сложном взаимодействии книжной и разговорной стихий, постепенном отдалении мирской формы от формы канонической на начальном этапе становления русской антропонимической системы.

В большинстве случаев при однословных христианских и нехристианских личных именах даются разнообразные сведения об именуемом: «*Олеъ князь рускый*» (ХИД, 30), «*некто мужъ старейшина в земли Ижерстей именемъ Пелугий*» (ЖАН, 428), «*брата Брячеслава*» (СПИ, 382), «*храброму Мстиславу*» (СПИ, 372), «*святыи апостоль Тимофеи*» (ХИД, 28); «*Давидъ пророкъ и царь*» (ССВ, 450), «*святыи Навгудимос мученикъ*» (ХИД, 26), «*чърноризецъ, санъмъ прозвутерь, имъньмъ Дамианъ*» (ЖФП, 350); «*Феодосья архимандрита*» (ЖАС, 70), «*Яковъ, родомъ полочанин, ловчий бе у князя*» (ЖАН, 430), «*новгородецъ, именемъ Меша*» (ЖАН, 430), «*Сарру, жену его*» (ХИД, 68), «*сестру его Дину*» (ПЯЧДБ, 456) и др.

В древнерусских письменных источниках XI–XIII вв. засвидетельствованы многочисленные варианты географических названий: *Вирить градъ* (ХИД) // *Рить* (ХИД), *Вифлеемъ* (ХИД) // *Вифлеомъ* (ХИД), *Гельвунские горы* (ХИД) // *Илвунские горы* (ХИД), *Днепръ Словутичъ* (СПИ) // *Непръ река* (СМС), *Иерусалимъ* (ПКС) // *Ерусалимъ* (ЖАС), *Иорданъ* (ХИД, СЗБ) // *Иерданская река* (СЗБ, ХИД) // *Ерданъ* (ХИД), *Мамбрийский дубъ* (ХИД) // *Мамрийский дубъ* (ХИД) //

Мамбриский дубъ (ХИД) // *Мамъврийский дубъ* (СЗБ), *Патмъ островъ* (ХИД) // *Пафмъ* (СЗБ), *Фавора* (ХИД) // *Фаворьская гора* (ХИД) // *Фаорьская гора* (ХИД) // *Фарьская гора* (ХИД), *Яфъ* (ХИД) // *Афа* (ХИД), *Сновъ* (ХИД) // *Сновьская река* (ХИД), *Полотскъ* (СПИ) // *Полтескъ* (ПВМ), *Смоленскъ градъ* (СМС) // *градъ Смоленскъ* (ЖАС) // *градъ Смоленскъ* (ЖАС) // *Смолинъскъ* (ПВМ) // *Смолнескъ* (ПВМ) и др.

Вариативность топонимов обусловлена, с одной стороны, неустойчивостью топонимических номинаций (собственно русские топонимы), с другой стороны, существенными различиями фонетической, морфологической и структурной систем языков-источников и языка-преемника. В данном случае целесообразно говорить об историко-географической парадигме топонима, которая подразумевает совокупность всех исторических вариантов названия, связанных с одним и тем же топообъектом.

Наименования физико-географических объектов в древнерусских текстах, как правило, состояли из двух сигнификативно и функционально различных компонентов: топонима и географического детерминатива или термина. По традиции в древнерусском языке географический термин находился в постпозиции и был весьма прочно «привязан» к топониму. У русских здесь дело не в известности иноязычного топообъекта (как правило, имеющего терминопоним), а по причине особенностей самосознания и письменной культуры: *Гаваонъ* (ХИД) // *Гаваонъская гора* (ХИД), *Галилея* (ХИД) // *Галилейская земля* (ХИД), *Декаполь* (ХИД) // *Декаполиий градъ* (ХИД), *Кипръ* (ХИД) // *Кипрьский островъ* (ХИД) // *Кипрь островъ* (ХИД), *Ростовъ* (ПВМ) // *Ростовъ городъ* (ЖФП), *Февронъ* (ХИД) // *Февронъская гора* (ХИД) // *Хевронъская гора* (ХИД) // *Хевронъ* (ХИД) и др.

Любопытно, что попытки осмысления значения географических названий находят отражение в самих памятниках. Так, в «Хожении» игумена Даниила даны этимологические комментарии к целому ряду географических названий: «...гора высока велми и велика зело, и снези на ней лежат чрес лето; имя горе той **Ливанъ**; на той горе раждается ливанъ и темианъ белый» (ХИД, 94) (адаптированный древнерусский текст), «А оттуда есть близъ был домъ Марии Магдалины, ту ищели ю Христос от 7-ми бесовъ; и то ся место зоветъ **Магдалия**» (ХИД, 92), «А оттуда есть дострела вдаль до гроба Асафатова; и то есть былъ царь Иудейскъ и потому зовется та **дебрь Асафатова**» (ХИД, 46), «...тогда свята богородица нарече имя месту тому **Каламонию**, еже ея протолкует «Доброе обителище» (ХИД, 54), «И есть около места того поле красно велми <...> и то ся место зоветъ **Агиапимина**, еже протолкуется «Святаа паства» (ХИД, 66), «имя месту тому **Спудий**, иже ся протолкуетъ Тицание богородично» (ХИД, 38). В ряде случаев древние авторы дают описание внешних особенностей и местоположения топообъекта: «**Кипръ** есть островъ великъ зело...» (ХИД, 30), «Есть же **градоук-отъ Акра** на Велицем мори...» (ХИД, 102), «...вышъи бо есть всех **Еленьская гора** суищих горъ около Иерусалима» (ХИД, 48).

Образцы подачи антропонимического и топонимического материала в древнерусских текстах XI–XIII вв., сопровождающиеся исторической, энциклопедической и этимологической информацией, позволяют судить о роли номинативных знаков в системе историко-культурных представлений эпохи. Обширный оними-

ческий материал, содержащийся в памятниках Киевского периода, свидетельствует о необходимости комплексного лексикографического описания различных разрядов русской ономастической лексики в начальный период её формирования.

ЛИТЕРАТУРА

- ЖАН*: «Житие» Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / под общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М.: Худож. лит., 1981. — С. 426–439.
- ЖАС*: «Житие» Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. — М.: Худож. лит., 1981. — С. 66–105.
- ЖФП*: «Житие» Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. — М.: Худож. лит., 1978. — С. 304–391.
- МДЗ*: «Моление» Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси: XII в. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 389–400.
- НТЕС*: Наставление тверского Епископа Семена // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. — М.: Худож. лит., 1981. — С. 464–465.
- Никонов В. А.* Русская адаптация иноязычных личных имён // Ономастика. — М.: Наука, 1969. — С. 54–78.
- ПВМ*: «Поучение» Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII в. — М.: Худож. лит., 1978. — С. 392–413.
- ПКС*: Послание Климента Смолятича // Памятники литературы Древней Руси: XII в. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 283–290.
- ППЧ*: Поучения к простой чади // Памятники литературы Древней Руси: XII в. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 401–408.
- ПЯЧДБ*: Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. — М.: Худож. лит., 1981. — С. 456–463.
- СЗБ*: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Первая редакция «Слова» (Список С–591) // *Молдован А. М.* Слово о законе и благодати Илариона. — Киев, 1984. — С. 78–100.
- СМВ*: «Слово» Моисея Выдубицкого // Памятники литературы Древней Руси: XII в. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 409–412.
- СМС*: Слово о Меркурии Смоленском // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. — М.: Худож. лит., 1981. — С. 204–209.
- СПИ*: «Слово о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII в. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 373–388.
- ССВ*: «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М.: Худож. лит., 1981. — С. 440–455.
- Суперанская А. В.* Словарь русских личных имён. — М.: Эксмо, 2004. — 544 с.
- Фролов Н. К.* Избранные работы по языкознанию: в 2 т. — Тюмень: ТюмГУ, 2005.
- Фролов Н. К.* Энциклопедический аспект антропонимической терминологии // Энциклопедическая наука: опыт прошлого и проблемы современности: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. — Тюмень: ТюмГУ, 2009. — С. 101–106.
- ХИД*: «Хожение» игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси: XII в. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 25–116.

OLD RUSSIAN MANUSCRIPTS AS A SOURCE OF ONOMASTIC LEXICOGRAPHY

Ye. N. Sokolova

One of the challenges of Russian historical onomastics is comprehensive lexicographic presentation of onyms in manuscripts of Kievan Russia. Proper names and toponyms of Old Russian texts of the 11th–13th c.c. with historical, encyclopedic and etymological comments give an insight into the role of nomination signs in the systems of historical and cultural ideas of the period.

Key words: Old Russian manuscripts, proper names, toponyms, lexicographic presentation, etymological comments.

© 2011

Л. В. Табаченко

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ
В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ: ПРОБЛЕМЫ
ОМОНИМИИ И ТОЖДЕСТВА СЛОВА

Вопрос о тождестве приставочного глагольного деривата в истории русского языка связан с исторической преемственностью его значений. В современных исторических словарях отражена семантическая история двух приставочных позиционных глаголов: *належать*¹ в пространственном и связанных с ним вторичных переносных значениях (этот глагол в современном русском литературном языке не сохранился) и *належать*² в результативных мутационных значениях, поскольку они относятся к разным, не связанным генетически словообразовательным типам.

Ключевые слова: история русского языка, приставочные глаголы, тождество слова.

Одной из основных проблем исследования лексической семантики в диахронии является проблема тождества слова, связанная, в частности, с вопросом различения омонимии и многозначности. В семантическом развитии приставочных глаголов эта проблема приобретает особую остроту в связи с дискуссионностью вопроса о полисемии / омонимии глагольных приставок и соответственно — словообразовательных типов и приставочных производных. Основополагающими для решения этих сложных вопросов остаются сформулированные В. В. Виноградовым принципы тождества слова: «непрерывность его историко-семантического развития», «историческая преемственность его значений, их внутренняя связь» [Виноградов 1995: 22].

Табаченко Людмила Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета. E-mail: lyudmila-tabachenko@yandex.ru

Вопрос о преемственности значений приставочного глагольного деривата связан, во-первых, с определением того, к одному или к разным словообразовательным типам относятся исследуемые формы и существует ли между ними генетическая связь, и, во-вторых, с исследованием механизмов развития вторичных переносных значений.

Обозначим основные этапы и тенденции развития в семантической истории префиксальных глаголов.

1. Наиболее древними являются образования с пространственными приставками, причём до развития у них значений предельности и результативности пространственные префиксы сочетались не только с глаголами движения, но и со стативами, в частности позиционными глаголами. Реликты этих словообразовательных типов зафиксировали памятники письменности: *застояти*, *настѣдѣти*, *обстѣдѣти*, *пристояти*, *прилежати*, *прѣдстѣдѣти*, *прѣдлежати* и др. (подробней см. [Табаченко 2010]).

2. На базе пространственных развились вторичные переносные значения. Основным механизмом их развития был перенос ситуации из сферы материально-пространственной в сферу ментального, духовного, социального.

3. Поворотным этапом в динамике внутриглагольной префиксации было развитие у приставок предельности и результативности. Именно это привело к невозможности сочетаний пространственных префиксов со статальными основами и исчезновению соответствующих словообразовательных типов.

4. В недрах результативности при полной или частичной десемантизации приставки и её последующего семантического заражения от широкого контекста и от основ глагола сформировался целый ряд новых, омонимичных модификационных (результативно-временных) и мутационных словообразовательных типов. В этом случае происходит полный разрыв семантической истории деривата с пространственной приставкой, с одной стороны, и нового деривата, образованного по новым словообразовательным типам, — с другой.

5. Мутационные словообразовательные типы называют новые ядерные ситуации; они, как правило, базируются на активности субъекта, на его представленности не только в пространственно-временном, но и в анимальном, психологическом, ментальном, социальном планах — в комплексе смежных ситуаций [Лебедева 2010].

На примере истории одного из приставочных позиционных глаголов — *належать* — попытаемся ответить на вопрос, является ли древнерусский глагол *належати* и современный русский *належать* одним и тем же словом?

Самым древним у глагола *належати* было значение ‘помещаться, располагаться, простираться, находиться, лежать (на чём-л. сверху)’, которое фиксируется словарями и для древнерусского, и для старорусского периодов: *и измѣняетъ(с) належащая индития на стѣхъ тряпезѣ. и полагаетъ(с) постыная* УСт XII/XIII, 8 об. [СДЯ XI–XIV, 5, 2002: 154]; *Зде стоит твое древо со належащим бревном, еже абие украсится со изрядным повешенным соколом*. Артакс. действо, 275. 1672 г. [СРЯ XI–XVII, 10, 1983: 131]. Пространственное значение глагола *належати* несов. наряду с переносным отмечается и в Старославянском словаре: ‘лежать, находиться на чём-л.’: *бѣ же пештъ ѿ камень належааше на нѣи II 11, 38 Зо҃гр Мар Ас, належааше на нѣ Сав*; ‘отягощать, обременять’: *доколѣ належитѣ*

на чл<о>в<ѣ>ка Пс 61, 4 Син; избѣдете належаштихъ земли зълъ Супр 530, 14–15 [Цейтлин 1994: 349].

На базе пространственного значения в русском языке XI–XVII вв. у глагола *належати* развился целый ряд вторичных переносных значений, которые даются и в Словаре XI–XIV, и в Словаре XI–XVII в одной словарной статье с пространственным. Все переносные значения развиваются на основе метафорического переноса с конкретного на абстрактное, в сферы ментального, духовного, социального, и связаны с семой расположения сверху чего-л., на чём-л., с метафорой тяжести, лежащей на ком-то или на чём-то, и возникающей ассоциацией с моральной тяжестью, долгом или неизбежностью чего-л.:

1) ‘наступать, теснить’: *егда же си отступяху от боя они же належаху на оны. а коли они отступяху. а они належаху на си.* ЛИ ок. 1425, 256 об. (1229) [СДЯ XI–XIV, 5, 2002: 154]; *Рати бо належащи и трубѣ воиньстѣи трубящи, никто же можетъ спати.* Феод. Печ. (Ер.), 177. XV в. ~ XI в. [СРЯ XI–XVII, 10, 1983: 131];

2) ‘лежать тяжким бременем на ком-л., давить на кого-л., тяготить кого-л.’. Это значение развивается при заполнении субъектной позиции абстрактными существительными, называющими неблагоприятные для человека явления — социофакты, психофакты и под. (*гневъ, гладъ, скверна, недугъ* и т. п.): *Отразити належащая на ны напасти.* ФСт XIV 210 г [СДЯ XI–XIV, 5, 2002: 155]; (1361): *Гладу же въ нихъ велику налѣжащу и замятнѣ мнозѣ и нестроению пребывающу, не престаху межи собе ратящеся и убивающеся.* Симеон. лет., 101 [СРЯ XI–XVII, 10, 1983: 131];

3) ‘ожидаться в будущем, предстоять’: *И Василей имъ говорилъ: послове, дѣла межи государей належатъ большіе, а мы съѣзжаемся поздно.* Польск. д. III, 378. 1566 г. [СРЯ XI–XVII, 10: 131]. При заполнении субъектной позиции существительными, обозначающими неблагоприятные явления, значение ‘предстоять’ трансформируется в ‘грозить’: *Не смѣю молчанію предати злаго сего дѣла, зане велика бѣда належитъ и ратование на церковь божію.* Сл. Шестака, 64. 1652 г. [Там же: 131];

4) ‘быть должным, следовать, соответствовать, быть предназначенным, уготованным, надлежать’: *Яко же належи(т) убо и се многими слово къ слову писати.* ГБ XIV, 1416 [СДЯ XI–XIV, 5: 155]; *По доношению... боярь и воеводѣ, которымъ о томъ вѣдать належитъ.* ДАИ XI, 141. 1684 г. [Там же: 132];

5) ‘полагаться, рассчитывать на кого-л., что-л.’: *не належи имѣнии своемъ. и не рѣчи доволно ми есть.* Изб 1076, 135 [СДЯ XI–XIV, 5, 2002: 155]. Идентичный текст в Библии конца XVI в.: *Не належи имѣнии своемъ и не рѣчи: доволно ми есть.* (Сирах. V, 1) Библ. Генн. 1499 г. [СРЯ XI–XVII, 10, 1983: 132];

6) ‘усердно стремиться, тяготеть к чему-л., добиваться чего-л., настаивать’: *Не належи равнѣ <быти> съ нимъ. и не вѣруи мѣ||<ногымъ сло>весьмъ его* Изб 1076, 163–163 об. [СДЯ XI–XIV, 5, 2002: 155]; *Также дабы епископии, архимандрии, игуменства... издавна належали къ послушанию митрополии.* ПСЗ II, 704. 1685 г. [СРЯ XI–XVII, 10, 1983: 132];

7) ‘усиливаться’: *и еще же. дѣжгеви належащу. и одва възмогоса погрѣсти* и. Прл XIII, 1136 [СДЯ XI–XIV, 5, 2002: 155].

В старорусский период при сохранении всех вышеперечисленных перенос-

ных значений дополнительно развиваются следующие: ‘возлагаться на кого-л., поручаться кому-л. (о каком-л. деле)’; ‘быть в чьём-л. ведении, подлежать кому-л. (о каких-л. делах)’; ‘относиться к чему-л. территориально, прилежать, прилегать, принадлежать’; ‘относиться к чему-л., касаться чего-л.’ [СРЯ XI–XVII, 10, 1983: 132].

Следует подчеркнуть, что во всех пространственных и многочисленных переносных значениях, в которых глагол *належати*, как и глагол *лежати*, функционировал в донациональный период, он оставался глаголом несовершенного вида, не имеющим соотносительной видовой пары.

Хотя словообразовательный тип, включающий позиционные глаголы и пространственные приставки, прекращает свое существование к концу старорусского периода [Нефедьев 1992: 108], в XVIII в. глагол *належать* в пространственном значении ‘находиться, помещаться, лежать на чём-л. сверху’ ещё употреблялся в научных текстах: *Вода от лежащего холодного воздуха в пары распускается*. Влф. физ. (Лом.) 71; *Воздух в наших мѣстах всегда бывает сжат, и имѣет нѣкоторую густоту, которую принимает на себя от давления лежащего воздуха*. Эйлер ПП I 44, — так же, как и в пространственном значении ‘находиться рядом с чем-л., прилегать к чему-л.’: *Прусские люди, из деревень к городу лежащих, дань збирают*. Вед. I 98. Отмечается также целый ряд переносных значений: ‘тяготить’, ‘пролегать (о пути, дороге)’, ‘основываться, полагаться’, ‘принадлежать кому-л., находиться в чьём-л. ведении’, ‘относиться к чему-л.’, ‘быть должным, необходимым, надлежащим’, ‘ожидаться в будущем, предстоять’, ‘грозить, угрожать’, ‘прилагать усилие, настаивать на чём-л.’ [СРЯ XVIII, 13, 2003: 227].

Как и у большинства префиксов, у приставки *на-*, по-видимому, ещё в поздний праславянский период развилось результативное значение, которое, по мнению М. В. Нефедьева, появилось сначала в сочетании с эволютивными основами при совпадении их семантики со значением префикса, напр., *намазати*, *написати*, а после закрепления этого значения приставка *на-* присоединялась к другим основам уже в качестве результативной. На базе результативности оформляется ряд словообразовательных типов со вторичными значениями приставки *на-*, не связанными непосредственно с пространственным: 1) «накопить(ся) в определённом количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом», 2) «приучить(ся) к чему-н., обучить(ся) чему-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом», 3) «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом», 4) «слабо, слегка, бегло совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [Нефедьев 1992: 110].

В XVIII в. у глагола *належать* отмечается новое мутационное значение, связанное с результативным, — ‘от долгого лежания отлежать какую-л. часть тела, получить пролежни’: *Належать бокъ*. САР¹ III, 1168. *Пролежни себѣ належать*. Ад. I 134 (у глаголов *насидеть* и *настоять* подобные значения фиксируются с XIX в.). Это значение можно соотнести с первым и третьим из вышеприведённых словообразовательных типов. Словарь XVIII в. даёт этот глагол как омоним. В этом значении глагол *належать* в XVIII в. получает новые грамматические свойства: он приобретает значение совершенного вида и становится переходным. Объектом являются или части тела, соприкасающиеся с поверхностью и способные изменяться до определённого результата при их статичном положении, или

болезненные явления в частях тела. Появление этого грамматического значения связано с когнитивным расщеплением субъекта на несколько сторон; в данном случае источником объектности является физиологическая сторона субъекта [Лебедева 2010: 169].

Этот омоним сохраняется в современном русском языке. Кроме указанного значения, БАС отмечает у него значение, также связанное с результативным, — ‘сделать удобным в результате лежания’ (*належать место*) [БАС, 7, 1958: 300]. Появление этого значения также связано с одушевлённостью субъекта, что предопределяет скрытую динамику якобы статичного положения. Источником объектности и результативности выступают физиологическая и психологическая стороны субъекта, приспособляющего (целенаправленно или нецеленаправленно) место под лежание, которое, с одной стороны, изменяется и, с другой — оценивается субъектом как более удобное, что делает его объектом приставочного глагола.

Ни одно из переносных значений, связанных с исходным пространственным, в современном русском литературном языке не сохранилось, однако в русских народных говорах имеются дериваты *належащий* ‘принадлежащий кому-, чему-л.; подлежащий чему-нибудь’: *Належачая ему доля*. Смол. Смол., Копаневич; *належно*, нареч., безл. сказ. ‘Надо, следует’: *Языком не болтай, а говори, что належно*. Смол., 1914; *належный*. ‘Должный, подобающий, соответствующий’. Смол., 1914 [СРНГ, 20, 1985: 11].

Таким образом, в современных исторических словарях русского языка отражена семантическая история приставочного позиционного глагола: *належать*¹ в пространственном и связанных с ним вторичных переносных значениях (этот глагол в современном русском литературном языке не сохранился, но некоторые из его значений представлены в диалектных дериватах) и глагола *належать*² в результативных мутационных значениях.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: АН СССР, 1948–1965.
- Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // *Вопр. языкознания*. — 1995. — № 1. — С. 5–34.
- Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 192 с.
- Нефёдов М. В. Глаголы с приставками *НА-*, *ОБ-* (*ОБО-*) в русском языке XI–XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992. — 210 с.
- СДЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. — М.: Рус. яз., 2002. — Т. 5. — 647 с.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. — Л. — СПб.: Наука, 1985. — Вып. 20. — 376 с.
- СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1983. — Вып. 10. — 327 с.
- СРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII в. — Л. — СПб.: Наука, 2003. — Вып. 13. — 272 с.
- Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // *Вестник МГУ*. — Сер. 9. Филол. — 2010. — № 1. — С. 7–31.

Цейтлин: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): ок. 10000 слов / под ред. Р. М. Цейтлин [и др.]. — М.: Рус. яз., 1994. — 842 с.

SEMANTIC HISTORY OF PREFIXED VERBS IN LEXICOGRAPHIC SOURCES (HOMONYMY AND WORD IDENTITY ISSUES)

L. V. Tabachenko

Prefixed verbal derivative identity in the history of the Russian language is connected with historical continuity of its meanings. Contemporary etymological dictionaries show meaning development of two prefixed positional verbs: *належать*¹ having a spatial meaning and related figurative meanings (the verb is non-existent in Modern Russian), and *належать*² having terminative mutational meanings as they belong to genetically different derivational types.

Key words: the history of the Russian language, prefixed verbs, word identity.

© 2011

Л. К. Терентьева

К ВОПРОСУ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА (ПО ДАННЫМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА Г. ТОБОЛЬСКА)

Статья посвящена вопросу подготовки словаря лексических заимствований языка письменных памятников XVIII в. на основе государственного архива г. Тобольска. В статье определены источники и предмет описания и основные принципы составления словарной статьи. Создание словаря заимствований языка XVIII в. на региональном материале позволит значительно расширить возможности лингвистов в решении одной из основных проблем русской исторической филологии — выявления системной организации словаря делового письма.

Ключевые слова: словарь делового письма, лексические заимствования, письменные памятники XVIII в.

Петровская эпоха явилась одним из самых динамичных периодов в истории русского языка. С нею связано не только активное пополнение и развитие словарного состава, но и начало академических лексикографических традиций. Именно в XVIII в. — с 1789 по 1794 гг. — был выпущен Словарь Академии Российской, наиболее полно отразивший состояние русского языка означенного периода.

XVII в. — время постепенного сложения единой литературно-языковой нор-

Терентьева Людмила Казимировна — аспирант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. E-mail: terlk@inbox.ru

мы на национальной основе. Данный период является переходным в истории языка. Но, с одной стороны, в своих истоках он непосредственно отражает веяния XVII в., «воспринимая от него характерные особенности двуязычия (в плане расхождений между народно-разговорной и письменной речью и в плане сосуществования двух различных письменных традиций, двух типов письменно-литературного языка)» [Сорокин 1977: 5]. С другой стороны, он подвергается влиянию новых факторов социально-культурного характера, которые «стимулируют процессы смещения и взаимодействия унаследованных письменно-языковых типов, значительного пополнения и обновления состава языка, изменения характерных для него типовых структур и развития новых стилей языкового выражения» [Сорокин 1977: 5–6]. Таким образом, в данный период русский язык не только находится на пути становления и развития новых языковых норм и связей, но сохраняет и черты предыдущей эпохи.

Несмотря на то, что XVIII в. уже давно привлёк к себе пристальное внимание лингвистов и лексикографов, составление «Словаря XVIII века» на региональном материале является, на наш взгляд, актуальным. Это обусловлено тем, что наиболее крупные словари, характеризующие язык Петровской эпохи, — Словарь Академии Российской и Словарь русского языка XVIII века (издание которого до сих пор не закончено) — включили в себя богатейший материал, но не отражают регионального лексико-фразеологического компонента в процессе становления русского языка как национального.

Источниками для «Словаря языка XVIII века (по памятникам письменности второй половины XVIII в. госархива г. Tobольска)» стали материалы делопроизводства, опубликованные в сборниках транслитерированных скорописных текстов из архивных фондов г. Tobольска «Tobольская старина» (части 1 и 2). Изученные документы находятся на хранении в следующих фондах: фонд И–329 Tobольское губернское правление (1788–1797 гг.); фонд И–341 Tobольские промышленные предприятия (1787–1797 гг.); фонд И–156 Tobольская духовная консистория (1724–1796 гг.); фонд И–371 Tobольская казённая палата (1782–1916 гг.); фонд И–368 Tobольская нижняя расправа (1796–1816 гг.). Тексты различны как по жанровому составу, так и по тематике.

Предметом описания в словаре явилась лексика иноязычного происхождения, что также подтверждает необходимость и своевременность составления подобного словаря (или материалов к словарю), поскольку, как отметила С. Н. Борисова, «...для более полного освещения проблемы заимствований необходимо всемерно расширить круг источников <...> Исследование в этом плане памятников региональной письменности позволит уточнить наши представления об интенсивности процесса заимствования в русском языке XVII–XVIII вв., о путях проникновения заимствованной лексики в русский язык, о процессах её освоения» [Борисова 1978: 136–137].

При определении типа и структуры словарной статьи мы опирались на «Современный этимологический словарь русского языка» Л. А. Глинкиной и «Фразеологический словарь старославянского языка» (отв. ред. — С. Г. Шулежкова). Подобно словарным статьям, представленным в словаре С. Г. Шулежковой, словарная статья в «Словаре XVIII века» состоит из шести зон: 1) инициальной,

2) семантической, 3) иллюстративной, 4) этимологической, 5) словообразовательной и 6) справочной [ФССЯ 2011: 16–22]. Тем не менее есть некоторые отличия.

В инициальной зоне заимствование пишется в начальной, нормализованной для XVIII в., форме. Также здесь приводятся все варианты написания слова, отмеченные нами в документах, с целью иллюстрации степени графической адаптации. Все заимствования изображаются с помощью кириллических букв, при этом сохраняются дублетные буквы (і, н, ї; ъ, ѣ), выносные буквы подчёркиваются (коллежскаго). Напр.:

РЕКРУТ (РЕКРУТ, РЕКРУТЬ);
МОНАСТЫРЬ (МНСТРЬ, МНТЫРЬ, МАНАСТЫРЬ);
ОПРЕДЕЛЕНИЕ (ОПРЕДѢЛЕНИЕ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОПРЕДѢЛЕНИЕ,
ОПРЕДѢЛЕНИЕ).

В семантической зоне представлено значение заимствованного слова с учётом культурно-исторических особенностей эпохи:

РЕЗОЛЮЦИЯ — решение, постановление.

Семантическая зона подтверждается примерами непосредственно из деловых документов XVIII в. г. Тобольска, помещёнными в иллюстративной зоне, с обязательной ссылкой:

за вдовством Ёвѡ ѡтправить во оныи, тоболскои знаменскои мнстрѣ для пострижения в монашество [И–70–1–25. Л.23 об.].

В этимологической зоне указывается источник заимствования, язык-посредник (если такой имеется), даётся первоначальное значение слова:

ДЕНЬГИ (ДЕНГИ) — металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже:

коллегія іного средства не находитъ, как за тѣх малолѣтних дѣтен подошныя і оборочныя денги платитъ із коллежских неокладных доходовъ [И–70–1–25. Л.23 об.].

Форма И. п. мн. ч. от древнерусского **деньга**, заимствованного, вероятно, из тюркских языков.

Для того чтобы отразить степень адаптации заимствованного слова, мы посчитали необходимым сформировать словообразовательную зону, где представлены словообразовательные цепочки с заимствованным мотивирующим словом: **КОЛЛЕГІЯ-КОЛЛЕЖСКАГО; МОНАХ-МОНАШЕСКАГО; МОНАШЕСТВО-МОНАШЕСТВЮЩИХ.**

Заключительной является справочная зона, где приведены сведения из Словаря Академии Российской. На наш взгляд, такая зона является целесообразной, т. к. также отражает степень вхождения в русский язык слова иноязычного происхождения:

АВГУСТЪ, (августъ) ста. с. м. Собственное имя мѣсяца, по Славенски *Серлень* называемаго. Название такое дано сему мѣсяцу отъ Римлянъ въ честь Октавіа Августа перваго ихъ Императора; а прежде того назывался онъ *шестымъ* [САР 2001: 4].

Создание словаря иноязычной лексики XVIII в. на региональном материале позволит значительно расширить возможности лингвистов в решении основных проблем исторической русистики, поможет раскрыть системную организацию лексики деловой письменности в целом и отдельных её разновидностей.

ИСТОЧНИКИ

И–70 Тобольский мужской Знаменский монастырь (1596–1918 гг).

ЛИТЕРАТУРА

Борисова Е. Н. О некоторых проблемах становления и развития словарного состава русского языка конца XVI–XVIII вв. // *Вопр. языкознания*. — 1978. — №5. — С. 128–141.

Глинкина Л. А. Современный этимологический словарь русского языка. Объяснение трудных орфограмм: ок. 6 000 трудных для написания слов. — М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009. — 379 с.

САР: Словарь Академии Российской 1789–1794. — Т. 1. А–В. — М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001. — 688 с.

СРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII века : вып. 1–17. — Л. — СПб.: Наука, 1984–2007 (изд. продолжается).

Словарь русского языка XVIII века: Проект — Л.: Наука, 1977. — 164 с.

ФССЯ: Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 ед. / отв. ред. С. Г. Шулежкова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 424 с.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF FOREIGN WORDS
IN THE VOCABULARY OF THE 18th CENTURY MANUSCRIPTS
(BASED ON TOBOLSK STATE ARCHIVES)

L. K. Terentyeva

The article, relying on Tobolsk state archives, covers preparatory work on compiling a dictionary of loan words occurring in the 18th century manuscripts. It identifies sources and the object of presentation, and key principles of writing a dictionary entry. The 18th c loan words dictionary based on regional material will provide linguists with the most efficient means of meeting a significant challenge of Russian historical philology, namely, systematic arrangement of business correspondence vocabulary.

Key words: business correspondence vocabulary, loan words, manuscripts of the 18th c.

© 2011

Д. А. Ходиченкова

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ВОЕННОЙ
ТЕМАТИКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В статье подвергаются анализу исторические и этимологические словари как источник изучения вербализаторов концепта «Пехота» в древнерусском языке XI–XIV вв.

Ходиченкова Дарья Александровна — аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: solncalu4@mail.ru

Автор отмечает необходимость создания тематического словаря, в котором были бы отражены системные связи между единицами военной тематики

Ключевые слова: концепт, пехота, словари, вербализатор, группа.

Пехота — древнейший род сухопутных войск, предназначенный для нанесения поражения противнику в общевойсковом бою и овладения его территорией. Изменения в исторических судьбах русского народа вызвали значительные изменения в лексико-фразеологическом фонде русского языка, в том числе и в его военной терминологии. Изучение вербализаторов концепта «Пехота» может внести значительный вклад в историческую лексикографию и фразеологию русского языка.

Военная лексика древнерусского периода находит своё отражение в самых разнообразных словарях: исторических, этимологических (или историко-лингвистических), энциклопедических. В зависимости от адресата словаря, стоящих перед составителями целей и задач вербализаторы лексико-фразеологического поля «Пехота» получают в лексикографических изданиях различное отражение с точки зрения представленности, полноты толкования и характера иллюстрирования примерами из памятников соответствующего периода.

Этимология в сочетании с контекстным анализом, являясь учением об истонном значении слова, играет огромную роль при работе с интересующим нас материалом. Она позволяет выделить периоды появления тех или иных языковых единиц, дать адекватное толкование словам и устойчивым словесным комплексам (УСК), иными словами, помогает восстановить «биографию» исследуемой единицы. Всё это важно для установления системных связей, наблюдаемых в древнерусском языке, в частности в военной лексике XI–XIV вв. Этимологические изыскания в области древнерусского концепта «Пехота» XI–XIV вв. могут дать ответ на вопрос о том, каковы были источники современной русской военной терминологии.

Одним из первых подлинно научных изданий в области этимологии считается «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского. Словарь Преображенского построен по гнездовому принципу и рассчитан на историков русского языка. Главной задачей этого издания является характеристика сохранения и распространения слова у славян. Поэтому основная часть словарной статьи посвящена описанию соответствий в индоевропейских языках. Без специальной подготовки в области сравнительной грамматики славянских и индоевропейских языков использование словаря в полную меру представляется несколько затруднительным. Так как толкование слов дается лишь в некоторых случаях, то не представляется возможным по данным А. Г. Преображенского проследить, когда та или иная лексема вошла в употребление в одном из своих оттенков или значений, что важно для реконструкции лексико-фразеологического поля «Пехоты» в древнерусском языке и попытки установить начало формирования древнерусского военного словаря.

Не позволяет этого и «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера. Указанные в словаре даты первого появления слов, особенно заимствованных, имеют весьма условное значение. В словаре находят отражение наиболее общие значения для каждого из этимологизируемых слов, и лишь в некоторых случаях

указываются оттенки значений. Напр., словарная статья лексемы *задъ*, имевшей в древнерусском языке несколько значений в том числе ‘задняя часть войска’, выглядит следующим образом: **Зад** род. п. *зада*; *зады* (мн.) “прошлое (напр., прежние уроки)”; *задний*, *сзади*, *назад*. Укр., блр. *зад*, др.-русс. *задъ* “спина, зад”, также “прочь, в сторону”, *задъ* ж. “задница”, *задыница* “наследство”, *зажъ* ж., *собир.* “наследники”, ст.-слав. *зади*, *зажда* (Супр.), болг. *зад* “зад, за, сзади” (Младенов 173), сербохорв. *задњи* “задний”, словен. *zadnji*, чеш. *zad* “хвост (колонны)”, *zad* “зад”, слов. *zad* “зад”, польск., в.-луж. *zad*.

«Этимологический словарь славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачёва характеризуется максимальной полнотой словника, отражает разные этимологические толкования слова, даёт полную аргументацию версий происхождения слова, содержит библиографические отсылки к пособиям, в которых ранее были приведены сведения об этимологии слова. Однако в описании слов военной тематики наблюдается недостаточная полнота. В словарных статьях представлен неполный набор сем. Так у полисеманта *крыло* среди общеупотребительных и множества диалектных значений не нашлось места для собственно военного значения ‘фланг войска’ [ЭССЯ, 12, 1985: 152–154].

Что касается исторической части этимологических словарей, её точности и полноты, то этот вопрос остаётся открытым и решается каждым автором или группой авторов индивидуально. Некоторые исследователи сходятся на том, что в этимологическом словаре она не должна представлять собой попросту пересаженную из исторического словаря статью. Другие же считают, что историческая часть должна быть более весомой и объёмной.

Когда же речь идет о военной терминологии, следует помнить, что русское военное искусство имело свои исторические корни и свои социально-экономические, политические и моральные основы, определявшие специфические особенности состава и организации русской рати и способов ведения ею войны и боя.

Исторические процессы, происходившие в Древней Руси, играли значительную роль и в развитии военной лексики. Наименования военных реалий XI–XIV вв. отличаются разнообразием форм словесного выражения: они активно вступают в системные отношения, отражая складывающиеся формы военного мышления. Кроме того, XI–XIV вв. — время сложных противоречий, а также первых великих побед. Поэтому, если не все, то некоторые ушедшие из активного употребления военные термины или полисеманты, утратившие своё военное значение, нуждаются в историческом комментарии.

П. Я. Черных отмечал, что чем полнее и точнее исторический словарь, тем увереннее чувствует себя составитель этимологического словаря. В отечественной лексикографии существуют различные подходы к принципам составления исторических словарей. В некоторых из них ставится цель проследить историю слов на протяжении описываемой эпохи развития данного языка. К другой разновидности исторических словарей следует отнести словари древних периодов истории соответствующего языка.

К историческим словарям русского языка относятся фундаментальный трёхтомный труд И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893–1903), а также многотомные труды — «Сло-

варь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Словарь русского языка XVIII в».

П. Я. Черных определяет «Материалы» И. И. Срезневского как незаменимые [Черных, 1, 1999: 15], с чем невозможно не согласиться, так как это единственный полный (законченный) исторический словарь древнерусского языка на сегодня. Сложный вопрос, который стоит перед каждым лексикографом и связан с отбором материала, И. И. Срезневский не смог решить в пользу или только общеупотребительных слов, или редких, нечасто встречающихся. Делая акцент на образованности, культурном и духовном развитии человека, а также на том, что каждое слово «есть представитель вещи, или осязаемой, или вещи, умомъ представляемой, умственного предмета», И. И. Срезневский был убеждён в том, что составитель словаря обязан останавливаться на таких местах в памятниках, где фиксируются оттенки различных значений описываемых слов [Срезневский 1893: 6]. Благодаря такому подходу многие словарные статьи представлены широко, развёрнуто. Правда, некоторые единицы толкуются только через перевод на греческий или латинский или вовсе не получают толкования, что делает словарный материал ориентированным на узкий круг специалистов (напр., лексемы *коурдь*, *косарьство*).

Словарь русского языка XI–XVII вв. был задуман как справочное общедоступное пособие при чтении памятников русской письменности XI–XVII вв., однако лексико-фразеологический состав многих памятников соответствующего периода не нашёл отражения в картотеке словаря. К тому же, как отмечал П. Я. Черных, картотека данного словаря, как и Словаря XI–XIV вв., почти недоступна даже для специалистов [Черных, 1, 1999: 15]. Следует подчеркнуть, что неполнота картотеки XI–XIV вв. компенсируется включением в число источников Словаря русского языка XI–XVII вв., Словаря XI–XIV вв. и «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Иллюстративный материал в исторических словарях XI–XVII вв. даётся, как правило, кратко, с минимальным числом цитат (две: ранняя и поздняя). Тем не менее, огромная работа, проделанная составителями, позволила обогатить некоторые словарные статьи. Так, напр., у слова *лице* чётко выделяется военное значение ‘лицевая сторона строя войск, фронт’, тогда как в «Материалах» И. И. Срезневского это значение отмечается только в качестве примера при употреблении УСК *въ лице*, как и в Словаре XI–XIV вв.: *И удариха на костромичъ въ тылъ, а другая половина удари въ лице желѣзному полку* (ЛН XIII–XIV, 1268 г.) [СДЯ XI–XIV, 4, 1991: 412]. То же [Срезневский, 2, 1902: 31].

Принципы построения исторического и этимологического словаря объединяет в себе историко-этимологический словарь современного русского языка П. Я. Черных, главную задачу которого сам автор определял следующим образом: «объяснить происхождение каждого отдельно существующего слова, установить его первоначальную морфологическую членимость, выделить исторический корень, определить исходное значение корневой части и пути развития начального значения...» [Черных, 1, 1999: 8]. Из заголовка словаря становится ясно, что многие языковые единицы, вышедшие из употребления, не находят в нём своего отражения. Действительно, словарь даёт этимологические справки к общеупотребительным русским словам, выражающим общие, а не единичные, индивидуальные значения. Если же лексема сохранилась в современном русском языке, но утрати-

ла одно из своих древнейших значений, то автор словаря даёт ссылку на «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, трактуя эту часть словарной статьи как историческую. «Материалы» И. И. Срезневского служат для П. Я. Черных основанием для решения вопроса о том, с какого времени слово или УСК употребляется в русском языке. Напр., утраченное военное значение лексемы *чело* даётся после основных сохранившихся значений следующим образом: Др.-рус. (с XI в.) **чело** — «лоб», «передняя часть ратного строя» (Срезневский, III, 1488–1489) [Черных, 2, 1999: 377]. Лексема *задъ* трактуется через синоним *тыл* в актуальном для времени составления словаря значении — ‘территория страны, находящаяся позади фронта, за боевой линией’. Тем не менее, несмотря на отсылку к «Материалам» И. И. Срезневского, не отмечается значение ‘задняя часть войска’, важное для понимания системы построения древнерусского войска. Единица *крыло* вовсе не находит своего отражения в словаре П. Я. Черных. Между тем, в древнерусском войске *крыльями* назывались фланги: *Мѣстислав же с вечера исполчи дружину, и постави сѣверъ въ чело противу варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома* (Лавр. л., 1024 г.); *Ярославъ же выступи из града, исполчи дружину, и постави варягы посредѣ, а на правѣй странѣ кыяны, и на лѣвемъ крилѣ новгородци, и стаа предъ городомъ* (Лавр. л., 1036 г.).

Принципы исторического и этимологического словаря объединил в себе и «Этимологический словарь современного русского языка» А. К. Шапошникова. В словарной статье проясняется как первоначальная внешняя форма слова, так и его внутренняя форма, исконное значение слова, мотивация; определяются пути развития его значения, обогащения новыми смыслами и оттенками смыслов. Словарь отражает утраченные военные значения и фиксирует время их функционирования в языке: **Чело** — (устар. высок.) то же, что лоб. В рус. языке XI–XVII вв. изв. чело, чоло «лоб, чело; женский головной убор; передняя часть ратного строя; передняя часть корабля». Из праслав. *чело, восходящего к и.-е. *kelom, производному от глаг. *kel-: *kol-: *kl- «колоть, вздыматься, расти» [Шапошников, 2, 2010: 517].

Ни один из выше представленных типов словарей не имеет возможности продемонстрировать ту или иную группу лексики с системной точки зрения. Так, характерной особенностью лексико-фразеологического поля «Пехота» в древнерусском языке является необычайно широкая синонимия. Напр., слова, составляющие группу «Общие наименования войск» (*воиско, сила, дружина, рать, пълкъ, пълчище*), могли обозначать войско без указания на его численный состав, его назначение, принадлежность к той или иной воюющей стороне. Случаи антонимии встречаются реже: из группы «Наименования войсковых подразделений в соответствии с их расположением в бою» в антонимические отношения вступают лишь лексемы *чело* и *задъ*, УСК *пълкъ правои руки* и *пълкъ лѣвои руки*. Наряду с синонимией и антонимией, в ЛФП «Пехота» отчётливо прослеживаются гипонимические отношения. Слово **радъ** (общеславянское) в древнерусском языке было многозначным [Срезневский, 3, 1903: 231–235]. Интегральной для всех значений являлась сема ‘строй, порядок’. Дифференцировала значения сема, указывающая на место в строевом порядке. Как военный термин *радъ* обозначает ‘строй, боевой порядок’: *И стаа около кѣго пълкомъ, и оурадывъше на пълковъ; кѣъ же, оузрѣвъ рѣдъ ихъ, оже хотѣтъ крѣпко животъ свои ѿдати, и не поѣха,*

нь присла вдоку Митрофана (Новг. I л. 1220 г). В таком понимании слово *радъ* является наиболее общим обозначением строя и его боевого порядка и играет роль родового по отношению к словам, называющим боевое расположение (*чело, задъ, крило, тыль*).

Таким образом, словари дают представление о семантике зафиксированного военного термина и подтверждают примерами из древнерусских источников справедливость такого толкования. Описание же военной лексики с системной точки зрения — задача словаря нового типа, который позволит не только отразить семантику той или иной военной единицы, но и даст возможность охарактеризовать системные связи внутри лексико-фразеологического поля «Пехота» с выходом на военное искусство древнерусского войска.

ЛИТЕРАТУРА

- Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке (XI–XII вв.). — Л.: Наука, 1970. — 384 с.
- СДЯ XI–XIV*: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. — М.: Рус. яз., 1988 — 2008. — Т. 1–8 (изд. продолжается).
- СРЯ XI–XVII*: Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975 — 2008. — Т. 1–28 (изд. продолжается).
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. — СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1893–1903.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — СПб.: Терра-Азбука, 1996.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1999.
- Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2010.
- Этимологический словарь славянских языков. — М.: Наука, 1974–2010. — Т. 1–36 (изд. продолжается).

MILITARY VOCABULARY PRESENTATION IN HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL DICTIONARIES

D. A. Khodichenkova

The article analyzes historical and etymological dictionaries as a source for studying concept “Infantry” verbalizers in Old Russian of the 11th–14th centuries. The author points out the necessity of compiling a thematic glossary that would present systematic relations between military linguistic units.

Key words: concept, infantry, dictionaries, verbalizer, group.

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ XIX ВЕКА»

В статье рассматривается проект составления «Историко-этимологического словаря русской лексики XIX в.», проблемы минимизации его словника, способов выделения в текстах XIX в. новых для данной эпохи и пришедших из XIX в. в XX–XXI вв. единиц. Важное место в статье занимает вопрос об отражении языковыми средствами картины эпохи, сложившейся у русской читающей публики XIX в.

Ключевые слова: аббревиатура, агноматический характер, заимствования, историко-этимологический, лексико-семантические группы, номинативная система, публицистические средства выражения, составная номинация, региональные наименования, русскоязычный текст, терминология, фразеологическое выражение, языковые процессы.

1. Данный словарь русской лексики XIX в., по типу историко-этимологический, будет содержать ок. 1000 словарных статей, включающих слова, фразеологические выражения, составные номинации и аббревиатуры, употребленные впервые русскими авторами в русскоязычных текстах позапрошлого столетия. Самые интересные из них те, которые, будучи заимствованными в XIX в., вошли в стабильный фонд современной русской лексики. Интересны также факты разовых употреблений в виде региональных наименований различных уголков земного шара. Материал словаря классифицирован преимущественно в алфавитном порядке, но допускается также гнездовой способ описания единиц.

Словарь предназначен студентам-филологам. Он необходим также преподавателям вузов, аспирантам и научным сотрудникам исследовательских институтов лингвистического профиля.

2. Известно, что основной фонд номинативной системы современного языка является результатом языковых процессов, имевших место в историческом прошлом языка, и содержит ту номинативную систему, которая складывалась по мере развития науки, техники, общественно-политической жизни страны и контактов с зарубежными государствами. Обогащение фонда происходило за счёт наименований (терминологии) различных областей жизни, за счёт лексико-семантических групп, называющих реалии новые, часто экзотические для рядового русского читателя (напр., названия флоры и фауны Чёрного континента).

3. Выделяемые в терминологии русского языка XIX в. единицы — это элементы исконные или же заимствованные для XIX в., а также единицы, истоки которых можно приурочить к более раннему, чем XIX в., периоду. Есть единицы новые для XIX в. — впервые употреблённые в русских текстах того времени, — но также наблюдается определённая преемственность, когда XIX столетие играет роль посредника и популяризатора единиц, пришедших в язык в прошедшие столетия. Проводимое наблюдение над развитием русского словаря в продолже-

ние XVI–XVIII вв., а также наблюдения над нововведениями XX в. позволяют в какой-то мере определить место, время, содержание и специфику формирования номинативной системы русского языка XIX в.

Подчеркнём, что данный период особенно важен для развития русской номинативно-терминологической системы, поскольку именно в XIX в. появилось множество научных разработок по разным отраслям знания. Эти данные были доведены до читателя посредством множества периодических изданий и словарей разных типов. Таким образом, гораздо большее количество печатных источников, чем в XVIII в., даёт возможность разрешить вопрос о представительности отдельной единицы в определённой терминологической группе, уточнить датировки первых их употреблений, определить семантические процессы, происходящие в этой системе, и т. д. Здесь, по-видимому, необходима постоянная соотнесённость характеристик единиц, употреблённых в журналах, газетах, художественной литературе, и характеристик тех же единиц и понятий, употреблённых не в обиходной речи или в публицистическом стиле, а в научном тексте. Агноматический характер множества лексических и терминологических нововведений раскрывался в произведениях авторов времени — напр., значения зоонимов в произведениях известных авторов XIX в.: А. Постельса, В. Даля, А. Сапожникова [Постельс 1847]. В это время создаются и другие справочные издания, в которых значения слов объясняются и уточняются. Такого уточнения требуют единицы, как созданные за счёт словопроизводства русского языка (внутренних ресурсов языка), так и те из них, которые пришли в русский язык путём заимствования из других языков.

4. Проект «Словаря русского языка XIX века», насколько нам известно, был задуман ещё в 80-е гг. XX в. В ту пору был разработан проект словаря русского языка XVIII столетия. Идея такого словаря, естественно, не могла не породить идею словаря XIX в. Но, к сожалению, данный проект в то время не был осуществлён. Даже в первом десятилетии XXI в. подобные проекты так и не получили своего окончательного воплощения: не завершён словарь русского языка XVIII в., нет полного словаря языка XIX в. Тем не менее, за прошедшее десятилетия интерес к лексике позапрошлого столетия не был утерян. Доказательством тому могут служить издания таких книг, как, напр., «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.» [Рогожникова 1997]; «Русский литературный язык в конце XIX и XX в.» [Грановская 2005]. Наш интерес к данной тематике также всегда был значительным. По разным источникам, прежде всего по газетным и журнальным текстам, а также на основании анализа мемуарной, эпистолярной, художественной и научной литературы методом сплошной выборки нами были выделены новые для XIX в. единицы или те, которые впервые вошли в русский язык в предыдущие периоды и получили распространение в XIX в.

На данном материале нами созданы словарные статьи, в которых текстовые иллюстрации позволяют уточнить семантику единиц, соотнести данную единицу со временем её первого употребления, определить её автора. Была выявлена определённая закономерность, согласно которой в некоторых случаях разовое, а затем достаточно частотное употребление в газете повторилось в журнальной статье, а затем перешло в мемуарную и позже — в художественную литературу (прозу и поэзию) с последующей фиксацией в одном из словарей иноязычных слов

с перемещением её затем в толковые словари русского языка. Подобная этапность (от факта первого употребления до отметки в словаре) — показатель степени адаптированности единицы в системе русского языка. Подобный путь не всегда был быстрым; чаще всего он занимал довольно продолжительное время. Словари не всегда поспевали за фиксацией подобных нововведений. Статистически этот путь совершался в течение 30–40 лет, хотя имеются факты, когда впервые употреблённая в начале XIX в. единица фиксировалась в словарях в начале следующего столетия. Такие материалы описаны в наших работах, — см., напр., «Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX–XX вв.» [Шетэля 2007; 2008]. Эти и другие работы содержат новые слова, составные номинации, фразеологизмы, аббревиатуры и другие сокращения, которые впервые употреблялись в XIX в. или именно в XIX в. начинали употребляться с другими оттенками значений.

5. Выделяя языковые единицы в текстах XIX в., мы можем говорить о проблеме периодизации функционирования разных тематических пластов и отдельных новых слов и выражений. Т. е., рассматривая языковой материал определённой эпохи, мы выделяем в нём пласты новых слов, связанных с конкретными событиями. Имеются в виду группы слов и выражений — «ключевые» слова, — которые «обслуживали» какую-то определённую тему или описывали события того времени и которые при употреблении в другую эпоху могли оцениваться как пласт устаревшей лексики (историзмы). Если рассматривать начало XIX в. с точки зрения наличия в нём именно новых слов, и в частности рассматривать с этой точки зрения только 1814–1816 гг. (период, ограниченный работой Венского конгресса, а для России — время двух лет мира после победы в Отечественной войне 1812 г.), то можно убедиться, что в русских газетах использовались новые слова в связи, напр., с освещением внутренней жизни страны, внешней политики и т. д. Кроме того, при помощи этих единиц комментируются различные проблемы европейского значения: события, связанные с деятельностью Наполеона Бонапарта и возвращением Франции и Европы к монархической форме правления, — а также значительные события во внешней и внутренней политике Англии, США, стран Азии и Африки.

Часто для отражения этих событий авторы газетных статей привлекали (заимствовали) новые публицистические средства выражения или были вынуждены приспособливать старые устоявшиеся языковые единицы — как в формообразующем, так в семантическом плане. В результате некоторые из них приобретали более современную форму.

Последующие периоды XIX в. характеризовались бурным развитием революционного движения в Европе, в котором польское национально-освободительное движение (восстания 1830–1831 гг., 1846 г., 1863–1865 гг.), а также война на Кавказе занимали не последнее место. Новые для XIX в. слова и обороты, даже неревolutionные по смыслу, часто использовались для создания текстов, тематически связанных с польским бытом, культурой, историей, языком, взаимодействием русского и польского народов. Постоянное обращение российских авторов к этим темам было связано с нарастанием революционных событий на юго- и северо-западе Российской империи и в так называемом «Привислинском крае». Это уже

другая лексика — не та, что в 1814–1816 гг. Совершенно иная лексика осваивалась в самом конце XIX столетия.

Эти семантические пласты единиц, впервые употреблённых в начале, середине и конце XIX в., создают в указанные периоды определённую лингвистическую картину ушедшего мира и являются значимыми для своих эпох. Таким образом, вопрос о периодизации лексических пластов, обслуживающих весь XIX в., весьма важен, поскольку его решение позволяет на языковом материале показать, как феодальный уклад общественно-политической жизни XVIII в. и самого начала следующего столетия переходит в более современный, обозначенный новыми единицами середины и конца XIX в. с их выходом в XX–XXI вв. Единицы, характеризующие разные эпохи XIX в., расположены в нашем словаре в алфавитном порядке. В словарной статье указаны датировка предполагаемого первого употребления единицы и обозначен литературный источник. Объяснительная часть с элементами энциклопедических сведений о заголовочном слове; а также этимологическая и иллюстративная часть (содержащая подлинные фрагменты текстов того времени) каждой из словарных статей словаря помогут соотнести конкретную заголовочную единицу с эпохой её первого употребления в русском тексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Грановская Л. М.* Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки. — М.: Элпис, 2005. — 448 с.
- Постельс А., Даль В., Сапожников А.* Зоология. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1847. — 502 с.
- Редкие слова и произведения авторов XIX в.: словарь-справочник: ок. 3 500 ед. / сост. Р. П. Рогожникова [и др.]. — М.: Рус. слов., 1997. — 572 с.
- Шетеля В. М.* Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX–XX вв. — М.: МГОУ, 2007. — 295 с.; 2-е изд. — 2008.

THE PROJECT “HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF RUSSIAN VOCABULARY OF THE 19TH C.”

V. M. Szetela

The article deals with issues concerning implementing the project, minimizing the dictionary, identifying neologisms in the 19th century texts, and interim units for the 20th — 21st c.c. The article highlights linguistic means of representing world-image of the passing epoch, which helped to shape Russian readers' perception of the contemporary world.

Key words: abbreviation, agnomatic, borrowing, historical and etymological, lexical-semantic groups, nominative system, journalese, complex nomination, regional names, Russian text, terminology, set expression, linguistic processes.

© 2011

М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина

ПОНЯТИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА В ПЕРИОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ
НЕЗАВИСИМОСТИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ОТ ВИЗАНТИЙСКОЙ
(XI–XIV ВВ.) И РАСКОЛА РУССКОЙ ЦЕРКВИ (XVII В.) КАК
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье рассматривается понимание христианского мученичества в те периоды истории России и Русской православной церкви, когда оно было наиболее актуальным и вызывало наибольшее количество споров — во время становления независимости русской церкви от византийской, обретения собственных святых (XI–XIV вв.) и в период раскола русской церкви XVII в.

Ключевые слова: христианское мученичество, древнерусские жития XI–XIV вв., литература раскола русской церкви (XVII в.), лексема, устойчивый словесный комплекс.

Понятие мученичества является одним из центральных в христианстве, а мученики представляют собой древнейший разряд святых, прославляемых христианской церковью [Живов [http](#)]. После принятия христианства концепция мученичества была воспринята славянским средневековым религиозным сознанием. Средневековое общество унаследовало почитание раннехристианских мучеников, а также породило своих, что привело к появлению и в церковном учении, и в массовом сознании новых моделей мученичества как формы религиозной избранности [Парамонова 2003: 334]. Жития святых мучеников в древнерусской агиографической традиции являлись наиболее популярным жанром литературы: «Из всех жанров византийской житийной литературы самую широкую известность получили в древнерусской книжной традиции мартирии, которые в количественном отношении практически вытеснили из русских четких сборников все другие переводные агиографические произведения» [Минеева 1999: 131]. Позже центральное место в христианском сознании занял идеал монашества [Акимов [http](#)]. Однако в XVII в. в России мученичество вновь стало актуальным — и как понятие, и как реальный факт жизни христиан — в связи с расколом русской православной церкви, объединившим ярких бунтарей и правдоискателей, готовых принять страдания за «сохранение в чистоте» православной христианской веры. Именно в этот период возрождается жанр агиографии — создаются жития нового типа: Записка о жизни Ивана Неронова, Житие Григория Неронова, Житие протопопа Аввакума, Житие Епифания и т. д. Несомненна близость этих памятников XVII в. древнерусским житиям святых — та же точность, лаконичность, тот же детализированный быт, те же народного характера чудеса в помощь человеку, то же бытовое просторечие. Однако эти произведения создаются раскольниками

Коротенко Мария Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного университета. E-mail: m.korotenko@gmail.com

Мишина Людмила Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: owl81@mail.ru

XVII в. с полемическими целями — здесь самая жизнь пронизана идейной борьбой, чего не было в житиях, создаваемых ранее.

В данной статье будет рассмотрено понимание мученичества в те периоды истории России и Русской православной церкви, в которые оно было наиболее актуальным и вызывало наибольшее количество споров — т. е. в период становления независимости русской церкви от византийской, обретения собственных святых (период XI–XIV вв.) и в период церковного раскола.

Слово *моученичество* в значении ‘мучения, страдания и смерть, принятые кем-либо за приверженность вере в Иисуса Христа’, в древнерусском языке XI–XIV вв. зафиксировано только в одном употреблении, и в качестве его словарного толкования приведён греческий эквивалент — *μαρτύριον* (‘свидетельство’) [Срезневский, 2, 1989: 199]. *Моученичество* является частью синонимического ряда: *моученичество* — *моученик* — *мука* — *томленик* — *страсть*: все эти слова содержат в своей семантической структуре компонент ‘страдание’, ‘мучение’ и могут быть объединены значением ‘страдание во имя христианской веры’.

Лексема *страсть*, помимо значения ‘мука, мучение, страдание’, могла иметь в структуре значения дополнительную сему добровольности и обозначать сознательное, добровольное принятие мучений во имя христианской веры. Сема добровольности у данной языковой единицы отмечена в словаре В.И. Даля (‘страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска; особ. в знач. подвига, сознательное принятие на себя тяготы мученичества’ [Даль, 4, 1991: 336]). Словари древнерусского языка не отмечают у лексемы *страсть* семы сознательности принятия страдания; тем не менее, мы можем утверждать, что потенциально она присутствует в семантической структуре слова, что подтверждается контекстом её употребления в «Сказании о Борисе и Глебе». Князь Борис перед принятием мучения обращается к богу со следующими словами: «*Господи, Исусе Христе! Иже симъ образъмъ явися на земли изволивъ волею пригвоздитъся на кръстѣ и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, сподоби и мя **прियाи страсть!***» [СБГ: 286]. Для древнего русича образцом мученика является Христос, сознательно принявший смерть ради спасения человечества. Осознанность выбора Христом мученической смерти подчёркивается тавтологическим сочетанием *изволивъ волею*. *Воля* трактуется как ‘желание, хотение’, форма творительного падежа этого существительного *волею* употреблялась в древнерусском языке в значении наречия ‘добровольно, по желанию’ [СДЯ XI–XIV, 1, 1988: 472]. Глагол *изволити* имел в древнерусском языке значение ‘хотеть (захотеть), желать (пожелать)’, ‘избрать, выбрать’ [СДЯ XI–XIV, 3, 1990: 474–475]. Таким образом, факт сознательности принятия мученической смерти первым канонизированным русским мучеником особо подчёркивался (Борис *добровольно избрал* страдание), и для древнего русича важным было не только собственно страдание, но и осознанность, добровольность его принятия. Соглашаясь безропотно принять мучения, Борис ссылается на Священное писание, предписывающее христианину покоряться любым испытаниям: «*Да аще кровь мою пролѣтъ и на убиство мое потѣщитъся, мученикъ буду господу моему. Азъ бо не противлюся, зане пишется: **Господь гърдыимъ противитъся, съмѣренымъ же дасть благодать***» [СБГ: 80]. Непротивление мучениям, выраженное глаголом *не противлюся*, таким образом, является не слабостью, а осознанным выбором

верующего, в котором проявляется сила его духа и готовность выполнять предписания христианской религии. Сознательность принятия мучений во имя христианской веры подчёркивается также в одном из житий, входящих в состав Пролога, где рассказывается о том, как святой, встретив готовых отречься от веры христиан, убедил их принять смерть за веру, *укрѣпивъ и увѣщавъ мучитися* [Из Пролога: 392]. Значение сознательности выбора мучений формируется при помощи глаголов *укрѣпити* — ‘дать силу, утвердить’, ‘ободрить’ [Срезневский, 3, 1989: 1191] и *увѣщати* — ‘уговорить, убѣдить’, ‘ободрять’ [Там же: 1127]. Глагол *убедить* имеет значение ‘склонить к чему-н., заставить согласиться на что-н.’, *утвердить* — ‘заставить окончательно убедиться’, *ободрить* — ‘внушить бодрость, бодрое настроение кому-н., поощрить’ [Ушаков, 2, 1938: 680]: христиане соглашались принять мучения, убеждённые в их необходимости, уверенные в своём добровольно сделанном выборе.

Помимо слов *моученик*, *мука*, *страсть* и *томленик*, синонимом слова *моученичество* является в древнерусском языке лексема *подвигъ* в значении ‘религиозный подвиг, подвижничество’ [СДЯ XI–XIV, 6, 2000: 522–523]. Данное значение совпадает с одним из лексических значений слова *моученик* — ‘у христиан — мученический подвиг во имя Христа’ [СДЯ XI–XIV, 5, 2002: 45]. Данное слово зафиксировано в исследуемых памятниках в одном употреблении, в начале «Жития Михаила Ярославича Тверского», в котором автор произведения обращается к богу с просьбой дать ему достаточно умения, чтобы рассказать о мучении святого: «Владыко Господи Иисусе Христе, подай же ми умъ и разумъ и отверзи ми устнѣ, да възвестят хвалу твою, да провъѣщаю **подвигъ** блаженнаго раба твоего» [ЖМЯТ: 70].

К числу вербализаторов представлений о видах физических мучений, принятых за христианскую веру, в древнерусском языке относятся единицы процессуальной семантики: *търпѣти* имене Господа ради, *приѣти* **подвигъ**, *приѣти* **страсть**, *въдатисѣ* въ моукы, моукы *приѣти*, *кръвь* *проливати* за Христа, *пострадати* за Бога/за Христа и др. В их семантической структуре актуализируются две семы — указание на цель (христианская вера) и добровольность принятия страдания. Значение ‘за христианскую веру’ в семантической структуре значения УСК *търпѣти* имене Господа ради, *кръвь* *проливати* за Христа, *пострадати* за Бога/за Христа актуализируют входящие в их состав наименования христианского бога: «Но **терплю**, Господи, имени твоего ради, яко благо ми будетъ предъ преподобными твоими, давно бо жадах, да ми **пострадати** за Христа» [ЖМЯТ: 82]; «Княжения не хочу а богомъ вашимъ не кланяюся, но хочу **пострадати** за Христа, якоже и князь мой!» [СОМЧ: 234]; «... в память убиения твоего, **страстотерпче** княже Андрѣю, удивишася небеснии вои, видяще **кръвь**, **проливаему** за Христа...» [ПУАБ: 328]. Сема ‘за христианскую веру’ содержится и в структуре значения УСК *приѣти* **страсть**, где она заключена в значении лексемы *страсть*: «... великий князь Михайло Ярославичъ свое царство, уметы *вмѣнивъ*, остави, **прियाъ** **страсть** нужную, положи душу свою за люди своя, помня слово Господне, еже рече: “Аще кто положит душу свою за други своя, сей великий наречется въ царствии небеснемъ”. Сии словеса измлада навъче от Божественнаго Писания, положи на сердци си, како бы **пострадати**» [ЖМЯТ: 68]. Наличие в структуре значения данной единицы семы ‘за христианскую веру’

усиливается контекстом её употребления: чтобы подтвердить намерение святого пострадать за веру, автор жития ссылается на авторитет Священного писания, в котором путь мученичества указан как приводящий к спасению души.

Сема сознательности принятия боли, физических страданий заключена в структуре значений УСК *въдатисѧ въ моукы и приѧти подвигъ*. В первом УСК сема добровольности передаётся глагольным компонентом *въдатисѧ* — ‘предаться, отдаться чему-л.’ [СДЯ XI–XIV, 1, 1988: 519], предаться — ‘всецело отдаться’, отдаться — ‘увлечься чем-н., заняться чем-н. исключительно’ [Ушаков, 2, 1938: 915]. Глагол *въдатисѧ*, следовательно, обозначает добровольно совершаемое действие, которому человек отдаётся полностью и совершает его с увлечением, желанием выполнить его до конца. Во втором УСК сема добровольности мучений заключена в структуре лексического значения существительного *подвигъ* — ‘душевное движение, побуждение’ и ‘религиозный подвиг, подвижничество’ [СДЯ XI–XIV, 6, 2000: 522–523]. Мученик, подвергая себя лишениям, действует согласно собственным душевным движениям и собственным побуждениям: «Слава тебѣ, Владыко чловѣколюбче, яко сподобил мя еси приѧти начаток мучения моего, сподоби мя **приѧти и кончати подвигъ** свой, да не прельстят мене слова лукавыхъ, да не устрашат мя прещения нечестивыхъ» [ЖМЯТ: 80].

Степень осознанности и добровольности принятия страданий могла быть различной. Мученик мог просто не сопротивляться, принимая страдания и смерть: «Да аще кровь мою пролѣтъ и на убиство мое потѣщиться, мученикъ буду господу моему. Азъ бо **не противлюся**...» [СБГ: 280]. Следующим этапом осознания ценности страдания и, как следствие, добровольности его принятия было желание испытать муки и смерть за христианскую веру, которые выражались в древнерусских текстах при помощи модальных глаголов *хотѣти* и *жаждати* (‘страстно хотеть’ [Ушаков, 1, 1935: 842]): «Княжения не хощю а богомъ вашимъ не кланяюся, но **хощю** пострадати за Христа, якоже и князь мой!» [СОМЧ: 234]; «Но терплю, Господи, имени твоего ради, яко благо ми будетъ предъ преподобными твоими, давно бо **жадахъ**, да ми пострадати за Христа» [ЖМЯТ: 82]. На осознанность, осмысленность выбора пути мученичества указывает УСК *положити на сѣрдьци* — ‘прийти к какому-л. решению, к мысли сделать что-л.’ [СДЯ XI–XIV, 7, 2004: 83]: «Сии слова измлада навъче отъ Божественаго Писания, **положи на сѣрдци** си, како бы пострадати» [ЖМЯТ: 68]. Осмысление процесса принятия мучений за веру приводит к пониманию страдания как ценности. Ценностное отношение к процессу принятия мучений заключено в структуре значений лексем *сподобити* и *благодать*, которые описывали процесс принятия мучения: «Мних же рече: «Великы **благодати сподобилъ** мя есть богъ днесъ пострадати» [Сл. 16: 484]; «Господи боже мои! <...> **сподоби** и мя **приѧти страсть!**» [СБГ: 286]. Глагол *сподобити* имел в древнерусском языке значение ‘счесть достойным, удостоить чего-л.; дать, даровать что-л.’ [СДЯ XI–XVII, 27, 2006: 55], существительное *благодать* — ‘благодать, дар, милость [божья]’ [СДЯ XI–XIV, 1, 1988: 180]. Употребление данных лексем по отношению к языковым единицам со значением ‘испытывать/испытать боль, физическое страдание’ свидетельствует о том, что мучение воспринималась древними русичами как дар высшего божества, который получали только наиболее достойные.

В структуре значения языковых единиц, называющих процесс принятия страданий во имя христианской веры, функционировавших в языке в период раскола русской церкви, также можно выделить две составляющих — сему ‘за христианскую веру’ и сему ‘добровольное принятие страданий’. Первая сема эксплицируется в единицах *за имя Христа пострадати, благочестія ради страдати, страждити/страдати за истинну, исповѣдовати страданіе, душу положити за вѣру* и пр. К ним примыкают единицы *о истинне стояти, стояти мужественне, стояти крѣпко*, глагольный компонент *стояти* в составе которых объединяет в денотативной зоне семы ‘держатъ чью-л. сторону’, ‘проявлять стойкость’ [Цейтлин 1994: 626]. Контекстуально УСК этой группы во всех употреблениях связаны с православной верой и соседствуют с лексемами, отражающими понятия *Бог, Истина, Церковь*.

Как правило, в текстах расколоучителей компонент *истин(н)а* неразрывно связан с религиозным сознанием и идентифицируется с «учением Христовым»: *«известно же буди яко о истинне стоимъ и нимало сомнимся упованіе имуще на <...> Исуса Христа вся бо он вестъ яко человеколюбець и владыко неточию настоящая но и впредь быти хотящая»* [Материалы..., 1, 1875: 74]. Святые «угодники Божіи» и чудотворцы в сочинениях, напр., старца Григория *«издревле за истинну стоятъ»* [Материалы..., 1, 1875: 98]. В исследуемых текстах УСК *за истинну стояти* нередко ассоциируется с активными действиями, которые всегда получают безусловную положительную оценку: *«А кои Бога любятъ и они <...> смерти не боялися за истинну стояли крѣпко...»* [Материалы..., 1, 1875: 48].

Но нередко в сочинениях идеологов раскола защита высшей божественной Истины подменяется борьбой за правду старообрядческой оппозиции: *«Аще ли же не тако, лучше да враги будем ему (патриарху Никону — М.К., Л.М.), нежели Богу: <...> яко о истинне стоимъ...»* [Материалы..., 1, 1875: 74].

В сочинениях расколоучителей УСК с общей сложной семой ‘страдать за веру’ отнюдь не характеризуются тем, что некоторые исследователи русского менталитета называют «серьёзным недостатком русского православия» — «пассивностью» и «бездейственностью» [Лосский 1991: 15]. Напротив, синонимическая пара *страдать — терпеть* в исследуемых текстах составляет оппозицию: *«Мне бо страдати радость издавна, не могу терпѣти благочестию вред...»*, — пишет один из идеологов движения раскола в послании к царице [Материалы..., 1, 1875: 82].

В УСК с семой ‘страдать за веру’, извлечённых из текстов раскольников, сложная сема ‘пассивно испытывать мучения’ [Ожегов 1985: 670] вообще не актуализируется. Контекстуально выводится на первый план сложная сема ‘предпринимать что-л. заведомо рискованное, наказуемое; действовать против силы с негодными средствами’. Так понятие христианского мученичества трансформируется в сочинениях расколоучителей.

В текстах идеологов раскола слово *страдати* наделяется семой воли, получает значение целенаправленного осознанного действия, что опирается на «культ страдания», т. е. восприятия всевозможных страданий как «великого блага, обеспечивающего верующему кратчайший путь к спасению» [Христианство 1994: 452]. Культ страдания в текстах раскольников отражается, напр., в окружении УСК (*любити*) *по Христе страдати, (любити) истинны ради страдати*, а также

в компонентах УСК *исповѣдовати страданіе* и *страдати радость*. Ярче всего это просматривается в сочетании компонентов последнего УСК — *страдати радость*.

Глагольный компонент *страдати* контекстуально обозначает физические страдания, мучения; компонент же *радость* указывает на чувственно-психическую природу: *радость* — ‘удовольствие души и духа’ [Пеньковский 1991: 150]. Показательно, что неперемненными спутниками радости в общезыковых сочинительных рядах являются *покой, состояние душевной гармонии, утешение* и *благодарить, вера, надежда, любовь*, а также *истина* (ср. [Пеньковский 1991: 152]). Так сознательные физические страдания открывают путь к духовному просветлению и истине, именно через них познается «истина Божия» и открывается быстрый путь к спасению. УСК *до смерти пострадати* и *душу положити*, обнаруженные в текстах раскольников, содержат в структуре интенционала семы достижения предела и характеризуют эмоционально-психологическое напряжение отправителя речи.

Таким образом, наличие УСК с семой ‘страдать за веру’ в сочинениях расколоучителей с присутствующим в них контекстуально абсолютным плюсом указывает на признание авторами страдания как ценности, на стремление к осуществлению в своём поведении «кенозиса» Христа, т. е. его «зрака раба», смирения и кротости [Федотов 2000: 243].

Итак, понятие христианского мученичества в русском сознании на протяжении XI–XVII вв. претерпело значительные изменения. С течением времени на первый план выходит не свойственное традиционному христианству осмысление мученичества как свидетельства верности богу и религии, а осознание его собственной ценности и, как следствие — восприятие его не как покорного следования пути, предназначенному человеку богом, а как осознанного выбора, сделанного человеком вопреки тем обстоятельствам, в которых он оказался.

ЛИТЕРАТУРА

Акимов В. В. Христианское мученичество и монашество в интерпретации церковных историков IV–V вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/Page0365.html> (дата обращения: 15.05.2011).

Алексеев: Церковный словарь или истолкованіе Славенскихъ, также маловразумительныхъ древнихъ и иноязычныхъ рѣченій, положенныхъ безъ перевода въ Священномъ Писаніи, и содержащихся въ другихъ церковныхъ и духовныхъ книгахъ: в 5 ч. / сост. П. Алексѣевъ. — СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1817–1819.

Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 21–30.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Рус. яз., 1989–1991.

Дьяченко: Полный церковно-славянскій словарь: ок. 30 000 слов / сост. Г. Дьяченко. — М.: Издат. отд. Москов. Патриархата, 1993. — 1121 с. — Репр. воспр. изд. 1900 г.

Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avorhist.ru/help/sanct.htm> (дата обращения: 15.05.2011).

ЖМЯТ: Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV — середина XV века / под ред. Д. С. Лихачёва [и др.]. — СПб.: Наука, 1999. — С. 68–91.

Из Пролога // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII вв. / под ред. Д. С. Лихачёва [и др.]. — СПб.: Наука, 1999. — С. 388–405.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: основы этики; характер русского народа. — М.: Политиздат, 1991. — 368 с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. — Т. 1. — М.: Братское слово, 1875. — 569 с.

Минеева С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких): моногр. — Курган: КГУ, 1999. — 198 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1985. — 797 с.

Парамонова М. Ю. Мученики // Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А. Я. Гуревича. — М.: РОССПЭН, 2003. — С. 331–336.

Пеньковский А. Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 148–154.

ПУАБ: Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Памятники литературы Древней Руси: XII в. / сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 324–337.

СБГ: Сказание о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. — М.: Худож. лит., 1978. — С. 278–303.

Сл. 16: О блаженном Евстратии-постнике. Слово 16 // Памятники литературы Древней Руси: XII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. — М.: Худож. лит., 1980. — С. 488–491.

СДЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. — М.: Рус. яз.: Азбуковник, 1988–2008. — Т. 1–8 (изд. продолжается).

СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975–2008. — Вып. 1–27 (изд. продолжается).

СОМЧ: Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. — М.: Худож. лит., 1981. — С. 228–235.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. — М.: Книга, 1989.

Ушаков: Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. — М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси // Г. П. Федотов. Собрание сочинений: в 12 т. — М.: Мартис, 2000. — Т. 8. — 268 с.

Христианство: словарь / под ред. Л. Н. Митрохина и др. — М.: Республика, 1994. — 559 с.

Цейтлин: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин [и др.]. — М.: Рус. яз., 1994. — 842 с.

MARTYRDOM PERCEPTION DURING THE PERIODS OF RUSSIAN CHURCH
RISE TO INDEPENDENCE OF BYZANTINE CHURCH (11th — 14th CC.) AND
RUSSIAN CHURCH SCHISM (17th C.) AS IDEOGRAPHIC PRESENTATION
MATERIAL

M. A. Korotenko, L. N. Mishina

The article deals with the perception of Christian martyrdom throughout Russian history and that of Russian Orthodox Church when it was most relevant and provoked considerable dispute, i.e. during the period of the Russian Church rise to independence of Byzantine Church when it declared its own saints (11th — 14th cc.), and during Russian Church schism in the 17th century.

Key words: Christian martyrdom, Old Russian biblical narratives of the 11th — 14th cc., Russian Church schism literature, lexeme, fixed verbal complex.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС. СВЕТСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ БИБЛЕЙСКОЙ ТЕМАТИКИ

© 2011

С. Е. Никитина

О КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ И МАТЕРИАЛЕ ДЛЯ ИХ ПОСТРОЕНИЯ*

В статье обсуждаются вопросы построения словарей для конфессиональных культур — таких, как старообрядческая, молоканская и духоборческая. В качестве материала для конфессионального словаря рассматриваются типы религиозного дискурса — богослужебные тексты, тексты народных религиозных песен. Кроме терминов догматики, певческой и обрядовой терминологии, в словаре должны быть представлены ключевые слова повседневной жизни, если они по своей семантике связаны с полем веры. К словарному описанию следует привлечь материалы полевых исследований.

Ключевые слова: конфессиональные группы, конфессиональный словарь, молоканские тексты, богослужебный дискурс, термины, ключевые слова, полевые исследования.

Под конфессиональными словарями я понимаю словари, в статьях которых содержится информация о терминах и культурных концептах, связанных с верованием (этно)конфессиональных групп.

Этноконфессиональными группами называют сообщества, определяющие себя как этнос через название своего вероисповедания. На Западе это, напр., *менониты* (самоназвание этой протестантской секты происходит от имени её основателя); в России *молокане* и *духоборцы*, две разновидности русского народного протестантизма. Они переосмыслили конфессионимы, данные им «чужими»: *молокане*, названные так православными потому, что ели молочное, не соблюдая православных постов, утверждают, что это название имеет источником Новый Завет, где говорится, что учение Христа есть *чистое словесное молоко* (1 Пет. 2: 2); *духоборцы*, названные так церковным деятелем, который внутренней формой этого слова указал на еретиков, не признавших церкви, утверждают, что они борются за истину только Духом. Номинация с морфемой *этно-* звучит сомнительно для старообрядцев, поскольку они хранят древние обряды именно **русского** правосла-

Никитина Серафима Евгеньевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН. E-mail: seniki38@mail.ru

*Работа выполнена в рамках договора по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой», раздел VI: Текст в социокультурном и языковом пространствах РФ. Проект: «Религиозные тексты в социокультурном пространстве русских конфессиональных групп (молокане, духоборцы, старообрядцы)».

вия. Духоборцы и молокане, будучи в своем генезисе иконоборцами, отвергают внешние церковные обряды и церковную иерархию, не признают Предания, но поклоняются Богу «в Духе и истине», считая себя носителями апостольской веры. Главное различие между молоканами и духоборцами состоит в отношении к Библии: для молокан Ветхий и Новый Завет — главная священная книга, источник их псалмов; духоборцы же создали свои псалмы — устную «Животную книгу», правда, во многом близкую к библейским текстам; она была записана и опубликована в начале XX в. В. Г. Бонч-Бруевичем.

Далее я буду называть все эти группы конфессиональными. При очевидном глубоком различии в вере между православными и протестантами, названные группы имеют ряд общих признаков; некоторые из них отчётливо проявляются в речевом поведении, в характере религиозного дискурса и, конечно, в системе религиозных концептов. Так, **обострённое самосознание** делает во всех трёх группах особенно напряжённым противопоставление «наши-не-наши» и рождает рефлексию над религиозными текстами, выражаясь во множестве метатекстов герменевтического плана; **маргинальное положение** в обществе в течение сотен лет, усиленное репрессиями, поддерживает и развивает идею **избранности**, выраженную, в частности, и в интерпретации конфессионимов; **эсхатологическая направленность** формирует и ценностно окрашивает самые существенные для группы концепты — такие, как концепты *антихриста* и *Страшного Суда* в старообрядчестве, концепт *тысячелетнего царства* у молокан-прыгунов.

В любой конфессиональной народной культуре можно выделить следующие информативно, коммуникативно и стилистически маркированные типы текстов (дискурсы): 1) тексты богослужебные и сопровождающий их традиционный круг религиозного домашнего чтения (письменные книжные тексты и молитвы); 2) творчество конфессиональных писателей, полемическая литература, 3) тексты обучения словесному и музыкальному языку богослужения; 4) бытовые диалектные тексты; 5) традиционные «мирские» фольклорные тексты разных жанров; 6) тексты религиозного фольклора и народной герменевтики, служащие стилистическим мостом между богослужебными и «мирскими» текстами, как бытовыми, так и фольклорными.

Это те дискурсы, которые необходимы для нормального функционирования конфессиональной культуры; они составляют её внутреннее вербальное пространство. Разумеется, для каждой культуры существуют свои пропорции «мирских» и духовных текстов, однако существенно, что конфессиональная печать лежит и на мирских жанрах, прежде всего это касается их функционирования. Кроме того, на народную конфессиональную культуру влияют литературный язык и литературные тексты (внешнее вербальное пространство), что отражается на речевом поведении и, соответственно, на тезаурусе носителей культуры.

В представленном делении тексты первого, второго, третьего и шестого типов можно интерпретировать либо как несколько разных религиозных дискурсов, либо как разные виды одного дискурса: для той и другой интерпретации нетрудно найти основания. В данном случае это не столь важно. Существенно другое: какую информацию для словаря можно извлечь при исследовании этих видов текстов и какого типа словари на них можно строить?

Поскольку названные группы рассматриваются в пространстве народной культуры, то прежде всего вспоминаются диалектные словари, которые до недавних времён, как правило, не содержали сведений конфессионального характера. Таковы напр., словарь одного молоканского села в Грузии [Жидко, Мулкиджанян, Хидешели 1977] или словарь семейских Забайкалья [СГС 1999]. К собственно конфессиональным словарям нужно отнести энциклопедический словарь-справочник, посвящённый старообрядчеству [Вургафт, Ушаков 1996], в заглавии которого обозначено его содержание: «Лица, события, предметы, символы». Православная терминология в словарном описании представлена в «Словаре православной церковной культуры» [Скляревская 2000]. Автор разбил термины на семантические группы [Там же: 7], что делает этот словарь некоторой точкой отсчёта для построения конфессиональных терминологических словарей. Так, в молоканской терминологии обнаруживаются лакуны, обусловленные отсутствием предметных символических атрибутов христианства, напр., предметов богослужения (*антиминс*, *дискос*, *потир* и др.), священнических облачений и их частей (*фелонь*, *орарь*, *омофор* и др.); зато вместо наименований церковной иерархии присутствуют наименования *старцев*, несущих разные *служения*: *пресвитер*, *беседник*, *проказчик*, или *сказатель*, у молокан-прыгунов ещё и *пророк* / *пророчка*, *действеники* (люди, в которых действует Святой Дух; некоторые из них становятся пророками).

Конфессиональный словарь, ставящий своей целью отразить важнейшие стороны конфессиональной культуры, должен включать в себя термины догматики, обрядовой жизни, прежде всего, богослужения, наименования его участников, терминологию богослужебного пения, чрезвычайно важного для трёх названных культур, номенклатуру обрядовой пищи и одежды. Существенно также описание ономастикона, функционирующего как в традиционных текстах, так и в жизни. Особое значение имеют ключевые слова русской народной культуры, на которых лежит печать конкретной конфессии — такие слова, как *человек*, *истина*, *мир*, *смерть*, *голос* и др., т. е. слова, получившие в конкретной культуре дополнительные семиотические значения; слова, в семантике которых явно проступают главные признаки её модели мира. Включение в словарь таких слов позволяет создать представление о целостной культуре, где переплетено профанное и сакральное, или мирское и духовное.

Обратимся к молоканским текстам, которые могут служить материалом для создания такого словаря. Молоканская догматика описана в книгах молоканских авторов начала XX в. (см. [Жабин 1912], [Анфимов 1912]), полезным материалом являются журналы начала XX в. и современные продолжающиеся издания — как русские, так и американские. Опубликованный сборник песен [Сионский песенник 2004] служит хорошим материалом для построения словарных статей ключевых слов культуры (см. словарные статьи в [Никитина 2009]). Тот же сборник содержит тексты с именами, ставшими прецедентными в молоканской культуре. Это имена библейских героев и молоканских пророков. Материал на ту же тему дают многочисленные устные изложения библейских сюжетов. Сведения о догматике и библейских именах наличествуют и в текстах псалмов певческого репертуара.

Сборник духовных песен — письменная репрезентация устного творчества, результат собирательской работы самих молокан. Несмотря на письменную форму библейского Закона и разного рода публикации молоканских авторов, культура молокан глубинно устная [Никитина 2004], и для создания словаря необходим материал полевых исследований. Так, хорошо разработанная певческая терминология молокан, в отличие от старообрядческой, использующей письменную азбуку знаменного распева, нигде не записана и фиксируется исследователями в поле; функции «старцев» в собрании усваиваются членами общины и всеми присутствующими во время богослужений. Исследователю, чтобы это описать, недостаточно собственных наблюдений: необходимо побеседовать с лидерами общины. Совокупность интервью с ними можно назвать особым дискурсом диалогического типа. В качестве примера приведу свои наблюдения и информацию, полученную мною от молокан об их *сказателях*. Для этого необходимо кратко описать богослужение.

Ничего, кроме речи — беседы, чтения, пения и молитвы, в молоканской службе нет. Богослужение разделено на две части. Первая часть состоит из чередования бесед и пения псалмов. Псалмы имеют главным источником Библию, почти все её книги, включая Новый Завет. Для прыгунов и *максимистов* (последователей пророка Максима Рудометкина) источником псалмов служит также книга «Дух и жизнь». Во время годового цикла молокане пропевают несколько сотен разных псалмов. Псалмы и беседы подготавливают души верующих ко второй, главной части богослужения — молению. Молитвы читает пресвитер или назначенный им человек. Моление сопровождается коленопреклонениями и плачем тех, кто кается или просит что-либо у Бога. После моления поётся псалом «на расход»; у прыгунов поются также духовные песни, которые могут стимулировать действенников и пророков.

Пение имеет разных адресатов, но всегда главным адресатом является Бог. Особый адресат пения — *сказатель*, или *проказчик*. Его функции начинаются, когда он слышит «звод» — первую музыкальную строфу псалма, начатого певцом. Название или номер псалма не объявляется: сказатель должен узнать его в самом начале пения и найти в книге текст, который затем «проказывает». Теперь он отправитель: его адресатом является певец, запевающий после «проказывания» следующий «звод». Одновременно его адресатами являются и все члены собрания, которые должны хорошо слышать текст, который поётся, тем более что в пении слова сильно растягиваются и воспринимаются с большим трудом. Без книги перед глазами человек «со стороны» вряд ли может понять текст. Кроме прекрасного знания книжных источников и точного адреса псалма, сказатель должен иметь звучный голос, хорошую дикцию и владеть особыми навыками произнесения текста. Если сказатель несколько раз не может найти нужный текст, он лишается своего «сказательского» служения.

Замечательно, что именно терминология духовной жизни, включающая в себя певческую терминологию и именованья *служений* и *служителей*, в речи англоязычных молокан — потомков русских эмигрантов — остаётся русской, что указывает на её особенную значимость в молоканской культуре.

Нужно отметить, что сами молокане ценят словарную форму представления информации: недаром потомки молокан, эмигрировавших в США в начале XX в.,

сообщали мне, что с удовольствием читают словарь С. И. Ожегова как интересную книгу. К учебнику С. К. Жабина дано приложение под названием «Объяснение значения некоторых слов в духовном смысле». Оно содержит иносказательные толкования около 200 слов с отсылками к соответствующим книгам Библии, напр., [Жабин 1912: 332]:

Вода живая или животная. — Благодать животворящего Духа Святаго. Даруется в учении, возрождении и святой жизни о Иисусе Христе (Ис. 44: 3; Зах. 14: 8; Иоан. 4: 10; Откр. 22: 17; Коринф. 12: 13).

Воды. — Скорби, печали и напасти. (II Царств. 22: 17; Иов 22:11; Пс. 31: 6; Ис. 43: 2).

В этих толкованиях молокане следуют библейскому разделению значений слова *вода* в единственном и множественном числе.

Представляется целесообразным при составлении конфессионального словаря включать в него толкования слов, предложенные носителями культуры.

Структура словарной статьи для такого типа словаря может быть разной: тезаурусная параметрическая форма словарной статьи, включающая обширные комментарии исследователя, представлена в работах автора статьи (см. [Никитина 2009]). Существенно, что благодаря многочисленным отсылкам к другим словарным статьям можно построить гипертекст, представляющий в связном виде картину религиозной жизни конфессиональной группы.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов: Изложение догматов и молитвенник истинных духовных христиан (секты именуемой «старо-постоянными молоканами») / составлено Н. М. Анфимовым. — Тифлис: Изд. Я. П. Бурцова и И. Я. Томилина, 1912. — 2-е изд. — Сан-Франциско: Изд. Сан-Францис. общины, 1975. — 434 с.

Жабин С. К. Къ духовному Свѣту. Краткій курсъ Закона Божія для духовныхъ христианъ (постоянныхъ молоканъ). Руководство к обученію в школѣ и дома. — изд. 5-е. — Сан-Франциско: Сан-Францис. община, 1975 — 522 с.

Жидко В. А., Мулкиджанян И. И., Хидешели А. А. Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнахского района ГССР). — Тбилиси: Тбилис. ун-т., 1977. — 277 с.

Никитина С. Е. «Божье слово — оно звуковое» (об устной культуре молокан) // Лотмановский сборник 3. — М.: ОГИ, 2004 — С. 578–588.

Никитина С. Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект) / РАН. Ин-т языкознания. — М.: Сов. писатель, 2009. — 353 с.

Сионский песенник столетнего периода христианской религии Молокан Духовных прыгунов по всему миру. — Лос-Анжелес, 2004. — 1032 с.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. — СПб: Наука, 2000. — 278 с.

СГС: Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / авторский коллектив: Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова, М. Б. Матанцева, И. Ж. Степанова, Е. И. Тынтуева, О. М. Козина; под ред. Т. Б. Юмсуновой. — Новосибирск: Наука, 1999. — 550 с.

Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Лица, события, предметы и символы. Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. — М.: Церковь, 1996. — 317 с.

CONFESSIONAL DICTIONARIES AND THEIR SOURCE MATERIAL

S. Ye. Nikitina

The paper deals with compiling dictionaries for religious culture of Old Believers, Dukhobors, and Molokans. It considers religious discourse (service texts, folk religious song texts) as material for the dictionary. In parallel with dogmatics, religious songs, and ritual terms the dictionary should contain key words pertaining to everyday life if semantically they are connected with faith. Field work material should also be used in the dictionary.

Key words: confessional groups, confessional dictionary, molokan's texts, religious discourse, terms, key words, field work.

© 2011

С. Л. Слободнюк

«...ВОЗВЕДЁННАЯ В ЗАКОН ВОЛЯ» И САКРАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СЛОВО И БЫТИЕ

В статье представлен опыт анализа базовых архетипов сакральной правовой реальности. Обращаясь к мифу об утраченном рае, автор показывает, что в этой области бытия актуализируются потенции первообраза, воления которого, воплощаясь в слове, становятся онтологическим основанием триединства воли, права и закона.

Ключевые слова: архетип, правовая реальность, сакральная реальность, закон, воля, абсолют, талион.

В многомерном мире сакрального текста и по настоящее время обнаруживаются области, которые иначе как *terra incognita* не назовёшь. К одной из подобных областей относится и разновидность реальности, теснейшим образом связанной с архетипами, имеющими правовую природу. Причём первые проявления данной — *правовой* — реальности наблюдаются отнюдь не в законодательстве Моисеевом, а в истории об утраченном Эдеме.

Сад Эдемский... Впервые о нём упоминается в «Пятикнижии»: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла <...> И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт 2: 8–9, 15). Неведомый автор скуп на подробности, что, впрочем, не мешает толкователям, вне зависимости от ве-

Слободнюк Сергей Леонович — доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ruslit20@masu.ru

роисповедания, подробно комментировать эти строки (см., напр.: [Лопухин 1987: 17–18; Раши [http](#)]).

Но вернёмся к тексту Бытия, чтобы точнее определить направление поиска. — «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт 2: 16–17), — так гласит синодальный перевод, мало чем отличающийся от русского перевода Берешит.

Соблюдая последовательность в подаче комментария, обратимся сначала к разъяснениям, данным по поводу исходного варианта текста: *«От всякого дерева в саду можешь есть; Но от древа познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, когда станешь есть от него, смерти предан будешь»* (курсив мой — С.С.) — «Наиболее высокое качество, которым изначально наделён человек и которое принципиально отличает его от любого другого творения, — свобода выбора. Она выражается в способности выполнять приказ Творца или не выполнять его <...> Человек живет не только в мире материи, но и в духовном мире. Однако духовный мир раскрывается только при условии, что человек подчиняет свои желания воле Творца. Воля Творца, выразившаяся в установленном Им законе, является верным и неизменным индикатором, определяющим, что есть добро, а что есть зло. Человек не может и не имеет права, основываясь на своих инстинктах или опираясь исключительно на свой разум, определять, что относится к области добра, а что должно быть классифицировано как зло <...> В час испытания и то, и другое часто подталкивает его назвать свет тьмою, а тьму — светом. Установленный Всевышним первый запрет <...> послужил пробным камнем для проверки того, как человек реализует предоставленную ему возможность выбора.

Должен ты умереть — ‘Ты станешь существом смертным’. При таком прочтении устраняется противоречие, которое бросается в глаза при первом знакомстве с текстом Торы: с одной стороны, сказано, что наказание за нарушение приказа — смерть, с другой стороны, Адам и Хава прожили долгую жизнь после того, как ели от запретного плода. Из самого наказания можно понять, что человек был сотворён бессмертным» [Раши [http](#)].

В комментарии А. Лопухина по поводу тех же самых строк сказано: *«И заповедал Господь Бог человеку...»* Для развития же нравственных сил (высших) человека Бог даровал ему специальную заповедь, состоявшую в воздержании от плодов уже известного нам древа познания. Это воздержание Бог назначил служить символом повиновения и покорности Ему со стороны человека, в силу чего соблюдение этой заповеди выражало со стороны человека чувство любви, благодарности и преданности Богу; тогда как нарушение её, совершенно наоборот, свидетельствовало о недоверии к Богу, пренебрежении к Его словам и чёрной неблагодарности к Творцу, вместе с желанием жить по своей воле, а не по заповедям Бога. Вот почему такое, по-видимому, ничтожное преступление получало такое огромное моральное значение!

17. “в день... смертью умрёшь”. Слово «день» здесь <...> должно понимать в смысле неопределённого указания времени и переводить словами: “в то время, когда...”. “Смертью умрёшь” — один из употребительных в евр. языке способов усиливать мысль, равный нашему выражению “неприменно умрёшь”. Этой угрозы смертью (за нарушение заповеди) нельзя понимать в смысле (виде) мгновенного

поражения, имевшего наступить тотчас же за грехопадением, а должно понимать её в смысле начавшегося вследствие грехопадения медленного процесса умирания: Бог послал смерть (точнее, лишил бессмертия) в тот самый момент, когда человек пал; но эта смерть лишь постепенно подтачивала его силы <...>. Но, кроме этой физической смерти Св. Писание и отцы Церкви видят здесь указание и на духовную смерть, состоявшую в том, что актом своего падения человек нарушил свой первый завет с Богом, порвав свою связь с величайшим источником жизни и тем самым с этого момента обрёк себя на духовную смерть» [Лопухин 1987: 21].

Если сопоставить представленные позиции, получается достаточно любопытная картина. В комментарии православном моральный аспект проблемы вынесен на первый план. При этом А. Лопухин выстраивает значимые параллели: «соблюдение заповеди — преданность божеству», «нарушение заповеди — желание жить по-своему». И присутствующие тут же добавления к отмеченным параллелям тоже заслуживают внимания. Так, «жить по своей воле» в сущности означало желание жить «не по заповедям Бога»; любви противостоят недоверие и пренебрежение, благодарности — неблагодарность. Стройной системы равноправных оппозиций никак не получается. А тут ещё финал, усиливающий моральный пафос.

В комментарии к Торе акцент, кажется, справедливо делается на проблему свободы выбора. Но каково продолжение, формулирующее мысль о том, что свобода выбора «выражается в способности выполнять приказ Творца или не выполнять его»!.. Слова божества, в которых содержится оптимистическое описание будущего нарушителя запрета, комментатор Торы трактует уклончиво, усматривая в них, в первую очередь, указание на изначальное бессмертие человека. В комментарии православном больший акцент делается на духовный аспект и лингвистические нюансы. Но, с какой стороны ни подойди, вывод один и тот же: в перспективе — утрата бессмертного существования, духовной чистоты и самого рая.

Продолжение истории не добавляет светлых красок в монументальное полотно Бытия. Сначала был запрет, потом пришёл коварный злодей, прикинувшийся змеем, потом змей нашептал Еве всяческих прельстительных глупостей, потом Ева с извечной женской непосредственностью совершила известный поступок, потом Адам поддался Еве. И свершилось преступление через заповедь, свершилось нарушение запрета, свершился первый опыт использования свободы воли. О последствиях можно и не говорить.

С виду всё просто и понятно. Был запрет, и было обозначено наказание за его нарушение. Не совсем, на первый взгляд, адекватное, но нам ли судить о замыслах и решениях верховного существа? Да мы и не будем, помня о друзьях Иова, получивших гневную отповедь Яхве. Мы попытаемся посмотреть на проблему иначе, нарочито огрублённо, если не сказать — примитивно.

Итак, человек нарушает некое установление и получает решение Судии, которое тут же исполняется, и об обжаловании речи нет. В свете современных воззрений всё это — полнейшее беззаконие и произвол. А теперь, хотя бы на уровне формальной логики, опровергнем сказанное выше. Не получается!.. Потому что в те времена не было прокуроров, адвокатов и иных атрибутов современной жизни. У нас в наличии — только запрет, его нарушители, судья, он же исполнитель своих решений, и больше ничего.

Это совсем не так мало, как кажется: надо просто принять мысль, что в райском саду не было ни естественного права, ни права положительного, а было *право*, напрямую связанное с *волей* верховного существа.

Данный тезис, как нетрудно понять, восходит к Марксу. Но если по отцу-основателю *право* есть возведённая в *закон воля* господствующего класса, то почему бы при наличии достаточных оснований не спроецировать этот алгоритм на другой пространственно-временной континуум?

Или в райских кущах равные общались с равным? Нет, конечно же! Есть Творец, и есть его творения, не обладающие (даже в минимальном приближении) ни одним из атрибутов своего создателя... Или Творец не является господствующим субъектом по отношению к Адаму и Еве? Вряд ли. Иерархическая лестница в данном случае — вещь совершенно очевидная.

Как видим, у нас есть неравенство отношений, есть господин и те, чьими судьбами он распоряжается по своему усмотрению. А отсутствие классов не играет никакой роли: откуда им взяться в Эдеме? Кроме того, мы не ищем в Писании цитат из Маркса, а *соотносим* марксов алгоритм определения права с вполне конкретной ситуацией. Если об этом помнить, то мнимые натяжки исчезнут сами собой. Тем более что верховное существо Бытия обладает тем же, чем обладает господствующий класс — волей.

Но одна досадная мелочь мешает поставить в этой части рассуждения победную точку: слово «закон» в Бытии появляется через много лет, после того, как прародители человечества отведали плодов с древа познания. С другой стороны, а что есть заповедь о невкушении плодов, как не единственный на данный момент закон, наличествующий в Эдеме? Так что мы с чистой совестью проводим необходимое в данном случае отождествление и получаем искомую формулу о праве как возведенной в закон воле. Потому что воления божества актуализируются в мире etc.

На основании сказанного можно отметить, что в Эдемском саду всё подчинялось божественному праву, которое потом *переродилось* в естественное. Не об эволюции в человеческом сознании, не о терминологической игре идёт речь, а *именно о перерождении*, поскольку в связях эдемского права с правом естественным есть ряд моментов, о которых почему-то предпочитают умалчивать. Так, вопросы о том, почему всеблагое и всезнающее существо допустило провокатора в рай, почему соблазнило людей свободой выбора, прекрасно зная, что за этим последует, уж сколько времени продолжают заслонять простой и малопривлекательный вопрос: «Кому выгодно?». Выгодно оказывается только тому, кто положил запрет.

Если вдуматься в смысл наказания, которое Яхве своею волей накладывает на провинившуюся троицу, то нетрудно заметить, что цель, преследуемая им, может быть сведена к известной формуле «разделяй и властвуй»: «И сказал Господь Бог змею <...> вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем её <...> Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей <...> и к мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя» (Быт 3: 14–19).

Стремление к усилению собственной власти может показаться несколько странным: творец мироздания, обитающий вне времени и пространства, гневный воспитатель народов — чего ещё надо? Сие нам неведомо. Можно только констатировать: действия Яхве наводят на мысль о том, что он активно укрепляет свою власть, заодно «обкатывая» специфические процедуры наказания и его исполнения. Человек был создан бессмертным, его наказали смертью. Ведь в сущности, когда бессмертного лишают вечного существования, нет особой разницы, когда его жизнь оборвётся. Отсрочка исполнения оказывается мучительнее самого исполнения. Зато сколько полезного познали подопечные Яхве, выйдя за пределы Эдема: Каин убил Авеля, дочери человеческие познали ангелов, гиганты познали вкус плоти... Список столь странных познаний можно продолжить, однако — зачем? Всё и так ясно. Вместо утраченного рая человеку даруют ад в смягчённом виде, дабы воспитывался и готовился к грядущему Суду. Кстати, цель и процедура последнего в ветхозаветной и новозаветной трактовках несколько разнятся, но их родство с первым судебским опытом Яхве совершенно очевидно.

Таким образом, мы можем видеть, что правовая реальность в сакральном бытии являет собой сложный феномен, возникающий в сферах актуализации нескольких архетипических систем. В первую очередь это, конечно же, система архетипов, занимающих подчинённое положение по отношению к первообразу: добро, зло, духовное, материальное, истина, мнение.

Поскольку в нашем случае оппозиции материального и духовного, временного и вечного, рационального и чувственного не играют определяющей роли, сконцентрируем наше внимание на паре «добро — зло». Названные архетипы находятся в постоянно изменяющейся системе связей с системой, порождаемой оппозицией справедливости и несправедливости. Относительный характер каждого из членов названных оппозиций необходимым образом обеспечивает особый статус воли.

Последняя, пребывая в данном случае в одиночестве, тем не менее порождает систему, где не-воление как путь к добру, как бы то ни было, вызывается к жизни волей субъекта. А воля находится в постоянном взаимодействии со свободой, то проявляясь в ней, то наоборот — подавляя её.

В зависимости от ситуации проявление и подавление свободы выступают как реализация «справедливости» и «несправедливости». При этом и та, и другая равным образом, словно двуединый субъект, причастны земному и горнему миру, воплощаясь и в заоблачных высях, и *на горестной земле*.

С этими воплощениями неразрывными узами связан институт воздаяния, как поощряющего так и карающего, и институт последнего Суда, реализующего установления верховной «власти».

И всё же — можно ли на основании разбора нескольких библейских стихов утверждать, что мы имеем дело именно с сакральной правовой реальностью, а не с отдельными системами архетипов правового характера? Скорее всего, можем, поскольку все системы в данном случае являют собой актуализированные потенции первообраза, чьи воления, воплощаясь в слове, становятся онтологическим основанием триединства воли, права и закона.

ЛИТЕРАТУРА

Лопухин А. П. [Комментарий к Бытию] // Толковая Библия: в 12 т. — Репр. изд. 1904–1913 гг. — Стокгольм: Ин-т пер. Библии, 1987. — Т. 1. — С. 17–18.

Раши (Шломо Ицхаки). Комментарий к Берешит. [Электронный ресурс]. URL: http://toraonline.ru/tora_inline/bereyshis/bereyshis.htm (дата обращения: 01.01.2011).

WILL AS A LAW AND SACRAL LEGAL REALITY: WORD AND BEING

S. L. Slobodnyuk

The article analyzes basic archetypes of sacral legal reality. Focusing on the myth about the lost paradise the author shows that this sphere of being actualizes potentials of the prototype whose word-embodied force of will becomes an ontological basis of the triad incorporating will, right, and law.

Key words: archetype, legal reality, sacral reality, law, will, the absolute, talion.

© 2011

Л. Н. Чурилина

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МЕТАФОРИКА КАК ОБЪЕКТ
ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Статья посвящена формулированию ряда положений, определяющих концепцию Словаря современной православной метафоры. Ключевыми являются вопросы об объекте лексикографирования и способе организации материала (структуре словарной статьи).

Ключевые слова: Словарь современной православной метафоры, религиозный (православный) дискурс, православная метафорика, словарь метафор, религиозная (православная) картина мира, когнитивная теория метафоры.

Создание специализированных словарей, отражающих характер функционирования языковых единиц в определённых типах дискурса, относится к числу приоритетных задач современной лексикографии. Однако словари такого типа в отечественной практике продолжают оставаться практически уникальным явлением, а потому в разработке нуждаются сами принципы и приёмы словарного описания дискурсивного (речевого) материала.

Адаптация к специфике определённого дискурса необходима и в случае обращения к описанию его метафорики — уникальной системы типичных метафорических моделей, которые «формируют его как таковой, как специфический,

Чурилина Любовь Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: ln-chur@yandex.ru

отличающий его от других дискурсов» [Баранов 2004: 13]. Принципы лексикографирования метафоры разработаны на политическом дискурсе (см. [Баранов, Караулов 1994], [Чудинов 2003], [Кобозева 2002]), и в случае их прямой экстраполяции на иной дискурс, напр., религиозный, вполне ожидаемым будет эффект «сопротивления материала», коль скоро речь идет о безусловной специфичности этого материала.

Уникальность православной метафоры определяется двумя специфическими характеристиками соответствующего дискурса. Прежде всего, его традиционностью: соотносённостью каждого вновь порождаемого текста с первоисточником — прецедентным текстом, в роли которого выступает Священное Писание (подробнее об интертекстуальности в православном дискурсе см. [Кощелева 2008]). Значимым оказывается и функциональный фактор. Очевидно, что в разных типах дискурса метафора выполняет различные функции [Чудинов 2003]. Если иметь в виду дискурс религиозный, то целесообразно рассматривать в качестве доминирующих две функции метафоры: *эвристическую* и *апеллятивную*. Метафора в религиозном дискурсе используется в качестве инструмента познания, осмысления сложного, сакрального, объекта; сложность объекта, его «нематериальность», делает неизбежным обращение к фонду общих знаний субъектов коммуникации.

Статья посвящена формулированию ряда положений, определяющих концепцию Словаря современной православной метафоры, который рассматривается нами как относительно автономная часть Словаря современного православного дискурса (подробнее см. [Чурилина 2009]). Дискурсивно ориентированный словарь метафор, с одной стороны, решает прикладную задачу — «инвентаризацию» устойчивых когнитивных моделей, используемых в речевой практике. С другой же стороны, «корпусная инвентаризация метафорических моделей дискурса представляет собой важный этап научного описания функционирования метафор в реальном употреблении» [Баранов 2004: 15]. Таким образом, очевидно, что дальнейшее развитие теории метафоры ставится сегодня в зависимость от решения прикладных задач.

Словарь православной метафоры призван отразить специфику метафорического моделирования действительности, определяющую уникальность религиозной (православной) картины мира. В качестве основного источника материала нами рассматриваются образцы современного православного дискурса — тексты на современном русском языке: опубликованные проповеди, учительная литература, православная публицистика, образцы художественного творчества; а также материалы православных сайтов сети Рунет, представляющие образцы текстов *ad hoc*, созданных рядовыми носителями православного сознания.

Ключевыми на стадии формирования концепции словаря являются вопросы об **объекте** лексикографирования и **способе организации материала** (структуре словарной статьи).

В основу разрабатываемой концепции положена приобретающая в последнее десятилетие особую популярность когнитивная теория метафоры, в рамках которой метафора наделяется статусом основной когнитивной операции над понятиями, т. е. рассматривается как способ познания, структурирования и объяснения мира: «Метафора — это один из самых важных способов понимания того, что не

может быть понято полностью» [Лакофф, Джонсон 2004: 215]; ср. также: «Так как множество понятий, важных для человека, либо абстрактно, либо нечётко определено в опыте <...> возникает необходимость использовать для их понимания другие концепты, которые осознаются более чётко» [Там же: 147]. Отношения уподобления устанавливаются между двумя когнитивными сущностями — двумя концептами: областью-источником (донор) и областью-мишенью (реципиент). Утверждается, что по сравнению с реципиентом, донор обычно интуитивно понятнее, т. к. связан с непосредственным физическим опытом человека и известен более детально.

Так, базовый для любой религиозной картины мира концепт «Душа» представляет собой пример мыслительной сущности предельной степени абстракции, чем определяется наблюдаемая сложность толкования соответствующей лексемы; ср.: «По религиозным представлениям: бессмертное **нематериальное начало** в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом» [МАС, 4, 1999: 456]; «**Нематериальное**, божественное **начало** в человеке, наделённое бессмертием» [Скляревская 2008: 138]. Понимание такого рода сущностей («нечто нематериальное») неизбежно связано с поиском аналогий — концептов, формирующихся на основе восприятия материального мира. Донорами для концепта «Душа» в православном дискурсе оказываются концепты «Дом», «Храм», «Котёл», «Сокровищница», «Почва», «Вещество (субстанция)», «Организм». Установленные на когнитивном уровне отношения объективируются в метафорических выражениях типа: *О каком ещё невозделанном клочке своей души ты говоришь?; Вечно клокочет у нас в душе какое-то мелкое недовольство всеми и всем, что нас окружает; Господь войдёт в приготовленный дом души и будет с ним обитать; Душа человеческая — это храм Святого Духа; Если душа человека совсем расслаблена, если она неустойчива, текуча, как вода, как жидкое вещество, то действие Духа Божия будет похоже на удар весла по воде: ударяет весло, идут круги, а потом снова всё успокаивается, и вода остаётся такой же, как была прежде.*

В роли единицы (объекта) описания нами рассматривается метафора как пара концептов (*концептуальный дуэт*), между которыми в рамках православного дискурса установлены отношения подобия. Предлагаемое нами понятие «концептуальный дуэт» содержательно соотносимо с активно используемым в связи с описанием политической метафорики термином «М-модель» (метафорическая модель). Отказ от уже имеющегося обозначения объясняется низкой степенью изученности православного дискурса вообще и его метафорики, в частности. Термин М-модель трактуется А. Н. Барановым как **устойчивое соответствие** между метафоризирующей и метафоризируемой областями [Баранов 2004: 13]. Представляется, что определение характера связи между двумя когнитивными сущностями — степени их устойчивости — не может предшествовать описанию метафорики. Таким образом, понятие «концептуальный дуэт» призвано зафиксировать факт установления отношений между концептами, не являясь оценкой степени их устойчивости в рамках дискурса.

Концептуальный дуэт выполняет функцию заголовка словарной статьи. Инициальную позицию в паре занимает имя концепта-реципиента, т. е. концепта потенциально более сложного и потому нуждающегося в истолковании: ДУША —

ЭТО ДОМ; ДУША — ЭТО ПОЧВА и под. При составлении словника считаем целесообразным ориентироваться на ключевые слова православного дискурса — имена концептов: «Бог», «Церковь», «Вера», «Душа», «Дух», «Грех», «Покаяние», «Любовь», «Смирение» и др. Имена базовых концептов в модели «X — это Y» занимают позицию осмысляемого, толкуемого элемента (X). Что касается правого члена оппозиции (Y), то он может быть выявлен только в ходе сопоставительного семантического анализа отобранных фрагментов дискурса. Так, концептуальный дуэт ДУША — ЭТО ПОЧВА реконструирован на основе сопоставления текстовых фрагментов типа: *Это ведь враг пытается умирить твою душу унынием, убивая живой росток в твоей душе; А над душой надо трудиться самим и не ждать, что само вырастет, чего не сеяли; мы похожи <...> на пустыню, на песчаную почву, в которую сколько ни лей воды, через пять минут она опять сухая. Всё впитывается, проходит насквозь, ничто не задерживается. Вот на что похожа наша душа.*

Содержание словарной статьи составляет совокупность *метафорических выражений* — вариантов языковой объективации метафоры. Здесь необходимо оговорить, что мы разделяем широкий подход к пониманию метафоры и к числу метафорических выражений склонны относить все оппозиции, основанные на когнитивной процедуре уподобления (ср.: «признаём метафорами <...> все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [Кобозева 2001]). Имеющийся в нашем распоряжении текстовый материал вполне оправдывает отказ от строгого подхода к определению метафоры, поскольку одна и та же когнитивная модель обнаруживает себя то как метафора (в традиционном понимании термина), то как сравнение: (1) *и мы в затхлой комнате своей души, запертой со всех сторон, закрытой от всего мира;* (2) *в его душе становится сумрачно и смрадно. Как в комнате, которая долго была заперта и где были забиты ставни, в комнате, которая никогда не проветривалась и где всегда было душно, темно и пустынно.* Многочисленные случаи повтора, обнаруживаемые в представленных текстовых фрагментах и на лексемном, и на семном уровнях, не позволяют нам отказаться от представления в словаре развернутых сравнительных конструкций.

Учитывая такую особенность современного православного текста, как его прецедентность (вторичность), считаем необходимым включать в словарную статью фрагмент текста-первоисточника. Отсылка к такому фрагменту в виде прямого цитирования нередко обнаруживается в ближайшем контексте метафорического выражения; см. (полужирным шрифтом выделены метафорические выражения): 1. *Мы говорим: «Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны». Какие дерзновенные слова! Мы хотим, чтобы Господь пришёл к нам и в нас вселился. А между тем мы ничего для этого не сделали. **Наша храмина, наш дом не готов. В нём нет места.** Допустим, что вы приглашаете к себе в гости человека пожил, но устроили из своего помещения свалку, навалили туда всяких вещей, так что он не может и двух шагов сделать. **Так же получается, когда мы призываем Духа Божия — войти ему туда нет возможности, потому что всё заполнено, забито, да ещё и по большей части всякой трухой. Мы не чистим, не выметаем дом своей души, мы не следим за ним.** 2. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». **Изгнать из сердца всю нечисть, зависть, ревность,***

недоброжелательство, хульные мысли, нечистые, блудные, осудительные — всё, что там копошится, такое мелкое и такое ничтожное.

Указание на текст-первоисточник может иметь характер непрямого цитирования: *Мы все знаем, что не всё зависит от зерна, от семени которое посажено. Многое зависит от почвы, на которую оно упало. Вот почему приходится почву и рыхлить, и удобрять, и поливать. **Наша почва — наше сердце.*** В случаях подобного рода поиск соответствующей цитаты не представляет трудностей (Притча о сеятеле: Мф. 13:1–23; Мк. 4:1–20; Лк. 8:4–15). Ср. также: *Есть чудеса? Да! Постоянное чудо, самое большое чудо — это когда Бог поворачивает сердце. Нам не надо таких чудес, чтобы море расступалось перед нами. У нас **гораздо более тяжкое, непроходимое море нашей гордыни, нашей самости, нашего противления. Это море должно расступиться.***

Проблемы с установлением прецедентного текста неизбежно возникают в случае отсутствия в тексте, включающем метафорическое выражение, соответствующих отсылок, а также в ситуации апелляции к другим дискурсам: 1) *Как человек, работающий в шахте, где-нибудь в полумраке, привык к тому, что вокруг него нет яркого света, и его слепит яркий свет, так и мы привыкли к **темноте нашего греха. Живём в нём, в этом смраде, живём спокойно, не задумываясь над тем, как нам выбраться из этой ямы;*** 2) *Сколько мы сеяли зла, мелкого и великого! И вообще, сколько **мелких грехов опутывают нашу жизнь! Они про-никают всюду, как невидимые глазом микробы.***

Представляется, что метафорические выражения подобного типа должны сопровождаться простой отсылкой к соответствующему дискурсу. Установление таких междискурсных соответствий может рассматриваться как самостоятельная исследовательская задача.

Таким образом, обязательными элементами словарной статьи являются: концептуальный дуэт и совокупность метафорических выражений, сопровождаемых отсылками к прецедентному тексту, если таковой может быть установлен.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 7–21.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Помовский и партнёры, 1994. — 351 с.

Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Материалы Диалога. Теоретические проблемы, 2002. — Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://dialog-21.ru/> (дата обращения: 15.05.2011).

Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 2001. — № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://virtualcoglab.cs.msu>projects/metaphor.html> (дата обращения: 15.05.2011).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / РАН. Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд. — М.: Рус. яз., 1999.

Скляревская Г. Н. Словарь православной культуры: более 2 000 слов и словосочетаний. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 480 с.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург: УрГУ, 2003. — 248 с.

CONTEMPORARY RUSSIAN ORTHODOX CHURCH METAPHORS AS LEXICOGRAPHIC OBJECT

L. N. Churilina

The article states a number of issues underlying the conception of the Dictionary of Contemporary Russian Orthodox Church Metaphors. Key issues involve the object of lexicographic presentation, and the structure of a dictionary entry.

Key words: Dictionary of Contemporary Russian Orthodox Church Metaphors, religious discourse, Orthodox Church metaphors, dictionary of metaphors, religious (orthodox) world-image, cognitive theory of metaphor.

© 2011

Н. Вуловић, Р. Бајић

ФРАЗЕОЛОГИЗМИ ИЗ ОБЛАСТИ ПРАВОСЛАВНЕ ДУХОВНОСТИ У ЈЕДНОЈЕЗИЧНИМ РЕЧНИЦИМА СРПСКОГ ЈЕЗИКА

В работе рассматривается лексикографическая обработка и семантика некоторых фразеологизмов (*молити (некога) као Бога; крстити (некога) батином (ишаном); не да(ти) се крстити; крсти вука, а вук у гору*) с компонентами *крстити (се), молити (се)* — глаголами из области православной духовности в трёх толковых словарях сербского языка. Указывается на связанность значения фразеологизмов с христианским мировоззрением — на (не)присутствие православно-культурной информации в их лексикографических обработках.

Ключевые слова: фразеологизм, лексикографическая обработка, значение, христианское мировоззрение, православно-культурная информация.

0. У прилогу изложеном на претходном Међународном симпозијуму одржаном у Магнитогорску пре две године, а касније и објављеном [Бајић 2009], започели смо илустрацију и анализу описа неких лексикографских решења на нивоу микроструктуре лексема из области православне духовности. Овај рад представља наставак започете илустрације и анализе. Као материјал за анализу

Вуловић Наташа Сретен — кандидат филолошких наука, истраживач-сарадник Института српског језика САНУ (г. Београд, Србија). Е-mail: natasa.vulovic@isj.sanu.ac.rs

Бајић Ружица Славољуб — кандидат филолошких наука, истраживач-сарадник Института српског језика САНУ (г. Београд, Србија). Е-mail: uzica9352@hotmail.com, ruzica.bajic@isj.sanu.ac.rs

одабрани су глаголи из тематских група хришћанског морала и форми православног богослужења у ширем смислу (в. [Исто: 193]). Циљ који смо били поставили јесте да се одреди место које три описна речника савременог српског језика (мали [једнотомни *Речник српског језика* (РСЈ)], средњи [шестотомни *Речник српскохрватског књижевног језика* (РМС)] и велики [незавршени осамнаестотомни *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* (РСАНУ); закључно са одредницом *оцарити*]) дају лексици из истраживаног лексичког поља. О томе се може закључити на основу: квалификатора који се дају уз одредницу, дефиниције одреднице, илустративног материјала и идиома, као и фразеологизама који се дефинишу уз одредницу. Након што смо се, у наведеном раду, осврнули на квалификаторе и дефиниције датих одредница, остаје да анализирамо илустративни материјал и фразеологизме уз одреднице — да ли је и у којој мери овде присутна православно-културна информација? У овом раду усмерићемо пажњу на неке од фразеологизама.

0. 1. Фразеолошки материјал у ширем смислу поседује огроман лингвокултуролошки потенцијал који садржи сегменте из националне културе и традиције једног народа, његове обичаје, веровања, стереотипе, заблуде. Осим наведеног, у њему могу бити садржани и подаци о православној концепцији света, обредној пракси православне цркве [Кончаревић 2006: 144]. Међутим, и оваква концепција света и обредна пракса често је прожета предрасудама насталим различитом перцепцијом и прилагођавањем (тзв. понарођивањем).

1. 0. Део речничког чланка који се односи на фразеологизме, пословице и на идиоме уопште, презентован је после дефинисања значења одређене лексеме/ одреднице у речнику и потврда за та значења из речничке грађе. Постојећи описни речници српског језика у том делу региструју разнолики идиоматски материјал. Тај материјал може се сврстати у основне типове фразеологије у ширем смислу. Наиме, наводе се и дефинишу: терминолошке синтагме, устаљене конструкције (фразе), слободни изрази, изрази у процесу фразеологизације, перифразе, пословице, као део фразеологије у ширем смислу, али и фразеологизми у ужем смислу (в. [Мршевић-Радовић 1987: 13]). У РСАНУ за лексикографску обраду овог језичког материјала користе се квалификатори Изр. (израз) и НПосл (народна пословица). У РМС овај језички материјал не раздваја се у различите параграфе као у РСАНУ, већ се и пословице наводе под квалификатором Изр., с тим што се након фразеолошке одреднице-пословице даје квалификатор посл. У РСЈ постоје такође лексичке јединице овог типа, али се за њих не користи квалификатор, већ су само посебним фонтом одвојене од обраде основне одреднице¹. У описаном делу речничког чланка у РСАНУ и РМС наведени су и устаљени изрази за које није карактеристична потпуна десемантизација, сликовитост, експресивност и конотативно значење, што представља одлике фразеологизма у ужем смислу. Наша пажња у раду превасходно је усмерена управо на фразеологизме у ужем смислу. Они се од осталих устаљених конструкција које се као такве репродукују у језику посебно разликују по томе што је значење које има фразеологизам сасвим ново и не

¹ «Одсуство стилских, посебно функционално-стилских квалификатора у речницима или њихова недоследна примена, није обележје само српске лексикографије — А. Мелеровић и В. Мокијенко, означаје ову појаву у предговору првом речнику фразеолошких околишних руског језика» (в. [Мршевић-Радовић 2004: 95]).

одговара збиру значења компоненти од којих се састоји (в. нпр. [Драгићевић 2007: 24]). Дакле, термин *фразеологизам* користићемо онако како је то уобичајено код већине аутора у словенској фразеологији, као релативно стабилан експресивни лексички спој који се репродукује и има глобално, јединствено значење (в. нпр. [Мокиенко 1989: 5]).

1. 1. Од глагола из области православне духовности који су предмет наше анализе само је код два забележен фразеолошки материјал. То су глаголи: *крстити* (*се*) и *молити* (*се*). Оба глагола имају развијену полисемију, што потврђује да су део традиције и свакодневног народног живота, да имају широку употребу, а и да су попримили елементе који прелазе изван оквира духовне сфере.

2. 1. У нашој грађи забележен је поредбени фразеологизам *молити* (*некога*) *као Бога* у значењу ‘усрдно молити, преклињати (некога)’. Структурно, ова глаголско-именичка синтагма састоји се од глагола, поредбеног везника и именице у косом падежу (акузативу једине). Његова семантика је провидна и јасна. Глагол *молити* у овом фразеологизму је са непромењеним (недесемантизованим) значењем *обрађати се некоме тражећи да нешто учини, предузме*, док је именички део (*као Бога*) сликовито и експресивно обојен, имајући функцију изразитог наглашавања значења глагола. Међу одлике молитве у православној концепцији света, између осталих, спадају и «скрушено трпљење, усрдност и упорност» (в. [Агиорит 1990: 110]), јер «само ако је молитва усрдна, она је у стању да призове Божју помоћ» [Исто: 125]. Дакле, поређење је у функцији појачавања наведеног примарног значења глагола *молити* до тога да поприми обележја молитве Богу.

2. 2. Глаголско-именички фразеологизам *крстити* (*некога*) *бапином* (*штапом*) дефинисан је у речницима значењем ‘тући, ударати, изударати (некога)’. Структурно посматрано, он представља лексички спој глагола и именице у косом падежу (инструменталу без предлога). Смисао овог фразеологизма захтева као објекатску допуну лексему која означава лице, а не неки неживи појам (крстити некога). Глагол *крстити* међу својим лексичким значењима (осим примарног, религијског) садржи и фигуративно значење ‘ударити, ударати’. За многобројне глаголе који се у описним речницима наводе у својим метафоричним значењима може се «претпоставити да су ово значење развили из употребе у фразеолошкој јединици; у таквим случајевима, када се глагол јавља као компонента фразеологизма а има и самосталну метафоричну употребу у истом значењу, полазимо од тога да је метафорично значење глагола, дакле, секундарна појава» [Мршевић-Радовић 1987: 144]. Тако посматрано, значење овог фразеологизма ‘причињавати непријатност (некоме)’ тј. ‘физички мучити (некога)’ — спада у сферу међуљудских односа. Међутим, још једно лексичко значење овог глагола било би занимљиво размотрити. То је његово религијско значење ‘превести некога у хришћанство’ или, прецизније речено, ‘крстивши некога учинити га хришћанином, покрстити (некога)’. Крштење јесте обред који представља «знак новог живота и покајања (од грч. речи метаноиа) што буквално значи и промена мишљења» [Енциклопедија православља 2002: 1068]. У старој хришћанској цркви катихумени (одрасле особе) пре крштења «припремани су за крштење наставом која је трајала од 1 до 3 године <...> и данас када се ради о крштењу одраслих требало би да буду катихумени поучени и упознати са учењем Цркве» [Исто: 1069]. Имајући наведено у виду, можемо претпоставити још једну семантичко-фразеолошку компоненту

посматраног фразеологизма, а то је ‘васпитавање’, тачније ‘преваспитавање’. Ово би се могло довести у везу са још једним метафоричним значењем глагола *крстити* — ‘уразумити, уразумљивати’.

2. 3. Одрични глаголски фразеологизам *не да(ти) се крстити* у значењу ‘не да(ти) се одвратити од какве намере, не слушати савете’ семантички је сродан претходно анализираном фразеологизму. Наиме, глагол *крстити* је фразеологизацијом развио метафорично лексичко значење ‘уразумити, уразумљивати (некога)’. Припрема за крштење, као и, првенствено, сам овај чин у Православној цркви који, видели смо, подразумева промену мишљења (разуме се, на добро) чини да људи, већ припремљени и научени хришћанској догматици и моралу — настоје да чине добро и да негују у себи врлине. Отуда и једно од секундарних значења придева *крштен* — ‘који је при свести, при памети, разуман, паметан’.

2. 4. Реченични фразеологизам *крсти вука, а вук у гору* у значењу ‘некога који је склон каквој навици или мани тешко је од тога одвикнути’ — бележи РМС. Он је такође предмет наше анализе, иако уз њега стоји квалификатор посл. (пословица)². Овај реченични фразеологизам структурно представља спој две напоредне реченице, од којих у првој није исказан вршилац радње (агенс), а у другој је елидиран, изостављен предикат. Занимљиво је то што је у њему зооним *вук* објекат крштења, што овој конструкцији даје шаливи, ироничан карактер и упућује на узалудност обављања радње означене глаголом *крстити*. И у глобалном значењу овог фразеологизма можемо приметити присуство значења ‘уразумити’ и(ли) ‘(пре)васпитати’. Но, тешко је преваспитати некога сличног вуку. И у овом фразеологизму, слично претходнима, глагол *крстити* може се довести у везу Светом тајном крштења која, као што смо видели, подразумева промену мишљења, речено језиком теологије: преумљење, дакле, преваспитавање.

3. Иако тражени обим за публикување није дозволио даљу и дубљу анализу како изложених, тако и других фразеологизама из нашег материјала, одговор на питање које смо поставили: да ли је присутна православно-културна информација у анализи фразеологизама у једнојезичним реченицима савременог српског језика — позитиван је, првенствено из перспективе хришћанског морала. Истина, поменути процес понарођивања учинио је своје, те ова информација није увек прозирна са синхронијске тачке гледишта. Стога би један од задатака анализе фразеологизама могао бити и тај да подсетимо на њихов изворни, првобитни смисао, који несумњиво укључује хришћански поглед на свет.

ЛИТЕРАТУРА

Агиорит Н. Невидљива борба. — Београд: Манастир Ћелија Пиперска, 1990. — 176 с.

Бајић Р. Лексикографска обрада неких лексема из области православне духовности у једнојезичним реченицима српског језика // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М. Г. Абрамзона. — Вып. 2 (24). — М.; Магнитогорск; Новосибирск: Аналитик: тип. МГПК, 2009. — С. 192–197.

² Наиме, као што смо већ напоменули, у рад смо уврстили фразеологизме у ужем смислу. Ту спадају и реченични фразеологизми, који се од пословица, изрека или афоризама (обухваћених термином «устаљена фраза») разликују по томе што је њихова реченична структура незавршена, отворена. «За разлику од реченичних фразеологизама, устаљене фразе представљају и на структурном и на семантичком плану завршену реченицу и функционишу као знаци предикације» [Мршевић-Радовић 1987: 24].

- Драгићевић Р.* Лексикологија српског језика. — Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2007. — 366 с.
- Енциклопедија православља. — Београд: Савремена администрација, 2002. — Т. 2–3.
- Кончаревић К.* Српски језик кроз призму православне духовности, традиције и културе // Језик и православна духовност. — Крагујевац: Каленић, 2006. — С. 137–151.
- Мокиенко В.* Славянская фразеология. — М.: Высш. шк., 1989. — 286 с.
- Мршевић-Радовић Д.* Фразеолошке глаголно-именичке синтагме у савременом српскохрватском језику. — Београд: Филолошки факултет Београдског универзитета, 1987. — 163 с.
- Мршевић-Радовић Д.* Фразеолошке јединице с компонентом *књига* // Научни састав слависта у Вукове дане 32/1. — Београд: МСЦ, 2004. — С. 95.
- Речник српског језика. — Нови Сад: Матица српска, 2007. — 1561 с.
- Речник српскохрватског књижевног језика. — Нови Сад: Матица српска, 1967–1976. — I–VI.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика. — Београд: Српска академија наука и уметности: Институт за српски језик, 1959–2010. — књига I–XVIII.

ORTHODOX CHRISTIANITY PHRASEOLOGY IN UNILINGUAL SERBIAN DICTIONARIES

N. Vulovich, R. Bajich

The paper presents structural and semantic analysis of some idioms from descriptive dictionaries of standard Serbian. The key words of these idioms belong to the lexical field of Orthodox Christianity ethics and culture. The aim was to see if the meaning of these idioms retains semantic connection with the world-image in Orthodox Christianity and if it is fixed in the dictionaries.

Key words: idiom, lexicographic treatment, meaning, Christian world-image, Orthodox culture information.

© 2011

К. Н. Дубровина

БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ В. И. ДАЛЯ

В статье рассматриваются библейские обороты в лексикографических трудах В. И. Даля. Отмечается, что в них встречаются библейские изречения как предикативного характера (пословицы, поговорки), так и номинативного. Говорится о жанровом своеобразии библейских оборотов, тесно связанных с русским фольклором, а также о совпадении

Дубровина Кира Николаевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов. E-mail: kira35@inbox.ru

или несовпадении их с кодифицированными фразеологизмами русского литературного языка.

Ключевые слова: библейские фразеологизмы, словарь В. И. Даля, русский фольклор, пословицы, поговорки, загадки, фразеологизмы русского литературного языка.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» замечательного русского лексикографа В. И. Даля [Даль 1863–1866] собран столь обширный и разнообразный материал, что этот труд стал универсальным лингвистическим и энциклопедическим словарём, в котором получило разностороннее отражение всё богатство и многообразие русского языка. Не обошёл В. И. Даль стороной и библейские фразеологизмы (БФ), которых в его словаре насчитывается более 700.

Значительная часть этого материала представлена и в отдельном сборнике «Пословицы русского народа» (1861–1862) [Даль 1993]. Он создавался В. И. Далем на протяжении трёх с половиной десятилетий и включает в себя более 30 тысяч пословиц, поговорок, присказок, прибауток, загадок и тому подобных видов народного краткословия.

В «Напутном слове» к сборнику В. И. Даль пишет, что в подавляющем большинстве своём пословицы взяты им «из частных записок и собраны по наслуху, в устной беседе» [Даль, 1, 1993: 7], и только примерно около пятой части всего материала взято из книг (сборников пословиц Д. М. Княжевича, И. М. Снегирёва и некоторых других). Отвечая на упрёки своих критиков по поводу включения в сборник заимствованных, переводных оборотов, в том числе и из Библии, В. И. Даль приводит следующие возражения: «Есть у меня и переводные — что замечено было в виде упрёка, — но я их не переводил, а принял, потому что они говорят; есть искажённые, переиначенные, но я их не искажал, а слышал или получил в этом виде; есть речения из Священного писания, и они даже большею частию переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятся» [Там же: 19].

Среди библейских изречений, включённых в сборник В. И. Даля, есть не только обороты пословичного типа, т. е. предложения (*Дающего рука не оскудеет; Всякое даяние благо; Кто другому яму роет, сам в неё валится; Толцыте и отверзется; Просите и дастся* и др.), но и словосочетания (*древо познания добра и зла; притча во языцех; Фома неверующий; петь Лазаря; умыть руки* и др.).

С точки зрения соответствия или несоответствия изречений с библейской тематикой из сборника В. И. Даля библейским оборотам, зафиксированным общими (толковыми) и частными (фразеологическими) словарями русского литературного языка, их можно условно разделить на три группы.

К первой группе относятся полные эквиваленты общеупотребительных БФ, отмеченных в других словарях и используемых в тех или иных функциональных стилях речи. Напр.: *Рука дающего не оскудевает; Бог даст день, даст и пищу; Люби ближнего, как себя; суета сует и всяческая суета; У людей в глазу сучок видишь, а у себя и бревна не видишь; Перед свиньями бисера не мечут; Двум господам не служат; волк в овечьей шубе (шуре)* и др.

Некоторые БФ этой группы в сборнике В. И. Даля выступают в несколько иной форме по сравнению с общепринятой. Однако, поскольку эта вариативность не приводит к изменению семантики фразеологических единиц, они вполне со-

ответствуют критериям эквивалентности. Напр., *волк в овчине*, ср.: *волк в овечьей шкуре*; *Не осуждай, да не осуждён будешь*, ср.: *Не судите, да не судимы будете*.

Заметим сразу, что искать уникальные, национально-своеобразные обороты в этой группе не стоит. Напротив, скорее всего именно здесь можно найти много интернациональных БФ.

Ко второй группе можно отнести БФ, имеющие более существенные расхождения с общепринятыми оборотами. При этом всегда можно узнать известное изречение, соответствующее приведённому в сборнике В.И. Даля, однако расхождения в форме приводят к расхождениям и в семантике. Так, напр., если приведённые выше варианты БФ *волк в овечьей шубе* и *волк в овчине* имеют то же значение, что и более употребительный общеизвестный вариант *волк в овечьей шкуре*, а именно ‘человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели’, то в двух других вариантах из сборника В.И. Даля — *Волк и в овечьей шкуре не укроется; знать волка в овечьей шубе (шкуре)* [Даль, 1, 1993: 84] — акцент делается на разоблачение лицемерной сущности такого человека. При этом данные варианты приобретают и определённые оттенки значения: во втором варианте говорится о необходимости этого разоблачения, а в первом — о его неизбежности.

Иногда к известному БФ добавляется синонимичный оборот, который может быть связан с Библией, но может и не иметь к ней никакого отношения. Напр.: *Своя своих не познаша. Севастьян не узнал своих крестьян* [Там же, 2: 338]. Первая часть этого оборота восходит к Библии и говорится тогда, когда кто-либо своего сторонника по недоразумению принимает за противника. Употребляется также в карточной игре, когда играющий по ошибке перекрывает взятку своего партнёра. Выражение восходит к Евангелию от Иоанна, где говорится о первом пришествии Христа, Который был не узан и не принят своими: «... Мир Его не познал. Пришёл к своим, и свои *Его не приняли*» (Ин 1: 10–11). Об отвержении Мессии говорится также в пророчестве Исаии: «Он был презрен и умалён пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо своё; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи, и понёс наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и унижён Богом» (Ис 53: 3–4). Оборот вошёл в русский язык в церковнославянском варианте. *Своя* — форма мн. ч., *познаша* — форма 3 л. мн. ч. аориста (прошедшего времени) от глагола *познати*.

В другом изречении, приведённом у В.И. Даля, объединяются два фразеологизма, из которых только первый имеет отношение к Библии: *хоть Лазаря пой, хоть волком вой* [Даль, 1, 1993: 275]. Первая часть данного оборота связана с БФ *петь Лазаря* — ‘прикидываясь несчастным, стараясь разжалобить кого-либо, плакаться, жаловаться на свою судьбу, участь’. Вторая часть выражает отчаяние, бессилие, невозможность что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжёлого или безвыходного положения. Объединение двух этих оборотов повторяющимся союзом *хоть* усиливает в семантике изречения компонент ‘безысходность’.

Библейские пословицы и поговорки имеют, как правило, назидательное, нравственно-дидактическое содержание. Однако русский народ, как отмечает В.И. Даль в своём «Напутном слове», нередко переделывает известные обороты,

переиначивает их, причём делает это весьма выразительно. Напр.: *Где Господь пшеницу сеет, там чёрт — плевелы* [Там же: 229] — ‘среди хорошего, полезного появляется и плохое, вредное; в жизни добро и зло переплетены’. Ср.: *отделять плевелы от пшеницы* — ‘отделять вредное от полезного, плохое от хорошего’ [Ашукины 1955: 405–406]. *Дающего рука не отболит, берущего не отсохнет* — ‘ни дающему, ни берущему ничто плохое не грозит’; ср.: *Рука дающего не оскудевает / не оскудеет* — ‘к человеку щедрому судьба благосклонна, и ему воздастся сторицею’ [Николаюк 1998: 362].

Неистребимая в народе склонность к юмору, шутке приводит к созданию на основе библейских изречений новых оборотов, метких и хлёстких. При этом в первой части выражения используется известная библейская цитата, которая совершенно неожиданно заканчивается словами, не имеющими никакого отношения к Библии. Возникает комический эффект на основе стилистического приёма обманутого ожидания. Напр.: *Помни день субботний: иди в баню* [Даль, 1, 1956: 45]. Ср. с библейской заповедью: «Помни день субботний, чтобы святить его» (Исх 20: 8); *Уклонися от зла, да купи козла* [Там же, 2: 131]. Ср. с наставлением апостола Петра: «Уклоняйся от зла и делай добро» (1 Пет 3: 11).

Зачастую выражения из Священного Писания, звучащие в оригинале возвышенно, русский народ превращал в разговорные или даже в разговорно-просторечные. Напр.: *Милостыню подавай, а кому — не знай* [Там же, 3: 156]. Ср. со словами Иисуса в Нагорной проповеди: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф 6: 3–4); *Постись духом, а не брюхом! Начал духом, а кончил брюхом* [Даль, 1, 1956: 503]. Ср. с библейским текстом: «Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью?» (Гал 3: 3).

Третью группу БФ из сборника В. И. Даля составляют безэквивалентные изречения, которым нет аналогов в литературном языке, однако они непосредственно связаны с Библией, о чём свидетельствуют те или иные компоненты, указывающие на определённые библейские образы и сюжеты.

Можно сказать, что именно эти библейские обороты являются по-настоящему русскими, возникшими на русской национальной почве. Именно в них проявляется сочный народный юмор, а порой и жёсткий сарказм. Напр.: *Кто ест лук, того Бог избавит вечных мук* [Даль, 2, 1956: 273]; *Ирод клянётся, Иуда лобзает, да им веры неймут* [Даль, 3, 1993: 10]; *Симова кость святая, Афетова белая, Хамова чёрная* [Там же: 148]; *На осину тебя! Чтоб тебя на осину! Ладило б тебя на осину* (*осина* — проклятое дерево, на нём Иуда удавился) [Там же: 213]; *По бороде — Аврам, по делам — Хам* [Даль, 1, 1956: 447].

Одним из доказательств принадлежности фразеологических оборотов с библейской тематикой к собственно русской национальной культуре является частое использование в них рифмы как исключительно национального идиоматического (т. е. своеобразного, непереводаемого) средства образности и художественной выразительности. К вышеприведённым примерам добавим ещё несколько: *Что дом, то содом; что двор, то гомор; что улица, то блудница* (о раскольниках) [Там же: 80]; *Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Афет власть имеет, смерть*

всем владеет [Даль, 3, 1956: 148]; *Давид* молится да плачет, а *Саул* веселится и скачет [Даль, 2, 1956: 274].

Довольно много подобных изречений связано с образами Адама и Евы. Напр.: *Адамовы* лёта с начала света [Там же: 77]; *Ева* прельстила(сь) деревом, просто-нала чревом; *Адам* грех сотворил — рай затворил; *Ева* Адама прельстила, весь род потопила [Даль, 1, 1956: 404]; *От* нашего **ребра** нам не ждать добра [Даль, 2, 1956: 67]. Так говорят мужчины о женщинах; а просматриваемая здесь аллегория основана на библейской легенде о том, что первая женщина на земле была сотворена Богом из ребра первого человека — Адама. Оценка результата данного события звучит остроумно, хотя и обидно. Впрочем, о том же самом «ребре» идёт речь в известном всем обороте *Седина в бороду (в голову) — бес в ребро* ('о пожилom мужчине, который начинает интересоваться женщинами' (см. [Жуков 1991: 294])).

Анализ БФ в словарях В. И. Даля показывает, насколько глубоко знал русский народ тексты Священного Писания и как творчески их осмысливал и использовал.

Интересно, что библейские мотивы присутствуют даже в таком развлекательном фольклорном жанре, как **загадка**. Объектом загадки могли быть как неодушевлённые предметы, так и животные и люди. Напр.:

Неодушевлённые предметы: — *Без начала, без конца, а не Бог*. Кольцо. [Даль, 2, 1956: 150]. Ср. в Библии: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядёт Вседержитель» (Откр 1: 8).

Животные: — *Родился, не крестился; умер, не спасся, а Христа носил* Осёл [Даль, 2, 1956: 695]. Ср. в Библии: «На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышавши, что Иисус идёт в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев! Иисус же, найдя молодого *осла*, сел на него, как написано: "Не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядёт, сидя на молодом *осле*"» (Ин 12: 12–15).

Люди: — *Родился, не крестился, а умер и не живёт*. Лотова жена [Даль, 2, 1956: 191]. Ср. в Библии: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли. *Жена же Лотова* оглянулась позади его, и стала соляным столбом» (Быт 19: 24–26).

Загадка может относиться только к одному объекту или одновременно к нескольким: *Не родился, а помер* (Адам); *родился, а не помирал* (Илия); *помер, не погнул* (Лотова жена) [Даль, 3, 1956: 273], либо иметь более одного варианта ответа: *Не родился, а умер* (Адам или Ева) [Даль, 4, 1956: 9], что создаёт дополнительные трудности в разгадывании.

В загадках, как и в пословицах и поговорках, фраза обычно ритмически организована и может быть оформлена рифмами: *Помер Адам — ни Богу, ни нам, ни душа на небо, ни кости в землю*. Разбитый горшок [Даль, 1, 1956: 5]. При этом для рифмовки широко используются глагольные окончания: *Стучит, бренчит, вертётся, страху Божьего не боится*. Мельница [Даль, 1, 1956: 134].

Итак, лексикографические труды В. И. Даля помогли нам приоткрыть богатый мир русского фольклора, связанного с библейской тематикой. Как видим, религи-

озной стороне жизни русского народа не были чужды ни юмор, ни остроумие, ни глубина проникновения в самую суть библейской мудрости.

Конечно, большинство из приведённых здесь выражений не являются общеупотребительными, а относятся к территориальным диалектам, однако прекрасно уже то, что В. И. Даль сохранил для нас эти драгоценные жемчужины народного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

Аишук Н. С., Аишук М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. — 667 с.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. — Изд. 2-е. — М.: СЕП: СМИ, 1988. — 1500 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: О-во любителей рос. словесности, учреждённое при Императ. Москов. ун-те, 1863–1866.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880–1882. — Репр. изд. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1956.

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 3 т. — М.: Рус. кн., 1993.

Николаюк Н. Г. Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник. — СПб.: Светлячок, 1998. — 448 с.

BIBLICAL SET PHRASES IN LEXICOGRAPHIC WORKS OF V. I. DAL

K. N. Dubrovina

The article deals with the biblical expressions collected in the dictionaries by V. I. Dal. The article considers both predicative biblical phrases (proverbs and sayings) and nominative biblical expressions. The article describes genre originality of the biblical phrases that are closely connected with the Russian folklore and compares them with the codified set phrases of the Russian literary language.

Key words: biblical phrases, dictionaries by V. I. Dal, proverbs, Russian folklore, proverbs, sayings, riddles, set phrases of the Russian literary language.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

В статье проанализированы особенности отражения фразеологических единиц библейского происхождения в современных фразеологических словарях русского языка. Показана тенденция к более детальной и содержательной фиксации данных единиц, включающей культурно-исторические и энциклопедические сведения о каждом фразеологизме.

Ключевые слова: фразеологизм, библеизм, фразеологический словарь, фразеография.

Фразеологизмы, восходящие к библейским текстам, в русском языке занимают очень важное место по своей лингвистической и историко-культурной значимости. Как отмечает С. Г. Шулежкова, «библия, одна из самых известных книг земли, “напитала” языки христианских народов множеством идиом, афоризмов, образных устойчивых выражений. Нет, пожалуй, такого свойства человеческого характера, такой сферы отношений, житейских коллизий, общественных и природных явлений, которые нельзя было бы охарактеризовать с помощью библеизмов» [Шулежкова 2002: 48].

Фразеологизмы библейского происхождения, которые постоянно находятся в поле зрения филологов, получили широкое отражение в многочисленных фразеологических словарях и справочниках. Так, по подсчётам лингвистов, в словаре М. И. Михельсона представлено более 300 библейских крылатых единиц; в справочнике Н. С. и М. Г. Ашукиных отражено свыше 200 библейских выражений; Н. С. Горбачёв в книге «Библейские афоризмы» зафиксировал около 700 библеизмов [Шулежкова 2002: 49].

Фразеология библейского происхождения является постоянным объектом современной русской фразеографии. Созданы специальные словари, посвящённые библейским словам и выражениям (см. [Мокиенко 2007]; [Грановская 2003] и др.). Особый интерес для лингвистов представляет специфика отражения библейских фразеологизмов в словарях, дающих разностороннюю характеристику фразеологического фонда русского языка, в котором библеизмы занимают значительное место.

Во фразеологических словарях общего типа, представляющих многоаспектное описание фразеологического состава русского языка, одним из компонентов словарной статьи является этимологический комментарий, в частности, дающий краткую информацию о библейских мифах, притчах и легендах, послуживших источником возникновения фразеологических единиц. Напр.: *запретный плод* — «что-либо заманчивое, желанное, но недозволенное, запрещённое <...> Из библейского мифа о древе познания добра и зла, плоды которого бог запретил есть Адаму и Еве» [Молотков 1967: 324].

Подробная дифференциация источников появления библейских фразеологизмов даётся в «Большом словаре крылатых слов русского языка» (далее БСКС),

Ратушная Екатерина Радиогеловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Курганского государственного университета. E-mail: ekaterina079@yandex.ru

в котором приводятся ссылки на библейские тексты, послужившие основой фразеологических единиц: Книга Пророка Аввакума, Первая книга Моисеева, Книга Пророка Даниила и другие. В структуру словарной статьи включены стилистические пометы, этимологический комментарий и иллюстративный материал. Напр., как указано в БСКС, фразеологизм *египетская тьма* ('совершенный мрак') сформировался на основе библейского предания об одном из чудес, совершённых Моисеем: «Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня» (Вторая Книга Моисеева, Исход, Ветхий Завет) (см. [БСКС 2000: 154]).

Библейские фразеологизмы получили широкое отражение в историко-этимологическом справочнике «Словарь русской фразеологии» под ред. В. М. Мокиенко, авторы которого ставят задачу «раскрыть общекультурный фон русской фразеологии путём историко-этимологического комментирования» [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 6]. Высокая лингвистическая ценность данного словаря обусловлена тем, что толкование этимологии каждого фразеологизма сопровождается точными библиографическими справками, указывающими на источник той или иной версии его происхождения.

Напр., происхождение фразеологизма *на седьмом небе быть* ('испытывать большую радость, счастье, блаженство') по-разному трактуется учёными. В «Словаре русской фразеологии» [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 399–400] приводятся четыре версии. Согласно первой точке зрения, он связан с древними представлениями об устройстве мира, описанными Аристотелем в сочинении «О небе...» (см. [Овсянников 1933: 160]; [Уразов 1956: 52]; [Булатов 1958: 88]). По второй версии, «выражение восходит к Библии, где встречаются различные названия неба. Это представление перешло в Коран, где упоминается о семи небесах» ([Михельсон 1994: 616–617]; [Займовский 1930: 57]). По мнению Э. Вартастьяна, фразеологизм связан с представлением о небе как о семи вращающихся хрустальных сферах-небесах; на верхней сфере находился рай [Вартастьян 1973: 152]. Четвёртая версия предполагает, что этот фразеологизм восходит к Талмуду или Корану [Уолш, Берков 1984: 130].

Подробная семантико-культурологическая информация о библейских фразеологизмах представлена в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В. Н. Телии. О значимости библейской фразеологии в данном словаре свидетельствует подробный перечень сокращений названий библейских книг, явившихся источниками фразеологизмов (в порядке их следования в Библии): Ветхий Завет (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Псалтирь и другие); Новый Завет и Соборные послания Апостолов (Послание Иакова, Первое послание Петра, Послания апостола Павла и другие) (см. [Телия 2006: 21]).

В структуру словарной статьи включены три основные части, дополняющие друг друга: 1) толкование — описание языкового значения, его соотнесённости с ситуацией и её участниками; 2) речевое употребление фразеологизма; 3) культурологический комментарий, в котором описываются культурные смыслы на основе соотнесения фразеологизма со сферой культуры как особой знаковой системы и выявляется образное основание «внутренней формы» фразеологизмов. В описании библейских фразеологизмов в лингвокультурологическом комментарии прослеживается связь образного основания фразеологизма (в целом или отдельных

его компонентов) с различными библейскими текстами — книгами Ветхого и Нового заветов.

Рассмотрим пример описания фразеологизма *стереть (сместить) с лица земли (кого, что)*. В первой части словарной статьи приводится указание на класс обозначаемых объектов, или денотатов, с которыми соотносится фразеологизм: «жестоко расправиться, погубить, уничтожить». Далее указываются условия (или пресуппозиция), необходимые для правильного употребления фразеологизма в речи; описывается типовая для значения фразеологизма ситуация, её возможные участники; даётся указание на мнение говорящего о морально-нравственных установках культуры, или культурных коннотациях, присущих данному фразеологизму: «*Имеется в виду*, что лицо или группа лиц (X), государство (L), желая другому лицу или другой группе лиц (Y) гибели, собирается истребить их, нанести им непоправимый вред, в т. ч. посредством полного разрушения населённых пунктов, городов или даже страны (Z). *Обычно говорится с угрозой*». Затем следуют примеры текстовых реализаций фразеологизма *стереть с лица земли*, свидетельствующие о текстообразующих возможностях фразеологической единицы (далее — ФЕ). Третья часть словарной статьи представляет собой подробный культурологический комментарий, раскрывающий образную основу фразеологизма и его происхождение: «Образ фразеологизма восходит к тексту Библии: “То Я истреблю Израиля с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я освятил имени моему, отвергну от лица Моего...” (3 Цар 9: 7)». По мнению авторов, в данном фразеологизме в целом отображается ветхозаветное представление о Божьем гневе и о следующем за ним наказании — каре Господней. Согласно установкам христианской культуры, судить и карать может только Бог. Данное мнение находит подтверждение в приведённых пословицах и поговорках: *Кара Божеская — не людская; В неправде Бог карает; Карать да миловать — Богу да царю*. Человеку же предписано не ставить себя на место Бога: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: “Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь”» (Рим 12: 18, 19) [Телия 2006: 672–673].

Большой научный интерес представляет толково-энциклопедический «Фразеологический словарь старославянского языка» (отв. ред. С. Г. Шулежкова), продолжающий традицию создания лексикографических работ, которые «совмещают в себе сведения из трёх сфер социальной жизни человека — языка, культуры и религии» [Крысин 2001: 63]. В словарную статью включены лингвистические сведения об устойчивых словесных комплексах (далее — УСК), иллюстративный материал, а также информация энциклопедического характера: словарь содержит «... сведения о событиях, легших в основу содержания старославянских текстов, о реалиях социально-экономической, политической, юридической, культурной и — прежде всего — религиозной жизни того времени, когда создавались эти тексты, а также факты из истории иудаизма и христианской церкви, имеющие прямое отношение к формированию семантики описываемых в словаре УСК» [Шулежкова 2011: 8]. Как отмечают составители словаря, большая часть входящих в него фразеологизмов восходит к Ветхому Завету, при этом «большинство библейских слов и выражений сохраняют уже имеющиеся переносные смыслы и приобретают новые, христианские» [Григорьев 2006: 16].

Описание многих библейских фразеологизмов включает культурологическую и / или этимологическую характеристику, которая позволяет рассматривать семантику и внутреннюю форму фразеологизмов в контексте внеязыковой действительности. Приведем пример описания фразеологизма *пройти сквозь огонь и воду* — ‘перенести в жизни много испытаний’. «Оборот восходит к библейским мотивам испытаний: “Мы вошли в огонь и воду, и ты вывел нас на свободу” (Псалтирь 65: 12). Испытание огнём и водой у многих народов является символом различных бедствий и страданий <...> В греческом языке известен фразеологизм *пройти через огонь (и через ножи)*. Раньше всего этот оборот зафиксирован у Аристофана. Вариант, включающий компонент *медные трубы*, возник позднее. Он употребляется, помимо русского, лишь в белорусском и украинском языках, причём только с XX в. Согласно одной из версий, компонент *медные трубы* восходит к наименованию военных духовых инструментов и символизирует испытание славой...» [Шулежкова 2011: 297–298]. Далее приводятся в оригинале тексты, послужившие источником фразеологизма, и перечисляются лексикографические источники, фиксирующие данную единицу.

В заключение отметим, что высокая культурно-воспитательная и познавательная ценность фразеологизмов библейского происхождения обуславливает их фиксацию в различных школьных фразеологических словарях русского языка, включающих наиболее употребительные и частотные ФЕ, изучение которых способствует расширению кругозора учащихся, повышает их речевую культуру. В словарях такого типа обычно даётся лишь общее указание на библейское происхождение ФЕ, напр.: «*Колосс на глиняных ногах*. Книжн. Что-либо / кто-либо внешне величественное, но слабое по существу <...> Из библейского сказания о вавилонском царе Навуходоносоре, увидевшем во сне огромного металлического истукана на глиняных ногах, который был разрушен сорвавшимся со скалы и ударившим в его ноги камнем» [Жуков 1994: 167].

Таким образом, фразеологизмы библейского происхождения постоянно являются объектом русской фразеогрфии, что обусловлено их несомненной лингвистической, культурно-исторической и этической ценностью. Они фиксируются во фразеологических словарях различного типа, передающих многоаспектную историко-лингвистическую информацию о семантике, этимологии, специфике речевого употребления фразеологизмов в соответствии с назначением и типом словаря. В современной фразеогрфии прослеживается тенденция к более точной и подробной фиксации библеизмов, отражению культурно-исторических и энциклопедических сведений, способствующих формированию более полных и глубоких представлений о фразеологизмах библейского происхождения в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

БСКС: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. — М.: Рус. слов.: Астрель; АСТ, 2000. — 623 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. В.М. Мокиенко. — СПб.: Фолио-Пресс, 2001. — 704 с.

Булатов М. А. Крылатые слова. — М: Дет. лит., 1958. — 192 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — 2-е изд., стереотип. — М.: АСТ-ПРЕСС КН., 2006. — 784 с.

Вартаньян Э. А. Из жизни слов. — М.: Дет. лит., 1973. — 288 с.

Грановская Л. М. Словарь имён и крылатых выражений из Библии. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 288 с.

Григорьев А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. — М.: Индрик, 2006. — 360 с.

Жуков В. П., Жуков А. В. Школьный фразеологический словарь русского языка. — 3-е изд., перераб. — М.: Просвещение, 1994. — 431 с.

Займовский С. Г. Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма. — М.; Л.: Госиздат, 1930. — 493 с.

Крысин Л. П. Рецензия на кн.: *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры // Известия АН: Сер. лит. и яз. — Т. 60. — № 5. — 2001. — С. 63–65.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. — М.: ТЕРРА, 1994.

Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. — 286 с.

Овсянников В. З. Литературная речь: Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. — М.: Мол. гвардия, 1933. — 362 с.

Уолш И. А., Берков В. П. Русско-английский словарь крылатых слов. — М.: Рус. яз., 1984. — 281 с.

Уразов И. Почему мы так говорим? Сер. 1. — М.: Правда, 1956. — 64 с.

Молотков: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Сов. энцикл., 1967. — 542 с.

Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / отв. ред. С. Г. Шулежкова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 424 с.

Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. — М.: Азбуковник, 2001. — 288 с.

BIBLICAL SET PHRASES AS AN OBJECT OF PRESENT-DAY RUSSIAN PHRASEOGRAPHY

Ye. R. Ratushnaya

The article analyzes features of biblical set phrases reflected in modern Russian phraseological dictionaries. It displays a tendency toward a more detailed and pithy rendering of biblical expressions together with their cultural, historical and encyclopedic data.

Key words: set phrases, biblical expression, phraseological dictionary, phraseography.

СОЗДАНИЕ СЛОВАРЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА КАК ЭТАП В РЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ МИР»

Автор статьи, обосновывая необходимость использования лексикографических методов при реконструкции объёмных концептуальных структур (концептосфер, фрагментов картины мира), показывает, что создание словаря идеографического типа может стать этапом в реконструкции концептосферы «Метафизический мир», объективированной словными и сверхсловными языковыми единицами.

Ключевые слова: идеографический словарь, концептосфера, метафизический мир, фольклорные духовные стихи.

Современная лингвистическая парадигма рассматривает язык не только как средство коммуникации между людьми, но и как когнитивный механизм, участвующий в создании, построении и структуризации картины мира отдельного индивида и языкового сообщества в целом. Исследование концептуальной картины мира через данные языка имеет богатый арсенал методов и методик. Однако порой он оказывается недостаточен. Поэтому одной из задач лингвистических исследований в рамках когнитивного подхода следует считать поиск путей утилизации лексикографических методов в практике реконструкции концептов и иных фрагментов языковой картины мира.

Одной из возможностей такого применения лексикографических методов следует считать создание словаря идеографического типа как этапа в реконструкции концептосферы «Метафизический мир». Отвечая на вопрос, в каких областях научной деятельности может найти применение идеографический словарь, лексикографы отмечают, что большое значение словарь данного типа имеет для исследования истории человеческих знаний об окружающем мире. «Если мы наложим друг на друга тематически организованную лексику одного и того же языка разных эпох, то нашим глазам откроется объективная картина движения человеческого познания. Мы увидим, как растёт одна тема и “сжимается” другая, как происходит переоценка ценностей внутри самих тем, как появляются и уходят в небытие слова и множество других любопытнейших и интереснейших фактов» [Морковкин 1970: 10].

Как известно, в основе концептуальной картины мира лежит информация двух видов: полученная сенсорным путем и полученная через знаковые системы (см. [Алефиренко 2005: 72; Рудакова 2004: 10]). Так как метафизический мир мыслится как невидимый, неслышимый, неосязаемый мир, то он не может быть познан сенсорным путем, непосредственно через органы чувств. То есть концептосфера «Метафизический мир» представляется структурой знания, которая не содержит информации, полученной через органы чувств; в её основу положена информация, получаемая индивидом через язык и культуру.

Арапов Олег Анатольевич — аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: obshar@mail.ru

Таким образом, реконструкция концептосферы «Метафизический мир», вербализованной в текстах разных эпох и репрезентированной различным языковым материалом, представляет особый интерес для лингвиста, ведущего исследования в рамках когнитивной парадигмы языкознания, ибо даёт шанс исследовать структуры знания, полностью овнешнённые в деятельности человека (в знаковых системах и культурных артефактах).

Этапом такой реконструкции может стать создание словаря идеографического типа, который отразит состав словных и сверхсловных языковых единиц, репрезентирующих концептосферу «Метафизический мир» в текстах различных эпох.

Концептосфера «Метафизический мир» в исследованных нами фольклорных духовных стихах XIX в. ([Бессонов 1861–1864]; [Варенцов 1860]; [Киреевский 1848]) вербализована 594 языковыми единицами словного и сверхсловного характера в 7099 употреблениях. Раздел идеографического словаря, включающий данные слова и УСК, будет иметь следующую структуру (схему):

Отдел	Подотдел	Группа	Языковые единицы
Загробный мир	Рай	Наименования рая	<i>вышние небеса, прекрасный рай</i> и др.
		Вид райской награды	<i>радости неисповедимые, радость и веселие</i> и др.
		Пребывание души в раю	<i>с праведными жить, в раю ликовать</i> и др.
		Переход души в рай	<i>в рай взойти</i> и др.
	Ад	Наименования ада	<i>ад, геенский огонь, злая мука</i> и др.
		Атрибуты адских мучений	<i>кипящая смола, негасимый огонь</i> и др.
		Состояние души в аду	<i>гореть в огне, мучиться вечно</i> и др.
		Переход души в ад	<i>изойти в ад</i> и др.
Бог	Наименования Бога	Святая Троица	<i>Единая Троица</i> и др.
		Первая ипостась Святой Троицы	<i>Бог Саваоф, Владыка</i> и др.
		Вторая ипостась Святой Троицы	<i>Спас милостивый, Христос Царь небесный</i> и др.
		Третья ипостась Святой Троицы	<i>Святой Дух</i> и др.
	Действия Бога	Действия Бога как правителя вселенной	<i>давать, повелевать, прогневаться, создавать</i> и др.
		Действия Бога, направленные на праведников	<i>простить грехи, явить милость</i> и др.
		Действия Бога, направленные на грешников	<i>лишить царства небесного</i> и др.
		Действия Иисуса Христа во время пребывания на земле	<i>беседовать с учениками, принять вольное распятие</i> и др.
		Действия Бога во время Страшного суда	<i>дела судить, судить живых и мертвых</i> и др.

Отдел	Подотдел	Группа	Языковые единицы
Бог	Антропоморфные черты Бога	Телесные характеристики Бога	<i>Божие очи, Божий лик</i> и др.
		Личностные характеристики Бога	<i>Божие мысли, Господние думы, Божья милость</i> и др.
Силы небесные	Представитель ангельского чина	Наименования ангелов	<i>ангел Божий, ангел милостивый</i> и др.
		Наименования архангелов	<i>архангел Гавриил, архангел Михаил</i> и др.
		Наименования серафимов	<i>шестокрылый серафим</i> и др.
		Наименования херувимов	<i>грозные херувимы, херувим</i> и др.
	Действия сил небесных	Действия ангелов в Царстве Небесном	<i>ликовать, радоваться</i> и др.
		Действия ангелов как проводников душ при смерти человека	<i>вынуть душу, взять на небеса, свергнуть в ад</i> и др.
Святые люди	Наименования Богородицы		<i>Богородица, Дева Божья, Царица Небесная</i> и др.
	Деятели веры		<i>Алексей Божий человек</i> и др.
Темные силы	Наименования дьявола		<i>дьявол, сатана-враг</i> и др.
	Наименования Антихриста		<i>злой Антихрист враг</i> и др.
	Слуги дьявола		<i>бес, лукавый бес, нечистый дух</i> и др.

Исходя из специфики идеографического словаря «Метафизический мир», мы считаем целесообразным включить в словарную статью следующие зоны: 1) инициальную, 2) семантическую, 3) культурологическую и (или) этимологическую; 4) иллюстративную.

Образец словарной статьи.

Загробный мир

→ Рай

→ Наименования рая

рай — небо, место блаженства праведных душ.

Славянские народные представления о рае сложились под сильным влиянием христианства. Слово *raj, известное всем без исключения славянским языкам, по общему признанию этимологов, принадлежит к праславянскому лексическому фонду. Его иранское происхождение (авест. *gāu-* м. «богатство, счастье», др.-инд. *gāu-* «состояние, сокровище, богатство» [Фасмер, 3, 1987: 435]) в последнее время оспаривается в пользу родства с такими исконно славянскими словами, как *рой*, *река*, и изначальной семантической связи «с проточной водой, очевидно, образовавшей преграду, которая отделяла рай от мира живых, по древним представлениям» [Славянские древности, 4, 2009: 397].

Согласно Библии рай — это определённое физическое (и даже географическое) пространство, а также основной принцип человеческого бытия — в един-

стве и гармонии с природой и Создателем [Дубровина 2010: 566]. Вместе с тем в Библии нет конкретного указания на рай как на место посмертного обитания праведных душ.

Рай как определённое физическое (географическое) пространство в православной традиции представлен тремя основными моделями [Славянские древности, 4, 2009: 397]:

- 1) рай — сад, воспетый в текстах Ветхого Завета;
- 2) рай — город, описанный в Апокалипсисе Новый Иерусалим;
- 3) рай — небо, небесный рай, охарактеризованный в неканонической литературе, апокрифических произведениях как надстроенные один над другим девять небесных ярусов.

Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально в сахарны уста;
Да приняли душу на пелену,
Да вознесли же душу на небеса,
Да отдали душу к Богу в *рай* [Бессонов 1861: 57].

Создание словаря идеографического типа в качестве этапа при реконструкции концептосферы позволит лингвисту решить ряд задач:

- 1) систематизировать языковые единицы, объективирующие концептосферу;
- 2) описать значения языковых единиц для каждой из эпох;
- 3) проследить изменение семантической структуры языковых единиц;
- 4) через привлечение культурологических и этимологических сведений описать условия формирования значения языковых единиц.

Таким образом, являясь одним из этапов реконструкции фрагмента языковой картины мира, создание идеографического словаря «Метафизический мир», построенного на языковом материале различных веков, отразит состояние концептосферы в каждой из эпох и позволит проследить развитие фрагмента «Метафизический мир» в русской концептосфере.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики: моногр. — М.: Гнозис, 2005. — 326 с.
- Бессонов П. А.* Калеки переходные: сб. стихов. — Ч. I., вып. 1–3. — М.: Тип. А. Семёна, 1861. — 830 с.
- Бессонов П. А.* Калеки переходные: сб. стихов. — Ч. II., вып. 4. — М.: Тип. Бахметева, 1863. — 252 с.
- Бессонов П. А.* Калеки переходные: сб. стихов. — Ч. II., вып. V. — М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. языков, 1863. — 260 с.
- Бессонов П. А.* Калеки переходные: сб. стихов. — Ч. II., вып. VI. — М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. языков, 1864. — 328 с.
- Варенцов В. Г.* Сборник русских духовных стихов. — СПб.: Тип. товарищества «Общ. польза», 1860. — 251 с.
- Дубровина К. Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 808 с.
- Киреевский П. В.* Русские народные песни. Ч. 1. Русские народные стихи. — М.: Университ. тип., 1848. — 84 с.

Морковкин В. В. Идеографические словари. — М.: МГУ, 1970. — 71 с.

Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. — Воронеж: Истоки, 2004. — 80 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 1995–2009. — Т. 1–4.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986–1987.

IDEOGRAPHIC DICTIONARY AS AN INTERMEDIATE PHASE OF RECONSTRUCTING CONCEPTUAL SPHERE “METAPHYSICAL WORLD”

O. A. Arapov

The author, substantiating the necessity of lexicographic methods in the course of reconstructing large conceptual structures (conceptual spheres, world-image fragments), shows that ideographic dictionary-compiling can become an intermediate phase of reconstructing conceptual sphere “Metaphysical world” objectified by complex and larger-than-the-word linguistic units.

Key words: ideographic dictionary, conceptual sphere, metaphysical world, folklore spiritual poetry.

© 2011

Д. А. Звездин

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ «СЛОВ» АРХИМАНДРИТА КИРИЛЛА (ПАВЛОВА))

В статье рассматривается представленность церковнославянской лексики и фразеологии в православной проповеди, а также отражение этих фактов в современных толковых словарях. Имеющиеся словарные стилистические пометы часто должны быть переосмыслены в соответствии с самим фактом существования «церковно-религиозного» функционального стиля. Предлагается классификация богословских терминов, а также идеи новых лексикографических описаний в рамках религиозного дискурса.

Ключевые слова: проповедь, церковнославянская лексика, богословские термины, прецедентный текст, библейская метафора.

Важным «возрождённым» направлением в российской лингвистике конца XX века стало изучение живого языка Церкви. Значительным результатом ис-

Звездин Дмитрий Александрович — соискатель кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: dmitrz-vezd@mail.ru

следований в данной области стало выделение в составе функциональных стилей современного русского языка особого — *церковно-религиозного стиля* [Крылова 2006: 613]. В религиозном дискурсе одним из фундаментальных жанров, который, вместе с *молитвой* составляет, вероятно, его специфику [Шмелёв 2007: 613], является **проповедь**, или **слово**. Эта языковая сфера, как отмечают исследователи, обслуживается не церковнославянским, а современным русским языком [Крылова 2006: 613]. Утверждение, очевидно, нуждается в комментарии, т. к. оно справедливо в отношении синтаксиса и грамматики авторской части проповеди (т. е. проповеди, взятой вне церковнославянских цитат), но спорно в отношении лексики и фразеологии. Рассмотрим представленность церковнославянских лексико-фразеологических единиц в проповедях (27 текстов) архимандрита Кирилла (Павлова), известного современного проповедника, духовника Троице-Сергиевой Лавры [Архим. Кирилл 1999].

У проповедника встречается достаточно церковнославянских лексем, которые не отражены в современных толковых словарях, напр., *похотение* [Там же: 25, 114], *врачевание*; *студный* [Там же: 30]; *в сретение* 'навстречу' [Там же: 56, 60]; *паче (союз)* [Там же: 99]. Некоторые единицы описаны, и стилистические пометы соответствуют их статусу, напр., *обретать* [Там же: 79] — *высок.*; *усугубить* [Там же: 119] — *книжн.* [Ожегов 2007: 424, 824]; *воистину* [Архим. Кирилл 1999: 201] — *высок.* [Ожегов, Шведова 2003: 93]; *сугубый* = *особый* [Архим. Кирилл 1999: 102] даётся без помет [Ожегов 2007: 763]. Некоторые же факты должны, на наш взгляд, получить стилистическую переоценку. Так, глаголы (*у*) *зреть* [Архим. Кирилл 1999: 26, 97, 109, 182]; *изрекать* [Там же: 155], *научать* [Там же: 26] зафиксированы с пометами *устар.*; *устар. и ирон.*; *устар. и просторечн.* [Ожегов, Шведова 2003: 233, 243, 397]; *чадо* — с пометами *устар. и ирон.*; *отроковица* [Архим. Кирилл 1999: 147] — *устар.*; *весь* = село [Там же: 199] — *стар.* [Ожегов 2007: 857, 468, 74] и др. Приведённые лексемы звучат в современной проповеди, которая приобретает всё более широкую аудиторию (коммуникация через СМИ, интернет). «Работающие» в рамках функционального стиля современного русского языка лексемы не могут быть «устаревшими», скорее, это средства «высокого стиля», учитывая их церковнославянский генезис.

Книжной в своих истоках является и богословская терминология, которая объективно усиливает церковнославянскую составляющую текста. Терминология используется и в проповеди архим. Кирилла. Представить её можно в составе разделов, соответствующих «школьным» аспектам единого, универсального по своей сути, богословского знания.

1. Термины историко-библейского характера (подробный словарь библейской терминологии [Библейская энциклопедия 1990]): **избранный народ Божий** (т. е. богоизбранный народ — иудейский. — Д.З.), **патриархи**, **праотцы**, **иудейский Храм** [Архим. Кирилл 1999: 35], **Святая Святых** [Там же: 93] и др.

2. Литургические (относящиеся к богослужению): **отдание** (*отдание Преображения*) [Там же: 92]; **предпразднство**, **попразднство** [Там же: 203], **Благовещение** [Там же: 125] и др.

3. Аскетические (относящиеся в широком смысле к области духовно — нравственного совершенствования человека): **дерзновение** (пред Богом) [Там же: 111]

срамословие [Там же: 130], Христа ради юродивый, мученик, праведник [Там же: 123] и др.

4. Догматические (понятия, относящиеся к вероучению Церкви): **Воплощение Сына Божия** [Там же: 132, 140]; посажена **одесную Престола Божия** (понятие «сидение одесную») [Там же: 199], спасение [Там же: 167] как «освобождение от греха, зла и смерти через искупительную жертву Христа» [Скляревская 2000: 237], **промысл Божий** [Архим. Кирилл 1999: 173].

Лексика таких терминологических разделов — это потенциальный материал для специализированных словарей, подобных словарю агиографических терминов В. М. Живова [Живов 1992]. Целостные описания православно-христианской терминологии предпринимались как до революции [ППБЭС], так и в наше время — в фундаментальных [Энциклопедия «Православие» [http](http://www.pravoslavie.ru)] и популярных энциклопедиях. Обстоятельным современным опытом описания лексики православия как *составной части современного русского языка* стал «Словарь православной церковной культуры» Г. Н. Скляревской [Скляревская 2000: 4], в котором зафиксированы многие лексемы, отнесённые нами к богословским терминам. В словаре при этом есть уникальные для толковых словарей элементы, напр., ряд статей посвящён персоналиям (святых, российских патриархов).

В проповеди архим. Кирилла встречаются и библеизмы — устойчивые выражения и цитаты, связанные с образами и притчами Библии. В отличие от библейских терминов, образы, имена Священного Писания в обиходном языке приобретают обобщающий, нарицательный характер, а устойчивые выражения из Библии — «крылатость».

В проповеди библейская крылатика сохраняет значительную связь с первоисточником в смысловом и стилистическом отношении, тогда как у единиц общезыковой крылатики могут появляться стилистические оттенки, нехарактерные для религиозного дискурса. Устойчивое выражение *мерзость запустения* [Архим. Кирилл 1999: 35], к примеру, в толковом словаре [Ожегов, Шведова 2003: 351] зафиксировано с пометой *устар. и ирон.* Из библейских крылатых слов у архим. Кирилла встречаем *юдоль плача* [СБКСиВ 2000: 76]: *Не даром и называется она [Земная жизнь] так часто **юдологию плача** и сетования* [Архим. Кирилл 1999: 70]; *сей мир: скоропреходящие блага **сего мира*** [Там же: 57] (вероятно, происходит из Евангелия от Иоанна (9: 39): *на суд пришел Я в мир сей* [Библия 2001: 841]); *тесный — пространый (широкий) путь / идти тесным — пространым (широким) путём; жизнь вечная: Будем **идти тесным, узким путём**, приводящим к **жизни вечной*** [Архим. Кирилл 1999: 63, 53 и 167] (Из Евангелия от Матфея (7: 13) [Библия 2001: 758]).

В дискурсе проповеди активно используются сравнения и метафоры Священного Писания и в целом церковного Предания. Приведём примеры из проповедей архим. Кирилла, указывая их вероятные источники. *Врата смертные* — образ из 9 псалма [Библия 2001: 471]; *видеть истление* [Архим. Кирилл 1999: 60, 92] — встречается в 15 псалме: *... душа Его не оставлена во аде и плоть Его не увидела истления* [Библия 2001: 473]; *вкусить смерть* — в Евангелии от Луки (9: 27): *... которые не вкусят смерти, как уже увидят Царство Божие* [Библия 2001: 811]; *очи сердечные* [Архим. Кирилл 1999: 196] — из Послания св. апостола Павла к Ефесянам (1: 18): *просветил очи сердца вашего* [Библия 2001: 933]; *жало смер-*

ти [Архим. Кирилл 1999: 56], *облечься в нетление* [Там же: 158] — из I послания к Коринфянам св. апостола Павла (15: 54–55): *Смерть! где твоё жало?; Когда же тленное сие облечётся в нетление и смертное сие облечётся в бессмертие...* [Библия 2001: 920]; *венец славы* [Архим. Кирилл 1999: 95] — встречается в 3 песни канона 4 гласа: *Твоя песнословцы Богородице <...> венцев славы сподоби; чертог славы* [Там же: 199] — в молитве св. Василия Великого: *в божественный чертог славы его совнидем* [Православный молитвослов 1994: 13]; *очи веры* [Архим. Кирилл 1999: 173] — встречается в 28 Беседе на Книгу Бытия св. Златоуста: *... имея у себя <...> очи веры, постоянно устремляет ум свой к небесным предметам*. Поскольку нам известно, эти образные выражения, активно работающие в религиозном дискурсе, не имеют лексикографического описания.

Значительное количество метафор, сравнений, олицетворений возникает в проповеди в связи с номинацией Бога, Богородицы. Божия Матерь — это *стена нерушимая, радость всем скорбящим* [Там же: 8], *надежда ненадёжных(ым)* [Там же: 8, 194]. Приведённые номинации заимствованы из акафистной литературы, относящейся к чудотворным иконам Божией Матери («Стена нерушимая, Всех скорбящих радость»). Названия известных чудотворных икон Богородицы зафиксированы в словаре Н. Г. Складневской, однако в целом весьма обширный раздел лексики «номинация Богородицы» исчерпывающего лексикографического обобщения не имеет. В проповеди же архим. Кирилла наименований Богородицы множество: *Виновница (=Причина) нашего спасения* [Архим. Кирилл 1999: 76] / *нашей радости* [Там же: 191]; *Богоотроковица* [Там же: 95]; *Благого Царя Благая Мати* [Там же: 174]; *Препрославленная Дева Мария* [Там же: 96]; *Всемогущая и скорейшая всех Помощница и Ходатаица* [Там же: 105], *Ходатай пред Богом* [Там же: 190]; *Преблагословенная Дева Богородица* [Там же: 105]; *Честнейшая Херувимов* [Там же: 156]; *Всесильная Заступница и Помощница* [Там же: 156]; *Жена* [Там же: 172]; *Дева, Матерь Искупителя, Утренняя Звезда, Матерь рода христианского* [Там же: 173] и др. Многими единицами представлен раздел «номинация Христа», также лексикографически не описанный. *Возлюбленный Сын [Бога Отца]* [Там же: 94]; *Чаяние языков* [Там же: 172], *Отец будущего века; незаходимое Солнце правды* [Там же: 96, 188, 189]; *Подвигоположник, Крестоносец, Законоучитель* [Там же: 103]; *Богомладенец Христос* [Там же: 157]. Интерес представляют и этимология, и словообразование, и проблема «самобытности-прецедентности» этих номинаций.

Заметным элементом в проповеди архим. Кирилла оказываются особые мини-цитаты — лексико-синтаксические образования, удобные «словесные формулы» для выражения собственных мыслей и чувств, имеющие прецедентный характер. Приводя примеры из проповедей, вновь указываем их вероятные источники: [*Богоматерь*] *помнит страну плача и рыдания землю* [Там же: 7] (*Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...* — Стихира самогласна, глас 8 (на отпевании) [Требник 2000: 250]); *достойно и праведно святая церковь немолчными гласы величает Матерь Божию* [Архим. Кирилл 1999: 105] (*Достойно и праведно* — начало литургической молитвы; *немолчными гласы* — выражение, распространённое в акафистной литературе); *«Да не одолеет моя злоба Твоей неизреченной благодати»*, — воскликнул грешник [Там же: 14] (Молитва св. Иоанна Дамаскина: ... *Да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголанней благодати и милосердия*

[Православный молитвослов 1994: 51]); *Матерью* <...> *рода христианского* [Архим. Кирилл 1999: 173] (Тропарь в чине водосвятного молебна «Милосердия двери...»: ... *ты бо еси спасение рода христианского* [Требник 2000: 330]); *своими молитвами сохраняя нас от всякого зла* (молитва Ангелу-хранителю: ... *ты мя днесь просвети и от всякого зла сохрани*...); *рождённому нашего ради спасения Богомладенцу Христу*... [Архим. Кирилл 1999: 157] (Символ веры: ... *нас ради человек и нашего ради спасения*... [Православный молитвослов 1994: 9]); ... *получать от неё великие милости* [Архим. Кирилл 1999: 87] (Прошение на Сугубой ектении: *ожидающих от Тебе великия и богатыя милости*...); ... *явилось не только утешением для них, но и радостью всему миру*... (Воскресная песнь по Евангелии, глас 6: ... *се бо прииде крестом радость всему миру* [Православный молитвослов 1994: 66]); *мы находимся под всесильным Её покровом и заступлением* [Архим. Кирилл 1999: 105], ... *приклоняет милосердие Сына своего и Бога нашего*... [Там же: 106] (Песнопение «Марие, Дево чистая...»: ... *немоющим покров и заступнице* <...> *приклони ко мне милосердие Божественного Сына*...); ... *великие щедроты и милости, оказанные нам и всему роду человеческому*... [Там же: 150] (Священнический возглас на ектении в конце утрени: *Милостью и щедротами и человеколюбием*...); ... *(не) ходит в Боге*... [Там же: 133] (У пророка Михея (6: 8): ... *ходить пред Богом твоим*... [Библия 2001: 732]); *могла ли Она не радоваться радостью велией о Господе* [Архим. Кирилл 1999: 155] (Припев праздника на 9-й песне канона в Благовещение: *Благовествуй земле радость велию, хвалите Небеса Божию славу*...). Возможно, что эти мини-цитаты в речи гомилета — следствие многолетней жизни «в лоне» книжной церковной культуры, результат «вживания» в текст молитвы, когда слова её становятся «своими».

Таким образом, даже обзорное рассмотрение текстов проповедей архим. Кирилла (Павлова) свидетельствует о значительной доле в них церковнославянских, книжных элементов, среди которых есть церковнославянизмы, воспринимающиеся вне Церкви как архаизмы, богословская терминология, библейские крылатые фразы, метафоры, восходящие к Библии и в целом к текстам церковного Предания, церковнославянские мини-цитаты.

Наши частные наблюдения стали поводом для некоторых общих выводов. Толковые словари должны учитывать полную функционально-стилевую парадигму языка и для лексем и устойчивых сочетаний церковно-религиозного стиля (важным жанром в нём является церковная проповедь) разрабатывать соответствующие стилистические пометы, в том числе и для тех лексем и устойчивых сочетаний, которые «нецерковным ухом» воспринимаются как устаревшие. Для этого необходимо подробно, на большом фактическом материале изучать лексико-фразеологический состав проповеди. Предложенная нами классификация богословской терминологии могла бы послужить основой для создания специализированных словарей. Важными в лексикографическом отношении нам представляются также идеи создания словаря библейских метафор, лексикографических описаний обширных разделов в религиозном дискурсе, связанных с номинацией Христа и Богоматери.

ЛИТЕРАТУРА

- Архимандрит Кирилл (Павлов). Похвала Божией Матери. Проповеди. — М.: Изд-во моск. подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. — 204 с.
- Библейская энциклопедия / труд и издание Архим. Никифора (репр. изд.). — Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1990. — 902 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Рос. Библ. о-во, 1995. — 1372 с.
- Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/zhivov1/Main.htm> (дата обращения: 18.01.2011).
- Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2006. — С. 612–616.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Оникс: Мир и Образование, 2007. — 973 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 2003. — 940 с.
- ППБЭС: Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, б. г.
- Православный молитвослов. — М.: Изд-во Москов. Патриархии, 1994. — 384 с.
- Скляревская Н. Г. Словарь православной церковной культуры. — СПб: Наука, 2000. — 278 с.
- СБКСиВ: Словарь библейских крылатых слов и выражений / сост. Г. А. Иоффе. — СПб: Петербург XXI в., 2000. — 478 с.
- Требник. — М.: Сретенский монастырь, 2000. — 655 с.
- Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 ед. / Науч.-исслед. словарь. лаб. МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 424 с.
- Шмелёв А. Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. — М.: Яз. слав. культуры, 2007. — С. 612–621.
- Энциклопедия Православие. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 18.01.2011).

LEXICOGRAPHIC ASPECT OF OLD CHURCH SLAVONIC VOCABULARY AND
PHRASEOLOGY IN ORTHODOX PREACHING (BASED ON ARCHIMANDRITE
KIRILL'S SERMONS)

D. A. Zvezdin

The article deals with Old Church Slavonic vocabulary and phraseology in orthodox sermons and in contemporary explanatory dictionaries. Stylistic labels in dictionaries must be reinterpreted in line with church (religious) functional style. The author comes up with classification of theological terms and some ideas for new lexicographic descriptions within the framework of theological discourse.

Key words: sermon, Old Church Slavonic vocabulary, theological terms, precedent text, biblical metaphor.

© 2011

М. Е. Локтева

ДРЕВНЕРУССКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ БОГОРОДИЦЫ (НА
МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА XI–XIV ВВ.»
И «МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА»
И. И. СРЕЗНЕВСКОГО)

Древнерусские наименования Богородицы представляют группу лексики, отражающую начальный этап становления русского языкового и культурного христианского сознания. Опираясь на данные исторических словарей, можно составить целостное представление о Богородице в древнерусских письменных памятниках XI–XIV вв. с догматической точки зрения, а также с позиции признака, значимого для организации человеческого бытия. Подобное описание может служить материалом для исторического лингвокультурологического словаря русских агноантропонимов.

Ключевые слова: древнерусские наименования Богородицы, лексико-семантическая группа.

Формирование письменной традиции, распространение книжности и образования на Руси изначально было продиктовано христианской миссией, имело «катехитический характер» [Живов 2002: 81]. Поэтому лексика, предназначенная для именования Богородицы, встречается в достаточно широком круге памятников и является одним из определяющих компонентов видения мира человеком эпохи Древней Руси. Ретроспективный взгляд на специфику подобной лексики актуален, т. к. она отражает начальный этап становления русского языкового и культурного христианского сознания.

Цель статьи — на основе данных «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского проследить особенности представления об образе Богородицы в древнерусском языке как начальном этапе формирования современного русского языка, определить значение этого образа в системе религиозных и бытовых ценностей, отражённых в литературных памятниках XI–XIV вв. Эмпирическая база исследования представлена 23 лексемами.

Отдельного внимания заслуживает лексема с наиболее общим и ёмким значением **богородица**, связанная с основным догматом о Деве Марии, через которую воплощается «ипостасное единство Сына Божия, соделавшегося Сыном Человеческим» [Лосский 2001: 156].

Лексема возникла на славянской почве при переводе текстов Священного Писания на старославянский язык, соответствует греч. Θεοτόκος, употребляется в древнерусских текстах более 1 000 раз. Анализ морфемного состава лексемы показывает, что она отражает идею признания догмата о рождении Марией воплотившегося Бога, а не человека, сделавшегося Богом. Этот принципиальный посту-

Локтева Марина Евгеньевна — преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета. E-mail: marinalokteva@yandex.ru

лат был принят с началом распространения христианства на Руси и исповедуется современной православной церковью [Ржаницын 2001: 21].

Лексема **богородица** многократно используется для непосредственного именования Девы Марии, а также в связи с упоминанием церквей, монастырей, построенных во славу Божьей Матери, праздников или икон в её честь (метонимический перенос значения): **тѣгда създа сѣѣи ѣци цркъвь ГА XIII–XIV, 255г; Помани г(с)и создавши(х) храмъ престѣи ѣца. Канон XIV, 9 об. (приписка); и приде въ днь сѣботьныи. и вше же и канонъ сѣтя ѣца СкБГ XII, 22а; поча ходити Микѣлица со сѣюи ѣцею. в ризахъ по городу ЛИ ок. 1425, 209 (1175) [СДЯ XI–XIV, 1, 1988: 266–267].** Это свидетельствует о несомненном почитании образа Божьей Матери.

Все остальные наименования Богородицы можно разделить на несколько лексико-семантических групп. При этом часть наименований приближается по своему значению к лексеме **богородица** (**богомати**, **мати** и т. п.), другие же называют какую-либо её специфическую функцию (**помощница**, **изцѣлительница** и т. п.). Дальнейшее деление наименований Девы Марии связано с их разграничением в зависимости от качеств, либо имеющих сугубо догматическую значимость, либо характеризующих Богородицу как покровительницу человечества.

I. Наименования Богородицы с точки зрения ключевых христианских догматов (качества изначально регламентированы христианским учением):

1) предназначенная, чтобы родить, или родившая Бога Слово по плоти:

а) со словообразовательным компонентом *бог-* (обозначают только Богородицу): **богомати**, **богоматерьница**;

б) без словообразовательного компонента *бог-*: **дѣва**, **дѣвица**, **невѣста**, **мати**, **родительница** (имеют значение ‘Богородица’ наряду со значением ‘земная женщина, обладающая определённым качеством’; ср. также с аналогичными ст.-сл. **дѣва**, **дѣвая**, **невѣста**, **мати**, **родительница** — по отношению к Богородице, но **дѣвица** ‘девушка, девственница’ — по отношению к женщине); **приснодѣва**, **приснодѣвая**, **подъимница** ‘та, кто принимает кого-л. (о Богородице)’ (обозначают только Богородицу);

2) с точки зрения её места в небесной иерархии: **цѣсарница**, **правительница**, **владычица**, **госпожда**, **госпожа**.

II. Наименования Богородицы как покровительницы человечества (качества определяются сложившимся религиозным представлением древнерусского человека об образе Девы Марии): **мѣжелювица** ‘человеколюбица’, **молитвѣница** ‘та, кто молится, богомолица’, **нѣдѣтельница** ‘настойчивая, усердная просительница’, **застѣпница** ‘заступница, защитница’, **изходатаница** ‘заступница, защитница’; *перен.* ‘та, которая испрашивает что-либо’, **повѣръница** ‘заступница’, **помощница** ‘защитница, покровительница (о Богородице)’, **порѣрочница** ‘поручительница, та, кто ручается за кого-то (о Богородице)’, **наставѣница** ‘наставница (о Богородице)’, **изцѣлительница** ‘исцелительница’.

Лексемы с компонентом *бог-* (**богомати**, **богоматерьница**) выступают, с одной стороны, абсолютными синонимами к основному наименованию (‘то же, что **богородица**’): **и вса бѣдѣть добрѣ ... мл(с)тѣю же сѣде чѣтѣмъ вл(д)чѣа нашея приснодѣвы и чисты вгѣмѣре УСм XII/XIII, 241 [СДЯ XI–XIV, I, 1998: 261].** Ср., напр.: **сѣвърши сѣе еѣа(г)к на вл(с)вник прѣсѣѣи чѣтѣи вл(д)**

чци нашен ѣци *ЕвМст до 1117, 213 (запись до 1117)* [СДЯ XI–XIV, I, 1988: 266]. С другой стороны, они являются однокорневыми синонимами друг к другу.

При этом лексемы с компонентом *бог-* употребляются редко (пять и одно употребление соответственно), что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, редкость употреблений продиктована догматической сутью наименований, называющих статичный признак ‘материнство’; в отличие от динамического признака наименования **богородица** — ‘рождение Бога’, который в большей степени подчёркивает идею двуипостасной сути Христа, воплощения Бога. Процесс рождения оказывается более значимым, чем факт материнства. На это указывает и мотивационная база лексем. Оба слова образованы сложением субстантивных основ по аналогии с греч. Θεομῆτρ. Во-вторых, редкое употребление этих слов может быть объяснено существованием лексемы без начального компонента *бог-* — **мати**, которая употреблялась в значении ‘Богородица’ самостоятельно, а также в сочетании **мати божия**. В-третьих, слово **богоматерьница** отличается от **богомати** наличием суффикса *-ниц(а)*, указывающего на принадлежность лица к женскому полу. Фактически это пример языковой избыточности и дублетности, характерной для древнерусского языка.

В целом все наименования с компонентом *бог-* расширяют синонимическую базу наименований Богородицы, подчёркивая значимость, особенность миссии Богородицы, её непохожесть на обычную женщину.

Лексемы без компонента *бог-*, напротив, в большинстве своём сопоставляют Деву Марию с обычными людьми, подчёркивая в контексте её святость, чистоту и избранность. Слова **дѣва**, **дѣвица**, **невѣста**, **мати**, **родительница** называют как Богородицу, так и обычную женщину.

Относительно обычной женщины они употребляются для называния физического состояния, возраста, социального, семейного статуса по отношению к мужчине и к детям. Относительно Богородицы эти лексемы употребляются с иными акцентами в значениях. Они характеризуют её:

1) с точки зрения чистоты и девства: **дѣва**, **дѣвица**, **невѣста**;

2) как родившую воплотившегося Бога, силой своей воли принявшую на себя Благодать: **невѣста**, **мати**, **родительница**.

При использовании вышеназванных лексем не указывается социальный статус, а актуализируется другой оттенок смысла (‘девственность, чистота, непорочность’, ‘материнство, земное начало (по отношению к Богу)’), надсоциальный признак, имеющий в своей основе духовно-нравственную и догматическую составляющую. Мария — Дева, не познанная мужем, нетленная, вечно сохраняющая целомудренность и святость, несущая спасение, освобождение от греха, совершенного Евой. Богородица сохраняет девство до рождения Сына, при рождении и после рождения, тем самым остаётся чистой, неподвластной соблазну и первородному человеческому греху: **Ѧво прч(с)та неискүсна браку. Ёоверадована... спѣ ма погываго. ЛЛ 1377, 85 (1096)** [СДЯ XI–XIV, 3, 1990: 148] (здесь **неискүсна браку** значит и ‘не искушённая браком’, и ‘не знающая греха’).

Особое место занимает наименование **подъимьница**, в котором подчёркивается только одна существенная характеристика Богородицы — приятие воли Бога стать матерью (ср. с мужским наименованием **подъимьникъ** ‘тот, кто побуждает к чему-л.’). Лицо, называемое женским наименованием, воспринимается как

объект, носитель пассивного начала, воплощающий чьё-то действие, волю, способный передавать то Божеское, что было воспринято, действовать согласно воле Божьей.

Наименования, характеризующие Богородицу с точки зрения её места в небесной иерархии, называют её как главенствующую над человечеством, как правительницу и госпожу вообще: **правительница, владычица, госпожда, госпожа**, и как царицу, т. е. указывают на её титул, конкретно обозначенный статус, — **цѣсарица**.

Эти наименования объясняют догматическое представление о Богородице как о той, которая «разделяет славу Своего Сына, царствует вместе с Ним, рядом с Ним правит судьбами Церкви и мира, развивающимися во времени, Она ходатайствует за всех перед Грядущим судить живых и мертвых» [Лосский 2001: 171]. Бог — **цѣсарь, правитель, владыка, господь**, Богородица — **цѣсарица, правительница, владычица, госпожда, госпожа**, чистая, непорочная, справедливая, восседающая с Ним рядом на престоле. Кроме того, все перечисленные слова обозначают женщину-правительницу.

Таким образом, наблюдается тройная проекция: «Богородица — Бог» (бытие небесное), «Богородица — человечество» (связь бытия земного и небесного по иерархическому принципу), «Богородица — правительница» (устройство бытия земного по образу бытия небесного, идеальный женский образ правителя).

Наименования со значением ‘покровительница человечества’ выделяются по признаку, определяющему функцию Богородицы с точки зрения идеи ходатайства за человека перед Богом (на основе принципов классификации наименований человека в старославянском языке Т. И. Вендиной [Вендина 2002: 336]): а) любовь к людям вообще: **мѹжелюбница**; б) молитвенничество и усердное прошение за человечество: **молитвѣница, нѹдительница**; в) заступничество и поручительство: **застѹпница, изходатница, поворьница, порѹрочница**; г) помощь: **помощница**; д) ходатайство о здоровье: **изцѣлительница**; е) учительство, наставничество в понимании сути бытия: **наставница**.

Богородица — первая после Бога, кто в высшей степени, по-матерински, по-христиански любит людей: **мѹжелюбница** ‘человеколюбица’.

Христианское человеколюбие предполагает идею спасения души, которое осуществляется усердной молитвой: **молитвѣница** ‘та, кто молится, богомолица’; **нѹдительница** ‘настойчивая, усердная просительница’, поэтому Богородица — та, которая даёт молитвенную, спасительную силу. В последнем наименовании актуализирована положительная сема ‘прилагать усилия, стараться, добиваться’.

Если человек совершает грех или нуждается в какой-то помощи, поручительстве, заступничестве перед Богом и другими людьми, Богородица рассматривается как **застѹпница** ‘заступница, защитница’, **изходатница** ‘заступница, защитница’; перен. ‘та, которая спрашивает что-либо’, **поворьница** ‘заступница’, **порѹрочница** ‘поручительница, та, кто ручается за кого-то (о Богородице)’. Показательно выделение способности спрашивать у Бога дозволения ходатайствовать за человеческую душу, а также поручаться за человека, заранее доказывать Богу способность людей к праведному бытию.

Когда людям требуется не защита, а помощь в совершении обычных, повседневных дел, Богоматерь предстаёт в древнерусском тексте помощницей. Наи-

менование **помощница** — единственное в этой группе, которое употребляется для обозначения не только Богородицы, но и обычной женщины. Способность помогать своему мужу, ближним, относиться с заботой и материнской любовью к окружающим — одна из основных черт женского христианского образа, отсылающих к образу Богородицы.

Ещё одна важная функция Богородицы, связанная с бытовым, человеческим восприятием — целительство, ходатайство перед Богом о здоровье, которое проявляется в таком наименовании Девы Марии, как **изцѣлительница**. Здоровье физическое, с точки зрения христиан, оказывается в тесной взаимосвязи со здоровьем духовным и в полной мере без него невозможно. Богородица заботится о человеке, если он ведёт праведную жизнь, сохраняет целостность его человеческой сущности, гармонию духовной и физической составляющих, изначально данных Богом.

И последняя функция, характеризующая Марию не как ходатайствующую перед Богом, а как несущую учение Божие, объясняющую сущность бытия и тем самым уберегающую людей от греха, — наставничество проявляется в наименовании **наставница**. Богородица воспринималась как знающая истину и способная научить. Она не ученица, а наставница, которой знание дано было изначально Божественным откровением, поэтому она эталон, на который верующие должны равняться в своём поведении и в жизни.

Итак, образ Богородицы, отражённый в её наименованиях в памятниках древнерусской письменности, сформировался под влиянием следующих факторов: 1) догматической сущности, изначально привнесённой христианским учением (наименования с наиболее ёмким и общим значением); 2) актуализации в наименовании какого-то особого признака, значимого для организации бытия древнерусского человека (наименования, называющие определённый признак, функцию).

Приводимые в исторических словарях толкования значений и контексты употребления лексем, как правило, оказываются достаточной базой для лингвистического описания наименований Богородицы. Однако без специальной проработки обширных словарных материалов невозможно составить целостное представление о любой лексико-семантической группе слов, в том числе и о системе древнерусских наименований Богородицы в письменных памятниках XI–XIV вв. Поэтому наряду с собственно лингвистическими историческими словарями необходимо создание тематических исторических словарей лингвокультурологического характера. Данная статья может служить материалом для создания исторического словаря русских агиоантропонимов XI–XXI вв., в котором предполагается отразить возникновение, развитие значений наименований святых и особенности их бытования в светском и религиозном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Архимандрит Алексей (Ржаницын). О преблагославенной Деве Матери Господа нашего Иисуса Христа // Всесвятая. Православное догматическое учение о почитании Божией Матери: сб. работ / под ред. В. Леонова. — М.: Паломникъ, 2001. — С. 13–76.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М.: Индик, 2002. — 336 с.

Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. — М.: Яз. слав. культуры, 2002. — 760 с.

Лосский В. В. Всесвятая // Всесвятая. Православное догматическое учение о почитании Божией Матери: сб. работ / под ред. В. Леонова. — М.: Паломникъ, 2001. — С. 156–172.

СДЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. — М.: Рус. яз.: Азбуковник, 1988–2008. — Т. 1–8. (изд. продолжается).

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. — Репр. изд. — М.: Книга, 1958.

OLD RUSSIAN NAMES FOR THE MOTHER OF GOD (BASED ON “THE OLD RUSSIAN DICTIONARY OF THE 11th — 14th C.C.” AND SREZNIYEVSKY’S MATERIAL FOR THE OLD RUSSIAN DICTIONARY)

M. Ye. Lokteva

Old Russian names for the Mother of God present a lexical group reflecting initial stage of Russian linguistic and cultural Christian consciousness. On the basis of historical dictionaries data one can acquire a complete understanding of the Mother of God in Old Russian manuscripts of the 11th — 14th centuries from dogmatic view point and from the viewpoint of the features relevant to the social structure. Descriptions of this nature can provide the basis for linguocultural historical dictionary of Russian sacred proper names.

Key words: Old Russian names for Mother of God, lexical-semantic group.

© 2011

И. В. Петрова

ХРАМОВЫЕ ПРОПОВЕДИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Статья посвящена обозначению некоторых ключевых позиций, которые делают тексты современных проповедей важными для работы лексикографов. Предметом непосредственного анализа становятся синтагматические отношения некоторых слов и устойчивых словосочетаний, используемых в храмовых проповедях Святейшего патриарха Кирилла.

Ключевые слова: православная храмовая проповедь, синтагматический анализ, церковно-религиозная лексика и фразеология, метафорика.

Жанр проповеди — «это фундаментальный, первичный жанр религиозной коммуникации» [Мечковская 1998: 205]. Его актуализация сегодня связана с возрождением церковно-религиозного стиля в стилистической системе современного русского литературного языка.

Петрова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: iravpetrova@yandex.ru

В рамках изучения религиозного стиля, активизировавшегося в конце XX — начале XXI в., описаны категориальная специфика текстов современных проповедей, их коммуникативно-жанровые, композиционные и лексические особенности [Ицкович 2007; Захаренкова 2004; Листрова-Правда, Расторгуева 2006 и др.]. Непосредственно на материале храмовых проповедей построены исследования Розановой (2000, 2003), Захаренковой (2004, 2005) и др. специалистов, однако данные работы осуществляются вне связи с лексикографической практикой: среди описанных учёными языковых черт православных проповедей не выявляются те, которые делают эти тексты важными для работы лексикографов. Данная задача решается здесь на материале храмовых проповедей Святейшего патриарха Кирилла, печатные версии которых выложены на сайте <http://www.patriarchia.ru>.

Проповеди Патриарха Кирилла сохраняют ориентированность на тексты Священного писания и в то же время напрямую связаны с конкретными вопросами жизни человека и современного мира, которые, в свою очередь, освещаются в контексте вечных истин христианства. Такого рода тематические сопряжения поддерживаются в текстах проповедей синтагматическими отношениями слов, которые и проясняют на современном этапе языковые процессы, связанные с актуализацией церковно-религиозной лексики и фразеологии.

Соотносительный анализ некоторых слов, функционирующих в проповедях патриарха Кирилла, и тех же слов, описанных в толковых словарях под редакцией Г.Н. Складневской (1998, 2006), показал, что материалы проповедей могут выступать иллюстрацией не только к уже зафиксированным изменениям религиозной лексики, но и к тем, которые пока ещё не нашли отражения.

Так, в отношении лексемы *дух*¹ в наши дни актуализированным оказался лексико-семантический вариант (ЛСВ) 'третья ипостась Пресвятой Троицы', (лексема *дух* реализует его, будучи компонентом устойчивого словосочетания (УС) *Святой Дух*), а также ЛСВ 'нематериальное, божественное начало в человеке' [Складневская 1998: 221; 2006: 330].

Первый ЛСВ в проповедях патриарха Кирилла реализуется не только через УС *Святой Дух*, но и через УС *Дух Божий*, отмеченный в «Словаре православной церковной культуры» [Складневская 2008: 133]. Обозначая сверхъестественные нематериальные сущности, данные УС нередко сопрягаются в проповедях Патриарха с УС *дух диавольский* — 'дьявол', *дух злобы поднебесной* — 'злой дух' [Там же], имплицитно задавая характерное для православного мировидения противопоставление доброго и злого (что представляло бы интерес для словарей культурологического типа): *Но мы сегодня не один на один стоим языческому миру. Мы, все вместе — Церковь Божия, в которой живёт и действует Святой Дух* [Проповедь 03.01.2010]; *...что и ныне Дух Божий будет побеждать дух диавольский и <...> никакие соблазны <...> не отвернут наш народ от веры в Бога...* [Проповедь 04.11.2009].

Об актуализации ЛСВ 'третья ипостась Пресвятой Троицы' свидетельствуют и не отмеченные в словарях Г.Н. Складневской, но функционирующие в проповедях Патриарха УС *сила Святого Духа*, *дар Святого Духа*, *благодать Святого Духа*, определяющие свойства и качества Святого Духа: *Покой есть дар Духа Святого, а свобода человека есть дар Божественный...* [Проповедь 22.08.2010]; *И Бог в ответ на этот подвиг мужественного хранения веры даровал тем лю-*

дям *благодать Святого Духа. Святой Дух*, как исповедуем мы в Символе веры, говорил через пророков, и потому слова их несли Божественную мудрость и силу [Проповедь 03.01.2010].

Актуализация второго ЛСВ 'нематериальное, божественное начало в человеке' происходит в тех случаях, когда лексема *дух* выполняет функцию несогласованного определения, которое, в свою очередь, получает дополнительное расширение в проповедях патриарха Кирилла: *огромная сила духа, внутреннее состояние духа, сила человеческого духа, жизнь нашего духа, способность нашего духа*. Интерес в связи обозначенным ЛСВ представляют опять же УС с компонентом *дух*, которые называют качества, присущие человеку, собранию людей (*рождённый от Духа, нищие духом, сильный духом*): *Что означает «рождённый от Духа»?* Ведь в каком-то смысле каждый человек *рождён от Духа*, потому что имеет *дух* внутри себя, имеет бессмертную *душу* [Проповедь 08.04.2010].

В ходе соотносительного анализа лексемы *духовный*, производной от *дух*, было выяснено, что о возвращении в активный запас ЛСВ 'связанный с религиозной жизнью человека, относящийся к Богу, вере, Церкви' [Скляревская 1998: 222; 2006: 331] убедительно свидетельствует использование УС *духовная семинария, духовная академия* (отмечены и в словарях, и в проповедях патриарха), *духовный отец, духовный учитель* (отмечено нами в проповедях) и *духовный пастырь, духовные дети* (фиксируется в словарях). Актуализацию ЛСВ 'связанный с внутренним миром человека' [Скляревская 2006: 331] и ЛСВ 'относящийся к духу, исходящий от духа; противоп. материальный, телесный' [Скляревская 2008: 137] поддерживает богатая в проповедях патриарха, но скупо представленная в словарях синтагматика слова *духовный*. Её определяют следующие существительные: *жизнь* (13), *сила* (10), *зрение* (7), *ценности* (5), *пространство* (5), *опыт* (4), *родство* (3), *мир* (3), *подвиг* (3), *просвещение* (3), *состояние* (2), *красота* (2), *значение* (2), *единство* (2), *творчество* (2), *связь* (2), *возрождение* (2); по одному употреблению — *тупик, реальность, воспитатели, авторитеты, ведение, знание, интересы, наследие, враг, взгляд, точка зрения, вахта, заряд, стихия, центр, преобразование, традиции, категории, урок, высота, успокоение, роль, воздействие, пустыня, потенциал, совершенство, возрастание, победы, место, атмосфера, брань*. Синонимическое сопряжение слов *духовный* и *внутренний*, обнаруживаемое при характеристике *жизни, зрения, мира, опыта*, и соединение слов *духовный* и *молитвенный* при характеристике *жизни и деятельности* обеспечивает дополнительную актуализацию отмеченных ЛСВ.

Помимо обозначенных позиций, крайне интересным для лексикографических описаний (прежде всего для построенных на исследовании единиц в речевом применении) представляется наблюдаемое в проповедях патриарха Кирилла взаимодействие церковно-религиозных и не ограниченных в стилевом отношении фразеологизмов, а также использование фразеологизмов в трансформированном виде. Примером первого может служить функционирование возвращённого в активный состав современного русского языка УС *Божий суд*. В проповедях патриарха данная единица в одном случае сопрягается с идиомой *откладывать в долгий ящик* — 'на неопределённо длительное время' [Молотков 1986: 543], в другом — с идиомой *расставить все точки над и*, представляющей собой трансформированный вариант фразеологизма *поставить точки (точку) над [на] и*, т. е. 'окончательно

выяснить, уточнить все подробности, не оставлять ничего недосказанным; доводить что-либо до логического конца' [Молотков 1986: 452]: *Вот почему в течение жизни, проходя через **Божий суд**, проходя через суд своей совести, мы никогда не должны откладывать в долгий ящик искреннее раскаяние и покаяние, но, прибегая к милости и любви Божественной, испрашивать у Господа прощения своих грехов; И получают воздаяние все те, кто преступал Божий закон и не раскаялся, укоренился во грехе, и добро будет поддержано — вот этот **Божий суд** и **рассставит все точки над i*** [Проповедь 30.03.2010].

УС по закону **Божиему** в проповедях Патриарха функционирует в одном предложении с фразеологизмом *на ноги поставить*, представляющего собой синтаксический вариант единицы *поставить на ноги* [Молотков 1986: 451], УС *Божия правда* — с фразеологизмом *поднимать руку* [Молотков 1986: 331]: *Если будем жить по закону **Божиему**, Господь поможет и детей на ноги поставить*, и образование им дать, и великую радость в сердце пошлёт [Проповедь 24.09.2010].

Примером индивидуально-авторских трансформаций фразеологизмов может служить единица *Хорошо там, где нас нет*, преобразуемая патриархом Кириллом в вариант *Хорошо там, где Бог близок к человеку*: *Я призываю всё духовенство Якутской епархии трудиться так же беззаветно. Не ищите лёгкой жизни где-то там, вдали. Есть замечательная пословица: **хорошо там, где нас нет**. А вместо этой пословицы я скажу так: **хорошо там, где Бог близок к человеку*** [Проповедь 24.09. 2010].

Особым объектом лексикографического описания может стать православная метафорика. В храмовых проповедях патриарха Кирилла она очень многообразна. Можно выделить следующие типы метафор: 1) близкие современному человеку, его повседневной жизни (*закалять волю, свет разума, принять умом и сердцем, школа жизни, частица моей жизни, струны моего сердца, встать с колен, склад ума, книга жизни, угол зрения*); 2) библейские и церковные по происхождению (*бездна греха, дар благодати, семена веры, взойти на крест, довести до креста, нести свой крест, пленяться Божественной истиной, сила духа, знак надежды, Человек — хрупкий сосуд, крест патриаршего служения, хранить веру, делатели Его виноградника, горнило искупления, Идти против Бога — бессмысленное маханье руками*); 3) развёрнутые метафоры (*всем тем, кто пребывает в спасительной ограде виноградника Христова; каждая новая кровь, проливаемая за Христа, сеяла обильно семена веры, и собиралась жатва; Плотская страсть взрывает огромное число человеческих жизней; Вера — это сила, которая в нас входит тогда, когда мы становимся способными уступить свое центральное место Богу и другому человеку; Бессмысленная трата энергии — это некая ветряная мельница, которая не производит ничего, а, устанавливаемая неизвестно по какой причине, ловит потоки ветра, вращается, и огромная энергия производится и расходуется впустую*). Единицы выделенных групп эксплицируют как отдельно реализуемые в проповеднических текстах темы, так и сопряжённые, когда активно взаимодействуют друг с другом.

Таким образом, на этапе предварительного анализа можно утверждать, что тексты православных храмовых проповедей, репрезентативность которых обусловлена высоким статусом и общественным авторитетом их автора — патриарха Московского и всея Руси Кирилла, являются ценным источником для исследова-

ний, материалы которых могут быть использованы при составлении словарей разного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Захаренкова О.С. Жанровые особенности современной проповеди (на материале текстов красноярских и железногорских священнослужителей) // Лингвистич. ежегодник Сибири. Вып. 6. — Красноярск, 2004. — С. 169–176.

Захаренкова О.С. Образ автора в современной храмовой проповеди (на материале текстов красноярских и железногорских священнослужителей) // Интеллект–2004: сб. материалов Межрегион. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. — Красноярск: КГУ, 2004. — С. 171–173.

Ицкович Т.В. Православная проповедь как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007. — 24 с.

Листрова-Правда Ю.Т., Расторгуева М.Б. К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. — 2006. — № 1. — С. 49–54.

Мечковская Н.Б. Язык и религия: пос. для студ. гуманитар. вузов. — М.: ФАИР, 1998. — 352 с.

Проповедь 03.01.2010: Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю святых отец // Русская православная церковь. — 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/982054.html> (дата обращения: 15.04.2011).

Проповедь 04.11.2009: Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной литургии в Казанском соборе на Красной площади // Русская православная церковь. — 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/958809.html> (дата обращения: 15.04.2011).

Проповедь 08.04.2010: Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной литургии в четверг Светлой седмицы // Русская православная церковь. — 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1133798> (дата обращения: 15.04.2011).

Проповедь 22.08.2010: Патриаршее слово в праздник Собора Соловецких святых в Спасо-Преображенском соборе Соловецкого монастыря // Русская православная церковь. — 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1256166.html> (дата обращения: 15.04.2011).

Проповедь 24.09.2010: Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной литургии в Спасо-Преображенском кафедральном соборе города Якутска // Русская православная церковь. — 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1283434.html> (дата обращения: 15.04.2011).

Проповедь 30.03.2010: Патриаршее слово после Литургии Преждеосвященных Даров в Великий вторник // Русская православная церковь. — 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1126666.html> (дата обращения: 15.04.2011).

Розанова Н.Н. Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди // И.А. Бодуэн де Куртенэ: Учёный. Учитель. Личность / под ред. Т.М. Григорьевой. — Красноярск: КГУ, 2000. — С. 147–151.

Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации: Храмовая проповедь // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. — М.: Яз. слав. культуры, 2003. — С. 341–363.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель, АСТ, 2008. — 447 с.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / РАН, Ин-т

лингвистических исследований / под ред. Г.Н. Складневской. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.— 701 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2006. — 1136 с.

Фразеологический словарь русского языка: свыше 4 000 словар. ст. / под. ред. А. И. Молоткова. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — 543 с.

TEMPLE SERMONS OF PATRIARCH KIRILL AS LEXICOGRAPHIC SOURCE

I. V. Petrova

The article touches upon a number of principal issues that make contemporary sermons lexicographically relevant. The subject for study is represented by syntagmatic relations of some words and set phrases occurring in temple sermons of Patriarch Kirill.

Key words: Orthodox temple sermon, syntagmatic analysis, church words and phrases, figurativeness.

© 2011

Е. А. Хомутникова

ФРАЗЕОЛОГИЗМ РОЗА ИЕРИХОНА КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье рассматривается фразеологическая единица *роза Иерихона*. Указывается на то, что единица не отмечается в толковых и фразеологических словарях русского языка. Этимология фразеологизма связана с Ветхим Заветом. Своей задачей автор считает нахождение источника фразеологизма *роза Иерихона* (*Иерихонская роза*), определение актуальных и символических значений этой единицы, включение её во фразеологические словари русского языка. Оборот *иерихонская роза, роза Иерихона*, проникший в большинство мировых культур, имеет прямое, терминологическое значение (наименование конкретного растения), связанное с реалиями, способными отправить нас к символическому, переносному потенциалу фразеологической единицы (воскресение, святость, вера).

Ключевые слова: фразеологизм, этимология, актуальное и символическое значение.

Библейская фразеология русского языка всегда волновала умы лингвистов и по праву считается одной из вечных тем филологических исследований. Однако и в этой области есть единицы, которые не подвергались лексикографическому толкованию, хотя их происхождение, значение, казалось бы, у всех на устах. Среди символического мира библейских фразеологизмов особо выделяются едини-

Хомутникова Елена Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета. E-mail: ea7878@mail.ru

цы с компонентом «роза» — *роза Сарона* (*Саронская роза*, *роза Шарона*) и *роза Иерихона* (*Иерихонская роза*). Этимология фразеологизма *роза Иерихона* связана с Ветхим Заветом, который написан на древнееврейском языке (библейском иврите), за исключением некоторых частей, написанных на арамейском языке. Мы своей задачей ставим найти и указать источники фразеологизма *роза Иерихона* (*Иерихонская роза*), определить актуальные и символические значения этой единицы.

Толковые академические и фразеологические словари фиксируют далеко не все ФЕ с компонентом *роза*. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» описаны обороты *розы счастья*, *блаженства*; *срывать*, *рвать розы жизни*, *блаженства*; *роза ветров*. Составители указывают также, что лексема *роза* может употребляться и в сравнительном обороте *как роза* [БАС, 12, 1961: 1413–1414]. Четырехтомный «Словарь русского языка» отмечает фразеологическую единицу *роза ветров* [МАС, 3, 1987: 726].

«Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова не содержит ФЕ с компонентом *роза* [ФСРЯ 1987]. Нет интересующих нас ФЕ и в историко-этимологический справочнике русской фразеологии [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001]. «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телии, фиксирующий фразеологизмы «как знаки “языка” культуры, тоже обошёл вниманием фразеологизмы с компонентом «роза» [БФСРЯ 2009]. Исследуемый фразеологизм не зафиксирован в «Кратком словаре библейских фразеологизмов» [Кочедыков, Жильцова 1996]; в «Толковом словаре библейских выражений и слов» [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010].

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка», составленном А. И. Федоровым, приводится только один фразеологизм с компонентом *роза* — *роза ветров* [ФСРЛЯ, 2, 1995: 197].

Мы нашли фразеологизм *Иерихонская роза* в словарях иностранных слов XIX в. А. Н. Чудинов определяет *розу Иерихона* так: «(от собств. им.). Однолетнее растение из Палестины, низкорослое, разветвляющееся у самой земли; анастатика» [Чудинов [http](http://)]. В книге А. Д. Михельсона «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней» *иерихонская роза* трактуется как «летнее растение из Палестины, в 5–6 дюймов вышиною, ствол которого ветвится у самой земли, деревенеет к концу жизни и подобно мху оживает, если его опустить в воду» [Михельсон [http](http://)].

Фразеологизм *роза Иерихона* (*Иерихонская роза*) не зафиксирован в толковых и фразеологических словарях русского языка, несмотря на то, что эта единица занимает особое место в ряду сакральной русской фразеологии.

Первое упоминание об *иерихонской розе* мы встречаем в «Книге премудростей Иисуса, сына Сирахова» (2: 15): «...я возвысилась, как пальма в Енгадди и как розовые кусты в Иерихоне».

В данном случае происхождение оборота прозрачно. В Библии мы находим выражение *как розовые кусты в Иерихоне*, которое, по-видимому, и послужило основой для возникновения фразеологизма *роза Иерихона* и его варианта *Иерихонская роза* на основе метонимического переноса. Онлайн-словарь «Иврит-русский, русско-ивритский словарь» Б. Подольского включает в себя оборот *נֶחֱדִירִי תְּשׁוּשׁ* (иерихонская роза), обозначающий растение [Подольский [http](http://)].

«Библейская энциклопедия» упоминает розы из Священного Писания — *розы Саронские и Иерихонские*: «Известная в ботанике *роза Иерихонская* растёт ныне в песчаных степях Сирии, Египта и Аравии; жёсткие стебли её в сухом состоянии свёртываются и, вырванные из песка ветром, перекатываются нередко через всю степь, в сыром же воздухе растение опять расправляется, и его ветви принимают прежний вид. И в настоящее время находят немало роз в разных местах Палестины. Нынешняя *Иерихонская роза* есть пустынное растение, которое находят на 1 час пути от Иерихона к Мёртвому морю» [Библейская энциклопедия 2001: 607].

Иерихонская роза — название нескольких видов однолетних пустынных растений, высыхающих после созревания семян и образующих небольшие шары, которые отламываются от корня и перекатываются ветром (перекати-поле); в сырую погоду семена высыпаются и прорастают, словно оживая. Наиболее известны *Odontospermum rugosum* семейства сложноцветных, распространённая от Сахары до Ирана (листочки обёртки корзинок гигроскопичны и при увлажнении раскрываются), и *Anastatica hieracifolia* семейства крестоцветных, произрастающая в Марокко и Юго-Западной Азии, с гигроскопичными ветвями соцветия. Цветок продают по всему миру как олицетворение воскрешения. Основное медицинское применение *иерихонской розы* связано с родами: из растения вырабатывалось средство для снятия родовых и предродовых болей. В Древнем Египте у женщин был обычай опускать растение в воду в момент появления младенца на свет, чтобы процесс родов происходил одновременно с раскрытием цветка. Этому цветку, привозимому в Россию из Палестины, приписывали чудодейственные свойства. Считалось, что оно помогает при родах, называли его «Воскресиха». В народной медицине растение признано средством от бесплодия, астмы, болезней дыхательной путей, пищеварительной системы, геморроя, почечнокаменной болезни, способствует очищению желудка и предотвращает выкидыш.

Вокруг иерихонской розы складываются легенды. В христианстве это растение называют «цветком Воскресения», так как оно символизирует Воскресение Иисуса Христа. По преданию, Святая Дева обрела бессмертие, положив цветок на одежды младенца Христа. Иерихонская роза расцвела, когда Святое семейство вынуждено было бежать в Египет, и в день Рождества Христова, а вот во время его Распятия на Голгофе цветок стал сухим комочком. Он вновь возродился, ожил в первый день Пасхи. И в арабских сказаниях, среди жителей пустыни распространён христианский миф о «цветке Воскресения», но форма цветка в их восприятии — это ладонь руки, а не роза. Отсюда и другие названия цветка: «Рука Марии», «Рука Девы», «Рука Пророка» и «Рука Милосердного». Форма цветка придала растению магическую силу: рука — это амулет, по восточной традиции защищающий от злых духов.

Все эти экстралингвистические факторы приведены нами неслучайно: они позволяют выявить специфику семантики исследуемой единицы.

Наиболее глубоко сакральный смысл единицы раскрывается в произведении И. Бунина «Иерихонская роза», в котором фразеологизм находится в сильной позиции, более того, реализует актуальное и символическое значение: «В знак веры в жизнь вечную, в воскресение из мёртвых, клали на Востоке в древности *Розу Иерихона* в гроба, в могилы <...> Но есть предание, что назвал её так сам преподобный Савва, избравший для своей обители страшную долину Огненную, нагую

мёртвую теснину в пустыне Иудейской. Символ воскресения, данный ему в виде дикого волчца, он украсил наиболее сладчайшим из ведомых ему земных сравнений <...> Отдались, неотвратимый час, когда иссякнет эта влага, оскудеет и иссохнет сердце — и уже навеки покроет прах забвения *Розу моего Иерихона*».

Приведём ещё примеры употребления этой единицы в текстах современной литературы и публицистики: *«Кассиша из себя стала розу иерихонскую строить, я ей всё сказала, что думаю, я правду люблю...»* (И. Шприц. Три песни о Родине); *«Как иерихонская роза, расцветает во мне примолкший в революцию редакционный Печорин»* (Г. Шенгели. Чёрный погон); *«Бочанцев тяжело вылезает из «газика» и медленно идёт в тень. И вдруг видит знакомый кулачок Иерихонской розы, торчащий из раскалённого песка»* (В. Лебедев. Зелёные кочевники / Вокруг света, октябрь 2010).

Итак, оборот *роза Иерихона* (*Иерихонская роза*), проникший в большинство мировых культур, имеет прямое, терминологическое значение (наименование конкретного растения), связанное с реалиями, способными отправить нас к символическому, переносному потенциалу фразеологической единицы (воскресение, святость, вера). На наш взгляд, фразеологизм должен быть включен в состав специальных словарей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: Наука, 1948–1965.
- Библейская энциклопедия. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 767 с.
- Бирях А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник — СПб.: Фолио-Пресс, 2001. — 704 с.
- БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — 4-е изд. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. — 784 с.
- Кочедыков Л. Г. Жильцова Л. В. Краткий словарь библейских фразеологизмов. — М.: Лингвистика, 1996. — 421 с.
- МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1981–1984.
- Михельсон А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней, 1865. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inslov.ru/html-komlev/i/ierihonska8-roza.html> (дата обращения: 15.05.2011).
- Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц. — М.: АСТ: Астрель. — 2010. — 639 с.
- Подольский Б. Большой иврит-русский, русско-ивритский словарь, 2004–2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovar.co.il/translate.php> (дата обращения: 15.05.2011).
- Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. — М.: АСТ, 2001. — 720 с.
- Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. и с посл. А. И. Молоткова. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1987. — 543 с.
- Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1910. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inslov.ru/html-komlev/i/ierihonska8-roza.html> (дата обращения: 15.05.2011).

SET PHRASE *ROSE OF JERICO* AS A LEXICOGRAPHIC OBJECT

Ye. A. Khomutnikova

The article analyzes the idiom *Rose of Jericho*. The author points out that unit is registered neither in phraseological nor in explanatory Russian dictionaries. The phrase owes its origin the Old Testament. The author aims at identifying the source of the phrase *Rose of Jericho*, its actual and symbolic meanings, and including the unit under study into Russian phraseological dictionaries. *Rose of Jericho*, found in many cultures, possesses direct terminological meaning (an Asian plant) that brings forth its figurative meaning (resurrection, sanctity, faith).

Key words: set phrase, etymology, actual and symbolic meaning.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ И СПРАВОЧНИКАХ

© 2011

Н. Ф. Алефиренко

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИДИОМЫ КАК ПРЕДМЕТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье раскрывается сущность семантической структуры идиомы как объекта описания фразеологического словаря культурно-познавательного характера. Смысл, по мнению автора, с одной стороны, объективен, поскольку является результатом отражения действительности, с другой стороны, субъективен, т. к. является элементом индивидуального сознания.

Ключевые слова: значение, идиома, концепт, смысл, фразема, фразеосимиозис, смысловые фасеты, ментальная модель.

Поскольку смысл — не только научное понятие, но и категория обыденной, житейской философии, его содержание создаёт для фразеографа иллюзию само собой разумеющегося феномена. Особенно чревато такое заблуждение при создании фразеологических словарей культурно-познавательного характера.

Смысл есть «отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» [Леонтьев 1969: 216]. Если исходить из данного определения, то смысл фразеологической единицы (ФЕ) (фраземы) обладает несколькими признаками: а) он результат отражения действительности, б) субъективен, в) элемент индивидуального сознания. Разделяя данное понимание сущности смысла, З. Д. Попова и И. А. Стернин пишут: «Конкретная личность, овладевшая значениями, включает их в свою деятельность, возникают определённые отношения носителя языка к данному значению, и оно приобретает для данной личности смысл, который представляет собой факт индивидуального сознания» [Попова 2007: 98]. В такой интерпретации смысл ФЕ базируется на конкретном значении как «определённое отношение носителя языка к данному значению». Адекватно раскрыть в словарной статье релятивную сущность смысла ФЕ можно, только предварительно (виртуально) поместив его в единую трёхэлементную систему отношений «концепт — смысл — значение». Смысл в такой интерпретации является наряду с концептом одним из компонентов значения (*концепт + смысл > значение*). При этом считаю необходимым подчеркнуть открытый характер концепта, противопоставляя такое понимание тем авторам, которые видят в нём абстрактную, сте-

Алефиренко Николай Фёдорович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета. E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

рильную сущность типа «количество» или «текст». Фразеомообразующий концепт — это, скорее, некий конденсат не оформившихся, неустойчивых, туманных ассоциаций. Их единство и когерентность зависят, прежде всего, от функции концепта. По мнению О. А. Алимурادова, «концепт одновременно историчен и интенционален, он является той побудительной причиной, которая вызывает к жизни дискурс» [Алимуратов 2003: 37]. А дискурс, в свою очередь, — категория фразеоморождающая. Представление в словарной статье концепта необходимо для того, чтобы ретроспективно восстановить цепочку причин и следствий, движущих сил и интенций фразеомозиса. В отличие от фраземознака концепт несколько не обособлен от действительности: он всегда связан с той или иной денотативной ситуацией. Через концепт в дискурс вводится новая событийность. Причём фразеомообразующий концепт представляет не саму реальность, а определенные представления о ней через предметно-чувственный образ, через отношения к которому появляются в нашем сознании смысл и концепт. «При переходе от смысла к <...> знаку образ теряет какое-то количество знаний, но зато вбирает в себя знания, содержащиеся в концепте» [Алимуратов 2003: 47]. Ведущую роль в этом играет дискурс. Именно благодаря дискурсу концепт как целостное образование соответствует означающему фраземному знаку, имеющему многокомпонентную структуру. Соотношение фразеологического значения и совокупности смыслов одноимённого концепта многопланово и причудливо. Так, в концепте «Игра» по существу отсутствуют смыслы 'безделье', 'несерьёзное времяпрепровождение', но они весьма актуальны для фраземы *играть в бирюльки* и её фразеомообразующего концепта «Пустяк» (см. [Алефиренко 2008: 35]).

В смысловой структуре концепта, как неоднократно отмечалось, весьма велика роль субъективных компонентов: 'даром, попусту тратить время'; 'праздность, безделье'. Однако набор таких субъективных компонентов ограничен: субъект действует, мыслит в пределах некоего дискурсивно-смыслового пространства, границы которого с точки зрения данного коммуникативного акта объективны. Другими словами, фразеологическое значение формируется на основе «профилирования» (термин Р. Лэнекера) конкретного высказывания, расстановки смысловых акцентов в данной речемыслительной ситуации.

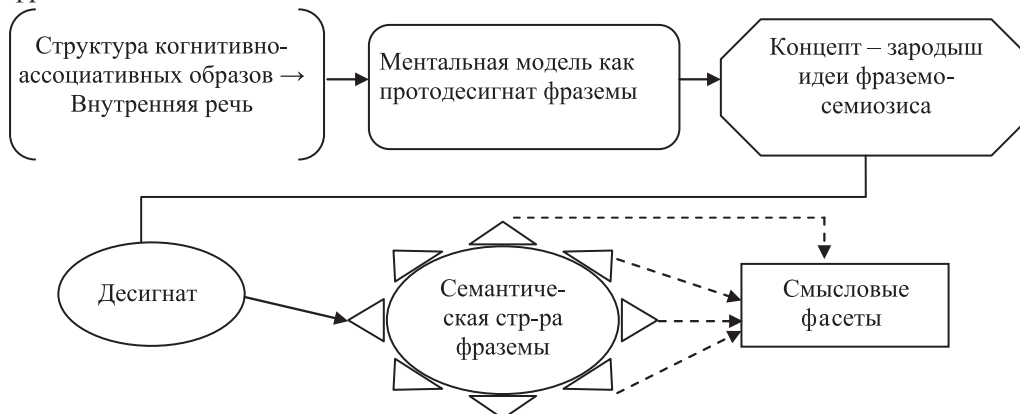
Таким образом, для словарной репрезентации смысла фраземы важным является не только её системное значение, но и значение структуры, которая осмысливается на основе характера субъектно-объектных отношений в рамках высказывания. При этом фразеологическое значение является не узким набором признаков, необходимых для идентификации класса ситуаций, а достаточно широким спектром знаний, в том числе и имплицитных.

Известно, что потенциально важная информация как объект чувственного переживания обычно нуждается не столько в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, передающем ценностно-смысловые отношения к ней субъекта познания, который может быть не только персональным, но и коллективным. Со столь сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации не справиться. Поэтому языковое сознание, подключив ассоциативное мышление, вынуждено искать для этих целей знаковые опосредователи косвенно-производного характера. Наиболее яркими среди них являются фраземы.

Репрезентация знаний о первичной денотативной ситуации, нуждающейся в коммуникативно-прагматической аранжировке, первоначально представляется предзнаком, затем через пропозициональную матрицу и ментальную модель — пропозицией, проецирующей *фреймовую* структуру фразеологического значения (ФЗ). Фрейм — наиболее типичная для фразеологической семантики когнитивная структура потому, что знания в ней формируются вокруг некоторого концепта, с которым и ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация (ср. [Дейк Ван 1989: 16]). Структура фразеологического значения в таком случае приобретает полевую организацию: его ядро по своему генетическому источнику соотносится с концептом, а периферия — с субконцептами единого фразеомообразующего фрейма. Соотносимое с концептом ядро ФЗ представляет собой его *интенционал*, а периферия, соотносимая с объединёнными во фрейм субконцептами, — *импликационал*. Так, ядром значения неофраземы *железный занавес* — ‘маска неприступности’ служит концепт «Непроницаемость», обобщённо представляющий вторичную денотативную структуру «сохранять (делать) индифферентное выражение лица, скрывающее мысли и настроение человека». С первичным денотатом генетическими узлами связан импликационал (периферия ФЗ) «намеренно своим поведением или выражением лица что-л. скрывать». Его денотативными коррелятами являются две устойчивые ситуации: а) «выстраивать прочную, непроницаемую преграду» и б) «внешняя политика закрытого общества». Именно эти денотативные ситуации служат аферентно-ассоциативными источниками фразеологической коннотации первой степени: «маска, скрывающая лицо», ассоциирующаяся с известным образом «железной маски» и т. п. Позже уже на основе ингерентных ассоциаций формируются фразеологические коннотации второй степени: а) «непроницаемое для других выражение лица»; б) «надёжная маскировка». Благодаря тому, что выделенные коннотации находятся между собой в определённых смысловых связях (генетических, парадигматических, эпидигматических), они образуют сложную импликациональную структуру фреймового типа. Для фразеографического описания когнитивно-познавательного поля ФЕ нужно помнить, что в образовании такого рода импликациональной структуры прежде всего принимает участие ментальная модель, которая, являясь дознаковой стадией процесса фраземосемиозиса, всегда предшествует формированию сигнификативного компонента ФЕ.

Взгляд на десигнат фраземознака как *производную* структуру от *соответствующей ментальной модели* делает правомерным обращение к процедурной семантике. Семантика ФЕ, как и любого другого языкового знака, с точки зрения процедурной семантики, является *конечным* результатом процесса вербализации ментальной модели при порождении фразеомоцентрического высказывания и *начальным пунктом* процедуры понимания этого высказывания при его рецепции. Промежуточным, но не менее важным для фразеографии этапом порождения и понимания ФЕ выступает фаза концептуализации (возникновение в сознании концепта — зародыша идеи фраземосемиозиса) и фаза сигнификации (образование десигната — последнее обязательное условие порождения, использования в речи и понимания интенциональной семантики ФЕ (как, впрочем, и смыслового содержания всего фразеомоцентрического высказывания, если под семантикой понимать динамическое единство значения и смысла). Возможность смысловых ва-

риаций ФЕ обеспечивается достаточно гибким импликационалом фразеологической семантики, который можно представить в виде фасет (франц. *facette* — букв. ‘грань’), расположенных вокруг интенционала (предметно-понятийного ядра) фразеологического значения.

В теорию когнитивной лингвокультурологии понятие фасеты вошло с лёгкой руки Ю. С. Степанова. Понятие «фразеологическая фасета» в теорию когнитивной семантики ввела Л. Г. Золотых. Под фразеологической фасетой она понимает «аспектное представление дискурсивного смысла “когнитивного многогранника”, содержащего одну из лингвокреативных интерпретаций фразеологического концепта — импликационала соответствующего фразеологического значения» [Золотых 2007].

Фразеологический концепт может обрамляться несколькими фасетами, каждая из которых отражает соответствующий признак обозначаемой денотативной ситуации. Так, можно говорить о нескольких фасетах концепта «Грусть», каждая из которых объективируется отдельной ФЕ. Ср.: *вешать голову (головушку)*, *вешать нос <на квинту>*, *брать (хватать) за душу (за сердце)*, *скребёт на душе (на сердце)*, *кошки скребут (скребутся, скреблись) на (в) душе [на (в) сердце]*. Однако разные фасеты этого концепта объединяет общий единый символ печального образа, что относится к сфере коллективного бессознательного, специфически проявляющегося в разных лингвокультурах. Ср. фразеологическую репрезентацию того же концепта в украинском языке: *тривога душу (серце) обгортає* чію, (чіє); *душа (серце) не на місці* в кого; *обіймає неспокій* кого; *гризе неспокій* кого; *гризе неспокій (непокій) серце* чіє, кого; *серце завмирає (замирає)* в кого, чіє; *коти (кішки) скребуть (скребли, шкребуть) душу (на душі, на серці, за серце)* в кого; *на серці [наче] миші шкребуть (шкрябають)* у кого.

Одинаковые концепты имеются во многих лингвокультурах. И всё же, порой, невидимые различия между ними есть. Они, как полагает Ю. С. Степанов, касаются лишь способа «технического» представления этого концепта, т. е. его внутренней формы (см. [Степанов 2001]). Благодаря внутренней форме концепты, разными фасетами, словно тени, неотступно сопровождают ФЕ, объединяя их в синонимические ряды и порождая новые фразеосемантические варианты.

Находясь на периферии фразеологической семантики, фасеты чутко реагируют на дискурсивно-смысловое поле, в «силовое притяжение» которого попа-

дает ФЕ. Так, ментальная модель (протодесигнат) отображает концепт «Слухи», который, в свою очередь, является носителем идеи «распространять неправдоподобные сведения». Данная идея в процессе фраземосемиозиса превратилась в десигнат (интенционал, ядро) фразеологического значения 'распускать сплетни / слухи'. Из нескольких фасет (сплетни, слухи, разговоры, трезвон, враньё), которыми располагает импликационал фразеологического значения, в данном дискурсе активизируется фасета 'выдумывать'.

В связи с когнитивно-дискурсивным подходом в словарной статье могут быть выделены два аспекта семантики ФЕ: её смысловая основа и интерпретационный компонент. Имеется в виду способ представления исходного («глубинного») смысла в «поверхностных» значениях, выражаемых лексическими компонентами ФЕ.

Итак, смысловое содержание идиомы в его словарной репрезентации представляет результат взаимодействия языкового значения (семантической амальгамы, формируемой переосмысленными значениями лексических компонентов ФЕ и их фразеоморфологической комбинаторикой), контекстуальной, ситуативно-дискурсивной и энциклопедической информации. В конечном итоге, при составлении словарной статьи следует помнить о таких составляющих раскрываемого смыслового содержания идиомы, как интенциональность, импликации и пресуппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. ПротOVERбальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация // Филол. науки. — 2002. — № 5. — С. 72–81.
- Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики — М.: Элпис, 2008. — 472 с.
- Алимурадов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность. — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. — 238 с.
- Дейк Т. А. ван. Язык. Понимание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 438 с.
- Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. — Астрахань: ИД «Астрахан. ун-т», 2007. — 265 с.
- Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). — М.: Смысл, 2001. — 392 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 315 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академ. проект, 2001. — 990 с.
- Шулежкова С. Г. К истории формирования концепта «Праздник» у восточных славян // Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. — Т. 2. — С. 148–152.
- Barsalou L. W. Frames, concepts, and conceptual fields // Frames, fields and contrasts: New essays in semantic and lexical organization. — Hillsdale, N.J. etc.: Lawrence Erlbaum, 1992. — P. 155–169.
- Johnson-Laird P. N. Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — P. 513
- Spaginska-Pruszk A. Intellect we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwatskiej (z problemów językowego obrazu świata). — Gdansk: Wyd-wo uniwersytetu Gdanskiego, 2003. — 303 s.

IDIOM SENSE CONTENT AS AN OBJECT OF PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION

N. F. Alefirenko

The article reveals cultural and cognitive representation of idiom essential semantic structure in phraseological dictionaries. It is the author's opinion that, on the one hand, sense is objective as it results from reflection of reality, and, on the other hand, it is subjective since being an element of individual consciousness.

Key words: meaning, idiom, concept, sense, phraseme, phraseological symbiosis, sense facts, mental model.

© 2011

Ю. Г. Кокорина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье выделены особенности теории, предмета и объекта когнитивной терминологии, перспективность её использования при построении терминологического словаря конкретной науки.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лексикография, терминология, словарь, концепт.

Когнитивная лексикография в России продолжает традиции отечественного словарного дела. Лексикографию определяют не только как науку (*scientia lexicographica*) но и как искусство (*ars lexicographica*) составления словарей [Дубичинский 2009: 8–9]. В настоящее время выделилась специальная отрасль лексикографии — концептография [Щербин 2007], составлен ряд словарей концептов — концептуариев [Азимов 1985; Бреннан 1997; Степанов 2001]. Представление о когнитивной терминологии формируется на базе традиционной терминологии и лексикографии.

Ю. Д. Апресян выдвинул положение о системной лексикографии, одним из основных принципов которой назвал установку на реконструкцию языковой картины мира [Апресян 2006: 33]. Картина мира, отражаемая в языке, считает Ю. Д. Апресян, во многих отношениях отличается от научной картины мира [Апресян 2006: 35]. Учёный предлагает интегральный принцип описания языка, рассматривая его на примерах глаголов [Апресян 2006]. Интегральным же он называет такое лингвистическое описание, в котором и словарь, и грамматика согла-

Кокорина Юлия Георгиевна — кандидат исторических наук, методист Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: kokorina@inbox.ru

сованы друг с другом по типам помещаемой в них лингвистической информации и по формальным языкам её записи [Апресян 1995: 178]. Такое описание применимо в общей лексикографии и когнитивной лексикографии, но, думается, не в терминографии, т. к. у терминологического словаря иные задачи.

В терминографии следует учитывать требования к толкованиям элементов терминосистемы и их функциям, сформулированные Ю. Д. Апресяном. Функция а) объясняет значение языковой единицы; б) служит основой для установления её места в системе языка; в) является семантическим правилом, применяемым при переходе от синтаксического представления высказывания к его (поверхностно) семантическому представлению, и наоборот; г) служит основой для правил семантического взаимодействия данной единицы с другими единицами в составе высказывания [Апресян 1995: 469]. К толкованиям Ю. Д. Апресян предъявляет следующие требования: 1) нетавтологичность; 2) необходимость и достаточность; 3) ступенчатость (постепенное сведение сложного значения к составляющим его семантическим примитивам); 4) эксплицитность (толкование должно непосредственно содержать все семантические компоненты, с которыми взаимодействуют значения других лексических или грамматических единиц данного высказывания). Первые два требования являются чисто логическими: толкование не должно содержать порочных кругов (нетавтологичность) и должно быть семантически эквивалентным толкуемой языковой единице (необходимость и достаточность) [Апресян 1995: 470, 475].

С. В. Гринёв-Гриневиц выделяет такие направления развития современной теории терминографии, как создание надёжной классификации и типологии специальных словарей; инвентаризация терминологических параметров; анализ влияния методологической установки словаря и её отдельных параметров на качество и особенности его реализации; исследование особенностей композиции словаря специальной лексики; изучение путей отбора и организации терминологической информации в пределах словаря, а также способов машинного представления лексикографических и терминологических данных [Гринёв-Гриневиц 2009: 9].

В задачу нашего исследования не входит составление новой типологии и классификации терминологических словарей, оно основано на уже имеющихся разработках [Лейчик 2009: 206].

В ходе исследования терминосистемы науки целесообразно выявить особенности когнитивной терминографии. Для этого необходимо сравнить традиционную лексикографию и когнитивную лексикографию, традиционную терминографию и собственно когнитивную терминографию по ряду признаков.

1. Предмет научной дисциплины.

Предметом традиционной лексикографии является разработка принципов и методов создания словарей. Предметом когнитивной лексикографии является, соответственно, разработка принципов и методов создания словарей категорий и концептов.

Предметом традиционной терминографии является разработка методологии и конкретных приёмов составления специальных словарей. Определение предмета когнитивной лексикографии включает в себя разработку методологии и конкретных приёмов составления словарей логически осмысленных концептов [Зяблова 2004: 43]. Такие концепты находят свою объективацию в термине.

2. Объект научной дисциплины.

Объектом традиционной лексикографии является языковая система, рассматриваемая как во всём многообразии её выражения, так и в виде её элементов. Это стало одной из основ классификации словарей Л. В. Щербы [Щерба 2004]. Объектом когнитивной лексикографии является языковая картина мира. Объектом традиционной терминологии является терминология или терминосистема конкретной науки или области знания.

3. Все перечисленные научные дисциплины опираются на разные теории.

Теорией традиционной лексикографии выступает лексикология. Теорией когнитивной лексикографии является когнитивная лингвистика. Теорию терминоведения либо считают частью самого терминоведения, либо особой областью знания, сложившейся на стыке терминоведения и традиционной лексикографии [Гринёв-Гриневич 2008: 9]. Объектом когнитивной терминологии можно считать систему категорий и концептов, объединённых в концептуальные поля. Теорию и практику использования семантического поля для построения идеографических словарей разработал Ю. Н. Караулов [Караулов 2010].

4. Если определять центральные задачи каждой из рассматриваемых дисциплин, то традиционную лексикографию можно рассматривать как учение о типах словарей, составе словника и структуре словарной статьи. То же можно сказать и о когнитивной лексикографии. Центральными задачами традиционного терминоведения являются разработка принципов классификации и типологии терминологических словарей, определение научно обоснованных принципов отбора специальной лексики для отдельных типов терминологических словарей, установление единых принципов наиболее эффективного описания терминологической лексики в специальных словарях [Гринёв-Гриневич 2008: 7].

5. Понятие выражается вокабулой в словарях, относящихся к традиционной лексикографии. В словарях, которые могут быть отнесены к сфере когнитивной лексикографии, вокабула называет категорию или концепт. Термин, возглавляющий словарную статью, в словарях, принадлежащих к области когнитивной терминологии, именует логически осмысленный концепт.

В процессе создания словаря определяется система отношений между концептами, обозначенными терминами. Для того, чтобы сформулировать дефиницию, необходимо учитывать связи концептов между собой: 1) детерминацию (определение причинности); 2) конъюнкцию (сложное высказывание, образованное с помощью союза *и*); 3) дизъюнкцию (сложное высказывание, образованное с помощью союза *или*); 4) интеграцию (объединение в целое разных частей или элементов) [Марчук 1992: 33].

«Изучение терминологии в рамках когнитивной лингвистики предполагает построение концептуальной модели данной области знания и определяет взаимосвязи между структурами знания и их языковым выражением» [Новодранова 2006: 83]. Когнитивные исследования в области терминоведения способствуют осмыслению новых, более глубоких проблем термина, в число которых входит проблема отношения человека к окружающему миру и его стремление обозначить в языке результаты своего познания [Алексеева, Мишланова 2007: 10].

Словарь призван отражать концептосферу науки [Кубрякова, Дроздова 2007: 10]. Когнитивная лексикография является продолжением традиционной лексико-

графии, однако их отличают теоретические основы. В науке накоплен значительный опыт составления словарей концептов, чаще — в рамках лингвокультурологического подхода. Представляет несомненный интерес применение когнитивного подхода к составлению терминологического словаря на основе структуры концептуальной области конкретной науки, в чём могла бы заключаться его новизна.

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов А.* Язык науки / пер. с англ. И. Э. Лалаянца. — М.: Мир, 1985. — 280 с.
- Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.* О тенденциях развития современного терминоведения // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. З. И. Комаровой. — Екатеринбург: УрГПИ, 2007. — С. 8–14.
- Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Яз. слав. культур, 2006. — С. 57–69.
- Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. тр. — М.: Яз. рус. культуры, 1995. — Т. 2. — С. 466–484.
- Апресян Ю. Д.* Типы лексикографической информации об означающем лексемы // *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. тр. — М.: Яз. рус. культуры, 1995. — Т. 2. — С. 178–198.
- Бреннан Р. П.* Словарь научной грамотности. — М.: Мир, 1997. — 368 с.
- Гринёв-Гриневиц С. В.* Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь. — М.: URSS, 2009. — 219 с.
- Дубичинский В. В.* Лексикография русского языка. — М.: Наука: Флинта, 2009. — 432 с.
- Зяблова О. А.* К пониманию природы термина с когнитивной точки зрения // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 2–3. — С. 43–46.
- Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / отв. ред. С. Г. Бархударов. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2010. — 360 с.
- Кубрякова Е. С., Дроздова Т. В.* Ключевые понятия науки с когнитивной точки зрения // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко / Ин-т языкознания РАН; Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина. — М.; Рязань: РГУ, 2007. — Вып. 5. — С. 8–13.
- Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. — 4-е изд. — М.: Либроком, 2009. — 256 с.
- Марчук Ю. Н.* Основы терминографии: метод. пособие. — М.: ЦИИ МГУ, 1992. — 76 с.
- Новодранова В. Ф.* Когнитивное терминоведение // *Татаринов В. А.* Общее терминоведение: энциклопедический словарь. — М.: Москов. Лицей, 2006. — С. 82–84.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. — М.: Акад. проект, 2001. — 989 с.
- Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. — 2-е изд. — М.: URSS, 2004. — С. 265–304.
- Щербин В. К.* Термин в зеркале специальной концептографии // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. З. И. Комаровой. — Екатеринбург: УрГПИ, 2007. — С. 92–95.

THEORETICAL GROUNDING IN COGNITIVE TERMINOGRAPHY
(PROBLEM DEFINING)*Yu. G. Kokorina*

The paper deals with theory peculiarities, the subject and object of cognitive terminography, the prospect of its use in compiling terminological dictionaries for concrete branches of science.

Key words: cognitive linguistics, lexicography, terminography, dictionary, concept.

© 2011

О. Б. Абакумова

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СЛОВАРЯ ПОСЛОВИЧНЫХ
КОНЦЕПТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЧНЫХ КОНЦЕПТОВ
«ПРАВДА» И «TRUTH»)

Статья посвящена проблемам лексикографического описания национальных концептов, выявляемых на материале паремий о правде в русском и английском пословичном фондах.

Ключевые слова: пословица, пословичный концепт, падежная грамматика, метод семантических ролей.

В последние десятилетия усилился интерес к лексикографическому описанию языковых явлений, что нашло отражение в появлении разных видов словарей как традиционного, так и нового типа. В области фразеологии и паремиологии необходимо отметить появление «Современного фразеологического словаря русского языка» А. В. Жукова и М. Е. Жуковой [Жуков, Жукова 2009], «Большого словаря русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и Е. К. Николаевой [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010], словаря «Народная мудрость» [Мокиенко, Никитина 2011]. Продолжается работа над словарями языка известных писателей: «Словарь языка Василия Шукшина» В. С. Елистратова, а также фразеологический словарь языка Л. Н. Толстого, над которым работает О. В. Ломакина.

В данной статье хотелось бы предложить вниманию исследователей-паремиологов некоторые мысли по поводу создания словаря пословичных концептов. Под пословичным концептом мы понимаем совокупность семантических ролей, выполняемых именем концепта в семантической структуре пословичного предложения-высказывания.

Расширенный аппарат падежной грамматики, в первую очередь семантический падеж «квалитатив», дающий характеристику объекту через семантику

Абакумова Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета. E-mail: abakumova-ob@mail.ru

предиката и второго актанта и/или сирконстанта, даёт возможность описать универсальные и национально специфические свойства сопоставляемых явлений в двух языковых культурах (см. [Абакумова 2008]). Опираясь на данные русских словарей пословиц, а также английских словарей, базовым из которых является «Словарь пословиц» З. Фергюссон и Дж. Ло [Fergusson, Law 2000], мы выявили около 500 русских пословиц и менее 100 английских пословиц, репрезентирующих концепты «Правда» / «Truth» в русском и английском пословичных фондах. Применив к ним аппарат семантических падежей, мы выявили онтологические, аксиологические, гносеологические и модальные признаки концептов. Метод семантических ролей помогает обнаружить типовые тематические фреймы, отражающие стереотипные ситуации, представленные во внутренней форме пословиц, осмысление которых связано с системой ценностей данной культуры.

Онтологические признаки концепта «Правда» выявляются через следующие категории.

Квалитатив вечности, неизменности представляет ситуацию, в центре которой находится явление, существующее вне времени и никогда не меняющее своих свойств. Речь идет о высшем Принципе, Законе существования, который неизменен: *Всё минется, одна правда останется; Правда есть, так правда и будет; Правда не стареет; Truth never grows old; Truth is always green; What is new cannot be true.*

Квалитатив единственности связан с ситуацией, где представлен объект, который характеризуется своей уникальностью, поскольку отражает единственное реально имевшее место положение дел, реальные факты: *Двух правд не бывает; Правда одна, а на всех её хватает; Лжи много, а правда одна; Truth is always one.*

Квалитатив сокровенности отражает такое свойство объекта, которое указывает на его скрытое существование, на необходимость усилий для его обнаружения: *Всяк правду знает, да не всяк её баёт; Везде правда только своя, а чужую прячут; Truth lies at the bottom of a well; Truth hides in an ugly pool.*

Русский пословичный концепт раскрывает диалектичность явления и выявляет в нём и такие противоположные указанным характеристики, которые не отражаются в английских пословицах и представляют национальную специфику русского концепта.

Квалитатив изменчивости представляет ситуацию, центральный элемент которой меняет свои качества в разных обстоятельствах: *Была когда-то правда, а ныне стала кривда; И ложь правдою стать может; Чья сила, того и правда.*

Квалитатив множественности выявляется в ситуациях, где речь идёт о субъективности интерпретации фактов в зависимости от того, кто их сообщает. *И наша правда, и ваша правда, а кто же Богу ответ даёт?; И твоя правда, и моя правда, и везде правда — а где она?*

Следующая категория обнаруживается в английских поговорках в большей степени, чем в русских.

Квалитатив открытости, простоты представляет ситуации, отражающие очевидность существования описываемого явления: *Правда не боится света; Правда не речиста; Правду не спрячешь; Truth is truth; The language of truth*

is simple; Truth's best ornament is nakedness; Truth fears no trial; Truth needs no colours; Truth is a naked lady; Truth seeks no corners.

Эта категория занимает промежуточное положение между онтологическими и аксиологическими признаками: здесь мы уже наблюдаем приписывание абстрактному явлению чисто человеческих характеристик — прямооты, храброты, прямолинейности через использование аллeгории, особенно в английском языке, где эта категория представлена ярче.

Аксиологические признаки, содержащие оценку исследуемого явления в двух культурах на фоне присущей каждой из них системы ценностей, выявляются через следующие категории.

Квалитатив (высшей) ценности, который представляет ситуацию, в центре которой находится высоко оцениваемый объект, причём в русских пословицах преобладает эмоциональная оценка, а в английских — рациональная: *Правда — свет разума; Правда да вера светлее солнца; Правда дороже золота; Правда сама себя хвалит и величает; На правду цены нет; Truth is God's daughter; Truth has always a sure bottom.*

В русском языке, в отличие от английского, фиксируется категория с противоположным значением: **квалитатив бесполезности, ненужности**, который характеризует объект в рамках отрицательно оцениваемой проблемной ситуации в связи с неуверенностью говорящего в её положительном разрешении: *Хороша святая правда, да в люди не годится; Правдой богат не будешь; Правда в люди не годится, в кивот её поставить да молиться.*

Среди других аксиологических признаков необходимо выделить «**квалитатив силы, могущества**». Фрейм представляет проблемную ситуацию, положительно оцениваемую говорящим в связи с его уверенностью в торжестве справедливости, оптимистичным взглядом на жизнь: *Правда в огне не горит и в воде не тонет; Правда 12 цепей разорвёт; Правда как масло: везде наверх всплывает; Правда силу родит; Правда своё возьмет; Правда шулки не любит; Truth is mighty and will prevail; Truth will conquer, falsehood will kill; Truth will come to light; Truth will out; Facts are stubborn things.*

Русские паремии проявляют свою специфику в наличии категории с противоположным значением «**квалитатив слабости, беззащитности**».

Здесь обнаруживается фрейм низкой качественной оценки объекта, которая связана с неверием субъекта оценки в возможность положительного решения проблемы: *Правда истомилась, лжи покорилась; Не всякая правда напролом бьёт; И правда тонет, когда деньги всплывают; Правдой ни молотить, ни веять.*

Третья важная аксиологическая категория, «**квалитатив опасности, нежелательности**», является одной из самых представленных в англоязычном пословичном фонде, но она выявляется и в русских пословицах, заполняющих фрейм объективного описания положения дел, рациональной оценки объекта как реально существующего, влияние которого необходимо учитывать: *За правду-матку ссылают на Камчатку; За правду да на смерть что на солнце: во все глаза не взглянешь; Правда глаза колет; Truth breeds hatred; Follow not truth too near the heels, lest it dash out thy teeth; Truth is a spectre that scares many; The truth always hurts.*

Квалитатив странности, необычности характеризует нестандартную ситуацию, в которой разрушаются стереотипные представления об объекте, его

свойствах и возможностях: *И то бывает, что овца волка съедает; Truth is stranger than fiction.*

Наиболее представительной и значимой для русского языка является группа **модальных признаков**, где «прескриптив нравственного поведения» берёт верх над «квалитативом необходимости существования».

Прескриптив нравственного поведения описывает ситуацию прямого воздействия говорящего на слушающего, где дидактическая функция пословиц реализуется эксплицитно. Это самая большая в количественном отношении русскоязычная категория: *Чего себе не хочешь, того и другим не твори; Неправдою свет пройдёшь да назад не воротишься; Хлеб-соль ешь, а правду режь; Не рой под людьми яму, сам ввалишься; Каково аукнешь, таково и откликнется; Люби ездить, люби и саночки возить; Better speak truth rudely than lie covertly.*

Квалитатив необходимости существования наблюдается в ситуациях с объективной оценкой событий, где говорящий призывает к нравственному поведению, но уже в имплицитной форме: *Без правды века не изживёшь. Без правды не житьё, а вытьё; Красота лучше, а правда нужнее; Кто правдой живёт, тот добро наживёт; Лучшие горькая правда друга, чем лесть врага.*

Национальная специфика русского концепта проявилась и в категории русских пословиц «**квалитатив адаптивного поведения**», которая выявляется в ситуациях, где люди стремятся приспособиться к существующему положению дел, не выступая открыто в защиту своих интересов. В этом фрейме, как ни в каком другом, проявляется социальная принадлежность русского концепта бесправному классу крестьянства: *Не плачь по правде, обживайся с кривдой; Правда свята, а мы люди грешные; Всяк человек ложь, и мы тож; Умная ложь лучше глупой правды; Не обманешь — не продашь.*

Национальная специфика пословичных концептов проявилась и на уровне **гносеологических признаков**. **Источники правды** в английских пословицах имеют эмпирическую природу. Это доступность через опыт (*The tongue of experience utters the most truth*), через верность традиции (*What is new cannot be true*), через целенаправленные усилия (*Truth lies at the bottom of a well; Truth hides in an ugly pool*) и др. В русском языке национально специфическими оказались следующие источники правды: доступность через ссору и наказание (*Мошенники повздорили — и правда наружу; Кнут не дьявол, а правду сыщёт; Не скажешь подлинную, так скажешь подноготную*), а также «**квалитатив принадлежности высшим силам**»: *За правду Бог и добрые люди; Правда свята на небо взята; Правда живёт у Бога, а кривда на земле; Правда Божья, а воля царская* и др.). Качественную специфику русского концепта представляет «**отрицательный локатив**», когда говорящий отрицательно оценивает ситуацию, не верит в социальную справедливость: *Нет правды на свете; Ищи ветра в поле, а правду — на дне морском; Была правда у Петра и Павла; Была правда, да в лес ушла; Была правда, да в разноевску вся вышла.*

В ядре английского концепта лежат онтологические признаки и рациональная оценка действительности: факты реальной действительности и Закон существования. В ядре русского пословичного концепта онтологические признаки уступают место аксиологическим, в которых преобладает эмоциональная оценка: факты и закон жизни вытесняются стремлением к идеалу, высшей ценности, порядку,

основанному на справедливости, честности. Русская правда — это Истина, которая познаётся через веру, откровение, и Этика, в центре которой стоит человек, живущий в обществе, с его материальными нуждами и потребностями. Доказательством этому служат две категории ядерных аксиологических признаков, так же противопоставленных друг другу, как и все остальные в русском пословичном фонде.

Квалитатив справедливости выявляется в ситуациях, где говорящий объективно-положительно оценивает ситуацию (рациональная оценка), фиксирует причинно-следственные связи между явлениями или действиями и указывает слушающему на его ошибки или комментирует промахи третьего лица: *Сам заварил кашу, сам и расхлебывай; За ушко, да на солнышко; Любишь кататься, люби и саночки возить; Не бей Фому за Ерёмину вину; Чужое добро ребром выпрет; Не пойман — не вор.*

Квалитатив отсутствия справедливости показывает отношение пессимистически настроенного говорящего, отчаявшегося в решении своих проблем: *Не всяк судит по праву, иной и по криву; Руки согрешат, а спина виновата; Как бедняку жениться, так и ночь коротка; Правда что у мизгиря в тенётах: имель пробьётся, а муха увязнет.*

Объём статьи не даёт возможности более подробно представить все имеющиеся материалы, но даёт представление о том, как работает метод семантических ролей в семантике пословиц и как его можно использовать для выявления универсальной и национальной специфики языковой репрезентации национальных концептов и их возможного лексикографического описания.

ЛИТЕРАТУРА

Абакумова О. Б. Пословичные концепты «Правда» и «Truth» в паремическом микро-дискурсе // Россия и Запад: диалог культур: сб. статей XII международ. конференции. Вып. 14, ч. III. — М.: МГУ, 2008. — С. 3–11.

Жуков А. В., Жукова М. Е. Современный фразеологический словарь русского языка. — М.: Астрель, 2009. — 443 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 416 с.

Fergusson R., Law J. The Penguin Dictionary of Proverbs. — 2nd ed-n. — London: Penguin Books, 2000. — 365 p.

SOME ISSUES CONCERNING COMPILING A PROVERBIAL CONCEPT DICTIONARY (BASED ON PROVERBIAL CONCEPTS “ПРАВДА” AND “TRUTH”)

O. B. Abakumova

The paper deals with lexicographic presentation of ethnic concepts based on Russian and English paremia covering ‘Правда’ and ‘Truth’.

Key words: proverb, proverbial concept, case grammar, semantic role method.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ СЛОВ

Создание адекватных и точных толкований слов является одной из важных проблем современной лексикографии. В статье критически рассматриваются словарные дефиниции слов *светлый*, *яркий* и *ясный*, репрезентирующих концепт «Светлый» в русской языковой картине мира. Посредством когнитивной интерпретации семантических признаков, составляющих значение данных слов, анализируются различия в их значениях.

Ключевые слова: когнитивная интерпретация, семантический признак, зрительное восприятие, Наблюдатель, качество восприятия.

Адекватность и точность толкований слов — одна из актуальных проблем современной русской лексикографии, пока не получившая решения. До недавнего времени в русистике приоритетным считался синонимический характер дефиниций в толковых словарях. Это приводило к тому, что словарные определения не всегда давали точное описание значения, а фактически ссылались на одно или несколько близких по значению слов. Так, знакомство со словарными дефинициями прилагательных *светлый*, *яркий*, *ясный*, репрезентирующих концепт «Светлый» в русской языковой картине мира (ЯКМ), показало, что словарные описания не содержат исчерпывающей информации об их значении и предлагают трактовки слов друг через друга (ср. выделенные части определений ниже):

<i>ясный</i>	яркий , сияющий, светлый	[MAC 1984]
<i>ясный</i>	светлый , ничем не затемнённый	[COШ 1997]
<i>светлый</i>	чистый, ясный , не затуманенный	[MAC 1984]
<i>светлый</i>	ясный , прозрачный	[COШ 1997]

Данные языковые единицы могут трактоваться сходным образом и через однокоренные слова:

<i>светлый</i>	... излучающий сильный свет , хорошо освещённый, наполненный светом	[MAC 1984]
<i>яркий</i>	... излучающий сильный свет ... наполненный светом , солнечный	[MAC 1984]
<i>ясный</i>	прозрачный	[MAC 1984]
<i>светлый</i>	чистый, прозрачный	[MAC 1984]

Из совпадения определений следует, что данные слова интерпретируются как имеющие одинаковое значение и, следовательно, должны быть взаимозаменяемы в любом контексте (более того, лексикографические данные не содержат информации о различиях в их значениях и условиях употребления). Действительно, если в контекстах *Вдали мы увидели **ясный** свет приближающегося поезда / **Ясное** солнышко светило на небе* заменить слово *ясный* на *яркий*, получившиеся в результате такой замены высказывания считаются правильными: *Вдали мы уви-*

дели **яркий** свет приближающегося поезда / **Яркое** солнышко светило на небе. То, что эти слова оказались взаимозаменяемыми, однако, не свидетельствует том, что их значения совпадают. Взаимозаменяемость лексем говорит только о том, что описываемая денотативная ситуация допускает различное осмысление, тогда как информация, вносимая этими лексемами (как будет показано ниже) различна.

Вместе с тем существуют случаи, когда при замене слова *ясный* на *яркий* или *светлый* полученные высказывания оцениваются информантами как неправильные. Так, замена лексемы *ясный* на *яркий* или *светлый* в следующих предложениях приводит к неправильным высказываниям: [*Ветерок над рекой утих.*] *В необычайно **ясном** воздухе отчётливо обозначился безлюдный лесистый правый берег* / [*Ветерок над рекой утих.*] **В необычайно **ярком** воздухе отчётливо обозначился безлюдный лесистый правый берег* / [*Ветерок над рекой утих.*] **В необычайно **светлом** воздухе отчётливо обозначился безлюдный лесистый правый берег*; *Утро было тихим и **ясным*** / **Утро было тихим и **ярким*** / **Утро было тихим и **светлым***. Полученные в результате замены неправильные высказывания свидетельствуют о том, что исследуемые слова имеют различное значение и, следовательно, описание их значения требует дальнейшего уточнения.

Проиллюстрируем различия в значениях слов *светлый*, *яркий*, *ясный*, используя когнитивную интерпретацию семантических признаков, составляющих их значение. Для этого сравним ситуации зрительного восприятия, представленные этими словами. Рассмотрим предложения, в которых *светлый*, *яркий*, *ясный* описывают естественный источник излучения, ср.: *Степан замер в блаженном созерцании зелёного леса, голубого неба и **светлого** солнца* (С. Лукьяненко) / *Неужели не увижу я больше **светлого** солнца!* / *Он врачевал душу, поглядывая в окошко на чистые, **светлые** звезды* (С. Сухинов), где для Наблюдателя важно свойство естественных источников излучения давать свет и хорошее впечатление, которое они на него производят (ср.: *На небе — **ясное** ласковое солнышко*, где значимо хорошее качество восприятия *солнца*; ***Яркое** солнце слепило глаза*, где Наблюдатель фиксирует сильное световое воздействие на органы зрения). В отличие от *ясного* и *яркого* солнца, *светлое* солнце — это дающее свет, жизнь *солнце*. В визуальной оценке луны / месяца / звёзд как *светлых* определённую роль играют дополнительными цветовыми характеристиками данных источников излучения — *светлость*, при наличии которой Наблюдатель фиксирует контраст луны / месяца / звёзд на фоне ночи. Таким образом, *светлое* солнце / луна / звезды представлены как дающие свет, характеризующиеся дополнительными цветовыми оттенками и оказывающие приятное впечатление на Наблюдателя. В отличие от слова *светлый*, лексема *ясный* передаёт другую информацию, ср.: *Вдруг на какой-то миг облака прерывались, и тогда было видно зимнее небо, виднелись **ясные** звёзды* (И. Ефремов) / *Люблю стоять под широким небом и глядеть всю ночь, как над тобой стоит тихий, **ясный** месяц* (С. Довлатов), где Наблюдатель визуально оценивает, каков объект (X) (звёзды, месяц) и какое впечатление X на него производит; насколько звёзды, месяц визуально выделяемы, различимы. С другой стороны, он оценивает качество среды восприятия: в данном случае имплицитно задана среда, благоприятная для успешного восприятия, — небо практически без облаков, прозрачный чистый воздух, нет сильного ветра. Прозрачная среда обеспечивает качественное восприятие звёзд, месяца. Наличие в когнитивной структуре слова *ясный* признака качества

восприятия можно проиллюстрировать с помощью других примеров: *В ясном синем небе далеко-далеко летел журавлиный клин / В ясном воздухе было видно, как в лес за вспыхивающим озером шоссе въезжала колонна из пяти крытых брезентом грузовиков* (А. Калинин), где воспринимающий субъект оценивает, каков объект (*небо / воздух*), причём он одновременно фиксирует высокое «качество» восприятия среды (*воздуха / неба*) и других объектов (все объекты чётко очерчены, визуально выделяемы, различимы, не расплывчаты; видно очень далеко). Ср. также: *А ещё говорят, что в ясный день, когда море тихое, можно увидеть под водой на том месте, где стоял когда-то город, башенки соборов и крыши домов, услышать звон колоколов церквей* (В. Зуб) / *В ясную лунную ночь каждая травинка на земле видна* (М. Загоскин), где Наблюдатель также оценивает высокое качество среды восприятия и восприятия других объектов в дневное и ночное время. При этом среда восприятия представлена в данных предложениях имплицитно. В ситуации *Павел щурит глаза, глядя на непривычно яркое летнее небо* зрительное восприятие неба представлено как успешное, информация о качестве неба как естественной среды восприятия объектов отсутствует, акцент, прежде всего, делается на интенсивности воздействия неба на зрительные рецепторы Наблюдателя. Ср. также: *яркая иллюминация*, где акцент делается на интенсивности светового / цветового воздействия *иллюминации* на зрительные рецепторы Наблюдателя, и неотмеченные высказывания **ясная молния* и **ясная вспышка молнии*, где *молния* выступает, прежде всего, как источник кратковременного интенсивного светового излучения и поэтому не может получить качественную характеристику *ясный* (характеризующийся высоким качеством восприятия и визуально выделяемый). Ср.: *За окном — ночь. Вдруг сверкнула яркая молния, и на несколько секунд стало светло как днём / Внезапно я проснулся. Яркие вспышки молнии слепили меня*. В данных примерах *молния / вспышки молнии* оцениваются Наблюдателем с точки зрения интенсивности светового воздействия на зрительные рецепторы. С другой стороны, если видоизменить контекст таким образом, чтобы акцент сместился на хорошую видимость *вспышек молнии*, их визуальную выделяемость, как, например, в высказывании *Затем где-то вдали они увидели поочередно две ясные вспышки (молнии). Гроза уходила в сторону гор*, то приемлемо описание *вспышек молнии* словом *ясный*.

Рассмотрим ситуации восприятия, представленные в словосочетаниях *яркое небо*, *яркий восход / заря / зарево*, где источником интенсивного светового воздействия выступает естественная среда, наполненная *ярким светом* (в отличие от ситуации, описываемой словосочетаниями *ясное небо*, *ясная заря*, *ясный восход*, где акцентируется высокое качество *зари*, *неба*, *восхода* как среды восприятия). При этом, помимо сильного светового воздействия, в данной ситуации важны визуальные характеристики среды, связанные с восприятием цвета и его воздействия на зрительные рецепторы Наблюдателя (далее будем называть эти характеристики цветовым воздействием, которое возникает, когда Наблюдатель испытывает зрительное воздействие при визуальном восприятии объекта с яркими цветовыми характеристиками). Вместе с тем свойство объекта оказывать световое / цветовое воздействие на органы зрения Наблюдателя тесно связано со свойством объекта выделяться на окружающем фоне, создавать контраст. Неотмеченность высказываний **яркий воздух / туман / вода* объясняется тем, что *воздух / туман / вода*

представлены как неспособные оказывать сильное цветовое воздействие на зрительные рецепторы, вероятно, в силу того, что, с одной стороны, потенциально не обладают цветовой характеристикой (ср. неправильные **красный воздух / туман / вода*); с другой стороны, *воздух / туман / вода* представляют собой пространства, и, таким образом, отсутствует фон, на котором они могли бы выделяться, они занимают всё пространство, открытое взгляду Наблюдателя (в отличие, напр., от других объектов: *клубов дыма, жидкости*, которые потенциально могут обладать цветовой характеристикой: *ярко-зелёная жидкость в стакане, из трубы вырывались клубы ярко-жёлтого дыма* — и занимают не всё пространство, доступное взгляду Наблюдателя).

В ситуациях зрительного восприятия, описываемых словосочетаниями *яркие очертания / контуры / линия / полоса*, объекты *очертания / контуры / линия / полоса* представлены как сильно выделяющиеся по силе воздействия на каком-либо фоне. Релевантным в данных ситуациях оказывается то, что *яркие очертания / контуры / линию / полосу* может выделить главным образом человек (нарисовать карандашом, фломастером, красками, мелом и т. п.): *Нужно сделать контуры более яркими* (нарисовать, выделить ярким цветом); *придать чему-либо более яркие очертания*; *сделай эту линию / полосу более яркой*. Ср. неотмеченные: **яркая линия горизонта / *вдали виднелись яркие контуры зданий / *путники, наконец, увидели яркие очертания башни*, где объекты, описанные словом *яркий*, представлены как созданные естественным путём. Напротив, при присвоении объекту качественной характеристики «ясный» *ясную линию, контуры, очертания* создаёт (выделяет, рисует) не человек, а природа, *ясная линия / контуры / очертания* созданы естественным путём. Ср. неотмеченные **Нарисуй ясные контуры здания; Сделай контуры здания более чёткими / ?*ясными* и отмеченные *яркие очертания гор* (нарисованные ярким карандашом на бумаге, создающие контраст), *яркая полоса* (выделяющаяся по силе цветового воздействия и отличающаяся контрастом на окружающем фоне).

Нами рассмотрены не все отличия между исследуемыми словами и представлены не все результаты анализа данной группы единиц. При этом важно подчеркнуть, что исследование семантической стороны языка с позиций когнитивного подхода, т. е. с учётом когнитивных механизмов, участвующих в формировании значения языковой единицы, представляется более эффективным, поскольку делается акцент, прежде всего, на объяснительном характере семантического описания.

Вместе с тем, предлагаемые результаты исследования позволяют судить о сложности проблем, связанных с толкованием языковых единиц, и необходимости дальнейшего поиска путей их решения.

ЛИТЕРАТУРА

- СОШ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М.: Рус. яз., 1997. — 1024 с.
МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1984. — Т. 4. — 790 с.
Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. — СПб.: Азбука, 1999. — Т. 1. — 405 с.

- Ефремов И. А.* Таис Афинская: исторический роман. — Алма-Ата: Жазуши, 1980. — 480 с.
- Загоскин М. Н.* Юрий Милославский, или Русские в 1612 году: исторический роман. — М.: Москов. рабочий, 1982. — 284 с.
- Зуб В. А.* Таинственная надпись: повесть. — Минск: Мастацкая літаратура, 1975. — 158 с.
- Калинин А. В.* Цыган: роман. — М.: Мол. гвардия, 1992. — 573 с.
- Лукьяненко С.* «Л» — значит люди: повести и рассказы. — М.: АСТ, 2000. — 384 с.
- Сухинов С. С.* Рыцари Света и Тьмы: сказочная повесть. — М.: Дрофа, 2004. — 216 с.

COGNITIVE APPROACH TO LEXICOGRAPHIC WORD-DESCRIPTION

A. L. Los'

Accurate and proper word definitions present a challenge to modern lexicography. The article gives a critical review of the current dictionary definitions of words *светлый*, *яркий* and *ясный* that represent concept "Light" in the Russian linguistic world-image. The difference in the word meaning components is revealed through cognitive interpretation of semantic features of these words.

Key words: cognitive interpretation, semantic feature, visual perception, Observer, perception quality.

© 2011

Урве А.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ПОСЛОВИЦ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье показаны возможности использования двуязычного тематического словаря пословиц при реконструкции культурных концептов (на основе сопоставительного анализа русских и эстонских паремий). Рубрики словарной статьи соотнесены с ключевыми идеями и тематическими доминантами концепта. Отражена этнокультурная специфика паремий и приёмы её комментирования в словаре.

Ключевые слова: пословица, двуязычная лексикография, тематический словарь, межъязыковой эквивалент, лингвокультурологический комментарий.

Как известно, сопоставительный анализ паремиологических единиц активно используется лингвистами при реконструкции культурных концептов.

Урве Ая — директор по учебной части Нарвского колледжа Тартуского университета. E-mail: urve.aja@ut.ee

Так, на материале русских и английских пословиц описаны культурные концепты «Дружба», «Взаимопомощь», «Корпоративность» [Коробка 1998], «Труд» [Жуков 2004], «Жена», «Муж», «Дети», «Дом» [Иванова 2006], на материале русских, английских и татарских паремий — этнические, возрастные и гендерные концепты [Салеева 2004], на русском и немецком паремиологическом материале — концепты «Мужчина» и «Женщина» [Кирилина 2006] и др.

Особо ценным лингвокультурологическим источником при реконструкции и исследовании культурных концептов являются тематические словари пословиц, отражающие в своих рубриках ключевые блоки языковой картины мира, культурные доминанты этноса.

Двуязычные тематические словари пословиц позволяют раскрыть лингвокультурологический потенциал паремий одного языка на фоне другого, а значит, глубже проникнуть в их этнокультурную специфику. Кроме того, если в тематическом словаре репрезентируются пословицы двух языков, не имеющих генетической общности, это даёт возможности отличить типологические сходства, языковые и когнитивные универсалии от полного параллелизма, обусловленного родством языков и культур.

Прежде чем приступить к описанию возможностей тематической лексикографической репрезентации русских пословиц на фоне эстонского языка, отметим, что в русской и эстонской паремиографии накоплен богатый опыт тематического описания одноязычного материала (см. [Снегирёв 1995]; [Даль 2000]; [Иллюстров 1915]; [Зимин, Спирин 1996]; [Hussar, Krikmann, Sarv 1984]).

При репрезентации пословиц в двуязычном словаре представляется целесообразным выделение подгрупп внутри тематических групп. Названия подгрупп становятся в словаре рубриками, по которым распределяется пословичный материал.

Так, тематическая группа «Здоровье» структурирована нами следующим образом.

Здоровье в русских и эстонских пословицах представлено как одна из основных жизненных ценностей. Мысль о ценности здоровья может передаваться фразовым заголовком подрубрики: «Здоровье — самое дорогое, что есть у человека» или заголовком в номинативном формате: «ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ». В данную подрубрику войдёт следующий материал. *Здоровье лучше (краше, дороже) богатства (богатырства)* [Даль 2000: 250] — эта русская пословица имеет полное соответствие в эстонском языке: *Tervis on rikkusest parem* [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 336]. В рамках словарной статьи эти пословицы могут быть объединены знаком (=). Эстонский вариант этой же пословицы *Tervis on kõige kallim varandus* (букв. ‘Здоровье самое дорогое богатство’) [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 336] по лексическому составу схож с русским, однако вместо сравнительной степени здесь используется превосходная степень прилагательного — *kõige kallim*, которая передаёт суперлативное значение (высшая степень качества по сравнению с другими). Таким образом, пословица представляет богатство как ценность, состоящую из нескольких частей, самой дорогой из которых является здоровье. Данный эстонский вариант пословицы в тематическом словаре может присоединяться к описанной выше пословичной параллели знаком приближительного равенства (~).

Ценность здоровья может передаваться и такими пословицами, которые в русском и эстонском языках абсолютно различаются по лексическому составу, синтаксической и образной структуре. Такие единицы могут объединяться в словаре знаком (#) или любым другим знаком различия. Буквальный перевод, предлагаемый здесь же, позволит чётче представить этнокультурную специфику паремий на уровне образной структуры: *Деньги — медь, одежда — тлен, а здоровье — всего дороже* [Даль 2000: 250] # *Olgu kuhi kulda või mägi hõbedat — kui tervist ei ole, ei taksa kõik midagi* (букв.: ‘Будь куча золота или гора серебра, а если нет здоровья, то всё это ничего не стоит’) [Krikmann, Hussar, Pino и др. 1980: 817].

Пословицы двух языков советуют человеку беречь своё здоровье. Это должна отразить следующая подрубрика тематического словаря: «ЗАБОТА О СВОЕМ ЗДОРОВЬЕ».

Пословицы предлагают рецепты по профилактике и лечению болезней при помощи различных народных средств: *Баня парит, баня и правит* [Жигулёв 1965: 14]. Эстонская параллель с частичным сходством образной структуры и лексического состава (~) имеет более насыщенный социокультурный фон: *Saun on vaese mehe tohter* (букв.: ‘Баня — лекарь бедняка’) [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 38].

Пословицы данной тематики содержат этнокультурно маркированные компоненты, обозначающие конкретные лекарственные растения и полезные продукты. Так, русская пословица утверждает, что *Лук от семи недугов лечит* [Даль 2000: 249]. Эстонцам также известно это народное средство. Однако, отмечая в пословице целебные свойства лука, эстонцы противопоставляют средства физического оздоровления и воспитания: *Sibul teeb seest terveks, kaseoks teeb otsa kergeks* [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 62] (букв.: ‘Лук вылечивает изнутри, от берёзовой розги зад становится легче’). Буквальный перевод в данном случае покажет различия не только в сфере образности, но и на семантическом уровне. Для такого случая должен быть также предусмотрен специальный графический знак.

Возвращаясь к теме народных лекарственных средств, отметим, что в эстонских паремиях от девяти недугов лечат можжевельник и валериана: *Kadakamari olevat üheksa haiguse vastu* (букв.: ‘Можжевельниковая ягода от девяти недугов’) [Krikmann, Hussar, Pino и др. 1980: 532], *Palderjan olevat üheksa tõve vastu* (букв.: ‘Валериана от девяти недугов’) [Там же]. А различие в употреблении числительных (*семь — девять*) связано с общей символикой числа в русской и эстонской лингвокультурах, ср.: *Семь раз отмерь — один раз отрежь. — Üheksa korda mõõda, üks kord lõika* (букв.: ‘Девять раз отмерь, один раз отрежь’) [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 860].

Национально специфические пословицы рекомендуют использовать в качестве эффективного лекарственного средства также хрен, редьку, капусту: *Хрен да редька, лук да капуста — лихого не попустят* [Даль 2000: 249]; в эстонских, наряду с можжевельником и валерианой, упоминаются папоротник — *Sõnajalg aitab kaheksat seltsi taba vastu* [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 195] (букв.: ‘Папоротник поможет от семи видов болезней’), тимьян — *Nõmmeliivatee on üheksale haigusele* [Krikmann, Hussar, Pino и др. 1980: 532] (букв.: ‘Тимьян от девяти болезней’), а также моча — *Kusi on kuningamehe rohi* [Там же: 859] (букв.: ‘Моча — лекарство королевских людей’). Такие паремии в сопоставительном тематическом

словаре должны получить какое-то специальное графическое обозначение, нацеливающее читателя на восприятие этнокультурной специфики оборота, напр., (*). Кроме того, каждый этнокультурно маркированный компонент пословицы должен получить лингвокультурологический комментарий, изъясняющий его значение и культурный фон. Для целого ряда таких лингвокультурем комментарии уже разработаны и представлены в словарях лингвокультурологического типа:

Редька — *овощ со съедобным толстым светлым корнем, имеющим острый вкус и запах. Редька издавна была на Руси, наряду с репой, одним из повседневных кушаний. Особенно часто редьку ели в посты, которые длились в общей сложности свыше двухсот дней в году* [Фелицына, Мокиенко 1990: 114]. *Такое диетическое питание способствовало очищению организма.*

Как в русских, так и в эстонских пословицах выражается отрицательное, пессимистическое отношение к лечению, лекарям и аптеке. Однако эти пословицы полностью различаются в двух языках: *И хорошая аптека убавит века* [Даль 2000: 250] — ср.: эст. *Tervist apteegist on ju raske tuua: paljukes sealt saab* (букв.: ‘Здоровье из аптеки принести трудно: много ли там получишь’) [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 337]. По-разному выражается в паремиях двух языков и мотив дороговизны лекарств: *Аптекарям предаться — деньгами не жаться* [Симонии 1899: 75] — ср.: эст. *Kohtuleib ja apteegirohi on mõlemad kallid toit* (букв.: ‘Судебный хлеб и аптечное лекарство — оба дорогая пища’) [Krikmann, Hussar, Pino и др. 1980: 784].

Следующая подгруппа темы здоровья представляет пословичный бином (термин Е. И. Селиверстовой [2009]) «ЗДОРОВЫЙ И БОЛЬНОЙ».

Пословицы данной подгруппы отражают мысль о том, что здоровый человек не понимает больного и не принимает его беду всерьёз. При компаративном анализе пословичного материала находим, что русская и эстонская пословицы по лексическому составу и логическому содержанию частично сходны, но эстонский вариант семантически более развернут: *Хворому здоровому не внять* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 948] — ср.: эст. *Terve ei taipa tõbist ega tõbine tervet* (букв.: ‘Здоровому не внять хворого и хворому зрорового’) [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 334].

Часть пословиц имеют нравоучительный характер: *Кто к здоровью относится беспечно, тот болеет вечно* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 369] — ср.: эст. *Kes tervist kaitseb, see kaua maitseb* (букв.: ‘Кто бережет здоровье, тот долго ест’) [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 335]. Логико-синтаксическая модель построения пословиц в данном случае сходна, различие наблюдается в референте высказывания — в одном случае это человек, который относится к здоровью «беспечно», в другом — тот, кто относится бережно.

Таким образом, описанные выше аспекты темы здоровья оказались актуальными для двух народов. Сходства и различия в их интерпретации мы выявили в ходе сопоставления пословичного материала в образно-семантическом плане, что должно быть учтено при структурировании лингвокультурного концепта «Здоровье» на материале каждого из языков.

Кроме того, русские и эстонские паремии отражают и специфические ценностно-смысловые аспекты пословиц о здоровье, характерные для каждой из лингвокультур. Так, для русских оказалась актуальной связь здоровья и продол-

жительности жизни с таким пороком, как пьянство: *Кто вино любит, тот сам себя губит* [Симонии 1899: 127], но с другой стороны: *Пьяного да малого Бог бережёт* [Там же: 68] — это относится и к здоровью человека (подрубрика «ЗДОРОВЬЕ И ПЬЯНСТВО»)

В эстонских пословицах данный мотив не представлен, зато подмечена связь между здоровьем и внешностью: *Kurti tuntakse kõrvadest* (букв.: ‘Глухого по ушам узнают’) [Krikmann, Hussar, Pino и др. 1980: 858], здоровьем и пищей: *Kõva tõbine nõuab kõva toitu* (букв.: ‘Тяжёлому больному нужна крепкая еда’) [Krikmann, Hussar, Normann и др. 1985: 378], здоровьем и народным календарём: *Kui tõnisepäeval sajab, tuleb tõbine aasta* (букв.: ‘Если в Тынисов день идёт дождь или снег, будет хворый год’) [Там же: 394]. Отметим здесь, что Тынисов день по эстонскому народному календарю отмечается 17 января.

Результаты подобного сопоставительного лингвокультурологического описания пословиц двух языков будут востребованы при реконструкции базовых культурных концептов и лексикографической репрезентации пословичного материала, предназначенной для иноязычного адресата.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. Пословицы русского народа. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 608 с.
- Жигулёв А. М. Русские пословицы и поговорки. — М.: Моск. рабочий, 1965. — 360 с.
- Жуков К. А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Великий Новгород, 2004. — 22 с.
- Зимин В. И., Спиринов А. С. Пословицы и поговорки русского народа. — М.: Сюита, 1996. — 543 с.
- Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах. — СПб.: СПбГУ, 2006. — 280 с.
- Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: Сборник русских пословиц и поговорок. — СПб., 1915. — 480 с.
- Кирилина А. В. Гендерные стереотипы по данным языка // Гендер: лингвистические аспекты. — М.: Ин-т социологии РАН, 1999. — С. 105–162.
- Коробка П. Л. Идиоматическая фразеология как лингводидактическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998. — 21 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
- Салеева Д. А. Этнические, возрастные и гендерные концепты в русских, английских и татарских паремиях: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004. — 226 с.
- Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. — СПб.: Мирс, 2009. — 270 с.
- Симонии П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. — СПб., 1899. — 326 с.
- Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. — М.: Университет. тип., 1848. — 503 с.
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. — М.: Рус. яз., 1990. — 220 с.

Krikmann A., Hussar A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vanasõnad: . — Tallinn: Eesti Raamat, 1980–1988. — Т. I. — 1980. — 911 с.

Krikmann A., Hussar A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vanasõnad. — Tallinn: Eesti Raamat, 1980–1988. — Т. II. — 1983. — 866 с.

Krikmann A., Hussar A., Sarv I. Vanasõnaraamat. — Tallinn: Eesti Raamat 1984. — 320 с.

Krikmann A., Hussar A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vanasõnad. — Tallinn: Eesti Raamat, 1980–1988. — Т. III. — 1985. — 911 с.

THEMATIC DICTIONARY OF PROVERBS AS A BASIS FOR CULTURAL CONCEPT RECONSTRUCTION (CONTRASTIVE-COMPARATIVE ASPECT)

Urve A.

The article, based on comparative analysis of Russian and Estonian proverbs, displays possible resort to bilingual thematic dictionary of proverbs when reconstructing cultural concepts. Dictionary entry headings are correlated with key ideas and thematic dominants of the concept. The article also presents ethno-cultural peculiarities of proverbs and their possible dictionary interpretation.

Key words: proverb, bilingual lexicography, thematic dictionary, interlinguistic equivalent, linguistic and cultural comments.

© 2011

С. А. Верескун

ПОСТРОЕНИЕ И ВЕРИФИКАЦИЯ АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В статье представлена методика построения ассоциативно-смыслового поля концепта в идиолекте М. И. Цветаевой. Подчёркивается важная роль лексикографических источников как необходимого инструмента для верификации полученных в процессе анализа данных. Поднимается вопрос о необходимости создания словаря концептов М. И. Цветаевой.

Ключевые слова: концепт, ассоциативно-смысловое поле, лексикографические источники, проза М. И. Цветаевой.

В современном языкознании наряду с вопросами дефиниции, архитектоники, классификации и типологии концептов, их количества, способов вербализации, вопрос о методике изучения и описания концептов — концептуальном анализе — остаётся одним из наиболее дискуссионных. Использование тех или иных мето-

Верескун Светлана Андреевна — аспирант Южного федерального университета. E-mail: Kryska-Svetka@yandex.ru

дов, приёмов и способов выявления, моделирования и описания концептов в каждом конкретном случае зависит не только от сложности объекта исследования, но и от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь, а также от характера лингвистических источников, являющихся материалом для рассмотрения.

Условно все исследования, посвящённые выявлению смыслового объёма тех или иных концептов, можно разделить на две группы. Первую группу составляют работы, в которых концепт изучается в системе какого-либо языка, отражая обобщённое сознание и картину мира его носителей. Во вторую группу входят работы, выполненные на материале художественной литературы в рамках какого-либо идиолекта. Такие исследования, как правило, отличаются более основательной и глубокой проработкой концепта, ибо показывают фрагменты поэтической картины мира автора, индивидуальной концептосферы, которая, безусловно, представляет интерес для филолога-интерпретатора.

Предлагаемая работа посвящена методике анализа концептов на материале прозаических произведений М. И. Цветаевой.

Исследование индивидуально-авторского воплощения художественного концепта необходимо проводить на основе теории текстовых ассоциаций. Каждый элемент структуры текста «является стимулом, рождающим сеть ассоциатов, которые могут эксплицироваться в тексте или существовать имплицитно» [Болотнова 1994: 19]. Имплицитные текстовые ассоциаты не называются в тексте, но возникают, «достраиваются» в сознании читателя как реакции на отдельные слова-стимулы или целые микроструктуры текста. Совокупность текстовых ассоциатов, объединённых в рамках одного направления ассоциирования, образует ассоциативный ряд. Каждое направление ассоциирования отражает одну из граней художественного концепта.

Структура концепта складывается из слоёв (различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике), которые образованы взаимосвязанными смыслами. Таким образом, достаточно эффективным методом описания смыслового объёма концепта в идиолекте М. И. Цветаевой, на наш взгляд, представляется метод построения ассоциативно-смыслового поля (АСП) концепта. Такое поле наглядно репрезентирует иерархию слоёв, составляющих концепт, и связь смыслов внутри этих слоёв.

Прежде чем моделировать АСП какого-либо художественного концепта, необходимо выявить семантические особенности его употребления. Основная трудность при анализе прозы М. И. Цветаевой связана с её отличительной чертой — фрагментарностью. И. Д. Шевеленко в своей монографии отмечает: «Поэтика фрагмента стала композиционной основой практически всей прозы Цветаевой» [Шевеленко 2002: 356]. Действительно, общая композиция её прозаических произведений слабо мотивирована и объединена только авторским «я». Текст разбивается на самостоятельные смысловые отрывки. Анализировать необходимо те отрывки текста, в которых вербализован (через свой *номинал*) исследуемый концепт. Ассоциаты, составляющие АСП данного концепта, выявляются благодаря взаимодействию номината концепта с окружающими лексемами, которые в большинстве своём являются его текстовыми ассоциатами. Каким образом мы можем наглядно представить их связи? На наш взгляд, самым продуктивным способом является построение *смысловых цепочек*, которые включают номинат концепта,

его текстовые, а также внетекстовые ассоциаты (они могут варьироваться у разных исследователей). Смысловые цепочки показывают не только связь текстовых ассоциатов друг с другом, но и причину появления той или иной внетекстовой ассоциации.

В качестве примера рассмотрим отрывок из очерка «Герой труда», где вербализируется концепт «Красный». В очерке описывается выступление одной молодой поэтессы. В памяти героини от её образа остаётся всего лишь одна деталь — малиновый берет: «Остальные, в пару, испарились. От одной, впрочем, уцелел малиновый берет» [Цветаева 1994: 39]. Затем малиновый цвет трансформируется в красный. При этом происходит метонимия: берет замещает свою владелицу: «На эстраде, с милейшей, явнейшей, малиновейшей из улыбок — красный берёт!» [Цветаева 1994: 48]. Далее в тексте красный берет начинает ассоциироваться с солнцем, не только на основе сходства действия («восходит»), но и благодаря цветовому признаку: «И вот, всё ещё безмолвное, постепенное, как солнце восходит, освещая гряды за грядой, ознакомление красного берета с амфитеатром» [Цветаева 1994: 48]. При этом образ солнца вызывает внетекстовые ассоциации ‘свет’, ‘тепло’. Далее красный субстантивируется: «Это выступление было решительным торжеством красного, не флагового кровавого товарищеского, но с поправкой на женское (цвет лица, масть, туалет), красного не площадного — уличного, боевого — но женски-боевого» [Цветаева 1994: 49], актуализируются новые ассоциации. В данном отрывке — оппозиция двух смысловых ассоциативных блоков (первый из которых автор отвергает), входящих в АСП красного цвета: 1) красный, символизирующий революционное начало, бунт, кровь, мятеж, призыв; 2) красный как символ женского «боевого» начала, основным оружием которого является красота. В этом же блоке возникают внетекстовые смыслы: ‘любовь’, ‘страсть’, ‘поэзия’, т. к. обладательница красного берета — поэтесса; о таких В. Я. Брюсов ранее говорил: «... Будем надеяться, что совершающийся по всему миру и уже совершившийся в России социальный переворот отразится и на женском творчестве. Но пока, утверждаю, он ещё не отразился, и женщины всё ещё пишут о любви и о страсти» [Цветаева 1994: 42]. Далее констатируется: «Так, если не в творчестве, то хоть в личности поэтессы, Брюсов в своих утверждениях касательно истоков женского творчества утверждён — был» [Цветаева 1994: 49].

Итак, мы можем построить сложную смысловую цепочку, отражающую структуру концепта «Красный» во фрагменте очерка «Герой труда» (рис. 1):

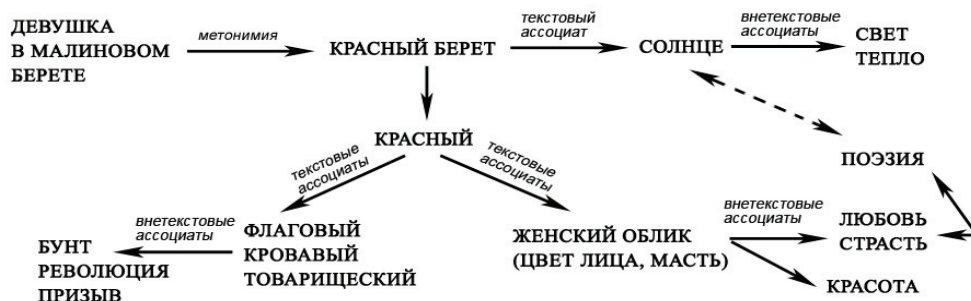

РИС. 1

Проанализировав семантические особенности употребления вербализаторов художественного концепта в текстах, мы сможем построить целостное АСП данного концепта в идиолекте М. И. Цветаевой, что и является основной целью концептуального анализа.

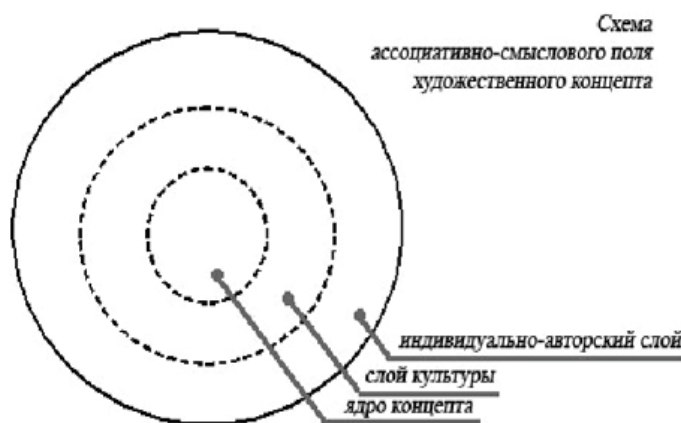

РИС. 2

Структуру АСП любого художественного концепта можно условно представить в виде круга, состоящего из трёх слоев (рис. 2). В центре круга лежит основное понятие, *ядро концепта*, далее идёт *слой культуры*, в который мы поместим смыслы концепта, привнесённые в него культурой. Эти смыслы реализуются и в идиолекте. Отметим, что любая индивидуальная концептосфера строится на основе общезначимой, но при этом важно выявить авторское восприятие концепта. В *индивидуально-авторский слой*, который представляет для нас особый интерес, мы поместим личностно-индивидуальные смыслы, входящие в поле концепта. Границы двух внутренних слоёв даны пунктиром не случайно: эти слои не существуют изолированно от внешнего слоя. В АСП концепта все слои взаимодействуют друг с другом, их смыслы взаимозависимы друг от друга.

В результате анализа вербализации концепта мы получим набор смыслов, которые необходимо будет распределить в приведённой выше схеме согласно степени их узуальности или окказиональности для того или иного концепта. На данном этапе исследования для верификации полученных данных необходимо будет обратиться к лексикографическим источникам разного типа.

1. Установление ядра АСП концепта и заполнение первого слоя требуют обращения к различным толковым словарям, где даётся дефиниция концептуального маркера концепта. Ядро концепта должно состоять из закрытого списка значений (смыслов), которые являются устоявшимися в литературном языке и свойственными общему употреблению. Такие списки значений мы и находим в словарной статье толкового словаря.

Напр., номинат концепта «Красный», лексема *красный*, имеет в «Словаре современного русского литературного языка» [БАС 1956: 1596] значения, некоторые из которых реализуются и в прозе М. И. Цветаевой:

а) имеющий окраску одного из основных цветов радуги; цвета крови и его близких оттенков («... *“грузин” с Триумфальной площади, в красной черкеске, за гривенник зарежет мать*» [Цветаева 1994: 430]);

б) относящийся к революционной деятельности; связанный с советским социалистическим строем («*А под золотом, на самом дне, план расположения всех красных войск*» [Цветаева 1994: 448]).

Таким образом, не все словарные значения вербализатора концепта присутствуют в идиолекте. Но это не относится к концепту «Чёрный», ядро которого полностью совпадает со словарным гнездом значения лексемы *чёрный* [Верескун 2009: 26], что является показателем смысловой многомерности и значимости данного концепта в идиолекте М. И. Цветаевой.

В случае если концептуальный маркер входит во фразеологизмы и идиомы («*Мы богато жили! А всё сама! И бабушка сама, и я сама... Я не могу, чтобы руки зря лежали! Смотрю на руки: ручки: золотые!*» [Цветаева 1994: 464]), необходимо обращаться также к фразеологическим словарям.

2. Чтобы заполнить слой культуры АСП концепта, необходимо установить место данного концепта в картине мира человека, выявить устойчивые ассоциации, связанные с концептом в культуре, к которой принадлежит автор. В этом отношении интересны цветовые концепты: как компонент культуры цвет приобретает сложную и разнообразную систему смыслов, толкований, ассоциаций.

На данном этапе необходимо проанализировать и обобщить данные различных словарей символов и энциклопедий, объектами описания в которых являются не языковые единицы, а понятия. Полезны, напр., «Словарь символов» Дж. Тресиддера, «Энциклопедия символов» Г. Бидерманна, «Словарь символов» Х. Э. Кэрлота. Анализируя цветовые концепты, стоит обратиться к работам, посвящённым символике цвета и цветовому коду («Символика цвета» Я. Л. Обухова; «Введение в психосемантику цвета» П. В. Яньшина). Не следует игнорировать и «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю. Н. Караулова, который отражает модель языкового сознания человека в структуре ассоциативно-вербальной сети.

Вернёмся к отрывку из очерка «Герой труда», проанализированному выше. Не все смыслы в ассоциативной цепочке входят в ядро концепта, некоторые (‘любовь’, ‘страсть’) скорее присущи концепту в культуре, что подтверждает и словарь Тресиддера, где красный характеризуется как «цвет <...> импульса, эмоций, страсти, любви, радости» [Тресиддер 1999: 168].

3. Концептуальные смыслы, которые не отражены в словарях, являются окказиональными и относятся к индивидуально-авторскому слою концепта, полное выявление и описание которого едва ли достижимо. Это связано с тем, что невозможно дать полную, исчерпывающую интерпретацию художественного текста.

В очерке «Герой труда» концепт «Красный» связан с поэтическим творчеством, что является скорее авторской, чем культурной ассоциацией. Широким индивидуально-авторским слоем в идиолекте М. И. Цветаевой обладает концепт «Чёрный» [Верескун 2009: 27].

На данном этапе анализа следует привлечь и словари идиолектов, если таковые имеются. В нашем случае это «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой», содержащий полный лексикон её поэтических произведений.

Итак, мы рассмотрели методику построения АСП концепта и верификацию полученных в процессе анализа смыслов по данным лексикографических источников. Представляется, что аналогичная методика может быть использована для исследования всех важных концептов в идиолекте М. И. Цветаевой. В перспективе материалы исследований должны составить словарь концептосферы М. И. Цветаевой, который с лингвокультурной и когнитивной позиций отразит целостную картину мира одного из самых самобытных и интересных русских поэтов XX века. Очевидно, что создание таких словарей нового типа — «концептуариев» — является актуальным в современной лексикографии и востребованным исследовательскими интересами.

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: АН СССР, 1956. — Т. 5. — 1916 с.

Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. — Томск: ТГПУ, 1994. — 212 с.

Верескун С. А. Смысловое поле концепта «Чёрный» в прозе М. И. Цветаевой // Доклады молодых исследователей: сб. науч. ст. — Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. — С. 26–29.

Тресиддер Дж. Словарь символов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. — 448 с.

Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Эллис Лак, 1994–1995. — Т. 4. — 416 с.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи. — М.: Нов. лит. обозрение, 2002. — 464 с.

CONCEPTUAL ASSOCIATIVE SENSE FIELD FORMATION AND VERIFICATION ON LEXICOGRAPHIC BASIS

S. A. Vereskun

The article presents a conceptual associative sense field method of modeling M. Tsvetayeva's idiolect. Lexicographic sources are recognized as a principal instrument for verifying text analysis data. The author raises an issue concerning compiling M. Tsvetayeva's concept dictionary.

Key words: concept, associative sense field, lexicographic sources, M. Tsvetayeva's prose.

© 2011

О. В. Франчук

МЕШАЙ ДЕЛО С БЕЗДЕЛЬЕМ, ПРОВОДИ ВРЕМЯ С ВЕСЕЛЬЕМ (КОНЦЕПТ «ПРАЗДНОСТЬ» НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

В статье описывается фрагмент русской языковой картины мира, связанный с отношением к праздному проведению времени, безделью. Анализируются материалы различных исторических и лексикографических источников, затрагивающие поведение русского человека в праздничные дни. Исследуются фразеологические единицы со значением ‘бездельничать, ничего не делать, заниматься пустяками’.

Ключевые слова: картина мира, отношение к труду, поведение в праздники, праздность, безделье.

Концепт «Праздность» занимает особое место в русской языковой картине мира. Существует даже своеобразный стереотип, согласно которому русский крестьянин (да и вообще весь народ) на протяжении нескольких столетий отечественной истории резко отрицательно относился к труду, был крайне ленив и либо «лежал на печи», либо вёл праздный образ жизни благодаря огромному количеству официально установленных и почитаемых в народе праздников. Вот что пишет Б. Н. Миронов — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, известный учёный, занимающийся исследованием трудовых отношений и рабочей этики в России: «Трудовая этика большинства рабочих, как и крестьян, в пореформенное время была далека от протестантской. Они работали, как говорили современники, “только по понуждению голода и холода”. Труд рассматривали как тяжкую необходимость, имели весьма скромные притязания и работали ради удовлетворения своих скромных, главным образом, биологических потребностей <...> Православные российские работники, будь то крестьяне или рабочие, предпочитали умеренную работу и любили праздники не потому, что они были ленивыми или глупыми, а потому, что в их системе ценностей труд не занимал столь высокого места, как в системе ценностей работника, воспитанного в протестантской культуре. “Этика праздности”, характерная для всех традиционных обществ, больше соответствовала представлениям российского работника о хорошей жизни, чем этика напряжённого труда. Российский православный народ вплоть до 1917 г. жил по принципам традиционной трудовой морали или по христианским заповедям, т. е. не превращал трудолюбие, деньги и время в фетиши, которым следует поклоняться. Время — не деньги, был он уверен, время — праздник!» [Миронов [http](http://)].

Пресловутой ленью русского пахаря объясняют и отсталость земледелия в России, и низкую продуктивность сельскохозяйственного производства. Тем не менее, по мнению историков и социологов, главная проблема развития земледе-

Франчук Оксана Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: cathjaz@masu.ru.

лия в России кроется в необычайно коротком периоде сельскохозяйственных работ по сравнению с Западом и Востоком. Для пахоты, посева и уборки урожая русский крестьянин имел не больше ста рабочих дней в году, тогда как в некоторых странах Западной Европы перерыв в полевых работах охватывал лишь два месяца — декабрь и январь. В связи с этим плохая обработка почвы, а главное — неизбежность для русского крестьянина труда буквально без сна и отдыха, труда днём и ночью, с использованием всех резервов семьи, даже детей и стариков. «Постоянный дефицит рабочего времени, — пишет Л. В. Милов, — до крайности обострявший спрос на рабочие руки в короткие циклы сельскохозяйственных работ, приводил подчас к уродливым явлениям крестьянской жизни: за соху брались женщины, и доля детского труда была в России необычайно велика. Даже тягло, хотя и в половинном размере, подростки тянули уже с 15 лет. Ради дополнительной рабочей силы крестьяне нередко женили сыновей в 8–9 лет. Эти обстоятельства приводили к тому, что крестьяне едва успевали засеять своё поле и выполнять работы, возлагаемые на них помещиками. Им не всегда удавалось обеспечить себя пропитанием. Поэтому некоторые помещики держали под контролем даже режим питания крестьян. Их приказчики следили, чтобы “беспечные” крестьяне (“лакомцы”, “моты” и “плуты”) не съели за зиму семенной фонд и они, “нерассудные”, не давали бы “волю бабам брать и стряпать без разбору”» [Милов 1992: 39].

Низкая урожайность, зависимость результатов труда от погодных условий обусловили чрезвычайную устойчивость в России общинных институтов, являющихся определённым социальным гарантом выживаемости основной массы населения. Природно-климатический фактор во многом определил и особенности национального характера русских. Прежде всего, речь идёт о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на определённый период времени всей своей физической и духовной потенции. Вместе с тем, вечный дефицит времени, веками отсутствующая корреляция между качеством сельскохозяйственных работ и урожайностью хлеба не выработали в нём ярко выраженную привычку к тщательности, аккуратности в работе. Экстенсивный характер земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в русском человеке лёгкости к перемене мест, извечной тяге к «подройской земле», к беловодью, и в то же время умножили в нём тягу к традиционализму, укоренению привычек.

Главными чертами русской цивилизации, отличающими её, прежде всего, от западной цивилизации, являлись преобладание духовно-нравственных приоритетов жизни над материальными, культ доброты и правдолюбия, нестяжательство, развитие самобытных форм трудового самоуправления. Хозяйственная деятельность для русских людей была частью богатой духовной жизни. Ортодоксальное христианство предполагает страдание в земной жизни как приготовление к жизни вечной. Успешность или неуспешность на земле не имеют никакого значения для будущей жизни. Для неё имеет значение только праведность, под которой подразумевается, прежде всего, покорность жизненным обстоятельствам, данным как испытание Богом. При этом спасение обретается не преодолением сложных жизненных обстоятельств, а духовной отстранённостью от них, и чем более человек страдает в этой жизни, тем более он достоин райских благ в будущем. Именно в праздники православный христианин должен был полностью отрешиться от земных забот и посвятить всё своё время служению Богу.

Исконное значение слова **праздный** ‘незанятый, пустой, свободный от дел’ «заимствовано из церковнославянского ‘незанятый, пустой, без дела’, праздность ‘безделье’, упразднить ‘уничтожить’, общерус. праздник ‘нарочитый, нерабочий день в честь лиц и событий’, рус. порожний ‘пустой’, порожнить, опорожнить, опоражнивать (напр., посуду); порожняк, нареч. порожняком ‘без клади’ (об извозчике), пустопорожний (о месте). Неизвестного происхождения» [Преображенский, 2, 1959: 121]. По данным Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. (далее ДРЯ) прилагательное **праздъный** употреблялось в древнерусском языке в нескольких значениях: 1) ‘не занятый работой, делом, не имеющий работы’; 2) ‘не заработанный трудом’; 3) ‘предающийся праздности, безделью, ленивый’; 4) ‘относящийся к празднику, праздничный’; 5) ‘незанятый, свободный, пустой’; 6) ‘недействительный, не имеющий законной силы’; 7) ‘пустой, суетный’ [ДРЯ, 7, 2004: 469–470]. Существительное **празднь** в памятниках указанного периода функционировало в значениях: 1) ‘бездействие, незанятость работой, делом’; 2) ‘бездействие’ [ДРЯ, 7, 2004: 470–471].

Традиция не работать в воскресенье и праздники уходит в глубину веков (см. [Шулежкова 2010]). Она освящалась не только обычаем, но также церковью и поддерживалась законом, начиная с «Уложения 1649 г.» В праздники разрешались непроеизводительные работы по дому: приготовление пищи, корм скота, уход за детьми. В некоторые праздники допускалась коллективная работа за угощение или бесплатно в пользу бедных, вдов, крестьян, пострадавших от пожара или какого-нибудь несчастья. Любая другая работа в праздник считалась грехом. Крестьяне верили, что за работу в праздник виновный понесёт убыток вдвое больше дохода от работы. Работа в праздники ассоциировалась с грехом и нарушением закона. «Община следила за выполнением данного закона и наказывала нарушителей чаще всего денежным штрафом. В случае сопротивления крестьяне не останавливались перед тем, чтобы применить к нарушителю насилие — избить и сломать инвентарь. Если община не могла самостоятельно справиться с нарушителями, она обращалась за помощью к полиции, которая наказывала виновных денежным штрафом или кратковременным арестом. Величина штрафа колебалась по местностям и зависела от важности праздника. Напр., в начале XX в. величина общинного штрафа колебалась от 50 коп. до 4 р. — существенная сумма: средний дневной заработок сельского рабочего составлял от 20 до 50 коп. Полицейский штраф достигал 20 р.» [Миронов [http](http://)].

По мнению исследователей, в России накануне 1861 г. годовой баланс времени православного крестьянина имел такой вид: «примерно 70 полных 10-часовых рабочих дней крестьянин работал в своем хозяйстве, столько же — на барина и государство. Нерабочих дней было 225. Из них выходных — 52, праздников — 43, а 135 дней приходились на непогоду, важные семейные события (рождения, свадьбы, похороны), на болезни, общественные дела, поездки на ярмарку и другие дела, не связанные с производством. В целом, рабочее время составляло 38 %, а нерабочее — 62 %. Через 11 лет после отмены крепостного права число праздников увеличилось на 15, через 41 год — на 33, и, соответственно, доля рабочего времени упала до 29 %» [Миронов [http](http://)]. Крестьянин любил праздники, потому что они позволяли выйти за пределы каждодневных забот, подняться над повседневностью со всеми её невзгодами, лишениями, повинностями, социальным не-

равенством и несправедливостью, зависимостью от властей, и окунуться в мир радости, беззаботного веселья и свободы. В праздник крестьянин никому не подчинялся, никого не боялся — это была зона, недоступная для помещика и властей. Не случайно в русском языке сохранились паремии *Всякая душа празднику рада; В праздник у Бога все равны; Такой праздник, что в этот день и грешников в аду не мучат* [Мокиенко 2010: 716]. Опыанение в праздник не считалось грешным или предосудительным: *Для праздника Христова не грех выпить чарочку простого; Праздник любить, так и пиво варить; В праздник и у воробья пиво* [Даль, 1, 1990: 381].

Для православного христианина праздники не считались потерей времени — чем больше было праздников, тем лучше казалась жизнь. Анализ пословиц и поговорок, посвящённых труду и праздности, показал, что русский крестьянин чётко разграничивал время и уместность веселья и беззаботного ничегонеделанья: *У ленивого вечный праздник; Лодырь да бездельник празднуют и в понедельник; Плохой праздник в дому, если мусор лежит на полу* [Мокиенко 2010: 716].

Присущее корню **праздн-** значение ‘пустой, не занятый делом’ было характерно и для слов **вездѣлькѣ, вездѣльнын, вездѣльно** [ДРЯ, 1, 1988: 117]. Однако уже в памятниках XI–XIV вв. названные слова указывают не только на отсутствие дел и «ничегонеделание», но и на ‘занятость незначительными делами, пустяками’ [ДРЯ, 1, 1988: 117]. Материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» подтверждают эту информацию и фиксируют новые значения существительного **вездѣлье** и прилагательного **вездѣльный**, явно свидетельствующие о развитии отрицательной коннотации у приведённых слов: **вездѣлье** — <...> ‘бесчинство, безобразие; плутовство, мошенничество; небылица, вымысел, вздор’ [СРЯ XI–XVII, 1, 1975: 105]; **вездѣльный** — <...> ‘незначительный, ничтожный; недозволенный, противозаконный; бесчестный, наглый, непристойный; лживый, ложный’ [СРЯ XI–XVII, 1, 1975: 106].

Фразеологический фонд современного русского языка содержит единицы со значением ‘ничего не делать, бездельничать’. Характерно, что среди таких фразеологизмов лишь небольшая часть реализует сему ‘вообще ничего не делать, бездействовать’: *бить баклуши* (см. [Молотков 1978: 36]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 39]; [Тихонов, 1, 2004: 56]); *бить шабалу (шабалы)* [Тихонов 2004: 779]; *лодыря гонять* [Молотков 1978: 116]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 346]; *лежать на боку (на печи)* [Молотков 1978: 222]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 445]; *сидеть на печке* [Тихонов, 2, 2004: 336]; *плевать в потолок* [Молотков 1978: 322]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 467]; *сидеть сложа руки* [Молотков 1978: 433]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 503]. Отдельную подгруппу составляют фразеологические единицы со значением ‘заниматься пустяками или бесполезным делом’: *играть в бирюльки* [Молотков 1978: 179]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 447]; [Тихонов 2004: 451]; *толочь воду (в ступе)* [Молотков 1978: 478]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 89]; *переливать (пересыпать) из пустого в порожнее* [Молотков 1978: 316]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 479]; *разводить бодягу* [Молотков 1978: 378]; [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 52]; [Тихонов, 2, 2004: 195]; *разводить муру* [Молотков 1978: 378]; [Тихонов, 1, 2004: 612]; *считать галок (ворон, мух)* [Молотков 1978: 467]; [Тихонов, 1, 2004: 614].

Сема 'отсутствие активного действия, бесполезное времяпровождение' реализуется также и во фразеологизмах со значением 'бродить без дела, ротозейничать': *слоны (слонов) слонять (водить, продавать, гонять)* [Молотков 1978: 434]; [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001: 532]; [Тихонов, 2, 2004: 370], диал. *шатор шататься, шмоном шмоняться, гульню гулять* [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001: 532]; *шлифовать тротуар (мостовую, проспект и т. д.)* [Тихонов, 2, 2004: 795] и во фразеологизмах со значением 'проводить время в пустых разговорах, бесполезной болтовне': *бобы (на бобах) разводить* [Молотков 1978: 377]; [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001: 51]; [Тихонов, 2, 2004: 195]; *точить лясы (балясы)* [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001: 358]; [Тихонов, 1, 2004: 560]; *разводить тары-бары (растабары)* [Молотков 1978: 378]; [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001: 565]; простор. *разводить турусы (турусы на колесах)* [Тихонов, 2, 2004: 549].

Как известно, фразеологические единицы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы. В своих статьях мы неоднократно обращались к представлениям древних славян о плясках, развлечениях, играх и о реализации концепта «Веселье» в русской языковой картине мира (см. [Франчук 2007, 2010]). Анализ языковых единиц, вербализующих представление о безделье и праздности, показал, что бездействие, занятие бесполезными делами и пустяками не имело ничего общего с поведением русского человека в воскресные и праздничные дни. Способность русского человека к крайнему напряжению сил во время трудового процесса находила своеобразное выражение в безудержном веселье на празднествах и гуляниях, в то время как безделье и праздность вызывали у русских людей резкое осуждение и неприятие.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. — СПб.: Фолио-Пресс, 2001. — 704 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Рус. яз., 1989–1991.
- ДРЯ: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / гл. ред. Р. И. Аванесова. — М.: Рус. яз., 1987–2004. — Т. 1–8 (изд. продолжается).
- Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. — 1992. — № 4–5. — С. 37–56.
- Миронов Б. Н. Отношение к труду в дореволюционной России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/10–2001/015Mironov_1.pdf (дата обращения: 15.05.2011).
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. — М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. — 1024 с.
- Молотков: Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд., стер. / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков. — М.: Рус. яз., 1978. — 543 с.
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1959.
- СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975–2008. — Вып. 1–28 (изд. продолжается)
- Тихонов: Фразеологический словарь современного русского литературного языка:

в 2 т. / сост. А. Г. Ломов, А. В. Королькова, А. Н. Тихонов / под ред. А. Н. Тихонова — М.: Флинта: Наука, 2004.

Франчук О. В. Представление о веселье в языковой картине мира древних славян (игры, песни, пляски) // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: коллект. моногр. / под ред. С. Г. Шулежковой: в 2-х ч. — Магнитогорск: МаГУ, 2007. — Ч. 1. — С. 33–40.

Франчук О. В. Эволюция представлений о развлечениях и играх в концептосфере славян // Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции её развития: коллект. моногр.: отв. ред. С. Г. Шулежкова. — Магнитогорск: МаГУ, 2010. — С. 58–79.

Шулежкова С. Г. К истории формирования концепта «Праздник» у восточных славян / Фразеология, познание и культура: сб. докладов 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7–9 сентября 2010 г.): в 2 т. / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. — Белгород: БелГУ, 2010. — Т. 2. — Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. — С. 148–152.

WORK DONE, HAVE YOUR FUN (CONCEPT “IDLENESS” ACCORDING TO HISTORICAL AND LEXICOGRAPHIC SOURCES)

O. V. Franchuk

The article deals with a fragment of the world-image pertaining to idleness. It presents the analysis of different historical and lexicographic sources that touch upon the behavior of Russians during holidays. It examines set phrases denoting idleness, trifling, dillydallying.

Key words: world-image, attitude to work, holiday behavior, idleness.

© 2011

Т. М. Воронина

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СМЕЖНЫХ КОНЦЕПТОВ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТОВ СФЕРЫ «ИНТЕЛЛЕКТ» И СФЕРЫ «ОБРАЗОВАНИЕ»)*

В статье рассматриваются сходства и различия метафорической репрезентации концептов сферы «Интеллект» и сферы «Образование» в русском языке (на материале словарных статей Лингвокультурологического словаря концептов под ред. проф. Л. Г. Бабенко).

Ключевые слова: семантика, метафора, концепт, лексикографическое представление.

Рассмотрение особенностей метафорической (ассоциативно-образной) репрезентации концептов сферы «Интеллект» и сферы «Образование» осуществ-

Воронина Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького. E-mail: tmv313@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы)» № 2.1.3./14060.

вляется на материале концептов «Умный», «Дурак», «Знания», «Образованный», «Необразованный», описание которых выполнено в рамках работы над проектом лингвокультурологического словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации», над которым работает межвузовская проблемная группа «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко.

Совокупность представлений об интеллектуальных качествах человека и образованности / необразованности — важный фрагмент концептуальной и языковой картины мира. Об этом свидетельствует, в частности, значительное количество языковых средств их репрезентации — лексических, в том числе синонимических, а также фразеологических, паремиологических.

Говоря о том, что понимается под ключевыми концептами русского языка, Л. Г. Бабенко пишет, что это «концепты, аккумулирующие знания о самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире <...> Для того, чтобы выявить парадигму подобных ключевых концептов, мы учитываем следующие факторы: во-первых, многообразие грамматической интерпретации ментальной сущности отдельного концепта, т. е., другими словами, его представленность в “масках” различных частей речи <...> Во-вторых, чрезвычайно показательными оказываются частотные данные Словаря-Тезауруса синонимов русской речи, которые также показывают, какие сферы бытия наиболее значимы для русского национального сознания» [Бабенко 2010: 9–10].

Известно, что значимость для говорящих тех или иных фрагментов действительности проявляется также в разработанности средств вторичной номинации для их отображения в языке; особенно это касается обозначения абстрактных понятий, в процессе которого, как отмечает Н. Д. Арутюнова, мы «ассоциируем абстрактные понятия с конкретными осязаемыми предметами, поскольку это единственный способ, имеющийся у нас в распоряжении, для того, чтобы унифицировать мир идей и мир вещей» [Арутюнова 1976: 94]. Метафорическая составляющая рассматриваемых концептов — зона периферийная, т. к. на её уровне осуществляется «ассоциативно-образное совмещение фактов, событий, явлений действительности» [Бабенко 2010: 15], при этом в значительной степени разработанная; информация об особенностях такого совмещения содержится в семантике единиц разного уровня, обладающих внутренней формой, — переносных метафорических ЛСВ, фразеологизмов, паремий.

Рассмотрим сходства и различия в образной репрезентации концептов сферы «Интеллект» и сферы «Образование». Прежде всего отметим, что эти сферы пересекаются, хотя по данным синоптической схемы, предложенной Л. Г. Бабенко, «Интеллект» входит в категорию «Человек и его внутренний мир», а «Образование» — в категорию «Общественно-государственная сфера». Ср. отражение этой пересекаемости на уровне приядерных когнитивных признаков концептов: «Знания связаны с образованностью человека, их человек получает, специально обучаясь» [Знания]; «Образованность — прежде всего интеллектуальное качество человека: наличие в его памяти, опыте каких-либо знаний, данных, познаний, сведений относительно кого-, чего-либо и умение ими пользоваться в научной или практической деятельности» [Образованный]; «Здравый ум, сообразительность могут быть даны человеку от природы, но могут и приобретаться благодаря

образованию» [Умный]; «Умственная ограниченность может быть связана с отсутствием необходимых природных задатков, с недостаточным уровнем развития интеллекта из-за отсутствия необходимого образования или опыта» [Дурак].

Пересекаемость на уровне приядерных когнитивных признаков обуславливает в определённой степени и пересекаемость на уровне ассоциативно-образных ассоциаций. Так, активно реализуются следующие метафоры:

— метафора света / темноты (*просвещённый, непросвещённый, серый, тёмный, дремучий*; *Учение — свет, а неученье — тьма; Невежество хуже тёмной ночи; Неграмотный — что слепой* [Образованный, Необразованный]; *осветить, пролить свет* [Знания]; *умом не блещет; Голова без ума, что фонарь без огня* [Дурак]; *озарить, проясниться, светлая голова* [Умный]);

— метафора богатства, изобилия, ценности / бедности, недостаточности, пустоты, бесполезности (*обогащать, пополнить знания, опыт; Золото добывают из земли, а знания — из книги; Учение — лучшее богатство* [Образованный]; *Без наук как без рук; Человек неучёный — что топор неточёный: можно и таким дерево срубить, да трудов много* [Необразованный]; *Знание лучше богатства* [Знания]; *скудоумный, пустоголовый, винтиков не хватает, не все дома* [Дурак]);

— метафора силы, энергии, движения / слабости, пассивности, статичности (*Верёвка крепка повивкой, а человек — знанием; Знание — сила; крепкие, твёрдые знания* [Знания]; *на лету схватывать, острый, подвижный ум* [Умный]; *звёзд с неба не хватать, тупой, тупоголовый* [Дурак]; *сильный специалист; силен кто-либо в чём-либо; Рука победит одного, знания поборют тысячи; Незнайка лежит, а знайка далеко бежит; С грамотой вскачь, без грамоты хоть плачь* [Образованный]; *слабый студент; слаб кто-либо в чём-либо; От знаний уйдёшь — в хвосте пойдёшь; Учёный идёт, а неучёный спотыкается* [Необразованный]). В соответствии с метафорой движения знания могут уподобляться вещам, необходимым человеку в пути (*багаж*), причем не особенно обременительным, но полезным (*Знание да наука на вороту не виснут; Знания не кошель: за плечами не носить; Знания никому не в тягость*).

Различия в основном касаются интерпретации ума / глупости скорее как природных качеств, а знания как приобретаемого: *Бог дал / не дал ума vs. Мудрым никто не родился, а научился*. Поэтому для знаний конкретизируются различные способы их получения путём активных действий, часто с приложением усилия: *проникать, докапываться, раскапывать, прорабатывать, одолевать*. Возможно, поэтому для называния глупого человека часто используются природные, вещественные и зооморфные метафоры (*дубовая голова, пень, медный лоб, тупой, баран*), т. е. наименования объектов, которые в принципе не могут быть или стать носителями интеллекта; между тем характеристика необразованного человека, как представляется, менее категорична, для неё используется метонимическая метафора — названия предметов и ситуаций, связываемых с бытом людей, традиционно воспринимаемых как далёкие от образования: *лапоть, валенок, сапог; лаптем щи хлебают; живёт в лесу, молится колесу; серый как сибирский валенок*.

Отметим также, что образование рассматривается как способ организации ума, развития интеллекта (*Учить — ум точить*), а необразованность часто связывается с глупостью (*Кто не учён, тот глуп*); считается, что глупому от природы человеку образование не на пользу (*Дурака учить — что мёртвого лечить; Тупо*

сковано — не наточишь, глупо рождено — не научишь). Однако интеллект и образованность не отождествляются. Так, в пословицах отражено представление о том, что образование не может заменить собой природного ума, способности к самостоятельному мышлению и т. д.: *Лучше не учён, да умён, нежели учён, да глуп; Не нужен учёный, а нужен смыслённый; Учёный дурак хуже прирождённого; Книга книгой, а и своим умом двигай; Знание — половина ума.*

Таким образом, параллельное рассмотрение способов репрезентации смежных, пересекающихся концептов — не только на уровне совмещённых когнитивных признаков, но и на уровне образных ассоциаций — позволяет увидеть их взаимосвязь и противопоставленность.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1976. — 383 с.

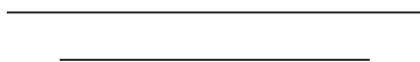
Бабенко Л.Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. — Екатеринбург: УрГУ, 2010. — С. 3–19.

SIMILARITY AND DISSIMILARITY BETWEEN METAPHORIC CONSTITUENTS OF RELATED CONCEPTS (BASED ON THE CONCEPTS “INTELLECT” AND “EDUCATION”)

T. M. Voronina

The article deals with similarities and dissimilarities between metaphoric representations of the concepts “Intellect” and “Education” in the Russian language (based on “Linguocultural Dictionary of Concepts” edited by prof. L. Babenko).

Key words: semantics, metaphor, concept, lexicographic representation.

© 2011

А. М. Плотникова

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В СЛОВАРЕ КОНЦЕПТОВ*

Статья посвящена рассмотрению принципов лексикографической параметризации концептов, отображающих социальные действия и отношения, в словаре «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко.

Ключевые слова: структура концепта, концептуализация, когнитивные признаки, словарь.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики можно наблюдать, как осуществляется переход от изучения отдельных концептов к рассмотрению концептосфер, свойственных национальной культуре в целом или отдельной языковой личности. Ещё на начальных этапах концептуальных исследований учеными был осознан тот факт, что концепты не существуют изолированно друг от друга и только изучение из взаимодействия даст ключ к пониманию устройства ментального лексикона.

В последнее время увлечённость исследованием отдельных концептов вызывает справедливую критику. Так, Н. Н. Болдырев пишет о том, что научная новизна таких работ вызывает сомнение, т. к. общие принципы и механизмы анализа концептов были изложены в первых работах подобной тематики [Болдырев 2007: 18].

Одним из способов преодоления атомистического подхода, рассматривающего концепт как некую дискретную единицу вне её связей с другими концептуальными структурами, является создание словарей и антологий концептов. Издание таких словарей и антологий встречает справедливую критику, обусловленную нечёткостью в принципах выборки материала и различиями в теоретических принципах и практических моделях описания концептов.

Размышляя над принципами организации словаря концептов, Л. Н. Чурилина затрагивает важную проблему субъективности вербализуемых концептами смыслов, связанную с выбором в качестве материала текстов определённых стилей и жанров: «Концептуальный анализ может иметь как минимум два направления: 1) от реконструкции индивидуальных концептов (вариантов) к моделированию инварианта и обратное; 2) от создания инвариантной модели к выявлению возможных вариантов её реализации» [Чурилина 2009: 443]. В связи с этим исследователем отмечается необходимость установления критериев для отбора текстов.

При создании словарей и антологий концептов возникает также проблема моделирования концептуальной информации в словарных параметрах. Отмечая

Плотникова Анна Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького. E-mail: anpamp@yandex.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы)» № 2.1.3./14060.

различия в процедуре и методах концептуального анализа, Е. С. Кубрякова пишет: «Концептуальный анализ — это отнюдь не какой-то определённый метод (способ, техника) экспликации концептов <...> соответствующие работы объединены некоторой относительно общей целью, а что касается путей её достижения, то они оказываются разными» [Кубрякова 1994: 3]. Действительно, в современной лингвистике разработано множество моделей концептуального анализа (работы Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, С. Г. Воркачёва, З. Д. Поповой и И. А. Стернина, В. А. Масловой, М. В. Пименовой и др.), выделены и охарактеризованы сотни концептов.

Хотя всеми исследователями признаётся сложность, неоднородность структуры концепта, в практике анализа концепт моделируется как совокупность слоёв, обычно образующих поле (С. Г. Воркачёв, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин). При этом концепт метафорически уподобляется облаку, снежному кому или плоду с косточкой. Эти метафоры подчёркивают, что концепт имеет «слоистое» (по определению Ю. С. Степанова) строение.

Полевой подход используется и в проспекте словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации» (под общей редакцией Л. Г. Бабенко). К ключевым концептам в этом словаре Л. Г. Бабенко относит «концепты, участвующие в формировании наивной картины мира, то есть концепты, аккумулирующие знания о самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире» [Концептосфера 2010: 9]. Выбор ключевых концептов осуществляется с опорой на идеографическую классификацию русской лексики.

Рассмотрим, как отражена в указанном словаре концептуализация социальной сферы и какие модели использованы для лексикографической параметризации концептов. Обращение к научной литературе по социологии, социальной философии, социальной психологии и другим областям знания позволяет утверждать, что социальная стратификация (выделение классов, социальных групп) является теоретической проблемой целого ряда научных дисциплин. В литературе существуют различные определения социальной системы и социальной среды, по-разному осмысливается соотношение понятий «социальное» и «общественное». Не углубляясь в проблематику этих исследований, отметим, что социальные отношения будут рассматриваться в работе как взаимодействие между людьми, включающее обмен информацией, установление и поддержание контакта, оценивание самих себя, групп, социальных общностей в процессе межличностного общения. Социальными действиями называются как отдельные поступки людей, так и в целом их поведение, образ и стиль жизни, определяемый профессиональной принадлежностью, отношением к собственности, отношением к себе и к другим членам социума. В сферу социального попадают отношения между людьми в различных сферах и областях: трудовые и профессиональные отношения, национальные отношения, ролевые взаимоотношения между людьми в социальных структурах разного рода: отношения неравенства (вышестоящий по статусу — низостоящий); отношения равенства (дружбы, взаимопомощи, влияния, соседства и т. д.). Сложность в определении границ сферы социального определяет и трудности, возникающие при классификации лексики, относящейся к этому классу, и те проблемы, которые возникают при выделении концептов.

Напомним, что в словаре концептов использован индуктивный путь, при котором ключевые концепты определяются на основании лексических репрезентаций. Рассмотрение лексики, отображающей сферу социальных действий и отношений, позволяет сгруппировать её в такие категории, как общие социальные понятия, социальная деятельность, социальные отношения, поведение человека. Каждая из этих категорий имеет сложную внутреннюю структуру. Например, насколько обширен и разнообразен класс слов, обозначающих социальные отношения, можно судить по тому множеству социальных отношений, в которые вступает человек, будучи членом различных макро- и микроструктур общества. В структуре категории «социальные отношения» выделяются две подкатегории — социальное взаимодействие и социальное противодействие. На основании количества лексических, фразеологических и паремиологических репрезентаций и их национально-культурной значимости в подгруппе *Социальное взаимодействие* в качестве ключевых концептов выделены концепты «Помощь» и «Коллективизм», в подгруппе *Социальное противодействие* — концепты «Борьба» и «Победа», в подгруппе *Поведение человека* — концепты «Обман», «Лень», «Озорство», «Хвастовство».

К ментальным составляющим концепта относится совокупность когнитивных признаков, среди которых выделяются ядерные и приядерные. Для концепта «Помощь» зона ядерных признаков формулируется следующим образом: содействие, участие в чем-либо, приносящее облегчение, спасение кому-, чему-либо.

Приядерная зона концепта, как указывает Л. Г. Бабенко, «формируется когнитивными признаками, в своей совокупности отображающими представления о различных существенных для понимания концепта аспектах конкретизации именуемого им факта, явления, события и т. д., таких, как субъектность, объектность, обусловленность, интенсивность, форма, размер, длительность и др.» [Концептосфера 2010: 12].

Для концепта «Помощь» приядерная зона формулируется следующим образом. Люди, организации, государства могут оказывать кому-, чему-либо материальную или моральную помощь, поддержку, способствовать существованию, развитию кого-, чего-либо, часто прилагая значительные усилия, принимая ответственность на себя. Человек помогает другим по собственной инициативе, по просьбе других людей или непосредственно того, кто оказался в трудном положении и ждёт помощи, по чьему-либо поручению. Способный оказать помощь человек часто обладает высоким социальным положением, влиянием на других людей, такой человек может использовать знакомства с влиятельными людьми, связи. Организации, государства помогают нуждающимся (часто старикам, детям, больным, слабым), предоставляя им денежные средства, пособия, субсидии и выражая внимательное и активное отношение к их нуждам, потребностям.

В случаях, связанных со спасением жизни людей, требуется немедленная, безотлагательная помощь. Её могут осуществлять люди, чьи профессиональные обязанности связаны со спасением жизни (врачи скорой помощи, спасатели, сотрудники МЧС).

Ближайшая периферия концепта «Помощь» формируется на основе анализа совмещённых репрезентаций, в том числе и метафорических.

Помощь метафорически осмысляется через идею физического контакта, совместности движений и деятельности, при этом символом помощи является рука (*рука в руке, рука об руку, плечом к плечу, чувство локтя, протянуть руку помощи, взять под своё крыло, быть под крылышком*). Помощник образно обозначается как правая рука. Высокий покровитель, оказывающий помощь, также осмыляется через символический образ руки (*иметь руку, волосатая, мохнатая рука*).

Важной составляющей концепта «Помощь» является включение в толкование концепта национально-культурных смыслов.

В русской культуре помощь оценивается положительно как проявление дружелюбия и коллективизма (*Сам пропадай, а товарища выручай*). В традиционной культуре к коллективной помощи прибегали, если нужно было сделать что-либо значительное, например, поставить дом, накосить сена.

Такое отношение во многом сформировано благодаря православным идеям соборности, т. е. стремления к сплочению, добровольному соединению людей на основе любви к Богу и друг к другу. Следовательно, помощь связана с соучастием, сочувствием, состраданием и предполагает сотрудничество людей, их содействие, особенно ради общественного блага.

Завершают толкование концепта модально-оценочные смыслы: 1) поведение человека, оказывающего бескорыстную помощь, возможно, жертвующего личными интересами, оценивается положительно как проявление гуманизма, альтруизма, заботы о других; 2) корыстная помощь ради получения выгоды (*Ты мне, я тебе*) оценивается преимущественно отрицательно; 3) помощь в беде (спасение утопающих, спасение при пожаре и др.) является героическим поступком; 4) неокказание помощи оценивается резко отрицательно как проявление равнодушия, эгоистичности, трусости.

Таким образом, в словаре концептов, во-первых, отражено понимание того, что концепт не существует в ментальном мире как изолированная единица, что он взаимодействует с другими концептами и что языковые средства репрезентации концепта образуют определённую парадигму смыслов. Во-вторых, в словаре выявляется содержание концепта, которое всегда включает, помимо понятийной части, ассоциативные, образные, культурные смыслы и интерпретацию мира человеком. В-третьих, при выделении концептов избран индуктивный путь: от лексических, фразеологических и паремиологических репрезентаций к содержанию концепта.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов: Тамбов. гос. у-нт им. Г. Р. Державина, 2007. — № 4. — С. 17–27.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: УрГУ, 2010. — 340 с.

Чурилина Л. Н. Антология концептов как словарь нового типа: к вопросу о принципах организации // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: Материалы Всероссийской науч. конф. — СПб: САГА, 2010. — С. 442–449.

SOCIAL SPHERE IN THE DICTIONARY OF CONCEPTS

A. M. Plotnikova

The article deals with principles of lexicographic parameterization of concepts reflecting social activity and relations in the dictionary "Conceptual Sphere of the Russian Language: Key Concepts and Their Representation (based on words, set phrases, and proverbs)" edited by prof. L. Babenko.

Key words: concept structure, conceptualization, cognitive features, dictionary.

© 2011

И. А. Юрьева

СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «РОССИЯ» И «РУСЬ»
КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ АНТОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ
НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Концепты «Россия» и «Русь» являются базовыми концептами русской национальной картины мира. Лексикографические источники позволяют не только реконструировать модели обозначенных концептов как фрагментов научной картины мира, но и способствуют выявлению точек соприкосновения или же разнополярных элементов.

Ключевые слова: концепт, картина мира, имя собственное, структура концепта.

Анализ концепта «Россия» как фрагмента русской картины мира привёл к необходимости соотношения исследуемого концепта с рядом не менее значимых в нашей национальной картине мира концептов. Одним из них является концепт «Русь», поскольку исторически так сложилось, что имена собственные *Россия* и *Русь* употреблялись как синонимы, и это нередко происходит и сегодня (напр.: *Русь — это РФ времён Бориса Годунова*).

Исследование концептов «Россия» и «Русь», построенное на анализе данных лексикографических источников, позволило реконструировать «научный» вариант модели обозначенных концептов, которые могут войти в планируемую антологию «Русская научная картина мира».

Материал для реконструкции вариантов моделей концептов «Россия» и «Русь» составили словарные статьи, извлечённые из толковых и энциклопедических словарей.

Совокупный анализ представленных словарных дефиниций позволил нам выделить несколько лексико-семантических вариантов имени *Россия*:

Юрьева Ирина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и русского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.
E-mail: irina.yureva@inbox.ru

1. Россия — страна, основой которой явилось русское государство;

2. Россия — отчий дом, семья;

3. Россия — государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские.

В ходе компонентного анализа дефиниций лексемы *Россия* выделяются два семантических компонента, первый из которых ‘общность’ [людей] (имплицитно — сема ‘люди’). Предлагаемые толкования значения имени собственного *Россия* связаны с объективацией представления о некой совокупности людей. Помимо информации об обществе в целом, анализ словарных дефиниций позволил выделить ряд признаков, определяющих население России. Основной характеристикой общества России следует считать сему ‘национальность’: *«Население составляло 128, 2 млн. чел. (1897 г.). На территории проживало более 100 народов и народностей, 57 % составляли нерусские народы»*.

Следующая характеристика населения российского государства связана с актуализацией семы ‘религия’: *«Большинство верующих — христиане, гл. обр. православные, остальные — мусульмане, иудаисты, буддисты и др.»*.

Второй семантический компонент ‘государство’ (опосредованно — сема ‘управление’). К числу ядерных сем могут быть отнесены семы ‘политика’, ‘управление’, связанные с представлением о государственном устройстве общества. Государство в словарных дефинициях определено в совокупности характеризующих его признаков. Один из таких признаков — «характеристика власти». Семой ‘характер власти’ эксплицировано представление о способе государственного устройства: *«Согласно Конституции 1993 г. РФ (Россия) — демократическое государство с республиканской формой правления. В её составе 89 равноправных субъектов»*; *«Российская империя — официальное название российского феодально-абсолютистского государства»*.

Время издания словарей определяет особенность толкования значения имени. В энциклопедиях, изданных с конца 90-х гг. прошлого столетия в левой части словарной статьи, наряду с определяемым именем *Россия*, заявлено имя *Российская Федерация*. Этот факт свидетельствует о том, что в лексикографических источниках, отражающих современную научную картину мира русскоговорящего социума, сема ‘государственное устройство’ связана с актуализацией второй значимой характеристики государства — «форма государственного устройства». Важным, по мнению составителей словарей, является именно современное государственное устройство, следствием внимания к этому факту является экспликация в словарных дефинициях вариантов названия государства: *«Российская империя», «РСФСР», «союзная республика СССР»*.

Перечисленные семы двух семантических планов составляют ядро лексического значения имени *Россия*.

Периферию лексического значения имени составляют семы ‘территория’, ‘местность’ и ‘расположение’, актуализации которых способствуют лексемы *Европа*, *Азия*, а также оценочный признак, в частности, безусловно положительная оценка размера занимаемой территории: ‘самый большой’, ‘крупнейший’ (*«самое большое по площади государство», «крупнейшая по территории республика»*).

Таким образом, данные, полученные в ходе анализа лексикографических источников, позволяют нам реконструировать вариант модели концепта «Россия» как фрагмента научной картины мира.

Понятийный сегмент концептуального пространства определён совокупностью признаков: понятийный компонент включает представление о национальной, государственной, религиозной характеристиках общества.

Такой существенный компонент концептуальной структуры онома, как образный сегмент в этом варианте представлен крайне слабо: можно отметить только наличие семантического компонента 'оценка территории'.

Знаковый сегмент концепта соотнесён с денотативным компонентом лексического значения ИС. Набор ядерных семантических компонентов в совокупности объективируют информацию о социуме ('общность' [людей]) и государстве ('политика', 'управление').

Если имя собственное (ИС) *Россия* является заголовочным хотя бы в нескольких толковых словарях, то оним *Русь* в словарях этого типа не рассматривается вовсе. Исследуемое слово употребляется только в 14 словарных статьях энциклопедических словарей, причём словарные статьи в различных источниках были абсолютно аналогичные.

В результате совокупного анализа словарных дефиниций были выделены два лексико-семантических варианта:

1. *Русь* — название государственного образования славян IX века;
2. *Русь* — литературно-политическая газета, издаваемая славянофилами.

Пошаговый компонентный анализ позволяет говорить об актуализации двух сем: а) 'государство' и б) '[группа] людей', которые составляют ядро лексического значения имени *Русь*. Ядерная зона двусегментна, причём первый сегмент («государство») больше второго («общество»), поскольку деятельность людей напрямую связана с влиянием на систему государственного управления (импликация семы 'управление') и только потом реализуется в творчестве.

Существенным семантическим дополнением, определяющим специфику толкования данного ИС, является компонент 'время', реализуемый сразу в двух семантических планах: с одной стороны, явно объективирована информация о государственной системе управления в прошлом (эксплицитная актуализация семы 'прошлое'), в другом случае обозначенная сема включена опосредованно, через актуализацию значения «историческое объединение людей».

Таким образом, на периферии лексического значения имени собственного *Русь* объективировано представление об историческом прошлом государственно-общественной жизни людей.

Реконструированная модель концепта «Русь» так же, как и модель концепта «Россия», состоит из трёх сегментов. Понятийный сегмент представлен характером деятельности социума — политическое влияние и литературное творчество. Знаковый сегмент объективирует информацию о государстве, в первую очередь, и об обществе. Образный сегмент, столь значимый в концептуальной структуре онома, не представлен вовсе.

Итак, реконструированные модели концептов «Россия» и «Русь» как фрагменты русской научной картины мира имеют ряд тождеств. Так, наблюдается совпадение информации, объективированной в знаковом сегменте («общество»)

и «государство»), следовательно, денотаты имён собственных *Россия* и *Русь* идентичны. Но значим тот факт, что доминирующей в составе концепта «Россия» является социальная составляющая, а в концепте «Русь» — государство.

Понятийный сегмент концепта «Россия» состоит из разноаспектных характеристик общества, в то время как аналогичный сегмент концепта «Русь» определён только государственной характеристикой социума, причём исключительно в прошедшем временном ракурсе. Образный сегмент в составе концептуального поля «Россия» представлен крайне слабо, в случае же с концептом «Русь» исключён из структуры поля вовсе.

Проведённая на основе анализа лексикографических источников реконструкция моделей значимых для русской научной картины мира концептов «Россия» и «Русь» показывает их некоторую соотнесённость, но никак не полную идентичность, следовательно, слова «Россия» и «Русь» не синонимы.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
- Большой российский энциклопедический словарь. — М.: Большая Рос. энцикл., 2006. — 1887 с.
- Большая российская энциклопедия. Россия. — М.: Большая Рос. энцикл., 2004. — 1007 с.
- Большая советская энциклопедия: в 30 т. Ремень — Сафи / гл. ред. А. М. Прохоров. — Изд. 3. — М.: Сов. энцикл., 1975. — Т. 22. — 628 с.
- Книга: Энциклопедия / Редкол.: И. Е. Баренбаум, А. А. Беловицкая, А. А. Говоров и др. — М.: Большая Рос. энцикл., 1998. — 800 с.
- Краткая Российская энциклопедия: в 3 т. / сост. В. М. Карев. — М.: Большая Рос. энцикл.: Издат. дом ОНИКС 21 век, 2003. — Т. 3: Р–Я. — 1134 с.
- Левашиов Е. А. Географические названия. Словарь-справочник. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 602 с.
- Малый энциклопедический словарь: в 4 т. / репр. воспроизведение изд. Брокгауза — Ефрона. — М.: ТЕРРА, 1994. — Т. 4 — 1596 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 505 с.
- Новейший энциклопедический словарь. — М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2004. — 1172 с.
- Отечество. История, люди, регионы России: энциклопедический словарь / сост. А. П. Горкин, В. М. Карев. — М.: Большая Рос. энцикл., 1999. — 795 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2006. — 944 с.
- Российская цивилизация: Этнокультурный и духовный аспект: энциклопедический словарь / ред. кол. М. П. Мchedлов и др. — М.: Республика, 2001. — 544 с.
- Россия. Энциклопедический словарь. — Л.: Лениздат, 1991. — 922 с.
- Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1987. Т. 3. — 752 с.
- Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское государство / гл. ред. и сост. О. А. Платонов. — М.: Православ. изд-во «Энцикл. рус. цивилизации», 2002. — 941 с.

Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации: сост. О. А. Платонов. — М.: Православ. изд-во «Энцикл. рус. цивилизации», 2000. — 1037 с.

Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. — М.: Сов. энцикл., 1969. — Т. 12: Р–С. — 976 с.

Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 1600 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академ. Проект, 2001. — 990 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. — М.: Эксмо, 2006. — 1131 с.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин [и др.]; под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Рус. слов., 1994. — Т. 3. — 1422 с.

Харченко В. К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, цитаты и биографемы — Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2003. — 842 с.

CORRELATION OF CONCEPTS “RUSSIA” AND “RUS” AS MATERIAL FOR THE ANTHOLOGY OF RUSSIAN SCIENTIFIC WORLD-IMAGE

I. A. Yuryeva

Concepts “Russia” and “Rus” are basic concepts of national Russian world-image. Lexicographic sources offer the prospect of both modeling the concepts as fragments of the scientific world-image and revealing points of contact or polar opposites.

Key words: concept, world-image, proper name, onym, conceptual structure.

© 2011

О. В. Гневэк

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В СОВРЕМЕННОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

В современной паремиологии актуализуются три из пяти смысловых зон концепта «Родина». Две смысловые зоны — страна, гражданином которой являешься, и место рождения — составляют ядро концепта, три другие входят в периферийную зону и незначительны по объёму.

Ключевые слова: смысловые зоны концепта, ядерная и периферийная зоны, совпадение ядерных зон концептов «Родина» и «Россия».

Концепт «Родина» воплощает одну из центральных ценностей любого народа. В этой связи представляется любопытным изучение содержательного наполнения данного концепта в современной паремиологии, отражающей важную часть национальной концептосферы носителей русского языка.

Гневэк Ольга Владимировна — доктор педагогических наук, профессор кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: cathjaz@masu.ru

В качестве синонимов лексемы *родина*, согласно данным «Словаря синонимов», выступают слова *отечество*, *отчизна*, *колыбель*, а также словосочетания *родная сторона (сторонка)*, *родной край*, *отчий дом*, *родное пепелище*. В контекстном употреблении лексема *родина* нередко отождествляется с Россией, Русью, страной, русскими, народом. Следовательно, и данные слова, находясь в логическом центре паремий, репрезентирует изучаемый концепт. Очевидно, что в качестве вербализаторов концепта «Родина» названные лексемы и словосочетания будут служить объективаторами информации о месте рождения человека в конкретном ключе и в целом создавать полное представление об исследуемом концепте.

К современным паремиям отнесены пословицы, поговорки, крылатые единицы, а также их трансформации, созданные современными носителями русского языка. Источниковой базой выступают современные толковые и энциклопедические словари, «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» (БСКСиВ), словарь «Антипословицы русского народа» (АРН), современные сборники русских пословиц и поговорок.

Анализ толковых и энциклопедических словарей позволяет выявить пять основных лексико-семантических вариантов имени концепта: 1) место рождения (все толковые и энциклопедические словари); 2) страна, гражданином которой являешься (все толковые словари); 3) место возникновения конкретного этноса [БРЭС 2006]; 4) место комфортного существования [ТСРУ 2006: 578]; 5) место возникновения или происхождения чего-либо (все толковые и энциклопедические словари).

Выявленные лексико-семантические варианты представляют одновременно основные смысловые зоны концепта «Родина», соотносимые с вполне конкретными репрезентантами. Вербализаторами смысловых зон «место рождения» и «место комфортного существования» выступают лексемы и словосочетания *родина*, *отечество*, *отчизна*, *дом*, *отчий дом*, *родная сторона (сторонка)*. Вербализаторами смысловых зон «страна, гражданином которой являешься» и «место возникновения конкретного этноса» выступают лексемы и словосочетания *Россия*, *Русь*, *страна*, *русские*, *народ*, *святая Русь*. В переносном употреблении часть названных репрезентантов (имя концепта «Родина» и лексема *колыбель*) могут выступать вербализаторами смысловой зоны «место возникновения или происхождения чего-либо». На основе выявленных вербализаторов концепта «Родина» создана картотека, включающая 141 паремию из словаря «Антипословицы русского народа» и 97 крылатых единиц (КЕ) из «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка».

Когнитивный анализ высказываний обнаружил, что чаще всего актуализируется смысловая зона «страна, гражданином которой являешься». Детализация означенного смысла осуществляется через оценку взаимоотношений государства и гражданина. Положительная оценка подобных взаимоотношений эпизодична (*И родина щедро поила меня берёзовым соком, берёзовым соком...* [АРН 2008: 413]). Она чаще связана с признанием того, что знание ментальной специфики соотечественников и условий жизни позволяет приспособиться к существованию и даже находить в нём свои прелести (*С родной сторонки и ворона (собачка) мила; С родной земли — с ума не сходи* [Там же: 414]). В описанных случаях

смысловые зоны «страна, гражданином которой являешься» и «место рождения» практически совпадают.

В условиях преимущественной актуализации смысловой зоны «страна, гражданином которой являешься» положительно оценивается и военная мощь России, выступающая предметом гордости её граждан: *Американские самолёты и российские ракеты просто созданы друг для друга* [Там же: 415]; *Не перевелись ещё на Руси богатыри, добры молодцы* [Там же: 420]. Но даже при наличии позитивных характеристик, в целом господствующей тенденцией является критическое осмысление сложившихся отношений.

Так, патриотический слоган, рождённый в первые дни Великой Отечественной войны *Родина-мать зовёт!* и формирующий установку на защиту родного Отечества, подвергается ироническому переосмыслению: *Кузькина мать зовёт! Матушка-лень зовёт!* [Там же: 413]. Новый смысл, сводящийся к рассуждению «Такое отечество недостойно заботы своих граждан», свойствен и другой паремии: *Любите Родину, мать вашу* [Там же: 413]. Инверсия в рематической части высказывания превращает приложение в ругательство, фоновую брань, используемую для выражения чувства досады (Ср: *Да пошли вы, мать вашу*). Двойственное восприятие рематической части (и как инверсионного приложения, и как фоновой брани) меняет высокую коннотацию на ироническую, полностью разрушая установку, формируемую глагольным императивом «любите».

Граждане России негативно оценивают существующую форму правления государством, считая её главной причиной отсутствия порядка: *Демократия есть одурачивание народа при помощи народа ради блага народа* [Там же: 288]; *Настоящая демократия легко переходит в анархию* [Там же: 289]. Выдвигаются четыре причины неправильного государственного устройства:

1) неготовность общества к принятию ответственных решений (*Пока общество больно, история страны так и будет историей болезни* [Там же: 466]; *Народ с интересом следит за историей своей страны* [Там же: 466]; *Если народу всё по барабану, то государству — труба* [Там же: 288]; *Не ту страну назвали Гондурасом* [Там же: 465];

2) утрата рабочим классом роли гегемона: *Пролетарии всех стран, пролетайте; Пролетарии всех стран, простите!* [Там же: 466]; *Чтобы народ увидел, его пустили по миру* [Там же: 288];

3) отсутствие лидеров, способных улучшить жизнь соотечественников: *Каждый народ имеет такое правительство, которое его потом имеет* [Там же: 287].

Отрицательная оценка непродуманной деятельности российских властей нередко превращается в уничижительно-презрительную оценку страны, граничащую с оскорбительной коннотацией: *Когда государство начинает убивать, оно всегда называет себя Родиной* [Там же: 413]; *Стране давно уже нужен другой народ* [Там же: 466]. Сложились паремии, в которых отрицается ценность самого феномена родина: *На родине хорошо, а дома лучше* [Там же: 413]; *В гостях хорошо, а дома плохо; В гостях хорошо, а дом снесли; В гостях хорошо, а дома у меня нету* [Там же: 139].

Отрицательная оценка российской государственности в целом и российской власти в частности мотивируется последующей детализацией. Негативно оценивается политика спаивания государством своих граждан (*И родина щедро поила*

меня... [Там же: 413]; Для россиян более патриотического поступка, чем распитие водки, не придумаешь [Там же: 416]), отрицательно оценивается дороговизна жизни в России (*Доходы большинства россиян явно в родстве со словом «доходяга»* [Там же: 414]; *Только не надо снова поднимать уровень жизни на недостижимую для народа высоту* [Там же: 288]), больно бьющая по самым важным сферам жизни страны (*Если у нас смертность и дальше будет превышать рождаемость, то Россию скоро будут называть Российские Вымираты* [Там же: 414]).

Очевидно, что в современных паремиях российская власть и российские политики оцениваются крайне отрицательно (*В России две напасти: внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти* [Там же: 415]). Власть предрежащим приписываются такие качества, как глупость (*В России две беды: дорогие дураки и дешёвые умные* [АРН: 415]; *В России одно из двух: или харизматический лидер, или маразматический*; [Там же: 415]), жадность и стяжательство (*Народ не роскошь, а средство обогащения* [Там же: 415]; *В России ещё не придуманы такие деньги, которые нельзя разворовать* [Там же: 415]); отсутствие стратегического мышления (*В России сейчас возможно два варианта развития событий: наихудший и маловероятный* [Там же: 415]). Как национальная традиция представляется коррумпированность российской милиции в частности и чиновников в целом: *Юристов во власти много, а страна живёт не по законам, а по понятиям!* [Там же: 466].

Согласно смыслу многих паремий, власть и общество находятся в состоянии агрессивного противостояния: *Главная проблема России — люди. Они ещё есть* [Там же: 416]. Отсутствие разумной социально-экономической политики становится причиной крайне бедности населения (*Жизнь россиян бедна, зато как богата русская история; Всю свою историю Россия только и знает, что поднимается с колен* [Там же: 416]), немотивированной агрессии (*Из наблюдений над российской действительностью: улыбаясь, вы делаете свои зубы беззащитными* [Там же: 415]), общей деградации (*Мозги из России уехали, зато желудки остались* [Там же: 416]; *Когда народ терпит слишком долго, его страна превращается в дом терпимости* [Там же: 139]) и вымирания (*Что русскому хорошо, то России — смерть* [Там же: 416]; *Россия для Японии — страна заходящего солнца* [Там же: 416]).

Носители русского языка демонстрируют негативное отношение не только к государству и власти. В современных паремиях довольно трезво и сурово обнажаются недостатки, присущие российскому обществу в целом.

Социальным злом признаётся пьянство в государственных масштабах (*Русская водка — не дай себе просохнуть* [Там же: 420]), хотя и представлена надежда на преодоление этой беды (*Не перепились ещё богатыри на земле русской* [Там же: 420]). Отрицательно оценивается и национальная традиция жить безалаберно и действовать на авось: *Англичанин мыслит сидя, француз стоя, американец прохаживаясь. Русский думает потом* [Там же: 420]. Трезво оцениваются и последствия подобного отношения к жизни и к себе: *Из двух зол русские выбирают оба* [Там же: 420]. Носителя языка откровенно смеются и над результатами безалаберного отношения к выполняемым обязанностям: *Российские микросхемы — самые большие микросхемы в мире* [Там же: 415]; *Отечественные поезда — самые поездатые поезда в мире* [Там же: 333].

При помощи иронии и сарказма порицается пренебрежительное отношение к одной из главных ценностей русской культуры — родному языку: *Русские матом не ругаются — русские матом разговаривают* [Там же: 420].

Таким образом, когнитивный анализ современных паремий, репрезентирующих концепт «Родина» через различные вербализаторы, обнаруживает, что подавляющее их большинство детально объективирует представления россиян об одной смысловой зоне — «страна, гражданином которой являешься», — через две ведущие темы: государство и народ, взаимоотношения государства и его граждан. Эпизодически вербализуется смысловая зона «место рождения», но при этом совершенно не представлены ещё три смысловые зоны: «место комфортного существования», «место возникновения конкретного этноса», «место возникновения чего-либо».

Так, смысловая зона «место комфортного существования», весьма популярная в традиционном фольклоре, практически не представлена современной паремиологией. Выделяется несколько причин подобного отсутствия. Во-первых, Россия не воспринимается её гражданами страной, в которой государство охраняет права и свободы своих граждан (*У матери-Родины долга рука на ласку* [Там же: 413]). Во-вторых, по убеждению современников, на земле вообще не существует места с комфортными условиями существования (*Ад — историческая родина человека, рай — доисторическая* [Там же: 413]). В-третьих, само понятие *родина* как святое место по критерию рождения утратило свой сакральный смысл (*Стране давно уже нужен другой народ* [Там же: 465]; *Не можешь выбрать власть — выбери страну* [Там же: 466]).

Если в современных паремиях содержится информация, объясняющая отсутствие одной из смысловых зон концепта, то две оставшиеся отсутствуют без всяких обоснований.

Совершенно иная картина складывается в корпусе современных крылатых единиц, выравнивающим асимметрию в представлении смысловых зон концепта «Родина» и устанавливающим иное содержание внутри самих смысловых зон.

Во-первых, довольно представительной является смысловая зона «место рождения», сопровождаемая в основном сакрализованными характеристиками. Здесь сохранено трепетное отношение к родине как месту рождения. Оно воплощается в образно-поэтических названиях страны и её городов: (*наши*) *Палестины* [БСКСиВ, 2, 2009: 168]; *Любовь моя — Россия; Любовь к родному пепелищу*; [БСКСиВ, 1, 2008: 586]; *Родные пенаты* [БСКСиВ, 2, 2009: 304]; *Надежда мира, сердце всей России* [Там же: 14]; *Сердце родины моей* [Там же: 337]; *Окно в Европу* [Там же: 124]; *Люблю тебя, Петра творенье* [БСКСиВ, 1, 2008: 585]. Фиксируется и чувство боли за родное отечество (*За державу обидно* [Там же: 386]; *Люблю Отчизну я, но странною любовью* [Там же: 584]).

Довольно представителен пласт крылатых единиц, демонстрирующих жертвенное отношение россиян к своей родине — святому месту по праву рождения. Оно реализуется через образные призывы защищать родину: *Не Москва ль за нами?* [БСКСиВ, 2, 2009: 61]; *Не посраим земли русской!* [Там же: 69]; *О, русская земля, ты уже за холмом* [Там же: 138]; *Отечество в опасности!* [Там же: 150]; *Родина или смерть!* [Там же: 303]; *Велика Россия, а отступать некуда: позади*

Москва [БСКСиВ, 1, 2008: 152]; *Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!* [Там же: 233].

Фонд КЕ хранит немало лозунгов и констатаций, риторических восклицаний и вопросов, лежащих в основе патриотического воспитания граждан страны: *Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет!* [БСКСиВ, 2, 2009: 150]; *Союз нерушимый республик свободных* [Там же: 391]; *С чего начинается родина?* [Там же: 420]; *Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза* [Там же: 555]; *Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек* [Там же: 618] и т. д. Формируемое патриотическое чувство зиждется на признании святости места рождения любого человека, готовности любить его и защищать в случае опасности. К воспитанию патриотизма подключаются как разум, так и вера в любовь к месту, давшему жизнь.

Во-вторых, не менее основательно представлена в фонде КЕ и смысловая зона, главенствующая в народном фольклоре. Здесь не теряются в потоке отрицательных оценок КЕ, выражающие уважительное отношение к государству, Трепетное, уважительное отношение к стране, гражданином которой являешься, воплощается в паремиях, представляющих Россию как могущую державу (*Недаром помнит вся Россия* [Там же: 48]; *Помнит мир спасённый* [БСКСиВ, 1, 2008: 216]. Восхищённое отношение россиян вызывает и территориальная протяжённость страны: *От Москвы до самых до окраин* [БСКСиВ, 2, 2009: 156]; *Широка страна моя родная* [Там же: 579].

Средствами публицистики создаётся нейтральная, нейтрально-объективная или одобрительная характеристика государства (*Россия молодая* [Там же: 307]); государственной политики (*Правление народа, посредством народа* [Там же: 240]); талантливых россиян (*колумбы российские* [БСКСиВ, 1, 2008: 515]); защитников родины (*грудью защитившие страну* [Там же: 279]). Размышления о будущем родины воплощаются только с привлечением средств высокого слога: *Когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся* [Там же: 511]; *Как нам обустроить Россию* [Там же: 480].

Выделяются крылатые единицы, в которых сложились два плана реализации паремий, в зависимости от установок говорящего: восторженное и ироническое отношение к месту рождения и стране, гражданином которой являешься: *На просторах родины чудесной* [БСКСиВ, 2, 2009: 27]; *Родина слышит, Родина знает* [Там же: 304]; *Страна чудес* [Там же: 408] и проч.

Представлены в фонде КЕ и собственно иронические паремии, характеризующие отношения, складывающиеся в смысловой зоне «страна, гражданином которой являешься». Ирония является инструментом характеристики современной буржуазии (*новые русские* [Там же: 98]), советского общества (*совок, совковый* [Там же: 380]; *гомо советикус, хомо советикус* [БСКСиВ, 1, 2008: 270]), России как страны контрастов (*Страна рабов, страна господ* [БСКСиВ, 2, 2009: 408]).

В-третьих, в фонде КЕ представлена смысловая зона «место комфортного существования», выявляемая на различных основаниях: по критерию надёжности существования (*На том стояла и стоит (стоять будет) Русская земля* [Там же: 33]; по критерию наличия вечных национальных ценностей и национальной самобытности (*Не зарастёт народная тропа* [Там же: 52]; *И какой же русский не любит быстрой езды* [БСКСиВ, 1, 2008: 442] и др.); по критерию талантливости

русского народа: (*Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать* [Там же: 626]); по критерию веры в светлое будущее родины: (*Когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся* [Там же: 511]) и др.

В целом очевидно, что в корпусе КЕ смысловая зона «место комфортного существования» представлена содержательно иначе по сравнению с её представлением в паремиологическом творчестве современников. В основе создания данного сегмента концепта «Родина» лежит иное, оптимистическое мировосприятие прошлого, настоящего и будущего России.

В-четвертых, здесь, пусть и эпизодически, представлена и смысловая зона «место возникновения чего-либо» (*Откуда есть пошла земля русская* [БСКСиВ, 2, 2009: 153]).

Таким образом, в корпусе КЕ представлены четыре из пяти смысловых зон концепта «Родина». Положительная коннотация крылатых единиц, репрезентирующих смысловые зоны «место рождения» и «страна, гражданином которой являешься», выравнивает оценочную асимметрию современного народного творчества. КЕ восполняют утрату смысловой зоны «место возникновения чего-либо» и с позиций оптимистического мировосприятия представляют смысловую зону «место комфортного существования». Кроме того, корпус КЕ располагает в полном объёме всеми вербализаторами концепта и реализует их, в то время как в фольклорном творчестве современников реализуется усечённый состав вербализаторов.

В целом, наложение оценок и отношений, воплощённых в городском фольклоре и в фонде КЕ, приводит к формированию объективно сложившегося содержательного наполнения концепта «Родина» в современной паремиологии. Образно говоря, КЕ отвечают за сохранение сакрального отношения к отчизне, а городской фольклор выявляет болевые точки существования отечества и его граждан.

Выявленные смысловые зоны сводимы к трём обобщенным группам: 1) государство, страна; 2) общество; 3) место возникновения или происхождения чего-либо. Первые две совпадают с ядерными сегментами концепта «Россия», третья является специфической для концепта «Родина». Кроме того, смысловая зона «государство, страна», являясь ядерным сегментом «научной» модели концепта «Родина», входит в ядро «наивной» модели концепта, формируемой на основе современных паремий. В ядре концепта находится и сегмент «общество», детализируемый по различным критериям и направлениям. Другими словами, в центре «наивной» модели преобладают эмоции и оценки социально-экономических процессов и отношений как положительной, так и отрицательной модальности. В периферийное пространство концепта уходят и смысловая зона «место комфортного существования», и зона, характеризующая место возникновения или происхождения чего-либо. Причём периферийная зона является весьма незначительной по объёму.

Таким образом, концепт «Родина» в ядерной структуре и ядерном содержании совпадая с концептом «Россия», принципиально различается с ним в периферийной зоне. Они не совпадают ни по содержанию, ни по структуре. Но наличие общего ядра и чёткой структуры свидетельствует о том, что концепт «Родина»,

равно как и концепт «Россия», относится к категории культурных констант, или национальных ценностей, русского народа. В роли концепта данный феномен имеет конкретный и вполне определённый состав вербализаторов, который расширяется или сужается, отражая существо процессов, происходящих в жизни конкретного народа.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов. Более 20000 синонимов. — 7-е изд., стереотип. — М.: Рус. слов., 1999. — 672 с.

АРН: Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — М.: ОЛМА Медиа групп, 2008. — 576 с.

БСКСиВ: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.

БРЭС: Большой российский энциклопедический словарь. — М.: Большая Рос. энцикл., 2006. — 1887 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 505 с.

ТСРЯ: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2006. — 944 с.

Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации: сост. О. А. Платонов. — М.: Православ. изд. «Энцикл. рус. цивилизации», 2000. — 1037 с.

CONCEPT “MOTHERLAND” IN CONTEMPORARY PAREMIOLOGY

O. V. Gneveck

Contemporary paremiology actualizes three out of five sense zones of concept “Motherland”. Two sense zones — the country whose citizen one is and place of birth — are kernel zones; the other three are peripheral of a fairly small scope.

Key words: concept sense zones, kernel and peripheral zones, kernel zone overlapping of concepts “Motherland” and “Russia”.

ПОНЯТИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «МИР» И ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ПАРЕМИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)

Статья посвящена анализу понятийных признаков концепта «Мир», отражённых в лексикографических источниках и пословично-поговорочном фонде русского языка. Концепт «Мир» в русской лингвокультуре является одним из самых сложных для изучения, с одной стороны, и в то же время очень интересен для изучения — с другой. Концепт «Мир» — это константа русской культуры. Об этом свидетельствует его богатая вербализация.

Ключевые слова: концепт «Мир», паремия, понятийные признаки концепта, дефиниционный анализ, лингвокультурологический аспект паремий.

Концепт «Мир» является одним из самых сложных для изучения, с одной стороны, и в то же время очень интересен для исследователя-лингвиста — с другой. По мнению Ю. С. Степанова, концепт «Мир» — это константа русской культуры [Степанов 2004: 86, 675]. Об этом свидетельствует богатство его вербализаторов.

Для изучения концептов исследователи используют так называемый концептуальный анализ. Цели и задачи концептуального анализа определяются следующим образом: «для создания культурно-лингвистического портрета слова следует не просто описывать историю его употребления и интерпретации. Сопоставление этимологического значения, семантики и прагматики слова должно вскрыть глубинные процессы, происходящие внутри его; с другой стороны, сопоставление «вскрытого» механизма порождения слова с реальными значениями, словотолкованиями даёт возможность проследить особенности мышления, мироощущения человека, народа, особенности формирования и развития культуры» [Гофман 2001: 214].

Концептуальный анализ позволяет получить информацию об этноспецифике отражения знаний и опыта в языке носителей той или иной культуры. Согласно данной методике исследование проходит в несколько этапов: выявление мотивирующих признаков через исследование этимологических словарей, выявление понятийных признаков с помощью лексикографических источников, исходя из метафорической сочетаемости определение образных признаков [Агиенко 2005: 8].

Этимологический слой концепта «Мир» позволяет установить, что слово *мир* является славянским по происхождению. Оно восходит к праславянской форме, от которой в числе прочего произошли др.-р. и ст.-сл. *миръ* — ‘спокойствие, отсутствие войны’. В русском языке встречается с XI в. Основой возникновения слова послужил общеиндоевропейский корень со значением ‘кроткий’, ‘милый’. Похожее слово можно встретить в таких языках, как албанский (*mire* — ‘хороший’), латышский (*atmīet* — ‘смягчать’), латинский (*meitis* — ‘нежный’, ‘мягкий’), древнеиндийский *māyas* — ‘радость’. Значение ‘сельская община’ развилось из

Калмыкова Екатерина Леонтьевна — аспирант кафедры культура речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета. E-mail: catscar07092002@rambler.ru

‘мир, мирное сообщество’. Таким образом, мотивирующим признаком концепта «Мир» можно считать «спокойствие» [Фасмер <http>].

Однако понятийная составляющая концепта «Мир» значительно шире: она является частью признаковой структуры, которая выявляется путём анализа значений слов-репрезентантов концепта. В русском языке словом-репрезентантом интересующего нас концепта является слово *мир*. Анализ дефиниций слов, вербализующих этот концепт, показывает, что *мир* видится как **I.** 1) Вселенная в её совокупности; система мироздания как целое. 2) Отдельная часть Вселенной; планета. 3) а) Земной шар, Земля со всем существующим на ней; б) Люди, населяющие Землю; в) Действительность, бытие с точки зрения порядка, строя жизни на Земле. 4) а) перен. Какая-либо сфера, область явлений в природе. б) Совокупность явлений, предметов, окружающих человека. 5) перен. Определённый круг явлений психической жизни (чувств, переживаний, представлений и т. п.). 6) перен. Человеческое общество, объединённое по социальным, культурно-историческим, этнографическим и т. п. признакам. 7) перен. Определённая общественная среда; круг людей, объединённых общностью профессий, занятий, интересов и т. п. 8) Земля как место — по религиозным представлениям — жизни человека до его смерти. 9) перен. Жизнь мирян, светская жизнь (в отличие от монастырской жизни). **II.** 1) а) Дружеские отношения между кем-л., отсутствие разногласий, вражды; согласие; б) Отсутствие войны, вооружённых действий между государствами или народами. 2) Тишина, покой, спокойствие. 3) Соглашение между воюющими сторонами о прекращении войны [Ефремова 2000: <http>].

Материалом для исследования также послужили ведущие лексикографические издания, в числе которых «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 2003], «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [Даль 1989–1991], «Русский ассоциативный словарь» [РАС 2002].

Таким образом, по данным анализа дефиниций, понятийную часть структуры концепта «Мир» составляют следующие признаки: ‘Земля со всем существующим на ней’, ‘люди, населяющие Землю’, ‘человеческое общество’, ‘религиозный признак’, ‘отсутствие войны’.

Теперь рассмотрим вербализацию концепта «Мир» и его понятийных признаков в паремиях русского языка. Нами было обработано 200 паремий из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Мир как ‘Земля со всем существующим на ней’. В сознании представителя русской культуры мир ассоциируется с Земным шаром, Землёй и всем, что на ней находится. Создателем и правителем мира является Бог, однако и он не всемоушен, т. к. в сознании носителя русской культуры *мир* — это огромная территория. Из общего списка паремий, вербализующих концепт «Мир», только 10 % отражают это значение: *Всё в мире творится не нашим умом, а божьим судом; Пошёл пир горой, пир на весь мир; Всего в мире не выкупишь; Мир — что огород: в нём всё растёт; Старуха три года на мир сердилась, а мир того и не знал; Мир складывают, да волости скрадывают; Свет велик, а деться некуда; Земля, вода — останутся, а нас не будет; Вали на мир, мир всё снесёт.*

Мир как ‘люди населяющие Землю’. Паремии, вербализующие этот признак, составляют 30 % от общего количества отобранных пословиц и поговорок. В дан-

ном случае *мир* означает людей в целом, без разделения их по сословиям, возрасту, полу и т. д.: *Казна миром живёт, а мир казною; С миру по нитке — голому рубаха; Пошёл на базар, всему миру сказал*. В данном случае люди попытались отделить себя от остального окружающего мира: *В море потоп, в пустынях звери, в мире беды и напасти*.

Логическим продолжением этого признака является следующий признак: *мир* как ‘человеческое общество’ (15 %). Паремии, имеющие отношение к данному значению, содержат компонент *мир* с устаревшей семантикой — ‘сельская община с её членами’. В данном случае учитывается деление людей по сословному признаку: мир представлен как противостояние богатых (бояре, князья, духовенство) и бедных (крестьяне): *Не барину тот пир, куда бредёт весь мир; богатый в пир, убогий в мир*. Общей темой паремий, входящих в данную группу, является бедность крестьян: *Со своей лёгкой руки по миру пошёл; Горький в миру не годится на пиру; Не хожу я в мир по всякий блин; Долги собирать, что по миру идти: бери, что дают, да кланяйся*.

Религиозный признак рождает новые категориальные семы. С одной стороны, *мир* противопоставляется монастырской жизни, с другой стороны, *мир* — это ‘земля как место жизни человека до его смерти’ и ‘место человека после его смерти’: *Миряне — родом дворяне: на шее креста нет, а табакерка серебряная; Прельщает нас мир житейскими сластями*.

Паремий второй подгруппы крайне мало (8 %): *Полно спать: пора на тот свет запасть; Проживём на свете — не долги наши веки*.

Мир как ‘согласие’ — ‘состояние покоя, единения’ (37%): *Худой мир лучше доброй ссоры; Мир вам, и я к вам; С кем мир да лад, тот мил и брат; Рать стоит до мира, ложь до правды; Сосед не захочет, так и миру не будет; Вечный мир — до первой драки*.

Паремиологический фонд является «эффективным средством выражения мировосприятия носителя русской культуры» [Филиппенко 2005: 61]. Пословицы образно представляют понятийные элементы, которые были выделены в результате дефиниционного анализа. Признак ‘согласие’ оказался наиболее актуальным в русских паремиях, что можно объяснить, вероятно, этимологией слова *мир*: изначально оно обозначало ‘спокойствие, отсутствие войны’. Основной реакцией на слово-стимул *война* является слово *мир* [Караулов 2002: 424]. Что касается признака *мир* как ‘сельская община’, то в современном русском языке ему на смену пришёл признак *мир* как ‘человеческое общество, объединённое по социальным, культурно-историческим, этнографическим и т. п. признакам’. Однако до нас дошло большое количество паремий, содержащих слово *мир* с устаревшим значением. Паремий, вербализующих признак *мир* как ‘Земля со всем существующим на ней’, мало (10%). Это связано, вероятно, с тем, что в паремиях человек фиксировал то, что у него вызывало самые яркие эмоции, как положительные, так и отрицательные: религия, брак, война, труд и т. д. Признак ‘люди населяющие Землю’ реализован в 30% паремий, что связано с тем, что русская культура — это в первую очередь коллективистская культура, для её носителей очень важен фактор единения всего народа, всех людей для достижения цели, для борьбы и т. д.

Концепт «Мир» имеет сложную структуру. Исследование концептов невозможно без дефиниционного анализа. Выявление дефиниционных признаков являет-

ся неотъемлемой ступенью концептуального анализа. «... Сопоставление этимологического значения, семантики и прагматики слова должно вскрыть глубинные процессы, происходящие внутри его; с другой стороны, сопоставление “вскрытого” механизма порождения слова с реальными значениями, словотолкованиями даёт возможность проследить особенности мышления, мироощущения человека, народа, особенности формирования и развития культуры» [Гофман 2001: 214]. И поговорки — это богатый материал, позволяющий проследить реализацию разнообразных понятийных признаков, составляющих ядро понятийного значения концепта.

ЛИТЕРАТУРА

- Агиенко М. И. Структуры концептов *правда, истина, truth* в сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005. — 23 с.
- Гофман О. В. К вопросу о методе концептуального анализа // Картина мира: модели, методы, концепты. — Томск: ТГУ, 2001. — С. 213–217.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Рус. яз., 1989–1991.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Рус. яз., 2000. — Т. 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.efremovaislovari.ru/Mir1-M_n50491.html (дата обращения: 24.01.2011).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: ЭЛПИС, 2003. — 944 с.
- РАС: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. — М.: Астрель: АСТ, 2002. — Т. II. От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. — 992 с.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М.: Академ. Проект, 2004. — 992 с.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. — М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2007.
- Филиппенко Е. А. Образы мужчины и женщины в пословично-поговорочном фонде разных языков // Вестник ЮУрГУ. — Сер. Лингвистика. — Челябинск: ЮУрГУ, 2005. — Вып. 2. — № 11 (51). — С. 61–66.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://vasmer.narod.ru> (дата обращения 24.01.2011).

NOTIONAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT “PEACE” AND THEIR VERBALIZATION IN PROVERBS (BASED ON RUSSIAN EXPLANATORY DICTIONARIES)

Ye. L. Kalmykova

The article deals with the study of notional characteristics of concept “Peace” reflected in lexicographic sources and actualized in the paremiological fund of the Russian language. In the Russian linguoculture the concept “Peace” is both difficult and very interesting to study. It is a constant of the Russian culture, which is demonstrated by its extensive verbalization.

Key words: concept “Peace”, proverb, notional characteristics of the concept, definition analysis, linguocultural aspect of proverbs.

И. К. Мухина

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АССОЦИАЦИЙ В СЛОВАРЕ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ*

В статье рассматриваются проблемы отображения в языке национально-культурных ассоциаций и знаний, а также способы их лексикографического представления в Словаре ключевых концептов. Приводится определение понятий «национально-культурный компонент», «национально-культурные ассоциации». Особенности лексикографической параметризации национально-культурных представлений, связанных с определёнными концептами, рассматривается на примере конкретных концептов сферы «Транспорт» и «Техника».

Ключевые слова: национально-культурные ассоциации, концепт, лексикографическое представление.

Вопрос о том, каким образом в языке передаются этноспецифические знания, давно привлекает внимание исследователей. В целом проблема соотношения национального и универсального в языке исследуется со времён Вильгельма фон Гумбольдта, в широком плане она связана с проблемой соотношения языка и культуры. Учёные говорят о национально-культурной маркированности языковых единиц и выявляют роль национально-культурных ассоциаций в формировании понятий и их воздействие на создание языковой картины мира. При этом до сих пор в лингвистике не существует единого, признаваемого всеми понимания названных терминов; в работах Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, Ю. Н. Караулова, В. В. Колесова, Л. П. Крысина, В. А. Масловой, Ю. Е. Прохорова, Э. Сепира, И. А. Стернина, Г. Д. Томахина и мн. др. неоднозначно решается вопрос и о взаимоотношении указанных выше понятий.

В лингвистических исследованиях, посвящённых выявлению национальных особенностей в семантике слов, для обозначения *экстралингвистических факторов* (национально-специфических понятий, репрезентирующихся в семантической структуре слова) применяются термины *национально-культурная специфика*, *национально-культурные (культурно-исторические) ассоциации* (В. Н. Телия), *фоновые знания*, *культурная информация*, *лингвоспецифические конфигурации идей* (А. Д. Шмелев) и др.

Национально-культурные ассоциации, нашедшие отражение в семантике, называются учеными *национальными особенностями в семантике слов*, *национально-культурной (культурной) семантикой* (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Л. М. Чумак и мн. др.), *этно-семантической составляющей языкового значения*

Мухина Ирина Константиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького (г. Екатеринбург). E-mail: golst@e1.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3./5556.

(А. М. Кузнецов), *национально-культурным (культурным — Е. И. Аверьянова, культурно-историческим — В. И. Кодухов) компонентом* (Л. В. Малаховский и Т. Н. Микулина, И. А. Стернин и мн. др.), *культурно значимым (культурно-обусловленным — Н. П. Дронова) смыслом, этнокультурным компонентом семантики*.

Самое общее определение, которое даётся при этом понятию «национально-культурный компонент», — это часть значения слова, которая обращена в реальную действительность и определяет место предмета или явления в сфере вещного мира, а также в национальной культуре, что обуславливает возможность его лингвокультурологической интерпретации.

Появление национально-культурных компонентов семантики слова обусловлено внеязыковыми причинами — культурно-историческими и предметно-логическими (способом вычленения данным языком «фрагментов действительности»). Языковым уровнем, на котором наиболее эксплицитно выражаются особенности национальной культуры, является лексическая система языка, но существуют работы, затрагивающие национально-культурную специфику и других уровней языка, например, синтаксического (Л. М. Чумак и др.). *Лексемы и фразеологические единицы*, семантика которых содержит данные компоненты, объявляются культурно значимыми, культурно-маркированными, культурно-мотивированными, культурно-коннотированными (Л. В. Малаховский и Л. Т. Микулина), культурно отмеченными, национально-маркированными (В. Г. Томахин), культурно-окрашенными (И. Е. Аверьянова). Учёными выявляется их культурная ценность, им даётся культурный комментарий.

Выражение национально-культурной специфики связано с другими лингвистическими понятиями, такими, как фоновые знания, а также коннотативный компонент в значении слова, которые содержат информацию, отражающую отношение говорящего к предмету сообщения (Ю. Д. Апресян, Л. Б. Вознесенская, Н. Г. Комлев, Л. Е. Кругликова, Н. Н. Трошина и др.). Учёными выделяются *национально-культурные ассоциации* (далее — НКА) — отражённая значением слова информация о предмете или явлении, об их социальной и исторической значимости, являющаяся следствием опыта определенного народа, особенностей самих предметов и явлений реальной жизни [Кодухов 1982].

В рамках когнитивной семантики ученые обращаются к анализу национального своеобразия концептуальной системы, проявляющегося в наличии тех или иных специфических концептов, отражающих культуру, и утверждают, что вся совокупность вербализованных концептов образует национально-обусловленную концептосферу языка и определяет специфику национального менталитета.

В 2010 г. коллективом уральских учёных, входящих в «Проблемную группу “Русский глагол”», под руководством профессора Л. Г. Бабенко был подготовлен к изданию проспект Словаря ключевых концептов [Концептосфера русского языка... 2010]. Согласно концепции данного словаря, ментальная сущность описываемых концептов моделируется по определённой схеме, которая позволяет выявить структурную организацию когнитивных признаков, формирующих внутреннюю структуру концептов.

Основываясь на классификации когнитивных признаков концепта, предложенных Л. Г. Бабенко, НКА, связанные с определённым концептом, предпо-

ложительно должны быть описаны в зоне «Культурологические (основанные на внешних ассоциациях) когнитивные признаки», а также во фразеологизмах и поговорках, репрезентирующих концепт. С другой стороны, степень представленности НКА в ядерных, приядерных и периферийных когнитивных признаках концептов, степень их «разработанности» при конкретном наполнении модели ментальной сущности концепта в процессе его репрезентации «обладает спецификой, обусловленной как природой самого концепта, так и национально-культурными, индивидуальными особенностями мышления» [Бабенко 2010: 16]. Целью данного исследования было рассмотрение того, как НКА представлены в Словаре ключевых концептов, т. е. анализ того, 1) какие когнитивные признаки концептов в большей степени связаны с НКА; 2) каков объём этих ассоциаций; 3) какие концепты с точки зрения связи с этим обладают большей национально-культурной спецификой.

Для анализа НКА были выбраны не национально-специфические концепты, например, *валенки, блины, квас* и др., имена-репрезентанты которых являются **денотативными реалиями**, собственно безэквивалентными словами, значения которых полностью состоят из фоновой лексической информации, не концепты, имена-репрезентанты которых являются абстрактными словами (*горе, красноречие, скупость* и т. п.), а четыре концепта, относящиеся к идеографическим сферам «Транспорт» и «Техника».

Концепты транспортной сферы («Автомобиль», «Дорога», «Поезд») и концепт технической сферы — «Компьютер» являются универсальными и присутствуют во многих языках, поэтому **в ядре** данных концептов (базовых когнитивных признаках) НКА отсутствуют.

В приядерной зоне концепта, формируемой когнитивными признаками, сущностными для его понимания, НКА содержатся в концептах «Дорога» и «Поезд». Так, большую часть приядерной зоны концепта «Дорога» занимает описание *пробок, возникающих на российских дорогах: «Пробки возникают на проезжей части перед перекрёстками, на оживлённых магистралях, в местах въезда в город и выезда из него, перед пунктами проверки транспорта, пассажиров и грузов и т. п. Подобные скопления типичны для крупного города, затрудняют перемещение по нему из-за большого количества машин, узких улиц, нехватки парковочных мест, ремонта дорог, что в итоге приводит к огромной потере времени и горючего, опозданиям (например, на работу) и, следовательно, частому раздражению людей»* и т. д. [Мухин 2011: 291]. Данные когнитивные признаки конкретизируют концепт «Дорога» в аспекте «условия дорожного движения», характерные именно для российской действительности. В приядерную зону концепта «Поезд» входит информация о большой протяженности российских железных дорог, прокладка которых осуществлялась в советское время *«при помощи использования труда заключенных, организации масштабных государственных строек»* [Мухин 2011: 295].

Совмещённые когнитивные признаки исследуемых контекстов не включают в себя НКА; исключение составляет концепт *поезд*, в совмещённой зоне описания которого содержится указание на большую территориальную протяженность железных дорог в России, в связи с чем *«в российских поездах обязательно есть спальные места»* [Там же: 296].

Ассоциативно-образное совмещение фактов и событий как когнитивный признак исследуемых концептов также содержит НКА, но данный вопрос требует отдельного глубокого изучения.

Интересно, что все рассматриваемые концепты имеют *зону, связанную с национально-культурными компонентами и представлениями*. Так, отмечается, что в покупке автомобиля для русского человека «отражаются обычно две тенденции: стремление к быстрой и удобству передвижения и желание соответствовать социальным стандартам <...> Существует давняя дискуссия автоладельцев о плохом качестве отечественных автомобилей, которые при этом в основном дешевле новых импортных моделей. Многие предпочитают ездить на поддержанной, но более надёжной импортной машине» [Там же: 287–288], неотъемлемой частью русской жизни признаётся плохое состояние русских дорог, а способ покончить с собой, бросившись под проходящий мимо поезд, находит отражение в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» [Там же: 296]. Таким образом, данные концепты, имена-репрезентанты которых являют собой конкретные слова, прочно связаны в сознании русского человека с целым пластом НКА. Исключением выступает здесь концепт «Компьютер», национально-культурные концептуальные признаки которого тесно связаны с осмыслением роли Интернета как глобального межнационального феномена в жизни человека.

Представления о субъективно-модальных и оценочных смыслах, имеющих национально-культурную специфику, репрезентированы в когнитивных признаках концептов «Автомобиль» и «Компьютер» и воплощаются в утверждении о том, что «существуют различные манеры вождения — от спокойной до предельно агрессивной (резкое ускорение и торможение, частые перестроения, “подрезание” других транспортных средств и т. п.)» [Там же: 288], а также в том, факте, что «сегодня компьютер рассматривается как неотъемлемая часть жизни и является необходимой принадлежностью рабочего места. Компьютер есть практически в каждом доме» [Там же: 302].

Попробуем определить степень представленности НКА в различных когнитивных слоях изучаемых концептов, для этого отразим результаты исследования в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

НКА В МЕНТАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТОВ

Концепты	Когнитивные признаки					
	Ядро	Приядерная зона	Совмещённые признаки	Ассоциативно-образные признаки	Национально-культурные компоненты	Субъективно-модельные и оценочные смыслы
Автомобиль	—	—	—	+	+	+
Дорога	—	+	—	—	+	—
Поезд	—	+	+	—	+	—
Компьютер	—	—	—	+	—	+

Анализ таблицы показывает, что 1) национально-культурные компоненты выделяются в концептуальных признаках всех концептов; 2) НКА входят в состав всех когнитивных слоёв концептов (кроме ядра, поскольку дефиниции их слов-репрезентантов являются универсальными); 3) в наибольшей степени НКА представлены в структуре концептов «Автомобиль» и «Поезд».

В целом можно отметить, что исследование национально-культурных ассоциаций в концептосфере русского языка соответствует современной лингвистической парадигме и может быть выполнено в рамках когнитивной семантики и идеографической лексикографии. Можно предположить, что национально-культурные компоненты в семантическом пространстве языка и соответственно в ментальном концептуальном пространстве, во-первых, имеют различный статус, во-вторых, с точки зрения идеографического подхода могут быть охарактеризованы через анализ их положения в определенных лексических парадигмах.

Идеографический подход позволяет выявить иерархичность репрезентации национально-культурных компонентов значения, во-первых, с учётом статуса национально-специфических компонентов, во-вторых, их места в лексических множествах разного ранга — денотативно-идеографических сферах, классах, группах и подгруппах. Описание НКА в идеографическом аспекте позволяет также выявить то, что находится в фокусе интересов русского национального сознания, т. к. национально-культурный компонент семантики является средством репрезентации антропологически релевантных НКА.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Л. Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамиологии): проспект словаря. — Екатеринбург: УрГУ, 2010. — С. 3–19.

Кодухов В. И. Лексические и культурно-исторические компоненты значения слов // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. — Кишинев: Штиинца, 1982. — С. 6–12.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: УрГУ, 2010. — 340 с.

Мухин М. Ю. Концептуализация сфер «Транспорт», «Техника» // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамиологии): проспект словаря. — Екатеринбург: УрГУ, 2010. — С. 286–307.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF ETHNO-CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE DICTIONARY OF KEY CONCEPTS

I. K. Mukhina

The article considers linguistic issues concerning ethno-cultural associations and knowledge and their lexicographic presentation in the Dictionary of key concepts. It also defines the notions of ethno-cultural component and ethno-cultural associations. Specific lexicographic parameterization of ethno-cultural notions is illustrated by the example of conceptual spheres “Transport” and “Technology”.

Key words: ethno-cultural associations, concept, lexicographic presentation.

© 2011

О. Е. Чернова

КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

В статье определяется семантическое ядро концепта «Труд» на основе исследования лексических значений слов *труд*, *работа*. Исследование выполняется на материале словарей, являющихся наиболее значимыми, авторитетными для русской и советской лексикографии.

Ключевые слова: культурная информация, толковый словарь, концепт «Труд», семантическое ядро концепта, идеологическая коннотация.

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к базовым ментальным категориям русской культуры и, в том числе, к концепту «Труд», который является одним из ценностных понятий русской национальной концептосферы. В этой работе мы намерены определить семантическое ядро концепта «Труд», изучив семантику слов *труд*, *работа*, которая складывается на основе общезыковых характеристик лексического значения и под влиянием прагматических факторов.

Наше исследование проводится на уровне лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Мы отказываемся от неопределённого термина «оттенок значения», ибо «оттенок в лексике — это смысловые различия между теми или иными словами» [Будагов 1973: 408]. В наших материалах любое различие, отмеченное в словарной дефиниции как «оттенок значения», будет принято за самостоятельный ЛСВ.

Для анализа были отобраны словари, являющиеся наиболее значимыми, авторитетными для русской и советской лексикографии. Обобщённая семантическая структура слова *труд* по данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой представлена следующими ЛСВ: 1. 'деятельность', 'целесообразная', 'требующая напряжения', 'созидающая', 'с помощью орудий производства'; 2. 'дело (работа, занятие)', 'повседневное', 'конкретного лица'; 3. 'услуга' (мн. в знач. ед.); 4. 'усилие (энергия)', 'всякое затрачиваемое', 'умственное / физическое', 'на производство / к достижению чего-нибудь'; 5. 'произведение', 'результат труда', 'издания, сборники', 'научные'; 6. 'предмет/дисциплина', 'преподавание', 'школьного'; 7. 'блезнь'.

Обобщённая семантическая структура слова *работа* включает ЛСВ: 1. 'действие вообще'; 2. 'занятие, труд, действие'; 3. 'труд', 'принудительный, воздействующий'; 4. 'источник', 'заработка', 'от выполняемых действий'; 5. 'деятельность', 'производственная', 'по созданию, обработке, изготовлению', 'чего-нибудь'; 6. 'материал', 'подвергающийся', 'обработке', 'находящийся', 'в процессе', 'изготовления'; 7. 'продукт', 'труда'; 8. 'качество, способ, манера', 'изготовления'; 9. 'рабство'; 10. 'усилие'.

Чернова Оксана Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и речевой коммуникации Магнитогорского государственного университета. E-mail: Ocher08@inbox.ru

Н. А. Купина указывает, что «толкование слов может стать источником не собственно лингвистической информации — культурологической, в том числе идеологической» [Купина 1995: 7]. Эта информация распределяется в словарных статьях разнообразно. Иногда она становится частью денотативного значения, входит в него, в других случаях она может вводиться в толкование через контексты употребления. Поскольку анализ денотативных значений не выявил каких-либо культурологических наслоений, обратимся к анализу иллюстраций в словарных статьях. Он необходим, т. к. словарное (языковое) значение представляет собой инвариант, реализующийся во множестве вариантов в конкретном речевом употреблении.

По данным словарей [Даль 1955; СОШ 2003], в русском этническом сознании существует ценностный концепт «Труд» [Ерёмина 2003; Токарев 2003]. Он находит своеобразное представление в поговорках. Труд в подавляющем числе поговорок представлен как положительное начало, т. е. явно осознаётся как общечеловеческая утилитарно-практическая ценность. Данное значение имеет место в следующих примерах: *Человек рождён на труд; Без труда нет добра; Труд кормит и одевает; Терпенье и труд всё перетрут; Трудом сыты, а хоть и с трудом, а пьяны, едва, насилу; Труд человека кормит, а лень портит; Для родимого и труд не в труд; Бесплезный труд не послуга* [Даль, 4, 1955: 436]; *Без труда не выловишь и рыбку из пруда* [СОШ 2003: 814]. Основной мотив — польза для людей. Труд рассматривается как внутренняя благородная потребность человека. И в этом отношении труд противопоставлен деятельности, которая бесполезна или вредна: *бесплезный труд, пьянство, лень*.

На образном уровне для характеристики труда они помогают нарисовать портреты труженика и бездельника. Труженик наделяется положительными этическими качествами: бескорыстие, терпенье и т. д. Образ бездельника представлен в поговорках: *Лень с труда сбила; Белые ручки чужие труды любят* [Даль, 4, 1955: 436]. Народное сознание наделяет бездельника отрицательными качествами: корысть, несправедная жизнь / путь (этот смысл имплицитно представлен предикатом *сбила*).

Труд, как и любая другая деятельность, оценивается по результату. В поговорках плодами труда являются *добро, пища, одежда*. Однако труд не приносит человеку богатства: *От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь; От трудов праведных не наживёшь палат каменных* [Даль, 4, 1955: 436]. Труд наделяется низким статусом, поскольку имплицитно созданная ситуация бедности подчёркивает напрасность усилий тружеников.

В словаре В. И. Даля поговорка *Бог труды любит* эксплицирует религиозный дискурс, который определяет сценарий поведения. Христианская таксономия трудовой деятельности по своему обозначает её функции: богатство, материальные блага — грех; труд необходим для спасения души. Именно он приближает человека к богу и является одним из немногих путей единения с богом.

Итак, языковую основу концепта «Труд» образовали следующие значения: труд как процесс, требующий усилий, труд и его результат или следствие.

Словари [Ушаков 1935–1940; СОШ 2003], иллюстрируя употребление слова *труд*, рекомендуют контексты идеологического характера: *В СССР осуществляется принцип социализма: «От каждого — по его способностям, каждому — по*

его труду». История ВКП(б); ... Уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъёма культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Сталин; Социализм и труд неотделимы друг от друга. Сталин [Ушаков, 4, 1940: 812]. *Право на труд. Люди труда* (трудящиеся; высок.) [СОШ 2003: 814]. Отсылка к источнику высказывания, упоминание имени вождя: *История ВКП(б), Сталин* – демонстрируют идеологическую ориентированность контекстов. Слово *труд* употребляется для выделения морального аспекта ситуации, когда важен не внешний результат, а внутренний долг или потребность личности. Авторы «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» отмечают, что в советском идеологическом клише *От каждого — по его способностям, каждому — по его труду* языковые ЛСВ не получают репрезентации. «Слово *труд* изначально было употреблено неточно, поскольку имелся в виду скорее конечный результат деятельности, чем усилия» [НОСС 1999: 310].

Обращает на себя внимание помета *высок.* в приложении к сочетанию *люди труда*. Изначально нейтральное выражение приобретает в речевом употреблении признаки высокого слова, что получает закрепление в словаре. По словам И. Т. Вепревой, «ощущение высокого стиля задано канонами советской идеологии, предполагающей сакрализацию известных, социально значимых понятий из сферы высоких чувств и принципов» [Вепрева 2002: 164]. Таким принципом выступает причастность каждого человека к труду, трудолюбие.

«Толковый словарь языка Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [ТСЯС 1998] представляет описание функционирования слова *труд* в советскую эпоху. В словарной статье предлагается одна дефиниция *труда* – *созидательная деятельность человека* [ТСЯС 1998: 609]. Осмысление языковым коллективом всех нюансов значения данного слова приводится на примере его сочетаемости с различными прилагательными: *освобождённый, победивший, беззаветный (благородный, вдохновенный, самоотверженный, упорный, ударный, честный), созидательный, общественно-полезный, мирный, социалистический, коммунистический* [ТСЯС 1998: 609–610]. Круг предикатов *труда* формируется в соответствии с задачей идеологии: представить труд как одну из главных форм жизни в государстве, основанном на принципах социализма, коммунизма. В соответствии с этой задачей осуществляется отбор прилагательных, итоговое количество которых по данным контекстов сравнительно невелико и достаточно стабильно.

Словосочетания слова *труд* с этими прилагательными развивают устойчивые смыслы, которые расширяют его коммуникативное значение за счёт сем: 'победа', 'самоотверженность', 'созидание', 'польза', 'исполненный дружбы / согласия', 'в условиях социализма'. Положительные идеологические коннотации, присущие каждому из атрибутивных сопроводителей лексемы *труд*, объединяют их в общий блок характеристик *коммунистического труда*. По этому поводу Л. О. Чернейко пишет: «Имена явлений объединяются в нашем сознании на том основании, что объединяются воспринимаемые вещи, стоящие за этими именами» [Чернейко 1999: 448]. В данном случае роль объединяющей основы выполняет мелиоративная идеологическая оценка *труда*, создающая вокруг него ореол особой политической и социальной значимости.

В «Толковом словаре русского языка конца XX в.» под редакцией Г. Н. Складчиковой [ТСС 2000] актуальное значение слова *труд* представлено через его сочетаемостные возможности: *Биржа труда. Богословские труды. Бригада коммунистического труда. Внешнеэкономическое принуждение (побуждение) к труду. Коллектив коммунистического труда. Ударник коммунистического труда. Минимальный размер оплаты труда* [ТСС 2000: 639].

Представленные выражения актуализируют два языковых ЛСВ *труд*: 'деятельность' (*труд 1*) и 'произведение' (*труд 5*), которое имеет место в сочетании *богословские труды*. Контексты со словом *труд 1* ('деятельность') отражают две сферы жизни общества: идеологическую и экономическую. Идеологическое осмысление труда ограничивается сочетанием *коммунистический труд* – 'деятельность в условиях коммунизма', – что обусловлено, по всей видимости, активными процессами деидеологизации общественной жизни общества в конце XX в.

В выражениях *внешнеэкономическое принуждение к труду, минимальный размер оплаты труда, биржа труда* (вновь вошедшее в актив в постсоветскую эпоху) при описании экономической сферы жизни общества в фокусе внимания оказывается производственная сторона труда. Вследствие этого актуализируются семантические компоненты 'экономический фактор', 'результат', 'рабочая сила', 'возможность трудиться'.

Таким образом, в иллюстративной части словарных статей *труд* осмысляется этнокультурно и идеологически. Этнокультурное понимание труда представляет его как процесс, требующий усилий, при этом его желательность / нежелательность зависит от представленных результатов. Труд желателен как явление, дающее пищу и одежду, но нежелателен как явление, требующее усилий и не приносящее в итоге богатства. Идеологические контексты актуализируют многочисленные идеологически окрашенные смыслы 'внутренний долг', 'потребность личности', 'в условиях коммунизма / социализма' и т. д. Контекст переводит труд в сферу идеологически значимых и мифологизируемых понятий.

ЛИТЕРАТУРА

- Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений // Вопр. языкознания. — 1973. — № 1. — С. 3–16.
- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург: УрГУ, 2002. — 380 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Изд-во иностр. и нац. слов., 1955.
- Ерёмина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003. — 253 с.
- Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург; Пермь: УрГУ, 1995. — 144 с.
- НОСС: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. — 2-е изд., испр. / сост. Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская и др. — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. — 552 с.
- СОШ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2003. — 944 с.

Токарев Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2003. — 46 с.

ТСС: Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / РАН. Ин-т лингвистич. исслед.; под ред. Г. Н. Складневской. — СПб.: Фолио-Пресс, 2000. — 700 с.

ТСЯС: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

Ушаков: Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. — М.: ОГИЗ, 1935 — 1940.

Чернейко Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. — М.: Спорт-АкадемПресс, 1999. — С. 439–460.

CULTURAL INFORMATION IN EXPLANATORY DICTIONARIES

O. V. Chernova

The article identifies the core of concept “Work” through the analysis of lexical meaning of words work and labor obtained from the most significant and authoritative Russian and Soviet dictionaries.

Key words: cultural information, explanatory dictionary, concept “Work”, semantic core of the concept, ideological connotation.

© 2011

Т. Н. Скокова

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛЯТИВНОСТИ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ РУССКО-НЕМЕЦКОГО СЛОВАРЯ

Статья посвящена рассмотрению возможности составления двуязычного словаря с учётом семантических реляций с целью экспликации значения, а также с использованием отношений (тождество, включение, обладание) как дополнительной информации для определения значения слова. Выявление «точек» в концептуальном целом — это выявление особых кодов отношений. Отношения рассматриваются как надязыковая мыслительная категория, которая в языке может быть обнаружена как в парадигматике, так и в синтагматике.

Ключевые слова: релятивность, семантические реляции, коды отношений, лексикографический метод, экспликация значений.

Одним из важнейших этапов лексикографирования является репрезентация в словаре слов в структурно-семантическом ракурсе. В истории лексикографии известен период, когда связь между лексикографией и теоретическим языкозна-

Скокова Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Белгородского государственного университета. E-mail: Skokova@bsu.edu.ru

нием проявлялась в составлении грамматических словарей, что требовало от лексикографа классификации словесного материала с грамматической точки зрения. В настоящее время делаются попытки устранить разрыв между лексикографией как прикладной наукой и отдельными лингвистическими дисциплинами. Ещё в прошлом веке В. Дорошевский писал: «Современная эпоха — эпоха интеграции языкознания как теоретической науки о языке, лексикологии как науки о словах, лексикографии как науки о способах классификации словесного материала и его представления в словарях» [Дорошевский 1973: 36]. Ему также принадлежит мысль о том, что в своём стремлении к уточнению языковых фактов лингвист оказывается перед проблемой локализации этих фактов в каждом отдельном человеческом мозге.

В современной теории лексикографии в связи с развитием когнитивной лингвистики актуальным становится адекватное представление в словаре **системно-семантических** свойств слов. Одной из разновидностей системно-семантического словаря, на наш взгляд, может быть релятивный двуязычный русско-немецкий словарь. В его словарной статье должны отображаться релятивные свойства слова содержательного и формально-структурного характера, а именно:

1) семантические *реляции* (нем.: *semantische Relationen*), используемые с целью экспликации лексического значения;

2) отношения *тождества, включения и обладания*, выполняющие роль дополнительной информации при определении значения слова. Исключение в этом разделе составляет лексикографирование терминологии (см. об этом: [Spitzmüller 2004: 177]);

3) дискурсивно-контекстуальные пояснения и уточнения с помощью всевозможных синтагм, включая устойчивые словосочетания, фразеологизмы, типичные производные образования, при учёте когнитивных аспектов.

Релятивность способствует реализации грамматических свойств единиц на парадигматическом и синтагматическом уровнях (см. работы В.А. Богородицкого, Г.А. Шигановой и др.). Особенно сложными для лексикографической репрезентации оказываются выявляемые ретроспективно релятивные отношения между фразеомообразующими компонентами фразеологических оборотов. Разумеется, актуальными такие отношения были в структуре свободного синтаксического генотипа фраземы. Н. Ф. Алефиренко пишет, что «отношения между компонентами мысли составляют один из важнейших аспектов её формы, поскольку межуровневое взаимодействие фразеомообразующих компонентов, единиц лексической и грамматической семантики, находится в определённой зависимости от семантической формы построения человеческой мысли — представления данного языкового коллектива о номинируемой фраземой денотативной ситуации» [Алефиренко 2004: 75]. Особенно важным является учёт такого рода отношений при составлении двуязычных и переводных словарей. «Познавая один и тот же участок объективной реальности, люди могут отображать в одних случаях отношения между одними её частями, а в других — между другими. В связи с этим возникают различия в системе отношений между компонентами мыслей, тождественных по объективному содержанию: при одной структуре мысли устанавливаются непосредственные отношения между одними компонентами, при другой — между другими» [Чесноков 1984: 9].

Покажем продуктивность использования данной теории в лексикографической практике. Нами разработана модель словарной статьи слова-имени концепта «Мысль». Концептуальное целое «Мысль» имеет вполне конкретный логический смысл. Данное понятие, как, собственно, и другие, представляется в форме строгих форм мышления, а в ходе концептуального мышления порождаются новые понятия. (*Alle Sprache ist Bezeichnung der Gedanken*. Е. Кант.) «Эта возможность конструктивного мышления связана с тем, что концептуально “схваченные” явления всегда содержат в себе множества, поскольку отражают нечто тождественное в разном, т. е. сущность. Это обстоятельство — возможность для порождения нового» [Теслинов <http>].

1. Прежде всего, при составлении словарной статьи приходится решать проблему **отношения тождества**. Необходимость определения тождественных понятий и тождественных или близких лексических значений состоит в том, что в процессе их лексикографической репрезентации важно располагать некой определённой, а ещё лучше — однозначностью, так как при изменении семантического объёма связывание лексических значений не может осуществляться без установления тождественности.

Мысль = *Gedanke*, der; -ns, -n = то же, что мышление, убеждения, способ понимания чего-н. = *das Denken*; дума; то, что заполняет сознание, продукт деятельности разума = *was jmd. denkt oder gedacht hat*: невероятные (фантастические, авантюрные, бунтовские (подстрекательские), еретичные, отважные (смелые, удалые, дерзкие, отчаянные), опасные, честолюбивые, странные (поражающие, удивительные), сковывающие, горькие, сердитые, мрачные, серьёзные, мучительные, критичные, креативные, счастливые *M. = *abenteuerliche, aufreißerische, freiheitliche, ketzerische, verwegene, gefährliche, hochfliegende, befremdliche, beklemmende, bittere, böse, düstere, ernste, wehmütige, kritische, schöpferische, glückliche Gedanken*; они не могли справиться с *M.*; иметь свои собственные *M.* о чём-либо; об этом у меня те же *M.*, что и у него; предаваться мрачным *M.*; кого-то мучат полные отчаяния, ужасные *M.* = *sie konnten keinen klaren Gedanken fassen; seine eigenen Gedanken über etw. haben; ich habe darüber die gleichen Gedanken wie er; sich trüben Gedanken hingeben; jmdn. quälen verzweifelte, schreckliche Gedanken*; мысль восхищает, охватывает кого-то; мысль пронеслась, промелькнула у меня в голове = *ein G. durchzuckt, erfaßt jmdn.*; *ein G. schoß, fuhr, ging mir durch den Kopf*; чья-то *M.* подкупает, напрашивается = *ein G. besticht, drängt sich auf*; чьи-то *M.* работают, кружатся вокруг чего-то, путаются, текут медленно, путаются = *jmds. Gedanken arbeiten, kreisen um etw., verwirren sich, gehen langsam, irren*; не быть в состоянии отделаться от какой-то *M.* = *sich eines Gedankens nicht erwehren können*; поймать себя на *M.* = *sich bei einem Gedanken ertappen*; *sich an einen Gedanken klammern*; привыкнуть к *M.* = *sich mit einem Gedanken befreunden*; быть погружённым в свои *M.* = *in Gedanken verloren, versunken, vertieft sein; ganz in Gedanken sein*; привыкнуть к *M.* = *sich mit einem Gedanken vertraut machen*; отклониться от *M.* = *mit den Gedanken abschweifen*; *weit fort mit den Gedanken sein*; *mit den Gedanken (nicht) bei der Sache (unkonzentriert) sein*; *M.* выпазить, развивать = *äußern, ausspinnen, ausführen, weiter verfolgen, weiterführen, aufgreifen*; подавить; отбросить *M.* = *niederkämpfen, unterdrücken, abschütteln, abtun, fallenlassen, verwerfen*; расточать *M.* = *Gedanken verwenden, verschwenden*; пришла*

в голову *M.* = *auf einen Gedanken verfallen; ausschalten; обмениваться мыслями о книге = Gedanken über ein Buch austauschen; довернуть свои M. бумаге = seine Gedanken dem Papier anvertrauen; не уметь выразить свои M. = seine Gedanken nicht ausdrücken können; направить чьи-то M. в определённое русло = jmds. Gedanken auf etw. lenken; уметь читать M. = Gedanken lesen können и др.*

«Связывание» слов в содержательные отношения одновременно сопровождается объединением в сознании элементов их объёмов (ср., напр., как передаётся значение слова *мысль* Львом Фельдманом в переводе стихотворения И. В. Гете «К Шарлотте фон Штейн» (1759–1805): *Мои влечения, помыслы, печали / к тебе одной стремятся всё сильней, / Вся жизнь моя привязана к твоей = Aber freilich tausend und tausend Gedanken steigen in mir auf und ab. Meine Seele ist wie ein ewiges Feuerwerk ohne Rast* (Goethe. An Charlotte von Stein). При этом каждый элемент объёма некоторого денотативно-сигнификативного содержания значения слова является его интенционалом. Причём по отношению к исходному родовому интенционалу, в объёме которого выделяются конкретные семы, эти денотативно-сигнификативные элементы являются видовыми. Таким образом, в границах уже одной концептуально созданной системы сразу же возникают различные по степени конкретности отношения: родовое и видовые отношения (Н. Н. Карпицкий и др.).

2. При составлении словарной статьи используется также **отношение включения**, выявление которого осуществляется с помощью идентификации. На основании имеющейся информации лексикографу необходимо идентифицировать (распознать и выделить) слово (объект), которое в нашем языковом сознании включено в некое лексическое подмножество. Как утверждал Х. Бринкман, идентификация — это узнавание, которое проникает в связь между данностями. Идентифицирующее включение имеет несколько подвидов, одним из которых является «дефиниционное включение». Необходимость отображения данного вида включения в структуру словарной статьи обуславливается, кстати, разработанным в теоретической семасиологии интегральным подходом к значению слова. Так, согласно И. А. Стернину, значение слова включает большое количество минимальных смысловых элементов, а структурно организованная совокупность элементарных смысловых элементов образует системное значение. В словаре важно адекватно представить когнитивный уровень оформления отношения включения. В нашей классификации — это разновидность **метаноминативного** включения. Оно характерно для случаев, когда включающее относится не к первичному референту, а к его номинанту, являющемуся метареферентом включения.

Между включающим (*Мысль = Gedanke*) и включаемым устанавливается отношение, при котором: а) включаемое охватывает определённый аспект включающего: **представление**: *мне пришла мучительная, ужасная, невыносимая M. о том, что... = Vorstellung: es ist mir ein peinlicher, schrecklicher, unerträglicher G., daß ...; привыкнуть к M. = sich an einen Gedanken gewöhnen; соображение*: *это спасительная, хорошая, отличная, неплохая, внезапная M. = Einfall: das ist der rettende, erlösende, ein guter, ausgezeichneteter, kein schlechter G.; ein plötzlicher G.; беспокойство*: *иметь тяжёлые, тревожные, беспокойные M. о ком-то, о чём-то = Sorge: sich /Dat./ schwere Gedanken machen и др.*; б) включаемое в большинстве случаев — это неотъемлемый элемент при формулировании обобщений:

умственный **расчёт, план, намерение**: *носить, играть с М.* = **Plan, Absicht**: *sich mit einem Gedanken tragen; mit einem Gedanken spielen* и др.; в) включаемое не является новым понятием, а представляет собой название класса, с помощью которого обозначается включающее: **Убеждения, способ понимания чего-н., идея; суждение, мнение, соображение и заключение**: *М. о свободе, мире; служить той же М.; основная М. произведения; догадаться о чьих-то М.; облекать М. в слова* = **Begriff, Idee**: *der G. der Freiheit, des Friedens; demselben Gedanken dienen, der tragende G. des Werkes; jmds. Gedanken ahnen, erraten; einen Gedanken in Worte kleiden* и др.

3. Концептуальное целое «**Мысль = Gedanke**» может быть определено как «точечное множество», для которого возможна индивидуализация всех элементов этого множества. Точки смыслового континуума должны рассматриваться лексикографом как особые коды определения отношений. В этом случае важным оказывается рефлексивность отношений, проявляющаяся в двунаправленности реляций. **Отношение обладания** фиксируется в границах уже концептуально созданной системы (или ориентируется на неё), в основе которой — отношение тождества или включения. Создание методики лексикографического описания подобного типа демонстрирует, что процесс порождения смысла идёт не по восходящей, а по нисходящей линии. Причём чем он глубже, тем более дробной классификации подвергается данное лексическое подмножество. Категория обладания наиболее чётко выявляется в той области, где наиболее глубоко и полно эсплицируются личностные смыслы, обнаруживающие понимание значения слова тем или иным носителем языка в связи с его этническим менталитетом. Да, собственно, и сама *мысль* индивида участвует в освоении мира. Именно на этих путях, как считает М.М. Новосёлов, в ходе развития сознания и его категорий, возрастает внутреннее содержание идеи обладания.

Мысль = Gedanke, der; -ns, -: *умная, новая, разумная, заманчивая, интересная, ясная, привычная М.* = *ein kluger, neuer, vernünftiger, verlockender, interessanter, einleuchtender, gewohnter G.*; *М. осеняет, приходит, рождается* = *ein G. taucht auf; ein G. kommt.*; *М. принадлежит ему* = *der G. ist von ihm ausgegangen*; *М. подхватить, иметь, преследовать* = *aufgreifen, aufnehmen, einen Gedanken fassen, haben, einem Gedanken nachjagen*; *его М. причудливы* = *seine Gedanken gehen seltsame Wege*; *что-то останется только М. (не станет явью)* = *etw. bleibt nur G. (wird nicht Wirklichkeit)*; *иметь что-то только в М.* = *etw. ist nur in Gedanken vorhanden*; *мучиться М.* = *von einem Gedanken gepeinigt sein*; *следовать своим М.* = *seinen Gedanken nachgehen*; *остаться наедине со своими М.* = *sich seinen Gedanken überlassen*; *собратся с М.* = *seine Gedanken konzentrieren, sammeln, zusammennehmen*; *упорядочить, изложить, развивать М.* = *ordnen, darlegen, entwickeln*; *соглашаться с чьей-то М.* = *auf jmds. Gedanken eingehen*; *читать чью-то М. у кого-то на лице* = *jmdm. die Gedanken vom Gesicht ablesen*; *на М. запрета нет, мыслить не запрещать* = *Gedanken sind zollfrei*; *Das Band, die Gedanken zu binden, soll man noch finden* и др.

Предложенный подход к лексикографированию лексических значений не носит абсолютного характера и может варьироваться. Но эффективность данного лексикографического метода, на наш взгляд, определяется очевидным логическим основанием. Он полностью соответствует самому лингвокогнитивному процессу

динамики формирования и развития семантической структуры слов, их свойств, качеств и признаков, хотя путь научного познания, как известно, не тождествен пути развития самих объектов изучения. В рамках предлагаемой модели составления словарной статьи отношения *тождества*, *включения* и *обладания* рассматриваются как надязыковые когнитивные категории, которые в самом языке могут быть обнаружены как в парадигматике, так и в синтагматике слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г.* Проблемы фразеологического значения и смысла. — Астрахань: Изд. дом. Астрахан. ун-та, 2004. — 296 с.
- Дорошевский В.* Элементы лексикологии. — М.: Прогресс, 1973. — 285 с.
- Карпицкий Н. Н.* Трансцендентальное предчувствие как феномен человеческой субъективности. [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru> (дата обращения: 10.02.2011).
- Новосёлов М. М.* Абстракция в лабиринтах познания. — М.: Идея-Пресс, 2010. — 410 с.
- Теслинов А. Г.* Концептуальное мышление как конструктивная философия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teslinov.ru/public/tekushee/index.html> (дата обращения: 10.02.2011).
- Чесноков П. В.* Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // *Вопр. языкознания*. — 1984. — № 5. — С. 3–13.
- Brinkmann H.* Die Deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. — Düsseldorf: Schwann, 1971. — 1940 S.
- Spitzmüller J.* Semantik // *Sudienbuch Linguistik*. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. — S. 153–192.

COGNITIVE ASPECTS OF RELATIVITY IN COMPILING RUSSIAN-GERMAN DICTIONARY

T. N. Skokova

The article deals with the feasibility of compiling a bilingual dictionary considering relational meaning for better meaning explication and relations of identity, inclusion, possession as additional information for identifying word meaning. Revealing certain “points” in the conceptual entity implies the presence of specific relation codes. The relations are regarded as an over-linguistic mental category that can be found both in paradigmatics and syntagmatics.

Key words: relativity, semantic relations, relation code, lexicographic method, meaning explication.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА И ЯЗЫКА РУССКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

© 2011

И. А. Подюков, Е. Н. Свалова

ФРАЗЕОЛОГИЯ ПРОМЫСЛОВОЙ РЕЧИ ПРИКАМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье рассматриваются тематические группы, особенности образности, специфика функционирования фразеологизмов промысловой речи Прикамья. Устанавливается набор характерных для данной фразеологии мотивационных признаков, использующихся при номинации реалий охоты и рыболовства, делаются выводы о месте данной фразеологии в народной терминосистеме (направленность на детализацию в обозначении промысловых реалий и особенностей природной обстановки). Кроме того, рассмотрены фразеологизмы, анализ которых позволил выявить мировоззренческие, психологические и морально-этические особенности профессионального сообщества промысловиков, особенности промыслового речевого этикета.

Ключевые слова: промысловая речь, специфика фразеологии охоты и рыболовства, промысловый речевой этикет.

Традиционная промысловая культура к настоящему времени остаётся недостаточно изученной, как и её вербальное воплощение — промысловая речь. Владение особыми навыками промысловой деятельности и тонкое знание природы находит своё выражение в специфической терминосистеме, направленной на детализацию в обозначении промысловых реалий и на выделение значимых для промысловика особенностей природной обстановки. Кроме того, в профессиональной речи выражаются особые мировоззренческие, психологические и морально-этические особенности сообщества промысловиков. Поэтому лексикографическое описание промысловой речи требует своих подходов, в том числе диалектологических и этнолингвистических, поскольку культурные традиции охотников и рыбаков тесно связаны с территорией проживания и традиционными верованиями.

Фиксация данных промысловой речи Прикамья показывает, что фразеологическая часть пермского промыслового словаря весьма разнородна. Значительное место в ней занимают термины-фразеологизмы, которые используются для обозначения специфических понятий и предметов; своеобразны фразеологические

Подюков Иван Алексеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета. E-mail: podjukov@yandex.ru

Свалова Екатерина Николаевна — аспирант кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета. E-mail: svalova87@mail.ru

экспрессивные оценки промысловой деятельности; особый пласт промысловых фразеологизмов-паремий используется для промысловой коммуникации (приветствия, пожелания, заговорные паремии).

Основная группа словаря — термины-фразеологизмы, раздельнооформленные языковые образования с цельной семантикой. С помощью таких номинаций выделяются классы и отдельные виды промысловых животных. К классу *белой рыбы* обычно относят чешуйчатую (окунь, чебак), а также крупную рыбу типа хариуса, голавля, судака (в этом названии прилагательное *белый* указывает на светлый окрас или цвет мякоти рыбы). Соотнесены с этим названием номинации *серая рыба* (налим, окунь, щука), *чёрная рыба* (ею считается крупная чешуйчатая рыба — судак, *лещ и жерех*) и *красная рыба* (хрящевая рыба типа осетра и стерляди, являющаяся высшим сортом). Название рыбы *красная*, как и *севрюги*, *сёмги*, *лосося*, подчеркивает её красоту и «благородство».

Аналогично в названиях животных охотники называют красным зверем наиболее ценную добычу: волка, лисицу, реже (у северных охотников) также медведя и рысь. Чаше, впрочем, **медведь считается чёрным зверем; охота на него опасна, что и подчёркивает символически чёрный цвет (реальный цвет зверя — бурый).** *Красной* считается также лучшая болотная дичь (дупель, бекас, гаршнеп, вальдшнеп, глухарь, серая куропатка). Эпитет *красный* закрепляется и за рядом других позитивных обозначений понятий охоты — *красное поле* (в речи псовых охотников так называется удачная охота с борзыми на волка или лисицу).

Объект промысла называют не только по сорту, но и по месту обитания (пермск. *песковая рыба* — рыба, водящаяся в песчаных местах); по географии распространения — *русский налим* (налим может быть назван так, поскольку в Европе он редок и мелок; ср. также *сибирский налим* — подвид, отличающийся большим размером и весом, *русский осётр*, отличающийся от немецкого более тупым носом и широким ртом). В Прикамье известно обозначение *русская рыба* для речной рыбы в противовес морской: «Я только русскую рыбу ем, из своей реки, из магазина задаром не надо, душа не примат» (Карагайский р-н, д. Якшино). Специфично также пермское обозначение мелкой рыбы с крупной головой *русский налим*: «Русский налим — он толщиной с палец, такой длины, с четверть, башка и усы» (Кудымкарский р-н, д. Б. Сидорова).

Название крупного окуня *паровой* подчёркивает его повадки: он охотится в так называемом «котле», где много малька (вода от постоянных всплесков окуня как бы закипает). Названия *рыба перстовая*, *четвертная* («Рыба мулёк называется — четвертная. Но очень вкусная, хоть и в пирог её» — Уинский р-н) отмечают размер рыбы (ср. шутол. *щука с руку*). Сезонные видоизменения обозначает сочетание *красный ар* 'гольян-краснопёрник во время икрометания' («Когда красный ар идёт (на икрометание — авторы), он краснеет. Усики тут краснеют и живут. Когда проходит цветение, он опять становится обыкновенным» — Кудымкарский р-н, д. Балкачи).

Классификационные характеристики имеют фразеологические термины, определяющие особенности промысловых собак (*зверовая / звериная собака* 'собака, идущая на крупного зверя' — от эвфемического *зверь* для обозначения крупного, опасного животного; *лосевая собака* 'приученная к охоте на лося собака');

подружейная собака ‘натасканная на поиск птицы и подъём её на крыло под выстрел охотника собака’, *охотная / охотская / лесобная / лесовная собака* (приученная к охоте собака в противоположность *дворовой*).

Фразеологические характеристики получают многие погодные условия. Ветер, благоприятствующий рыбалке, называется *рыбный* («*Западный, мол, рыбный ветер-то*» — Верецагинский р-н), ср. арх. *сельдяной ветер* ‘северный ветер, пригоняющий к берегу Поморья косяки сельди’ [СРНГ, 37, 2003: 139]. При сильном ветре потоки воздуха перемешивают воду и обогащают её кислородом, насекомые срываются с прибрежных деревьев, что и способствуют клёву. Ветер, дующий по течению реки, не способствующий клёву, называется *погонный* (такой ветер нарушает водную гладь и не даёт дневному свету проникнуть в водные глубины, что дезориентирует хищника).

В терминологии представлены и номинации связанной с промыслами пищи. Выражение *межённый засол* (Гайнский р-н) используется для обозначения особого вида засола. Термин *меженный засол* (аналог т. н. *сигового* засола, когда рыба приобретает особый запах-«душок») связан с названием *меженью* середины лета и пойманной в это самое жаркое время рыбы (ср. также смол. *межённое сено* ‘сено, убранное в хорошую погоду в июле’ [СРНГ, 18, 1982: 84]).

В глагольных терминологических сочетаниях обозначены способы того или иного промысла: *сидеть на солонцах (на соли)* ‘сидеть в засаде, карауля приученного к соли зверя’, *сидеть на чучелах* ‘охотиться с чучелами’, *сидеть на гусях* ‘заниматься охотой на гусей’, *сидеть на белке* ‘охотиться на белку’, *сидеть на строгах* ‘добывать рыбу острогой’. Глагол *сидеть* здесь получает семантическое расширение ‘существовать в том или ином социальном качестве’ — при том, что в большинстве случаев действительно в том или ином промысле необходимо пребывание в неподвижности (ср. в говорах *сидеть на группе* ‘быть инвалидом’, *сидеть на веретёшке* ‘прясть, быть пряхой’). Другой способ обозначения вида промысла задан глаголами движения *ходить / идти / бегать* — *ходить (идти, бегать) за охотой (за промыслом)* ‘охотиться’: «*Раньше ходил маленько на удочку, рыбу носил, а час уж забросил*» (Октябрьский р-н, с. Бияваш). В этом случае имеет место в целом распространённое в русском языке использование глаголов пространственного перемещения для метафорического обозначения постоянной социально значимой деятельности (ср. также *идти в рыбу* пск. ‘рыбачить’, *пойти в невод* новг. ‘отправиться на рыбную ловлю’, сиб. *на неводу быть* ‘рыбачить неводом’ [СРНГ, 20, 1985: 350]). Одновременно слова *удочка, невод, рыба* получают оттенок абстрактности (ср. аналогично новосиб. *в рыбе быть* ‘находиться на рыбной ловле’ [СРНГ, 35, 2001: 292]).

Охота и рыбалка не только промысел и ремесло, которое кормит. По своей внутренней сути эти занятия близки и к техническому, и к художественному творчеству. Истинный рыбак, как и охотник, получает удовольствие от самого процесса промысла, кроме того, он психологически на время промысла освобождается от социальных связей и отношений и погружается в жизнь дикой природы. Креативность, наличие особой ментальности — важное качество промысловика. Фразеологически об особо удачливых рыбаках говорят: «*У него рыбные глаза*». Выражение фиксирует наблюдательность рыбака: у рыб каждого вида свои характерные движения и повадки. Обозначение человека, к которому хорошо идёт

зверь, — у него есть охотничья косточка, — фразеологизм, соотносимый с известными оценками *мастеровая косточка* (о мастеровитом), *военная, солдатская косточка*. Скорее всего, в них речь идёт о том, что навыки передались по наследству, поскольку *кость* символически обозначает социальное происхождение и родословную человека.

Отдельные промысловые фразеологизмы-мифонимы раскрывают сакральную, мистическую суть рыбалки. Выражение *чёртика дразнить* ‘рыбачить, пытаться счастья в рыбалке’ строится на общеславянских поверьях о том, что в воде обитают черти (ср. в пословицах: *Огня чёрт боится, а в воде селится; Работа не чёрт, в воду не уйдёт*). Выражение *Облом Петрович* обозначает нулевой результат долгих попыток поймать рыбу, бесклёвье, невезение (в современной переписке на рыбацких сайтах это имя передаётся аббревиатурой *ОП*, полный *ОП*). Мифологизация неудачи и персонифицирование её мотивированы тем, что, поскольку удача неподвластна человеку, задача рыбака — задобрить или обмануть её (отсюда обычай обязательно по приезду на рыбалку первую стопку налить водяному). «Бог водоёма», по рассказам рыбаков, забирает самые «уловистые» спиннинги, блёсны, даже лодки, рации и телефоны. Говоря о начале рыбалки, рыбаки часто говорят: *поздоровался с Петровичем*, об отказе от неё — *подождёт Петрович*. В основном на *Петровича* «списываются» неудачи (*Петрович свирепствует; Облом Петрович поводки кусает, кончики удильца отламывает*), хотя в ряде случаев он выступает и как наставник (*Великий О.П. подсказывает удочки сматывать* — о необходимости заканчивать рыбалку).

Отчество *Облома Петрович*, несомненно, связано с тем, что покровителем рыбаков до сих пор считается св. Пётр. Свое начало *О.П.*, вероятно, берёт из русских сказок (известна, в частности, сказка нач. XX в. А. В. Амфитеатрова о леших с именами *Облом* и *Обло*). Встречающееся значительно реже имя духа водоёма *Облом Иванович* развёртывает несколько иную идею — отсылку к одному из самых частотных русских имён *Иван*. Известно, что отчество *Иванович* способно замещать любое другое отчество, поэтому его получают многие фольклорные персонажи (кот *Котань Иванович*, лиса *Лизавета Ивановна*, волк *Валерий Иванович*). Наделение абстрактной неудачи мужским именем можно расценивать как попытку человека с помощью имени контролировать ситуацию, подчеркнуть значимость места человека в соперничестве с силами стихии.

Экспрессивно окрашенные фразеологизмы в промысловой речи используются для обозначения либо крупной, ценной, либо мелкой добычи. Шутливо-ироническую окраску имеет обозначение мелкой рыбы *безгрешная* (возможно, отсылка к идее «праведности» связана не только с указанием на то, что эта рыба не является хищником, но и с устойчивым общекультурным ассоциированием с рыбой Иисуса Христа). Особое уважительное отношение к хариусу выражено в сочетании *рыба серьёз* (где *серёз*, скорее всего, паронимически деформированное исковерканное *хариус* — ср. созданные по псевдотимологии шутливые ихтионимы *кокунь / какунь* ‘окунь’, *подлец* ‘подлещик’, *сундук* ‘судак’, *тарас* ‘карась’, *лось* ‘лосось’). Шутливое название рыбы чехонь *сестра милосердия* связано с тем, что рыбаки обычно относят её к сорной, малоценной рыбе. Эта стайная, непугливая рыба, которая ловится любыми снастями и уверенно берёт наживку, при неудачной рыбалке легко будет поймана и сгладит досаду от невезения.

Экспрессивные оценки могут распространяться также на промысловые снасти. *Удочкой лодыря* называют особую спиннинговую снасть с кормушкой — обычно для стоячей воды или водоёмов с небольшим течением. Так же иногда называют спиннинг класса «ультралайт» (сокращенно *УЛ*, *UL*), очень лёгкую и в то же время чувствительную снасть для ловли относительно небольших по размерам и весу, нехищных рыб (рыбаков, предпочитающих этот способ ловли, нередко называют *улётчик*). Каламбурное обозначение, очевидно, выражает иронию рыбака, специализирующегося на более сложных видах рыбалки.

Промысловая деятельность представляет собой мощную субкультуру, которая до сих пор тесно связана с ритуалом. Следы этой ритуализованности легко обнаруживаются в используемых в промысловой речи словесных формулах. Примером может служить рыбацкое заклинание *Пётр-Павел пророк, дай мне рыбы на тирог* (п. Мысы Гайнского р-на; слова говорятся перед забрасыванием снасти). Паремия содержит обращение к высшим силам — в т. ч. к апостолу Петру, покровителю рыбаков.

Ряд словесных формул, предвещающих промысел, представляет собой либо благопожелания, которые ориентируют на «удачу», либо недобрые пожелания, которые, по народным представлениям, могут её «спугнуть». В большинстве паремий содержится прогнозирование успеха: *Рыбочка на удочку*, *Рыба в ловушку*; *Рыба в ловушку*, *Рыба в сак*, *Рыба на уду*! В других пожеланиях программирование успеха связано с неким «обманным» ходом и внешне выглядит как пожелание неудачи: *Ни хвоста, ни плавникова*; *Ни пуха ни пера (ни рыбки ни хвоста)*. Последнее пожелание строится на эвфемических охотничьих обозначениях *перо* ‘птица’, *пух* ‘звери’ (ср. иное осмысление без промысловых ассоциаций сочетания *Пух да перо*! в пожелании лёгкого подъёма при въезде на лошади в гору — новосиб. [СРНГ, 33, 1999: 160]). Устойчивый компонент многих пожеланий *ни хвоста* (*Ни пуха ни пера*, *ни рыбьего хвоста*) мотивирован тем, что слово *хвост* обычно используется как мера счёта рыбы. Выражение (*Чтоб*) *в белый свет как в копеечку* содержит совет охотнику промахнуться и также представляет попытку «засекретить» истинную цель охотника.

От пожеланий типа *Ни клёва ни улова*, которые имеют целью обман духов-покровителей рыбы, следует отличать недобрые пожелания типа *Рыба с уды* (ср. арх. *Рыба ко дну — чёрт на уду*! [Ляхова]); *Лешачок в сачок*! *Хрен на уду*. Впрочем, эти выражения можно интерпретировать и как проявление «отводной» магии, и как разновидность ритуальной ругани, ориентированной на успех.

Разнообразны словесные формулы, сопровождающие промысел: *Не та попала* («*Поймайшь рыбу, дак не надо радоваться. Скажи только — попала, да не та*» — Юрлинский р-н, с. Усть-Зула; «*Если с удочки рыба сорвётся — скажешь: «Ушла, так иди, пусть другому попадёт»*» — Кочевский р-н, д. Хазово). Паремия *Не та попала* произносится с целью не спугнуть удачу и также является примером действия «от обратного»: рыбак или охотник намеренно не радуется, чтобы не спугнуть удачу. Особенно выделена первая добыча: «*Первую рыбку выбрасывают, скажем, обратно: “На, дяденька, себе возьми эту рыбу, мне побольше дай”*» (Кочевский район, д. Хазово); «*Поймав рыбку, побейте её легонько со словами “Пришли деда, пришли бабу, пришли папу, пришли маму, пришли тётю, пришли дядю”, потом отпустите*» (г. Пермь). Словесный комментарий, сопровождение

хода рыбалки представляют высказывания типа *Поймал я язя — и есть нельзя!*; *Два налима проплыли мимо*; *Рыба плавает по дну, не поймает ни одну*. Такие рифмованные «приговорки» обеспечивают эмоциональную и психологическую разрядку участников рыбалки.

Некоторые заговорные формулы «на удачу» сопровождаются особыми действиями, которым придаётся ритуализированный смысл: *На ссяку — рыба всяка (на ссаньё — окуньё, на пердёж — рыба ёри* — Косинский р-н, п. Светлица). При произнесении этих слов полагается мочиться в воду. В этом случае можно предполагать архаическое восприятие физиологического акта как некоего «тайнства», способа приобщения к священному. В ритуале человек, отдавая воде некую часть себя (а моча в традиционной культуре считается энергетически сильной субстанцией), таким образом осваивает это пространство, подчиняет его себе.

Отмечены в говорах приветствия рыбаку, возвратившемуся с уловом: *С уловом*, уральск. *С поимкой вам!* [СРНГ, 28, 1994: 349] (ср. якутск. *С промуслом!* [СРНГ, 32, 2000: 190]). В ряде случаев, однако, при встрече с кем-либо рыбак не должен ничего говорить: «*Если с рыбалки идёт рыбак, спрашивают: “Как рыбалка? Поймал?” — “Да ни хрена”. Хотя у него тут целый рюкзак рыбы, а никогда не хвалится, что поймал*» (Кочевский р-н, д. Хазово).

Таким образом, фразеология промысловой речи представляет собой достаточно сложный в функциональном, семантическом и структурном плане объект. Значительная часть промысловых фразеологизмов терминологически фиксирует логическое знание, опыт рыбной ловли и охоты. Часть фразеологизмов выражает эмоциональное восприятие промысловых реалий и связанных с промыслами ситуаций. Особый пласт фразеологического словаря промыслов — паремии, сопровождающие промысел. Их отличает регулирующая и моделирующая функции, способность служить средством психологического, эмоционального и магического самонастроения. Разнородность промысловой фразеологии может быть отражена в словаре системой особых помет, использованием различных способов семантизации.

ЛИТЕРАТУРА

Ляхова Ю. Магия каргопольских охотников и рыбаков. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/LJu.htm> (дата обращения: 15.04.2011).

СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. — М.; Л. (СПб.): Наука, 1965–2006. — Вып. 1–40.

PRIKAMYE REGIONAL FISHING AND HUNTING JARGON PHRASEOLOGY AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHIC PRESENTATION

I. A. Podyukov, Ye. N. Svalova

The article deals with thematic groups, figurative and functional peculiarities of set phrases that characterize regional fishing and hunting jargon of Prikamye. It also establishes motivational features characterizing hunting and fishing realia nomination. The authors reach the conclusion concerning the place of suchlike phraseology in folk terminology that is aimed at detailed

naming of fishing, hunting, and environment peculiarities. Further analysis of set phrases helped to reveal ideological, psychological, and moral features of fishing and hunting community and characteristics of their speech etiquette.

Key words: professional jargon, hunting and fishing phraseology peculiarities, professional speech etiquette.

© 2011

С. М. Белякова

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье на материале русских народных говоров рассматриваются образные номинации, относящиеся к одной из наиболее важных денотативных сфер. Специфика соматизмов связана с функциями, строением и пространственным расположением частей тела, а также с их мифологическим восприятием. Анализ позволил выявить основные повторяющиеся элементы (бестиарные образы, артефактные образы, образы / мотивы воды и действий с ней, двигательные метафоры).

Ключевые слова: образ, мотив, повторяющийся элемент, соматизм, русские говоры.

Образность диалектной речи — широко известный и достаточно хорошо описанный нашей наукой феномен. Он рассматривался в работах, посвящённых отдельным русским говорам, а также при исследовании языковой (диалектной) личности. В отечественной лексикографии имеются и соответствующие словари, напр., известный «Словарь образных слов и выражений народного говора», изданный в 1997 г. в Томске под редакцией О. И. Блиновой. Однако подобные глоссари должны быть созданы и на материале других диалектов русского языка, если иметь в виду перспективу сопоставительного и интеграционного подходов к диалектным фактам.

Нами подготовлен проект такого словаря с опорой на фактический материал, который был извлечён из записей русских старожильческих говоров юга Тюменской области, сделанных в период с 50-х годов прошлого века до первых лет нашего столетия. В качестве словарных единиц в него включены лексемы с переносным значением, фразеологизмы, сравнительные обороты (в том числе устойчивые сравнения), диалектные паремии.

Собранный материал, как нам представляется, позволяет сделать некоторые выводы о специфике образного освоения действительности, свойственной русским говорам (для сопоставления привлекаются данные других диалектов, извлечённые из опубликованных источников).

Белякова Светлана Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета. E-mail: omniamea@freemail.ru

В этих целях нами предлагается рассмотреть в качестве основных следующие элементы образного строя диалектной речи: сферы образной аттракции, сквозные образы, сквозные мотивы, сквозные признаки. Эти элементы оказываются взаимосвязанными. Анализируя весь имеющийся корпус языкового материала, мы подходим к этим понятиям операционально, т. е. образ соотносится с именем существительным (или словосочетанием сущ. + прил.), мотив — с глаголом (или словосочетанием глагол + наречие), а признак — с именем прилагательным. Вместе с тем следует подчеркнуть, что мы не уходим от традиционных семасиологических методов исследования лексики, считая их необходимым этапом описания.

В результате сплошной выборки обнаружилось, что наиболее представленной в нашем материале сферой аттракции, «притягивающей» к себе образные номинации, является тело человека, что отражено в языке в виде так называемых соматизмов. Эта денотативная сфера по количественным показателям оставляет далеко позади такие важные понятийные области, как предметный мир, фауна, флора и другие. Здесь наши данные совпадают с результатами других исследователей как русского литературного языка [Красных 2002], [Шмелёв 2002], так и народных говоров [Ивашко 1981], [Бердникова 2000].

Потенциально любая часть человеческого тела или его орган могут выступить денотатом в акте образной номинации. Однако этот потенциал реализуется достаточно избирательно. Это прежде всего органы чувств, голова, конечности и язык.

Различия соматизмов в языке (диалекте), касающиеся образного отражения, объясняются, во-первых, функцией соответствующих органов, их строением и пространственным расположением, во-вторых, некоторой долей их мифологического восприятия, в-третьих, собственно лингвистической маркировкой.

Рассмотрение образных соматизмов как системы привело нас к определённым выводам, касающимся их специфики в русских народных говорах.

1. Часть тела может выступать субститутом человека в целом (глаза, нога, рука, ср.: в литературном языке — лицо). Напр., о глазах в этом качестве свидетельствует фразеологическая единица (ФЕ) *за глаза*, т. е. в отсутствие кого-л., ср. лит. *заочно*. Как правило, *за глаза* человека ругают, говорят о нём что-то плохое, что оценивается отрицательно: *Как баба, поносуха* (сплетник, лицемер) *он, за глаза всяко оскорбляет своего соседа* (тюм.). С руками связан суицидальный мотив, проявляющийся как в литературном языке (*наложить на себя руки*), так и в изучаемых говорах (*от своих рук помереть*). Суицид — это совмещение объекта и субъекта, заместителем субъекта (человека) выступают руки.

2. Части тела и органы являются символами важности, уникальности, самого дорогого объекта (глаза, сердце, душа, голова, руки). Об этом говорят фразеологизмы: *как свой правый глаз* (беречь), *как перст в глазу* (ср.-обск.), *как без рук, души в ней не ведаю* (тюм.).

3. Части тела используются в качестве эталонов минимума (отсутствия), а также других эталонов: *головой / головушкой нет* ‘совсем нет’ (*Говорю тебе, что сёдни у нас рыбы нет, головой нет*); *на волосок не уснуть*; *один как пёрст*; *жить одной головой* (‘одинок’); *даже пальцем не тыкивал / пальцем не угрозил / пальчиком не задёвывал* (минимум агрессии); (кричать) *во всю головушку* ‘очень громко’ (все примеры из тюменских говоров).

4. Для образного обозначения частей тела используются бестиарные образы (лицо, кожа, конечности — прямая номинация, другие части — в сравнениях или в атрибутивных сочетаниях). Напр.: *пасть, рыло, чушка* ‘лицо’, *шкура* ‘кожа’, в сравнении — *зубищи как у лошади*. См. следующие контексты (из тюменских говоров): *Трудились после войны. Хоть и шкуру сдирал Сталин-то, три шкуры; Человек мёртвой на дороге лежит. У меня шкуру обожгло; Иди свою чушку помой, весь грязной; Кака-та пусторылая девка-та, несерьёзна, плохо соображат*. «Бестиарные» номинации развивают переносные, абстрактные значения: *шкуру обожгло* ‘о состоянии испуга’, *пусторылый* ‘глупый, бестолковый, несерьёзный’. Ср. также: *глаза собачьи, волчьи глаза* — о бессовестном человеке. Сквозной образ собаки является одним из наиболее негативных.

5. Один из важных образов / мотивов — вода (жидкость) и действия с ней. Это объясняется значимым для русской культуры феноменом слёз, однако жидкость может исходить извне: *в глаза плеснуть нечем* (об отсутствии воды), *налить / залить глаза* ‘напиться пьяным’. Мотив пьянства объединяет также конечности: *рук не видит* (сиб.), *опой в ноги спустился* (сиб.) — о человеке в состоянии сильного опьянения.

6. При образном обозначении части тела имеет значение её пространственное положение. Признак может быть релевантным (тогда органы относятся к верху, низу или центру) или нерелевантным. Принципиальное значение имеет то, относится ли эта часть тела к условному «верху» (голова, волосы, нос, руки) или же — к «низу». Как правило, перемещение по направлению кверху этих «верхних» частей оценивается отрицательно: *поднять руку* — проявление агрессии, *поднять руки* — ‘сдаться, капитулировать’, *поднять (задрать) нос* и т. п. — проявление высокомерия (ср. также *вздыморылый, клюкой до носа не достанешь* — волог., *шестом головы не достать* — пск.), *волосы поднимаются (встают дыбом)* — знак переживаемого страха, ужаса, сильных отрицательных эмоций. Ср. примеры из диалектной речи: *нос до небёс* (о высокомерном человеке); *обзовут..., дак волосы дыбом; каждой волос поднимался* (от страха). Исключение составляет голова: *поднять голову* — это хорошо, а *опустить* — плохо. С некоторой долей условности к «верху» можно отнести также душу, в этом смысле она «ведёт себя» подобно голове. Что касается глаз, то сочетания *поднять глаза* — *опустить глаза* не вписываются в указанную закономерность, т. к. содержат метонимию: речь идёт не о самом органе, а о взгляде.

Нижние части (ноги) фразеологически в этом плане маркируются своеобразно: при отсутствии ФЕ **поднять ногу (ноги)* есть ФЕ *поднять(ся) на ноги, встать на ноги, поставить на ноги*, а также *дорастить до ног, с ногами, на своих ногах*. Напр.: *С ногами они уже, выросли, обучились* (сиб.). Все они содержат положительную оценку, т. е. это знаки силы, здоровья, взрослости, самостоятельности или помощи в процессе приобретения этих качеств.

7. Имеется определённая специфика двигательной метафоризации частей тела и сквозные мотивы, связанные с кинетикой. Так, важен характер движения. Колебательные движения тела вызывают отрицательную оценку, характеризуют состояния отклонений от нормы: *дрожать, трясти(сь), шататься*, а также *болтать (языком)*. Ср. также *трясогузка* — о ветреной, легкомысленной, непоседливой девушке (*Вдруг выберет себе трясогузку, беспокойну каку*). Мотив вращения

также имеет отрицательную оценку: *вертошарый, вертоголовый, вертихвостка* — ‘о рассеянном или легкомысленном человеке’, *вертеть шарами* (тюм.) — ‘праздно смотреть, проводить время попусту’. Но возможна следующая дифференциация: вращение самого человека может оцениваться положительно (кто-л. *вертится*, т. е. много трудится, ищет возможности заработать), вращение частей тела — отрицательно.

8. Дialeктоносителям свойственна гиперболизация частей тела, нередко подчёркивается их большой размер у кого-л. (нос, живот, зубы, конечности — чаще всего), что оценивается отрицательно. Напр.: *Носище* — *камни долбить*; *Ротище шире банного окна*; *Пузина-та в дверь не входит*; *вылупить глазища*; *Ручищи как у мужичищи* (речь идет о женщине). При этом часто используются суффиксы субъективной оценки.

9. Для диалектного языка характерна взаимозаменяемость соматизмов, напр.: *не по губе* (тюм.) — *не по носу* (пск.) ‘не по нраву, не по вкусу’, *что придёт в голову* — *что в нос (к носу) прибредёт* (пск.); *губы и зубы говорят* — *кожа говорит* (дон.) ‘о бойком озорном человеке’; поднятые нос, губы или голова считаются признаком высокомерия.

Кроме общих черт, все соматизмы имеют ярко выраженную специфику. Так, с глазами соотносятся признаки, связанные с эмоциональным и физическим состоянием человека (стыд, гнев, усталость), чертами характера (зависть, жадность, отсутствие совести, плутовство; расторопность, ловкость). Глаза как бы выдают состояние человека или его характер. С конечностями связан признак / мотив независимости, социальной активности, социальной значимости: *из (чьих-либо) рук есть* ‘находиться на иждивении’, *на ноги подняться* ‘стать самостоятельным, начать зарабатывать’; с ними сближаются также крылья: *детям уже крылья даны* (тюм.). Для образа зубов важно само их наличие / отсутствие (как показатель здоровья и «недрахлого» состояния): *ни глазу в лоб, ни зубу в рот* (тюм.); *беззубый чёрт, беззубый талала* (сиб.) ‘о старом, выжившем из ума человеке’. Основная семантика представлений о голове — это мышление, разумность, «соображение», хотя, как правило, таким образом маркируются противоположные качества (с использованием артефактных образов): *в голове не хватило, котелок не сработал, колган не соображает* (тюм.). Характерным образом является «отсутствие мозга в голове», «наполненность» её какими-то непрезентабельными веществами: *в голове мякина / пелёва / хоботья* (ворон., горьк.), *в голове песку наложено* (арх.), ср. также *мякинная голова* (сиб.). (Здесь нами указываются основные признаки и образы; кроме них, имеются и другие.)

Мифологическое восприятие особенно актуально для глаз, зубов, волос, костей и некоторых других органов. Так, с глазами в народной культуре связано представление (частично отражённое и словарями литературного языка) о возможности человека навести на другого человека вред, порчу, болезнь, т. е. «сглазить». В тюменских говорах это называется *урочливый глаз* (от *урок, уроки* ‘сглаз’), а пострадавший от такого воздействия — *с глаза пропадающий*. Глаза и кости ассоциируются со смертью: *глаза песком засыплют* (пск.), *пора костям на место* (тюм.), волосы — с потусторонним миром.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И.* Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. — М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. — 283 с.
- Артемова О. Н.* Человеческое тело в традиционных представлениях русских Среднего Прииртышья конца XIX — первой половины XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 2005. — 25 с.
- Бердникова Т. А.* Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000. — 25 с.
- Ивашко Л. А.* Очерки русской диалектной фразеологии. — Л.: ЛГУ, 1981. — 111 с.
- Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
- Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. — Томск: НТЛ, 1997. — 208 с.
- Шмелёв А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. — М.: Яз. слав. культуры, 2002. — 496 с.

СОКРАЩЕНИЯ

арх. — архангельские говоры,
волог. — вологодские говоры,
ворон. — воронежские говоры,
горьк. — горьковские говоры,
дон. — донские говоры,
пск. — псковские говоры,
сиб. — сибирские говоры,
ср.-обск. — среднеобские говоры,
тюм. — тюменские говоры.

IMAGE POTENTIAL OF A DIALECTAL WORD (LEXICOGRAPHIC PRESENTATION AND INTERPRETATION)

S. M. Belyakova

The article, based on Russian dialects, deals with figurative nomination within the framework of a most important denotative sphere, the sphere of a human body. Specific properties of somatisms spring from functions, structure, position of body parts, and their perception. The analysis revealed principal recurrent elements, bestial images, artifact images, water motifs and the ensuing manipulations, and kinesic metaphors among them.

Key words: image, motif, recurrent element, somatism, Russian dialects.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ: СЛОВАРЬ РЕГИОНАЛЬНОГО МОЛОДЁЖНОГО СОЦИОЛЕКТА

Статья посвящена лексикографическому описанию субстандартной лексики. Представлен новый тип словарей — словарь регионального молодёжного социолекта. Автор утверждает, что для изучения молодёжного социолекта актуальным является описание его региональных особенностей, выявление периферийной лексики, отражающей присущие определённой местности речевые, культурные, ментальные особенности.

Ключевые слова: лексикографическое описание, социолект, региональная специфика.

Для изучения молодёжного социолекта актуальным является описание его региональных особенностей, выявление периферийной лексики, отражающей присущие определённой местности речевые, культурные, ментальные особенности [Никитина, Роголёва 2006: 101]. Словарь регионального молодёжного социолекта — это, прежде всего, единицы онимического характера, среди которых преобладают микропонимы. Молодёжь различных городов активно использует в своей речи жаргонные наименования учебных заведений, улиц, кафе, магазинов, остановок общественного транспорта, памятников и других топообъектов, которые, как правило, имеют для молодых людей особое значение и в силу этого получают новые названия [Кудрявцева, Приходько 2006: 4–5]. Однако в словарях молодёжного жаргона региональные особенности не получали должного отражения.

Представлены (причём, немногочисленными примерами) наименования, отражающие лишь микропонимику Москвы и Санкт-Петербурга. Напр., «Щепка, -и, ж. (Моск., топ. Акт., студ.). Театральное училище имени М. Щепкина при Малом театре в Москве» [Югановы 1997: 253]; «Щука -и, ж. (Моск., топ. Акт., студ.). Театральное училище имени Б. Щукина при Театре Вахтангова в Москве» [Югановы 1997: 253]; «Катькин садик. (С.-Пб., топ.). Сквер на Невском проспекте перед Пушкинским (Александринским) театром с памятником Екатерине II» [Югановы 1997: 102]; «Военмех, -а, м. Студ. Военно-механический институт в Санкт-Петербурге (ныне Балтийский государственный технический университет им. Д. Ф. Устинова) [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005: 56]; «Битлотска им. Леннона, шутол. Студ. Библиотека им. Ленина в Москве; станция метро «Библиотека им. Ленина» [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005: 39].

Между тем региональный компонент молодёжного жаргона даёт богатый материал, отражающий элементы молодёжной культуры (субкультуры), а также позволяет увидеть «сленговый портрет» города. Так, «Региональный словарь сленга» Т. Никитиной и Е. Роголёвой, вышедший в 2006 г. и представляющий собой новый опыт субстандартного лексикографирования, погружает читателей в линг-

Анищенко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова. E-mail: olga_alex62@mail.ru

вистическую атмосферу города Пскова. Он включает около 2000 региональных жаргонизмов и содержит детализированную карту Пскова со сленговыми наименованиями, такими, как: ул. Советская — **Совок**; ул. Коммунальная — **Комок**, **Коммуналка**; ул. Юбилейная — **Юбилей**, **Юбик**, **Юбка**; ул. Школьная — **School-street**; автобусная остановка «Ипподромная» — **Кони** [Никитина, Роголёва 2006: 292]. Внутренняя связь жаргонного наименования с официальным не всегда прозрачна: её может раскрыть только местная молодёжь. Это в словаре подчёркивается оригинальным иллюстративным материалом: «**Холодильник**, -а, м. Студ. Шутл. *Филологический факультет Псковского педуниверситета* (декан Л. А. Холод). Холодильник — это не институт холодильной промышленности, а холодильные установки — это не предмет, который преподают в Холодильнике. Это требования декана. И кто их знает, тому в Холодильнике легко учиться (Запись 2005 г.)» [Никитина, Роголёва 2006: 292].

Авторы Словаря видят в лексикографической разработке региональных топонимов-жаргонизмов возможность проследить межрегиональные номинативные параллели и призывают обратить внимание на бытующие в различных городах сленговые наименования [Никитина, Роголёва 2006: 8]. Региональная лексика (микротопонимы) отражена также в «Словаре молодёжного сленга города Киева» (авторы — Л. А. Кудрявцева и И. Г. Приходько), в «Региональном словаре русской субстандартной лексики» А. Т. Липатова и С. А. Журавлёва, в «Словаре коннотативных собственных имён» Е. Отина, в «Материалах к словарю. Орловский региональный социолект» М. В. Костромичёвой. Ценный фактический материал представлен также в первом опыте исследования языкового и речевого ландшафта Нижнего Новгорода (авторы — М. А. Грачёв и Т. В. Романова). Таким образом, в последние годы возрастает интерес к изучению регионального компонента русского субстандарта, что и позволяет установить определённые словообразовательные тенденции, сравнить региональные особенности молодёжных жаргонизмов, выявить общие и отличительные черты, увидеть пёструю картину топонимов-жаргонизмов на различных территориях.

Региональный аспект изучения молодёжного социолекта предполагает и рассмотрение словообразовательных тенденций, обусловленных взаимовлиянием функционирующих на определённой территории языков. Специфика речи русскоязычной молодёжи в «иноязычном окружении» — вопрос, требующий лексикографического подхода. Эта проблема особенно актуальна для стран бывшего Советского Союза, суверенных государств (Казахстана, Украины, Белоруссии, Эстонии и др.), где одним из способов расширения лексической базы русского молодёжного социолекта являются заимствования из государственного языка.

Подобную тенденцию (с заимствованиями из румынского языка) прослеживает Т. В. Зайковская в молодёжной речи Республики Молдова. По её наблюдениям, «румынизмы», которые всегда функционировали в жаргонизированной речи русскоязычной молодёжи Молдовы (напр., **нота** — ‘оценка’ от рум. *Notă*; **баньцы** — ‘новые монеты’ от рум. *Bani*; **фетица** — ‘девушка’ от рум. *fetiță*) и количество которых в последние годы заметно возросло, «нередко внедряются в какое-либо русское устойчивое выражение (напр., **скырба заела**, ср. *тоска заела*), в том числе и жаргонное (**упасть в попушой** — ‘попасть в неприятное или смешное

положение', ср. *упасть в кукурузу* или *упасть в камыш* в тех же значениях)» [Зайковская 2005: 38–39].

В городе Майкопе Республики Адыгея, по наблюдениям А. А. Арустамовой, шуточный, игровой характер приобрели в речи русскоязычной молодёжи заимствования из адыгейского языка: *тутын* — 'сигареты', *салам алейкум* — приветствие, *захаоха-захасэха* — юмористическое выражение просьбы об обращении внимания, *еу-еу* — 'быстро' и др. [Арустамова 2006: 18].

Влияние марийского языка на речь русскоязычных молодых людей в Марийской республике отмечают авторы «Регионального словаря русской субстандартной лексики» А. Т. Липатов и С. А. Журавлёв. По их мнению, длительное историческое сосуществование двух народов — русского и марийского — наложило взаимный отпечаток в области речевых, культурных и бытовых отношений: в марийской речи наблюдаются вкрапления из русского языка, а в речи русскоязычной молодёжи встречаются единицы марийского языка (чаще в качестве лёгкой иронии) [Липатов, Журавлёв 2009: 7]. Иллюстрацией служат регионализмы: *кереметистый* — 'нехороший, вредный — о человеке' (от марийского слова *керемет* — 'чёрт'), *пейсайно* — 'очень хорошо' (от марийского словосочетания *пей сай* — 'очень хорошо'), *подружок-пеледыш* — 'молодой паренёк хиппи' (хиппи, как известно, «дети цветов», а *пеледыш* по-марийски 'цветок') [Липатов, Журавлёв 2009: 152].

Как показывают результаты нашего исследования, речь русскоязычной казахстанской молодёжи отличается употреблением заимствований из казахского языка, своеобразно переосмысленных и трансформированных (ср.: *шанырак* — 'сильные связи, покровительство; охрана' от каз. *шанырак* — 'свод юрты'; *токтановись* — 'остановись' (глагол повелительного наклонения казахского языка *тоқта* — 'остановись' + русский глагол *остановись*); *угараймыз* — 'шутим' от переосмысленного в молодёжной среде рус. глагола *угорать* — 'смеяться' + каз. аффикс деепричастия -й, показатель мн. ч. 1 лица -мыз; *ништяк па?* — 'всё хорошо?' от молодёжного жаргонизма *ништяк* — «отлично» + казахская вопросительная частица *па*, которая присоединяется к слову согласно модели казахского языка).

Фактический материал (специфическая лексика молодёжи) иллюстрирует активное создание новых слов на базе русского и казахского языков. Данный языковой факт — веяние времени, отражающее менталитет казахстанской молодёжи, её стремление к диалогу языков и культур.

Таким образом, актуальная задача современной лексикографии и социолингвистики — выявить и зафиксировать региональные особенности молодёжного социолекта: субтопонимы, отражающие лингвистическую географию, и лексемы, созданные на базе функционирующих на определённой территории языков.

В разрабатываемом нами лексикографическом проекте — «Словарь регионального социолекта» (Астана и Акмолинская область) — будет передана специфика современного молодёжного жаргона в северном регионе Казахстана.

Особое место в Словаре займут и субтопонимы, такие, как: *Евразийка* — Евразийский государственный университет им. Л. И. Гумилева, *Чукчинск* — город Щучинск (контаминация двух слов: *чукча* и *Щучинск*), *Кокчедыр* — город Кокшетау (старое название города *Кокчетав* + существительное *дыра*), *Саумалколь-*

сити — село Саумалколь (шутливая контаминация собственного наименования *Саумалколь* и *сити* (от англ. City — ‘город’)), *Кумызка* — летнее кафе Кымызхана в центре города Кокшетау (от каз. *қымыз* — ‘кобылье молоко’).

Региональные жаргонные словари, необходимость составления которых очевидна, позволят проводить не только лингвистические, но и социокультурологические исследования, так как формирование «жаргонного портрета» региона обусловлено социальными факторами и отражает его историю, культуру, традиции, а также стиль жизни и мышления носителей и создателей молодёжного жаргона. Выявление межрегиональных номинативных параллелей — перспективное направление в современной социолингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

Арустамова А. А. Современный молодёжный сленг и особенности его функционирования (на материале речи студентов Республики Адыгея): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2006. — 29 с.

Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. Ок. 5000 слов и выражений. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 360 с.

Зайковская Т. В. Проблемы культуры молодёжной речи: (Пути пополнения словарного состава молодёжного жаргона). — Кишинев: Business-Elita, 2005. — 210 с.

Кудрявцева Л. А., Приходько И. Г. Словарь молодёжного сленга города Киева: учеб. пособие / под ред. Л. А. Кудрявцевой — Киев: ИД “Аванпост–Прим”, 2006. — 198 с. (2300 слов и выражений)

Липатов А. Т., Журавлёв С. А. Региональный словарь русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл). — М.: Элпис, 2009. — 288 с.

Никитина Т., Роголёва Е. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). Ок. 2000 региональных жаргонизмов. — М.: Элпис, 2006. — 384 с.

Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга: сленговые слова и выражения 60–90-х годов / под ред. А. Н. Баранова. — М.: Метатекст, 1997. — 304 с.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF SUBSTANDARD VOCABULARY (REGIONAL YOUTH SOCIOLECT DICTIONARY)

O. A. Anishchenko

The article deals with lexicographic presentation of substandard vocabulary, namely, with a new type of dictionary, a dictionary of regional youth sociolect. The author states that a better study of youth sociolect requires description of its specific regional features and identification of peripheral vocabulary that reflects local verbal, cultural, and mental peculiarities.

Key words: lexicographic presentation, sociolect, regional peculiarity.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СРЕДЕ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автор считает, что источником большого числа фразеологизмов разговорного характера является профессиональная речь. Отобрав 8 фразеологизмов (3 из речи железнодорожников, 3 медицинских по происхождению и 2 общеупотребительных, характеризующих деятельность вообще), Е. В. Вилисова провела эксперимент, в котором приняли участие студенты, и пришла к выводу, что молодые люди, осознавая экспрессивную функцию фразеологизмов, не всегда воспринимают их как языковые единицы с целостным значением.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, дефиниция, профессионализм, толкование, фразеологизм, эмоция.

Фразеология интенсивно развивается на материале разных языков. Известны крупные работы в области фразеологии В. Л. Архангельского, В. Н. Телии, В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, Р. Х. Хайруллиной, Н. Ф. Алефиренко.

Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира. Как замечает И. А. Привалова, во фразеологизмах «эксплицируется специфика знания относительно какого-либо предмета или явления реального мира, обусловленная национально-культурными стереотипами, установками, ценностями» [Привалова 2006: 25].

По свидетельству В. А. Масловой, «природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке» [Маслова 2001: 43]. Фразеологизмы характеризуют человека и его деятельность.

Н. М. Шанский определяет фразеологический оборот как «воспроизводимую в готовом виде языковую единицу, состоящую из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированную по своему значению, составу и структуре». По мнению учёного, фразеологизмы являются значимыми языковыми единицами, для которых характерно собственное значение, независимое от значений составляющих их компонентов [Шанский 1985: 32]. Таким образом, фразеологизм должен извлекаться из памяти полностью и иметь значение, которое не складывается из значений входящих в него слов.

В повседневной речи люди свободно оперируют различными фразеологизмами. Однако наиболее свободно в речевой обиход входят такие фразеологизмы, которые являются широкоупотребительными речевыми штампами. Сложнее усваиваются фразеологизмы, относящиеся к определённой сфере.

Источником большого числа фразеологизмов разговорного характера служит профессиональная речь. Каждое ремесло на Руси оставляло след во фразеологии. С появлением новых профессий возникали новые фразеологизмы.

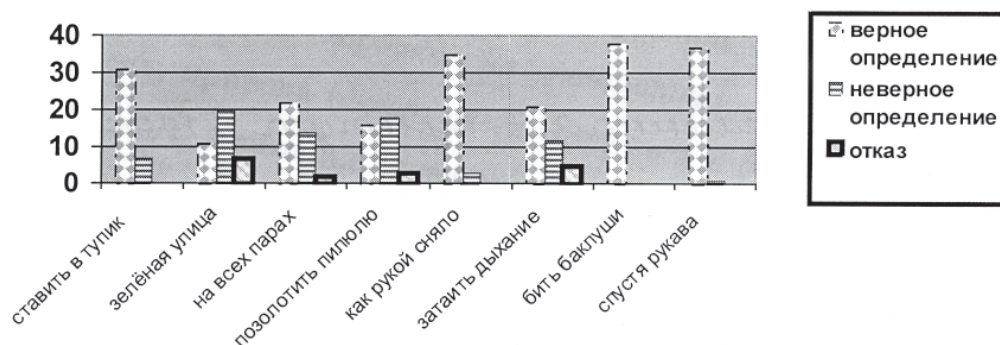
Вилисова Екатерина Владимировна — аспирант кафедры культуры речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета. E-mail: evv85@yandex.ru

Для данной статьи мы отобрали 8 фразеологизмов: 3 фразеологизма железнодорожников (*ставить в тупик, зелёная улица, на всех парах*), 3 медицинских фразеологизма (*позолотить пилюлю, как рукой сняло, затаив дыхание*) и 2 общеупотребительных фразеологизма, характеризующих деятельность (*бить баклуши, спустя рукава*).

Нами был проведён эксперимент, состоящий из двух этапов. Мы составили 2 анкеты, содержащие вышеуказанные фразеологизмы, и предложили заполнить эти анкеты 38 студентам разных специальностей Южно-Уральского государственного университета.

На первом этапе мы воспользовались методом свободных дефиниций: анкетироваемым было предложено написать толкование указанных фразеологизмов. Полученные результаты можно схематически представить следующим образом.

значение фразеологизмов

Проанализировав анкеты, мы выяснили, что студенты лучше понимают фразеологизмы, не относящиеся к определённой профессии. Все 38 опрошиваемых смогли точно дать им определение. Наибольшие проблемы возникли с толкованием железнодорожных фразеологизмов — было дано большее количество неверных определений и отказов. Вероятно, это объясняется тем, что в обиход они вошли относительно недавно, поэтому их значение знакомо специалистам-транспортникам. Люди других профессий в своей речи их не употребляют.

На втором этапе мы провели ассоциативный эксперимент. Анкетироваемым нужно было привести реакцию на каждый фразеологизм. Все полученные реакции для каждого фразеологизма мы разбили на тематические группы.

Так, среди реакций, полученных на фразеологизм *ставить в тупик*, мы выделили следующие группы: **эмоции** (*раздражение; неприязнь, быть или не быть; бессмысленно; отрицательная реакция; тревога*), **тупик** (*дорожный знак: внимание, тупик!; безвыходное положение; стена кирпичная (3); это ты меня ща поставила в тупик этим заданием (2)*), **другое** (*автомобиль, комсомольский проспект; слова; человек стоящий возле стены; тупица; мордобой; два человека разговаривают и один не может понять второго; постоянство, загадка*), **отказ** (14).

Реакции, полученные на фразеологизм *зелёная улица*: **эмоции** (*подумала чё за хрень, знаю только зелёный коридор; положительная реакция, желание дей-*

ствовать, впечатление, что всё хорошо; не понимание; весёлое; недоумение; ах лепота), **зелень, природа** (сквер; аллея; аллея вся в деревьях летом; зелени много-много (5)), **движение, железнодорожная тематика** (комсомольский проспект, и все светофоры, находящиеся в пределах видимости зелёные; зелёный светофор (3)), **другое** (улица красных фонарей (7); человек совершил успешную сделку; карт-блани; фильм — хулиганы зелёной улицы; новый год; Партия зелёных; да где ж её взять то эту «зелёную улицу»), **отказ** (6).

Реакции, которые анкетируемые приводили на фразеологизм на всех парах: **эмоции** (мандраж; человек бежит по улице на встречу, предвкушая, что его там ждёт что-то хорошее; почему то у меня оно связано только лишь в хорошем контексте. аххаха. поэтому вызывает светлые, приятные эмоции), **железнодорожная тематика** (поезд из старого советского фильма, весёлый гудок; парень в светло-коричневом пальто бежит за поездом; локомотив; курят обычно так (как паровоз); паровоз (4); дым сплошной; на всех парах чу-чу паровозик; паровоз мчащийся по рельсам), **университет** (если не туда ударение поставить, то будет на всех п'арах; поход в универ; экзамены приближались на всех парах), **скорость, спешка** (очень быстро безоглядки; бабка бегущая в шубе по улице; быстротечно; бегом; Газ в пол, стрелка тахометра на 6 тыс; опаздываю куда-нибудь и спешу), **отказ** (10).

Реакции, которые анкетируемые приводили на фразеологизм позолотить пиллю: **эмоции** (ну и как это понимать?? (подсластить) отрицательная реакция, ощущение какого-то обмана, чувство жалости; бред — самообман; лесть; едрить Мадрид, в первые такое слышу. Смешное, нелепое, Кремлёвская диета какая-то; сплошной вопрос; эм даже слов нет; бред), **медицинская тематика** (болеющему человеку, друг принёс торт, чтобы утешить; покрасить позолотой таблетку (6)), **другие** (штука; мужик из Буратино ..как же его..аа — Дуремар! Что-то делает и улыбается..; мажор наверное; ахахаха тут короче на пасху я яйца красила в золотой цвет; золотая пуля; это привет я так понимаю от цыган), **отказ** (14).

Реакции, которые анкетируемые приводили на фразеологизм как рукой сняло: **эмоции** (Облегчение (4); положительная реакция, облегчение, всё прошло, всё будет хорошо; приятные эмоции облегчения; это, когда что-то помогло:) при том безо всяких усилий; забавное; знакомое чувство), **медицинская тематика** (излечение — облегчение — исцеление; реклама каких-то таблеток — и девушка говорит — боль как рукой сняло!; здоровье; таблетка ревалгин (реально от всего помогает); голова не болит), **университет** (студент на грани отчисления сдал экзамен; Сдать бы всё и все беды как рукой снимит), **другое** (я себе сразу руку смахивающую пот со лба представила; освобождение; рука, трущаяся об тело; чудо-руки; голый; экстрасенс; вор карманник; Пилулькин), **отказ** (11).

Реакции, которые анкетируемые приводили на фразеологизм затаить дыхание: **эмоции** (Настороженность; ах! и не дышишь; аккуратненько, щас-щас-щас, всё буууудет:) в целом, положительная; волнение, испуг; задержка дыхания.); ка-мышш; прям реально затаив дыхание и быть в шоке.); важное, радостное; желание прибить кого-то), **университет** (экзамен по трудовому праву зарубежных стран.....чё поставит...4 или 5...с**а 4 поставила:(((; Затаив дыхание я жду 5), **другое** (слушает рассказ другого; ждать:))) ; чувак в углу стоит и не дышит;

тигр Диего из Ледникового периода затаился в снегу; тихо; сон; камыши; воздуха человеку не хватает; прячущийся человек; замереть от неожиданности), отказ (9).

Реакции, которые анкетированные приводили на фразеологизм *бить баклуши*: **эмоции** (*стыд; сидит за столом скучает, даже не знает чем заняться; приятные хахаах*), **праздное времяпрепровождение** (*Лень; неопределённая реакция: с одной стороны — расслабление, отдых, с другой — лень и тд; лежит на диване; бездельничать — чурки ложки:)))*); *халява; телек; можно и отдохнуть!; вот сейчас я этим занимаюсь:)))*); *ресторан; лентяй; катать вату:))* отлично проводить время; *отдых на диване; Хотя я всё время бью баклуши*), **музыка** (*Фигачить по деревяшке; на барабанах играть; музыка; бряканье*), **созвучные** (*Джеймс Билуши; не зная слова баклуши я бы ответил — есть какое то украинское блюдо (пампушки)*), **отказ** (13).

Реакции, которые анкетированные приводили на фразеологизм *спустя рукава*: **эмоции** (*отрицательная реакция (3), всё делается с неохотой, плохо, очень не нравится; расстроилась; неприятные, потому что я подумал о врачах, которые работают спустя рукава*), **одежда** (*кофточка не по размеру; парень в фартуке (не как у домохозяйки а как у столяра) и похоже парень взял папину рубашку ...она ему велика и он закатал рукава; опускать руку при примерке*), **прецедентные имена** (*Пьеро (7); Емеля; Арлекин*), **деятельность** (*пропылесосил, а в углах пыль осталась; халявить; чурки ремонтируют тачку; уборку я так дома делаю; И учу спустя рукава; много рукав с тех пор прошло (типо спустя много времени); ничего не делать, отдыхать на работе*), **качества** (*нерадивая; хитрюга*), **отказ** (5).

Как видно из примеров, все приведённые фразеологизмы вызывают у респондентов как положительные, так и отрицательные эмоции. Интересно, что самые положительные эмоции возникают как реакция на хорошо узнаваемые и абсолютно не понятные фразеологизмы. Анкетированные выражали эмоции вербально, посредством прямого указания на эмоцию (*понравилось, положительные / отрицательные эмоции, междометия: ах, хахаха, имитация смеха*) и с помощью графических методов — смайлики, скобочки в обе стороны, имитирующие улыбку или расстроенное лицо. Показательным является то, что зачастую студенты для усиления экспрессивности употребляли нецензурные слова.

Кроме того, среди полученных реакций особо выделяются те, что относятся к группе «университет». Вероятно, это связано с тем, что эксперимент проводился среди студентов во время сессии.

Важно отметить, что, приводя реакции на тот или иной фразеологизм, респонденты выделяли его принадлежность к профессии. Возможно, этим объясняется появление групп «железнодорожная и медицинская тематика».

Особо хотелось бы подчеркнуть, что задания с фразеологизмами вызвали в студентах творческий порыв. Так, некоторые приводили графические примеры своих ассоциаций, напр., рисовали картинки на обороте анкет или рядом с фразеологизмами. Многие студенты, спустя некоторое время после заполнения анкет, по электронной почте отдельно присылали ссылку на мультипликационных персонажей, анекдотичные ситуации или стихотворные рассказы, содержащие данные фразеологизмы. Напр., «как с фразеологизмом, не знаю, а на ум пришло доктор Пилюлькин — он третий в верхнем ряду http://www.sovetika.ru/images_

deti/neznaika_02.jpg.» Или «*Рукава, рукава, рукава рубашки. Хочу дома заночую, а хочу — у Саши! Ахахаха))))*».

Нельзя не упомянуть о сложностях, которые возникли у студентов при заполнении предложенных анкет. Так, респонденты долго не могли приступить к выполнению задания, поскольку затруднялись с определением фразеологизмов.

Проведённое исследование показало, что зачастую студенты не воспринимают фразеологизм как единицу, имеющую собственное значение, и дают трактовку отдельных слов, входящих в его состав.

Преобладание среди реакций слов, относящихся к группе «**эмоции**», позволяет сделать вывод о том, что выполняется экспрессивная функция фразеологизмов.

На наш взгляд, полученные результаты можно применить для того, чтобы проследить изменения знаний и представлений о мире у современных студентов.

ЛИТЕРАТУРА

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001. — 208 с.

Привалова И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2006. — 50 с.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. — М.: Высш. шк., 1985. — С. 31–92.

ПРИМЕЧАНИЕ

В приведённых примерах сохранены орфография, пунктуация и графика респондентов.

PROFESSIONALLY-MARKED SET PHRASES USED BY PRESENT-DAY STUDENTS (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

Ye. V. Vilisova

The author thinks that the majority of colloquial set phrases owe their origin to professional speech. Having sampled eight phrases (three from rail-road slang, three of medical origin, and two of general usage) the author conducted the experiment involving students, and arrived at the conclusion that young people, aware of phraseological expressive function, do not always perceive them as linguistic units with integrated meaning.

Key words: associative experiment, ignition, professionalism, definition, set phrase, emotions.

ХУДОЖЕСТВЕННО-РЕЧЕТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛОВАРЯ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДЕВЯТИКЛАССНИКА

В статье в русле оттекстового подхода рассматривается ассоциативно-смысловой слой концепта «Дом», анализируется интерпретационная деятельность учащихся, обогащающая словарь языковой личности и развивающая речетворческие способности.

Ключевые слова: интерпретация, ключевые слова, концепт, речетворческая деятельность, ассоциативное поле.

Проблема изучения словаря языковой личности обращена прежде всего к слову в тексте, поскольку именно в процессе восприятия, воспроизведения и продуцирования текста языковая личность формирует и обогащает свой словарь. Исследования слова и его природы можно условно свести к двум подходам: отсистемному (изучение слова в системе языка) и оттекстовому (описание специфики функционирования слова в тексте). Внутри оттекстового подхода также можно выделить два пути исследования: от словарного значения к тексту и от текста к словарному значению слова. В процессе изучения слова нами используется оттекстовый подход: именно функционирование слова в тексте создаёт не только содержательное, но и ассоциативно-смысловое поле, позволяющее исследовать заявленный аспект словаря языковой личности.

Словарь конкретной языковой личности воплощается прежде всего в лексической структуре текста, а специфика языковой личности определяет специфику её картины мира. Выбор лексики, отражающей то или иное явление действительности, переосмысление семантической структуры ключевого слова, использование синонимических ресурсов языка, воспроизведение и создание образных средств — это далеко не полный перечень речевых механизмов, включающихся в процессе анализа художественного произведения и выявляющих особенности мировидения и его автора, и его интерпретатора.

Воспринимаемый личностью окружающий мир не просто отражается в её сознании, но ею интерпретируется. И т. к. сознание субъективно, то естественно, что образы мира имеют множество интерпретаций. Образы подвергаются анализу, обработке, обрастают дополнительной информацией, коннотативными компонентами, важными только для данного носителя языка. Поэтому интерпретация является важной составляющей понимания языковой личностью художественного текста и ключом к определению художественно-речетворческого аспекта её словаря. Заявленный аспект требует концептуального рассмотрения, и так же, как и слово, интересуется нас в «оттекстовом» направлении исследования.

Одной из главных характеристик слова как единицы лексической организации текста является наличие у него множества текстообразующих связей. В этом плане значимыми являются ключевые слова, несущие художественную информацию. Именно в ключевых словах и актуализируется концепт. Под концептом вслед за

Дорфман Оксана Вячеславовна — аспирант кафедры журналистики и речевой коммуникации Магнитогорского государственного университета. E-mail: mandorffoks@yandex.ru

Н. Ю. Шведовой мы понимаем содержательную сторону словесного знака, за которой стоит понятие, принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закреплённое общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и соотносимое с другими понятиями, ближайше с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми [Шведова 2005: 603].

Основная информация о концепте отражена в различных словарях и отражает картину мира всего социума; текстовая же реализация концепта сугубо специфична. И текстовое, ассоциативно-смысловое поле, и системное, семантическое, могут стать инструментом анализа концепта: в первом случае речь будет идти о художественном, индивидуальном концепте, во втором — о познавательном, коллективном. При любом из названных типов анализа концепта невозможно не затронуть мировоззренческую составляющую. Так, в рамках рассмотрения художественно-речетворческого аспекта словаря языковой личности, мировоззренческая составляющая может быть рассмотрена на примере концепта «Дом», включённого в систему «человек-мир». Возрастные психологические особенности девятиклассников обуславливают актуальность обращения к данному концепту как одной из составляющих «я-концепции».

В качестве материала для анализа нами отобраны ученические тексты (как на этапе продуцирования, так и на этапе воспроизведения), в которых девятиклассники реализуют концепт «Дом». Импульсом к речетворческой деятельности послужили отрывки из произведений В. П. Астафьева, К. Булычева, И. А. Бунина, Н. В. Гоголя, К. Г. Паустовского, при этом выбор текстов был мотивирован предлагаемыми в учебных программах списками литературы для самостоятельного чтения.

По справедливому утверждению Ю. С. Степанова, концепт существует в виде «пучка» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово: «концепты не только мыслятся, они переживаются» [Степанов 1997: 40–41]. Следовательно, наряду с понятийным, символическим, оценочным, можно выделить и ассоциативный слой концепта.

Так, ассоциативное поле концепта «Дом» определяется девятиклассниками довольно широко: *семья* (родители/бабушка) — *родина* (Россия) — *люди* (Земля) — *защита* (покой) — *достаток* (комфорт) — *очаг* (тепло) — *душевное спокойствие* (мир) — *досуг* (телевизор/интернет) — *недвижимость* (расходы) — *домовой* (Дрёма) — *любимое место* (кровать) — *уют* (комнатные растения) — *своя комната* (друзья) — *семейные фотографии* (радость) — в скобках приведены ближайшие к словам-ассоциациям ключи. Названные ассоциации представляют и современные установки подростков на благосостояние, проведение свободного времени («интернет», «недвижимость»), и исконное, заложенное с детства, напр., появление фольклорного домового, Дрёмы — персонажа, воспетого в известной колыбельной.

Реализация девятиклассниками ассоциативного поля на этапе воспроизведения отличается от этапа продуцирования: заложенное в средней школе стремление передавать содержание текста, а не его смысл диктует использование исключительно лексики автора, боязнь употребления собственных образных средств

и ограниченное использование авторских, в то время как в творческих работах реализуется естественное для подростков желание выразить себя. Именно подростковый возраст является сензитивным, у учащихся явно выражена потребность высказать своё мнение, самовыразиться в творчестве, поэтому передача смысла, интерпретация должны выступать на первое место. Поэтому, воспроизводя концептуальное наполнение понятия «Дом» того или иного автора, девятиклассники неизменно переходят на собственное толкование концепта, выражая своё отношение к дому, описывая идеальный для себя дом как место, где *«тебя ждут и всегда поддержат»*, где *«тепло и вкусно пахнет»*, как место, в котором *«можешь отдохнуть и снять с себя маски»*, в которое *«хочется вернуться после школы»* — *«дом там, где ты счастлив»*. Безусловно, имеет место и проявление «я-концепции», поскольку в ученических работах прочитывается отношение к собственному дому, выявляется характер межличностных отношений с близкими или же круг жизненных установок. Напр., для ряда девятиклассников смысловыми опорами являются слова *«дом»* — *«семья»* — *«поддержка»* — *«умиротворение»* — *«доверие»* *«защита»* — *«счастье»* — *«любовь»* — и даже *«рай»*; для других — *«квартира»* — *«достаток»* — *«усадьба»* / *«особняк»* — *«пластиковые окна»* — *«бассейн»* — *«икорка»* — *«евроремонт»* — *«компьютер за 300 000 рублей»*; наравне с творческими *«треугольными»*, *«воздушными»* домами, домами, обладающими *«как и душа тремя разделами»*, *«выстроенными на сплетении культур многих народов»*, *«обладающими выходами в тропики, на север, в зону дождей и в сказочную саванну»*, встречаются и оборонительные крепости с *«армейскими нарами вместо кровати, потайными оружейными и бронированными стенами»*.

Нельзя не отметить тот факт, что текст-первоисточник, отрывок из художественного произведения даёт девятиклассникам речетворческую установку. Так, авторские «сенсорные ориентиры» диктуют ученические интерпретации, ориентированные на те же органы чувств. Напр., отрывок из рассказа И. А. Бунина: *«войдёшь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушёного липового цвета, который с июня лежит на окнах...»* вызывает ученическое: *«дом — это маленький уютный для всех мир, где всегда тепло и вкусно пахнет»*; *«это вкуснейшие посыпучки собственного приготовления, издающие по утрам волшебный аромат»*; фантазийные элементы в отрывке К. Г. Паустовского: *«... дом стоит у самого моря <...> на окнах ещё с лета остались занавески. Они шевелятся от слабого ветра. Должно быть, ветер проникает сквозь незаметные щели в пустую дачу, но издали кажется, что кто-то поднимает занавеску и осторожно следит за тобой <...> Днём в доме идёт привычная жизнь <...> Но вечером кроме тьмы окружает дом...»* ассоциативно рождает замысел вымышленных историй: *«... в одной глухой местности стоял очень старый дом. В нём давно никто не жил, и никто даже близко старался к нему не подходить: с ним происходили странные вещи...»*.

Очевидно, что концепт «Дом» в словаре девятиклассника включает в себя несколько ассоциативно-смысловых слоёв: дом как семья, пространство дома, его материальная составляющая. Интерпретационная деятельность учащихся, вызывающая посыл к речетворчеству, обогащая словарь языковой личности, развивает способности учащихся воспринимать, воспроизводить и продуцировать художественный текст.

Таким образом, изучение художественно-речетворческого аспекта словаря языковой личности учащихся позволяет не только выявлять уровень её речевого развития, но и разработать методическую систему художественного речетворческого развития языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. — 824 с.

Шведова Н. Ю. Русский язык: избр. работы. — М.: Шк. «Яз. слав. культуры», 2005. — 640 с.

SPEECH PRODUCTION ASPECT OF A NINTH-FORM STUDENT VOCABULARY

O. V. Dorfman

The article deals with an associative sense plane of the concept “home” and analyzes students’ interpretation performance that enriches the vocabulary of a linguistic personality and develops speech production abilities.

Key words: interpretation, keywords, concept, speech production, associative field.

© 2011

О. Р. Семёнова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОМЕТЫ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ЮЖНОГО УРАЛА)

В статье обосновывается необходимость включения в современный диалектный словарь специальных социальных помет, отражающих динамические процессы в лексическом составе говоров. Для выявления степени сохранности диалектных слов среди различных групп населения Челябинской области используется анкетирование, результаты которого предлагается рассматривать в качестве материала для социальных помет в словаре русских говоров Южного Урала.

Ключевые слова: диалектный словарь, социальная помета, говоры Южного Урала.

Помета обычно понимается как «лексикографическое указание путем принятых сокращённых обозначений, которое даётся в словарной статье и содержит лексическую, грамматическую, стилистическую характеристику словарной единицы» [Розенталь 1972: 271].

Семёнова Ольга Ростиславовна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: semenova@454.ru

Словари русского языка демонстрируют разный набор помет в зависимости от типа словаря, времени его создания и тех целей, которые ставят перед собой составители словаря, от их теоретических установок и пр. Исследователи особое внимание обращают на существующую несогласованность и непоследовательность в применении стилистических помет [Емельянова 2002: 139–140]. Отчасти это связано с полифункциональностью данных помет; стилистические пометы характеризуют слово с точки зрения его социальной отнесенности, функциональной принадлежности, собственно стилистического статуса, экспрессивных свойств, положения в лексической системе. Субъективизм стилистических оценок, как справедливо замечает Л. И. Балахонова, «мотивирован, с одной стороны, изменчивостью во времени норм и границ кодифицированного словоупотребления, вызывающей существование дублирующих, вариантных, переходных словоформ, не всегда укладывающихся в жесткие рамки принятых классификаций и допускающих разную нормативно-стилистическую оценку, с другой стороны, — отсутствием научно обоснованных критериев для отнесения некоторых разрядов слов к той или иной нормативно-стилистической категории» [Балахонова 1982: 104–105].

Расхождения в нормативно-стилистической квалификации некоторых слов вызваны зыбкостью и подвижностью границ между частью просторечной и диалектной лексики.

Принадлежность слова к диалектному словарю традиционно определяется на основе сопоставления данных литературного языка и местных говоров. Любое отличие от литературного слова может являться основанием для включения слова в диалектный словарь — это основной признак для диалектной лексикографии. «Во всех случаях, когда слово стоит на грани диалектной и общенародной лексики или когда невозможно определить, является ли слово диалектным, или оно распространено повсеместно, вопрос решается в пользу помещения слова в словарь» [СРНГ 1965: 6]. Просторечная лексика как лексика, находящаяся за пределами литературного языка, включается в большинство диалектных словарей дифференциального типа. Для объективного отнесения слова к диалектной или просторечной лексике необходимо иметь представление об ареале его распространения. В этой связи региональная лексикография, показывая изоглоссы диалектизмов, приобретает особую актуальность, поскольку внетерриториальность лексемы способствует изменению её статуса.

Отсутствие единой системы лексикографического описания языка и специфика материала позволяют составителям диалектных словарей варьировать набор помет. Для образца рассмотрим наиболее авторитетный словарь — «Словарь русских народных говоров» (СРНГ). В данном словаре применяется три типа помет: 1) пометы грамматические, 2) пометы семантические и 3) пометы исторические и описательные [СРНГ 1965: 11]. Система грамматических помет и техника их подачи в словаре те же, что и в академическом «Словаре современного русского литературного языка». К семантическим пометам относятся переносное значение (или оттенок значения) и образное употребление слова — без словесной пометы, но со знаком *. Далее указывается, что в «словаре помещаются разного рода пометы и замечания о месте, занимаемом словом в диалектной лексике, о степени употребительности слова, о сфере употребления слова: устар. — устарелое, фольклор. — фольклорное, «так говорили раньше», «это слово знали старики»,

редко — редкое, детское — в детском языке и т. д.» [СРНГ 1965: 12]. Очевидный субъективизм этих помет прикрывается замечанием о том, что пометы заимствуются из источников или на основании источников вносятся в Словарь.

В связи с неизученностью вопроса о стилях диалектной речи в региональных словарях стилистические пометы используются нерегулярно. Можно выделить следующие наиболее типичные стилистические характеристики: 1) пометы, указывающие специальную область применения слова («спец.», «охот.», «рыбол.», «ткац.», «обряд.»); 2) пометы, указывающие эмоциональную окраску слова («бран.», «ирон.», «шутл.», «пренебр.», «неодобр.» и под.); 3) пометы, указывающие на специфику функционирования диалектизма в речи («устар.», «стар.», «нов.»). Пометы «устар.», «стар.», «нов.» характеризуют разные группы диалектных слов: архаическую лексику, связанную с утратой обозначаемой реалии; слова, вытесняемые из речевого обихода; слова, вышедшие из активного употребления в современной речи носителей говоров, но сохраняющиеся в памяти жителей старшего поколения; слова или значения, которые сравнительно недавно появились в говоре. Несмотря на то, что данные пометы ориентированы на реальное словоупотребление, они не показывают свойственное народной речи активное варьирование лексических явлений, параллельное использование в ней собственно диалектных, просторечных и литературных единиц, внутреннюю дифференциацию говора.

Анализ системы диалекта невозможен без учета социальной дифференциации говора. Современная научная парадигма предполагает дальнейшую разработку приёмов и способов информации в пространстве словарной статьи. Социолингвистический аспект исследования русских говоров Южного Урала позволяет ввести «социальные пометы» для отражения динамических процессов, протекающих в лексической системе диалектов в данный период времени. Социальные пометы содержат информацию об относительных частотах представленности слова в речи жителей Челябинской области. Напр., в Каслинском районе метлЯк — «бабочка, мотылёк» активно употребляют в речи 18% представителей среднего слоя говора, пассивно — 18 %, не употребляют — 55 %, а в передовом слое это слово активно используют в своей речи только 9 % представителей, пассивно — 36 %, не используют — 55 %.

Изучение социальной дифференциации лексики в южноуральских говорах требует применения соответствующей методики, основанной на синтезе традиционных для диалектологии (полевой сбор материала) и социолингвистики (анкетирование) методов [Доценко 2010].

Подготовительный этап был направлен на выявление диалектной лексики среди носителей традиционного слоя говора. Основное внимание уделялось степени сохранности диалектного слова в системе говора и его активности в речи носителей традиционного слоя и среднего слоя говора. Обследовано более 60 деревень и поселков в течение двадцати лет.

На следующем этапе проводилось анкетирование среди представителей всех возрастных групп, следуя принятой социальной дифференциации:

1) традиционный слой говора — информанты 60–80 лет, коренные жители (в третьем, четвертом поколении), основные носители говора, безграмотные и малограмотные пенсионеры; 2) средний слой говора — информанты в возрас-

те 40–60 лет (рабочие, служащие и пенсионеры со средним, среднетехническим и профессионально-техническим образованием); 3) передовой слой говора — информанты в возрасте 10–40 лет (школьники, студенты, молодые люди со средним и высшим образованием).

Анкета состояла из двух частей: социологические сведения об участнике опроса (Ф.И.О., год рождения, место проживания, образование, вид занятости); и собственно лингвистическая анкета, в которой необходимо было указать степень бытования («знаю» / «употребляю») предложенных слов (100–200 в зависимости от темы) и их значение.

Специфика функционирования диалектизмов в речи жителей Южного Урала рассматривается через призму количественно-качественных показателей таких параметров, как «знание» и «употребление». Участники соцопроса должны были ответить на вопросы: «Знаете ли Вы это слово?», «Употребляете ли его в речи?», «С каким значением?». Предполагалось обязательное указание значения слова и детализация ответа: «знаю», «не знаю, но слышал», «слышал», «слышал от...», «употребляю» (просьба указать значение слова), «знаю, но не употребляю». Всего в эксперименте приняло участие более 600 человек в возрасте от 10 до 90 лет.

По итогам эксперимента производился простейший анализ частот «знания» и «употребления» диалектных слов в речи той или иной группы информантов. На основании наблюдений над речью жителей Южного Урала, данных опроса и анкетирования информантов собственно диалектные слова по характеру их употребления делились на активные («употребляю») и пассивные («знаю, но не употребляю»).

Материалы эксперимента позволяют расположить слово на временной оси с точным критерием степени его употребительности в разных слоях говора. Сложное восприятие ряда «в традиц. — ...%; средн. — ...%; перед. — ...%» вполне заменимо на «устар.», если диалектное слово встречается только в традиционном слое. Главное, что положение слова на шкале активности/пассивности употребления, регулярности/нерегулярности, сохранности в диалектной системе приобретает более или менее объективный характер. Приведём в качестве доказательства некоторые количественные данные соцопроса, проведённого в Катав-Ивановском районе. Материал в таблице наглядно демонстрирует и влияние социальных факторов (изменение социальных условий жизни, возрождение обрядовой культуры и т. д.) на динамику лексической системы говора:

Слово и его значение	Традиционный слой		Средний слой		Передовой слой	
	Акт.	Пас. н/у	Акт.	Пас. н/у	Акт.	Пас.
<i>ПовитУха</i> (ж.р.) — Повивальная бабка	100		30	70		90
<i>БлизнЯ-</i> близнецы	100		70	30		30
<i>СвятОша</i> — сирота	50	40	30	40 30		
<i>КОка</i> — крестная мать	70	30	50	50	100	100
<i>ЛЁля</i> -крестная мать			50	50		100
<i>ХрЁсна</i> — крестная мать	80	20	100			

Учёт живой реализации диалектного слова делает необходимым введение особых помет. Социальные пометы помогают решать как теоретические (выяв-

ление причин сохранности лексики, перехода диалектных слов в просторечные, социальная дифференциация лексики и др.), так и практические (напр., повысить объективность характера помет) цели.

АШАТЬ, аю, аешь — Есть (шутливое приглашение). Садитесь ашать, девоньки. Ашай, пока есть чего ашать. [Уйск. (с. Петропавловка), Красноарм. (с. Устьянцево, с. Теренкуль)]. ♦ употребл. в традиц. сл. — 60 %.

СРНГ: Перм., Астрах., Самар., Симб. / т. 1, с. 299.

■ Заимствов. из тюрк. ашамак, ашмак — ‘есть’.

БАЛАКАТЬ, аю, аешь, гл., несов. — Вести непринуждённый разговор, разговаривать, говорить. Бабы хлеба ждут, балакают возле магазина ни о чём. [Челяб.]. ♦ употребл. в традиц. сл.; в средн. сл. — 70%. — Даль: южн. балакать, перм. беседовать, болтать, разговаривать, калякать [Даль 1989, 1: 41].

СРНГ: в значении «говорить хорошо, толково» встречается в Арх.; в значении «говорить непонятно» — Костр. [СРНГ 1966, 2: 70].

■ Восходит к праславян *bolbol; balakati является расширением *bakati ‘говорить ба’ [Фасмер, 1, 1964: 112].

ЛИТЕРАТУРА

Балахонова Л. И. К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики // Вопросы языкознания. — М., 1982. — № 3. — С. 104–110.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. — М.: Рус. яз., 1989–1991.

Доценко Т. И., Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002. — № 2 (8). — С. 144–155.

Емельянова О. Н. Стилистическая составляющая лексикографического описания // Вестник Краснояр. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2002. — № 2. — С. 139–140.

Розенталь Д. Э., Теренкова М. А. Справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1972. — 495 с.

Словарь русских народных говоров. — Вып. 1–39 / под. ред Ф. П. Филина, Ф. П. Соколетова. — М.; Л. — СПб: Наука, 1965–2005.

SOCIAL LABELS IN A DIALECTAL DICTIONARY (BASED ON SOUTH URALS IDIOM)

O. R. Semyonova

The article substantiates the necessity of including special social labels into a contemporary dialect dictionary, which will reflect dynamic processes in dialectal vocabulary. To reveal the degree of retained dialectal words in different population groups of Chelyabinskaya oblast the author resorts to questionnaire whose results should be considered as the basis for social labels in the South Urals dialectal dictionary.

Key words: dialectal dictionary, social label, South Urals dialects.

© 2011

Д. З. Сулейманова

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ПОДРОСТКОВ

Разговорная речь подростков является во многом составной частью речи молодежи вообще, но всё же имеет ряд специфических особенностей. Наше понимание разговорной речи предполагает максимально широкое толкование: нормативное и ненормативное (в том числе явления сленга, жаргона и т. п.) в разговорной речи сосуществует и пересекается, одно становится ярче именно на фоне другого. Проектируемый словарь разговорной речи подростков должен быть словарём тезаурусного типа, т. к. специфика разговорной речи состоит в наличии множества небольших языковых коллективов, использующих наряду с общеизвестными специфические языковые единицы, которые могут легко мигрировать внутри данной языковой среды. Принцип расположения материала предполагает выделение определённых коммуникативно-прагматических зон, напр.: 1) зоны речевого этикета, 2) аксиологической зоны, 3) вокативов, 4) зоны номинации объектов обсуждения в разговорной среде.

Ключевые слова: разговорная речь, стандарт, субстандарт, нестандарт, коммуникативно-прагматические зоны.

Ярко обозначившийся в русистике с конца 60-х — начала 70-х гг. XX в. интерес к изучению специфики устной речи продолжает и сейчас порождать многочисленные исследования как теоретического, так и практического, в частности, лексикографического характера. Однако словари, описывающие явления устной речи, обычно обращаются к диалектным системам или языковому субстандарту в таких его проявлениях, как арго, жаргон, сленг, ненормативная лексика.

Разговорная же речь как отдельная система, в которой устная форма языкового существования проявляется в первую очередь, пока больше исследована в плане теоретическом, а лексикографическое отражение получила в гораздо меньшей степени. Безусловно, это связано и с тем, что границы этой системы, её отношения с традиционно выделяемыми лингвистами системами — литературный язык, кодифицированный язык, а также сленг, жаргоны — пока однозначно не определены. Одни исследователи видят в устной разговорной речи особую языковую систему со специфическим набором единиц, другие — разновидность общелитературной системы языка в условиях непосредственного общения. По набору единиц разговорная речь (РР) является сложным конгломератом, в состав которого создатели словарей разговорной речи включают различные по стилистико-функциональному аспекту слова и выражения. В. В. Химик считает, что РР представляет собой явление «общеэтнического субстандарта», включающего социальное просторечие и функционально-стилистическое просторечие с просторечно-деловыми номинациями, экспрессивным просторечием, сквернословием, жаргонным просторечием [Химик 2004: 8–10]. Создатели «Словаря современного русского

Сулейманова Диляра Закирияновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: sne23@mail.ru

города», отражающего речь жителей г. Омска, отбирают единицы следующих пластов: 1) разговорная речь носителей литературной нормы; 2) возрастные и социальные диалекты (жаргоны); 3) бытующие в городе элементы территориальных диалектов [ССРГ 2003].

Основываясь на представлениях большинства лингвистов о том, что РР — это речь устная, неофициальная, неподготовленная, непринуждённая, ситуативно обусловленная, обычно отличающаяся некоторой сниженностью, преимущественно диалогическая, персонально адресованная, мы понимаем разговорную речь широко — как все элементы (нормативные и ненормативные), встречающиеся в устной речи спонтанного, неподготовленного характера.

Кажется очевидным, что, подобно жаргону, имеющему множество социальных разновидностей, разговорная речь представителей разных социальных слоёв также существенно различается по набору лексико-фразеологических единиц. Особенно часто в последнее время объектом внимания лексикографов становится устная речь молодёжи в её сленговой разновидности, самой яркой и специфичной. Как образно отметил В. В. Шаповал, «в своё время В. И. Даль, горячо отстаивая предпринимаемые им разыскания в области народных (в сущности крестьянских) говоров и подчёркивая их ценность и выразительность, тем не менее не счёл достойным словарной фиксации такой сомнительный, с его точки зрения, объект лексикографического описания, как “шуточные выражения гуляливой молодёжи” [Даль-1: LXXVIII]. Сегодня для специалистов по русской социолингвистике этот феномен живой речи является предметом столь же серьёзного научного интереса и комплексного изучения, каким были для В. И. Даля лексические диалектизмы русского простонародья. См., напр., анализ нескольких словарей молодёжного жаргона последних лет [Никитина 2003; Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005; Никитина 2005]...» [Шаповал 2007: 307]. Жаргон школьников как самостоятельный социолект также привлекал внимание исследователей в историческом аспекте [Анищенко 2009].

Разговорная речь молодёжи как система более общая, включающая в себя в том числе и явления жаргонные, не получила отдельной лексикографической фиксации, по-видимому, ещё и потому, что она не имеет чётких границ, отделяющих её от разговорной речи как общенародного феномена. РР подростков, которая, безусловно, является во многом составной частью речи молодёжи вообще, всё же имеет гораздо больше специфических особенностей, отличающих её от разговорной речи всего народа.

Фиксация единиц, бытующих в РР школьников, связана с рядом трудностей. Как любая разновидность разговорной речи, РР подростков должна регистрироваться достаточно постоянно и именно в естественных речевых ситуациях, что сложно технически и невозможно для «постороннего» для этой среды наблюдателя. В данной статье проанализирован материал, зафиксированный в результате наблюдений над речью подростков, сделанных «изнутри» социальной группы — учащихся старших классов в возрасте 13–16 лет.

Содержание картотеки позволяет предложить несколько направлений, принципов создания словаря РР подростков — проекта, который может в перспективе быть осуществлён на базе более обширной картотеки.

Принципы **отбора языковых единиц** определяются несколькими обстоятельствами. 1) Наше понимание разговорной речи предполагает максимально широкое толкование: это не только тот «разговорный кодифицированный и некодифицированный язык, который занимает промежуточное положение между стандартом и субстандартом» [Кёстер-Тома 1993], но и включающий в себя элементы нонстандарта — просторечие, жаргон, сленг, арготизмы. Нормативное и ненормативное в разговорной речи соседствует и пересекается, одно становится ярче именно на фоне другого. Поэтому нельзя в словаре подросткового социолекта отразить только жаргонные выражения, напр., сферы оценочности: *зашибись, респект, торчать, офигенски, капец, отстой* и т. д. — и проигнорировать просторечные и относящиеся к нестрогому стандарту: *клёвый, классный, придурочный, прикольный, не ахти, беспонтовый*, а также общеупотребительные, приобретшие новые значения и синтагматические связи: *молодец, хороший, умный, шикарный, непонятливый, душераздирающий, бесит, дурацкий, меня убивает, детский сад, тухлый* и т. д. Только такой подход позволяет увидеть языковую картину мира современного подростка в её целостности.

2) Исследователи отмечают наличие феномена «переключения кода», когда «школьник использует разный набор речевых форм, средств в соответствии с речевыми требованиями конкретных малых социогрупп и соответствующих коммуникативных ситуаций, а также разные типы и формы речи <...> в зависимости от сферы речевого общения». Вводится даже понятие диглоссии, отражающей языковую компетентность школьника в разных сферах речевого общения, одна из которых связана с интересами ставшей для него референтной «корпоративной» группы [Мамаева 2007]. В речи подростков распределение стандарт — субстандарт существенно более строго связано со сферами вы-общения и ты-общения.

3) Проектируемый словарь должен быть словарём тезаурусного типа, включающим в себя все зафиксированные неединичные явления (хотя малая распространённость единицы должна быть отмечена дополнительно). Специфика разговорной речи состоит в наличии множества небольших языковых коллективов, использующих наряду с общеизвестными специфические языковые единицы, имеющие хождение только внутри этой группы (напр., такие этикетные формулы, как *йоханга, коничуа* и др). Вследствие крайней текучести, неопределённости границ исследуемой системы то, что сегодня родилось в одном небольшом языковом коллективе, завтра может стать и становится достоянием многих. Словарь тезаурусного типа в этом случае должен не только классифицировать, но и воссоздавать лексическую систему как континуум, в котором такие потенциально общеизвестные «корпоративные» единицы разных групп присутствуют.

4) Эффект чрезвычайно быстрого распространения лексических единиц по всему пространству разговорной речи определённой социальной группы в последнее время связан с распространением Интернета и с тем обстоятельством, что именно подростки являются его самыми активными пользователями. Причём именно в тех его сферах, которые связаны с разговорной речью в новом её проявлении: «Можно утверждать, что с появлением Интернета, новой сферы коммуникации, появился и некий промежуточный тип коммуникации, который в каком-то смысле является письменным (визуальным), а в каком-то — устным <...> технически это письменная речь. А вот с точки зрения структуры используемого язы-

ка — безусловно, устная» [Кронгауз 2009]. Этой форме речи свойственны все основные признаки разговорной речи — неподготовленность, непринуждённость речевого акта, непосредственное участие говорящих в речевом акте.

В таких условиях уместно было бы применить новый **принцип расположения материала**: дискурсный подход, на наш взгляд, будет более точно отражать разговорную речь как систему. Специфика лексики разговорного языка, отличающая её от лексического состава языка кодифицированного, связана в первую очередь с несколькими вполне определёнными прагматическими задачами. Можно выделить на этом этапе следующие коммуникативно-прагматические зоны, связанные с выполнением таких задач: 1) зона речевого этикета, 2) аксиологическая зона, 3) вокативы, 4) номинация объектов обсуждения в разговорной среде. Внутри каждой из зон единицы могут располагаться в соответствии с тематическим или/и ситуативно — семантическим принципом «на основе близости коннотативного значения и его ситуативной обусловленности» [Балакай 2002: 33].

Идеографический принцип легко реализуется, напр., при описании зоны речевого этикета. Она включает такие типичные в общении подростков типовые ситуации, как приветствие, прощание, извинение, благодарность, комплимент, просьба. Приветствие представляет собой именно ту зону, в которой существуют статистически значимые отличия в устном контактном и дистантном (через Интернет, обычно это общение с помощью *icq* и других программ) общении. Доминантными формулами приветствия, среди зафиксированных нами, являются: *привет*, *приветик*, *здорово*, *салют*, *хай*, *ку* (из фильма Г. Данелия «Кин-дза-дза», кстати, зачастую подросткам неизвестного); более редким является слово *алоха*. Только в устном общении используется слово *дарова* (подражание редуцированному устному звучанию слова *здорово*). Только в *icq*-общении используются формулы *превед медвед*, *прив*, *пр* (сокращения от *привет*), *коничуа* (японское приветствие, распространившееся благодаря японским аниме), *фейверк* (синоним слова *салют* в одном из его значений).

Различий между устным и *icq*-общением в формулах прощания очень мало. Общими доминантными формулами прощания являются *пока*, *пока-пока*, *всем пока*, *поки*, *до завтра*, *бай*, *удачи*, менее употребительна формула *бывай*. Только в устном общении отмечены значительно более редкие слова *покедова*, *досвидос*, довольно экзотическое и редкое слово *йоханга* (привычное обращение Ильи Чёрта (из группы «Пилот») ко всем своим фанатам, состоящее из трёх трансцендентных звуков, используемых при работе с энергией в йоге и боевых искусствах). Только в *icq* возможно употребление формул — аббревиатур *бб* (сокращённое *бай-бай*), *ПК* (*пока*).

В ситуации благодарности вместе с общеупотребительной формулой *спасибо* подростки употребляют видоизменённые формы этого слова: *спасибки*, *спасибочки*, *СПС* (аббревиатура *спасибо*) — и англоязычную транслитерированную формулу *сенкс*.

В ситуации просьбы в устном общении этикетные формулы типа *пожалуйста* редки, обычно просьба выражается просто повелительным наклонением: *дай*, *положи*. Вежливую просьбу подростки используют в *icq*, общение в котором вообще отличается чуть большей «церемонностью» обхождения. Но там она

видоизменена: *пжл*, *пож* (никогда *пожалуйста*), используется также английское транслитерированное *плиз* либо видоизменённое *плизик*.

В извинении обычно используются общелитературные формы (*извини*, *прости*), распространённым, особенно в *иср*, является также слово *сори* (*ссора*, *ссора*), заимствованное из английского речевого этикета, и формула *прости мну*.

Важным является учёт типичных синтагматических связей единиц, которые часто могут быть совершенно специфичными для данного социолекта, напр., только в речи подростков возможны валентные связи слов, которые меняют семантику: *тупая песня*, *тупой диктофон*, *тупой день*; *прикольный фильм* (между прочим, о драме), *бесит думать* и т. п.

Мониторинг русской речи — регулярные и длительные наблюдения за речью представителей различных слоёв российского общества, позволяющие судить о современном состоянии русской речи и динамике её изменений — стал актуальной проблемой современной русистики [Проект [http](http://)]. Лексикографирование разговорной речи, безусловно, является одним из перспективных направлений в этом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

Анищенко О. А. О проекте «Словаря жаргона школьников и беспризорников послереволюционной России. 1920–1930-е гг.» // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М. Г. Абрамзона. — Вып. 2 (24). — М.; Магнитогорск; Новосибирск: Аналитик: тип. МГПИК, 2009. — С. 526–530.

Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Орёл, 2002. — 41 с.

Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика. — Берлин, 1993. — № 2. — С. 15–31. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/koester-93.htm> (дата обращения: 25.05.2011).

Кронгауз М. Как интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка / 07.07.2009 // Словари XXI в.: клуб ценителей русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://slovari21.ru/analytics/maksim_krongauz_litdibr_ot_blogera_ili_kak_internet-yazik_delaet_pismennuu_rech_formoy_suschestvovan (дата обращения: 26.05.2011).

Мамаева С. В. Своеобразие речевой субкультуры школьника-подростка (на материале молодёжного сленга) // Электронный научно-педагогический журнал. — Январь 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emissia.org/offline/2007/1123.htm> (дата обращения: 25.05.2011).

Проект Российского общества преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и современная Россия». [Электронный ресурс]. URL: <http://pedsovet.org/content/view/10230/530/> (дата обращения: 25.05.2011).

ССРГ: Словарь современного русского города: ок. 11 000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений / под ред. Б. И. Осипова. — М.: Рус. слов.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. — 564 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб.: Норинт, 2004. — 762 с.

Шаповал В. В. Рец. на словарь: Грачёв М. А. Словарь современного молодёжного жаргона. — М., 2006. — 672 с. // Русский язык в научном освещении. — № 1 (13). — 2007. — С. 306–313.

BASIC PRINCIPLES OF TEENAGERS SLANGUAGE DICTIONARY

D. Z. Suleymanova

Teenagers' slanguage, by and large, is a part of youth jargon but with its peculiarities. The author's idea of slanguage suggests wide interpretation. The standard and sub-standard in colloquial speech (including slang, jargon, etc.) coexist and overlap setting off one another. The prospective dictionary should be a thesaurus due to specific nature of informal speech that characterizes small groups using both general and specific linguistic units that easily shift within the linguistic community. Material layout suggests setting off communicative-pragmatic zones, like speech etiquette zone, axiological zone, vocatives, and the informal-register topic zone.

Key words: slanguage standard, sub-standard, non-standard, communicative-pragmatic zones.

© 2011

Н. Р. Халитова

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ СПОРЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА
И В. ШАЛАМОВА И ЕГО РЕШЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматривается этимология единицы *зэк/зек* в современном русском языке и её судьба в словарях последних десятилетий; описывается сущность спора А. Солженицына и В. Шаламова о данной единице.

Автор анализирует случаи употребления единицы *зэк/зек* в произведениях лагерной прозы.

Ключевые слова: лексикография, лагерная проза, А. Солженицын, В. Шаламов.

В 1999 г. в журнале «Новый мир» было опубликовано эссе А. Солженицына «С Варламом Шаламовым», в котором Солженицын, рассказывая о своих взаимоотношениях с В. Т. Шаламовым, в частности, описывает дискуссию, завязавшуюся у него с автором «Колымских рассказов»: «... возник между нами спор о введённом мною слове “зэк”: Варлам Тихонович решительно возражал, потому что слово это в лагерях было совсем не частым, даже редко где, заключённые же почти всюду рабски повторяли административное “зе-ка” <...> в иных лагерях говорили “зык”...» [Солженицын 1999: 164].

Анализируя случаи употребления единицы *зека* в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова, действительно, можно говорить об «административном» характере этого слова, поскольку употребляется оно в большинстве случаев в речи начальства: «Мы, гражданин начальник, — вмешался начальник санчасати, —

Халитова Надежда Рэнатовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Магнитогорского государственного университета. E-mail: halitova006@mail.ru

фельдшера вам сейчас пришлём. Из *зэка*» [Шаламов, 1, 1992: 198]; «— Ты — хирург? — Да, товарищ, начальник. — Бывший *зэка*? — Да, товарищ начальник» [Там же].

Подобные примеры использования лексической единицы *зека* (*зэка*) встречаются во многих произведениях лагерной прозы, напр.: «*Зэка* Терецук! — в очередной раз провозгласил майор. — Милости просим! Очередной заключённый взобрался в теплушку» (Т. Бокарев. Перед рассветом); «— Кто написал? — живо спросил Устименко, радуясь удивительным стихам. — Наши *зэка*...» (Ю. Герман. Я отвечаю за всё); «За связь *зэка* с *зэкою*, — читает дежурный вохровец, — развившуюся в простое лошади сроком два часа <...> пять суток без вывода...» [Гинзбург 1990: 281].

Лагерная проза и публицистика способствовали закреплению формы *зек* / *зэк*, сегодня мы знаем и мн. ч. — *зеки*. Однако рождалась эта единица как несклоняемая и неизменяемая по числам и родам. Вот что писал об этом А. Солженицын в романе «Архипелаг ГУЛАГ»: «... Сокращённо стали писать: для единственного числа «з/к» (*зэ-ка*), для множественного — «з/к з/к» (*зэ-ка зэ-ка*) <...> Казенно рождённое слово не могло склоняться не только по падежам, но даже и по числам» [ТСРЯ XX 1998: 254].

В одной из колымских песен можно обнаружить следующее словоупотребление *зека* в качестве собирательного существительного: «От качки страдала *зека*» [Росси, 1, 1991: 130]. В современном русском языке вариант *зэка* можно встретить лишь в некоторых образчиках блатных песен; самой известной из них, наверное, является песня М. Круга «Человек в телогрейке», главным героем которой является «безымянный *зэка*».

По утверждению Ж. Росси, форма *зек* закрепляется в языке с 40-х гг. XX века. Аббревиатура «з/к» возникла из субстантивированного причастия *заклѹчѣнный* — ‘человек, который находится в заключении, под арестом’ [Ожегов 1999: 207]. В произведениях лагерной прозы единица *заклѹчѣнный* является наиболее частотной (к примеру, в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова насчитывается более 400 употреблений). Лексическая единица *заклѹчѣнный* ведет себя как стилистически нейтральная, имеет обе формы числа, формы мужского и женского рода: «Личным пилотом Берзина (на гидроплане) был *заклѹчѣнный* Володя Гинце...» [Шаламов, 2, 1992: 217]; «Лагерная жизнь так устроена, что действительную реальную помощь *заклѹчѣнным* может оказать только медицинский работник» [Шаламов, 1, 1992: 132]; «Живков — холостяк, здоровяк и красавец, жил сразу с двумя *заклѹчѣнными* женищинами» [Шаламов, 2, 1992: 342]; «Вы ведь тоже *заклѹчѣнная*!» [Матвеева 1993: 102]; «Лѣгкий шорох и тихие возгласы *заклѹчѣнных* возвестили появление в бараке старшей нарядчицы Верки» [Гинзбург 1990: 240]; «Одно время начальник лагеря ещё такой приказ издал: никаким *заклѹчѣнным* в одиночку по зоне не ходить» [Солженицын 1991: 172].

Находясь в непосредственной соотнесѣнности с текстами официально-делового стиля, лексическая единица *заклѹчѣнный* не имела благоприятных условий для развития коннотативных признаков. Иначе сложилась судьба лексических единиц *зека* (*зэка*) и *зек* (*зэк*). Обладая более краткой, ёмкой звуковой формой, единицы *зека* (*зэка*) и *зек* (*зэк*) активно использовались в лагерной речи и на письме в различного рода документах. Лексическая единица *зек* (*зэк*) — резуль-

тат усечения существительного **зека (зэка)**, возникшего в советской судебной и юридической практике из сокращения **з/к**.

Возвращаясь к дискуссии В. Т. Шаламова и А. Солженицына, отметим, что на страницах прозы В. Т. Шаламова можно встретить только единицу **зека (зэка)**: *«Жили вместе — вольнонаёмные и рабочие зэка»* [Шаламов, 1, 1992: 401]; *«Махновцу пришлось работать грузчиком на том же самом складе, где он ишачил пять лет в чине зэка»* [Шаламов, 2, 1992: 140].

Аббревиатура **з/к** встречается в «Колымских рассказах» лишь однажды — в названии официального документа лагерной администрации: «... *“Права з/к з/к”* или, вернее, *правила содержания заключенных, которые состояли из двух частей: 1. Обязанности: заключённый должен, заключённый не должен...*» [Там же: 218].

Многочисленные произведения лагерной прозы других авторов, а также нормативные и жаргонные словари дают возможность добавить к ряду **заключённый, зэка, зык, зэк** не зафиксированные в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова единицы **зечка** — ‘заключённая’ [Быков 1994: 89] и **зечок** — ‘ребёнок заключённой, содержащийся вместе с матерью’ [СТЛБЖ 1992: 93]. У Е. Матвеевой в романе «История одной зечки...» чаще всего используется лексическая единица **зечка**: «... он (лейтенант — Н.Х.) *сделал паузу и оглядел строй зечек...*» [Матвеева 1993: 69].

Словари последнего десятилетия фиксируют единицы **зэк, зек, зэка, зэчка**, причём в предлагаемых иллюстрациях чаще всего встречается вариант **зек**. К примеру, «Толковый словарь русского языка начала XXI века» фиксирует с пометой *разг.* единицы **зэк, зек, зэка** и **зэчка** [ТСРЯ нач. XXI 2006: 384]. Те же единицы (за исключением **зэка**) и с той же пометой отмечены в Большом академическом словаре современного русского языка [БАС 2006: 822] и Большом толковом словаре современного русского языка [БТС 2000: 372].

«Толковый словарь русского общего жаргона» [Ермакова 1999] как более употребительную предлагает единицу **зек** (реже **зэк**). Интересно, что этот словарь дает следующий комментарий словарной статье, посвящённой слову **зек**: *употр. чаще с сочувствием. Коннот: лагерь; чаще по отношению к осужденным по политической статье, чем к уголовникам* [Там же: 65]. Неслучайно не зафиксирована данная единица и в «Историко-этимологическом словаре воровского жаргона» [Грачев 2000]. С написанием **зек** предлагает данную единицу только «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1999].

Таким образом, можно констатировать, что современная лексикография решает спор двух выдающихся авторов лагерной прозы в пользу А. Солженицына. При этом необходимо отметить противоречие между тем, что в словарных статьях в качестве наиболее употребительного закрепляется вариант **зэк**, а в представленном иллюстративном материале преобладает вариант **зек**.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС*: Большой академический словарь современного русского языка / ИЛИ РАН; гл. ред. К. С. Горбачевич. — М.; СПб.: Наука, 2006. — Т. 6. — 1460 с.
- БТС*: Большой толковый словарь современного русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
- Быков В.* Русская феня. — Смоленск: Траст-Имаком, 1994. — 222 с.
- Гинзбург Е.* Крутой маршрут. — М.: Сов. писатель, 1990. — 608 с.
- Грачёв М. А., Мокиенко В. М.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона. — СПб.: Фолио-пресс, 2000. — 256 с.
- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона: ок. 450 слов / под общ. ред. Р. И. Розиной. — М.: Азбуковник, 1999. — 320 с.
- Матвеева Е.* История одной зечки и других з/к, з/к, а также некоторых вольняшек. — М.: Шик, 1993. — 568 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
- Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: в 2 кн. — М.: Просвет, 1991.
- СТЛБЖ*: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы / авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. — М.: Края Москвы, 1992. — 526 с.
- Солженицын А.* Один день Ивана Денисовича // А. Солженицын. Избранное. — М.: Мол. гвардия, 1991. — С. 62–204.
- Солженицын А.* С Варламом Шаламовым // Новый мир. — 1999. — № 4. — С. 163–169.
- ТСРЯ XX*: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Складневской. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 700 с.
- ТСРЯ нач. XXI*: Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2006. — 1136 с.
- Шаламов В.* Колымские рассказы: в 2 кн. — М.: Рус. кн., 1992.

LEXICOGRAPHIC DISPUTE BETWEEN A. SOLZHENITSYN AND
V. SHALAMOV AND ITS SOLUTION BY CONTEMPORARY LEXICOGRAPHY*N. R. Khalitova*

The article reveals etymology of the word *зэк/зек* (convict) in modern Russian, traces its fate throughout dictionaries of recent decades, and gives the essence of the dispute between A. Solzhenitsyn and V. Shalamov concerning the unit under study. The analysis of the unit *зэк/зек* is based on prison camp prose.

Key words: lexicography, prison camp prose, A. Solzhenitsyn, V. Shalamov.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ РУССКОГО ЖАРГОНА НАРКОМАНОВ В «СЛОВАРЕ АНТИЦЕННОСТЕЙ»

Статья посвящается изучению структурно-семантических особенностей русского жаргона наркоманов в корпусе «Словаря русского и английского жаргона наркоманов» Л. К. Байрамовой и Н. Ф. Халиулловой, в частности исследуются производные лексемы. Основная идея статьи — словообразовательные форманты не играют решающей роли в формировании производных лексем русского жаргона наркоманов. В описании словообразовательных моделей жаргона необходимо учитывать характер мотивирующей лексемы и её социолингвистический статус.

Ключевые слова: семантика, словообразовательные форманты, мотивирующая основа, фразеологичность.

Развитие семантики слова в русском литературном языке проходит сложный и длительный путь. По наблюдениям А. А. Камаловой, первоначально семантика слов размыта и подвижна, значения единиц слабо дифференцируемы. Приток новых номинативных единиц осуществляется, по словам исследователя, путём морфемной деривации. Новое в семантике слова, как и новые слова, рождается в тексте: здесь происходит уточнение представления человека о данном явлении, семантическая грация и специализация [Камалова 1994].

Сходные процессы становления, развития семантической структуры происходят и в жаргонном слове. В этом смысле особенности, присущие жаргону наркоманов, а именно: контекстуальная и ситуативная обусловленность лексических единиц, богатая синонимия и т. п. — отражают естественные и закономерные процессы эволюции слова и его семантики.

Отдельной группой жаргона наркоманов представлены производные слова, междометия, лексические единицы, образованные путем семантической деривации (на основе метафоры и метонимии), или вторичной номинации, языковых единиц.

В качестве иллюстрации нашего видения структурно-семантических особенностей производных лексем в жаргоне рассмотрим примеры из корпуса «Словаря русского и английского жаргона наркоманов» Л. К. Байрамовой и Н. Ф. Халиулловой [Байрамова, Халиуллова 2009].

В описании словообразовательных моделей жаргона необходимо учитывать характер мотивирующей лексики, её социолингвистический статус, который часто является основополагающим в последующей интерпретации семантики и прагматики слова. На этот факт указывали и многие исследователи жаргона (арго), в частности М. А. Грачёв, В. В. Химик и др.

Напр., слово *аптекарь* в жаргоне наркоманов и в кодифицированном языке имеет, на первый взгляд, одинаковое значение ‘работник аптеки’ и в обоих слу-

Хасанова (Халиуллова) Нургиза Фиалитовна — старший преподаватель кафедры английского языка Казанского архитектурно-строительного университета. E-mail: discovery81@mail.ru

чаях мотивировано словом *аптека*. Однако в жаргоне наркоманов слово *аптека* является семантическим дериватом от литературного *аптека* и имеет значение 'фармакологические препараты, применяемые наркоманами в качестве наркотиков'. Следовательно, жаргонное слово *аптекарь* и литературное *аптекарь* при формально тождественной словообразовательной структуре являются разными словами, так как имеют разные мотивирующие основы, т. е. мотивирующие основы в их конкретной социолектной характеристике. Следует иметь в виду также приращения, наращения в семантике мотивированного слова, которые формируют фразеологичность (идиоматичность) семантики — «свойство производного слова выражать нечто, не содержащееся в значении его составных частей» [СРЯ 1999: 244]. Причём экспликация названных приращений далеко не всегда может быть проведена с опорой на словарные дефиниции: как правило, основным источником является учёт социокультурной окраски слова в системе субкультурных координат.

В каждом случае необходимо рассматривать значение лексемы, чтобы выявить социокультурно обусловленные параметры интерпретации. Проиллюстрируем это на примере именовании наркоманов. Рассматривая производные существительные со значением лица, образованные с помощью суффиксов *-щик* (названия лица по совершаемому им действию или по характеризующему предмету), *-ник* (названия лица по характеризующему предмету), можно говорить о скрытой экспрессии. Имена с суффиксом *-арь* (названия лица по характеризующему его действию, предмету или признаку) во вторичной номинации приобретают ярко выраженную экспрессивную ёрническую окраску, напр., *глотарь* — 'наркоман, глотающий таблетки или порошки, содержащие наркотики'. В основном это обозначения самих наркоманов, поэтому большинство таких производных слов относится только к жаргону наркоманов и отличается скрытой экспрессией, заключённой в вещественном значении слова. Как и предыдущая группа, в основном это своеобразные наркоманские жаргонизмы, в которых экспрессивный компонент маскируется и зависит обычно не от суффиксального форманта, а от корня слова.

Жаргонизмы наркоманов менее всего подвержены влиянию значения форманта, который передаёт общую семантику (лицо, предмет, вещество). Часто он омонимичен / полисемантивен. Более важным фактором оказывается семантика мотивирующей основы. В то же время нужно учитывать, какая лексема является мотивирующей (литературная или жаргонная) и в каком именно значении, поскольку и в этом случае явления омонимии весьма распространены. Жаргону наркоманов свойственна широкая омонимия и вхождение формально одинаковых по структуре слов в разные словообразовательные гнёзда. Важнейшим фактором, в конечном счёте, оказывается значение лексемы, рассмотренное в контексте жаргонной лингвокультуры. Напр., *варить* — 'изготавливать наркотик'; *варка* — 'процесс изготовления наркотика'; *варево* — 'общее название кустарно изготавливаемых наркотиков'; *варищик* — 'наркоман, умеющий изготавливать наркотики'; *химичить* — 1) 'изготавливать наркотики'; 2) 'употреблять наркотики'; *химия* — 'наркотики искусственного происхождения'; *химик* — 'наркоман, который умеет изготавливать наркотики', *химка* — 1) 'продукт обработки конопли ацетоном'; 2) 'экстракт опия'.

Анализируя производные лексемы жаргона наркоманов, мы, в первую очередь, определяем значение форманта. Так, анализируя лексему *травник*, мы выделяем суффикс *-ник* и его значение — ‘лицо’. Уточним данное значение при помощи апелляции к мотивирующей лексеме. В частности, *лицо* может определять, во-первых, «характеристику лица по признаку», напр., *травник* — ‘наркоман, употребляющий марихуану, анашу или гашиш’ от слова *трав* — ‘анаша или марихуана’; *грибник* — ‘наркоман, преимущественно употребляющий в качестве наркотика грибы, содержащие наркотические вещества’ от слова *грибы* — ‘грибы, содержащие наркотические вещества’. Во-вторых, «характеристику лица по профессии», напр., *путешественник* — ‘наркоман, употребляющий психотропные препараты’ от слова *путешествие* — ‘галлюцинации, вызванные действием психотропных препаратов видеть’.

Значения жаргонизмов демонстрируют такое свойство производной лексемы, как фразеологичность семантики. Имеется в виду лексическая фразеологичность семантики мотивированного слова, поскольку словообразовательная система жаргона в целом характеризуется нерегулярностью, и поэтому сложно выявить системные приращения семантики в той или иной серии мотивированных слов.

Исходным моментом в анализе семантики жаргонного слова является положение значения жаргонного слова в субкультурной аксиологии. В лексеме *толкнуть* — ‘продать низкокачественный гашиш’ мы выделяем отрицательную оценку, которая может быть описана в метаязыковых формулах как обман, пренебрежение.

Данное рассуждение подтверждают некоторые особенности фразеологичности семантики лексем жаргона наркоманов. «Глагол и прилагательное в целом менее фразеологичны, чем существительное. Имена лиц менее фразеологичны, чем названия предметов. Наиболее ярко фразеологичность проявляется у предметных существительных с конкретным значением» [СРЯ 1999: 347]. В жаргоне наркоманов номинации человека так же важны, как номинации предметов, и эмотивные параметры, составляющие основу прагматики наименований лица, демонстрируют фразеологичность семантики производных имён лица.

Лексему *варщик* — ‘наркоман, умеющий изготавливать наркотики’ в грамматическом аспекте можно рассмотреть как личное имя существительное; в стилистическом аспекте как жаргонизм; в денотативном аспекте — ‘тот, кто *варит* изготавливает, придумывает рецепты’; в аксиологическом аспекте в субкультурной аксиологии — как положительную оценку.

Таким образом, словообразовательные форманты не играют решающей роли в формировании производных лексем русского жаргона наркоманов. Словообразовательные гнёзда, если они разветвлённые, покрывающие своими участками различные разновидности русского языка, в большей мере выполняют функцию маркирования концептов, активных и в словообразовательном плане.

ЛИТЕРАТУРА

Байрамова Л. К., Халиуллова Н. Ф. Словарь русского и английского жаргона наркоманов: словарь антиценностей — Казань: Центр информ. технологий, 2009. — 196 с.

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. — Свердловск: Урал. ун-т, 1989. — 187 с.

Камалова А. А. Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке. — Архангельск: ПГУ, 1994. — 130 с.

СРЯ: Современный русский язык: учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под общ. ред. Л. А. Новикова. — СПб: Лань, 1999. — 864 с.

STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF DRUG-ADDICTS SLANGUAGE (BASED ON THE RUSSIAN DICTIONARY OF ANTI-VALUES)

N. F. Khasanova (Khaliullova)

The article, dealing with structural and semantic features of emotive lexemes of drug addicts' Russian jargon represented in the "Dictionary of Russian and English Drug Addicts' Slangue" by L. K. Bayramova and N. F. Khaliullova, dwells upon derived words. The central idea is that derivational morphemes are not of considerable importance in the building of drug addicts' Russian slangue words. While describing slangue word-building patterns one should take into account motivating and socio-linguistic status of the primary word.

Key words: semantics, word-building forms, motivating stem, phraseological status.

ДВУЯЗЫЧНЫЕ И УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

© 2011

В. Д. Черняк

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИ КОМПЕТЕНТНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается роль словарей в современном мире, описываются основные характеристики и параметры лексикографической компетенции. Автор обращается также к проблемам филологического образования и новым учебным дисциплинам, формирующим различные уровни лексикографической компетенции.

Ключевые слова: лексикография, лексикографическая компетенция, диалог «словарь — читатель», метаязык словаря, филологическое образование.

Отмечаемая многими бедность словаря среднего носителя языка, связанная с уходом от литературоцентризма, с экспансией экранной культуры, выдвигает на первый план лингвоэкологические задачи, связанные с передачей культурного наследия, с обогащением культурной памяти, обеспечением национальной идентичности, с трансляцией духовного опыта. Особая роль в воспитании образованного члена общества принадлежит словарям.

За последние два десятилетия отечественная лексикография сделала огромный шаг вперёд: сформировались новые типы словарей, обогатился и усовершенствовался метаязык словарных описаний, разработаны новые принципы диалога «словарь — читатель» с учётом многообразных целевых установок адресатов словарной продукции. Переживаемый сегодня лексикографический бум, безусловно, связан с осознанием обществом уникальной роли словарей, с практической востребованностью словарной продукции. Совокупность лексикографических изданий последнего времени отражает языковой облик эпохи, представляет наиболее существенные изменения в лексиконе современной языковой личности; именно словарям принадлежит исключительное место в формировании человека, способного осознанно строить своё речевое поведение и оценивать речь других.

Просветительская, социальная функция словарей особенно важна сегодня, в условиях меняющегося социокультурного пространства. Сложность современного мира, многообразие социальных ролей личности выдвигают в качестве первостепенной задачу её гуманитарного развития. Колоссальное расширение информационного потока заставляет перенести центр тяжести в образовании

Черняк Валентина Даниловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: vdcher@yandex.ru

с объёма освоенной информации на эффективное использование инструментов её получения и обновления. Именно словари дают возможность ориентироваться в безбрежном пространстве культуры.

Конец XX и начало XXI века отмечены выходом в свет целого ряда принципиально новых лексикографических изданий, воплощающих идеи антропоцентрической лексикографии. Обращение к словарям позволяет получить объективное представление об организации лексикона человека, о совокупности знаний, хранящихся в его памяти, интерпретировать лексическую систему, преломив её через призму восприятия личности, соотносить теоретические разыскания в области изучения словарного состава с конкретными коммуникативными запросами пользователей словарной продукции. Словари последних лет, непредвзято регистрирующие приобретения и потери языка, позволяют увидеть реальную динамику лексикона, выявить те его зоны, которые отражают реальный прогресс общества и развитие языка, а также те фрагменты, которые, представляя черты недавнего прошлого, остаются невостребованными в настоящем.

Современная практическая лексикография, оснащённая мощными компьютерными технологиями, подходит к решению важной задачи соединения в лексикографическом описании информации из различных областей гуманитарного знания.

Практика словарного дела открывает новые оптимальные и доступные для восприятия потребителя словаря способы представления всей совокупности знаний о языке. При этом необходимо учитывать, что разные группы пользователей — учёные-лингвисты, иностранцы, изучающие русский язык, учащиеся, изучающие иностранный язык, рядовые носители языка, обращающиеся к словарям в поисках ответов на конкретные вопросы, возникающие в процессе обучения, в профессиональной сфере и даже в сфере досуга, — в процессе обращения к словарям решают разные задачи.

Тревожное снижение общего уровня речевой культуры заставляет особенно остро осознать роль словаря как важного и незаменимого пособия, формирующего навыки сознательного отношения к своей речи. Очевидно, что лексикографическую культуру как необходимый этап в развитии общей культуры каждого отдельного человека и как определённый показатель культуры общества следует воспитывать.

Выдвижение на первый план в современных образовательных системах компетентностного подхода предполагает особое внимание к различным источникам информации. Формирование личности, способной ориентироваться в современном мире, приобретать знания и пополнять их в течение всей жизни, невозможно без высокого уровня языковой, речевой, коммуникативной культуры. В контексте формируемых компетенций должна занять своё место *лексикографическая компетенция*. Она включает:

- осознание потребности обращения к словарю для решения познавательных и коммуникативных задач,
- умение выбрать нужное лексикографическое издание с учётом его типа и жанра,
- умение воспринимать текст словаря (владение метаязыком) и извлекать из него необходимую информацию о слове,

— умение сопоставлять различные словари для решения различных познавательных задач.

Первый параметр лексикографической компетенции определяется мотивационным импульсом обращения к словарям, который нужно формировать с детского возраста. К сожалению, отсутствие потребности обращения к словарям, связанное с ортологической пассивностью носителя языка (удовлетворённостью собственной речью, нежеланием ставить перед собой вопросы и искать на них ответы) и с познавательной пассивностью (отсутствием потребности увеличивать свой культурный багаж), — характерная черта современной языковой личности. Сформированная мотивация или инициированный конкретный мотив требуют умения ориентироваться в разнообразных словарях, знания основных типов словарной продукции и их информационных возможностей.

Второй параметр лексикографической компетенции связан с целенаправленным выбором нужного лексикографического издания, опирающимся на знание типов словарей и пониманием их информационного потенциала. В условиях словарного бума, когда на прилавках магазинов наряду с первоклассными изданиями лежат некачественные словари, современные подделки, конъюнктурные переиздания устаревшей словарной продукции, знание определённых маркеров оценки словаря представляется очень важным. Более тонкие профессиональные умения предполагают точное соотнесение конкретной коммуникативно-познавательной задачи с типом справочного издания.

Третий параметр предполагает практические умения извлечения полной и адекватной информации из словарей, знание метаязыка словарных описаний (помет и других способов описания, представляемых обычно в предисловиях и руководствах для пользователя).

Четвёртый параметр отражает достаточно высокий уровень лексикографической компетенции и проявляется в умении сопоставлять различные словарные издания (разные типы словарей, разные издания одного словаря, различные принципы отбора материала, различные идеологические установки составителей). На основе сопоставления словарей образованный пользователь может делать очень важные выводы о социокультурной ситуации, о динамике русской речи и о речевом портрете носителя языка.

Можно говорить о различных аспектах познавательной деятельности личности, предполагающих определённый уровень лексикографической компетенции. Так, *информационный аспект* связан с использованием словарей для ответа на возникающие вопросы о мире, о прошлом и настоящем. В этой связи следует отметить размывание границ между двумя основными типами словарей — лингвистическими и энциклопедическими.

Интерпретационно-деятельностный аспект лексикографической компетенции связан, во-первых, с возможностью использования словарей для интерпретации явлений окружающего мира, а во-вторых, — для целенаправленного лексического выбора в процессе продуктивной и рецептивной речевой деятельности. Роль словаря как адаптивного инструмента в современных условиях несомненна. Частые конфликты между узусом и нормой, особенно заметные в средствах массовой информации, игровая стихия современной речи предполагают особую значимость эталона, своеобразного речевого ориентира, роль которого выполняют

словари, необходимые для оперативного решения целого ряда практических проблем, возникающих в процессе общения.

Этнокультурный аспект реализуется в выявлении с помощью словарей (толковых, этимологических, фразеологических и др.) национального своеобразия картины мира. Интегрирование различных областей гуманитарного знания делает актуальным создание нового типа лингвокультурологических словарей, в лексикографической форме представляющих содержание культурных феноменов. В словарях этого типа очень велика значимость энциклопедической информации, однако не менее важно и выявление семантического потенциала слова, аккумулирующего культурную память народа.

Слово находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, сегодняшнее его восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые века, но и в предшествующие одно–два десятилетия. Поэтому, стремясь отразить все особенности функционирования слова, лексикограф должен обладать способностью видеть будущего читателя словаря, должен разглядеть существенные характеристики за теми, которые обнаруживаются при сугубо синхронном восприятии слова. Характеристика слова в различных словарях с учётом времени их создания, прагматической установки на адресата неразрывно связана с идеологией словаря, проявляющейся и в составе словника, и в характере дефиниций, и в оценочных пометах, и в иллюстративном материале. Этот фактор сегодня также является чрезвычайно значимым и должен учитываться в системе гуманитарного образования, поскольку в условиях глобальных социальных перемен утрата актуальных ранее идеологических компонентов значений является препятствием для адекватного восприятия многих текстов культуры XX века.

С проблемой культурной грамотности соотносятся две актуальные для современной языковой личности проблемы — проблема понимания текстов классической литературы и проблема владения прецедентными текстами. Обе эти проблемы связаны с богатством тезауруса и лексикона языковой личности, а в их разрешении огромная роль принадлежит словарям. Интертекстуальность современной художественной литературы и публицистики, многочисленные отсылки к прецедентным текстам, часто осуществляемые в игровом ключе, делают особенно значимой для языковой личности словарную поддержку, позволяющую устранить лакуны в тезаурусе и обеспечить адекватное восприятие текста.

Исследование параметров лексикографической компетенции как одного из значимых факторов, обеспечивающих гуманитарную подготовку специалиста в области образования, — задача в высшей степени актуальная и органически соотносящаяся с антропоцентрическим направлением современной науки о языке. Отсутствие лексикографической компетенции не позволяет полноценно использовать словарь, а тем более получать интеллектуальное удовлетворение от обращения к нему как к уникальному хранилищу накопленного предшествующими поколениями опыта, как к связующей нити между разными эпохами.

В процессе реализации многоуровневой системы филологического образования нами накоплен определённый опыт формирования лексикографической компетенции будущих словесников в процессе освоения специальных дисциплин. Так, на первом этапе (второй курс бакалавриата) предусмотрена дисциплина

гуманитарного цикла «Современная языковая ситуация в социокультурном пространстве», составной частью которой является курс «Словари и культура народа». Далее базовые знания по лексикографии расширяются в курсе лексикологии современного русского языка и углубляются в вариативном модуле «Редактирование в сфере образования и лингвистическая экспертиза», частью которого является курс «Словари в практической деятельности филолога». Здесь ставится задача формирования системы теоретических и практических знаний о типах словарей русского языка и других справочных ресурсах, построенных по словарному принципу, о возможностях использования словарей в педагогической практике, в практике редактирования, комментирования и экспертизы текстов. Наконец, в магистратуре изучается дисциплина «Лексикография в современном образовательном пространстве», в процессе освоения которой студенты должны овладеть умениями извлекать информацию из различных лексикографических источников для интерпретации языковых процессов, для исследования текста, работать с современными информационными и поисковыми системами; приобрести навыки пользования электронными ресурсами и базами данных для решения коммуникативных и познавательных задач в сфере образования.

PRESENT-DAY LEXICOGRAPHY AS A MEANS OF DEVELOPING LINGUISTICALLY COMPETENT PERSONALITY

V.D. Chernyak

The article examines the role of dictionaries in the contemporary world, and describes basic characteristics of lexicographic competence. The author also resorts to philological education and new academic disciplines that help to develop different levels of lexicographic competence.

Key words: lexicography, lexicographic competence, dialogue “dictionary- reader”, meta-language of the dictionary, philological education.

© 2011

Л. П. Дядечко

О ПРОПЕДЕВТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматриваются основные принципы и структура статьи нового жанра учебной лексикографии — пропедевтического терминологического словаря.

Ключевые слова: учебная лексикография, терминологический словарь.

Дядечко Людмила Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко. E-mail: eptonim@ukr.net

Имеющиеся на русском языке учебные терминологические словари по разным предметным областям отличаются от терминографических изданий общего типа, во-первых, отбором словника, ориентированного на базовый, установленный образовательными стандартами уровень, во-вторых, более или менее упрощённым способом подачи информации в словарной статье. Выполняя своё функциональное назначение, учебные словари в основном дают определённые сведения, однако практически не вооружают студентов, аспирантов, начинающих исследователей таким важным средством познания и — что не менее существенно при написании курсовых, бакалаврских, магистерских и под. сочинений — средством представления знаний, каким является термин. Помочь избежать данный недостаток призван словарь нового типа, обозначенный как пропедевтический.

Идея такого словаря в сфере лингвистической терминологии вызревала долго (непосредственным ориентиром при решении проблем системного лексикографирования выступил «Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов» [Никитина, Васильева 1996]). Его необходимость стала особенно остро ощущаться в последнее время в связи с бурным развитием новых направлений в языкознании, когда созданные ранее, не специализированные по отдельным отраслям лингвистики словари уже не могут удовлетворить в полной мере потребностей тех, кто только приступает к научной работе, а также потому, что в этих словарях наблюдаются досадные пропуски в словнике, не всегда раскрываются все дифференциальные признаки термина, отсутствует четкость в разграничении смежных понятий.

Цель пропедевтического терминологического словаря в сфере языкознания — дать такое описание лингвистических терминов, которое бы формировало у читателей соответствующие научные понятия и показывало способы оперирования этими понятиями. Иначе говоря, цель словаря — представить термины как единицы метаязыка и как единицы научного текста. Достижение данной цели возможно путём описания терминов с учётом всех их системных связей — парадигматических, синтагматических и эпидигматических.

В этом состоит первое принципиальное отличие пропедевтического словаря лингвистической терминологии от других учебных изданий. Второе — в выделении особых предупреждающих зон (далее в примере они помечены тремя восклицательными знаками — !!!), где содержатся сведения, обращающие внимание молодых исследователей на существующие в науке разночтения, которые помогают избежать неверных трактовок и употреблений термина.

Для демонстрации наполнения словарных статей избранного типа словаря предлагается описание термина **фразеологизм**. Данная статья может служить образцом для учебно-пропедевтического терминографирования наименований других языковых единиц. (Понятно, что статьи, посвящённые терминам, называющим разделы языкознания, школы, методы анализа и др. лингвистические явления, должны иметь несколько иную структуру.)

Открывается статья дефиницией термина, указанием, объектом какого (каких) направления (-ий) языкознания является соответствующая описываемая единица, устанавливается её статус, называются основные дифференциальные признаки:

ФРАЗЕОЛОГИЗМ, -а, м. (< фразеология) — устойчивое выражение, не создаваемое, а воспроизводимое в речи как готовая единица с закреплёнными за ней

формой и содержанием (см. примеры далее). Является объектом изучения фразеологии, где толкуется по-разному, в зависимости от понимания границ исследуемого объекта. Вопрос об уровне статусе Ф. спорный: большинство учёных не выделяют отдельный фразеологический уровень, относя Ф. к лексическому (лексико-фразеологическому) уровню; при выделении — обычно размещают его над лексическим, реже [Алефиренко, Золотых 2000] — над синтаксическим уровнем. Основные признаки Ф.: наличие по крайней мере двух компонентов; воспроизводимость — извлечение из памяти в готовом виде, устойчивость — постоянство формы и содержания (при возможном узуально закреплённом варьировании); внутриязыковая идиоматичность — невыводимость значения Ф. из прямых значений составляющих его компонентов; межъязыковая идиоматичность — невозможность пословного (буквального) перевода на др. языки; сохранение в составе лексических и грамматических архаизмов.

!!! Входящие в состав Ф. части обычно именуются не словами, а **компонентами** или **словами-компонентами**, так как утрачивают свою самостоятельную номинативную функцию.

Далее приводится — по возможности — история термина, имя автора, который ввёл его в научный обиход. В данном случае можно дать только общие замечания:

Термин Ф. пришёл на смену распространённым в фольклористике XIX в. обозначениям **идиотизм**, **идиоматизм**, **поговорка** — ‘оборот, не заключающий в себе законченную мысль’ (см. [Снегирёв 1848], [Даль 1957]), **крылатые слова** (см.) — первоначально ‘меткий, остроумный оборот (безотносительно к происхождению)’ и закрепился в 40-е гг. XX в.

Зона парадигматики включает: 1) синонимические обозначения с утвердившимися в научных текстах сокращениями, желательными расположенными по степени их распространённости, и 2) (при наличии) гиперонимы и гипонимы — наименования общего класса, куда входит описываемая единица, и её разновидности:

Синонимы: **фразеологическая единица (ФЕ)**, **фразеологический оборот (ФО)**, **устойчивое выражение (/словосочетание, сочетание слов)**, **устойчивый оборот**, **устойчивый словесный комплекс (УСК)**, **устойчивая фраза**, **фразеосочетание**.

Типы устанавливаются в зависимости от свойств Ф. и методов их анализа. Наиболее популярна структурно-семантическая классификация В.В. Виноградова (дополнена Н.М. Шанским [Шанский 1985]): 1) **фразеологические сращения** — немотивированные, утратившие внутреннюю форму Ф. с целостным значением: *пускаться во все тяжкие* ‘предаваться пьянству, разгулу’, *у черта на куличках* ‘очень далеко’; 2) **фразеологические единства** — образно мотивированные, обычно имеющие омонимичные свободные словосочетания Ф. с целостным значением: *лежать на боку* ‘бездельничать’ (ср.: *Больному следует лежать на боку*); 3) **фразеологические сочетания** — частично мотивированные Ф., когда всего один компонент имеет специфическое, встречающееся только в данном контексте значение, которое требует своего истолкования: *расквасить нос* ‘разбить’ нос, *белые стихи* ‘нерифмованные’ стихи; значительную часть фразеологических сочетаний составляют описательные глагольно-именные словосочетания: *одержать победу* ‘победить’, *принять участие* ‘участвовать’; 4) **фразеологи-**

ческие выражения — Ф., в состав которых входят компоненты, имеющие свои обычные, закреплённые узусом значения: *учебное заведение* (оба компонента выступают в своих прямых значениях), *Любви все возрасты покорны* (в высказывании последние два слова использованы в переносном значении, известном в языке, ср.: *возрасты* ‘поколение; о людях с разным количеством прожитых лет’ [БАС, 2, 2005: 404]; *покорны судьбе, случаю* и под.). Воспроизводимость таких Ф. обусловлена экстралингвистическими причинами.

!!! В русистике обычно не относят к Ф.: а) образованные повторением сложные слова: *баю-баюшки, давным-давно*; б) предложно-именные выражения: *до востребования, на дому, без удержу, под мышками* (но обороты типа *до гроба, на грош, под замком* образно переосмыслены, они включены в ФСРЯ).

!!! Предтечей В. В. Виноградова следует считать не только Ш. Балли с его знаменитой книгой «Французская стилистика» [Балли 1961], как это принято в науке, но и Ф. И. Буслаева, который предложил, фактически, семантическую типологию русских фразеологизмов [Буслаев 1848].

!!! В. В. Виноградов, выделивший первые три типа, не учитывал, какую структуру — словосочетания или предложения — имеет Ф. К фразеологическим единствам он относил **пословицы**, а также имеющие структуру предложения **крылатые выражения** [Виноградов 1977: 133].

!!! При узком толковании Ф. обращается внимание как на отнесённость оборота к некоторым или всем типам классификации Виноградова — Шанского, так и на его структуру: обороты, совпадающие по форме с предложением, относятся к Ф. при условии их **лексикализации** — развитии у оборота целостного значения, сопровождающегося полной утратой компонентами своей семантической самостоятельности: *куда Макар телят не гонял* ‘далеко’, *лёд растаял* ‘потеплело’ (в отношениях между кем-л.), чувство отчуждённости исчезло’.

При таком понимании фразеологические сращения называются также **идиомами** (ед. ч. идиома), к которым некоторые ученые относят и фразеологические единства [Шанский 1985: 61], а первые три типа, кроме оборотов со словом, имеющим ограниченную семантическую валентность (таких, как *расквасить нос, карие глаза*) — **фразами** (термин в этом значении активно поддержан В. Н. Телией [Телия 1966: 8–9]). Идиомы (фразмы) как воспроизводимые единицы противопоставляются свободным сочетаниям слов, каждый раз создаваемым в речи заново; по структуре — пословицам и крылатым выражениям как нелексикализованным образованиям; по происхождению, являясь «безымянными» — крылатым выражениям, сохраняющим живую связь с автором, текстом-источником.

Часть фразеологических сочетаний (с целостным значением, типа *принять участие*) и фразеологических выражений со структурой словосочетания (*научно-исследовательское учреждение, принимать лекарство*), имеющих непредсказуемую сочетаемость (сравн.: не * *брать участие*, не * *научно-исследовательское заведение*, не * *брать лекарство*), называются **коллокациями** [Борисова 1995: 11–15], термин широко распространен в зарубежной лингвистике).

Затем приводится зона синтагматики, демонстрирующая использование термина в типичных научных контекстах:

Фразеологизм функционирует / употребляется / встречается в ... Фразеологизм включает ... компонента (-ов). Фразеологизмы с соматическим / фло-

ристическим ... компонентом ... Узуальный / диалектный / окказиональный / трансформированный / преобразованный фразеологизм... Значение / структура фразеологизма ... Способы преобразования / трансформации / актуализации фразеологизма ... В составе фразеологизма ... Использование фразеологизмов в речи ... В словарях русского языка зафиксировано более 12 тысяч фразеологизмов.

Следующая далее зона эпидигматики представляет разные цепочки словообразовательного гнезда описываемого термина:

фразеология — фразеологический, фразеобразование — фразеобразовательный;

фразема — фраземика, фраземный, фразеобразование;

фразеологема (*редко*, 'Ф. как инвариант, единица языка').

Завершают статью отсылки к другим словарным статьям и список литературы — в хронологическом порядке (для словарей — с включением распространенных аббревиатур), отражающий основные этапы научного осмысления описываемого явления и различные подходы к нему (в данном случае эта часть в целях экономии объема опускается).

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц). — Астрахань: Астрахан. гос. пед. ун-т, 2000. — С. 13–24.

Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Иностр. лит., 1961. — 394 с.

БАС 2: Большой академический словарь русского языка: в 20 т. / РАН. Ин-т лингвистич. исслед. — Т. 1–13. — 2004–2009. — М.; СПб.: Наука, — Т. 2. — 2005. — 657 с.

Борисова Е. Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать. — М.: Филология, 1995. — 49 с.

Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки: дополнения к изданию И. М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи». — М.: Университет. тип., 1848. — 503 с.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избр. труды: лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 140–161.

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избр. труды: лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 118–139.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Худож. лит., 1957. — 992 с.

Молотков: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — 4-е изд. стер. — М.: Рус. яз., 1986. — 543 с.

Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов: принципы составления и избранные словарные статьи. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. — 172 с.

Снегирёв: Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегирёвым, с предисловием и дополнениями. — М.: Университет. тип. — 1848. — 503 с.

Телия Н. В. Что такое фразеология. — М.: Наука, 1966. — 86 с.

Шанский Н. М. Фразеология современного рус. яз.: уч. пособ. для вузов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1985. — С. 62–63.

PROPAEDEUTIC DICTIONARY OF LINGUISTIC TERMINOLOGY

L. P. Dyadechko

The article deal with key structural principles of a dictionary entry of a new learner's dictionary genre, namely, propaedeutic terminological dictionary.

Key words: learner's lexicography, terminological dictionary.

© 2011

А. А. Горбачевский

ТЕРМИНЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КАЧЕСТВО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА, КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ

В статье анализируются термины *адекватность*, *эквивалентность* и др. с позиции применения их в теории и практике поэтического перевода. Обосновывается уместность употребления термина *адекватность*.

Ключевые слова: адекватный, эквивалентный, точный, верный, полноценный.

При составлении словаря переводческих терминов следует учитывать, по крайней мере, 6 факторов.

1. Степень соответствия между переводом и оригиналом. Она характеризуется такими определениями, как *адекватный*, *эквивалентный*, *точный*, *верный*, *полноценный*, *реалистический*, а при полном или частичном отсутствии соответствия — производными прилагательными с отрицательной приставкой *не-*. Определение *реалистический* (перевод) встречается в диссертациях или в весьма немногочисленных работах литературоведческого характера как своего рода экзотизм, потерявший свой первоначальный идеологический ореол и соотносимый скорее с *реальный* чем с *реализм*.

Наиболее употребительными определениями являются первые две лексемы, значения которых иногда строго разграничиваются, а иногда они рассматриваются как полные синонимы. Данные толковых словарей: академических — большого и малого [БАС 1950–1965; МАС 1985–1988], словаря Д. Н. Ушакова [Ушаков 1935–1940], «Современного словаря иностранных слов» [ССИС 1994] характеризуют эти определения следующим образом:

— *адекватный* — «вполне соответствующий, тождественный» [Ушаков, 1, 1935: 17]; «вполне соответствующий, совпадающий» [БАС, 1, 1950: 91]; то же и в [МАС, 1, 1985: 25]; «равный, тождественный, вполне соответствующий» [ССИС 1994: 21];

Горбачевский Антон Антонович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: chag@74.ru

— *эквивалентный* — «равнозначный, равносильный, всецело заменяющий что-нибудь в каком-нибудь отношении» [Ушаков, 4, 1940: 1395–1396]; «нечто равноценное, равнозначащее, равносильное другому, полностью заменяющее его» [БАС, 17, 1965: 1734]; «являющийся эквивалентом, равноценный, равнозначный, равносильный, полностью заменяющий что-либо в каком-либо отношении» [МАС, 4, 1988: 747]; «являющийся эквивалентом, равносильный, равнозначный, равноценный, заменяющий что-либо» [ССИС 1994: 700].

Смысл первого термина во всех словарях описывается через словосочетание «вполне соответствующий» и некоторых других слов, специфических для каждого словаря, — *тождественный, равный, совпадающий*, существенно не меняющих смысл слова в целом. «Общим знаменателем» семантики второго термина — *эквивалентный* являются слова «равнозначный, равносильный, заменяющий что-либо» и слова, конкретизирующие их смысл.

Нетрудно заметить, что значение каждого из рассматриваемых терминов связано с семантикой их прототипов в языке-источнике: *адекватный* < лат. *adaequatus* ‘приравненный’, *эквивалентный* < франц. *équivalent* ‘равноценный’ < лат. *aequus* ‘равный’, *valēns* (*valentis*) ‘имеющий силу, значение, цену’, т. е. ‘равносильный, равнозначный, равноценный’. В семантике прототипов представлены прежде всего различия, следствием чего и явилось закрепление за определёнными текстами того или иного содержания. В языковедении и литературной критике отдаётся предпочтение определению *адекватный*, в то время как в математике и логике — определению *эквивалентный*. Вместе с тем существует и сходство, в результате чего эти лексемы часто употребляются недифференцированно.

2. Отношения между рассматриваемыми терминами. В переводоведении названные выше термины интерпретируются по-разному. В одних источниках они употребляются как синонимы, а в других выступают как носители хотя и близких, но не совпадающих полностью смыслов (см. [Швейцер 1988: 92–93]).

Семантические границы между рассматриваемыми лексемами проводятся недостаточно отчётливо. Некоторые из смыслов, приписываемых слову *адекватный*, применимы при характеристике семантики слова *эквивалентный*. Выражение «вполне соответствующий, совпадающий», приводимое в 20-томном академическом словаре, характеризует лексему *адекватный*. Но если следовать логике, адекватный перевод и должен быть равноценным, заменяющим оригинал, т. е. эквивалентным.

Отсутствие чётких границ между значениями лексем *адекватный* и *эквивалентный* обусловлено, во-первых, двойственностью семантики анализируемых терминов; во-вторых, способами описания семантики в толковых словарях, опирающихся на интуицию и языковое чутьё их составителей, что не запрещает лексикографу пользоваться одинаковыми конструкциями при описании смысла разных лексем.

Двойственность семантики рассматриваемых терминов проявляется в том, что один из них, а именно *адекватный*, употребляется в терминологическом и нетерминологическом смысле. Определение *эквивалентный* употребляется только в терминологическом смысле. Но поскольку эти термины семантически тесно связаны между собой и в определённых условиях взаимозаменяемы, то между ними происходят взаимовлияния, своего рода обмен семантическими свойствами.

Совмещение в семантической структуре одной лексемы двух смыслов приводит в определённых условиях к неадекватному восприятию её семантики.

Вторые смыслы употребления лексемы *адекватный*, нетерминологические, связаны со своими прототипами как частное, метонимическое проявление общего свойства: *адекватный поступок, ответ, человек*, т. е. поступок, ответ, человек, соответствующие общепринятому эталону поступка, ответа, человека.

3. Тип отношений между оригиналом и переводом. В терминологическом смысле *адекватный* и *эквивалентный* имеют различия. Предполагается, что адекватный перевод совпадает с оригиналом функционально, эквивалентный — формально, и только в этом смысле он является равноценным оригиналу.

В понятии эквивалентности, по мнению Н. К. Гарбовского, заложен смысл относительности, заключающий в себе один из «вечных вопросов» теории перевода о том, «в каком **отношении** текст перевода оказывается равнозначным, равноценным, равносильным тексту оригинала» [Гарбовский 2004: 266].

Относительность как свойство эквивалентности «важно для отграничения возможного от невозможного. Это отграничение помогает нам положительно решить вопрос о переводимости. Действительно, если рассматривать эквивалентность как основное свойство текста перевода в его отношении к тексту оригинала, то именно неабсолютный характер этого отношения позволяет избежать максимализма в оценке возможностей перевода» [Гарбовский 2004: 265].

Естественно, что ради упорядочения терминологии, устранения избыточных синонимических терминов, дублирующих одно и то же понятие, целесообразно отдать предпочтение одному из этих определений.

4. Учёт лексем *точный* и *верный* в определениях, характеризующих отношение перевода к оригиналу. При кажущемся полном сходстве между ними существуют различия, принципиально важные для теории и практики перевода.

Определение *точный* указывает на тщательность воспроизведения в переводе особенностей оригинала, сохранения его формальных и смысловых нюансов. Перевод, не следующий этим принципам, считается *неточным, приблизительным*.

Перевод *верный* передаёт как минимум относительно полно, без искажений, семантику и прагматику оригинала.

Наглядно раскрывает смысл этих понятий Е. Г. Эткинд, анализируя перевод стихотворения Гёте «Близость любимого» («Nähe Geliebten»), выполненный русскими поэтами XIX–XX вв.

О переводе С. В. Шервинского, созданном в 30-е гг. прошлого века, Е. Г. Эткинд пишет как о переводе, в котором достигнута «большая и смысловая и композиционная точность», а в качестве примера приводит перевод начала каждого четверостишия, отмечая: «Как удивительно — по ритму и смыслу — совпадают все анафоры:

Ich denke dein	Всё в мыслях ты	--' --'
Ich sehe dich	Всё ты в очах	--' --'
Ich höre dich	Всё ты в ушах	--' --'
Ich bin bei dir	Всё ты со мной	--' --'

Всё остальное совпадает с такой же т о ч н о с т ь ю, — да, именно точностью, а не верностью. Уже по приведённым анафорам видно, как формальная точность

не совпадает с поэтической верностью, даже противоречит ей. Если «всё в мыслях ты» интонационно нечётко, но возможно, то «всё ты в очах» и «всё ты в ушах» невозможно, потому что уродливо и даже комично <...> Последняя строчка — точная калька с немецкого: «Ich bin bei dir, du seist auch noch so ferne». Но если по-немецки всё легко, строка свободно дышит, — а по-русски слова стиснуты колющими противоестественного синтаксиса [Эткинд 1963: 130].

Принципиально важным для Е. Г. Эткинда является разграничение формальной точности и поэтической верности. Не всегда это даётся легко, так как первая своей обманчивой внешностью создаёт для неискущённого читателя видимость поэтической верности. Формальная точность — материя вполне воспринимаемая в силу своей наглядности, в отличие от поэтической верности — материи, воспринимаемой языковым чутьём и поэтической интуицией.

5. Толкование в известных словарях переводческих терминов. В «Толковом переводоведческом словаре» Л. Л. Нелюбина приводится 14 способов определения понятия «адекватный перевод», заимствованных из современной специальной литературы. Вот некоторые из них: «1. Адекватный и полноценный перевод «обуславливает правильную, точную и полную передачу особенностей и содержания подлинника и его языковой формы с учётом всех особенностей структуры, стиля, лексики и грамматики в сочетании с безукоризненной правильностью языка, на который делается перевод <...> 4. Текст перевода полностью репрезентирует текст оригинала. 5. Воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка. Является целью художественного перевода <...> 7. Такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определённого идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности (путём точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов) всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п. <...> 8. В теории художественного поэтического перевода — поэтический текст, содержательно, эстетически и функционально равноценный оригиналу, т. е. текст, максимально полно и без искажений воссоздающий оригинал на языке перевода» [Нелюбин 2003: 14].

Может показаться, что в приведённых определениях, как это принято в толковых словарях, приводится 14 смыслов термина *адекватный*. В действительности это синонимические описания одного и того же понятия, характеризующие перевод в сокращённом или в развёрнутом варианте, указывая в первом случае на основной смысл определяемого понятия, его семантическое ядро, а во втором — на сопутствующие смыслы, конкретизирующие содержание семантического ядра.

В содержании лексемы *эквивалентный* тот же словарь выделяет два смысла: «1. Являющийся эквивалентом, равноценный, равнозначный, равносильный, полностью заменяющий что-либо в каком-либо отношении. 2. Несущий ту же самую информацию, хотя и отличающийся по способам выражения этого содержания» [Нелюбин 2003: 254].

Семантику названных терминов дополняют их производные, связанные словообразовательными отношениями. Для первого термина производным словом является лексема *адекватность*, полностью соотносимая по смыслу с её производящим словом, для второго — производное слово *эквивалентность* и производящее — *эквивалент*.

Термин *эквивалентность* Л. Л. Нелюбин описывает так: «1. Смысловая общность приравняемых друг к другу единиц. 2. Охватывает отношения как между отдельными знаками, так и между текстами <...> 3. Термины “эквивалентность” и “эквивалентный” имеют в виду отношения между исходным и конечным текстами, которые выполняют сходные коммуникативные функции в разных культурах. В отличие от *адекватности* эквивалентность ориентирована на результат. 4. Эквивалентность — это особый случай (адекватность при функциональной константе [т. е. постоянной величине — *A.G.*] исходного и конечного текстов)» [Нелюбин 2003: 253–254].

Для описания лексемы *эквивалент* в словаре приводится восемь формулировок. Приведём некоторые из них: «1. Единица речи, совпадающая по функции с другой, способная выполнять ту же функцию, что другая единица речи. 2. Нечто равноценное, равнозначное, равносильное другому, полностью заменяющее его. 8. Эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, которое до определённого времени и места уже не зависит от контекста» [Там же: 253].

Образцы способов описания рассматриваемых понятий, их словообразовательные возможности свидетельствуют, что оба термина прочно адаптировались к лексической системе русского языка. Поэтому отдать предпочтение одному из них — объективно едва ли возможно. Субъективно же на роль общего термина может быть определён термин *адекватность*.

Термин *адекватность* применяется к переводу, выполненному не только на материале художественных, но и других типов текстов. В таком случае этот термин употребляется в смысле — ‘точный, равнозначный, равноценный’. При этом следует отметить, что между адекватностью научного и художественного перевода есть существенное различие.

Адекватность перевода научного, официально-делового, информативного текста, а точнее всех других текстов, кроме художественных, является их неотъемлемым свойством, необходимым и достаточным признаком для того, чтобы текст считался соответствующим нормам данного жанра. Неадекватно переведённые научный или официально-деловой тексты теряют присущие им качества и превращаются в тексты, не соответствующие их жанровому эталону.

Оценка художественных переводов, особенно поэтических, не отличается такой однозначностью. Текст художественного перевода может быть адекватным или неадекватным. Неадекватный художественный перевод представляет собой вполне самостоятельное произведение, соответствующее жанру художественного текста, а по своим достоинствам может и не уступать своему прототипу.

6. Место оборота *реалистический перевод* в системе терминов, определяющих степень точности перевода.

Понятие «реалистический перевод» («метод реалистического перевода») своим происхождением обязано Ивану Кашкину — критику и переводчику англоязычной литературы. Теорию перевода И. А. Кашкин строил на идеологической, а не на научной основе. Задача советского переводчика, вооружённого «методом исторического материализма», по мнению критика, состоит в том, чтобы «прочитать подлинник глазами нашего современника, в свете его социалистического, революционного миропонимания и мироощущения <...> брать всё не просто в развитии, а в развитии направленном, в революционном развитии» [Кашкин 1955:

124, 138]. В свете такой теории требуется, чтобы переводчик воспроизводил не «условное словесное представление о подлиннике», а увидел «за словом выражаемую им реальность и конкретно-историческую обусловленность» [Кашкин: 123, 132], воспроизводил не оригинал во всём его смысловом многообразии, а только реальность, которую он увидел сквозь призму «революционного мироощущения». К чему приводит такая теория, видно на примере некоторых переводов из А. Мицкевича, выполненных в рамках «реалистического перевода», когда перевод приобретает смысл, прямо противоположный смыслу оригинала (см. [Горбачевский 2005: 137–141]).

Антифилологическая направленность теории И. А. Кашкина имеет параллели в XVIII в., в переводах, определяемых современниками как «изменяющие и исправляющие». Оригинал в таких переводах служил своего рода планом, который переводчик мог наполнить тем или иным содержанием. Как отмечает Г. А. Гуковский, «пресловутое неуважение переводчика к переводимому тексту» объясняется эстетическими идеалами того времени. Именно поэтому переводчики брали на себя ответственность подчищать и исправлять переводимый текст «согласно своим представлениям об эстетически должном, прекрасном, выпускали то, что им казалось лишним или нехудожественным, неудачным, вставляли свои куски там, где находили неполноту, и т. д.» [Гуковский 2001: 271–272].

Перевод исправляющий и перевод реалистический объединяет прежде всего субъективистское отношение переводчика к оригиналу. В первом случае переводчик определяет, насколько оригинал соответствует эстетическому идеалу, принятому в просвещённом обществе. Если оригинал не соответствует идеалу, то переводчик получает моральное право на его исправление в переводе. Во втором случае от переводчика требуется, чтобы за основу брались идеологические ориентиры. Правда, делается оговорка, что переводчик должен тонко чувствовать стиль подлинника, «обладать изощрённым музыкальным слухом, позволяющим ему сохранить богатство и чистоту языка оригинала» [Кашкин 1955: 130]. Но на практике эти благие пожелания уходили на второй план, а на первом плане оставалось «революционное миропонимание».

Само по себе совпадение разных переводческих подходов, разделённых во времени почти двумя столетиями, представляет интересный пример заблуждений человеческой мысли, часто склонной повторять прежние ошибки. Совершенно очевидно, что в нашем случае причины таких ошибок лежат на поверхности — следование теориям, навязанным извне, а не вытекающим из анализируемого материала — литературного, переводоведческого.

Не все рассмотренные выше лексемы приобрели завершённую лексикографическую форму, свойственную научным терминам. Можно предположить, что дальнейшее формирование переводоведческой терминологии будет развиваться по двум направлениям: во-первых, в сторону разграничения понятия *адекватности* по отношению к художественным и нехудожественным текстам; во-вторых, в сторону выявления градуальности, т. е. разных степеней адекватности художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС*: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л.: АН СССР, 1950–1965.
- Гарбовский Н. К.* Теория перевода. — М.: МГУ, 2004. — 544 с.
- Горбачевский А. А.* Поэтический перевод в контексте принимающей литературы // Россия — Польша: филологический и историко-культурный дискурс: сб. ст. участников междунар. конф. (Магнитогорск, 18–19 ноября 2005 г.) / отв. ред.-сост. С. Г. Шулежкова. — Магнитогорск: МаГУ, 2005. — С. 135–142.
- Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме (состязательные переводы) // Г. А. Гуковский. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. — М.: Яз. рус. культуры, 2001. — С. 251–276.
- Кашкин И. А.* В борьбе за реалистический перевод // Вопросы художественного перевода. — М.: Сов. писатель, 1955. — С. 120–164.
- Латышев Л. К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. — М.: Просвещение, 1988. — 160 с.
- МАС*: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1985–1988.
- Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
- ССИС*: Современный словарь иностранных слов. — СПб.: Рус. яз., 1994. — 740 с.
- Ушаков*: Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ОГИЗ, 1935–1940.
- Фёдоров А. В.* Основы общей теории перевода. — М.: Высш. шк., 1968. — 303 с.
- Швейцер А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. — 215 с.
- Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод. — М.; Л.: Сов. писатель, 1963. — 430 с.

TERMINOLOGY AS REGARDS TO THE QUALITY OF POETIC TRANSLATION
(MATERIAL FOR A SPECIALIZED DICTIONARY)*A. A. Gorbachevskiy*

The article considers the terms “appropriate”, “equivalent”, etc. as applied to the theory and practice of poetic translation. The author thinks it fit to employ the term “appropriate” and substantiates the choice of the term.

Key words: appropriate, equivalent, exact, correct, exact.

СОСТАВЛЕНИЕ АНГЛО-РУССКОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ С УЧЁТОМ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЯДРА МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

В предложенном подходе к составлению англо-русского словаря внимание акцентируется на семантической общности многозначных слов. Подобный словарь, основанный на прототипической семантике, сможет помочь пользователю ориентироваться в словарных статьях, число значений в которых достигает подчас нескольких десятков, а результаты предложенного подхода могут использоваться в лингводидактических целях при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: полисемия, содержательное ядро, лексический прототип, словарь лексических прототипов.

Задачей данной статьи является формулировка общих подходов к составлению словаря нового типа, основанного на прототипической семантике. В отличие от толковых словарей традиционного типа, в предложенном словаре внимание акцентируется на семантической общности многозначных слов. Лексические прототипы, о которых речь пойдёт ниже, смогут помочь пользователю ориентироваться в словарных статьях, число значений в которых достигает подчас нескольких десятков, а результаты предложенного анализа могут использоваться в лингводидактических целях при обучении иностранному языку.

В ходе выполнения поставленной задачи мы предприняли попытку выявления природы и когнитивных механизмов многозначности, позволяющих ответить на вопросы о способах хранения, уровнях репрезентации и механизмах актуализации лексических значений. В этой связи существует, по крайней мере, два подхода к проблеме. Согласно традиционному относительно упрощённому «атомистическому» представлению, система языка изображается как «склад» кирпичиков — единиц, хранящихся в памяти, которые говорящий «забирает со склада» по мере необходимости и составляет из них высказывание. Но такое понимание не учитывает факторов времени и пространства. По наблюдениям психолингвистов, сознание устроено экономно и в условиях жестких временных рамок функционирует достаточно эффективно. Во всяком случае, в процессе коммуникации в сознании не происходит сканирования всех значений многозначных слов (напр., у английского *head* их больше ста), на это просто нет времени.

Обосновывая второй подход, мы исходим из предположения о том, что в памяти индивида просто не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов. Системная информация о единицах языка хранится в памяти индивида не в форме развёрнутых словарных дефиниций, а в ином, более компактном виде вместе с известными индивиду механизмами актуализаций значений. Т. е., очевидно, каждое многозначное слово имеет более или менее постоянное смысловое ядро, независимое от контекста, которое является необхо-

димой основой функционирования полисеманта в лексиконе человека, обеспечивающей семантическую целостность слова.

В качестве содержательного ядра принят лексический прототип (ЛП) [Архипов 2001; Песина 2005, 2011]. Он представляет собой константную часть значения лексемы, минимальный пучок коммуникативно-значимых абстрактных узуальных смыслов, содержательный инвариант всех лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова. Помимо абстрактной части, ЛП включает первое, или номинативно-непроизводное, значение, поскольку это именно то значение, которое приходит первым в голову носителя языка при осмыслении семантики любого из полисемантов. ЛП отвечает принципу экономии и способствует актуализации ЛСВ с наименьшими когнитивными усилиями. Косвенным доказательством реалистичности такого подхода является тот факт, что ЛП участвует в каждом акте реального кодирования и декодирования языкового содержания в качестве «наилучшего представителя» слова в системе языка.

Составлению каждой словарной статьи многозначного слова английского и русского языка предшествовал обязательный анализ всех его значений, включая переносные. Примером может служить английское существительное *cloak* ('плащ'), относящееся к лексико-семантическому полю «одежда». На основе дефиниций двадцати пяти словарей английского языка сформулируем его номинативно-непроизводное значение, учитывая наиболее частотные компоненты: 'a loose outer sleeveless garment which fastens at the neck and covers most of the body' ('верхняя одежда свободного покроя без рукавов, застёгивающаяся у шеи и покрывающая почти всё тело'). Данное определение включает необходимые и достаточные компоненты для того, чтобы слово было узнаваемым на уровне обыденного сознания.

Актуализацией этого первого номинативно-непроизводного значения на уровне речи служит фразеологизм (2) — *cloak-and-dagger*, передающий ситуацию ненужной секретности, скрытности в поведении человека (в XVII в. в испанском театре актёр с амплуа «злодей» обычно носил длинный, широкий плащ (*cloak*) и кинжал (*dagger*)).

Для сравнения «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» приводит оборот *плащ и шпага*, заимствованное название жанра испанской комедии XVII в. Герои комедий *плаща и шпаги* искали любой повод для того, чтобы «вытащить шпагу и сразиться со своими противниками». В современном русском языке это выражение имеет также негативный оттенок и в публицистике означает 'символ тайных разведопераций' [БСКСиВ, 2, 2009: 192]. Следует отметить, что, несмотря на переосмысленный характер всего фразеологизма *плащ и шпага*, значения входящих в него слов являются прямыми. Других переносных значений слова *плащ* в словарях русского языка не зарегистрировано.

В метафорических значениях английского языка этой лексемы отражается уподобление внешнему виду и функции плаща: (3) — 'an organization, activity, or way of behaving that deliberately protects someone or keeps something secret' (The political party is used as a cloak for terrorist activities). В основе метафоры лежит сравнение абстрактных сущностей с плащом по функции: организация, которая кого-то покрывает или держит что-либо в секрете подобна плащу, который по-

крывает почти всё тело человека. Налицо символизация «cloak» как «секретного прикрытия».

В следующем метафорическом переосмыслении в той же степени, в какой плащ укрывает человека, «укутывают» и «защищают» уже абстрактные сущности, такие, как религия, предрассудки, лицемерие и сама секретность: (4) — ‘the cloak of secrecy / religion / prejudice / hypocrisy’. Смысл этих речевых высказываний заключается в конфликте понятий о внешнем виде и функциях плаща как одежды, которая укрывает наглухо, с одной стороны, и понятий о функциях организаций, религии и т. д., с другой. В нашем анализе, в соответствии с когнитивным подходом, мы опираемся на тот образ, который, как можно предположить, видел «Наблюдатель» (Conceptualizer), образуя и используя подобные переносные значения.

Как можно заметить, при осмыслении метафорических значений происходит большее удаление от зрительного образа плаща, чем при осмыслении выражения *cloak* (2) *cloak-and-dagger*, которое может быть без труда истолковано на основе образа и семантических компонентов первого значения. Эти же компоненты оказались не так полно представлены в метафорических значениях, в которых наблюдается абстрагирование содержания. Компоненты, лежащие в их основе (*something that covers* ‘нечто, что покрывает’, *conceals* ‘прячет’, *protects* ‘защищает’), только отдалённо напоминают такой атрибут одежды, как плащ, т. е. в процессе метафоризации используются лишь самые отдалённые черты подобия номинативно-непроизводному значению. Но эти черты подобия, даже будучи неопределёнными, должны обязательно учитываться, поскольку без них у переносного значения не может быть статуса производного. Образ первого значения в процессе его актуализации сохраняется, поэтому переносный смысл — это третий смысл (по Л. В. Щербе), возникающий как результат наложения двух системных языковых номинативно-непроизводных значений.

Выявленные компоненты абстрактного характера удачно покрывают метафорические значения лексики *cloak* и, наряду с номинативно-непроизводным значением, составляют его лексический прототип ‘a loose outer sleeveless garment which fastens at the neck and covers most of the body or something like a cloak (*something vast that protects or conceals by covering*)’ — ‘нечто обширное, что, покрывая, защищает или прячет’ [Песина 2005: 169–174].

Согласно представленной прототипической теории, можно предположить, что содержание выделенного ЛП является единицей семантической системы языка. Неглавные же значения актуализируются на **речевом** уровне путём приложения ЛП к речевому контексту, содержащему форму *cloak*.

Подобный анализ имеет практическую значимость, поскольку может проводиться в лингводидактических целях при обучении иностранному языку. В процессе номинации такие значения, как ‘the cloak of secrecy / religion / prejudice / hypocrisy’, вполне согласующиеся с антропоцентрическим видением мира, создают трудности, скажем, для русскоязычного студента, строящего фразу на иностранном языке. Обучающиеся часто не в состоянии правильно угадать, что «делает» тот или иной предмет в данном языке если, согласно русскому видению, т. е. реальностям и мифам категоризации русского языка, он выглядит или ведёт себя «как плащ». Существующие англо-русские и английские толковые словари, к сожалению, не проясняют ситуацию. Напротив, они дают противоречивую ин-

формацию, из которой следует, что, хотя указанное существительное и означает 'плащ', оно иногда имеет такие значения, как 'плащ лицемерия' или 'плащ пред-рассудка' и т. д.

Для решения этих проблем словари могли бы оказать существенную практическую помощь изучающим язык при переводе, давая информацию о диапазоне актуальности внутренней формы слова. В качестве отправной точки и стержня внутренней формы можно было бы привести представленные выше ЛПИ, которые есть основания рассматривать как содержание лексем (вокабул) и поставить в начале словарных статей.

В этой связи стоит упомянуть словари «Cambridge International Dictionary» и «Longman International Dictionary», в которых предпринята попытка группировки значений многозначных слов на основе входящих в них основных признаков. Можно спорить, насколько последовательно выделены те или иные компоненты (авторы не ставили задачу поиска прототипов слов), но очевидно одно — такие признаки помогают пользователю ориентироваться в значениях многозначных слов.

Среди перспектив практического использования лексических прототипов нужно также отметить тот факт, что они помогают описать метафорические значения, не противореча лексико-грамматической характеристике значений. Так, сочетание *head of a nail / bolt* можно объяснить следующим образом: *head* — 'the top, round, the most important part', а слова *nail / bolt* имеют прямое значение. Кроме того, прототипическая семантика позволяет проводить смысловоразличительные границы между омонимичными значениями (напр., у лексики *head* значения 'head of a play' и 'head of a topic / discourse / sermon' являются омонимами) [Песина 2011: 96–111].

В заключение следует отметить, что использование предложенного прототипического подхода к изучению лексического значения представляется целесообразным для исследования механизмов формирования семантической структуры слова. Определение лексических прототипов на основе когнитивного анализа позволяет выявлять когнитивные структуры, лежащие в основе семантических изменений, и составлять двуязычные толковые словари, с относительной точностью моделируя процессы, приводящие к развитию многозначности.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов И. К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике // Человеческий фактор в языке: учеб.-метод. пособие (материалы к спецкурсу). — СПб.: Studia Linguistica, 2001. — 110 с.

БСКСиВ: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

Песина С. А. Полисемия в когнитивном аспекте: моногр. — СПб.: РГПУ, 2005. — 325 с.

Песина С. А. Слово в когнитивном аспекте: моногр. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 344 с.

COMPILING ENGLISH-RUSSIAN EXPLANATORY DICTIONARY WITH
REGARD TO THE SEMANTIC CORE OF A POLYSEMANTIC WORD*S. A. Pesina*

The line of approach to compiling English-Russian dictionary is centered round semantic properties shared by polysemantic words. A dictionary based on prototypical semantics will help users to make better sense of dictionary entries whose meanings more often than not run into dozens. Results of the proposed approach may work for learning/teaching foreign languages.

Key words: polysemy, core of meaning, lexical prototype, dictionary of lexical prototypes.

© 2011

М. Л. Алексеева

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОДНОЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК
КАК ОСОБЫЙ ТИП СЛОВАРЯ

В статье предлагается обзор новой лексикографической разработки: диахронического переводного словаря-справочника. Подробно раскрывается и иллюстрируется примерами способ лексикографического представления единиц. Анализируются основные параметры методологической установки и композиции словаря-справочника: характер объекта описания, особенности семантизации, языковой уровень описания лексики, лингвистическая и временная ориентация, назначение, адресат, функции, формат.

Ключевые слова: тип словаря, параметры методологической установки, диахронический переводной словарь-справочник.

Конец XX — начало XXI в. является временем расцвета лексикографии. Оно характеризуется лексикографированием языковых единиц различных уровней, ранее остававшихся за пределами словников, дальнейшей дифференциацией и интеграцией информации о единицах в существующих типах словарей, сокращением времени её лексикографической обработки и включения в словник, изменением носителей информации, разработкой новых видов лексикографического представления, в частности, корпусной и интернет-лексикографии, что вызывает появление новых типов и жанров словарей. Лексикографы отмечают, что «резервы расширения типов словарей неисчерпаемы» [Девкин 2005: 558].

Развивая идею важнейших особенностей словаря Л. В. Щербы, современные исследователи выделяют 10 типов лексикографирования, позволяющих представить конкретное произведение в противопоставлении с другими: лингвистические — энциклопедические, синхронные — диахронические, специализированные — универсальные, одноязычные — переводные, слова-

Алексеева Мария Леонардовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета. E-mail: maria.alekseyeva@gmail.com

ри-справочники — словари активного типа, тезаурусы — дифференциальные, алфавитные — идеографические, прикладные — теоретические, бумажные — электронные, большие — средние — малые, подчёркивая, что эти противоположения относительны и для построения общей типологии словарей «можно использовать важнейшие из них» [Шимчук 2009: 10–18].

В каждом типе изданий реализуется определённый набор лексикографических параметров, своего рода квантов информации о языковой структуре, содержащихся в словаре и представляющих самостоятельную значимость для его пользователя [Караулов 1981: 52]. Так, в словарях русского языка учёный выделяет 68 «словарных представлений структурных черт языка» [Там же]. Тип словаря может информировать читателя об одном из параметров языковых единиц или о нескольких параметрах. Поэтому при рассмотрении современных словарей и справочников возникает проблема выявления своего рода «реперных точек», т. е. основных, наиболее общих параметров.

Изучая эту проблему, Е. В. Жучкова отметила, что «информация, получаемая в ходе полного анализа композиционных структур словаря, хотя, несомненно, полезна, но избыточна, поскольку служит скорее целям сравнительной оценки словарной продукции, оценки эффективности изданий и выработки оптимальных критериев композиции словаря, чем установлению его типа» [Жучкова 2008: 13]. Для определения типа словаря, считает исследовательница, достаточно описать элементы его методической установки, макроструктуры и микроструктуры [Там же].

Рассмотрим методические (характер объекта описания, особенности семантизации, языковой уровень описания лексики, лингвистическая и временная ориентация, назначение, адресат, функции, формат) и композиционные параметры (макро- и микроструктуру) диахронического переводного словаря-справочника (ДПС).

1. В качестве объекта описания ДПС могут выступать различные единицы уровня слова, словосочетания и предложения. Актуальными в настоящее время считаем лексикографирование в таких словарях безэквивалентной лексики, новых слов, фразеологизмов, паремий, крылатых слов, аллюзий, клише, этикетных фраз, восклицаний, обращений, т. е. единиц перевода, слабо представленных (или отсутствующих) в двуязычных переводных словарях и составляющих трудность при передаче на иностранный язык.

2. Семантизация осуществляется в виде предложения. Каждая единица вводится в оригинальном контексте, равном одному предложению, и параллельных переводных контекстах такой же длины из работ, выполненных в разное время профессиональными переводчиками, с указанием автора перевода, года создания и страницы, на которой находится данная единица. Электронный ДПС снабжает также рисунками, фотографиями, схемами.

3. В словаре содержатся пояснения значений каждого заглавного слова по толковым словарям и все виды переводческих пояснений: постраничные сноски, затекстовые комментарии и иллюстрации, приводимые переводчиками.

4. Это двуязычный словарь: входной язык — язык оригинала, выходной — язык перевода. Отличительной особенностью данной работы является наличие множественных параллельных переводов.

5. ДПС относится к историческим словарям. Он освещает историю перевода какой-либо единицы в пределах заданных хронологических рамок (одно или несколько столетий), позволяет осмыслить и системно представить возможности и выявить закономерности её передачи на иностранный язык.

6. Данная разработка предназначена, в первую очередь, для специалистов в области теории, практики, истории и лексикографии перевода, а также практикующих переводчиков, студентов высших учебных заведений, преподавателей иностранного языка и широкого круга пользователей, изучающих иностранный язык.

7. Она может служить для перевода, а также использоваться как учебный словарь, справочник, источник исследовательского и иллюстративного материала для курсовых и дипломных работ.

8. В зависимости от категории адресата все диахронические переводные словари реализуют несколько функций: переводную, справочную и учебную. Переводная функция является главной и обязательной типологической характеристикой ДПС. Она выражена эксплицитно, поскольку все издания относятся к двуязычным словарям.

9. ДПС может быть реализован как в печатном (см. [Алексеева 2007]), так и в электронном формате (см. [Алексеева 2008]).

Макроструктуру образуют принципы расположения и представления лемм или заголовочных слов. ДПС состоит из трёх частей: толково-переводной, обратной и алфавитной.

В первой части все единицы систематизируются по алфавиту начальных букв вокабул и получают последовательную нумерацию арабскими цифрами. Каждое слово имеет свою словарную статью. Представим фрагмент ДПС «Русские реалии в разновременных немецких переводах романа Ф. М. Достоевского “Идиот”» [Алексеева 2007]:

1.27

Русская реалия	о́днодворец
Словарное значение	РСС. О́днодворец, -рца, м. В России в старое время: происходящий из служивых людей владелец небольшого (в один двор) земельного участка (сам на нем работающий).
Примечание в романе	Однодворцы — одна из категорий государственных крестьян, владевших мелкими участками и наделенных правом иметь крепостных; в их число поступали и некоторые обедневшие дворянские роды.
Русский контекст	Ф. Д. с. 32. А что касается до отцов и дедов, то они у нас и о́днодворцами бывали.
Перевод № 1	A. S., 1889, S. 6.
Контекст	Mein Vater und mein Großvater besaßen ein kleines Gut .
Перевод № 2	H. R., 1923, S. 11.

Контекст Und was meinen Vater und meinen Großvater anlangt, so **be-saßen die nur ein einziges Gut**, auf dem sie zurückgezogen lebten.

Во второй части словаря содержится сводная таблица вариантов перевода единиц без контекста с грамматическими характеристиками и обратным переводом автора. Приведём неполный фрагмент таблицы по словарю реалий:

Русская реалия	Х. Рёль, 1912	Р. Хоффман, 1960	М. Бройер, 1984	С. Гайер, 1994
5.1. армяк	Rock <i>m</i> <i>старинная верхняя мужская одежда</i>	Jacke <i>f</i> <i>куртка</i>	Jacke <i>f</i> <i>куртка</i>	Mantel <i>m</i> <i>пальто</i>
5.2. аршин	ein paar Fuß <i>несколько шагов</i>	Elle <i>f</i> <i>локоть (мера длины)</i>	Arschin <i>m</i> <i>аршин</i>	Arschin* <i>m</i> <i>аршин</i>

Звёздочкой помечены варианты перевода, которые сопровождаются внетекстовыми пояснениями.

В третьей части приводится алфавитный список всех представленных в ДПС единиц с указанием страницы в толково-переводной части для облегчения её поиска.

Микроструктуру словаря составляют особенности организации словарной статьи. Каждая словарная статья ДПС включает четыре зоны:

1. Лемма — заголовочное слово или словосочетание.
2. Семантизация — определение значения заголовочного слова.
3. Зона иллюстрации — заголовочное слово в минимальном контексте оригинального произведения (равном одному предложению).
4. Зона эквивалентов — варианты перевода в параллельных контекстах разновременных переводов.

В отличие от двуязычных словарей основного типа со структурой «лексема входного языка => лексема выходного языка», выполняющих одновременно и нормативную функцию, ДПС включает несколько вариантов перевода:

«лексема входного языка => лексема 1 выходного языка

=> лексема 2 выходного языка

=> лексема 3 выходного языка

=> лексема 4 выходного языка

=> лексема 5 выходного языка и т. д.».

Изменение структуры обусловлено спецификой объекта, а именно, его слабой представленностью или отсутствием в двуязычных переводных словарях данной языковой пары. Проиллюстрируем структуру словарной статьи ДПС, используя диахронический русско-немецкий словарь реалий:

1.29

Русская реалия

половой, трактир

Словарное значение РСС. Половой: Слуга в трактире, обслуживающий посетителей. Трактир: небольшое столовое заведение с подачей вина, напитков (первонач. также с номерами для постояльцев).

Русский контекст

Ф. Д. с. 287. Он было вспомнил, что давеча говорил

с половым в трактире за обедом об одном недавнем чрезвычайно странном убийстве...

Перевод № 1

A. S., 1889, S. 270.

Контекст Mit Gewalt suchte er sich nun ein Gespräch zu vergegenwärtigen, das er kurz vorher mit dem **Kellner** im **Gasthof** zur Waage gehabt — es handelte sich um einen Mord, der kurz vorher begangen worden war...

Перевод № 2

H. R., 1923, S. 313.

Контекст Er versuchte sich daran zu erinnern, daß er vorhin in dem **Restaurant** beim Mittagessen mit dem **Kellner** über einen kürzlich geschehenen, sehr eigenartigen Mord gesprochen hatte...

Перевод № 3

G. J., 1931, S. 289

Контекст Für einen Augenblick besann er sich darauf, daß er während des Mittagessens mit dem **Bedienten** des **Gasthauses** über einen sehr eigentümlichen Mord gesprochen hatte...

Перевод № 4

A. L., 1959, S. 298.

Контекст Er erinnerte sich, daß er vorhin beim Mittagessen mit dem **Kellner** in der **Gastwirtschaft** von einem kürzlich vorgefallenen, höchst seltsamen Mord gesprochen hatte...

Перевод № 5

H. H., 1986, S. 312.

Контекст Ihm fiel ein, daß er beim Mittagessen in dem **Gasthaus** mit dem **Kellner** über einen unlängst geschehenen seltsamen Mordfall gesprochen hatte...

Перевод № 6

S. G., 1996, S. 328.

Контекст So erinnerte er sich, daß er vorhin beim Essen mit dem **Kellner** ins Gespräch gekommen war, über einen kürzlich geschehenen, äußerst seltsamen Mord...

Такая организация иллюстративного материала позволяет читателю использовать его и как словарь, и как справочник русских реалий конца XIX в. Диахронический переводной словарь-справочник помогает изучить традиции и выявить современные тенденции перевода, обобщить опыт, накопленный многими поколениями переводчиков, компактно и наглядно его представить, что отражает актуальные направления развития лексикографии. Как отмечают отечественные исследователи, «в XXI веке наука о составлении словарей последовательно транс-

формируется в область деятельности по созданию справочных изданий» [Авербух, Карпова 2009: 102].

Итак, анализ параметров методической установки, макро- и микроструктуру показал, что ДПС совмещает принципы построения лингвистических, диахронических, переводных, толковых, учебных, специальных словарей, а также словарей-справочников. С точки зрения назначения, данные словари можно отнести к многофункциональным изданиям. Новизна заключается в реализации нового способа лексикографического представления единиц: диахронического толково-переводного. Это позволяет отнести ДПС, как и большинство современных лексикографических разработок, к словарям смешанного типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Авербух К. Я., Карпова О. М.* Лексические и фразеологические аспекты перевода. — М.: Академия, 2009. — 176 с.
- Алексеева М. Л.* Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского: словарь. — Екатеринбург: УрГПУ, 2007. — 186 с.
- Алексеева М. Л.* Русские реалии в зеркале немецкого языка: электронный словарь-справочник. — Екатеринбург: УрГПУ, 2008.
- Девкин В. Д.* Немецкая лексикография. — М.: Высш. шк., 2005. — 670 с.
- Жучкова Е. В.* Моделирование отраслевой словарной типологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург: — 2008. — 23 с.
- Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М.: Наука, 1981. — 368 с.
- Шимчук Э. Г.* Русская лексикография. — М.: Академия, 2009. — 332 с.

DIACHRONIC BILINGUAL REFERENCE BOOK AS A SPECIFIC TYPE OF DICTIONARY

M. L. Alekseyeva

The paper presents an overview of a new dictionary type, namely a diachronic bilingual reference book. It also gives a detailed and heavily illustrated lexicographic presentation of linguistic units together with a thorough analysis of principal lexicographic parameters of methodological background and reference book structure. The latter comprise object description issues, semantization peculiarities, linguistic level of vocabulary description, linguistic and temporal orientation, purpose, addressee, functions, and format.

Key words: dictionary type, methodological background parameters, diachronic bilingual reference book.

ДВУЯЗЫЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК ОСНОВА
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

Статья посвящена проблеме сопоставительного анализа фразеологических единиц русского и английского языков. В ней рассматриваются двуязычные фразеологические словари как основа и как первый этап сопоставительного анализа фразеологизмов. Автор описывает аспекты эквивалентности / безэквивалентности фразеологических единиц двух языков на примерах из произведений Ф. М. Достоевского

Ключевые слова: фразеологизм, двуязычные словари, сопоставительный анализ, эквивалентность фразеологизмов, Ф. М. Достоевский.

Сопоставительное изучение языков — важнейший аспект современной лингвистики. В настоящее время всё более расширяются контакты между народами, развивается межкультурная коммуникация. В связи с этим актуальность проблемы сравнения языков не только не уменьшается, а наоборот возрастает.

Фразеологизмы в любом языке — это те особые единицы, которые наделены образностью, обладают национальной спецификой и отражают реалии окружающего мира того или иного народа.

Сопоставительное изучение фразеологизмов можно разделить на 2 этапа:

1) выявление эквивалентности / безэквивалентности русских и иноязычных фразеологизмов, т. е. сопоставление на уровне языка;

2) сравнение этих фразеологических единиц (ФЕ) в тексте, т. е. на уровне речи.

В настоящей статье мы проанализируем эти фразеологизмы на первом этапе: берём фразеологизмы из произведений Ф. М. Достоевского, находим их в двуязычном словаре и определяем степень эквивалентности / безэквивалентности с английскими фразеологизмами.

В данном случае мы рассматриваем двуязычные фразеологические словари как основу для сопоставительного анализа фразеологических единиц двух языков. Так как сопоставительный анализ фразеологических единиц идёт от русского языка к английскому, то работать мы должны с русско-английским фразеологическим словарем. Мы воспользовались «Большим русско-английским фразеологическим словарем» С. Лубенской [Lubensky 1995]. В некоторых случаях обращались к одноязычным фразеологическим словарям.

Л. С. Бархударов в своей книге «Язык и перевод» [Бархударов 1975] выделяет три типа межъязыковой эквивалентности: 1) полные соответствия; 2) частичные соответствия; 3) отсутствие соответствий.

Кроме того, мы будем опираться на диссертацию Дж. Мрикария «Структурные и семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в русском языке в сопоставлении с английским» [Мрикария 1999], где

Васильева Анна Константиновна — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: Anechka116@mail.ru

ФЕ делятся на восемь групп по степени их межъязыковой эквивалентности. При этом автор выбирает следующие аспекты сопоставления: семантика, внутренняя форма (мотивирующий образ), грамматическая характеристика, экспрессивно-стилистическая характеристика.

В нашем исследовании учитываются три типа соответствий: полные, частичные эквиваленты и безэквивалентные фразеологические единицы по вышеназванным параметрам сопоставления. Рассматриваемые нами фразеологизмы образуют три группы.

Так, к группе полных межъязыковых эквивалентов относятся ФЕ, у которых все четыре сопоставляемых аспекта совпадают. Напр.:

Лицом к лицу. 1. видеть кого — (to be) very near to (some person who inspires fear, trepidation etc in one, or by extension death): **(be) face to face (with s.o. <sth.>)**. 2. встретиться, столкнуться с кем и т.п. — (to meet up with s.o. etc) right up close: **come face to face with s.o.; meet s.o. face to face; run right into s.o.** 3. стоять, столкнуться, соприкоснуться и т.п. с чем — (to be, find o.s. etc) facing (some problem, new phenomenon etc): **(be <stand, come, find s.o.>) face to face (with sth.)** [Лубенская 1995: 339]. Напр., *Раскольников встал с дивана. Подымаясь к Разумихину, он не подумал о том, что с ним, стало быть, лицом к лицу сойтись должен* [Достоевский 2005: 134]. Здесь у фразеологизма **лицом к лицу** второе значение полностью совпадает со значением английского фразеологизма **face to face** по всем аспектам сопоставления.

К полным межъязыковым эквивалентам относятся русская ФЕ и английская: **Х хватается за соломинку = X grasps <clutches, catches> at a straw <at straws>** [Лубенская 1995: 647]. 'Ища спасения, выхода из затруднительного положения, прибегать к последнему, крайнему средству, которое помочь не может' [Молотков 1986: 505]: *Что же, однако, случилось такого особенного, что так перевернуло его? Да он и сам не знал; ему, как хватавшемуся за соломинку, вдруг показалось, что и ему «можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вместе со старухой* [Достоевский 2005: 208]. Как видно из словарной статьи, фразеологизм **хвататься / схватиться за соломинку** имеет ту же внутреннюю форму, что и английский фразеологизм при одинаковом значении, сходной грамматической форме и стилистической характеристике.

К этой же группе относятся ФЕ с неполным тождеством их мотивирующих образов при тождестве прочих параметров: **С распростертыми объятиями.** Приветливо, радушно (принимать, встречать и т.п. кого-либо) [Молотков 1986: 293]. *Все они приняли меня по-братски, с распростертыми объятиями.* [Достоевский 2005: 182]. **With open arms** [Лубенская 1995: 425]. Полный эквивалент.

Группа частичных фразеологических эквивалентов характеризуется различиями во внутренней форме разноязычных ФЕ с обязательным сходством семантики при разной степени сходства грамматических и стилистических параметров. Ср.: рус. **точить [вострить, острить] зубы (зуб)** на кого, на что — англ. **to bear (have) a grudge against smb. To have smth, smb <lined up> in one's sights** 'Испытывать злобу против кого-л. или чего-л., стремиться причинить вред кому-л. или чему-л. Хотеть, стремиться захватить, завладеть кем-л. или чем-л.'. В основе русского фразеологизма лежит образ животного, а в основе английского — отношение к человеку. Таким образом, внутренние формы ФЕ не совпадают: *Архипов,*

разумеется, обирает Сизобрюхова. Много разных закоулков знает, тем и драгоценен для этих вьюношей. Я, брат, на него уже давно **зубы точу**. **Точит на него зубы и Митрошка**... [Достоевский 2004: 126].

Фразеологизм **точить [вострить, острить] зубы (зуб)** на кого, на что имеет два значения: 1) 'испытывать злобу против кого-л. или чего-л., стремиться причинить вред кому-либо или чему-либо'; 2) 'хотеть, стремиться захватить, завладеть кем-л. или чем-л.' [Молотков 1986: 479].

У Ф. М. Достоевского представлено первое значение, которое выражено частичным эквивалентом в английском языке **to have <bear, nurse> a grudge against smb** [Лубенская 1995: 262].

Фразеологизм **поддать (поддавать) жару (или пару)** в русском языке имеет значение 'усилить старания в чём-л., возбудить чем-л. энергию' [Тихонов 2008: 201]: *Сам ты описал его как мономана, когда меня к нему привёл <...> Ну, а мы вчера ещё жару наподдали, ты то есть, этими рассказами-то <...> о маляре; хорош разговор, когда он, может, сам на этом с ума сошёл!* [Достоевский 2005: 228]. В английском языке это значение передаётся иначе: **X поддал жару = X added fuel to the fire <the flames>; X stoked the fire; X fanned the flames; X added to the commotion <the excitement, the uproar etc>** [Лубенская 1995: 231]. Здесь у русского и английского фразеологизмов не совпадают мотивирующие образы при совпадении остальных параметров, т. е. оба фразеологизма являются частичными межъязыковыми эквивалентами. Нет в английском языке ФЕ, которая бы полностью соответствовала русскому фразеологизму **больное место**. 1. 'То, что более всего волнует, беспокоит и т. п.'; то, что является причиной волнений, страданий, забот и т. п. 2. Наиболее уязвимая, слабая сторона кого-либо, чей-либо недостаток, порок и т. п. [Молотков 1986: 24]. Ср. у Ф. М. Достоевского: *Наташа сносить не могла, когда Алёшу считали неумным. Сколько раз, бывало, она дулась на меня, не высказывая на словах, если я, не слишком церемонясь, доказывал Алёше, что он сделал какую-нибудь глупость; это было **больное место** в её сердце* [Достоевский 2004: 95]. В английском языке фразеологизму **больное место** частично соответствует фразеологизм **sore spot**, у которого присутствуют дополнительные варианты типа **sensitive <tender, vulnerable> spot**. Таким образом, внутренняя форма имеет некоторые различия. **Больное место: sore spot <point>; sensitive <tender, vulnerable> spot** [Лубенская 1995: 363].

Не выходит [нейдет] из головы [из памяти, из ума]. 'Постоянно присутствует в сознании, в мыслях, не забывается' [Молотков 1986: 98]. — *Вот и я! — дружески и весело заговорил князь, — только несколько часов как воротился. Всё это время вы **не выходили из моего ума** (он нежно поцеловал её руку), — и сколько, сколько я передумал о вас!* [Достоевский 2004: 174]. **X не выходил у Y-а из головы = Y couldn't get X out of Y's mind <head>; thing X wouldn't go out <leave> Y's mind; X was constantly on Y's mind; Y's mind kept going back to X** [Лубенская 1995: 137]. В данном случае мы видим неполное соответствие внутренних образов при совпадении значения и стилистической характеристики. Грамматическая форма имеет некоторые различия.

Наконец, III группу составляют безэквивалентные ФЕ. Напр., для таких русских фразеологизмов, как **брать за бока** кого, **не чаять души** в ком, **в аккурат** и др., нет эквивалентов среди английских ФЕ.

Таким образом, сопоставив на материале двуязычного фразеологического словаря С. Лубенской фразеологизмы из произведений Ф.М. Достоевского, мы выяснили их распределение по трём вышеназванным группам.

Большую часть исследованного материала составляют частичные эквиваленты. Было проанализировано около 500 единиц, из них 30 % — полных эквивалентов, 45 % — частичных эквивалентов, 25 % — безэквивалентных фразеологизмов.

Дальнейшее исследование должно проходить на уровне речи, т. е. сопоставляться будут оригинальные и переводные тексты для установления степени их адекватности / неадекватности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — М.: Худож. лит. — 2005. — 576 с.
Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. — М.: Эксмо, 2004. — 640 с.
Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. — М.: Рус. яз.: Медиа, 2004. — 512 с.
Мрикария Дж. Структурные и семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в русском языке в сопоставлении с английским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999. — 17 с.
Фразеологический словарь русского языка: св. 4000 словар. ст. / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Рус. яз., 1986. — 543 с.
Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. — М.: Рус. яз.-Медиа: Дрофа, 2008. — 334 с.
Russian-English Dictionary of Idioms / Sophia Lubensky. — New York: Random House, 1995. — 1017 p.

BILINGUAL PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES AS A FOUNDATION FOR COMPARATIVE ANALYSIS OF SET EXPRESSIONS (BASED ON SET EXPRESSIONS FROM DOSTOYEVSKY'S NOVELS AND THEIR ENGLISH TRANSLATIONS)

A. K. Vasilyeva

The article deals with comparative analysis of Russian and English set expressions. It considers bilingual phraseological dictionaries as the basis for and the first stage of comparative analysis of set expressions and describes different aspects of their equivalence. All examples are given from Fyodor Dostoyevsky's novels.

Key words: Comparative analysis, phraseological units, bilingual dictionaries, aspects of equivalency, Dostoevsky.

© 2011

В. А. Деткова

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ПАРЕМИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» КАК ОБЪЕКТЫ ОПИСАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В статье рассматриваются русские и английские пословицы, отражающие семейные отношения, как объекты описания в лингвистических словарях. Сопоставительный анализ даёт возможность раскрыть некоторые специфические особенности национального характера обоих народов.

Ключевые слова: пословицы, менталитет, словарь, эквивалент, сопоставительный анализ.

Пословицы прочно и надёжно вошли в нашу повседневную жизнь. В них отражён многовековой опыт и мудрость народа, его огромный творческий и духовный потенциал. Они не только отображают мировидение народа, его менталитет, но и воспроизводят из поколения в поколение культурно-национальные установки и традиции народа — носителя языка. Н. Л. Адамия определяет пословицы как «проверенный временем и жизнью сгусток народной мудрости, концентрат духовного и физического опыта народа, выраженный лаконично, ярко и образно» [Адамия 2005: 3–4]. Пословичный материал позволяет проникнуть в область мыслительной деятельности определённого народа, открывая широкие возможности для проведения сопоставительного исследования, так как через сопоставление и сравнение пословичной системы различных языков, в данном случае таких типологически несхожих языков, как русский и английский, можно выявить общее и национально-специфическое в пословицах языковой ментальности (русской и английской), потому что «ничто лучше пословиц и поговорок не даст представления о духе и строе изучаемого языка и об особенностях менталитета народа — его носителя» [Адамия 2005: 4].

Менталитет — это не только национально-специфические черты, это вся совокупность определяющих мировосприятие характеристик, присущих народу. Вычленять какую-то отдельную группу свойств и присваивать ей название «менталитет» вряд ли оправданно: мировосприятие народа целостно и органично. Однако какие-то черты могут доминировать, что и создаёт особую манеру видения и позволяет говорить о характерных чертах менталитета данного народа [Иванова 2003: 32]. При анализе менталитета необходимо учитывать значительную дифференциацию внутри народа, ведущую к тому, что, помимо общих черт национального менталитета, можно говорить о менталитете отдельных групп [Гуревич 1993: 18]. В процессе анализа менталитета на основе пословичного фонда неизбежно реконструируются самые общие его черты, т. к. служащие материалом анализа единицы существуют не одно столетие, характеризуются различной употребительностью в современном языке и отражают некоторые совокупные, «итоговые» черты менталитета. Реконструируется менталитет, свойственный про-

¹ Деткова Валентина Александровна — аспирант кафедры русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: valentina_detkova@mail.ru

тяжёлому временному континууму, а не отдельному узкому временному срезу. Однако такая реконструкция вполне оправдана, поскольку позволяет воссоздать некую основу, субстрат менталитета [Иванова 2003: 34]. Как известно, «менталитет народа характеризуется устойчивостью, стабильностью, он консервативен, хотя каждая эпоха дополняет его своими чертами» [Иванова 2003: 34–35]. Яркость проявления народного менталитета в пословицах делает интересным их сопоставительное изучение.

Материалом данного исследования является картотека пословиц русского и английского языков семантической группы «Семейные отношения» в количестве 781 единицы — 485 русских и 296 английских, — отобранных методом сплошной выборки из одно-, двуязычных и трёхязычных фразеологических и пословичных сборников и словарей.

Словари — наиболее полные сопоставительные описания языков; они являются не только формами реализации контрастивного изучения, но и объектом дальнейшего научного изучения. К словарной статье мы подходим как к специфическим образом организованной разновидности текста, за которой «вырисовывается коллективное сознание носителя языка». Что касается пословичного фонда, то малоупотребительные и устаревшие пословицы не стоит игнорировать, «их следует относить к периферии пословичной картины мира, поскольку они, даже выражая устаревшее знание о мире, могут отражать неизменившиеся черты менталитета народа» [Иванова 2003: 22].

Базу данного исследования составили одноязычные словари русских пословиц, одноязычные словари английских пословиц и двуязычные англо-русские словари.

Расположение пословиц в русских одноязычных словарях может быть нескольких видов. Один из них: 1. пословица (в алфавитном порядке), 2. толкование (устаревших слов, семантизация переносного смысла, ситуативная характеристика), 3. иллюстративный материал, 4. справочная часть (этимология, перечень форм пословиц) (см., напр., [Фелицына, Прохоров 1988; Жуков 1966]).

Другой вариант подачи пословиц — алфавитное либо неалфавитное тематическое расположение пословичного материала (см., напр., [Аникин 1957; Даль 2006]). В словаре В. И. Даля насчитывается около 30 тысяч пословиц, собранных в 180 тематических групп (см. [Даль 2006]).

Что касается английских одноязычных словарей, то способ предъявления пословиц аналогичен первому варианту организации пословиц в русских словарях (т. е. пословица — толкование — источник и год издания цитируемого произведения или сборника — иллюстративная цитата — синонимичные пословицы) (см., напр., [Collins 1959]).

Особенно хотелось бы отметить “The Oxford Dictionary of English Proverbs” Ф. П. Уилсона [Wilson 1970], который является наиболее полным собранием английских пословиц, в числе которых есть те, что берут начало с середины VIII в. Пословичный материал организован в алфавитном порядке по первому значимому слову пословицы с вариантами и соответствующей информацией о значении, цитируемых изданиях (год, автор, название произведений), примерами употребления. Серия пословиц с заглавной значимой лексемой завершается полным их

списком, что существенно облегчает работу по поиску пословиц с конкретными лексемами.

Двуязычные англо-русские словари организованы, как правило, подобным образом: следующая в алфавитном порядке пословица сопровождается её буквальным переводом на русский язык и логическим толкованием, далее следуют её варианты, затем английские и русские синонимы, иллюстративные цитаты (см., напр., [Буковская, Вяльцева 1985]).

Особое внимание хотелось бы обратить на «Русско-английский словарь пословиц и поговорок» С. С. Кузьмина и Н. Л. Шадрина [Кузьмин 1989]. Уникальность этого словаря состоит в том, что в нём учтены интересы как русскоговорящих читателей, желающих найти соответствия, являющиеся единицами фразеологического фонда английского языка, так и представителей англоговорящего мира, заинтересованных в получении не только информации о приблизительном соответствии русских и английских пословиц, но и желающих представить себе образ русской пословицы и оценить сопутствующие ей обертоны. В словаре впервые публикуются описательные рифмованные переводы [Кузьмин 1989: 6–7]. Таким образом, преимущественные особенности данного словаря заключаются в а) наиболее полной представленности английских эквивалентов и б) наличии описательного поэтического перевода русских пословиц.

Словарная статья строится следующим образом. В первой части содержится русская пословица с её вариантами и факультативными элементами и последующим английским толкованием (МИЛЫЕ БРАНЯТСЯ — ТОЛЬКО ТЕШАТСЯ *Lovers' tiffs are easily made up again*). Далее следуют английские соответствия в порядке убывающей степени сходства с русской пословицей — сначала аналогичные ей по форме и значению обороты, затем одноструктурные и разноструктурные синонимичные и другие близкие по значению фразеологизмы, а также английские единицы-антонимы (*The falling out of lovers' (or friends) is the renewing (or renewal) of love. Lovers' quarrels are soon mended. Real love can't be smooth. A woman's blow never gave a black eye. Lovers' quarrels mean the renewal of love*). Вслед за английскими пословицами приводятся различные варианты описательного перевода (*All lovers under the sun quarrel just for fun. Ср. Муж и жена — одна сатана*) [Кузьмин 1989: 126–127].

Трёхязычный «Словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и библейских изречений» Н. Л. Адамии интересен не только в плане сопоставительного изучения лексики и грамматики русского, английского и немецкого языков, но и с точки зрения отражения духовных и нравственных ценностей, заключённых в пословицах и библейских текстах:

Муж и жена — одна сатана;

They are finger and thumb [Они как палец и большой палец];

Mann und Weib sind ein Leib [Муж и жена — одно тело] [Адамия 2005: 68];

Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье;

A good wife and health is man's best wealth [Хорошая жена и здоровье — лучшее богатство человека];

Eine gute Frau ist Goldes wert [Хорошая жена — что золото] [Адамия 2005: 38].

Созданный в ходе работы со словарями пословиц фонд семантической группы «Семейные отношения» позволил выявить следующие подгруппы, описывающие взаимоотношения супругов:

- 1) «выбор невесты, женитьба»;
- 2) «отношение к браку» (преимущественно отрицательное);
- 3) «жена» (её характеристика, значимость, предназначение);
- 4) «гармоничные отношения, согласие супругов»;
- 5) «жизненные трудности» (бедность, ссоры, измены);
- 6) «взаимоотношения семьи с внешним миром»;
- 7) «доминирующее положение одного из супругов».

Необходимо отметить, что, несмотря на народное происхождение пословиц, в них явно доминирует мужская ментальность, что и иллюстрирует приведённая выше классификация.

Анализируя количественную представленность пословиц, мы можем констатировать, что в английской пословичной картине мира все указанные выше аспекты взаимоотношений супругов представлены примерно в равной степени — в диапазоне от 7 % («отношение к браку») до 21 % («жена»). В английских пословицах также акцентируется внимание на жизненных трудностях, с которыми сталкивается семья (19 %). Остальные подгруппы количественно близки: «взаимоотношения семьи с внешним миром» (11 %), «гармоничные отношения супругов» (12 %), «выбор невесты, женитьба» и «доминирующее положение одного из супругов» (по 15 %). Что касается русскоязычного пословичного фонда, то здесь наблюдается большее количественное различие — от 5 % («отношение к браку») до 28 % («доминирующее положение одного из супругов»). Немногочисленные подгруппы «взаимоотношения семьи с внешним миром» (7 %), «выбор невесты, женитьба» (8 %), «жена» (12 %). Наиболее представленными оказались подгруппы, характеризующие гармоничные отношения супругов (19 %) и жизненные трудности в семье (21 %).

Данная классификация и количественная представленность русских и английских пословиц позволяет сделать некоторые выводы об общем и национально-специфическом в менталитете русских и англичан.

1. И для русского, и для английского этносов семья является значимой составляющей жизни. Несмотря на преимущественно пренебрежительное отношение к женщине, отражённое в пословицах (*Курица — не птица, баба — не человек; A man of straw is worth a woman of gold — Мужчина из соломы стоит женщины из золота*), отмечается её значимость для мужчины (*Что гусь без воды, то мужик без жены; A man without a wife is but half a man — Мужчина без жены — полчеловека*), *Two things do prolong thy life: a quiet heart and a loving wife — Две вещи продлевают твою жизнь: спокойное сердце и любящая жена*) и даже превосходство (*Утро вечера мудренее, жена мужа удалее; Women in mischief are wiser than men — Женщины в горе мудрее мужчин*) и т. д.

2. В русской и английской картине мира, благодаря сопоставлению пословичных фондов, можно обнаружить национально-специфические особенности в отношении к некоторым аспектам жизни.

а) Красота жены. В русских пословицах она является главной ценностью лишь для глупцов (*Глупому мужу красная жена дороже красного яйца*), т. к. важ-

нее нрав супруги (*Красна пава пером, а жена нравом*); в английских же пословицах красота жены — источник дополнительных проблем (*Who has a fair wife needs more than two eyes — Тому, у кого красивая жена, нужно больше, чем два глаза*).

б) Наличие богатства у потенциальной(ого) жены /мужа. В русском пословищном фонде наблюдается преимущественно отрицательное отношение к финансовому превосходству избранницы (*Лучшие на убогой жениться, чем с богатой браниться*), хотя бывают и исключения (*Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога*). Английские пословицы иллюстрируют также отрицательное отношение к браку с более богатой девушкой (*A great dowry is a bed full of brambles* (Богатое приданое — кровать, полная колючек). Брак между равными одобряется (*Put two pennies in a purse, and they will draw together — Положите два пени в кошелёк, и они будут работать вместе*) и считается естественным (*A poor man gets a poor marriage — Бедный заключает бедный брак*).

в) Мезальянс. В русскоязычной пословищной культуре мезальянс не особо одобряется, тем не менее, более естественным воспринимается брак, где муж намного старше жены (*Муж стар, а жена молода — дожидайся детей, муж молод, а жена стара — дожидайся плетей*). С точки зрения женщины, предпочтение отдаётся более молодому супругу (*Старого мужа соломкой прикрою, молодого сама отогрею*). В английских пословицах брак мужчины преклонного возраста и юной девушки воспринимается сдержанно-нейтрально или не очень одобрительно (*Old men, when they marry young women, take much of death — Старые мужчины, когда женятся на молодых женщинах, ускоряют свою смерть*), в то время как женщины отдают предпочтение зрелому мужчине (*Better be an old man's darling, than a young man's slave — Лучше быть любимой старого, чем слугой молодого*).

г) Супружеские измены. В русских пословицах примерно в равном количестве случаев речь идет об измене каждого из супругов, но измена жены считается большим грехом, чем измена мужа (*Муж согрешил, так в людях грех: а жена согрешила, домой принесла*). В английских пословицах обычно речь идёт об изменах жены, а вина за это возлагается на мужа (*If you take your wife an ass, she will take you an ox — Если ты сделаешь жену ослицей, она сделает тебя быком*), хотя и мужу в такой ситуации может выражаться сочувствие (*He that has horns in his bosom, let him not put them on his head — Позвольте обманутому мужу не афишировать свой позор*). Что же касается измены мужа, то наличие данного факта и отношение к нему мягко вуалируется в пословицах о благоразумных жёнах (*Discreet women have neither eyes nor ears — У благоразумных женщин нет ни глаз, ни ушей*).

д) Ворчливая жена — злая жена. Ворчливость и злобность осуждаются как худшие черты жены. И хотя *ворчливая* (английские пословицы) — менее отрицательная черта, чем *злая* (русские пословицы), мужчинам они одинаково неприятны (*Из дому злая жена, из лесу змея (выживают); Three things drive a man out of his house — smoke, rain and a scolding wife — Три вещи гонят мужчину из дома — пожар, потоп и ворчливая жена*). В то же время в английских пословицах иллюстрируется по-философски терпимое отношение к ворчливости женщины (*It is a good horse that never stumbles and a good wife that never grumbles — Хороша та лошадь, которая не спотыкается и хороша та жена, которая не ворчит*).

3. В фондах английского и русского языков существуют группы безэквивалентных пословиц. В русском языке это пословицы, в которых речь идёт о красоте мужчины, не расцениваемой как достоинство спутника жизни (*На красивого глядеть хорошо, с умным жить легко*) и о жертвенности женщины (*Оттого терплю, что больше всех люблю; Ради милого и себя не жаль*). В английском языке к числу безэквивалентных относится группа пословиц, в которых характеризуется участь красивой, но бедной девушки (*A poor beauty finds more lovers than husbands* — *Бедная красавица находит больше любовников, чем мужей*), а также группа пословиц, связывающих качества супруга с его образом жизни до брака (*A lewd bachelor makes a jealous husband* — *Распутный холостяк становится ревнивым мужем; Usurers are always good husbands* — *Ростовщики всегда хорошие мужья*).

Несколько слов о трудностях, с которыми пришлось столкнуться в работе со словарями. Во-первых, некоторые пословицы нуждались в дополнительных комментариях из-за наличия в их составе устаревших или диалектных слов (*Баба — ай-ай, а муж — малахай*) или в силу своей неоднозначности (полисемии) (*No man is a match for a woman till he's married* — *Ни один мужчина не является парой для женщины до тех пор, пока он не женат* — на ней или на другой женщине?). Во-вторых, в некоторых двуязычных словарях в качестве эквивалентов приводятся пословицы, которые очень трудно назвать таковыми (*Для милого дружка и серёжку из ушка* — *Among friends all things are common* 'Среди друзей всё общее').

Суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что пословицы — это уникальный по своей колоритности пласт культуры, который подлежит дальнейшему многогранному изучению, и словари пословиц для данного процесса являются неоценимым подспорьем.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамия Н. Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и библейских изречений. — М.: Наука: Флинта, 2005. — 344 с.
- Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. — М.: Учпедгиз, 1957. — 240 с.
- Буковская М. В., Вьяльцева С. И. Словарь употребительных английских пословиц. — М.: Рус. яз., 1985. — 232 с.
- Гуревич А. Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» — М.: Наука, 1993. — С. 16–29.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — 750 с.
- Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 535 с.
- Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале англ. и рус. пословиц): дис ... канд. филол. наук. — СПб, 2003. — 253 с.
- Кузьмин С. С., Шадрин Н. Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц. — М.: Рус. яз., 1989. — 352 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1982. — 816 с.
- Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. — М.: Рус. яз., 1988. — 269 с.

- Collins V.H.* A Book of English Proverbs. — London: Longmans, 1959. — 144 p.
Wilson F.P. The Oxford Dictionary of English Proverbs. — Oxford: The Clarendon Press, 1970. — 930 p.

RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS DENOTING FAMILY RELATIONSHIPS AS AN OBJECT OF DICTIONARY PRESENTATION

V.A. Detkova

The article considers Russian and English proverbs reflecting family relationships as an object of dictionary presentation. Comparative analysis makes possible to reveal some ethnic peculiarities of both nations.

Key words: proverbs, mentality, dictionary, equivalent, comparative analysis.

© 2011

С. С. Шляхова, О. В. Шестакова

ОПЫТ НЕМЕЦКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ ИНТЕРЪЕКТИВОВ: ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Статья посвящена проблемам лексикографической фиксации немецких интеръективов. Немецко-русский словарь интеръективов является первой попыткой представить системное описание звукоизобразительных единиц типа *ach, bum, knack*. Сопоставление с русским языком проводится с учётом фоносемантической специфики этих единиц. Словарь позволяет выявить универсальные закономерности звукоизобразительных систем родственных и неродственных языков, а также своеобразие звукоизобразительности в немецком языке.

Ключевые слова: интеръективы, фоносемантика, звукоизобразительность, онomatопея, немецкий язык.

Одной из проблем в фоносемантических исследованиях является отсутствие специализированных словарей, в том числе и словарей междометий / интеръективов. Вопрос о частеречном статусе звукоподражаний и междометий считается спорным как в русистике, так и в германистике: онomatопеи и междометия традиционно объединяют в один класс. Обычно в словарях они имеют пометы *Interjection / междометие*, далее следует помета *lautmalend / звукоподражание*. Однако

Шляхова Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета. E-mail: shlyahova@rambler.ru

Шестакова Ольга Валентиновна — аспирант кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета. E-mail: shestakova64@mail.ru

собственно междометия (*ah, ach, aha / ax, ox, aga* и т. п.), производные (*Donnerwetter, Gott / Полундра!, Господи* и др.) междометия и ономатопеи (*bauz, pardauz, klippklapp / тук-тук, мяу, кап-кап* и т. п.) имеют различную лингвистическую природу.

Как известно, объектом фоносемантики является звукоизобразительная система языка, включающая две подсистемы — звукоподражательную (акустический денотат) и звукосимволическую (неакустический денотат) [Воронин 1982], которые эксплицируются в языке звукоподражательными (ономатопеями) и звукосимволическими словами. Собственно междометия и ономатопеи относятся к сфере акустического денотата.

Преимущество европейской и американской фоносемантики в том, что там целенаправленно ведётся лексикографическая работа по фиксации звукоизобразительных единиц, которая реализуется в словарях и списках, особенно на материале английского и японского языков [Magnus]. На материале русского языка, по нашим данным, создан лишь один словарь [Шляхова 2004]. Также нам неизвестны фоносемантические словари, выполненные на материале немецкого языка.

В русской и немецкой лексикографии недостаточно уделяется внимания звукоизобразительности как таковой, что проявляется в неполной фиксации звукоизобразительных слов, недифференцированности ономатопей и звукосимволических слов, их недостаточной этимологической разработанности, нечёткой системе помет. Кстати сказать, ономатопея исследовалась в немецкоязычной науке не так активно как, напр., звукосимволизм и синестезия. По мнению немецких исследователей (К. Bühler; W. Schmidt; T. Schippan; J. Erben и др.), ономатопея играет незначительную роль в системе немецкого языка. Однако русскоязычная германистика (Е. А. Глухарёва, Н. А. Дементьева, Л. И. Корниенко, С. А. Филимоненко, О. А. Хабибуллина и др.) подвергает сомнению данный тезис, утверждая, что ономатопея современного немецкого языка представляет собой обширный и разнообразный пласт лексики. Однако собственно фоносемантическая интерпретация ономатопеи остаётся на периферии этих исследований.

Предлагаемый вниманию Словарь отражает звукоподражательную подсистему звукоизобразительной системы немецкого языка. Словарь фиксирует базовый фонд немецких ономатопей, поскольку представление всего материала немецкой ономатопеи невозможно в силу вынужденной ограниченности объёма Словаря. Основным принцип включения единицы в Словарь — примарная мотивированность. Отправной единицей описания являются фоносемантические маргиналии («корневые» образования), к которым относятся интеръективы-звукоподражания и интеръективы-междометия (кроме производных типа *Donnerwetter*), которые «надёжнее» других сохраняют звукоизобразительный мотив номинации.

В Словарь включены: 1) акустические ономатопы (экспликация неартикуляторных акустических звучаний внешней среды): *bam / бам* 'низкий звук колокола'; *klatsch / шлән* 'удар, шлепок'; 2) артикуляторные ономатопы (эксплицируют звуковые процессы в полостях носа, рта и горла человека): *hatschi / апчи* 'чихание'; *happ / хан* 'хватание (зубами, ртом)'; 3) ономатопы говорения (экспликация нерелекторных акустико-артикуляторных звучаний, характеризующих процесс речи в его целевых, модальных, физиологических, акустических и прочих характеристиках): *blabla / болтовня* 'пустая речь'; *quaken / нудить* 'говорить

монотонно'; 4) слова клича (подзывные, вокативные, лексические апелленты): *put / цып* 'для кур, цыплят'; слова отгона (лексические репелленты): *husch / кыш* 'возглас для отгона птиц и животных'; подражания голосам животных и птиц: *miau / мяу* 'мяуканье'; *muh / му* 'мычание коровы, быка'; *blaff, klaff / гав, ав* 'лай собак'; 5) слова с переносным значением: *klapp / хлоп* 'звук лёгкого удара, стук'. Это слово в немецком языке является словообразовательной основой не только глагола удара *klappen / хлопать* 'хлопать, стучать'. В Словаре отражается усложнение семантики, которая выходит за пределы «звуковых» значений: 'идти на лад' (*Vor fünf Jahren haben sich die Führer der Welt darauf geeinigt, daß es noch besser klappen muß*); 'поднимать, откидывать (крышку, воротник и пр.)' (*Er klappte den Kragen seines Hemdes nach innen*); 'застучать (кого-л.), схватить, поймать' (*Der Dieb wurde geklappt*); 'болтать'; 'рот' (*Halt die Klappe!*); 'болтуня, трещотка, машинистка' (*Die beiden Klapperschlangen quatschen schon eine geschlagene Stunde im Treppenhaus und ziehen wahrscheinlich wieder über uns her*); 'стрелять глазами, кокетничать' (*mit den Augen klappen*); 'рехнуться' (*Er hat einen Klaps*); 'реклама, шумиха' (*Klappen gehört zum Handwerk*) и пр.

Критериями включения единицы в Словарь являются: 1) вхождение единицы в звукоизобразительную систему немецкого языка на основе универсальной классификации ономапов [Воронин 1982]; 2) звукоизобразительная этимология в одном из этимологических источников; 3) «звуковое» значение слова, указывающее на акустический денотат.

Универсальным носителем фонетического значения является фонемотип, под которым понимается не конкретная фонема, а «звукотип», т. е. определённые место и способ образования звука (сонант, вибрант, гуттуральный и т. п.). Такой подход позволяет дать более точный перевод описываемой единицы. По нашим наблюдениям, в немецко-русских словарях перевод ономапов часто осуществляется на основании их смысловой близости без учета соотношения звуковой оболочки единицы с её содержанием. Так, слово *bum* помечено во всех словарях как *Interjektion* и переводится как *бум, бах*. Однако *bum* здесь — звукоподражание (а не междометие), которое характеризует акустический денотат: удар (выражен взрывным /b/) с последующим тоновым неударом (выражен сонантом /m/). Перевод через *бах* является не совсем точным, поскольку здесь акустический денотат являет собою удар с последующим шумовым неударом (выражен глухим гуттуральным /x/). Следовательно, русскому *бах* с учетом фоносемантических характеристик будет соответствовать немецкое *paff*.

Сопоставление материала в Словаре производится на основании: (1) фонемной идентичности (*bäh / бе, bum / бум, hihi / ху-ху, kikeriki / кукареку, pier / нун*); (2) фонестемной идентичности (*plumps / плюх; krächzen / каркать*); (3) фонемотипной идентичности (*klap / хлоп, schnapp / щёлк*). Однако не все слова находят свои корреляты в сопоставляемых языках на основании вышеназванных критериев, что связано, с одной стороны, со спецификой фонетической системы языка, с другой — с фоносемантическим законом множественности номинации, согласно которому один и тот же денотат может быть номинирован по различным признакам или по полноте / неполноте лингвистической экспликации кинемы. Так, в немецком *blaff* и русских *тяв-тяв, гав-гав, ав-ав* начальный компонент артикулятемы (перцептивно труднорасчленимый для человека) по-разному представлен

в русском (передне- и заднеязычный) и немецком (губной, латеральный), однако конечный элемент артикуляции эксплицированы одинаково (гласный заднего ряда + губно-зубной). Немецкое *Bähschaf* «дурак» (< *bäh* ‘бэ, бляение овцы’ + *Schaf* ‘овца’) мотивировано характеристиками и звуками животного, а в русском слово *дурак* (< о.-с. **dur-ь* связано с **du-ti* ‘дуть’ < и.-е. **dheu(e)r-* ‘бушевать, вертеться, кружиться, вертеть’) мотивировано признаком «надутости». Ср. рус. *дурак* родственно *дурь* ‘глупость, вздор, блажь, сумасбродство’, диал. *дурь* ‘скопившийся в нарыве гной’, *дуться* ‘сердиться, пыжиться’, *дым*, *вздымать*, *домна*, *надменный* [Черных 1993, 1: 275]. Различие признаков, положенных в основу номинации, не позволяет привести фоносемантически адекватные корреляты. В таком случае частичное соответствие обнаруживается не в переводе *дурак*, а в жаргонно-разговорных пейоративах *овца*, *баран* и т. п., которые эксплицируют схожие ассоциации и являются примарно мотивированными.

Материалы Словаря позволяют выявить ряд особенностей русской и немецкой ономотопеи: 1) в немецком не обнаружено однофонемных ономотопей (з-з-з / *summ* ‘жужжание насекомых’; *p-p-p* / *trapp*, *brr* ‘шум мотора’); 2) в обозначении хруста, треска отсутствует характерный для русского языка вибрант: *knack(s)*, *knick(s)*, *knips*. Начальное /kn/ в немецком языке имеет семантический признак ‘трещать’ [Левицкий 2009: 71–72]; 3) корневая морфема определённого акустико-артикуляторного строения в некоторых случаях имеет «перевернутый» вид: *patsch* / *чан* ‘звук хождения, передвижения’; *husch* / *шух* ‘быстрое, неожиданное и/или интенсивное действие, движение и т. п.’; 4) в немецком языке много сложных слов, в составе которых присутствуют ономотопы: *Platschregen* ‘проливной дождь, ливень’ (*platsch* / *бултых* ‘бульканье, плеск’); *Plumpsklo*, *Plumpsklosett* ‘уборная (без спуска); нужник’ (*plumps* / *плюх* ‘звук падения, толчка, бросания’); 6) в немецком языке многие технические термины являются ономотопами: напр., технический (‘перелом; перегиб; сгиб; изгиб; продольный изгиб’) и геологический (‘пропласток глины в торфе’ и ‘луговая железная руда’) термин *Knick* построен на основе слова *knick(s)* — ‘треск хруст’.

Одновременно с этим устанавливаются и универсальные черты в семантической эволюции слова. Особо значимы данные Словаря для семантических исследований, поскольку наглядно показывают многие тенденции системного развития слова, обобщённых А. А. Поликарповым [Поликарпов 2001]: 1) тенденция к грамматикализации лексических единиц в ходе их существования в языке. Все интеръективы со временем переходят в разряд системно грамматикализованных единиц: *put* / *цып* ‘слова для кур, цыплят’; *Puttchen* ‘маленькая беспомощная женщина’ / *цыпочка* ‘женщина’; 2) тенденция к абстрактивизации значений слов со временем обусловлена развитием «незвуковых» значений у первородных звукоподражаний: *husch* ‘шмыг, раз-раз’; *huscheln* ‘двигаться с лёгким шумом, шуршанием’; *Huschel* ‘неряшливая женщина’; *Huschelei* ‘небрежная работа, халтура’; *huschelig* ‘сделанный кое-как; поверхностный’; *huscheln* ‘работать небрежно, кое-как’; 3) тенденция к субъективизации значений слов. Коннотации разного вида являются типичными для единиц Словаря: *knack(s)* ‘треск, хруст’ — прост. *knacken* ‘дрыхнуть’; *knacken* ‘взломать (сейф и т. п.)’ и в молодёжном сленге ‘трахнуть’; *kuckuck* ‘крик кукушки’ — *Kuckuck* разг. ‘полевая кухня’, шутол. ‘печать судебного исполнителя’ и прост. ‘чёрт’; *тяп* ‘звук удара’ — *тяпнуть* разг. ‘укусить’ и ‘выпить спиртное’;

4) тенденции к омонимизации и деомонимизации лексических единиц с увеличением их периода обращаемости в языке. Омонимизация интеръективов наиболее отчётливо проявляется в признании за многими звукоподражаниями статуса междометия. В немецких толковых словарях, а также традиционных немецко-русских словарях, как уже указывалось выше, все звукоподражания (*bum, klatsch, schlapp* и др.) квалифицируются как междометия (*Interjektion*).

Накопленные в области семантики наблюдения позволили выдвинуть, сформулировать и обосновать гипотезу о семантическом синкретизме [Маковский 1989; Левицкий 2001, 2009], под которым понимается «объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов» [Левицкий 2001: 94]. Материалы Словаря дают новые основания для подтверждения этой гипотезы, а также позволяют пересмотреть традиционные семантические связи, сгруппировать содержащиеся в языке лексические единицы в иные лексико-семантические парадигмы, восстановив возможные утраченные семантические связи между «омонимичными» корнями.

Немецко-русский словарь интеръективов является первой попыткой системного описания звукоизобразительных единиц с учётом их фоносемантической специфики. Онома топы являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития языка, как в генезисе и диахронии, так и в современной синхронии» [Шляхова 2005: 34]. Словарь в общем виде представляет фоносферу немецкого языка, предлагает материал для этимологизирования отдельных немецких лексем, позволяет проследить семантическое развитие отдельных языковых единиц в рамках не только романо-германских, но и индоевропейских языков. Описание немецких интеръективов в данном направлении позволяет установить универсальные и специфические свойства немецкой звукоизобразительности. Кроме того, Словарь может быть успешно использован для методических и переводческих целей.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин С. В. Основы фоносемантики. — Л.: ЛГУ, 1982. — 243 с.
- Левицкий В. В. Звуковой символизм: мифы и реальность. — Черновцы: Рута, 2009. — 130 с.
- Левицкий В. В. Семантический синкретизм в германском и индоевропейском // *Вопр. языкознания*. — 2001. — № 4. — С. 94–106.
- Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. — М.: Высш. шк., 1989. — 199 с.
- Поликарпов А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.humlang.newmail.ru/index_r.htm (дата обращения: 25.04.2011).
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М.: Рус. яз., 1993.
- Шляхова С. С. «Другой язык». Опыт маргинальной лингвистики. — Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2005. — 346 с.
- Шляхова С. С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий. — Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004. — 225 с.
- Magnus M. Bibliography of Phonosemantics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/LitReview.pdf> (дата обращения: 25.04.2011).

GERMAN-RUSSIAN DICTIONARY OF INTERJECTIONS: PHONOLOGICAL
AND SEMANTIC UNIVERSALS AND NATIONAL PECULIARITY

S. S. Shlyakhova, O. V. Shestakova

The article considers lexicographic presentation of German interjections. The German-Russian Dictionary of Interjections is the first attempt to systematically represent sound-imitating units like *ach*, *bum*, *knack*. German and Russian are compared in the context of phonological semantic properties of these units. The Dictionary allows revealing universals of phonoiconic systems of related and unrelated languages, and displaying German sound symbolism peculiarity.

Key words: interjections, phonological semantics, phonoiconic onomatopoeia, the German language.

© 2011

А. Ю. Швидченко

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНДОВ БИБЛЕИЗМОВ
РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ ПО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМ
ИСТОЧНИКАМ

Статья посвящена сравнительному анализу фондов библейских крылатых единиц немецкого и русского языков, их представленности в лексических и фразеологических словарях, а также функционированию в речи носителей языков.

Ключевые слова: библейские крылатые единицы, библеизмы, фразеография, лексикография, культурная коннотация.

Анализ библеизмов, представляющих собой значительную часть интернационального фонда крылатых единиц, является одним из перспективных направлений в современной лингвистике. Особый интерес представляет сравнительный анализ библеизмов различных языков христианских народов, для которых Книга Книг явилась не только культурным, но и лингвистическим феноменом.

В своём исследовании мы намереваемся провести сопоставительный анализ фондов библеизмов русского и немецкого языков. Мы исходим из того, что **библеизмы** — это крылатые слова и выражения, генетически связанные с Библией. Библейские крылатые единицы (КЕ) представлены как однословными (*блудница*, *Каин*, *астид*, *Adam*, *Tohiwabohu*), так и сверхсловными образованиями (*примета времени*, *лезть на рожон*, *продать за чечевичную похлёбку*, *Кто не с нами, тот против нас*; *Vertreibung aus dem Paradies*, *etwas mit gleicher Elle messen*, *Alle Wasser laufen ins Meer*). Автором термина **крылатая единица** и основоположником теории КВ является С. Г. Шулежкова, чей труд «Крылатые выражения русского

Швидченко Анна Юрьевна — соискатель кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: Heidelbeere82@yandex.ru

языка, их источники и развитие» посвящён установлению и утверждению языкового статуса крылатых выражений. КЕ, источником которых является Библия (библеизмы), представляют собой значительный пласт в общей массе КЕ как русского, так и немецкого языков, составляя примерно 20% от общего количества КЕ [Шулежкова 1996: 42].

Несмотря на разнообразие работ, посвящённых КЕ, интерес исследователей к этому объекту лишь усиливается, что ознаменовалось выходом в свет целой серии как одноязычных (см. [Ашукины 1955; Афонькин 1985; Вартаньян 1996; Грушко, Медведев 2000; БСКС 2000]), так и двуязычных (см. [Берков 1980; Афонькин 1985; Бинович 1995]) словарей. Кроме того, стоит отметить лексикографические и фразеографические труды, в которых предпринята попытка собрать полный комплекс библеизмов, описать их особенности, а в некоторых случаях установить их сходства и различия в разных языках. Отдельного упоминания достойны труды Г. Бюхмана и М. И. Михельсона [Бюхман 1864 и др. гг.; Михельсон 1894, 1896, 1902–1903, 1912]. Их труды предвосхитили вышедшие позднее в свет многочисленные словари и справочники КЕ вообще и библеизмов в частности. В их работах приведены сотни библеизмов с описанием значения каждого и указанием места в Библии. Сборники С. Г. Займовского, Н. С. и М. Г. Ашукиных, В. П. Беркова, Ю. Н. Афонькина, А. В. Кунина, В. М. Мокиенко включают в себя немало библеизмов, но в то же время появлялись и продолжают выходить в свет русские и немецкие словари, целиком посвящённые библеизмам: [Бетехтина 1997; Николаюк 1998; Познин 1998; Иоффе 2000; Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010; Brüllmann 2001; Martin 2004; Lautenbach 2006].

На фоне обилия одноязычных справочников немецких и русских библеизмов особо примечателен двуязычный словарь Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen» [Walter 2009]. В нём приведены немецкие крылатые выражения из текстов Священного Писания в сопоставлении с русским и другими славянскими языками в контексте культурной коннотации. Примечательно, что большая часть библейских словарей охватывает сверхсловные образования, которые принято называть крылатыми выражениями (КВ), и выпускает из внимания однословные образования (крылатые слова). В данном сопоставительном исследовании мы рассматриваем не только сверхсловные, но и однословные образования.

Сопоставительный анализ более 1100 русских и 1050 немецких библеизмов, собранных на основе сплошной выборки из лексических и фразеологических словарей, наглядно показывает следующее.

В обоих языках библейские крылатые слова (*Лазарь, анафема, херувим, Голиаф, Маттон, Kain, Kreuz*) составляют около 7 % от общего количества библеизмов.

Подавляющее большинство библеизмов (93%) представляют собой сверхсловные образования, которые по способу образования можно разделить на **прямые библеизмы**, перешедшие в употребление именно в том виде, в каком они встречаются в тексте Священного Писания (*mit Heiligem Geist und Feuer taufen* (Мф 3: 11), *Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным* (Мк 4: 22); **имплицитные библеизмы**, являющиеся результатом «сжатия мысли» [Потебня 1977: 100] (*жена Лота* — ветхозаветная легенда о жене праведного Лота выкристаллизовалась

в крылатое выражение, характеризующее любопытную, упрямую женщину; *von Pontius zu Pilatus schicken* — история несправедного суда над Иисусом Христом дала хождение полужутливому выражению, означающему долгие проволочки); **эксплицитные библеизмы**, образованные с помощью расширения компонентного состава библеизмов (*выводить Вавилоны* ‘идти, шатаясь’, *bei Adam und Eva anfangen* ‘начинать всё с самого начала’).

Библейские сверхсловные образования русского языка имеют два варианта хождения: на церковнославянском и русском языках. Это приводит к образованию нескольких выражений с различной стилистической коннотацией (*Припадать к стопам* — *упасть в ноги*). М.И. Михельсон приводит в своём словаре множество выражений, образованных от библейских цитат путем лексического преобразования. Данные выражения по сей день находятся в широком употреблении и идентифицируются современными носителями языка как народные пословицы и поговорки за счёт своей нейтральной стилистической коннотации, хотя их источником является Священное Писание, и они по-прежнему несут в себе первородный библейский дух (*Голым родился, голым и умрёшь* — *Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь* (Иов 1: 21)). Мы полагаем, что причина подобной вариативности русских библейских крылатых выражений кроется в существовании на протяжении многих лет двух вариантов Священного Писания: на церковно-славянском и славяно-русском языках (Новый Завет на славяно-русском вышел в свет в 1822 г., а Ветхий Завет в полном объёме был издан лишь в 1869 г.). Среди немецких библеизмов также можно наблюдать вариативность, но она не так ярко выражена, как в русском языке, вероятно потому, что немецкий перевод Библии — источник библеизмов — сознательно был приближен Мартином Лютером к народной речи, в то время как в русский язык многие библеизмы вошли через церковнославянский язык задолго до появления синодального перевода Библии.

Большая часть библеизмов русского и немецкого языков интернациональна, т. е. одни и те же выражения представлены как в немецком, так и в русском языках и обладают в общей массе идентичными значениями. Помимо них среди библеизмов можно встретить национально маркированные выражения, которые присутствуют только в русском или только в немецком языках (*Krethi und Plethi, христопродавец*). Именно они являются основой для так называемых **лакун**, которые исследователь обнаруживает при сопоставлении русского и немецкого фонда библеизмов.

Для библейских крылатых выражений двух языков характерны структурные и семантические расхождения, причинами которых являются различия переводческих традиций, конфессиональные особенности, а также различное понимание догмата Святой Троицы в западном и восточном богословии.

Таким образом, можно заключить, что при примерно равном количественном составе корпусов немецких и русских библеизмов, общем сакральном источнике их возникновения, а также наличии довольно большого количества оборотов, являющихся полными смысловыми и структурно-семантическими эквивалентами (*auf Sand bauen* — *строить на песке*), имеется большое число безэквивалентных и национально специфичных выражений в каждом языке, что обусловлено как экстралингвистическими (исторические и ментальные особенности народов, раз-

личные национальные и языковые картины мира), так и интерлингвистическими факторами (особенности перевода Библии, структурно-семантические свойства библейских фразеологизмов). Библейские крылатые единицы опосредованно отражают взгляды носителей языка, их менталитет и дух той эпохи, в которой они появились. Именно поэтому немаловажную роль в крылатизации той или иной библейской цитаты играет культурная коннотация — хранитель культурно-национальных стереотипов и эталонов.

ЛИТЕРАТУРА

- Афонькин Ю. Н.* Русско-немецкий словарь крылатых слов / под ред. В. Шаде. — М. — Лейпциг: Рус. яз.; VEB Verlag Enzyklopädie, 1985. — 287 с.
- Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — М.: Госполитиздат, 1955. — 668 с.; 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1960. — 752 с.
- Берков В. П.* Русско-норвежский словарь крылатых слов. — М.: Рус. яз., 1980. — 176 с.
- Бетехтина Е. Н.* Фразеологизмы с библейскими именами: в русском и английском языке — СПб.: СПбГУ, 1999. — 171 с.
- Бинович Л. Э.* Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. С. И. Константиновой. — М.: Аквариум, 1995. — 768 с.
- Бирях А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 701 с.; 2-е изд., испр. — СПб.: Фолио-Пресс, 2001. — 704 с.
- БСКС: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. — М.: Рус. слов.: Астрель: АСТ, 2000. — 624 с.
- Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин.* — М.: Изд-во Центрполиграф: Полнос, 2001. — 816 с.
- Вартаньян Э. А.* Словарь крылатых слов и выражений. — М.: Рус. слово, 1996. — 297 с.
- Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Современные крылатые слова и выражения. — М.: Рольф, 2000. — 544 с.
- Займовский С. Г.* Крылатые слова. Справочник цитаты и афоризма. — М.; Л.: Госиздат, 1930. — 493 с.
- Иоффе Г. А.* Словарь библейских крылатых слов и выражений. — СПб.: Петербург-XXI в., 2000. — 478 с.
- Кунин А. В.* Английская фразеология (теоретический курс). — М.: Высш. шк., 1970. — 344 с.
- Михельсон М. И.* Меткие и ходячие слова. Сб. рус. и иностр. пословиц, изречений и выражений. — СПб., 1894. — 690 с.
- Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И.* Толковый словарь библейских выражений и слов. — М.: АСТ: Астрель, 2010 — 639 с.
- Николаюк Н. Г.* Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник — СПб.: Светлячок, 1998. — 447 с.
- Познин В. Ф., Познина А. В.* Крылатые слова из Ветхого и Нового Завета. словарь-справочник — СПб.: СПбГУ, 1998. — 136 с.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике: в 4 т. — М.: Наука, 1977. — Т. IV, вып. 2 — 205 с.
- Шулежкова С. Г.* Искусство как посредник в освоении библейских крылатых выражений // Problemy fraseologii europejskiej-II. Frazeologia a religia / pod red. A. M. Lewickiego i W. Chlebby. — Warszawa: Wyd-wo «Energeia», 1997. — S. 145–152.

- Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. — М.: Азбуковник, 2001. — 228 с.
- Brüllmann R.* Bibelzitate von A bis Z. — München: Brendow Verlag, 2001. — 286 s.
- Büchmann G.* Geflügelte Worte und Zitatenschatz / G. Büchmann. — Konstanz und Stuttgart: Johannes Asmus Verlag, 1950. — 427 s.
- Lautenbach E.* Lexikon Bibel Zitate: Auslese für das 21. Jahrhundert. — München: Iudicium Verlag, 2006. — 1096 s.
- Martin T.* Auf Sand gebaut?: Bibelzitate im Alltag. — Hannover: Schlütersche Verlag, 2004. — 120 s.
- Walter H., Mokienko V.* Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. — Greifswald: Ernst-Motitz-Arndt-Universität, 2009. — 199 s.

RUSSIAN AND GERMAN BIBLICAL EXPRESSIONS IN COMPARISON
(BASED ON LEXICOGRAPHIC SOURCES)

A. Yu. Shvidchenko

The article deals with comparative analysis of Russian and German Biblical winged word funds, their presentation in dictionaries, and their usage by native speakers.

Key words: biblical winged words, biblical words and phrases, phraseography, lexicography, cultural connotation.

© 2011

И. А. Шушарина

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ
(О РАБОТЕ НАД СЛОВАРЕМ ПОЛЬСКО-РУССКИХ «ЛОЖНЫХ
ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА»)

В статье анализируется, насколько лингвистически информативной должна быть словарная статья о каждой коррелятивной паре «ложных друзей переводчика», чтобы она, с одной стороны, не оказалась перегруженной, а с другой стороны, несла исчерпывающую информацию о коррелятах и позволяла проводить дальнейшие сопоставительные лингвистические исследования, а также делать качественные переводы. Анализ даётся применительно к проекту польско-русского словаря «ложных друзей переводчика».

Ключевые слова: словарная статья, ложные друзья переводчика, информативность, толкование, пометы.

Явление «ложных друзей переводчика», или обманчивого внешнего или звукового сходства лексем и фразеологизмов двух языков, привлекает в последнее время внимание многих исследователей, занимающихся сопоставительным изу-

Шушарина Ирина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета. E-mail: venedy@mail.ru

чением языков и теорией перевода. Интерес этот обусловлен, прежде всего, практикой преподавания иностранных языков, когда студенты сталкиваются со словами, которые в двух языках звучат или пишутся (транслитерируются) одинаково или почти одинаково. Но иногда даже опытные переводчики допускают ошибки, если случайно забывают о различиях в значениях межъязыковых звуковых или графических аналогов. Если на помощь студенту всегда может прийти преподаватель, который обратит его внимание на особенности значений сходно-различных слов, то для переводчика неправильный перевод может оказаться критичным, а неверное понимание слов при общении с носителем изучаемого языка приведёт к коммуникативной неудаче.

С конца 50-х гг. XX в. в научном мире появилось несколько словарей «ложных друзей переводчика». Так, известны словари, верифицирующие мнимые параллели между русским языком и английским [Акуленко 1969; Краснов 2004], испанским [Канонич 2001], немецким [Готлиб 1972], польским [Birbrajer 1987; Kozelewski 1959; Kusal 2002], чешским [Vlček 1966; Журавлёв, Захаров 1977], церковнославянским [Седакова 2005] и др. языками. Параллельные двуязычные словники, содержащие минимальную лингвистическую информацию, сейчас можно обнаружить в сети Интернет. Авторы этих словарей зачастую не указаны (исключение составляет разве что словарь Г. Урядова [Урядов [http](http://)]). На многих сайтах представлены выжимки из словарей В. В. Акуленко, К. Г. Готлиба, К. В. Краснова, И. Козелевского и др., в которых отражены лишь межъязыковые омонимы и их перевод. Обилие параллельных мини-словников «ложных друзей переводчика» на сайтах, посвящённых изучению языков и переводу, свидетельствует о спросе на подобную информацию и недостаточную заполненность этой ниши научными изданиями.

При составлении любого словаря встаёт вопрос, как должна выглядеть словарная статья, какую лингвистическую информацию она должна заключать. С одной стороны, пользователи сети Интернет подталкивают нас к мысли, что безусловно необходимой информацией являются только сами параллельные формы и их суженные до одного слова значения в сопоставляемых языках. Вот как, напр., подан материал в словацко-русском словаре Г. Урядова [Урядов [http](http://)]:

bábka — кукла; марионетка
бабка — babka, babička, starká
bezcnenný — ничего не стоящий, малоценный
бесценный — neoceniteľný; drahocenný
bezpečný — безопасный, достоверный
беспечный — bezstarostný; ľahostajný; ľahkomyselný; nedbanlivý.

Безусловно, для перевода простых учебных текстов и для увлекательного сопоставительного чтения этот словарь вполне годится, но для научного изучения явления, для точного понимания оттенков значения и функционирования семантически разводимых в словаре слов информации оказывается недостаточно.

С другой стороны, научные издания подсказывают нам, насколько информативной должна быть словарная статья, описывающая коррелятивную пару «ложных друзей переводчика».

Лингвистическая информативность всех проанализированных нами словарей «ложных друзей переводчика» реализуется в нескольких аспектах. Они соотносятся как с отбором исходного материала, так и с его анализом.

При отборе материала важными критериями являются, во-первых, формальное сходство межъязыковых коррелятов, во-вторых, их семантическое несовпадение. В соответствии с этими критериями в проанализированных нами словарях представлены а) межъязыковые омонимы [Акуленко 1969; Готлиб 1972; Журавлев, Захаров 1977; Канонич 2001; Краснов 2004; Седакова 2005; Урядов <http://Birbrajer> 1987; Kozielewski 1959; Kusal 2002; Vlček 1966]; б) межъязыковые паронимы [Акуленко 1969; Готлиб 1972; Журавлёв, Захаров 1977; Канонич 2001; Краснов 2004; Седакова 2005; Vlček 1966]; в) смысловые варианты [Акуленко 1969; Готлиб 1972; Канонич 2001; Краснов 2004; Седакова 2005]; г) стилистические варианты [Готлиб 1972; Краснов 2004]. Помимо всего этого, на наш взгляд, к «ложным друзьям переводчика» следует отнести также безэквивалентные лексемы, значение которых можно легко (но неправильно) вывести, исходя из интуитивного соотнесения с графически и семантически знакомым корнем (иногда квазикорнем): ср. польск. *bezzasadny* 'необоснованный' и предлагаемые студентами переводы на русский язык — 'ничем не засаженная территория'; 'без засады, открытый'. К сожалению, ни в одном из проанализированных нами словарей нет прямого указания на характер расхождения сопоставляемых пар, что было бы нелишним в учебном издании.

Следующий аспект лингвистической информативности словарной статьи связан с кратким толкованием сопоставляемых слов. И с точки зрения обучения, и с точки зрения переводческой деятельности, и с точки зрения возможности дальнейшего научного изучения явления важным оказывается максимальное количество приводимых значений многозначных слов, а также разграничение внутриязыковых омонимов и паронимов. Это необходимо для выявления многозначных слов с частично несовпадающими значениями. Так, в польско-русской коррелятивной паре *chleb* — *хлеб* первые три значения полностью совпадают, поэтому не могут вызывать затруднений при переводе: 1) пищевой продукт, выпекаемый из муки; 2) злаки, размалываемые на муку; 3) пропитание. Но в русском языке есть ещё одно значение: 'средства к существованию', эквивалентом которого в польском языке выступает лексема *pieniądze*; в польском языке сформировались значения, отсутствующие у русской лексики *хлеб*: 'повседневная пища, без изысков, не праздничная' (*Kaczka to nie jest chleb, to jedzenie świąteczne* 'Утка — это пища не повседневная, а праздничная'), 'обыденные вещи, нечто повседневное' (*To wszystko jest chlebem* 'Это всё повседневность'). Иллюстрации из печатных изданий и интернет-наблюдений помогут пользователю словаря лучше понять особенность употребления коррелятов.

Значимую лингвистическую информацию несут и грамматические пометы. Почти во всех проанализированных нами словарях в качестве «ложных друзей переводчика» (межъязыковых омонимов и паронимов) рассматриваются только слова, относящиеся к одной части речи, причём сопоставляются исключительно знаменательные части речи (чаще всего существительные, прилагательные, глаголы и наречия). Исключением является словарь К. Кусаля [Kusal 2002], в котором автор сопоставляет даже предложно-именные сочетания с именами (*za rok* 'через

год' — *зарок*). Этот подход кажется нам вполне оправданным, так как позволяет развести существительное и прилагательное (*chrupki* 'хрустящие хлебцы' — *xрупкий, jedynak* 'единственный сын' — *одинок*), наречие и существительное (*kiedy* 'когда' — *кеды, jutro* 'завтра' — утро). Грамматические пометы помогут установить, в каких формах слова может возникнуть переводческая ошибка. Грамматические пометы при существительном должны содержать указание на род, одушевлённость, совпадающие словоизменительные формы; при прилагательном и числительном — на совпадающие словоизменительные формы; при глаголе — на вид, переходность, совпадающие словоизменительные формы; при служебных частях речи — на неизменяемость, характер выражаемых отношений.

Авторы почти всех анализируемых словарей обращают внимание на стилистическую принадлежность и сферу употребления коррелятов. Как правило, пометы даются в соответствии с общепринятыми в толковых словарях. На наш взгляд, такая информация необходима, так как она снимает возможность стилистически неправомерного употребления слов при переводе текстов.

Несмотря на то что в словарях «ложных друзей переводчика» опускается информация о происхождении слов, нам кажется правомерным её включение в словарь, посвященный польско-русским коррелятам. Эти сведения позволяют выявить причины появления «ложных друзей». Проанализированный нами польско-русский материал позволяет говорить о причинах внутриязыковых, когда совпадение звучания разных слов происходит за счёт фонетических преобразований, а образование новых значений в одном из языков — за счёт семантических сдвигов, — и о причинах, связанных с межэтнической коммуникацией. Так, сближение польского слова *stół* [stuu] 'стол' и русского слова *стул* [stul] оказалось возможным только после фонетического процесса падения редуцированных, которое вызвало сначала удлинение гласного [o] в закрытом слоге, а затем — его лабиализацию. Межэтническая коммуникация привела к проникновению в польский язык общеевропейского заимствования из тюркского языка (посредством чешского) обозначения икры — *kawiar*. Слово происходит от названия крымского города Каффа, где осуществлялась самая крупная продажа черноморского лакомства [Boryś 2006: 277]. Русский же коррелят *ковёр* исследователи считают собственно русским производным от глагола *ковать*: *кованый платок*, то есть весь протканый золотом, серебром; на юге кованый — 'пёстрый', 'рябой', 'крапчатый' [Черных, 1, 1999: 408]. Кроме того, историко-этимологическая информация является ещё одним критерием в выявлении характера расхождения коррелятов.

Таким образом, словарные статьи, посвящённые польско-русским «ложным друзьям переводчика», должны содержать сведения о характере расхождения коррелятов, их значениях, грамматических и стилистических особенностях употребления, а также об их этимологии. Поскольку словарь адресован прежде всего носителям русского языка, первым словом статьи должен быть польский коррелят.

ЛИТЕРАТУРА

Акуленко В. В. [и др.]. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / под ред. В. В. Акуленко — М.: Сов. энцикл., 1969. — 384 с.

- Готлиб К. Г. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». — М.: Сов. энцикл., 1972. — 448 с.
- Журавлёв А. И., Захаров С. С. «Ложные друзья» переводчика с чешского языка. — М.: ВЦП, 1977. — 130 с.
- Канонич С. И. 300 ложных друзей переводчика. Испанско-русский словарь-справочник. — М.: Менеджер, 2001. — 112 с.
- Краснов К. В. Англо-русский словарь «ложных друзей переводчика». — М.: ЭРА, 2004. — 80 с.
- Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы: материалы к словарю. — М.: Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 2005. — 432 с.
- Урядов Г. Словацко-русский словарь. Ложные друзья переводчика. — 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovník.org> (дата обращения: 05.04.2011).
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. — М.: Рус. яз., 1999.
- Birbrajer J. Friends and false friends: a dictionary of “false friends” between Polish and Russian with an English translation of all entries. — Stockholm, 1987.
- Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. — Kraków: Wydawnictwo literackie, 2006. — 862 s.
- Kozielewski I. Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim i polskim. — Warszawa, 1959. — 100 s.
- Kusál K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych. — Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. — 190 s.
- Vlček J. Úskali ruské slovní zásoby: slovník rusko-české homonymie a paronymie. — Praha: Svet sovětů, 1966. — 229 s.

LINGUISTIC OF DICTIONARY ENTRY INFORMATIVITY (ON THE PROJECT OF POLISH-RUSSIAN DICTIONARY OF “TRANSLATOR’S FALSE FRIENDS”)

I. A. Shusharina

The paper analyzes linguistic information a dictionary entry should contain regarding every pair of ‘translator’s false friends’. On the one hand, the entry should not be overloaded with information; on the other hand, it must contain relevant information about the correlates, which would make possible further comparative linguistic study and high-quality translations. The analysis is done within the framework of “The Polish-Russian Dictionary of “Translator’s False Friends” project.

Key words: dictionary entry, translator’s false friends, informativity, interpretation, usage labels.

Н. П. Андрюшина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МИНИМУМЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ПРОБЛЕМА ОТБОРА ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье представлена градуальная серия лексических минимумов по русскому языку как иностранному; рассказывается об особенностях распределения лексики согласно уровням владения русским языком. Анализируются такие теоретические проблемы, как способность словарей обеспечивать межкультурную коммуникацию, определение объёма списка прецедентных имён, критерии отбора паремиологических единиц.

Ключевые слова: лексический минимум, тестирование, русский язык как иностранный, уровень владения.

Российская система тестирования разрабатывалась с целью объективного, технологичного и максимально точного измерения уровня владения русским языком иностранными гражданами и его сертификации. В системе выделяется 6 уровней владения — Элементарный, Базовый, Первый, Второй, Третий и Четвёртый сертификационные уровни, которые соответствуют уровням А1, А2, В1, В2, С1, С2 европейской системы владения иностранными языками [Общеввропейские... 2003: 23]. За каждым из названных уровней закреплён определённый лексико-грамматический материал, для каждого уровня существуют Стандарты (или Требования), содержащие перечень интенций, ситуаций общения, грамматический материал, т. е. в сжатой форме излагающие требования к коммуникативной, речевой и языковой компетенции.

Одним из основных компонентов системы тестирования (ТРКИ) стала градуальная серия лексических минимумов. В настоящее время опубликованы и активно применяются лексические минимумы Элементарного уровня (780 слов), Базового уровня (1300 слов), Первого сертификационного уровня (2300 слов), II сертификационного уровня (немногим более 5000 единиц) [Андрюшина 2004], ведётся работа по составлению лексического минимума Третьего сертификационного уровня, его объём должен составить примерно 10500 единиц.

Создание системы тезаурусов способствует конкретизации объёма и границ уровней владения русским языком как иностранным (так, удвоение освоенного лексического материала свидетельствует о переходе иностранца на следующий уровень владения русским языком), а также продиктовано необходимостью составить фиксированные поуровневые словари, способствующие повышению валидности тестовых материалов, помочь иностранным гражданам при подготовке к тестированию, а тестерам — адекватно оценить его результаты и т. д. Указанные объёмы словарей обеспечивают иностранным гражданам решение коммуникативных задач, ориентированных на соответствующий уровень владения языком. Использование лексических минимумов при изучении русского языка и при под-

Андрюшина Наталья Павловна — кандидат филологических наук, доцент Центра международного образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, E-mail: msu-andrushina@yandex.ru

готовке к тестированию делает работу иностранцев более осмысленной и целенаправленной. В то же время авторы учебников, учебных пособий, методических рекомендаций получают чёткое представление о допустимой сложности создаваемого учебного материала. Таким образом, градуальную серию лексических минимумов вряд ли разумно считать чисто учебной, она многофункциональна, что подтверждается её высокой востребованностью.

Однако признание и активное использование словариков отнюдь не означает, что решены все теоретические и практические вопросы, встающие перед составителями словарей любого типа. Это не только определение объёма и содержания словарных статей и иллюстраций, не только выработка основных принципов отбора лексики. Напр., до сих пор ведётся обсуждение вопроса об оптимальном количестве слов на каждом из выделенных уровней владения русским языком как иностранным.

При работе по составлению лексических минимумов по-новому высветились стороны, на которые ранее практически не обращалось внимания. Только теперь начинает осознаваться проблема отражения в словариках специфики русского языка как иностранного (РКИ). На этапе становления системы тестирования этот вопрос не стоял столь остро, ибо самыми востребованными по праву считались Базовый и Первый сертификационный уровни, на содержание словариков которых значительно повлияла лексика, отобранная в процессе обучения на подготовительных факультетах российских вузов, вследствие чего многие считали, что лексический минимум данных уровней уже определён. При этом редко кто задумывался о том, в какой степени на ранних этапах изучения РКИ лексика Элементарного, Базового и Первого уровней должна обеспечивать иностранцам возможность осуществлять коммуникацию не только в учебной, но и в бытовой и социокультурной сферах (хотя в Стандарте данных уровней эти сферы общения зафиксированы). В связи с этим было бы целесообразно скорректировать перечень ситуаций общения и уже на Элементарном уровне ввести в минимум единицы, помогающие осуществлению коммуникации в привычных ситуациях (например, прибытие иностранца в российский аэропорт).

Разумеется, в минимумы низких уровней владения РКИ прежде всего были введены базовые понятия, которые составляют ядро любого языка и отражают «необходимые стороны жизни человека» [Бабенко 2010: 9], напр., термины родства (*бабушка, дети, родители*), обозначение возраста (*ребёнок, старость*), наименование профессий (*преподаватель, художник*), транспорта (*поезд, трамвай*), предметов быта (*лампа, нож, шапка, печенье*), названия городских учреждений (*магазин, театр, школа*), оценочные слова (*молодец, хороший*) и т.д. Основная часть этих слов принадлежит к безэквивалентной лексике, ограниченно представлена эмотивная лексика (*рад, доволен, приятно*), небольшое количество коннотативной лексики представлено без каких-либо комментариев.

Оставляя за рамками статьи обсуждение такого немаловажного вопроса, как величина словариков, отметим, что в силу предельной минимизации объёма лексики на Элементарном и Базовом уровнях не прослеживалась представленность в них всех словообразовательных моделей, перечисленных в соответствующих Стандартах. Тем не менее в определённой мере эти модели присутствуют, обеспечивая понимание и продукцию потенциальной лексики.

Иная картина наблюдается на более высоком уровне владения РКИ — Втором сертификационном (в перспективе и на Третьем уровне). Естественно, в лексическом минимуме данного уровня представлены все словообразовательные модели, перечисленные в Стандарте. В процессе подготовки словника был проведён сравнительный анализ отобранной для него лексики и словников аналогичного объема 30-летней давности, а также «Толкового словаря русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.). Анализ показал, что изменения, происходящие в лексике, достаточно ощутимы. Бурно идёт процесс вхождения в повседневный обиход слов, обозначающих новые явления действительности (*банкомат, инвестор, флешка* и др.), отмечается значительная активизация слов, ранее считавшихся устаревшими или редко употребляемыми (*банкир, беженцы, визитка, губернатор, террорист* и пр.). Составители лексического минимума постарались учесть упомянутые тенденции.

Помимо лексики предыдущих уровней, в словаре Второго уровня представлены слова, позволяющие иностранцам не только успешно осуществлять коммуникацию в значительно более широком круге ситуаций общения, но и участвовать, как предусмотрено Стандартом, в обсуждении многих актуальных проблем социально-культурного и общегуманистического характера. Например, увеличено количество слов, обозначающих явления природы (*вулкан, град, гроза*), относящихся к сфере искусства (*гравюра, премьера, скульптура*), к религиозной сфере (*икона, мусульманство, православный, молиться*); в словнике отражены такие тематические пласты, как продукты питания (*варенье, гречка, дыня, кисель*), техника (*калькулятор, пылесос*), предметы быта (*кастрюля, крем, лампочка*), экономика (*клиент, конкуренция, контракт*) и др., т. е. последовательно расширялись все тематические группы, представленные в словнике предыдущего уровня, в том числе достаточно полно представлена и эмотивная лексика (*напряжённый, возмущаться, злиться, эмоционально*). Большое внимание было уделено лексике, называющей абстрактные понятия (*ирония, коррупция, ненависть, ложь, патриотизм*). При этом в состав минимума, помимо нейтральной лексики, вошли слова разговорного стиля. Заметим, что лексический минимум Третьего уровня будет содержать лексику как нейтрального и разговорного стиля, так и высокого, книжного, официально-делового и просторечного стилей. Таким образом, тезаурус данного уровня в значительной степени будет отражать стилистическое многообразие русского языка.

Ещё одной задачей, которую призваны решить лексические минимумы высоких уровней владения РКИ, является обеспечение межкультурной коммуникации представителей разных народов. Хотя этой проблеме посвящено большое количество публикаций, выделение основных функциональных единиц лингвокультурологии (прецедентные имена, прецедентные ситуации, тексты, высказывания) [Брилёва 2004: 17], с которыми обязательно должен быть знаком иностранец, и распределение их по уровням владения языком разработчиками Российской системы уровней владения РКИ до сих пор не рассматривались. А ведь без изучения определённого количества прецедентных имен, высказываний, текстов представитель иной культуры не сможет понять ни мотивации поведения героев литературных произведений (а также героев фильмов и спектаклей), ни реакции носителей русского языка в тех или иных ситуациях. Т. е. без изучения лингвокультурологии

можно ожидать многочисленных сбоев при межкультурной коммуникации на любом уровне (особенно на высоких) владения русским языком.

Отсутствие фиксированного поуровневого списка культурологических элементов в какой-то степени компенсируют Лексические минимумы Второго и Третьего уровней, в Приложениях которых введён раздел, содержащий перечень фразеологизмов и устойчивых сочетаний. Благодаря этому разделу пользователи (как иностранцы, изучающие русский язык, так и преподаватели, а также авторы учебников и учебных пособий) могут получить представление о языковых единицах, отражающих русскую национальную картину мира и «особенности ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12].

Введение данных перечней является первой попыткой огромной работы по определению оптимального объема и содержания паремиологических единиц, попыткой количественно и качественно определить состав прецедентных высказываний применительно к уровням владения РКИ. Исследование этого вопроса требует не рассмотрения списков на отдельно взятом уровне владения РКИ, а системного подхода. В дальнейшем, помимо фразеологизмов и устойчивых словосочетаний, необходимо ввести в состав лексических минимумов Второго и Третьего уровней также список прецедентных имён, включая и зоонимы. Прецедентные имена могут быть отражены и в основном словнике в виде выделяемых лексических значений. Напр., слово *медведь* может называть не только крупное хищное животное, но и неповоротливого, неуклюжего человека.

Анализируя данную сторону содержания лексических минимумов, надо учитывать, что при работе над словниками составители не ставили перед собой задачи хотя бы в неполной мере представить элементы лингвокультурологической компетенции (вероятно, это будет сделано на следующем этапе работы над лексическими минимумами). Проблема отражения в словниках лингвокультурологической компетенции вообще исследована очень слабо: нет чётких критериев отбора прецедентных единиц, неясно, насколько велик должен быть минимально достаточный список этих единиц на каждом уровне владения РКИ. В качестве критерия отбора предлагалось, как и при отборе лексики основной части минимумов, использовать частотность, однако серьёзного анализа частотности употребления фразеологизмов не проводилось. В качестве ещё одного критерия упоминалась стилистическая окрашенность, но практически все фразеологизмы являются стилистически окрашенными. Большие сомнения вызывает и предлагаемая в качестве критерия страноведческая ценность фразеологизмов [Фарзана 2010:173]. Более приемлемой представляется коммуникативная ценность, но, к сожалению, данный критерий пока не разработан и не исследован.

Фразеологический раздел Приложения лексического минимума Второго уровня содержит 145 единиц, но в процессе его использования стало очевидно, что часть этого списка следует перенести на Первый уровень, а перечень паремиологических единиц Второго уровня целесообразно увеличить примерно до 250 единиц. При работе над аналогичным разделом Третьего уровня составители пришли к выводу, что его объём должен составить не менее 500 единиц (именно такой объём имеют многие современные фразеологические минимумы). Учитывая приведённые выше аргументы и соображения, можно констатировать, что

проблема разработки поуровневых фразеологических минимумов для иностранцев, изучающих русский язык, всё ещё ожидает своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

Андрюшина Н. П. Лексический минимум II сертификационного уровня как компонент государственной системы тестирования по РКИ // Valoda — 2004. Lingvistikas didaktikas problēmas. Zinātniski metodisko rakstu krājums XIII. — Daugavpils: Daugavpils Universitāte, 2004. — С. 106–111.

Бабенко Л. Г. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации. Проспект словаря. — Екатеринбург: УрГУ, 2010. — 340 с.

Брилёва И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. — М.: Гнозис, 2004. — Вып. I. — 318 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. — Страсбург: Департамент по языковой политике, 2003. — 256 с.

Фарзана Шафии. Место фразеологии в преподавании РКИ: критерии отбора фразеологических единиц для изучения в иностранной аудитории // IV междунар. науч.-практ. конф. «Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме». — М.: Макс Пресс, 2010. — С. 172–174.

BASIC DICTIONARY FOR RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE (THE CHOICE OF WORDS AND SET PHRASES)

N. P. Andryushina

The article presents a number of gradable basic dictionaries for Russian as a second language, covers vocabulary distribution throughout the Russian language proficiency levels. It also analyzes theoretical issues concerning cross-cultural communication properties of basic dictionaries, lists of precedent names, and criteria for selecting paremia.

Key words: Basic dictionary, testing, Russian as a foreign language, proficiency level.

© 2011

Г. Ф. Богачева

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КОМПЛЕКСНОМ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются функции фразеологизмов в комплексном объяснительном словаре. Основной функцией признаётся презентация фразеологической ценности заголовочных единиц (как одной из сторон их относительной ценности), производимая объяснительным способом в соответствующей зоне словарной статьи. Вспомогательной является функция указания на наличие в значении заголовочного слова фоновых сем, носящих страноведческий, национальный и т. п. характер. Такое указание основывается на некоторой координации, ассоциативной связи между такими семами и фразеологической единицей и производится демонстрирующим способом.

Ключевые слова: объяснительный словарь, семный состав заголовочного слова, фразеологическая ценность слова, отражение семантики слова во фразеологической единице.

Приступая к заявленной теме, считаем нужным объяснить своё понимание определения «комплексный» в применении к термину *словарь*. Как представляется, оно не так прозрачно, как может показаться. Естественно, что комплексный словарь — это словарь, представляющий множество сведений в некоторой организованной совокупности. Вопрос состоит в том, какому принципу подчиняется организация сведений в словаре: исключительно формальному, где каждый «квант» информации находится на своём месте, но существует как бы сам по себе; или такому, в котором отражались бы связи и отношения не только между отдельными единицами словника, но и внутри словарной статьи отдельные «кванты» соотносились бы и поддерживали друг друга, усиливая тем самым информационный потенциал словарного описания? Представляется очевидным, что в полной мере комплексным следует считать словарь, созданный в соответствии со вторым принципом¹. Именно таким должен стать, как мы надеемся, «Всеохватный объяснительный словарь: Лексическое ядро русского языка», работа над которым завершается в Институте русского языка им. А. С. Пушкина.

Комплексное представление информации в указанном словаре отражает принцип системности, лежащий в основе организации как самой лексической системы языка, так и отдельных её единиц. В самом общем виде это значит, что каждая из характеристик лексической единицы (семантическая, парадигматическая, син-

Богачева Галина Федоровна — старший научный сотрудник Отдела учебной лексикографии Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. E-mail: bogatchevanastja@rambler.ru

¹ Лексикографирование, осуществляемое на основе этого принципа, иногда называют синергетическим. Суть его состоит в том, что разнесённая по разным зонам словарной статьи именованная семантизирующая информация помимо самоценности должна обладать ещё и общеинтерпретационной ценностью, т. е. свойством быть основанием для развёртывания некоторого информационного комплекса, относящегося к другим композиционным фрагментам словарной статьи. Иначе говоря, наличие такой ценностной характеристики предполагает указание, проявление и, может быть, даже порождение информации, не обнаруживающей эксплицитной связи с тем параметром, который раскрывается в данной словарной зоне, ср., напр., существующее, но не обнаруживаемое явно соотношение значения слова и присущих ему сочетаемостных рядов.

тагматическая, деривационная и т. д.) рассматривается в тесной связи с другими и таким образом, чтобы стало ясным их взаимовлияние и их взаимозависимость.

Принцип комплексности может осуществляться как по отношению к содержанию словаря в целом, так и в отношении содержания отдельной словарной статьи. В первом случае он проявляется как отражение системных связей отдельных групп слов, образуемых на разных основаниях (синонимическом, антонимическом, родо-видовом, стилистическом и т. д.). Во втором — он определяет отражение внутренней системности слова. Под внутренней системностью слова понимаем многочисленные связи лексической единицы (её лексико-семантических вариантов (ЛСВ), обусловленные её абсолютной ценностью и, более конкретно, её семным составом.

Семантика ЛСВ неоднородна. Она может быть представлена в виде определённой системы сем разного качества и разного статуса. Применительно к объяснительному словарю эти семы можно разделить на такие, которые отражаются в толковании, и такие, которые остаются за его пределами. Поскольку толкование ЛСВ обычно нацелено на отражение прежде всего сигнификативного значения, включаемые в него семы носят название сигнификативных (они разделяются на интегральные и дифференциальные). Семы, которые остаются за пределами толкования рассматриваемого ЛСВ, — это фоновые семы. Они связаны с сигнификативными отношениями импликации, или подразумевания. Фоновые семы могут рассматриваться с точки зрения их эпидигматической, страноведческой, культурологической и т. д. значимости. Как правило, они отличаются тем, что вызывают устойчивые культурологические, исторические, бытовые и т. п. реминисценции, связанные у носителей языка с определённой лексической единицей. Напр., слово *сентябрь* связано с представлением о начале школьных занятий; слово *самовар* ассоциативно связано с названием *Тула*; слово *профессор* — с выражением *профессор кислых щей* и т. д. Именно устойчивость таких ассоциаций является причиной невключения в словарь для носителей языка соответствующей информации (точнее, некоторых её частей) — им она известна и так; в то время как иноязычному адресату она необходима, поскольку полноценного владения языком без представления о фоновых семах быть не может.

Следовательно, для того чтобы словарная семантизация была адекватна, она должна включать в себя обнаружение не только сигнификативных, но и фоновых сем. Такое обнаружение может носить объяснительный характер, а может быть демонстрирующим. В качестве одного из способов демонстрирующего обнаружения определённых сем может рассматриваться указание на них с помощью фразеологических единиц (ФЕ) и других несвободных речений. Такое указание мы рассматриваем как одну из функций ФЕ в комплексном словаре. Более того, представляется, что именно наличие регулярной ассоциативной семантической связи между лексической и фразеологической единицей в определённых случаях может считаться основанием для включения данной ФЕ в словарь для иноязычного пользователя.

В интересах прежде всего создания словарей, преподавания РКИ и в рамках словарной лексикологии, разрабатываемой в Отделе учебной лексикографии Института русского языка им. А. С. Пушкина, В. В. Морковкиным была предложена типология сем, один из фрагментов которой безусловно имеет отношение к на-

званной выше функции ФЕ. Интересующий нас тип сем выделяется в рамках качественно-характеризующей классификации (её назначение — устранить неопределённость относительно их информационной неоднородности) на основании характера отражаемого ими признака. Внутри этого типа наряду с другими (которые здесь не рассматриваются) называются т. н. ассоциативные семы, которые отражают разного рода «побочные» представления, вызываемые у носителей языка денотатом соответствующего слова.

Рассмотрим виды данных сем с точки зрения указания на их наличие в значении слова посредством приведения соответствующей ФЕ.

Первый вид сем, относимых к ассоциативному типу, — социально обусловленные семы. Они указывают на разного рода признаки денотата, связанные в сознании носителя языка с явлениями и течением общественной, социальной жизни, истории и т. д. С подобными семами могут быть связаны, напр., такие ФЕ, как *проходной балл* (при слове *балл*); *кровавая баня* (при слове *баня*); *венчаться на царство* (при слове *венчаться*); *вечная слава, вечная память* (при слове *вечный*); *вор в законе* (при слове *вор*); *вызвать на ковёр* (при словах *вызвать, ковёр*); *водить хлеб-соль* с кем-л. (при слове *водить*); *с суконным рылом [да] в калашный ряд* (при слове *ряд*) и т. д.²

Второй вид ассоциативных сем — традиционно обусловленные. Это семы, эксплицирующие традиционные представления о признаках денотата. Такие семы порождают ФЕ типа *первый блин комом* (при словах *блин, первый*); *Вот [тебе] Бог, [а] вот порог* (при словах *Бог, порог*); *Бог любит троицу* (при словах *бог, троица*); *Была бы водка, а к ней селёдка, всё остальное трын-трава* (при слове *водка*); *волк зубами щёлк* (при слове *волк*); *вопрос на засыпку* (при слове *вопрос*) и т. д.

Третий вид ассоциативных сем — идеализирующие семы, отражающие те признаки денотата, которые, по мнению носителей языка, формируют идеальный, эталонный или типичный образ денотата. С ними могут быть связаны следующие ФЕ: *лежащего не бьют* (при слове *бить*); *старого воробья на мякине не проведёшь* (слово *воробей*); *травленный волк* (слово *волк*); *врёт как сивый мерин* (при слове *врать*); *семи пядей во лбу* (при словах *семь, лоб*); *первый парень на деревне* (при словах *парень, деревня*); *мал золотник да дорог* (слова *малый, дорогой*); *без царя в голове* (слова *голова, царь*) и т. д.

И наконец, четвёртый вид ассоциативных сем — собственно страноведческие семы, которые указывают на национально-культурные особенности денотата. Они могут ассоциироваться с такими, напр., ФЕ, как *ехать в Тулу со своим самоваром* (слова *ехать, самовар*); *Не всё коту масленица [будет и Великий пост]* (при словах *масленица, пост*); *встать с левой (не с той) ноги* (слова *встать, левый, нога*); *ставить всякое лыко в строку* (при слове *всякий*); *вторые рамы* (слова *второй, рама*); *выносить сор из избы, хоть святых выноси* (при слове *вынести*); *водить хоровод* (при слове *водить*); *начать за здоровье, кончить за упокой* (слова *начать, кончить*) и т. д.

² Очевидно, рассматривая ФЕ в данном ракурсе, их следует приводить именно при том слове, с которым они ассоциативно связаны, на которое они указывают. Однако, чтобы решить чисто техническую проблему удобства поиска ФЕ в массиве словаря, они, за некоторыми исключениями, приводятся с толкованием при опорном слове и с отсылками к нему — при всех остальных.

Многие из перечисленных сем не могут быть квалифицированы однозначно, т. е. как принадлежащие к одному из указанных типов, следовательно, не могут быть однозначно охарактеризованы и связанные с ними ФЕ.

Справедливости ради следует отметить, что и сигнификативные семы могут координироваться с определёнными ФЕ. Так, напр., слово *каша* связано с фразеологизмами *заваривать кашу* (актуализируется интегральная сема 'кушанье'); *расхлёбывать кашу* (актуализируется дифференциальная сема 'жидкое (кушанье)'); *каша в голове* у кого-л. (актуализируется сема переносного значения данного слова 'беспорядок, мешанина'). Соотношение «сема — ФЕ» в этом случае прослеживается значительно чётче, свидетельство чему — возможность ясно указать, с какой именно семой координируется приводимая ФЕ. Смысловое содержание фоновых сем не всегда так определённо, их интерпретация допускает значительную свободу и вариативность³ (разумеется, в пределах заданного смыслового пространства), потому и к определению их связей с ФЕ следует относиться с особой тщательностью.

В сравнении с ФЕ, национально-культурная, страноведческая окраска которых не столь ярка или вообще интернациональна, корпус ассоциативно координированных ФЕ не столь велик, однако, как кажется, их значимость в производстве текстов, придании им дополнительных, часто неформальных, смыслов трудно переоценить.

Описанная выше функция обнаружения фоновых (прежде всего) сем, входящих в структуру абсолютной ценности слова, не является единственной из выполняемых ФЕ в словаре. Более того, она не является основной. Основная функция ФЕ в словаре — представление фразеологического уровня лексической системы как одной из ипостасей относительной ценности слова (ЛСВ), выявляемой в области его отношений с другими единицами. В данном случае эти отношения определяются вхождением слова в разного рода неоднословные устойчивые единицы. Включение таких единиц в словарь обусловлено, во-первых, целями, которые перед ним ставятся (в нашем случае — обучение и обеспечение необходимым материалом для производства и восприятия речи), а во-вторых, актуальностью данной единицы как с точки зрения современного языкового сознания носителя языка, так и с точки зрения раскрытия её страноведческого и национально-культурного потенциала. Ни о каком демонстрирующем способе представления таких единиц в словаре, разумеется, нет и речи — каждая из них получает своё развёрнутое толкование.

Таким образом, применительно к ФЕ в комплексном объяснительном словаре для иноязычных учащихся можно говорить по крайней мере о двух функциях: основной, суть которой состоит в представлении фразеологической ценности заголовочной единицы посредством приведения и объяснения связанных с ней ФЕ в заданной зоне словарной статьи (тем самым раскрывается определённая сторона относительной ценности слова как одна из его системных характеристик); и вспомогательной, состоящей в демонстрирующем указании посредством ФЕ на некоторые ассоциативные страноведчески, национально и культурно значимые

³ Именно поэтому мы не стали называть те ассоциативные семы, которые, по нашему мнению, раскрываются посредством ФЕ в приводимых выше примерах.

фоновые семы, формирующие абсолютную ценность того или иного ЛСВ заголовочного слова.

SET EXPRESSIONS FUNCTIONS IN A COMPREHENSIVE EXPLANATORY RUSSIAN DICTIONARY FOR FOREIGN USERS

G. F. Bogacheva

The article deals with functions of set expressions in a comprehensive explanatory dictionary. Explanatory presentation of head word phraseological value in a respective zone of the vocabulary entry is recognized as the main function. Auxiliary function consists in head word background semes of cultural, ethnic character, etc., which is based on certain associative connections between such semantic components and set expressions and is presented by way of illustration.

Key words: explanatory dictionary, semantic composition of head word, phraseological value of a word, word meaning as reflected in set expressions.

© 2011

Т. В. Колесникова

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ К СПЕЦКУРСУ «НОВОСТНАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ПЕРЕДАЧА»

Статья посвящена принципам создания словаря, в который войдут термины, используемые в новостном телевизионном вещании. Данный словарь поможет студентам-журналистам свободно ориентироваться в содержании дисциплины, изучить принципы построения новостного телевизионного текста и понять его специфику.

Ключевые слова: термин, новостной телевизионный текст.

Для студентов-журналистов разрабатываются различные дисциплины, спецкурсы, спецсеминары, мастер-классы, учебные программы которых направлены на повышение уровня подготовки: «Работа на радио: творчество, жанры, идеология, техника», «Делаем журнал. Вопросы практики», «Журналистика расследования: настоящее и будущее», «Изобразительный материал в современной прессе», «Выпуск учебной газеты, радио- и телепрограммы» и т. п. В этом разнообразии мы не нашли для студентов, обучающихся по направлению «Телевидение», конкретного спецкурса или спецсеминара, который предполагал бы обучение в рамках информационного телевизионного вещания, напр., «Новостная телепередача: структура, содержание, специфика». Учебная программа данного спецкурса

Колесникова Татьяна Васильевна — аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: ztkoles@mail.ru

должна предполагать обучение студентов навыкам профессиональной работы в отделе новостей, методам поиска, обработки и проверки информации, приёмам создания и редактирования новостного текста. Необходимым подспорьем в такого рода спецкурсе должен стать терминологический словарь, в который войдут языковые единицы, отражающие структуру телевизионного новостного текста, специфические его черты, называющие его жанровые разновидности и т. п.

О. С. Ахманова под термином понимает «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимается, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 1969: 474].

Современный интернет-ресурс «Википедия» предлагает такое определение: **«Термин** (от лат. *Terminus* — предел, граница) — слово или словосочетание, точно и однозначно именуемое понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы. Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерными для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии» [Свободная энциклопедия [http](http://)].

Телевидение имеет свой терминологический аппарат, отличающийся от терминосистем других средств передачи информации. Такие единицы, как «шпигель», «стендап», «синхрон», называющие части новостного телевизионного текста, без особой подготовки не будут понятны студентам-журналистам. Поэтому и возникла идея создания словаря терминов, используемых в работе тележурналистов новостного вещания. Он позволит слушателям спецкурса свободно ориентироваться в содержании дисциплины, изучить принципы построения новостного телевизионного текста и понять его специфику.

Существующий «Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии», изданный под редакцией В. Егорова, не включает в себя даже малой части тех терминов, которые используются в работе новостного вещания. Данный факт ещё раз подтверждает необходимость создания учебного словаря для дисциплины «Новостная телепередача: структура, содержание, специфика».

Новостной телевизионный выпуск, продукт труда большого коллектива, — это профессионально отснятый материал, чётко смонтированный с написанным текстом. Многие исследователи называют выпуск телевизионных новостей совершенно особым видом текста. Как отмечает Т. Г. Добросклонская, этот текст «выходит за пределы вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию понятия 'текст', которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков» [Добросклонская 2004: 11]. Телевизионные новости включают в себя и вербальные компоненты, и видеоряд, и звуковое сопровождение, и графические элементы (название программы, титры, субтитры, анимация), и ряд сообщений на различные темы, которые, являясь самостоятельными произведениями, в то же время представляют собой части единого целого. Такие сообщения относительно описываемого события имеют свои жанровые отличия. Это и комментарии, и интервью, и репортажи, и видеоотчёты, и т. п. Такая сложная структура отличает телевизионный новостной текст от других своей гипертекстальностью. Как отмечает К. Д. Кирия, «это многослойный текст, на разных ярусах

которого представлены, в свою очередь, другие тексты, похожие друг на друга и в то же время разные» [Кирия 2007: 51].

Структурные части телевизионного новостного выпуска имеют свои названия. Термины *шапка*, *шпигель*, *лайф*, *отбивка* и т. д. при обучении студентов требуют дополнительного толкования. Подобные языковые единицы войдут в словарь, который не только поможет студентам овладеть профессиональными знаниями, но и сделает спецкурс интересным, информативным.

Предполагается, что словарь будет содержать и объяснять около 120 терминов, расположенных по алфавитному принципу. При отборе материала мы руководствуемся такими факторами, как частота употребления в структуре новостного телевизионного текста, в профессиональной речи тележурналистов. Количество словарных статей адекватно объёму спецкурса. Они представляют собой терминологическую систему, сформировавшуюся в чётко прослеживаемой сфере новостной тележурналистики.

В каждой словарной статье информация может быть размещена в 5 зонах: инициальной, грамматической, этимологической, семантической, иллюстративной. При этом обязательными зонами станут инициальная, грамматическая, семантическая и иллюстративная. Что же касается этимологической зоны, то она будет включаться только в те словарные статьи, где она будет необходима.

В **инициальной зоне** помещается термин, закреплённый языковой практикой новостного телевизионного вещания, в начальной форме, с обозначением ударения. Напр.:

Репорта́ж

Подво́дка

Грамматическая зона содержит указания на форму термина-существительного в род. падеже ед. числа и на принадлежность к роду:

Синхро́н, -а, *м.*

Ве́рстка, -и, *ж.*

Интервью́, нескл, *с.*

Этимологическая / культурологическая зона включает справку о происхождении термина. Она должна быть представлена в тех случаях, когда углубляет содержание термина:

Ранжи́рование, -я, *с.* Ранжир — из *нем.* *gangierung* 'распределение по порядку' от *франц.* *ganger* 'располагать'.

Семантическая зона включает толкование термина:

Ла́йф, -а, *м.*

◊ Элемент включения в сюжет живой картинки с живым звуком без закадрового текста.

Отво́дка, -и, *ж.*

◊ Текст ведущего новостей, завершающий репортаж, закадровый комментарий либо другой фрагмент программы.

Видеосюже́т, -а, *м.*

◊ Лаконичный репортаж в авторском изложении, в основе которого лежит факт, тема или идея.

В *иллюстративной зоне* приводятся примеры употребления термина в различных контекстах. Эта зона выделяется курсивом. Напр., для словарной статьи **Интервью** иллюстративная зона выглядит так:

Интервью нашего корреспондента; Эксклюзивное интервью Сергея Лаврова «Вестям» («Вести» Россия 11.11.09.).

А для словарной статьи **Прямое включение** иллюстративная зона выглядит так:

Прямое включение из Кремля; Митингующие под Верховной Радой сорвали прямое включение Первого канала («Новости» Первый канал 27.04.10.).

В целом словарная статья нам представляется такой:

Шпигель, -я, м.

◊ Элемент новостного выпуска, предваряющий его основную часть и представляющий собой заголовки, краткие анонсы основных тем.

Дно картечного заряда или боевого патрона, начиная с Петра I; задняя сторона корабля выше руля с голл.

Просчёт коммунальщиков и снова фатальные последствия: в Нижнем Новгороде ледяная глыба придавила подростку ногу. Конечность пришлось ампутировать; Тунис по-прежнему не гостеприимен. Сегодня его покинут ещё семьдесят восемь россиян. В стране создано правительство, но на лицах всё ещё опасно («Вести» Россия 18.01.11.).

Видеосюжет, -а, м.

◊ Лаконичный репортаж в авторском изложении, в основе которого лежит факт, тема или идея.

Видеосюжет о смене медицинских полисов; Художник Даниил Фёдоров в видеосюжете о вреде курения («Вести» Россия 01.06.10.).

Терминологический словарь новостного вещания, возможно, станет для студентов настольной книгой, которая должна сыграть существенную роль в профессиональной подготовке будущих тележурналистов.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энцикл., 1969. — 608 с.

Добросклонская Т. Г. Что такое медиалингвистика? // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — № 2 — С. 9–17.

Кирия К. Д. Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность: дис. ... канд. филол. наук, 2007. — 327 с.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: пособие для вузов. — М.: Дрофа, 2004. — 208 с.

Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 14.04.2011).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 3-е изд. стер. — СПб.: Терра: Азбука, 1996.

Шимчук Э. Г. Русская лексикография: учеб. пособие. — М.: МГУ, 2003. — 320 с.

PRINCIPLES UNDERLYING TERMINOLOGICAL DICTIONARY
FOR AN ELECTIVE COURSE "TV NEWS PROGRAM"

T. V. Kolesnikova

The paper deals with principles of compiling a dictionary of terms used in TV news programs. The dictionary would enable journalism majors to acquire a good understanding of the subject, to learn basic principles of a TV news text, and to understand its peculiarity.

Key words: term, TV news text.

© 2011

Е. В. Макарова

РЕЧЕТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРОЦЕСС
ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА

Словарь языковой личности формируется на основе речетворческой деятельности. В образовательном процессе такая деятельность продуктивна на уроке русского языка, где учащийся — развивающаяся языковая личность.

Ключевые слова: языковая личность, словарь языковой личности, речетворческая деятельность.

Сложность и многогранность проблем, связанных с понятием «языковая личность», позволяет рассматривать её сегодня с разных аспектов. Человека как языковую личность исследуют и лингвисты, и культурологи, и психологи, и методисты, и специалисты других областей. Языковая личность часто рассматривается в русле антропоцентрической парадигмы, где изучение языка находится в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурной и духовной жизнью. Языковая личность стоит в центре мироздания, относительно образования — в центре образовательного процесса. Эту личность, как отмечает Ю. Н. Караулов, «...следует трактовать не только как часть объёмного и многогранного понимания личности в психологии, не как ещё один из ракурсов её изучения <...> а как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломлённые через её язык, её дискурс» [Караулов 2003: 27].

Л. Г. Самотик отмечает, что в русистике «...сложился интерес к изучению языковой личности в двух направлениях: описание так называемой элитарной языковой личности, которую в большинстве случаев представляют писатели <...> и диалектной языковой личности, язык которой описывается на основе записи речи диалектологами» [Самотик 2008:102]. По её мнению «...особое значение

Макарова Елена Владиславовна — аспирант кафедры журналистики и речевой коммуникации Магнитогорского государственного университета. E-mail: lena_europa@mail.ru

при этом имеет лексикографический аспект исследования: в словаре индивида отражается «жизнь души» человека, круг его интересов и мировосприятие, через посредство языка высвечивается человеческая личность» [Самотик 2008: 102]. Мы считаем, что исследование языковой личности в лексикографическом аспекте актуально и на материале текстов и речи школьников, так как учащийся является развивающейся языковой личностью. Словарь языковой личности современного носителя исследуется недостаточно, что позволяет говорить о перспективности работы в данном направлении. Кроме того, исследователи подчёркивают, что большинство работ лексикографов основано на описании фрагментов языкового яруса личности, где описываются особенности интонации, варианты лексики и др., а отсутствие системного, комплексного описания лексикона языковой личности свидетельствует о наличии проблемы создания словарей такого типа. Словарь языковой личности школьника, как мы полагаем, активно обогащается на уроках русского языка и литературы, так как учащийся непосредственно «работает» со словом. Словесное речетворчество на уроке русского языка не может не отразиться на словаре языковой личности школьника. Как отмечает В. М. Борисова, «обобщённые идеи, понятия, концепты складываются у каждой языковой индивидуальности в упорядоченную картину мира» [Борисова 2006: 187].

Исследуя проблему создания словаря языковой личности, необходимо, прежде всего, чётко определить само понятие «языковая личность». По мнению В. П. Тимофеева, «языковая личность» постоянно изменяется [Тимофеев 1971: 35], Ю. Н. Караулов же считает, что языковая личность — личность структурно-определённая [Караулов 2003: 36]. Отметим, что в процессе обучения языку школьник обогащает свой словарный запас и в активной, и в пассивной форме, поэтому динамичность процесса обучения, динамичность дискурса являются необходимой составляющей развития личности. Структурирование же языковой личности представляет возможным вычленить уровни языковой личности школьника, что необходимо для реализации в процессе обучения русского языка концепции его развития. Вслед за Ю. Н. Карауловым мы выделяем вербально-семантический, тезаурусный, мотивационно-прагматический уровни языковой личности, отводя место *образному* уровню [Пономарёва 2004: 14]. Развитие образного мышления направлено на активизацию речетворческого потенциала учащегося. Речетворческий подход к обучению языку позволяет организовать на уроке работу по развитию личности учащегося, а развитие образного мышления формирует у учащихся особое мироощущение.

Исследование лексикона языковой личности — трудоёмкий, а главное длительный процесс, длящийся иногда десятки лет. Возможно ли такое наблюдение в рамках обучающей среды, школы? Можно ли через призму языка конкретного носителя (учащегося) исследовать речевую культуру данной общности?

Школьник рассматривается нами как языковая личность, личность говорящая и пишущая. Готовность учащегося «говорить и писать» является показателем развития уровня *образного* мышления, который в свою очередь зависит от богатства словарного запаса. Для того чтобы слово стало для учащегося частью его личного опыта, следует научить школьника развивать речетворческие способности, эстетическое чувство слова, так как объём словесного запаса не является показателем глубины развития языковой личности. Часто мы можем встретить такое явление,

как оперирование учащимися лексемами без осознания их лексического значения, понимание же роли языковой единицы в художественном тексте становится неразрешимой задачей, и вследствие этого — неинтересной и второстепенной. Для того чтобы изучение языка, русской речи проходило без отрыва от формирования языковой личности учащегося, необходима систематическая целенаправленная работа со словом, начиная с младшего школьного возраста. Сензитивными являются те возрастные периоды, когда учащийся стремится выразить свою индивидуальность: личность — пятый класс как переходный от начальной школы к средней и девятый класс, когда выражение своего «я» может достигнуть максимальной формы. Пятиклассник как формирующаяся языковая личность остро нуждается в работе не просто со словом, а со словом в художественном тексте. Как на уроке развития речи, так и на уроке грамматики, лексики и др. помощь учителя в истолковании значения слова необходима, так как в целом ряде случаев наставник поможет школьникам справиться с разнообразными по сложности лингвистическими задачами.

Немаловажным становится культурологический аспект словаря языковой личности, ведь с уровнем образования и культуры личности школьника напрямую связано богатство его тезауруса. Достаточно сложно представить шкалу, по которой можно было бы определить степень культурологической значимости языка носителя, так как это, прежде всего, понимание того, что в нём отражается картина мира, вся человеческая жизнь, пропущенная через человеческое сознание, выраженная на разных уровнях языковой системы. Е. В. Любичева подчёркивает, что «через слово и его фоновые значения постигается сущность общекультурных символов, выстраиваются ассоциативно-семантические связи внутренней образной системы текста и общекультурной символики» [Любичева, Ольховик 2002: 15]. Речетворческий подход к обучению предполагает работу со словом через постижение символа, концепта, а «восприятие символического, образного значения слова в художественном тексте основывается на знании и понимании номинативного значения слова [Пономарёва 2004: 60]. По Д. С. Лихачёву, концепт в известной мере расширяет значение, предоставляя возможности для «сотворчества», «домысливания», «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова [Лихачёв 2000: 136]. Дискурс языковой личности выступает здесь тем речевым материалом, «полотном», который концентрирует в себе всё богатство языковой личности, отражение её лексического, концептуального, мотивационного наполнения. Описание словаря языковой личности означает погружение в глубины сознания индивида, разграничение индивидуального и социокультурного. Создавая текст, учащийся отбирает слова из имеющегося личного опыта, тем самым он намеренно или неосознанно использует лексику, как свою, так и чужую. Механизм отбора слов личностью при создании высказывания, а также создании текста обеспечивается стереотипностью и частой повторяемостью способов согласования слов и управления ими в речи. Пассивный словарный запас языковой личности актуализируется лишь в сфере отдельных жанров и в ситуациях общения на уроке или в обыденной жизни, поэтому только постоянная речетворческая деятельность может решить проблему «обеднённости» языка учащихся.

В современном отечественном языкознании круг проблем, связанных с вопросом «язык и личность», получил глубокую теоретическую разработку: определе-

ны в общих чертах основные понятия, создаются типологии структуры языковой личности. Решение проблемы создания словаря языковой личности требует и теоретического, и практического обоснования. Л. Г. Самотик отмечает, что «... словарь языковой личности ценен как эмпирическая база для исследования народной речевой культуры через призму языка его конкретного носителя» [Самотик 2008: 105]. Словарь языковой личности школьника, как мы считаем, обогащается посредством работы со словом вообще и словом в тексте. Именно уроки речетворчества развивают образное мышление учащегося, что приводит к практическому владению словом, осмыслению слова как части словаря, словаря языковой личности. Проблема создания словаря языковой личности пересекается с проблемой обучения слову в современной школе, где слово нередко изучается в отрыве от речи, поэтому названная проблема должна решаться в едином речетворческом ключе.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисова В. М.* Проблема языковой личности автора как категория художественного текста // Филол. науки, Удмуртск. гос. ун-т, 2006. — № 5 (2). — С. 185–190.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. — 3-е изд. стер. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 264 с.
- Лихачёв Д. С.* Русская культура. — М.: Искусство, 2000. — 440 с.
- Любичева Е. В., Ольховик Н. Г.* Посредством Слова творю я мир... Книга третья. Диалог с художественным текстом. 5–11 классы: пособие по рус. яз. для учителей-словесников. — СПб.: ДНК, 2002. — 288 с.
- Пономарёва Л. Д.* Развитие образного мышления в процессе художественной речетворческой деятельности: учеб. пособие. — Магнитогорск: МаГУ, 2004. — 230 с.
- Самотик Л. Г.* Полный словарь диалектной языковой личности. Барышни и крестьянка // Вестник Томск. гос. ун-та, 2008. — №2 (3). — С. 102–108.
- Тимофеев В. П.* Личность и языковая среда. — Шадринск: Шадринск. гос. пед. ин-т, 1971. — 122 с.

SPEECH PRODUCTION AS STUDENT VOCABULARY BUILDING PROCESS

Ye. V. Makarova

Linguistic personality vocabulary is developed on the basis of speech production. In teaching-learning process suchlike practice is efficient at Russian language lessons that present students as developing linguistic personality

Key words: linguistic personality, linguistic personality dictionary, speech production.

© 2011

Н. А. Максимчук

КОМПЛЕКСНЫЙ УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН КАК ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФРАГМЕНТА НОРМАТИВНО- НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматривается проблема создания учебных словарей, ориентированных на описание языковых единиц — носителей общеобязательного научного знания. Возможный подход к построению словаря такого рода описывается на примере комплексного учебного ономастического словаря, единицами описания в котором служат имена собственные, выявленные на основе анализа текстов школьных учебников и программ.

Ключевые слова: лексикография, комплексный учебный словарь, общеобязательное научное знание, нормативно-научная картина мира, имя собственное.

Одной из актуальных проблем современного информационного общества является разработка способов организации, структурирования и представления знаний с учётом условий, целей, форм их функционирования и использования. Важнейшей задачей в рамках названной проблемы можно считать поиск оптимального соотношения формы и содержания знания, функционирующего в образовательной сфере. Поскольку основным средством накопления, хранения и передачи знаний являются единицы естественного языка, то очевидно, что одна из центральных позиций в решении этой задачи принадлежит словарям (этим, не в последнюю очередь, объясняется и наблюдаемый уже не одно десятилетие лексикографический бум). Интенсификация когнитивной функции учебного словаря требует новых лексикографических решений.

В процессе формирования современной языковой личности важнейшее место занимает общеобязательное научное знание, т. е. сведения, отобранные и одобренные обществом для сообщения их человеку в процессе его обучения в общеобразовательной школе. В роли опорных единиц — основных носителей общеобязательного научного знания выступают термин и имя собственное, совокупность которых отражает содержание общего образования, формирующее нормативно-научную картину мира (ННКМ) [Максимчук 2002].

Продуктивным способом концентрированного представления содержания образования может служить комплексное лексикографическое описание массива опорных единиц ННКМ, что обеспечит возможность получения информации о совокупном общеобязательном научном знании, представленном в структурированном и потому обозримом виде.

Разработку концепции словарей, ориентированных на содержание нормативно-научной картины мира русской языковой личности, следует отнести сегодня к числу актуальных задач учебной лексикографии. Рассмотрим возможный подход к созданию учебных словарей, отражающих фрагменты ННКМ, на примере «Комплексного учебного словаря собственных имён».

Максимчук Нина Алексеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета.
E-mail: nmaximchuk@yandex.ru

Современная лексикография, ощущающая общие интеграционные тенденции в развитии науки, характеризуется появлением всё большего числа словарей комплексного типа: в их числе — толково-сочетаемостные, грамматико-слово-образовательные, грамматико-орфографические и др. [Торшина 1981; Панов, Текучёв 1991; Тихонов 2002; Гаршин, Морковкин 2009]. При этом комплексность как жанрообразующий признак словаря проявляется прежде всего в многоплановом характере информации, сопровождающей заголовочную единицу (см. [Денисов 1978; Лексическая основа 1984; Репкин 1995; Имена, имена, имена... 2000; Тихонов 2009; Борисова 2006] и др.). Формируется тип комплексных лингво-энциклопедических словарей.

Основная цель «Комплексного учебного словаря собственных имён» состоит в разностороннем описании ядра ономастической составляющей ННKM с учётом потребностей и возможностей адресата и в форме, ориентированной на максимальное раскрытие учебно-познавательного потенциала имени собственного как опорной единицы ННKM.

Новизна предлагаемого словаря заключается прежде всего в новизне самого объекта описания, поскольку общеобязательное научное знание (его составляющие) как целостная система, складывающаяся в нормативно-научную картину мира русской языковой личности, не подвергалось последовательному лексикографическому описанию.

Комплексный характер Словаря обусловлен как разнообразием включённых в него типов собственных имён (антропонимы, астронимы, космонимы, религионимы, мифонимы, хрематонимы, политонимы, хрононимы, документонимы, литературные имена и некот. др.), так и разноплановостью информации, сопровождающей заголовочную единицу и формирующей её ассоциативно-культурный фон.

Двойственная природа имён собственных, с одной стороны, и свойства ННKM — с другой, определяют потребность совмещения понятийно-системной и системно-языковой интерпретации заголовочных единиц Словаря, что формирует его лингво-энциклопедический характер.

В качестве заголовочных единиц Словаря выступают имена собственные, являющиеся носителями общеобязательной научной информации в структуре ННKM.

Исходный лексический массив, из которого извлекались заголовочные единицы, представляет собой совокупный нормативно-научный текст школьных учебников и программ по всем предметам общего среднего образования конца XX — начала XXI в. Ономастические единицы были выделены из указанного лексического массива методом сплошной выборки. На основе полученной выборки была сформирована база данных, отражающая языковые, предметные и учебно-методические характеристики онимов — единиц ННKM.

В основу выделения единиц Словаря положены две группы принципов.

Первую группу составляют объективные показатели значимости имени. Одним из них является сама включённость имени собственного в тексты программ и/или стабильных учебников. Этот принцип определяет общий состав ономастических единиц Словаря.

Следующий критерий — частотность (употребительность) — используется при установлении ядра и периферии ономастического наполнения Словаря. Показатель употребительности может быть абсолютным и относительным. Абсолютная употребительность характеризует имя в рамках макротекста, охватывающего всё содержание нормативно-научных текстов, представленных в общеобразовательных программах и учебниках и в дополнительных учебных и справочных материалах. Сравнивая абсолютные коэффициенты распределения частотных показателей в массивах словоупотреблений собственных имён в нормативно-научных текстах по разным предметам, отмечаем практически полное их совпадение (ср., напр, распределение словоупотреблений ИС в ННТ географии и истории: география: >100 — 0,6 %; >50 — 0,9 %; >10 — 8 %; >4 — 10 %; >1 — 28 %; 1 — 51 %; история: >100 — 0,4 %; >50 — 0,8 %; >10 — 7 %; >4 — 10 %; >1 — 28 %; 1 — 53 %).

Выводы, сделанные на материале этих предметов, справедливы и для других учебных областей, в которых имя собственное представлено достаточно широко.

Относительная употребительность имени — это показатель встречаемости имени в пределах текстов отдельной области знаний (учебника, программы и т. п.).

Показатель распространённости имени собственного указывает на количество предметных областей, учебников и программ, в нормативно-научных текстах которых встречается данный оним.

Ядро и периферия ономастического наполнения Словаря различаются показателем абсолютной употребительности в сочетании с показателем распространённости.

Во вторую группу принципов отбора собственных имён для Словаря входят экспертная оценка и ассоциативно-тематическое выравнивание. Перед экспертами ставятся задачи установления достаточности / недостаточности списка исходных ономастических единиц разной предметной принадлежности и уточнения границ ядра и периферии как в рамках каждой ономастической структуры, так и в пределах всего ономастического наполнения Словаря. Такая процедура, с одной стороны, способствует более чёткому разграничению ядра и периферии в структуре общеобязательного знания, а с другой — даёт возможность включать в Словник содержательно значимые онимы, по каким-то причинам имеющие низкий индекс частотности / распространённости в исследованных источниках.

Тип словарной статьи определяется характером заголовочной единицы, т. е. степенью её информативности и местом в структуре той культурно-исторической или научной сферы, к которой она принадлежит. С определённой (и неизбежной) долей субъективности все рассматриваемые онимы могут быть отнесены к одному из трёх разрядов, которым соответствуют три типа базовых словарных статей, различающихся степенью полноты предлагаемой характеристики заголовочных единиц.

Особенностью структуры словарной статьи является выделение в ней двух словарных зон: зоны языковых сведений (ЯС) и зоны предметных сведений (ПС). Элементами зоны ЯС являются: 1) акцентологическая характеристика заголовочной единицы (для отдельных типов имён собственных — топонимов, антропонимов — возможно приведение написания заголовочной единицы на языке

оригинала); 2) грамматическая характеристика; 3) словообразовательное гнездо; 4) сопутствующие сведения (о переходе имени собственного в разряд нарицательных, о приобретении им символического значения и т. п.); 5) сведения о фразеологической (в широком смысле) ценности заголовочной единицы; 6) этимологическая характеристика.

Предметная зона словарной статьи строится в соответствии с типом и статусом заголовочной единицы.

Приведём в качестве иллюстрации два примера.

АВЕЛЬ

ПС. В Ветхом Завете второй сын Адама и Евы, “пастырь овец”. Был убит своим старшим братом Каином из зависти, когда Бог принял жертву А. (первородными ягнятами его стада) и отверг жертву Каина (“от плодов земли”).

ЯС. Род. Авел|я, м.

Перен. Абель — невинная жертва жестокости и вероломства.

|| прил. áвелев.

“ Где брат твой Абель? — вопрос, к-рый задали Каину, вернувшемуся после убийства брата.

Этим. ← ‘греч. Avel < евр. Хевел — букв. “дуновение, пар”.

АДДИС-АБЕБ|А (Addis-Ababa)

ПС. Город, столица (с 1889) *Эфиопии*, на Эфиопском нагорье (на выс. св. 2,4 т. м). Нас. — более 2,431 млн. ч. Основан в 1887.

ЯС. Род. Аддис-Абеб|ы, ж.

|| прил. адд|ис-аб|ебск|ий.

Этим. ← ‘ахмар. addis — “новый”, abeba — “цветок”.

Такая организация статей позволяет использовать Словарь как справочное пособие для выяснения правильного написания, произношения и употребления имени собственного и его производных (в том числе — в составе фразеологических единиц), а также для получения общих сведений о носителе данного имени. Словарь может быть средством повторения и обобщения предметных знаний по различным школьным дисциплинам (дополнительные возможности для этого предоставляют сопровождающие Словарь именной и тематический указатели ономастических единиц, отражающие предметные связи единиц Словаря).

Словарь адресован, в первую очередь, учащимся старших классов общеобразовательных школ, однако он может быть полезен также учителям, студентам, в том числе — изучающим русский язык как иностранный, а также всем интересующимся именем.

Существенную помощь Словарь может оказать при анализе содержания школьного образования и его изменений, при создании разного рода учебной литературы, в которой имя собственное выполняет роль носителя общеобязательного знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисова И. Комплексный словарь русского языка. — М.: Литур, 2006. — 656 с.
 Гаршин А. П., Морковкин В. В. Словарь химических терминов. — М.: Дрофа, 2009. — 448 с.

Денисов П. Н., Морковкин В. В., Сафьян Ю. А. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. — М.: Рус. яз., 1978. — 408 с.

Имена, имена, имена...: школьный комплексный словарь личных имён // сост. Н. А. Максимчук, И. А. Королёва. — Смоленск: СГПУ, 2000. — 112 с.

Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. — М.: Рус. яз., 1984. — 1168 с.

Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: в 2 ч. — Ч. 1. — Смоленск: СГПУ, 2002. — 203 с.

Панов Б. Т., Текучёв А. В. Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1991. — 288 с.

Репкин В. В. Учебный словарь русского языка. М.: ИНФОЛАЙН, 1995. — 656 с.

Тихонов А. А. Комплексный словарь русского языка. — М.: Дрофа, 2009. — 1228 с.

Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. М.: АСТ-АСТРЕЛЬ, 2002. — 704 с.

Торишина Л. М., Крюк Л. А., Цурков В. Н. Учебный словарь сочетаемости терминов. Технология металлов и материаловедение / под ред. В. В. Морковкина. — М.: Рус. яз., 1981. — 274 с.

COMPREHENSIVE LEARNER'S DICTIONARY OF PROPER NAMES REPRESENTING A FRAGMENT OF SCIENTIFIC WORLD-IMAGE

N. A. Maksimchuk

The paper deals with compiling learner's dictionaries focused on linguistic units reflecting general scientific knowledge. A possibility for compiling a dictionary of the kind is shown by the example of a comprehensive learner's dictionary of proper names that are revealed in the analysis of school text books and programs.

Key words: lexicography, comprehensive learner's dictionary, general scientific knowledge, standard scientific world-image, proper name.

© 2011

Л. Д. Пономарёва

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: МЕТОДИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ С ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМ СОПРОВОЖДЕНИЕМ

В теории и практике обучения русскому языку и литературе художественно-поэтический дискурс (по школьной терминологии «художественный текст») рассматривается преимущественно как дидактическая единица и как результат художественного речетворчества писателя, поэта. Автор статьи обращается к другим, почти не представленным

Пономарёва Любовь Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры журналистики и речевой коммуникации Магнитогорского государственного университета. E-mail: journalist@masu.ru

в преподавании граням художественно-поэтического дискурса, предлагая методическую интерпретацию текста с лексикографическим сопровождением как «установки» на речетворчество с последующим результатом художественной речетворческой деятельности учащихся. Предложенная автором статьи методическая интерпретация текста позволяет инициировать, стимулировать художественную речетворческую деятельность, развивая личность учащегося.

Ключевые слова: речетворчество, словарь, дидактическая единица, методическая интерпретация.

Проблема художественного речетворческого развития учащихся направлена прежде всего на текст, «погружённый в жизнь» (Н. Д. Арутюнова), т. е. рассматриваемый во взаимодействии с разного рода экстралингвистическими факторами — прагматическими, социокультурными, психологическими и т. д. Такой текст обозначает художественно-поэтический дискурс, определяемый нами как сложное многогранное явление, представляющее собой и речетворческий процесс, и результат художественной речетворческой деятельности мастера (писателя, поэта), и дидактическую единицу, и «установку» на речетворчество, и результат художественной речетворческой деятельности учащихся.

В теории и практике обучения русскому языку и литературе художественно-поэтический дискурс (по школьной терминологии «художественный текст») рассматривается преимущественно как дидактическая единица и как результат художественного речетворчества писателя, поэта, иногда — как речетворческий процесс. Поэтому мы обращаемся к другим, почти не представленным в преподавании граням художественно-поэтического дискурса, предлагая методическую интерпретацию текста с лексикографическим сопровождением как «установки» на речетворчество с последующим результатом художественной речетворческой деятельности учащихся. При этом «установка» понимается нами, вслед за Д. Н. Узнадзе, как состояние человека — модус его существования [Узнадзе 1940: 73]. Установка, по справедливому утверждению Д. И. Кирноса, «не какое-то конкретное психологическое переживание субъекта, а «модус» состояния, т. е. наклонность, готовность субъекта к переживаниям, восприятиям и действиям определённого типа» [Кирнос 1992: 15].

Восприятие художественного текста с «установкой» на речетворчество начинается с чтения текста, которое представляет собой творческий, нередко мучительный процесс, особенно если чтение — дорога к пониманию, к размышлению, и дальше — к собственному тексту. Механизм восприятия художественного текста сложен, многоступенчат и недостаточно исследован. По мнению Ю. Н. Караулова, «... каждый читатель не просто линейно движется по тексту, а тоже как-то анализирует его в ходе чтения, попеременно и с разной степенью глубины проходя стадию и непосредственного, и опосредованного восприятия порождаемых текстом художественных образов, давая им эмоциональную, этическую и эстетическую оценку, строя опережающие логические догадки об их эволюции, прогнозируя дальнейшие их действия и поступки» [Караулов 2002: 69].

Вживаясь в текст, читатель вносит в него свои смыслы, нередко сугубо личностные и не вытекающие непосредственно из содержания прочитанного, но обусловленные его собственным взглядом на жизнь. Учащиеся не просто понимают

текст: они используют его в качестве ориентировочной основы для собственной художественной речетворческой деятельности, которая отлична от восприятия текста и включает в себя это восприятие как структурный компонент.

Обучение школьников художественному речетворчеству осуществляется нами в русле речетворческой стратегии восприятия чужого текста. Учащиеся «вслушиваются» и «всматриваются» в художественный текст, чтобы почувствовать глубину мысли и чувства автора, увидеть технику его создания, чтобы затем, продуцируя свой текст, налаживать процесс собственного сочинительства.

Художественные произведения мастеров слова, обладающих исключительной самобытностью духа, являются «... не просто фундаментом, на котором можно продолжить строительство, но несут в себе ещё и породившее их вдохновение. Творящая сила, породившая их, действует со всей напряжённостью и в полном внутреннем единстве, но вместе с тем и поистине творчески...» [Гумбольдт 1984: 64].

В процессе обучения учащихся художественному речетворчеству учитель перед чтением текста настраивает школьников на эмоциональную волну, адекватную авторской. Среди способов такой настройки можно назвать определение доминантного чувства (грусть, радость, негодование и т. д.), описание собственного или чужого состояния. Иногда музыкальное произведение или живописное полотно помогают настроиться на восприятие художественного текста. Затем следует речетворческая беседа с опорой на текст, которая направлена на выявление чувств, эмоций, впечатлений. Главное — выяснить, что тронуло учащихся в тексте, что вспомнилось им. Происходит, таким образом, личностное осмысление художественного текста: каждый ученик пропускает текст через собственный опыт. Беседа по тексту постепенно «перетекает» в работу над художественным замыслом. Выделяя в тексте слова-ключи к замыслу, которые помогают определить направленность авторских ассоциаций, выявляем оригинальность замысла художника слова.

Определение механизма речевой реализации художественного замысла требует работы над образными средствами текста. Цель такой работы — не просто найти образные средства в тексте, но и определить их место и функции в тексте. При этом учащимся следует обращаться к словарям разных типов, среди которых «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» (2006), «Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты» (2009), «Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.)» (2004), «Поэтические образы. От Абажура до Яшмы» (2004), «Славянская мифология» (2002), «Словарь символов» (2001) и др. Словари помогают школьникам прежде всего в решении задач, связанных с восприятием текста: лексикографическое сопровождение речетворческой деятельности учащихся позволяет не только определять, уточнять, конкретизировать значение слов и словосочетаний, но и проникать в их глубинные смыслы.

Речетворческая стратегия восприятия художественного текста направлена на процесс создания текста учащимися. Благодаря речетворческой реакции на текст или слово у школьника рождается собственный художественный замысел.

В качестве примера предлагаем поэтический текст-стимул для речетворчества учащихся — стихотворение И. А. Бунина: *Открыты окна. В белой мастерской / Следы отъезда: сор, клочки конверта. / В углу стоит прямой скелет мольберта. / Из окон тянет свежестью морской. / Дни всё светлей, всё тише, золотистей — / И ни полям, ни морю нет конца. / С корявой старой груши у крыльца / Спадают розовые листья.*

Стихотворение И. А. Бунина вызвало у учащихся чувство грусти, тоски, печали, страха одиночества: прощание с солнечным летом, тёплым домом (дачей), садом («с корявой, старой груши у крыльца спадают розовые листья»), с любимым человеком.

Речетворческие реакции учащихся на данный текст: 1) *Не надо плакать, жизнь ещё вернётся / И в этот дом, и в этот уголок, / Ещё не раз ты солнцу улыбнёшься, / Когда оно заглянет в дом.* 2) *Снова тёплый свет в окне — / Это мысли о тебе. / Ты уехал — очень жаль. / Гложет грусть, тоска, печаль. / Помню лето, солнце, дождь... / Всё ушло, и не вернёшь, / Не вернёшь любви и счастья, / Раз ушёл — не возвращайся!* 3) *Съезжая с дачи осенью, / Оставим жёлтый сад, / Деревья с мелкой проседью, / Рябины яркий взгляд. / Всё золотится с примесью, / А дом грустит и ждёт, / Ждёт лета травянистого, / Которое придёт.* 4) *Одиночество, страх... Страх не встретиться снова с моим любимым садом (в этом году родители решили продать сад), с которым связано так много дорогих мне воспоминаний: вот я бегу по узкой садовой дорожке навстречу солнцу, вот я на вершине яблони протягиваю руки к небу, желая прикоснуться к нему, вот я в тени дерева читаю книгу, вот я вдыхаю запах душистой сирени... / Мне кажется, если у нас не будет этого сада, то я затеряюсь в себе, в своих мыслях и чувствах. Передо мной закроются ворота, огромные и светлые, в мой собственный мир.*

В качестве примера предлагаем прозаический текст-стимул для речетворчества учащихся — отрывок из рассказа И. А. Бунина «Таня»: *Зима наступила рано. После туманов завернул морозный северный ветер, сковал маслянистые колчи дорог, окаменил землю, сжёг последнюю траву в саду и на дворе. Пошли белёсо-свинцовые тучи, совсем обнажившийся сад шумел беспокойно, торопливо, точно убежал куда-то, ночью белая половинка луны так и ныряла в клубах туч. Усадьба и деревня казались безнадежно бедны и грубы. Потом стал порошить снег, убелая мёрзлую грязь точно сахарной пудрой, и усадьба и видные из неё поля стали сизо-белы и просторны.*

Бунинский текст вызвал у учащихся чувство грусти, тревоги, боли, одиночества: «холодно и тревожно», «как больно ходить по земле, как тяжело смотреть на холодных людей».

Речетворческие реакции учащихся на данный текст: 1) *Дом пустой, в нём тишина, / Лишь в окошке свет от снега. / На дворе уже зима, / И намёка нет на лето.* 2) *Плач свечи в опустевшей тиши, / Угасающий в звёздной ночи. / Одинокая ночь, не кричи, / А согрейся теплом от свечи.* 3) *Время, когда осень перерастает в зиму, — это пора одиночества. За окном голые деревья, первый снег, который, растаяв на утреннем солнышке, превращается к ночи в грязный лёд. Серое небо заполнено тугими облаками и громко каркающими птицами. Всё пусто, голо, одиноко.*

Именно в эту пору, когда холодный ветер охватывает улицы города, я люблю побыть дома одна, наедине со своими мыслями, окружённая теплом и уютом своей комнаты. Можно сидеть часами и слушать тишину, вспоминать о прошлом, думать о будущем. Тогда понимаешь, насколько важно быть в гармонии с самим собой.

Посмотришь в окно на улетающих птиц и хочется самой так же, как птице, изменить свою жизнь, отправиться вместе с ними в долгий другой жизненный путь.

Таким образом, предложенная нами методическая интерпретация текста с лексикографическим сопровождением как «установки» на речетворчество школьника позволяет инициировать, стимулировать художественную речетворческую деятельность, развивая личность учащегося.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 264 с.
Кирнос Д. И. Индивидуальность и творческое мышление. — М.: Тип. ГА ВС, 1992. — 172 с.
Узнадзе Д. Н. Общая психология. — Тбилиси: Тбилис. ин-т психол., 1940. — 417 с.

LITERARY DISCOURSE: LEXICOGRAPHY-BASED INTERPRETATION METHODOLOGY

L. D. Ponomaryova

Theory and practice of teaching the Russian language and literature chiefly treat literary discourse (literary text in school terminology) as a didactic unit and as the result of the author's speech production. The article turns to other aspects of literary discourse, which are scarcely found in learning / teaching process. It puts forward lexicography-based methodology of text interpretation as a guideline for speech production that will result in students' literary speech production. The advanced methodology of text interpretation promotes literary speech production and helps to encourage student's personality development.

Key words: speech production, dictionary, didactic unit, methodological interpretation.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

В статье описываются особенности грамматической параметризации материала в учебном словаре для младших школьников. Представлены способы лексикографического описания грамматических свойств фразеологизма. Приводятся авторские примеры различных типов грамматического комментария, построенных с учётом фактора адресата.

Ключевые слова: учебная фразеография, словарная статья, грамматический параметр, словарь-тренажёр.

Описание фразеологизмов, служащих «своеобразным “вместилищем” грамматических категорий и их значений» [Жуков В.П., Жуков А.В. [http](http://)], является одним из перспективных направлений учебной лексикографии.

Грамматическая параметризация фразеологических единиц (далее ФЕ) в учебном словаре должна осуществляться с учётом адресата. Этот принцип в полной мере был реализован нами в подготовленном к печати Фразеологическом словаре-тренажёре для детей (далее ДФСТ), ставящем своей целью расширение активного фразеологического запаса младшего школьника. Грамматическая информация, представленная в заголовочной части словарной статьи, не только подтверждается обширным иллюстративным текстом, но и дозированно дополняется в иллюстративной и активно-тренировочной части словаря.

Как отмечает В.П. Жуков, «формоизменительные возможности определённого фразеологизма в первую очередь зависят от того, с какой частью речи он соотносится» [Жуков 1991: 36–37]. Способы лексикографического описания грамматических свойств глагольных фразеологизмов описаны в нашей работе 2010 г. [Никитина, Роголёва 2010: 605–612]. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с лексикографической интерпретацией грамматических свойств именных фразеологизмов.

Единственным вошедшим в словарь-тренажёр адъективным фразеологизмом с грамматически стержневым компонентом-прилагательным стал оборот *похож как две капли воды (на кого-л.)*. Именно в такой форме, с прилагательным в краткой форме, мы находим этот фразеологизм в словаре под ред. А.И. Молоткова [ФСРЯ 1978: 194] и у В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко [РФС 1999: 113], где контексты употребления представляют его в функции именной части составного именного сказуемого. Один из иллюстративных контекстов фиксирует данный фразеологизм и с прилагательным в полной форме, когда оборот реализуется в синтаксической функции обособленного определения: *На Матвея с обеих сторон улицы глядели занавешенные окна домов, похожих друг на друга, как две капли воды*. Короленко. Без языка [ФСРЯ 1978: 194]. В Большом фразеологическом словаре русского языка под ред. В.Н. Телия 4 контекста из 7 представляют фра-

зеологизм (здесь он представлен как обстоятельственный — *как две капли воды*) в сочетании с полным прилагательным *похожий* [БФСРЯ 2008: 303]. Данные нашей картотеки подтверждают активизацию такого употребления фразеологизма, что даёт основания для корректировки его исходной формы. В ДФСТ обе формы компонента-прилагательного представлены в заголовке как вариантные: ***Похож (похожий) как две капли воды (на кого-л.), Похожи (похожие) как две капли воды (друг на друга)***. Иллюстрации в равной мере отражают оба варианта ФЕ — их функциональную нагруженность и словоизменительные возможности компонента-прилагательного: 1) *Они похожи как две капли воды; Шрифт № 1 и шрифт № 7 похожи как две капли воды; Потерявшиеся собаки как две капли воды похожи на своих хозяев; Вооружись карандашом и нанизывай на линию-«верёвочку» бусинки, которые как две капли воды похожи вот на эти;* 2) *Здесь собрались герои книг, как две капли воды похожие друг на друга; <...> Наконец-то, появилась пара мальчиков, как две капли воды похожих друг на друга; Царевич сказал, что женится на девушке, как две капли воды похожей на него; Попроси кого-нибудь из твоей рэп-команды так же хлопнуть. У него должен получиться ритм, как две капли воды похожий на твой.*

Комментарий, включённый в задание, указывает на наличие у данных вариантов ФЕ парадигм числа и падежа: *Найди фразеологизм в тексте репортажа. Обрати внимание: в его составе изменяется только один компонент, но изменяется очень активно: **похож, похожи, похожие, похожей, похожий**.*

Фразеологизмы *на одну колодку, семи пядей во лбу, без царя в голове, тише воды ниже травы* и т. п., различные по синтаксической структуре, но совпадающие по категориальной семантике и синтаксическим функциям, так же соотносимы с прилагательными. Они сопровождаются в словарных статьях комментариями типа: *<...> Ты, конечно, заметил, что слова в составе фразеологизма никогда не изменяются по форме и не меняют своего места.* Тем самым вводится очередной квант грамматической информации: ФЕ данного типа обладают фиксированным порядком следования компонентов и нулевой морфологической парадигмой. Исключение составляет оборот *мало каши ел* — «застывшая форма прошедшего времени». Этот фразеологизм получает следующий «скрытый» грамматический комментарий: *... Когда будешь выполнять это задание, помни, что наш фразеологизм может относиться не только к мужчинам, и не только к одному человеку. Так что в своих историях можешь использовать и такие формы: **мало каши ела, мало каши ели**.*

В отличие от этих фразеологизмов, занимающих позицию сказуемого при традиционном подлежащем в И. п. со значением носителя признака, следующие обороты с атрибутивной семантикой требуют обязательного распространителя со значением субъекта в Р. п. или Д. п.: (у кого-л.) ***Семь пятниц на неделе***; (у кого-л.) ***Косая сажень в плечах***; (кому-л.) ***Хоть кол на голове теши***.

Намеченные на входе в словарную статью синтаксические конструкции реализации таких ФЕ многократно повторяются в иллюстративных контекстах типа: *Царевна Несмеяна осталась одна. Была тысяча женихов, а теперь ни одного. А всё потому, что у неё **семь пятниц на неделе** — требования каждый день меняются: то ей анекдот расскажи, то комикс прочитай, то в комнату смеха своди <...> **Вам, фокусник Хрюппенфильд, тоже *хоть кол на голове теши*!***

В инструкции что сказано? — Распилил ящик с девушкой — сразу же его собери. А вы каждый раз забываете это сделать, и девушка не успевает выйти на поклон к зрителям...

Конструктивно (с точки зрения реализации в контексте) к этим фразеологизмам близки обороты типа *(где-л.) хоть топор вешай, (где-л.) как Мамай прошёл*, отражающие состояние окружающей среды или состояние, положение дел *(у кого-л. и конь не валялся)*, а также ФЕ со значением отсутствия / наличия: *(у кого-л.) ни кола ни двора*, в том числе с количественными характеристиками объекта обладания — *у кого-л. кот наплакал (чего-л.)*, *(у кого-л.) куры не клюют (чего-л.)*. Такие обороты, соотносимые со словами категории состояния как частью речи или с неоднословными сочетаниями различной структуры, объединяет с описанными выше стабильность порядка следования компонентов и отсутствие возможностей словоизменения и формообразования в рамках ФЕ. Эти грамматические качества фиксирует комментарий-сигнал: *...обрати внимание, что форма фразеологизма никогда не изменяется*. К неизменяемым относятся и фразеологизмы, по категориальной семантике и синтаксическим характеристикам (подчинение глаголу, функция обстоятельства) соотносимые с наречиями. В Словаре-тренажёре это *вверх тормашками* — ‘кувырком’, *с три короба* — ‘очень много’, *после дождичка в четверг* — ‘никогда’, *во всю ивановскую* — ‘громко’, ‘быстро’.

В ДФСТ включено 7 именных фразеологизмов со структурой *имя прилагательное (или другая согласуемая часть речи) + имя существительное (коломенская верста, вольный казак, первая ласточка, отрезанный ломоть, тёртый калач, седьмая вода на киселе)* и предметно-признаковой семантикой. По мнению А.М. Эмировой, такие ФЕ обозначают не классы дискретных предметов, а их существенные признаки, их атрибуты, которые не существуют и, следовательно, не мыслимы вне этих предметов, включены в них [Эмирова 1984: 114–115]. Большинство таких ФЕ, разработанных в ДФСТ, обозначают человека как носителя признака и соотносятся с атрибутивными словосочетаниями: *коломенская верста* — ‘человек высокого роста’, *седьмая вода на киселе* — ‘дальний родственник’, *тёртый калач* — ‘опытный, бывалый человек’.

В синтаксической позиции именной части составного именного сказуемого при подлежащем — наименовании лица компоненты таких ФЕ, как правило, выступают в форме И. п. ед. ч. Так, в статье «Отрезанный ломоть» 10 из 10 контекстуальных фразеомуупотреблений подтверждают этот факт, в статье «Вольный казак» — 9 из 10, «Седьмая вода на киселе» — 6 из 7.

Менее частотная форма Т. п. в составе сложных форм сказуемого, отмеченная у компонентов этих фразеологизмов, также попадает в поле зрения читателя (*быть коломенской верстой; быть вольным казаком*) и сопровождается комментарием-сигналом, который, помимо возможностей словоизменения, указывает также и на фиксированный порядок слов: *Обрати внимание, что слова в составе фразеологизма иногда могут изменять форму: быть вольнЫМ кзакОМ (быть коломенскОЙ верстОЙ), но никогда не меняются местами*.

Более широкие возможности словоизменения в составе фразеологизма *первая ласточка* отражает комментарий: *Ты, конечно, обратил внимание, как свободно меняется форма слов в составе фразеологизма: первая ласточка, первые ласточки, первую ласточку, первых ласточек, первой ласточкой, первыми ласточками*.

Таким образом, до адресата, пока ещё не знакомого с соответствующими грамматическими категориями, доводится информация о том, что фразеологизм *первая ласточка*, употребление которого не ограничено позицией сказуемого при подлежащем — наименовании лица, имеет полную морфологическую парадигму, репрезентирующую категории числа и падежа.

Семантизацию ФЕ, как обычно, предваряет указание на особенности присубстантивного управления при его наличии. Это конструктивное условие реализации синтагматических связей ФЕ наглядно представлено в контекстах употребления:

Первая ласточка

- Что-то первое, кто-то первый, за кем последуют другие.
- чего-л. Первый признак появления, наступления чего-л. ... *Вот она, первая ласточка самостоятельности; <...> Это первая ласточка моего будущего успеха.*

Включенные в словарь коммуникативные фразеологизмы (*и концы в воду, моя хата с краю*) являются единицами пропозитивной (событийной) номинации, синтаксически организованы по типу двусоставного предложения и функционируют с фиксированным порядком слов как самостоятельные предложения / высказывания или предикативные части более сложных синтаксических конструкций (*Вор: «Дело сделано, и концы в воду!» ... Затем отправляйся в ванную комнату. Возьми папин крем для бритья и начинай рисовать узор на плитке. Потом смой душем — и концы в воду!»*). Фразеологизм *моя хата с краю* допускает минимальное обстоятельство распространения, на что мы обращаем внимание адресата словаря, который приступает к чтению текста, иллюстрирующего эти грамматические особенности ФЕ (притча рассказывает о сыновьях, которым не очень хотелось идти за водой для больной матери): *<...> Старший сын говорит среднему: «Моя хата с краю! Сходи ты!» А средний отвечает: «Почему я? Моя хата **тоже** с краю. Пусть младший несет». <...> Долго потом ещё играли братья, про больную мать совсем забыли. Не дождалась она их, обернулась птицей и вылетела в окно <...> — «Мама, не бросай нас! Как же мы без тебя?» — «Поздно, сынки, поздно. **Теперь** и моя хата с краю» [Назарян 1987: 60–61].*

Интеръективные фразеологизмы представлены в ДФСТ оборотом *типун тебе на язык*, который выступает в качестве самостоятельной реплики диалога. Фиксированный порядок слов в составе оборота не нарушает варьирование местоименного компонента. Эта не грамматическая, но структурная особенность ФЕ находит отражение в комплексном комментарии-сигнале: *Фразеологизм Типун тебе (вам) на язык всегда употребляется как ответ собеседнику, порядок слов в этом фразеологизме не изменяется, а местоимение тебе или вам выбирается по ситуации, в зависимости от того, кто с кем разговаривает: <...> — Не пей, братец из копытца, теленочком станешь. — Типун тебе на язык, сестрица Алёнушка. <...> Дорогой Волк! Поздравляем с Днём стоматолога. По случаю праздника можете бесплатно удалить пару зубов. — Типун вам на язык, дорогие бабушка и Красная Шапочка!*

Таким образом, грамматическая информация в детском Словаре-тренажёре дозируется и интерпретируется с учётом адресата без отступления от принципа научной достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС-КН., 2006. — 784 с.

Жуков В. П., Жуков А. В. О грамматическом словаре фразеологизмов // Вестник НовГУ. — 1998. — № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/256A04F74D192E31C3256727002E7B51> (дата обращения: 18.04.2011).

Жуков В. П. Формоизменение фразеологизмов русского языка // Русистика. — Берлин, 1991 — № 2. — С. 36–40.

Жуков В. П. О грамматических свойствах фразеологизмов // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. — Орел: Орловск. гос. пед. ун-т, 1990. — С. 80–81.

Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. — М.: Высш. шк., 1987. — 288 с.

Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. Грамматическая параметризация материала в учебном фразеологическом словаре // SLOWO. TEKST. CZAS X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych. — Szczecin, Greifswald, 2010. — S. 605–612.

РФС: *Фелицына В. П., Мокиенко В. М.* Русский фразеологический словарь. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 400 с.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1978. — 543 с.

Эмирова А. М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических (идиоматических) предикатов // Вопр. языкознания, 1984. — № 6. — С. 114–118.

LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF GRAMMATICAL PROPERTIES OF SET PHRASES IN LEARNER'S DICTIONARY

Ye. I. Rogalyova

The article describes grammatical parameterization of set phrases in learner's dictionary for junior students. It also reveals lexicographic means of presenting grammatical properties of set phrases. The analysis is accompanied by examples of various types of grammatical notes that are made with regard to the dictionary user.

Key words: learner's phraseography, dictionary entry, grammatical parameter, training dictionary.

© 2011

О. Г. Усанова

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ В АСПЕКТЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматриваются вопросы создания словаря-справочника для специалистов-документоведов в аспекте социально-коммуникативной компетентности делового общения, основанного на одном из функциональных стилей современного русского языка — официально-деловом.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, социально-коммуникативная компетентность, терминологический словарь, унификация, стандартизация.

В настоящее время в обществе происходит резкое изменение ранее принятых взглядов на историю нашего государства, литературу, искусство, науку. Появилось множество теоретических работ по социолингвистике, изучающей социальные функции языка в современном обществе. Но сугубое теоретизирование на основе абстрактных типологических систем и моделей, в которых язык представлен всего лишь как материал для других нужд, полностью отменяет национальное своеобразие каждого языка в отдельности.

В сфере науки, делопроизводства и законотворчества, в средствах массовой информации и в политике язык используется по-разному. За каждой из перечисленных сфер общественной жизни закреплён свой подтип русского литературного языка, имеющий ряд отличительных черт на всех языковых уровнях — лексическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом. Эти черты образуют речевую систему, в которой каждый элемент связан с другими. Такой подтип литературного языка называется функциональным стилем.

Официально-деловой стиль закреплён за сферой социально-правовых отношений, реализующихся в законотворчестве, в экономике, в управленческой и дипломатической деятельности. К периферии делового стиля относят информативную рекламу, патентный стиль и обиходно-деловую речь (заявления, объяснительные записки, расписки и т. п.). Организационно-распорядительная документация (ОРД) — вид деловой письменности, наиболее полно представляющий её специфику. Вместе с различными видами законодательной речи (лицензия, правила, устав, указ и т. п.) ОРД представляет собой центр деловой письменности, ядро официально-делового стиля.

Логичность, нейтральность изложения при стандартном расположении текстового материала на листе также весьма существенно отличают письменную деловую речь от устной. Устная речь чаще всего бывает эмоционально окрашенной, асимметричной по принципу текстовой организации. Подчёркнутая логичность устной речи указывает на официальность обстановки общения. Деловое устное общение должно осуществляться на фоне положительных эмоций — доверия, сочувствия, доброжелательности, уважения.

Усанова Ольга Григорьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: ogu@mail.ru

Таким образом, высокая степень унификации, стандартизации как ведущая черта синтаксиса, высокая степень терминованности лексики, логичность, информационная нагрузка каждого элемента текста, внимание к деталям характерны для языка документов и отличают его от устной спонтанной деловой диалогической речи.

Характерной чертой русского языка документов является высокая степень терминованности, причём к терминам примыкает огромный пласт: 1) номенклатурной лексики (*ООО «Олимп»*); 2) номенклатура должностей (*менеджер по продажам, рекламный менеджер, генеральный директор, коммерческий директор*); 3) номенклатура товаров (*ЗИЛ-130, бензин А-76*); 4) технических терминов (*энергоносители, минерально-сырьевая база, вспомогательная техника*).

Кроме юридических, экономических и юридическо-экономических терминов, в языке деловых бумаг используется достаточно большое количество 1) аббревиатур (*АСУ — автоматическая система управления, АИС — автоматическая информационная система, КПД — коэффициент полезного действия, НРБ — нормы радиационной безопасности*); 2) сокращений (*ГК — Гражданский кодекс, УК — Уголовный кодекс*).

Сокращаются номенклатурные знаки самого различного свойства, представляющие собой: 1) наименования организаций (*МВФ — Международный валютный фонд, ЦБР — Центральный банк России*); 2) указывающие на форму собственности предприятия и входящие в качестве классификатора в названия предприятий (*ООО — общество с ограниченной ответственностью, ОАО — открытое акционерное общество, ЧП — частное предприятие, МП — муниципальное предприятие; СП — совместное предприятие*). Сокращается номенклатура должностей (*ИО — исполняющий обязанности*).

Однородность стилистической окраски лексики деловой письменной речи достигается и за счёт высокой частотности так называемой *процедурной лексики* (это лексика с обобщённым значением), представляющей в тексте документа конкретное действие, предмет или признак в официально-правовой интерпретации: нарушение трудовой дисциплины (это может быть *опоздание, прогул, явка на работу в нетрезвом виде* и т. д.); срыв графика поставок (*задержка в пути, несвоевременная отгрузка товара* и т. д.); характер наказания за безответственное отношение (*подвергаться в случае нарушения штрафам, материальным взысканиям, уголовному преследованию* и т. д.).

Процедура представления связана не только с предпочтением обобщённой семантики, но и с предпочтением родовых лексем видовым: продукция (*книги, буклеты, доски, гвозди*); помещение (*комната, квартира, зал*); постройка (*сарай, дом, ларёк* и т. д.); с тяготением к расчленённым наименованиям, как действий, так и предметов (*производить расчёт — рассчитываться, торговый процесс — торговля, денежные средства — деньги*).

Термины и процедурная лексика являют собой опорную, стилиобразующую лексику языка документов, составляющую по отдельным жанрам от 50 до 70 % всех словоупотреблений. Важнейшей особенностью процедурной лексики является то, что слово используется в тексте в одном возможном значении. Однозначность контекстного употребления обусловлена тематикой документа (*Стороны обязуются обеспечить взаимные бартерные поставки...*).

При всей многозначности слово *стороны* прочитывается только в юридическом аспекте — ‘юридические лица, заключающие договор’.

Высокая степень обобщённости и абстрактности основной стилеобразующей лексики (*расторжение, обеспечение, потери, расчёт, работа, разногласия, изделие, наименование* и т. п.) в деловой письменной речи сочетается с конкретностью значения номенклатурной лексики.

Номенклатурная лексика с её конкретно-денотативным значением дополняет высокий уровень обобщённости терминов и процедурной лексики. Эти типы слов используются параллельно: в тексте договоров — термины и процедурная лексика, в приложениях к договорам — номенклатурная лексика. В опросных листах, реестрах, спецификациях, заявках и т. п. термины получают свою расшифровку: *Договор — спецификация (продукция: бензин А-76, мазут, цемент, рубероид); Договор — услуги (калькуляция, подготовка оригинал-макета, изготовление и подготовка формы).*

На составление, изготовление и оформление документов тратится достаточно много времени, труда, кроме того, существуют и материальные затраты. При решении однотипных управленческих функций появляется неоправданное многообразие документов, которые фиксируют выполнение идентичных управленческих действий. С целью уменьшения разнообразия документов, типизации их форм, снижения трудоёмкости их обработки проводится унификация документов.

Основная цель унификации и стандартизации — создание таких форм документов, применение которых будет экономически эффективно, приведёт к увеличению времени на творческие элементы управленческого труда, повысит общую культуру управления. Унификация и стандартизация документов — основные направления совершенствования документации.

Объектами унификации и стандартизации в управленческой деятельности являются термины и определения, используемые при работе с управленческой информацией; организационные структуры организаций, учреждений и предприятий; классификаторы управленческих функций; управленческая документация.

В свете изложенной информации следует отметить, что в настоящее время, к сожалению, при наличии всевозможных словарей, освещающих различные сферы современной коммуникации (см. [Никитин 2004]; [Скляревская 2004]; [Гуревич 1999]; [Грачев 2006] и др.), не создано специализированного терминологического словаря специалиста-документоведа.

Изданный словарь-справочник документоведа [ТССД 2009] призван служить не только справочным пособием, но и источником знаний, необходимых в повседневной (бытовой / производственной) деятельности. Его лексический состав ориентирован на применение в деловом общении. В связи с расширяющимися с каждым годом международными связями, в которые всё активнее включаются не только специалисты-документоведы, но и представители других областей деятельности, достаточно широко представлена терминология международного общения.

Размеры статей различны, они зависят от содержания того или иного термина или понятия. Слова, которые являются не просто терминами в составе какой-либо темы (*документ, реквизит, документооборот* и т. п.), а сами обозначают темы и представляют собой сложные понятия (*письмо, стандарт, текст* и т. п.), даны

в большем объёме, достаточном, чтобы читатели получили о них ясное представление и могли воспользоваться полученными знаниями в процессе делового общения и оформления документов.

Материал в словаре сгруппирован в виде статей, расположенных по алфавиту. Для удобства чтения в текстах статей не все определяемые термины и понятия даны в сокращении, напр., *Автоматизированная система управления (АСУ)*, — это сделано, как правило, только в случаях, если термин состоит из нескольких слов и статья достаточно объемна.

Словарь-справочник составлен по материалам электронного лексического фонда русского языка (Санкт-Петербургского гос. ун-та) с привлечением материалов, представленных в статьях, монографиях, учебных пособиях по деловому общению, документоведению, делопроизводству, а также в средствах массовой коммуникации и на сайтах Интернета. Терминология, составляющая словник словаря-справочника, отражает наиболее актуальные понятия деловой жизни современной России.

Словарь-справочник явился своеобразным итогом работы студентов — будущих специалистов в области документоведения и делопроизводства в процессе изучения специального курса «Язык профессиональных коммуникаций». Именно социально-коммуникативная компетентность студентов позволяет расширять профессиональные компетенции.

Словарь-справочник включает более 400 терминов как из области документоведения, так и из областей, тесно связанных с деловым общением. Назначение словаря — дать читателю сведения о значении терминов, правильном их употреблении. Широкий круг охватываемой лексики позволяет использовать издание как справочное пособие всем, кто интересуется вопросами деловой коммуникации.

Работа выполнена в рамках полученного студентами Гранта конкурса Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Первый опыт создания терминологического словаря-справочника документоведа явился основой для совершенствования начатой работы. Именно современные студенты и дневного, и заочного обучения вносят дополнения и исправления в словник данного издания.

ЛИТЕРАТУРА

- Грачёв М. А. Словарь современного молодёжного жаргона. — М.: Эксмо, 2006. — 672 с.
- Гуревич П. С. Современный гуманитарный словарь-справочник. — М.: Олимп: АСТ, 1999. — 528 с.
- Скляревская Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка. — М.: Эксмо, 2004. — 448 с.
- ТССД: Терминологический словарь-справочник документоведа / сост. Е. В. Чухнина, О. С. Селиванова, О. Г. Усанова. — Челябинск: ЧГАКИ, 2009. — 40 с.
- Никитин А. Ф. Юридический словарь. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. — 640 с.

SOCIALLY-COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS
IN LEXICOGRAPHIC CONTEXT

O. G. Usanova

The article deals with compiling a reference book for filing clerks. The book, based on business Russian functional style, is built on principles of socially relevant communicative competence.

Key words: business style, socially-communicative competence, terminological dictionary, unification, standardization.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ (К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ АНТОЛОГИЙ НОВОГО ТИПА)

© 2011

А. П. Власкин

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И ИММАНЕНТНОЕ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЕРОЕВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ)

В статье решается одна из проблем, связанных с созданием словарей или энциклопедий по творчеству Ф. М. Достоевского. Эта работа, по мнению автора, затруднена из-за крайней сложности художественного мира писателя. Особенно это относится к типологической характеристике героев Ф. М. Достоевского, несмотря на существование различных типологических концепций.

Ключевые слова: персонаж, подтекст, словарь, сюжетный контекст, типологическая синтетичность, художественный тип, энциклопедия.

Примечательное явление в области лексикографии на рубеже тысячелетия — появление самых разнообразных (как по охвату материала, так и по качеству его интерпретации) словарей и энциклопедий, посвящённых творчеству отдельных писателей или даже отдельным их произведениям.

Как известно, многие проблемы для нас связаны с «многолюдьем» произведений Ф. М. Достоевского. Здесь действительно были бы уместны «словари» или даже «энциклопедии», особенно по романам этого писателя. Опыт подобных изданий в науке имеется; наиболее удачные посвящены романам «Евгений Онегин» и «Мастер и Маргарита». Применительно к Ф. М. Достоевскому такая работа затруднена в силу крайней сложности его художественного мира.

Чтобы упорядочить внимание к нему на уровне образной системы, в науке выдвигались различные типологические концепции. На сегодня наиболее убедительной выглядит характерология героев Ф. М. Достоевского, предлагаемая Г. К. Щенниковым [Щенников 2001]. Вместе с тем, во всех подобных системах конкретикой художественного мира писателя приходится заведомо поступаться. Вот и сам Г. К. Щенников в другой, более ранней своей работе, справедливо замечает: «Поскольку человек для него (Достоевского — *А.В.*) — всегда загадка, писатель стремится не к описанию, а к испытанию человеческой натуры, к определению соответствия между её сегодняшними проявлениями и *невоплощёнными* потребностями, в которых обнаруживается сущность человека» [Щенников 1976: 4]. Это, безусловно, верно, но именно поэтому даже в рамках *характера*

Власкин Александр Петрович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: vlaskin@mgn.ru

(не говоря уже о *time*) героям Ф. М. Достоевского — как и реальным людям — должно быть тесно.

Трудно рассчитывать на то, что мы способны в полной мере учитывать «не-воплощённые» писателем возможности его героев. Но если он их для себя предполагал в замысле, то и мы имеем право на своего рода *угадывания*. Потому что отдельные признаки того, что не развернулось, но заложено в образе персонажа, может просматриваться в его функциональности. И понятно, что чем неожиданнее какие-то черты, чем менее они согласуются с его «легитимным» характером, репутацией или ролью в сюжете, — тем более ценны эти черты для реконструкции недоволощённого, не развернувшегося потенциала того или иного персонажа. Соответственно, черты эти должны так или иначе учитываться при возможном описании героев в справочных изданиях.

Под каким же углом зрения можно прояснять подобный материал? На мой взгляд, для этого конструктивны понятия *подтекст* характера и *контекст* его художественной выраженности. В полифонии любого романа Ф. М. Достоевского различима своя структура. И герои-персонажи участвуют в полилоге на разных его уровнях (или в разных художественных измерениях). В самом первом приближении персонажи в том или ином романе писателя распределяются по трём — четырём планам повествования. Т. е. всегда в наличии герои первого, второго и других рядов (особенно в больших романах). Только вот далеко не всегда их идейная или, шире, художественная значимость соответствует их месту в том или ином плане повествования.

По необходимости краткий обзор конкретных примеров хочу предварить цитатой из «Братьев Карамазовых», в которой возможно возникновение аллюзий на антропологические *контекст* и *подтекст*: «Оказались тоже и другие люди, до которых всё это касалось, и может быть гораздо более, чем могло казаться Алёше прежде. Выходило что-то даже загадочное» [Достоевский, 14, 1976: 132]. Здесь в первой части авторской ремарки указывается на наличие контекста, а во второй угадывается подтекст.

В итоговом романе Достоевского (мы сосредоточим внимание лишь на нём) легко различим первый план персонажей — это собственно *братья Карамазовы*: Дмитрий, Иван и Алёша. По роли в каноническом сюжете и степени активности в этот же ряд можно поставить и главу семейства, Фёдора Павловича, и незаконного его сына, Смердякова. Однако в этом уже состоит и размывание первого плана. Потому что сюжетные судьбы обоих не случайно ведь в первой из двух задуманных частей диалогии завершаются: в дальнейшем этим героям у Достоевского места не нашлось бы.

Для всех трёх братьев актуален общий сюжетный контекст романа. Но для каждого из них имеет значение ещё и контекст личностных взаимоотношений с другими персонажами, как очных, так и заочных. Т. е. для каждого актуален свой контекст связей. Напр., для Ивана это — отец, Алёша, Дмитрий, Смердяков, Катерина Ивановна и многие другие (на то он и центральный герой). Наряду с этими, магистральными связями, для Ивана значимы и другие — эпизодические, но принципиально важные. Напр., лишь однажды говорит он со старцем Зосимой. Но можно угадывать, что это, быть может, — единственный для него серьёзный авторитет и оппонент. Не случайно Иван всерьёз спрашивает Зосиму о свойствах

своего сердца и в то же время заявляет позднее Алёше: «... я тебя <...> не уступлю твоему Зосиме» [Там же: 222]. Для примера укажу ещё на одно звено в Ивановом контексте: Лиза Хохлакова. С ней он по сюжету прямо не говорит. Зато говорит *о ней*, — Алёше: «Шестнадцать лет ещё нет, кажется, и уж предлагается!». Это в связи с запиской, которую написала ему Лиза. И так говорит герой, который принципиально сочувствует «деткам» самого разного возраста, — очевидно, лишь теоретически. Потому что когда Алёша восклицает: «Что ты, Иван? <...> Это ребёнок, ты обижаешь ребёнка!», — следует ответ: «Коль она ребенок, то я ей не нянька» [Достоевский, 15, 1976: 38]. Эти два примера — как два вектора в личностно-функциональном контексте Ивана Карамазова. И по этим векторам углубляется подтекст его образа. По вектору Зосимы — неразвернутые позитивные в этическом плане возможности характера Ивана; по вектору Лизы — негативные.

При этом представлены примеры взаимосвязей эпизодических, как бы периферийных. Это если сравнивать их с векторами магистральными: Иван — Алёша, Иван — Смердяков, и т. д. Но в таких основных и сквозных для романа связях проявляется лишь развернувшееся, достаточно очевидное содержание характера. А связи эпизодические дают образу художественную подсветку, т. е. выявляют его подтекст, придают ему объём и перспективы развития.

Если в полной мере развернуть индивидуальные контексты центральных героев, то они по своим художественно-магистральным связям окажутся, конечно, тесно переплетёнными между собой. Т. е. Иван, Дмитрий, Фёдор Павлович столь же важны для воплощения и развития характера Алёши, как и сам он — для каждого из них, и вообще каждый из них — друг для друга. Во всех этих взаимосвязях обрисовывается общий характерологический контекст романа. И центральные персонажи в нём — как узловые образы. Между тем есть в этом общем контексте и другие «узлы», т. е. образы-посредники. И нужно иметь в виду связи не только прямые, очевидные, очные, но также (как уже сказано выше) и заочные. Их можно назвать *аллюзорными* — как в характерологическом, так и в идейном отношении.

Яркий пример здесь — Екатерина Осиповна Хохлакова. Образ этот явно не принадлежит к «первому ряду» персонажей. Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении в нём раскрывается чрезвычайно широкий и примечательный спектр возможных аллюзий. Можно предполагать, что Ф. М. Достоевский очень многое с этой героиней в художественном смысле связывал.

Для начала обратим внимание на связи Хохлаковой с Зосимой (это будут одновременно как его, так и её личностные контексты). Важность этих связей учтена самим автором в названиях соседних глав — «Верующие бабы» и «МалOVERная дама». Так *маркирует* Достоевский два своеобразных полюса, между которыми реализуется духовное воздействие старца Зосимы. «МалOVERная дама» — это госпожа Хохлакова. В контексте личностных взаимоотношений Ивана Карамазова Екатерина Осиповна занимает вполне конкретное место. Но полноценная значимость этого места как бы *затушёвана* принятой ею на себя ролью: она активно сватает Ивана и Катерину Ивановну. Подлинная значимость Хохлаковой как в этом, так и в иных контекстах (напр., во взаимоотношениях с Дмитрием и Алёшей) может быть понята с двух точек зрения.

Первая из них выражена как раз в главе «МалOVERная дама». Здесь Хохлакова, исповедуясь старцу, в бурлескной форме, но в предельном заострении ставит проблемы религиозной веры и тем самым предваряет (как в сюжетном, так и в идейном плане) выступления Ивана Карамазова. Это она первая ставит вопрос о том, почему легче любить человечество, чем ближнего своего. И это вначале ей и уже следом Ивану Зосима внушает: «... и того довольно, что вы о сем сокрушаетесь <...> я верую, что вы искренни и сердцем добры» [Достоевский, 14, 1976: 53–54]. А для Ивана остаётся лишь переформулировать: «... благодарите творца, что дал вам сердце высшее, способное такую мукой мучиться» [Там же: 65].

В том же диалоге Хохлаковой с Зосимой вполне различима аллюзия на позицию Фёдора Павловича. На первый взгляд, Хохлакова никак не соотносится, вообще не контактирует с отцом семейства Карамазовых. Между тем, Зосиме в разговоре с Хохлаковой приходится почти повторяться, т. е. на этот раз не *до*, а *после* советов, — Фёдору Павловичу. Ему он внушал: «Главное, самому себе не лгите. Лгуший самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть входит в неуважение и к себе, и к другим» [Там же: 41]. А вот как старец воспитывает Хохлакову: «Главное, убегайте лжи, всякой лжи, лжи себе самой в особенности. Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в неё каждый час, каждую минуту. Брезгливости убегайте тоже и к другим, и к себе: то, что вам кажется внутри себя скверным, уже одним тем, что вы это заметили в себе, очищается» [Там же: 54].

Т. е. вполне различимо у Достоевского (через восприятие Зосимы), что Хохлакова в идейном отношении оказывается с Иваном — в одном контексте, а с Фёдором Павловичем — в другом. Соотнесение здесь, конечно, дано в пародийном преломлении. Образ-посредник для этих контекстов — старец Зосима. А в других случаях подобную роль берёт на себя сама Хохлакова (напр., во взаимоотношениях с Алёшей, Дмитрием и Иваном, с Катериной Ивановной и Грушенькой, и т. д.).

Полезно обратить внимание на персонажей особого рода, как бы из «заднего ряда». Интересен здесь, напр., Петр Калганов. Примечателен он как по своей роли в общем романном контексте, так и по отношению автора к этому персонажу. Напр., вначале он поставлен рядом с Алёшей и в этом смысле составляет некую пару с Ракиным. Но, в отличие от последнего, он не имеет развёрнутого на весь роман личностного контекста. Калганов — участник скандальной сцены в келье Зосимы. Затем он надолго пропадает и появляется много позднее, уже в Мокром. Там он поставлен в выразительные взаимоотношения с Митей, Грушенькой и Максимовым. И здесь много странностей — кажется, чисто художественных. Напр., у Калганова как бы до конца не определившееся этическое амплуа (быть может, даже в глазах автора). То он наивен и мил, опекает Максимова; и ещё он единственный (после Грушеньки), кто пожалел Митю и простился с ним после ареста и допроса. А потом вдруг Калганов проявляет странную чёрствость в отношении того же Максимова, прежде им опекаемого. Калганов дважды оказывается в роли несерьёзного соперника. Вначале он мнимый соперник Дмитрия во взаимоотношениях с Грушенькой; затем — соперник Алёши (которого ухаживаниями Калганова поддразнивает Лиза Хохлакова [Достоевский, 15, 1976: 22]).

Эти странности оттеняются тем, что автор почему-то дважды даёт Калганову развёрнутую характеристику. И главное, оба варианта местами почти дословно

повторяются. Вначале — перед сценой в келье Зосимы [Достоевский, 14, 1976: 32]. Во втором случае — в описании кутежа Дмитрия в Мокром [Там же: 379]. Такую странную дублированность можно объяснять по-разному. Может быть, Достоевский в спешке работы забывает о том, что уже охарактеризовал персонажа, однако сохраняет и заново воспроизводит задуманное впечатление о нём. А может быть, напротив, Калганов почему-то ему принципиально важен для будущего сюжета. Не лишним будет заметить, что некоторые черты Калганова — как во внешнем облике, так и в поведении (напр., странная неподвижность взгляда) — напоминают даже князя Мышкина из романа «Идиот». Так что автор, быть может, намеренно повторяется, чтобы освежить в памяти читателей облик персонажа. Во всяком случае, цельного личностного контекста у Калганова в написанном романе так и не сложилось. Ему присуща почти служебная функциональность. Он остаётся несамостоятельным звеном в контекстах Алёши, Дмитрия, Грушеньки.

В подобном же статусе оказывается помещик Максимов — и тоже с двоящейся репутацией. Примечательно, что и сюжетная роль его заметна лишь в тех же больших фрагментах — в сцене скандала в монастыре и в Мокром. С Фёдором Павловичем он пошлый приживальщик, а с Митей и Грушенькой — смиренный и жалкий. Вместе с тем, в образе Максимова также угадывается богатый содержательный потенциал, — настолько противоречивый, что персонажа этого (в отличие от большинства остальных) даже затруднительно отнести к определённом художественному типу. Так, по некоторым чертам его можно «числить» по ряду *смиранных, униженных, пьяненьких*; по другим чертам в нём угадывается *шут, приживальщик и сладострастник*. Последнее позволяет видеть в нём художественную параллель к образу Фёдора Павловича, что подтверждается также нюансами истории с двумя жёнами Максимова (см. его рассказ в Мокром [Достоевский, 14, 1976: 380–381]). Более того, в образе Максимова просматривается широкий культурологический подтекст, откликающийся на русскую литературу. Сам этот персонаж шутовски возводит свою «родословную» к художественному миру Гоголя (его будто бы высек Ноздрев); он походя цитирует Карамзина, Крылова, Батюшкова и Гончарова (отмечено комментаторами романа — см. [Достоевский, 15, 1976: 576–577]).

Таким образом, если личностный контекст Максимова в «Братьях Карамазовых» остаётся неразвернутым, фрагментарным, то аллюзорно он откликается на более широкий художественный контекст произведений Достоевского. Напр., Максимова можно считать своего рода «наследником» Мармеладова, генерала Иволгина, чиновника Лебедева и некоторых других персонажей из предыдущих романов писателя.

Примеры с Калгановым и Максимовым дают основания вернуться к вопросу о возможностях совмещать типологический и имманентный подходы, которые лишь при первом приближении могут расцениваться как принципиально разные. В частности, внимание к признакам того или иного «типа» приводит нас к выявлению отдельных образов, в которых различима *типологическая синтетичность*. Речь при этом может идти не о «размывании» границ между типами, а именно о синтезе признаков. В подобных случаях конкретность умозрительно понимаемых типов не растворяется, а совмещается в образе. А нюансы соотношения их в отдельно взятом образе придают ему художественное своеобразие.

ЛИТЕРАТУРА

Власкин А. П. Проект «Энциклопедия Ф. М. Достоевского» в контексте развития лексикографии // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. — Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. — Вып. 2. — С. 780–785.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1972–1990. — Т. 14. — 1976. — 510 с.; Т. 15. — 1976. — 623 с.

Щенников Г. К. Мысль о человеке и структура характера у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Вып. 2. — Л.: Наука, 1976. — С. 3–10.

Универсализм характеров и типология сознаний // Г. К. Щенников. Целостность Достоевского. — Екатеринбург: УрГУ, 2001. — С. 89–144.

THE TYPOLOGICAL AND THE IMMANENT IN THE PORTRAYAL OF
F. M. DOSTOYEVSKY'S CHARACTERS (LEXICOGRAPHIC ASPECT)

A. P. Vlaskin

The article tackles the problem of compiling dictionaries or encyclopedias based on F. M. Dostoyevsky's works. But this effort, in the author's opinion, is hampered by the fact that the writer's artistic world is very complex, which is especially true for typological characterization of personages despite different typological conceptions.

Key words: character, implied sense, dictionary, plot context, typological synthesis, literary type, encyclopedia.

© 2011

Т. И. Васильева, А. А. Торшин

О ПРОЕКТЕ АНТОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XX ВЕКА

В статье освещаются особенности организации Антологии художественных концептов и принципы осуществляемого исследования, обращается внимание на специфику литературоведческого концептного анализа и характер отбора литературного материала.

Ключевые слова: антология, художественный концепт, концептуальный анализ.

Неуклонно возрастающий в последние два десятилетия интерес филологической науки к концептному (концептуальному) анализу проявляется в обилии конкретных исследований и пока единичных работах обобщающего характера, освещающих преимущественно лингвокогнитивный и лингвокультурный аспект

Васильева Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета.

Торшин Анатолий Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: Ruslit20@mail.ru

означенной проблемы. Впервые анализ широкого круга взаимосвязанных концептов был представлен в сборнике московских лингвистов под руководством Н. Д. Арутюновой «Логический анализ языка. Культурные концепты» (1991). Результат дальнейшей многотрудной работы в этом направлении являют такие издания, как «Константы. Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова [Степанов 1997], «Идеи в России» (в 5 т.) под редакцией А. де Лазари [Лазари 1995–2003], «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» под редакцией И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова [Захаренко 2004]. Одним из последних исследований такого рода является изданная в 2007 г. на основе диссертационных изысканий лингвокультурологического характера «Антология концептов» (составители В. И. Карасик, И. А. Стернин).

Особо значимым для подготавливаемой Лабораторией литературоведческих исследований при кафедре современной русской литературы МаГУ антологии концептов является упомянутый ранее опыт масштабного изучения концептов, каковым является вышедший в 1997 г. (в дополненном виде переизданный в 2001 и в 2004 гг.) фундаментальный труд Ю. С. Степанова. Его примечательная особенность — сочетание современных значений слов, представляющих важнейшие концепты русской культуры с этимологическим их анализом, что позволяет учёному на основе многочисленных источников проследить развитие константных концептов от дописменной эпохи до настоящего времени. Ещё одна знаменательная черта этого словаря — гнездовой способ структурирования, обеспечивающий объединение концептов в группы двух видов. С одной стороны, это сходные концепты с единой базовой лексемой, с другой — сопряжение определённого ключевого концепта с ассоциативными («производными», по определению Ю. С. Степанова) значениями.

Изучение концептов в современной науке ведётся в основном лингвистами, культурологами, психологами и философами. Нами предпринимается попытка рассмотреть ряд концептов русской литературы XX в. с точки зрения литературоведения. Под концептом понимаем «философско-эстетический феномен, ментальное образование, являющееся единицей художественной картины мира автора, заключающее в себе, с одной стороны, универсальный художественный и культурный опыт (дискретная единица коллективного сознания), с другой — эмоционально-чувственные проявления индивидуума. Концепты являются смыслообразующими константами художественной картины мира писателя, выражающими особенности его художественного сознания» [Полехина, Васильева 2008: 3]. В лингвокогнитологии при анализе концепта особое внимание обращается на его познавательную сущность, в лингвокультурологии — на его культурно-историческую значимость, при рассмотрении же концепта литературоведами акцент делается на особенности его образного воплощения, передающего индивидуальное мировидение художника. Вслед за В. Зусманом мы считаем, что «вводя концепт как единицу анализа, литературоведение получает возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть» [Зусман 2003: 71].

Подготавливаемая антология художественных концептов отличается от имеющихся изданий такого рода, прежде всего, отбором источников, на основе которых определяется семантический ореол культурных концептов. Если в словаре

Ю.С. Степанова «непосредственным материалом служат языковые данные — этимология слов; словоупотребления и толкования слов и понятий, запечатлённые в различных текстах — писателей, общественных деятелей, в других словарях» [Степанов 1997: 12], представляющих отечественную культуру, а в «антологии концептов», составленной В.И. Карасиком, И.А. Стерниным, это делается «на материале разных языков и культур» [Карасик 2007: 5], то все представляемые в нашем издании концепты рассматриваются исключительно на основе произведений русских писателей и поэтов XX в. Такой принцип отбора концептов обусловлен двумя причинами. Во-первых, именно художественная литература открывает максимальное количество индивидуальных значений концепта, нередко провоцируя их актуализацию в широкой читательской аудитории — значительной части носителей национального языка. Во-вторых, именно в избранный период (XX век) литература демонстрирует особую активность в области смысловотворчества. В итоге, формальное сужение исследовательского поля фактически открывает возможность широко осветить значения концептов, репрезентируемые не только соответствующими лексемами, но и художественными образами.

Палитра охваченных антологией писательских имён отражает основные этапы развития отечественной литературы на протяжении минувшего столетия. Это художники различных философских, политических, религиозных и эстетических воззрений, что обеспечивает широту охвата семантики художественных концептов и даёт возможность рассмотреть многообразие концептных наслоений.

Своеобразной является и структура Антологии. В качестве основы отбирается, как и авторами других словарей, локальный круг концептов, в число которых входят «Война», «Дом», «Детство», «Любовь», «Преодоление», «Свобода», «Судьба», «Творчество», «Счастье», «Жизнь», «Смерть» и др. Это ряд базовых концептов национального языка, формирующих общие контуры художественной картины мира, сориентированной на воспроизведение и осмысление этапных периодов человеческого бытия. Каждому концепту посвящается не одна, а несколько статей, выполненных на разном литературном материале. Так, концепт «Детство» рассматривается на произведениях Б. Пастернака, В. Гроссмана, А. Битова, Л. Улицкой; концепт «Город» — на поэтических текстах С. Есенина, О. Мандельштама, И. Бродского; концепт «Творчество» — на основе повестей и романов Б. Пастернака, Б. Васильева, В. Распутина, Л. Бородина и т. д. Такой подход позволяет многогранно представить характер индивидуальных значений исследуемых концептов.

В современной науке до сих пор не сложилось единого мнения о модели концептного анализа, учёными предлагаются различные методики его выполнения [Фрумкина 1992, Стернин 2001, Карасик 2002]. Исследуя концепт в художественном тексте, мы обращаем внимание на особенности преломления в сознании художника общепринятого значения концепта, способов его вербального и невербального воплощения. Концепт для изучения в каждом конкретном произведении берётся не произвольно, а диктуется художественным замыслом, идеей текста.

Опыт подготовительной работы убеждает в том, что концептный анализ в его литературоведческом исполнении оказывается особенно продуктивным в тех случаях, когда ставится задача проследить на ряде произведений эволюцию мировосприятия писателя. Более того, изучение динамики понятийного, образного

и ценностного наполнения концептов в творчестве писателей позволяет прояснить социально-культурные тенденции обозначенного периода, ибо каждый художественный текст «несёт на себе печать культуры определённого этапа в истории общества» [Болотнова 2005: 50]. Возможность выхода на обобщения такого рода возникает при сопоставлении индивидуально-авторской интерпретации определённого концепта с его трактовкой в русской художественной картине мира и в картине мира соответствующего социума.

В работе с отдельным художественным текстом наибольшие результаты приносит сопряжение доминантного для исследуемого произведения концепта с кругом других тесно связанных с ним концептов, обусловленных концептной структурой конкретного текста и авторским замыслом, что в свою очередь позволяет обозначить особенности эстетически отражённой в произведении концептосферы автора. В итоге в процессе изучения художественных концептов необходимым оказывается применение как синхронического, так и диахронического подходов.

Отличительными чертами обладает и сама процедура литературоведческого исследования художественных концептов. Это не значит, что происходит отказ от каких-то отработанных лингвистами приёмов контекстного анализа. В литературоведческом исполнении концептного анализа также имеет место движение от ядерной к периферийной зоне, как и долженствующая работа на этом этапе со словарями. Помимо определения семантического поля ключевой леммы — репрезентанта концепта в тексте с помощью толковых словарей, обозначаются в ряде случаев не только собственно лингвистические, но и нелингвистические способы представления концептной информации в художественном произведении (через особенности композиции, сюжетостроения, группировку образов и др.).

Значимым представляется анализ интерпретационного поля, т. е. периферии концепта, включающей «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [Попова, Стернин 2001: 97]. Вместе с тем, при определении периферии художественного концепта считаем целесообразным ориентироваться не на всё многообразие ассоциативных значений, зафиксированных в соответствующих справочных изданиях, а на те, что порождаются образным миром исследуемого художественного текста. Кроме того, означенный этап работы оказывается лишь подготовительным и практически полностью остаётся «за кадром» исследования, закладывая основу для детального рассмотрения образных воплощений как традиционных, так и оригинальных смыслов. Рассмотрение образно-символического и ценностного слоёв концепта в литературных произведениях становится приоритетным. Смещение акцента в этом направлении позволяет в полной мере использовать возможности концептного анализа для решения собственно литературоведческой задачи — интерпретации художественного текста, выявления в её процессе неочевидных, на первый взгляд, смыслов.

Таким образом, концептный анализ в его литературоведческом преломлении являет параллельный герменевтике путь истолкования художественного текста, более жёстко сориентированный на достижение конечной цели. При этом изучение концепта в художественных текстах проводится в логическом направлении: от концепта к рассмотрению вербальных и специфических для художественной литературы невербальных средств его воплощения в тексте, анализируются ядро

концепта и его интерпретационное поле, взаимосвязь концептов в произведении и творчестве автора в целом, с выходом на моделирование концептосферы художника.

ЛИТЕРАТУРА

- Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — 512 с.
- Болотнова Н.С. Художественный концепт как объект филологического исследования // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 9. — Пермь: Пермский гос. ун-т, 2005. — С. 50–56.
- Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. — 2003. — № 2. — С. 44–71.
- Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. — Волгоград: Перемена, 2001. — С. 3–16.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
- Лазари де А. Идеи в России: в 5 т. — Лодзь: Ибидем, 1999–2003.
- Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — 204 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2001. — 136 с.
- Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: Вып. 1. / под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. — М.: Гнозис, 2004. — 320 с.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М.: Яз. рус. культуры, 1997. — 824 с.
- Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта: науч. изд. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 58–65.
- Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Науч.-техн. информ. Сер. 2: Информацион. процессы и системы. — 1992. — № 6. — С. 1–8.
- Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: сб. науч. ст. / ред. и сост. М.М. Полехина, Т.И. Васильева. — Магнитогорск: МаГУ, 2008. — Вып. I. — 152 с.

ANTHOLOGY OF CONCEPTS IN RUSSIAN LITERATURE
OF THE 20th CENTURY (PROJECT)

T.I. Vasilyeva, A.A. Torshin

The article deals with peculiarities and basic design of the anthology of literary concepts focusing on specific conceptual analysis in literature and on characteristics of selected literary material.

Key words: anthology, literary concept, conceptual analysis.

КОНЦЕПТ В ТЕКСТЕ И СЛОВАРЕ ПИСАТЕЛЯ

Описание концепта применительно к отдельному тексту лишь отчасти оказывается лингвистическим, т. к. связано с реконструкцией затекстной информации, объясняющей выбор языковых средств. Материалы статьи предлагают модель лексикографического описания концепта, в котором были бы зафиксированы способы его репрезентации в тексте произведения с опорой на культурно-исторический комментарий. Словарь такого типа соединит признаки словаря языка писателя (словаря одного произведения), идеографического словаря, словаря-справочника, историко-литературного комментария и конкорданса.

Ключевые слова: лексикографическое описание концептов, Е. Замятин, утопический жанр, антиутопический жанр.

Исследование концептов предполагает обязательный лексикографический этап и в плане изучения существующих словарных описаний, и в плане создания нового словаря (или его аналога). Это необходимо, с одной стороны, для проверки выдвигаемых научных версий и для установления доли индивидуального, группового и национального в обнаруженных связях, смыслах, а также в формах вербализации концептов. С другой стороны, лексикографическое описание концептов как результат исследования позволяет сохранить материалы в определённой поисковой системе, и, возможно, выработать новую методику анализа.

Сегодня в области словарного описания концептов вопросов больше, чем ответов. Причину этого мы видим в сложности изучения такого объекта, как концепт — он не дан нам в ощущениях. До сих пор нет единой точки зрения на его природу, структуру, применяются разные подходы к его анализу и др. Кроме того, учёные, занимающиеся изучением концептов, убеждены, что концепты далеко не всегда имеют языковой способ репрезентации, чаще — не только языковой. Исследователи языковых репрезентаций концептов, таким образом, имеют дело только с частью средств их объективации, с тем, что нашло отражение в языковой системе того или иного народа. Лексикографическое описание и в последнем случае не лишено проблем, поскольку концепт может проявить себя не только на лексико-фразеологическом уровне, но и на уровне словообразования, грамматики, что требует выработки некой методики описания этих средств в совокупности, не разрушающей целостности концепта и отражающей взаимодействие всех единиц языка в процессе его вербализации. Но даже если словарь языковых репрезентаций концепта будет создан, то он обречён на фрагментарность, поскольку будет ограничен средством репрезентации — языком.

Исследование общенародного концепта на языковом уровне обычно представляет собой анализ словарных материалов (чаще дефиниций) или фактов употребления каких-либо средств языка (как правило, какого-то одного типа). Когда речь идет об общенародном концепте, то в любом случае за пределами анализа

Андреева Светлана Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания Магнитогорского государственного университета.
E-mail: 216zamsv@mail.ru

оказывается конкретная речевая ситуация, которая потребовала вербализации данного концепта, за пределами остаётся экстралингвистическая часть содержания концепта. Сложность отношения к неязыковой части представления концепта в том, что она с трудом поддаётся не только описанию, но и вычленению, идентификации и фиксации в виде знаковой системы, поскольку может объективироваться в виде архитектурных сооружений, живописных полотен, запахов, вкусовых, тактильных ощущений, которые остаются в памяти человека и могут представлять концепт. Другими словами, концепт аккумулирует в сознании человека накопленный опыт, и лингвистический, и нелингвистический. Актуализация концепта (какой-то его части) может идти от любого факта, сформировавшего опыт индивида, то есть от запаха — к слову, от слова — к вкусовым ощущениям, от визуального восприятия — к запаху, тактильным ощущениям и т. д., т. е. в действительности вербализация концепта всегда существует во взаимосвязи с другими способами его объективации. Важно помнить, что экстралингвистическая среда «питает» лингвистическую форму репрезентации концепта. С этих позиций те, кто изучает концепты на материале конкретных текстов, особенно художественных, находятся в более выгодном положении, поскольку писатели реконструируют, пусть субъективно, сознание человека. Читатель может понять связь речевых продуктов героя с его мыслями и фактами взаимодействия с внешней средой. В этом смысле художественный текст представляется нам важнейшим источником информации для реконструкции содержания не только концепта, но и концептосферы, т. е. определённой целостности, состоящей из отдельных, связанных между собой концептов.

Следует заметить, что проблемы лексикографического описания усложняются в геометрической прогрессии, если речь заходит о словарном описании концептосферы. С нашей точки зрения, попытаться описать концептосферу — значит, в том числе, выработать и подходы к её описанию. И эффективнее это можно сделать на примере словаря, посвящённого одному произведению одного автора. В этом случае сохраняется необходимый спектр условий, так как текст — это целостное образование, обладающее относительной законченностью и самостоятельностью. Он имеет ряд «полезных» ограничителей, позволяющих приблизиться к относительно чёткому кругу анализа лингвистических и экстралингвистических фактов, — это тематическое единство, творческая деятельность одного носителя языка (автора текста), история создания текста, временное ограничение (годы создания произведения). Совокупность этих условий позволяет рассмотреть особенности существования концептов не оторванно, а в связях и отношениях друг с другом, т. е. в концептосфере. Мы решили добавить к названным «ограничителям» ещё один — рассмотреть не все концепты, а только те, которые характерны для утопического типа сознания, формирующего на уровне художественных произведений жанр утопии и антиутопии. Источником для описания концептосферы стал текст романа Е. Замятина «Мы». Особенность данного произведения в том, что в нём произошла «кристаллизация» нового для времени писателя жанра антиутопии. Замятин, опираясь на концептосферу утопического типа сознания (своеобразный концептуальный минимум, определяющий каркас произведения на ментальном, доречевом уровне), создал произведение, ставшее эталоном антиутопического жанра.

Идея создания словаря, описывающего концептосферу утопического типа сознания на примере одного произведения, продиктована стремлением решить сразу несколько задач:

- 1) определить и описать концепты, которые формируют жанровые особенности антиутопии;
- 2) отразить взаимосвязь концептов, которая проявляется на уровне их вербализации в тексте произведения;
- 3) сопроводить лингвистическое описание затекстовой информацией, объясняющей связи и отношения концептов, а также авторский выбор языковых средств объективации данных концептов;
- 4) найти словарный способ описания интертекстуальных явлений, участвующих в объективации концептов и установлении связей между ними.

Словарь будет состоять из нескольких блоков, построенных по типу разных справочных изданий и связанных между собой системой гиперссылок. Он может быть издан в печатной форме и в форме электронного документа. Количество составляющих, то есть информационных блоков, будет разным в зависимости от формы словаря.

Электронная версия может включать три части, или три информационных блока: первый блок — средства вербализации концепта, составляющие корпус словаря, с конкордансом; второй — электронный текст романа Е. Замятина «Мы», который с помощью системы гиперссылок возьмёт на себя функции зоны иллюстраций и базы данных; третий блок — историко-литературный и филологический комментарий к фрагментам текста, восстанавливающий затекст для реконструкции ассоциативных связей, на которые, предположительно, мог рассчитывать Е. Замятин при написании антиутопии.

Первый информационный блок разделяется в свою очередь на части в соответствии с выделенными концептами, которые в оглавлении (меню страницы) будут располагаться в алфавитном порядке имён концептов. Описание каждого концепта составляет перечень базовых и дополнительных вербальных средств объективации концепта с указанием тех частей текста, в которых они обнаружены. Ссылка на текст будет сопровождаться минимальным контекстом, то есть иметь форму конкорданса. Каждое языковое средство, включённое в словник, будет сопровождаться указанием на частотность его употребления в тексте романа «Мы» и гиперссылкой к тексту. Помимо этого, языковое средство может содержать указание на наличие комментария составителя словаря.

Словник необходимо структурировать с позиций языковой системы, т. е. языковые средства должны быть представлены в иерархическом порядке по номинативной способности. Так, первой будет представлена базовая номинация с описанием её словообразовательного гнезда, далее — дополнительные номинации. Дополнительные номинации также неоднородны. Первыми в этой группе пойдут синонимы, причём сначала синонимы того синонимического ряда, в котором доминантой является базовая номинация, потом синонимы тех синонимических рядов, где базовая номинация — только член ряда, а не доминанта. Дается анализ соответствующих словообразовательных производных. Затем будут представлены дополнительные номинации, имеющие в составе значения семы, общие с базовой номинацией. Последняя группа является разнородной и многочисленной, поэто-

му она разбита на тематические группы, соответствующие признакам концепта. Следом идут дополнительные средства, которые обнаруживают ассоциативные связи с понятием базовой номинации. Выбор последних опирается на ассоциации синтагматические (на основе сочетаемости или в целом смежности) и парадигматические (на основе сходства, тождества или противоположности). «Ассоциативные» средства также сгруппированы по признакам концепта, соотнесены с его структурой и представлены в виде тематических групп.

Если условием для репрезентации концепта с помощью той или иной лексемы является некое грамматическое требование (напр., определённая грамматическая форма, конструктивная ограниченность или синтаксическая связанность значения), то данная лексема будет иметь соответствующую помету.

Как известно, вербализация концепта не ограничивается лексическим уровнем языка. Концепт может обозначаться и на уровне грамматики, опираясь на «память» синтаксических конструкций, определённых структурных схем, особенности их парадигмы, напр., стилизации, речевые штампы политриторики и т. д. Такие случаи объективации концепта выведены на периферию словника и замыкают собой группу дополнительных средств его вербализации. Они представлены формализованным описанием структурной схемы синтаксической конструкции и содержат ссылки на текст и на комментарий составителя.

Проиллюстрируем сказанное на примере описания концепта «Труд», который занимает одну из ключевых позиций в концептосфере антиутопического типа сознания вообще и антиутопии Замятина в частности.

В качестве заголовка статьи выбрана лексема *труд*, являющаяся базовой номинацией соответствующего концепта. Базовые и дополнительные языковые средства могут быть многозначными. С нашей точки зрения, важно указать частотность использования в тексте произведения всех вариантов значения, особенно, когда речь идет о лексических и фразеологических единицах. Толковый словарь русского языка [Ожегов, Шведова 1997] даёт 5 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) лексемы *труд*.

Словарная запись для базовой номинации концепта «Труд» будет выглядеть следующим образом: **ТРУД (13)** (где 13 — число употреблений лексемы в тексте). Правее от заголовка будут даны все ЛСВ с указанием их частотности:

ТРУД (1–3) — Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей.

1. Запись 4-я, Конспект: ДИКАРЬ С БАРОМЕТРОМ. ЭПИЛЕПСИЯ. ЕСЛИ БЫ. КС–30 / Хрустальный дворец

...высокий *труд* Хранителей.

2. Запись 12-я. Конспект: ОГРАНИЧЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ. АНГЕЛ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ. КС–54 / Смерть / Государство / Несвобода:

...перед самоотверженным *трудом* этого Нумера из Нумеров?

3. Запись 34-я. Конспект: ОТПУЩЕННИКИ. СОЛНЕЧНАЯ НОЧЬ. РАДИО-ВАЛЬКИРИЯ. КС–206

...Несчастные слонялись возле места привычного *труда*...

Подзаголовок **ТРУД (1–3)** означает, что лексема *труд* в первом значении употребляется в романе трижды. Ниже располагается конкорданс — указание на точ-

ное место в тексте (номер записи, название конспекта и минимальный контекст). Пометы **КС–30**, **КС–54** и **КС–206** указывают на наличие комментария и его порядковый номер. Гиперссылка отошлет к соответствующему тексту в третьем информационном блоке, например: **КС–54 / Смерть / Государство / Несвобода**: «Склоняться перед самоотверженным трудом». Трудом здесь названа работа палача. Самоотверженный труд значит ‘направленный на благо других людей в ущерб собственным интересам’. Если казнь расценивается гражданами Единого Государства как благое дело, общественно-полезная работа, то можно судить о степени их несвободы и страха, а также о тяжести государственного пресса, который даже в личном дневнике не позволяет человеку назвать всё своими именами.

Тот же порядок описания может быть применён к дополнительным средствам. Так, лексема *детище* будет входить в тематическую группу дополнительных средств «Результат труда». Причём её значение, зафиксированное в романе, может актуализироваться как самой лексемой, так и ассоциативно связанными с нею лексемами *ребёнок* и *человечек*.

ДЕТИЩЕ (2).

ДЕТИЩЕ (2–1*) — перен., чего. О том, что создано собственными трудами, заботами (высок.)

1. Запись 31-я. Конспект: ВЕЛИКАЯ ОПЕРАЦИЯ. Я ПРОСТИЛ ВСЁ. СТОЛКНОВЕНИЕ ПОЕЗДОВ. 1.

...До сего дня ваши же *детища*, механизмы — были совершеннее вас...

Запись 1-я. Конспект: ОБЪЯВЛЕНИЕ. МУДРЕЙШАЯ ИЗ ЛИНИЙ. ПОЭМА. 1 / **КС–9** /

...пульс нового, ещё крошечного, слепого *человечка*...

Следующие части словарной записи, отделённые косой чертой, — / **Хрустальный дворец** и / **Смерть / Государство / Несвобода** — указывают на наличие концептуальных узлов, то есть связи концепта «Труд» в пределах соответствующего контекста с другими концептами.

Подобное описание должны получить все концепты, фиксирующие утопический тип сознания в романе Е. Замятина «Мы». Система сквозных гиперссылок, «пронизывающих» словарь, позволит наглядно отразить обилие и характер связей между концептами в концептосфере произведения, взаимодействие различных средств вербализации концептов, увидеть способы обращения к затекстовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Замятин Е. Мы // Е. Замятин. Избранное. — М.: Правда, 1989. — С. 307–462.
 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.

CONCEPT IN TEXT AND WRITER'S DICTIONARY

S. L. Andreyeva

Concept description as applied to individual texts proves only partially linguistic. This is due to the reconstruction of over-textual information that explains the choice of linguistic means. The paper advances a lexicographic model of a concept, which would incorporate all of its textual representations based on cultural and historical commentary. A dictionary of that kind would combine features of the dictionary of only one of the writer's works, ideographic dictionary, reference-book, literary and historical commentary, and concordance.

Key words: lexicographic model of a concept, E. Zamyatin, utopia, anti-utopia.

© 2011

С. В. Рудакова

СЛОВО-ОБРАЗ «ТИШИНА» В ПОЭЗИИ Е. А. БОРАТЫНСКОГО
(МАТЕРИАЛЫ К «АНТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.»)

В статье рассматривается слово-образ «тишина» в лирике Е. А. Боратынского. Выявляется то, что этот образ вбирает в себя и те смыслы, которые в мировой культуре традиционно связаны с данным понятием, и то новое, что привносит сам поэт и что во многом оказывается связано с особенностями воззрений этого автора. Слово-образ «тишина» в поэзии Боратынского необходимо для постижения сложного противоречивого внутреннего мира личности, кроме того, подобный образ вырастает до такой степени выразительности, что приобретает обобщённый, символический смысл, становясь основой ёмких философских конструкций.

Ключевые слова: слово-образ, тишина, Е. А. Боратынский, лирика.

Изучение художественных образов русской литературы XIX в. является одним из важных направлений современного литературоведения. Наиболее концентрированной формой, позволяющей обобщить опыты исследования основных художественных образов поэтов золотого века, нам представляется «Антология художественных образов русской литературы первой трети XIX в.».

Ещё В. В. Виноградов писал: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обростает новыми, иными смыслами <...> Отбор слов неразрывно связан со способом отражения и выражения действительности в слове»; «В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесней-

Рудакова Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: rudakovamasu@mail.ru

шем взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [Виноградов 1959: 230, 234]. Объектом нашего исследования окажется поэзия, где отмеченные Виноградовым процессы происходят интенсивнее, чем в прозе, что обусловлено небольшим объёмом поэтического текста, то есть само ограниченное языковое пространство способствует семантическому осложнению слова, углублению его смысловых ассоциаций.

Природа литературы, поэзии в том числе, такова, что художественный текст всегда говорит. Художник слова стремится высказаться и быть услышанным. И, казалось бы, ведущими в его произведениях должны стать звуковые образы. Но парадокс состоит в том, что иногда, чтобы услышать, нужно замолчать, чтобы понять или создать произведение, необходима тишина. Наверное, поэтому (и не только) в творчестве многих авторов образ тишины оказывается очень значимым. В истории литературы слово-образ «тишина» оказывается окружённым обширным и сложным семантическим полем. Постичь мир «тишины» пытались представители разных религиозных и философских течений, каждый из них осмысливал этот образ со своих позиций, но есть некоторые общие свойства, что выделяются большинством: тишина воспринимается как символ вечного божественного мира, как цель духовной эволюции человека, как символ целостности и гармонии, как позитивный образ. Универсального определения слова-образа «тишины» не существует, каждый автор рассматривает этот образ по-своему, составляя собственные акценты в трактовке данного образа.

Слово *тишина* древнее, однокоренное с глаголами *тешить*, *утешить*, а слова *тихъ*, *тихий* характеризовали в Древней Руси тихого, кроткого, благостного человека. Некоторые исследователи полагают, что слово *тихий* связано с литовским *teisus*, что означало 'правый, учтивый, справедливый' [Шанский 1971: 143].

Слово-образ «тишина» в художественном мире Е. А. Боратынского (Т. к. последняя книга стихов «Сумерки» и все последующие произведения автор публиковал под своей дворянской фамилией, мы рассматриваем это как выражение его воли, потому выбираем именно данный вариант написания его фамилии. В цитируемых изданиях сохраняем форму оригинала.) вбирает в себя и те смыслы, которые в мировой культуре традиционно связаны с данным понятием, и то новое, что привносит сам поэт и что во многом оказывается связано с особенностями воззрений этого автора.

Так, слово-образ «тишина» в поэтическом мире Боратынского соотносится с небом как носителем вечного: «*Не в людском шуме пророк – / В немотствующей пустыне / Обретает свет высок!*» [Баратынский 1989: 183] (Далее указываются только страницы этого издания.); «*Как небо чисто и светло! / Всё в тишине...*» (153); «*Безмолвен лес, беззвучны небеса*» (185).

Мир безмолвия в лирическом пространстве Боратынского может характеризовать и духовную сферу человека, пребывающего в состоянии рефлексии, занимающегося созерцанием себя, пытающегося как-то упорядочить собственные чувства: «*В тихой, сладостной кручине / Слушать буду голос твой*» (60); «*Подруга тихая печали молчаливой, / О память!*» (60); «*Я с тихой радостью взглянул на мир прелестный...*» (64); «*Где я в размолвке с тихим счастьем / Провёл мою весну*» (87).

«Тишина» в поэзии Боратынского ассоциируется с достигнутой, пусть и неустойчивой, гармонией между человеком и миром природы: «*О, суждено ли мне увидеть край родной <...> / И сердцем отдохнуть в тени дерев родимых? / Там счастье я найду в отрадной тишине*» (64); между людьми: «*И при тебе душа полна / Священной тишиной*» (126). «Тишина» становится и условием приближения к столь далёкому идеалу счастья, недостижимому, но отчётливо представляемому: «*Миролюбивый нрав дала судьбина мне, / И счастья моего искал я в тишине...*» (110); «*И, в тишине трудясь для собственного чувства, / В искусстве находить возмездие искусства!*» (119). Без «тишины» невозможно упиться роскошью мечтаний и погрузиться в море любви, ибо с нею связана устремлённость лирического героя к высокому: «*В тиши мечтаю / Перед живой / Его (огня — С.Р.) игрой*» (160); «*Мешает мне его (вдохновенья — С.Р.) волненье / Дышать любовью в тишине!*» (167).

Человеческое сознание с начала своей эволюции разделило мир на две основные модели — дневную и ночную. Главное, что их отличает, — разное восприятие мира. День — мир суеты, праздных забот, ночь — время обращения к вечному. Потому дневное восприятие мира передаёт подробную, но распадающуюся на отдельные фрагменты, атомы картину. Ночное видение создает ощущение слиянного, текучего единого целого. Потому ночь рассматривается Боратынским как время, когда всё живое, усыпленное и умиротворённое, замирает, когда все чувства неспящего обостряются, и потому всё, что днём было незаметно и терялось в блеске солнечных лучей, теперь выходит на первый план. Ночь у поэта — это «вековая тишина», каждый раз обрушивающаяся на мир, но ночь — это и время устремления человеческой души к своим первоосновам, что скованы дневными условностями. Ночь — великое таинство. И, наверное, поэтому слово-образ «тишина» в лирике Боратынского связано в первую очередь с ночным миром: «*Сей поцелуй, дарованный тобой, / Преследует моё воображенье: / И в шуме дня, и в тишине ночной...*» (94). Сама «тишина» вдруг наполняется таинственной музыкой, начиная жить особой ночной жизнью.

Явления, не осознаваемые, не воспринимаемые в дневное время, приобретают ночью в мире Боратынского особое значение и звучание. Даже прохлада ощущается не только осязаемо, как понижение температуры, но и как живое существо, способное «дышать», создавая легкие пульсирующие движения в тишине. Романтические слова-символы «ночь», «луна», «сон» заставляют по-иному взглянуть на происходящее: «*И вот сгустилась ночь — и всё в глубоком сне, / Лишь дышит влажная прохлада; / На стогах тишина! Сияют при луне / Дворцы и башни Петрограда*» (69). «Безмолвная ночь» заставляет звучать то, что в нормальное время воспринимается явлением незвукового ряда: «*...без мрака ночь нисходит <...> / Алмазных звёзд ненужный хор / На небосклон она выводит!*» (72). В ночи звёзды поют, правда, песни их непонятны человеку, кажутся ему ненужными, холодными, ибо именно так представляется блеск алмазов, который не обжигает, а холодит. Но тем не менее россыпь звёзд на небе, вдруг зазвучав, заставляет человека по-иному взглянуть на мир. Ночная природа в поэзии Боратынского — это мир ночных звуков, вливающих в торжественную тишину ночи, когда «*всё покоится в безмолвии ночном*» (61); это слияние тишины и звука, когда звук становится не противоположностью тишины, а выливается из неё, тем самым расширяя про-

странство лирического мира Боратынского, придавая ему объёмность, способствуя созданию эстетически значимой целостности пейзажа. Ночной мир живёт особой жизнью, когда внешние звуки почти затухают, на мир спускается особая тишина, располагающая человека к размышлениям о себе, о жизни, о смерти, о катастрофической сущности бытия, заставляя его окунуться во вселенную собственной души, дабы провести там своего рода ревизию: *«На скалы финские без мрака ночь нисходит <...> / И всё вокруг меня в глубокой тишине! <...> Дайте мне ответ, услышьте голос мой, / Зовущий к нам среди молчанья ночи»* (72–73). И выводы, к которым приходит лирический герой Боратынского, потрясают своей глубиной: *«О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет! / Для всех один закон — закон уничтоженья»* (73).

Образ тишины, безмолвия иногда в поэзии Е. А. Боратынского перерастает в немоту и глухоту окружающего пространства по отношению к его лирическому герою, а потому становится уже приметой мира небытия, т. е. смерти. Потому слово-образ «*тишина*» в художественном мире Боратынского может восприниматься как «выпадение» из общего течения бытия, как уход в небытие. Своеобразной формулой, выявляющей суть такой характеристики, оказывается авторский афоризм: *«Не подчинишь одним законам ты / И света шум, и тишину кладбища!»* (116). «*Тишина кладбища*», как и «*тишина сна*», говорит о вечном покое, разливающимся в пространстве человека во время его недолгой или вечной «потери» во временном потоке: *«Но всё покоится в безмолвии ночном, / И вежды томные сомкнулись тихим сном»* (61).

Отказ от активной жизненной позиции, от тщетных иллюзий, надежд, стремлений приводит к опустошению и, как следствие, к духовному омертвлению и погружению в беззвучный мир, что подчёркивает нежизнеспособность человека, его устранение от нормальной жизни: *«Так, доживайте жизнь в тиши / И берегите хлад спасительный / Своей бездейственной души»* (101). Такая жизнь, а точнее устранение от неё, подобно погребению заживо, ведь неслучайно определение «*тихий*» в стихотворении Боратынского иногда появляется рядом со словом «*гроб*» (201). Потому, наверное, лирический герой поэта не согласен на неравноценную замену «*живых восторгов*» на «*сердца мёртвую тишину*» (71). Можно говорить, что в данном случае «*тишина*» и «*смерть*» для Боратынского — два взаимосвязанных явления, одно порождает другое: *«Событий прежних лет свидетель молчаливый, / Со мной беседует их прах красноречивый»* (62); *«Но неужель для нас язык развалин нем? / Нет, нет, лишь понимать умеете их молчанье...»* (63).

«*Тишина*», «*тихий*», проникновенный голос, адресованный близкому человеку, «*другу в поколенья*» и далёкому потомку, читателю будущего, с которым душа поэта вступит в незримый контакт, — всё это определяет и общую тональность темы поэта и поэзии в лирическом мире Боратынского, глубже и выразительней представленной в программном стихотворении «Мой дар убог...»: *«Мой дар убог, и голос мой негромок <...> / И, как нашёл я друга в поколенья, / Читателя найду в потомстве я»* (144), — здесь понятие «*тишины*» (слабого звучания) связано с самим характером общения, настроенностью на душевный контакт с единственной, но близкой душой. Подобное отношение к собственному дару можно обнаружить и в целом ряде других стихотворений: *«Что нужды до былых иль будущих*

племён? / Я не для них бренчу **незвонкими** струнами; / Я, невнимаемый, довольно награждён / За звуки звуками, а за мечты мечтами» (73). Чувствуется замкнутость лирического героя на собственном мире; это своего рода поэтический эгоцентризм, когда поэт своё творчество рассматривает как самодостаточную систему: «Родные небеса! **Незвучный** голос мой / В стихах задумчивых вас пел в стране чужой...» (76); «Я б не хотел играть на громкой лире...» (137).

Подобные взгляды Боратынского позволили С. Г. Бочарову прийти к интересным выводам: «... путь к провиденциальному читателю сквозь космические дали разреженного времени-пространства «неизвестного будущего» характеризует не глас народный, не молва», а «сосредоточенная тишина интимного акта общения-проникновения» [Бочаров 1985: 76].

Существенное понижение «громкости» звучания и лирическом мире Боратынского происходит тогда, когда лирический герой поэта начинает размышлять о возвышенных понятиях: поэзии, дружбе, любви. Сфера звука, а точнее его отсутствие — тишина, напрямую связана своей символикой и образностью с одной из основных проблем лирики Боратынского — проблемой общения, «человеческого контакта» [Лебедев 1985: 22], выступающей в союзе с мотивом «отзыва» [Бочаров 1985: 100–101]. Поэтому, когда лирический герой пытается обрести отклик в сердцах близких ему людей, наблюдается как бы замирание звука, мир вокруг героя замирает в движении и в звучании — рождается тишина. Душа лирического героя страстно жаждет быть понятой, оттого так старательно прислушивается к миру, отодвигая на дальний план восприятия «полновесные» природные звуки, пытаясь уловить близкое ему настроение, выбрать среди соплеменников того, чьё сердце бьётся в унисон его собственному. «С **тихой** радостью взглянул на мир прелестный» лирический герой, но всё осталось безответным к его ожиданиям и мольбам: и «глухая судьба» (114), и людской мир — «Он поёт, никто не слышит / Слов печальных...» (82) Но самое страшное то, что безучастным к человеку остаётся и Космос, как и судьба, «глухой» и «безотзывный». Так, в «Осени» дан грандиозный образ мироздания: «Звезда небес в бездонность утечёт; <...> / Не поражает ухо мира / Падения её далёкий вой...» (189), — увеличивающий масштаб разыгравшейся трагедии («падение звезды» в традиционной поэтической символике означает гибель поэта). Ощувив «глухоту» окружающих, к которым обращены его помыслы и чувства, лирический герой острее начинает воспринимать происходящее вокруг, всё явственней обнаруживая диссонанс в былой гармонии.

Поэзия Боратынского представляет собою диалог с незримым собеседником. Так, в год появления программного стихотворения Боратынского «Муза» И. В. Киреевский в «Обозрении русской словесности за 1829 год» относительно творчества поэта написал следующее: «... чтобы дослышать все оттенки лиры Боратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов» [Киреевский 1911: 88]. Киреевский точно подметил особое качество поэзии Боратынского, требующей вслушивания, вникания во все оттенки развиваемой поэтом мысли. «Замечательное слово — дослышать — передаёт то усилие проникновения, которого ждёт от читателя эта поэзия» [Бочаров 1985: 71].

Как показывает анализ поэзии Боратынского, «тишина» становится условием обретения человеком подлинного смысла бытия: только пребывая в тишине,

лирический герой познаёт мир вокруг себя и постигает свой собственный мир, открывая для себя то, что он есть в действительности. Слово-образ «тишина» — характеристика не столько внешнего мира, сколько духовного. Тишина — это не столько отсутствие звука, речи, сколько погружение в себя, в свои мысли, дающее человеку основу для некой просветленности, рождающей ощущение приближённости к божественному.

Таким образом, слово-образ «тишина» в поэзии Боратынского необходимо для постижения сложного противоречивого внутреннего мира личности. Кроме того, подобный образ в лирическом мире Боратынского вырастает до такой степени выразительности, что приобретает обобщённый, символический смысл, становясь основой ёмких философских конструкций. И, как закономерный итог, слово-образ «тишина» становится не только средством передачи реально наполняющего его содержания, но и собственно чувств, раздумий поэта о человеке, о бытии.

ЛИТЕРАТУРА

- Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений. — 3-е изд. — Л.: Сов. писатель, 1989. — 464 с.
- Бочаров С. Г.* «Обречён борьбе верховной» // О художественных мирах. — М.: Сов. Россия, 1985. — С. 69–124.
- Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. — М.: Гослитиздат, 1959. — 653 с.
- Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений в 2 т. — М.: Тип. Москов. императ. ун-та, 1911. — Т. II. — 306 с.
- Лебедев Е. Н.* Тризна. Книга о Е. А. Боратынском. — М.: Современник, 1985. — 301 с.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1971. — 542 с.

IMAGE-WORD “QUIET” IN YE. BORATYNSKY’S POETRY (ON THE “ANTHOLOGY OF LITERARY IMAGES IN RUSSIAN LITERATURE OF THE EARLY 19th C.”)

S. V. Rudakova

The article considers the image-word ‘quiet’ in Ye. Boratynsky’s lyrics.

The image incorporates both meanings that are traditionally associated with this notion in the world’s culture, and new ones introduced by the poet himself. The latter are connected with his specific views. Image-word ‘quiet’ in Boratynsky’s poetry is basic to an understanding of a complex contradictory personal inner world. Moreover, the image becomes so expressive that it acquires generalized, symbolic meaning and forms the basis for complex philosophical constructions.

Key words: image-word, quiet, Ye.A. Boratynsky, lyrics.

© 2011

Т. Б. Зайцева

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА
(ДЛЯ АНТОЛОГИИ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ»)

Особенности проявления концепта «Любовь» в творчестве Чехова можно рассмотреть через призму европейской и русской философии. Любовь в жизни героев Чехова нередко остаётся в сфере идей, тщательно избегает действительности. Концепт «Любовь» раскрывается в творчестве Чехова прежде всего как любовь-воспоминание. Концепцию любви-воспоминания подробно рассматривал в своих произведениях Кьеркегор. В основе подобной любви лежит романтический взгляд на мир, что характерно и для философии любви Вл. Соловьёва. Апофеоз любви-воспоминания в прозе Чехова — рассказ «О любви».

Ключевые слова: концепт «Любовь», творчество А. П. Чехова, европейская и русская философия, любовь-воспоминание.

Особенности проявления концепта «Любовь» в творчестве Чехова можно рассмотреть через призму европейской и русской философии. Любовь в жизни героев Чехова нередко остаётся в сфере идей, тщательно избегает действительности. Концепт «Любовь» раскрывается в творчестве писателя прежде всего как любовь-воспоминание. Концепцию любви-воспоминания подробно рассматривал в своих произведениях Кьеркегор. В основе подобной любви лежит романтический взгляд на мир, что характерно и для философии любви Вл. Соловьёва. Апофеоз любви-воспоминания в прозе Чехова — рассказ «О любви».

Мотив любви в творчестве А. П. Чехова возникает на пересечении и слиянии двух онтологически и экзистенциально значимых мотивов: «мотива любви во всех её тончайших и сокровенных проявлениях» (Д. В. Григорович. Цит. по: [Мелкова 1976: 638–639]) и мотива воспоминаний. Известное высказывание Чехова: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» [Чехов 1977а: 64] — перекликается с фразой из его записных книжек: «Мы всё только говорим и читаем о любви, но сами мало любим» [Чехов 1980: 30]. Любовь чеховских героев нередко остаётся в сфере мыслей, идей, не только недовоплощается в реальной жизни, но и бежит от реальной жизни. Концепт «Любовь» раскрывается в творчестве Чехова прежде всего как **любовь-воспоминание**. Неслучайно в рассказе «На пути» эпиграф отсылает читателя к стихотворению Лермонтова «Утёс». «След» от случайной встречи останется в душах обоих героев рассказа как воспоминание о любви, как любовь-воспоминание, которая могла быть, но не осуществилась, поскольку с самого начала перешла в мир высоких окрыляющих мечтаний.

Во многом концепт любви-воспоминания в произведениях Чехова перекликается с представлением Кьеркегора [Кьеркегор 1998: 30]. «Чеховизмом в миниатюре» назвал А. Голомб короткий рассказ «Шуточка», подчёркивая его типичность в смысле тематико-психологических особенностей чеховского творчества и мане-

Зайцева Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: tbz@list.ru

ры письма. Анализируя поэтику рассказа, исследователь, сам того не подозревая, обнаруживает в главных персонажах «Шуточки» черты эстетического мировосприятия по Кьеркегору: не только любовь рассказчика к Наденьке совершенно не стремится перейти границы воспоминания, но и сама героиня создаёт творческую «контролируемую фантазию», пронизанную эротическими мотивами. В её любви-воспоминании «наслаждение и разочарование сливаются воедино» [Голомб 2009: 126], а отстранённость от реального человека достигает апогея: место влюблённого в мечте девушки занимает ветер. А. Голомб отмечает: «В данной ситуации “ветер” превращается в кодовое слово, обозначающее иллюзию, галлюцинацию, особо развившееся аудиоэротическое искусство переживания» [Голомб 2009: 127].

Апофеоз любви-воспоминания в прозе Чехова — рассказ «О любви». Здесь мы увидим все классические приметы любви, которую переживает и юный романтик в книге Кьеркегора «Повторение». Отправной точкой для философского измерения рассказа может послужить также «мистико-эротическая утопия» Вл. Соловьёва (определение П. П. Гайденко [Гайденко 2001: 35]). Исследователи не раз обращали внимание на наименование усадьбы Алёхина — Софьино. Это название сам Чехов упоминает несколько раз [Чехов 1977б: 56; 67; 69; 74]. Л. Силард предполагает, что «что речь идёт о легком, испытующем прикосновении к любимой идее Вл. Соловьёва» [Szilard 1990: 800], т. е. к учению о Софии Премудрости Божией.

Вл. Соловьёв возводил на пьедестал любовь платоническую: только такая любовь была способна, на его взгляд, осуществить на деле высшую задачу — «создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение» [Соловьёв 1999: 356]; сочетать два ограниченных и смертных существа в «одну абсолютную и бессмертную индивидуальность», воплощающую образ Божий [Там же: 359]. Философ не игнорирует физическую сторону любви, хотя плотская любовь всегда стоит для него на втором плане. Любовь, основанная на истинной духовности, перерождает, спасает плоть и способствует её воскресению (см.: [Соловьёв 1999: 369]).

«Романтическое чувство любви к женщине, вечная влюблённость, не омрачаемая и не ослабляемая никакими заботами, связанными с браком, рождением и воспитанием детей, с семейным бытом и его неизбежной прозой, — вот, по Соловьёву, реальный путь к преодолению греховности человека и преображению его природы» [Гайденко 2001: 36]. Философ сожалеет, что действительность бесконечно далека от идеала: «На деле вместо поэзии вечного и центрального соединения происходит лишь более или менее продолжительное, но всё-таки временное, более или менее тесное, но всё-таки внешнее, поверхностное сближение двух ограниченных существ в узких рамках житейской прозы» [Соловьёв 1999: 355].

В 1890-е гг. начались дискуссии о половой любви, о браке. Чехов не мог не откликнуться на жгучие вопросы современности и, скорее всего, был знаком с софиологическим трактатом Вл. Соловьёва «Смысл любви» (1892). «До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что “тайна сия велика есть”, всё же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались неразрешёнными»

[Чехов 1977б: 66], — замечает Алёхин, главный герой рассказа Чехова «О любви». В. Б. Катаев предположил, что формулу любви «тайна сия велика есть» Чехову «подказала» статья В. Розанова «Кроткий демонизм» [Катаев 1996: 70]. Однако эта цитата из Нового Завета употребляется и в четвёртой статье цикла Вл. Соловьёва «Смысл любви». Заметим, что в статье В. Розанова речь идёт о божественной тайне супружеской любви, что вполне согласуется с изначальным библейским смыслом выражения. «Тайна сия велика есть», — апостол свидетельствует о таинстве брака. В трактате же Вл. Соловьёва формула становится определением половой любви вообще; именно в таком широком значении её и использует главный герой чеховского рассказа «О любви».

У Алёхина тоже существует концепция любви во многих отношениях романтическая и неоплатоническая. Будничности Алёхин противопоставляет возвышенное чувство, которое продолжается долго и счастливо, не сталкиваясь с низменными проявлениями обыденности; чувство, которое гармонирует с жизнью духа, проявляющейся в занятиях наукой или искусством или служении благородному делу в духе тургеневского Инсарова. Герой идеального любовного романа представляется Алёхину личностью непременно выдающейся, неординарной. И хотя Алёхин отдаёт себе отчёт в том, что не соответствует собственному представлению о таком герое, он явно претендует на романтическую исключительность своего положения: *«Всё видели во мне благородное существо <...> точно в моем присутствии и их жизнь была чище и красивее»* [Чехов 1977б: 73].

Любовь Алёхина овеяна легким манящим чувственным флёром, на который намекают тонкие эротические детали: *«Её взгляд, изящная, благородная рука, которую она подавала мне, её домашнее платье, причёска, голос, шаги всякий раз производили на меня всё то же впечатление чего-то нового, необыкновенного в моей жизни и важного»* [Чехов 1977б: 70]. *«Мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга»* [Чехов 1977б: 73]. Чеховский персонаж проживает одновременно в двух мирах — сфере возвышенного, идеального, хранимой им *«робко и ревниво»* [Чехов 1977б: 72], и в скучной реальности, которая открыта посторонним.

Романтическое представление о любимой женщине не было ничем омрачено для Алёхина лишь в начале их знакомства, когда впечатления от встречи с прекрасной, обаятельной, умной, доброй женщиной сливались для чеховского героя с воспоминаниями о матери, о детских привязанностях, тайнах, ощущениях. *«Я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встречал; и сразу я почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комод у моей матери»* [Чехов 1977б: 69].

Желая донести до своих слушателей необычность, возвышенность, бесплотность своей романтической любви, Алёхин признаётся: *«Затем всё лето провел я в Софьино безвыездно, и было мне некогда даже подумать о городе, но воспоминание о стройной белокурой женщине оставалось во мне все дни; я не думал о ней, но точно лёгкая её тень лежала на моей душе»* [Чехов 1977б: 69]. До самого конца чеховский герой так и не решится отказаться от этой идеальной, почти

в духе Платона, лёгкой тени и «овеществить» её как реальную, земную женщину, которая порой бывает усталой, раздражительной и может «лечиться от расстройства нервов» [Чехов 1977б: 73]. Символично, что после объяснения Анна Алексеевна и Алёхин едут рядом, в соседних купе, но на самом деле бесконечно далеко друг от друга, заключённые каждый в своём купе, как в разных мирах. Мир возвышенного, идеального и реальность расходятся окончательно. Алёхину легче грезить, поскольку «предмет любви не сохраняет в действительности того безусловного значения, которое придаётся ему влюбленной мечтой» [Соловьёв 1999: 355]. Так же, как для кьеркегоровских мечтателей, для Алёхина обрести возлюбленную в реальности, а не в воображении, совместить идеальное чувство с реальностью оказывается не только невозможно, но и не нужно. «Она стала частью его существа, и память о ней была вечно свежа», как выразился о подобной ситуации кьеркегоровский персонаж [Кьеркегор 2008: 30].

В рассказе Чехова, кажется, соблюдены все условия идеальной любви, необходимые по Вл. Соловьёву: любовь героев, действительно, нежная и глубокая, практически не обременена бытом и не усложнена физиологической стороной. Однако история любви Алёхина и Анны Алексеевны свидетельствует о том, что, отдаваясь исключительно романтическому чувству, «существа» остаются ограниченными во всех смыслах; идеальная личность не просматривается ни в мужчине, ни в женщине, жизнь влюблённых в конечном итоге разрушена.

По отношению к Алёхину автор явно ироничен и заметно от него дистанцирован [Тюпа 1989: 109–110]. Любовь не делает Алёхина, самого обычного человека, творцом (если не считать его умения увлечь рассказом своих слушателей), не дарит вдохновения, хотя и даёт ему некоторое отдохновение от хозяйственных забот в мире грёз. Рассказ «О любви» — третья часть «маленькой трилогии», разоблачающей разного рода «футляры» человеческой жизни. Ирония автора проявляется в том, что «футляром» для человека может оказаться всё что угодно, даже романтическая любовь, если она старательно избегает реальности, тех самых «рамок житейской прозы», о которых писал Вл. Соловьёв.

Чехов прекрасно понимал, что жизнь гораздо сложнее и, может быть, мудрее, чем рассуждения философов. Неслучайно в 1903 г., говоря о современных веяниях религиозно-философской мысли, Чехов констатирует: «Я полагал, раньше, что религиозно-философское общество серьёзнее и глубже» [Чехов 1982: 125]. В своём творчестве Чехов проверяет умозрительные теории суровой практикой обыденности. И Алёхин, «по наклонностям — кабинетный человек» [Чехов 1977б: 67], как вскользь замечает Чехов, не является ли завуалированной пародией на подобных кабинетных учёных? «Смеяться над философией — это и есть философствовать по-настоящему», — писал Б. Паскаль, один из самых почитаемых Чеховым мыслителей [Паскаль 2001: 406].

Но в главном, по-видимому, Чехов мог полностью согласиться с Вл. Соловьёвым. «Любовь для человека есть пока то же, чем был разум для мира животного: она существует в своих зачатках или задатках, но ещё не на самом деле», — утверждал философ в своём трактате [Соловьёв 1999: 356], выражая надежду, что по мере нравственного совершенствования человека, по мере его духовного роста и приближения к Абсолюту осуществление истинной любви окажется возможным в будущем.

«Любовь. Или это остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьётся в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, даёт гораздо меньше, чем ждёшь», — размышлял Чехов в записных книжках [Чехов 1980: 77]. Важно заметить, что интерес Чехова сосредоточен на настоящем, поскольку здесь и сейчас закладывается будущее и определяется способность человека **быть**.

Двойственное, порой ироническое отношение к романтической любви, балансирующей на грани иллюзии или самообмана, сближает Чехова с Кьеркегором. Любовь-воспоминание кьеркегоровского и чеховских героев демонстрирует явный «разрыв между внутренним миром поэтических фантазий и реальным процессом жизни, когда первый лишён реальной силы, а второй — серьезного смысла» [Мареев 2004: 585]. Однако и Кьеркегор, и Чехов знают силу и важность такой любви, которая служит отражением или знаком настоящего чувства, способного осуществиться в реальности. «То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может есть нормальное состояние. Влюблённость указывает человеку, каким он должен быть», — подчёркивает Чехов в записных книжках [Чехов 1980: 14]. «Усиленное воспоминание — вечное выражение зарождающегося чувства, знак истинной любви», — уверяет кьеркегоровский герой [Керкегор 2008: 29].

Датский философ считал, что любовь-воспоминание характеризует прежде всего эстетическую стадию жизненного пути и противостоит любви-долгу, или любви-действию, реализуемой на этической стадии.

Любовь-повторение, или любовь-действие, по Кьеркегору, должна воплощаться в христианском браке, но конфликт между эстетикой и этикой остаётся в творчестве датского мыслителя до конца не преодолённым.

Чехов же ставит под сомнение сложившуюся форму брака как устаревшую и нередко связывающую человека отношениями пустоты и несвободы. Об этом ярко свидетельствует, напр., рассказ Чехова «Дама с собачкой», герои которого проходят испытание и браком, и любовью-воспоминанием, и любовью-повторением или любовью-действием.

Концепт «Любовь» является одним из значимых концептов художественного мира Чехова. Помимо него, в антологию «Художественные константы русской литературы» могут войти статьи, посвященные чеховским концептам «Время», «Правда», «Счастье», «Свобода» и др.

ЛИТЕРАТУРА

Гайденко П. П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 472 с.

Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. — М.: Республика, 1997. — 495 с.

Голомб А. «Дело не шуточное». Грёзы, вымысел и реальность в «Шуточке» // Диалог с Чеховым: сб. науч. трудов в честь 70-летия В. Б. Катаева. — М.: МГУ, 2009. — С. 119–142.

Калантаров Ю. А. Чехов и Соловьёв: скрытый диалог // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». — М.: Наука, 1996. — С. 174–179.

Катаев В. Б. Чехов и Розанов // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». — М.: Наука, 1996. — С. 68–74.

- Керкегор С.* Повторение. Опыт экспериментальной психологии Константина Констанция / пер. П. Г. Ганзена, сверенный с оригиналом, испр., доп. и прокомментированный Д. А. Лунгиной; введ. ст. Д. Стюарта. — М.: Лабиринт, 2008. — 208 с.
- Коли О.* Кьеркегор / пер. с фр. Е. Калантаровой. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 192 с.
- Кьеркегор С.* Наслаждение и долг / пер. с датск. П. Ганзена. — Ростов н/Д: Феникс, 1998. — 416 с.
- Мареев С. Н., Мареева Е. В.* История философии (общий курс): учеб. пособие. — М.: Академ. Проект, 2004. — 880 с.
- Мелкова А. С.* Примечания к рассказу «Верочка» // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — М.: Наука, 1976. — Т. 6. — С. 636–640.
- Паскаль Б.* Мысли / пер. с фр. Ю. Гинзбург. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. — 590 с.
- Роде П. П.* Сёрен Кьеркегор, сам свидетельствующий о себе и своей жизни (с приложением фотодокументов и других иллюстраций) / пер. с нем. Н. Болдырева. — Челябинск: Урал LTD, 1998. — 430 с.
- Сёрен Кьеркегор.* Жизнь. Философия. Христианство / сост. и пер. с англ. И. Басс. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 243 с.
- Соловьёв В. С.* Из работы «Смысл любви» // В. П. Шестаков. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство. — М.: Республика: ТЕРРА-Кн. клуб, 1999. — С. 341–383.
- Сухих И. Н.* Проблемы поэтики А. П. Чехова. — Л.: ЛГУ, 1987. — 183 с.
- Тюпа В. И.* Художественность чеховского рассказа. — М.: Высш. шк., 1989. — 135 с.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1982. — Т. 11. Письма, июль 1902 — декабрь 1903. — 720 с.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1977. — Т. 7. — 735 с.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1977. — Т. 10. — 496 с.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Т. 17. — М.: Наука, 1980. — Т. 17. — 528 с.
- Szilard L.* Чехов и проза русских символистов // Anton P. Čechov: Werk und Wirkung. Vorträge und Diskussionen eines internationalen Symposiums in Badenweiler im Oktober 1985 / Rolf-Dieter Klüge (Hrsg.); Redaktion Regine Nohejl. — Wiesbaden: Harrassowitz, 1990. — Teil I, II. — S. 791–805.

CONCEPT “LOVE” IN A. CHEKHOV’S WORKS (FOR THE ANTHOLOGY OF RUSSIAN LITERARY CONSTANTS)

T. B. Zaitseva

Peculiarities of concept “Love” in Chekhov’s works can be considered in the context of European and Russian philosophy. Love in Chekhov’s characters’ life very often exists on a mental plane, quite oblivious to reality. Primarily, concept “Love” reveals itself as love-reminiscence. The latter is dwelt upon in his works by Kierkegaard. Love of the kind is based on romantic vision of the world, which is characteristic of V. Solovyov’s philosophy of love. The apotheosis of love-reminiscence in Chekhov’s prose is marked by his short story “About Love”.

Key words: concept “Love”, Chekhov’s works, European and Russian philosophy, love-reminiscence.

© 2011

Е. Ю. Котукова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВОБОДА» В ПРОЗЕ Б. ЗАЙЦЕВА
(К АНТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ)

В гуманитарной науке одной из важных, разрабатываемых на данный момент областей является художественный концепт. Статья посвящена исследованию концепта «Свобода» в прозе Б. Зайцева, раскрытию его структуры и анализу функционирования данного концепта в творчестве писателя.

Ключевые слова: концепт, художественный мир, творчество Б. Зайцева.

В творчестве религиозного писателя Б. Зайцева концепт «Свобода» является одним из доминантных, раскрывающих своеобразие художественной картины мира автора. Представления о свободе формируются у писателя в соответствии с православной традицией. С. Хоружий, исследуя константы христианского сознания, определяет, что в православии свобода — эта та составляющая жизни, которой человек наделяется от рождения обязательно и безгранично. Заключается она в добровольном выборе направления своего жизненного пути: стремиться к Богу и вечной жизни или отдаляться от Него и приближаться к смерти [Хоружий 1998].

В художественном мире Б. Зайцева концепт «Свобода» находится в постоянном взаимодействии с концептами «Жизнь» и «Смерть». Так, по замечанию М. Б. Баландиной, в творчестве писателя показан «человек становящийся», который ищет себя *«между бездной благодати и бездной гибели, между материальным и идеальным, конечным и бесконечным, между жизнью и смертью»* [Баландина 2003: 12]. В связи с двусторонностью выбора в структуре концепта «Свобода» выделяются два смысловых поля, каждое из которых имеет сложную насыщенную структуру, отражающую амбивалентность исследуемого концепта в прозе художника. Оба слоя концепта проявляются при анализе жизни и судьбы героев произведений писателя, которые в соответствии с существованием двух путей земной жизни можно условно разделить на две группы. Каждый принимает дарованную ему свободу и делает свой, практически всегда осознанный выбор.

Первая группа персонажей (те, кто устремлён к Богу) весьма разнородна, однако этих героев объединяет общее понимание свободы, воплощающейся, в первую очередь, в любви. Для одних, напр., Сергея Радонежского («Преподобный Сергей Радонежский»), Алексея Христофорова и Машуры Вернадской («Голубая звезда»), Лизы («Авдотья-смерть») любовь — это высшее проявление человеческой сущности. Так, Сергей Радонежский строил свою жизнь, ведомый любовью к Богу, уважением и почтением к родителям, состраданием к бедным странникам. Он, отказавшись от мирских благ, уходит в глухие леса и живёт там в гармонии с природой; сам не имея ничего, трудится и помогает братии. Любовь руководит им в устройстве жизни монастыря, в решении серьёзных проблем, в проведении церковных реформ. Писатель подчёркивает внешнюю несвободу преподобного

Котукова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: kotukova-elena@mail.ru

Сергия: его стремление остаться в одиночестве и молиться всё время ограничивается сначала просьбами родителей о помощи, потом желанием других монахов жить вместе с ним, их требованием того, чтобы Сергей стал игуменом монастыря. На этом фоне более ярко проступает его внутренняя свобода. Он, не желая вызывать зависть у других монахов, разжигать их недовольство, поддерживать их страсти, оставляет своё детище — Лавру — и уходит строить монастырь на Киржач; проявляет стойкость и отказывается от сана митрополита. Все поступки, совершённые им, говорят о его независимости как от материальных благ, так и от славы или страха. Преподобный Сергей всегда повинуется только своему внутреннему голосу и поступает так, как будет лучше для всех. Его представление о свободе тесно связано с мыслями о смирении, с его святостью.

Алексей Христофоров, «правильный» человек в социуме, ищущий гармонии и любви в мире, своё единство с космосом, с Богом, свою свободу ощущает в одиночестве и уединении. У него нет особой привязанности к каким-то конкретным местам, ему хорошо везде: и в своей комнате с иконами и лампадами, и в старом монастыре, и в имении у друзей, и на природе. Он свободен от условностей света: у него нет новой модной одежды, нет возможности снимать дачу, нет состояния и влиятельных «нужных» друзей. Но именно материальные ценности не играют для него никакой роли; в бедности и скромности, в христианских добродетелях он видит истинную свободу: *«Воля к богатству есть воля к тяжести. Истинно свободный лишь беззаботный, вы понимаете, лишённый связей дух... Нет ничего в мире выше христианства»* [Зайцев 1989: 108]. Отличительные черты героя проявляются в его умении видеть красоту в окружающей действительности, нежно и трепетно любить всех, ничего не требуя взамен, и благодарно принимать всё, что преподносит ему жизнь.

Образ голубой звезды — своеобразной небесной покровительницы Христофорова — призван передать гармонию внутреннего мира героя и Макрокосма, он отражает его характер, подчёркивая в нём мечтательность, лиричность, возвышенность мыслей, доброту, мягкость. Звезда в произведении становится символом всех «земных любовей» и знамением главной любви — любви Бога к своему творению. Взгляд Алексея Христофора всегда обращён к голубой звезде, в её мерцании он ощущает поддержку, обретает уверенность в правильности выбранного им жизненного пути. Свобода героя в большей степени реализуется в его духовной внутренней жизни, в способности соответствовать своим религиозным убеждениям в суетном и шумном мире.

Для Лизы представление о свободе также связано с безграничной любовью к людям и православной верой. Она, потерявшая мужа на войне, лишённая своего дома в послереволюционные годы, смирившаяся с собственной сложной судьбой, с прежней добротой и заботой относится к поселившимся в её имении крестьянам, оставшимся без денег сама, пытается помочь голодному и больному мальчику Мишке. Концепт «Свобода» в соотношении с образом Лизы наполняется такими признаками, как умение отзываться на чужую боль, остро чувствовать её, сострадать другим в тяжёлое, кровавое для России время. Внутренняя свобода героини проявляется в молитве о живых и мёртвых, в её постоянной мысленной устремлённости к Богу. Сила молитвы Лизы, просящей у Бога о спасении души своенравной, крикливой, ожесточившейся Евдокии, показана Б. Зайцевым в явив-

шемся героине видении: замерзающую в сугробе старуху забирают с собой души её умерших родственников, светящиеся таинственным белым светом. Героиня понимает, что Бог принял Авдотью, простил её. Лиза осознает свободу как освобождение от земных страданий и непереносимое движение к Богу.

У других персонажей, напр., у заглавной героини повести «Аграфена» или у Анны Дмитриевны из повести «Голубая звезда» свобода сопрягается с любовью к мужчине, неизбежными страданиями и стойким их преодолением. Жизнь Аграфены — это череда подъёмов, связанных с любовью, и внезапных, глубоко ранящих её сердце падений, вызванных жестоким расставанием. На каждом повороте своей судьбы она приходит в храм, молится перед иконами, советуется с батюшкой, думает о Боге. Выбор юной Груши идти к свету сначала можно рассматривать как не вполне свободный, а сделанный под влиянием традиций, воспитания. В девичестве она воспринимала Бога как всеобъемлющую сущность, всегда наблюдающую за ней и слышащую её («*молилась вслух полям, овсам, небу, Богоматери кроткой и милостивой, посетившей в тот вечер нивы*» [Зайцев 1989: 31]), затем видела в Нём судью, во власти которого наказать её адом. Но сильно и пылко влюбляясь, героиня была готова принять ад, сменить направление своего пути, так как не постигла истины. Состарившаяся Аграфена, похоронившая дочь, простившая всех и смирившаяся с бесконечным горем, страданием искупившая свои грехи и ошибки, ощущает в Боге одну любовь и с радостью ждёт встречи с Ним. Смерть она рассматривает как начало новой жизни без боли и горя.

Жизненный путь Анны Дмитриевны к Богу также можно изобразить в виде кривой ломаной линии: замужество по расчёту, любовь к богатству, развлечения, постоянные измены мужу в молодости сменяются в зрелости сдержанностью, умиротворением, спокойствием. Разочаровавшись в своей прежней жизни, она медленно идёт к Богу, посещая службы в храмах и монастырях, осознавая свою греховность, добровольно отказываясь от шумных пиров и развлечений, устремляясь от прелестей столицы к деревенской тишине. Изначально понимая свободу как возможность получать от жизни наслаждение, делать то, что ей хочется, героиня впоследствии приходит к выводу, что свобода заключается в умении радоваться каждому мгновению бытия, сосредоточиваться на собственном внутреннем мире, жить в одиночестве и не зависеть от рамок светской жизни. Её мечты, планы на будущее связаны, в основном, со служением Богу: «*Ах, иногда я мечтаю о настоящей Фиваиде, о жизни в какой-нибудь бла-аженной египетской пустыне, наедине с Богом. Ещё неизвестно, ещё неизвестно...*» [Зайцев 1989: 156]. За этим «неизвестно» в судьбе Анны Дмитриевны просматривается и возможное паломничество, и уединение, затворничество. Укрепляющаяся в ней вера освобождает её от былых страстей, даёт ей истинную свободу.

Все герои, выбирающие для себя движение к Богу, в течение своей жизни сумели сохранить или, наоборот, обрести своё истинное лицо. Слушая свой внутренний голос, герои сберегли самобытный, яркий духовный мир. В этом также проявляется их внутренняя свобода.

Одному из смысловых полей концепта «свобода» присущи такие составляющие, как «любовь», «вера», «мечта», «гармония», «одиночество», «скромность», «смирение», «умение быть собой», «внутренний мир», «жизнь».

Иная грань концепта «Свобода» открывается при рассмотрении жизненного пути персонажей второй группы, выбирающей путь противоположный, отдаляющий от света. Типичным представителем этой группы является Дмитрий Павлович Никодимов («Голубая звезда»). В сознании героя свобода соотносится с такими понятиями, как «игра», «тщеславие», «шпионаж», «прелюбодеяние» — со всем тем, что объединяется в понятии «грех». Для него свобода — это вседозволенность. Ради удовлетворения собственной гордыни, жажды славы он способен не просто на наушничество и гнусные сплетни, отравляющие жизнь другим (ещё в гимназии его называли *«орлик доносчик, собачий извозчик»* [Зайцев 1989: 142]), но даже на предательство (будучи военным шпионом, он подставляет венского офицера Ягича, провоцируя его на самоубийство). Герой ни в чём не знает меры. На скачках, во время азартных игр в карты Никодимов спускает всё своё состояние и живёт за счёт женщин, продолжая проигрывать их деньги. Ни уговоры любящих его, ни их упрёки, ни ссоры с ними не могут остановить его пагубную страсть. Он не церемонится с чувствами окружающих: иронизирует и подшучивает над пылким романтиком Ретизановым, вызывает его на дуэль и ранит; расчётливо пользуется беззаботностью Лабунской; играет чувствами Анны Дмитриевны, оскорбляет её. В его сердце нет любви к ближнему, в своих поступках он руководствуется эгоизмом. Однако, несмотря на мнимую внешнюю свободу героя (подчёркнутое невнимание к светским правилам поведения, пренебрежение христианскими заповедями), он остаётся зависимым от многого в жизни: от мнения света, от денег и, главное, от своей страсти к игре. Поступки и привычки, от которых Никодимов не желает отказываться, неуклонно ведут его к смерти. Но если для преподобного Сергия приближение смерти было освещено благодатным сиянием небесных ангелов, радостью встречи с Богородицей, если Аграфена восприняла смерть как торжественный и светлый переход к жизни вечной, в которой сопровождает её заботливая монахиня, то смерть Никодимова представлена ужасающей: он падает в незакрытый люк лифта и оказывается раздавленным движущейся сверху машиной. Герой изначально боится смерти, воображает её угрожающее лицо, предчувствует страшный финал. Писатель показывает смерть персонажа как его полное физическое и духовное уничтожение: *«его отчаянный вопль не был уже криком человека»* [Зайцев 1989: 144].

Так, второе смысловое поле концепта «свобода» представлено отрицательными признаками: «вседозволенность», «шпионаж», «тщеславие», «игра», «прелюбодеяние», «грех», «смерть».

Таким образом, концепт «свобода» в художественном мире Б. Зайцева является одной из значимых составляющих авторской концептосферы. Это многогранный феномен, включающий в себя амбивалентные понятия. Анализ насыщенной структуры данного концепта позволяет рассмотреть как особенности внутреннего мира персонажей, так и философско-эстетическую концепцию Б. Зайцева.

ЛИТЕРАТУРА

Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Магнитогорск, 2003. — 19 с.

Зайцев Б. К. Улица святого Николая: повести и рассказы — М.: Худож. лит., 1989. — 399 с.

Хоружий С. С. К феноменологии аскезы: аналитический словарь исихастской антропологии — М.: Изд-во гуманитар. лит., 1998. — 352 с.

CONCEPT “FREEDOM” IN B. ZAYTSEV’S PROSE (ON THE ANTHOLOGY OF LITERARY CONCEPTS)

Ye. Yu. Kotukova

Artistic concept is one of the humanities major aspects. The article deals with studying concept “Freedom” in B. Zaytsev’s prose, with revealing its structure and with analyzing functions of the concept in the writer’s works.

Key words: concept, artistic world, B. Zaytsev’s creative work.

© 2011

В. С. Севастьянова

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ «НЕ-БЫТИЯ» В ПОЭЗИИ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА (К АНТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Статья посвящена анализу «не-бытия» — одного из доминантных концептов русской литературы начала XX в. Обращаясь к текстам А. Белого, В. Брюсова, О. Мандельштама, М. Волошина, Г. Иванова, автор раскрывает духовные источники и эволюцию образов и моделей, репрезентирующих «не-бытие» в художественных вселенных русского литературного модернизма.

Ключевые слова: модернизм, поэзия, художественный концепт, не-бытие, эволюция.

«Не-бытие» по праву может считаться одним из базовых художественных концептов русской литературы начала XX в. Говоря о «*мраке небытия*» и «*сиянии небытия*», поглощающих солнечный свет, о «*холодном ничто*», вытесняющем из вселенной тепло, о «*бездонном небытии*», подчиняющем себе хрупкое и конечное бытие, модернисты прямо указывают на смыслообразующий центр своих построений. И, таким образом, изучение русского художественно-поэтического дискурса в контексте представлений поэтов и писателей о не-бытии является актуальной задачей современных филологических исследований.

В художественные творения русского литературного модернизма круг идей и образов, связанных с мыслью о не-существовании, проникает из европейской философии пессимизма. Так, первым и самым важным шагом на пути создания теории символизма А. Белого становится шопенгауэрианский выход из бытия, позволяющий избавиться от «ужасов», «пошлости», страданий и подготовить почву

Севастьянова Валерия Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного университета. E-mail: valesel@mail.ru

для нового созидания [Белый 1994: 202]. В неопубликованной «Предсимфонии» (1899) в центре рассуждений поэта оказывается явно восходящая к «Миру как воле и представлению» мысль о том, что «наше положение в мире — это нечто такое, чему лучше не быть», и возникает образ небытия как альтернатива всему «кошмару» мира [Белый 1990: 425]. В «Золоте в лазури», наряду с традиционно выявляемыми исследователями аргонавтическими, соловьёвскими мотивами, присутствуют мотивы призрачности бытия, перехода к созерцательному бездействию, замирания, застывания, угасания. И уже в текстах 1901–1904 гг. Белым создаётся образ мрака, противопоставляемого свету и влекущего к себе лирического героя, а также образ пустоты, стремительно распространяющейся по вселенной «*во всех концах и планетных системах*» [Белый 1990: 312]. В программных для данного периода исканий художника статьях складывается оппозиция ущербного бытия (бытийных «плоскостей») и доминирующего над ним не-бытия («*бездонных стран небытия*») [Белый 1994: 205]. В данной связи особенно показательными являются включённые автором в состав «Золота в лазури» лирические фрагменты в прозе, в первую очередь, «Аргонавты» и «Световая сказка», в которых светлое начало вытесняется более активным и истинным тёмным, солнце объявляется ложной целью странствий, а результатом поисков идеала оказывается погружение в ледяную пустоту, которая «*была впереди <...> и позади*» искателей [Белый 1990: 208].

Не менее важным источником идеи не-бытия становятся мистические доктрины европейского средневековья. Если первоначально не-бытие интерпретируется Белым в качестве отсутствия бытия, то затем мрак, нависающий над пустой землёй, расширяющаяся пустота наделяются у него атрибутами первоначала творящейся художественной вселенной и в «симфониях», а также в стихах 1901–1903 гг. сближаются с учением Эриугены, чья сотворённая природа есть только ступень в самораскрытии и последующем восстановлении первоначального Ничто. В текстах «Пепла» и «Урны» не-бытие обретает всё более явные черты Божественного Мрака — последней, четвёртой природы средневекового мистика, становящейся конечной целью мирового процесса и возникающей после возвращения всех вещей в причину, из которой они произошли [Бриллиантов 1898: 36]. В созданной поэтом особой модели мира источником развития становится не-бытие, творящее мир посредством эманации, и в поэтических книгах 1900-х гг. центральное место занимают образы «*изначальной теми*», порождающей «*светлую бурю мировую*», «*пустыни-матери*», «*льющей*» звёздные слезы на своего «сына», «*мглы*», «*сеющей*» серый пепел, снежно-белого купола, спускающегося на землю. И если в ранних произведениях Белого речь шла о погружении во тьму одного только лирического героя, то теперь он говорит уже о неизбежном всеобщем уничтожении, всеобщей гибели в ледяной бездне.

Проработка идеи не-бытия как первоначала продолжается художником и в романах 1910–1920-х гг., где образы *небытийственного «холода»*, «*холодного чёрного бархата*», «*небытийственной бездны*», «*пустыни небытия*» обнаруживают не менее очевидную связь с Абсолютами мистических учений. Но, в отличие от более ранних текстов, теперь Белого занимают не столько проблемы самодвижения Ничто (истечение «тьмы» в «мир», возвращение «мира» во «тьму»), сколько вопрос о способах приобщения к бездонной тайне. Так, в «Серебряном голубе»

предметом изображения становится познание причины всего как восхождение в некий священный «мрак неведения и молчания», в «место безвидное и беспредметное», соответствующее традициям отрицательного богословия, где путь познания есть путь отрицания, упрощения и умолкания, непосредственного соединения с мраком божественной Тайны [Булгаков 1994: 217]. В романе звучат мысли о том, что существование души должно утверждаться на полной пустоте; что на пути познания душе нужно лишиться бога; что душа должна *вечно* погружаться из бытия в ничто [Белый 1996: 28]. И именно осознание вечности такого погружения, мысль о том, что «конца у этого пути нет и быть не может», что, таким образом, полноценное соединение с Божественным мраком вряд ли возможно, а возможно лишь вечное «барахтание» в отсутствии света и тьмы, побуждает художника обратиться к идее особого взаимодействия, в которое вступают «бездна» и «мир» (бытие и ничто). И уже в «Петербурге» мы видим не только затемнение мира, погружение последнего в «*первозданную тьму*», сопровождаемое разложением всех бытийных связей, но и встречное движение, когда «*безначальная тьма*» актуализируется в образах *оно*, налетающей «страшной» *старины*, взрывающей «*ветрами небытия*», «*брешей*» и «*пробоин*» — разломов между бытием и не-бытием, через которые в иное, не-бытийное пространство проваливаются герои и откуда в мир просачивается космическая пустота — «*громадное ничто*» из вековых времён. В особом пространстве, складывающемся вокруг героев, достигается состояние, являющееся одновременно существованием и не-существованием, когда всё является тем и в то же самое время не-тем: я представляет собой не-я, предметы — не-предметы, а люди и бытийствуют, и кажутся [Белый 1996: 195].

Одновременно с идеями падения в пустоту, воцарения мрака, возвращения в Ничто в российском литературном процессе формируются концепции, в которых не-бытие становится не утверждаемой, а отрицаемой величиной, и пустота из исходного пункта и закономерного итога мирового развития превращается в преодолеваемое начало. Наиболее завершённая система, ориентированная на борьбу с не-бытием, складывается в художественных, критических и теоретических текстах О. Мандельштама. В своём акмеистическом манифесте поэт призывает к сообществу сущих в заговоре против пустоты и небытия; в «Камне» стремится сделать невозможным падение мира в пустоту, воспрепятствовать свободным переходам противоположных начал друг в друга [Мандельштам 2001: 512]. Мандельштам высказывает идею чёткого разграничения бытия и не-бытия, создаёт образы граней и перегородок — «узора», созданного рукой художника и призванного перекрыть бреши и пробоины, через которые бездны не-бытия проникали в земную действительность [Мандельштам 2001: 24]. Цели спасения мира от небытия служит также поиск первоосновы жизни, нашедший выражение в мотивах движения «прочь» от растущей бездны, возвращения в родовое лоно («родной звукоряд»), приближения к той отправной точке, в которой ещё только должно начаться существование вещества (где «*В цепь сочетаются снова / Первоначальные звенья*») [Мандельштам 2001: 139]. В рамках поиска истоков создаётся особое художественное бытие, в котором упраздняется всё «лишнее», и человек остаётся наедине со вселенной, получая возможность заново запустить мировой процесс, освобождённый от всех недостатков, прежде затемнявших бытие.

Однако с самого начала противостояния не-бытия и мандельштамовских героев перевес оказывается не на стороне последних. Созданные поэтом «границы» оказываются подверженными тлену и истончению, и «мир», в котором они установлены, подвергается затемнению и опустошению. Воздействию не-бытийного холода, идущего из бездны, оказывается подверженным и сам творец «перегородок», уже не выполняющих задачу разделения «мира» и «ничто». В мандельштамовской лирике 1910-х гг. мысль о постепенном приобщении мира к не-бытию передаётся мотивами нисхождения / восхождения из света во тьму, двойственности героя, в котором тьма «спорит» со светом, способности вслушиваться в бездну, шаткости бытийственных оснований, бессмысленности борьбы с пустотой, всеисилия последней, наконец, притягивания пустоты [Мандельштам 2001: 24]. Кроме того, в своём движении к основам («прочь от символизма») поэт и его герои оказываются не в состоянии остановиться перед самой последней гранью. И искатели первооснов обнаруживают себя под «чёрным солнцем», окружёнными «чадом небытия» и «чёрным бархатом всемирной пустоты» — если не у не-бытия последнего, то у *ничто* изначального, расположенного у истоков мирового процесса. Таким образом, укрепление бытия выводит Мандельштама за пределы бытийного: за смешением с первоосновой следует утрата индивидуального бытия и устранение существования в целом, и в текстах начала 1920-х гг. из-под всей массы заградительных явлений у него выступает бездна («*набухающая тьма*»), развивающаяся по законам, весьма напоминающим те, что утверждались эриугеническим мраком, творившим мир, а затем поглощавшим своё творение. Теперь мандельштамовские герои «вдыхают» тьму, желают забыть о самостоятельном творчестве, уносятся на последний пир, сливаются с мраком, предчувствуют близкую «кончину мира».

Идеи не-бытия, в том виде, в котором они представлены в творчестве А. Белого и О. Мандельштама, можно наблюдать в целом корпусе художественных творений русского литературного модернизма, пронизанных мыслями о «ничто», являющемся по отношению к миру и человеку высшим началом (Н. Минский), о случайности и мгновенности бытия (М. Волошин), о неподвижности бытия (З. Гиппиус), о переходе не-бытия в бытие и о претворении последнего в «иное небытие» (Ф. Сологуб), об уходе в «иную пустоту» (А. Блок), о последней, не-творящей («переставшей») пустоте (В. Брюсов), о «властном ничто» (В. Хлебников), об «абсолютном ничто» (Г. Иванов). При этом первоначальное ощущение не-бытия как отсутствия, спасительного сна, безболезненности, блага, избавления от страданий, как правило, сменяется представлением о не-бытии как о первоначале — бездне, которая есть «всё во всем» и которая остаётся недоступной нашему разуму и пониманию. И в таком контексте уход в не-бытие интерпретируется в качестве пути вверх, в горние высоты, в качестве воссоединения с миропорождающей силой (яркие примеры подобного восприятия не-бытия обнаруживаются в творчестве И. Коневского, Ю. Балтрушайтиса). Однако чем менее значительной представляется земная действительность всем восходящим в «мировые пустыни» (к «вечной тайне мироздания»), тем больше онтологический центр их художественных вселенных напоминает Мрак мистических доктрин. Пустота животворящая преобразовывается в пустоту нетворящую, «переставшую» (В. Брюсов), «мёртвую» (З. Гиппиус), «стёртую» (М. Волошин), обретая черты последней при-

роды Эригены, соединение с которой знаменует собой конец мироздания как такового.

Но и такая, «последняя», пустота не является конечным пунктом эволюции «тёмного» первоначала. И, напр., «хаос чёрный», влекущий к себе лирических героев Брюсова, пребывавших в застывшем, неподвижном бытии «замкнутого» города, — это уже не бездна мистических учений, в которую душа «вечно падает», воссоединяясь с Божеством, но универсум, стремящийся к совершенной бесформенности. Всё чаще в финальных строках модернистских творений звучит мысль о том, что на месте остановившегося, жаждущего обрушения мира нет *вообще ничего*. И модернистское «не-бытие» всё чаще принимает вид не обладающего никакими свойствами «провала», в который перерождается, напр., «всемирная пустота» О. Мандельштама. Схожий поворот художественной мысли прослеживается и в построениях З. Гиппиус, М. Волошина, Г. Иванова, констатирующих появление «абсолютного ничто». И даже А. Белый, для которого, как, пожалуй, ни для кого другого, важно было связать пустоту с идеями истока и блага, материнской бездны, в своей поздней лирике заговаривает не о возвращении в *родное ничто* и не о воссоединении с первоначалом, а об исчезновении Божества, способного запустить новый круг творения. И итогом становления образов, репрезентирующих базовый для построений русских модернистов художественный концепт, становится идея аннигиляции — бесследного распыления мира в «пустом ничто».

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Символизм как миропонимание. — М.: Республика, 1994. — 528 с.

Белый А. Симфонии. — Л.: Худож. лит., 1990. — 526 с.

Белый Андрей. Собрание сочинений. Серебряный голубь. Рассказы. — М.: Республика, 1996. — 335 с.

Бриллиантов А. И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. — М.: Республика, 1998. — 513 с. — Репр. изд.: СПб., 1898.

Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994. — 562 с.

Мандельштам О. Стихотворения. Проза. — М.: АСТ, 2001. — 736 с.

ORIGIN AND EVOLUTION OF “NON-BEING” IN RUSSIAN MODERNISTIC POETRY (ON THE ANTHOLOGY OF RUSSIAN LITERARY CONCEPTS)

V. S. Sevastyanova

The article considers “non-being”, one of the key concepts of Russian literature of the early 20th century. Turning to the texts of A. Bely, V. Bryusov, O. Mandelstam, M. Voloshin, G. Ivanov the author reveals spiritual sources and traces the evolution of images and patterns that represent “non-being” in the artistic universe of Russian literary modernism.

Key words: modernism, poetry, literary concept, non-being, evolution.

КОНЦЕПТ «НЕБО» В ТВОРЧЕСТВЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ (К АНТОЛОГИИ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ)

Духовный реализм отличает особая картина мира, в основе которой — незримое присутствие в земной реальности небесного. Религиозный писатель, осмысляя «мистическое» на территории искусства, задумываясь над формами и способами воплощения сакрального содержания, так или иначе, обращается к осмыслению концепта «Небо» с целью его художественной и над-художественной реализации. Небо, а также сакральные (мистические) пейзажи, центром которых оно нередко является, выражают особое ощущение действительности: просвечивание второй реальности и её вторжение в общечеловеческую реальность.

Ключевые слова: духовный реализм, концепт, сакральное содержание, религиозный писатель, мистический пейзаж.

В религии существует чёткое разделение на грешную землю (жизнь обыденная, материальная) и священное небо, предопределяющее стремление человека, скованного земными узами, разорвать их, достичь небесных высот (духовности, чистоты, истины, чего-то запредельного). Вот откуда столь любимые религиозно окрашенным искусством антитезы: небесная любовь — земная любовь, небесные чувства — приземлённые чувства, пути небесные — кривые дороги неправды, смотреть на звезды — смотреть под ноги, в землю. К тому же, в соответствии с библейским учением, перемещение души после смерти возможно лишь в двух направлениях: вверх, на небо и вниз.

Концепт «Небо» относится к числу важнейших в сознании и культуре человека. Многие исследователи отмечают его содержательную связь с такими тематическими пластами, как «Бог», «Человек», «Духовный мир», «Жизнь», «Смерть», «Пространство», «Время», «Вечность». Религиозная символика, сопутствующая концепту «Небо» и помогающая его прочесть, — звезда, солнце, — свет, золото, дерево и т. д. Небо в религиозно ориентированном творчестве выступает как универсальный концепт, посредством которого выражается вера в божественность бытия, небесное основание вселенной.

Религиозно настроенный писатель, намечая подступы к осмыслению «мистического» в искусстве, задумываясь над формами и способами выражения сакрального содержания, переживания, откровения, опыта, так или иначе, обращается к осмыслению концепта «Небо» с целью его художественной и над-художественной реализации. «Над-реализм» [Дунаев 2000: 391] или духовный реализм, или «мета-реализм», «сквозящий реализм» [Андреев 2007] — направления, внутри которых, как правило, реализуют себя религиозные художники, отличает особая картина мира, в основе которой — незримое присутствие в земной реальности небесного. Небо эстетизируется, символизируется, обогащается особой

Таянова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, кандидат педагогических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: tayanova8@mail.ru

идейной нагрузкой, становясь «сигналом» возвышенных внутренних переживаний, недоступных для прямого изображения, «неизреченных» — *небесных* — состояний души героев. Небо, а также сакральные (мистические) пейзажи, центром которых оно нередко является, выражают отношение художника к действительности как к «просвечивающему слою» [Андреев 2007]. Концепт «Небо» актуализирует «просвечивание второй реальности и её вторжение в общечеловеческую реальность» [Андреев 2007]. Вторая реальность — иной мир, лишённый материальности, земного тяготения, мир горний. Художественный текст с ярко выраженной религиозной доминантой живописует жизнь в окружении неба, активно взаимодействует с небесным. Вот откуда целомудрие, чистота, высшая надмирная, надземная красота, являющиеся определяющими чертами природы и сакральных пейзажей Б. Зайцева, Н. Рериха, И. Шмелёва, Д. Андреева, В. Соловьёва и других религиозно мыслящих художников. Их пейзажные описания многократно превосходят заложенные в реализме возможности.

Так, многие пейзажи Шмёлева написаны будто в молитвенном состоянии, иногда их можно сопоставить с молитвенными славословиями, настолько сильна в них духовная доминанта: атмосфера любования, восхищения, умиления божьими чудесами. В этом их отличие от просто изобразительных пейзажей секуляризованного искусства, воспроизводящих, по замечанию Б. Томашевского, необходимые и неизменные признаки описываемых явлений. Вот типичный для Шмелёва небесный пейзаж: *«Скоро ко всенощной. Солнце уже клонится... Вдали золотеет темно выдвинувшийся над крышами купол Ивана Великого. Окна домов блистают нестерпимо, и от этого блеска, кажется, текут золотые реки, плавают здесь, на площади, в соломе. Всё нестерпимо блещет, и в блеске играют яблочки <...> Смотрю на небо: такое оно спокойное, так бы и улетел в него»* (выделено нами — Т.Т.) [Шмелёв 1996: 105]. В основе этого (внешне — городского, а в глубине — сакрального) пейзажа лежит событие душевной жизни героя, имеющее мистическую природу. Назвать его можно по-разному: озарение, открывшаяся истина, потрясение, прозрение, всепонимание, озаряющая благодать, голос / зов с неба. Это событие может быть охарактеризовано как общение с небом / Богом, исполненное жаждой слияния, единения с ним: *«Так бы и улетел в него»*. Небо, наверное, — самая *сверхчувственная, сверхлогическая* пейзажная «величина», фиксирующая порыв верующей души вверх — к Абсолюту.

В приведённом выше пейзаже из «Лета Господня» интересны не только пространственная доминанта выси, параллелизм небесного описания и небесного состояния, но и фантастическое сгущение света, а также размывание границ восприятия пространства и времени. Вечер, всенощная, солнце клонится к закату. Откуда же эта грандиозная гипербола свечения? И если достоверность против неё, то что — за? Думается, недостоверность и красота тайны, «поэзия непонимания». Н. Б. Мечковская пишет: «Простой и ясной речи мистик предпочитает метафору, парадокс, иносказание, двоящиеся смыслы, размытые границы категорий, недоговорённость. Мистик не стремится быть понятым» [Мечковская 1998: 197]. «Он стремится увлечь <...> красотой тайны и поэзией непонимания» [Там же: 198]. Шмелёв рисует именно в этой манере. Всё, что насыщает его небесный пейзаж, легко выпадает «за кадр», из поля точной видимости, однако мы отчётливо видим свет, разлитый во всём мире. Религиозный художник не заботится о причинно-

следственных связях в их земном понимании. Потому-то так часто мы сталкиваемся у Шмелёва с оксюморонными сочетаниями, напоминающими парадоксы и паралогизмы: «*золотеет темно*» [Шмелёв 1996: 105], «*так по-вечернему светло и золотисто-розовато*» [Там же: 107], «*на чёрном небе так и кипит от света*» [Там же: 110], «*розово зачернелись галочки*» [Там же: 116], «*в снежном тумане-инее, громадное огненное солнце*» [Там же: 147], «*за чёрным окном начинает белеть железка*» [Там же: 256], «*свет вечерний*» [Шмелёв 1999: 53]. Небесные (астральные) пейзажи верующего художника напоминают небесные видения — тонкие сны, в которых обнаруживаются антиреалистичность, неконкретность, нечёткость — знаки «сквожения» иной реальности.

Вполне закономерно, что в религиозном творчестве мистический компонент присутствует в описаниях звёзд. Их образы внушают читателю ощущение выхода за пределы этого мира в трансцендентный мир. Они есть своеобразный канал связи, посредством которого герой, писатель и читатель становятся сопричастными невидимому. Звёзды, звёздное небо — константы эстетического мира Б. Зайцева, неперенный атрибут любого вечернего и ночного пейзажа. Для него вся жизнь человеческая есть «путешествие по звёздам», его звёзды несут в себе нечто большее, нежели обыденная или даже философская правда земной жизни. Так, в зайцевской повести «Голубая звезда» звезда — «олицетворение облика небесной Девы», «благодатной силы».

Для религиозного автора звёздное (астральное) несёт в себе «выше-человеческое». Вот фрагмент из романа Б. Зайцева «Дальний край»: «*Душиным вечером гасло солнце, над скромной страной зажигались звёзды. Их язык был отчасти понятен. Всё, что они говорили, — было за какую-то большую правду, выше-человеческую, вместить которую не дано ни ему, ни идеалистам из сборника, ни даже самому Соловьёву*» [Зайцев 1999: 493]. У Зайцева и Шмелёва концепт «Небо» и непосредственно связанный с ним концепт «Звезда» — выразители божественного начала, пронизывающего мир, Божьего благословения, благодати. Их астральные пейзажи проникнуты знанием близости Бога, который одновременно «над нами», «с нами», «в нас»: «*Вот он, Божий мир <...> Да, пред нами. А над ним и над нами Бог. Им всё полно! Разве вы не чувствуете? <...> Главное знайте — над нами Бог. И с нами. И в нас. Всегда. Вот сейчас. «Яко с нами Бог». О. Парфентий говорил как бы заклинательно*» [Зайцев 1999: 287–288].

Взгляд автора и героев на мир Божий, который раскрывается в пейзаже, — взгляд не на только, а за: «*Я смотрю на лампадку, за лампадку <...> в окно, на звёзды, за звёздами. Если бы всё увидеть...*» (выделено нами — Т.Т.) [Шмелёв 1996: 219]. Перед нами эффект мистического «сквожения», о котором так много писал Д. Андреев как теоретик и практик «сквозящего реализма» (мета-реализма). «Надо мной открывалось небо» [Шмелёв 1999: 113]. Данная метафора из «Истории любовной» очень точно передаёт главный смысл всех пейзажных зарисовок Шмелёва, более того — его мироощущение: предельная открытость, вера в присутствие в мире земном мира небесного (взаимоотражения «верха» и «низа»), ощущение покровительства и защиты (жизнь под небесным покровом), устремлённость ввысь, поиск Абсолюта.

Звёзды у Шмелёва нередко становятся выразителями сакральных состояний: «*Я молюсь Богородице Казанской <...> Молюсь и шуюсь <...> Вижу лучики-лу-*

чики лампадок, будто это на небе звёздочки, и там, высоко, за звёздами, — сверкающий омофор-Покров. И мне ничего не страшно. Если бы увидеть — там, высоко, за звёздами?!» [Шмелёв 1996: 210]. Здесь звёздное небо — «тонкий сон» верующего ребёнка в храме. Небесный пейзаж-видение проникнут молитвенным пафосом — по-детски непосредственным чувством Бога, жаждой встречи с Ним, интуитивно осознанной необходимостью прозреть и наполниться им.

Концепт «Небо» играет важную роль в воссоздании религиозной жизни героев. Напр., «пасхальная» радость Вани из «Лета Господня»: *«Я смотрю через золотистое хрустальное яичко. Горкин мне подарил, в заутреню. Всё золотое, всё: и люди золотые, и серые сараи золотые, и сад, и крыши, и видная хорошо скворешня <...> и небо золотое, и вся земля. И звон немолчный кажется золотым мне тоже, как все вокруг»* [Там же: 73]. И вот мы уже за гранью того, что называется нормой восприятия. Этот остраивающий, отлитый из золота и в то же время сквозящий инореальным светом пейзаж. Рассмотрим одно из частых состояний юного Тони — героя «Истории любовной»: *«И меня охватило радостью, родившеюся во мне сегодня: да ведь и я влюбился! Эта радость сияла на синем небе, на подоконнике, в хрустале, на весенних подснежниках, в радужном озарении на книге»* [Шмелёв 1999: 35]. Перед нами сияющая и именно небесная радость (возвышенная, духовная, открывающая сердце для любви), а «преизбыточность» корневого повтора *«радость сияла <...> в радужном озарении»* помогает усилить её.

Небо как центральный концепт творчества Шмелёва имеет особое значение. Почти всегда ясное, оно исполняет роль лампочки в комнате его художественного мира, подсвечивая не только пейзажи, но весь текст и подтекст. Шмелёвское небо, как правило, — источник «чудесного растекания» [Шмелёв 1999: 125] света на всё, во всех направлениях сразу. Этот свет — *«свет живой, кристально чистый — свет радостного детства»* [Шмелёв 1996: 297], *«радость-свет»* [Там же: 305], *«заливающий радостью»* [Там же: 335]. Свет этот не блестит даже, и не светится, а *«блеском светится»* [Там же: 329], словно свет райский: *«...тополь, и в нём золотисто-зелено. Тополь густой теперь, чуть пропускает солнце, на полу пятна-зайчики, а в тополе такой свет, сквозисто-зеленоватый, живой, — будто бы райский свет»* [Там же: 357]. Дерево в данном примере — своеобразная символическая вертикаль, вертикальная ось, стремящая пространство вверх — от земли. Высшая отметка этой оси — небо. Образы деревьев у Шмелёва — нередкая составляющая небесного пейзажа, пробуждающая в памяти архаический образ мирового древа, прорастающего через все ярусы дома и уходящего в небо. В рамках этого сопоставления можно говорить о концепте «Дистанция» (до неба), актуализирующем связь неба и земли, о которой в своё время писал В. Г. Белинский, размышляя о Пушкине: *«В поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля»* [Белинский 1959: 349].

То же можно сказать о творчестве Шмелёва и Зайцева. Они создают, как правило, пейзажи духовные, скорее, представляемые, мыслимые, нежели зримые, и почти всегда небесные, так как, даже будучи переданы исключительно земными деталями и подробностями, они освещены светом небесным, можно сказать, перенасыщены им. Так, в следующем пейзаже ни разу не названо слово *небо*, но небесного свечения в нем много, и реализуется оно прежде всего с помощью описания дерева (распустившегося по весне тополя): *«Я распахнул окошко <...> Первые*

светлые листочки совались копыцами, лепились в пачках, хотели распускаться. Я высунулся в тополь, и меня затопила свежесть, теплынь и зелень, и воробьиный щебет, и блеск, и солнце <...> в комнате всё зазеленело и стало новым. Нежные, клейкие листочки *светились солнцем, сверкали изумрудно. Всё закачалось в блеске*, радостно закивало копыцами. Я увидел всё это — такого еще никогда не видел! — и весь задрожал от счастья» (выделено нами — Т.Т.) [Шмелёв 1999: 27]. Близость неба, присутствие его света во всём мире здесь очевидны. На наших глазах земной пейзаж становится небесным, наполняется почти мистическим свечением. Его непозитические детали (мелочи реальности): почки, травка, пыль, сenco, дёготь, тополь, смола, воробьи, — сливаются в нестерпимо ярком блеске мощного луча света, направление которого — от неба к земле: «и всё закачалось в блеске», т. е. всё слилось, сделалось одним целым, стало светом небесным. Градационную схему, выражающую эту идею, можно представить так: листочки-блеск — тополь-блеск — всё-блеск, включая и светящуюся мистическим светом благодати душу героя, наблюдающего за светоносной «вертикалью» дерева духовными очами.

Итак, в творчестве религиозных писателей можно говорить об особом статусе неба. Концепт «Небо» нередко ассоциируется со сверхъестественными силами, иной реальностью, также он тесно связан с эмоциональной, психической сферой героев. Небо — своеобразный показатель нравственных качеств человека, ведь его видят и любят им, как правило, положительные герои, люди верующие, духовные, светлые. Небу почти молятся, видя в нём источник небесной благодати, спасения, истины. «Небесный» нередко используется в значении 'божественный' («пути небесные», «небесная заступница», «небесные глаза» и т. д.): небо, как и Бог в христианстве, «отождествляется с любовью» [Пименова 2009: 44]. Концепт «Небо» воплощает представления верующего писателя о явлениях идеального мира сквозь призму впечатлений о мире реальном, чувственно воспринимаемом, вот откуда родственное, почти сыновнее чувство по отношению к выси и доверчивая устремлённость к ней героев Зайцева и Шмелёва.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Д. Л. Некоторые заметки по стиховедению / Портал «РОДОН». — 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/andreev/nzps.htm>. (дата обращения: 26.04.2011).
- Белинский В. Г. Эстетика и литературная критика: в 2 т. / Сочинения Александра Пушкина. Статья 5. — М.: Худож. лит., 1959. — Т. 2. — 784 с.
- Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. — М.: Христ. лит., 2000. — Ч. VI. — 896 с.
- Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Рус. кн., 1999. — Т. 1. — Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. — 608 с.
- Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Рус. кн., 1999. — Т. 4. — Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. — 624 с.
- Мечковская Н. Б. Язык и религия. — М.: Агентство «ФАИР», 1998. — 352 с.
- Пименова Е. Е. Архаичные способы категоризации неба / Вестник ВГУ: Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2009. — № 1. — С. 41–46.
- Шмелёв И. С. Лето Господне. — СПб.; М.: ОЮ-92, 1996. — 480 с.
- Шмелёв И. С. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Рус. кн., 1999. — Т. 6 (доп.). История любовная: Романы. Рассказы. — 512 с.

CONCEPT "HEAVEN" IN WORKS OF RELIGIOUS WRITERS
(ON THE ANTHOLOGY OF LITERARY CONCEPTS)*T. A. Tayanova*

Spiritual realism is noted for its specific world-image that is based on the covert heavenly presence in the worldly life. A religious writer trying to gain an insight into the mystical in art and means and ways of sacral content embodiment, anyhow, directs his attention to concept "Heaven" to acquire a better understanding of its art and supra-art embodiment. Heaven and mystical landscapes with heaven as their centre express special reality perception, i.e. when another reality becomes visible through and encroaches on the mundane.

Key words: spiritual realism, concept, sacral content, religious writer, mystical landscapes.

© 2011

Ю. Г. Гладких, А. А. Осипова

ОТРАЖЕНИЕ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КОНЦЕПТАМИ В СЛОВАРЕ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ В. П. АСТАФЬЕВА
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ «СМЕРТЬ» И «ВОДА»)

В статье вскрываются взаимосвязи разных концептов в словаре концептосферы В. П. Астафьева. В качестве примера авторы предлагают анализ пересечений-включений концептов «Смерть» и «Вода» в художественной картине мира В. П. Астафьева.

Ключевые слова: В. П. Астафьев, концепты «Смерть» и «Вода», концептосфера, художественная картина мира.

Доминантные для творчества того или иного писателя концепты могут стать материалом для словаря концептосферы. Основное внимание при создании такого словаря должно быть сосредоточено на описании отдельных концептов как элементов художественной картины мира. В настоящее время нами выявляются ключевые концепты творчества видного русского прозаика В. П. Астафьева. Ранее мы писали, что в словарную статью, посвящённую какому-либо концепту, включают сведения об этимологии слова-имени концепта, его синонимической парадигме, эволюции лексического значения, лексическом и фразеологическом окружении, сочетаемости, ассоциативных связях, особенностях вербализации концепта в картине мира писателя (подробнее см. [Осипова 2009]).

Полагаем, что словарная статья планируемого лексикографического труда, кроме изолированного описания отдельных концептов, должна включать ин-

Гладких Юлия Германовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета. E-mail: gluger127@yandex.ru

Осипова Александра Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: osashenka@yandex.ru

формацию о пересечении разных концептуальных областей. Апробация такого подхода уже нашла отражение в словаре Ю.С. Степанова, когда на материале русской культуры в целом были рассмотрены взаимосвязи концептов «Огонь» и «Вода», «Правда» и «Истина», «Гений» и «Ангел» и др. (см. [Степанов 2004: 295–309, 455–470, 749–758]). Неизбежное расширение словарной статьи в данном аспекте обусловлено представлением о том, что индивидуально-авторская картина мира — это не только механический набор (сумма) различных концептов, но и отношения, связи, существующие между ними (в частности, о связях концептов «Время» и «Вода», о зонах концептуальных пересечений-включений см. [Бобкова 2007: 20–21]). Избранный подход позволяет не только поместить в словаре отдельные ключевые концепты, но и приблизиться к реконструкции фрагмента картины мира писателя. В данной статье мы сосредоточили внимание на выявлении связей концептов «Смерть» и «Вода» в художественной картине мира В.П. Астафьева.

В качестве среды обитания вода губительна для человека. Отсюда несомненна её связь со смертью. Вода в своём разрушительном проявлении ассоциативно связана у В.П. Астафьева с двумя наиболее сильными личными потрясениями — потерей матери, которая утонула в реке, и военными событиями (в 1943 г. он форсировал Днепр). Это, конечно, не могло не отразиться в творчестве писателя. Смерть от воды, в основном, вербализуется в произведениях В.П. Астафьева такими единицами, как *захлебнуться, за горло взять, кладбище, перетонуть, погибнуть, погубитель, тонуть / утонуть, тонущий, утонувший, утопающий, утопленник, утопленница, утопнуть, утопший* и др.

К эпизоду трагической гибели своей матери В.П. Астафьев, испытывавший все трудности сиротского детства (жизнь с мачехой и непутёвым отцом, детский дом), возвращался в творчестве не раз (особенно в автобиографическом цикле «Последний поклон», где писатель описывает свои детские годы). Так, напр., в одной из частей рассказа «Конь с розовой гривой» повествуется о том, как бабушка Екатерина Петровна искала свою утопшую дочь Лиду: *Когда **утонула** мама, бабушка не уходила с берега, ни увести, ни уговорить её всем миром не могли* [Астафьев, 4, 1997: 66–67]. Для бабушки, как и вообще для жителей деревни в этом произведении, характерно восприятие реки в качестве живого существа, более сильного, чем человек, существа, которое может по своему усмотрению губить или спасать человека. Поэтому люди ведут себя с рекой согласно древним традициям и поверьям: *Она [бабушка — Ю.Г., А.О.] всё кликала и звала маму, бросала в реку крошки хлебушка, серебрушки, лоскутки, вырывала из головы волосы, завязывала их вокруг пальца и пускала по течению, надеясь задобрить реку...* [Там же: 67]. В повести «Весёлый солдат», также имеющей автобиографический характер, главный герой пытается устроиться в послевоенной жизни, которая оказывается ничуть не легче, чем на войне (голод, смерть дочери, отсутствие работы, неустроенность быта). И молодого мужчину, доведённого до грани отчаяния, начинает преследовать сон, в котором опять возникает образ матери: *... я начал видеть во сне совсем уж ошарашивающий кошмар, будто тёмной ночной порою, пробравшись на старое кладбище, раскопав могилу **утопленницы**-матери, рвал её чёрную кожу и ел багрово-красное мясо...* [Астафьев, 13, 1998: 235].

Будучи сам азартным рыбаком, В.П. Астафьев наделяет этим увлечением очень многих своих персонажей. Но рыбалка включает в себе не только положи-

тельные моменты, связанные с позитивными эмоциями, самим процессом добычи рыбы и его результатом. Нередко во время рыбалки героев подстерегает смерть. И в качестве её субъекта выступает река или озеро. Напр., в рассказе «Светопреставление» заядлый рыбак Кеша Короб, объездивший и «обрыбачивший» множество различных водоёмов, в конце концов, погибает на одном из них: *Там, на озере Кубенском, и загинал Кеша Короб — провалился весной под лёд и **утонул**. Утонул...* [Астафьев, 9, 1997: 224]. В романе «Прокляты и убиты» Лёшка Шестаков вспоминает, как погиб его отец: *... возвратились рыбацкие катера с лихтерами, принесли весть: была буря, **утонула** целая бригада рыбаков и вместе с нею бригадир Павел Шестаков...* [Астафьев, 10, 1997: 177]. В рассказе «Жизнь прожить» на протяжении всего повествования в реке Енисей постоянно гибнут люди, причём Енисей предстаёт перед читателем олицетворённым существом с человеческими качествами: богатый, красивый кормилец («Красив он, могуч и славен...» [Астафьев, 9, 1997: 297]), но и своенравный погубитель человеческих жизней: *Однако ж легко сказка сказывается, да душа-то в берег родной вросла: поля мои, леса мои, река <...> Куда я от Анисея-погубителя?* [Там же: 306]; *Лёлка **погибла** ещё в сорок третьем году. Весной. **Взял** её опять же <...> дорогой Анисеюшко* [Там же: 297]. Главного героя этого рассказа Ивана Тихоновича Заплата, потерявшего нескольких родственников (утонули в реке), чуть не постигла та же участь на рыбалке: *Шляться-то оно, конечно, шлялося, горе-то наше, да ещё не набрело иль, считай что, не полностью выбрело из водяных тёмных пучин, но уж подобралось, уж руку протянуло, **за горло взять** изготовилось — Анисеюшко, родимай батюшко, караулил и не дремал...* [Там же: 305–306]; *На этой тоне, на последней-то, мы и опрокинулись. Ухватились за лодку, в рыбе плюхаемся. Орём. Чую, огрузать начал <...> Ну, думаю, **дождался и я своего часу-череду**, укараулил и меня Анисеюшко* [Там же: 308]. Отметим, что в первом примере фразеологическая единица (ФЕ) *брать за горло кого* приобретает окказиональное значение «кого. Губить» (ср. узуальное «принуждать, притеснять; заставлять поступать определённым образом» [Молотков 2001: 41]). Во втором примере расширен компонентный состав узуальной ФЕ (ср. *свой час* ‘своевременно наступившая смерть’). Можно в данном случае говорить о контаминации ФЕ *свой час* и *своим чередом* «как обычно, своим порядком (идёт, течёт и т. п. что-л.)» [Фёдоров 1995: 583] и об индивидуально-авторском преломлении значений данных ФЕ в новом сверхсловном образовании *дождаться своего часу-череду* ‘осознать неумолимость наступающей гибели’.

В нескольких произведениях В. П. Астафьева возникает образ мёртвой воды, образовавшейся на мёртвом месте. Так, в миниатюре «Кладбище» из цикла «Затеси» повествуется о разлившемся Камском водохранилище, заполнившем бывшее кладбище: *Напротив мыса, по ту сторону Сылвы, сухие тополя в воде стоят. Молодые и старые тополя, все они черны и с обломавшимися ветками <...> Иные тополя наклонились, иные ещё прямо держатся и со страхом смотрят в воду, которая всё вымывает и вымывает их корни <...> Под тополями, под водой **кладбище*** [Астафьев, 7, 1997: 57]. Сюжетная линия текста — это эсхатологическая картина поглощения земли водой. Концепт «Смерть» в данном произведении является доминантным, что проявляется уже в заглавии («Кладбище»), занимающем сильную текстовую позицию. В рассказе «Ловля пескарей в Грузии»

В. П. Астафьев рассуждает о бездумном и при этом широко распространённом способе людей сохранять запасы воды — о водохранилище: *А-а, знакомая картина. По России знакомая* [Астафьев, 9, 1997: 265]. Осенью водохранилище покрыто толщей воды (и в нём, естественно, обитают разного рода существа), зимой воду выкачивают и всё, что было живым подо льдом, становится мёртвым: *Рыба, водоросли, лягухи и больные птицы, мыши и крысы, зайчата и норки — целая бойня на непролазном и непроездном кладбище живности...* [Там же]. Причиной такого видения мира становится авторское осмысление бездумного вмешательства человека в установленный природой порядок. Вообще, для творчества В. П. Астафьева характерно обращение к теме природы, изощённо уничтожаемой человеком. Пожалуй, самым ярким примером такого истребления является парк Вэпэвэрзэ из рассказа «Людочка»: *Чёрная, с кривыми коленами <...> лежала труба <...> Со временем трубу затянуло мыльной слизью, тиной и по верху потекла горячая речка, кружа радужно-ядовитые кольца мазута...* [Астафьев, 9, 1997: 394]; *Из грязной канавы и пены торчали и гудели горлами бутылки разных маслей <...> иногда проносило аж до самой реки, в которую резво втекал зловонный поток канавы, какую-нибудь диковину: испустившего резиновый дух крокодила Гену; красный круг из больницы...* [Там же: 396]. Писатель изображает природу в самом неприглядном виде, за каждой строкой слышится астафьевское возмущение тем, что творит человек вокруг себя, как варварски он использует и губит природные ресурсы.

Тема гибели человека в воде является доминирующей во второй книге романа о Великой Отечественной войне «Прокляты и убиты» — «Плацдарм». Здесь можно говорить уже о связи трёх концептов — «Смерть», «Вода» и «Война». Книга повествует о переправе солдат через Великую реку (Днепр). Немцы дислоцируются так, чтобы уничтожить русского противника в воде: *Но там вон, за рекою, тоже засели плановики, опыт наступления и обороны имеющие большой, их задача — не пустить за реку русских, поистребить их и перетопить как можно больше, всего бы лучше — поголовно* [Астафьев, 10, 1997: 370]. Интересно неоднократное употребление в романе словосочетания *сделать буль-буль*, своим возникновением обязанного немцам и имеющего значение ‘утопить многих’: *Листовки короткие, как всегда, устрашающие <...> В листовках немцы снова сулились **сделать** русским **буль-буль*** [Там же: 527]; *Фон Либих <...> требовал подкреплений, увеличения огневой поддержки с тем, чтобы **сделать**, наконец, этот давно обещанный «буль-буль!» русским* [Там же: 634] и др.

Смерть солдат в воде по причине ранения условно можно назвать закономерной на войне, но одним из самых ужасающих обстоятельств в романе становится массовая гибель людей из-за неумения плавать. Процессуальные единицы в этом случае обозначают действие, замыкающееся в самом субъекте смерти: — *Тону-у-у, тону-у-у!* — *послышался первый страшный вопль...* [Астафьев, 10, 1997: 374]; *По грубым подсчётам, потеряли при переправе тысяч двадцать убитыми, утонувшими, ранеными* [Там же: 430]; *О том, что за ними, на виду **тонушими**, открылась такая же охота, как и за лётчиком <...> Лешка отчего-то думать не решался* [Там же: 511]; *После выяснилось, лишь одна группа десантников <...> оказала сопротивление, остальные разбрелись по Заречью, с криками о помощи **перетонули** в реке* [Там же: 485]; — *О-ой, Нелечка! Я думала, ты погибла! — прыгнув в воду с ещё не ткнувшейся в берег лодки, закричала Фая и с плачем*

бросилась к подруге. — О-о-ой, Нелечка!.. Мне говорили, лодка опрокинулась, все **перетонули**... [Там же: 605]. Зачастую процессуальные вербализаторы здесь приобретают значение длительно-интенсивного способа действия (*тонуций, перетонуть*).

Примечательно, что словом *утопленник* в романе «Прокляты и убиты» называется не только утонувший человек (*Лешка <...> увидев парящих над лодкой чаек, догадался, что они, эти наглые птицы, ничего не страшась, садятся на всё, что плывёт по реке и расклёвывают всплывших утопленников* [Астафьев, 10, 1997: 504]), но и человек, который тонул, но спасся (— Э-эй, **утопленник!** Принимай бойца в гости! — крикнул наверху Финифатьев... [Там же: 518]).

Гибнуть в воде, помимо человека, в романе «Прокляты и убиты» могут и неодушевлённые предметы: *Необстрелянные бойцы, хватив студёной воды, ошале от страха, утопят оружие, побросают патроны, гранаты...* [Астафьев, 10, 1997: 413]; ... он заключил, что на плацдарме находится три стрелковых полка, универсально-сапёрная рота <...> взвод бронебойщиков, **перетопивший** пэтээры, разрозненные части да представители разных соединений... [Там же: 521]; Очень обрадовался Петька Мусиков, когда узнал, что пулемёт их <...> **утоп**. Петька Мусиков и знал, что пулемёт **утопнет**, и всё, что есть на помосте, **утопнет**... [Там же: 669] и др.

В повести «Пастух и пастушка» В. П. Астафьев метафорически не единожды определяет войну как водоворот, а людей в нём как струю, реку, поток, прибой, волну, причём человеческая масса приобретает особые свойства воды (она может бурлить, течь, наплывать, катиться, плескаться): *Из круговерти снега <...> возникла и покати́лась на траншею тёмная масса из людей. С кашлем, криком, визгом хлынула на траншею эта масса, провалилась, забурлила, заплескалась, смывая разъярённым отчаянием гибели волнами всё сущее вокруг* [Астафьев, 3, 1997: 12]; *Из оврагов тоже вываливали и вываливали волна за волною толпы людей и катились навстречу тем, что взлохмаченным прибоем наплывали от села <...> И стекали тёмные струи в речку, по которой и в которой уже шевелился тёмный поток людской, норовя найти выход, утечь куда-то <...> С двух сторон на всех скоростях катили танки, стискивая всё плотнее в кучу людей, закруживая их водоворотом...* [Там же: 57]. Значение слова *водоворот* — «место в реке, море, в котором течения образуют вращательное движение» [СОШ 2005: 89] — свидетельствует об имманентном признаке объекта: вода не только сама центростремительно движется, но и вовлекает в это движение всё, что находится непосредственно на её пути. Отсюда и соответствующая акватическая метафора, представляющая войну как динамическую силу, несоизмеримую с желанием и волей людей, оказавшихся в неё втянутыми.

По этой же причине герою повести «Пастух и пастушка» Борису Костяеву предстоит внутренне пережить сначала вещий сон, в котором реальное событие — движение поезда с солдатами навстречу войне — описывается посредством целостного метафорического комплекса, способного передать идею конца человеческого существования: *По воде идёт паровоз, тянет вагоны <...> Паровоз вот-вот ухнет в глубину, зашипит головёшками, и коробочки вагонов ссыплются туда же вместе с людьми, с нарами и с солдатскими пожитками. Вода сомкнётся, покроет гладью то место, где шёл состав. И тогда мир этот, залитый*

солнцем, вовсе успокоится, будет вода, небо, солнце и ничего больше! Зыбкий мир, без земли, без леса, без травы» [Астафьев, 3, 1997: 79–80]. Видение поглощения земли с её обитателями водой дублируется в тексте: позже главный герой, умирая, таким же образом переходит в небытие: *Поезд оторвался от рельсов и плыл к горизонту, в народившийся за краем земли тихий, мягкий мрак. Не желая останавливаться, сердце ещё ударилось раз-другой в исчахлаю, жестяную грудь и выкатилось из неё, булькнуло в бездонном омуте за окном вагона* [Там же: 136].

Таким образом, в художественной картине мира В. П. Астафьева между концептами «Смерть» и «Вода» существуют прочные связи, проявляющиеся в разнотипных (нерядоположенных) вербализаторах концептов. К таким вербализаторам относятся: а) слова в прямом значении, одновременно содержащие семы ‘смерть’ и ‘вода’; б) ФЕ (в том числе трансформированные), символически представляющие идею смерти в воде; в) одиночные акватические метафоры, передающие представление о жидкостной природе смерти; г) метафорические комплексы (сложные текстовые построения с нанизываем однотипных метафор), способные выразить идею поглощения земли водой, а следовательно, и смерти мира.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. — Красноярск: ПИК «Офсет», 1997–1998.

Бобкова Ю. Г. Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (на материале цикла «Затеси»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пермь, 2007. — 23 с.

Молотков 2001: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. и с посл. А. И. Молоткова. — 6-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ: Астрель, 2001. — 512 с.

Осипова А. А. Принципы создания словаря концептосферы В. П. Астафьева // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. — № 2 (24). — С. 887–894.

СОШ 2005: Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 2002. — 944 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академ. Проект, 2004. — 992 с.

Фёдоров 1995: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А. И. Федорова. — М.: Топикал, 1995. — 608 с.

REPRESENTATION OF CONCEPT INTERRELATION IN THE CONCEPTUAL SPHERE OF V. ASTAFYEV'S IDIOLECT

Yu. G. Gladkikh, A. A. Osipova

The article considers interrelation of different concepts in the conceptual sphere of V. Astafyev's idiolect. To illustrate the issue the authors analyze inclusion and overlapping of concepts "Death" and "Water" in the artistic world-image of V. P. Astafyev.

Key words: V. Astafyev, concepts "Death" and "Water", conceptual sphere, artistic world-image.

© 2011

В. В. Цуркан

КОНЦЕПТ «ДЕТСТВО» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БИТОВА
(К АНТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ)

В статье на материале ранней прозы А. Битова исследуется значимый для русской литературы концепт «Детство». Анализ данного концепта позволяет рассмотреть специфику индивидуально-авторской картины мира писателя.

Ключевые слова: концепт «Детство», проза А. Битова, alter ego автора.

Концепт «Детство» — один из ключевых в раннем творчестве А. Битова. Скрыто или явно он присутствует в ряде произведений писателя — на уровне темы, сюжета или неуловимой, но всепроникающей атмосферы. Сколь бы ни были различны формы его проявления, все они восходят к первоначальному импульсу, некоему архетипическому ядру, смысл которого, как писал Юнг, не был и никогда не будет осознан, он подлежал и подлежит впредь лишь толкованиям.

Освобождаясь от пут нормативной эстетики, переживая драму взаимоотношений с миром, вдруг утратившим определённую стабильность, А. Битов пытается отыскать объект, который, даже подвергаясь трансформации, сохранял бы «душу живу», сущностные признаки своего конкретного бытия, и, вместе с тем, был способен вызвать самый широкий круг ассоциаций и представлений. Концепт «Детство» позволил писателю объединить загадочность символа с живой убедительной реальностью.

В ранних битовских рассказах образы мальчиков и подростков нередко выступают в роли «второго я» писателя. Исходя из некой общей точки, жизненные векторы героя-ребёнка и повествователя расходятся, в нарушение законов геометрии эпизодически пересекаются, чтобы в конечном пункте совпасть, как в начале. Концепт «Детство» несёт на себе печать авторских воспоминаний о блокаде, эвакуации, жизни на Аптекарском острове, учёбе в школе на Фонтанке. В ретроспективный план повествования входят детали, подчёркивающие остроту переживаний ребёнка, которому «*больно*», «*страшно*», «*противно*», «*голодно*» [Битов 1991: 9]. Вместе с тем А. Битов раздвигает рамки повествования, поэтизируя цельное, чистое и первозданное. Тоска по идеалу, по образу мира, который «раньше мира» приводит к мифологизации детства.

Миф о детстве открывает образ бабушки («Бабушкина пиала»). Смеющаяся, «ласкающая», «царящая» [Битов 1991: 9] бабушка объединяет старых и малых. Её дом и сад таят немыслимые сокровища: «*чистую высокую кровать*», «*золотой стаканчик, из которого выглядывает настоящий белый сахар*», «*дубовый стол, прочно наступающий на пол*», а главное, невиданную чашку, «*по которой, крадучись, парами*» [Там же: 10] ходят ёжики. Цепочка ассоциаций «бабушка» — «сказка» — «сад» свидетельствует о принадлежности детства в художественном мире А. Битова к ряду божественно-райских сущностей. Детство интерпретируется как образ мироздания, знак бытия, некая духовная реальность. На это указывает

Цуркан Вероника Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ruslit20@masu.ru

эпиграф к рассказу, актуализирующий мысль о цикличности жизни, о неразрывной связи поколений. Постоянство рая-детства, однако, не является окончательным. В финале рассказа А. Битов разрушает иллюзию, показывая неприкаянность и одиночество повзрослевшего героя.

В рассказах «Фиг», «Но-га», «Дверь» А. Битов наполняет концепт новыми, полемическими смыслами. Трактую детство как период жизни, в котором устанавливается доминирующая идентичность личности, автор подчёркивает аморфность, смешанность и несогласованность разнородных начал внутреннего мира ребёнка. Подростки А. Битова не вписываются в регламентированную действительность. Неравные взрослым, они неравны самим себе. Не случайно писатель называет «фигом» героя одноимённого рассказа. А. Битов дистанцируется от нормативной эстетики, когда в характеристике ребёнка использует семантически сниженный образ. «Фига», «фиговый лист», как трактует словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, — это, во-первых, *«то же, что и кукиш»*, а во-вторых, *«лицемерное прикрытие чего-нибудь заведомо бесстыдного»* [Ожегов 1994: 839]. Вариантом крайнего выражения отрицания в рассказе «Фиг» является чистый лист бумаги, перед которым сидит Алёша. Метафора «детство — чистый лист» отсылает к учению Платона и Аристотеля, к «Опыту о человеческом разуме» Д. Локка, согласно которому каждый рождающийся человек является «*tabula rasa*» («чистой доской» или «чистым листом») и черпает представления о мире из чувственного опыта.

В «Фиге» автор описывает «до-личностное» состояние человека, не подкреплённое духовным опытом. Изнывающий от безделья, «рыжий фиг», Алёша, гоняет по квартире кошку, лазает по карманам пальто, читает чужие письма, чинит карандаши, пьёт воду, сосёт палец, «дзенькает» по бритве, гримасничает перед зеркалом, примеряя на себя маску то дядьки, то деда. Однако отождествление с Другим не приводит Алёшу к осознанию «самости». Внутренний мир ребёнка не заполняется «правильным», с точки зрения А. Битова, опытом: невозможно идентифицировать себя с нулём. Лист, лежащий перед Алёшей, так и остаётся чистым. Акцентируя внимание на изменчивости и неуловимости внутреннего склада героя, А. Битов поддерживает мысль Ф. М. Достоевского о том, что ребёнок донравствен, «яблока ещё не съел, добра и зла не различает, абсолютно добр и абсолютно зол одновременно».

В рассказе «Дверь» образ подростка исследуется А. Битовым как «экзистенциальная монада в её подлинности» вне обстоятельств, вне вменённой ему этими обстоятельствами «роли». Писатель стремится художественно осмыслить потенции ребёнка в неопределённости и непредсказуемости их проявлений. Открытый финал рассказа, в котором неясные очертания физической реальности выступают параллельно состоянию Алёши, затуманенного ложью женщины, свидетельствует о том, что Битов далёк от какой бы то ни было категоричности в своих выводах. Подчёркивая нерешительность и склонность героя к самообману, писатель вместе с тем обнаруживает у него непосредственность и страстность, юношеский максимализм и влюблённость в жизнь.

Дверь, в которую так и не решается постучать Алёша, выступает в роли барьера, защитного механизма, помогающего герою отгородиться от истины. Вместе с тем заглавие рассказа указывает на некую пограничную ситуацию: влюблённый мальчик на лестничной клетке находится у порога взрослой жизни. Концепт

«Детство» обретает пространственные очертания, вбирает в себя понятие границы.

Исследование детства с точки зрения становления самосознания личности писатель продолжает в рассказе «Но-га». Писатель трижды изменял его название («Победа», «Аптекарский остров», наконец, «Но-га»). В последнем варианте писатель, по-видимому, стремился подчеркнуть драматизм истории второклассника Зайцева. А. Битов рисует переход от детской безмятежности к сознательному бытию как путь, чреватый разочарованиями и потерями. Автор акцентирует внимание на маргинальной позиции Зайцева: не названный по имени, он изгой среди сверстников, его не понимают близкие люди. Конфликт между отцом и сыном, который является неотъемлемой частью почти всех ранних произведений А. Битова, оказывается исчерпанным только благодаря экстремальной ситуации, в которую попадает подросток.

Вместе с тем в рамках постмодернистского мироощущения автор размышляет социальные аспекты. Пограничная, амбивалентная сущность концепта начинает просвечивать сквозь личностные и стилевые напластования. Как и в предшествующих рассказах, А. Битов апеллирует к врождённому эмоциональному началу героя. Теряющий сознание Зайцев уговаривает, а точнее «заговаривает» травмированную ногу, обращаясь к ней как к одухотворённому и разумному существу: *«...Я подарю тебе три дворца — серебряный, золотой, и бриллиантовый <...> Я тебе их все отдам. Там тебя будут кормить лучшими блюдами и винами! <...> Не бои, родная ноженька. Ради бога и Христа ради...»* [Битов 1991: 80].

Отказ от рационалистических способов гармонизации мира становится импульсом формирования отношения к детству и в рассказе «Большой шар». Здесь происходит поворот зрения, исчезает прямая перспектива, предполагавшая некую отграниченную, индивидуализированную точку восприятия, воцаряется смешение различных планов и проекций бытия. Героиня «Большого шара», Тоня, верит в волшебство, тайну и в свои возможности демиурга. А. Битов эстетизирует впечатления девочки, находящейся в поисках большого воздушного шара, *«такого круглого и прекрасного»*, какого *«и не бывает вовсе»* [Там же: 61], подчиняя им всё, даже страшное и непонятное.

В то же время писатель подчёркивает хрупкость мира, созданного воображением ребёнка. То и дело происходят «выпадения» героини в реальность. Ей мешают «скрипучий голос старухи», прозаические тридцать рублей, пинки и щипки дворовых мальчишек. Автор напоминает читателю о невозможности «полного счастья», о неотвратимости жизненных утрат и потерь — ведь в реальном мире воздушные шары лопаются, висят, как «шкурка». Однако, несмотря ни на что, А. Битов уверен в том, что подлинная жизнь там, где гармонично ощущает себя «я» ребёнка. Смерть матери, детский дом, невнимание отца вытесняются фантазией, игрой воображения героини. Красота и чистота, воплощённые в образе *«самого большого, самого красного шара в мире»* [Там же: 80], становятся своеобразным признанием А. Битова в любви к его будущей жене, Инге Петкевич, которой посвящён рассказ.

Многоплановое изображение детства в творчестве автора является не только одним из способов обретения целостности мировосприятия, но и поводом для осмысления онтологии человеческой жизни. Среди «последних вещей», «которые

не знает никто», писатель уравнивает мироощущение ребёнка, который «и говорить ещё не может», и сознание человека, «когда в нём обрывается жизнь и он уже никому ничего не расскажет». В повести «Жизнь в ветреную погоду» в структуре концепта «Детство» актуализируются такие вечные категории, как жизнь и смерть человека. В иерархии «дед-отец-сын» усиливается мотив всеведения ребёнка, который помогает герою осознать своё предназначение и место в цепи поколений, почувствовать себя и отцом и сыном одновременно.

Вместе с тем «детское» по-прежнему воспринимается как полное разнообразных возможностей состояние человека, как аккумулятор свободной творческой энергии. Оно выступает в роли «второго я» художника-творца. Малыш, излучающий жизнь и воспринимающий мир во всей его первозданности, дарит своему отцу-писателю возможность «прозреть рай», почувствовать себя богом в дни творения. Впервые после долгого периода немоты герой испытывает творческое пробуждение. Он начинает смотреть на мир как «вечный школьник первой ступени, идиот <...> поэт, безгрешный житель рая»: «...он ощущал нечто гениальное <...> Ему казалось, он находится на каком-то высшем пороге, за которым всё и начинается, и что на этом пороге новой логики, нового мышления, нового мира, наверно, редко кто стоял» [Битов 2002: 69]. Обращение к миру детства в «Жизни в ветреную погоду» расширило и углубило авторское представление о человеке, его потенциале, о его связях с миром иррационального, внесло коррективы в понимание А. Битовым прекрасного в жизни и искусстве.

Итак, концепт «Детство» в творчестве А. Битова содержит внутреннюю антиномичность: романтическая мечта об инобытии, стремление к небесной высоте оказываются рядом с размышлениями о несущем в себе угрозу времени, духовная жажда прекрасного сосуществует с иронией, исходящей от битовского нигилизма и «точки боли». Детство используется как для передачи общего, имперсонального смысла, так и для выражения сокровенного, личного, и это странное, на первый взгляд, соединение всечеловеческого смысла с исповедальной интонацией придаёт особую проникновенность прозе А. Битова.

ЛИТЕРАТУРА

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: АЗЪ, 1994. — 928 с.

Битов А. Г. Империя в четырёх измерениях. — М.: Фортуна лимитед, 2002. — 784 с.

Битов А. Г. Собр. соч.: в 3 т. Повести и рассказы. — М.: Мол. гвардия, 1991. — Т. 1. — 575 с.

CONCEPT “CHILDHOOD” IN THE EARLY WORKS OF ANDREI BITOV (ON THE ANTHOLOGY OF LITERARY CONCEPTS)

V. V. Tsurkan

The article, based on the early works of A. Bitov, deals with concept “Childhood” that is significant for Russian literature. Concept analysis allows to consider peculiarities of the writer’s world-image.

Key words: concept “Childhood”, works, Bitov’s prose, author’s alter ego.

М. Л. Бедрикова

КОНЦЕПТ «ТВОРЧЕСТВО» В МАЛОЙ ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА
1980–2000 ГГ. КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ АНТОЛОГИИ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ

В статье рассматривается концепт «Творчество» в прозе В. Г. Распутина 1980–2000-х гг. с экзистенциальных позиций. Автор статьи определяет возможные ассоциативные связи слов, строит ассоциативное поле, воссоздаёт концепт «Творчество».

Ключевые слова: проза В. Г. Распутина 1980–2000-х гг., концепт «Творчество», ассоциативные связи, ассоциативное поле.

В малой прозе В. Распутина особое место занимают рассказы с автобиографическим героем. Ещё в начале 1980 гг. критику привлекли произведения из цикла «Век живи — век люби», пронизанные экзистенциальными мотивами. В рассказах данного цикла, а также более поздних («Что передать вороне?», «Наташа» (1980-е), «Видение» (1997), «В непогоду», «Байкал передо мною» (2003)) фабула часто ослаблена, динамику психологического сюжета создаёт характерная «пограничная» ситуация, связанная с автобиографическим героем. Герой — писатель словно «выпадает» из «колеи» жизни, в центре подобных рассказов оказывается самопознание, самоанализ «субъекта». Целью жизни и способом познания «я» (понимания бытия, места в окружающем мире) становится творчество. В художественной концептосфере В. Распутина «Творчество» является одним из главных концептов. Слово «творчество» в произведениях писателя не встречается. Данный концепт репрезентируется такими именами, как «писательство», «сочинительная работа». «Писательство», «сочинительная работа» сами по себе, разумеется, не исчерпывают всего многообразия содержания концепта «Творчество». Анализ художественной прозы писателя в указанном выше аспекте тем не менее свидетельствует именно о широком понимании творчества В. Распутиным, мыслящим собственную художественную деятельность глобально. В этом плане для анализа концепта «Творчество» в произведениях писателя важно определить способы его (концепта) репрезентации. «Сочинительная работа», «писательство» существуют в сознании автора в многообразных связях с другими видами искусства. В «разбеге» ассоциаций художественные образы, неразрывно связанные с творчеством, рождаются из разных сфер: музыки, живописи, поэзии, архитектуры.

Возникает насущная необходимость в выявлении многочисленных ассоциативных связей слов, репрезентирующих словесное творчество именно в глобальном смысле: творчество как создание оригинальных, новых культурных или материальных произведений, ценностей. Исследование концепта «Творчество» необходимо для наиболее полного представления о художественной концептосфере крупнейшего русского писателя-реалиста XX–XXI вв., для анализа творческой индивидуальности В. Распутина, характеристики самой природы образности его прозы, в которой соединились «личное и народное представления человека» [Лихачёв 1993: 4].

Бедрикова Майя Леонидовна — кандидат филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ruslit20@masu.ru

В рассказе «Что передать вороне?» автор художественно исследует психологию творчества. Для анализа указанного концепта в данном рассказе и других произведениях писателя необходимо выявить, как говорилось выше, возможные ассоциативные связи слов, создающих ассоциативное поле концепта «Творчество». Обычно В. Распутин «подключает» ассоциативные параллели, помогающие обозначить «этапы» творческого процесса: вкус, запах, цвет, звук, состояние природы, внутреннее состояние субъекта. В произведении «Что передать вороне?», как и в других, так или иначе затрагивающих тему творчества, акт творчества сопровождают музыкальные ассоциации. Автобиографический герой говорит о «мучительных попытках отыскать нужный голос, который не спотыкался бы на каждой фразе, а, словно намагниченная струна, сам притягивал к себе необходимые для полного и точного звучания слова» [Распутин 2007, 2: 337]. Упоминание «голоса», «струны» непременно сопровождается описанием поиска художником нужного слова. Возникающий ассоциативно в сознании образ струны, подобно камертону, приближает героя-писателя к особому состоянию созерцания, лада с самим собой, с окружающим миром. Состояние вдохновения безотчётно, оно прорастает сквозь «толщу» обыденности. Автобиографический герой слышит «звон», «эхо», «отголоски». Вдохновить может, например, церемония утреннего чая в одиночестве: *«Вот наконец первый глоток!.. Как не сравнить тут, что торжественным колокольным ударом прозвучит он в твоём одиноком мире, возвекая полное пришествие нового дня, и, ничем не прерываемый, дозвучит до множественных, как рассыпавшееся эхо, отголосков»* [Распутин 2007, 2: 352]. Комбинация сравнений, метафор, ассоциаций постепенно соединяется в некое целое, представляющее «ментальное образование», что и составляет концепт «Творчество».

В. Распутин подвергает рефлексии высокое состояние духа, которое рождается вне волевого усилия субъекта («я» художника). Фиксируется возникновение такого состояния на подступах к «работе»: это *«направленное, но все ещё блуждающее внимание»*; причем рациональное начало «сдвинуто» на периферию, мысль слишком «неопределённая» и «беспредметна». *«И вдруг невеста с чего, как зрак, мелькнёт в этом тумане первая ответная мысль, слабая и неверная...»* [Распутин 2007, 2: 353].

Для героя само время разделено: есть подлинное время (это время творчества) и есть дни *«посторонней жизни»*, наполненные суетой, бытом. Странно: человеческая жизнь с её заботами названа «посторонней». В рассказе подчёркивается одиночество писателя, его «несовпадение» с собственным «я» (*«я никак не привыкну к себе»*), даются пространственные размышления о *«подменных людях»*, о чувстве вины за *«несовпадение с тем местом в мире, которое было отведено для другого»*.

Концепт «Творчество» непосредственно связан с концептом «Я». В контексте проблем экзистенциального характера рефлексия главного героя направлена на постижение «я», при этом несколько страниц посвящено тщательному анализу «разлада в душе», причине бесплодных попыток написать что-либо во время очередной «командировки» на Байкал. В произведениях В. Распутина можно встретить различные описания внутреннего состояния «я» во время творческого процесса и некоторых необходимых «условий» для успешного «протекания» такого состояния. Сравним: в более позднем рассказе «В непогоду» субъекту для твор-

ческой деятельности требуются «испытания», которые можно было бы преодолеть, или имитация подобного «испытания». В этом рассказе автобиографический герой переживает шторм на Байкале, находясь во время непогоды в маленьком «заячьем» домике на берегу моря. Автор подчёркивает, что преодоление внешних «препятствий» только подхлёстывает воображение писателя, побуждает к созданию гармоничного творения.

В ассоциативное поле концепта «Творчество» попадает концепт «Цель». «Цель» в представлении писателя должна вести художника по некоей «дороге» (пути), определённой свыше. Состояние неслиянности, нецельности автобиографического героя подчёркивает выстраиваемый В. Распутиным семантический ряд ключевых слов: во время пребывания на Байкале герой двигался «бесцельно и бестолково», звуки «глохли», даже вода в Байкале медленно набегала «правильными кругами». В тексте настойчиво повторяется слово «кружение»: *«Они закружили меня. Скоро я уже плохо понимал, что я, где я и зачем я здесь, и понимания этого было мне не нужно! Многие из того, что заботило меня ещё вчера, и сегодня и представлялось важным, было теперь не нужно и отошло от меня с такой лёгкостью...»* [Распутин 2007, 2: 355–356].

Описываемое В. Распутиным «кружение», смятение героя противоположно не только «творчеству», но также «посторонней жизни» (обычному человеческому существованию). Автобиографический герой выпал из «колеи» в результате глубокого внутреннего разлада («размагничивания струны»). Причиной стало некое волевое усилие, данное себе слово. До определённого момента писателю удавалось «спланировать», рассчитать вдохновение. Достаточно было оказаться в домике на берегу величественного древнего моря, где есть «своя гора», «свой ключик-ручeyк», «свои лиственницы» и даже... «своя ворона». Важные для творчества, разделяемые ипостаси (моменты вдохновения и обыкновенная суета) приходят в противоречие. Рациональное и эмоциональное сталкивается. То, что идёт от сердца (любовь к дочке), не может преодолеть «барьер», установленный самим же автобиографическим героем. Сказка-игра про «свою ворону» разрушается, отчуждение проникает в каждую «клеточку» особенной писательской жизни; прежде такие важные для писателя слова («слово», «долг», «работа») блекнут перед простыми человеческими чувствами любви и привязанности. Как видим, поиск автобиографическим героем прежней «колеи» жизни связан с обретением «цели», «направления», «дороги», что по сути может означать постепенное «оформление» творческого замысла, приведение самого субъекта творчества и художественного материала в состояние гармонии, выражающееся, напр., в гармонии «содержания» и «формы». Возникающие при этом связи слов свидетельствуют об устойчивой ассоциации творчества с движением по воображаемой верной прямой линии (линии жизни, дороге жизни, пути, «направленном внимании») к «цели».

Едва ли автобиографический герой В. Распутина понимает творчество только как высокое искусство, дарующее художнику бессмертие в слове. Так, в рассказе «Видение» писательство предстаёт как своего рода «игра». Концепт «Творчество» имеет в произведении имена: «сочинительная работа», «фантазия». Тем не менее на протяжении повествования автор выстраивает триаду «жизнь — смерть — бессмертие», и концепт «Творчество» становится частью её цепи.

В. Распутин указывает на миссию, особое право художника на создание иллюзии бесконечности жизни. Способом поддержания такой иллюзии становится игра со временем, способность «сжимать» и «растягивать», «останавливать» время в художественной литературе. В рассказе «Видение» постаревший герой-писатель признаётся в легкомысленно спасительном недумании о неотвратимости «последней черты»: *«я заигрывал с этим чувством готовности», «я входил в роль, самоотверженно и вполне искренне играл её, всё существо моё умело меня убедить, что до отмеренной мне черты простирается бесконечная даль с бесконечным же вкушением радостей жизни. Но теперь-то я знаю, что обман в бесконечность кончился...»* [Распутин 2007, 3: 430]. В данном произведении «творчество» / «сочинительная работа» мыслится как «обман», идущий от лукавого, как «заигрывание», «вхождение в роль» (пусть даже при искренней вере героя в личное бессмертие). «Бесконечная даль» в контексте рассказа означает бесконечную жизнь, в целом же «бесконечность» — бессмертие.

В «Видении» герой подводит итоги творческого пути, но при этом нет обычных воспоминаний, есть вневременное состояние рефлексии. Постоянная погружённость в фантазию, с точки зрения автобиографического героя, может иметь непредсказуемые последствия: *«И как знать, не наступает ли такой момент, когда фантазия способна разыгаться не по вызову, не от умственных усилий, а самостоятельно и, осмелев, сделать меня своим героем»* [Распутин 2007, 3: 432].

Художественное время в рассказе можно назвать судным, пространство при этом весьма условно, напоминает сказочное: две дороги (старая и ненаезженная), перепутье, старая ель, избушка. Внутренний мир героя включает такой элемент, необходимый для творчества, как образы родной природы и простора: «твои отчие пределы».

В поле концепта «Творчество» наблюдается важная ассоциация «творчество — осень». Пушкинская осень — образ идеального творческого состояния для писателя. Однако у В. Распутина этот рождённый пушкинским гением образ осени предстаёт в других очертаниях, ином наполнении. В рассказе «Видение» в данном образе запечатлелось надличностное, божественное: это «*всесветная печаль*», время, когда чаще всего «*вспоминают Бога*» [Распутин 2007, 3: 430]. Народно-поэтическое сравнение осени с течением человеческой жизни у В. Распутина сочетается с христианскими представлениями, отсюда «печаль», олицетворение («*осень, прошедшая через волнения и боли*», «*смирившаяся*»), мысли о Боге. Великолепен распутинский осенний пейзаж: «*Сладко пахнут дымы, стелющиеся понизу <...> затихает ночной звездопад, обронив летние светлячки; избы по деревням стоят присадисто — точно пустили на зиму корни. И вся тяга вниз, к земле*» [Распутин 2007, 3: 432]. Не случайно авторский комментарий описания включает сентенции о рождении «вечного, властного, судного». Размышления о творчестве, о смерти, об осени наполняют особым смыслом кажущееся уже расхожим высказывание: «*все мы связаны в единую цепь жизни и в единый её смысл — и люди, и деревья, и птицы*» [Распутин 2007, 3: 436].

Не менее важна для анализа концепта «Творчество» в малой прозе В. Распутина ассоциативная параллель «творчество — Байкал». В произведении «Байкал передо мною» герой осознаёт, что ему, наделённому писательским даром, в пер-

вую очередь могут открыться тайны древнего моря. Писатель словно настраивается на восприятие ритма Байкала как живого существа, его гармонии, пытается уловить «волну» Благодати, без которой невозможно творчество.

В указанном произведении в ассоциативном поле концепта «Творчество» появляется параллель «творчество — Бог / Божья благодать». Для писателя мир Байкала неотделим от Божьей благодати. Интересна ассоциация с потерянным раем. Байкал олицетворяет «естественный, родной нам мир», который человек утратил, «вылупившись из яйца». Подобно изгнанным из рая, герой жаждет возвращения в родные пределы, ищет на Байкале спасения от «безобразного мира».

Воображение рисует автобиографическому герою некий остров — «вылепившийся со дна морского» волшебный град Китеж. Писатель ждёт действенного участия Байкала в налаживании разладившегося земного бытия, буквально всматриваясь в его «ближние и дальние просторы». Ожидание «помощи», чуда не есть пассивное состояние героя, напротив, это активная работа души.

Байкал в свою очередь являет человеку своё творчество, когда на глазах у изумлённых наблюдателей море освобождается от ледяных оков, а из самой глубины показывается миру Китеж-град, только ледяной.

В. Распутин настаивает на целесообразности матери-природы, наделённой красотой и смыслом, заставляющей человека учитывать в своей деятельности и её, природы, «общую работу». «Общая работа» мыслится при этом как творческая. Творчество выступает как необходимое условие взаимодействия между человеком и Байкалом, человеком и природой.

Итак, концепт «Творчество» у В. Распутина выступает под именами «писательство», «сочинительная работа». Писатель мыслит собственную художественную деятельность глобально. Такое понимание «писательства», «сочинительной работы» питает ассоциативные связи с другими видами искусства. Концепт «Творчество» в малой прозе В. Распутина 1980–2000 гг. раскрывает важнейшие составляющие содержания в таких ассоциативных параллелях, как «звук струны / звон», «цель», «я», «игра», «бесконечность», «бессмертие», «дорога / путь», «смерть», «Бог», «божья благодать», «осень», «Байкал», «тайные знаки». Особенности вербализации данного концепта свидетельствуют также о тесной взаимосвязи центральных в прозе В. Распутина концептов: «Творчество», «Я», «Цель», «Смерть», «Бог», «Байкал», что характеризует в свою очередь своеобразие художественной концептосферы писателя, выявляет черты индивидуального авторского мировидения.

ЛИТЕРАТУРА

- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — № 1. — Т. 52, 1993. — С. 3–9.
- Распутин В. Г. Что передать вороне? // В. Г. Распутин Собр. соч.: в 4 т. — Иркутск: Сапронов, 2007. — Т. 2.: Последний срок: [повесть, рассказы]. — 2007. — С. 337–360.
- Распутин В. Г. Видение // В. Г. Распутин. Собр. соч.: в 4 т. — Иркутск: Сапронов, 2007. — Т. 3: Живи и помни: [повесть, рассказы], 2007. — С. 429–437.
- Распутин В. Г. Байкал передо мною // В. Г. Распутин. Собр. соч.: в 4 т. — Иркутск: Сапронов, 2007. — Т. 4: В ту же землю: [повесть, рассказы]. — С. 399–409.

CONCEPT "CREATIVITY" IN V. RASPUTIN'S SMALL PROSE OF 1980–2000
AS MATERIAL FOR THE ANTHOLOGY OF LITERARY CONCEPTS*M. L. Bedrikova*

The author studies concept "Creativity" in the prose of V. Rasputin of 1980–2000, identifying possible associative connections of words, and building up an associative field of concept "Creation".

Key words: prose of V. Rasputin 1980–2000, concept of "Creation", associative connections of words, associative field.

© 2011

И. А. Бобрышева

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА
«ПУСТОТА» В ИДИОЛЕКТЕ (МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ЯЗЫКА
М. И. ЦВЕТАЕВОЙ)

В статье на материале произведений М. И. Цветаевой рассматривается фразеологизм *пустое место*, который, попадая в пространство художественного текста, реализует не только своё словарное значение, но и приобретает дополнительные авторские смыслы. Автор также создаёт окказиональные образования: придаёт статус фразеологической единицы сочетаниям, которые в русском языке не являются таковыми (*место пусто*). *Место пусто* в идиолекте М. И. Цветаевой может быть маркировано как положительно, так и отрицательно.

Ключевые слова: Марина Цветаева, фразеологизм, идиолект, концепт, «Пустота», семантическое поле.

Накопленный опыт исследования языка художественных произведений отдельных авторов, необходимость систематизации полученных результатов приводят к созданию словарей языка писателей, которые наглядно представляют их «космосы» — индивидуальные языковые картины мира. Это даёт возможность не только изучить особенности авторского видения мира, но и использовать способы и методы анализа, выработанные в ходе исследования, для описания языка классической и современной литературы.

Большой интерес для исследователей, в том числе и лексикографов, представляет идиолект М. И. Цветаевой. Язык художественных произведений Марины Цветаевой — это рождение новых форм, окказиональных образований и приёмов, отражающих уникальное авторское содержание. Используя все возможности языка, поэт часто переосмысливает отдельные единицы, воскрешая внутреннюю

Бобрышева Ирина Александровна — аспирант факультета филологии и журналистики Южного федерального университета. E-mail: bobrisheva.irina@mail.ru

форму слова, актуализируя периферийные и контекстуальные значения. Особого внимания заслуживают фразеологические единицы, которые М. И. Цветаева подвергает авторской трансформации и интерпретации.

Наиболее частотным по употреблению в произведениях М. И. Цветаевой является фразеологизм *пустое место*. В современном русском языке за данным сочетанием слов закрепилось значение ‘человек, от которого нет никакого толка, никакой пользы, никакого проку в чём-либо или который ничего не значит для кого-либо’. В славянских заговорах *пустым* называется место, где обитает нечистая сила, куда отсылаются все болезни и несчастья [Страхов 1988: 92–94]. Таким образом, в языке за рассматриваемым фразеологизмом закрепляется отрицательно маркированное значение.

Рассмотрим несколько примеров употребления данной единицы в художественных текстах М. И. Цветаевой.

«Пушкин должен был быть убит белым человеком на *белой* лошади, в которого так свято верил, что даже ошибочно счёл его Вейскопфом (он точно свою смерть примерял), — одним из генералов польской войны, на которую стремился — навстречу смерти. Судьба посредством Гончаровой выбирает Дантеса, *пустое место*, равное Гончаровой. Пушкин убит не белой головой, а каким-то — пробелом» [Цветаева, 4, 1997: 86].

В данном фрагменте *пустое место* употребляется для номинации Дантеса и имеет общеязыковое значение, закреплённое в словарях. Но одновременно данный фразеологизм с рядом других слов образует одно семантическое поле. Создание подобных полей в микроконтекстах, а также контекстах целых произведений характерно для идиолекта М. И. Цветаевой в целом. В рассматриваемом примере реализуется поле «пустота», в которое, кроме анализируемой фразеологической единицы, входят слова *пробел* и *белый*. Слово *пробел* в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой определяется как ‘промежуток, незаполненное место между отдельными текстами, частями текста’ [МАС, 3, 1999: 462] и, таким образом, может рассматриваться как синоним выражения *пустое место*, в том числе и в рассматриваемом контексте (ср. *восполню пробелы*). Кроме семы ‘пустота’, слово *пробел* в языке имеет и значение ‘белизна’, которое выявляется в результате обращения к этимологии: «Пробел, — род. п. -а <...>, “белый (незаполненный) промежуток”». От про- и белый» [Фасмер, 3, 1964: 367]. На зрительно воспринимаемом уровне *пробел* в приведённом примере обозначает отсутствие символов, знаков, физическую пустоту и белизну. При этом можно говорить о белизне листа, появляющейся между словами текста (ср. *чёрным по белому*), и об исторически-физиологической белизне, предсказанной Пушкину («белым человеком на белой лошади») и воплощённой в Дантесе («белая голова»). Словосочетание *пустое место* отсылает нас к глубинному, осознаваемому уровню. Фразеологизм *пустое место*, употреблённый по отношению к какому-либо человеку, означает ‘ничтожество’. В этом смысле таким ничтожеством, пустым местом, пробелом не только в жизни русского поэта, но и всего русского народа является Дантес.

В стихотворении «Читатели газет» анализируемый фразеологизм представлен в видоизменённом варианте (прилагательное употреблено в сравнительной степени) и вынесен в последнее четверостишие: «Стою перед лицом /— Пустее места — нет! / Так значит — *нелицом* / Редактора газет- / ной нечисти» [Цветаева,

2, 1997: 334–335]. В этом произведении М. И. Цветаева отразила всю виденную в газетах грязь, пустоту и нечисть, создавая сразу несколько семантических полей, взаимодействующих друг с другом.

Семантическое поле «болезнь» представлено словами *экзема, жвачный тик, гнойный лазарет, чесатели корост, гноить*, которые символизируют физическое разложение, гниение человеческого тела, часто сопровождающееся неприятным запахом и сыпью и вызывающее отвращение у окружающих людей, боящихся запахнуть, заразиться. Само чтение газет воспринимается как заразное заболевание: «Брось, девушка! Родишь — читателя газет», а газеты становятся символом грязи. Слово *нечисть*, увеличивающее семантическую ёмкость в контексте данного стихотворения, также входит в поле «болезнь». Происходит оживление внутренней формы слова, возвращение первоначального значения: *не-чисть* обозначает нечто грязное, запачканное, несвежее.

В современном русском языке лексема *нечисть* имеет ряд значений, одно из которых — ‘недостойные, презренные люди, олицетворяющие собою всё тёмное, жестокое, враждебное’. Эта сема реализуется по отношению к *читателям газет*. Данное словосочетание не только вынесено в заглавие, но и заканчивает каждые восемь строк (за исключением девятой строфы, где видоизменённый рефрен появляется через четыре строки). Выражение *читатели газет* приобретает статус устойчивого, а значение, обнаруживаемое в данном словосочетании, не равно сумме сем отдельных слов, входящих в него. Какой же смысл вкладывает автор в данное окказиональное образование? Кто скрывается за читателем газет? «Кто чтец? Старик? Атлет? Солдат? — Ни черт, ни лиц, ни лет». Газеты отгораживают читателя от окружающего мира, стирают его отличительные черты, делают его незримым для других, уничтожают физически: «Скелет — раз нет // Лица: газетный лист! // Которым — весь Париж // С лба до пупа одет». Кроме слова *скелет*, семантическое поле «смерть» создаётся единицами *убил, страшный суд, Шварцев прах, погост*. Происходит противопоставление физической смерти и духовной, которую несёт в себе станок для печатания газет. Оказывается, что смерть души, отсутствие нравственности и внутреннего наполнения значительно страшнее, чем смерть тела.

Газеты оставляют на каждом свой отпечаток, зарождают безразличие к окружающему миру, его красоте: «Что́ для таких господ — Закат или рассвет?» — ответ очевиден: ничто. Важными становятся только факты, вырванные из контекста: «живёт с сестрой», «убил отца».

Окончательное отрицание духовности и внутренней полноты осуществляется в последних строках с помощью употребления фразеологизма *пустое место* в пейоративном значении. Пустым местом в данном случае называется лицо редактора, который служит своего рода пусковым механизмом всего печатного дела. При этом лицо понимается как средство выражения духовной полноты. Используя в сравнительной степени прилагательное, входящее в устойчивое словосочетание, т. е. трансформируя фразеологизм, автор сначала подчёркивает абсолютную внутреннюю пустоту «редактора газетной нечисти», а затем полностью отрицает наличие у него лица (ср. *иметь своё лицо*).

Вариантом рассматриваемого фразеологизма у М. И. Цветаевой выступает словосочетание *место пусто*, которое не выделяется как отдельная фразеоло-

гическая единица в словарях, но встречается в Евангелиях от Матфея и от Луки и в агиографической литературе. В Евангелии данное сочетание слов обозначает необитаемое место вдали от города, где творил чудеса и проповедовал Иисус Христос, и приобретает оттенок сакральности и святости.

В текстах М.И. Цветаевой *место пусто* употребляется как фразеологизм и встречается чаще, чем *пустое место*. В несколько трансформированном виде рассматриваемый фразеологизм представлен и в поэме «Новогоднее». Поэма начинается как поздравительная открытка или письмо, при этом словосочетание *Новый год* трактуется в первую очередь как наименование праздника. Уже следующая строчка точно определяет форму данного письменного послания: «Первое письмо тебе...». Выражение *новое место*, разрываемое в представленном примере, в контексте первых двух строк воспринимается как новое место жительства и дополняет ситуацию отправления первого письма адресату, который уехал на новое место жительства или временного пребывания. Предложение «Первое письмо тебе с вчерашней <...> родины», где слово *родина* употребляется в значении ‘страна, в которой человек родился’, в определённой степени уточняет настоящее место нахождения получателя письма. Так создаётся вполне обыденная, традиционная, явная ситуация, за которой скрывается другой, более глубокий смысл.

Поэма была посвящена Р.-М. Рильке, который умер 29 декабря 1926 г. Для М.И. Цветаевой один год кончился этой смертью, а другой начался («соломой / Застелив седьмой — двадцать шестому. // Отходящему — какое счастье / Тобой кончиться, тобой начаться!» [Цветаева, 3, 1997: 128]). Семантическое поле «смерть» в приведённых строках представлено словом *свет* (в значении ‘Земля, Вселенная’, ср. *этот свет — тот свет, отправиться на тот свет* — ‘умереть’) и фразеологизмом *злачное место*. В современном понимании *злачное место* обозначает в первую очередь ‘место, где кутят и развратничают’. М.И. Цветаева возрождает первоначальную семантику данного выражения, которое восходит к заупокойной молитве: «Господи, упокой душу усопшаго раба твоего <...> в месте светле, в месте злачне, в месте покойнее». Буквально *злачное место* — это место, богатое различными злаками, плодами, т.е. изобильное место. Это значение поддерживается и прилагательным *жвачное*. Речь идёт о месте упокоения праведников, иначе говоря — о рае. Таким образом, устойчивое выражение *место пусто* в рассматриваемом примере заменяется близким по значению фразеологизмом *злачное место*, которое характеризуется энантиосемией (ср. в очерке «Натаалья Гончарова»: «Рай прежде всего место пусто»).

В отличие от фразеологизма *пустое место*, который в текстах М.И. Цветаевой маркирован только отрицательно, *место пусто* характеризуется амбивалентностью и, кроме положительного значения, может приобретать негативную окраску: «Ненависть крестьянского континента России к “месту пусту” — океану, ненависть крестьянина к безделью. Океан не цветёт и не работает. А если и цветёт (коралл, например), то мёртвое цветение, вроде инея» [Цветаева, 4, 1997: 106].

В приведённом фрагменте *место пусто* используется для номинации океана, при этом слово *океан* в данном контексте употреблено в своём прямом значении и противопоставлено континенту как твёрдой земной поверхности. По сути, оппозиция океан / континент сводится к оппозиции вода / земля (в значении ‘суша’

в противоположность водному или воздушному пространству), весь водный покров Земли (мировой океан) / крупная часть суши (в данном случае Россия).

Но при более глубоком анализе видно, что указанное противопоставление семантически сложнее. Словосочетание *место пусто* в данном отрывке имеет значение ‘полное отсутствие чего-л., кого-л. в определённом пространстве’ и вместе со словами *безделье, не цветёт, не работает, мёртвое* приобретает значения ‘пассивность’, ‘отсутствие потенциальности наполнения’, ‘безжизненность’, ‘абсолютная пустота’, за которой ничего нет, которая ничего не может дать. Эта семантика наиболее полно выражается благодаря введению противопоставления, при этом второй член оппозиции не называется словом *земля* (уже в значении ‘почва’), а предполагается. На это указывает употребление прилагательного *крестьянский* и существительного *крестьянин*. Земля — это источник жизни, то, что кормит, рождает; полнота, противоположная мёртвому и пустому океану.

Проведённый анализ показывает, что языковая единица, в данном случае фразеологизм *пустое место*, попадая в пространство художественного текста М. И. Цветаевой, реализует не только своё словарное значение, но и приобретает дополнительные авторские смыслы, являясь частью одного или сразу нескольких семантических полей. Часто автор обращается к этимологии, и именно первоначальное, уже стёртое значение выводится на первый план (*значное место*). Также особенностью идиолекта поэта является придание статуса фразеологической единицы сочетаниям, которые в русском языке не являются таковыми (*место пусто*).

ЛИТЕРАТУРА

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / РАН. Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

Страхов А. Б. О пространственном аспекте славянской концепции небытия // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Вып. I. Тезисы и предварит. материалы к симпозиуму — М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. — С. 54–61.

Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. — М.: ТЕРРА; Кн. лавка-РТР, 1997.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — СПб.: Прогресс, 1964.

SET EXPRESSIONS REPRESENTING CONCEPT “VOID” (FOR THE DICTIONARY OF M. TSVETAYEVA’S IDIOLECT)

I. A. Bobrysheva

The article, based on M. Tsvetayeva’s works, deals with a set phrase ‘пустое место’ (void) that within the framework of a poetic text realizes both its main meaning registered in dictionaries and additional meanings assigned by the poet who creates occasional units with the status of set phrases, though the latter do not belong to set expressions in Russian. The phrase under study can be marked both positively and negatively in M. Tsvetayeva’s idiolect, which emphasizes ambiguity of the notion of void in the poet’s creative work.

Key words: Marina Tsvetaeva, idiom, idiolect, concept, void, semantic field.

© 2011

В. Б. Волкова

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В РОМАНЕ В. С. МАКАНИНА «АСАН»: К АНТОЛОГИИ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ

В статье рассматривается концепт «Женщина», структурными составляющими которого являются символический, эстетический, общекультурный признаки и признак пейорации. Моделирование концепта «Женщина» в художественном дискурсе становится возможным через выявление образной и ценностной составляющих. Материалом исследования служит роман В. С. Маканина «Асан».

Ключевые слова: концепт «Женщина», роман В. С. Маканина «Асан».

Создание словарей нового типа, как, напр., «Константы: Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова или «Антология концептов» под редакцией В. И. Карасика и И. А. Стернина, — актуальное явление в современной лексикографии. Исследование концепта в художественном дискурсе представляет интерес уже потому, что приёмы и способы моделирования концепта будут различаться, отражая особенности идиостиля писателя или поэта. Создание антологии художественных концептов позволило бы выявить значимые составляющие того или иного концепта, разобраться в его структуре, обнаружить специфические черты, характеризующие индивидуально-авторскую картину мира. Подобно «Словарю языка Пушкина» «Словарю рифм М. Ю. Лермонтова» и «Частотному словарю языка М. Ю. Лермонтова», словарь базовых и индивидуально-авторских концептов того или иного автора позволил бы представить его творчество в более широком историко-культурном плане. Одним из универсальных концептов, актуализирующимся в художественном дискурсе, выступает концепт «Женщина».

В романе В. С. Маканина концепт «Женщина» имеет ряд дистинктивных признаков. В результате интерпретации языковых единиц, объективирующих исследуемый концепт в романе «Асан», можно выделить несколько признаков в индивидуально-авторской концептосфере:

- 1) символический (женщина-мать как синонимичное Богоматери — «солдатская мать»; «бабушка» в значении «старуха-смерть»);
- 2) признак пейорации (*мать* в бранных выражениях);
- 3) эстетический (эстетические характеристики женщины);
- 4) общекультурный (женщина как жена — безымянная жена майора Жилина).

В системе образов романа женщины делятся на матерей (солдатские матери — Галина, Анюта, Женя, Ксения Петровна; жена Жилина) и тех, кто ещё не стал матерью (Лена, жена генерала Базанова; журналистка; девочка-ефрейтор). Во всех контекстах лексема *мать* обнаруживает семантическую связь с лексемой *ребёнок*. Мать в художественном дискурсе воспринимается как витальная составляющая прошлого человека.

Волкова Виктория Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и русского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: VBL2004@bk.ru

Образная составляющая концепта «Женщина» включает такой значимый элемент, как образ-символ «мать», в основе которого лежит мифологема «Богоматерь». У В. С. Маканина *мать* и *матерь* семантически различимы в силу того, что первое используется в бранных выражениях, оправданных в пограничных ситуациях опасности и риска, а второе — по отношению к солдатским матерям. Одна из солдатских матерей — Женя — названа в романе матерью Владимирской (она из Владимирской области). Симптоматично, что икона Владимирской Богоматери хранит русские земли от людей мусульманской веры [Тарабукин 2001: 156], чего не могут сделать матери солдат, получающие из чеченского плена измученных пытками сыновей.

Ценностная составляющая концепта «Женщина» несёт в себе внутрисистемную информацию. Наиболее часто слово *мать* употребляется в значении субъекта действия, при этом действие субъекта-матери имеет отношение к объекту-ребёнку. Имена солдатских матерей содержат ту внутрисистемную информацию, которая лежит в основе архетипа матери: Анна — с древнеевр.: 'благодать', 'благодатная', Евгения — с греч.: 'благородная', Галина — с греч.: 'спокойная, безмятежная', Ксения — с греч.: 'гостеприимная'. Из совокупности ономастических характеристик складывается материнский образ.

В биографии каждой из солдатских матерей есть связь с житиями святых: Анны Кашинской, Анны Пророчицы, Евгении Римской, Ксении Петербургской, Галины Коринфской. В жизни каждой святой был момент нравственного выбора, который и определил их праведнический путь. Так или иначе, переломные моменты жизни святых связаны либо с потерей мужа, либо с обретением сына. Скитания солдатских матерей сродни мученическому пути святых: Галина и Анюта сами разыскивают своих сыновей в Чечне.

Внутренняя форма концепта «Женщина» в художественном дискурсе романа организуется благодаря архетипу матери, который может рассматриваться в разных аспектах. К. Г. Юнг выделяет несколько форм архетипа, среди которых есть те, метасмысл которых раскрывается в анализируемом романе:

- 1) кровная мать;
- 2) богиня, особенно мать Бога, Дева;
- 3) София как мать-возлюбленная;
- 4) «цель страстного избавления» (рай, Царство Божие, Небесный Иерусалим)

[Юнг 1996: 204].

Мать, согласно К. Г. Юнгу, имеет две ипостаси — любящая и устрашающая. В качестве примера философ приводит Деву Марию (Богоматерь), «которая в средневековой аллегорике является одновременно Крестом Христовым» [Юнг 1996: 202]. В художественной интерпретации романа В. С. Маканина это находит своё подтверждение: «солдатская матерь», наделённая чертами праведницы, добивается для сына избавления, при этом пользуясь своими «какими-никакими чарами» женщины, чтобы освобождение состоялось. Жилин становится свидетелем преображения матери в женщину (мать-возлюбленную) после освобождения сына. Женя из «задёрганной замухрышки», странствующей по «грязным чеченским дорогам» [Маканин 2008: 446], превращается в «свежую, цветущую женщину — только-только сорокалетнюю» [Маканин 2008: 446].

Признак «внешняя и внутренняя характеристика» концепта «Женщина» позволяет выявить значимые метаморфозы, происходящие с солдатскими матерями. До освобождения сыновей они одеты нарочито плохо, не следят за речью. Ценностным ядром превращения является счастье, испытанное при спасении сына. Ксения Петровна «приделась ко встрече с сыном», Женя сервирует стол к приходу Жилина.

Мать в романе несёт крест вместе со своим сыном. В архетипе матери сокрыт «магический авторитет всего женского; мудрость и духовная высота по ту сторону рассудка; нечто благостное, нечто дающее пристанище» [Юнг 1996: 200]. Солдатские матери даруют в романе своим сыновьям вторую жизнь.

Из словообразовательного гнезда слова *мать*, кстати, наиболее часто встречающегося в романе как элемент бранного выражения, т. е. окрашенного пейоративно (от нем. *pejoration* < лат. *pejoratus* < *pejorare* — ухудшаться) — пейоризация — «ухудшение» какого-либо слова в ходе его функционирования, снижение стилистических характеристик лексической единицы [Комлев 2006: 98]), для наименования солдатских матерей из всех возможных вариантов В. С. Маканин выбирает слово *матерь*.

Пейоративной коннотацией отмечена в романе и лексема *бабушка*, обретающая значение смерти. Образ старухи-смерти антропоморфен: Жилин ласково называет её бабушкой, понимая, что война сама по себе — это игра со смертью. Заглядывание ей в лицо есть не что иное, как провокация, но Жилин — фаталист. Он привык к мысли, что смерть может прийти в любой момент, поэтому старается даже не мечтать о том, как будет жить с женой и дочерью в большом комфортном доме на берегу красивой неназываемой реки, но продолжает высылать деньги на строительство дома.

Репрезентантами концепта «Женщина» становятся лексемы *баба*, *бабец*, *бабёнка*. Стилистически сниженные, они используются автором в том случае, когда речь идёт о мужском вожделении, о низменных инстинктах. Отец Жилина жалуется, что контрактник Дубов, с которым он разговорился, ни о чём другом думать не может, кроме женщин («*Ни одной новой идеи. Всё только бабы. И ещё блин... блин... блин...*» [Маканин 2008: 101]). Слово *баба* используется также для именования чеченок, мотивируемого отношением к женщине врага; к солдатской матери Ксении Петровне, которую по ошибке принимают за женщину Жилина. Ирония точно передаёт отношение к «чужой», а следовательно, недоступной на войне женщине.

Лексемы *бабец*, *бабёнка* используются только для характеристики журналистки. Стилистическое снижение обусловлено отношением к ней некоторых коллег, завидовавших её славе. Некогда заступавшаяся за чеченцев, демонстрировавшая всему миру сцены расправы над свободолюбивым народом, талантливая журналистка и обладательница многочисленных отечественных и международных премий сама оказывается в плену и испытывает на себе ненависть тех, кого защищала, что даёт её врагам повод для злорадства. Коннотативные значения лексем *бабец*, *бабёнка* усиливаются с помощью соответствующих эпитетов (*сочный бабец*, *талантливая бабёнка*), характеризующих женщину как очень дорогой и вожделенный товар для чеченцев.

Концепт «Женщина» в романе В. С. Маканина обладает ярким образным содержанием, которое отмечено эстетической составляющей. Она эксплицируется зрительными образами. Столь скупой в своих пейзажах (по сравнению с «Кавказским пленным») на слово *красота* и однокоренные эпитеты *прекрасный*, *красивый*, В. С. Маканин эстетическое начало связывает с женщиной, представляя женскую красоту как нечто трагическое, обрекающее её владелицу на муки.

Открыв «Кавказского пленного» преамбулой из Ф. М. Достоевского «Красота спасёт мир», В. С. Маканин и в рассказе, и в романе доказывает, что тотальный релятивизм нравственных ценностей довёл ситуацию до абсурда: красота губит, убивает, а не спасает, поэтому классики с их верой в справедливость и добро в современных исторических условиях воспринимаются как идеалисты. В. С. Маканин не культивирует насилие, натурализм отдельных сцен объясняется не бестактностью автора (в чём упрекнул его В. Л. Топоров [Топоров 2008]), а тем, что насилие — неременный атрибут войны, в том числе — чеченского плена. В этом можно узреть и следование художественной правде.

В. С. Маканин, лелея «мысль индивидуальную», показал трагедию не только главного героя, но и трагедию женщины-журналистки, жестоко поплатившейся за свои убеждения. Авторское отношение к журналистке точно передано эпитетом *несчастливая*. Душевные муки героини от пережитого унижения и насилия остаются вне художественного повествования, но её реакция на участливый голос за кадром, её глаза свидетельствуют о настоящей душевной драме.

Эстетический признак крайне важен и в портрете другого персонажа — Лены, жены генерала Базанова. В характеристиках этой героини, лишённой автором душевной динамики, присутствуют такие лексемы, как *молодка*, *красотка*. Периферию концепта «Женщина» в данном случае составляют признаки, акцентирующие физиологическую красоту героини. В отличие от журналистки, В. С. Маканин не характеризует её как красивую женщину, выбирая стилистически сниженные слова, разговорно-фамильярные — *молодка*, *красотка*, *зайчик*, *жёнушка*. Ни в одной из портретных характеристик жены генерала нет описания её глаз. Даже в портрете девочки-ефрейтора, присланной подполковником Петрушиным в качестве расплаты за три бочки бензина, есть характеристика глаз, хотя и помещённая автором (не без иронии) рядом с характеристикой ног.

В портретах Лены и девочки-ефрейтора красота подменяется сексуальной привлекательностью, и в этом отношении В. С. Маканин близок к Л. Н. Толстому, для которого красота, лишённая жизни, динамики душевных переживаний, мёртва. Показателен образ Элен Курагиной (сходство имён, думается, не случайно).

Важнейшей составляющей концепта «Женщина» является этический признак. Женщина как жена особо чтима в романе В. С. Маканина, поэтому жена майора Жилина безымянна, её вообще нет в повествовании, читатель только слышит её голос в долгих ночных разговорах с мужем. В образе жены аккумулируются те черты, которые особенно ценятся В. С. Маканиным в женщине: добродетельность, умение чувствовать любимого человека, заботливость. Главный герой романа даже в критических обстоятельствах, на границе между жизнью и смертью думает о жене и дочери. Семейная сюжетная линия нужна была В. С. Маканину как антитеза военному сюжету. «Жилин и его жена» образуют тот аксиологиче-

ский центр повествования, который в художественном дискурсе необходим в качестве лакмусовой бумажки для выявления нравственного здоровья героев.

Таким образом, концепт «Женщина» принадлежит к числу базовых в художественном дискурсе и имеет сложную структуру, различные элементы которой объективированы языковыми единицами, называющими женщину. Актуальный слой концепта содержит ярко выраженный этический смысл: женщина — мать, жена. В пассивном слое концепта обнаруживается эстетический признак, который характеризует внешнюю и внутреннюю красоту женщины. Внутренняя форма концепта зиждется на архетипе матери (в понимании К. Г. Юнга) и имеет символический признак, характеризующий созидательное и разрушительное женское начало: женщина-Богородица — и старуха-смерть. Наряду с данным концептом, в словарь концептов В. С. Маканина могут быть включены концепты «Война», «Плен», «Мужчина».

ЛИТЕРАТУРА

Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). — М.: МГУ, 1995. — 144 с.

Маканин В. С. Асан. — М.: Эксмо, 2008. — 480 с.

Тарабукин Н. М. Смысл иконы. — М.: Изд-во Православного Братства Святителя Филарета Московского, 2001. — 224 с.

Топоров В. Л. Асан хочет денег. [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/columns/2008/7/26/190384.html> (дата обращения: 15.02.2011).

Юнг К. Г. Психологические аспекты архетипа матери // К. Г. Юнг. Структура психики и процесс индивидуации. — М.: Наука, 1996. — С. 197–206.

THE CONCEPT “WOMAN” IN V.S. MAKANIN’S NOVEL “ASAN”. (ON THE ANTHOLOGY OF RUSSIAN LITERARY CONCEPTS)

V. B. Volkova

The article deals with the concept “Woman” whose structural parts are presented by symbolic, aesthetic, cultural and pejorative features. The modeling of the concept “Woman” in literary discourse becomes possible due to image and value constituents. The study is based on V. S. Makanin’s novel “Asan”.

Key words: concept “Woman”, V. S. Makanin novel “Asan”.

КОНЦЕПТ «СОСНА» В ТВОРЧЕСТВЕ В. ШАЛАМОВА (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КОНЦЕПТОВ В. ШАЛАМОВА»)

Статья посвящена описанию индивидуально-авторских признаков концепта «Сосна», вербализованного в «Колымских тетрадах», «Стихотворениях 1957–1981 годов» и «Колымских рассказах» В. Шаламова. В статье представлены текст-концепт «Сосна» и результаты его статистической обработки. Концепт «Сосна» сравнивается с другими концептами растительного мира, воплощёнными в произведениях В. Шаламова, — с концептами «Стланик» и «Лиственница». Работа ведётся в рамках подготовки материалов для «Словаря концептов В. Шаламова».

Ключевые слова: сосна, художественный концепт, лингвокультурологический анализ, словарь концептов.

В рамках подготовки материалов для «Словаря концептов В. Шаламова» в соответствии с предложенным ранее планом словарного описания художественных концептов [Гончарова 2009] нами ведётся работа по анализу индивидуально-авторских смыслов таких концептов растительного мира, как «Стланик», «Лиственница», «Сосна». В данной статье представим описание признаков концепта «Сосна», вербализованного в «Колымских тетрадах», в том числе в «Стихотворениях 1940–1956 гг. не вошедших в “Колымские тетради”», «Стихотворениях 1957–1981 годов» и «Колымских рассказах» В. Шаламова.

Ядерную часть текста-концепта «Сосна» формируют стихотворения «Сосны срубленные», «Стихи в честь сосны», «Сосна в болоте»; периферийную часть составляют стихотворения «Мы дышим тяжело...», «Он из окна своей квартиры...», «Затерянный в зелёном море...», «Я знаю моё чувство ёмкое...»*, «Лезут в окна мотыльки...»*, «Скрой волнения секреты...»*, «Вот две — две капли дождевые...»*, «Нет, нет! Пока не встанет день...»*, «Сырая сумрачная мгла...»*, «Подростком сюда затесался клён...»*, «Рязанские страдания»*, «Сосен светлые колонны...», «В судьбе есть что-то от вокзала...»* и рассказы «Детские картины»*, «Зелёный прокурор»*, «Белка»* (звездочкой отмечены произведения, входящие в текст-концепт фрагментарно).

Результаты статистической обработки текста-концепта с целью определения количественных характеристик использования имени концепта (с учётом употребления производного от лексемы *сосна* прилагательного *сосновый*) могут быть представлены в словаре таким образом: «Сосна» (31: 26 <23, 3 — 3>; 5 <1, 0, 1, 0, 3, 0 — 0>), где первая цифра в круглых скобках (31) — общее количество употреблений имени концепта в стихотворных и прозаических текстах; вторая цифра после двоеточия (26) — общее количество употреблений имени концепта в стихотворных текстах; первая цифра в угловых скобках (23) обозначает количество употреблений в «Колымских тетрадах» (1937–1956), вторая (3) — в «Стихотворениях 1957–1981 годов», цифра после тире (3) — количество употреблений в позиции заглавия; цифра после первых угловых скобок (5) обозначает общее

Гончарова Валерия Николаевна — старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета. E-mail: chag@74.ru

количество употреблений имени концепта в прозаических текстах, цифры во вторых угловых скобках последовательно указывают на количество употреблений в циклах «Колымских рассказов»: «Колымские рассказы» (1); «Левый берег» (0); «Артист лопаты» (1); «Очерки преступного мира» (0); «Воскрешение лиственницы» (3); «Перчатка, или КР-2» (0), цифра после тире (0) обозначает количество употреблений в позиции заглавия.

Сравнение этих данных с количественными характеристиками использования имён концептов «Стланик» (72: 4 <3, 1 — 1>; 68 <36, 2, 12, 0, 7, 11 — 1>) и «Лиственница» (109: 17 <16, 1 — 1>; 92 <15, 10, 6, 0, 52, 9 — 2>) свидетельствует о том, что концепт «Сосна», в отличие от концептов «Стланик» и «Лиственница», во-первых, не так широко представлен в творчестве В. Шаламова, во-вторых, его воплощение значительно выше в поэзии, чем в прозе. Объясняется это, вероятно, тем, что сосна — не колымское, не северное дерево. Сам В. Шаламов писал об этом так: «У меня много стихотворений о соснах, хотя сосен на Колыме почти нет. Дерево Колымы — лиственница даурская» [Шаламов, 3, 1998: 460]; «Лиственница — дерево Колымы, дерево концлагерей» [Шаламов, 2, 1998: 276]; «И в зимних рисунках ребёнок не отошёл от истины. Зелень исчезла. Деревья были чёрными и голыми. Это были даурские лиственницы, а не сосны и ели моего детства» [Шаламов, 1, 1998: 68]; «Стланик — дерево надежд, единственное на Крайнем Севере вечнозелёное дерево» [Шаламов, 1, 1998: 140]. «Символическими растениями» Колымы называет Б. Лесняк, друг В. Шаламова, кедровый стланик и даурскую лиственницу [Лесняк 1998: 226].

Нами были выявлены следующие признаки концепта «Сосна», входящего в концептосферу В. Шаламова:

1. Источник целебного озона («Мы дышим тяжело...», «Он из окна своей квартиры...»).

2. Посредник между земным и небесным миром (признак реализуется благодаря «морской» метафоре «лес — море, сосна — мачта корабля»: «Сосны срубленные», «Затерянный в зелёном море...»; благодаря сопряжённости образов сосны и скалы (горы): «Лезут в окна мотыльки...», «Сосна в болоте»; благодаря «архитектурной» метафоре «небо — потолок, сосны — колонны»: «Сосен светлые колонны...»).

3. Смыслы, обусловленные образами сосны — источника теплоты и сосны — дамы рыцаря: 1) обладает физической теплотой: имеет температуру, близкую температуре живого человеческого тела; способна передавать тепло вовне, согревая того человека, который может воспринять это тепло; тем самым реализует одно из необходимых условий его выживания в условиях жесточайшего холода Дальнего Севера; обладает душевной теплотой: способна проявлять сердечное, доброе отношение к человеку; 2) служит источником сил для того человека, который воспринимает сосну, как рыцарь воспринимает даму своего сердца; является воплощением памяти человека о людях, которым он благодарен за помощь и спасение, предметом его поклонения и прославления («Стихи в честь сосны»).

4. Смысл, обусловленный характером связи сосны со временем, — вневременность, вечность («Он из окна своей квартиры...», «Скрой волнения секреты...», «Стихи в честь сосны»).

5. Источник света («Сосны срубленные», «Скрой волнения секреты...», «Стихи в честь сосны»).

6. Связь с миром искусства, с творчеством (поэтическим — «Он из окна своей квартиры...», «Стихи в честь сосны»; музыкальным — «Я знаю моё чувство ёмкое...»; актёрским — «Лезут в окна мотыльки...»).

7. Дерево детства героя, дерево его первой, доколымской, долагерной, жизни (рассказ «Детские картинки»).

8. Смысл, обусловленный «военной» метафорой «броня сосен», — способность защищать, оберегать, скрывать преследуемого (рассказ «Белка»).

Такая смысловая наполненность концепта «Сосна» в произведениях В. Шаламова во многом является следствием «чуждости» сосны миру колымских «заключённых параллелей» (А. Галич), о чём говорилось выше. В отличие от стланика и лиственницы, сосна не часть северной природы, которая измученному голодом, холодом, непосильным трудом, издевательствами со стороны блатарей и лагерного начальства заключённому кажется «негостеприимной, враждебной всему живому» [Шаламов, 1, 1998: 563], «ненавидящей человека» [Шаламов, 2, 1998: 275], находящейся «всегда в союзе с начальством» [Шаламов, 1, 1998: 565]; сосна не предмет каторжного труда (лесозаготовка, заготовка дров, щипание стланика), лагерное начальство на Колыме не использует это дерево как средство истязания заключённых. Поэтому если смысловую структуру концептов «Стланик» и «Лиственница» формируют как положительные, так и отрицательные признаки, то в структуре концепта «Сосна» представлены только положительные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

Гончарова В. Н. Словарное описание индивидуально-авторского концепта (на примере концепта СТЛЕНИК в творчестве В. Шаламова) // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М. Г. Абрамзона. — Вып. 2 (24). — М.: Магнитогорск; Новосибирск: Аналитик: тип. МГПИК, 2009. — С. 874–878.

Лесняк Б. Н. Я к вам пришёл! — Магадан: МАОБТИ, 1998. — 296 с.

Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 4 т. / сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. — М.: Худож. лит.: Вагриус, 1998.

THE CONCEPT “PINE” IN V. SHALAMOV’S CREATION (A SOURCE FOR THE DICTIONARY OF SHALAMOV’S CONCEPTS)

V. N. Goncharova

The article describes individual properties of Shalamov’s concept “Pine” verbalized in his poetry and prose. The article interprets the “Pine” as a text-concept and presents results of the statistical processing. The concept “Pine” is compared with other vegetable concepts embodied in Shalamov’s works, namely with those of “Elfin wood” and “Larch”. Work is underway to prepare material for the dictionary of V. Shalamov’s concepts.

Key words: pine, artistic concept, linguocultural analysis, concept vocabulary.

© 2011

Ч. А. Горбачевский

ПАЛЕЦ В ПРОЗЕ В. Т. ШАЛАМОВА: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ ПИСАТЕЛЯ

В «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова ключевую роль играют художественные образы-символы. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в выявлении и интерпретации образов-символов в текстах писателя. Результатом такого исследования может стать словарь, в котором будут представлены группы образов-символов, имеющих отношение к различным сферам лагерного существования арестантов на каторжной Колыме.

Ключевые слова: палец, образ-символ, Колыма, заключённые.

В «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова ключевую роль играют художественные образы-символы. В размышлениях «О прозе» (1965) В. Т. Шаламов недвусмысленно высказывается о символике в современных литературных произведениях: «Подробность, не заключающая в себе символа, кажется лишней в художественной ткани новой прозы <...> Но роль их (деталей и подробностей. — Ч.Г.) гораздо больше в новой прозе. Это — всегда деталь-символ, деталь-знак, переводящая весь рассказ в иной план, дающая “подтекст”, служащий воле автора, важный элемент художественного решения, художественного метода» [Шаламов, 2, 1998: 359, 366]. Эта мысль, безусловно, имеет отношение и к символическим смыслам в прозе самого В. Т. Шаламова. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в выявлении и интерпретации образов-символов в текстах «Колымских рассказов» (об образах-символах в прозе В. Т. Шаламова писали Е. В. Волкова, Л. В. Жаравина, Н. Л. Лейдерман и др.). Результатом такого исследования может стать словарь, в котором будут представлены группы образов-символов, имеющих прямое отношение к различным сферам лагерного существования арестантов на каторжной Колыме: I. Орудия каторжного труда (*тачка, кайло, лопата, топор, пила* и др.); II. Тюремно-лагерное пространство (*камера, барак, верхние нары / нижние нары, пересылка, столовая, больница, ШИЗО, карцер, караульная вышка, полигон прииска, шурф, забой, шахта* и др.); III. Хронотоп (Колыма до 1937 года (*берзинская*), Колыма 1937–1938 гг. (*гаранинская*), Колыма после 1938-го (военный и послевоенный периоды); сибирская каторга царского времени, библейский хронотоп и др.); IV. Растительный мир (*стланик, лиственница, грибы, шиповник, брусника* и др.); V. Животный мир (*медведь, ласка, белка, утка, собака, кошка* и др.); VI. Колымский климат (*мороз, ветер, дождь, сырость, снег* и др.); VII. Тело человека (*глаза, лицо, руки, ноги, пальцы, кожа* и др.).

В «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова пальцы, как правило, бывают: *нерабочими / рабочими, полными, толстыми, опухшими / тонкими, мягкими / жёсткими, отмороженными, замёрзшими, стынувшими / тёплыми, грязными / вымытыми, мощными / бессильными, удивительными, невнимательными, бескровными, дрожащими, длинными, услужливыми, растопыренными, розовыми,*

Горбачевский Чеслав Антонович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета. E-mail: chag@74.ru

сложенными трубочкой, отваливающимися, скрюченными, настойчивыми, быстрыми, решительными, привычными, согнувшимися навеки, отстреленными, нервными, беспрерывно двигающимися, потрескавшимися, тяжёлыми, крепкими и др. Появляясь в разных контекстах, образ пальца приобретает различные символические значения.

1. Он становится символом власти блатаря в лагере. Длинный ноготь мизинца вора — непременный атрибут подземного воровского мира, свидетельствующий о высоком «запроволочном» статусе его обладателя [Шаламов, 1, 1998: 9, 81, 605].

2. Символизирует грубое, жестокое обращение с более слабым и/или стоящим ниже на иерархической лагерной лестнице [Шаламов, 1, 1998: 92–93, 296, 336, 215].

3. У обыкновенного зэка (*доходяги, фитиля*) в отличие от *блатаря*, «*придурка*» или *начальника* ногти на пальцах, как правило, *грязные, обломанные, обкусанные* и/или *перевязаны тряпками*. Они символизируют крайне тяжёлое состояние каторжанина, находящегося на грани жизни и смерти, изнурённого непосильной работой, холодом, голодом и жестоким внутрилагерным режимом [Шаламов, 1, 1998: 36, 61, 62, 65, 73, 104, 149].

4. Отмороженные пальцы символизируют непрекращающиеся страдания заключённых [Шаламов, 1, 1998: 34, 120, 125, 169, 170, 231–232, 236, 258, 298, 337].

5. Отрубленные пальцы *зэка-саморуба* — это и символ безысходности в забытом всеми колымском каторжном мире, и символ памяти о прежних ощущениях. Для того чтобы не попасть в золотой забой или на другие общие работы, каторжане лишают себя какой-либо части тела, тем самым сохраняя себе жизнь [Шаламов, 1, 1998: 47, 398–400].

6. Пальцы как символ памяти о пережитом, они и дома напоминают о лагерном прииске, не давая покоя бывшему каторжанину [Шаламов, 1, 1998: 170, 4: 442]. Память о *ручках тачки*, о *кайле* и *лопате* останется в пальцах, коже и костях *зэка* навечно [Шаламов, 1, 1998: 335, 431].

7. Ветки и листья на деревьях становятся похожими на пальцы каторжанина, напоминают отрубленную кисть человеческой руки [Шаламов, 1, 1998: 31, 222]. Пальцы арестанта обнаруживают сходство с северной таёжной природой, являя собой одновременно горный пейзаж и кольца на срезе дерева. Такое видение возникает, к примеру, в гаснущем сознании умирающего на пересылке поэта-заключённого [Шаламов, 1, 1998: 64].

8. *Пальцы и бегающие глаза* зэка — символ одновременно отчаянной решительности и трусости [Шаламов, 1, 1998: 278]. И напротив, *тёплые пальцы* и тёмные *смеющиеся глаза* ассоциируются с добрыми чувствами, пониманием бед и несчастий каторжан [Шаламов, 1, 1998: 238].

9. Палец в условиях лагеря — удобное подручное средство и орудие еды, символизирующее первобытные условия существования, с одной стороны, и человеческую живучесть и приспособляемость к этим условиям, — с другой [Шаламов, 1, 1998: 121].

Разумеется, что приведённые нами символические смыслы одного из образов «Колымских рассказов» не являются сколько-нибудь полными и, тем более, исчерпывающими. Мы лишь попытались показать принципиальную важность этого лейтмотивного образа-символа в ряду других не менее важных во всей системе

документально-художественного мира писателя, углублённому изучению которого и должен способствовать вышеназванный словарь.

ЛИТЕРАТУРА

Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 4 т. / сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. — М.: Худож. лит.: Вагриус, 1998.

FINGER IN V. T. SHALAMOV'S "KOLYMA TALES" (A SOURCES FOR THE DICTIONARY OF THE WRITER'S IMAGES AND SYMBOLS)

Ch. A. Gorbachevsky

Artistic images and symbols play a key role in Shalamov's "Kolyma Tales", which necessitates revealing and interpreting images and symbols of Shalamov's tales. This study may result in a dictionary containing clusters of images and symbols associated with various aspects of labor camp prisoners' life in Kolyma.

Key words: finger, image-symbol, Kolyma, prisoners.

© 2011

Е. С. Слободнюк

«ИНОЕ СЛОВО» В ПОЭТИКЕ Р. КИПЛИНГА: СЛОВАРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В статье рассматривается роль лексического пласта, суть которого наиболее точно определяет термин *иное слово*. Исследователь рассматривает варваризмы, иноязычные слова и архаичную лексику в «Книге джунглей», «Второй книге джунглей», «Цыганской тропе» и приходит к выводу, что *иное слово* является необходимым элементом в системе двойственных миров Р. Киплинга.

Ключевые слова: *иное слово*, варваризм, архаичная лексика, двоемирие, закон, Библия.

Полноценное изучение особенностей авторского идиостиля и художественной реальности в текстах Киплинга невозможно без понимания роли лексического пласта, суть которого можно определить сочетанием «иное слово». Корректность данного «термина» достаточно очевидна, поскольку в мирах Киплинга оппозиция «свой-чужой» никогда не затрагивает уровня взаимодействия языков и культур во всём многообразии их проявлений. К сожалению, эта особенность авторского языка, не привлекает внимания исследователей. В нашей статье мы попытаемся представить образцы словарных материалов, которые могут быть ис-

Слободнюк Елена Сергеевна — аспирант кафедры культурологии и зарубежной литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: paddington85@mail.ru

пользованы как при составлении «киплинговской энциклопедии», так и в иных филологических разработках.

Одна из ярких особенностей речи персонажей «Книг Джунглей» — активное использование архаичных местоимений среднеанглийского периода. Обратим внимание, звери, преклоняясь перед умом и смелостью Маугли, называют его хозяином Джунглей: подчас возникает ощущение, что Серые Братья, Балу, Багир и даже Хатхи боготворят его. При этом Маугли обращается ко всем, используя архаичное местоимение *ye* и его производные, а звери обращаются к Маугли, используя форму *thou* и согласованные с ней глагольные формы с окончанием *st (t)*: «*Didst thou meet him?*» [ВКД 2006: 56]; «*Thou wast never afraid of me*» [ВКД 2006: 57]; «*...Thou wilt believe?*» [ВКД 2006: 59]. Хотя этимологически обе формы имеют один корень, отношение современных Кипплингу носителей языка к *ye* и *thou* принципиально различалось. Изначально местоимение *thou* использовалось при обращении к вышестоящим, позже — к чужакам. К 1450 г. слово приобрело оскорбительный оттенок, если употреблялось не по отношению к своим детям или очень близким людям.

В Библии короля Иакова (XVI в.) форма *thou*, по мнению некоторых исследователей, используется, чтобы подчеркнуть: Господь — не недостижимый, нелюдимый правитель, а Бог, который всегда вместе с человечеством. Многие современные люди сталкиваются с формами *thou* и *thee* только в богословской речи, а поскольку господь представляется людям могущественным и далёким, они воспринимают эти слова либо как уважительные, либо как подобострастные. А вот местоимение *ye* чаще использовалось в разговорной, шутливой речи, не предполагавшей пиететного отношения к адресату.

Довольно непростая ситуация складывается в «Книге Джунглей» и вокруг *имён*, поскольку последние равно принадлежат двум мирам: Востоку и Западу, реальности и ирреальному, миру людей и миру животных. Однако Кипплинг приходит на помощь читателю, используя графические средства, и почти на каждой странице «Книг Джунглей» мы видим авторское выделение слов, которые можно развести по трём группам: 1) имена собственные (*Bandar-log*, *Gidur-log* etc.); 2) звукоподражания (*augh*, *hsh*, *ahai*, *arulala* etc.); 3) варваризмы (*dewanee*, *huquas*, *dhâk-tree*, *ochen scoochnee*, *stareek*, *poltoos* etc.).

Однако вернемся к «именам». Из всех народов Джунглей Кипплинг особенно выделяет Бандар-Логов (*Bandar-log*) (обезьянье племя) и шакалов (*Gidur-log*). У Бандар-Логов нет Закона, они глупы, не умеют охотиться, зато любят драться и насмешничать над другими жителями Джунглей. В лесном обществе они изгои. Поэтому, с целью подчеркнуть их «особое» положение, Кипплинг использует курсив, что сразу бросается в глаза при чтении оригинального текста. Напр., медведь Балу говорит: «*They have no leader*» [КД 2006: 37]; «*We do not notice them*» [КД 2006: 38] (Мы их *не* замечаем. У них *нет* вожака.). При этом, писатель даёт и прямое указание на статус Бандар-Логов, называя их *outcaste* [КД 2006: 37], т. е. исключённые из касты или вообще не имеющие её. Аналогичную ситуацию мы видим и в случае с шакалами, которых тоже не жалуют за любовь к смутам, за сплетни и поедание падали.

Следует заметить, что роль «иноглагольного слова» в тексте Кипплинга могут выполнять слова не только на хинди и «зверином» языке, но и собственно английская

лексика. Всё зависит от того, из чьих уст исходит это слово и каким чувством оно наполнено. К примеру, *cub* по-английски — это ‘всякий маленький зверёныш’. Но в джунглях маленького Маугли зовут *man's cub* — человеческий детёныш. А когда его, уже подростка, приняв за оборотня, изгоняют из деревни люди, в сочетании *wolf's cub* возникает новое значение — ‘волчий выкормыш’!..

Несомненный интерес представляет и смысловая игра, возникающая в сфере пересечения слов, являющихся «иными» прежде всего по отношению друг к другу. Вот враль и хвастун Бальдео рассказывает угольщикам историю о *Devil-Child* [ВКД 2006: 50], т. е. ребёнке-дьяволе. С одной стороны, перед нами своеобразное калькирование смыслов, поскольку воспитавшую Маугли мать-волчицу зовут Ракша (хинд. — ‘дьяволица’). С другой стороны, Ракша никоим образом не может быть отождествлена с каноническими ракшасами, нередко имеющими человеческий облик, что, впрочем, не мешает им быть людоедами. В итоге подлинными ракшасами «Книг Джунглей» оказываются именно люди, а *Devil-Child* и *Raksha* полностью утрачивают демонический ореол.

В поэтическом наследии Кипплинга «иное слово» также занимает почётное место. Один из наиболее ярких примеров, подтверждающих наш тезис — стихотворение «The Gipsy Trail», где цыганская лексика используется отнюдь не для создания соответствующего колорита: *Out of the dark of the gorgio camp, / Out of the grime and the grey / (Morning waits at the end of the world), / Gipsy, come away!* — ‘Из темноты нецыганского лагеря, / Из грязи и серости / (Начало ждёт в конце света), / Цыган, уходи!’ [GT 1919: 207]. Обратим внимание на слово *gorgio* — так сами цыгане называют чужаков, нецыган. Использование этого варваризма для нашего случая имеет принципиальное значение, поскольку он неразрывно связан с ключевой идеей «Цыганского пути»: законом крови и рода цыгану предначертано вечное странствие, вечный уход от чужого мира к свободе и своей судьбе.

Не менее важную роль играет в стихотворении и другое заимствование из цыганского: *patteran* — два прутика, перекрещенные особым образом, которые цыгане оставляют на своих путях для передачи сообщений; причём обе веточки непременно должны быть взяты у деревьев или кустарников разной породы, поскольку это подчёркивает неслучайность появления знака. О неслучайности же появления *паттерана* в тексте Кипплинга говорит четырехкратная анафора в 7–10 строфах: «**Follow the Romany patteran** / North where the blue bergs sail, / And the bows are grey with the frozen spray, / And the masts are shod with mail. // **Follow the Romany patteran** / Sheer to the Austral Light, / Where the besom of God is the wild South wind, / Sweeping the sea-floors white. // **Follow the Romany patteran** / West to the sinking sun, / Till the junk-sails lift through the houseless drift. / And the east and west are one. // **Follow the Romany patteran** / East where the silence broods / By a purple wave on an opal beach / In the hush of the Mahim woods» (выделено нами — Е.С.) [GT 1919: 207–208]. Совершенно очевидно, что в приведённом контексте *Romany patteran* становится некой путеводной звездой, а не просто тривиальным дорожным указателем. Чтобы доказать это, обратимся к последней из процитированных строф. Как явствует из её финала, следуя за паттераном, можно оказаться там, «где тишина нависает / Пурпурной волной на опаловый берег / В тиши леса Махим». Лес Махим (*Mahim woods*) — не просто точка на карте. Во-первых, автор подчёркивает его особую роль тем, что цель следования на север, юг и запад описана

общими словами, а вот следование на восток «приводит» читателя в конкретное место. Во-вторых, для Киплинга *Mahim woods* — лес детства, о котором он пишет в автобиографии следующее: «Мое самое первое воспоминание — рассвет, свет, цвет, золотые и пурпурные фрукты на уровне моего плеча <...> По вечерам мы гуляли по берегу моря в тени пальмовой рощи — леса Махим <...> Я всегда ощущал зловещую темноту тропических вечеров, потому что любил голос ночного ветра в листве и песни древесных лягушек» (см. [Kipling http]). Однако опасность была не только в природе. Махим часто фигурировал в криминальной хронике (см., напр., [Herald 1829: 314]), а также был местом исконного обитания нищенствующего сообщества вадвал [Balaji Sitaram Kothare 1904: 66].

При подобном прочтении текста экзотическое название Махим становится ключевой точкой стихотворения, поскольку уже в следующей строфе мы видим, как «иное слово» вступает в прямое взаимодействие со словом «чужим». Строфа «*The wild hawk to the wind-swept sky, / The deer to the wholesome wold, / And the heart of a man to the heart of a maid, / As it was in the days of old* — ‘Дикий сокол на ясное выметенное ветром небо, / Олень на безопасное нагорье, / А сердце мужчины к сердцу девушки, / Как и было в прежние времена’» [GT 1919: 208] оказывается реминисценцией из «*The Romany Lass*» («Цыганская девушка») Ф. Уэзерли: «*The hawk unto the open sky, / The red deer to the wold, / The Romany lass for the Romany lad / As in the days of old* — ‘Ястреб в открытое небо, / Благородный олень в низину, / А цыганка за цыганским парнем, / Как и в прежние времена’» [Weatherly 188?: 4–5]. Современники сочли Киплинга плагиатором. Но при вдумчивом сравнении текстов становится ясным, что перед нами литературная и культурная полемика, ведь Киплинг взял слова Уэзерли, но не смысл, не идею и не подтекст «Цыганской девушки». «Цыганская девушка» — типичная любовная баллада: цыганка полюбила чужака, поверила ему, тот её бросил, и она вновь вернулась к влюбленному в неё цыгану, но, вполне возможно, чтобы вновь уйти. Квинтэссенция же киплинговского стихотворения — верность судьбе своего племени. Рефреном у Киплинга повторяется мысль «кровь к крови», кровь зовёт, кровь движет поступками и мыслями. Закон крови — закон рода, бродячая судьба... И если цыганка Уэзерли, пусть на время, возвращается к спокойствию таборного костра, то цыгане Киплинга, наоборот, уходят в неизвестность, в «белый свет», искать, но не для того, чтобы находить, поскольку *так* «было в прежние времена» и *так* предопределено навеки.

Кроме того, в рассмотренном случае следует обратить внимание на этимологию прилагательных *Romany* (Уэзерли) и *Gipsy* (Киплинг). Первым словом называют себя сами цыгане, и таким образом читатель видит ситуацию *глазами самого лирического героя*. Второе слово — английского происхождения, восходит к искаженному «Egyptian», египтянин (ср. «фараоново племя»), а следовательно, у Киплинга представлен *взгляд стороннего наблюдателя*...

А в финальном четверостишии вновь возникает звучавшая ещё в третьей строфе строка «*Morning waits at the end of the world*», представляющая собой неполную цитату из евангелия от Матфея. С учётом этого обстоятельства слово *morning* приобретает значение «начала» — начала Судного дня, поскольку: «*The enemy that sowed them is the devil; the harvest is the end of the world; and the reapers are the angels*» (KJV, Matt., 13: 39) — «Враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть

кончина века, а жнецы суть Ангелы» (Мф 13: 39); см. также — “So shall it be *at the end of the world*: the angels shall come forth, and sever the wicked from among the just” (KJV, Matt., 13: 49); “And as he sat upon the mount of Olives, the disciples came unto him privately, saying, Tell us, when shall these things be? and what shall be the sign of thy coming, and of *the end of the world*?”» (KJV, Matt., 24: 3) etc. Так финал стихотворения становится своеобразным пророчеством, смысл которого можно понять только с учётом *всех* значений «иноного слова».

Всестороннее осмысление роли «иноного слова» в поэтике Киплинга, по нашему мнению, позволит не только собрать фактический материал для описания авторского идиостиля, но и открыть новые области художественного мира писателя, а также решить некоторые проблемы перевода его наследия на русский язык. Ведь при наличии соответствующих словарей вряд ли стал бы возможен казус с превращением *воспитателя* Маугли в *воспитательницу*. Пантера Багира в оригинале не просто чёрный леопард с мужским именем *Bageerah*. *Багир* — воин, благородный разбойник, противостоящий негодяю Шер-Хану. И отношения Багира с Маугли в оригинале — это отношения мужской дружбы, а вовсе не материнства / сыновства. Привычное для русского читателя превращение Багира в самку делает киплинговский сюжет затруднительным для понимания: зачем, скажем, удвоение материнской опеки — или Ракша не справляется со своими обязанностями? Кроме того, при подобной перемене пола искажаются важные сюжетные коллизии. К примеру, в новелле «Весенний бег» Багир готовится к свиданию с самкой, и смысл вопроса Маугли: “*Is it well for the Black Panther so to mow and cough and howl and roll?*” [ВКД 2006: 175] (‘Ну пристало ли черной пантере так кривляться, кашлять, выть и кататься по траве?’ Пер. Н. Дарузес), — совершенно очевиден: Багира обвиняют в недостаточно мужественном поведении. Но если Багир — «она», то «Весенний бег» полностью утрачивает смысл, а затуманивание истинной природы отношений между Багиром и Шер-Ханом ведёт к сущностному искажению сложной, но стройной системы отношений мира, в котором правят Закон Джунглей и пришелец из иного мира, постепенно превращающийся из Лягушонка-Маугли в новое божество.

ЛИТЕРАТУРА

ВКД: Киплинг Р. Вторая Книга Джунглей. — На англ. и рус. яз. — М.: Радуга, 2006. — 400 с.

КД: Киплинг Р. Книга Джунглей. — На англ. и рус. яз. — М.: Радуга, 2006. — 352 с.
Balaji Sitaram Kothare. Hindu holidays. — Bombay: Printed at the Times Press, 1904. — 66 p.

Kipling R. Something of Myself. [Электронный ресурс]. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks04/0400691.txt> (дата обращения: 05.03.2011).

GT: Kipling R. The Gipsy Trail // Kipling R. Verse. Inclusive edition. — New York: Doubleday, Page & Company, 1919. — P. 207–208.

Herald: The Oriental Herald and Journal of General Literature, 1829. — 23 p.

Weatherly F. E. The Romany Lass. — London: Boosey & Co, [188?]. — 9 p.

EXTRANEOUS WORD IN R. KIPLING'S POETIC VOCABULARY:
DICTIONARY MATERIAL

Ye. S. Slobodnyuk

The article considers the role of the lexical stratum whose essence is best represented by the term *extraneous word*. The author analyzes barbarisms, foreign words, and archaic vocabulary in "The Jungle Book", "The Second Jungle Book", "The Gipsy Trail" and comes to the conclusion that *extraneous word* is an indispensable element of Kipling's dual world system.

Key words: extraneous word, barbarism, archaic vocabulary, dual world, law, the Bible.

© 2011

Н. Л. Карпичева

КОНЦЕПТ «ДЕТСТВО» В ПОЗДНЕЙ НОВЕЛЛИСТИКЕ
В. С. ГРОССМАНА (К АНТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
КОНЦЕПТОВ)

Концепт «Детство» — один из центральных художественных концептов многих русских писателей, начиная с Ф. М. Достоевского. В статье рассматривается концепт «Детство» в поздних новеллах В. Гроссмана. В исследовании анализируется структура и функционирование концепта в творчестве автора.

Ключевые слова: концепт «Детство», платоновская традиция, авторская аксиология, «сиротство» как репрезентант концепта «Детство», мотив воспоминаний.

Концепт «Детство» в прозе В. С. Гроссмана реализуется через изображение детских судеб, спроецированное на тему воспитания «советских граждан». В ряду оригинальных ракурсов, выбираемых В. С. Гроссманом для изображения событий своего времени, которые в том или ином виде будут вписаны в дневник истории, достойное место получает и такая точка отсчёта как взгляд ребёнка на мир. Подобно тому, как устами младенца глаголет истина, детскими глазами видятся все несовершенства жизни: коварство, подлость и жестокость одних взрослых, слабость, страх и зависимость других. Такая позиция позволяет, помимо исторической справедливости как всеобщего ориентира писателей-реалистов, говорить о том всеобщем законе, частными проявлениями которого становится правда каждого из живших и живущих. В этой точке пересечения исторически конкретной, зачастую горькой правды и вечной всечеловеческой истины стоит ребёнок, что сближает талант писателя с литературными традициями Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Платонова, М. А. Шолохова. Наиболее близкой

Карпичева Наталья Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: amiterasu@mail.ru

из повлиявших на этот авторский философский узус представляется традиция А. П. Платонова, во многом родственного и дружественного (личная дружба писателей) таланта. В малой прозе В. С. Гроссмана 1953–1963 гг. тема детства сосредоточена в центре рассказов «Мама» (1960) и «В большом кольце» (1963), идейно-тематически связанных с эссе «Сикстинская мадонна» (1955). Материнство, младенчество, продолжение жизни и тем самым связь поколений и времён как основа существования человечества вообще в контексте наблюдений реальности XX в. сопрягаются в символическом и реалистическом подходе одновременно. Тема детских судеб рассматривается в связи с размышлениями о будущем страны и народа.

Приядерную зону концепта «Детство» в творчестве В. С. Гроссмана составляют представления об арестованном, казнённом, украденном, фальшивом, «взрослом» детстве. Одно из центральных значений авторского концепта «Детство» — ‘сиротство’ — проявлено ещё в довоенном рассказе «Маленькая жизнь» (1936), хотя коллизия достаточно проста, не содержит элемента «крамольности», а причины сиротства девочки не указаны вовсе. Героиня рассказа генетически предшествует героине новеллы «Мама». «Маленькая жизнь» определяет не столько возраст героини, сколько событие, о котором идёт речь: детдомовская девочка оказывается в обеспеченной бездетной семье лишь на несколько дней. Если в рассказе «Мама» девочка становится игрушкой в руках судьбы, то здесь — в руках взрослых, вздумавших поиграть в родительство. На детей записывают, их берут напрокат. Ксения Майорова — существо, вполне приспособленное для такой жизни, порог её чувствительности предусмотрительно снижен. Подобные экскурсии в чужую жизнь ей привычны и не представляют удара для психики. Видимо, эта девочка, в отличие от Нади Ежовой («Мама»), и не знала лучших времён. Ксения Майорова даже именует себя официально, по-взрослому, воспринимает сугубо внешнее, напр., вкусовые качества торта. Отсутствие значимых связей и людей, дающих опору и защиту, делают из героини «маленькую взрослую». Да и родители напрокат лишь выполняют определённый набор действий, некий церемониал: накормить, сказку рассказать. Они не знают, что такое быть родителями. Она не представляет себе, что значит быть ребёнком. Ксения даже скучает по детдому и вычисляет потери, которые понесёт из-за двухдневного «удочерения»: *«Подарки она не успела взять, и ей оставят что-нибудь плохое»* [Гроссман 1989: 312]. Девочка и не питает иллюзий, не пытается сблизиться с «родителями на время», чувства её атрофированы, и она во многом права — эта своего рода защитная реакция — единственное её оружие в мире, где нельзя оставаться безоружным. Взрослый ребёнок в маленькой жизни напрокат ни на секунду не теряет ощущения реальности.

Сюжет новеллы «Мама» основан на реальной истории, художественно осмысленной и усиленной в своём воздействии на читателя писательским мастерством В. С. Гроссмана. В ряду прочих тема загубленного, казнённого детства звучит, пожалуй, всего трагичнее. Ребёнок становится игрушкой (не субъектом, но объектом «игры») в руках тех, кто присвоил себе роль Судьбы. В результате своеобразного эксперимента по обезличиванию талантливая от природы и восприимчивая девочка становится «нормальным», среднестатистическим гражданином воспитавшего её государства. Детдомовское детство Нади не разворачи-

вается в плоскости настоящего времени, оно остаётся тяжелым воспоминанием, вытеснив все другие — о молодом референте и его миловидной жене (настоящих родителях) и о приемной семье, где девочку пытались окружить заботой. Холод и голод, грубость воспитателей, злоба детей, воровство сделали своё дело, потому здесь не столь важны эти жестокие подробности, важнее тот результат, к которому они привели. Надя довольствуется малым, ей *«очень нравилось образцовое общежитие после грубых, жестоких нравов детдома»* [Гроссман 1989: 412].

Таким образом, концепт «Детство» коррелирует с концептом «Игра», но через систему совершенно нетипичных отношений, объединяющих эти понятийные составляющие в новообразованное «игра в детство». Пространство детства в обоих текстах заключено между домом (чужим, временным) и детдомом, при этом в первом дети оказываются гостями, а ощущение защиты и праздника оказываются мнимыми, иллюзорными, второй же становится для них единственной реальностью — «домом», в котором детям окончательно отказано в праве на полноценную семью, достойную жизнь, на самоопределение, на любовь и теплоту. Несказочность атмосферы, нечуждость событий обуславливают недетскость мыслей, взглядов, жизненных наблюдений, переворачивают самую жизнь человека, вычёркивая из неё важный (пожалуй, самый важный) этап.

Так, в новелле «Мама» пересекаются функционально-семантические поля концептов «Детство» и «Материнство». Уже в заглавии, помимо вполне конкретной привязки к обеим мамам Нади (двум попыткам детства, обернувшимся двойным сиротством), есть другой смысл: залог счастливого детства — в материнском воспитании, но когда «мамой» становится государственный режим, будущее предопределено — и оно весьма печально. Заглавие новеллы акцентирует внимание не только на утраченных воспоминаниях, но и на будущем героини, на предстоящем материнстве, подводя к мысли, что человек, уверовавший в счастье общей, «среднестатистической судьбы», будет воспитывать и собственных детей в соответствии с этим «идеалом». В этом автор усматривает истоки возможной трагедии бескрылого существования целого поколения.

По-иному воплощается концепт «Детство» в рассказе «В большом кольце» (1963). Здесь частично репрезентировано традиционное представление о детстве как о счастливой поре, о времени личностного становления и творческого постижения мира. Изначально у девочки Маши, казалось бы, есть всё, что нужно для счастья: любящие родители, обеспеченное детство. Маша так же, как и Надя Ежова, чувствует музыку, людей, замечает все тонкости отношений взрослых, но и это своего рода вариант арестованного детства. Не случайно и заглавие рассказа, актуализирующее идею ограниченности пространства. Дом в Большом кольце Москвы становится большим кольцом вокруг ребёнка. Маша изолирована от мира, от сверстников, от окрестных жителей, её развитие ограничено тепличными условиями. Большое кольцо — круг знакомых отца и матери, цвет интеллигенции, люди, занимающиеся искусством и наукой, говорящие на философские темы, но бесконечно далёкие от жизни. Узкий круг интересов и знакомств её родителей не способен дать всего необходимого для становления полноценной, гармоничной личности. Это изоляция двусторонняя: высокомерие богемы и завистливая злоба деревенских жителей делят мир, существующий вокруг Маши, на две части.

Во внешности Маши подчёркивается простонародная красота, потому её оде-

вают как деревенскую девочку, и все вокруг восхищаются: *«Ей бы лапоточки, а не туфли, ну просто Нестеров»* [Гроссман 1989: 361]. На самом же деле это лишь маскарад, театральный эффект для людей, сознательно отдаляющихся от народа. В этой раздвоенной реальности все знают только свою правду, а значит, знают лишь её половину. Соединить в себе всё лучшее и связать два пограничных мира и суждено Маше на пороге двух других миров — жизни и смерти — где и открывается истина. Перед лицом смерти все равны, и всеильные родители не способны защитить единственного ребёнка, их иллюзорное могущество рассыпается, и они вынуждены обратиться в местную больницу, чтобы спасти дочь. Именно здесь, будучи искусственно изолированной карантинными мерами от родителей и всего, что с ними связано, Маша впитывает то, чего была так же искусственно лишена: *«Должно быть, счастье выздоровления вмешалось во всё, что происходило с Машей, во всё важное и пустое, чем был наполнен день. А может быть, это было совсем другое счастье»* [Гроссман 1989: 364]. Маша слышит песни, истории, восхитившие её, познаёт широту и доброту русской души и доносит до привычного окружения то лучшее, чего оно за внешней грубостью не замечало у деревенских жителей. Папины гости поражены: *«Поразительная сочность, богатство речи, слова такие меткие, как живая вода, ваша электронная машина, Володя, таких слов никогда не придумает»* [Гроссман 1989: 372]. И лишь познав всё это, обогатившись, Маша впервые по-настоящему понимает любимого Бетховена: *«И из неторопливого, важного и плавного движения электрического диска рождалось сотни раз слышанное и одновременно другое — внезапное, пронзительно-новое — боль, горе, разлука, бесприютные седины, смятение, одиночество»* [Гроссман 1989: 373].

Маше, в отличие от Нади Ежовой и Ксении Майоровой, посчастливилось узнать всю полноту счастья и горя, увидеть все краски жизни, вдохнуть все её ароматы. Именно такое полноценное детство и есть залог счастливого будущего, в том числе и материнства, а, таким образом, и счастья грядущего поколения. Неслучайно писатель в центр текстов помещает девочек — будущих матерей. Преемственность поколений, роль воспитания и окружения, сочетание генетического и общественного в рассказах становится нитью основы Жизни. *«Гроссман после войны, скосившей десятки миллионов людей, со всё большей тревогой думал о судьбе рода человеческого, о нависшей реальной угрозе уничтожения — и его, и всего живого на земле, о том, что нужно, чтобы предотвратить эту катастрофу»* [Лазарев 1989: 11].

Так, на судьбах двух девочек, героинь рассказов «Мама», «Маленькая жизнь», В. С. Гроссман показывает, как вмешательство политики, ломающее жизнь взрослым, калечит судьбы детей, оставляя незаживающие раны и подвергая сомнению саму возможность существования для них светлого будущего. Концепт «Детство» оказывается одним из центральных в связи с художественными размышлениями В. С. Гроссмана о нравственном здоровье человека и человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Гроссман В. С. Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Аграф: Вагриус, 1998. — Т. 4. — 432 с.

Гроссман В. С. Избранное: Жизнь и судьба. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. — 992 с.

Гроссман В. С. Несколько печальных дней: повести и рассказы. — М.: Современник, 1989. — 432 с.

Гроссман В. С. Рассказы. — М.: Сов. писатель, 1937. — 240 с.

Гроссман В. С. Повести, рассказы, очерки. — М.: Воениздат, 1958. — 542 с.

Лазарев Л. Человек среди людей: о Василии Гроссмане // В. С. Гроссман. Несколько печальных дней: повести и рассказы. — М.: Современник, 1989. — С. 3–12.

CONCEPT "CHILDHOOD" IN V. GROSSMAN'S NOVELLAS OF THE LATER PERIOD (ON THE ANTHOLOGY OF LITERARY CONCEPTS)

N. L. Karpicheva

Concept "Childhood" has been one of the major art concepts in the world-image of many Russian writers since F. M. Dostoyevsky. The article covers the study of concept "Childhood" in V. Grossman's novellas of the later period. The study reveals concept structure and analyzes concept functioning in the writer's works.

Key words: concept "Childhood", Plato tradition, author's axiology, orphanhood as concept "Childhood" representative, reminiscence motif.

© 2011

А. А. Кенько

КОНЦЕПТ «РОССИЯ» В МАЛОЙ ПРОЗЕ ВЯЧ. ПЬЕЦУХА (КАК МАТЕРИАЛ К АНТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ)

В статье автор исследует концепт «Россия» в малой прозе 1990–2000-х гг. писателя-постмодерниста Вяч. Пьецуха. Данный концепт рассматривается в связи с другими важными в художественной концептосфере прозаика концептами, такими, как «История», «Русский национальный характер».

Ключевые слова: концепт «Россия», концепт «История», «концепт «Русский национальный характер», художественная концептосфера, признаки репрезентации концепта.

В антологии художественных концептов концепт «Россия» должен занять одно из центральных мест. Следуя традиционному представлению о концепте как понятии, отражающем связь языка, мышления, культуры, литературы («концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43]), мы рассматриваем концепт как философско-эстетический феномен. Являясь единицей художественной картины мира автора, концепт включает в себе, с од-

Кенько Ариадна Александровна — аспирант кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: historyart@mail.ru

ной стороны, универсальный художественный, культурный опыт, а с другой, — эмоционально-чувственные проявления индивидуума.

Мы исходим из положения о том, что концепты являются смыслообразующими константами художественной картины мира писателя (понимаемой нами как некая общность единого стиля, метасюжета, комплекса мотивов, особенностей художественного хронотопа) и выражают особенности авторского художественного сознания. Предмет нашего исследования — особенности смыслового наполнения концепта «Россия» в художественном пространстве малой прозы Вячеслава Пьецуха. Творчество этого современного прозаика одни критики относят к течению «иронического авангарда» (Г. Нефагина), другие рассматривают в контексте постмодернизма (О. Богданова, Н. Лейдерман, М. Липовецкий, И. Скоропанова, К. Степанян). Несмотря на терминологический разнобой («постмодернистская проза» и «иронический авангард»), данные определения не представляются нам взаимоисключающими.

В художественной концептосфере Вяч. Пьецуха концепт «Россия» связан с другими концептами, такими, как «История», «Русский национальный характер», «Русская литература», и является при этом центральным. Данный концепт характеризуется, с одной стороны, традиционным для русской культуры содержанием, а с другой — характерными именно для этого автора-постмодерниста особенностями. Так, концепт «Россия» в малой прозе Вяч. Пьецуха включает универсальные представления о России, родной земле, отечестве и индивидуальные представления об историческом пути России, о судьбе народа, о судьбе человека. В произведениях писателя Россия изначально ассоциируется с образом просторов русской земли во всём многообразии её природы (*«Исконная Россия — это тысячи километров едва обжитой равнины от польской границы до Уральского хребта, дремучие леса, подпирающие небо, тихие реки и луга <...> а главное, просторы, просторы...»* [Пьецух 2007: 5]). В сознании Вяч. Пьецуха Россия большая неразрывно связана с образом российской глубинки, деревни (колхоза), периферийного города, либо окраины одного из столичных городов, где часто «обитают» герои произведений писателя. Автор непременно обозначает границы государства, страны (*«наша земля», «империя», «родное государство»*) и одновременно мыслит Россию глобально как историческое место проживания россиян (*«дальняя европейская периферия», «обочина западного пути», «медвежий угол»*).

В малой прозе Вяч. Пьецуха концепт «Россия» наиболее часто выступает под именами «страна», «Русь», «государство», «родина», «отечество».

Зачастую имя концепта звучит в заглавии произведения. При этом заглавие часто даёт авторское представление по тому или иному вопросу. В заглавиях прозаических произведений Вяч. Пьецуха присутствуют слова «Россия», «Русь» / «страна», «русские», «россияне», приводимые в словаре Ю. Степанова в одном ряду. Напр.: «Происхождение и облик *русской* цивилизации» (курс лекций), «*Русская мечта*», «*Русские анекдоты*», «Открытие *России*», «*Русская тема*», «Нагорная проповедь и *Россия*», «*Русский — это как?*», «О пословицах *русского* народа», «Уроки *родной* истории», семантически близкое «*Славяне*».

В повести «Заколдованная страна» (1992), наиболее характерной для малой прозы Вяч. Пьецуха, исследуемой в обозначенном аспекте, концепт «Россия» выступает уже в заглавии под именем «страна». Концепт «Россия» / «Страна» об-

разует широкое ассоциативное поле. В повести используются многие вербализаторы концепта «Россия»: *заколдованная страна, окаянная страна, бросовая страна, родная страна; бедная, деградирующая страна, ошалевшая от водки; земля лентяев, писателей и воров; земля беспорядка как способа существования* [Пьецух 2001: 61], *неустроенная, бедная, тёмная — словом, больная страна* [Пьецух 2001: 70]. В таких произведениях, как «Разговор», «Происхождение и облик русской цивилизации», «Открытие России», находим репрезентанты: *заклятая страна, злая страна, неприспособленная для человеческого жилья* [Пьецух 2001: 471], *Россия — это страшная, бестолковая, неухоженная страна, в которой живут самые красивые люди в мире* [Пьецух 2007: 28], *своя страна, наша страна*. Основой сюжета указанных произведений являются размышления Вяч. Пьецуха о судьбе России, о роли отдельного исторического события в истории, о месте личности в истории, о загадочности русской души. Всем ходом повествования автор стремится подвести читателя к идее: Россия — *исключительная страна, святая Русь*, страна богоизбранная («... *если Бог есть — всё будет хорошо, если Бога нет — страна идёт к гибели...*») [Пьецух 2001: 89].

Как видим, идеи постмодерниста Вяч. Пьецуха перекликаются с пониманием особого пути России, характерным для писателей-классиков XIX в. А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Н. В. Гоголя, а также для философов «русской идеи».

Как отмечалось выше, в художественном пространстве прозы Вяч. Пьецуха концепт «Россия» тесно связан с концептом «История». Это не случайно. Для Вяч. Пьецуха показательно постмодернистское понимание истории. Специфическое видение истории является индивидуальной чертой писателя, предпочитающего иронию в изображении знаковых событий русской истории. У автора-постмодерниста исторические события переосмысливаются, представляются как альтернативный вариант и становятся предметом художественной игры. Для творчества Вяч. Пьецуха характерны черты «псевдоисторической» прозы: остановка истории, хаос истории; представление об истории как взаимодействии множественных языков и дискурсов; восприятие исторического процесса как незавершённого текста; пародийность текстов [Липовецкий 1997: 229–242]. Такое видение истории не совпадает с позицией известных писателей исторической прозы XX в. М. Алданова, Ю. Тынянова, А. Толстого, Ю. Трифонова, В. Пикуля, Б. Окуджавы, которые предлагали собственные концепции русской истории. Писатель-постмодернист Вяч. Пьецух, рассматривая историю «в сослагательном наклонении», иронически переосмысливает известные события. Альтернативный вариант отечественной истории становится в его творчестве предметом художественной игры. Ср. «Догадки» (1989), «Роммат» (1989), «Капитан Костенко» (1994), «Государственное дитя» (1996), «Уроки родной истории» (2003), «Бухало и террор» (2007). Современная историческая, социо-культурная ситуация в России трактуется писателем как естественный итог и следствие многовекового исторического процесса.

События прошлого предстают как череда абсурдных, порой анекдотических, случайностей, а «повседневные» сюжеты оттенены светом исторического и культурного прошлого страны. Во многих произведениях («Заколдованная страна», «Происхождение и облик русской цивилизации», «Уроки родной истории» и др.)

высказывания персонажей перекликаются с многочисленными концепциями «истоков и смысла» отечественной истории (от Бердяева до Гроссмана).

Россия в своём историческом развитии у Вяч. Пьецуха предстаёт либо как непрерывное хаотичное движение, либо как нестабильное состояние, балансирование на грани покоя. Так, в повести «Заколдованная страна» встречаем выражения, репрезентующие концепт «История»: *всеобъемлющая дисгармония (хребет русского способа бытия) / непрерывное движение, похожее на броуновское* (история европейских народов), *бардак / бедлам* (история человечества, российская история). Как видим, ряд вербализаторов этого концепта достаточно широк, вплоть до употребления ненормативных единиц: *бардак / бедлам*. Отметим, что слово *бардак* трактуется в толковом словаре русского языка начала XXI века как 1. Разговорное, неодобрительное «бордель»; 2. Беспорядок, развал [Скляревская 2006: 109]. В прозе Вяч. Пьецуха «сворачивается» буквальное значение этого слова; оно наполняется новым содержанием, близким к содержанию лексемы *хаос*. В произведениях писателя состоянию «беспорядка», «хаоса», «бедлама» непременно находятся подтверждения в виде исторических фактов (нелепых случайностей, невероятных сумасбродств государей и вождей, непредсказуемых и ужасающих в своей неистовости действиях народа). История человечества, по мысли Вяч. Пьецуха, не «прогресс», а «ожесточённая борьба».

Сам человек есть «бунт» против природы и Бога. Однако жизнь «исключительного» народа в России («исключительной стране») вполне органична при всех её неурядицах, в условиях, казалось бы, непригодных для существования, и протекает «в едином ритме с родной страной». История России «прискорбно инвариантна в своём развитии», «непредсказуема», «загадочна», и разгадки здесь вряд ли возможны. «Целая жизнь прожита в России, а что это за страна такая и что за народ её населяет — в точности мы не знаем» [Пьецух 2001: 456]. «Будущее нашей страны затруднительно предсказать. Но почему-то кажется, что Россия ещё не выпила свою чашу, что ещё многое впереди» [Пьецух 2006: 211].

Обосновывая особенность судеб России в её историческом развитии («у нас слишком своеобразная история...») по отношению ко всеобщему историческому процессу, писатель осознаёт и свою непосредственную причастность общей судьбе страны. Концепт «Россия» в художественной концептосфере Вяч. Пьецуха, выступающий «метаобъектом ментального самопознания», объектом философско-эстетической рефлексии, связан с концептом «Я». Возникает параллель «Я — Россия»: «Я врос в Россию, как, случается, вырастают деревья в ограды из чугуна...» [Пьецух 2001: 10]. Писатель не мыслит себя вне судьбы России. Свою «русскость» Вяч. Пьецух рассматривает гораздо более глубоко, чем традиционную принадлежность определённой нации: «Я русский — не в смысле национальности русский, а в смысле судьбы, психического и социально-экономического результата...» [Пьецух 2001: 97], русский — это не национальность, а настроение (особый строй души). Писатель определяет своё место «не сбоку и не с краю», а «внутри» народной жизни. Кульминацией размышлений о России является его высказывание: «Как жизнь прекрасна только потому, что она — жизнь, так и Россия драгоценна только потому, что она — Россия» [Пьецух 2001: 472].

В художественной концептосфере писателя концепт «Россия» мыслится также в параллелях: «Россия — религия», «Россия — цивилизация». Но наиболее

значимой для раскрытия субъективной картины мира является связь концепта «Россия» с концептом «Русский национальный характер». Русский национальный характер является предметом осмысления в русской литературе с самого её возникновения и по сей день. Национальная идентификация, особенности русской ментальности в своё время глубоко исследовались в трудах Д. С. Лихачёва, Г. Д. Гачева, Н. О. Лосского и некоторых других. В творчестве Вяч. Пьецуха указанная категория приобретает особое значение.

Концепт «Русский национальный характер» в малой прозе Вяч. Пьецуха чаще всего вербализуется единицами *русский, русак, дурак*, именующими каждого русского как часть от целого (*нация / народ, русские / русский люд, славянский корень*). Приведём несколько ярких характеристик, составляющих наполнение концепта «Русский национальный характер» и определяющих индивидуальную авторскую позицию: «Русак» (*«едва ли не высший подвиг человека разумного», «уникальное культурное существо»*), «нация» (*«загадочная нация», «нация-жертва, всемирные козлы отпущения, которые намучились и переболели за всю планету»* [Пьецух 2001: 97]); «народ» (*«русский люд — бессознательный и неугодный носитель национальной идеи»* [Там же: 51–52]; *«в основном совестливый и бестолково отзывчивый мы народ»* [Пьецух 2007: 41]). Подчеркнём, что писатель отождествляет себя со своим народом.

Анализируя исторические факты, судьбы России и исторических личностей в тесной взаимосвязи, автор выявляет некоторые закономерности в поведении русского человека, определяет черты характера, которые сходны с теми, что были выделены Д. С. Лихачёвым, Г. Д. Гачевым, Н. О. Лосским. Вот лишь некоторые из них. Это характерное для русского сознания упование на особую роль России и русской нации, нравственная ответственность перед народом: *«Народ наш — народ великий и что-то такое особенное у него написано на судьбе <...> Русский народ, точно, симпатичный: скромный, думающий, душевный, задорный...»* [Пьецух 2001: 463]; *«Наш народ, вообще чуждый <...> бурному проявлению своих чувств, любит родину неназойливо и органически, как природу...»* [Там же: 469]; *«Нормальный русак принимает отчизну всякой, какой бы она ни была, хоть рабовладельческой, хоть какой, главное, чтоб была...»* [Там же: 470]; *«Русскому человеку и жить в России нелегко, и одновременно он не может существовать помимо этого питательного бульона, то есть без русских прекрасных лиц, малиновой нашей речи...»* [Там же: 470].

Категория русского национального характера объединяет настоящее и прошлое России. Абсурдность русской жизни, русской истории, предстающая в произведениях Вяч. Пьецуха как всеобщая, бытийная, вневременная черта, обуславливает существование этого феномена. Концепт «Русский национальный характер» выступает как элемент содержания концепта «Россия» в прозе писателя. Если *«русский — не национальность, а настроение»* [Пьецух 2006: 149], то под настроением понимается сумма полярных качеств, определяющих устремления и поступки *«больше в зависимости от фазы луны и атмосферного давления, нежели от прямой физиологической потребности, как везде»* [Там же]; *«Русскость — это прежде всего способность к сопереживанию, всемерность, открытая Достоевским, непрактичность, склонность к романтическому и умение пострадать»* [Там же]. И вместе с тем *«русскость — это такая сила, что*

<...> ей охотно покоряется инакомыслящий элемент» [Там же]; «русскость — это такая сила, которая вечна и бесконечна, как материя, и ещё шесть миллиардов лет мы будем ночи напролёт спорить об эманациях мирового духа в теории и в быту» [Там же: 150].

Как видим, в художественном мире прозы Вяч. Пьецуха концепт «Россия» тесно связан с концептами «История» и «Русский национальный характер». Он является центральным в художественной концептосфере писателя, которая аккумулирует «национальный» и «индивидуальный» опыт художника [Лихачёв 1990: 3–9], его мировидение, систему ценностей. Исследование художественной концептосферы малой прозы одного из значительных российских писателей-постмодернистов позволяет проследить динамику важнейших тенденций в русской литературе конца XX — начала XXI в., которую и должна отразить антология художественных концептов.

ЛИТЕРАТУРА

Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. — Екатеринбург: УрГПУ, 1997. — 317 с.

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. — Т. 52. — № 1. — М.: Наука, 1993. — С. 3–9

Пьецух В. А. Догадки: повести и рассказы. — М.: Глобулус: НЦ Энас, 2007. — 296 с.

Пьецух В. А. Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории. — М.: НЦ Энас, 2006. — 216 с.

Пьецух В. А. Заколдованная страна: повести, рассказы, биографии, эссе. — М.: Центрполиграф, 2001. — 540 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — Изд. 2-е испр. и доп. — М.: Академ. Проект, 2001. — 990 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под. ред. Г. Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2006. — 1136 с.

CONCEPT “RUSSIA” IN PROSE NARRATIVE OF V. PYETSUKH (ON THE ANTHOLOGY OF LITERARY CONCEPTS)

A. A. Kenko

This is a study of concept “Russia” in prose narrative of the 1990–2000-s written by a post-modernist writer V. Pyetsukh. This concept under study is considered in connection with other concepts that are significant for literary concept-sphere of the writer, concepts “History” and “Russian national character” among them.

Key words: concept “Russia”, concept “History”, concept “Russian national character”, literary concept-sphere, concept representation markers.

С. М. Крутий

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР Л. УЛИЦКОЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТА «ДЕТСТВО» (К АНТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ)

В статье рассматриваются особенности функционирования концепта «Детство» в концептосфере Л. Улицкой. Писатель анализирует структуру и смысловое наполнение этого универсального концепта, что позволяет глубже понять философию жизни, предложенную художником, помогает в некоторой степени реконструировать индивидуально-авторскую картину мира, вносит новые акценты в понимание глубинных истоков ведущих мотивов её творчества.

Ключевые слова: детство, художественный концепт, концептосфера, проза Л. Улицкой.

Детство является сложным общекультурным феноменом. В толковых словарях русского языка детство — «ранний, до отрочества возраст; период жизни в таком возрасте» [Ожегов 1999: 163]. В психологии и физиологии детство также трактуется как один из этапов онтогенеза, определяемый конкретными возрастными рамками (это не вся жизнь человека, а лишь определённый период). Данные Русского ассоциативного словаря свидетельствуют о том, что с одной стороны, детство осмысляется как *счастливая, светлая, беззаботная, радостная, хорошая*, но *невозвратимая* пора человеческой жизни, с другой, — как *трудный, сложный* период [Караулов 2002: 164]. Несмотря на то, что «Детство», как и любой концепт, обладает амбивалентными оценками, всё-таки гораздо чаще оно представлено положительными коннотациями.

Концепт «Детство» не тождествен концепту «Ребёнок», поскольку его лексико-семантическое поле гораздо шире и находится в пространстве концептосферы рядом со «временем», безусловно, вбирая в себя некоторые признаки этого родственного концепта. Особое значение среди них приобретают те, которые характеризуют особенности детского миропонимания, мышления ребенка, его духовную жизнь и эмоциональную сферу. Так, выделенные В. Зеньковским в «Психологии детства» [Зеньковский 1995] детский мифологизм; игра; фантазия; целостность детской души, её наивность и непосредственность, отсутствие в ребёнке всякого раздвоения, искусственности; свобода от стереотипов, норм и условностей, свобода выражения чувств, духовная свобода; творческая энергия и др. формируют околоядерную зону рассматриваемого концепта.

В традиционном культурологическом дискурсе актуализируется условно-метафорическое представление о детстве. Феномен детства в этом случае не ограничивается физиологическими коннотациями, но может быть интерпретирован как «неотъемлемая и вневозрастная компонента личностной парадигмы человека, прежде всего — творца» [Горохова 2009: 331–332]. Анализ ряда философских

Крутий Светлана Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: svetlana_krutij@mail.ru

(Ф. Ницше) и психологических (К. Юнг, Э. Берн, З. Фрейд) теорий изучения личности ребенка позволяет говорить о том, что в структуре концепта «Детство» присутствует креативная составляющая. В христианской традиции детство рассматривается как сущностная и совершенная часть человеческого «я».

Указанные значения, относящиеся к центральной зоне смысла концепта «Детство», по-разному варьируются в художественных произведениях разных писателей, обогащаясь индивидуально-авторскими представлениями об этом многогранном феномене. Анализ контекстуальных воплощений концепта «Детство» в прозе Л. Улицкой позволяет глубже понять философию жизни, предложенную художником, вносит новые акценты в понимание глубинных истоков ведущих мотивов её творчества.

В функционировании концепта «Детство» в творчестве Л. Улицкой выделяются две противоположные тенденции. Согласно первой, традиционной, детство осмысливается как прекрасная пора человеческой жизни, «счастливейшие часы» («Казус Кукоцкого»), «милое, радостное, золотое, счастливое время» («Медея и её дети»). Значимой для персонажей становится память о детстве — автор широко использует художественный приём воспоминания героев о детских годах и родной семье. Эти воспоминания зачастую вызывают сложные, противоречивые чувства («умиление, гнев, тоску и нежность»), но они никогда не оставляют равнодушными. Воспоминания о детстве становятся своего рода источником собирания распавшегося «я».

В детстве душа обнажена, ещё не загроубела, а сознание ещё свободно от приобретённых с опытом шаблонов. В это время восприятие чище и острее, а реакции — непосредственнее. Поэтому ребёнок как никто другой чувствует взаимосвязь людей, родственность каждого каждому. В рассказе «Старший сын» (цикл «Тайна крови») неделю плохо спавший от переживаний отец открывает своему неродному сыну правду, а в ответ слышит: «Пап, и это всё, что ты хотел мне сказать?» [Улицкая 2006: 124]. Автор подчёркивает, что главное не кровное родство людей, а внутренняя связь, и в детстве человек это понимает на подсознательном уровне. Но чем старше он становится, тем дальше отдаляется от источника жизненных сил — своего «я», тем тщетнее становятся его попытки собрать мир из разрозненных осколков. С годами у человека появляется страх, который мешает двигаться вперёд, сковывает мысли, желания, надежды. Если ребенок действует бессознательно, интуитивно, то взрослое сознание плутает в «мнимой возможности поступить иначе» [Юнг 1997: 71].

Умение сохранить в себе качества, присущие детям, по мнению автора, — настоящее искусство, доступное не каждому. Рассматриваемый концепт «Детство» приобретает у Л. Улицкой положительные коннотации и в случае, когда отражает авторское представление о детстве как особом характере мироощущения того или иного персонажа. Детскость (сохранение взрослой личностью свойств, присущих детской) становится ценностной категорией в художественном сознании Л. Улицкой. Не случайно её героини, обладающие неким тайным знанием, наделены чертами, присущими детству: доверчивостью, искренностью и мечтательностью — Сонечка; душевной чистотой, непостижимой интуицией и светлым, открытым отношением к миру — Медея; «незамутнённой» восприятия, наивностью представлений о мире — Василиса; способностью видеть в привычном

неожиданные и над-обыденные смыслы — хрупкая и нежная Елена Георгиевна Кукоцкая и др. В Елене Георгиевне, занимающей в романе «Казус Кукоцкого» центральное место, актуализированы свойства ранимости, сверхчувствительности, слабости, неординарности. Она воплощает собой образ женщины-ребёнка. Писатель подчёркивает её детскость, которая проявляется как на бытовом (необходимость опоры, беспомощность в хозяйственных делах, крайняя бескомпромиссность в отношениях с мужем), так и на творческом уровне (богатое воображение, игра подсознания, некая абсурдность мышления). Именно этой героине автор даёт возможность совершить «путешествие в седьмую сторону света» (второе название романа) — иную духовную реальность с целью самопознания, миропознания и, в некотором смысле, богопознания. Герои-дети в прозе Л. Улицкой ближе всего оказываются к пониманию космического значения жизни, пониманию места человека в этом мире.

Но в атмосфере всеобщего физического и духовного сиротства, бездуховности, по мысли писателя, практически невозможно сохранить целостность души, моральную чистоту, доверчивость, искренность, простодушие, способность удивляться миру не только взрослому человеку, но и самому обладателю детства — ребёнку. Поэтому вторая тенденция в функционировании рассматриваемого концепта в прозе Л. Улицкой характеризуется представлениями о детстве, как об очень тяжёлом, драматичном периоде человеческой жизни. Зачастую дети в прозе Л. Улицкой — это «маленькие взрослые». Отрицательные коннотации приобретает концепт «Детство» в тех произведениях автора, в которых исследуются истоки развоодушевления людей, в результате которого исчезают духовные традиции, утрачиваются родственные связи, происходит нравственное вырождение личности. В этом случае концепт вбирает в себя такие понятия, как «сиротство», «бездомье», «взрослость».

Автор показывает разные факторы и обстоятельства, способствующие преждевременному, «досрочному» взрослению детей. В рассказе «Капустное чудо», воссоздающем атмосферу бесприютной послевоенной действительности, Л. Улицкая раскрывает изменения, происходящие в юной душе, столкнувшейся с жизненными сложностями, сиротством. Внешне это проявляется в преждевременном увядании, «старении» Дуси и её младшей сестры, на что указывают авторские детали при описании внешнего облика девочек («две *сгорбленные девочки*»), а также речевые характеристики старшей из них («*горестно, по-взрослому, причитала*»). В плане внутреннего состояния данный процесс характеризуется стремлением девочек к замкнутости, изолированности от внешнего мира («*с городскими ребятами не сошлись*», «*интереснее было сидеть в комнате*»). Происходит своего рода герметизация эмоциональной и духовной свободы ребёнка, вся личность его приобретает печать какой-то забитости, придавленности. Глаза таких детей уже не смотрят весело и открыто, в них часто видны страх, робость, какая-то скованная напряжённость («*исподлобья смотрели одинаковыми круглыми глазами*»), движения — осторожные, робкие, нерешительные («*девочки испуганно жались друг к дружке*»). Но автор не теряет надежду на их счастливое будущее, поэтому в финале рассказа обретшие семью в лице старухи Ипатьевны, приютившей их, сиротки Дуся и Ольга оказываются ещё способны воспринять упавший к их ногам заветный кочан капусты как свершившееся чудо.

Гораздо более губительным для нежной детской души, нежели физическое сиротство, по мысли автора, оказывается сиротство духовное. В рассказе «Приставная лестница» в центре внимания автора — семья социально неблагополучная. Семилетняя Нина, взявшая на себя обязанности по воспитанию младших братьев, — постоянная свидетельница семейных ссор, скандалов, пьянства родителей. Суровое, небрежное отношение со стороны близких людей искажает её детскую психику, уродует чистую детскую душу. «Умная не по годам» Нина после возвращения домой безногого отца из госпиталя рассуждает: *«Убить бы его <...> Но как тогда с комнатой быть? Без чёрта этого безногого не дадут!»* [Улицкая 2006: 29]. Физическое увечье отца девочки становится продолжением его душевной ущербности. Деструктивный характер поведения ребенка в данном рассказе является формой выражения духовного разлада, разрыва поколения детей с поколением взрослых. Инверсия архетипической составляющей концепта «Детство» становится показателем отступления от универсальных ценностей, в числе которых оказались дом и семья.

Через взаимопроникновение концептов «Детство», «Дом», «Семья» и «Судьба» в романе «Казус Кукоцкого» Л. Улицкая открывает первоисточники нравственности, гармоничного развития личности. На примере двух детских образов Татьяны Кукоцкой и Тамары Полосухиной автор показывает зависимость детских характеров и темпераментов, способностей и возможностей от внутрисемейных отношений; моделирует два варианта развития жизненного сценария. Один из центральных персонажей романа — Павел Алексеевич Кукоцкий — в воспитании дочери руководствуется негласным принципом: *«Лучший способ сделать детей хорошими — сделать их счастливыми»* (О. Уайльд). Отсюда вполне естественно его желание *«посадить дочку <...> под стеклянный колпак, чтобы защитить от сквозняков, грубости, всех шероховатостей мимотекущей жизни»* [Улицкая 2007: 30]. Актуализируя семейные ценности, автор показывает, что Татьяна, выросшая в атмосфере любви и заботы, тепла и взаимопонимания, сохраняет на всю жизнь непосредственность, душевную чистоту, светлое и открытое восприятие мира, нетривиальный взгляд на окружающие вещи, способность любить, радоваться жизни и с улыбкой принимать все испытания судьбы. Гармоничное, цельное сознание не раздражает героиню на тысячи мыслей, позволяет почувствовать ту свободу, которая способна сделать по-настоящему счастливой.

Тамара же, рано потерявшая мать и лишившаяся родного дома (её дом — гараж с земляным полом), имеет особый тип сознания и отношения к миру — потребительское, которое выражается в стремлении обрести материальные блага, извлечь личную выгоду в складывающихся обстоятельствах. Сравнивая героиню с мышью, автор подчёркивает внешнюю и внутреннюю «малость», невыразительность героини: серость, робость, отсутствие собственного мнения. Потеря семьи в детстве Томи осмысливается автором как «расчеловечивание», бездомье становится состоянием её души. Автор снова возвращается к мысли о том, что пережитые в детстве душевный надлом, боль сиротства, искажают психику ребенка, заставляют воспринимать мир враждебно, что в свою очередь губительно сказывается на судьбе последующих поколений, приводит к повторяемости негативного жизненного сценария.

В своих произведениях Л. Улицкая поднимает вопрос о необходимости наиболее гармоничного проживания детства каждым человеком, поскольку в этот прекрасный период жизни закладываются основы нравственности, формируются его личность, моральные и эстетические предпочтения, которые, в конечном счёте, и определяют вектор человеческой судьбы. Детство, по мысли автора, — «тот первоначальный рисунок, по которому будет развиваться весь последующий узор жизни» [Улицкая 2007: 265].

В связи с представленными в прозе Л. Улицкой образами детей и взрослых, наделённых детскими чертами, выстраивается ассоциативный ряд, выявляющий взаимосвязь концепта «Детство» с такими категориями и понятиями, как память, дом / бездомье, счастье / несчастье, детскость / взрослость, истина, судьба, образующими периферию концепта «Детство», его интерпретационное поле.

ЛИТЕРАТУРА

- Горохова О. В. Детскость творческой личности в русской культуре XX века // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2009. — № 99. — С. 331–334.
- Зеньковский В. В. Психология детства. — Екатеринбург: Деловая кн., 1995. — 348 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 939 с.
- Русский ассоциативный словарь: в 2 т.: от стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова и др. — М.: Астрель: АСТ, 2002. — Т. 1 — 784 с.
- Улицкая Л. Е. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы. — М.: Эксмо, 2007. — 383 с.
- Улицкая Л. Е. Люди нашего царя. — М.: Эксмо, 2006. — 365 с.
- Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого: роман. — М.: Эксмо, 2007. — 462 с.
- Юнг К. Божественный ребенок. — М.: Олимп: АСТ — ЛТД, 1997. — 398 с.

ULITSKAYA'S ARTISTIC WORLD IN THE LIGHT OF CONCEPT “CHILDHOOD” (ON THE ANTHOLOGY OF LITERARY CONCEPTS)

S. M. Kruty

The article considers concept “Childhood” and its functional peculiarities in the context of Ulitskaya’s conceptual sphere. The analysis of the structure and essence of the universal concept promote deeper understanding of life philosophy introduced by Ulitskaya. It also helps to reconstruct the writer’s world-image and to lay new emphasis on the main sources and motifs of her works.

Key words: childhood, artistic concept, conceptual sphere, L. Ulitskaya’s prose.

© 2011

А. Н. Михин

БИБЛЕИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ *ЧАДО*, *СЫН*, *ДЕТИ* И ИХ СУДЬБА
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В статье в диахроническом ключе рассматривается судьба библейских фразеологических единиц с компонентами *чадо*, *сын*, *дети*, которые встречаются в древнейших памятниках X–XI вв.

Ключевые слова: фразеологизм, словарь, сын, чадо, семантика, диахронический аспект.

В древнейших славянских памятниках можно обнаружить немало устойчивых словесных комплексов (УСК), в состав которых входят наименования родственников. Особое место среди них занимают УСК с компонентами **сынъ**, **дъци**, **чадо**, **дѣти**: **сынъ давыдовъ**, **дъци давыдова**, **сынове израилеви**, **божин сынъ**, **ѣдиночадын сынъ**, **блждынъ сынъ**, **дъци снѡна**, **дъци вавилѡна**, **дѣтемъ творити**, **чадо авраамѡ**, **чада доуховнаѡ**, **чада же потомъ**, **чадо свѣта** и др. В структуру первичных значений слов **сынъ**, **дъци**, **чадо**, **дѣти** в качестве обязательных входили семы кровного родства и потомства, принадлежности к младшему поколению. В семантической структуре УСК эти семы могли занимать ядерное положение, как, напр., в выражениях **ѣдиночадын сынъ** ‘единственный, единородный сын у родителей’ и **дѣтемъ творити** ‘плодить, родить детей’ [Цейтлин 1994: 205], или оттесняться на периферию единого значения УСК, ср. **чада доуховнаѡ** ‘дети духовные; паства’.

Наиболее активно употреблявшиеся в древнейших славянских текстах УСК с компонентами **сынъ**, **дъци**, **чадо**, **дѣти** попали во «Фразеологический словарь старославянского языка», опубликованный в 2011 г. издательствами «Флинта» и «Наука» [ФССЯ 2011]. Структура каждой статьи этого словаря позволяет не только пронаблюдать функционирование УСК в переведённых на славянский язык библейских текстах, но и проанализировать судьбу каждой зафиксированной библейской единицы, освоенной позднее восточными славянами и сохранившейся в русском языке нашего времени. Далеко не все из описанных в ФССЯ УСК вошли в активный запас современного русского литературного языка.

О конечном результате этого сложного процесса адаптации можно говорить, опираясь на подготовленный санкт-петербургскими славистами В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич и О. И. Трофимкиной «Толковый словарь библейских выражений и слов» (ТСБВиС 2010), который представляет собой самый полный из всех имеющихся в русистике справочников библеизмов. По данным этого словаря, в современном русском литературном языке функционирует шесть библеизмов, в состав которых входят слова *чадо*, *сын*, *дети*. «НЕ ДЕТЕЙ КРЕСТИТЬ [кому, с кем]. Ничто не связывает кого-л. с кем-л.»; «БУДЬТЕ КАК ДЕТИ. Как призыв к искрен-

Михин Артём Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного университета. E-mail: cathphil@masu.ru

ности, бесхитростности, чистоте помыслов, свойственных детям» [Там же: 185]; БЛУДНЫЙ СЫН. Книжн. Или шутол. <...> перен. О том, кто покинул свой круг, привычные занятия в поисках лучшей жизни, но после неудач и разочарований снова вернулся обратно <...> перен. О том, кто ведёт себя не так, как принято, как следует» [Там же: 465]; ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА. книжн. [Там же: 129]; ДЕРЗАЙ [ЧАДО]! Ободряющий возглас, побуждение к какому-л. действию, поступку [Там же: 185]; ДУХОВНЫЕ ЧАДА. Книжн. Паства, прихожане (по отношению к духовнику) [Там же: 498]; ЧАДО (ДИТЯ) СВЕТА. Книжн.-поэтич. высок. О чистом душой человеке, открытом добру, милосердию [Там же: 498].

Однако подлинно библейскими, т. е. восходящими непосредственно к текстам Священного Писания, можно признать не все описанные в данном собрании УСК. Не случайно отсылки к ветхозаветному или новозаветному источнику мы не найдём в ТСБВиС, напр., у выражений *не детей крестить* и *возвращение блудного сына*. Прочие же единицы функционировали как устойчивые уже в X–XI вв. Во всяком случае, и в старославянских, и древнерусских памятниках древнейшей поры их уже не сложно обнаружить среди сверхсловных языковых единиц. Во «Фразеологическом словаре старославянского языка» благодаря семантической, иллюстративной и справочно-этимологической зонам словарных статей можно установить истоки формирования современных значений у многих библейских УСК. Так, ФССЯ свидетельствует о том, что уже в X–XI вв. у оборота **блѣднѣи сынѣ** было два метафорических значения, возникших на основе «сгущения» известной евангельской притчи:

Блѣднѣи сынѣ. 1. Человек, который раскаянием заслужил милосердие Бога. 2. Тот, кто с помощью Бога освободился от грехов. Восходит к евангельскому рассказу о блудном сыне (Лк 15: 11–32) <...> Отношениям отца и сына в притче метафорически уподобляются отношения Господа и человека. «В определении блудный соединились два значения. Первое связано с глаголом блуждать ('скитаться, сбившись с пути'), т. е. блудный — это 'блуждающий, скитающийся по белу свету, ищущий свой путь' (в том числе и духовный). Второе значение восходит к глаголу блудить ('распутничать, развратничать'), следовательно, блудный — это и 'ведущий распутный образ жизни, потерявший нравственные ориентиры'. В русском языке именно эти значения являются внутренней формой (мотивирующим образом) оборота блудный сын» [ФССЯ 2011: 49–50].

Отечественные словари и справочники отражают дальнейшую судьбу библеизма *блудный сын*, который был заимствован древними русичами из богослужебных текстов.

«**Блудный сын** (иноск.) нравственно блуждающий, распутный», пишет в 1902 г. в сб. образных слов и иносказаний «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» лексикограф конца XIX — начала XX столетия М. И. Михельсон [Михельсон, 1, 1994: 59]. Иную грань значения этого оборота подчёркивает в справочнике цитаты и афоризма «Крылатые слова», опубликованном в конце первой трети XX в., С. Г. Займовский: «**Блудный сын** — символический образ вернувшегося в свою среду беглеца, обычно «беспутного» [Займовский 1930: 45]. Конкретизирует это толкование современник и идеологический оппонент С. Г. Займовского, автор толкового словаря общелитературной фразеологии, адресованного большевистски ориентированной молодёжи: «**Блудный**

сын, иносказ. — ‘о людях, оторвавшихся или изменивших своей семье, коллективу, партии и т. п., но в дальнейшем одумавшихся и с раскаянием вернувшихся обратно’ [Овсянников 1933: 36]. Н.С. и М.Г. Ашукины, отразившие состояние фонда библеизмов к середине XX столетия, «примиряют» позиции своих предшественников и отмечают два значения у данного оборота: «...сын, вышедший из повиновения отцу; употребляется в значении: человек беспутный, нравственно нестойкий, но чаще в значении: раскаявшийся в своих заблуждениях [Ашукины 1987: 30]. Ещё одно значение, сформировавшееся во второй половине прошлого века, было отмечено в «Словаре крылатых выражений из области искусства»: «**Блудный сын**. <...> О человеке, который долго отсутствовал и которого ждали» [Шулежкова 2003: 27]. Все три перечисленных выше значения отмечены в «Большом словаре крылатых слов и выражений» начала XXI столетия: «**Блудный сын**. *Ирон. или шутл.* 1. О человеке, вышедшем из повиновения отцу (родителям, наставникам) и вернувшемся с раскаянием. 2. О беспутном, нравственно нестойком человеке; о раскаявшемся в своих заблуждениях и грехах человеке. 3. О ком.-л., долго отсутствовавшем и наконец вернувшемся [БСКСиВ, 1, 2008: 108]. Наконец, К.Н. Дубровина в «Энциклопедическом словаре библейских фразеологизмов» подводит итог тому пути, который был пройден библеизмом за более чем десять веков после проникновения на Киевскую Русь старославянских книг: «**Блудный сын**. *Ирон. или шутл.* 1. Непочтительный сын, вышедший из повиновения отцу и ушедший из родительского дома; человек, порвавший с семьёй (каким-либо коллективом, группой, сообществом) в поисках иных занятий, новой среды и т. п. 2. Беспутный, нравственно нестойкий человек. 3. Человек, раскаявшийся в своих заблуждениях и грехах после постигших его неудач. 4. Кто-либо долго отсутствовавший и наконец вернувшийся» [Дубровина 2010: 45]. Отметим попутно, что высокая степень «освоенности» данного оборота в русском литературном языке подтверждается тем, что на его базе возникла фразеологическая серия, единицы которой, построенные по модели «блудный»+ сущ. со значением лица, обладают общей комплексной семой ‘кто-л. сбившийся с истинного, праведного пути’: *блудный отец*, *блудный зять*, *блудная дочь*, *блудная мать*, *блудный директор* и т. д. Причины столь активной жизни библеизма, возможность его употребления не только в книжном, кодифицированном языке, но и в обыденной речи можно объяснить многими причинами, но главные из них — популярность самой притчи о блудном сыне, использование её мотивов в различных видах и жанрах искусства (живописи, художественной литературе, музыке, кинематографе и т. д.), продуктивность синтаксической конструкции (П + сущ.), отсутствие в составе оборота архаических элементов.

Большинство УСК интересующей нас группы после Октябрьской революции ушло в пассивный запас из-за неактуальности своей сугубо религиозной семантики в условиях господства атеистического мировоззрения в стране (*сынъ давыдовъ*, *божин сынъ*, *сынове израилеви*, *кдиночадъин сынъ* и пр.), что не исключило их постепенного возвращения в литературный язык при складывании новой правовой и культурной ситуации, когда укрепились позиции Православной церкви (1980-е — 2000-е гг.). Другая группа УСК перестала употребляться в силу архаичности своей структуры и / или компонентного состава (*чада паже потомъ*, *дѣтемъ творити*, *дѣщи вавилоня*, *дѣщи давыдова* и др.). Третья

группа УСК «осела» в книжном языке. Они, как правило, обладают обобщённым метафорическим значением и находят применение в высоком поэтическом слоге или в публицистике. К их числу можно отнести выражение **чадо свѣта**. Вот как описана эта единица во «Фразеологическом словаре старославянского языка»:

Чада свѣта, свѣтоу. Люди, обращённые в христианскую веру, добродетельные, праведные. Носители христианской морали.

Апостол Павел в Послании Ефесянам призывает их поступать так, как должны поступать «чада света». Раньше, не будучи христианами, считает Павел, ефесяне пребывали в нравственной «тьме» и были подвержены порокам, свойственным язычникам; участвовали в тех делах, в которых христианам не подобает участвовать. Теперь они, вчерашние язычники, сами стали носителями евангельского света и чистоты. Христианская мораль обязывает их вести добродетельную, праведную жизнь, отказаться от всего ложного, безнравственного, ибо они стали *чадами света* [ФССЯ 2011: 395–396].

Препятствием к широкому употреблению оборота **чадо свѣта** в русском литературном языке «стала судьба его первого компонента, у которого в послеоктябрьский период в силу разных обстоятельств изменился регистр стилистических и эмоционально-экспрессивных коннотаций, другой стала сфера <...> употребления» [Шулежкова 2004: 54]. Ещё во времена А. С. Пушкина слово *чадо* входило в активный словарный запас носителей русского языка и могло употребляться в значении ‘дитя, ребёнок’ без шутливо-иронического оттенка. Кроме того, в составе перифрастических оборотов, наряду с лексемой *сын*, слово *чадо* могло обозначать лиц по роду их деятельности или для характеристики человека как носителя каких-л. свойств, качеств или как порождения чего-л. [Словарь языка Пушкина, 4, 2001: 904]: *чада Беллоны*, *чада славы*, и др. Впервые употреблённое А. С. Пушкиным выражение *чада праха* обыкновенные земные люди, лишённые божьей искры, таланта было широко растиражировано литературными критиками и публицистами после выхода в свет трагедии «Моцарт и Сальери» (1831). Пьеса имела большой успех, что, в конечном счёте, привело к возникновению антонимии между новой, экспрессивно заряженной единицей *чада праха* и устоявшейся *чада света* и более активному употреблению обеих этих единиц в русском литературном языке.

В целом, УСК, восходящие непосредственно к текстам Священного Писания, попадая в активный запас русского языка как на благодатную почву, не только обогащали русский литературный язык, но и сами обогащались новыми значениями, смысловыми оттенками, реализуя заложенный в них потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

Аиукины 1987: Аиукин Н. С., Аиукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. — 4-е изд., доп. — М.: Худож. лит., 1987. — 528 с.

БСКСиВ: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск; Greifswald: MaГУ; Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 808 с.

Займовский С. Г. Крылатое слово: справочник цитаты и афоризм. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. — 492 с.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. — М.: Рус. слов., 1994.

Овсянников В. З. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. — М.: Молодая гвардия, 1933. — 361 с.

Словарь языка Пушкина.: в 4 т. / отв. ред. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 2-е изд., доп.— М.: Азбуковник, 2001. — Т. 4. — 1232 с.

ТСБВиС.: Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / сост. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 639, [1] с.

ФССЯ: Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 единиц / отв. ред. С. Г. Шулежкова, — М.: Флинта: Наука, 2010. — 415 с.

Цейтлин: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. — М.: Рус. яз., 1994. — 842 с.

Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1000 крылатых выражений. — М.: Азбуковник: Рус. слов., 2003. — 430 с.

Шулежкова С. Г. Выражение *чадо праха* и слово *прах* в сочинениях А. С. Пушкина // Пушкин: альманах / под ред. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ, 2004. — Вып. 4. — С. 45–56.

BIBLICAL SET PHRASES WITH COMPONENTS *ЧАДО*, *СЫН*, *ДЕТИ* AND THEIR FATE IN LITERARY RUSSIAN

A. N. Mikhin

The article presents diachronic treatment of biblical set phrases with components *чадо*, *сын*, *дети* (child, son, children) that are used in ancient manuscripts of the 10th–11th centuries.

Key words: set phrase, dictionary, son, child, meaning, diachronic aspect.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2011

Л. П. ДЯДЕЧКО. Вокруг да около рекламы: фразообразовательный словарь. — Киев: Изд. дом «Аванпост-Прим», 2007. — 415 с.

La reclame — c'est l'âme de commerce — гласит старое французское изречение. Видимо, из-за благоговейного отношения русского человека к понятию «душа» оно было переведено у нас в начале XX в. не буквально («Реклама — душа торговли»), а более прямолинейно: «Реклама — двигатель торговли». И мы, русские, с конца прошлого века действительно убедились в бездуховной нахрапистости рекламы, в её мощной динамичности и прагматической беспощадности. После дефицитного советского времени, когда товары не доставляли, а «выбрасывали», когда их не продавали, а «давали», а мы их не покупали, а «доставали», современная жизнь вдруг резко поменяла роли продавца и покупателя. Товарное изобилие не только дало нашему покупателю право выбора, но и породило всё ускоряющуюся и всё более изощрённую борьбу за него, выбирающего объект купли. А раз так, то реклама стала мощным средством «подсказки» этого выбора. Собственно говоря, даже не «подсказки», а насильственного навязывания товаров, перепроизводимых обществом изобилия. Хотим мы или не хотим поглощать рекламу, она врывается в нашу жизнь на каждом шагу, резко прерывает плавное течение любимых телефильмов, настигает в метро и забивает наши почтовые ящики.

Реклама, создающая мифологию современных массовых вожделений, стала регулятором массового поведения, поскольку её главное назначение — воздействовать на наше сознание и детерминировать поведение тех, кому она предназначена. Эта основная функция рекламы делает её важнейшим объектом изучения специалистами по маркетингу, социологами, психологами и лингвистами. Уже поэтому Словарь известного киевского специалиста по интертексту проф. Л. П. Дядечко является актуальным по проблематике и социально значимым.

Основная цель этого Словаря — описать наиболее частотные и популярные образчики современной русской рекламы, ставшие уже крылатыми и «распавшиеся» на фразеологизмы и пословицы. Отсюда и широкое обращение автора к виртуальной реальности, создаваемой средствами языка рекламы, и раскрытие основных специфических свойств последней средствами лексикографии. Как увлеченный новой языковой зоной лексикограф Л. П. Дядечко вдумчиво использует опыт предшественников, существенно уточняет понятийный аппарат, предлагая словарную квалификацию языка рекламы как многокомпонентного целого и выявляя его семантические доминанты описываемых ею «рекламных роликов».

В предисловии, метко названном «Реклама — двигатель фразеологии»

Л. П. Дядечко детально анализирует основные параметры рекламного творчества и функционирования рекламы. Как эптолог автор ищет аргументы в пользу отнесения популярных рекламных роликов и их фрагментов к крылатым словам и выражениям. Известно, что классическим признаком последних издавна называется принадлежность к конкретному автору — независимо от того, действительным, «первородным» такой автор является или мнимым, индивидуальным или (как в крылатых оборотах фольклорного происхождения) коллективным. Подчёркивая, что «решающим условием закрепления в языке той или иной рекламной цитаты является её актуальность, востребованность обществом» (с. 7), автор доказывает эптологический статус соответствующих единиц. При этом Л. П. Дядечко не скрывает определённой маргинальности этих единиц, отмечая, что рекламные устойчивые сочетания занимают «среднее положение между популярной цитатой и крылатым выражением» (с. 13) и диалектично обосновывая такой их статус.

Как фразеолога автора интересует прежде всего процесс фразеологизации на основе рекламных цитат. Именно этому процессу в Словаре уделяется перво-степенное внимание, что отражено и в подзаголовке Словаря, и в чётком определении и обосновании его жанра как **фразообразовательного** (с. 10 и сл.). Действительно, историко-этимологическая и источниковедческая направленность Словаря несомненны, так же как и избранный Л. П. Дядечко **динамический** принцип описания материала. Динамичность отражается как в самом ярком и злободневном материале его корпуса, так и в максималистском стремлении уловить и квалифицировать всё разнообразие вариантов рекламной цитаты в её текстуальной вибрации и всех переливах смысла. Собственно, и композиция словарной статьи подчинена этому принципу динамизма. Практически в каждой словарной статье начертан маршрут движения рекламной цитаты к фразеологической единице — через цитату-реминисценцию и крылатое выражение. Это движение, между прочим, соответствует закону взаимодействия мысли и речи, в своё время описанному А. А. Потебнёй, видевшему истоки каждого слова в первичном эксплицитном тексте. Рекламные ролики, как кажется, демонстрируют актуальность этого процесса и в наше время.

Ценным источником для исследования современной фразеологии, используемой в наших масс-медиа, являются, как уже говорилось, сами иллюстрации, которые демонстрируют путь от рекламной цитаты к устойчивому фразеологизму. Система помет позволяет неплохо ориентироваться в большинстве вариантных мутаций, порождаемых употреблением рекламных единиц в текстах разного порядка. Уместным и инновативным является включение в корпус таких цитат массы иллюстраций, извлечённых из Интернета. Именно такой материал особенно динамизирует картину жизни современных рекламных роликов. Так, динамическая вибрация старого европейского и нового российского рекламного афоризма *Клиент всегда прав* (с. 245) в интернетном зеркале порождает своеобразную вариантную «сагу», где главный герой афоризма не только оказывается неправым (для работников милиции), но и становится косым (для окулистов), зайцем (для контролёров), дебилом (для чиновников) и даже козлом (для работников всех заведений). Так контекстная жизнь рекламных роликов диалектически опровергает их исходный смысл, умножая тем самым экспрессию, столь необходимую для их фразеологизации.

Словарь Л. П. Дядечко, как и каждый хороший словарь крылатых слов и выражений, становится, в сущности, собранием очерков о самых популярных рекламных оборотах с их полнометражным описанием — от истоков до новейших употреблений. Такие цитаты, как *Белое не надевать, обтягивающее не носить и не танцевать* (с. 55 и сл.) или *Самая надёжная защита в критические дни* (с. 246 и сл.) благодаря настойчивой индоктринации в рекламе давно уже вышли из своего узко гендерного окружения и, судя по богатому арсеналу контекстов, представленному в Словаре, стали полноправным достоянием мужского дискурса, порождая уместные и неуместные шутки. Фонтанирование же таких цитат, как *Ваша киска купила бы «Вискас»* (с. 159 и сл.), *Вы всё ещё кипятите? Тогда мы идём к вам!* (с. 183 и сл.), *Не дай себе засохнуть!* (с. 260 и сл.), *Почувствуйте разницу!* (с. 354) или *Одеколон не роскошь, а гигиена* (с. 319) поражает самое изощрённое филологическое воображение. Л. П. Дядечко сумела при этом столь дифференцированно отформатировать струи такого яркого словесного фонтана, что многоцветие вариантов этих интертекстов не производит впечатления вариантного хаоса. Наоборот — если следовать избранному составительницей руслу словарной статьи, то легко уловить систему, направляющую струи рекламного фонтана в достаточно обозримые типы вариантов.

При всей основной нацеленности Словаря на современные рекламные тексты автор не упускает возможности охарактеризовать и те немногие образчики советской рекламы, которые также вошли в нашу эптологическую копилку. Такова, например, весьма яркая словарная статья *Нигде, кроме как в Моссельпроме*, представляющая собою отрывок из рекламы, написанной в 1923 г. В. В. Маяковским (с. 283 и сл.). Разумеется, представлен в Словаре и паноптикум недавно популярных, но уже устаревающих цитат — типа *У МММ нет проблем* (с. 394). Весьма уместны и инкрустации в словарь русских крылатых выражений украинских цитат. И не только потому, что Л. П. Дядечко — киевлянка и её Словарь издан в столице Украины. Но и потому, что рекламное пространство России и Украины не могут, к счастью, разделить никакие политические переделы и многие русскоязычные потребители рекламы и ценители яркого слова знакомы с крылатыми выражениями на украинском языке. Вот почему рекламный слоган *Взула і забула!* употребляется и в русском написании (*Взула и забула!*), и в русскоязычных средствах массовой информации, что прекрасно иллюстрирует соответствующая словарная статья (с. 176–182).

Рекламируя Словарь Л. П. Дядечко широкому читателю я, правда, хотел бы оспорить основной рекламный пафос последнего выражения. В отличие от итальянской обуви «Кармен», которая вышла на украинский рынок в середине 90-х годов прошлого века и — несмотря на её удобства и интенсивное рекламное тиражирование всё-таки снашивается и действительно забывается, Словарю «Вокруг да около рекламы» уготована гораздо более длительная жизнь, его невозможно будет сразу же «взути та й забути». Сочетание теоретической оснащённости, лингвистической и культурологической эрудированности с тонким анализом конкретных языковых фактов сделало словарные статьи этой книги ценным памятником современного русского языка как в России, так и в Украине. Язык рекламы предстаёт в Словаре как эффективное средство формирования виртуальной действительности с высоким прагматическим потенциалом. И до тех пор, пока рекламные

эптонимы будут востребованы современной жизнью, которая всё более зависима от рекламы, и рецензируемый словарь не будет предан забвению. Во всяком случае — так быстро, как обувь марки «Кармен» или — тем более — МММ, у которого когда-то не было проблем. Долгая жизнь Словарю Л. П. Дядечко обеспечена.

В. М. Мокиенко¹

© 2011

Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 ед. / Науч.-исслед. словар. лаб. МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова, чл. редкол.: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 424 с.

До выхода в свет второго издания (2009) двухтомного «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» проф. С. Г. Шулежкова как руководитель Словарной лаборатории и проф. кафедры общего языкознания и истории языка приступила к подготовке фундаментального фразеологического труда по исторической фразеологии. Материалом для фразеологического описания послужила картотека, созданная из всех известных науке старославянских памятников, датированных X–XI вв. К созданию этого труда коллектив С. Г. Шулежковой подходит очень серьёзно, трепетно. В 2006 г. магнитогорцы опубликовали «Фразеологический словарь старославянского языка. Проспект» [Проспект 2006] на 338 страниц, который в сущности представляет собой индекс сочетаний, отобранных из старославянских текстов. В 2009 г. были опубликованы «Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка» [Материалы... 2009] на 290 страниц. В них вошло около 350 единиц. «Материалы...» представляют собой статьи, посвящённые одной лексико-синтаксической единице, или, как её называет С. Г. Шулежкова, устойчивому словесному комплексу (УСК). И наконец, в 2011 г. издательством «Флинта: Наука» опубликован «Фразеологический словарь старославянского языка» на 424 страницах [ФССЯ 2011]. В этом труде описана 1/5 часть имеющегося в распоряжении магнитогорских учёных фонда. «Лексико-синтаксические формулы» [ФССЯ 2011: 142–145] описываются в соответствии с принципами, охарактеризованными во вводной части «От редактора» [ФССЯ 2011: 3–30].

Три названные книги являются своеобразной увертюрой к тому целому, которое будет первым полным по количеству исследованных памятников трудом, единицы в котором будут лингвистически описаны.

Мокиенко Валерий Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета; главный научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ; профессор Института славистики Университета им. Эрнста Морица Арндта (г. Грайфсвальд, Германия). E-mail: mokienko40@mail.ru

Приветствуя создание такого труда, желая составителям терпения, упорства и благополучного завершения первого среди исторических лексических словарей уникального свода, выскажу несколько замечаний.

1. Готовящийся труд не должен называться *словарём*: в нём будут описываться *сочетания* разного типа, употреблённые в текстах определённого содержания тысячелетней давности, сохранившиеся до настоящего времени.

2. Готовящийся труд не может называться *фразеологическим*, потому что употреблённые в нём сочетания *не обладают*, судя по имеющимся употреблением, *всеми признаками фразеологизма*.

3. Судя по фактам, приводимым в «Материалах...» и «Фразеологическом словаре...», сочетания являются средствами обозначения предметных, процессуальных, призначных, качественно-обстоятельственных понятий, т. е. относятся к сфере номинативных единиц с цельным значением и раздельной формой. Это сближает древнейшие сочетания с фразеологизмами современного языка.

4. Очень ценными для современного русского языкознания считаю приводимые во «Фразеологическом словаре...» и в «Материалах...» факты повторяющихся сочетаний [Материалы... 2009: 11–112; ФССЯ 2011: 186, 188], по которым можно судить о продуктивности отдельных сочетаний в языке того периода и возможности перехода таких сочетаний в разряд фразеологических позднейшего времени.

5. Чрезвычайно ценной считаю информацию о продуктивности двухкомпонентных сочетаний и устойчивости в языке X–XI вв. синтаксических моделей словосочетаний, которые без грамматических изменений дошли до языка нашего времени.

6. Думаю, что составители названного труда понимают чрезвычайную ценность всех и всяких синтаксических моделей, типов конструкций для изучения морфологии, синтаксиса, фразеологии, семантики единиц современного русского языка. Поэтому за пределами первого свода сочетаний, или УСК, не должно остаться никаких конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

Лопутько О. П. Древнерусская устойчивая формула как архаический иконический знак // И вновь продолжается бой: сб. науч. ст., посвящённый юбилею проф. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ, 2010. — С. 142–145.

Материалы...: Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка / под ред. С. Г. Шулежковой; Науч.-исслед. словарь. лаб. — Магнитогорск: МаГУ, 2009. — 290 с.

Перспектив: Фразеологический словарь старославянского языка. Перспектив / под ред. С. Г. Шулежковой. — М.; Магнитогорск: ЭЛПИС: МаГУ, 2006. — 340 с.

ФССЯ: Фразеологический словарь старославянского языка / под ред. С. Г. Шулежковой; Науч.-исслед. словарь. лаб. МаГУ. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 424 с.

А. М. Чепасова

Чепасова Антонина Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: savelyevacspu@yandex.ru

В. Ф. ХАЙДАРОВА. Слова, из которых соткана Сеть: краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. / под ред. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ, 2011. — 322 с.

Современному человеку невозможно представить жизнь без интернета, он качественно изменил нашу коммуникацию, мы получили уникальную возможность в секунды передавать и получать информацию из любой точки земного шара. Развитие глобальной компьютерной сети способствовало изменению и развитию языковой системы, в частности русского языка. В результате общения в Интернете возник целый пласт языковых единиц, созданных той или иной социальной группой пользователей данного вида коммуникации. Естественно, что возникла насущная потребность изучить эту разновидность языка, определить пути и способы образования и развития лексем, являющихся неологизмами, описать особенности их функционирования в интернете. Исследованием такого пласта русской лексики и фразеологии уже несколько лет занимается В. Ф. Хайдарова (г. Магнитогорск). Результаты исследования автор представил в словаре «Слова, из которых соткана Сеть: краткий словарь интернет-языка», изданном Научно-исследовательской словарной лабораторией Магнитогорского государственного университета, которой руководит доктор филологических наук, профессор С. Г. Шулежкова.

Чем интересен этот словарь? Во-первых, создан он для широкого круга читателей, а не только для специалистов, пользоваться им может любой человек, интересующийся интернет-общением; во-вторых, в словаре приводится тезаурус языковых единиц, которые обозначают не только термины интернета и его программных составляющих, необходимые для пользователей (*байт, баннер, веб, блог, логин* и т. п.), но и элементы, отражающие специфику общения различных социальных групп (*глюк, зачОт, ТЯ, тырнет* и т. п.).

Структура словарной статьи носит достаточно насыщенный информативный характер как в плане семантики, так и грамматики языковых единиц. В. Ф. Хайдарова приводит варианты анализируемых слов (*вирт / виртуал, вирус / вир / вирь*), указывает на частеречную принадлежность, многозначность слова даётся в хронологическом порядке развития значений, указаны системные связи слова с другими словами — омонимы, синонимы, антонимы. Особого внимания заслуживает этимолого-культурологическая справка, содержащая сведения о происхождении слова, особенностях его употребления. Автор даёт возможность читателю значительно расширить представление о семантическом наполнении слова, увидеть, какая словообразовательная цепочка образуется в результате проникновения в русский язык иностранного слова или вновь образовавшегося немотивированного русского слова (напр., *кавай, кавайно, кавайность, кавайный*).

Словарные статьи хорошо проиллюстрированы, со ссылкой на интернет-источник, с сохранением «авторского правописания и элементов произношения», что свидетельствует о достоверности научного исследования. Словарь содержит 350 словарных статей, что, конечно, расширяет наше представление о языке ин-

тернета. В конце словаря дан указатель слов с номером страницы, на которой данное слово употреблено, и список литературы.

Словарь можно использовать не только как справочное пособие, но и как увлекательное «путешествие» в мир сетевых легенд, мифов, шуток, которые описывают жизнь и увлечения постоянных пользователей Сети. Каждому, кто пользуется интернетом и кому не безразлична «судьба слов», советую познакомиться с этим словарем и получить научную и достаточно интересную информацию о языковом наполнении виртуального общения.

Г. А. Шиганова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	— Академия наук СССР
АПН СССР	— Академия педагогических наук СССР
АСУ	— Автоматизированная система управления
АТЭС	— Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества
БАС	— Большой академический словарь (Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Москва)
БЗНС	— Болгарский Земледельческий народный союз
БКП	— Болгарская коммунистическая партия
БКСК; БСКРЯ	— Большой словарь крылатых слов русского языка. Москва
БКСКиВ	— Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Магнитогорск; Greifswald
БСРП	— Большой словарь русских пословиц. Москва
БФ	— библейский фразеологизм
БФСРЯ	— Большой фразеологический словарь русского языка. Москва
ГЕРБ	— Граждане за европейское развитие Болгарии
ДПС	— диахронический переводный словарь-справочник
ДПС	— Движение за права и свободу
ДРЯ	— древнерусский язык
ДФСТ	— Фразеологический словарь-тренажёр для детей
ЕКСЈ	— Электронски корпус српског језика
ЕС	— Европейский союз
ИЛИ РАН	— Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
ИНИОН СССР	— Институт научной информации по общественным наукам СССР
ИПЕ	— процессуальные единицы с императивной семантикой
ИПТ	— Информационно-поисковый тезаурус (гипертекстовый)
ИРЯ РАН	— Институт русского языка Российской Академии наук
КВ	— крылатое выражение
КДРС	— картотека древнерусского языка
КЕ	— крылатая единица
КИИС «ИСТОК»	— Корпусная информационно-исследовательская система «Исследование словаря, текстовых особенностей, конкордансов»
КУЭ	— кортеж условной эквивалентности
ЛАРНГ	— лексический атлас русских народных говоров
ЛЕ	— лексическая единица
ЛОКЛЛ	— Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
ЛП	— лексический прототип
ЛСВ	— лексико-семантический вариант
ЛСП	— лексико-семантическое пространство
МАС	— Малый академический словарь (Словарь русского языка в 4 т. Москва)
МФРЯ	— Машинный фонд русского языка
НДСВ	— Национальное движение «Симеон Второй»
НКА	— национально-культурные ассоциации
НКРЯ	— Национальный корпус русского языка
ННКМ	— нормативно-научная картина мира
ОРД	— организационно-распорядительная документация
ПАС	— Польский аксиологический словарь
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва; Новосибирск
ПМА	— полевые материалы автора

ПМФЭЭЮФУ	—	полевые материалы фольклорно-этнолингвистической экспедиции Южного федерального университета
ПФ	—	прецедентный феномен
РАС	—	Русский ассоциативный словарь. Москва
РГАДА	—	Российского государственного архива древних актов. Москва
РКИ	—	русский язык как иностранный
РНБ	—	Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург
РР	—	разговорная речь
РСЈ	—	Речник српског језика. Нови Сад.
САН	—	Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Ленинград
САНУ	—	Српска академија наука и уметности
САС	—	Славянский ассоциативный словарь. Москва
СБШ	—	Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. Санкт-Петербург.
СГГД	—	Собрание государственных грамот и договоров
СДС	—	Союз Демократических сил
СДЯ XI–XIV	—	Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Москва
СПП	—	Словарь псковских пословиц и поговорок. Санкт-Петербург
СРНГ	—	Словарь русских народных говоров. Ленинград-Санкт-Петербург
СУС	—	Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. Москва
СФС	—	Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск
ТКС	—	Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена
ТПЛФ	—	традиционно-поэтическая лексика и фразеология
ТРКИ	—	тестирование по русскому языку как иностранному
УДЖ	—	«Успешная деловая женщина»
УС	—	устойчивое словосочетание
УСК	—	устойчивый словесный комплекс
ФЕ	—	фразеологическая единица
ФО	—	фразеологический оборот
ФСРНГ	—	Фразеологический словарь русских народных говоров (проект)
ФСС	—	Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск
ФССРЛЯ	—	Фразеологический словарь современного русского литературного языка. Москва
ЯКМ	—	языковая картина мира
CEPD	—	Cambridge English Pronouncing Dictionary
HNK	—	Hrvatski nacionalni korpus
IPA	—	International Phonetic Association
LPD	—	Longman Pronunciation Dictionary
PERL	—	Practical Extraction and Report Language
PHP	—	Preprocessor of Home Pages
SQL	—	Structured Query Language

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово С. Г. Шулежковой.....	3
---	---

ФИЛОЛОГИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

<i>Глинкина Л. А.</i> (Челябинск) — Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеологии.....	7
<i>Фролов Н. К.</i> (Тюмень) — Этимология и энциклопедика как аспекты лексикографии.....	12
<i>Лазич-Коњик И., Гочанин М.</i> (Сербия, Белград) — О неким проблемима српске дескриптивне лексикографије (на примеру обраде лексеме идентитет).....	16
<i>Лазич-Коњик И., Милошевић Ј.</i> (Сербия, Белград) — О лексикографској обради речи које се употребљавају „само“ у изразу“ у речнику сану: стање, потребе и задаци.....	20
<i>Костючук Л. Я.</i> (Псков) — Многоаспектные лингвистические исследования и лексикографическая практика (диахронный и синхронный аспекты).....	25
<i>Лесников С. Н.</i> (Сыктывкар) — Гипертекстовый тезаурус метаязыка науки.....	30
<i>Харченко Е. В.</i> (Челябинск) — Славянский ассоциативный словарь как модель образа мира.....	34
<i>Каламбет Е. В.</i> (Краснодар) — Словарная статья: к вопросу о трансформации жанра.....	40
<i>Ермакова Е. Н.</i> (Тобольск) — Отфраземное словообразование и его отражение в современных словарях.....	45
<i>Ивановић Н. Б.</i> (Сербия, Белград) — Типичан граматички контекст речи и његова обрада у лексикографској пракси (на материјалу из Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ).....	50
<i>Ненашева Ю. А.</i> (Магнитогорск) — К вопросу об использовании международного фонетического алфавита (IPA) при создании произносительных словарей.....	55
<i>Попова Л. В.</i> (Омск) — Полипарадигмальный подход при лексикографическом описании терминологии.....	61
<i>Савельева М. В.</i> (Курган) — Создание частного словаря процессуальных единиц с императивной семантикой.....	63
<i>Савостьянова Ю. И.</i> (Краснодар) — Основные проблемы лексикографического описания системы наименований психоностических наук.....	67
<i>Салеев В. А.</i> (Орёл) — Аспекты нормативно-стилистической характеристики в общих толковых словарях (на материале анализа пометы «просторечное»).....	72
<i>Суровцева Е. В.</i> (Москва) — Принципы создания «Частотного грамматико-семантического словаря языка произведений А. П. Чехова».....	77
<i>Тиханович А. Н.</i> (Череповец) — Способы представления усилительных словосочетаний в словарях разного типа.....	82
<i>Трубина А. С., Хайдарова В. Ф.</i> (Магнитогорск) — Применение нейронных сетей в электронном словаре толково-энциклопедического типа (на материале словаря интернет-языка).....	87

<i>Шведова Н. В.</i> (Курган) — Словарное толкование модели «частица не + предлог до + имя в род. пад.».....	91
<i>Шумарин С. И.</i> (Саратов) — Лексикографическое представление семантических и деривационных процессов в сфере аббревиации.....	94
<i>Епимахова А. Ю.</i> (Челябинск) — Когнитивно-коммуникативные особенности заимствованных наименований лиц по профессии и проблемы их лексикографирования.....	97
<i>Кузина Т. А.</i> (Магнитогорск) — Модальное слово как элемент словаря и текста	101

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

<i>Красных В. В.</i> (Москва) — Возможные пути лексикографического описания единиц лингвокультуры	106
<i>Георгиева С. И.</i> (Болгария, Пловдив) — Межкультурное взаимопонимание: к проблеме лексикографической обработки фразеологических инноваций	111
<i>Шкатова Л. А.</i> (Челябинск) — Словарь устойчивых речевых формул как компонент культуры организации.....	115
<i>Коурова О. И.</i> (Шадринск) — Концепция лингвокультурной ценности	119
<i>Маркова Е. М.</i> (Москва) — Различия этнокультурного характера общих лексем в славянских языках и их репрезентация в словаре межъязыковых омонимов.....	124
<i>Мироненко И. Ю.</i> (Ростов-на-Дону) — <i>Смертный узел</i> : материалы к этнолингвистическому словарю донского казачества.....	129
<i>Бахчиева О. П.</i> (Магнитогорск) — К вопросу о лексиконе лингвокультурного типажа «Успешная деловая женщина»	133
<i>Безкоровайная Г. Т.</i> (Москва) — Словари как источники лингвокультурной информации	138
<i>Жанкидирова Г. Т., Склярченко К. С., Шантаева Д. С., Шетиева А. Т.</i> (Казахстан, Алматы) — Лексикографическое описание концептов евразийской лингвокультуры.....	143
<i>Лунцова О. М.</i> (Магнитогорск) — Лингвокультурные особенности градиент-концепта «Дружба-мир-вражда» (на материале лексикографических и фразеографических источников)	148
<i>Исмагилова О. С.</i> (Магнитогорск) — Народная этимология в лексикографических источниках (на материале английского и русского языков)	153
<i>Карпун М. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Представления о целебных растениях в традиционной культуре донского казачества (материалы к этнолингвистическому словарю).....	157
<i>Кацюба Л. Б.</i> (Челябинск) — Паремнографическое описание в лингвокультурном и психолингвистическом аспектах	163
<i>Коскина Н. А.</i> (Тобольск) — Названия болезней в «Тобольском травнике XVIII века» в аспекте славянской лингвокультурологии и лексикографии.....	167
<i>Любимова Л. М.</i> (Чита) — Лексикографический фрагмент региональной картины мира	172
<i>Моисеева Я. В.</i> (Санкт-Петербург) — Проблема характеристики русских кинетических фразеологизмов в словаре лингвокультурологического типа	176
<i>Поцелуева Н. В.</i> (Павлодар), <i>Федуленкова Т. Н.</i> (Северодвинск) — Новый лексикографический формат взаимодействия языка и культуры	181
<i>Радченко Е. В.</i> (Челябинск) — Национальное своеобразие фразеологической картины мира (этюды к идеографическому словарю).....	185

ПАРЕМИОГРАФИЯ И КРЫЛАТОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ СЛАВИСТИКИ

<i>Мокиенко В. М.</i> (Санкт-Петербург) — Проект «Фразеологического словаря русских народных говоров»	190
<i>Вальтер Х.</i> (Германия, Грайфсвальд) — О двух «немецких» эпитонимах в русском языке (<i>Гамбургский счёт; Кто опаздывает, того наказывает история</i>).....	199
<i>Финк Ж.</i> (Хорватия, Загреб) — Из чьей шинели все мы вышли? (от крылатого слова до фразеологизма)	205
<i>Жуков А. В.</i> (Великий Новгород) — Метод аппликации и классификация пословично-поговорочного материала.....	210
<i>Батулина А. В.</i> (Великий Новгород) — О лексикографическом представлении антипословиц в «Прикольном словаре» В. М. Мокиенко, Х. Вальтера	214
<i>Ломакина О. В.</i> (Москва) — Параметризация русских пословиц и поговорок в лексикографической практике	218
<i>Панина Л. С.</i> (Оренбург) — «Молвушки» в русской идиоматике и их место в лексикографических источниках	226
<i>Соловьёва Н. С.</i> (Магнитогорск) — Социолингвистический портрет американцев и русских по материалам словарей антипословиц (сопоставительный анализ).....	231
<i>Швыдкая Л. И.</i> (Магнитогорск) — Лингвистический статус традиционных паремий и антипословиц (на материале русских и английских фразеологических источников).....	236
<i>Каменев К. В.</i> (Магнитогорск) — Родом из детства, или Несколько слов о лексикографировании крылатых единиц, обязанных своим происхождением мультипликационным фильмам	240
<i>Макарова А. С.</i> (Москва) — Крылатые единицы французского происхождения как объект лексикографического анализа (на примере «Большого словаря крылатых слов русского языка» и «Словаря иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода»).....	245
<i>Яковлев А. И.</i> (Кострома) — Пушкинские крылатые выражения в современных фразеологических источниках и в романе А. Белого «Петербург»	251

ФРАЗЕОГРАФИЯ — ЗЕРКАЛО ФРАЗЕОЛОГИИ

<i>Чепасова А. М.</i> (Челябинск) — Фразеография: теория и практика	256
<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — Старославянские устойчивые компаративы как объект фразеологического описания.....	264
<i>Байрамова Л. К.</i> (Казань) — «Аксиологический словарь славянской фразеологии»: структура и содержание (проект).....	272
<i>Авдина А. И.</i> (Челябинск) — Специфика словарных статей предлогов (на примере фразеологических предлогов <i>вместе с (кем, чем), в связи с (чем), в соответствии с (чем), рядом с (кем, чем), с помощью (чего)</i>).....	278
<i>Будейко В. Э.</i> (Челябинск) — Проблемы составления «Словаря грамматологических фразеологизмов»	283
<i>Жукова А. Г.</i> (Москва), <i>Мандрикова Г. М.</i> (Новосибирск) — К вопросу о лексикографическом отражении таронимической ценности фразеологизмов	287
<i>Кабыш В. И.</i> (Курган) — Словарь фразеологических конверсивов	293
<i>Корнилова Л. Н.</i> (Челябинск) — Процессуальные фраземы становления как объект описания во фразеологических словарях.....	296

<i>Крюкова Н. А.</i> (Иваново) — Лексикографическое описание распространения и расширения компонентного состава фразеологизмов.....	299
<i>Кудрина Н. В.</i> (Курган) — Поэтическая фразеология как объект фразеографии.....	305
<i>Мельник Л. В.</i> (Украина, Луганск) — Фразеографічна експлікація конотації.....	310
<i>Москалёва Д. Р.</i> (Казань) — Словарная статья во Фразеологическом словаре ценностей и антиценностей.....	314
<i>Пименова М. В., Богрова К. М.</i> (Владимир) — Проблемы фразеографического описания старославянского языка.....	318
<i>Суровцева С. И.</i> (Челябинск) — Фразеопредлоги темпоральной семантики (лексикографический аспект).....	321
<i>Усачёва Н. Б.</i> (Курган) — Проблемы словарного описания грамматических фразеологизмов.....	324
<i>Хохлина М. Л.</i> (Астрахань) — Инокультурная фразема как объект фразеографического описания.....	326

ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ И СПРАВОЧНИКАХ

<i>Астахина Л. Ю.</i> (Москва) — О достоверности лексики в лексикографических источниках.....	331
<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — Из истории слова <i>Меценат</i> (материалы к энциклопедическому словарю «М. В. Ломоносов»).....	336
<i>Петров А. В.</i> (Магнитогорск) — «Эротико-политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к Словарю одических топонимов).....	342
<i>Кислова Е. И.</i> (Москва) — Лексика од М. В. Ломоносова в восприятии современников (о чём не пишут словари).....	347
<i>Клинкова И. С.</i> (Магнитогорск) — История термина <i>чёрные земли</i> в русском языке и её лексикографическое описание.....	352
<i>Выхрыстюк М. С.</i> (Тобольск) — Тексты делопроизводства XVIII в. г. Тобольска как источник диалектной лексикографии.....	358
<i>Дадабаева Р. М.</i> (Москва) — Взаимодействие славянизмов и русизмов в русском литературном языке (по материалам исторических словарей).....	362
<i>Гаева (Ковалёва) Е. В.</i> (Курган) — Об одной из попыток зафиксировать окказиональную лексику в словарях.....	365
<i>Гараева Л. А.</i> (Магнитогорск) — Функционирование устойчивых словесных комплексов, обозначающих способ ведения боевых действий, в древнерусских воинских повестях XII–XVII вв. и их отражение в словарях.....	370
<i>Глухих Н. В.</i> (Челябинск) — Лексикографические материалы как основа толкования древнейших текстов «Хрестоматии по старославянскому языку».....	375
<i>Голованёва М. А.</i> (Астрахань) — Фразеографические отражения социолекта частного общения русской драмы конца XX века.....	378
<i>Егорова С. С.</i> (Москва) — Судьба русского просторечия (по материалам исторических словарей).....	381
<i>Иванова Е. В.</i> (Магнитогорск) — Наименования расстояний в «Хождении» игумена Даниила и «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (как материал для исторического словаря).....	388

<i>Савельева О. С.</i> (Челябинск) — Варьирование форм существительных как проявление динамичности категории предметности (по данным словарей современного русского языка, восточнославянских языков и древнерусского языка).....	393
<i>Соколова Е. Н.</i> (Тюмень) — Древнерусские памятники письменности как источники русской ономастической лексикографии	398
<i>Табаченко Л. В.</i> (Ростов-на-Дону) — Семантическая история приставочных глаголов в лексикографических источниках: проблемы омонимии и тождества слова.....	403
<i>Терентьева Л. К.</i> (Тобольск) — К вопросу лексикографического описания иноязычной лексики языка памятников письменности XVIII века (по данным государственного архива г. Тобольска)	408
<i>Ходиченкова Д. А.</i> (Магнитогорск) — Принципы описания языковых единиц военной тематики в исторических и этимологических словарях	411
<i>Шетэля В. М.</i> (Москва) — О реализации проекта «Историко-этимологический словарь русской лексики XIX века»	417
<i>Коротенко М. А., Мишина Л. Н.</i> (Магнитогорск) — Понятие мученичества в периоды становления независимости русской церкви от византийской (XI–XIV вв.) и раскола русской церкви (XVII в.) как материал для идеографического описания.....	421

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС. СВЕТСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ БИБЛЕЙСКОЙ ТЕМАТИКИ

<i>Никитина С. Е.</i> (Москва) — О конфессиональных словарях и материале для их построения	429
<i>Слободнюк С. Л.</i> (Магнитогорск) — «...Возведённая в закон воля» и сакральная правовая реальность: слово и бытие	434
<i>Чурилина Л. Н.</i> (Магнитогорск) — Современная православная метафорика как объект лексикографирования	439
<i>Вуловић Н., Бајић Р.</i> (Сербия, Белград) — Фразеологизмы из области православного духовности у једнојезичним речницима српског језика.....	444
<i>Дубровина К. Н.</i> (Москва) — Библейские фразеологизмы в лексикографических трудах В. И. Даля.....	448
<i>Ратушина Е. Р.</i> (Курган) — Фразеологизмы библейского происхождения как объект современной русской фразеологии	454
<i>Арапов О. А.</i> (Магнитогорск) — Создание словаря идеографического типа как этап в реконструкции концептосферы «Метафизический мир»	459
<i>Звездин Д. А.</i> (Челябинск) — Церковнославянская лексика и фразеология православной проповеди: лексикографический аспект (на примере «слов» архимандрита Кирилла (Павлова)	463
<i>Локтева М. Е.</i> (Ростов-на-Дону) — Древнерусские наименования Богородицы (на материале «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского).....	469
<i>Петрова И. В.</i> (Магнитогорск) — Храмовые проповеди Святейшего патриарха Кирилла как лексикографический источник	474
<i>Хомутникова Е. А.</i> (Курган) — Фразеологизм <i>роза Иерихона</i> как предмет лексикографического описания	479

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ И СПРАВОЧНИКАХ

<i>Алефиренко Н. Ф.</i> (Белгород) — Смысловое содержание идиомы как предмет фразеологической репрезентации	484
<i>Кокорина Ю. Г.</i> (Москва) — Теоретические положения когнитивной терминологии (к постановке проблемы)	489
<i>Абакумова О. Б.</i> (Орёл) — К вопросу о создании словаря пословичных концептов (на материале пословичных концептов «Правда» и «Truth»)	493
<i>Лось А. Л.</i> (Москва) — Когнитивный подход к лексикографическому описанию слов	498
<i>Урве А.</i> (Эстония, Тарту) — Тематический словарь пословиц как источник реконструкции культурных концептов (сопоставительный аспект)	502
<i>Верескун С. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Построение и верификация ассоциативно-смыслового поля концепта с использованием лексикографических источников	507
<i>Франчук О. В.</i> (Магнитогорск) — Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем (концепт «Праздность» на материале исторических и лексикографических источников)	513
<i>Воронина Т. М.</i> (Екатеринбург) — Метафорическая составляющая смежных концептов: сходства и различия (на материале концептов сферы «интеллект» и сферы «образование»)	518
<i>Плотникова А. М.</i> (Екатеринбург) — Социальная сфера жизни человека в словаре концептов	522
<i>Юрьева И. А.</i> (Магнитогорск) — Соотношение концептов «Россия» и «Русь» как материал для антологии концептов русской научной картины мира	526
<i>Гневэк О. В.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Родина» в современной паремиологии	530
<i>Калмыкова Е. Л.</i> (Челябинск) — Понятийные признаки концепта «Мир» и их вербализация в поговорках (на материале русских толковых словарей)	538
<i>Мухина И. К.</i> (Екатеринбург) — Лексикографическое представление национально-культурных ассоциаций в словаре ключевых концептов	542
<i>Чернова О. Е.</i> (Магнитогорск) — Культурная информация в толковых словарях	547
<i>Скокова Т. Н.</i> (Белгород) — Когнитивные аспекты релятивности при составлении русско-немецкого словаря	551

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА И ЯЗЫКА РУССКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

<i>Подюков И. А., Свалова Е. Н.</i> (Пермь) — Фразеология промысловой речи Прикамья как объект лексикографического описания	557
<i>Белякова С. М.</i> (Тюмень) — Образный потенциал диалектного слова: лексикографическое представление и его интерпретация	563
<i>Анищенко О. А.</i> (Казахстан, Кокшетау) — Лексикографическое описание субстандартной лексики: словарь регионального молодёжного социолекта	568
<i>Вилисова Е. В.</i> (Челябинск) — Функционирование профессионально маркированных фразеологизмов в среде современных студентов: психолингвистический аспект ..	572
<i>Дорфман О. В.</i> (Магнитогорск) — Художественно-речетворческий аспект словаря языковой личности девятиклассника	577
<i>Семёнова О. Р.</i> (Челябинск) — Социальные пометы в диалектном словаре (на материале русских говоров Южного Урала)	580

<i>Сулейманова Д. З.</i> (Магнитогорск) — О некоторых принципах создания словаря разговорной речи подростков	585
<i>Халитова Н. Р.</i> (Магнитогорск) — О лексикографическом споре А. Солженицына и В. Шаламова и его решении в современной лексикографии	590
<i>Хасанова (Халиуллова) Н. Ф.</i> (Казань) — Структурно-семантические особенности лексем русского жаргона наркоманов в «Словаре антиценностей»	594

ДВУЯЗЫЧНЫЕ И УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Черняк В. Д.</i> (Санкт-Петербург) — Современная лексикография как инструмент формирования лингвистически компетентной личности	598
<i>Дядечко Л. П.</i> (Украина, Киев) — О пропедевтическом словаре лингвистической терминологии	602
<i>Горбачевский А. А.</i> (Челябинск) — Термины, определяющие качество поэтического перевода, как материал для специального словаря	607
<i>Песина С. А.</i> (Магнитогорск) — Составление англо-русского толкового словаря с учётом содержательного ядра многозначного слова	614
<i>Алексеева М. Л.</i> (Екатеринбург) — Диахронический переводной словарь-справочник как особый тип словаря	618
<i>Васильева А. К.</i> (Москва) — Двужычные фразеологические словари как основа сопоставительного анализа фразеологических единиц (по материалам фразеологизмов из произведений Ф. М. Достоевского и их переводов на английский язык)	624
<i>Деткова В. А.</i> (Челябинск) — Русские и английские паремии семантической группы «Семейные отношения» как объекты описания в лингвистических словарях	628
<i>Шляхова С. С., Шестакова О. В.</i> (Пермь) — Опыт немецко-русского словаря интерактивов: фоносемантические универсалии и национальная специфика	634
<i>Швидченко А. Ю.</i> (Магнитогорск) — Сравнительная характеристика фондов библеизмов русского и немецкого языков по лексикографическим источникам	639
<i>Шушарина И. А.</i> (Курган) — Лингвистическая информативность словарной статьи (о работе над словарем польско-русских «Ложных друзей переводчика»)	643
<i>Андрюшина Н. П.</i> (Москва) — Лексические минимумы по русскому языку как иностранному: проблема отбора лексических и фразеологических единиц	648
<i>Богачева Г. Ф.</i> (Москва) — О некоторых функциях фразеологических единиц в комплексном объяснительном словаре русского языка для иноязычных пользователей	653
<i>Колесникова Т. В.</i> (Магнитогорск) — Принципы создания терминологического словаря к спецкурсу «Новостная телевизионная передача»	657
<i>Макарова Е. В.</i> (Магнитогорск) — Речетворческая деятельность как процесс формирования словаря языковой личности школьника	661
<i>Максимчук Н. А.</i> (Смоленск) — Комплексный учебный словарь собственных имён как форма представления фрагмента нормативно-научной картины мира	665
<i>Пономарёва Л. Д.</i> (Магнитогорск) — Художественно-поэтический дискурс: методическая интерпретация с лексикографическим сопровождением	669
<i>Рогалёва Е. И.</i> (Псков) — Лексикографическая интерпретация грамматических свойств фразеологизма в учебном словаре	674
<i>Усанова О. Г.</i> (Челябинск) — Социально-коммуникативная компетентность студентов в аспекте лексикографии	679

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ (К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ АНТОЛОГИЙ НОВОГО ТИПА)

<i>Власкин А. П.</i> (Магнитогорск) — Типологическое и имманентное в характеристике героев Ф. М. Достоевского (к проблеме лексикографического описания)	684
<i>Васильева Т. И., Торишин А. А.</i> (Магнитогорск) — О проекте Антологии концептов русской литературы XX века	689
<i>Андреева С. Л.</i> (Магнитогорск) — Концепт в тексте и словаре писателя	694
<i>Рудакова С. В.</i> (Магнитогорск) — Слово-образ «Тишина» в поэзии Е. А. Боратынского (материалы к «Антологии художественных образов русской литературы первой трети XIX в.»)	699
<i>Зайцева Т. Б.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Любовь» в творчестве А. П. Чехова (для антологии «Художественные константы русской литературы»)	705
<i>Котукова Е. Ю.</i> (Магнитогорск) — Репрезентация концепта «Свобода» в прозе Б. Зайцева (к антологии художественных концептов)	711
<i>Севастьянова В. С.</i> (Магнитогорск) — Истоки и эволюция «не-бытия» в поэзии русского модернизма (к антологии художественных концептов русской литературы)	715
<i>Таянова Т. А.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Небо» в творчестве религиозных писателей (к антологии русских художественных концептов)	720
<i>Гладких Ю. Г.</i> (Пермь), <i>Осипова А. А.</i> (Магнитогорск) — Отражение связей между концептами в словаре концептосферы В. П. Астафьева (на примере концептов «Смерть» и «Вода»)	725
<i>Цуркан В. В.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Детство» в раннем творчестве Андрея Битова (к антологии художественных концептов)	731
<i>Бедрикова М. Л.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Творчество» в малой прозе В. Распутина 1980–2000 гг. как материал для антологии художественных концептов	735
<i>Бобрышева И. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Фразеологизмы как репрезентанты концепта «Пустота» в идиолекте (материалы к словарю языка М. И. Цветаевой)	740
<i>Волкова В. Б.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Женщина» в романе В. С. Маканина «Асан»: к антологии русских художественных концептов	745
<i>Гончарова В. Н.</i> (Челябинск) — Концепт «Сосна» в творчестве В. Шаламова (материалы для «Словаря концептов В. Шаламова»)	750
<i>Горбачевский Ч. А.</i> (Челябинск) — <i>Палец</i> в прозе В. Т. Шаламова: материалы для словаря образов-символов писателя	753
<i>Слободнюк Е. С.</i> (Магнитогорск) — «Иное слово» в поэтике Р. Киплинга: словарные материалы	755
<i>Карпичева Н. Л.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Детство» в поздней новеллистике В. С. Гроссмана (к антологии художественных концептов)	760
<i>Кенько А. А.</i> (Магнитогорск) — Концепт «Россия» в малой прозе Вяч. Пьецуха (как материал к антологии художественных концептов)	764
<i>Крутий С. М.</i> (Магнитогорск) — Художественный мир Л. Улицкой сквозь призму концепта «Детство» (к антологии художественных концептов)	770
<i>Михин А. Н.</i> (Магнитогорск) — Библиизмы с компонентами <i>чадо, сын, дети</i> и их судьба в русском литературном языке	775

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Мокиенко В. П.* (Санкт-Петербург) — Л. П. Дядечко. Вокруг да около рекламы: фразо-образовательный словарь. — Киев: Изд. дом «Аванпост-Прим», 2007. — 415 с. ... 780
- Чепасова А. М.* (Челябинск) — Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 ед. / Науч.-исслед. словар. лаб. МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова, чл. редкол.: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 424 с. 783
- Шиганова Г. А.* (Челябинск) — В. Ф. Хайдарова. Слова, из которых соткана Сеть: краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. / под ред. Шулежковой С. Г. — Магнитогорск: МаГУ, 2011. — 322 с. 785

CONTENTS

- Shulezhkova S. G.* (Magnitogors) — Opening Address 3

PHILOLOGY

THEORETICAL ISSUES OF SLAVONIC LEXICOGRAPHY
AND PHRASEOGRAPHY

- Glinkina L. A.* (Chelyabinsk) — Frequency as an Important Characteristic of Lexicography and Phraseography 7
- Frolov N. K.* (Tyumen) — Etymologica and Encyclopedica as Branches of Lexicography.. 12
- Lazich-Konjik I., Gochanin M.* (Serbia, Belgrade) — Serbian descriptive lexicography issues (by the example of processing lexeme identity) 16
- Lazich-Konjik I., Miloshevich J.* (Serbia, Belgrade) — Lexicographic Presentation of Words Occurring only as Set Phrase Components (Status, Usage, Goals) 20
- Kostiuchuk L. Ya.* (Pskov) — Multi-aspect linguistic studies and lexicographic Practice (diachronic and synchronic aspects) 25
- Lesnikov S. N.* (Syktyvkar) — Hypertext thesaurus of science metalanguage 30
- Kharchenko Ye. V.* (Chelyabinsk) — Slavic Associative Dictionary as a Model of the World Image 34
- Kalambet Ye. V.* (Krasnodar) — Dictionary entry: on genre transformation 40
- Yermakova Ye. N.* (Tobolsk) — Specific derivational space in the sphere of word-formation based on set expressions and its reflection in contemporary dictionaries 45
- Ivanovich N. B.* (Serbia) — Typical Grammatical Context of a Word and its Treatment in Lexicography (based on Serbian-croatian Dictionary) 50
- Nenasheva Yu. A.* (Magnitogorsk) — International Phonetic Alphabet (IPA) in Compiling Pronouncing Dictionaries 55
- Popova L. V.* (Omsk) — Polyparadigmatic Approach to Lexicographic Presentation of Terminology 61
- Savelyeva M. V.* (Kurgan) — Frequency Dictionary of Imperative Processual Units 63

<i>Savostyanova Yu. I.</i> (Krasnodar) — Key Issues Of Lexicographic Presentation of Psychognostic Terminology	67
<i>Salyayev V. A.</i> (Orel) — Stylistic Norm Characteristics in General Explanatory Dictionaries (based on the Analysis of the Label ‘Vernacular’)	72
<i>Surovtseva Ye. V.</i> (Moscow) — Principles Underlying Frequency Grammatical-Semantic Concordance of A. P. Chekhov	77
<i>Tikhanovich A. N.</i> (Cherepovetz) — Intensifying Word-combination Presentation in Dictionaries of Different Types	82
<i>Trubina A. S., Khaidarova V. F.</i> (Magnitogorsk) — Neural Network Application in Electronic Explanatory-Encyclopedic Dictionary (based on the Internet Language)	87
<i>Shvedova N. V.</i> (Kurgan) — Dictionary Interpretation of the Pattern “Particle <i>he</i> + Preposition <i>do</i> + Noun in the Genitive Case”	91
<i>Shumarin S. I.</i> (Saratov) — Lexicographic Presentation of Semantic and Derivational Processes in Abbreviation	94
<i>Yepimakhova A. Yu.</i> (Chelyabinsk) — Cognitive and Communicative Peculiarities of Loan Job Titles and their Lexicographic Presentation	97
<i>Kuzina T. A.</i> (Magnitogorsk) — Modal Words as Elements of Dictionary and Text	101

LINGUOCULTURAL ASPECTS OF LEXICOGRAPHY AND PHRASEOGRAPHY

<i>Krasnykh V. V.</i> (Moscow) — Possible Lexicographic Description of Linguistic Culture Units	106
<i>Georgiyeva S. I.</i> (Bulgaria, Plovdiv) — Cross-cultural Awareness (on Lexicographic Processing of Phraseological Innovation)	111
<i>Shkatova L. A.</i> (Chelyabinsk) — Fixed Speech Formula Dictionary as a Component of Professional Organization Culture	115
<i>Kourova O. I.</i> (Shadrinsk) — Linguocultural Value Conception	119
<i>Markova Ye. M.</i> (Moscow) — Ethno-cultural Differences of Slavonic Common Lexemes and their Representation in the Dictionary of Interlinguistic Homonyms	124
<i>Mironenko I. Yu.</i> (Rostov-on-Don) — “ <i>Mortal Knot</i> ”: Material for the Ethno-linguistic Dictionary of the Don Cossacks	129
<i>Bakhcheyeva O. P.</i> (Magnitogorsk) — Lexicon Characterizing Linguistic-cultural Type “Successful Business Lady”	133
<i>Bezkorovaynaya G. T.</i> (Moscow) — Dictionaries as a Source of Linguocultural Information	138
<i>Zhankidirova G. T., Sklyarenko K. S., Shantayeva D. S., Shetiyeveva A. T.</i> (Kazakhstan, Almaty) — Lexicographic Presentation of Eurasian Linguocultural Concepts	143
<i>Luntsova O. M.</i> (Magnitogorsk) — Linguo-Cultural Features of Gradient-Concept “Friendship-Peace-Enmity” (based on Lexicographic and Phraseographic Sources)	148
<i>Ismagilova O. S.</i> (Magnitogorsk) — Folk Etymology in Lexicographic Sources (based on English and Russian)	153
<i>Karpun M. A.</i> (Rostov-on-Don) — Medicinal Plants Knowledge in Traditional Culture of the Don Cossacks (for Ethno-Linguistic Dictionary)	157
<i>Katsyuba L. B.</i> (Chelyabinsk) — Psycholinguistic and Cultural Linguistic Aspects of Paremiographic Description	163
<i>Koskina N. A.</i> (Tobolsk) — Disease Names in “Tobol Medicinal Herb Book of the 18 th C.” in the Context of Slavonic Linguistic Culture and Lexicography	167
<i>Lyubimova L. M.</i> (Chita) — Lexicographic Fragment of the Regional World-Image	172

<i>Moiseyeva Ya. V.</i> (St.-Peterburg) — Russian Kinetic Set Phrases in a Linguocultural Dictionary.....	176
<i>Potseluyeva N. V.</i> (Pavlodar), <i>Fedulenkova T. N.</i> (Severodvinsk) — New Lexicographic Format of Culture and Language Interaction.....	181
<i>Radchenko Ye. V.</i> (Chelyabinsk) — National Peculiarity of Phraseological World-Image (a Sketch of Ideographic Dictionary).....	185

PROVERBS AND WINGED WORDS DICTIONARY MAKING WITHIN THE FRAMEWORK OF SLAVIC STUDIES

<i>Mokiyenko V. M.</i> (St. Peterburg) — The Concept of “The Dictionary of Russian Dialectal Set Phrases”.....	190
<i>Walter H.</i> (Germany, Greifswald) — Two ‘German’ Aptonyms in Russian (<i>Гамбургский счёт; Кто опаздывает, того наказывает история</i>).....	199
<i>Fink Zh.</i> (Croatia, Zagreb) — Whose Overcoat do We come from? (From Winged Word to Idiom).....	205
<i>Zhukov A. V.</i> (Veliky Novgorod) — Application Method and Classification of Proverbs and Sayings.....	210
<i>Batulina A. V.</i> (Veliky Novgorod) — Lexicographic Presentation of Anti-proverbs in the ‘Cool Dictionary’ by V. M. Mokiyenko and H. Walter.....	214
<i>Lomakina O. V.</i> (Moscow) — Parameterization of Russian Proverbs and Sayings in Lexicographic Practice.....	218
<i>Panina L. S.</i> (Orenburg) — “Molvushka” in Russian Phraseology and Its Place in Lexicographic Sources.....	226
<i>Solovyova N. S.</i> (Magnitogorsk) — Sociolinguistic Portrait of Americans and Russians in through Anti-proverbs (comparative analysis).....	231
<i>Shvydkaya L. I.</i> (Magnitogorsk) — Linguistic Status of Proverbs and anti-Proverbs (based on Russian and English Phraseographic Sources).....	236
<i>Kamenyev K. V.</i> (Magnitogorsk) — Principles of Lexicographic Presentation of Winged Words Originating from Animated Cartoons.....	240
<i>Makarova A. S.</i> (Moscow) — Winged Units of French Origin as an Object of Lexicographic Analysis (by the Example of the Dictionary of Russian Winged Phrases and the Dictionary of Transliterated and Transplanted Foreign Words and Phrases).....	245
<i>Yakovlev A. I.</i> (Kostroma) — Pushkin’s Winged Words in Present-Day Phraseographic Sources and in A. Bely’s Novel “Petersburg”.....	251

PHRASEOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE

<i>Chepasova A. M.</i> (Chelyabinsk) — Phraseology Implies Phraseography.....	256
<i>Shulezhkova S. G.</i> (Magnitogorsk) — Old Slavonic Fixed Similes as Phraseographic Object.....	264
<i>Bayramova L. K.</i> (Kazan) — The Structure and Content of “The Axiological Dictionary of Slavic Phraseology” (Draft).....	272
<i>Avdina A. I.</i> (Chelyabinsk) — Dictionary Entry Peculiarities (Based on Russian Phraseological Prepositions <i>вместе с (кем, чем)</i> , <i>в связи с (чем)</i> , <i>в соответствии с (чем)</i> , <i>рядом с (кем, чем)</i> , <i>с помощью (чего)</i>).....	278
<i>Budeyko V. E.</i> (Chelyabinsk) — Content Issues of “The Dictionary of Grammatological Set Phrases”.....	283

<i>Zhukova A. G.</i> (Moscow), <i>Mandrikova G. M.</i> (Novosibirsk) — Lexicographic Presentation of Set Expressions Tonymic Value	287
<i>Kabysh V. I.</i> (Kurgan) — Dictionary of Phraseological Conversives	293
<i>Kornilova L. N.</i> (Chelyabinsk) — Processual Phrasemes Denoting Development as an Object of Phraseological Dictionary Description.....	296
<i>Kryukova N. A.</i> (Ivanovo) — Lexicographic Presentation of Internal and External Component Additions to Set Phrases	299
<i>Kudrina N. V.</i> (Kurgan) — Poetic Phraseology as Phraseographic Object	305
<i>Melnik L. V.</i> (Ukraine, Lugansk) — Phraseographic Presentation of Connotations	310
<i>Moskalyova D. R.</i> (Kazan) — Vocabulary Entry in a Phraseological Dictionary of Values and Anti-values.....	314
<i>Pimenova M. V., Bogrova K. M.</i> (Vladimir) — Phraseographic Presentation of Old Slavonic.....	318
<i>Surovtseva S. I.</i> (Chelyabinsk) — Temporal Phraseological Prepositions (Lexicographic Aspect)	321
<i>Usachyova N. B.</i> (Kurgan) — Dictionary Presentation of Grammatical Set Phrases	324
<i>Khokhlina M. L.</i> (Astrakhan) — Foreign Phraseme as an Object of Phraseographic Presentation	326

HISTORICAL, ETYMOLOGICAL, AND DIACHRONIC ASPECTS OF LINGUISTIC UNITS PRESENTATION IN DICTIONARIES AND REFERENCE BOOKS

<i>Astakhina L. Yu.</i> (Moscow) — Vocabulary Authenticity in Lexicographic Sources.....	331
<i>Abramzon T. Ye.</i> (Magnitogorsk) — Etymological Background of the Word <i>Меценат</i> (Maecenas) (for the Encyclopedic Dictionary “M. Lomonosov”).....	336
<i>Petrov A. V.</i> (Magnitogorsk) — ‘Erotically Political Formulae’ in Solemn Odes Of 1741–1742 (for the Dictionary of Ode’s “Loci Topici”).....	342
<i>Kislova Ye. I.</i> (Moscow) — The Vocabulary of M. Lomonosov’s Odes in the Eyes of his Contemporaries (What You won’t find in a Dictionary).....	347
<i>Klinkova I. S.</i> (Magnitogorsk) — Etymology of the Russian Term <i>чёрные земли</i> (Black Earth) and Its Lexicographic Presentation	352
<i>Vykhrystyuk M. S.</i> (Tobolsk) — The 18 th century Office Records of Tobolsk as a source for Dialect Lexicography	358
<i>Dadabayeva R. M.</i> (Moscow) — Slavicisms and Russicisms Interaction throughout the Russian Language History (based on Historical Dictionaries)	362
<i>Gayeva (Kovalyova) Ye. V.</i> (Kurgan) — An Attempt to list Nonce Words in Dictionaries	365
<i>Garayeva L. A.</i> (Magnitogorsk) — Functions of Fixed Verbal Complexes in Old Russian Military Stories of the 12 th — 17 th C.C. and their Dictionary Presentation.....	370
<i>Glukhikh N. V.</i> (Chelyabinsk) — Lexicographic Material as a Basis for interpreting the Earliest Texts of “The Old Slavonic Reader”.....	375
<i>Golovanyova M. A.</i> (Astrakhan) — Phraseographic Presentation of Private Communication in Russian Drama of the late 19 th Century	378
<i>Yegorova S. S.</i> (Moscow) — Russian Popular Speech History (based on Historical Dictionaries).....	381
<i>Ivanova Ye. V.</i> (Magnitogorsk) — Distance Measurement Units in “Hozhdeniya” (Pilgrimage) by Father Superior Daniil and Afanasy Nikitin (Material for Historical Dictionary)	388

<i>Savelyeva O. S.</i> (Chelyabinsk) — Noun Form Variation as Evidence of Dynamic Substantive Category (based on Russian, Eastern Slavonic, and Old Russian Dictionaries).....	393
<i>Sokolova Ye. N.</i> (Tyumen) — Old Russian Manuscripts as a Source of Onomastic Lexicography.....	398
<i>Tabachenko L. V.</i> (Rostov-on-Don) — Semantic History of Prefixed Verbs in Lexicographic Sources (Homonymy and Word Identity Issues).....	403
<i>Terentyeva L. K.</i> (Tobolsk) — Lexicographic Presentation of Foreign Words in the Vocabulary of the 18 th Century Manuscripts (based on Tobolsk State Archives).....	408
<i>Khodichenkova D. A.</i> (Magnitogorsk) — Military Vocabulary Presentation in Historical and Etymological Dictionaries.....	411
<i>Szetela V. M.</i> (Moscow) — The Project “Historical and Etymological Dictionary of Russian Vocabulary of the 19 th c.”.....	417
<i>Korotenko M. A., Mishina L. N.</i> (Magnitogorsk) — Martyrdom Perception During the Periods of Russian Church Rise to Independence of Byzantine Church (11 th — 14 th cc.) and Russian Church Schism (17 th c.) as Ideographic Presentation Material	421

RELIGIOUS DISCOURSE. SECULAR AND CONFESSIONAL APPROACHES TO DICTIONARIES AND REFERENCE BOOKS OF BIBLICAL UNITS

<i>Nikitina S. Ye.</i> (Moscow) — Confessional Dictionaries and Their Source Material.....	429
<i>Slobodnyuk S. L.</i> (Magnitogorsk) — Will as a Law and Sacral Legal Reality: Word and Being	434
<i>Churilina L. N.</i> (Magnitogorsk) — Contemporary Russian Orthodox Church Metaphors as Lexicographic Object.....	439
<i>Vulovich N., Bajich R.</i> (Serbia, Belgrade) — Orthodox Christianity Phraseology in Unilingual Serbian Dictionaries.....	444
<i>Dubrovina K. N.</i> (Moscow) — Biblical Set Phrases in Lexicographic Works of V. I. Dal	448
<i>Ratushnaya Ye. R.</i> (Kurgan) — Biblical Set Phrases as an Object of Present-Day Russian Phraseography	454
<i>Arapov O. A.</i> (Magnitogorsk) — Ideographic Dictionary as an Intermediate Phase of Reconstructing Conceptual Sphere “Metaphysical World”	459
<i>Zvezdin D. A.</i> (Chelyabinsk) — Lexicographic Aspect of Old Church Slavonic Vocabulary and Phraseology in Orthodox Preaching (based on Archimandrite Kirill’s Sermons).....	463
<i>Lokteva M. Ye.</i> (Rostov-on-Don) — Old Russian Names for the Mother of God (based on “The Old Russian Dictionary of the 11 th — 14 th C.C.” and Srezniyevsky’s Material for the Old Russian Dictionary).....	469
<i>Petrova I. V.</i> (Magnitogorsk) — Temple Sermons of Patriarch Kirill as Lexicographic Source.....	474
<i>Khomutnikova Ye. A.</i> (Kurgan) — Set Phrase <i>Rose Of Jericho</i> as a Lexicographic Object...	479

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC UNITS PRESENTATION IN DICTIONARIES AND REFERENCE BOOKS

<i>Alefirenko N. F.</i> (Belgorod) — Idiom Sense Content as an Object of Phraseological Representation.....	484
---	-----

<i>Kokorina Yu. G.</i> (Moscow) — Theoretical Grounding in Cognitive Terminography (Problem Defining).....	489
<i>Abakumova O. B.</i> (Orel) — Some Issues Concerning Compiling a Proverbial Concept Dictionary (based on Proverbial Concepts “Правда” And “Truth”).....	493
<i>Los' A. L.</i> (Moscow) — Cognitive Approach to Lexicographic Word-description	498
<i>Urve A.</i> (Estonia, Tartu) — Thematic Dictionary of Proverbs as a Basis for Cultural Concept Reconstruction (Contrastive-Comparative Aspect)	502
<i>Vereskun S. A.</i> (Rostov-on-Don) — Conceptual Associative Sense Field Formation and Verification on Lexicographic Basis.....	507
<i>Franchuk O. V.</i> (Magnitogorsk) — Work Done, Have Your Fun (Concept “Idleness” according to Historical and Lexicographic Sources)	513
<i>Voronina T. M.</i> (Ekaterinburg) — Similarity and Dissimilarity between Metaphoric Constituents of Related Concepts (based on the Concepts “Intellect” and “Education”)	518
<i>Plotnikova A. M.</i> (Ekaterinburg) — Social Sphere in the Dictionary of Concepts	522
<i>Yuryeva I. A.</i> (Magnitogorsk) — Correlation of Concepts “Russia” and “Rus” as Material for the Anthology of Russian Scientific World-Image	526
<i>Gneveck O. V.</i> (Magnitogorsk) — Concept “Motherland” in Contemporary Paremiology ...	530
<i>Kalmykova Ye. L.</i> (Chelyabinsk) — Notional Characteristics of the Concept “Peace” and their Verbalization in Proverbs (based on Russian Explanatory Dictionaries)	538
<i>Mukhina I. K.</i> (Ekaterinburg) — Lexicographic Presentation of Ethno-cultural Associations in the Dictionary of Key Concepts	542
<i>Chernova O. V.</i> (Magnitogorsk) — Cultural Information in Explanatory Dictionaries	547
<i>Skokova T. N.</i> (Belgorod) — Cognitive Aspects of Relativity in Compiling Russian-German Dictionary.....	551

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF RUSSIAN DIALECTS AND SUBCULTURE

<i>Podyukov I. A., Svalova Ye. N.</i> (Perm) — Prikamye Regional Fishing and Hunting Jargon Phraseology as an Object of Lexicographic Presentation	557
<i>Belyakova S. M.</i> (Tyumen) — Image Potential of a Dialectal Word (Lexicographic Presentation and Interpretation)	563
<i>Anishchenko O. A.</i> (Kazakhstan, Kokchetau) — Lexicographic Presentation of Substandard Vocabulary (Regional Youth Sociolect Dictionary)	568
<i>Vilisova Ye. V.</i> (Chelyabinsk) — Professionally-Marked Set Phrases Used by Present-Day Students (Psycholinguistic Aspect)	572
<i>Dorfman O. V.</i> (Magnitogorsk) — Speech Production Aspect of a Ninth-Form Student Vocabulary.....	577
<i>Semyonova O. R.</i> (Chelyabinsk) — Social Labels in a Dialectal Dictionary (based on South Urals Idiom)	580
<i>Suleymanova D. Z.</i> (Magnitogorsk) — Basic Principles of Teenagers Slanguage Dictionary	585
<i>Khalitova N. R.</i> (Magnitogorsk) — Lexicographic Dispute Between A. Solzhenitsyn and V. Shalamov and Its Solution by Contemporary Lexicography	590

<i>Khasanova (Khaliullova) N. F.</i> (Kazan) — Structural and Semantic Peculiarities of Drug-addicts Slang (based on the Russian Dictionary of Anti-values).....	594
--	-----

BILINGUAL AND LEARNER'S DICTIONARIES IN TEACHING/LEARNING PROCESS

<i>Chernyak V. D.</i> (St.-Peterburg) — Present-day Lexicography as a Means of Developing Linguistically Competent Personality	598
<i>Dyadechko L. P.</i> (Ukraine, Kiev) — Propaedeutic Dictionary of Linguistic Terminology....	602
<i>Gorbachevskiy A. A.</i> (Chelyabinsk) — Terminology as Regards to the Quality of Poetic Translation (Material for a Specialized Dictionary).....	607
<i>Pesina S. A.</i> (Magnitogorsk) — Compiling English-Russian Explanatory Dictionary with Regard to the Semantic Core of a Polysemantic Word	614
<i>Alekseyeva M. L.</i> (Ekaterinburg) — Diachronic Bilingual Reference Book as a Specific Type of Dictionary	618
<i>Vasilyeva A. K.</i> (Moscow) — Bilingual Phraseological Dictionaries as a Foundation for Comparative Analysis of Set Expressions (based on Set Expressions from Dostoyevsky's Novels and their English Translations)	624
<i>Detkova V. A.</i> (Chelyabinsk) — Russian and English Proverbs Denoting Family Relationships as an Object of Dictionary Presentation	628
<i>Shlyakhova S. S., Shestakova O. V.</i> (Perm) — German-Russian Dictionary of Interjections: Phonological and Semantic Universals and National Peculiarity	634
<i>Shvidchenko A. Yu.</i> (Magnitogorsk) — Russian and German Biblical Expressions in Comparison (based on Lexicographic Sources).....	639
<i>Shusharina I. A.</i> (Kurgan) — Linguistic of Dictionary Entry Informativity (on the Project of Polish-Russian Dictionary of "Translator's False Friends").....	643
<i>Andryushina N. P.</i> (Moscow) — Basic Dictionary for Russian as a Second Language (The Choice of Words and Set Phrases).....	648
<i>Bogacheva G. F.</i> (Moscow) — Set Expressions Functions in a Comprehensive Explanatory Russian Dictionary for Foreign Users.....	653
<i>Kolesnikova T. V.</i> (Magnitogorsk) — Principles Underlying Terminological Dictionary for an Elective Course "TV News Program"	657
<i>Makarova Ye. V.</i> (Magnitogorsk) — Speech Production as Student Vocabulary Building Process.....	661
<i>Maksimchuk N. A.</i> (Smolensk) — Comprehensive Learner's Dictionary of Proper Names Representing a Fragment of Scientific World-Image	665
<i>Ponomaryova L. D.</i> (Magnitogorsk) — Literary Discourse: Lexicography-based Interpretation Methodology.....	669
<i>Rogalyova Ye. I.</i> (Pskov) — Lexicographic Interpretation of Grammatical Properties of Set Phrases in Learner's Dictionary	674
<i>Usanova O. G.</i> (Chelyabinsk) — Socially-communicative Competence of Students in Lexicographic Context.....	679

LITERARY CONCEPTS (ON NEW ANTHOLOGIES OF LITERARY STUDIES)

<i>Vlaskin A. P.</i> (Magnitogorsk) — The Typological and the Immanent in the Portrayal of F. M. Dostoyevsky's Characters (Lexicographic Aspect).....	684
---	-----

<i>Vasilyeva T.I., Torshin A.A.</i> (Magnitogorsk) — Anthology of Concepts in Russian Literature of the 20 th Century (Project).....	689
<i>Andreyeva S.L.</i> (Magnitogorsk) — Concept in Text and Writer's Dictionary	694
<i>Rudakova S.V.</i> (Magnitogorsk) — Image-word "Quiet" in Ye. Boratynsky's Poetry (on the "Anthology of Literary Images in Russian Literature of the early 19 th C.")	699
<i>Zaitseva T.B.</i> (Magnitogorsk) — Concept "Love" in A. Chekhov's Works (for the Anthology of Russian Literary Constants).....	705
<i>Kotukova Ye.Yu.</i> (Magnitogorsk) — Concept "Freedom" in B. Zaytsev's Prose (on the Anthology of Literary Concepts)	711
<i>Sevastyanova V.S.</i> (Magnitogorsk) — Origin and Evolution of "Non-being" In Russian Modernistic Poetry (on the Anthology of Russian Literary Concepts).....	715
<i>Tayanova T.A.</i> (Magnitogorsk) — Concept "Heaven" in Works of Religious Writers (on the Anthology of Literary Concepts)	720
<i>Gladkikh Yu.G.</i> (Perm), <i>Osipova A.A.</i> (Magnitogorsk) — Representation of Concept Interrelation in the Conceptual Sphere of V. Astafyev's Idiolect	725
<i>Tsurkan V.V.</i> (Magnitogorsk) — Concept "Childhood" in the early Works of Andrei Bitov (on the Anthology of Literary Concepts)	731
<i>Bedrikova M.L.</i> (Magnitogorsk) — Concept "Creativity" in V. Rasputin's Small Prose of 1980–2000 as Material for the Anthology of Literary Concepts	735
<i>Bobrysheva I.A.</i> (Rostov-on-Don) — Set Expressions Representing Concept "Void" (for the Dictionary of M. Tsvetayeva's Idiolect).....	740
<i>Volkova V.B.</i> (Magnitogorsk) — The Concept "Woman" in V.S. Makanin's Novel "Asan". (On the Anthology of Russian Literary Concepts).....	745
<i>Goncharova V.N.</i> (Chelyabinsk) — The Concept "Pine" in V. Shalamov's Creation (a Source for the Dictionary Of Shalamov's Concepts).....	750
<i>Gorbachevsky Ch.A.</i> (Chelyabinsk) — <i>Finger</i> in V.T. Shalamov's "Kolyma Tales"(a Sources for the Dictionary of the Writer's Images Andsymbols)	753
<i>Slobodnyuk Ye.S.</i> (Magnitogorsk) — <i>Extraneous Word</i> in R. Kipling's Poetic Vocabulary: Dictionary Material	755
<i>Karpicheva N.L.</i> (Magnitogorsk) — Concept "Childhood" in V. Grossman's Novellas of the later Period (on the Anthology of Literary Concepts).....	760
<i>Kenko A.A.</i> (Magnitogorsk) — Concept "Russia" in Prose Narrative of V. Pyetsukh (on the Anthology of Literary Concepts)	764
<i>Kruty S.M.</i> (Magnitogorsk) — Ulitskaya's Artistic World in the Light of Concept "Childhood" (on the Anthology of Literary Concepts).....	770
<i>Mikhin A.N.</i> (Magnitogorsk) — Biblical Set Phrases With Components <i>чадо, сын, дети</i> and Their Fate in Literary Russian.....	775

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>Mokienko V.P.</i> (Germany, Greifswald) — L. P. Dyadechko. BEATING AROUND ADVERTISING BUSH. PHRASE FORMING DICTIONARY. – Kiev: Avanpost-prim Publishers, 2007. — 415 p.p.	780
<i>Chepasova A.M.</i> (Chelyabinsk) — OLD SLAVONIC PHRASEOLOGICAL DICTIONARY. Over 500 units / Magnitogorsk state university lexicographic research laboratory. Ed. by S. G. Shulezhkova. – M.: Flinta Nauka, 2011. — 424 p.p.	783
<i>Shiganova G.A.</i> (Chelyabinsk) V. F. Khaidarova. WORDS OF THE NET: ABRIDGED DICTIONARY OF THE INTERNET VOCABULARY. About 350 units / Ed. By S. G. Shulezhkova. – Magnitogorsk: MaSU, 2011. — 322 p.p.	785

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3(33). 2011

На 1-ой странице обложки: Башчанская плита (Bašćanska ploča). Дарственная грамота хорватского короля Звонимира. Рубеж XI–XII вв. Хорватская Академия наук и искусств (г. Загреб). 99,5×199×7,5–9 см; 800 кг.

На 4-ой странице обложки: Зографское евангелие (Codex Zographensis). Конец X — начало XI в. Л. 76 об. РНБ. Глаг. 1.

Сдано в набор 7.07.2011. Подписано в печать ???.2011.
Формат 70х100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 65,08. Уч.-изд. л. 63,4.
Бумага тип. №2. Тираж 500 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО «Аналитик». 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.